

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

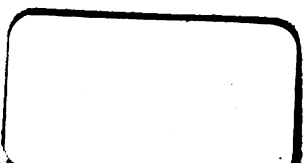
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

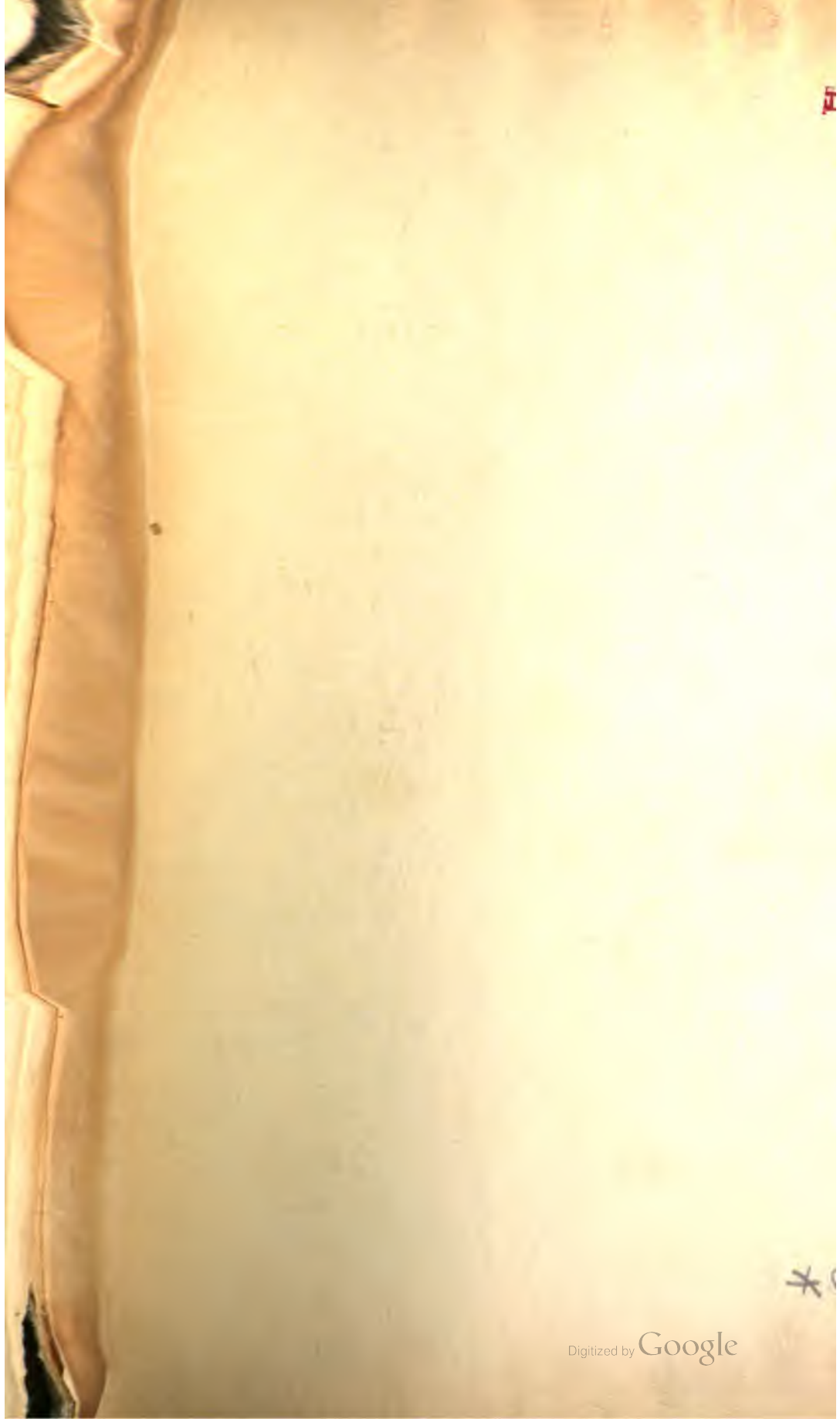
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05931864 6

MICROFILMED

Отдѣль 6

Дружескаго

Index

Ваніе 190

Томъ 949

Городскаго

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

М А Й.
1884 г.

Кіевъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1884 г.

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ. М. К.	1
II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. Д. Зварниціаго.	33
III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИФАХЪ. Ф. Мищенко	55
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. (Продолженіе).	77
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (Продолженіе). И. Левиціаго.	88
VI. ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ	117
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кievскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владимира. Кіевъ. 1884 г.—Т. Ф.—б) Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій очеркъ. Т. II. Краковъ. 1884 г.—Ц. Неймана.—в) Андриевскій Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и Одесса. 1884 г.—Ею-же.—г) Библиографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—П. Ефименка	123
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—С. Покохарева—б) Добавки и поправки постоянного читателя «Кievской Старины». —Н. Бьлозерскаго.—в) Присяга духовенства.—Н. Ефименка.—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—Ц. Неймана.—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестьянина Ивана Савченка.—е) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—В. О.—ж) Загадочное преданіе.—Е. Маковскаго—з) Изъ народныхъ устъ (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. Д. Т.	143
IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНЦА (1728—1753 г.). (Продолженіе) 33—48	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

Y2 AUG 23

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ~~VIII~~ IX

МАЙ.

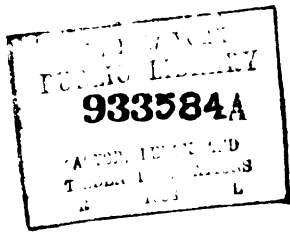
1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

З ФОНДІВ
В. Б. У.
ВІДПУЩЕНО

ЗБОЖИЩА
СВІДОЦТВО
ВІД СЗМІВІВ.

Дозволено цензурою. Київъ, 30-го апрѣля 1884 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА IX. 1883 г.

М а й, 1884 г.

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІА. К. М	1 ✓
II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. Д. Зварническаго.	33 ✓
III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИФѢХЪ. Ѳ. Мищенна	55 ✓
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. (Продолженіе).	77
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (Продолженіе). И. Левицкаго.	88 ✓
VI. ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ	117
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кievскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакцію Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г.—Т. Ф.—б) Кольбергъ, Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. П. Браковъ. 1884 г.—Ц. Неймана.—б) Андріевскій, М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—Емо-же.—в) Библиографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—П. Ефименка	123
VIII. ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—С. Пономарева—б) Добавки и поправки постоянного читателя «Кіевской Старинны». —Н. Блюгерскаго.—в) Присяга духовенства.—Н. Ефименка.—г) Малорусскій пѣсненикъ XVIII вѣка.—Ц. Неймана.—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестъ-	

- нина *Ивана Савченка*.—с) Ребяческая забава въ серасную мину-
ту.—*В. О.*—ж) Загадочное преданіе.—*Е. Маковского*—з) Изъ на-
родныхъ усть (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143
IX. ДВЕННИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48

ЮНЬ, 1884 г.

- I. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (*Продолженіе*). *Д. Эварницнаго* 177
II. СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ
Г. Ѳ. КВИТКИ. *Н. Ѳ. Сумцова*. 201
✓ III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА
АНАТОЛІЯ МАРТЫНОВСКАГО. Сообщ. *Н. Береза*. 210
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г.
(*Продолженіе*) 241
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта укра-
инскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (*Продолженіе*)). *И. Ле-
вицнаго* 267
✓ VI. СУДЬ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма
конца XVII ст.) съ предисловіемъ *Ц. Г. Неймана*. 286
✓ VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ
1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ *И. Лучицнаго*. 306
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) *Николай Костомаровъ*. *Богданъ Хмельницкій*.
Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и допол-
ненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—*В. А.*—б) *Записки*
Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII.
Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—*И. Л.*—в) *Каменецъ-*
Подольская гимназія—*В. И.*—г) О строящемся соборѣ во имя св.
Владимира въ Кіевѣ. *А. Беретти*. Кіевъ. 1884 г.—*А. К.* 315
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника *В. Л. Боро-*
виковскаго.—*И. Н. Божеянова*.—б) О митрополитѣ *Іосифѣ Си-*
машкѣ. (Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).—*Протоіерей*
Александра Мацкевича.—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ.
А. Андріевскимъ—г) Малоизвѣстный историческій родъ.—*П. Кити-*
чына.—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія.—*А. К.*—*Ста-*
ринные способы возвратить языкъ пѣмому и разсѣять ложные слухи.—
Сообщ. *П. Е-ко.*—е) Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій.—

	СТР.
<i>И. Орлова.</i> —ж) Еще пѣсня о попадѣ, не влюбившей бороды. Сообщ. <i>Г. С. Лебединецъ.</i> —Некрологъ.	327
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями <i>А. М. Лазаревскаго.</i> (Приложеніе)	49—46

Іюль, 1884 г.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІА. (<i>Продолженіе</i>). <i>К. М.</i>	359
II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Окончаніе</i>). <i>Д. И. Зварниціаго</i>	392
III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г)	423 ✓
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КАВКАЗЪ. <i>И. С—р—а</i>	467 ✓
V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРІЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. (<i>Продолженіе</i>)	485
VI. БИБЛИОГРАФІА: а) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.— <i>В. А.</i> —б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Комисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. <i>И. П. Новицкій.</i> — <i>О. Л.</i> —в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г.— <i>А. К.</i> —г) Андріевскій, Ал.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.— <i>Ц. Н.</i>	505
VII. ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжца конца XVIII ст. <i>Ц. Г. Неймана.</i> —б) Приглашеніе къ открытію унверситета св. Владиміра и правила поступленія въ оный.—Графа <i>Милорадовича.</i> —в) Еще о Боровиковскомъ.— <i>В. Горленка.</i> —г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. <i>Ал. Лашкевичъ.</i> —д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.— <i>А. Катрухина.</i> —е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. <i>П. Л—въ.</i> —ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. <i>А. Маркевичъ.</i> —з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. <i>А. Маркевичъ.</i> —і) Къ портрету Анны Ярославны	525
VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.	

Августъ, 1884 г.

- I СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). Ир. Житецкаго. 561
- II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. 580
- III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (*Продолженіе*). 609
- IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. О. И. Левицкаго. 627
- V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (*Продолженіе*). 655
- VI. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія — соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украины. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—*Д. Бамалля*.—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—В. А.—г) Темні мѣстца въ «Словѣ о Полѣку Игоревѣ». Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—*П. Голубовскаю*. 681
- VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. *П. Л—овъ*.—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—*К. Ц.*—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. *В. Ястребовъ*.—г) Загадочные портреты.—*Д. Сапожничкова*.—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива.—*К. Ц.*—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы п избраніи новаго гетмана).—Сообщ. графъ *Милорадовичъ* 715
- VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаю*. (Приложеніе) 65—80
- IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ.

I.

Необходимы біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. — Разскажъ о томъ, какъ и почему ѣздилъ онъ въ Подоліе.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, едва научившись читать и понимать прочитанное, я почувствовалъ страстное влеченіе къ путешествіямъ. Въ гимназій зачитывался Робинзономъ, приключеніями героевъ Майнъ-Рида и Жюля-Верна, и хотя и не сбѣжалъ изъ гимназій вслѣдствіе пристрастія къ этимъ авторамъ, и не былъ задержанъ въ ближайшей волости или становой квартирѣ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ вечеровъ мечталъ о краснокожихъ, о пустынныхъ островахъ, охотѣ на бизоновъ и каймановъ и, засыпая на разсвѣтѣ, давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе: когда буду *большимъ*, немедленно отправиться по меньшей мѣрѣ въ Америку, а то, если судьбѣ угодно будетъ въ то время подослать къ землѣ какую нибудь шальную комету, то конечно воспользоваться этимъ рѣдкимъ перевозочнымъ средствомъ для того, чтобы поближе познакомиться съ солнечной системой.

Но мечты мои такъ и оставались мечтами. Дѣлался я большимъ медленно и мало по малу скептицизмъ закрадывался въ душу: мечтать о кометѣ какъ-то сдѣлалось совѣстно, относительно краснокожихъ сталъ немного я подумывать о неудобствахъ свальшировки; что-же касается пустыннаго острова, то онъ мнѣ почему-то сталъ казаться скучнымъ. Наконецъ рѣшилъ я однажды, что въ моемъ возрастѣ (мнѣ было около 15 лѣтъ) стыдно заниматься сказками и принялся за чтеніе „*серьезныхъ*“ сочиненій: читалъ Араго, началъ, правда по выдержкамъ, знакомиться съ Ливингстономъ, прочиталъ Гумбольдта и др.

Мысли мои приняли новый оборотъ.—Нѣтъ, думалъ я, когда я буду „зрѣлымъ“ и „умнымъ“, т. е. когда досконально выучу всѣ необходимыя для моего дѣла науки, я долженъ сдѣлать нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Что именно я стану открывать, я конечно не зналъ, но полагалъ, что непременно открою нѣчто очень важное. Съ бѣшенствомъ бросился я дозубривать тонкости латинской грамматики, счастливо достигъ „зрѣлости“ и вступилъ въ храмъ науки, гдѣ годъ за годомъ метался изъ аудиторіи въ аудиторію, посѣщалъ лекціи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ, слушалъ много мудрыхъ рѣченій, но какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что слышанное мною мало подвигаетъ меня на пути открытій. И вновь одна мечта за другой стали улетать; я постепенно сдѣлался скромнѣе, сдержаннѣе въ своихъ желаніяхъ, готовъ былъ уже отказаться отъ открытія не только новой Америки, но даже новыхъ истоковъ Нила, благо открытія эти перехватили у меня злые люди, но совсѣмъ отказаться отъ надежды обезсмертить свое имя, подобно Ливингстону, Гумбольдту и другимъ великимъ путешественникамъ, у меня не хватало силы.—„Хоть-бы плюгавую какуюнибудь рѣченку оставили на мою долю“, думалъ я съ досадой, подводя итоги будущему путешествію, и, махнувъ рукой, побѣждалъ держать экзаменъ.

Экзамены къ счастью выдержалъ и дипломъ получилъ,—казалось-бы пора и въ путь, но тутъ явились два серьезныя препятствія. Во первыхъ, хотя я былъ уже давно зрѣлъ и только что признанъ умнымъ, какъ это значилось на двухъ лежавшихъ передо мною пергаментныхъ листахъ, я все таки сознавалъ, что знаю не то, что подобаетъ знать Ливингстону и Гумбольдту, и сильно сконфузился, а затѣмъ послалъ нѣсколько нелегкихъ пожеланій, разумѣется мысленно, жрецамъ науки, которые сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, кромѣ тѣхъ, какія были необходимы. Во вторыхъ-же, для того, чтобы начать путешествіе, не доставало мнѣ презрѣннаго металла, или по меньшей мѣрѣ кредитныхъ его знаковъ, которые, хотя нѣсколько уступаютъ въ цѣнѣ презрѣнному металлу, но, собранные въ значительномъ количествѣ, могутъ до нѣкоторой степени замѣнить его.

Сообразивъ послѣднее обстоятельство, я рѣшился отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени и отправился служить

въ банкѣ. Но сдѣлаться богатымъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ стать большимъ, зрѣлымъ и умнымъ: должность кассира въ банкѣ была занята и мнѣ не приходилось мечтать о ней—и слава Богу, подальше отъ соблазна; во всякомъ случаѣ я только издали видѣлъ текущіе рѣвкой кредитные знаки, на мою-же долю сочился до того ничтожный ручеекъ, что не оставалось никакой надежды на возможность собрать купь, необходимый для кругосвѣтнаго плаванія. По мѣрѣ того, какъ я терялъ надежду, сталъ я относиться къ самой мысли о путешествіи сначала какъ къ сантиментально-меланхолически, какъ къ несбыточнымъ грезамъ; увлеченію молодости; потомъ меланхолію замѣнило озлобленіе. — Бѣдѣ въ далекіе края, думалось мнѣ, ѣдутъ невѣжды,—чего они тамъ не видѣли, да съ чѣмъ возвращаются оттуда? Соберутъ справочныя цѣны по ресторанамъ, побывають раза два въ театрѣ, потолкаются по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, да посмотрятъ парижскихъ гризетокъ,— вотъ и все тутъ. Право ѣздить не зачѣмъ! Гораздо покойнѣе жить на Козьемъ болотѣ, да регулярно каждый день ходить въ банкъ, слѣдить за текущими счетами и отъ времени до времени смотрѣть серьезную русскую драмму въ городскомъ театрѣ, пользуясь царящимъ тамъ просторомъ, тишиной и отсутствіемъ презрѣнной толпы.

Такъ разсуждалъ я въ гордыни сердца и справедливо былъ за нее наказанъ судьбою.

Случилось нѣчто неожиданное: въ нашемъ банкѣ оказалась крупная растрата, при чемъ кассиръ исчезъ съ лица земли, а остальные служащіе были заподозрѣны въ пособничествѣ, укрывательствѣ, сообществѣ и пр. и пр. Поднялась возня, попреки, начались посѣщенія судебного слѣдователя; словомъ скандалъ. Въ результатѣ оказалось, что вышелъ вполне чистымъ изъ дѣла я одинъ, не потому, чтобы особенно превосходилъ всѣхъ остальныхъ чистотою побужденій, а просто потому, что должность моя была такого рода, что виновнымъ я и не могъ быть, даже при крайнемъ моемъ желаніи. Какъ бы то ни было,—я былъ чистъ.

Директоръ нашъ былъ человекъ строгій, но справедливый. Покаравши всѣхъ виновныхъ, онъ рѣшился вознаградить въ моемъ лицѣ добродѣтель и, призвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ мнѣ рѣчь примѣрно слѣдующаго содержанія. „Сердце мое умиляется при видѣ оказанной вами, молодой человекъ, добродѣтели. Среди окружа-

ющей насъ атмосферы хищенія вы сохранили невинность сердца, чистоту рукъ и кармана; такое феноменальное въ наше время явленіе не должно остаться безъ награды. Я могъ-бы наградить васъ назначеніемъ на высшее мѣсто, но не хочу этого дѣлать, дабы впредь не подвергать васъ искушенію и не лишать лучшаго въ мірѣ блага — чистоты совѣсти (въ тотъ же день мѣсто кассира занялъ его племянникъ), но пусть пакетъ этотъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что добродѣтель никогда не остается незамѣченною и вознагражденною“. При этомъ онъ вручилъ мнѣ запечатанное письмо, заключилъ торжественно въ свои объятія и затѣмъ вѣжливымъ жестомъ указалъ на дверь.

Въ пакетѣ я нашель: 1) записку, въ которой директоръ совѣтовалъ мнѣ небольшое путешествіе для отдыха и поправленія здоровья; 2) отпускъ на два мѣсяца и 3) чекъ на 500 рублей.

Подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной благодати куда дѣвался мой скептицизмъ. Бѣгомъ пустился я въ свою квартиру, что на Козьемъ болотѣ, по дорогѣ забѣжалъ въ нижнюю лавку и купилъ всѣ имѣвшіеся въ ней „Бедекеры“: рѣшено, я по волѣ начальства въ теченіи двухъ мѣсяцевъ буду путешествовать. Цѣлый день перелистывалъ я „Бедекеры“, но никакъ не могъ рѣшить, куда поѣду. Чѣмъ болѣе я вчитывался въ перечни вокзаловъ, гостинницъ, ресторановъ, театровъ, картинныхъ галлерей, красотъ природы и т. д., тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною хандра: чужіе края представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ галантерейнаго магазина, гдѣ лежитъ подъ этикетами много хорошенькихъ вещицъ, но всѣ эти вещицы до того обыденны и общеизвѣстны, что не только не представляютъ никакой прелести новизны, но уже давнымъ давно подлежатъ *pris fix'u*.

Къ вечеру мною овладѣло полное уныніе. „О, Господи, думалъ я, неужели мечта всей моей жизни—мыльный пузырь? Неужели ѣхать некуда и незачѣмъ? Неужели всѣ великія путешествія и открытія не болѣе, какъ созданіе праздной фантазии? Неужели?“... Но тутъ дверь моей комнаты открылась и вошелъ мой старшій товарищъ, Маринчукъ, подолянинъ, исходившій пѣшкомъ свой родной край, извѣстный оригиналъ и скептикъ, больше всего на свѣтѣ гордившійся своимъ подольскимъ происхожденіемъ. Я отъ всей души обрадовался ему, зная, что Маринчукъ всегда умѣлъ

найти выходъ, правда нѣсколько странный и неожиданный, но всегда почти удачный, изъ всякаго затруднительнаго положенія.

— Запелъ тебя поздравить, сказалъ Маринчукъ, закуривая папироску; слышалъ, братъ, осуществилась завѣтная мечта: ты отправляешься вояжировать.

— Да, отвѣтилъ я, нѣсколько смутившись, хочу ѣхать, но вотъ бѣда,—помоги совѣтомъ,—не знаю куда и зачѣмъ ѣхать. Все это—и я съ пренебреженіемъ указалъ на столъ, гдѣ лежала вся Европа въ лицѣ 12 „Бедекеровъ“—скучно, шаблонно, всѣмъ и каждому извѣстно; все это изображено въ безчисленныхъ олеографіяхъ, аквареляхъ, лито и фотографіяхъ на стѣнахъ чуть-ли не всѣхъ гостиницъ и пивныхъ, въ альбомахъ гимназистовъ и пансіонерокъ. Куда и зачѣмъ я поѣду смотрѣть все это?—Я трагически встряхнулъ головой и, почувствовавши себя почти Гамлетомъ, откинулся на спинку кресель.

— А ты, братъ, все по части открытій, замѣтилъ Маринчукъ, что-жъ, можно попробовать, авось и на твою долю достанется что нибудь невѣдомое.

— Да вѣдь время и деньги, находящіяся въ моемъ распоряженіи, не дозволяютъ мнѣ оставить Европу; а въ Европѣ нѣтъ абсолютно не то страны—деревушки не обследованной на всѣ лады, не занесенной въ статистическія таблицы, не истоптанной ногами туристовъ, не отмѣченной „Бедекеромъ“. Развѣ отправиться въ Исландію, что-ли?

— Зачѣмъ въ Исландію, можно и поближе. Выбери страну, куда во 1-хъ не ѣздить туристы, для которой во 2-хъ не составлень еще „Бедекеръ“ и въ 3-хъ, что всего важнѣе, которую самъ ты всего меньше знаешь. Въ такомъ случаѣ найдешь и свѣжесть впечатлѣній и открытія сдѣлаешь, конечно не абсолютныя, а относительныя, найдешь факты и свѣдѣнія, новыя для тебя и для многихъ другихъ, подобно тебѣ не обращавшихъ вниманія на избранную тобою страну...

— Такой страны нѣтъ въ Европѣ,—отвѣтилъ я съ большимъ апломбомъ; вѣдь я столько читалъ о разныхъ странахъ и знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ я только что повѣрилъ свои свѣдѣнія: Швейцарію и Италію, Парижъ и Лондонъ, Дрезденъ и Мюнхенъ и проч., и проч. я знаю какъ свой карманъ, — неужели

прикажешь лишній разъ провѣрить безъ нужды Бедекера? сказалъ я съ злобной улыбкой.

Пріятель съ минуту помолчалъ, напѣвая одну извѣстную малорусскую арію; это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался предложить неожиданный выходъ изъ затруднительнаго по видимому обстоятельства, поэтому я ждалъ съ большимъ интересомъ, боясь прервать его раздумье. Вотъ онъ медленно подымается со стула и произноситъ отрывисто: „Поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ Подоліе!“ и затѣмъ спокойно садится на свое мѣсто.

— Что!! вскричалъ я въ недоумѣніи, ты, братъ не шути! Это дѣло для меня весьма серьезно, развѣ въ Подоліе ѣздятъ туристы?

— Туристы не ѣздятъ—это разъ, „Бедекеръ“ для Подоліа еще не составленъ—это два. Что-же касается твоихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ—посмотримъ; а ну братъ, выложи чистосердечно весь запасъ географическихъ познаній.

Я нѣсколько обидѣлся: мнѣ показалось, что Маринчукъ улыбался.

— Кто-же изъ насъ не знаетъ Подоліа: Подольская губернія лежитъ по Днѣстру, главный городъ Каменецъ-Подольскій; вдоль губерніи пролегаетъ желѣзная дорога; на площади ея находится много сахарныхъ заводовъ, которыхъ траты учитываются въ банкѣ...

На этомъ я оборвалъ.

— Только? спросилъ спокойно пріятель и снова улыбнулся.

— Да это и все, горячился я, вѣдь больше о Подоліи и сказать нечего.—Тутъ въ головѣ невольно промелькнула мысль, что объ Эстремадурѣ или Новой Мексикѣ я могъ-бы сообщить гораздо больше подробностей, и я какъ-то конфузливо замолчалъ.

Собесѣдникъ мой продолжалъ улыбаться и какъ будто под-сказалъ мнѣ: да ты, братъ, считался когда-то въ нашемъ кружкѣ историкомъ; не окажутся-ли историческія твои свѣдѣнія о Подоліи богаче географическихъ? Начни-ка съ этого конца, авось запасъ окажется богаче.

Въ этомъ, конечно, я и самъ не сомнѣвался и началъ въ нѣсколько поучительномъ тонѣ: [на территоріи нынѣшняго Подоліа первоначально поселились Уличи и Тиверцы, затѣмъ въ удѣльное время... (я запнулся,—чортъ знаетъ, что это такое—не могу ничего подыскивать изъ удѣльнаго времени) ну, да впрочемъ это не важно, а вотъ впоследствии... (вотъ бѣда: оказалось, что и впоследствии я

ничего не знаю, а еще на выпускномъ экзаменѣ получилъ 5 по отечественной исторіи; оставалось только спастись общими мѣстами), ну да, впоследствии,—кончилъ я скороговоркою,—протрадавъ долго подъ польскимъ владычествомъ, Подоліе наконецъ воссоединилось съ Россією въ царствованіе Екатерины II. Я замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Bravo! вскричалъ Маринчукъ, послѣднее препятствіе устранено, значитъ мы ѣдемъ въ Подоліе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, братъ, что ты обрѣлъ наконецъ страну, о которой ровно ничего не знаешь, значитъ открытія будутъ на каждомъ шагу. Такъ по рукамъ!

— Однако, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, началъ я съ достоинствомъ: хотя я очень уважаю наши старыя товарищескія отношенія, но всему есть предѣлъ. Вы позволили себѣ...

Мой другъ покатился отъ смѣху.

— Такъ ты, братъ, сердисься, тѣмъ лучше: значитъ, я сказалъ истинную правду. Ну, успокойся, собирай пожитки, жду тебя завтра на вокзалѣ къ вечернему поѣзду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и удалился, отвѣсивъ церемонный поклонъ.

На другой день въ 7 часовъ вечера мы сидѣли въ вагонѣ Брестско-Кіевской желѣзной дороги и весело болтали. Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ прямого сообщенія въ Проскуровъ, дорожный мѣшокъ набитъ былъ трудами двухъ подольскихъ статистическихъ комитетовъ и всевозможными брошюрами и сочиненіями, касавшимися Подолія.

Въ Проскуровѣ обрывается вѣтвь желѣзной дороги и отсюда уже въ разныя стороны расходятся почтовые дороги.

Такъ какъ мой другъ обѣщалъ мнѣ много открытій географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ и всякихъ другихъ, а предпринимать открытія принято, начиная отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то мы и направились прежде всего въ столицу Подолія, всѣмъ извѣстный Каменецъ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій въ разныя стороны, съ цѣлью нѣсколько ознакомиться съ краемъ, который оказался для меня совсѣмъ невѣдомымъ, какъ вѣроятно и для большинства изъ моихъ читателей, съ которыми я поэтому и рѣшаюсь подѣлиться своими впечатлѣніями. Не буду они

сывать дорогу до Каменца и первая наши поѣздки,—впечатлѣнія отъ нихъ остались слишкомъ поверхностныя и отрывочныя, какія только можно получить, не выходя изъ экипажа;—сколько-нибудь обстоятельное знакомство съ краемъ началось только со времени поѣздки въ Смотричъ. Отсюда я и начну свой рассказъ.

II.

Рѣка Смотричъ.—Толтры.—Мѣстечко Смотричъ; его исторія.— Дорога въ Карачковцы. берега рѣки.—Истребленіе лѣсовъ.—Сокиль-гора.—Пещеры.—„Кірница“. Карачковцы.— Легенда о возникновеніи села.—Остатки старинны.—Наружность и характеръ жителей.— Изолированность подольскихъ поселеній.—Преданіе о Каменцѣ.—Еврейская лавочка.— Промыслы жителей.

Общимъ своимъ характеромъ Смотричъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ рѣкъ Подолья. Вода въ немъ сѣроватаго цвѣта, также какъ и въ Днѣстрѣ; такую окраску придаютъ этимъ рѣкамъ известковыя и сланцевыя горныя породы, среди которыхъ онѣ прорыли свои русла. Въ обыкновенное лѣтнее время Смотричъ, по крайней мѣрѣ въ среднемъ своемъ теченіи, неширокъ и довольно мелокъ, такъ что во многихъ мѣстахъ можно переходить въ бродъ. Но во время весеннихъ разливовъ, или послѣ сильныхъ дождей, уровень воды сразу подымается до весьма значительныхъ размѣровъ, иногда на нѣсколько аршинъ, благодаря тому, что маленькія горныя рѣчки и ручейки, впадающіе въ Смотричъ, весьма быстро приносятъ огромныя массы воды. Тогда рѣка принимаетъ довольно грозный видъ и катитъ свои густыя, переполненныя глиной и известью, волны съ ужасающей быстротой и шумомъ, который разносится на значительное разстояніе, усиливаясь и повторяясь эхомъ сосѣднихъ горъ. Дождевая вода также быстро спадаетъ, какъ и прибываетъ, оставляя послѣ себя толстый слой илу.—Таковъ характеръ всѣхъ рѣкъ въ гористой части Подолья, принадлежащихъ къ системѣ Днѣстра; къ этому можно еще прибавить, что всѣ онѣ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Смотричъ беретъ начало въ юго-восточной части проскуровскаго уѣзда среди болотъ, расположенныхъ между двумя горными горами. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ протекаетъ по мягкому черноземному пласту, затѣмъ русло его постепенно углубляется и,

начиная отъ мѣстечка Смотрича, рѣка обнажаетъ каменные породы.

Благодаря своему быстрому теченію, Смотричь прорылъ въ высокихъ известковыхъ скалахъ, въ нижнемъ своемъ теченіи, глубокую и узкую долину, на днѣ которой и протекаетъ его русло. Прорываясь сквозь скалы, рѣка чрезвычайно извилиста, берега представляютъ множество мысовъ и глубокихъ заливовъ, такъ что зачастую береговая линія тянется на цѣлыя десятки верстъ, между тѣмъ какъ перешеекъ, раздѣляющій два изгиба рѣки, иногда меньше версты въ ширину, но за то всегда представляетъ довольно значительную возвышенность. За исключеніемъ Каменца мы нигдѣ не видѣли моста на Смотричѣ, не видѣли также и паромовъ, представляющихъ обычный способъ переправы на Днѣстрѣ. Изъ средствъ воднаго сообщенія, или вѣрнѣе—переправы черезъ рѣку, намъ встрѣтились два: 1) небольшія плоскодонныя лодки весьма оригинальной и первобытной формы, сдѣланныя изъ досокъ, съ острымъ носомъ и тупой, ровной кормой; 2) тамъ, гдѣ существуютъ водяныя мельницы, рѣчка наискось перегораживается отъ одного берега до другого плотиною изъ хвороста и легкаго мѣстнаго камня, по которой ходятъ и ѣздятъ. Каждую весну плотину размываетъ водою, послѣ чего ее подчиняютъ ровно настолько, чтобы ее снова прорвало въ слѣдующемъ году.

Для жителя степной Украины долина Смотрича представляетъ картину, исполненную необычайной красоты: вдоль обоихъ береговъ рѣки сплошной стѣной тянутся горы, то покрытыя лѣсомъ, то усѣяныя грандіозными отвѣсными скалами, а внизу шумитъ и пѣнится по камнямъ рѣка, переливаясь то серебромъ, то сталью. Острыя вершины горъ и отдѣльно стоящія конусообразныя возвышенности называются въ народѣ „толтры“ (нельзя не видѣть въ этомъ названіи аналогіи съ карпатскими *Татрами*). Иныя „толтры“ покрыты лѣсомъ, другія, на которыхъ лѣсъ уже вырубленъ, поросли тощимъ дерномъ и усѣяны обнаженными скалами третичнаго известняка, различной величины и самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ; зачастую скалы идутъ рядами вокругъ горы, иногда они расположены группами, представляющими поразительное сходство то съ мегалитическими постройками, то съ развалинами замковъ и т. п.

При впадении рѣчки Яромирки въ Смотричъ, въ чрезвычайно живописномъ угольѣ, образуемомъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ, расположено мѣстечко Смотричъ.

Поселеніе это весьма древнее и было нѣкогда однимъ изъ трехъ важнѣйшихъ центровъ Подоля. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія этого поселенія, бывшаго въ древности городомъ; правдоподобно, онъ принадлежалъ къ галицкому понизью и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ общую судьбу галицко-подольскихъ городовъ послѣ татарскаго нашествія. Послѣ изгнанія татаръ Ольгердомъ, этотъ великій князь поручилъ управление Подоля своимъ племянникамъ, князьямъ Коріатовичамъ. Новымъ владѣльцамъ приглянулось мѣстоположеніе стараго Смотрича—скала, окруженная почти со всѣхъ сторонъ водою и опоясанная вѣнцомъ другихъ скалъ; они основали здѣсь столицу своего княжества и укрѣпили ее сильнымъ замкомъ.

Въ настоящее время отъ старины уцѣлѣли только земляные валы, составлявшіе часть укрѣпленій, и костель, принадлежавшій нѣкогда доминиканскому монастырю, основанному при Коріатовичахъ на мѣстѣ бывшаго прежде православнаго монастыря св. Богородицы. Князь Александръ Коріатовичъ выдалъ доминиканамъ въ 1375 году сохранившуюся понынѣ въ подлинникѣ подтвердительную грамоту на поземельныя владѣнія.

Въ началѣ XV вѣка вся подольская земля перешла въ пожизненное владѣніе Витовта, извѣстнаго защитника русскихъ интересовъ въ Подоля, куда уже въ то время стремится колонизація польской шляхты. Въ 1430 году, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, поляки, поселившіеся въ Подоля по инициативѣ пана Буцацкаго, который стоялъ во главѣ движенія, овладѣли Смотричемъ и другими замками, и вмѣстѣ съ большею частью Подоля обратили ихъ подъ свою юрисдикцію, отторгнувши изъ состава литовско-русскаго княжества.

Съ этого времени начинается ополяченье края, выразившееся прежде всего раздачей земель польскому дворянству. Что касается городовъ, то имъ, по принятому тогда обыкновенію, гарантировалось правительствомъ самоуправленіе привилегіями на магдебургское право. Въ числѣ другихъ городовъ и Смотричъ получилъ въ 1448 г. такую привилегію отъ Казимира Ягайловича.—Въ 1518 г. Сигиз-

мундъ I разрѣшилъ горожанамъ, въ видахъ большей ихъ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, въ то время часто опустошавшихъ подольскую землю, возстановить приходившій въ разрушеніе замокъ, при чемъ гарнизонъ должно было составлять само населеніе города. Для скорѣйшаго возстановленія замка Смотричъ освобождался на два года отъ уплаты всѣхъ налоговъ.

Политическія событія неизбѣжно должны были отразиться извѣстнымъ образомъ на населеніи края. Такъ напримѣръ въ промежутокъ съ 1570 по 1665 г., населеніе Смотрича уменьшилось на 50 душъ, т. е. почти на половину и было обложено различными повинностями по отношенію къ своему старостѣ: налогами, рабочими днями и т. д. Въ то же время мы видимъ изъ люстрацій, что главную часть населенія въ Смотричѣ составляютъ евреи, 163 души, занимавшіеся торговлей, винокурениемъ и другими промыслами. Съ такимъ характеромъ еврейскаго мѣстечка, гдѣ вся торговля и промышленность сосредоточилась въ рукахъ евреевъ, Смотричъ остался и нынѣ.

Положеніе города, очевидно, представляло значительныя выгоды для поселенія, потому что уже въ концѣ XVIII вѣка (1791) Смотричъ заключалъ 287 домовъ. Посреди города красовалось каменное зданіе ратуши съ часами; на горѣ, среди валовъ стараго замка, находился доминиканскій монастырь, основанный въ 1586 г., и двѣ церкви; черезъ обѣ рѣчки былъ построенъ большой деревянный мостъ. Населеніе состояло изъ слѣдующихъ составныхъ частей: евреевъ 169, католиковъ 108 и православныхъ 87; эти послѣдніе, кромѣ обыкновенныхъ городскихъ налоговъ, были обложены всевозможными повинностями и данями натурою въ пользу старосты. Вообще мѣстечко приносило дохода 35,000 злотыхъ въ годъ.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что они могутъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики положенія каждаго мѣстечка юго-западнаго края, представляющаго извѣстныя выгоды для населенія. Смотричъ и до настоящаго времени служитъ торговымъ центромъ на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности для тѣхъ-же самыхъ селъ, которыя составляли смотричское староство въ прошломъ столѣтіи.

Дорога изъ мѣстечка внизъ по теченію р. Смотрича въ ближайшее село Нарачевцы пролегаетъ по берегу рѣки, такъ что путе-

шественникъ все время можетъ любоваться красотами обоихъ береговъ. Какъ мы уже говорили выше, рѣка проложила себѣ русло въ очень глубокой долинѣ съ крутыми скалистыми берегами, лѣвый берегъ покрытъ чрезвычайно густымъ лѣсомъ, который тянется вдоль по горѣ и далеко за гору. Только изрѣдка, среди сплошной темной массы зелени, виднѣются на склонѣ горы дикія грандіозныя скалы известковыхъ породъ, очень эффектно выдѣляющіяся своими свѣтлыми контурами на однообразномъ темнозеленомъ фонѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ съ 1831 года принадлежитъ казнѣ и благодаря этому обстоятельству не истребленъ и тщательно охраняется лѣсничими вѣдомства государственныхъ имуществъ. Противуположный берегъ еще до недавняго времени былъ также покрытъ лѣсомъ, но отъ него теперь уцѣлѣли одни жалкіе остатки. Крестьяне, получивши надѣлъ на правомъ берегу, принуждены были расчистить и выкорчевать лѣсъ, при чемъ болѣе крутые склоны обращены подъ пастбища и сады, а болѣе пологіе подъ пахатныя поля. Результаты истребленія лѣсовъ уже сказываются самымъ печальнымъ образомъ: каждую весну вода вырываетъ новые глубокіе овраги по склону горы, гдѣ земля уже не сдерживается корнями деревьевъ. Слѣдствіемъ этого являются постоянные весьма значительные обвалы верхней почвы, а затѣмъ и лежащихъ подъ нею третичныхъ пластовъ, и обнажаются каменные породы, которыя залегаютъ подъ ними; такимъ образомъ овраги все болѣе и болѣе врѣзываются въ полевые участки и постепенно поглощаютъ ихъ.—Конечно, ряды громаднхъ, дикихъ скалъ самой причудливой формы удивительно граціозно разнообразяютъ пейзажъ, сообщая ему новыя красоты, но избытокъ такого украшенія береговъ угрожаетъ жителямъ серьезными затрудненіями въ будущемъ, когда весь культурный слой земли будетъ снесенъ въ долину, а на мѣстѣ пахатныхъ полей останутся только сплошныя массы камня или твердыхъ третичныхъ пластовъ. Еще лѣтъ семь назадъ жители совершенно свободно ходили по всему склону долины, поросшему дерномъ и лѣсомъ; въ настоящее же время, вслѣдствіе ежегодныхъ обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ едва можно пробираться узенькой тропинкой, цѣпляясь за скалы, изрѣдка поросшія тощими кустами терна и *дерена* (кизиль), а еще черезъ нѣсколько лѣтъ многія мѣста сдѣлаются и совсѣмъ неприступными, такъ какъ мѣстныя каменные породы, болшею частью различныя

породы известняковъ и сланцевъ, вывѣтриваясь чрезвычайно быстро, колются по вертикальному направленію.

Въ четырехъ верстахъ ниже м. Смотрича, на правомъ берегу рѣки возвышается очень крутая гора, поросшая лѣсомъ, называемая въ народѣ *Сокиль-гора*¹⁾. Можетъ быть это названіе [она получила вслѣдствіе своей высоты и крутизны, куда только соколъ можетъ залетѣть, или можетъ быть нѣкогда на этой горѣ и дѣйствительно гнѣздились соколы, дорого цѣнившіеся еще въ XV и XVI ст. въ качествѣ охотничьихъ птицъ, какъ это видно по литовскому статуту.

Прямо взбираться на *Сокиль-гору* очень трудно, а для насъ, степныхъ жителей, почти невозможно; для этого необходимы такая ловкость и привычка ходить по скаламъ, какими отличаются мѣстные жители. Намъ пришлось подняться на гору по болѣе отлогому склону въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Сокиль-горы* и уже оттуда подойти къ краю возвышенности. Въ половинѣ высоты горы въ отвѣсной скалѣ виднѣются два входа въ пещеру, обращенные на югъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ доступъ къ нимъ былъ возможенъ, но съ того времени скала у подножія входа обрушилась и теперь представляетъ совершенно отвѣсную стѣну. Смотри снизу, нельзя опредѣлить, принадлежатъ-ли оба отверстія двумъ пещерамъ, или это два выхода одной и той-же камеры.

Мѣстность здѣсь удивительно живописна. Гора, расположенная на другомъ берегу противъ *Сокиль-горы*, отличается огромнымъ количествомъ источниковъ, „*кирницъ*“ по мѣстному названію, впадающихъ въ Смотричъ. Проходя по лѣсу, въ ео всѣхъ сторонъ слышите тихое журчаніе, которое, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, производитъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго и волшебнаго. Въ такой обстановкѣ особенно становится понятно поклоненіе рощамъ и источникамъ въ языческія времена.

Въ горахъ Подолья, состоящихъ изъ разныхъ породъ плитняка, вездѣ замѣчается особенное обиліе источниковъ, иногда большихъ, проложившихъ себѣ широкое русло, иногда до того малыхъ, что вода по каплѣ сочится по камнямъ, такъ что ее даже нельзя собрать въ

¹⁾ Названіе довольно распространенное въ этой части Подолья. Въ каменецкомъ уѣздѣ намъ во многихъ мѣстахъ указывали *соколю* гору и всегда это была самая крутая и высокая среди окружающихъ горъ.

стаканъ. Есть два пласта въ этихъ горахъ, дающіе начало источникамъ: одинъ, болѣе богатый водою, лежитъ ближе къ подножію горъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ уровнемъ рѣкъ; другой встрѣчается только въ болѣе высокихъ горахъ и находится почти у самой вершины. Вода въ „криницяхъ“ отличается большой легкостью и такъ чиста и пріятна на вкусъ, что жители совсѣмъ не употребляютъ рѣчной воды. Случается, что мѣстные сибариты вѣсятъ воду изъ разныхъ „криницъ“ и ту, которая окажется самой легкой, употребляютъ предпочтительно передъ другими. Этотъ обычай сохранился отъ временъ вѣрнопостнаго права, когда помѣщикамъ за нѣсколько верстъ приносили воду для самовара.

Въ разстояніи около полуторы версты ниже *Сокиль-горы*, на лѣвомъ берегу рѣки, на широкомъ полуостровѣ съ очень узкимъ перешейкомъ, образуемымъ извилинами Смотрича, расположено село Карачковцы, утопающее въ садахъ, подобно всѣмъ подольскимъ селамъ. Положеніе села, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго рѣкой, весьма выгодно для поселенія и потому очень рано привлекло оно вниманіе древнихъ жителей Подоля. У мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что въ старину на мѣстѣ Карачковецъ былъ столичный городъ, въ которомъ жилъ князь; впоследствии городомъ овладѣлъ *Солодій Буньякъ* и разрушилъ его¹⁾. Несомнѣннымъ доказательствомъ большой древности поселенія служить: 1) городище, расположенное во всю ширину перешейка и защищавшее городъ съ единственной доступной стороны. Городище, отрѣзанное отъ прилегающей горы глубокимъ искусственнымъ ровомъ, состоитъ изъ высокаго землянаго вала, расположеннаго въ видѣ четырехъугольника съ поперечнымъ валомъ по срединѣ, отъчего получается три ряда укрѣпленій, одинъ надъ другимъ; 2) огромное количество кургановъ, расположенныхъ группами во всѣ стороны около села по

¹⁾ Можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что въ преданіи вспоминается половецкій ханъ Боньякъ, называемый въ летописи *шолудивымъ*, который около половины XII вѣка сильно разорялъ предѣлы южной Руси. Легенды о Боньякѣ сохранились повсемѣстно въ Подольѣ, при чемъ онъ является то козакомъ, то татаринномъ, который разрушаетъ города, а по другимъ вариантамъ укрѣпляетъ ихъ; ему приписываютъ сооруженіе сохранившихся во многихъ мѣстахъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Всѣ остальные памятники древности: курганы, пещеры и другіе, народъ относитъ ко времени польско-турецкихъ войнъ.

обоимъ берегамъ рѣки. На пространствѣ трехъ верстъ мы встрѣтили семь могильниковъ, въ которыхъ насчитываютъ до 400 кургановъ.

Но есть основаніе думать, что нынѣшніе Карачковцы были населеннымъ пунктомъ еще во времена самой глубокой древности, такъ какъ здѣсь находятъ въ значительномъ количествѣ орудія каменнаго вѣка, какъ отбивныя, такъ и полированные. Намъ самимъ удалось найти нѣсколько довольно интересныхъ экземпляровъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Карачковцы вмѣстѣ съ селомъ Цыковой образовали староство, которое описывается въ люстраціяхъ, какъ очень бѣдное и незначительное, не имѣвшее ни ярмарокъ, ни торгу, мало населенное и приносившее дохода отъ 6000 до 7400 золотыхъ.

Мы не знаемъ, какой доходъ могли-бы приносить Карачковцы въ настоящее время, но теперешнее населеніе повидимому очень захиточно. Каждый хозяинъ имѣетъ по крайней мѣрѣ пару лошадей, не говоря о коровахъ и овцахъ; лошади употребляются и для полевыхъ работъ, за то волы встрѣчаются въ очень маломъ количествѣ и не идутъ въ работу, такъ какъ они часто „разбиваются“ на крутыхъ горныхъ дорогахъ; ѣздить не иначе, какъ парой,—вообще во всемъ Подольи намъ ни разу не пришлось встрѣтить воза, запряженнаго въ одну лошадь, какъ то бываетъ на побережьи Днѣпра. Количество хлѣба здѣсь тоже въ значительной мѣрѣ превосходитъ въ этомъ отношеніи хозяйство нашихъ крестьянъ.

Богатство и разнообразіе природы, прекрасный горный воздухъ и другія благопріятныя условія жизни отразились какъ на характерѣ жителей, такъ и на самой ихъ наружности. Мы нигдѣ не встрѣчали такого красиваго, добраго и развитаго народа, какъ по берегамъ Смолрича, особенно въ Карачковцахъ. Здѣсь всѣ жители, не исключая и женщинъ, отличаются высокимъ ростомъ и стройностью стана, свойственной всемъ горцамъ, красотой и необыкновенной молодостью. На кого ни посмотришь—всѣ какъ на подборъ саженные молодцы, очень худощавые, но широкоплечіе и здоровые и чрезвычайно красивые. Намъ встрѣтились нѣсколько стариковъ лѣтъ шестидесяти и больше, и между ними ни одного сгорбленнаго; всѣ они держатся прямо, какъ молодые, и показываются гораздо моложе своихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ нашему проводнику было 65 лѣтъ, но на видъ ему можно было дать не болѣе 45,—держался онъ совер-

шенно прямо и ходить по горамъ ¹⁾ не хуже молодого, такъ что мы не могли за нимъ поспѣть. Говорятъ, что многіе доживаютъ здѣсь до ста лѣтъ и больше.

Богато одаренный физически, здѣшній народъ еще выше стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не приходилось намъ встрѣчать такого джентельменскаго отношенія къ людямъ, какъ въ здѣшнихъ крестьянахъ: къ кому ни обратитесь, въ каждомъ васъ поражаетъ необыкновенное благодушіе и довѣрчивость по отношенію даже къ пріѣзжимъ, чужимъ людямъ, соединенное съ природнымъ юморомъ, большой вѣжливостью и полной готовностью, чѣмъ можно, помочь и услужить пріѣзжимъ, но все это соединяется съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, безъ малѣйшаго униженія или стѣсненія. Видно, что даже продолжительное панское господство не могло искалѣчить нравственно этотъ богато одаренный народъ. Поговоривши съ любымъ изъ крестьянъ, можно только пожалѣть, что для нихъ почти никогда не открывался путь къ образованію.

Тутъ я позволю себѣ остановиться на одной особенноти, которая рѣзко бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю, — это, при единствѣ общаго типа подолянъ, огромное количество этническихъ разновидностей, находящееся въ зависимости отъ мѣстности. Кажется, причина тому лежитъ въ географическихъ условіяхъ края. Всѣ поселенія—города и села—располагаются главнымъ образомъ по теченію рѣкъ, въ глубокихъ долинахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой довольно высокими и крутыми горами, сильно затрудняющими сообщеніе между жителями разныхъ долинъ. Почти всѣ дороги проложены по берегамъ рѣкъ и всѣ сношенія ограничиваются узкимъ райономъ рѣчной долины. Поэтому жители извѣстнаго села прекрасно знаютъ всѣ села и мѣстечки, расположенныя въ ихъ долинѣ по теченію своей рѣчки отъ ея верховьевъ до устья, но въ тоже время имѣютъ весьма смутное представленіе о поселеніяхъ сосѣднихъ долинъ: 10—15 верстъ въ сторону отъ рѣки называется уже „дѣсь дуже далеко“. Этой изолированностью, кажется, и слѣдуетъ

¹⁾ Общепринятыя у насъ выраженія *лазить по горамъ, взбираться на горы* совершенно непримѣнны къ подольскимъ жителямъ, которые ходятъ по самымъ крутымъ обрывамъ, буда нашему брату и посмотрѣть страшно, также легко и свободно, какъ по равнинѣ.

объяснить такое разнообразіе типовъ, при которомъ опытный этнографъ съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, изъ какой долины происходитъ тотъ или другой крестьянинъ. Она-же объясняетъ намъ и отличительныя черты исторіи Подолья въ удѣльный періодъ—единственную пору, когда развитіе каждаго изъ русскихъ поселянъ укладывалось въ такія рамки, какія болѣе всего отвѣчали естественному характеру племени.

Затруднительность сообщенія между отдѣльными долинами послужила причиною тому, что здѣсь удивительно долго сохраняются историческія преданія во всей ихъ чистотѣ, между тѣмъ какъ у насъ, въ степной Украинѣ, гдѣ впечатлѣнія быстро смѣняются, не оставляя прочныхъ традицій, если извѣстное преданіе и сохранится въ народной памяти какихъ нибудь сто лѣтъ, то уже переходитъ къ потомкамъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что историку подчасъ невозможно бываетъ опредѣлить, какой фактъ послужилъ основой преданію. Для примѣра укажу на легенду объ основаніи Каменца, которую намъ удалось слышать изъ народныхъ устъ въ Карачковцахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно Каменецъ, какъ поселеніе, возникъ очень рано, но значеніе одного изъ укрѣпленныхъ центровъ древняго галицкаго княжества онъ получаетъ въ началѣ XIII в. при Данилѣ Романовичѣ, который, какъ извѣстно, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ наиболѣе важныя изъ существовавшихъ уже въ его время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Каменецъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ легенда.

„Жили собі два браты, вдовины сыны, панычи. Ни де имъ не можна було ся ужити,—де ся не оселять—скризь ихъ женуть. Одного ранку поихали вони на полювання, не взявши й хліба зъ дому. Издили цілий день, дуже ся вморили и выголодали, и ничего не зловили; вже надъ вечерь загнали лиса міжъ кам'яни скали у густий лисъ, шчо кругомъ его ричка тече. Тутъ вони й заночували. Другого дня вранци розгледили вдовиченки мисце, тай надумали, шчо порадъ булобъ тутъ збудовати городъ; а дали поихали до матери, тай їй кажуть, просять порады. А мати имъ одказуе, шчо буде вашъ городъ голодний, бо не взяли-сте хліба, якъ я вамъ вчора казала. Отже вони не послухали, збудовали великій городъ и тамъ ся оселили зъ матирью; а материно слово ся справдило—бувъ той городъ голодний, черезъ те й до сѣго часу усе такъ дорого у тому Каменци“.

Нельзя не узнать въ этомъ разсказѣ двухъ братьевъ Романовичей, устроителей галицко-волинскаго княженія, судьба которыхъ изображается въ преданіи совершенно вѣрно исторически, а между тѣмъ дѣло происходитъ почти за 6½ столѣтій. Кажется, мы не сдѣлаемъ ошибки, относя это преданіе къ личности Данила и Василька Романовичей, извѣстныхъ колонизаторовъ волинско-галицкой земли, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ лѣтописяхъ сохранился совершенно аналогичный разсказъ о постройкѣ этими князьями города Рая, сдѣлавшагося любимой лѣтней резиденціей и мѣстомъ охоты волинско-галицкихъ князей. Подробности однѣ и тѣ-же, только названія городовъ различны.

Населеніе всѣхъ подольскихъ селъ состоитъ изъ мѣстнаго священника, нѣсколькихъ сотъ крестьянъ православнаго и иногда католическаго вѣроисповѣданія и нѣсколькихъ семействъ евреевъ. Число послѣднихъ прямо пропорціонально богатству жителей и доходности ихъ занятій. Въ Карачковцахъ живетъ три еврейскія семьи. Одна, повидимому болѣе зажиточная, держитъ въ арендѣ водяную мельницу, на которой работаютъ крестьяне. Эта семья представляетъ собою мѣстную аристократію. Другая держитъ шинокъ, единственный въ селѣ. Это представители средняго сословія. Третья семья представляетъ собою еврейскій пролетаріатъ въ селѣ. Каждому, входящему въ маленькую комнатку, гдѣ живетъ цѣлая семья и гдѣ буквально повернуться нельзя, бросается въ глаза удивительная чистота и порядокъ: вещей много, но все на своемъ мѣстѣ; въ углу полочка съ книгами, по стѣнамъ священныя картины символическаго содержанія и заграничныя портреты знаменитыхъ раввиновъ. По всему видно, что здѣсь живутъ люди интеллигентные, выдавшіе лучшіе дни. Еврей и его жена занимаются мелочной торговлей и оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя эта лавка, помѣщающаяся въ двухъ-трехъ коробкахъ и содержащая все, что можетъ понадобиться не только крестьянамъ, но и сосѣднимъ лѣсничимъ, случайному путешественнику и вообще представителямъ болѣе привилегированнаго сословія. На печи картонка съ чистымъ товаромъ: иглками, нитками, лентами, наместомъ и т. п.; въ другой картонкѣ—табакъ разныхъ сортовъ, есть даже довольно хорошій, бумага и другія принадлежности; въ третьей—нѣсколько бумажныхъ платковъ и кусковъ самага дешеваго ситцу. Но настоящимъ музе-

емъ является ящикъ, стоящій подъ кроватью: чего только тутъ нѣтъ! Бутылка съ версиномъ, *оттрови сьрнички*, мыло, повсемѣстно входящее въ употребленіе, нѣсколько чашекъ, блюдецъ и стакановъ, гвозди и много другихъ предметовъ—всего не припомнишь. Однимъ словомъ эта микроскопическая лавочка представляетъ нѣчто въ родѣ торговаго микрокосма.

Хозяинъ съ грустью рассказываетъ о томъ, какъ еще недавно онъ жилъ въ городѣ и занимался хлѣбными подрядами, но прогорѣлъ, потерялъ все имущество и теперь принужденъ начинать сьизнова, кое какъ перебиваясь въ маломъ селѣ, гдѣ приходится продавать на грошъ спичекъ, на два гроша мыла и т. д. Этимъ путемъ онъ надѣется со временемъ на столько поправить свои обстоятельства, чтобы перейти въ большее село, а затѣмъ перенести свою дѣятельность въ мѣстечко и наконецъ можетъ быть снова возвратиться въ городъ. Остается только пожелать успѣха его энергіи и стойкости.

Впрочемъ и крестьяне въ Карачковцахъ занимаются промысломъ, матеріалъ для котораго доставляютъ имъ скальные обрывы окружающихъ горъ. Блуждая по *Сокиль-горъ*, мы наткнулись на каменоломню, изъ которой крестьяне извлекаютъ плиты бѣлаго известняка и, обтесывая ихъ съ крайнею осторожностью, изсѣкаютъ кресты, достигающіе иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Кресты эти покупаются въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ или „*фигуръ*“, которыми благочестивые жители западной Подоли украсили всѣ дороги своей области ¹⁾.

Впрочемъ, я уже слишкомъ долго остановился на милыхъ моему сердцу Карачковцахъ; пора извиниться передъ читателемъ и пригласить его, вооружась терпѣніемъ, продолжать прогулку.

¹⁾ Такое-же производство мы встрѣчали еще во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Каменцѣ, гдѣ изъ мѣстнаго известняка приготавлиются надгробные памятники, отличающіеся большимъ изяществомъ и красотой отдѣлки. Этотъ третичный известнякъ въ отдѣлкѣ очень красивый бѣлый камень съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, но въ короткое время совершенно темнѣетъ; сверхъ того онъ чрезвычайно быстро вывѣтривается, такъ что изображенія и надписи на памятникахъ въ короткое время подвергаются порчѣ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно сглаживаются. Камень этотъ, идущій и на постройки, имѣетъ еще одно приращеніе: во многихъ мѣстахъ, гдѣ обнажены известковыя породы, евреи закупаютъ

III.

Мѣстечко Черче; его исторія.—Нѣгинь.—Пещеры.—Легенда.—Растительность.—Дорога въ Гамецъ.—Привороття.—Земляныя насыпи.—Паневцы, замокъ; его исторія.—Академія и типографія.—Гробница Потоцкаго.—Турецкія и казацкія войны.—Устье; видъ села, Траяновъ валъ.—Колонизація и исторія Устья.

Спускаясь дальше по Смотричу, встрѣчаемъ верстахъ въ шести ниже Карачковецъ мѣстечко Черче, а въ очень близкомъ отъ него разстояніи къ югу—село Залучье и Нѣгинь.

Мѣстечко расположено въ очень живописномъ уголкѣ, окруженномъ высокими скалами. Въ старину Черче принадлежало къ имѣніямъ каменецкихъ епископовъ. Около половины XVI ст. было до чиста разорено татарами и въ 1578 г. снова возникло по инициативѣ епископа Мартына Бѣлобрежскаго, выхлопотавшаго у короля Стефана Баторія привилегію на магдебургское право и двѣ ярмарки въ году, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка мѣстечко поступило въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а въ 1795 г. подарено гетманшѣ Александрѣ Браницкой. Памятникомъ старины остался въ Черчѣ каменный костель, въ архивѣ котораго, какъ говорятъ, хранятся важныя рукописи.

Къ югу отъ Черча по лѣвому берегу рѣки начинается цѣлый рядъ пещеръ, которыя тянутся до Залучья и Нѣгина. Существуетъ въ народѣ преданіе, будто это одна пещера, весьма обширная, идущая подъ землей отъ Черча до Нѣгина и имѣющая нѣсколько выходовъ. Не знаю, насколько это вѣрно. Намъ удалось осмотрѣть только нѣгинскія пещеры, расположенныя въ слоѣ силурійскаго известняка, достигающемъ около восьми сажень въ толщину; ихъ три числомъ, всѣ онѣ совершенно самостоятельны и вовсе не соединяются между собою.

Двѣ изъ нихъ скорѣе можно назвать гротами и только третья

у помѣщиковъ на извѣстный срокъ цѣлыя горы, ломаютъ камень и пережигаютъ на известь. Такимъ образомъ уже исчезло значительное количество скалъ. Такъ напримѣръ въ м. Кривчикѣ сломана цѣлая гора, въ которой находились двѣ очень обширныя пещеры съ озеромъ и купальней въ одной изъ нихъ; теперь и слѣда отъ нихъ не осталось. Сохранилась только третья пещера въ противоположной горѣ, служившая повидимому жилищемъ для человѣка въ доисторическую пору, но она недоступна для изслѣдованія, такъ какъ входъ наглухо забитъ камнемъ.

представляется настоящей пещерой съ двумя выходами и множествомъ развѣтвленій. Въ настоящее время, вслѣдствіе частныхъ обваловъ съ одной стороны и наростанія сталактитовъ съ другой, внутренность пещеры представляется въ видѣ нѣсколькихъ развѣтвляющихся корридоровъ, очень узкихъ и до того низкихъ, что во многихъ мѣстахъ приходится пробираться ползкомъ, расчищая себѣ путь между свалившимися сверху камнями. Мѣстами попадаются камеры по нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, въ которыхъ свободно можно ходить; отъ нихъ идутъ радіусами новые корридоры и вообще пещера представляетъ столько рамификацій, что нѣтъ никакой возможности ориентироваться. Мы запаслись компасами, и то непременно заблудились-бы, если-бы по примѣру Тезея не взяли шнура въ видѣ предосторожности.

Дно пещеры покрыто довольно толстымъ слоемъ наносной земли, переполненной огромнымъ количествомъ звѣриныхъ и человѣческихъ костей. Послѣднія носятъ отпечатокъ различныхъ эпохъ; намъ попалось нѣсколько костей, которыя по своимъ анатомическимъ особенностямъ должны быть отнесены въ самой глубокой древности; другія ничѣмъ не разнятся отъ современнаго скелета. Очевидно здѣсь покоятся остатки цѣлаго ряда поколѣній, населявшихъ берега Смотрича. Подтверженіемъ тому служатъ находки какъ въ самой пещерѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ: здѣсь попадаютъ съ одной стороны каменные орудія неолитическаго періода и съ другой польскія монеты XVI и XVII вв.; одну изъ нихъ—полторака Сигизмунда III, 1623 г., намъ удалось найти на днѣ одной изъ извилинъ пещеры. По преданію нѣгинская пещера служила для окрестныхъ жителей мѣстомъ убѣжища во время татарскихъ набѣговъ. Рассказываютъ, что однажды въ селѣ праздновалась свадьба, какъ вдругъ налетѣли татары. Всѣ жители Нѣгина урылись въ пещеру, словно сквозь землю провалились; татары не смотря на всѣ старанія, не могли ихъ найти и принялись грабить хаты. Черезъ нѣсколько времени молодая „княгиня“ въ барвинковомъ вѣнѣѣ вышла изъ пещеры и тотчасъ была убита татарами. Такимъ образомъ убѣжище было открыто; хищники, не будучи въ состояніи проникнуть въ пещеру, завалили входъ деревомъ и зажгли, вслѣдствіе чего всѣ находившіеся тамъ погибли отъ дыму.

Этимъ объясняютъ присутствіе такой массы человѣческихъ костей на всемъ протяженіи подземныхъ корридоровъ.

Въ настоящее время, вѣроятно въ силу такой легенды, гротъ при началѣ пещеры обращенъ въ часовню, стѣны его нѣсколько подтесаны и входъ запирается дверью; селяне снесли сюда нѣсколько старыхъ иконъ и ежегодно, въ день св. Онуфрія, здѣсь служится молебень, при чемъ стекаются на богомолье жители окрестныхъ селъ. Въ остальное время года пещера посѣщается только пастухами, укрывающимися тутъ отъ непогоды, да туристами, которые довольно часто пріѣзжаютъ изъ Каменца.

Разсказываютъ, что барвинокъ, украшавшій голову молодой, растеть понинѣ вѣнкомъ вблизи пещеры. Мѣстный польскій поэтъ, Гославскій, воспользовался этой легендой для весьма художественной поэмы, въ которой указываетъ даже мѣсто, гдѣ была похоронена „молода княгиня“ и гдѣ на могилѣ росъ еще въ его время знаменитый барвинокъ. Этого барвинку ищутъ на память о нѣгинской пещерѣ всѣ туристы, знакомые съ поэмой, однако намъ не посчастливилось, не смотря на указанія родственника покойнаго поэта, найти ни малѣйшихъ слѣдовъ барвинка; вѣроятно онъ уже истребленъ прежними посѣтителями. Вмѣсто него въ указанномъ мѣстѣ намъ встрѣтилось нѣсколько кустовъ плюща, который въ большемъ количествѣ растеть по всему лѣсу, покрывающему нѣгинскую гору.

Разъ упомянувши о плющѣ, я позволю себѣ на минуту остановиться на подольской флорѣ. Я не ботаникъ и потому могу говорить только о такихъ особенностяхъ, которыя сами бросаются въ глаза при поверхностномъ наблюденіи.—Всѣ притоки Днѣстра текутъ самыми прихотливыми извилинами, вслѣдствіе того склоны ихъ долинъ обращены поочередно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ горизонта. Каждый склонъ имѣетъ свою преобладающую растительность: въ то время какъ на сѣверномъ и восточномъ преобладаетъ черный лѣсъ, чрезвычайно распространенный въ Подоліи и „чагарникъ“, растущій повсюду въ нашихъ мѣстахъ, южный и западный склоны покрыты растительностью, которая своимъ характеромъ нѣсколько напоминаетъ крымскую флору. Здѣсь встрѣчаются цѣлые лѣса изъ настоящаго крымскаго кизилу (въ Подоліи „деренъ“), который очень хорошо дозрѣваетъ, также какъ и различные

сорта винограду; лѣсной папоротникъ достигаетъ вышины, необыкновенной въ нашихъ мѣстахъ; сверхъ того мнѣ попались два сорта скальнаго папоротника, которыхъ не приходилось встрѣчать въ подлѣпровской Украинѣ. Также, какъ и въ Крыму, въ большомъ количествѣ растутъ въ лѣсахъ плющъ, разводимый у насъ, какъ комнатное растеніе, требующее большого ухода. Наконецъ здѣсь растутъ въ дикомъ видѣ нѣкоторые виды травъ и цвѣтовъ, встрѣчающіеся у насъ, какъ садовыя растенія.—Конечно, специалистъ замѣтилъ-бы несравненно большіе особенности, но вѣдь я не специалистъ въ области ботаники, также какъ большинство моихъ читателей.

Изъ памятниковъ старины въ Нѣгинѣ можно указать маленькую деревянную церковь, построенную въ прошломъ столѣтіи, какъ это значится въ надписи, вырѣзанной на церковныхъ дверяхъ. По преданію она выстроена семействомъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ Ляховецкихъ; впоследствии этотъ дворянскій родъ сильно размножился, обѣднѣлъ и въ настоящее время представители его приписаны въ крестьянство. Но и теперь члены его отличаются особеннымъ благочестіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ два каменные креста съ распятіемъ, окрашеннымъ въ яркозеленый цвѣтъ, поставленные ими на перекресткахъ въ селѣ.

Отъ Нѣгина до Каменца, опускаясь вдоль береговъ Смотрича, путешественникъ не встрѣтитъ уже ничего замѣчательнаго; поэтому лучше взять земскую почту и ближайшимъ путемъ отправиться въ Каменецъ. Дорога все время проходитъ среди чрезвычайно живописной мѣстности по равнинѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ рядами остроконечныхъ горъ съ скальными вершинами, большею частью покрытыхъ лѣсомъ; иногда попадаются *моштры*, едва поросшія травой и усѣянные обнаженными скалами. Вообще красивый видъ съ дороги на Привороття; самого села не видно, такъ какъ оно расположено въ глубокой долинѣ между двумя высокими *моштрами*, поросшими густымъ лѣсомъ. Обѣ горы сходятся основаніями. У подножья одной изъ нихъ въ разстояніи 2—3 версты отъ дороги, очень живописно обрисовывается силуэтъ небольшого замка съ зубчатой стѣной, башенками, бойницами; однимъ словомъ со всѣми атрибутами средневѣковой постройки. Обращаетесь за свѣдѣніями къ ямщику и узнаете, что это зданіе, построенное въ не-

давнее время мѣстнымъ помѣщикомъ, предназначалось для корчмы, которая въ немъ и помѣщалась нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь-же корчма не дѣйствуетъ по недостатку практики. Странная идея строить корчму въ видѣ замка, но издали выходитъ очень красиво, а Привороття и безъ того считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ уѣздѣ.—Впрочемъ я не берусь описывать красоты подольской природы, для этого нужно обладать тургеневскимъ талантомъ, который, разумѣется не у каждаго бываетъ. Пусть читатель самъ, если захочетъ, представитъ себѣ рядъ прекраснѣйшихъ картинъ, какія только можетъ создать его воображеніе, и онъ не далеко будетъ отъ истины: не даромъ вѣдь называютъ этотъ край Подольской Швейцаріей.—Для интересующихся исторіей и археологіей родного края можно отмѣтить еще одну подробность.

Въ районѣ Каменца, верстъ на 15—20 въ окружности, разсѣяны на поляхъ въ огромномъ количествѣ: земляныя батареи, городища и курганы, единичные и группами. По внѣшнему виду первыя принадлежатъ къ позднѣйшему времени; городища большею частью относятся ко времени польско-турецкихъ войнъ; что касается могилъ, то онѣ ядутъ еще своего изслѣдователя. Мѣстные археологи,—ихъ есть нѣсколько въ Каменцѣ,—могли-бы оказать большую услугу наукѣ, взявшись за изслѣдованіе кургановъ; до сихъ поръ они занимаются большею частью собираніемъ коллекцій изъ случайныхъ находокъ и время отъ времени отсылаютъ свои коллекціи въ краковскую академію.

Не берусь описывать самый Каменецъ; это потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста. Объ исторіи этого города, его памятникахъ и достопримѣчательностяхъ, о его фізіономіи и населеніи такъ много написано, что читающая публика, вѣроятно, имѣетъ уже ясное о немъ представленіе. Мои слова будутъ только бесполезнымъ и слабымъ повтореніемъ.

Подвигаясь на югъ отъ Каменца, по теченію Смотрича, мы встрѣчаемъ еще два интересные пункта: Паневцы и Устье.

Село Паневцы—верстахъ въ семи отъ Каменца, на полдорогѣ изъ этого послѣдняго въ с. Устье; оно расположено въ глубокой долинѣ на правомъ берегу Смотрича, на полуостровѣ, образованномъ глубокой извилиной рѣки. На противоположномъ берегу находится самый возвышенный пунктъ всего лѣваго берега Смотрича. Полуостровъ, на

которомъ помѣщается село, представляетъ тоже довольно значительную возвышенность съ обросшей лѣсомъ вершиной, постепенно опускающуюся къ рѣкѣ. Почти у самой вершины, на обрывистой скалѣ, висящей надъ берегомъ, очень рельефно обрисовываются развалины громаднаго стариннаго замка. Вблизи развалинъ два огромныя каменныя зданія, построенныя въ одно время съ замкомъ, многиѣ уцѣлѣвшія снаружи. Нѣсколько ниже расположена красивая помѣщичья усадьба, выстроенная въ новомъ вкусѣ; на средней террасѣ, на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ,—приходская церковь, а еще ниже, у самаго берега, ряды крестьянскихъ хатъ. Все это окружено обширными фруктовыми садами, украшающими и разнообразящими пейзажъ густой массой зелени. Благодаря своему необыкновенно живописному мѣстоположенію и близости къ городу, Паневцы являются самымъ любимымъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ каменецкихъ жителей.

Поселеніе это относится къ XVI в. Оно основано Николаемъ Потоцкимъ, генераломъ подольскимъ, получившимъ это мѣсто, по мнѣнію польскихъ историковъ, въ силу конституціи 1589 г. Получивъ пустое мѣсто въ малозаселенномъ краѣ, почти у самыхъ границъ Молдавіи, подверженное всѣмъ случайностямъ частыхъ татарскихъ набѣговъ, Потоцкій, по обычаямъ колонизаціоннымъ того времени, долженъ былъ зазывать поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, обѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ возникло село Верхніе Паневцы, получивши названіе отъ небольшого поселенія Нижнихъ Паневецъ, существовавшаго въ недалекомъ разстояніи еще съ начала XVI вѣка. Сынъ и наслѣдникъ Николая, Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, построилъ здѣсь въ 1590 г. крѣпкій замокъ, обнесенный земляными валами, на высокомъ обрывѣ надъ Смотричемъ. Въ скоромъ времени вокругъ замка образовалось довольно значительное мѣстечко съ предмѣстьями.

Будучи послѣдователемъ реформатскаго ученія, охватившаго съ XVI в. лучшіе умы между дворянствомъ югозападнаго края въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ соцініанства и кальвинизма, Янъ Потоцкій одновременно съ замкомъ построилъ въ Паневцахъ кальвинскую часовню и основалъ академію, въ которой преподавателями были извѣстнѣйшіе въ свое время ученые—еретики, какъ ихъ называли современники: между ними особеннымъ значеніемъ пользовался на-

стоятель общины, Янъ Зыгровичъ. Тутъ-же была основана типографія, въ которой этотъ ученый печаталъ свои труды полемическаго характера, направленные противъ католицизма.—Къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность не имѣла успѣха среди мѣстнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ православнаго крестьянства и католической шляхты; первые, будучи крѣпостными, не нуждались въ схоластическомъ образованіи, а послѣдніе, хотя и пользовавшіеся всѣми правами свободнаго сословія, слишкомъ фанатически держались за свой католицизмъ и предпочитали лучше оставить своихъ дѣтей совсѣмъ безъ образованія, чѣмъ отдать ихъ въ еретическую школу. Главный контингентъ воспитанниковъ академіи доставляли семейства мелкой шляхты и нѣмецкихъ пушкарей, находившихся въ прямой зависимости отъ Потоцкаго, какъ воеводы и помѣщика. Сверхъ того комплектъ пополнялся желающими изъ Великопольши и даже изъ заграницы. По обычаю того времени академія состояла изъ двухъ отдѣленій—высшаго и низшаго, разбиравшихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ, съ программой, общею всѣмъ современнымъ академіямъ.

Не долго просуществовали всѣ эти учрежденія. Янъ Потоцкій, принимавшій участіе въ московскомъ походѣ Сигизмунда III, погибъ при осадѣ Смоленска въ 1611 г.; тѣло его было перевезено въ Паневцы, похоронено въ склепу построенной имъ часовни и затѣмъ забыто потомствомъ. Лѣтъ 30 назадъ гробница Потоцкаго найдена была случайно садовникомъ, искавшимъ въ развалинахъ замка удобнаго зимняго помѣщенія для фруктовъ; найденныя въ гробѣ вещи взяты мѣстнымъ владѣльцемъ, кости покойнаго основателя Папевиць, защищавшаго мѣстечко какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ поселенія въ немъ іезуитовъ, зарыты подъ поломъ склепа, а самый склепъ обращенъ въ зимній складъ для яблокъ.

Со смертью Яна Потоцкаго погибло все его дѣло. За отсутвіемъ прямыхъ потомковъ, Паневцы получилъ по боковой линіи племянникъ покойнаго, Станиславъ Реверга Потоцкій, бывшій также кальвинистомъ, но впослѣдствіи вернувшійся къ ученію католической церкви. Новый владѣлецъ началъ съ того, что упразднилъ всѣ протестанскія учрежденія своего предшественника: часовня была закрыта, также какъ и академія, ученики и преподаватели разошлись по свѣту, а типографія перенесена ея начальникомъ въ

другое мѣсто. Зданія академіи и типографіи, по распоряженію наслѣдника, обращены въ саран, конюшни, загоны для скота и т. п. и, благодаря необыкновенной прочности постройки, до настоящаго времени исполняютъ это назначеніе.—Со времени новаго владѣльца начинается военная слава Паневецъ. Два раза мѣстечко подвергается осадѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ и оба раза успѣшно отражаетъ нападеніе. Первый разъ это случилось въ 1621 году, когда султанъ Османъ, послѣ безуспѣшнаго хотинскаго похода, задумалъ овладѣть хоть однимъ изъ подольскихъ замковъ, поставить въ немъ турецкій гарнизонъ и положить этимъ начало своему господству въ краѣ. Потерпѣвши неудачу подъ Каменцемъ, Османъ обратилъ вниманіе на Паневцы; осадилъ мѣстечко, но, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, принужденъ былъ оставить Подолію. Въ другой разъ Паневцы успѣшно выдержали осаду 50,000 турецкой арміи въ 1633 г., когда турки, нарушивши перемиріе, вторглись въ Подолію, но были отражены гетманомъ Конецпольскимъ.

Но во время турецкой войны 1651—52 г., въ которой Богданъ Хмельницкій помогалъ туркамъ, козацкій гетманъ, потерпѣвши вмѣстѣ съ ханомъ неудачу подъ Каменцемъ, направился къ Жванцу и по пути соединенное козацко-татарское войско овладѣло Паневцами и разрушило до основанія мѣстечко, но всѣ сооруженія Яна Потоцкаго уцѣлѣли почти безъ поврежденій. Польскіе источники, не упускающіе случая очернить въ глазахъ современниковъ и потомковъ дѣятельность козаковъ и ихъ предводителя, сообщая о взятіи Паневцевъ, рассказываютъ, будто Хмельницкій вошелъ въ соглашеніе съ начальникомъ гарнизона, Трилятковскимъ, обѣщая ему, въ награду за сдачу крѣпости, званіе полковника войска запорожскаго, но послѣ сдачи замка приказалъ будто-бы казнить коменданта за измѣну и вырѣзать весь гарнизонъ поголовно, а замокъ съ мѣстечкомъ отдалъ козакамъ на разграбленіе¹⁾.—Послѣ того мѣстечко пришло въ полный упадокъ, почти всѣ его жители разбѣжались и въ началѣ XVIII ст. въ немъ едва насчитывается нѣсколько семействъ. Когда улеглись козацкія волненія, оно снова возвратилось въ родъ Потоцкихъ, которому суждено было

¹⁾ Wójcicki 1. с. II. 165.

колонизовать Паневцы, и начало снова заселяться по стародавнимъ обычаямъ. На этотъ разъ колонизація идетъ менѣе успѣшно: Паневцы остаются въ видѣ трехъ сель, расположенныхъ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки, и никогда уже не достигаютъ значенія мѣстечка. На правой сторонѣ Смотрича, на полуостровѣ, гдѣ было первоначальное поселеніе, находятся такъ называемые *Старые* или *Мурованые* Паневцы; рядомъ съ ними къ югу—*Нижніе Паневцы* и на лѣвомъ берегу *Вышніе* или *Драчновка*.

Не смотря однако на относительную слабость колонизаціи, по визитѣ 1740 г., въ селѣ съ предмѣстьями числятся двѣ униатскія церкви и католическая часовня. Всѣ онѣ передѣланы изъ существовавшихъ здѣсь гораздо раньше православныхъ церквей. По мнѣнію мѣстныхъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи Подолія, въ старыхъ Паневцахъ существовала церковь съ первыхъ годовъ XVII ст. и съ теченіемъ времени нѣсколько разъ возобновлялась и перестраивалась.

Со времени послѣдней колонизаціи село, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, нѣсколько разъ перемѣнило владѣльца; въ 1765 г. оно перешло въ родъ Старжинскихъ, во владѣніи котораго пребываетъ и понынѣ.

Подъ часъ барской конфедераціи паневецкій замокъ на короткое время былъ въ рукахъ конфедератовъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ и, не смотря на это, все таки поражаетъ зрителя своею громадностью и необыкновенной прочностью и массивностью постройки; толщина стѣнъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того больше; онъ былъ построенъ съ нѣсколькими башнями, обширными подземными ходами и обведенъ землянымъ валомъ. Зданіе бывшей типографіи въ одинъ этажъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него—огромное двухъ-этажное зданіе академіи съ примыкающей къ нему часовней, поставленной на четырехъ-угольномъ фундаментѣ съ восьмиугольнымъ куполомъ. Обвѣсти постройки снаружи сохранились безъ малѣйшаго поврежденія, что объясняется прочностью кладки и толщиной стѣнъ, достигающею отъ 2 до 3 аршинъ.

• О послѣднихъ владѣльцахъ Паневецъ можно еще замѣтить, что одинъ изъ нихъ пользовался въ свое время извѣстностью, какъ поэтъ и *esprit fort*, другой оставилъ по себѣ память въ потомствѣ

тѣмъ, что путемъ постыднаго обмана отобралъ у мѣстнаго священника его усадьбу вмѣстѣ съ частью церковной земли.

Подвигаясь дальше на югъ по дорогѣ, ведущей въ Бессарабію, верстахъ въ 5—6 отъ Паневецъ встрѣчаемъ село Устья на лѣвомъ берегу Смотрича, при впаденіи этой рѣки въ Днѣстръ. Село расположено на продолговатомъ полуостровѣ, постепенно понижающемся и суживающемся къ концу,—на одномъ изъ многочисленныхъ полуострововъ, постоянно встрѣчающихся по теченію Смотрича, который въ нижнемъ своемъ теченіи становится особенно извилистымъ.

Грустный видъ представляетъ этотъ уголокъ съ его дикими скалами, едва покрытыми тощей растительностью и представляющими обнаженіе известковыхъ и песчанистыхъ пластовъ силурійской формациі. Скалы постепенно спускаются къ водѣ, переходятъ въ песчаный берегъ и здѣсь-то, въ самомъ углу между двумя рѣками, пріютилось гдебольшое, бѣдное село, представляющее таковой-же грустный, жалкій видъ, какъ и самый полуостровъ, на которомъ оно расположено. На скалѣ надъ селомъ возвышается маленькая деревянная церковь, постоянно недостроенная или подчиняющаяся; невдалекѣ отъ нея помѣщицкій домъ въ швейцарскомъ стилѣ, придающій еще болѣе унылый видъ картинѣ своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ бѣдными крестьянскими жилищами.

Таковъ видъ Устья съ подольской стороны. Со стороны Днѣстра картина нѣсколько разнообразится длинной узкой полосой земли—фруктовымъ садомъ; на берегу робко пріютились нѣсколько хатъ и борчма у самага перевоза, состоящаго изъ двухъ паромовъ. За то стоить подняться на вершину горы, на большую дорогу и отсюда, при поворотѣ дороги изъ Устья въ с. Свикловцы, лежащее на противоположномъ берегу Смотрича, открывается прекрасный видъ на окрестности.

Съ одной стороны—села: Козя и Свикловцы, расположенныя на двухъ полуостровахъ и раздѣленныя глубокимъ заливомъ, въ который врѣзывается длинный узкій мысъ, принадлежащій къ лѣвому берегу. Красивая, быстрая рѣка съ ея глубокими извилинами, съ высокими скалистыми берегами, въ свою очередь окруженными вѣнцемъ высокихъ горъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину, которая дооляется широкой серебристой полосой Днѣ-

стра на горизонтѣ. Говорятъ, что въ старину горы здѣсь были покрыты дремучими лѣсами, въ которыхъ водились разные звѣри; при повсемѣстномъ истребленіи лѣсовъ, отъ нихъ уцѣлѣли одни жалкіе остатки.

Съ другой стороны открывается не менѣ живописный видъ на бессарабскій берегъ. На поляхъ, принадлежащихъ Устью, на лѣвомъ берегу Днѣстра, по вершинѣ возвышенности, параллельной теченію Смотрича, тянется длинный земляной валъ, достигающій отъ семи до девяти сажень въ ширину и около сажени въ высоту, который спускается къ Днѣстру, переходитъ на другой берегъ и снова продолжается на бессарабской сторонѣ. Это часть такъ называемаго мѣстными книжниками *Траянова вала*, который тянется на нѣсколько сотъ верст; мѣстами валъ сильно распаханъ, иногда даже совсѣмъ исчезаетъ, но вскорѣ начинается снова, достигая въ иныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ размѣровъ.

На поляхъ на правой сторонѣ Смотрича, въ двухъ верстахъ отъ Устья находится небольшое круглое городище и нѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ носитъ названіе *Остановой могилы*. По преданію здѣсь похоронены христіане, погибшіе во время турецкихъ и татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть это и вѣрно для даннаго случая, но вообще нужно замѣтить, что народныя преданія относятъ всевозможные памятники старины, разсѣянные по всему Подолью, ко времени польскаго владычества и турецкихъ войнъ. Это заблужденіе раздѣляется въ большинствѣ случаевъ интеллигенціей, даже относительно такихъ археологическихъ памятниковъ, которые несомнѣнно принадлежатъ болѣе глубокой древности.

Документальныя свѣдѣнія объ Устьи, какъ заселенномъ пунктѣ, начинаются довольно рано—съ начала XV ст. Грамотою 1405 года король Владиславъ Ягайло отдалъ этотъ уголокъ во владѣніе шляхтичу Петру Качорску съ обязательствомъ доставлять трехъ вооруженныхъ воиновъ въ подольскую пограничную стражу. Источники умалчиваютъ о томъ, было-ли Устье уже заселено, или его колонизація началась съ этого времени. Переходя изъ рукъ въ руки и перемѣнивши нѣсколько владѣльцевъ, село въ 1599 г. перешло въ родъ Могилъ, бывшихъ господарей Волошскихъ, вынужденныхъ политическими обстоятельствами оставить свою родную землю.

Въ продолженіе всего XVII ст. судьба Устья была весьма печальна, благодаря его положенію на самой границѣ съ турецкими владѣніями, надъ однимъ изъ семи днѣстровскихъ бродовъ, существующихъ и понынѣ. Почти противъ Устья пролегалъ по правому берегу Днѣстра одинъ изъ такъ называемыхъ „*турецкихъ шляховъ*“, т. е. путей, по которымъ производили свои набѣги на Подолію и Галичину отряды турокъ и орды бѣлгородскихъ татаръ. Прежде другихъ, конечно, приходилось терпѣть отъ такихъ набѣговъ жителямъ пограничныхъ селъ, лишенныхъ защиты, такъ какъ Рѣчь Посполитая не имѣла достаточно силъ, чтобы охранять свои предѣлы, и войско ея или храбро сидѣло по домамъ, или не менѣе храбро слѣдовало за непріателемъ на почтительномъ разстояніи. Случалось впрочемъ, что, пропустивъ татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, отряды войска или-же вольныя дружины изъ мѣстной шляхты устраивали засады на тѣхъ дорогахъ, по которымъ должны были возвращаться хищники, обремененные плѣнниками и добычей. Польская засада нападала на нихъ въ расплохъ и захватывала въ свою пользу награбленную татарами добычу;—это называли защитой края. Польскіе историки называютъ такіа стычки, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія цѣлью грабежъ готовой добычи подъ благовиднымъ предлогомъ, геройскими подвигами, возвращавшими краю хоть часть того добра, какое непріатель такъ часто уносилъ изъ беззащитныхъ предѣловъ Подоліи. Съ своей стороны и правительство не оставляло безъ награды героевъ имѣніями или доходными должностями.

Около 1630 г., такой защитникъ появился и въ Устьи въ лицѣ простаго шляхтича, Стефана Хмѣлецкаго, который неоднократно нападалъ съ отрядомъ милиціи на возвращавшихся татаръ и отбивалъ у нихъ добычу. Однажды ему удалось захватить нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, въ числѣ ихъ сына и племянника знаменитаго буджацкаго мурзы Кантемира; первый былъ выставленъ на показъ въ Устьи и затѣмъ обезглавленъ. За такіе рыцарскіе подвиги Хмѣлецкій получилъ во владѣніе мѣстечко Красное и сверхъ того награжденъ званіемъ воеводы и сенатора.

Не задолго до взятія Каменца турками Устье, лишенное всякой защиты, пришло въ полный упадокъ и почти совсѣмъ опустѣло: большинство жителей разбѣжалось, остались только немногіе дер-

жавшіе перевозъ, да тѣ, которые согласились потурчиться. Тогда Устье было обращено турками въ перевозочный пунктъ, черезъ который они переправляли подкрѣпленія и припасы въ Каменецъ. Не будучи въ состояніи возратить себѣ столицу Подоліи, поляки расположились нѣсколькими отрядами вдоль границы, между Окопами св. Троицы и Устьемъ и отсюда вели съ турками мелкую партизанскую войну, при чемъ главною цѣлью является опять таки захватъ добычи. Наибольше удачное столкновение случилось около 1694 г., когда поляки, подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ, напали на турецкій отрядъ съ подкрѣпленіемъ и обозомъ, во время его переправы черезъ Днѣстръ подъ Устьемъ, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали нѣкоторое время. "Съ наступленіемъ ночи они прекратили погоню, чѣмъ и дали возможность туркамъ уйти. На другое утро, когда непріятеля и слѣдъ простылъ, поляки снова бросились за нимъ въ погоню, но верстахъ въ шести отъ Устья наткнулись на брошенный турками обозъ и, овладѣвъ имъ, прекратили преслѣдованіе.

Польскіе историки на всѣ лады прославляютъ этотъ походъ, въ которомъ ихъ соотечественникамъ удалось захватить миллионную добычу и въ которомъ они, сами испугавшись случайнаго перевѣса надъ непріателемъ, во время остановились на ночлегъ. При этомъ они, сверхъ обыкновенія, умалчиваютъ о количествѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ турокъ; вѣроятно ихъ не было.

Съ прекращеніемъ турецкихъ войнъ въ XVIII ст. наступило болѣе спокойное время для пограничныхъ селъ и они начали мало по-малу оправляться. Мало по-малу заселится и Устье и снова начинаетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому.

К. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежитъ,
Ковилемъ-травой
Растизлается!
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась ¹⁾).

.... Витерь віе—повивае,
По полю гулае,
На могилы кобзарь сидять
Та на кобан грае...
Кругомъ ёго степь, якъ море
Широке, синее;
За могилою могила,
А тамъ только мріе ²⁾).

... Иду шляхомъ; сонце сла,
Витерь съ травами говоре,
Передъ мною и за мною
Степь колышетца, якъ море.
А затихне витерь буйный,—
Степь, мовъ каминь, не двигнетца
И, якъ вилномъ багатимъ,
Ввесь квітками уберетца.
Онъ нагнулась тирса біла,
Звиробой скрутивъ стебельци,
Червоніе материнка,
Якъ зирки горять козельци;
Крикнувъ перенелъ въ ярчку,
Стрепетъ приснувъ надъ тернами,
По вуцахъ миждъ дерезою
Ходють дроквы табунами.
Тихо всюдъ; тьлько де-де
Витерочокъ пронесетца
Та на землю изъ-пидъ неба
Писня жайворонка льетца ³⁾).

«Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣвернаго-Донца, по сознанию всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, её посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; бо-

¹⁾ Кольцовъ. Собраніе стихотвореній. Издан. Солдатенкова. М. 1868. стр. 24.

²⁾ Шевченко. Кобзарь. Спб. 1883 г., стр. 5.

³⁾ Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 53.

гатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣнаетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благопріятственный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее «колыбелью послѣ потопа»¹⁾. »То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копѣ. Травы были такъ высоки, что огромные воли скрывались въ нихъ почти по самыя рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіеся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, допавшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца и Ржончинскій зналъ одного пасѣчника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собираетъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній»²⁾. »И бысть намъ сіе путное шествіе печально и уны-

¹⁾ Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842 г., стр. 4.

²⁾ Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси, Вѣстникъ Европы, 1874 г., III, II.

лво, бѣше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякого много; сады, что дивїй лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится*¹⁾.

Такова была природа Малороссїи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссїя, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнїя. »Славное войско запорожское низовое«²⁾ занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже исповни вѣковъ носились »киммерїйскіе мраки«, волновались »скинскїя тѣни«, сгущались »половецкіе туманы«, осаживалась »татарская мгла«³⁾ и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенныя, кровопролитныя боевыя схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полу-осѣдыми. Тутъ были уже за XII вѣковъ до Р. Х. киммерїяне-тавры; за VIII вѣковъ—іоняне-греки; за VII вв.—каллипиды, кочующіе и царскіе скины, земледѣльцы, пахари и алазоны (въ теперешнихъ уѣздахъ: александровскомъ, ново-московскомъ и отчасти павлоградскомъ, екатеринославской губерніи); за сто лѣтъ до Р. Х.—геты или даки; во II вѣкѣ по Р. Х.—сарматы: роксолане, северы, азане (въ тѣхъ-же уѣздахъ); къ концу того-же вѣка—готы (собственно остъ-готы); въ IV вѣкѣ—гунны или гуннивары (по китайски гюнь-гю); въ половинѣ V вѣка—венеты или анты (славянскїя племена); въ концѣ того-же вѣка—угры и болгары; въ VI в. авары или обры; въ IX вѣкѣ—русскіе словяне (главнымъ образомъ поляне); въ концѣ этого-же вѣка—казары или хазары; въ X вѣкѣ—печенѣги (у нѣмцевъ—печенаты, у грековъ—падикаситы, у венгерцевъ—бессы, бессены) и между ними торки или узы, берендеи или черныя клобуки (кара-колпаки); въ XI вѣкѣ—половцы или куманы (иначе саркаты) и, наконецъ, въ XIII вѣкѣ—татары. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по теперешнему опредѣляется двумя губерніями: екатеринославскою и херсонскою, за исключенїемъ въ этой по-

¹⁾ Путешествїе въ святую землю свящ. Іоанна Лукьянова. Москва. 1862. 16.

слѣдней уѣздовъ ананьевскаго и тираспольскаго и градоначальства одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у московитовъ Заднѣпровскою Украиною, а у поляковъ—Низомъ или Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности—по преимуществу степной. Много оригинальности, своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ теперь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Онѣ представляли собой безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, многоводными рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими балками или долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ¹⁾; тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы выступаютъ изъ за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей или живописно изливается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высатся небольшіе пригорки, холмятся курганы или могилы (tumuli), «звучащія игрой труда и жизни человѣка»; а тамъ, у текущихъ водъ, чернѣютъ дремучіе, дѣвственные густолиственные лѣса. Все это чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безрайной, неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыть о самомъ себѣ и любоваться лишь одними красотою природы. «Широко ты, степь, пораскинулась!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря степей, въ былыя времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраинамъ, изъ за густой «тирсы» и желтаго «бурунчука» повазывался здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимолетный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка-же изъ за высокаго «буркуна» и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля повазывалась «чумацкая шапка та довгий батигъ»... Да, это была своего рода terra incognita—невѣдомая земля, это было своего рода *bonum nullius*—ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣстѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ

¹⁾ Оврагъ—это длинная долина съ крутыми берегами, въ которой снѣговья и дождевыя воды держатся не на поверхности, а уходятъ подъ почву, а ключевая вода совсѣмъ не просасывается. Някифоровъ. Очерки александр. уѣзда, херсонской губерніи. 1876 г., ч. I, стр. 2.

новыхъ и двухъ старыхъ, отгѣчныхъ шляховъ. То были: Батуриинскій, Изюмскій и Калміусскій шляхи, и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ¹⁾. Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ онѣ были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграничный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ на сторожѣ, ибо въ каждой балѣ, подъ каждымъ яворомъ или чернокленомъ, подобно черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его, если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Таковы были тѣ степи, которыя достались въ удѣлъ запорожскимъ казакамъ. Границы ихъ, хотя и не ясно, начали обозначаться уже со времени польскихъ королей Казимира IV (1447—1492) и Сигизмунда перваго (1505—1548). »Въ оныя времена (въ 1471 году, во время Казимира IV) казаки жили на островахъ, Днѣпромъ окруженныхъ, и были настоящіе морскіе наѣзтники... А въ самомъ началѣ XVI ст. (при королѣ Сигизмундѣ первомъ) Дашкевичъ (запорожскій атаманъ) вооружился съ казаками противъ татаръ и нападающихъ на границы украинскія жестоко поражалъ и съ добычами изъ Польши и Россіи бѣгающихъ ловилъ, и въ учрежден-

¹⁾ Русовъ. Русскіе тракты, карта. Кіевъ. 1876 г., стр. 121. Шляхъ Черный шель изъ правобережной Украины въ Крымъ, по водораздѣламъ между бассейнами Буга и Днѣпра: начинаясь на Волыни, онъ доходилъ до г. Уманя, кievской губерніи, отсюда шель до Балты къ Ольвіополю и до Никитинской переправы на Днѣпрѣ. Онъ назывался Чернымъ по причинѣ опасностей, случавшихся съ ѣздными по немъ, и Шпаковымъ, по имени чумацкаго атамана Шпака, умѣвшаго благополучно водить по немъ разныя валки. Муравскій шляхъ шель по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ: начинаясь отъ верховьевъ р. Ворсклы, онъ тянулся по рр. Орели, Самарѣ и Бонкѣ, т. е. шель изъ глубины Малороссіи въ восточныя степи Запорожья и отсюда въ крымскія владѣнія. Онъ могъ получить свое названіе или отъ имени травы муравы, или же отъ имени горы Моравска (онъ же Монастыревскій), извѣстнаго уже въ XII ст., къ которому онъ шель чрезъ р. Сѣверный Донецъ. Каравзинъ. Истор. государ. Россійск. Спб. 1818 г., т. II, стр. 290.

ныя мѣста ихъ отсылалъ; за что, въ 1505 году, въ награжденіе той службы козацей, испросилъ отъ короля польскаго, Жигимунда перваго, земли въ кievскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, для пространнѣйшаго поселенія сихъ воиновъ... При дачѣ имъ земли, одарилъ ихъ вольностями и разными преимуществами, и на то привилегією своею подтвердилъ¹⁾. Въ 1516 году тотъ-же польскій король, Сигизмундъ первый, но только при другомъ казацкомъ гетманѣ, Предславѣ Лянцкоронскомъ, »за услугу казацкую далъ въ прибавокъ имъ (казакамъ) къ прежней, по Днѣпру-жъ на обон стороны и ниже до пороговъ землю, на которую тѣ казаки, кои тамъ промыслятъ хотѣли, переходили и на то даннымъ отъ короля универсаломъ подтверждено, и наименованы они обонихъ сторонъ рѣки Днѣпра всѣ вообще запорожскими казаками²⁾. Считаая себя народомъ вольнымъ, наклоннымъ болѣе къ казакованью, нежели къ хлопской работѣ, избѣгая столкновеній съ поляками, запорожцы все далѣе уходили въ пустыя и нежилыя мѣста и въ степи³⁾. Но такъ было до 1562 года: въ 1562 году польская республика, нуждаась въ запорожцахъ для охраненія своихъ границъ; постаралась привлечь многихъ изъ нихъ изъ-за Днѣпра, съ понизовыхъ мѣстъ, торжественнымъ образомъ приняла ихъ подъ свое покровительство, обязалась выдавать имъ опредѣленное жалованье и отдала для ихъ жительства все пространство земель между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ къ татарскимъ границамъ, »кои были безъ нихъ опустошены татарскими нападеніями, дабы они тамъ поселились городомъ, въ которомъ-бы имъ собираться всѣмъ обще⁴⁾. Привилегія 1562 года подтверждена привилегіей и 1569-го, когда на польскомъ престолѣ былъ король Сигизмундъ-Августъ, сынъ Сигизмунда перваго.

Впрочемъ во всѣхъ этихъ королевскихъ привилегіяхъ мы не имѣемъ еще опредѣленныхъ указаній на счетъ границъ запорож-

¹⁾ Ригельманъ. Лѣт. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847, стр. 12, 14 и 15. Симоновскій. Краткое описаніе о казац. малор. нар. Москва, 1847 года, стр. 3 и 4.

²⁾ Ibid., стр. 16 и 17.

³⁾ Ibid., стр. 19; Миллеръ. Кратк. вып. о малор. нар. и о ваз. Москва, 1846. 50.

⁴⁾ Ibid., стр. 21 и 22.

свихъ поселеній;—опредѣленность границъ мы находимъ лишь въ 1576 году ¹⁾, въ царствованіе короля Стефана Баторія. »Надаетъ его королевская мосьца, говоритъ грамота 20 августа, казакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтеміровъ ²⁾ съ монастыремъ и перевозомъ, опручь складоваго стариннаго ихъ запорожскаго города Чигирна и до пороговъ ³⁾ и отъ того города Терехтемірова *на нызъ* по-надъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и запорожскихъ степовъ къ землямъ чигринскимъ подойшлыхъ, всѣ со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и фоторами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угоди, а *вширь* отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ, сель и фоторовъ земли здавна находили и теперъ такъ ся тое въ ихъ завѣданіи маеть заховати. Городокъ старинный же запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями *въ юру* Днѣпра по рѣчку Орель, а *внызъ* до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, на десять миль ⁴⁾; а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бывало, по очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Сянюху. Отъ самарскихъ-же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали, и жебы тое все непогрушно въ вѣки при козакахъ запорожскихъ находвалось, его королевская мосьца грамотою своею козакамъ запорожскимъ утвердилъ и увѣрилъ ⁵⁾.

Такъ опредѣлились границы запорожскихъ владѣній при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ большой удѣлъ, по теперешнему вся Новороссія, кромѣ ногайской и крымской ея частей, въ общемъ удерживался и въ послѣдующее время—запорожцами. »Разсуждая, воль полезны имъ сіи козаки..., польскіе короли наградили ихъ преимуществами и позволили имъ разпространяться вверхъ по

¹⁾ По князю Мышецкому въ 1580. Ист. о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 4.

²⁾ Теперь это мѣстечко Талтамировка, кievской губерніи, черкаскаго уѣзда.

³⁾ Слова: »и до пороговъ« добавлены изъ Ригельмана. Лѣт. пов., ч. I стр. 25.

⁴⁾ Слова: »на десять миль« — добавлены изъ Ригельмана, Лѣт. повѣств. ч. I, стр. 25.

⁵⁾ Скальковскій. Ист. нов. Сѣчи, Одесса, 1846 г., ч. I, стр. 30.

Днѣпру отъ Сѣчи даже до Трехтемирова. Съ того времени гетманы запорожскіе съ большею частію народа возлюбили жить въ городахъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ, въ Черкасахъ, въ Трехтемировѣ, въ Чигиринѣ и приходящею отовсюду вольницею обоюга пола населяли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра пустыя мѣста городами и деревнями¹⁾. Самъ Богданъ Хмельницкій, по просьбѣ кошеваго атамана Демьяна Барабаша, относительно границъ запорожскихъ казаковъ, дѣлаетъ лишь то, что универсаломъ, даннымъ въ 1655 году, 15 генваря въ Бѣлой-церкви, утверждаетъ грамоту короля Стефана Баторія.

Граница запорожскихъ владѣній измѣнилась лишь съ 1705 года, когда постановлена была, у рѣки Буга, »межевая запись«, заключенная между Россіей и Турціей и учиненная русскимъ посланцемъ Емельяномъ Украинцевымъ и турецкимъ пашею Кочъ-Мегметомъ. Тогда владѣнія запорожскихъ казаковъ опредѣлялись такъ: »Початокъ границы отъ польскихъ концевъ внизъ р. Бугомъ до р. Ташлыка (Чернаго), которая по турецки называется Великой-Конаръ, отъ Великаго-Конара, идучи полемъ поперекъ рѣки Мертвовъ (Мертвыя-воды), а перешедъ Мертвовъ, полемъ чрезъ Еланецъ, который по турецки называется Ингулою²⁾, гдѣ впадаетъ въ Великій-Ингуль; потомъ перешедъ Великій Ингуль, полемъ до р. Исуня (Висуня), а Исунь поперекъ перешедши, до р. Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ чрезъ бродъ Бекеневскій, который отъ Кизикерменныхъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того брода прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ. А отъ Кизикерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончится граница«³⁾.

Съ 1709 по 1733 годъ запорожцы живутъ на земляхъ турецкихъ, сперва по балкѣ и рѣчкѣ Каменѣ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ тридцати верстахъ выше г. Кизикирмена (Берислава херсонской губерніи), а потомъ въ Алешкахъ (Алешки таврической губерніи), за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой сто-

¹⁾ Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва, 1846 г., 39 и 40; см. также стр. 50.

²⁾ Рѣчка Еланецъ или Гнйлой-Еланецъ впадаетъ въ Бугъ близъ с. Троицкаго, херсонскаго уѣзда, слѣдственно не можетъ принимать ее въ себя Ингуль.

³⁾ Скрѣлковскій. Опытъ статистич. опис., Одесса, 1850 г., I, стр. 27.

роны Днѣпра. Это было время, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, рассчитавъ, что имъ выгоднѣе применить къ шведскому королю Карлу XII, нежели къ русскому царю Петру I, должны были заплатить за это лишеніемъ своихъ угодьевъ въ предѣлахъ Россіи и перейти на жительство въ турецко-татарскія земли. Но въ 1734 году запорожцы получили прощеніе и снова водворились на прежнихъ своихъ „вольностяхъ“. Тогда, особенно послѣ побѣдъ Миниха и Лассія (1736—1739), они считали своею палестиною весь теперешній новороссійскій край, кромѣ ногайскихъ и крымскихъ его частей, оканчивая свои владѣнія далеко на сѣверѣ: селомъ Старыми-Кайдаками, съ праваго берега Днѣпра, противъ перваго кайдацкаго порога, селомъ Новыми-Кайдаками, по той же сторонѣ, но на 60 верстъ выше, и степью по р. Самарѣ, въ 25 верстахъ отъ ея устья ¹⁾). Тогда, съ 1740 года, „инструментомъ, заключеннымъ при Великомъ Ингулѣ“ русскимъ уполномоченнымъ Неплюевымъ и турецкимъ мустафою-беемъ-Селихтаромъ Кятибы, послѣ бѣлградскаго трактата, земли запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, съ западной стороны: „отъ окончанія польской границы (отъ впаденія р. Синюхи въ Бузь), внизъ Бугомъ до Ташлыка или Великаго Конара, а отсюда ведена граница полемъ и разстояніемъ отъ онаго (Ташлыка) въ десяти верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузинку, тою же линією до р. Мертвыя воды, а оттуда до старой мечети у р. Громоклея, даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу тоя рѣки державѣ оттоманской; далѣе до Бекеневскаго (бѣлаго) броду (39 верстъ), до р. Исини и оттуда до Малаго Ингульца, въ десяти миляхъ отъ Кизикирмени и наконецъ до устья р. Каменки въ Днѣпрѣ“ ²⁾); съ восточной же стороны: „начавъ отъ устья рѣчки Кнскія воды въ Днѣпрѣ, вверхъ по ея теченію, по рѣчкѣ Мокрой-Маковѣ и по степи прямою линією до вершинъ рѣки Берды и по теченію сей послѣдней до устья въ Азовское море“ ³⁾).

¹⁾ Миллеръ. О малор. нар. и о запорожц. Москва, 1846, стр. 23; см. также: Разсуд. о запорожц., стр. 41.

²⁾ Скальковскій. Опытъ стат. опис. Одесса, 1850, ч. I, стр. 27. »Бекеневскій бродъ былъ на Ингульцѣ, а не на Висуніи«. Тамъ-же.

³⁾ Ibid., стр. 31.

Такъ было до 1742 года; когда граница запорожскихъ козаковъ съ юго-восточной стороны была нѣсколько нарушена новымъ „инструментомъ разграниченія земель между Россіей и Портою“; тогда земли „отъ вершины рѣки Конскихъ-водъ до западной вершины рѣки Большой-Берды и между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, остались къ оттоманскому имперію, съ полуночной же стороны—вся земля всероссійскому имперію; рѣка же Конскія-воды, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, вмѣсто знаковъ граничныхъ утверждена, отъ впаденія Конскихъ-водъ внизъ рѣки Днѣпра отъ обѣихъ имперій оставлена“ ¹⁾.

Впрочемъ „запорожцы, мало или вовсе не зная о всѣхъ такихъ дипломатическихъ распоряженіяхъ, считали новороссійскія степи своею собственностію и на основаніи жалованныхъ имъ грамматъ, и какъ первые обитатели края (iure primi occupantis). Къ тому же такъ какъ границы актовъ 1705 и 1740 гг. были обозначены только на бумагѣ, а не въ натурѣ, то они, зная край лучше, нежели современные дипломаты и даже межевые комиссары, считали границу свою, и слѣдственно русскую, гораздо дальше къ западу, нежели ее опредѣляли въ трактатахъ; именно доводили еѣ до самаго Буга отъ впаденія въ него Синюхи или Синей-воды до днѣпровскаго лимана. Этотъ рубежъ былъ и выгоднѣе и точнѣе первыхъ, ибо шелъ по живому и всѣмъ, даже древнимъ географамъ, извѣстному урочищу“ ²⁾.

Съ этого времени границы запорожскихъ владѣній опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ „генеральной ландъ-карты“ инженеръ-подполковника де-Боксета и полковника Капниста, составленной въ 1740-хъ годахъ. *На сѣверъ*, запорожскія земли шли по-надъ лѣвымъ берегомъ р. Орели и правымъ—рѣки Сѣвернаго Донца, со стороны гетманщины и слободскихъ полковъ; здѣсь граница начиналась отъ устья р. Тясмина, праваго притока Днѣпра, крайняго пункта польскихъ владѣній и оканчивались у верховьевъ р. Бахмута, праваго притока р. Сѣвернаго Донца. *На востокъ*, отъ верховьевъ р. Бахмута—по р. Калміусу до самаго Азовскаго моря, гдѣ теперь расположенъ г. Бердянскъ и стоитъ полу-развалившаяся петровская крѣпость, со стороны земли войска

¹⁾ Зап. одес. общ. ист. и древн., т. II, стр. 834 и 835.

²⁾ Скальковскій. Опытъ стат. опис., Одесса, 1850, ч. I, стр. 32.

дояскаго. *На югъ*, отъ устья р. Калміуса по р. Бердѣ и р. Конкѣ (конскія-воды), отъ верховья и до перваго впаденія ея въ Днѣпрѣ, нѣсколько ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, со стороны кочевьевъ джедисалской и джамбуйлущкой ордѣ. *На западъ* отъ устья р. Буга, или отъ поста Перевизскаго, вверхъ по рѣкѣ до самаго устья рѣки Сньюхи, лѣваго притока Буга, со стороны земель джедисанскихъ и буджацкихъ ордѣ и польскихъ воеводствъ.

Но съ 1751 и 1753 годовъ границы запорожскихъ земель суживаются вслѣдствіе появленія на нихъ новыхъ людей, переселенцевъ-сербовъ съ Иваномъ Хорватъ-отъ-Куртичь и переселенцевъ-задунайскихъ славянъ съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ-де-Прерадовичемъ во главѣ. Первые осѣлись въ сѣверо-западныхъ запорожскихъ степяхъ и образовали такъ называемую новую Сербію съ крѣпостью св. Елисаветы (теперь Елисаветградъ), названною въ честь импер. Елисаветы Петровны, позволившей имъ выселиться въ Россію; а вторые поселились на сѣверо-восточныхъ степяхъ запорожскихъ, отъ вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, и далѣе на востокъ и образовали такъ называемую Славяно-сербію съ крѣпостью Бахмутомъ (теперь уѣздный городъ Бахмутъ), названный по имени рѣчки Бахмута. Тогда отъ земель запорожскихъ козаковъ, съ сѣверо-запада, отошелъ большой уголь“, начавъ отъ устья рѣки Кагарлыка (херсонской губ., бобринецкаго у.) прямою линією до верховья р. Тура, а отъ верховья Тура по устью р. Каменки, а отъ устья р. Каменки на верховье р. Березовки, а отъ верховья Березовки на вершину Омельники (александрійскаго у.), и по той внизъ даже до устья ея, гдѣ она въ Днѣпрѣ впадаетъ, уступя отъ польскихъ границъ на двадцать верстъ“¹⁾. Самая же граница сѣверо-западная опредѣлена была ново-слободскимъ козачьимъ поселеніемъ, прошедшимъ чертою отъ устья р. Чернаго Ташлыка, вдоль рѣки Сугаклеи-Каменоватой (праваго притока р. Ингула), черезъ р. Ингуль, рѣчку Аджамку (лѣвый притокъ р. Ингула) и между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки. Такъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, „снимокъ“ запорожскихъ земель, представленный въ 1758 году геодезистомъ Семеномъ Леонтьевымъ²⁾. Съ сѣверо-востока же отъ

¹⁾ Скальковскій Ист. нов. Сѣч. Одесса, 1846, ч. II, стр. 168.

²⁾ См. планъ, приложенный къ Зап. одес. общ. истор. и дрв., т. I.

запорожскихъ земель отошелъ сперва кусокъ земли, заключенный между р. сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками: Бахмутомъ и Луганью, а потомъ мало-по-малу запорожцы лишились и всего пространства земли почти до самой вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, у которой уже начинались запорожскіе хутора.

Теперь границы запорожскихъ земель установились на долго и въ 1766 году опредѣлялись, по словамъ очевидца, слѣдующимъ образомъ: „земли (запорожскихъ козаковъ), которыя большею частію состоятъ изъ пустой и дикой степи и которыя въ окружности простираются около тысячи семи сотъ верстъ... разпростираются отъ Сѣчи *по правой* сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизикермену до рѣки Камянки, гдѣ турецкая къ Очакову граница начинается около ста верстъ. Отъ устья сей рѣки Камянки идутъ по рѣкѣ Бугу чрезъ рѣки Ингулецъ, Исунъ (Висунь), Ингуль, Громоклюю, Еланецъ, Солону, Мертвыя-воды, Гарбузенку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной съ турецкою областью границѣ, болѣе ста шестидесяти верстъ. Съ другой стороны Сѣчи, вверхъ по Днѣпру, до устья рѣки Самоткани, по оной и чрезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣки Буга, разстояніемъ болѣе пяти сотъ пятидесяти верстъ. *Съ лѣвой стороны* рѣки Днѣпра отъ устья рѣки Конскихъ-водъ вверхъ по Днѣпру, мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, вверхъ по оной на Волчы-воды, до вершинъ ихъ, а оттуда чрезъ степь на вершины Калміуса, и по сей рѣкѣ до крымской границы, учрежденной прямою линіею отъ Калміуса до рѣки Берды, вверхъ по оной къ рѣкѣ Конскихъ-водъ, и по-надъ сею до устья оной въ Днѣпръ ниже Каменнаго-затона, который противъ Нивитинской заставы, гдѣ запорожскими козаками перевозъ чрезъ Днѣпръ, на крымской дорогѣ держится; въ сей окружности болѣе восьмисотъ пятидесяти верстъ“¹⁾.

Въ 1775 году, послѣ Кучузь-кайнарджинскаго мира Россіи съ Турціей, запорожскія владѣнія увеличились небольшою частицей земли, заключенной между границею 1740 года и рѣкою Бугомъ (около нынѣшняго Ольвіополя). Тогда войско запорожское „разселило людей по всѣмъ впадающимъ въ Днѣпръ и въ Бугъ рѣкамъ,

¹⁾ Чернявскій. Опис. зап. Сѣчи. Приб. къ Ист. зап. ваз. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 80.

почавъ съ самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Буга, при Гардѣ, Карабельнѣ, Мертвыхъ-водахъ, Еланчикѣ, Ингульцѣ, Громоклеѣ, Каменѣ, Подпольной, Бузулуѣ, Саксаганѣ, Чортомлыѣ и при многихъ иныхъ рѣчкахъ и урочищахъ, и по самому Днѣпру и по рѣкамъ, впадающимъ въ оную: Орелѣ, Самарѣ ¹⁾, Московкѣ, Конскимъ-водамъ, Волчьей и прочимъ рѣчкамъ... Наконецъ простерли себя до Мюса рѣки, а потомъ по рѣкамъ же Калміусу, Кальчику, Бердѣ и по берегу той части Азовскаго моря, и прочимъ тамошнимъ рѣчкамъ“ ²⁾. Тогда же, или около того времени, по словамъ самаго запорожца Никиты Коржа, запорожцы раскинули свои владѣнія: „на полдень отъ Буга по Случь, а внизъ по Днѣпру до великаго лимана, гдѣ теперъ Херсонъ и Николаевъ; на полночь по Днѣпру до р. Орели, что впадаетъ въ Днѣпръ около мѣстечка Китай-города (за Орелью уже начиналась гетманщина); на сходъ солнца, отъ рѣки Конки до земли донскихъ козаковъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ“ ³⁾. Съ этимъ и окончили запорожцы свое историческое существованіе въ предѣлахъ Россіи.

Удѣлъ запорожскихъ козаковъ, подъ разными названіями, звѣстенъ былъ уже историкамъ и писателямъ древняго міра: Геродоту, Мелѣ, Плинію, поэту Скимну, безъименному автору Евксинскаго Понта, Прокцію, Валерію Флакку ⁴⁾, Птоломею и другимъ. Геродотъ говоритъ собственно о такъ называемой Скиіи,—странѣ, лежавшей въ нижней и средней частяхъ бассейна Дуная, Днѣстра, Буга и Днѣпра. Отличительныя черты Скиіи—многоводность, плодородіе и въ нижней части, „по переходѣ черезъ Днѣпръ со стороны Буга“, лѣсистость. „Когда пройдешь Борисоенъ (Днѣпръ), отъ

¹⁾ По Орели и Самарѣ, со стороны слободско-украинскихъ поселеній, запорожцы считали ту границу, которая проходила по Касогову валу. См. Шиманова: Предис. позем. борьба Запорожья. > Киевская Старина <, 1883 г., декабрь, 612.

²⁾ Ригельманъ. Лѣт. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847; прибавленіе, стр. 69 и 70.

³⁾ Никита Коржъ, по Стороженку, стр. 131.

⁴⁾ *Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.*

моря, во-первыхъ Гилея. Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями“¹⁾.

Но что-же это такое Гилея, о которой говоритъ Геродотъ? Слово Гилея—чисто греческое; оно означаетъ лѣсистую сторону (по гречески ὄλη—лѣсъ); на языкѣ теперешнихъ по-днѣпровскихъ жителей слово „Гилея“ скрывается въ словѣ „плавни“. Но изъ всѣхъ днѣпровскихъ плавень Гилеѣ соотвѣтствуютъ собственно тѣ, которыя находятся въ мѣстности около теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Алешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова „лѣсъ“, или-же отъ слова „ольхи, елоха“, что въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, водяное, поѣмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелко-лѣсьемъ²⁾. „Нынѣ лѣвый, низменный берегъ Днѣпра, на протяженіи около 20 верстѣ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиною, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березою. Безъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ стеней подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, нынѣ еще тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, по-еливу онѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются

¹⁾ Геродота Галикарнасскаго бытосказ. книга четвер., надпис. Мельпомена, стр. 18.

²⁾ Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, Москва, 1876 г., стр. 16.

окрестности Алешевъ ¹⁾). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилея, нужно прибавить еще то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только нагайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, нежели теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „лѣсъ братьевъ“. Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ Бургундскій рыцарь Гилльбергъ-де-Ланнуа, въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманіе современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при рѣкахъ, въ него изливающихся, и въ томъ числѣ при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ, съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась ²⁾).

„Есть поводъ думать, замѣчаетъ на этотъ счетъ г. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая по-

¹⁾ Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется Ἄβις, — страна елей: > abies < съ латинскаго на русскій значить > ель <.

²⁾ Брунъ. О поздн. назв. древней Гилеи.—Зап. одес. об. вст. и др., IV, 236—239.

лоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII в. латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Иосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, что густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ ¹⁾).

Но какъ-бы далеко ни распространялась Гилея, каковы-бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно одно лишь сказать, что то былъ очень большой лѣсъ. О величинѣ его можно судить уже по тѣмъ окаменѣлымъ остаткамъ, которые находятся теперь въ Днѣпровской долинѣ: остатки показываютъ, что настоящіе Днѣпровскіе лѣса суть только ничтожная пародія того исполина-лѣса, который нѣкогда своею могучею головою осѣнялъ широкій Днѣпръ.

Но одной Гилеей запорожскіе лѣса не исчерпывались: въ разныхъ мѣстахъ запорожскаго края росли и разныя породы лѣсовъ, теперь уже и много повыведенныя и много поизмельчавшія. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы тамъ росли сплошные лѣса, но нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждать, чтобы ихъ было очень мало или почти не было: много было истребителей запорожскаго лѣснаго царства въ видѣ степнаго пожара, скота, плуга и топора. Дикіе кочевники выжигали запорожскіе лѣса, частію изъ опасенія какой-либо засады со стороны враговъ, частію-же изъ желанія добыть для своего скота подножный кормъ; въ послѣднемъ случаѣ они выжигали собственно сухую степную траву, препятствовавшую расти свѣжей, а отъ травы загорался и самый лѣсъ. Польскія войска и русскія рати истребляли запорожскіе лѣса, когда предпринимали продолжительные военные походы на козацкій югъ. Первые поселенцы, которые появились въ степи послѣ паденія Сѣчи, много уничтожили запорожскаго лѣса на хозяйственныя постройки. Строители Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы и другихъ городовъ и крѣпостей

¹⁾ Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876 г. стр. 6 и 7.

также произвели достаточное опустошеніе между козацкими лѣсами; сами помѣщики, получившіе на югѣ дарственные земли, много повзвели запорожскихъ лѣсовъ, и вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, и вслѣдствіе послѣдовательной передачи своихъ имѣній наслѣдникамъ: переходя изъ рукъ въ руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, многіе изъ запорожскихъ лѣсовъ раздробились на самыя мелкіе участки, до десяти и даже до пяти десятинъ, составляя при этомъ принадлежность нѣсколькихъ лицъ“. Мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными... Безъ сомнѣнія здѣсь не было сплошныхъ и большихъ лѣсовъ, но настоящее присутствіе ихъ доказываетъ, что они были въ достаточномъ для края объемѣ, а названія рѣкъ, рѣчекъ и другихъ урочищъ, заимствованныя отъ разныхъ породъ лѣсныхъ, указываютъ, гдѣ лѣса были. Сверхъ того, присутствію ихъ ничто не могло и не можетъ мѣшать: ибо почва для нихъ удобна, кромѣ, можетъ быть, ближайшихъ мѣстъ къ поморью; а волнистая поверхность края, съ глубокими и частыми балками, гораздо, кажется для нихъ удобнѣе плоскихъ пространствъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей кievской, волынской и многихъ среднихъ губерній“¹⁾). „Слѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защититъ ихъ отъ порчи скота“²⁾).

Общее положеніе, высказанное о запорожскихъ лѣсахъ, подтверждается частными свидѣтельствами многихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ. Французскій инженеръ Бопланъ указываетъ на существованіе многихъ лѣсовъ въ запорожскихъ предѣлахъ: по берегамъ р. Самоткани, которая называется у него Замоканою, на островахъ Конскомъ и Хортицкомъ, по р. Бугу, но особенно по р. Самарѣ, притокѣ Днѣпра съ лѣвой стороны. „Окрестности Самары замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ... въ строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться съ ней въ этомъ. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на

¹⁾ Струковъ. О новор. лѣс., Ж. М. Г. И. 1853 г., февр., стр. 170, 167 и 169.

²⁾ Княжевичъ. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I, стр. 488.

Койдагъ ¹⁾. Тоже подтверждаютъ и русскіе путешественники, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ: „вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посламъ, яко и ратемъ царскаго величества, дубовыя и прочія деревья и вся угодыя до того помянутаго стану (на р. Самарѣ) кончились. А отъ того стану даже до Крыма, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по угодіямъ, многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбъ множество есть, и по нуждѣ, безъ большихъ простоевъ, великимъ ратемъ дровами проняться можно. На тѣхъ Овечьихъ-водахъ (притокъ Днѣпра, ниже Конки) и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ и на степяхъ дубравы (суть) великія, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюду множество, и пашни можно завести великіе“ ²⁾. Но еще подробнѣе о лѣсахъ запорожскихъ говоритъ писатель XVIII ст., Василій Чернявскій. По словамъ Чернявскаго, лѣса осѣняли какъ правый берегъ Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ, такъ одинаково и лѣвый; справа они начинались отъ устья Каменки къ Бугу и тянулись по рр. Ингульцу, Ингулу, Громоклеѣ и „по другимъ въ оныя впадающимъ рѣчкамъ и боеврагамъ есть небольшія лѣсныя угодыя“. Слѣва лѣса шли „знатныя“, состоящіе изъ сосны и дуба, по р. Самарѣ, на Хортицкомъ островѣ, въ Великомъ луку и по разнымъ степнымъ рѣчкамъ, каковы: Волчьиводы, Калміусъ и другія, впадающія „въ сіи и въ Днѣпръ; прямою-же линією, отъ устья р. Самары внизъ по берегу Днѣпра до Каменки и Кизивермена“ (теперешняго города Берислава херсонской губерніи) ³⁾. Какъ и Бопланъ, Чернявскій утверждаетъ, что

¹⁾ Опис. Украйны. Слб., 1832 г., стр. 16, 18, 25, 30. Гильонъ ле-Вассеръде-Боплачъ, родомъ французъ, въ званіи старшаго капитана артиллеріи и польскаго королевскаго инженера, служилъ въ Украйнѣ семнадцать лѣтъ, отъ 1620 по 1637 г. Онъ хорошо познакомился съ бытомъ казаковъ, не разъ пробѣжалъ по запорожскимъ степямъ до нынѣшняго г. Александровска, екатеринославской губерніи, и составилъ послѣ себя безсмертное сочиненіе: > Description d'Ukraine—Описаніе Украйны <.

²⁾ Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ отправлены были русскимъ правительствомъ, въ 1680 году, въ Крымъ для заключенія съ турками Бахчисарайскаго договора и по возвращеніи въ Москву представили > Статейный списокъ посольства <, во многихъ отношеніяхъ весьма характерное сочиненіе.

³⁾ Василій Чернявскій занималъ должность секретаря московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи; въ 1760 году онъ посланъ былъ къ запорожцамъ для раз-

изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ особенно большіе были лѣса по р. Самарѣ: „изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по р. Самарѣ,.. запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои создали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепель обратилъ, главные курени, козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на огрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ“. Но уже тотъ-же Чернявскій говоритъ и о страшномъ опустошеніи запорожскихъ лѣсовъ хищными татарами: „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (отъ устья р. Конскихъ-водъ и выше) лѣса крайне разорены, не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ, и вывозомъ въ аулы не малаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусевъ и досовъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, провозили“¹⁾.

Самое расположеніе лѣсной растительности запорожскаго края показываетъ, что она держалась главнымъ образомъ и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напримѣръ, лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ-водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные звѣри да дикія птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Поражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т. е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышенностями и на днѣ увлажненнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разрастался нерѣдко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни звѣри да птицы господствовали въ немъ.

бора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами, по поводу пограничныхъ владѣній; возвратясь въ Москву, онъ представилъ >Описаніе Запорожской Сѣчи въ четырехъ раздѣленіяхъ<. Приложеніе къ >Исторіи запорожскихъ козаковъ<. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 83—85.

¹⁾ Истор. о каз. запорож., Одесса, 1852 г. стр. 85.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ существуютъ и въ наше время въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерній. Въ екатеринославской губерніи извѣстны лѣса днѣпровскіе, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ около р. Днѣпра, начиная отъ верхняго и до нижняго предѣла его; то лѣса, по преимуществу, мягкой породы: осокорь, ива, лоза, шелковица и другія; есть также лѣса по р. Самарѣ, особенно возлѣ самарскаго монастыря и уѣзднаго города Ново-Московска; далѣе, по р. Волчьей, особенно около села Дибривки, александровскаго уѣзда; по р. Ганчулу, главнымъ образомъ у деревни Богодара, имѣніи землевладѣльца Ѳ. И. Михеева; по р. Кушуму, притоку Днѣпра съ лѣвой стороны, у селъ Балабина-Петровскаго, Кушугумовки, Малой Катериновки, Царицына Кута и Васильковки; далѣе, по р. Чортомлыку, правому притоку Днѣпра, въ разныхъ мѣстахъ, но особенно у дер. Капуливки, екатеринославскаго уѣзда; по рѣчкѣ Подпольной, правому притоку Днѣпра, около села Покровскаго того-же уѣзда; по р. Конкѣ, тамъ, гдѣ она въ первый разъ впадаетъ въ Днѣпръ; по разнымъ островамъ Днѣпра, на Монастырскомъ островѣ, противъ г. Екатеринослава; на Становомъ, ниже Монастырскаго, противъ предмѣстья г. Екатеринослава, Мандрыковки; на Кайдацкомъ островѣ, у перваго днѣпровскаго порога; по оврагамъ лѣваго берега Днѣпра, отъ впаденія въ него р. Самары и внизъ до порога Ненасытецкаго, особенно противъ камня „Богатыря“, гдѣ, по преданію, въ 972 году былъ убитъ печенѣгами русскій князь Святославъ; въ урочищѣ Сагайдакѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже колоніи Кичкасъ; на островѣ Хортицѣ, у г. Александровска; на островѣ Томаковѣ, у села Чернышевки или Красногригорьевки, екатеринославскаго уѣзда и проч.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ видны теперь и въ херсонской губерніи. Такъ, въ херсонскомъ уѣздѣ, близъ впаденія рѣчки Громоклеи въ рѣку Ингуль, у деревни Полковничьей или Воеводской, есть лѣсъ, состоящій изъ четырехъ сотъ десятинъ, извѣстный уже съ 1740 года, когда заключенъ былъ »пограничный инструментъ« между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони, подъ названіемъ Соколиной дубравы. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ, небольшіе лѣса около устья р. Базавлука, у села Грушевки; по р. Каменкѣ, у деревни Консуловки или Разоровки,

иѣннїи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова; наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Днѣпра, его острововъ, и между городами Крыловомъ, Елисаветградомъ, Ново-Миргородомъ, Ново-Архангельскомъ и Александріей; здѣсь, въ восточной половинѣ александрійскаго уѣзда, между многими мелкими лѣсами, находится *Большой лѣсъ*, отличающійся особеннымъ ростомъ и густотой своихъ деревьевъ; кромѣ Большаго лѣса—лѣса *Чута* и *Черный*, въ сѣверо-западной половинѣ александрійскаго уѣзда, изъ коихъ послѣдній занимаетъ тысячу пятьсотъ десятинъ земли.

Есть полное основаніе думать, что всѣ эти лѣсныя рощи, теперь разбросанныя, въ старину представляли изъ себя одно сплошное пространство, въ которомъ лѣса Чута и Черный занимали лишь ничтожную долю. Тоже можно сказать и о лѣсахъ, растущихъ по верховьямъ рѣкъ Ингула и Ингульца; по преданію народа и по указанію карты Боплана, здѣсь въ прошлое время также были сплошные большіе лѣса, превращенные теперь въ мелкія кустарныя рощи. Кромѣ всѣхъ названныхъ лѣсовъ, по разнымъ балкамъ херсонской губерніи встрѣчаются еще небольшіе лѣса, называемые здѣсь татарскими словами «байраками и чагарниками»¹⁾; а по теченію рѣкъ Тясьмина, Выси, Синюхи и Днѣстра значительныя пространства покрыты рощами, въ коихъ преобладаетъ дубъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтренная и непостоянная погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, дикая груша (ручня, *malus silvester*), берестъ (илимъ, *ulmus campester*), чернокленъ, глodeъ (боярышникъ), кизиль (*cornulus mascula*), кожевенное дерево (*rhus coriaria*), желтинникъ (*rhus cotinus*), крушина (*rhamnus frangula*), бружмель (*evonimus europaeus*), жостеръ (*rhamnus catharticus*), толокнянка (*arbutus unedo*, *arbutus*

¹⁾ «Байракъ или буэракъ—небольшой лѣсъ, тоже что гай, но только съ болѣе толстыми и тяжелыми деревьями; а чагарникъ—лѣсъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго. Въ Крыму чагарами татары зовутъ лѣсныя огороженныя плетнемъ дачи.

uva ursi, или autostaphylos, raisin d'ours), таволга (sibiraca crenata), бузина (sambucus nigra), вязовникъ (sambucus ebulus), пицальникъ (sambucus racemosa), гордовое дерево (viburnum lantana), верба (salix triandra, salix aurita, salix caprea), лоза (salix purpurea), шиповникъ, ива, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, асер pseudoplatanus), шелковица, терновникъ, осокорь, яблонь, дули, барбарисъ, вишни, калина и др.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла назваться богатою въ отношеніи лѣса, то за то въ отношеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ—съ сѣвера на югъ—разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ-же направленіи, но почти чрезъ самую средину свою, пропускала одну изъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Мамай-Сурки, коихъ число

Зъ устья Днѣпра та й до вершины—

Симъ сотъ ричокъ ще й чотыри.

Съ него и начнемъ мы очеръ водной системы Запорожья.

Д. Зварницій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИΘАХЪ.¹⁾

Вниманіе къ скиѠамъ, вѣкогда и долгое время занимавшимъ нашъ югъ, въ послѣдніе годы замѣтно усилилось. Явленіе это вполне согласуется съ оживленіемъ научнаго интереса къ старинѣ вообще, съ тѣмъ оживленіемъ, которое изъ сферъ научныхъ распространяется и на значительную часть образованнаго общества, что доказывается между прочимъ усиленнымъ спросомъ со стороны этого послѣдняго на такіе труды, которые посвящаются изслѣдованію различныхъ сторонъ матеріальной и духовной культуры первобытныхъ народовъ или отдаленныхъ предковъ народовъ историческихъ.

Благодаря новому, болѣе широкому методу изслѣдованія, подобныя труды получаютъ въ наши дни сверхъ историческаго и интересъ современности; они нерѣдко проливаютъ яркій и часто неожиданный свѣтъ не только на прошлое того или другаго народа, но и на его настоящее. Дѣло въ томъ, что образованное общество, усвоившее себѣ и продолжающее усвоивать плоды науки и гражданственности, то есть весьма незначительное меньшинство населенія любой европейской страны, живетъ въ такой средѣ, которая во многомъ остается вѣрною чертамъ быта и воззрѣніямъ, давно пережитымъ образованнымъ меньшинствомъ. Если такимъ образомъ многія черты глубокой старины являются въ образованной средѣ лишь въ видѣ спорадическихъ остатковъ, такъ называемыхъ переживаній (survivals), то въ огромномъ большинствѣ населенія они представляютъ все еще живую современность, а потому интересъ къ нимъ

¹⁾ Читано въ годичномъ собраніи »Истор. общества пр. Нестора лѣтописца «.

научный и общественный есть въ сущности интересъ къ современному положенію народныхъ массъ, къ разностороннему уясненію не только прошлой ихъ жизни, но и современной.

Вотъ почему мы рѣшились предложить нѣкоторыя свои соображенія объ одномъ изъ древнѣйшихъ и давно исчезнувшихъ племенъ южной Россіи вниманію не ученыхъ спеціалистовъ только, но и образованной публики.

Въ виду сказаннаго насъ не могутъ не интересовать всѣ, даже мелкія на видъ подробности существованія, если, быть можетъ, не предковъ нашихъ по крови, по происхожденію, то во всякомъ случаѣ нашихъ предшественниковъ на занимаемой нами территоріи. Въ этого рода изслѣдованіяхъ никакая подробность не можетъ быть признана не заслуживающею серьезнаго вниманія, потому главнымъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ того, какое мѣсто займетъ та или иная черта въ общей картинѣ прошлаго быта, которую, можетъ быть, когда либо удастся возстановить съ достаточною полнотою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что какая-либо повидимому незначительная подробность находится въ органической связи съ чертами быта дѣйствительно существенными и характеристическими. Поэтому изслѣдователя старины интересуютъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени и топографія и этнологія населенія, его физическое строеніе, данныя языка, матеріальной культуры, общественнаго устройства, памятники и извѣстія о его религіозныхъ и иныхъ воззрѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ занимающемъ насъ вопросѣ достигаемые результаты могутъ имѣть лишь цѣну значительной вѣроятности или отвѣчаютъ на слишкомъ частные вопросы. Виною такого положенія дѣла слѣдуетъ признать прежде всего общія свойства свидѣтельствъ древнихъ писателей, не исключая и Геродота. Вообще они мало интересовались варварскими народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе; не заботились о знакомствѣ съ варварскими языками, о точной передачѣ ихъ именъ и иныхъ словъ; интересъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, культамъ варварскихъ народовъ имѣетъ вообще слишкомъ мало общаго съ тѣмъ систематическимъ, строгимъ отношеніемъ къ предмету, которое отличаетъ новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ—ученыхъ. Поэтому сообщаемыя древними свѣдѣнія носятъ на себѣ обыкновенно характеръ отрывочныхъ,

случайныхъ замѣтокъ, обращенныхъ почти исключительно на явленія поразительныя, совершенно чуждыя собственнымъ воззрѣнiямъ и быту древнихъ повѣствователей.

Едва-ли не наименѣе надежными свидѣтельствами въ трудахъ древнихъ писателей являются передаваемые ими имена варварскихъ народовъ, какъ собственные, такъ и нарицательныя. Если греческiе писатели позднѣйшаго періода нерѣдко искажаютъ до неузнаваемости названiя тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили продолжительное время, свои наблюденiя надъ которыми они могли легко провѣрять многократными показанiями очевидцевъ, то, разумѣется, тѣмъ менѣе можно полагаться на ихъ лингвистическiя данныя о народахъ далекихъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ, каковыми были и скиөы для Геродота, Фукидида, Страбона и другихъ. Вотъ почему уцѣлѣвшiя немногiя свидѣтельства языка о скиөахъ, находимыя нами преимущественно у Геродота, подаютъ поводъ въ наше время къ самымъ разнорѣчивымъ толкованiямъ и къ такому же свойству основаннымъ на нихъ заключенiямъ. Брунъ сожалѣетъ о томъ, что берлинскiй академикъ Мюлленгофъ ¹⁾, главный авторитетъ въ рѣшенiи вопроса о національности скиөовъ въ смыслѣ иранства ихъ, не подвергаетъ критической оцѣнкѣ этимологiи тѣхъ-же самыхъ именъ, приводящихъ другихъ изслѣдователей къ заключенiю о монгольствѣ или вообще о туранствѣ скиөовъ. Г. Кипертъ, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ въ области исторической географiи, не придаетъ выводамъ Мюлленгофа рѣшающаго значенiя. Признавая вмѣстѣ съ нимъ послѣднимъ за нѣкоторыми скиөскимп именами безспорно арийскiй характеръ, онъ находитъ возможнымъ заимствованiе этихъ именъ скиөскими племенами отъ арийскихъ, именно иранскихъ народовъ, съ которыми онѣ долгое время жили на иранскомъ плоскогорьѣ ²⁾. »Что скиөскiя имена«, замѣчаетъ онъ, »тождественныя съ еравiйскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скиөовъ, это доказывается вполне совершеннымъ

¹⁾ *Ueber Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsber. der Berl. Akad.* 1866.

²⁾ *Lehrbuch der alten Geographie.* Leipz. 1878 г., стр. 344 сл.

отсутствіемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ самымъ правомъ можно было-бы приписывать семитическое происхожденіе нѣшнимъ османамъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительнаго употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ¹⁾. Гораздо большее значеніе въ рѣшеніи подобнаго вопроса имѣютъ свидѣтельства древнихъ писателей о бытѣ народа и особенно о его физическомъ строеніи. Но и эти данныя толкуются и въ значительной степени не могутъ не толковаться различно. Рѣшающую силу данныя такого рода получаютъ лишь тогда, когда онѣ имѣются въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и касаются различныхъ сторонъ быта. Преимущество ихъ передъ данными лингвистическими обуславливается болѣе всего тѣмъ, что здѣсь невозможно такое искаженіе и такая неточность въ описаніи, какія отличаютъ передачу варварскихъ именъ древними писателями. Возможность заимствованій впрочемъ слѣдуетъ допускать и здѣсь: вспомнимъ только о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли семитическіе культы на древне-греческіе.

Вообще по вопросу о расѣ геродотовыхъ скифовъ ученые раздѣляются на двѣ главныя категоріи; одни считаютъ ихъ арійцами, другіе ураль-алтайцами, или туранцами. Первые въ свою очередь раздѣляются на славянистовъ и германистовъ; въ рядахъ послѣднихъ одни считаютъ ихъ монголами, другіе турками, третьи финновенграми. Арійское происхожденіе скифовъ защищаютъ или принимаютъ Гриммъ, Клапротъ, Цейссъ, Раулинсонъ, Мюлленгофъ, Бергманъ, Линднеръ, изъ русскихъ ученыхъ: Брунъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Вс. Миллеръ, Боннель; въ числѣ представителей урало-алтаиста скифовъ находятся имена Нибура, Гаммеръ-Пургштала, Ганзена, Карла Неймана, Киперта, отчасти Васильевского и другихъ. Отъ времени до времени появляется въ литературѣ мнѣніе, что и у Геродота терминъ «скифы» имѣетъ не столько этнографическое, сколько географическое значеніе, что понятіе геродотовыхъ скифовъ— коллективное, и что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей, различныхъ по происхожденію и по степени культуры. Наиболѣе рѣшительно мнѣніе это высказывается Фридр.

¹⁾ *Ibid.*, стр. 315.

Мюллеромъ ¹⁾, Овелакомъ (Hovelaque) ²⁾ и въ послѣднее время г. Вамбери ³⁾. Рѣшительнымъ противникомъ его является К. Нейманъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Еллины въ странѣ скифовъ» (1855. Стр. 101). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что греческій историкъ ясно и категорически отличаетъ скифовъ, какъ особый народъ, отъ сосѣднихъ не-скифскихъ народовъ, указывая при этомъ и на нѣкоторыя точки соприкосновенія между ними. Но, кажется, главнымъ мотивомъ у нѣмецкаго ученаго для отрицательнаго отношенія къ этому мнѣнію служитъ то обстоятельство, что, принимая такое мнѣніе, слѣдовало бы считать вопросъ о національности геродотовыхъ скифовъ неразрѣшимой загадкой ⁴⁾. Съ своей стороны мы, говоря вообще, раздѣляемъ основное воззрѣніе Фр. Мюллера и Вамбери на смѣшанный составъ скифскаго населенія южной Россіи и убѣждены, что только этимъ путемъ можно согласить разнорѣчивыя показанія древнихъ писателей о скифахъ и примирить между собою два лагеря новѣйшихъ изслѣдователей геродотовскихъ скифовъ. Но мы нивѣкъ не можемъ согласиться съ Вамбери въ томъ, что онъ изъ числа скифовъ—не аріевъ исключаетъ прежде всего царскихъ скифовъ наравнѣ съ скифами—земледѣльцами. Царскіе скифы, какъ мы увидимъ ниже, кочевники по преимуществу; отъ остальныхъ скифскихъ племенъ они отличаются большею грубостью нравовъ, болѣе первобытнымъ бытомъ ⁵⁾. Авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ,

¹⁾ *Allgemeine Ethnographie*. Wien. 1873 г., стр. 35 сл.

²⁾ *Литовистика*. Переводъ со втор. изд. Спб. 1881 г., стр. 142.

³⁾ *Der Ursprung der Magyaren*. Leipz. 1882 г., I.

⁴⁾ »Wenn diese Behauptung richtig wäre, so würden die ernstest Forschungen bedeutender Historiker ein so trauriges Bild fruchtlosen Bemühens darstellen, dass ein zweiter Polygnot auf einem neuen Gemälde der Unterwelt für ein thörichtes, unerspessliches Unterfangen kein bezeichnenderes Symbol finden könnte als einen Gelehrten, den über die Abstammung der Skythen schreibt«. *Opus. cit.*, стр. 101.

⁵⁾ О. с., стр. 11. Положеніе свое авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: »jener Theil des herodotschen Skythiens, der sich vom Mäeotischen See in nordöstlicher Richtung gegen die Wolga erstreckte, von Völkern Ural—altaischer Rasse, sehr warscheinlich von Türken bewohnt war, wobei jedoch die Möglichkeit nicht ausgeschlossen ist, dass sich einzelne Fractionen dieser Rasse oder des letzterwähnten Volks schon inmitten der sogenannten pontischen Skythen befunden haben«. Стр. 12. Въ нѣсколько иномъ видѣ таже мысль высказана немного дальше. Стр. 19 сл.

что въ сѣверо-востоку отъ Меотиды, приблизительно въ нынѣшней оренбургской губерніи, обитала часть царскихъ скиөвъ, по Геродоту будто бы отдѣлившаяся отъ своихъ соплеменниковъ въ причерноморскихъ земляхъ. По остроумному замѣчанію К. Неймана ¹⁾, въ восточныхъ царскихъ скиөвахъ слѣдуетъ видѣть остатокъ скиөскаго приволжскаго населенія, занимавшаго этотъ край вмѣстѣ съ исседонами, до занятія понтскаго побережья. Наконецъ Вамбери на непонятномъ для насъ основаніи помѣщаетъ царскихъ скиөвъ, несогласно съ Геродотомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, на Герросѣ и Меотидѣ, тогда какъ по ясному смыслу греческаго текста царскіе скиөы жили по ту сторону Герроса, т. е. къ востоку отъ днѣпровскихъ пороговъ до р. Дона и Азовскаго моря; на югъ жилища ихъ простирались до Таврики, до того рва, который отдѣляетъ восточную оконечность крымскаго полуострова къ керченскому проливу. Нельзя также безусловно принять мнѣніе венгерскаго ученаго, будто исторія не знаетъ никакого иранскаго народа въ кочевомъ состояніи.

Самъ Геродотъ раздѣляетъ скиөвъ на нѣсколько племенъ, причемъ первое мѣсто по многочисленности и могуществу отводитъ царскимъ или царственнымъ скиөамъ. Имъ подвластны скиөы-земледѣльцы и скиөы-пахари, а также »номады«. Занимающіяся земледѣліемъ скиөскія племена обитаютъ по Гипаниссу и Гипакирису, а »кочевники« къ сѣверо-западу отъ Азовскаго моря. Сами себя скиөы называли сколотами, по имени царя, замѣчаетъ Геродотъ; у персовъ они назывались саками.

Что Геродотъ зналъ »царскихъ« скиөвъ, βασιλῆοι, а не барсилеевъ, какъ-то кажется Вивьену Сенъ-Мартену, Хвольсону и Н. Веселовскому, не подлежитъ сомнѣнію ²⁾; что не онъ далъ одному изъ скиөскихъ племенъ такое наименованіе, но что онъ принялъ его готовымъ отъ своихъ свидѣтелей, прежде всего конечно отъ черноморскихъ грековъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться. Подтвержденіе тому и другому содержится въ самомъ трудѣ греческаго

¹⁾ О. с. стр. 128.

²⁾ Срвн. нашу статью въ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, 1883 г. май: »Опыты этнологіи съ помощью этимологіи«.

историка. Такъ, въ одномъ мѣстѣ царскихъ скиөовъ онъ называетъ »храбрѣйшими, многочисленнѣйшими и почитающими остальныхъ скиөовъ своими рабами«¹⁾). Ихъ однихъ онъ называетъ свободными (IV, 110). Въ другой главѣ (59) той-же книги Геродотъ объ этихъ самыхъ скиөахъ замѣчаетъ: »такъ называемые царскіе скиөа«²⁾); слѣдовательно названіе это было употребительно и до Геродота. Страбонъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма скептически къ Геродоту, считающій показанія его менѣе достовѣрными, нежели гомеровскія, упоминаетъ однако о тѣхъ-же самыхъ скиөахъ съ прибавленіемъ »такъ называемые«³⁾). Съ полною увѣренностью можно отнести къ геродотовымъ царскимъ скиөамъ слѣдующее замѣчаніе позднѣйшаго географа, только распространяющаго характеристику ихъ у Геродота: »кочевники скорѣе воины, нежели разбойники, и воюютъ они изъ-за податей; ибо, предоставивши владѣніе землею тѣмъ, которые желаютъ обрабатывать ее, они довольствуются вниманіемъ за нее установленной подати, умѣренной, идущей не на роскошь, но на удовлетвореніе повседневныхъ насущныхъ потребностей; если тѣ податей не уплачиваютъ, кочевники идутъ на нихъ войною«.

Послѣ сказаннаго едва-ли можетъ быть рѣчь о томъ, будто Геродотъ въ начертаніи имени царскихъ скиөовъ (Σ. βασιλῆιοι) допустилъ описку, которая впоследствии и получила право гражданства въ древней литературѣ; описка состояла будто-бы въ томъ, что вмѣсто »барсилей«⁴⁾ историкъ написалъ »басилей«, опустивши букву ρ. »Замѣтимъ по адресу не одного только Иловайскаго«, говоритъ Н. Веселовскій, »а и многихъ другихъ, что никакихъ царскихъ скиөовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики, или издатели—что все равно) выпустилъ одну букву ρ послѣ α (Βασιλῆιοι вм. Βαρσιλῆιοι), т. е. скиөы барзилійцы. А народъ барзилійцы извѣстенъ намъ и

¹⁾ Σκόθαι οἱ ἀριστοὶ τε καὶ πλειστοὶ καὶ τοὺς ἄλλους νομίζοντες Σκόθας δούλους σφετέρους εἶναι. IV, 20.

²⁾ οἱ δὲ καλούμενοι βασιλῆιοι Σκόθαι.

³⁾ οἱ δὲ καλεόμενοι Βασιλῆιοι. VII, 4 7. p. 312.

⁴⁾ VII, 4, 6. p. 311.

по другимъ источникамъ, какъ извѣстно и названіе страны Барзилиі, или Берзилиі¹⁾).

Правда, нѣкоторое основаніе для такой поправки геродотова текста содержится въ извѣстіи историка, что отъ общей массы царскихъ скиоовъ отдѣлился отрядъ, занявшій мѣстности приблизительно въ западной части оренбургской губерніи, на нынѣшнихъ земляхъ башкировъ и киргизовъ. По замѣчанію Хвольсона, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ жили барзулы Ибнъ-Даста, или барзилен Моисея Хоренскаго²⁾). Но основаніе это кажется намъ слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы отвергнуть единогласную традицію древнихъ текстовъ, оправдываемую кромѣ того самымъ положеніемъ одного изъ скиоскихъ народцевъ относительно остальныхъ. Шаткость этого основанія слѣдуетъ особенно изъ того, что географическія свѣдѣнія Геродота объ этой части Сарматіи были весьма скудны и сбивчивы.

Какъ назывался этотъ скиоскій народецъ самими скиоами, мы не знаемъ; вѣроятно же всего, это и было то сильнѣйшее скиоское племя, по имени котораго названы были остальные скиоы, т. е. народцы, подчиненные царскимъ скиоамъ. Въ названіи «царскіе», βασιλική, К. Нейманъ усматриваетъ искаженное варварское имя собственное, въ чемъ убѣждаетъ его колебаніе рукописей въ начертаніи этого имени и употребленіе его у Страбона въ качествѣ собственнаго имени³⁾). Но незначительное разночтеніе рукописей наблюдается нами въ сущности лишь въ одномъ мѣстѣ текста, а эпитетъ «базилен» встрѣчается у Геродота нѣсколько разъ.

Если въ повѣствованіи о скиоахъ Геродотъ оставляетъ далеко за собою не только предшественниковъ, но и послѣдующихъ историковъ и географовъ, то въ его рассказахъ объ отдѣльныхъ племенахъ скиоскихъ все-же остается не мало пробѣловъ, много неяснаго и спутаннаго. Названіе скиоовъ встрѣчается впервые у Гезіода, имѣвшаго разумѣется лишь самыя смутныя представленія о нашемъ югѣ и его обитателяхъ. Ближайшіе предшественники отца исторіи, Гекатей изъ Милета и Гелланикъ изъ Митилены,

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1882 г., сент.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. 1868 г., 12, стр. 702—703.

³⁾ О. с., стр. 179.

употребляютъ названіе скиноовъ въ слишкомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ народовъ, жившихъ въ сѣверу отъ Чернаго моря: меланхлены, исседоны, меоты относились ими къ скиноамъ. У Страбона терминъ этотъ также имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели у галикарнасскаго историка V вѣка до Р. X. Сравнительно со всѣми этими писателями Геродотъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ различеніи народностей нашего юга задолго до начала нашей эры.

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи взаимныхъ этническихъ отношеній между скиносскими племенами, которыя неясно различаются у Геродота, должно служить то положеніе, что въ описаніи скиносскихъ нравовъ, образа жизни, религіозныхъ представленій греческій историкъ имѣетъ въ виду прежде всего царскихъ скиноовъ. Обусловлено это тѣмъ, что царскіе скиноы были настоящими господами остальныхъ, и что весь бытъ ихъ представлялъ наиболѣе рѣзкія и любопытныя особенности сравнительно съ соотечественниками греческаго историка.

Войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиноы, раздѣленные ради военныхъ цѣлей на три отряда. »Это была одна часть царскихъ скиноовъ«, замѣчаетъ историкъ, »направившаяся тою дорогою, о которой я сказалъ; двѣ другія части царскихъ, большая подъ предводительствомъ Иданеирса¹⁾, (меньшая) третья подъ предводительствомъ Таксакиса²⁾ и проч.³⁾. Тѣ-же царскіе скиноы называются (VI, 84) общимъ именемъ номадовъ: »скиноы номады послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, рѣшились ему отомстить«. О нихъ-же, какъ о номадахъ, говоритъ Артабанъ Ксерксу передъ походомъ царя въ Елладу³⁾. Иданеирса, одинъ изъ вождей царскихъ скиноовъ, называетъ свой народъ не имѣющимъ ни городовъ, ни обработанной земли³⁾.

Очевидно къ господствующимъ скиноамъ относится замѣчаніе историка, что они »не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, что дома свои носятъ съ собою, сражаются на лошадяхъ, живутъ не хлѣбопашествомъ, но скотоводствомъ, жилища свои перевозятъ на

¹⁾ IV, 120.

²⁾ VII, 10 (1).

³⁾ IV, 127.

повозкахъ и потому непобѣдимы и недоступны¹⁾). Въ самомъ началѣ IV книги историкъ говоритъ, что скиѡы не пахари, но кочевники. Страбонъ въ приведенномъ выше мѣстѣ приписываетъ черты кочевой жизни именно царскимъ скиѡамъ; у географа они изображаются народомъ бѣднымъ, нуждающимся въ дани на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей и потому отдающимъ свои земли какъ-бы въ аренду сосѣднимъ племенамъ, занимающимся земледѣліемъ. На крайнюю бѣдность указываетъ и Геродотъ²⁾). Скиѡовъ-кочевниковъ Геродотъ ясно отличаетъ отъ скиѡовъ земледѣльцевъ. Упомянувши объ этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ, что скиѡы-кочевники «ничего не сѣютъ и не пашутъ»³⁾).

Едва-ли позволительно сомнѣваться, что всѣ эти черты не могутъ быть распространяемы на скиѡовъ-земледѣльцевъ и пахарей. Откуда-бы ни происходило названіе этихъ скиѡскихъ народцевъ, было-ли оно искаженіемъ туземныхъ скиѡскихъ именъ, или нарицательнымъ греческимъ именемъ по роду занятій ихъ, во всякомъ случаѣ ему не могъ не соответствовать земледѣльческій образъ жизни, слѣдовательно по крайней мѣрѣ полукочевой, если не вполне осѣдлый. Да и самъ историкъ замѣчаетъ объ одномъ изъ этихъ племенъ, что оно сѣетъ хлѣбъ не только для собственнаго употребленія, но и на продажу⁴⁾). Въ этомъ отношеніи онъ сближаетъ ихъ съ каллипидами, называющимися у него еллинами-скиѡами, и съ алазонами; первые представляли смѣшанное греко-скиѡское населеніе. Историкъ категорически отличаетъ царскихъ скиѡовъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству, названному Геродотомъ Посейдономъ, и почитавшемуся у царскихъ вмѣстѣ съ прочими божествами другихъ скиѡовъ⁵⁾).

Прежде всего царскимъ скиѡамъ приписываетъ отецъ исторіи чувство національной исключительности. Дѣйствительно, жертвами этой исключительности являются Анахарсисъ и Скилесъ, оба изъ среды царскихъ скиѡовъ. Анахарсисъ былъ дядя Иданеирса со

¹⁾ IV, 46. Сравни II, 167. IV, 97. 121. 123.

²⁾ IV, 83.

³⁾ IV, 19.

⁴⁾ IV, 17: Σ. ἀροτῆρες, οἱ οὐκ ἐπι σιτήσιν σκείρουσι, ἀλλὶ ἐπι πρῆσι.

⁵⁾ IV, 59.

стороны отца (πατήρ), того самаго Иданөирса, который командовалъ однимъ изъ отрядовъ въ войнѣ съ даріевыми полчищами: »Иданөирсъ былъ сынъ Савлія, а Савлій былъ убійцею Анахарсиса«. Аріанейъ, отецъ Скилеса, былъ также царемъ скиөовъ¹⁾. Что скиөскіе народцы не всѣ относились съ такою нетерпимостью къ чужеземцамъ, особенно къ еллинамъ, что нѣкоторые изъ нихъ легко сближались съ сосѣдними греками, не возбуждая тѣмъ преслѣдованія противъ себя со стороны скиөскихъ царей, свидѣтельствуеъ самый фактъ существованія еллино-скиөовъ, или каллипидовъ.

Мы полагаемъ, что почитаніе Арея, сверхъ животныхъ, человѣческими жертвами и выдѣленіе его такимъ образомъ изъ пантеона скиөскихъ божествъ болѣе всего приличествовало народу военному съ наиболѣе грубыми нравами. Въ честь Арея закалались плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. »Людей рѣжутъ надъ сосудомъ«, рассказываетъ Геродотъ, »совершивши предварительно возліаніе виномъ на головы жертвъ; потомъ, отнеши кровь убитыхъ на кучу хворосту, выливаютъ ее на мечъ. Это относятъ они на верхъ, а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: всѣмъ умерщвленнымъ людямъ отрѣзываютъ правыя плечи и бросаютъ ихъ въ воздухъ; покончивъ съ приношеніемъ остальныхъ животныхъ, удаляются«²⁾. Такой культъ Арею исполнѣ согласовался съ обычаемъ скиөскихъ воиновъ выпивать кровь перваго убитаго врага; божество получало въ жертву ту самую пищу, которая высоко цѣнилась самими почитателями³⁾. Аналогичное чествованіе бога войны тѣломъ военноплѣнныхъ Палласъ находить у монгольскихъ народовъ, при чемъ мѣстомъ жертвоприношенія служитъ вершина холма, а копье, на которое натыкается трупъ убитаго врага, представляетъ собою, подобно мечу скиөовъ, божество войны⁴⁾. Кочевой образъ жизни царскихъ скиөовъ, положеніе ихъ, какъ господствующей части населенія, поддерживаемое войною и набѣгами, отвѣчаетъ варварскому почитанію меча съ человѣческими жертвами. Мы видѣли, что Страбонъ, предпочитая названіе царскихъ скиөовъ воинами, полемизируетъ съ тѣми

¹⁾ IV, 78.

²⁾ IV, 62.

³⁾ IV, 64.

⁴⁾ Sammlung histor. Nachrichten über die mongol. Völkerschaften. II, 326 сл.

свидѣтелями, которые считали ихъ просто разбойниками. Сомнительно, чтобы подобный культъ согласовался съ земледѣльческимъ бытомъ остальныхъ скиеовъ, подвластныхъ войнолюбивымъ хищнымъ »царямъ«.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что строгое различіе въ культурахъ между разными скиескими народцами не имѣло мѣста во время Геродота. По всей вѣроятности, долговременное господство царскихъ скиеовъ въ причерноморскихъ земляхъ наложило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ печать единства на тамошнее скиеоское населеніе вообще; при этомъ нѣкоторые нравы и обычаи господъ могли перейти и къ ихъ подчиненнымъ, нѣкоторыя черты грубости менѣе культурной, но сильнѣйшей части населенія могли распространиться на болѣе культурную, но слабѣйшую часть жителей. Совершеннымъ безлѣсьемъ Скиеи греческій историкъ объясняетъ одну изъ подробностей скиеоскихъ жертвоприношеній, состоявшую въ томъ, что жертвенное животное варилося на горящихъ костяхъ, а не на древесныхъ прутьяхъ; подробность, не согласовавшаяся съ свойствами лѣсныхъ частей Скиеи, занятыхъ скиеами не царскими. Далѣе, предпочтительнымъ жертвеннымъ животнымъ у скиеовъ была, по словамъ того-же историка, лошадь. Годъ спустя послѣ смерти скиеи чествовали умершаго царя закладніемъ въ память его пятидесяти пригоднѣйшихъ слугъ и такого-же числа лошадей. Удавленныхъ юношей они усаживали особеннымъ способомъ на убитыхъ лошадей, устраивая такимъ образомъ почившему жертвоприношеніе всадниками¹⁾, т. е. такое, которое могло быть особенно желательно и пріятно скиеу-номаду. Нейманъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи »Еллины въ землѣ скиеовъ«²⁾ упоминаетъ объ аналогичномъ обычаѣ у монголовъ, а Бастианъ въ своемъ трудѣ »Человѣкъ въ исторіи«³⁾. Почти тождественный обычай сообщается Леббокомъ относительно патагонцевъ, на что обращаетъ вниманіе г. Воеводскій въ изслѣдованіи: »Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа«⁴⁾.

¹⁾ IV, 72.

²⁾ Стр. 232 сл.

³⁾ Der Mensch in d. Geschichte. 1860. II., стр. 335.

⁴⁾ Одесса 1877 г., стр. 35 сл.

Съ давняго времени и по настоящее геродотовы скифы отождествляются съ тѣмъ дикимъ кочевымъ народомъ, который въ пророчествѣ Іезекіиля и Іереміи носитъ названіе Гогъ (Góg), и опустошительные набѣги котораго представлялись израильскимъ пророкамъ величайшимъ бѣдствіемъ. Объ этомъ-же вторженіи скифовъ въ переднюю Азію рассказываетъ Геродотъ ¹⁾, причемъ описанное имъ событіе и со стороны хронологіи, и со стороны направленія скифскаго похода совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображено у израильскихъ пророковъ и относится приблизительно къ половинѣ VII вѣка до Р. Х. Операціоннымъ базисомъ скифовъ въ этомъ походѣ служила Армения, та именно часть ея, которая отъ нихъ получила названіе Сакасены. Объ этомъ-же говорить и Страбонъ въ слѣдующихъ словахъ: »скифы совершали набѣги, подобные вторженію киммерійцевъ и треровъ, одни болѣе отдаленные, другіе менѣе далекіе. Они заняли Бактріану, а другой разъ завоевали лучшую часть Арменіи, которой и оставили имя Сакасены. Оттуда они проникли въ Каппадокію, главнымъ образомъ въ ту часть, которая касается Евксинскаго Понта и называется теперь Понтикой« ²⁾. Въ 38 и 39 главахъ Іезекіиля читатель находитъ мрачную картину опустошеній въ Палестинѣ, предвѣщаемыхъ своему народу пророкомъ и причиняемыхъ ордами Гогъ. Варвары спускаются съ сѣвера и изъ сосѣднихъ странъ, увлекая за собою всѣ народы, жившіе между Кавказомъ и Месопотаміей. Варварскія полчища состоятъ главнымъ образомъ изъ всадниковъ, искусно владѣющихъ лукомъ. На появленіи варваровъ съ сѣвера неоднократно настаиваетъ и Іеремія. »Вотъ съ сѣвера наступаетъ народъ«, восклицаетъ пророкъ, »движется великій народъ съ окраинъ земли. Они несутъ лукъ и копьѣ; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ напоминаетъ ревъ моря; они ѣдутъ на лошадяхъ, вооруженныхъ также, какъ и войны. Противъ тебя, дочь Сіона! При вѣсти о наступленіи ихъ руки наши слабѣютъ, тревога овладѣваетъ нами, какъ женщиною, которая рождаеть. Не выходите въ поля, не показывайтесь на дорогахъ, вездѣ мечъ непріятеля, всюду царить ужасъ. Дочь моего народа! Накройся вретичемъ и повергнись въ прахъ, облекись въ трауръ,

¹⁾ I, 103--106.

²⁾ XI, 8, 4. p. 551.

какъ по единственному сыну, изливай горькія жалобы! Ибо разоритель наступитъ на насъ внезапно¹⁾.

»Когда Геродотъ«, замѣчаетъ Фр. Ленорманъ, »и другіе древніе писатели рассказываютъ о жестокости скиөовъ, ихъ алчности и грабительствѣ, то они употребляютъ почти тѣ-же самыя выраженія, въ какихъ Іезекіиль описываетъ воинство Гогъ²⁾. Подобно этому послѣднему народу скиөы сражались только на лошадяхъ, вовсе не имѣли въ своихъ рядахъ пѣхоты, были на столько совершенными стрѣлками изъ лука, что ихъ называли изобрѣтателями этого вооруженія и конными лучниками (ἰπποτοξόται).

Едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что подобныя черты варварства и дикости не могутъ быть безъ крайней натяжки приурочены къ скиөамъ-земледѣльцамъ,—онѣ вполне согласуются лишь съ нравами и образомъ жизни царскихъ скиөовъ-воиновъ, которые и въ геродотовой Скиөи жили войною и грабежемъ. Геродотомъ записаны такія проявленія власти скиөскихъ царей, которыя по грубости не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными намъ чертами владыкъ арійскихъ народовъ. Священнѣйшая клятва у скиөовъ совершается во имя пенатовъ царя ихъ. »Когда царь заболѣваетъ«, рассказываетъ Геродотъ³⁾, »онъ призываетъ къ себѣ трехъ славнѣйшихъ гадателей; они обязаны назвать лицо, ложно поклявшееся пенатами (Tabiti) царя и тѣмъ причинившее ему болѣзнь; обвиняемаго тотчасъ схватываютъ, приводятъ къ царю и допрашиваютъ. Если обвиняемый упорно запирается, то царь призываетъ шесть другихъ гадателей, и если эти послѣдніе показываютъ одинаково съ прежними, то виновнаго обезглавливаютъ на мѣстѣ, а состояніе его раздѣляютъ между тремя первыми гадателями. Если-же шесть призванныхъ гадателей оправдываютъ подсудимаго, то вызываютъ все новыхъ и новыхъ гадателей. Если большинство гадателей высказывается за оправданіе, три первые

¹⁾ Переводъ Ленормана: *Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris. 1882.* II. стр. 449 и слѣд. Здѣсь-же читатель найдетъ подробный разборъ извѣстій о разорительномъ вторженіи скиөовъ въ Палестину.

²⁾ *Ibid.*, стр. 439.

³⁾ *Ibid.* IV, 68. 69.

гадателя должны поплатиться смертью. Ихъ привязываютъ къ повозкамъ, запряженнымъ быками и наполненнымъ хворостомъ, и зажегши хворостъ, отдають гадателей на жертву пламени и изступленію быковъ*. Многіе быки сгорають вмѣстѣ съ гадателями; другіе убѣгають съ обжогами, когда сгоритъ дышло. Такимъ-же образомъ цари сожигаютъ гадателей и за другія вины, уличая ихъ въ ложномъ гаданіи. Царь казнить не только виновныхъ, онъ умерщвляетъ и дѣтей ихъ, истребляя все мужское поколѣніе*. Такою-же грубостью, которой не находимъ у арійскихъ народовъ, хотя извѣстія о нѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ за нѣсколько вѣковъ до Геродота, отличались похороны скиѣскихъ царей, сопровождавшіеся между прочимъ избіеніемъ слугъ. Если къ этому прибавить нѣкоторыя другія черты быта скиѣовъ, прежде всего, разумѣется, царскихъ, общія имъ съ нынѣшними монголами, нарп. употребленіе въ пищу конскаго мяса, сыру и кумысу (δούγαλα), окуриваніе въ паровыхъ баняхъ коноплянымъ сѣменемъ и т. п., то мы получимъ такую совокупность бытовыхъ особенностей нѣкоторыхъ частей скиѣскихъ обитателей южной Россіи, что сравнительно съ ними данныя языка, объясняемыя въ смыслѣ Мюлленгофа, получаютъ лишь весьма относительное значеніе. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ Фр. Ленормана, страна Μάγογ, откуда вышли орды Góg, оставалась свободно отъ вліянія арійства не только въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, но и гораздо позже. Онъ категорически отвергаетъ всякія попытки объяснить имена Góg и Μάγογ изъ арійскихъ языковъ и этимологию этихъ именъ, предлагаемую Тухомъ и Кнобелемъ и принимаемую Боннедемъ, по которой послѣднее изъ этихъ словъ складывается изъ двухъ разноразличныхъ элементовъ, называетъ просто чудовищною.

Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ нашихъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на чертахъ быта скиѣовъ царскихъ и вообще кочевыхъ, служатъ категорическія извѣстія добросовѣстнѣйшаго греческаго изслѣдователя, почти современника галикарнасскаго историка. Мы говоримъ о Гиппократѣ (460—377 до Р. X.). Знаменитый греческій врачъ пораженъ былъ необыкновеннымъ внѣшнимъ видомъ скиѣовъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ другихъ извѣстныхъ ему народовъ и скрывавшимъ для него индивидуальныя черты различныхъ представителей этого народа: »они похожи только на

самихъ себя«, замѣчаетъ онъ, »и нисколько на другихъ«. Цвѣтъ кожи скифовъ, по словамъ того-же ученаго, желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ женщинамъ¹⁾.

Въ виду всего сказаннаго выше мы считаемъ невозможнымъ не признать въ средѣ геродотовыхъ скифовъ туранскихъ²⁾ или точнѣе урало-алтайскихъ племенъ. То обстоятельство, что Геродотъ ничего не говоритъ о физическомъ строеніи скифовъ, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что онъ или не наблюдалъ лично собственныхъ скифовъ, или не обратилъ вниманія на такія черты, которыя не могли укрыться отъ болѣе испытаннаго въ этомъ отношеніи глаза Гиппократа.

Что населеніе геродотовой Скиѣи не было однородно, видно уже изъ раздѣленія его на скифовъ-землевлдѣльцевъ и кочевниковъ. Оно становится еще яснѣе въ виду такихъ отзывовъ о скиѣахъ у древнихъ писателей, которые менѣе всего соотвѣтствуютъ военному хищническому строю и образу жизни скифовъ царскихъ. Гомеръ называетъ »доителей кобылицъ« (ἵππομόλγοι) справедливейшими людьми³⁾. Въ отрывкѣ, сохраненномъ намъ Страбономъ⁴⁾, Эсхиль называетъ скифовъ народомъ благонравнымъ. Тотъ-же трагикъ въ своемъ »Промееѣ« изображаетъ скифовъ мирнымъ на-стѣшескимъ народомъ⁵⁾. Страбонъ сохранилъ изъ »Исторіи Ефора« нѣкоторые отрывки, относящіеся къ скиѣамъ и сарматамъ. »Савроматы и скиѣы«, замѣчаетъ историкъ, »далеко не одинаковы по образу жизни; иные до такой степени свирѣпы, что ѣдятъ человѣческое мясо, напротивъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ. Многіе писатели рассказываютъ объ ихъ дикости, писатели, которымъ лично приходилось наблюдать страшное, удивительное и поразительное; но, прибавляетъ онъ, слѣ-

¹⁾ *De aëri, aquis et locis*. 91. 94. τὰ εἶδεα ὁμοῖα αὐτὰ ἑαυτοῖσι σισί. 97. 98—10 2.

²⁾ Терминъ »туранство« вслѣдствіе своей неопредѣленности долженъ наконецъ уступить мѣсто другимъ болѣе точнымъ.

³⁾ *Ibid.*, XIII, 5.

⁴⁾ VII, 3 6.

⁵⁾ Стр. 709 сл.

дуетъ показать и примѣры противнаго. Между кочевниками скиөами есть народы, которые питаются только кумысомъ и отличаются при этомъ замѣчательною честностью и справедливостью¹⁾). Впрочемъ у самого Геродота имѣются свидѣтельства подобнаго рода. Такъ, онъ отличаетъ скиөовъ отъ невѣжественнѣйшихъ народовъ Понта и говоритъ о мудрости ихъ²⁾). Въ разсказѣ о даріевомъ походѣ онъ называетъ скиөовъ народомъ мирнымъ.

Всѣ подобныя черты, несогласныя съ общимъ характеромъ царскихъ скиөовъ, понятны, если мы перенесемъ ихъ на земледѣльческіе скиөскіе народцы, слившіеся съ первыми въ одно политическое цѣлое. Скиөы-земледѣльцы отличались отъ царскихъ не только по степени культуры и образу жизни, но и по національности. Въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы одинъ только Гиппократъ сохранилъ намъ извѣстія о физическомъ строеніи скиөовъ—разумѣются царскіе,—о строеніи, выдѣлявшемъ ихъ, по словамъ греческаго врача, въ народъ совершенно особый.

Мы не знаемъ ни одного серьезнаго аргумента противъ принимаемаго нами раздѣленія скиөскихъ обитателей южной Россіи въ V в. до Р. X. Напротивъ, наше мнѣніе согласуется съ общимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу и съ топографіей скиөскихъ народцевъ, извѣстной намъ по Геродоту. Скиөы царскіе, какъ пришедшіе сюда послѣ земледѣльческихъ, заняли земли къ востоку и сѣверу лежащія отъ ихъ предшественниковъ на скиөской территоріи. Урало-алтайскія орды покорили древнее арійское населеніе, понизили его культуру, утвердили деспотическій политическій строй, стараясь къ тому-же оградить себя отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Эти послѣднія усилія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: арійская часть Скиөиіи уступала вліянію греческой культуры, она выдѣлила изъ себя каллипидовъ, смѣшавшихся съ греческими колонистами и образовавшихъ еллино-скиөовъ.

Неразрѣшимымъ остается вопросъ о томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ соединены были въ геродотовой Скиөиіи племена арійскія и не-арійскія. Правда, у Геродота есть одно замѣчаніе, изъ котораго позволительно заключить, что господствующіе

¹⁾ VII, 3, 9. p.

²⁾ IV, 4 6.

скиөы не составляли по крайней мѣрѣ значительнаго большинства въ общемъ скиөскомъ населеніи. »Численности скиөовъ«, замѣчаетъ историкъ, »я не могъ узнать; но слышалъ объ этомъ различныя мнѣнія, потому что ихъ и очень много, и мало, какъ скиөовъ«¹⁾. Само собою разумѣется, названіе скиөовъ употреблено здѣсь въ смыслѣ геродотовыхъ скиөовъ, а не въ общемъ смыслѣ всѣхъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Чернаго моря. Слѣдовательно самъ историкъ готовъ понимать подъ своими скиөами то одну часть ихъ, конечно, скорѣе всего царскихъ скиөовъ, то всѣ народцы, названные имъ общимъ именемъ. Производствомъ провѣрки населенія, сдѣланной Ариантою, царь имѣлъ въ виду привести въ извѣстность всѣхъ плательщиковъ податей въ его владѣніяхъ; таковыми были прежде всего подчиненныя царскимъ скиөскія племена; они-то и увеличивали до значительной цыфры количество скиөовъ. Самый памятникъ общенародной переписи Геродотъ видѣлъ не въ странѣ царскихъ скиөовъ, что по ту сторону Герроса, но въ Эксампѣ, въ землѣ скиөовъ-пахарей, по сую сторону Гипаниса (Буга). Весьма вѣроятно впрочемъ, что ближайшими по расѣ къ царскимъ были такъ названныя у Геродота скиөы-номады, названіе, несомнѣнно представляющее передѣлку на греческій ладъ какаго-либо туземнаго народнаго имени. Во всякомъ случаѣ названію этому долженъ былъ отвѣчать вполнѣ кочевой образъ жизни этого народца, являющагося у греческаго историка какъ-бы номадами по преимуществу.

Слѣдовательно, если Геродотъ превосходилъ своихъ предшественниковъ и нѣкоторыхъ изъ преемниковъ въ географической и этнографической точности описанія Скиөіи, то все-таки свѣдѣнія его объ этой странѣ и ея населеніи были не на столько достаточны, чтобы дать намъ вѣрное представленіе о составѣ того населенія, которое по имени господствующей расы получило общее наименованіе скиөовъ.

Въ заключеніе намъ остается рассмотреть доводы почтеннаго московскаго профессора, Всев. Фед. Миллера въ пользу иранства скиөовъ²⁾. »Изъ всѣхъ догадокъ«, говоритъ онъ, »предложенныхъ о

¹⁾ IV, 60.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1882 г., авг. Стр. 191—207.

національности сарматовъ и скифовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ) видятъ въ этихъ народахъ иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не индо-европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скифовъ* и *иранцевъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скифовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиѳіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы*.

Вс. О. Миллеръ, извѣстный между прочимъ изслѣдованіями объ осетинахъ, подтверждаетъ предположеніе свое ссылкой на нѣкоторые обычай осетинскаго народца, принадлежащаго къ иранцамъ, сходные съ обычаями геродотовскихъ скифовъ. Такъ, въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ сохранились слѣды скальпированія, напоминающіе тотъ же обычай у скифовъ. Но между двумя народами замѣчается въ этомъ отношеніи и не маловажная разница, опускаемая почтеннымъ ученымъ: въ сказаніи объ осетинскомъ героѣ Созрыко шубы сшиваются изъ кожъ ближайшихъ родственниковъ: отцовъ, братьевъ, мужей, тогда какъ у скифовъ жертвами скальпированія были только враги. Подобный обычай не чуждъ и урало-алтайскимъ народамъ, а также дикарямъ сѣверной и южной Америки ¹⁾).

Далѣе почтенный ученый обращаетъ вниманіе на способы гаданія осетинновъ, аналогичные скифскимъ, записаннымъ у Геродота ²⁾), именно, посредствомъ палочекъ и липовыхъ лентъ, приготовленныхъ изъ лубка и наматываемыхъ на пальцы. Но второй способъ извѣстенъ также калмыкамъ, а первый гораздо ближе къ способу гаданія шамановъ, записанному Гмелинымъ въ его путешествіи по Сибири ³⁾). »Послѣ непродолжительнаго тихаго бормотанія«, замѣ-

¹⁾ К. Neumann, *O. c.*, стр. 304. Л. Воеводскій, *O. c.*, стр. 26 сл.

²⁾ IV, 67.

³⁾ Gmelin, *Reise durch Sibirien*. I, 290. Neumann, *O. c.*, стр. 265.

часть путешественникъ, колдунъ бралъ пучокъ мелкихъ палочекъ, какъ бы сѣрныхъ лучинокъ. Въ такомъ пучкѣ содержится 49 палочекъ, подобно тому, какъ гадатели черемисскіе, чувашскіе и вотякскіе имѣютъ (для этой цѣли) 49 бобовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выбиралъ изъ пучка пять палочекъ и клалъ ихъ особо. Съ остальными онъ игралъ, бросая ихъ то туда, то сюда, а затѣмъ вытягивалъ то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдунъ произносилъ гаданіе. У Геродота гадатели, которыхъ у скиөовъ было много, кладутъ на землю большіе пучки палочекъ, развязываютъ ихъ, раскладываютъ по одной палочкѣ порознь и произносятъ проричанія; потомъ опять собираютъ ихъ по одной и складываютъ въ пучки.

Въ похоронныхъ обрядахъ осетиновъ участвуютъ не одни родственники покойнаго, но весь аулъ его или даже вся окрестность, какъ у скиөовъ. Погребеніе сопровождается обильнымъ угощеніемъ; поминки по умершемъ повторяются въ теченіи перваго года послѣ смерти до двѣнадцати разъ; при погребеніи обязательно для ближайшихъ родственниковъ выраженіе сильнѣйшей скорби и горя, а въ прежнее время, о чемъ свидѣлствуютъ надгробные памятники, съ покойникомъ погребали коня и различные нужные для него предметы.

Всѣ эти черты, разумѣется, близко напоминаютъ скиөскіе похороны ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ ²⁾.

Вс. Ө. Миллеръ упоминаетъ еще о богатырской чашѣ, слѣды употребленія которой сохранились въ осетинскихъ сказаніяхъ. Это—чаша, подобная той, въ которой правитель каждой скиөской области (*чорархос*) ежегодно замѣшивалъ вино; причемъ изъ чаши имѣли право пить только тѣ скиөы, которые убивали непріятелей; никого не убившіе не допускались къ чашѣ и сидѣли въ отдаленіи ³⁾.

Впрочемъ вообще мы полагаемъ, что придавать большое значеніе сближенію геродотовыхъ скиөовъ съ нынѣшними осетинами нельзя; нельзя и пользоваться этимъ сближеніемъ для подкрѣпле-

¹⁾ IV, 71—73.

²⁾ I. С. F. Baehr. *Herodotos*. Примѣчанія къ главамъ, сюда относящимся.

³⁾ IV, 66.

ніа гипотезы объ иранствѣ скифовъ. Во-первыхъ, далеко недостаточно извѣстны прошлыя судьбы этого небольшого горнаго народа, его отношенія въ прошломъ къ другимъ народамъ, отличнымъ отъ него по расѣ и языку. Во-вторыхъ, на настоящей своей территоріи, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, осетины стиснуты многими народцами никакъ уже не-арійскаго, но скорѣе всего урало-алтайскаго типа, каковы: чеченцы, грузины, кабардинцы и др. Самъ г. Миллеръ замѣчаетъ, что «многія имена нартовъ—богатырей общи у кабардинцевъ, балкарцевъ и осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатану». Между тѣмъ главнѣйшія черты быта осетиновъ, сближаемыя авторомъ съ скифскими обычаями, заимствуются имъ изъ сказаній о богатыряхъ Сосруко и Батразѣ. Авторъ самъ предостерегаетъ изслѣдователей дѣлать обобщенія относительно прошлой исторіи осетинъ на основаніи ихъ эпоса, детальная разработка котораго до сихъ поръ еще не начиналась даже; онъ самъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартовъ; онъ даже дѣлаетъ догадку, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій на сказанія балкарцевъ; но ни кабардинцы, ни балкарцы не принадлежатъ къ иранцамъ, ни вообще къ арійской семьѣ народовъ.

Въ виду этого трудно, если не совсѣмъ невозможно отрицать многообразныя вліянія урало-алтайскихъ народцевъ на иранскихъ осетиновъ; тѣмъ менѣе возможно полагаться на нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства между геродотовыми скифами и нынѣшними осетинами въ доказательство иранства первыхъ.

Положеніе и бытъ осетиновъ въ виду занимающаго насъ вопроса представляется поучительнымъ въ другомъ смыслѣ: судьба этого иранскаго народца показываетъ намъ, какъ племя высшее по расѣ и по способности къ культурѣ можетъ при извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ уступить вліяніямъ племенъ низшей расы, въ особенности, если эти послѣднія подобно царскимъ скифамъ Геродота оказываются въ положеніи господъ. Присутствіе арійскихъ иранцевъ въ геродотовой Скиѣи, занимавшихся земледѣіемъ, отличавшихся миролюбивымъ характеромъ и охотно сбижавшихся съ греческими поселенцами, весьма вѣроятно; но едва-ли можетъ под-

лежать сомнѣнiю, что господствующею частью населенiя Скиөии были орды урало-алтайскаго типа, нѣкоторыя физическiя черты котораго засвидѣтельствованы для насъ писателемъ, не уступающимъ по добросовѣстности и достовѣрности отцу исторiи, именно Гиппократомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Геродотъ съ своими приемами изслѣдованiя, съ своимъ знанiемъ варварскихъ языковъ не исключилъ бы осетиновъ изъ общей группы кавказскихъ народцевъ, какъ онъ соединилъ однимъ именемъ скиөовъ-арiевъ и скиөовъ—урало-алтайцевъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ заключенiямъ: 1) отецъ исторiи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названiе скиөовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятiе скиөскихъ народовъ; но политическое единство скиөовъ и недостаточность приемовъ наблюденiя помѣшали ему различить въ составѣ скиөскаго населенiя племена различныя по расѣ, арiйскiя и урало-алтайскiя; 2) къ арiйскимъ слѣдуетъ причислять каллипидовъ, алазоновъ, скиөовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукучевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общiе арiйскiе предки индо-европейскихъ народовъ еще до раселенiя ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азiи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скиөы-кочевники, прежде всего царскiе скиөы, пришедшия сюда послѣ арiйскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скиөскихъ племенъ, которыя въ описанiи Геродота ограничиваютъ скиөское населенiе юга Россiи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти съ юга (арiйскiе народцы не чуждались еллинской культуры и содѣйствовали распространенiю ея дальше къ сѣверу отъ греческихъ колонiй, между тѣмъ скиөы-урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному) и 4) терминъ »царскихъ« скиөовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ къ замѣнѣ »базилевъ« »барзилеями« у насъ нѣтъ достаточныхъ основанiй.

Ө. Мищенко.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ нѣсколько дней, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертольди, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепьяно. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригинальной гармонизаціи съ пѣвучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, умный и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему геніальному таланту. Онъ просматривалъ мои музыкальныя со-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., апр. кн., стр. 609—633.

чиненія, нашелъ ихъ очень удовлетворительными для любителя, далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контрапункта. Жена Мендельсона, милая и привѣтливая дама, весьма недурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливый, но красивыя зданія, узкія, но чисто содержимыя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ царствовавшіе, патриархальный образъ жизни, простота и дешевизна были мнѣ по сердцу. Я нанялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дотцауеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музыкальные уроки. Какъ тотъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепьяно, постигъ всю премудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю, по средамъ, собирались музыкальныя знаменитости Дрездена, исполняли квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шубертъ, на віолончели попеременно игравали Дотцауеръ и Куммеръ. Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное существованіе и музыкальныя развлеченія помирли меня съ моимъ положеніемъ. Каждое воскресенье я отправлялся въ католическую церковь слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда Рейсигеръ. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ нѣмецкой оперѣ въ новомъ отлично отдѣланномъ театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ въ то время, и дѣйствительно состоялъ изъ первоклассныхъ артистовъ. Достаточно сказать, что первымъ капельмейстромъ былъ Рейсигеръ, вто-

рилъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, виолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторной: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девриенъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Постановка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшюцъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперой, Гугеноты Мейербеера и Ріэнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построенное и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейсигера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей оперѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиціи; но тогда уже въ немъ проглядывала гениальность. Вагнеръ былъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или социальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непріятенъ своими рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральнымъ, радикальнымъ образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣжденій Вагнера, совершенно противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Крахаха, что письмо мое передано, другихъ извѣстій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирнаго шестинедѣльнаго пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свезла меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардіи поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетъ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и пріѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русскіе легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались пріятелями. З. предложилъ мнѣ нанять общую квартиру просторнѣе моей, отыскалъ очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостинницѣ » Zum goldenen Hirsch «,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостинную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содержателя гостинницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; приобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, по вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбилъ стараго моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начиналъ имѣть уже небольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированіемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлерей. Онъ нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерей и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сивстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлерей не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому гениальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и *Cristo della moneta* Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюиздала.

Вскорѣ наши вечерніе приемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаю, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятымъ въ Дрезденѣ обычаямъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятоѣ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десятоѣ всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашняго быта. З. очень скоро надоѣлъ мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно пошлый господинъ, не умѣвшій правильно писать по русски и понимавшій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, но считалъ нужнымъ дополнить образованіе путешествіями и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпалъ звучныя фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончивъ чтеніе «Людовика XIV» Александра Дюма, З. увѣрялъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нить аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ ни старался я ему объяснить, что выраженіе: *double capacité* вовсе не означаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, Э. не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началъ спорить и остался при своемъ убѣжденіи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня полагать объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наими часто представлялся моему воображенію, нерѣдко поминялъ я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести останавливалъ меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ о предполагаемомъ мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда поѣду и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполне Наимѣ. Первая часть: *Allegro agitato* въ F-мольномъ тонѣ заключаетъ въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій характеръ; вторая: *Andante con moto, As dur*, чисто въ рускомъ стилѣ и напоминаетъ одну изъ великорусскихъ пѣсень; третья *Scherzo Allegro*, лиричная, но игривая мелодія, потому что Trio въ мажорномъ тонѣ; четвертая: *Finale Allegro* не богатая музыкальными идеями, но тщательно разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три мѣста въ инструментовкѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфоническихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевскаго оркестра въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25 талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служившихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно порядочную сумму. Содержаніе-же оркестра вообще не обходилось дорого. Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Липинскій, получалъ всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенау полторы тысячи, Дотцауэръ и Куммеръ по шестисотъ; чрезъ 25 лѣтъ службы жалованье обращалось въ пенсію.

Исполненіе моей симфоніи было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ, музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музыкальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе перваго, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ компли-ментами выразилось и недоувѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэру и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Ганфстенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставнаго полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ онѣмеченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая, очень не красивая, но умная и привѣтливая, была дѣвницей.

Ганфстенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чая, я рассказываю имъ, какъ мы съ Ганфстенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, извѣстной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Ганисъ сталъ укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ былъ догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дому; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургъ, и кредитива прислана

на мое имя для получения денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамилиі этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправляюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представителѣ богатаго банковскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей платили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умалчалъ; въ банкиръ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ верное воскресенье въ зданіи стараго театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Бетговена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я завася билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. 3. не пожелалъ слушать серьезной, но очень скучной, во его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба вечера; къ генеральной репетиціи пріѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнизонъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Лея и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдился въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но не забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твоя, на вѣкъ твоя, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галерей, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посѣщае-

меня публикой. Здѣсь Наима сообщила мнѣ, что пріѣхала съ Леей погостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагала ѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданнаго моего отъѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣять ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Наима не могла, а переговорить съ ней безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю »Hôtel de saxe«, съ которымъ былъ знакомъ, посѣщая иногда знакомыхъ въ его гостинницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльнаго помѣщенія на короткое время для рождественницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Наиму на площади не далеко отъ Саксонской гостинницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостинницѣ; я подошелъ, то была Наима; я ей подаль руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я остолбенѣлъ отъ удивленія и восторга. Никогда еще Наима не представлялась мнѣ такою красивою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и палъ къ ея стопамъ. Въ безмолвіи, въ упоеніи наслаждался я дивною ея красотой, вливался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла меня. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпилъ наши чувства навсегда. Вѣчно памятный день! Съ нимъ взошла новая заря моей жизни, предстала будущность, полная счастья и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостинницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великодушїи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однимъ условїемъ, чтобы между нами никогда не былъ возбуждаемъ религиозный вопросъ, — какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденїемъ послѣдняго условїя, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взаимно громаднѣхъ жертвъ, ея приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословить Богъ, отвѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣтъ вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленїя чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и даль также обѣтъ осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблуть непреклонность Наимы въ религиозномъ отношенїи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Лей. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наимы, она всегда была благосклонно ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделикатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшенїе.

— Не беспокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчїе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданїя съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенїя; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, зная твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствїе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнїя мои разсѣялись, и на другой день стоворились мы собраться въ Саксонской гостинницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы въ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италию.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальные сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостинницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось безпокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наимѣ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устранялись любящимъ сердцемъ: мнѣ казалось, какой то тайный голосъ напештывалъ мнѣ, что когда увидать мою Наиму, когда узнають ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжаю съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы расстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаній на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Оленя« и слугой, я убѣдился, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наимой въ Саксонской гостинницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Лея. Ея появленіе привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой превосходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствіе и препятствовать вашему счастью, въ этомъ отношеніи я покараюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Наиму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Ріегте, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осмыпалъ руки Леи горячими поцѣлуями, увѣрялъ ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоценными залогоми любви и дружбы и отвѣтилъ, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее моею сестрою. Потомъ Лея объявила намъ, что велѣла перенести въ нашъ

номеръ всё свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наимы, чтобы не беспокоить вечернимъ отъѣздомъ своихъ дрезденскихъ родственниковъ, и взяла късто до Праги въ дилижансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ ѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Триеста, а изъ Триеста на пароходъ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ дилижансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инспрукъ и Верону въ Венецію.

Лея и Наима пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; онѣ возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированному въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣдъ былъ очень оживленъ, къ концу намъ всёмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточныя средства для путешествія. На утвердительный мой отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наимѣ капиталъ, который слѣдовалъ ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наимы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякій случай. Въ вексель заключается четвертая часть имущества Наимы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца ей достанется еще сто тысячъ. Довѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наимѣ вексель.

Въ восемь часовъ мы простились съ Леею; разставанье было трогательное: всё плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы мчались скорымъ поѣздомъ, въ отдѣльномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

II.

Харитонъ Моссаковскій не выждалъ и «сорочинъ по батьковин» Справивъ *девятину*, онъ приодѣлся, подбрился, надѣлъ новые, правда простые сапоги, подстригъ не много курчавые свои волосы, запрегъ плохенкую лошаденку и поѣхалъ въ Чайки въ Онисѣ Прокоповичевнѣ...

На той-же недѣлѣ былъ въ Богуславѣ ярмарокъ. На ярмаркѣ были отецъ и мать Прокоповичи. Здѣсь встрѣтили они сосѣдей и сосѣди, какъ по писанному, рассказали имъ всю «гарбузовую» исторію, какую продѣлала дочь ихъ съ академистомъ Балабухою.

Прокоповичи пріѣхавъ домой, навинулись на Онисию «мокрымъ рядомъ».

— Гарбузуй, гарбузуй, дочко! вычитывала мать. Догарбузуешься скоро, що зовсимъ одвинутця одъ тебо женыхи.

— Не бійтесь, мамо, не одвинутця! Мене ще никто рябымъ конемъ не обѣхавъ. А хотьбы й обѣхавъ, то я того не боюсь. А вашого Балабухи таки не люблю: бо винъ гоноровитый, дивиться на мене згорда, та верзе щось таке, що я й не розберу:

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1884 г., янв. кн., стр. 83—110.—На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1876 г. о малорусскомъ правописаніи, въ малорусскомъ текстѣ этой повѣсти и другихъ статей, вм. буквы *і*, употреблявшейся нами при переходѣ въ этотъ мягкій звукъ *ь*, равно *о*, *е* и *у*, мы будемъ ставить всегда *и*, отличая эту букву надстрочнымъ знакомъ *і* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для устраненія сбивчивости произношенія и смѣшенія понятій, напр. *іду* (*ѣду*), а не *иді*, *іжъ* (*ѣжъ*), а не *ижъ* и проч.—Рѣд.

кни-кни-кни! кувикае по якомусь, нечистый ёго зна, по якому! Не-
живенъ, чи винъ тебе хвалить, чи зъ тебе сміється!

Только что кончила Онися, какъ на дворѣ залаяли собаки. Въ
сѣняхъ кто-то спрашивалъ у наймички: чи батюшка й матушка
дома? А панна дома?

Въ свѣтлицѣ скрипнули двери: то входилъ Харитонъ Мосса-
ковскій.

Харитонъ приварядился, причесался. На немъ былъ длинный,
до верху застегнутый скртуекъ темносиняго сукна, съ роговыми
луговицами; этимъ исчерпывался весь его костюмъ, и только широкій
воротъ чисто вымитой рубахи, привольно покрывавшій скртуч-
ный воротникъ, да ярко красная шелковая застежка пріятно отгѣ-
няли симпатичное лице Харитона. Тогдашній дьячекъ нашъ еще
не успѣлъ выродиться въ ту типичную церковную фигуру, въ длин-
нополломъ кафтанѣ и съ косичкой назади, какая давно уже красо-
валась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и казалъ изъ себя мѣщанина
средней руки или шляхтича низшаго разряда. Ровно подстрижен-
ные русые волосы Харитона густыми кудрями вились вокругъ его
шеи. Высокій, стройный, съ легкимъ станомъ, зъ бѣлымъ матовымъ
лицемъ, съ свѣтлосиними глазами, Моссаковскій представлялъ изъ
себя изящную, неопредѣленного типа, фигуру блондина, и только
загорѣлыя, широкія руки его, огрубѣвшія въ тяжелой работѣ, выдавали
его невысокое социальное положеніе. Не большіе усы, ровныя, тем-
ныя брови очень шли къ его свѣтлосинимъ очамъ и довершали
общую пріятность его лица.

Не смотря на свое скромное положеніе дьячка, Моссаковскій
не пошелъ предварительно въ кухню, но прямо вошелъ въ свѣтлицу:
въ тѣ поры не было еще такой разни между священниками и дьяч-
ками, какая установилась впоследствии, и дьячки не выстаивали еще
по цѣлымъ часамъ въ кухнѣ или на крыльцѣ, въ ожиданіи, пока
доложатъ батюшкѣ объ ихъ приходѣ.

Старикъ Прокоповичъ послѣшилъ къ гостю изъ »вѣмнаты«
гдѣ шла семейная бесѣда. Мать и дочь стояли за дверями и при-
слушиваясь къ начинавшемуся въ свѣтлицѣ разговору, въ свою
очередь перекидываясь словами.

— Це прыѣхавъ дякъ зъ Карацишнѣвъ, Мосаковскій, сынъ по-
войного священника вильшаницького, — чуть слышно проговорила

къ своей дочери мать и, настроенная раньше на тонъ увора, прибавила: ѳздили до тебе академисты, а теперъ почали вже дяки.

— Дяки дурнисинько будуть ѳздити. И вже я дячихою та не буду,—еще тише отозвалась Онися.

Но любопытство взяло свое. Между дверью и верхней притолкой была значительная щель, во всю ширину двери. Онися приставила стулъ, стала на немъ и принялась глядѣть въ щелку на гостя. Мать кивала ей пальцемъ, грозила кулакомъ, что-то грозно шептала, дергала Онисю за одежду, а Онися стояла и внимательно разсматривала Харитона. Наглядѣвшись вдоволь, она тихонько, какъ кошка, сполза со стула.

— А що-жь? якій? Чи молодой, чи старый? не удержалась Прокоповичка, чтобъ не спросить у дочери.

— Молодой, былявый, высокій, тонкій и говорить дуже несмыливо та тихо,—шептала Онися матери надъ ухомъ: але черта-зъ-два! За дяка не пиду. Въ насъ високи пороги для дякивъ.

Вскорѣ Прокоповичъ выглянулъ изъ свѣтлицы и шепнулъ женѣ подать водки и закуски, а Онисѣ сказалъ, чтобы она сама вынесла все это въ свѣтлицу.

— А вже-жь! Чого я до ёго выйду? Не бачила зроду дякивъ. Нехай йде де инде! сказала Онися.

— Та его вильшаницька громада обибрала на свою парохвію за свьященника. Оце думаютъ ѳхати въ Къивъ до владыки зъ прошеніемъ. Ты лишъ, дочко, не дуже крпу задирай, та мерщій выходи до гостя.

— Хиба такъ! якъ буде свьященникомъ, та ще й въ Вильшаныци, то може й выйду, сказала Онися.

— Прибирайся, дочко, та йди! Въ Вильшаныци церковного поля, левадъ, синокосивъ конемъ не обьихати за цилый день. Парохвія велика!

— Потривай-же лишень, мамо, роздивлюсь на жениха. Не вамъ йти за ёго замижъ, а мени,—сказала Онися.

Немного погода, Онися вышла разомъ съ матерью. Моссаковский низко поклонился и покраснѣлъ, какъ макъ. Онъ давно уже не видѣлъ Ониси и теперъ она показала ему въ десять разъ милѣе, чѣмъ даже въ ту пору, когда она въ первый разъ поразила его своею красотою.

Всѣ усѣлись. Моссаковскій, положивъ руки на колѣни, сидѣлъ неподвижно, точно татарскій божокъ, опутивъ глаза внизъ. Онъ не рѣшался взглянуть даже на Онисю. Онися окинула его быстрымъ взглядомъ и онъ съ перваго-же глаза показался ей гораздо красивѣе Балабухи.

— Чи винъ смиренный, чи тилько вдае зъ себе тихого, думала Онися, пристально глядя на его лице, брови, усы, губы.

Для завязки разговора, хозяинъ выпилъ рюмку «до гостя», приподнесъ и ему. Гость выпилъ полъ-рюмки, робко поставилъ на столъ и не закусывая, снова усѣлся на стулъ, опутивъ глаза внизъ и положивъ обѣ руки на колѣни; при этомъ онъ протянулъ пальцы во всю ихъ длину, что означало уже нѣкоторую степень развязности и то, что гость входилъ такъ сказать нѣсколько въ себя и какъ-бы набирался духу. Прокоповичъ завелъ рѣчь о покойномъ отцѣ гостя, припомнилъ, гдѣ вмѣстѣ они встрѣчались, о чемъ говорили и еще кое-что въ томъ-же родѣ,—гость едва поднималъ свои тихія очи, едва вставлялъ слово въ рѣчь хозяина.

Разговоръ прервался, настала тишина. Прокоповичка сожалѣла о Балабухѣ и видимо отбывала, какъ панцину, молчаливое сидѣнье на канапкѣ.

— Чи вы пакъ були коли въ нашій церкви?—неожиданно прервать томительное молчаніе Прокоповичъ. Чи бачили наши нови образы?

— Дай, старый, покій зъ образами! прервала его матушка. Не встигли выпити по чарци...

— А, то-бъ то по другій? Добре, що нагадала. То мы й по другій.

И онъ проворно потянулся къ флашкѣ, выпилъ вновь до дна и поднесъ гостю, но тотъ едва губы обмокнулъ. Прокоповичъ не упрашивалъ; онъ радъ былъ чѣмъ нибудь разшевелить молчаливаго гостя, а еще болѣе тому, что есть предъ еѣмъ похвалиться своими заботами о церкви, и послѣшилъ увлечь Харитона въ церковь. Тутъ онъ показалъ ему всѣ новые образа, даже Неопалимую купину въ алтарѣ: послѣдняя картина представляла огромный кустъ дивой розы, или терновника; кустъ весь объятъ былъ пламенемъ, а около него стоялъ Мойсей на одной ногѣ, обутой въ сапогъ, другую-же, босую, онъ протянулъ къ купинѣ и точно пригрѣвалъ ее около огня; въ рукахъ у него торчалъ большой мужичій сапогъ съ длин-

нымъ голенищемъ, а поверхъ купины видѣлись Рось и церковь м. Богуслава.

— Ой дивни-жъ ваши образы! Господи, яка краса!—непритворно отзывался Харитонъ и набожно крестился передъ каждымъ новымъ образомъ.—Якъ стану на парахвѣи, то покличу того самого маляра, щобъ и мени намалювавъ и купину, и пекло, и того пророка, що на коняхъ огнястихъ.

— Колибъ вы знали, яки тамъ апостолы въ бани! якій тамъ Андрей Первозванный! я вамъ скажу, такого и въ Лаври нема. Шкода, що дуже високо. Якъ-бы драбина, то можна-бъ полизты, та близько придивитись,—хвалился старый Прокоповичъ, оглядываясь по сторонамъ и ища глазами, нѣтъ-ли гдѣ драбины.

Харитонъ немного встревожился: у него кружилась голова, когда ему приходилось подниматься на какую нибудь высоту, напр. на стогъ сѣна, или скирду хлѣба, а тутъ отказаться было-бы неловко, такъ какъ въ силу жениховскаго своего положенія онъ долженъ былъ казать изъ себя молодца; ему нужно было притомъ подлаживаться подъ вкусъ отца невѣсты, чтобы заслужить его расположеніе.

— Гляньте, якій огонь въ пекли. Ну, таки горить, горить, неначе чорты дровъ підкидають! продолжалъ Прокоповичъ.

— Ой Господи! якъ горить, горить! зовсімъ горить, вторилъ Моссаковскій и перекрестился предъ изображеніемъ ада.

— А якихъ чортивъ повидумувавъ капосный маляръ! Вы, пане дяче, тильки придивитесь: отой, що пре въ пекло нагайкою блудницъ въ червоныхъ намистахъ, вгадайте, на кого похожий?

— Не вгадаю. Неначе на богуславського станового,—не рѣшительно промолвилъ Моссаковскій и—покраснѣлъ.

— Та це-жъ винъ самый! Це й нисъ его, неначе бульбашва, и очи вытришеувати, тильки маляръ поставивъ ёму на голови роги, та причепивъ ззаду куцого хвоста.

— А отой, що лупить киемъ шинкаривъ, не вгадаете, на кого похожий? сказалъ Прокоповичъ.

— Цѣго вже не вгадаю, отвѣчалъ Моссаковскій, хотя и догадывался, на кого мѣтилъ Прокоповичъ.

— Не вже не вгадаете? Це-жъ нашъ письменодитель духовного правленія. Якъсь я проговорився передъ маляромъ: намалюй, кажу ты отого хаптурника въ пекли, на самому дни, пидъ Іудкою, щобъ

винъ знавъ, яка ему буде на тимъ свити честь. Коли дивлюсь, а винъ его й перерядивъ на чорта, та ще й вія ему въ руку давъ. Гляньте, якъ працює, бидораха.

— Дивно, дивно,—повторялъ, какъ заученное, Моссаковскій.

Прокоповичъ былъ вполнѣ доволенъ, что нашель добраго цѣнителя художествъ, въ которыхъ посторонняя кисть воплотила не только занимавшія его, но такъ сказать личныя его идеи; но, выйдя изъ церкви, онъ вспомнилъ, что не все еще показаль своему гостю и, взявъ за руку Моссаковского и отведя его отъ церкви подъ ограду, ткнулъ пальцемъ на церковныя купола.

— А придивиться лишень, заговорилъ онъ, до нашихъ бань? Що тамъ намалѣвано! Ото-жъ маєте тамъ дванадцять пророкивъ малихъ и чотыри вельвяхъ. Тильки шкода, що нема драбины! Отъ якъ бы вы вылизли хочъ за опасаня та придивились, якъ винъ намалювавъ тихъ пророкивъ! Дивно, дивно!

Прокоповичъ оглянулся вокругъ, ища лѣстницы. У Моссаковского задрожали ноги. Тяжелая лѣстница лежала въ травѣ тутъ же въ оградѣ. А что если старикъ вздумаетъ приставить лѣстницу и заставить лѣзть »до опасаня«, а пожалуй и за опасаня!—промелькнула мысль въ головѣ Моссаковского.

Прокоповичъ дѣйствительно бросился въ лѣстницѣ и сталъ поднимать ее, но онъ былъ старъ, и малъ, и слабъ, и какъ ни силлся, долженъ былъ бросить лѣстницу въ траву.

Моссаковский не только не рѣшился помочь ему, но старался отклонить его отъ безповоившаго его самого намѣренія.

— Не пиднимайте, говорилъ онъ, бо пидвередитесь. Та сказать правду, я трохи боюсь лазити высоко, совсѣмъ уже откровенно признался Моссаковский.

— Оце! Такий-же зъ васъ парубокъ. Моя Онися лазила выще опасаня; а якъ була малою, то зъ хлопцями, було, по латахъ лазыть въ клуни горобцивъ выдирать, якъ та кішка, було, лизе, ажъ спидничина на ій гойдається,—неожиданно для гостя закончилъ говорливый старикъ и повель Моссаковского »до покою«. Тамъ ихъ ждали уже давно. Мать не спускала очей зъ Ониси: она боялась, чтобъ та опять и новому жениху не положила въ возъ »гарбуза«.

— А що, дочко, якъ тобі показався цей дякъ? спросила мать.

— Винъ крацій одъ Балабухи, и такий тихій, спокойный. Я люблю тихихъ та добрыхъ людей, сказала Онися.

— И вже й ты! Балабуха чоловікъ здоровый, сильный, ще й до того вчений. А це якийсь простає, сказано: дяє.

— Я тихъ вченихъ не дуже люблю, бо я й сама проста. Балабуха ще присилувавъ-бы мене говорити полатинськи, а я й по московськи не вмю.

Онися наклонилась къ окну и взглянула по направленію къ саду, а тамъ по тропинкѣ рядомъ съ отцомъ шель Моссаковскій. Высовій, тонкій, стройный, онъ показался ей сквозь стекло еще краше и милѣе.

— Дивиться, мамо, чимъ-же винъ поганий? Очи сини, якъ небо, брови тонки.....

— Уже й брови! звайшла красу. Та винъ зовсимъ безъ бривъ, сказала мать: отъ у твого батька, такъ правда, що брови,—прибавила она, глядя издали на взбитыя и врючковатыя брови стараго своего мужа.

— Тикайте, мамо, бо насъ видно знадвору, сказала Онися, отступая отъ окна, но не переводя съ него глазъ.

— Тикай бо дочко, бо винъ близько вже,—вглядить, сказала мать, отклоняя плечи, но не лице.

Прокоповичъ вошелъ зъ гостемъ въ свѣтлицу. Снова стали наливать и выпивать по чаркѣ. Моссаковскій сидѣлъ неподвижно, положивъ руки на колѣни и едва осмѣливался приподнять рѣсницы и вскинуть глазами на Онисю. Та въ свою очередь почувствовала, что ее оставила природная ея смѣлость. Она сидѣла молча и сама опустила глаза къ низу. Другихъ жениховъ она сама затрогивала въ разговорѣ, говорила съ ними смѣло, игриво шутила, даже подшучивала надъ ними; теперь она чувствовала, что не можетъ слова произнести.

— Що це зо мною? думала Онися: чи вже-жъ оце я злякалась оцѣго дяка?

Старый Прокоповичъ, выпивъ чарокъ съ десять, началъ затягивать »на гласы«. Моссаковскій сидѣлъ молча, не смѣя рта раскрыть, голосомъ повести. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и предъ вечеромъ попрощался и домой поѣхалъ.

— Чи прійде, чи не прійде вдруге? проговорила сама къ себѣ Прокоповичка.

Онися развела руки, поставила указательные пальцы другъ противъ друга; зажмуривши глаза, повертѣла пальцами въ воздухъ и развела ихъ далеко, стала быстро сводить, загадавъ притомъ: чи прійде, чи не прійде? Пальцы сошлись ногтями. Прійде! крикнула она и подскочила.

— Побачимо, сказала мать: ѓздили до тебе академисты, а теперь почали ѓздити дяки.

Пошли дни за днями. Онися чувствовала, что она ждетъ Моссаковскаго, что онъ не выходитъ у нея изъ ума. Прошло дней шесть; настала суббота. Онися принялась сама подмазывать да прибирать въ »покояхъ«, вытерла жолтымъ пескомъ полъ, помыла окна,ковытирала образа, повѣшала на образа самыя лучшіе шитыя полотенца; на окнахъ поставила стѣлянки съ цвѣтами. Насталъ воскресный день. Онися встала чуть свѣтъ, нарядилась въ новую плахту, старательно причесалась, надѣла на голову всѣ ленты и цвѣты и пошла въ церковь. Ей почему то, казалось, что Моссаковский прійдетъ въ церковь, что она тамъ его увидитъ...

Обѣдня отошла, а Моссаковский не пріѣхалъ: Онися пасмурная пошла домой.

Сѣли обѣдать; она ѣла какъ-бы не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ садъ. Гуляя по горѣ, Онися все посматривала на снѣгъ, на поля за лѣсомъ, густо покрытыя копнами, на дорогу изъ села Карапишей, что черной змѣйкой извивалась среди полей...

— Чого це я ёго жду? Не вже я люблю ёго? думала Онися, хоя по саду. Ея руки, помимо ея воли, протягивались къ цвѣтамъ, и она срывала найлучшіе изъ нихъ и закладывала за ленты на головѣ, за складки косы. Долго ходила она по саду, пока солнце не ударило косымъ пламенемъ по горѣ и не пронизало на сквозъ садокъ, раскинутый по крутымъ бокамъ горы. Онися прислушивалась, не застучитъ-ли возъ за Росью, около парома, либо въ дворѣ. А на дворѣ было тихо, тихо и душно. Онися вернулась въ »покои«, сѣла на канапѣ и смутно склонила голову.

— Оце, нема-сь кимъ по чарци выпить,—сказалъ старикъ отецъ: болюбъ пріѣхавъ хочъ карапишаньскій дякъ.

Онися вспыхнула. Блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ. Не успѣлъ отецъ произнести эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій стукъ богуславскаго возка, залачали собаки.

— Отже Богъ гостей несет! сказалъ Прокоповичъ, выглянуть въ окно.

Онися встревожилась. У нея задрожали ноги и она не имѣла силъ, чтобы вскочить, какъ прежде, подлетѣть къ окну и посмотреть, кто пріѣхалъ.

— Онисю! ставай волупати пичъ!') пріѣхавъ Мосаковскій та ще й зъ братомъ, певне зъ сватомъ, отозвался отецъ.

Онися испугалась и поблѣднѣла, какъ мѣлъ. Она вся затряслась, застыла и стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Но когда раздался скрипъ дверей, на нее напалъ такой страхъ, что она кинулась бѣгомъ въ спальню, а оттуда въ садъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалась? Я не боялась академиста, а злякалась цѣго молодого хлопця,—думала Онися, пробуя возвратить свою природную смѣлость. Но смѣлость не приходила къ ней.

Онися стояла надъ горою, вперила свой взоръ, свои испуганныя, горячія глаза въ зеленѣвшую подъ нею бездну, въ зеленое марево, разлитое надъ старыми деревьями сада, глядѣла и ничего не видѣла. Зеленый свѣтъ дрожалъ въ ея очахъ, переливался, какъ вода въ Роси, сновалъ, какъ густая зеленая мошва роями. Онися стояла, ничего не сознавая. Солнце кинуло горячій свѣтъ подъ яблоню, близъ нея стоявшую. Свѣтъ упалъ на щеку Ониси, облилъ ея лице яркимъ пламенемъ, а она ничего не чувствовала и все глядѣла въ зеленую бездну, будто въ рѣку глубокую.

— Онисю! Онисю! де це ты счезла? крикнула мать, выходя изъ за яблони. Чого це ты стоишь, якъ стовпъ? Ходи лишень до гостей. Вони не до мене, а до тебе пріѣхали.

Онися точно проснулась. Она тихо пошла въ хату за матерью, какъ малое дитя.

— Оце гарно! Глузувала зъ академыстивъ, а одъ цѣго женихавтикаешъ у садовъ. Великій страхъ! Не бачила зроду женихивъ. Онъ уже ихъ перекинула цила метва. Йди та важи имъ, що хочешъ.

*) Ковыряютъ лучинкой печь крестьянскія дѣвушки-невѣсты, чтобы этия завятіемъ прикрыть неловкость своего положенія при собственномъ сговорѣ.

Онися вошла въ свѣтлицу, сложивъ руки, какъ праведница. У нея въ рукавѣхъ былъ шитый платочекъ. Она подвела глаза, примѣтила священника и поцѣловала его въ руку, но не успѣла повернуться, какъ Моссаковский наклонился и поцѣловалъ ее въ руку. Она ощутила прикосновеніе къ ея рукѣ полнымъ, мягкихъ, горячихъ губъ и покраснѣла, какъ маковка.

Онися отошла и сѣла на стулѣ. Она едва приподняла глаза на Моссаковского и разглядѣла его тихія, свѣтлосинія очи, матово-бѣлое лице, на которомъ вспыхнулъ чрезвычайно нѣжный румянецъ. Свѣтлыя кудри блестяли, насквозь пронизываемыя золотистымъ лучемъ солнца, проходившимъ чрезъ окно, у котораго сидѣлъ Моссаковский. Онъ не сводилъ глазъ съ Ониси. Она ощущала на своемъ лицѣ его ласкающій взоръ, не знала, что дѣлать и начала щипать цвѣточки, вышитыя на платкѣ. Красныя и синія нитки сыпались съ платка на ея красную запаску.

— Не скуби, дочко, хустки, бо грихъ! Сѣгодня недѣля,—сказала мать, слегка тронувъ дочь пальцами по рукѣ.

Онися съ трудомъ прервала это нервное невольное дерганье, но чрезъ минуту снова посыпались съ неповиннаго платочка красныя и синія нитки.

Хозяинъ разговаривалъ о семъ—о томъ съ пріѣзжимъ священникомъ. Матушка надулась и сидѣла молча: ей не хотѣлось отдавать дочку за дьячка. Но вотъ свать, братъ жениха, повелъ рѣчь о приближающихся «сорововинахъ» по ихъ отцѣ и закинулъ о томъ, что вотъ-де громада ольшаницкая, послѣ похоронъ старика, избрала «на парафію» Харитона. Лице матушки при этихъ словахъ прояснилось; она наострила уши, замѣтно повеселѣла, весело заговорила, стала привѣтливѣе и послала Онисю принести наилучшей наливки. Гости примѣтили, что хозяйка стала добрѣе и сами какъ-то разшевелились. Харитонъ весело поднялъ глаза и ввернулъ нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но лично Онисѣ онъ не осмѣлился промолвить и слова и только любовно глядѣлъ то на ея брови, маленькія алыя губки, то на красную запаску.

— Якъ Богъ поможе, сказалъ свать, то мы оце вырядимо Харитона до Кыива. Громада вже налагодилась посылати до владыки прошение, щобъ Харитонъ zostався священникомъ на батькивській парафії. Якъ тильки владыка поблагословить, то мы заразъ, спра-

вивши по батькови сорочины, оженимо нашего Харитона, та ѿ уберемо ёго въ рясу.

— Отъ и добре! Слава Богу! отозвался Прокоповичъ: будемо близькими сусидами.

— Та намъ хотилось-бы бути не тильки вашими близькими сусидами, а навить ще близькими людьми: мы хочемо пориднитись зъ вами, сказалъ свать: у васъ дочка на выданни, а въ насъ, бачите, женихъ.

Блѣдное лице Ониси вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Она покраснѣла и опустила глаза внизъ. Руки замерли на платочкѣ, красныя и голубыя нитки перестали летѣть на запасу. Харитонъ и самъ покраснѣлъ, какъ барышня, и не зналъ, куда дѣвать руки.

— Якъ же вы думаете, отецъ Степанъ? спросилъ свать.

— Я зъ дорогою душею, але треба спитати и матери, и дочки, сказалъ Прокоповичъ, посматривая на мать и дочь. Що ты, пани-матко, скажешь?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я... якъ дочка скаже, то такъ и я, едва отозвалась Прокоповичка съ неохотою: ей очень, очень жаль было Балабухи, но она была увѣрена, что тотъ больше не приѣдетъ.

Доходило до Ониси. Она едва удержалась на стулѣ. Ей хотѣлось схватиться съ мѣста и уйти въ садъ.

— Якъ же ты скажешь, дочко? заботливо спросилъ у дочери отецъ.

— Я згожуюсь, съ усилиемъ проговорила Ониса, не поднимая глазъ.

— Коли такъ, закончилъ отецъ, то по людському звичаю, заминаемо святой хлибъ, а потимъ трохи межъ собою помиреуемо.

Ониса по нѣсколькимъ оброненнымъ Харитономъ въ два посѣщенія словамъ не могла, конечно, составить объ немъ вѣрнаго понятія, но своимъ женскимъ чувствомъ отгадывала, что онъ подойдетъ къ ея энергичному и сильному темпераменту и что она будетъ настоящею хозяйкою въ своемъ домѣ. Помимо того Харитонъ очень понравился ей своимъ дѣливатнымъ лицомъ и свѣтлосинними очами.

Пока сыновья Моссаковского справляли «сорочины» по своему покойномъ отцѣ, пока состоялось формальное обрученіе Харитона

съ Онисею, пока ольшаницкая громада собралась отправить церковнаго старосту въ-Кіевъ съ прошеніемъ къ владыкѣ отъ лица всего прихода, прошло не мало времени. А тѣмъ временемъ Балабуха не сидѣлъ, сложа руки.

— Треба жениться! доки ёго байдьки бити! разсуждалъ Балабуха, ходя у себя по саду. Не схотила Онися, найду кращу, десять такихъ найду, а въ осени таки оженюсь. Треба шукати та пытати дивчины.

Нечаянно какъ-то Балабуха взглянулъ на прилегавшій къ саду огородъ и увидѣлъ на немъ широкіе листья »гарбуза«. Одинъ видъ этой огородной овоци вызвалъ въ немъ такую злость, что онъ трижды проклялъ Онисю и не могъ больше не только ѣсть »гарбуза«, но даже глядѣть на него.

— Тату! дайте коней. Поиду ще въ Хохитву. Тамъ панни не прости, вбираются въ сукни по паньськи. Цуръ имъ тимъ плахтамъ та запаскамъ! Попробую ще на сукняхъ...

— Про мене, спробуй ще и суконь, отвѣтилъ отецъ. Тильки хохитвятьськи сукни, може не для тебе, академисте, шйти. Панни тін, кажуть, горди, кепкують поповичами, бо сами зъ панивъ, мають врепавивъ, мають багато поля. Але, якъ каже ляхъ, купить не купить, а спробувать можна.—Ци вже, принаймни, не причеплять гарбуза пидъ возомъ, прибавилъ, смѣясь, отецъ Степанъ.

— Не причеплять, то такъ ласкою та штувами якимись выпроводять съ хаты, отозвалась мать. Одначе въ Терлецького чотыри панни на выданни: може котру й отдадутъ. Тильки, сыну, якъ будешъ туды збираться, то попереду сядь та добре наижься, бо тамъ приймають по шляхецьки: пундыками та лестными словами.

Не вдругъ собрался академистъ »на розглядины« къ священнику-помѣщику Терлецкому, а когда собрался, въ точности исполнилъ совѣтъ матери, и даже »погоничъ«, когда узналъ, куда собрался ѣхать паничъ, захватилъ съ собой въ торбу хлѣба и сала. Тамъ съ запасомъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ ранняго обѣда, отправился Балабуха въ Хохотву »на разглядины«.

Хохотва—это небольшое сельце въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка Богуслава. Раскинуто оно по правому берегу Роси, между рядами невысокихъ холмовъ. Отсюда дивный видъ на за-рѣчье. Надъ водою отвѣсная, высокая каменная стѣна, вдоль и поперекъ

изрѣзанная разсѣлинами и щелями, изъ которыхъ выглядывали пучки травы и желтыхъ цвѣтовъ; кой-гдѣ, точно канделябры, развѣшанные по стѣнѣ, свѣшивались небольшіе кусты терновника, дивой розы, плюща, красной смородины. Ихъ нѣжная зелень смягчала угрюмый сѣрый фонъ сплошной скалы. Внизу, у подножія стѣны, зеленѣли лозы и тростникъ. Середь Роси, точно распластанное чудище, лежалъ небольшой островокъ изъ огромныхъ камней, въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Выше, за каменною стѣною, вдоль теченія Роси, тянулся рядъ невысокихъ горъ, которыя шли одна за другою, будто дуги, поставленныя рядомъ. На горахъ зеленѣлъ густой старый лѣсъ. А тамъ далѣе, внизъ по-надъ Росью, привольно разстились покрытыя зеленью и цвѣтами «луки». По обѣимъ сторонамъ островка шумѣла вода, спадая по террасамъ и уносясь вдаль по каменистому руслу; чернѣла, извиристо перекинутая по камнямъ, набросанная изъ хворосту плотина, а подъ самую крутую скалою чуть замѣтно пріютилась мельница. По холмамъ, по пригоркамъ и въ узкихъ ущельяхъ разбросалась Хохотва. Домъ священника Терлецкаго выходилъ на улицу, а обширный садъ разстился по-за домомъ чуть-ли не до самой Роси. Отъ дома вправо тянулся необычно длинный дворъ, по обѣ стороны котораго стояли два ряда хатъ. Въ этихъ хатахъ жили когда-то «подданные» священника Терлецкаго, точнѣе его жены, которая была шляхетскаго роду и принесла въ приданое своему мужу именно эту большую часть села Хохотвы съ поселенными на ней людьми. Остальная часть села досталась ей брату, который продалъ ее одному богатому графу, а самъ умеръ. Терлецкій пригородилъ небольшой уголь села къ своему двору, не далъ людямъ земли, отобралъ даже у нихъ огороды и хозяевъ обратилъ въ дворовыхъ работниковъ. Крестьяне не выдержали такого положенія: большинство ушли въ степи, нѣкоторые умерли, дѣвушки, съ выходомъ замужъ, перешли въ село и кончилось тѣмъ, что въ людныхъ нѣкогда хатахъ осталось лишь нѣсколько калѣвъ, которымъ не было уже никакого разсчета уходить со двора.

Балабуха вѣхалъ во дворъ. Передъ нимъ изъ-за повѣтей и хатъ выступалъ большой домъ съ высокими окнами, съ широкимъ крыльцемъ. Передъ окнами разбитъ былъ хорошій полисадникъ: «лумбы засажены были не какими нибудь настурциями, помяеми,

любиствомъ, но левкоями, резедой, фіялками и пр. Домъ былъ хорошій и хорошо устроенный. Повѣтки, клуна, загороды и хлѣва содержались въ порядкѣ и цѣлости; огорожа новая, во дворѣ чисто, а предъ домомъ даже подметено. Нѣкоторыя крестьянскія хаты, собственно тѣ, что поближе къ дому, кое-какъ сохранились, но тѣ, что стояли въ далекомъ углу неимоვნно длиннаго двора, сильно подались: нѣкоторыя наклонились на бокъ, другія совсѣмъ разваливались, и сквозь прогнившую соломенную крышу свѣтились стропилы и латы, точно кости на разлагающейся и заброшенной падали.

Возокъ вкатился осторожно на дворъ. Погоничъ остановилъ лошадей чуть не у воротъ. Балабуха потихоньку всталъ съ воза и несмѣлыми шагами направился въ крыльцу. Онъ долго отряхивался и оправлялся, смахнулъ пыль съ сапогъ полою собственной шинели, вытеръ платкомъ запыленное лицо, шею, пригладилъ широкою ладонью волосы на головѣ, расправилъ усы и вошелъ въ сѣни, похожія на комнату, съ двумя длинными узкими окнами по обѣ стороны дверей. Изъ сѣней вели въ комнаты трое дверей. Балабуха немного постоялъ, подумалъ, еще разъ пригладилъ волосы, поправилъ усы и наугадъ отворилъ дверь налѣво. Тамъ была кухня. Онъ замѣтилъ только, какъ, при видѣ его, цѣлая куча разнаго возраста >панночекъ< махнула черезъ двери въ комнату такъ быстро, какъ бѣгутъ мыши при видѣ кота.

Балабуха нерѣшительно притворилъ двери, постоялъ еще въ сѣняхъ, подумалъ и тихонько отворилъ дверь направо. Тамъ была просторная свѣтлица. Балабуха вошелъ въ свѣтлицу, но въ ней было пусто и тихо; раздавался лишь дребезжащій какъ-то стукъ маятника висѣвшихъ на стѣнѣ большихъ часовъ, да гдѣ-то вдали за стѣнами слышался глухой шумъ, точно тамъ сильный огонь горѣлъ въ печи или въ котлѣ вловотала вода. Балабуха окинулъ глазомъ стѣны свѣтлицы: она скорѣе походила на панскую гостиную, чѣмъ на единственную въ домахъ тогдашнихъ священниковъ чистую комнату, передняя стѣна которой представляла изъ себя цѣльный иконостасъ. Здѣсь иконъ совсѣмъ почти было не видно и лишь въ переднемъ углу висѣлъ большой образъ ченстоховской Богородицы съ польскою подписью, да посрединѣ стѣны, въ простой рамѣ, за стекломъ, литографированное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, съ надписью: *Ecce Homo!* Вмѣсто разшитаго >ру-

пника на большомъ образѣ была устроена занавѣска изъ бѣлой кисеи, но ни васильковъ, ни другихъ цвѣтовъ за образами тутъ уже не было. Остальное пространство стѣны ничѣмъ почти не было занято; только у порога Балабуха замѣтилъ *кунитъ* какого-то крылатого пупка: дона, красными лентами привязаннаго къ дереву, да у печки—Геркулеса, поражающаго дракона. Въ простѣнкѣ между иконъ, надъ небольшимъ раздвижнымъ столомъ, висѣло узкое и длинное зеркало, въ которомъ стекло было меньше верхней части, шпалерами выложенной, деревянной рамы и напоминало собою малого хлопца въ высокой батьковской шапкѣ. Вдоль стѣны чинно стояли стулья съ овальными вогнутыми спинками и не особой мягкости подушками, покрытыми пестрымъ ситцемъ, а у правой стѣны между ними гордо выступала массивная, съ огромной спиной, канапа; спинки стульевъ и канапы были фонирированы корнемъ осокора. На окнахъ стояли горшки мушкетъ и герани.

Балабуха посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ на шеѣ толстое повязанный шелковый платокъ, съѣхавшій немного на бокъ, еще разъ пригладилъ волосы и усѣлся на стулѣ, разставивъ ноги, точно ѣхалъ верхомъ.

Тихонько отворились двери изъ сосѣдней комнаты. Балабуха поднялся со стула и хотѣлъ уже рекомендоваться, склонивъ на бокъ голову; но изъ дверей вышла простая дѣвка, низкаго росту и съ двумя горбами—сзади и спереди; лице у нея было длинное, желтое, выраженіе черныхъ глазъ пугливое и скорбное! Она держала въ рукахъ полотенце и прямо со входа направилась къ Балабухѣ. Балабуха взглянулъ на свою одежду, на сапоги, потомъ на полъ, не оставилъ-ли онъ пыльных слѣдовъ; — ему пришло на мысль, не хочетъ-ли дѣвка полотенцемъ обтирать его самого, или его сапоги, или вытереть послѣ него слѣды пыли на полу. Дѣвка между тѣмъ, подойдя къ Балабухѣ, поклонилась ему чуть не въ ноги, держа полотенце въ рукахъ, точь въ точь какъ кланяется «молода», когда ходитъ по селу и проситъ всякаго на свадьбу.

— Чи на весилля просишь, дивчино? спросилъ ее Балабуха.

Дивчина усмѣхнулась, поцѣловала Балабуху въ руку, отошла къ столу и начала стирать пыль со стола да стульевъ.

— Чи дома батюшка та матушка, чи може куды поехали? спросилъ Балабуха.

— Дома, чуть слышно отвѣчала дивчина, воза полотенцемъ по столу.

— Може одпочиваютъ? опять спросилъ Балабуха.

— Ни, еще тише произнесла дивчина, поглядывая на пріотворенную дверь.

Дивчина вышла. Въ свѣтлицѣ опять водворилась тишина, только маятникъ докучливо дребезжалъ и стучалъ, да гдѣ-то за тремя стѣнами слышался глухой сдержанный шумъ, точно шумъ воды на порогахъ Роси.

Снова тѣже двери отворились и въ нихъ появилась высокая, тонкая фигура отца Терлецкаго. Терлецкій былъ высокій, худощавый бровнеть, съ блѣднымъ лицомъ, съ короткими, какъ-бы подсеженными волосами на головѣ и также короткою, круглою бородою, на которой блестяли уже серебристыя линіи. Только черные блестящіе глаза придавали жизнь и энергію его лицу и всей его фигурѣ.

— Добрыдень вамъ! Зъ святою неділею будьте здорови, сказалъ Балабуха, кланаясь хозяину.

— Спасыби! будьте й вы здорови, какъ-то сухо произнесъ Терлецкій. Чѣмъ здалека прибули до насъ?

— Я зъ Хиліюкъ, философъ¹⁾, Марко Балабуха, отца Павла, коли чули, сынъ, сканчивъ философію.

— Дуже радый. Спасыби вамъ, що насъ одвидали. Я вашого панотця знаю. Чомъ же сами панотець зъ паниматкою не прибули до насъ? спросилъ Терлецкій: але чого-жъ це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави.

Балабуха какъ-то робко присѣлъ на стулъ: скорчился, сморщился, поднялъ плечи вверхъ, а шею и голову какъ-бы упряталъ въ широкое гнѣздо своего толстаго галстуха и высокихъ острокопечныхъ воротничковъ. Ему въ первый разъ пришлось быть въ такомъ домѣ, гдѣ ото всего вѣяло нѣкоторымъ панствомъ, шляхетствомъ и гдѣ не было ничего напоминающаго его родную хату «безъ помоста» и такую-же хату и катрагу въ Чайкахъ. Непри-

¹⁾ Названія: философъ, богословъ, т. е. студентъ философскаго, богословскаго курса, оставались тогда за студентами академіи и не вдругъ перешли на учебниковъ семинаріи, о которыхъ и заочно говорили, наприкладъ: философъ зъ Медива, точно: Аристотель изъ Стагиріи.

вичная обстановка видимо его стѣсняла, и онъ, не обладая обще-быстротою и свободою рѣчи, теперь рѣшительно ничего начать и какъ новости рѣчь.

— Чи вы скинчили академію, чи тильки приѣхали и спросилъ его отецъ Терлецкій.

— Ни, я тильки филозофію скинчивъ, але бильше и Кливъ, сказалъ Балабуха.

— Та й добре зробіте. Я самъ дійшовъ до риторики кувавъ ченцямъ, а про те маю парохвію и живу тебѣ Бога за дверьми, сказалъ хозяйнъ.

— Такъ и я оце думаю зробити, сказалъ Балабуха.

Терлецкій едва примѣтно улыбулся и погладилъ бороду. Не трудно было догадаться, на что намекалъ послѣдній Балабуха и зачѣмъ пожаловалъ теперь къ нему въ домъ.

— Що-жъ тамъ у васъ теперь въ академіи? Чи пишете? Чи граете комедій? спросилъ онъ Балабуху.

— А якъ-же! тотъ отвѣчалъ, и вирши пишемъ, и комедіи еще й якъ.

— О, за наши часы мы такъ грали, що теперь наврядъ мѣете такъ грати. И мени таки доводилось не разъ грати. Разъ сталася зо мною на сцени така причта: сказали мнѣ «Суету» въ интермедіи. Обголивъ я вусы й бороду, намазавъ рум'янами, причесли мени довги косы, накинули на плечу хламиду. Я достаю у одной знакомой мищанки чертёжъ. Взявъ въ ти чоботы, на шлю почевивъ червоне панталоны, пустивъ косы по плечахъ, надивъ на голову жидивсь, взявъ въ одну руку кашку зъ грибами, въ другую пляшку ришкою, та й вихожу на сцену. Выхожу та й кажу: а Суета, та якъ глянувъ на людей... вси на мене очи поклали, а профессоръ ельквенціи, лютой прелютый, дивиться и не знае каже: потривай, ось я тобі весплю зъ пивсотни, якимъ помилнись! Глянувъ я ёму въ очи, та й забувъ говорити! Ей Богу забувъ, а знавъ, якъ *Отче нашъ*. Суета! сказалъ я тричи, а дали хочъ зарижъ! не пригадалъ Еклезіаста: суета суетствій, всяческаая суета! Та вжъ Злоба стояла за декорациями та подказала мени, що ты не можешъ говорити. Отъ я й почавъ:

О суета! колико ты прекрасна!
 О суета! толико ты ужасна!
 Днесь ціяна скачеть воля.....
 Утро вставши тщетна доля.....
 Сирень льстивыхъ океанъ,
 Сладкимъ гласомъ обуянъ!
 Едва лѣто запало,
 А козля цаномъ стало,
 Цанъ бородатый.

Сказавъ я це, а дали й зновъ забувся! Плутаю я та плутаю! Переплутавъ уси вирши, переминаю сирень съ козами та цапами, та вже не знаю, що дали й говорити. А профессор мени показуе зъ-за людей кулака. Й й охоловъ... Тутъ де взялась Злоба: якъ выскочила передь мене та якъ крикне: Я Злоба! ховай своего лоба! Та на мене мечемъ! Я драла та за ширмы; ажъ уже тутъ профессор добре намявъ мени зуба.

Ничто такъ не возбуждаетъ человека, какъ школьные воспоминанія. Куда дѣвалась застѣнчивость Балабухи. Онъ съ живостію заговорилъ:

— Гравъ и я оцю саму Злобу, та ще й якъ гравъ! Було, якъ паквну на плечи чернечу мантию, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крикну: я Злоба! ховай своего лоба!

Говоря это, Балабуха росналяся съ каждымъ словомъ, подъ конецъ-же векочить со стула, поднялъ руки къверху и такъ равкнулъ послѣднія слова, что горбатая Килина, проходившая въ это время къ столу съ тарелкой въ правой, графиномъ и рюмкой въ лѣвой рукѣ, съ перепугу затряслась: тарелка съ булкой вывалилась, полетѣла на полъ и разбилась.

— Цуръ дурнов! съ недовольствомъ произнесъ Терлецкій, принимая отъ Килины уцѣлѣвшій росписной графинъ съ рюмкой.

— Якась переликана дивчина! сказала Балабуха, опускаясь на стулъ. Килина молча позабирала куски разбившейся посуды и съ плачемъ вышла изъ свѣтлицы.

— Колись и я писавъ вирши, знавъ на память Горація, а теперь все чисто повылитало зъ головы, приговаривавъ Терлецкій, паливая рюмку.

А въ соседней комнатѣ начинался опросъ Кирины.

— Что то ты несешь въ хвартусъ? крикнула на нее матушка: и разбила тарилку, чи що? що тамъ за крикъ?

— Ой, простить, матушко! отвѣтила Кирина, цѣлуя матушку въ руку: навъ батюшка зъ тимъ панычемъ чогысь полаялись, та якъ почала кричати та соватись одинъ до другого зъ кулаками! А я дивалась та й упустила.

— Ты сѣгодня совсѣмъ здурила! перебила ее матушка и велѣла ей скорѣе прицепать другую тарелку, парѣзати вновь булки и нести скорѣе на столъ.

Въ другое время такой казусъ не обошелся-бы такъ дешево Кириной; но теперь матушки было не до того, она торопилась придарядить дочь къ выходу въ свѣтлицу, точно опасаясь, чтобы женихъ не уѣхалъ. Въ комнатѣ происходила певообразимая суета и збѣня. Гардеробный шкафъ, комодъ и большой сундукъ стояли открытые. Мать и дочери бѣгали по комнатѣ, кидались сюда и туда, звенѣли ключами, влимали разные наряды, мылись, причесывались. Олеся, старшая дочь, стояла среди комнаты въ юнкѣ и корсетѣ, который никакъ не сходился на ея полной талии. Мать съ мѣвшею дочерью стягивали корсетъ, напругались, потѣли, а корсетъ все таки не сходился.

— Кирино! ходи сюда! придави лишь ты руками, та дужче! кричала матушка.

Кирина схватила Олеся за талию, но столько-же помогла, сколько въ извѣстной сказкѣ жучка. Шнурки въ рукахъ матушки трещали, а корсетъ все таки не сходился.

— Покличте бабу Хиврю! крикнула матушка, бо ця Кирина ни до того не варта.

Прибѣжала Хивря, схватилась обѣими руками за шнурки, а баба она была прѣшная. Полная талия панны слузилась подъ ея руками и корсетъ былъ затянутъ. Мать накинула на Олеся бѣлое платье, помогла ей застегнуться, расправила складки, поправила волосы на головѣ. Принарядивъ дочь, мать принялась за собственный костюмъ, надѣла новое платье, набросила на плечи персидскій бѣлый, съ красными и желтыми разводами и фигурами, платокъ, еще разъ оглядѣла вокругъ дочь, точно солдата на смотру, и повела ее въ свѣт-

лду. Младшія дочери устремились въ слѣдъ за ними, заглядывая въ свѣтлицу сквозь отворенную дверь.

Терлецкая входила медленно, важно, точно выплывала. Балабуха, увидѣвъ въ дверяхъ невысокую, но довольно полную даму, съ пухлымъ шляхетскимъ лицомъ, съ гладко причесанными, блестящими черными начосами, надвигавшимися ко лбу, съ бѣлымъ въ оборкахъ чепецъ на головѣ, отъ котораго двѣ широкія синія ленты опустились концами на плечи. Онъ всталъ, еще глубже опустил короткую шею въ воротнички, робко подошелъ къ Терлецкой и поцѣловалъ ея пухлую бѣлую руку. За матерью слѣдовала дочь, такая-же черноволосая, какъ и мать, съ бѣлымъ, нѣсколько короткимъ лицомъ, съ темными карими очами. Дойдя до середины свѣтлицы, она какъ будто присѣла передъ Балабухою и ковырнула по полу правою ногою. Балабуха впервые во очію видѣлъ реверансъ и былъ имъ нѣсколько смущенъ; поцѣловалъ Олесю въ руку, отступилъ немного назадъ и не зналъ, куда дѣвать свои большія руки. Матушка усѣлась на канапѣ и пригласила гостя сѣсть. Балабуха робко опустился на стулъ. Какъ разъ противъ него сидѣла Олеся, которой щоки зардѣлись, какъ піонъ. Балабуха слегка вскидывалъ глазами то на мать, то на дочь. Широкая синяя лента въ чепцѣ матери, бѣлое платье дочери, пунцовый кушакъ, плотно обхватывавшій ея станъ, и красный бантъ въ черной косѣ, все это такъ разило взоръ студента, что онъ сидѣлъ, какъ на шпилькахъ. Предъ его глазами явились снова пасѣка и ульи, темная катрага въ пасѣкѣ, орѣшникъ, черныбыль и крапива вокругъ пасѣки, и онъ готовъ былъ теперь уйти туда и тамъ укрыться отъ этихъ лентъ и платьевъ.

— Чи здорови вашъ панотець та паниматка? спросила Терлецкая Балабуху.

— Дякую вамъ! Хвалити Господа, здорови, тихо отозвался Балабуха.

— Таки не добри: насъ николи не одвидають. Я знаю вашего батюшку и вашу матушку, говорила Терлецкая громко, скоро и съ нѣкоторымъ тономъ.

Терлецкая спросила Балабуху про его отца и мать такъ себѣ въ видѣ любезности, а если-бы они вздумали приѣхать къ ней, она отнюдь не была-бы имъ рада.

— И я бачила вашего батюшку, смѣло заговорила Олеса, обращаясь въ Балабухѣ: такой добрый, такой приятный.

Балабуха перевелъ глаза съ матери на Олесю и теперь только замѣтилъ, что она была хорошенькая, хотя и малого росту, и не такія тонкія и острыя были у нея брови, какъ у Ониси Прокоповичевны. Только круглые, небольшіе, черные блестящіе глаза полюбились ему сразу.

Олеса не сидѣла на одномъ мѣстѣ, и это входило въ ея манеры и тонъ: она схватилась со стула и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобы посмотреть въ зеркало и поправить на головѣ красный бантъ, потомъ вернулась, опять сѣла и опять схватилась, подбѣжала къ вазонамъ, заглянула въ нихъ, опять выбѣжала, принесла графинъ съ водою, полила цвѣты, снова выбѣжала и опять, погода, прибѣжала и сѣла. Длинные концы кушака и банта летали, какъ-бы ихъ качалъ вѣтеръ. Олеса ловила ихъ рукою и проворно то откидывала въ сторону, то притягивала къ себѣ, то просто вытягивала. Въ слѣдъ за дочерью вышла мать, поправила что-то на шеѣ, опять вернулась и опять вышла. Они сновали сюда и туда, будто >въ хрещика< играли. Черезъ растворяемую часто дверь Балабуха замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ большущую кровать, напомнившую ему паромъ на Роси, а надъ кроватью—висѣвшій на стѣнѣ большой коверъ съ столь страннымъ узоромъ, что казалось, будто тамъ въ три ряда стояли на заднихъ ногахъ зеленыя лягушки съ красными брюшками, сѣвшившись передними лапами. Въ той-же комнатѣ Балабуха примѣтилъ другую панну, такого-же росту, какъ Олеса, но гораздо красивѣе ея, въ простомъ ситцевомъ платьѣ. То была вторая дочь Терлецкихъ, которую они и одѣвали плохо и прятали отъ жениховскихъ очей, чтобы она не отвлекала вниманія жениховъ отъ Олеси и не помѣшала скорому выходу ея въ замужество.

Въ послѣдній возвратъ Терлецкой въ свѣтлицу, за ней вошла горбатая Килина, неся на тарелкѣ два-три ломтя булки, тонко наръзанныхъ, да съ ложку масла на блюдечекѣ. Терлецкій взялъ прежде налитую рюмочку съ наперстою, поздоровался съ гостемъ, выпилъ самъ, попотчивалъ гостя и затенулъ пробкой графинъ, какъ-бы давая гѣмъ знать, что не намѣренъ уже больше ни самъ пить, ни потчивать гостя. Балабуха глотнулъ, даже не почувствовалъ, что выпилъ, и

мѣтъ тоненькій ломоть булки, чтобы закусить. Ломоть свѣтился всевозь.

— А мы тутъ, паниматко, разговорились зъ Маркомъ Павловичемъ про академію, та такъ налякали Килину своими згадками, що вона пустила тарилку та й розбила, сказала Терлецкій, обращаясь къ женѣ.

— То бачите, отозвался Балабуха, мы колись грали въ академіи комедіи, та почали пригадувати зъ отцемъ Петромъ.

— Вы грали комедіи? спросила Олеся. Ото якъ бы мени довелось хочъ разъ на вику побачити! Сидишь тутъ у Хохитви и людей не бачишь.

— Де вже ты хотила въ Хохитви побачити комедіи, сказалъ Терлецкій: це чудо покажуе тильки наша кыѣвська бурса.

— Папа кажуть, що й вони грали, смѣло, обращаясь къ Балабухѣ, проговорила Олеся, та ще й убирались за панну.

Матушка Терлецкая слегка усмѣхнулась, взглянувъ на бороду и усы своего мужа.

— Колись убирався за панну, а теперъ вже не вберусь, замѣтилъ мужъ.

— Може й вы убирались за панну? сказала Олеся, обратясь къ Балабухѣ.

— Ни, я разъ убирався за *Славу*, какъ-то нехотя сказалъ Балабуха, а другій разъ за прекрасного Іосифа.

— Ото якъ бы я хотила побачити того прекрасного Іосифа, сказала Олеся, искоса поглядывая на Балабуху: мабуть воно выйшло дуже гарно.

Балабуха, продолжая такъ перекидываться словами то съ панною, то съ матушкою, то съ самимъ панотцемъ, мало по малу освоился и пересталъ прятать шею въ воротнички. Непридуманное обращеніе Олеси, привѣтливость Терлецкой отбили въ немъ охоту уходить въ пасѣвку и чернобыль.

Лице Балабухи не плѣнило Олеси, но его ростъ, крупная фигура, титул академика располагали ее въ пользу гостя, тѣмъ болѣе, что до той поры въ домъ Терлецкихъ заглядывали такіе невзрачные и неотесанные поповичи, что она не только смотрѣтъ на нихъ не хотѣла, но и совсѣмъ не выходила къ нимъ. Мать въ свою очередь благосклонно отнеслась къ Балабухѣ, чувствуя, что пора уже выдавать Олесю замужъ.

Разговоръ однако не вязался; перекидывались отрывочными словами, обмѣнивались взглядами, наконецъ и совсѣмъ замолчали. Вдругъ Килина приотворила дверь и что-то шепнула матушкѣ. Олеся схватилась со стула и устремилась къ двери такъ быстро, что чуть не свалила съ ногъ Килину. Балабуха смотрѣлъ ей вслѣдъ; онъ любовался тѣмъ, какъ быстро, проворно и легко бѣжала Олеся и какъ разбѣгались около нея красныя ленты.

За Олесей вышла мать. Въ комнатахъ слышалась бѣготня, какая-то возня. Зазвенѣли, забренчали ложечки, ставаны и блюдечки, застучали ящики комодовъ и столовъ. Растворились потомъ двери и горбатая Килина внесла въ свѣтлицу высокій и тонкій самоваръ и поставила на столъ, какъ нѣкое диво. То былъ первый самоваръ въ околицѣ, и объ немъ, какъ о дивѣ, говорили всѣ, кому видѣть приходилось.

Килина вышла; вошла Олеся съ ложечками и чайникомъ въ рукахъ, за нею мать, за матерью опять Килина. Онѣ входили и выходили суетливо, выбѣгали и снова возвращались: выносили стаканы и другія придатки къ самовару. Самоваръ сперва шипѣлъ, потомъ шумѣлъ, пыхѣлъ, брызнулъ брызги отъ себя и наконецъ такъ заклокоталъ, что заглушилъ собой дребезжащій стукъ маятника у часовъ. И мать, и дочь, и Килина суетились около самовара, будто около утопшаго, или по меньшей мѣрѣ больного. Самъ Терлецкій не безъ самодовольства посматривалъ на эту хитрую машину, которой не было ни у кого, а Балабуха диву дался, впервые видя самоваръ.

Началось священнодѣйственное наливанье чаю въ стаканы, и бренчанье ложечекъ и блюдечекъ, какъ бы вурантъ игралъ. Сама Терлецкая подала Балабухѣ стаканъ чаю. Килина снова принесла на тарелкѣ три тоненькихъ ломтика булки. Балабуха неохотно принялся за чай, но когда выпилъ, съѣвъ притомъ прозрачный ломоть булки, тутъ только почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Ёсть хотѣлось, по привычкѣ и выпить давно уже тянуло, но хозяинъ и не думалъ даже предложить «по другій». Онъ только замѣтилъ, какъ-бы поддразнивая Балабуху и не обращая ни къ кому:

— Не люблю я сѣго зилля. Отъ такъ тильки звычай якійсь. Хто до ёго привыкшій, може воно ёму й пользуетъ, а старому животови нема, якъ добра чарка горилки.

Коли-бъ же добра чарка, а не така, якъ наперстоѣ, подумавъ Балабуха, посматривая на крохотную рюмочку, стоявшую праздно на столѣ.

Терлецкая сердито взглянула на мужа, и онъ замолкъ и болѣе не развивалъ уже этой темы, на которую много могъ-бы сказать хранившій молчаніе Балабуха.

Выпили чай. Килина съ торжествомъ вынесла самоваръ, на который накиннулись младшія дочери, какъ мухи.

— Озьми лишень, дочко, гитару та заграй, або й заспывай намъ яко, сказавъ Терлецкій, доставая гитару съ косога угольного столика и подавая Олесѣ.

— Я вже давно грала и мабуть все чисто позабувала, кокетливо промолвила Олеся.

Она взяла гитару, подтянула струны и неувѣренно начала брать аккорды.

— Вы не граете на гусяхъ? спросилъ Терлецкій у Балабухи.

— Ни, не граю, отвѣтилъ Балабуха.

— Шкода. Я колись гравъ та позабувавъ. Отъ мій сусидь, въ Богуслави, якъ утне, то ажъ помисть дрижить. Э, що то за гарный струментъ! сказала Терлецкій.

Олеся сыграла нѣсколько козачковъ, одного >съ переборомъ<. Ей хотѣлось спѣть, но она сама не рѣшалась начать и ждала, пока кто попросить.

— Заспывайте, коли ваша ласка, несмѣло попросилъ ее Балабуха.

— Заспывай, дочко, про Хлою, або про Нарциза, або лучше про студента.

Олеся усмѣхнулась, и, взявъ аккордъ на гитарѣ, запѣла то-ненькимъ голоскомъ сперва Хлою, потомъ Нарциза, а наконецъ и студента:

Охъ, велѣла меня мать
 За купца да отдать!
 А купецъ какъ идетъ,
 Сундукъ денегъ несетъ.
 Сундукъ денегъ не прийму,
 За купца я не пойду.
 Ой велѣла меня мать
 За студента отдать!

А студентъ какъ идетъ,
Кучу книжекъ несетъ.
Кучу книжекъ я прійму,
За студента пойду.

Ще до шмыги, подумаль про себя Балабуха и затѣмъ громко сказаль:

— Широ дякую вамъ. Ще дуже добре, якъ хто вміє грати, та ще до того й спивати. Отъ зо мною одинъ такий вчився: все було грае та спивае, спивае та грае. Инши пенса (урокъ) було вчать, други окупацію роблять, а винъ поклавъ передъ себе гитару, та все затынае:

По дорози жукъ-жуекъ, Подивися, дивчино,
По дорози чорный. Якій я моторный.

Тильки винъ такихъ деликатнихъ, якъ оце вы спиваєте, не вмивъ.

Олеся весело улыбнулась и кивнула Балабухѣ головой въ знакъ благодарности за такой лестный отзывъ.

Терлецей воодушевился, всталъ со стула, началъ припоминать и декламировать давнія вирши, пробоваль даже импровизировать, но выходило какъ-то нескладно. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, улыбнулся и подойдя къ Балабухѣ, сказаль:

— Оце вы нагадали мени, що и въ насъ бувъ одинъ, що того *Жука* було разъ по разъ грае та выпивуе. Отъ разъ, тильки що винъ сквичивъ оце *моторный* и почавъ пальцями перебирати, а одинъ колега нибы далій:

Такий ты моторный,
Якъ собака чорный...

Всѣ расхохотались. Наступило оживленіе. Олеся продолжала играть и пѣть.

— Спивай, дочко, пока молоденька, говорилъ ей отецъ, бо якъ мине твоя весна, то перестанешъ спивати.—И онъ самъ затянулъ:

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣеть...

Но потомъ съ какою-то горечью махнулъ рукой и закончилъ:

— Отъ бачите, и я колись спивавъ и вирши складавъ, а якъ ставъ старымъ, то вже й писня въ голову не йде.

Балабуха ничего не отвѣтилъ: мысль его была занята не тѣмъ. Слушая не безъ удовольствія игру и пѣніе чернявой Олеси, онъ еще раньше почувствовалъ, что въ его желудкѣ начинается музыка иная. На дворѣ вечерѣло, а перекусить доселѣ не давали. Графиня съ водкой стояла будто припечатанный. Балабуха помахивалъ на двери, не вынесутъ-ли чего оттуда закусить, но двери не открывались, а сирены въ широкой его утробѣ пѣли такъ громко, что ему становилось даже неловко.

Солнце зашло, смерклось на дворѣ. Терлецкая встала и вышла изъ свѣтлицы, за нею выбѣжала Олеся. Въ смежныхъ комнатахъ началась вновь бѣготня: забренчали ключи, застучали двери, зазвенѣли ложки и тарелки. Въ приотворенныя двери Балабуха видѣлъ, какъ мелькали на стѣнѣ тѣни головъ. Терлецкій ходилъ по свѣтлицѣ и фантазировалъ, а Балабуха сидѣлъ, опустивши голову и придерживая рукою опустѣвшій и ноющій животъ свой.

Спустя часъ широко распахнулись двери въ свѣтлицу. Баба съ Килиной внесли длинный столъ и накрыли скатертью. Килина за тѣмъ притащила кучу тарелокъ и начала разставлять по столу; баба отдѣльно вынесла ножи и вилки и раскладывала ихъ съ немалую, какъ и Килина, торжественностію и вдумчивостію. Въ концѣ этой комически-важной суеты вышла Терлецкая и попросила гостя къ столу. Усѣлись всѣ четверо и долго нѣко ждали. Опять двери отворились.

Наконецъ-то... подумалъ Балабуха, увидѣвъ бабу съ длиннымъ блюдомъ.

Но на большомъ блюдѣ оказалось всего лишь двое маленькихъ, какъ воробьи, цыплятъ. Балабуха даже вздрогнулъ.

— Прошу покорно! обратилась къ нему Терлецкая.

— Потрывай, паниматко! мы, по старому звичаю, выпьемъ *ціен адиане vitae*, котрой давни римляне певно не пили, сказалъ Терлецкій, наливая наперсточекъ.

Балабуха выпилъ и только жалобно поморщился. Сообразивъ ничтожный запасъ лежавшаго на блюдѣ кушанья съ числомъ сидѣвшихъ за столомъ и не желая ни конфузить хозяевъ, ни безнадежно раздражать свой аппетитъ, онъ отрѣзалъ ножку у цыпленка

и положилъ на тарелку. Олеся и мать отрѣзали по крылышку и вали видъ, будто ужинають. Балабуха и самъ давалъ такой видъ: обгрызъ ножку и вилку и ножъ положилъ на тарелку. А его голодномъ воображеніи рисовалась, предъ его глазами носилъ »мавитра« варениковъ въ сметанѣ.

— Правду казала мати! подумалъ Балабуха: якъ бы умисне пообидавъ, то-бъ не доихавъ живой до дому.

Посидѣли еще за столомъ, поговорили и встали. Пришла ба и унесла блюдо, на которомъ остался нетронутымъ одинъ цыпленок.

Послѣ столь сытнаго ужина, терзаемый голодомъ, Балабуха сталъ прощаться. Терлецеіе просили его не забывать ихъ и пріѣзжать къ нимъ почаще.

Было уже около полуночи, когда Балабуха тронулся со двора. Только что выѣхали за село, Балабуха спросилъ погонича:

— Чи не осталось въ тебе хлиба въ торбини?

— Та тамъ зостався окраецъ.—Ну, та й скупи-жъ ци люди! сказывалъ погоничъ, развязывая торбу съ хлѣбомъ: мабутъ вони тими багати, що скупи. Покливали мене полудувати, чарви горилки дали, а матушка вынесла хлѣбъ, одкраяла панську свибочку, та зновъ взяла въ покой. Та горбата Килина мабутъ живе Боже духомъ. А на попадю наймички й наймиты важуть: *пани*, бо котра назве матушкою, то вона, Господи, якъ сердиться.

Въ полночь Балабуха пріѣхалъ въ Хильки и разбудилъ мать.

— Мамо, давайте хочъ шматокъ сала та хлиба: ѣсты такъ хочъ ажъ шкура трищить.

— А я тоби казала! Ци гарбуза не причеплять, але витають гостей вже дуже по панськи. Сидай, сынку, за стіл.

Мать высунула изъ печи »мавитру« варениковъ. Балабуха пріѣхавъ за нихъ съ жадностью и не оставилъ въ »макитрѣ« ни одного.

— Якъ-же тоби показала дочка? спрашивала мать.

— Дочка гарна, и грае добре, и сьпивае добре, вбрана по панськи, свазалъ Балабуха и почувствовалъ, что Олеся заслонила его воображеніи тонкія брови Ониси.

— Та въ ѣхъ и грошей сила. Не знаю тильки, чи дасть старина. А що вже багати, то багати, свазала мать.

Наѣвшись до отвала, Балабуха завалился въ постель и за-
ль богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ въ Хохотвѣ, по выѣздѣ Балабухи, въ домѣ Тер-
скихъ послѣ перемоннаго начался домашній ужинъ. На тотъ-же
Килина вскорѣ поставила большую вазу галушокъ съ саломъ.
и съ немѣньшимъ аппетитомъ, какъ и Балабуха; даже Олеся,
вольствовавшаяся при гостѣ однимъ крылышкомъ маленькаго
пирожка, теперь опорожнила полную тарелку галушекъ, и съ ра-
ей стало такъ тѣсно въ корсетѣ, что она посиѣшила кликнуть
пиду, чтобы поскорѣе распустить шнуровку.

— А що, Олеся, якъ тоби показався Балабуха? спросилъ ее отецъ.

— Такъ соби..... ничего, отвѣчала Олеся, сдѣлавъ видъ равно-
душій.

— Отъ и ничего! отозвалась мать: панычъ здоровый, огрядный,
широкій, чисто вбраний.

— И латынь знае добре: такъ и сыпле латыньскими приказками,
сказалъ отецъ: ни, дочко! цѣго жениха шкода выпускати зъ рукъ.
будь зъ нимъ привитишна, якъ прибуде до насъ вдруге, та по-
тори зъ нимъ любенько.

— Коли-жъ винъ самъ не дуже охочій до розмовы. Сидить, та
думаетъ, та очи пидводитъ, та чогось пеначе стогне.

— То й добре, коли мовчить. Менше буде доликати тоби язы-
къ, сказала мать, взглянувъ на своего «панотця».

— Правда въ ёго очи й брови гарни, але губы... зовсімъ якъ
у пидви. Чогось пеначе кривиться, якъ середѣ на пятницю, сказала
Олеся.

— Тоби, Олеся, мабуть треба жениха зъ Кивива, або зъ Вар-
шавы... сказалъ съ недовольствомъ отецъ: дежъ тоби кращихъ на-
йти.

— Олеся хотѣла сказать, гдѣ ова набрала-бы лучшихъ жениховъ,
промолчала: она видѣла въ «экономіи» и на панскомъ дворѣ
вздво интереснѣе паничей изъ сосѣдней польской шляхты; но бо-
гаче не сватали, а за бѣдныхъ отецъ не хотѣлъ отдать.

Олеся легкочко вздохнула и отиправилась спать.

Скоро всѣ уснули въ домѣ Терлецкихъ, только въ пекарнѣ
еще свѣтилось. Тамъ Килина зъ бабой, да съ другой, также

«подданной» Терлецкаго, долго мыли да вытирали посуду, да бра-
нили гостя. Килина и баба кончали работу уже через сонъ. Ихъ
блѣдныя лица совсѣмъ осунулись, сонъ клонилъ ихъ головы внизъ.
Перевалило уже за полночь, а онѣ все еще стирали да прибирали, а
на другой день ихъ ждала таже нескончаемая, съ колотушками и
бранью, подъ строгимъ присмотромъ, работа и голодная жизнь, отъ
которой бѣжали люди со двора Терлецкихъ, куда кто могъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ¹⁾.

Високо Правительствующему Сепиту
Доношеніе.

При воздаяніи работѣннаго моего вашимъ свѣтлостемъ и снательствомъ, черезъ нарочно посланныхъ моихъ, до-земного поклоненія, всепокорнѣе хотячи я въ напрасно нанесенномъ одѣ господина полковника Вѣтвера свѣтлѣйшему римского и російского государствъ ижерскому князю, генералу фельдъ маршару и кавалеру, его милости, господину Александру Даниловичу Мещникову пороцѣ и оскарженни козаковъ команды моеѣ, на работѣ канальной, по указу его императорскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, обрѣтающихся, что будто они козаки лениво работаютъ (яко о томъ зѣ копѣи его княжой свѣтлости листу до господина брегадира Леонтиева, а одѣ его милости ко мнѣ присланнаго извѣстилемся), праведное мое предъ высокое вашихъ свѣтлостей и снательствъ лице принести оправданіе, сие въ отвѣтъ до-

¹⁾ Польщаемый документъ заимствуется изъ ветхаго рукописнаго сборника разнаго рода записей, между которыми большинство составляютъ рѣшенія полтавскаго полковнаго суда. Это не подлинникъ, но современная копія, судя по почерку всего сборника.

Командиръ посланнаго на ладожскій каналъ полка пишетъ съ мѣста работъ и описываетъ ихъ процедуру въ томъ участѣ, какой отведенъ на долю козаковъ. Мы слышимъ голосъ очевидца, и это даетъ цѣну памятнику, въ своемъ родѣ пока единственному. Полковникъ Чернякъ пишетъ подъ очевиднымъ страхомъ гнѣва царскаго любимца, извѣстнаго Мещникова, предъ которымъ обнесли въ лѣни и верадѣни его и весь полкъ. Онъ старается оправдаться предъ севатомъ и пишетъ въ самую униженномъ тонѣ. Насколько вѣрно самооправданіе, судить не

вошу; что збо за прибутнемъ нашимъ отъ Ладоги, въ первыхъ числахъ іюля, въ Кобонѣ зъ командою моею, не можна было зчразъ, для ваноднения великого въ каналу, въ земляную вступити роботу, однакъ козакъ черезъ увесь тотъ часъ, безъ жадного огуретва и дѣвности еже-дни едвн ручаи, зъ болотъ въ каналъ текучи, гатили и плотинаи на многихъ мѣсцахъ черезъ увесь каналъ займали, а прежніе направляли, возачи песокъ для засипанья отъ мѣлу, други тежъ въ каналу, где вода надтягнена била, рови копали, а третие указанное число фашинъ, свасевъ, дощокъ и колья зъ неменьшою трудностію за мѣлка верствъ на своихъ плечахъ носили; когда зась, по вилитю зъ канала воды, земляная настала работа и козакъ, виривши болгъ аршина въ глбѣ, а въ ширъ сажень триаршинный въ каналу посередѣ ровъ, для снущеня подъ машини воды, и оной належите виношенемъ землѣ вычистивши, хотѣли по опредѣленію и размѣру за дѣло самое канальное взятись, леть господинъ полковникъ Вѣтверъ для проби велѣлъ числа 9 іюля ундеръ-офѣцеру своему въ горѣ одну плотину розрвати, а потомъ видя, что каналъ увесь по прежнему наполненъ водою, приказалъ знову козакамъ одъ полдня черезъ всю ночь оную плотину, понеже вода всю било поломила, вновь гатити изъ тихъ мѣствъ. Показѣствъ одъ числа 9 до числа 18 зъводу зъ каналу вода витягнена, у работѣ канальной остановка чинилася, однакъ и тогда не бездѣльны козакъ били, леть по прежнему дѣсние принаси готовили, гатки по вся дни поправляли и гатили, а иние зъ полковъ въ тое время килзкротне по телѣжки и колеса за 10 верствъ до подрадчика ходили и на себѣ носили, одколь другие и нѣ щимъ, что не вистарчено било, мусѣли ворочатися, а лубо по пятнадцать коней государевихъ для привозки поманутихъ телѣжокъ въ полки и давани, однакъ-же тие конѣ били весма вимордованіе и витягненіе, которіе и порожние вози въ

почему; предъ нами только процедура работъ, гибельная для работающихъ. Но въ ней, паравнѣ съ казаками, фигурируютъ драгуны, армейскіе солдаты и простые землекопы, согнанные съ разныхъ концовъ Петрова царства. Зная много о дѣяніяхъ Великаго Петра, мы сравнительно немного еще знаемъ о тѣхъ жертвахъ отъ народа, какими созидались его слава и могущество Россіи. Приводимый документъ можетъ имѣть значительную цѣну въ изслѣдованіяхъ этого послѣдняго рода.—Р е д.

сілу потягли, того ради назадъ зъ полковъ отдано. И скоро начала вода въ каналу уменьшатись, ровъ посредь оного, одъ пѣску замѣлений, знову рили, землю выносили и очищали. А особливо що разъ по машини ровчаки два для скорѣшого проходу водного ковали. И въ числахъ 18 и 19 іюня по витягненю воды, вступивши козаки другимъ разомъ въ земляную работу, со великимъ радѣніемъ и пилнимъ привлечаніемъ, хотячи въ скорѣ опредѣленнии свои дѣлницѣ ку прислужѣ своей-же совершить, чтобъ заранѣе, не входячи въ осень, могли бли ку домамъ однущени, безъ жадной лѣности не только за себе, но и за болные, такожь и за умершие, понеже ихъ дѣлница остается, при досмотрѣ офицеровъ работали: въ двохъ засѣ полкахъ, чериговецкомъ и стародубскомъ, муѣли козаки на мѣсе болныхъ и умершихъ, что не змогли сами за слабостію въ здоровю и своихъ дѣлницѣ виробить, бурлаковъ наймати, которые ниѣ работаютъ. А въ числе 23 юня, за присутіемъ его милости, господина генерала маіора Писарева къ каналу до Кобонѣ, когда по осмотру нашей работи изволивъ повелѣтъ болшъ въ каналу не копать, токо въ горѣ мало винять и зровнять, такожь и береги отдѣлать, для узнаня въ каналу мѣри приказаль по всю канальную работу зъ гори води унустить, то одъ того числа, для наводненія великого, ктомуужъ еще и дожчѣ частие спадали, знову остановка въ дѣлѣ канала до числа 9 и 12, а въ иномъ полку и до 20 іюля показалась и черезъ все тое время, пѣмъ вода не уменьшалась, по бемотрѣ обоемъ, и ундеръ-офицера, такожь и старшини нашей полковой, по прежнему козаки на работѣ фашинной и сваевъ пайдовались, а ише, за предложеніемъ моимъ лигочнимъ господину бригадиру Леонтьеву, машинѣ двѣ, для скорѣшого води въ дѣлницяхъ команди моеи витягненя, зъ драгунской работи взявши, зъ немалую трудностію, по килка сотъ человекъ зъ полковъ на себѣ не въ близкості переносили, а ктому и въ перенесеню на каждой полкѣ по килка каировъ, черезъ немалое разстояние мѣсеца, бѣди дознали, особливо тогдажъ поузь каналъ по обоемъ сторонамъ полверетви вѣрни полками, для воспященія въ реку Кобонѣ води зъ озеръ въ каналъ проринутихъ мѣючой, якая уже знатне стала била проходить, рови ковали въ ширь болшъ сажня, а въ глѣбъ полтора саж.

Итакъ съ сего моего ложного отвѣту благоизво-
 ельство и снательство высочайъ и премудримъ разсмотрѣннхъ
 и усажити, якая козаковъ мовхъ подкоманднихъ въ работъ
 жоаршого (который по нашей вѣрности и рабской къ свое
 ставшйшому государю, его императорскому величеству должъ
 готови исполнять) показуется лѣностью и нерадѣиелью, одъ
 зѣвъ въ дѣлѣ кинашомъ проиходило и проиходитъ преи
 или оставовка. Сего ради, надъ предъ сенаторскими ваш
 стей и снательствъ, стопами, всенайпокорнѣе прошу жадн
 козацкой не имѣти мѣтвѣя и подзору, въ которомъ, безъ
 словной, напрасно одъ господина полковника Вѣтвера с
 стили, и для лучшого достовѣрнѣя благоволѣте ваша свѣ
 телство, во своей милости, аще сие угодно будетъ, рос
 тумъ нашу работу, что видѣвано, освѣдительствовати, и
 нитиелью наполненнѣя въ каналѣ била вода, несие дав
 козаковъ дѣло пришло до совершенства, якожь и такъ
 Божой работа козанди моеи въ каналу зѣ драгуинскомъ
 лубъ они передомъ гараздъ зачали дѣлатъ, соравнилъ
 зацкой, хочай такожь они черезъ килка мѣсяцей работъ
 знатнѣе государеву награждение, послѣдние взятнѣ до
 козаки стали первѣише, понеже опредѣленные свои д
 пошави, сваями беречи забилнѣ и фашинами въ мѣру
 вили, тилко уже подлежитъ въ горѣ по три фаши
 лени будутъ, положить, и тая падѣи въ Бозѣ, что
 работа конечнѣе желаемой своего окончаннѣя воспрѣме
 сие токмо мене усумнѣваетъ и смущаетъ, же въ к
 при Кобонѣ обрѣтающойся, яко и при Ладозѣ у
 дучой, многое число козаковъ болнхъ и умершихъ
 разъ въ болѣзнь тижкой, якая бардѣи гарачка да
 видась, примвожаются и умирають, якихъ вѣдеи
 на таковуу беднхъ козаковъ пужду приставннѣ
 безъ жадного баченѣя, зѣ повелѣннѣя господина бре
 милостиво бючи ихъ у работнѣ палками, хочай с
 и воччу, дечъ и во дни недѣлннѣ и празничннѣ с
 чивку приганяють. Опасаяся теде я, чтобъ по п

зде не загубити, якихъ развѣ третья часть къ дому и въ прошлѣмъ году повернулась, предворяю въ сенатъ покориѣйшимъ симъ моимъ писаниемъ и рабско прошу, благовольте ваша свѣтлость и сіятельство, іде по указу его імператорского величества високою своею особою російское правление содержите, не допустить команди моеи въ конецъ при сей кавалерной работѣ, не била-бъ надъ чужое мѣсто, якъ господиць полковникъ Вѣтверъ хочетъ, зъ согласнемъ господина брегадира Леонтиева, который къ дѣлнимъ козакамъ велии есть недоброхоть и немилостивъ, учинить, — для зачинания другой работи переведена, яко отнюдь нѣкимъ (Богу самому свѣдущу, бо все козани въ сілѣ своей весьма ослабли и ели живи обрѣтаются) дѣлать, лечь-би, не уведячи въ глубокую осынь роскиса и плюскоти, однуцены zostали во свояси принамѣй въ первыхъ числахъ сентеврия, такъ для лучшого и безбѣдного запроваженя болшихъ, зъ которыми иле многимъ числомъ и теперь не вѣдаю, шо чинити и куда ихъ обернути, и до лѣкарей зъ лѣкарствами для помощи хочай килка разъ о присилку онихъ и упоминаемся, не даю, яко и для выгодаѣшого такъ далечайшого пути здоровимъ, якие все опѣшали ходу. А понеже прошлаго року, по милости его імператорского величества, для проходу однуценихъ зъ каналу козаковъ високо повелителнимъ его величества указомъ опредѣленно било выдавать правиятъ и для коней фуражъ, того ради да не лишени будутъ и нивѣ тоеижъ монаршой милости работающие козаки, благозвольте ваша свѣтлость и сіятельство повелѣть високопочтеннѣйшимъ своимъ указомъ видать о получении въ пути козакомъ, когда однуцени будутъ изъ каналу, провианту и для коней, якихъ небольшое число можетъ бити, принамѣй самого сѣна, ибо они козаки тутъ при каналѣ не тилко позбули остатний грошевий запасъ, и иние при своей болезни для пропитания и одежду, якую имѣли, попродали, албо вѣмъ до сего часу, по указу его імператорского величества, за видѣлку кубическими сажнями въ каналу земтѣ и за виношение зъ немалою бѣдою и трѣдностию за пять и шесть верствъ фашинъ и сваевъ, подлежащихъ денегъ имъ не видало, а любо изволивъ его княжеское сіятельство, господиць Александръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтъ маршалъ и многихъ ординовъ кавалеръ на листь мой въ отвѣтномъ своемъ почтеннѣйшимъ писании предлагать, что велено видать денги, однакъ при той дачи мѣ-

отъ вичитать диние овимъ въ прошломъ 1721 году, за которые не заробили. А понеже его імператорское величество нашъ всемилостивѣйшій государь, по своей високомонаршой милости, благоволивъ для всемирной радости полученнаго зъ шведскою короною вѣчного мира, не тилко провиантомъ, но грошми и лѣкарствами, якие давали били прошлого лѣта при каналѣ козакамъ ихъ безвозвратно и чего за приключившоея слабостию противъ порции драгунской работи не додѣлали, того на ихъ козакахъ въ семъ году не взыскувать; сего ради, при обѣятии стоиъ сенаторскихъ вашихъ свѣтлостей и сиятельствъ, всенижайше прошу, подлугъ того его імператорского величества милостивѣйшого указу, повелѣть такъ за роботу каналную козакамъ надлежащіе асъ денги, не вичитая въ той суммѣ вѣчного, видать, яко и въ вижей выраженномъ команди моей нужномъ требовании милостивое свое явити благосклонение и дѣйствителѣ рѣшительную учинить резолюцію.

Вашимъ свѣтлостемъ и сиятельствамъ нижайшій рабъ
полковникъ полтавскій Иванъ Чернякъ.

Отъ села Кобони при каналѣ.

Августа 2, року 1722 г.

Библиографія.

Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевского славянскаго общества. Выпускъ шестой. Составленъ подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента императорскаго университета св. Владимира. Кіевъ. 1884. (382 стр. Цѣна 1 рубль).

Съ похвальнымъ постоянствомъ изъ году въ годъ кіевское славянское благотворительное общество выпускаетъ по книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*, и даетъ этимъ добрый, но пока еще безплодный, примѣръ другимъ кіевскимъ обществамъ, — собственно ученымъ, а не благотворительнымъ, отъ которыхъ слѣдовательно естественно было бы ожидать постоянной литературной производительности. Составъ послѣдняго выпуска *Славянскаго Ежегодника* довольно разнообразенъ. Есть тутъ и изящная словесность — *Горные рассказы* чешскаго писателя Довжа Краска (*Залишь, Дивоушъ и Доорскій*), рассказы очень милые и граціозныя, особенно первый и третій. Къ отдѣлу же изящной словесности можно отнести и *воспоминаніе о событіяхъ 1876 г.* болгарскаго писателя И. Вазова въ русскомъ переводѣ и его же стихотвореніе *Россія въ болгарскомъ подданикѣ*. Есть статьи болѣе серьезныя и тяжеловѣсныя, которыя можно причислить къ отдѣлу научному. Сюда относятся: 1) *разборъ стихотвореній чешскаго поэта Ян. Вергилицкаго* (псевдонимъ Эмилъ Богуша Фреды), навіянныхъ вліаніемъ философіи Шопенгауера; 2) *Фр. Кудачъ и его Сборникъ южно-славянскихъ пѣсень* (обѣ статьи принадлежатъ Л. Степовичу); 3. *Нынешнее положеніе Словенцевъ*. Ст. Степозара Гурбана-Вьянскаго (въ переводѣ Т. Д. Флоринскаго) и 4. *Покруженіе Австріи овести въ Далмаціи уию*. Статья Я. Головацкаго. Есть наконецъ и научная хроника, въ составъ которой входятъ два некролога: В. В. Макушева († 2 марта 1883 г.) и Ю. Даничича († 4 ноября 1882 г.) и

два юбилея: Франца Миклошича (8 ноября 1883 г.) и В. И. Ламанского (3 мая 1883 г.). Научная хроника во всем составѣ своемъ принадлежитъ перу редактора *Ежегодника* Т. Д. Флоринскаго. *Ежегодникъ* заканчивается *Славянскою библиографіею* за 1879—81 годы, составленною А. О. Писвинидемъ.

Выслушаемъ сначала отъ *Славянскаго Ежегодника* одинъ упрекъ, обращенный по адресу русскаго общества. Авторъ статьи о *сборникѣ южно-славянскихъ пѣсень Фр. Кухача* въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: «Трудно представить себѣ бѣльшую степень равнодушія, чѣмъ ту, каковую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянскій жизни, особенно, если это явленія не политическія, а бытовые, относящіеся всецѣло къ скромной сферѣ мирнаго общественнаго развитія... Изданіе (*южно-славянскихъ пѣсень*) предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованіи изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло-бы очень поддержать такую полезную мысль и посодействовать распространенію цѣннаго изданія, но оно не знало о немъ (по своей-же впрочемъ вѣщѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи должно и прекратилось на этомъ-же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что-нибудь подобное, въ расчетѣ на поддержку русскаго общества!» (стр. 235). Далѣе (стр. 239—240) авторъ статьи припоминаетъ, что «въ началѣ семидесятыхъ годовъ и кievская публика по концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лысенка была знакома съ славянскими пѣснями. Таковы напр. пѣсни *чешскія*: 1) Вльтаво! 2) Чѣмъ же се благой надѣи, же се врати злате часы! (гуситская пѣсня, прекрасная по пѣсьмѣ и содержанію), *сербская*: 1) Сви лайкаше одоше лако (все корабельщики ушли легко) 2) И подьо спучень край дола (я пошелъ опечаленный около долины) и *хорватская*: Напрей застава славе, на бой юаншка кри! (Впередъ знамя славы, въ бой молодецкая кровь!) Все эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ-же почему-то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ путь публичнаго концертнаго исполненія—самый вѣрный для взаимнаго ознакомленія славянъ съ своими драгоценными произведеніями музыкально-народнаго творчества. Лучшее средство для популяризаціи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсень—это, повторю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ напр. еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лысенка. Нынѣ при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсень, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй,

начинать съизнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой».

Но, выслушавъ упрекъ отъ *Славянскаго Ежегодника*, отквитасемъ и ему такимъ же. Воспользуемся для этого словами покойнаго В. В. Макушева, приведенными въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ этой же книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*. «Ни одно изъ славянскихъ племенъ (говорить В. В. Макушевъ) не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и нынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ невротительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку ¹⁾; нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ въ его прошедшемъ и настоящемъ». (Стр. 301—302).

Въ приведенныхъ словахъ рѣчи идетъ не о политическомъ сближеніи между русскими и поляками, которое немислимо при діаметральной противоположности стремленій русскаго и польско-шляхетскаго общества, но о сближеніи на нейтральной почвѣ науки, искусства и литературы, которое не можетъ быть чуждо и задачамъ кіевского Славянскаго Общества. Между тѣмъ настоящій выпускъ его *Ежегодника*, давая русскому обществу вѣчто для знакомства съ чехами, болгарами и словаками, ничего не даетъ для знакомства съ польскою литературою. Польская литература принадлежитъ къ числу богатыхъ нерѣдко выдающимися научными и* беллетристическими произведеніями; но для насъ она представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что по части южно-русской исторіи, этнографіи и пр. даетъ едва ли не болѣе, чѣмъ даемъ мы сами ²⁾.

¹⁾ Разумѣются, конечно, переводы на польскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій русскихъ писателей. Изъ недавно вышедшихъ въ польской библиографіи, приложенной въ концѣ см. *Ежегодника*, помѣнены слѣдующіе: *Turgeniew*, Iwan. *Pamiętniki myśliwea*, przeł. Henryk Heng. tom I. В. 1880. *Paszkin*. *Cyganie*, przekład Mir. Dobrzanskięgo. Варшава. 1881. 31 стр. и *Gogol*. *Mikolaj*. *Martwe dusze*. Познань. 1879. 363 стр.

²⁾ Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ хотя такия бѣдыя указанія. Въ послѣдніе два-три года польская литература о Хмѣльницкомъ дала два выдающіеся историко-беллетристическія произведенія, какъ «*Z burzliwej chwili*» Ежа и «*Ogniem i mieczem*» Сенкевича (переводъ перваго въ «Русской Мысли», втораго въ «Живописномъ Обзорѣнн»), у насъ-же явилась только слабо-научная и претенціозная книжка Будницкаго, да возобновленная 4-мъ типомъ монографія

Правда, что это условливается близостию нашей прежней и польской исторіи, отчасти же и особымъ взглядомъ польскаго общества на наши вѣсныя и западныя области, которыя она не перестаетъ и теперь считать своими, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пользоваться ея произведеніями по этой части, когда нашихъ собственныхъ такъ еще не много. Будемъ надѣяться, что наше Славянское Общество въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего Ежегодника пополнитъ этотъ пробѣлъ, равно какъ намъ что либо изъ области вполне родственной намъ литературы нашихъ галицкихъ братьевъ, которыхъ, по своему уставу, Общество преимущественно имѣетъ въ виду.

Т. Ф.

Kolberg Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków 1883.
 (Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1883 г.).

Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ мы уже дали читателямъ краткій отчетъ о первомъ томѣ замѣчательной работы О. Кольберга «Pokucie». Въ настоящее время мы можемъ сдѣлать небольшое сообщеніе о второмъ томѣ этого сборника.

Въ этой книжкѣ помѣщено 512 пѣсенъ, изъ которыхъ большинство съ мелодіями подъ общимъ заглавіемъ «пѣсни и думы». Чтобы чи-

тестоварова. По части нашей этнографіи у поляковъ явился капитальный трудъ Кольберга «Pokucie», мы же ничего подобнаго противопоставить ему за это время не можемъ. Укажемъ также на недавнія и свѣжо вышедшія въ польской литературѣ историческія сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе и нашу истинную интересъ. Таковы: 1) *Historja Bazylianów w połockiej cerkwi w r. 1705, dnia 30 junia starego*. Poznań (W. Simon) 1883, 2) *Bykowski Piotr Jakub. Słoboda, powieść z dziejów zeszlowiecznej Ukrainy*. Warszawa. 1883 г. (1884), 3) *Gorszkowski M. Wskazówki do nowego obrazu Jana Matejki, Wernyhora, z pobieżnym opisem o kozakach w ogóle*. Kraków. 1884. 4) *Lucniewski T. Cmentarzysko starożytne w Łuskach i Grodzku, w gub. Siedleckiej, w pow. Sokołowskim*. Warszawa. 1883 г. з рycinami i текście. 5) *Notatka o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku*. Poznań. 1884. 80 fenig. 6) *Popowski Boles. Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny* (Odbitki ze Zbiora Wiad. do atr. kraj., tom. VIII) Kraków 1884. 7) *Zuber Rud. Studja geologiczne we wschodnich Karpatach, część II*. Lwów. 1883. 8) *Podbereski Andrzej. Materyaly do demologii ludu ukraińskiego*. Kraków. 82 стр. 9) *DeLaveaux, Ludwik. Michal Gliniski, szkic historyczny*. Lwów. 45 стр. и проч.

дѣль не былъ введенъ въ заблужденіе этимъ заголовкомъ, я долженъ предупредить его, что терминологія О. Кольберга, принятая имъ въ польскихъ этнографическихъ работахъ и всецѣло перенесенная въ его *Рокисіе*«, существенно рознится отъ терминологіи усвоенной южно-русской этнографіей. Названіе *дума* у Кольберга не означаетъ того, что и привыкли называть думою, т. е. эпическихъ козацкихъ рапсодовъ, кляняемыхъ бандуристами. Польская дума имѣетъ довольно неопредѣленное значеніе; она присвоится каждой почти пѣснѣ народной съ различнымъ содержаніемъ и напѣвомъ, если только эта пѣсня не обрядового дѣла. Бываютъ слѣдовательно у Кольберга думы самаго разнообразнаго содержанія: историческія, баллады, любовныя, семейныя, бытовыя и т. п.; дѣйствительныхъ-же думъ козарскихъ у него, разумѣется, нѣтъ вовсе. Классификація пѣсеннаго матеріала тоже не совпадаетъ съ установившеюся классификаціей южно-русской этнографіи, хотя и основана не на формѣ, а на содержаніи пѣсенъ. Такъ напр. въ отдѣлѣ IV *Dumy i pieśni galotne* читатель найдетъ баллады (№№ 110, 113, 120) и разбойничьи (№ 111, 112) пѣсни. Вообще говоря, классификація Кольберга, довольно неустойчивая, не вполне опредѣленная и сбивчивая составляетъ главный, хотя и единственный недостатокъ II-го тома *Рокисіе*«. Вслѣдствіе этого недостатка матеріалъ, распределенный на 5 отдѣловъ, подчасъ до того перепутанъ, что подбирая однородныя пѣсни, приходится рыться почти по всѣмъ отдѣламъ.

Такая участь постигла напр. пѣсни историко-бытоваго характера, которыя попали во многіе отдѣлы, миновавъ отдѣлъ I *Dumy historyczne*. Среди двадцати пѣсенъ этого отдѣла, я нашелъ только двѣ пѣсни историческія; это: два прекрасныхъ варианта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломѣ и три варианта пѣсни о Боддаривнѣ и Потоцкомъ (панѣ Шевскій); остальные пѣсни ничего историческаго въ себѣ не заключаютъ, и приходится ихъ отнести къ балладамъ и къ разбойничьимъ. Въ поясненіи къ пѣснѣ о Савѣ Чаломѣ (стр. 289), гдѣ авторъ приводитъ и вариантъ Срезневскаго, онъ дѣлаетъ старую ошибку нашихъ торжковъ, приурочивая личность Савы Чалого къ временамъ Наливка, ошибку давно выясненную актами о гайдамакахъ, изданными въ 176 г. Временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Бытовыхъ пѣсенъ записано Кольбергомъ болѣе двухъ десятковъ. Сохранились онѣ отчасти въ чистомъ видѣ (№№ 109, 353, 398, 410, 412—417), частью-же приурочены къ новому солдатскому типу (№№ 40, 402, 08, 418—420, 424, 425.), но приуроченіе это почти всегда ограничено замѣною слова *козакъ* на »жовнирѣви, гранатыри, уланы« и т. п.

Даже въ известной невольницкой пѣснѣ о выкупѣ любимому дѣвуш (№ 418, 420) фигурируютъ жолнеры.

Дѣйствительныхъ солдатскихъ пѣсенъ, созданныхъ новой содскою жизнью, весьма мало и тѣ по содержанію мало чѣмъ отличаютъ отъ пѣсенъ рекрутскихъ, которыхъ довольно много (№№ 373—391, 396, 397, 399,—401, 404, 411, 422, 423). Всѣ онѣ носятъ тотъ-же характеръ, какимъ отличаются и наши рекрутскія пѣсни; разлука, семей, милой, съ родиной, жалоба на тягость ненавистной службы, ни одной черты патриотическаго сознанія долга. Какъ у насъ, такъ на Подгорѣ нѣтъ ни одной веселой пѣсни рекрутской или солдатской. Я здѣсь, разумѣется, не говорю о нашихъ лагерныхъ, такъ сказать оціальныхъ, пѣсняхъ. Среди рекрутскихъ пѣсенъ есть пѣскольво вариантовъ, общихъ нашимъ подольскимъ и волынскимъ, но большинство ихъ выросло на мѣстной галицкой почвѣ и носитъ своеобразный стный характеръ, обусловливаемый австрійскими порядками рекрутскаго набора и подгорскими отношеніями.

Тотъ-же мѣстный характеръ носятъ и пѣсни о панцинѣ (№ 4455), и > про волю < (№ 457 --460). Въ одной пѣснѣ о панцинѣ (№ 455) какъ единственное спасеніе, указываются горы и опрышки (бандиты). Четыре оригинальныя пѣсни о волѣ проникнуты благодарностью цесарю (императору) за освобожденіе крестьянъ и ѣдимъ сарказмомъ, направленнымъ противъ пановъ-ляховъ, гонящихся за ушедшею панциною.

Между пѣснями бытовыми, кромѣ нѣсколькихъ бурлацкихъ и мацкихъ, залетѣвшихъ на Подгорье въ довольно искаженныхъ и немныхъ вариантахъ, попадаются и пѣсни совершенно мѣстнаго типа: 3 пѣсни о *чабанъ*—пастушескія (№ 477, 478) и разбойничьи.

Эти послѣднія не носятъ полнаго характера настоящихъ пѣсенъ опрышковъ Чорной горы. Онѣ не рисуютъ намъ горскихъ бандитовъ ихъ жизни и обычаевъ; онѣ подходятъ по своему содержанію къ особому роду балладъ, рассказывающихъ о разныхъ убійствахъ, грабежахъ и в силіяхъ. Словомъ, это эпическіе рассказы о похожденияхъ разбойниковъ, не въ смыслѣ воспѣванія подвиговъ удалыхъ отважныхъ опрышковъ, въ смыслѣ рассказа о постигшемъ кого нибудь несчастьи. И потому по содержанію онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ балладъ, въ которыхымъ, надо замѣтить, Подгоріе питаетъ особое влеченіе. Въ I и II отдѣлахъ читатель найдетъ болѣе пятидесяти самыхъ разнообразныхъ балладъ. Начиная отъ балладъ общеевропейскаго выясненнаго цнелъ какъ напримѣръ о кровосмѣшеніи, и кончая пѣсней о какомъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событій, можемъ на Покуть

аги почти всѣ баллады, извѣстныя во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, вселенныхъ малороссами.

Къ болѣе полнымъ и интереснымъ вариантамъ общезвѣстныхъ балладъ, надо отнести слѣдующія: *объ отравленіи сестрой брата*, служившаго помѣхой въ выходѣ ея замужъ (№ 52, 54), семь самыхъ разнообразныхъ вариантовъ *объ убійствѣ и ограбленіи подюворенной къ походу дѣвушки* (№ 21—26, 110.), составляющіе одну изъ переходныхъ ступеней отъ извѣстныхъ прежде южно-русскихъ къ польскимъ вариантамъ той бретонской легенды, о *превращеніи недлюбимой невестки въ лополу или яворъ* (№ 45, 46); о *Петруни*, приглянувшемся барынь (№ 56, 57), которой *pendant* является баллада о Настѣ, приглянувшейся барину (№ 58, 59) и др.

Между этими пѣснями есть одна баллада нравственнаго содержания о сынѣ, который прогналъ изъ дому старую мать, но наказанный за это ея молитвами, приходитъ просить ее вернуться опять къ нему. Пѣсня эта по содержанію почти тождественна съ Вересаевскою думою о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Является интересный вопросъ о генетической связи пѣсни и думы: родила-ли пѣснь думу, или дума перенята народомъ въ формѣ пѣсни?

Кромѣ балладъ общезвѣстныхъ, составляющихъ такъ называемую *фольклорную* народную литературу, есть много балладъ чисто мѣстнаго характера, какъ напримѣръ: убійство урлепниками (побилетными солдатами) мѣстнаго войта за оскорбленіе (№ 15). Способность къ эпическому творчеству на Подгоріи очень живуча; сказывается она при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе или менѣе выдающійся фактъ обыкновенно разсказываетъ пѣснь. Въ 1873 г. въ Испасѣ умеръ молодой юноша Иванъ Юриенко отъ чахотки; женщины подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ любовницею и одна изъ газдынь Анна Чартецкая складываетъ про него пѣсню, (№ 14, 511) которая немедленно перенимается и затѣмъ становится достояніемъ народа.

Литургическихъ псалмовъ (*Pieśni nabożne i diadowskie*) есть 19, помещенныхъ общему ихъ репертуару пѣсенъ религиозныхъ и нравственныхъ. Въ нихъ явно проглядываетъ двѣ культуры: уніятская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чисто польскимъ наслѣдіемъ. Изъ лучшихъ и менѣе извѣстныхъ пѣсенъ надо отмѣтить два варианта о св. Олексіѣ (№ 501, 502).

Среди разныхъ шуточныхъ пѣсенъ, иногда весьма характерныхъ юморомъ и сарказмомъ, какъ напримѣръ пѣснь о грибахъ (№ 488) или о сословныхъ пѣсняхъ (№ 487), я въ удивленію моему встрѣтилъ два варианта извѣстной пѣсни о Грицкѣ Мудромъ изъ Коломыи, пасшемъ

свиной по латыни (№ 462, 463) съ мелодіей. Варіанты довольно полно по мелодіи, хотя и напоминаютъ слышанную мною неоднократно въ Евѣ, значительно искажена. Г. Кольбергъ подъ этой пѣсней замѣчаетъ что она поется дѣвками и другими грамотными людьми.

Пѣсни любовныя и семейныя, перемѣшанныя въ девяти томахъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, составляютъ болѣе и менѣе сходные варианты подольскихъ пѣсенъ и особаго вниманія по своему содержанію не заслуживаютъ. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтической вообще. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по держанію пѣсенъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе 2-го тома замѣчательнаго труда Кольберга. О достоинствахъ вообще его этнографическихъ работъ и имѣли случай прежде высказаться; въ смыслѣ матеріала этотъ новый томъ даетъ не мало новаго и еще болѣе—для сравнительныхъ работъ области южно-русской этнографіи.

Ц. Нейманъ.

Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ пересказъ, съ объясненіями, разборомъ и картой. Одесса 1884 (8-о, 82 стр.).

Кто изъ цѣнителей южно-русскаго народнаго творчества не знаетъ замѣчательно художественной думы объ Азовскихъ братьяхъ, одной изъ лучшихъ среди немногихъ *невольничьихъ* думъ, проникнутой, какъ и подобныя ей, глубокимъ искреннимъ лиризмомъ? Думу эту г. Андріевскій братья предметомъ публичной своей лекціи въ г. Екатеринославѣ, котораю потомъ издалъ отдѣльной брошюрой. Выбора автора нельзя не назвать весьма удачнымъ, а намѣреніе его популяризировать одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ старо-козацкаго эпоса достойно благодарности какъ первая попытка пробудить въ образованномъ обществѣ интересъ къ ознакомленію съ богатѣйшимъ и высшимъ содержаніемъ нашей народной музыки.

Принимаясь за объясненіе думы о трехъ братьяхъ, авторъ, какъ видно, старался собрать возможно полно всѣ осколки повѣствованія разсыпанные по многимъ извѣстнымъ ей варіантамъ, составить сводную ясную картину, изображаемую думою, указать на ея эпическія и поэ-

Тюшинъ, освѣтить и выяснить бытовую и историческую жизнь этой повѣсти давнихъ временъ.

Автору извѣстны девять вариантовъ этой думы, именно: пять распространенныхъ въ 1 томѣ Истор. Пѣсень, изд. юго-зап. отдѣломъ общества, два, приведенные неполно Н. Костомаровымъ въ ж. «Русская Мысль» 1880 г. № 2, и одинъ, напечатанный въ «Киев. Старинѣ» 1882 г. № 12. Кроме того авторъ знаетъ одинъ неизданный вариантъ, записанный г. Манджурою. Матеріалъ довольно богатъ и разнообразенъ; но мы можемъ указать еще одинъ вариантъ той же думы, найденный изъ виду г. Андріевскимъ, именно вариантъ кобзарей Бранки и Дуба, въ изданіи того же отдѣла геогр. общ. за 1874 г. (II, стр. 100). Этотъ вариантъ довольно цѣльный по некоторымъ особенностямъ, хотя и не полный.

Сравнивая вышеозначенные варианты, авторъ находитъ въ нихъ три различныя редакціи: полную, среднюю и краткую. Существенная разница между ними, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что они одинаково представляютъ послѣднюю судьбу двухъ старшихъ братьевъ: четыре варианта передаютъ, что послѣ благополучнаго ихъ возвращенія домой были обнаружены обманъ и жестокосердіе старшаго брата, сострадательность и правдивость средняго, при чемъ первый заслуженное наказаніе, а второй вознагражденъ; но четверть думы оба брата не достигли родительскаго дома и за то, что бросили старшаго брата въ степи, заплатили сами смертью отъ настигшихъ татаръ; два же варианта, упоминая лишь кратко о возвращеніи младшихъ братьевъ домой, впадаютъ въ ихъ уста проклятіе турецкой пашы и молитву къ Богу объ избавленіи христіанъ отъ такой напасти. Авторъ не считаетъ существенною частью думы заключительнаго финала ни одного изъ вариантовъ, желая тѣмъ объяснить происшедшую въ передачѣ этой думы разницу; по его мнѣнію этотъ финалъ созданъ впоследствии лицами думы, каждымъ самостоятельно, въ силу необходимости заинтересованнымъ слушателямъ какой нибудь эпилогъ, выясняющій судьбу старшихъ братьевъ послѣ смерти младшаго.

Мы не можемъ согласиться ни съ допущеннымъ авторомъ различіемъ вариантовъ думы о трехъ братьяхъ на три редакціи, ни тѣмъ болѣе съ его мнѣніемъ о происхожденіи и значеніи ихъ финала.

По нашему мнѣнію, въ вариантахъ думы можно признать только две редакціи; что же касается 3-го извода (Кричковскаго), то въ немъ никакъ нельзя видѣть особой редакціи, такъ какъ заключительная часть этого извода дословно заимствована изъ 1-го извода, именно: >Плачь невольниковъ на турецкой каторгѣ.

Плачь невольника ^б выкупъ. Произошло это вследствие
 вами действительнаго эпилога, а не въ силу необходимос-
 той эпилога. Что это такъ, показываетъ не соответствіе
 о трехъ братьяхъ въ 3-мъ изводѣ и полное его согла-
 другими названными думами. Проклятіе земли турецкой
 манской естественно въ устахъ невольниковъ, прикова-
 къ веслу турецкаго судна, но совершенно непримѣнимо
 возвратившимся на родину братьямъ. Тоже должно сказать
 къ Богу: она также умѣстна въ «Плачь невольниковъ»,
 въ думѣ о трехъ братьяхъ финаль, что память объ немъ
 не лишится, а будетъ воспѣваться въ назиданіе до кон-
 финаль въ этой послѣдней думѣ заключаетъ въ себѣ
 думы, не говори уже о томъ, что безъ нея дума не имѣл-
 пости эпического разсказа. Дидактическое значеніе думы
 не подлежитъ сомнѣнію: оно проглядываетъ ясно во ве-
 той или другой формѣ, причемъ назиданіе посвящаетъ
 сферѣ семейныхъ отношеній, но также и общественныхъ
 признавая заключительную часть думы за несущест-
 вѣннѣйшій досказъ въ угоду заинтересованной публики, авто-
 брошюры лишаетъ думу существенной и важной ея чорт-
 пости.

Приступая къ изложенію содержанія думы, авторъ
 ему весьма цѣнныя объясненія, особенно относительно
 мѣста и времени дѣйствія разсказа и бытовыхъ подро-
 Онъ рисуетъ намъ географическую карту пространства ме-
 зоремъ и р. Самарою и выискиваетъ топографію мѣстности
 къ думѣ, по памятникамъ историческимъ и преданіямъ,
 дѣлать путь, по которому возвращались братья изъ нево-
 лѣ.

Въ XV—XVI вв. было два пути по этой мѣстности
 по р. Самарѣ, ея притоку Волчьей воды и Миусу (нынѣ
 Мариуполь (Мариуполь), а другой сухопутный къ р. Оме-
 чала потому-же пути, а затѣмъ по верховьямъ рр. Крымки
 и теперешняго Миуса возлѣ Савурь-горы, къ гирлязѣ р.
 тивъ въ думѣ названія р. Крымки, байрака-мелюса (а в
 антѣ—Миусъ), и постоянную Савурь-могилу, авторъ прих-
 денію, что братья бѣжали именно по этому второму пут-
 этотъ предполагаемый путь, авторъ сообразно съ нимъ
 порядокъ спутанныхъ иногда въ разныхъ вариантахъ час-
 кажется однако, что онъ слишкомъ много придаетъ цѣ-
 скимъ названіямъ думы и совершенно напрасно стар-

свести ихъ съ названіями пинѣшскихъ картъ. Стремленіе это повело автора къ слѣдующему противорѣчію. По думѣ, во всѣхъ почти ея вариантахъ, Савурь-могила опредѣляется въ мѣстности Муравской дороги и р. Самары; но въ ней ни слова нѣтъ о томъ, чтобы эта могила лежала на ихъ пути еще возлѣ рр. Кривки и теперешняго Міуса, т. е. тамъ гдѣ, ее опредѣлить по географическимъ картамъ г. Андреевскій. Если-бы младшему брату приходилось, побывавъ на Муравскомъ шляху, умирать на географической Савурь-горѣ, то онъ долженъ былъ-бы для этой цѣли возвращаться назадъ, по опредѣленію автора, цѣлыхъ 156 верстѣ. Это явное несоотвѣтствіе думной Савурь-могила съ географической заставляетъ автора объяснять соответственное мѣсто думы вліяніемъ цѣсни о Морозенкѣ, который тоже умираетъ на Савурь-могилѣ, а въ пересказѣ думы онъ заставляетъ братьевъ дѣлать привалъ на географической могилѣ, а младшаго брата умирать на гладкой дорогѣ, вопреки почти единогласному разсказу во всѣхъ вариантахъ. Единственный вариантъ Срезневскаго, не упоминаящій Савурь-могила, какъ мѣста смерти младшаго брата, представляетъ въ разсказѣ объ этомъ событіи явные пропуски и неполноту и не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать смерть этого брата не на могилѣ, да и другого мѣста—чистого поля, битого шляха и т. п. онъ также не опредѣляетъ. Гораздо проще отринуться вовсе отъ желанія приурочить разсказъ думы къ географической Савурь-горѣ, а думную Савурь-могилу искать на Муравскомъ шляху. Если здѣсь географическія карты не указываютъ такой могилы, то это еще не даетъ права категорически отрицать ея существованіе; наконецъ названіе прежнее Савурь-могила, относившееся быть можетъ къ какому нибудь кургану около Самары, могло забыться и утратиться. Подобное предположеніе весьма правдоподобно. Географическая теперешняя Савурь-могила стоитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ арены прежней козацкой жизни, чтобы могла оставить въ народной позіи столь распространенное и излюбленное о себѣ воспоминаніе.—Самъ авторъ признаетъ, что съ теченіемъ времени географическія названія переносятся съ одного мѣста на другое, какъ это случилось съ р. Міусомъ; почему-же не могло случиться подобнаго и съ Савурь-могилой? Если самъ авторъ признаетъ, что и въ настоящее время многимъ могиламъ присвоится названіе Савурь-могила, какъ напр. въ каневскомъ уѣздѣ, то почему-же онъ за настоящую Савурь-могилу признаетъ именно ту, которая пошла на географическую карту? Есть даже нѣкоторые основанія полагать, что въ мѣстѣ, опредѣляемомъ, думою была могила того-же названія. Это во первыхъ видно изъ приводимыхъ самимъ авторомъ словъ Вересаю, который назначаетъ ей мѣсто не тамъ, гдѣ она значится на картѣ, а дале-

но дорога въ Мариополь, которая
 этого Муса проходить не м
 Кромѣ того въ 1 т. Ист. П
 часто упоминаема въ пѣсняхъ, б
 на основаніи, какъ передавалъ мнѣ
 Муравейскій, именно у верховьевъ р. Самар
 проходила Муравейскій шляхъ.

Въ объясненіяхъ текста думы г. Андріевскій с
 до болѣе точнымъ и обстоятельнымъ, но допускает
 поетей. Авторъ утверждаетъ, что побѣгъ трехъ брать
 были совершены раннею весною, и подтвержден
 прочимъ въ томъ жѣстѣ думы, гдѣ говорится о по
 по какъ предвѣстницей весны считается обыкновен
 ласточка, то именно эту птицу онъ разумѣетъ.
 (стр. 74) и приводитъ для этого слѣдующій основ
 шаль въ дѣтствѣ это слово, какъ названіе ласточк
 же сѣвернаго края (Варсова) въ томъ-же будто-б
 слово *zioszoka*. Слова эти авторъ признаетъ од
 ренными съ зозулей (зоз-ули—зегз-ули?). Но если
 тебя бѣлымъ рядомъ близнецій (Слово о Полю П
 доказалъ, что зезица ничто иное, какъ кукушка, и
 какъ и наша зозуля, и что ея кукованіе служить
 образомъ плача Ярославны, какъ кукованье наше
 и польское *zieszula* и *zuzela*¹⁾ означаютъ ничто иное,
 ряхъ считать *zozulę* ласточкою, по мнѣнію автора
 этому слову эпитета *sizala*, это постоянный эпитетъ п
 Но если этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ зозулѣ в
 вариантахъ думы, то въ другихъ (Кожбабы, Вер
 Крюковскаго) постоянно читается *sizala* или *спра*
 ется только къ кукушкѣ, нябующей всю синику
 цѣпта, а не къ ласточкѣ съ бѣлымъ брюшкомъ и
 Въ третьихъ, по мнѣнію автора, въ думѣ подъ и

1) *Zbiór. Wiad do Antr. krajow. Kraków I.*
zieszula! Pe lat do mego wesela? или Kukuweczko, :
wesela?

надо разумѣть ласточку, что имя ласточки употребляется пародомъ, ласкательный эпитетъ ибнкой матери или сестры; но въ думѣ является образомъ плачущей, скорбящей матери, въ этомъ смыслѣ великороссовъ, и у малороссовъ, у поляковъ и у чеховъ въ ибнскихъ мейныхъ употребляется имя кукушки, которая непремѣнно *жалуется*, что несовмѣстно съ представленіемъ о ласточкѣ.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ, дающимъ весьма любознательныя и цѣнныя комментаріи исторически-бытового характера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, увлеченный стремленіемъ извлечь текста думы, какъ можно болѣе, содержанія, допускаетъ, кромѣ безной каторги въ ибн у турокъ и татаръ, еще и срочную. Основаніе этого онъ находитъ въ томъ, что въ ибноторыхъ вариантахъ дума каторга названа *довичною*: если была де-сять каторга *довичная*, безная, то была и срочная. Но кромѣ заключенія *a contrario* ед тутъ можетъ быть какое либо другое основаніе. Ничего не зываетъ здѣсь ссылка автора на Герберштейна; послѣдній он вать неволю только по рассказамъ въ Московіи и не видѣть ее д Служба на галерахъ могла быть только безсрочная, какъ и сама вода. Случайный лишь выкупъ и смерть избавляли невольника от дернаго вѣсла. Это ясно проглядываетъ какъ изъ богатыхъ цитатъ, веденныхъ подъ невольничьими думами (въ Историч. Пѣсняхъ Народа), такъ и изъ самаго текста думы. Плачъ ибнниковъ на зной каторгѣ рисуетъ намъ окончательное отчаяніе невольниковъ, рые просить, какъ спасенія, гибели корабля, на которомъ работ другого исхода и конца мукъ не видятъ. Ни одного упоминанія ибн думяхъ о срокѣ службы на каторгѣ; напротивъ въ думѣ о Са Кошкѣ козакъ сорокъ лѣтъ уже прикованы (разумѣется, гнѣрбо, единственная ихъ надежда—удачный побѣгъ. Думы вообще и въ ч сти дума о трехъ братьяхъ говорятъ только о каторгѣ *довичной*, безсрочной.

Пересказъ содержанія думы сдѣланъ авторомъ въ прозѣ искомъ языкѣ весьма удачно. Онъ съумѣлъ до мельчайшихъ подроб собрать почти все, что давалъ разрозненный по извѣстнымъ ему в тамъ матеріалъ и сгруппировать въ одну общую картину. Несмотря на всѣ достоинства пересказа, онъ страдаетъ также ибнотъ промахами, которыхъ не можемъ не отмѣтить.

Прежде всего, авторъ не всегда вѣрно переводитъ малорусскіе раженія. На стр. 27 слова: »тило мое звирю, птицы на *поталу* не д онъ переводитъ такъ: » не оставяйте меня *съ пишу* звирю и птицѣ (ст

Но слово *попелки* вообще и въ данномъ случаѣ означаетъ одно изъ словъ варианта Братца и Дуба, неизвѣстно какому.

Сталн (ормы) на его чорни кудри наступати,

Сталн его козацкую тварь *зезажати* (оскорбл.)

Слозь-же невѣрно авторь перевелъ слѣдующій картинокъ:

Тильди поле *зелѣе*, на нѣму трава зелена зеленѣе —

речи его только степи *чернѣть и колеблется слово*

трава зелена зелѣеть. (Степь чернѣть, когда на ней

колеблется, волнуется, когда трава высокая, но въ-же бр

акторь говорить, былъ раннею весною. Какимъ-же образомъ

въ то время и колеблется, словно море, высокою травою

завѣтъ, выжженная долготъ дѣтнимъ зносомъ? Если, во

несообразности, слово *зелѣе* перевести, согласно съ г. По

бъ вѣлку Игоревъ стр. 96), словомъ *блестить*, въ какомъ

дѣйствительно употребляется, то получится совершенно и

дѣйствительный образъ: только поле (ровное, гладкое, безъ багря

и на немъ трава зелѣеть.

Въ фразѣ: *кони вакувати* (стр. 76), авторь для объяснен

ты слова обращается къ татарскому слову *сакка* — накладыва

что: *кони вакувати*, по его мнѣнію, значить: отягощать ко

слово *вакувати* имѣеть корень латинскій и представляет

недостатокъ и тратиться безъ употребленія, безъ пользы,

до чимъ воды засѣяти, то оно и теперь вакуется, и въ т

это слово употреблено и въ думѣ.

Наконецъ слова думы: «отцеву и матчину молитву»

авторь передаетъ по русски такъ: «отца и матеръ вспомни

за нихъ и отдасть Богу душу» (стр. 35). На этомъ пере

вѣтъ даже характеристичну младшаго брата въ такихъ слов

бокая дѣтская нежность и заботливость, его всегдашняя

отца и матери выражается въ томъ, что послѣднею его

литвою были именно мысль и молитва не о себѣ, но об

рѣхъ (стр. 45). Между тѣмъ, сопоставивъ это мѣсто думы

мѣстомъ обѣ Олексій Поповичъ, на которую авторь ссыл

не видѣть, что умирающій юноша молился именно о себѣ,

турскую и отцовскую молитву, т. е. молитву, которой е

учили родители; это и просто и естественно.

Неправильные переводы и невѣрное толкованіе вы

звѣсто служатъ причиною и неправильныхъ выводовъ авто

но ярко выступаютъ изъ стѣланной имъ характеристикѣ ту

Первою слова старшаго брата: *чи-жъ подобенство, мій б*

словами: *развѣ мнѣ это прилично* (стр. 39), авторъ поэтому видѣ въ немъ галантность, щепетильность и утонченную деликатность по пошению къ своей собственной особѣ; онъ дескать знаетъ, что ему прилично и что неприлично. Но словъ: *чижѣ подобенство* иначе не перевести, какъ словами: *развѣ это похоже на что нибудь, развѣ возможно*, а при такомъ переводѣ едва-ли можно видѣть въ словѣ старшаго брата что либо другое, кромѣ весьма обиденнаго грубаго злого

Не вѣрна и не отвѣчаетъ думѣ и вообще характеристика, даваемая авторомъ старшему брату, въ которомъ онъ старается представить какого то чернаго генія. Старшему брату, какъ болѣе практичному, досѣ набрать болѣе турецкаго добра. Для спасенія его во время погрома онъ забываетъ даже родственное чувство въ отношеніи къ младшему брату и отказывается взять его на коня. Лишь добѣжавъ до р. Сады и видя себя уже спасеннымъ, онъ чувствуетъ укоры совѣсти, сознаетъ о братѣ; но сознавая, что уже поздно, что братъ до этого времени уже съ голоду, онъ приказываетъ среднему брату молчать и говорить родителямъ объ участи младшаго, погибшаго, когда возвратятся домой, а про себя радуется тому, что убыло однимъ наследникомъ. Такъ рисуется старшаго брата дума; авторъ же видитъ въ немъ далеко болѣе порочнаго человѣка. Онъ находитъ въ немъ еще въ Азовѣ *затаенныя мысли* (стр. 37) избавившись отъ младшаго брата, завладѣвъ его вѣнцомъ, называетъ его лицомъ бромъ, хитрецомъ (стр. 39) и воображаетъ его такимъ, затрудняется объяснить его раскаяніе у р. Самары и въ этомъ мѣстѣ (стр. 53) искаженіе думы, упрекаетъ за то и т. д. Между тѣмъ съ болѣею справедливостію можно упрекнуть автора, что онъ, разбирая думу, не передаетъ ея мыслей и образовъ, а въ думѣ собственную фантазію и досадуетъ на то, что она не совсѣмъ по его замысленію.

Къ догадкамъ, иногда мелочнымъ и празднымъ, авторъ прибегаетъ и склоненъ. Онъ напримѣръ *догадывается* (стр. 42), безъ всякихъ, и безъ собственнаго признанія, данныхъ, что старшіе братья задумали бѣжать отъ младшаго и что послѣдній какъ нибудь случайно узналъ объ этомъ, но онъ изъ словъ думы: *орлы на кудри черныя наступили* — заключаетъ, что младшій братъ выбрался изъ Азова даже безъ шанки, и т. д.

Какъ ни симпатична мысль автора популяризаціи нашихъ древнихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ малорусскаго эпическаго творчества, но мы его попытку въ этомъ направленіи должны признать не удачною. Авторъ много затратилъ труда для историческихъ и топонимическихъ комментариевъ, въ ущербъ литературной разработкѣ памят-

Нарисованная и прекрасно выясненная карта весьма интересна; но она излишня для объясненія думы. Достаточно сказать въ короткихъ словахъ значеніе слова *мелюсь*, указавъ различіи между г. Азовомъ и рѣкой Самарой, указать, что она должна бытъ пересѣчь Муравскій шлюхъ уже недалеко отъ Азова только. Главное же вниманіе автору слѣдовало обратить на саму думу, которое онъ передалъ хотя и подробно, но подчасъ не вѣрно, увлекшись собственнымъ воображеніемъ или невнимательнѣйшимъ текстомъ. Затѣмъ, разборъ содержанія онъ ограничилъ исключительно характеристикой братьевъ, въ которой, тогда какъ въ текстѣ думы, рисовалъ на ея тему собственные образы. Той думы среди дѣяго ихъ цикла вообще и невольничкаго бытія, ея эпическое богатство, ея оригинальныя черты, ея значеніе стоило бы на ряду съ первоклассными ранесодимыми народными преданіями — все это осталось не выясненнымъ, даже не намѣченнымъ. Не побоявшись познакомить читателя съ оригинальной думой, которой нѣтъ ни у одного славянскаго народа; не отмѣтили характерныхъ приемовъ эпическаго сравненія, почти тождественныхъ Слову о Полку Игоревѣ; не опредѣлили художественнаго богатства языка думы, словомъ онъ не далъ никакого выразительнаго родности и дѣйности памятника.

Въ параграфѣ «правоучительная тенденція думы» онъ говоритъ много, но не выясняетъ ея морали, ея высокаго нравственнаго семейнаго начала, которыя составляютъ одну черту всего южно-русскаго народнаго творчества и бытія, преимущественно передъ прочими памятниками народнаго эпоса, заслуживаютъ болѣе всесторонней оцѣнки и болѣе серьезнаго вниманія къ своему тексту, чѣмъ оказалъ авторъ.

Каковы бы впрочемъ ни были недостатки статьи г. Азова все таки должны сказать ему искреннее спасибо за многочисленные комментаріи, а главное — за счастливую мысль и пожеланіе, не практиковавшимся у насъ дѣлѣ.

Ц. Не

Библиографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго

Основа 1861 г. Іюль. *Мануалъ* (стихотвореніе). Августъ. *Сила* (мѣстный мірской сборъ). Октябрь. *Изъ Борисполя* (историч. въ договорѣ, хозяйственнаго товарищества, наемъ р

Черниговскій Листокъ 1861. № 8. Несколько словъ объ обычаяхъ и значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для криминалиста.

Основа 1862 г. Мартъ. Украинскій спектакль въ Черниговѣ. Апрель. Два слова о сельскомъ училищѣ вообще и объ училищѣ для сельскихъ учителей. Апрель. Исторія бориспольской школы. Июль. Изъ Борисполь. Августъ. Замѣтка по поводу лѣсохозяйства и лѣсокрадства. Июль. Ярмарка въ Борисполь.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости 1862 г. Программа для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи.

Наличное народонаселеніе г. Архангельска по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ Комитетомъ въ назначенный день 22 декабря 1863 года. Арханг. 1864.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1864 г. № 10. Программа собранія статистическихъ свѣдѣній. № 21—24. Программа этнографическая. № 25. Программа обычного права. № 38. Колонизація мурманскаго россійскаго берега.

Памятная книжка архангельской губерніи на 1864. годъ. Арханг. 1865 г. Статистическія таблицы и вѣдомости за 1863 годъ, съ предисловіемъ Чубинскаго.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г. № 10. Списокъ ста помещенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1831 по 1865 годъ.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1867 г. т. IV, вып. 1-й. Солевареніе въ архангельской губерніи (перечислено въ Арханг. Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 15—17).

Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1865 г. кн. I. Арханг. 1866 г. Здѣсь помѣщены: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы. Статистика рожденій, браковъ и смертности по г. Архангелу за 10 лѣтъ. Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздахъ, городахъ и посадахъ арханг. губерніи. Обзоръ главнѣйшихъ армій въ арханг. губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1867 г. т. I, вып. 4-й. Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ архангельской губерніи, съ показаніемъ количества каждаго.

Кромѣ того Чубинскимъ, какъ видно изъ его отчета о дѣятельности Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1866 годъ, были ставлены въ Вольное экономическое общество слѣдующія статьи и писки: 1) о хлѣбонашествѣ и продовольствіи жителей архангельской губерніи, 2) о мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, 3) о торговлѣ морозъ съ Норвегією, 4) о колонизаціи сѣверо-западной части мур-

стаго берега, 5) О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, 6) О способѣ судостроеній, 7) О вывозной торговлѣ архангельскаго порта, 8) О Корелѣи архангельской губерніи, 9) О лѣсаряхъ, 10) О Новой Землѣ и о боѣ морскихъ звѣрей, 11) О заветорскомъ грабѣ, 12) Проектъ колоніи подѣ иваніемъ: Лузоворскій Лойдъ и Печорско-обская компанія. Въ этихъ статьяхъ напечатаны Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, неизвестно, но известно, что по повелѣнію ихъ III Отдѣленіе этого общества въ зиму 1867 года издало цѣлый рядъ засѣданій, которыя были посвящены вопросамъ о нуждахъ Сѣвера.

Отчеты парламентовъ по изслѣдованію печорскаго края. Арханг. 1867 г.

Архангельскій Губернскій Вѣдомости 1867 г. № 28. Печальныя вѣсти о состояніи сывла товаровъ по р. Югу, № 31. По поводу жульничества засѣданія III отдѣленія Императорскаго вольнаго экономическаго общества 26 и 28 марта, № 33. Обдѣлка шетвины въ г. Устюгѣ, № 34. Сѣверо-Двинское пароходное общество и его дѣятельность, № 40. Ученое ремесленное училище въ Емецкомъ селеніи, № 52. Одинъ изъ новыхъ распространителей грамотности въ народѣ, № 68 и 71. Сѣверо-Двинскій путь.

Архангельскій Губернскій Вѣдомости 1868 г., № 14—15. О Вятско-Двинской дорогѣ, № 18. О состояніи архангельской публичной библіотеки, № 28—29. Нѣсколько словъ о положеніи народнаго образованія, № 30. Проектъ устава и записка о необходимости общества сельскаго хозяйства въ архангельской губерніи, № 73. О взаимномъ страхованіи судовъ и грузовъ, № 74. Смолодуреніе въ архангельской губерніи, № 81—82. По поводу неурожаевъ въ архангельской губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества 1867 г. II, вып. 2. Письмо Чубинскаго объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по сѣверо-двинскому бассейну.

Отчеты о дѣятельности архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1862, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (за послѣдніе годы одинъ отчетъ). Отчеты печатались въ Архангельскѣ въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1867 г. V, отд. 1-й. Сообщенія Чубинскаго: а) о сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи, составленномъ П. Ефимовымъ и изданномъ архангельскимъ статистическимъ комитетомъ и о хлѣбной производствѣ и торговлѣ въ бассейнѣ сѣверной Двины.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отдѣленія этнографіи, 1869 г. т. II. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и законовъ въ Малороссіи.

Юридическій Вѣстникъ 1869 г. № 4. Разборъ книги. II. Б. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губернии.

Труды экспедиціи, снаряженной Вольнымъ экономическимъ обществомъ для изслѣдованія хлѣбной торговли и произвности въ Россіи, т. I, вып. 2-й С.-Пб. 1869 г. Отчетъ о льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ.

Того-же изданія т. I, вып. 6-й. С.-Пб. 1870 г. О состояніи торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ.

Сопилка (сборникъ стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ). Кіевъ. 1871 г.

Записки Кіевского отдѣленія русскаго технического общества т. 1-й. Нѣсколько словъ о статистической литературѣ, касающейся сахарной промышленности.

Кіевлянинъ 1872 г., № 73 и 76. Политехническая вѣстникъ Москвѣ (корреспонденція), № 85, Малорусское племя.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества т. VIII, № 3. Краткое извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго д. общества П. П. Чубинскимъ 15 января 1872 г. въ отдѣленіи этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи).

Календарь юго-западнаго края на 1873 годъ. Составленъ скимъ и Борисовымъ. Кіевъ, 1872 г.

Программа для собранія этнографическихъ и статистическихъ, составленная д. членами юго-западнаго отдѣла русскаго общества Чубинскимъ и Русовымъ. Кіевъ, 1873 г.

Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—72 года. Кіевского отдѣленія русскаго технического общества. К. 1873 г.

Тоже за 1873, 74 и 75 годы, изд. въ Кіевѣ въ 1876 г.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго технического общества т. 1-й. К. 1874 г. Рѣчь Чубинскаго по открытіи юго-западнаго отдѣла. Село Сокиринцы и сокиринскіе сберегательное товарищество. Нѣсколько народныхъ историческихъ записей.

Тамъ-же т. II. К. 1875 г. Инвентарь крестьянскаго хозяйства селъ данныхъ о населеніи г. Кіева по однодневной переписи произведенной 2 марта 1874 г. Разъясненія къ таблицамъ о жителей г. Кіева по переписи 2 марта 1874 г.

Отчетъ о дѣятельности юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго общества за 1873 г. К. 1874 г.

То-же за 1874 г. К. 1875 г.

(Извлеченія изъ этихъ отчетовъ помѣщены въ извѣстіяхъ русск. географическаго общества).

Карта свеклосахарной промышленности въ Россіи 1876 г.

Состояніе училищъ, подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенія. С.-Пб. 1878 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западную часть края, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собраны П. П. Чубинскимъ, т. I, вып. 1. С.-Пб. 1872 г. Вѣровація и суевѣрныя преданія малорусскаго народа, вып. 2-й, 1877 г. Загадки и пословицы. Колдовство (ислѣдованіе и акты о колдовствѣ В. В. Антоновича) т. II, вып. 1. Сказки эпическія и бытовыя, т. III, вып. 1. Народныя дѣвчьи песни, т. IV, вып. 1. Пѣсни обрядовыя т. V, вып. 1. Пѣсни любовныя, семейныя и шуточныя, т. VI, вып. 1. Народныя юридическія обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ (сборникъ рѣшеній волостныхъ судовъ съ статьями А. О. Кистяковскаго о волостныхъ судахъ и Чубинскаго — о краткомъ очеркѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 1-й, 1877 г. Евреи, поляки и прочія племена не малорусскаго происхожденія, живущія въ юго-западномъ краѣ. (Здѣсь-же помѣщены статьи Покровскаго: этнографическій очеркъ евреевъ и очеркъ ихъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 2-й, 1877 г. Малоруссы юго-западнаго края (этнографическій очеркъ, статистика, языкъ и нарѣчія, экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ).

П. Ефименко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЬ Н. В. ГОГОЛЯ.

«*Мессоръ Литтературы, Январь, 1826*». Подъ такимъ заглавіемъ доставлена А. А. Савичемъ¹⁾ въ редакцію «Кіевской Страны» рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣровой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (по 16-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на обложкѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣчатой лѣстницы, съ каемками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листѣ читаемъ: «*Мессоръ Литтературы, Часть 1*». Затѣмъ эпитафья—первыя восемь стиховъ изъ басни Крылова «Орелъ и Пчела» и наконецъ: «*Нѣжить, 1826*».

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ видно изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ біографъ его П. А. Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназій журналъ «Звѣзда», то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи его біографу

¹⁾ Приведемъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Андреевичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣряющаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣстіе. — Р е д.

Извѣстія и замѣтки

КО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

*Гетеоръ Литтературы. Январь, 1826**. Подъ такимъ заглавіемъ доставлена А. А. Савичемъ ¹⁾ въ редакцію «Кіевской Старо-рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣрвовой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (6-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на пергаментѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣнчатой лѣстницы, съ крѣпками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листѣ читаемъ: *Гетеоръ литтературы. Часть 1**. Затѣмъ эпитафія—первые стихи изъ басни Крылова «Орелъ и Пчела» и наконецъ: *Вильямъ. 1826**.

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукой и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ видно изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ біографъ его П.

Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназіи журналъ «Звѣзда», то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи его біографу

¹⁾ Приносилъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Савичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣряющаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣщеніе.—Ред.

легко можно было обмолвиться: »Метеоръ«, »Звѣзд
 близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ па
 издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или бо
 это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ те
 опять: »Метеоръ литературы 1826 январь. № 1«
 дѣйствительно первая книжка его существованія, т
 книжкѣ участіе Гоголя должно быть непремѣнно. И мы
 прочитали всѣ статьи »Метеора«. Вотъ содержаніе е
 ное на нижнемъ листѣ зеленой обложкѣ. Приводимъ его
 поясненіями:

О г л а в л е н і е .

- »Проза«.
- 1) Завѣщаніе (повѣсть съ нѣмецкаго)
 - 2) Ожесточенный (начало оригинальной повѣсти).
- »Стихотворенія«.
- 1) Пѣснь Ниватомы (отрывокъ изъ Оссіановой поэмы
 »Берратонъ) 23
 - 2) Битва при Калкѣ 25.
 - 3) Альма (вождь угровъ, проходившихъ по Днѣпру) . 29.
 - 4) Подражаніе Горацію 35.
 - 5) Къ *** (на одно прекрасное утро) 38.
 - 6) Эпиграмма (насмѣшнику некстати) 40.
 - 7) Эпиграмма 41.

Между 4-й и 5-й пьесой пропущено въ оглавленіи стихот
 реніе »Романсъ«, стр. 36. — Имени автора не указано нигдѣ,
 подъ одной статьей. По содержанію своему, почти всѣ эти статьи
 сентиментальнаго, мечтательнаго, псевдоисторическаго и роман
 ческаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣ
 что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если
 все содержаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно на
 не представляетъ для его славы. Проза никоимъ образомъ не
 жетъ быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназій писалъ траг
 баллады, акростихи, эпиграммы; съ нѣмецкаго онъ переводилъ
 могъ, нѣмецкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже,
 Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ; другая повѣсть

легко можно было обмолвиться: «Метеоръ», «Звѣзда» и ѣсь
 близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ памяти. И
 издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или болѣе, — и
 это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ текста чит
 онять: > *Метеоръ литературы 1826 январь. № 1*». А если
 дѣйствительно первая книжка его существованія, то въ
 книжкѣ участіе Гоголя должно быть непременно. И мы внимате
 прочитали всѣ статейки «Метеора». Вотъ содержаніе его, нап
 ное на низшемъ листѣ зеленой обложкѣ. Приводимъ его съ на
 поясненіями:

Оглавленіе.

- Проза стр.

- 1) Завѣщаніе (повѣсть съ нѣмецкаго) 1.
- 2) Ожесточенный (начало оригинальной повѣсти). 13.

- Стихотворенія.

- 1) Пѣсь Никатомы (отрывокъ изъ *Оссіановой* поэмы
 «Берратонъ») 23.
- 2) Битва при Калкѣ 25.
- 3) Альма (всегда урокъ, производимая по Дильару) . 29.
- 4) Подражаніе Горацио 35.
- 5) Къ *** (на одно прекрасное утро) 38.
- 6) Эниграмма (насмѣшнику нестати) 40.
- 7) Эниграмма 41.

Между 4-й и 5-й пѣсой пропущено въ оглавленіи стихо
 реніе «Романсъ», стр. 36. — Имени автора не указано нигдѣ,
 подъ одной статьей. По содержанію своему, почти всѣ эти стат
 сентиментальнаго, мечтательнаго, псевдоисторическаго и рома
 ческаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣ
 что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если
 все содержаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно
 не представляетъ для его славы. Проза никонимъ образомъ не
 жеть быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназіи писалъ траг
 баллады, акростихи, эниграммы; съ нѣмецкаго онъ переводит
 могъ, нѣмецкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже, ч
 Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ; другая повѣстуш

реторическая вещь въ духѣ Марлинскаго. Въ стихотвореніи рѣшѣны очень часто бѣдны, размѣръ кое гдѣ не выдержанъ, перико встрѣчаются усѣченныя окончанія прилагательныхъ именъ. стнаго характера во всѣхъ статьяхъ—ни тѣни. Гоголевскій талантъ не выдается нигдѣ. А между тѣмъ Гоголь былъ тогда уже и дѣлѣннмъ юношей, любилъ бродить по предметамъ. Не имѣя возможности всматриваться въ игры и бытъ народа. Не имѣя возможности шить положительно, что-же въ «Метеорѣ» принадлежитъ Гоголю думаемъ, что Гоголь несомнѣнно былъ его редакторомъ и свое дѣло съ любовью; самъ переписалъ всѣ статьи его, сдѣлалъ на немъ красивенькій бордюръ, названіе журнала писалъ въ разнѣ различнымъ манеромъ, бока каждой страницы обвелъ краскою, приложилъ указаніе описокъ въ стихахъ, и проч. Но Гоголь здѣсь болѣе твердый, устойчивый, старательный, даже грамотный, чѣмъ онъ извѣстенъ намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ Гоголя и особенно въ его письмахъ. Статьи «Метеора» безъ сомнѣнія принадлежать и ему и товарищамъ его. Названіе журнала составъ и самый форматъ его представляютъ собою очевидно ражаніе «Полярной Звѣзды», альманаху 1823—1825 годовъ, и содержаніе всѣхъ статей «Метеора» весьма жиденькое, все оно указываетъ на внимательность нѣжинскихъ гимназистовъ литературнымъ явленіямъ своего времени и дѣятельность въ духѣ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Дельвига и Пушкина. Біографъ Гоголя говоритъ, что Гоголь былъ въ гимназій комикомъ на сценѣ и въ жизни, а театральную литературу считалъ комическій элементъ низкимъ; послѣднему повѣритъ. Комическая струя, которою отличался Гоголь и въ гимназій, такъ была сродна ему и дорога, что никакъ не могла казаться «низкой» въ литературѣ. Она пробивается и въ статьяхъ «Метеора». Последнюю изъ нихъ мы приведемъ здѣсь ради любопытства читателей, особенно нѣжинскихъ товарищей, изъ коихъ нѣкоторые еще здравствуютъ (Рѣдкинъ П. Г., Левскій А. С. и другіе); не вспомнятъ-ли они, точно-ли это Левская эниграмма и кого она очерчиваетъ. По нашему мнѣнію это лучшее изъ всего, что есть въ «Метеорѣ»:

въ Глуховѣ».—Далѣе замѣтка Марковича: «Писать стихами листъ, съ подлѣсти».

Н. И. Петровъ, въ предисловіи къ «Разговору», напечатанному въ № 2-мъ «Кіев. Стар.» 1882 г., говоритъ, что въ Х стол. въ южно-русской школьной литературѣ нерѣдко встрѣчались произведенія въ формѣ «разговора» или діалога, и, сверхъ «Разговора» Дивовича, указываетъ на шесть подобныхъ сочиненій. Тутъ можно прибавить и седьмое—мистерію пресвященнаго Георгія Кіаго «Воскресеніе Мертвыхъ», сочиненную имъ въ бытность учителемъ кіев. духов. акад., такъ какъ и эта мистерія имъ принята форму школьнаго діалога. Полагаю, что встрѣчавшееся въ южно-русской литературѣ прошлаго столѣтія обыкновеніе излагать публицистическія сочиненія въ формѣ «разговоровъ» перешло къ намъ южно-русскимъ писателямъ изъ Польши; у польскихъ писателей XVI—XVII в. такая форма была принята для памфлетовъ и вообще публицистическихъ сочиненій. Не заходя далеко, можно указать на «Rozmowy umarłych polaków, w których różne ile są nięysze za ich żywota dzieje i cirkumstancye są zebrane»; въ «Rozmowachъ» заключаются бесѣды тѣней короля Яна Собіеска княземъ Геремією Вишневецкимъ о военныхъ событіяхъ въ Украинское время Б. Хмельницкаго и до конца XVII в., и Выжги съ диваломъ Радзѣвскимъ о событіяхъ въ Польшѣ.—Очень желательно собрать возможно болѣе списковъ «Разговора Великороссійско-Малороссійскаго» и возстановить текстъ этого очень интереснаго публицистическаго сочиненія, а равно собрать и издать въ свѣтъ и подобныя памятники, обращавшіеся въ кругу малорусской интеллигенціи XVIII в. и паведшіе себѣ приютъ и спасеніе въ рукописныхъ сборникахъ, составленіемъ которыхъ любили занимать въ Южной Руси наши интеллигентные и чуткіе къ общественнымъ дѣламъ предки во второй половинѣ XVII в. и особенно въ XVIII столѣтіи и даже до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. У насъ былъ прекрасный сборникъ «Пчела», составленный въ 1679—1680 гг. священникомъ Виноградскимъ въ с. Крутичполѣ; въ немъ, между прочимъ, заключались замѣчательныя проповѣди, въ родѣ послѣдствій Іоанна Вишенскаго. Иногда попадаются у любителей старинныя интересные сборники стихотвореній о современныхъ событіяхъ, описаній, и заключающіе въ себѣ «были», «басни», «имны», «

мѣсяцъ » договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ ховѣ, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.— Въ моемъ небольшомъ собраніи рукописей нашлась полная копія урядовой записи въ томъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ *подлинной* » Книги съ вѣдѣній—купчихъ, дѣлчихъ и иныхъ тѣмъ подобныхъ, за 1692 г., Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, въ которыхъ недостаетъ напечатанному » контракту «.

«Знае Еуфима Матвѣева каменногозодчю маистра цѣлого. Року 1692, мѣсяца ноявра 5.

... Ставши очевидце Еуфимий Матвѣевичъ (sic), каменщикъ мастеръ церковный, москвичинъ, явше, явше и добродѣтели призналъ до книгъ мѣсячныхъ стародубовскихъ; ижъ за учиненъ контрактъ съ ктиторами и братевомъ жителми глуховскими на церковь каменную Архистратигу Господня Михаила, изъ рублей грошей задатку и дать на себе опимъ ктиторомъ и съю запись. Которое теда знае его принявши, велѣнцо записати, и естъ записано.

Року Божого 1692, мѣсяца ноявриа 6 дня.

За вѣдомомъ и злецемъ ихъ царского пресвѣтлого вѣдѣнства войска запорозскаго полковника стародубовскаго, его милости пана Михаила Миклашевскаго, на майстратѣ... передъ нами... ни очевидце утливый Матвѣй Еюмовичъ (sic), каменщикъ московскій, презентовалъ данный собѣ контрактъ съ мѣста Глуховскаго построение церкви Архистратига Господня Михаила мурованной, который контрактъ, за прочитанемъ, такъ въ себѣ мается.—Слѣдуетъ контрактъ въ такомъ текстѣ, какъ и сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатаннаго разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостаткѣ нѣкоторыхъ предѣловъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *і* одна другою; впрочемъ одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (524, строка 8—9 сверху) значится »мастерню», а въ моемъ—»терию», какъ и слѣдуетъ быть: »матерія»—матеріаль, о которой идетъ рѣчь, а »матерія»—это инструменты у »майстровъ», о которыхъ въ контрактѣ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ естъ еще добавленіе: »А подивсь при печати мѣской глуховской бить слово: Семень Оедоровичъ шеарь глуховскій.—Который контрактъ, за прочитанемъ, велѣнцо записати въ книги мѣ-

мѣщанъ договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ Глуховѣ, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.—Въ моемъ небольшомъ собраніи рукописей нашлась полная копія урядовой записи въ этомъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ *подлинной* «Книги спр-вечистыхъ—куничихъ, дѣлчихъ и иныхъ тымъ подобныхъ, на р. 1692», Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, въ которыхъ недостаетъ напечатанному «контракту».

«Зезнане Евфима Матвѣева каменнозодного мастера церковного. Року 1692, мѣсяца поевра 5.

... Ставши очевидсте Евфимий Матвѣевичъ (sic), каменничий мастеръ церковный, москвичкинъ, явше, ясне и добровольно призналъ до книгъ мѣщанскихъ стародубовскихъ; ижъ за учиненъ контрактъ съ ктиторами и братствомъ жителми глуховскими на церковь каменную Архистратигу Господня Михаила, взяли рублей грошей задатку и далъ на себе онимъ ктиторомъ и бр-вѣ запись. Которое теди зезнане его принявши, велѣлисмо записать, и есть записано.

Року Божого 1692, мѣсяца поеврия 6 дня.

За вѣдомомъ и злеценемъ ихъ царского пресвѣтлого велѣства войска запорозскаго полковника стародубовскаго, его милости пана Михайла Миклашевскаго, на майстратъ... передъ нами... слышавши очевидсте учтивый Матвѣй Евимовичъ (sic), каменщикъ московский, презентовалъ данный собѣ контрактъ съ мѣста Глухова о постройкѣ церкви Архистратига Господня Михаила мурованую, въ томъ контрактѣ, за прочитанемъ, такъ въ собѣ мается.—Слѣдъ контрактъ въ такомъ текетѣ, какъ и сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатаннаго разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостачѣ нѣкоторыхъ предлогъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *і* одна другою; впрочемъ одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (524, строка 8—9 сверху) значится «мастерію», а въ моемъ—«терію»; какъ и слѣдуетъ быть: «матерія»—матеріаль, о которой идетъ рѣчь, а «матерія»—это инструменты у «майстровъ», о которыхъ въ контрактѣ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ слѣдующее добавленіе: «А подписъ при печати мѣской глуховской билъ. Семець Оседоровичъ писарь глуховский.—Который контрактъ, за прочитанемъ, велѣлисмо записать въ книги мѣс-

серебрими-жь, а крижемъ полскимъ желѣзнимъ, отъ котораго верхнему серебряному жъ каптурку средній-же цепочекъ; желѣзко-шпанское и на ономъ близъ крижа вирисовани на одной сторонѣ святій апостолъ Петръ, а на другой святій апостолъ Павелъ, надписомъ латинскимъ «.

3) Тацъ серебряная фанцѣберовая на троухъ ножкахъ и оло зрисованными брижами «.

4) Ложокъ серебряныхъ осемъ, въ которыхъ при концѣ на джачкахъ ангелики, а при самой ложки кверху фѣгури на шта-человѣковъ «.

5) Вершечокъ на шапку женскую суто серебромъ ленткотъ шитій и на каждой кватерцѣ по золотой кѣтцѣ «.

6) Звѣонка черная креповая, на концахъ лиштвою золотъ и сѣбромъ шитая, изъ кѣтками серебряными жъ и золотими и рункою цестро золотую широкою «.

7) Хустокъ шелковыхъ великой руки дванадцять, а іме-блакитныхъ, по концахъ зъ кѣтками разноцвѣтными, шесть, да-лой руки зеленыхъ пять «.

8) »Тарѣлокъ цѣнованныхъ новыхъ 15 и приставочка една.

9) »Зъ бѣлого платъ: ручникъ новій, заполюю на московскъ полотнѣ орлами по концахъ шитій, еденъ «.

Н. Бѣлозерскій.

ПРИСЯГА ДУХОВЕНСТВА.

Въ настоящее время духовенство, бѣлое и черное, какъ и стно, не приводится къ присягѣ въ качествѣ свидѣтелей, а дѣтельствуется по священству, безъ присяги. Въ прежнее-же вѣ не далѣе прошлаго столѣтія, въ Малороссіи и Великороссіи с-ствовали въ этомъ отношеніи различные порядки, обусловливанн-мѣстными законами. Дѣйствовавшее въ московскомъ госуда-уложеніе царя Алексѣя Михайловича предписывало: «архимат-тошь, игуменовъ и старцовъ во свидѣтельство принимать по-ческому обѣщанію, а протопоповъ, поповъ и дьяконовъ по свя-ству, а крестному цѣлованію не быть» (Гл. 10 ст: 161 и гл. ст. 4). Петръ Великій однако нарушилъ это правило; онъ въ воинскій уставъ совершенно противуположную статью, за-

распоряженіе кіевскаго митрополита было отмѣнено; то слѣдательно въ Малороссіи по прежнему дѣйствовало прежнее обыченіе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, и вышло о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Гетманскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 г. когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича шель весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому мы даемъ названіе «*Малорусскаго пѣсенника*». Это довольно полная, отчасти и дефектная рукопись въ $\frac{1}{3}$ долю листа, состоящая потъ и текстовъ пѣсенъ.

По вѣншему виду, рукопись эта была переплетена и обрѣта, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на швахъ рѣшечка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 115 листка, но кромѣ того есть еще семь листовъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листовъ или 274 страницы. Въ серединѣ недостаетъ пяти листовъ, нумерованныхъ 115, 116, 117, 120 и 121, т. е. 10 страницъ, слѣдовательно настоящимъ своимъ видѣ она представляетъ 264 страницы, въ хорошемъ сохранившемся.—Бумага отъ начала до конца одинаково плотная, синяя (за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ блѣловодными изображеніями герба, но безъ означенія года фабрикаціи).

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ; черкъ однообразный, старательный, четкій; помарокъ весьма не много-гдѣ, особенно въ концѣ, сдѣланы подстрочныя приписки лѣвой руки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента нѣтъ.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаній на первоначальнаго владѣльца рукописи, ни на ея составителя, кромѣ пѣсенъ и потъ, никакого посторонняго текста нѣтъ.

По языку пѣсни религиозныя въ рукописи значительно отличаются отъ вариантовъ Богогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянскаго первообраза въ полупародной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирическихъ вариантахъ. Въ числѣ религиозныхъ пѣсней есть одна на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово «Prsybież do Betljem Pastyrze» и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсней рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частью искусственныхъ, частью народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: «Летивъ чорный жукъ», «Посіаявъ чоловічмишъ», «Сидить медвидъ на колодци», «Ой ѡхавъ козакъ Вкраишъ», всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсней искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣнь съ призывомъ «али-алилуй, Господи помилуй», изображающая весь живыми красками ниръ святыхъ и духовенства ¹⁾; далѣе есть вариантъ довольно полный, извѣстнаго «Грицька мудрого родомъ зъ Коломийи» ²⁾ и одна пѣнь историческаго содержанія, относящаяся, кажется, къ событіямъ времени конфедераціи Барской. Пѣнь эта къ сожалѣнію безъ начала перваго куплета; я привожу ее цѣломъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

Же почали були бунты починати,
Передъ москалями мусли вѣкати.

Якъ въ коншару вѣвцѣ, такъ ихъ занудили,
А въ Станѣславовѣ кругомъ оступили:
Москаль изъ жарту почали стреляты,
А ляхи одъ страху стали умирати.

Гды прийшли вѣвторокъ о пятой годниѣ,
Подъ Станѣславовомъ стали на долиниѣ

¹⁾ Пѣсня эта въ нѣсколькихъ вариантахъ занесена въ III т. Сборника И. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ—вслѣдствіе того, что въ этихъ вариантахъ какъ поводъ для пѣня, указывается на Рожденіе Христово.

²⁾ Въ двухъ вариантахъ помѣщена эта пѣсня во II т. «Рокисія» О. Кошары, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поють причетники и деревенскіе грамотѣи.

Oy rusinie, rusinie, co słychaé w twey krainie,
Pociesz, pociesz strapionego, a przyniesъ co wesolego
Sercu moiemu.

Имя мнѣ Стахъ, скажу о людяхъ:

Въ насъ люде веселенко свачуть, горѣлочкою рачать,
Горѣлка уприкрется, до меду подай, дай та надай.

Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz s
Bo chociaу co zapracuie, albo tyz co utargnie,
To zabierze dwur.

А мы продаемъ, а грошѣ маемъ,

И пановѣ отдаемо, а калиты ладнуемо,

Есть для пана, и для попа, и для домовихъ т
золотихъ.

Ach panicu, panicu, zasny slachcicu, a ruskі Kruleу
Aby laska twa sprawila, у mnie tyz w czym domies
Do laski twey.

Дармо, небоже, биты не може,

Якъ то правда, що я живу,

Такъ ты поквпъ всю надѣю.

Въбравесья въ мазурство, якъ у шевекій ква

Засяжъ отъ насъ.—

Оставляя специалистамъ изученіе этой рукописи, какъ т
ника пѣсеннаго и музыкальнаго творчества, я счелъ необходи
огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную.
берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборн
для этого необходимо серьезное изслѣдованіе. Несомнѣнным
меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо с
ленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я эт
изъ однообразія его внѣшняго вида, такъ и изъ правильной
пировки пѣсень. Далѣе несомнѣнно, что сборникъ принадл
какому нибудь уніату Волыни или Подоліи, — это видно ка
со держанія пѣсень, проникнутыхъ уніатскимъ духомъ Богогла
такъ и изъ характера малорусской рѣчи, носщей всѣ особен
подольскаго говора.—Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что
пись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца
лѣтка такъ какъ въ ней есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ
времени.

набожно крестились и клали поклоны, а чтецъ получалъ потомъ за каждую записанную и прочитанную душу по шагу (грошу), за чтеніе псалтири пивзолотого (7^{1/2} к.), да еще хлѣбъ и платокъ его притомъ за обѣдомъ усаживали на первомъ мѣстѣ и ему шведскому подносили водку и кушанье. Но, повторяю, и такихъ грамотѣевъ было тогда мало.

Мнѣ пришлось учиться позже, но лучше и больше, а потому и выучился я больше. Раньше этого мнѣ очень хотѣлось походить въ положеніе такихъ грамотѣевъ. И мое желаніе потомъ сбылось: мнѣ не было еще десяти лѣтъ отъ роду, а я уже могъ прочесть не только псалтирь, но даже и самую мудреную номинальную книжку, и потому меня вслѣдъ и приглашали для чтенія псалтири во время номинальных обѣдовъ. Въ особенности полюбилъ меня старичокъ *Степанъ Отамачукъ*: у него я былъ, такъ сказать, *присяженнымъ чтецомъ*, и кромѣ меня никого онъ болѣе не звалъ для чтенія псалтири. А псалтирь въ его домѣ читалась ежегодно въ субботу передѣли поста, при чемъ каждый разъ, какъ начиналось чтеніе предъ старицей иконой св. ап. Іакова зажигалась большая восковая свѣча, которую нарочно для этого каждый годъ изготовлялъ жепя Степана Палажка. Читая уже не разъ, я замѣчалъ, что этой иконѣ красуется большой крестъ, написанный мѣломъ, по разу перѣшилъ спросить хозяевъ, для чего написать на иконѣ крестъ. Исторія этого креста объяснилась для меня случайно, вотъ какъ это случилось.

Наступилъ великій постъ 18** г. По обыкновенію, Степанъ въ субботу первой недѣли поста, пригласилъ меня для чтенія псалтири. Когда я пришелъ, онъ благоговѣнно возжегъ свѣчу, и кланяясь ея къ извѣстному уже образу. Я открылъ чтеніе; Степанъ и Палажка набожно крестились, клали поклоны, мало что разговаривая изъ читаемаго. Вскорѣ Степанъ отправился въ церковь, а Палажка принялась готовить номинальный обѣдъ. Долго безучастно я читалъ псалтирь. Отъ разгорѣвшейся печи пошла духота; въ груди у меня пересохло, голова кружилась и я вышелъ освѣжиться. Читая странней Палажка не замѣтила, какъ свѣча, прильпившая къ иконѣ, наклонилась къ самой иконѣ и прожгла *то мѣсто, гдѣ былъ написанъ мѣломъ крестъ*. Вернувшись въ хату и увидѣвъ,

Горить, и поспѣшила сказать объ этомъ хозяйкѣ, а она, по-
ла себѣ, и, конечно перекрестилась и проговорила вслухъ:
Упокой, Господи, ёго душу!...

Чѣмъ? спросилъ я.

Тѣмъ-же, Петра.

Какого Петра? родственникъ вашъ, что ли?

Ба, ну, чужой. Чужакъ, быть тутъ, Петро звался.

Чужой, чужакъ? По чему-же вы стали молиться объ немъ,
увидѣвъ, что горить икона?...

Ба, то горѣлъ вексель нашего дѣда.

Меня это удивило и совершенно озадачило. Какъ это такъ?—
малъ же горѣлъ вексель ея дѣда, а она молится за душу ка-
кого-то чумака Петра? Да и какъ тутъ вексель могъ горѣть?
онъ могъ быть спрятанъ за иконою; но горѣла вѣдь икона и не
могла прогорѣла. При чемъ же тутъ вексель?... Да и какая
связь между векселемъ ея дѣдушки и душою чумака Петра? Длѣ-
но такъ долго сохранялся этотъ вексель и если онъ принадле-
жалъ чумаку Петру, то почему-же не хранился въ домѣ его или
у наслѣдниковъ?...

— Не понимаю ничего, сказала я, сообразивъ все.

А въ эту минуту Степанъ, возвратясь изъ церкви, входилъ въ
дверь въ сопровожденіи цѣлаго десятка нищихъ.

— Такъ отъ це вамъ Степанъ расскаже, сказала Палажка, и въ
это время было.

— Що тамъ? спросилъ Степанъ.

— Онъ бачашъ?! отвѣтила Палажка, указывая на прогорѣвшую
икону.

Взглянувъ на прижатую икону, на которой уже не видно
было креста, написаннаго мѣломъ, Степанъ въ свою очередь на-
конецъ перекрестился и проговорилъ вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!

— Чумака Петра? спросилъ я.

— Эгежъ; а вы хибѣ вже знаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю. Просилъ я Палажку раз-
сказать, а она сказала, что вы расскажете.

— Добре, расскажу, а тымъ часомъ сядемо за трапезу Господню,
сказалъ Степанъ, приглашая меня на покуть.

...рты (1)
знать общи
...расста
...мать по
...мой, Я
...было
...вам
...с
...т
...т
...вспана
...част
...и о
...сильн
...у не
...книжк
...позыч
...верхом
...а певне
...на ковш
...просител
...престъ. Это
...
...есть ве
...не дѣдуш
...не та
...вексель.
...
...пусть бу
...вотъ та
...до тѣхъ
...его п
...на ковш
...привесъ, то
...самъ же д
...процент

ставъ *Отче нашъ* и усѣвпшисъ на покути, я съ нетерпѣ-
ль обѣщаннаго разсказа, и Степанъ, послѣ первой чарки,
разсказывать, не стѣсняясь присутствующими. Передаю
казъ по русски, сохраняя всѣ прочія его особенности.

мой, Яковъ Отаманчукъ, былъ изъ первыхъ богачей въ
. Было у него много худобы и еще больше грошей; при
но вамъ знать, что въ то время бумажекъ не было, а
лото, серебро да мѣдь, а потому деньги у дѣда храни-
ѣжкахъ: одна малая дѣжка была насыпана до самаго
ромъ, такъ что когда дѣдъ было ее раскроетъ, то кар-
ѣлѣютъ все равно, какъ сыръ; другая-же дѣжка побольше,
асыпана до самаго верха мѣдью. Къ этой послѣдней
ия частенько, такъ какъ у него весьма часто просили
мы и онъ никому не отказывалъ.

зкільки треба? спросить бывало дѣдъ у того, кто при-
ль у него денегъ взаймы.

вшыкнѣвъ изо два позычѣте.

позычу,—отвѣчаетъ дѣдъ, тильки іляди, такъ якъ на-
верхомъ, такъ шобъ зъверхомъ и отдавъ.

певне такъ, признавалъ тотъ. И дѣдъ набиралъ изъ
ковшика вверхъ мѣдныхъ пятаковъ, всыпалъ ихъ въ
осителя, и тотъ своею рукою на дѣдовой иконѣ писалъ
еть. Это и былъ вексель дѣда, чтобъ, значить, долгъ не

ть вексель просителя такого-то, Ивана тамъ, или Ро-
дѣдушкинъ, пояснилъ я Степану.

не такъ, отвѣчалъ Степанъ: когда Иванъ или Романъ
вексель, то, значить, онъ уже *дѣдовъ*, а не Ивана или

устъ будетъ по вашему, сказалъ я.

вотъ такой вексель, продолжалъ Степанъ, у дѣда и со-
о тѣхъ поръ, пока Иванъ тамъ или Романъ, а если
ть его потомки не принесутъ и не выплютъ въ дѣдову
ковшика вверхъ занятыхъ у дѣда пятаковъ. Тогда кто
иесь, тотъ и стиралъ своею рукою съ иконы дѣдовъ
мъ-же дѣдъ не могъ этого сдѣлать, считалъ за грѣхъ.
проценты какіе брать дѣдушка? спросилъ я у Степана.

См. 1904 г. 4-5 т.

— Тогда процентовъ не было никакихъ, а если тотъ, кто во метъ у дѣда деньги, захочетъ сдѣлать ему за это выгоду, такъ его душу поставитъ въ церкви свѣчеу, вотъ и весь процентъ, о яснилъ Степанъ и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь нужно вамъ знать, что, кромѣ моего дѣда, въ Соловьевѣ были еще богачи—чумаки: *Петро Андриецъ и Зинко Ляпа* но за тѣми водился грѣхъ—любили выпивать. Бывало, какъ начну пить, смотришь, жидъ и беретъ вола за долгъ. Это, видите-ли, харили старики: если у нихъ старые, негодные въ работѣ вола, и которыхъ никто не хочетъ купить, такъ они нарочно пьютъ у жи водку въ долгъ, а потомъ не хотятъ плотить долга нарочно, что жидъ взялъ вола; ну, жидъ и беретъ, все равно пригодится говядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подъ осень пили эти чумаки, да поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто изъ нихъ богаче? Петро говорилъ:

— Та въ мене срибла мабутъ буде кившыкивъ изъ двадцять

А Ляпасъ говорить:

— Двадцать?!.. Та въ мене самого золота закопано пидъ по темъ добрый горщикъ, а пидъ ступою закопано карбованцивъ по ный глечикъ. Самыхъ копійоувъ у мене повный глечикъ стоить комори на полицы, а на расходъ маю срибла въ дижци мабу кившыкивъ зъ пятьдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказалъ Петро, то давай помиряемо; якъ тебе буде въ дижци срибла пятьдесятъ кившыкивъ, то маешъ право забрать уси мои возы зъ сильлю и зъ волами, якъ прийдуть въ Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ ихъ у мене буде дванадцать вивъ. А якъ же у тебе въ дижци буде меньше, якъ пятьдесятъ кившыкивъ, то я заберу твои дванадцать возивъ зъ сильлю и зъ волами

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляпасъ; ударили по рукамъ и пили могоричь.

Когда потомъ перебрѣрали серебро, хранившееся въ дѣдѣ Ляпаса, то его оказалось пятьдесятъ два ковшика и одна жмен (пригоршня). Приунылъ тогда Петро. Когда онъ спорилъ съ Ляпасомъ въ шинкѣ, тогда онъ думалъ, что Ляпасъ только хвастаетъ своимъ богатствомъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ бѣднѣе его, Петр

если тотъ, кто не
и это выгоду, такъ
весь процентъ...

о хѣла, въ (сво)
ца и Зинко...
бывало, какъ шло...
Это, видишь-ли, то
въ работѣ...
арочно пьютъ у...
долга нарочно, то
равно пригодится...

и эти чумаки. Да
богаче? Петро...

изъ двадцати...

шаво пидъ...
Курболов...
Глечивъ...
въ дижци...

помираемо; да
ь, то маешъ...
якъ правду...
буде двадцать...
якъ пятьдесятъ...
сильно и зъ...
ти по...

тесно въ...
въ...
было...
дѣлать...

— Тогда процентовъ не было никак
метъ у дѣда деньги, захочеть сдѣлать
его душу поставитъ въ церкви свѣчку
денежь Степанъ, и затѣмъ продолжатъ

— Теперь нужно вамъ знать, что, к
евиъ были еще богачи—чумаки: *Петро*
во за тѣми водилея грѣхъ—любили ви
пить, смотришь, жидъ и беретъ вола
рили старики: если у нихъ старье, н
торыхъ никто не хочеть купить, такъ
водку въ долгъ, а потомъ не хотать п
жидъ вьмать вола; ну, жидъ и беретъ
говядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подь о
поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто ш
риль:

— Та въ мене срибла мабуть буд
А Лянасъ говорить:

— Двадцать?!.. Та въ мене самого
темъ добрый горщикъ, а пидъ ступок
ный глечикъ. Самыхъ кощюкъ у ме
комори на полницѣ, а на роеходъ ма
квиникивъ зъ пятьдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказать Петро,
тебе буде въ дижци срибла пятьдесятъ
забрать уси мой вози зъ сивлю и з
Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ пх
ань. А якъ же у тебе въ дижци буд
шклявъ, то я заберу твои дванадцать

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляна
пиди могоричь.

Когда потомъ перемѣрили сере
Лянаса, то его оказалось пятьдесятъ
(пригоршня). Пріувиль тогда Петро,
сомъ въ шинкѣ, тогда онъ думаль,
своимъ богатствомъ, а что на самом

но теперь видѣлъ самъ, что Ляпась богаче его. Пожалъ онъ пачами и сказалъ Ляпасу.

— Ну, нема що, договоръ паче денегъ; якъ сказано, то такъ якъ связано: воли й вози зъ силою вже не мои, а твои...

Ляпась, извѣстно, былъ радъ и такъ угостилъ Петра, что тотъ и започевалъ у него. Цѣлую ночь пьяный Петро распѣвалъ:

Ой якъ чумакъ нещасливый,
Зъ журбы хожу ледви живый...

На утро проснувшись, Петро не пошелъ уже отъ Ляпаса домой, а пошелъ къ моему дѣду.

— Здоровъ будь, Якове!

— Здоровъ Петре; а що скажешъ?

— Та позачъ, будь ласкавъ, кившыкивъ зо два срибла...

Дѣдъ, ничего про то не зная, очень удивился, что Петро пришелъ просить денегъ.

— Ну, а твое-жъ добро де? мыши зъзали, чи що?... спросилъ дѣдъ шутя, думая, что и Петро шутить.

— Гиришь, якъ мыши; все то дуришый розумъ робить; але що маю робить: слово свято...

— Ну?... удивился дѣдъ.

И Петро рассказалъ ему, какъ побился объ закладъ съ Ляпасомъ и какъ отдалъ ему все свое добро. Дѣдъ очень сожалѣлъ о Петрѣ, хотя самъ сознавалъ, что слова вернутся пельзя.

— Ну, такъ тобі треба два кившыки срибла? спросилъ онъ Петра.

— Та позичте хочъ иль три, отивчалъ Петро.

И дѣдъ всыпалъ ему въ полу его свитки три ковшика серебра, а онъ своєю такою рукою написалъ вотъ на этой иконѣ крестъ, что теперь выгорѣлъ. Вотъ это и былъ вексель моего дѣда, добавилъ Степанъ, обращаясь ко мнѣ.

— Значить, по этому векселю доселѣ не были уплачены деньги ни Петромъ, ни его потомствомъ? замѣтилъ я Степану.

— Да, не были, а теперь уже заплачены. Теперь чумаки Петро зъ дѣдомъ и съ нами уже рассчитался; видите, итъ уже вексель, онъ самъ его уничтожилъ.

При этихъ словахъ Степана я невольно засмѣялся и сказалъ:

— Какъ же это такъ? я своими глазами видѣлъ, что вексель,

называете, сгорѣлъ случайно отъ свѣчки, а вы говорите, Петро самъ уничтожилъ?

вы думаете пѣть? такъ таки и было: Петро самъ его уви-
дѣлъ, утверждалъ Степанъ.

накоже я этого совѣмъ не понимаю, равно не могу понять, вы молитесь за должника вашего дѣда, сказалъ я Степану, а это я вамъ послѣ объясню, а теперь слушайте дальше, случилось съ Петромъ да съ Ляпасомъ, послѣ того, какъ по-
шли объ закладъ, отвѣтилъ мнѣ Степанъ и сталъ продолжать
бы:

сдѣлаи черезъ двѣ послѣ того, какъ Петро взялъ у дѣда мо-
ею ковшика серебра, по селу пронеслось «чумаки йдутъ!» Самъ
не знаю, какое это слово для того, кто посылаетъ, или самъ ходить
огну. Помню, было это въ воскресенье. Ляпасъ и Петро си-
ли въ корчмѣ и шили въ долгъ. Ляпасъ шилъ и радовался, что
въмѣсто двѣнадцати, будетъ двадцать четыре воза съ солью,
то двѣнадцати паръ воловъ, будетъ двадцать четыре пары;
Петро, извѣстно, съ горя шилъ. Сидитъ онъ и ночь повѣсилъ
въ корчму вѣбгасть дядько Харитонъ Заболотнїй да какъ
сталъ:

Ставьте могоричь, чумаки йдутъ!...

Петро, какъ слышалъ тѣ слова, побѣлѣлъ какъ крейда, да
сталъ съ лавки да на землю...

Все, кто былъ въ корчмѣ, бросились къ Петру, а онъ и зубы
сжалъ...

Воды, воды! закричалъ Заболотнїй.

Принесли воды, влили въ ротъ Петру, но тотъ «уже й захо-
...» Допесли становому, паѣхало слѣдствїе, стали спрашивать:
да какъ, и когда узнали, что Петро «номеръ зъ жало» — отъ
того что ему приходилось отдавать Ляпасу своихъ двѣнадцать во-
зовъ съ солью и волами, то взялись за Ляпаса.

Сгнѣшилъ въ тюрьмѣ, душу христіанскую загубилъ, кричалъ
оной и ногами на Ляпаса тоналъ.

Непугался Ляпасъ, да бухъ становому въ ноги:

Змилуйтеся, ваша благородїя, есть у мене пятьдесятъ два ков-
шика серебра, забирайте все, тильки змилуйтеся!...

И становой смиловался: Петра похоронили, а Ляпаса отпустили домой, только лишился онъ своихъ пятидесяти двухъ ковшиковъ серебра; но объ этомъ Ляпась не жалѣлъ, онъ говорилъ:

— Хоть голь, да правъ zostавсь... И ще-жь таки, хвалити Господа милосерднаго, есть у мене законано пидь ступою глечикъ карбованцивъ, та пидь покутемъ горшокъ червонцивъ...

Слова Ляпаса, какъ видно, слыхалъ сатана; черезъ недѣлю становой опять потребовалъ къ себѣ Ляпаса.

— Бѣда,—говорить,—старикъ! изъ Петербурга пришла бумага, чтобъ откопать трупъ Петра да сдѣлать новое слѣдствіе...

Опять повалился Ляпась становому въ ноги.

— Змилуйтесь, ваша благородія...

— Ну, а есть у тебя еще сколько нибудь золота или серебра? такъ я поправлю дѣло, совѣсьмъ потушу, сказалъ становой.

— Щожь? треба правду казати, отвѣчалъ Ляпась; есть ище въ мене законано пидь ступою глечикъ карбованцивъ да пидь покутемъ горшокъ червонцивъ.

— А больше?... допрашивалъ еще становой.

— Ище въ комори на полиціи стоить глечикъ конійокъ...

— Такъ вотъ что старикъ, совѣтовалъ становой, конѣйки пусть останутся тебѣ на поминки Петра, а золото и серебро давай сюда, такъ я обдѣлаю дѣло такъ, что даже не будутъ откапывать трупъ Петра...

И дѣйствительно такъ было; но только у Ляпаса не осталось больше денегъ: досталъ онъ и глечикъ зъ-пидь ступы и горщикъ зъ-пидь покуты и все отдалъ становому, самъ же затужилъ, сталъ пить безъ просыцу, жида за долгъ забрали воловъ, онъ обдѣлѣлъ до крайности и отъ горя скоро умеръ.

Вотъ такъ то вексель дѣда и оставался невыплоченнымъ. Въ годъ послѣ смерти Петра заболѣлъ и мой дѣдъ, и болѣлъ онъ до великаго поста. Въ пятницу ночью на первой недѣлѣ поста пришло мнѣ, что къ дѣду пришелъ покойный чумакъ Петро, а дѣдъ и говорить ему:

— А що, може принисъ довжокъ?...

— Въ субботу оддамъ, отвѣчалъ Петро.

— Да развѣ одна въ году суббота? ты скажи, въ какую именно субботу отдашь?... спрашивалъ дѣдъ.

— А свой долгъ въ субботу на
 — ~~каждый~~ каждый годъ въ эту субботу
 — ~~Томасъ~~ Томасъ — твоего патрона, на кото
 — ~~своихъ~~ въ субботу въ этотъ день совершаютъ
 — ~~спасать~~ за жива душу пацати и ставить
 — ~~долгъ~~ и отдавать ея процентомъ за все пр
 — ~~жизнью~~.

— Да ибамъ ли жертвѣй, говорить есу дѣ
 — ~~долгъ~~ и уничтожишь вексель?

— Чертежъ въсколько дѣтъ в убажу твоимъ
 — ~~дѣла~~ дѣлаи твоего дѣда. Когда они возьмутъ
 — ~~будетъ~~ увлеченъ съ процентомъ. Вексель ж
 — ~~П~~ Пайкъ, долтъ а отдавать, а теперь пойдемъ
 — ~~дѣтъ~~ въ заключеніе, чужакъ Петро. При эти
 — ~~ж~~ жануленъ къ большому дѣду, но тотъ уже

Похоренили ми дѣда и стали каждый
 — ~~дѣду~~ поминать Петра. Это уже двадцатый г
 — ~~по~~ по немъ поминки. И вотъ въ понедѣльникъ
 — ~~свѣдѣ~~ свѣдѣ, миѣ, будто дѣдъ нашъ живъ и лез
 — ~~въ~~ въ хату входить чужакъ—Петро.

— Здоровь, Йковъ...

— Здоровь Петро... А що?..

— Та пора заплатить довкакъ... Тамъ па
 — ~~дверьку~~, видѣ великъ каминнымъ хрестомъ
 — ~~донано~~... нехай выполняють въ субботу до сн

Прослулей я, да и говорю своей Палаж

— А що стара, не боишься ты въ ночи и

— Боюсь, каже стара.

— Да не сама, а зо мною вдвохъ...

— Хочь и вдвохъ, то боюсь... бо то ничь

— Да не въ ночи, а чуть свить, до сходи
 — ~~аютъ~~ аютъ пивни...

— Да чого жъ мы идемъ?... спросила ме

И рассказавъ свой сонъ, и Палажка с
 — ~~ожидать~~ ожидать, *субботы*, только ее тревожили слова
 — ~~тожу~~ тожу огнемъ...

— Чи не буде, борони Боже, *пожежи?*¹⁾ говорила она при этомъ.

— Що Богъ дасть, то й буде, усноковувать я Палажку, а между тѣмъ самъ страшился пожара.

Когда настала пятница, то мы съ Палажкой цѣлый день молились Богу и держали постъ, чтобы Богъ сохранилъ насъ отъ пожара. Вечеромъ мы приготовили заступы и мѣшки, и на развѣтъ субботы отиравились на Андрийцовѣ кладовисько. Большой каменный крестъ былъ давно извѣстенъ намъ, а потому найти его въ темнотѣ почти намъ не стоило труда. Подойдя ко кресту, мы положили по три поклона и три раза проговорили: за преставльшихъ души: *Отецъ нашъ, Богородице Диво, Помилуй мя Боже и Марию*, поминули раба божого Петра и стали копать у большого каменнаго креста, на восточной сторонѣ. Не успѣли мы копнуть нѣсколько разогъ, какъ подъ заступами что-то зазвенѣло. Мы немного прорыли и нашли большой казанъ, полнехонькій серебряныхъ рублей. Тогда мы перекрестились, пересыпали деньги въ мѣшки, зарыли пустой котелъ на прежнее мѣсто и помолвившись за душу Петра, пошли посидѣнно домой, забравъ конечно мѣшки съ серебромъ и заступа. Придя домой, мы все боялись огня; но вотъ слава Богу, какъ вы сами видѣли, весель уже уничтоженъ огнемъ. И кто-жь то все могъ сдѣлать? — то его, того чумака Петра душа зъ высшего неба и «гроши» намъ показала и «крестъ той спалила», сказалъ въ заключенiе Степанъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ очевидцу уничтоженiя дѣдушкинаго веселя...

— Да, это дѣйствительно неповятный, чудесный случай, сказалъ я и попросилъ Степана показать мнѣ тѣ рубли, которые достались ему по дѣдушкиному веселю.

— Извольте, сказалъ Степанъ: если хотите, такъ я вамъ покажу и тотъ ковшикъ, которымъ дѣдъ мой мѣрять деньги, когда давалъ ихъ людямъ въ долгъ.

— Пожалуста покажите, это интересно; да вотъ кстати скажите, сполна ли вы по веселю получили долгъ...

— А конечно съ процентомъ, отвѣчалъ Степанъ: какъ сказалъ Петро, такъ и сбѣлось: перемѣряли мы съ Палажкой тѣ рубли и

¹⁾ Пожежа — пожаръ.

въ старе ковшика съ половиною: значить, процента наро
 зира ковшика...

Гости исатли, помолвась Богу, поблагодарили хозяевъ и ста
 расходивсь. Когда все уже разошлось, Степанъ съ Палажкой по
 шелъ изъ коморы *дишечку*, въ которой хранились рубли, а тамъ
 дѣловъ ковшикъ.

Находка Степана оказалась стариною—это были рубли
 Петра Алексѣевича, чевана 1721 года. Одинъ изъ этихъ руб
 Степанъ тутъ-же далъ мнѣ за чтеніе исатири, и этотъ рубль х
 шется у меня и теперь, какъ память моего дѣтства. Ковшикъ
 все изпросилъ у Степана себѣ на память, но во время по
 которымъ истреблена хата моихъ родителей, ковшикъ этотъ сгор
 Что-же касается иконы св. Іакова, на которой былъ написан
 на моихъ глазахъ выгорѣть дѣдушкинъ вексель, то Степанъ п
 налъ, что онъ пустилъ ее на проточную воду...

Крестыишиъ Иванъ Савченко.

РЕВЯЧЕСКАЯ ЗАВАВА ВЪ СЕРЪЕЗНУЮ МИНУ

Самый крупный въ недавней исторіи югозападнаго края
 остается въ забвеніи. Мы не имѣемъ исторіи послѣдняго поль
 востанія, какъ оно разыгралось въ предѣлахъ этого края, не им
 даже отрывочныхъ о немъ свѣдѣній, если не считать не
 печатавшихся въ «Русской Старинѣ» воспоминаній ген. Кр
 чрезвычайно интересныхъ, но во многомъ неточныхъ и д
 неполныхъ. Въ архивахъ лежатъ нерушимо богатѣйшіе мате
 для этой поучительной исторіи, въ обществѣ находится сотни
 слыхъ свидѣтелей тѣхъ печальныхъ дней и событій, въ народѣ п
 лируется масса интереснѣйшихъ разсказовъ, какъ онъ самъ то
 въ руки начальства. И не находится доселѣ челоѣка досузаг
 талантомъ, который занялся-бы собраніемъ всего письмен
 устнаго матеріала объ этомъ событіи и повѣдалъ-бы намъ п
 вую исторію тѣхъ дней. Будемъ воспроизводить ее хотя по
 чамъ, приводить въ извѣстность хотя то, что у кого въ
 осталось.

Кто жываль въ ту пору въ Кіевѣ, Житомирѣ или Каменцѣ, тому памятно, какъ не рѣдко необозначившіяся еще въ своихъ цѣляхъ и пріемахъ іереміады польской sprawy находили сочувствіе въ средѣ русскихъ, какъ многіе осуждали тогда политику правительства, порицали дѣйствія администраціи, зывали къ толеранціи, справедливости. То, что мы хотимъ сказать теперь, рисуеть легкомысліе, пустоту, а не серьезный взглядъ, но и оно характерно для того времени.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія, въ видахъ удобнѣйшаго надзора за проѣзжими, были заведены на большихъ почтовыхъ дорогахъ шнуровыя книги для записыванія имени, фамиліи и мѣста отправленія проѣзжающаго. Мѣра эта по многимъ причинамъ не приносила желаемой пользы, давая иногда поводъ къ шевальничеству, ребячеству, какъ покажетъ случай, о которомъ хочу рассказать.

Пришлось мнѣ въ 1863 году проѣзжать по волынской губерніи. Дѣло было въ ноябрѣ. Почтовые кони еле тащали поги, утоная въ глинистой вязкой грязи. Смеркалось... Мы съ ямщикомъ рѣшили остановиться въ ближайшей деревнѣ: устали кони, да и мы не прочь были отдохнуть... Подѣхали къ корчмѣ. Входимъ. Я обращаюсь къ «вартовняку» и прошу дать шнуровую книгу «росписаться».

Тотъ только усмѣхнулся.

— Становой казавъ: лѣтъ мають не знати що писати, нехай лише зовсімь ничего не пишуть.

Я полюбопытствовалъ посмотреть на это «не знати що». Читаю.

— Гарибальди їдеть изъ Кременца въ пространство.

— Кавуръ и Викторъ-Элимануиль направляются на востокъ.

— Расплюевъ їдеть къ папѣ въ гости. П. т. д., и. т. д., все въ этомъ родѣ.

Я тоже хотѣлъ «росписаться», но сторожъ не позволилъ. Довольно, значить, и этого!

Черезъ $\frac{1}{2}$ часа я поѣхалъ дальше.

Теперь я забылъ уже и названіе деревушки, въ которой это происходило, но самый фактъ остался у меня въ памяти, и одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ во мнѣ не то грусть, не то ^{мел-}селую улыбку.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Года четыре назадъ тому пришлось мнѣ проводить каникулы въ с. Потокахъ подольской губерніи, вѣпивцкаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ ст. Жмеринки. Когда я поселился тамъ недѣлю двѣ и того больше, мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ подростки крестьяне и даже взрослые въ ссорѣ обзываютъ своихъ противниковъ «гоптиками». Меня это названіе заинтересовало, по тождеству своему съ именемъ вѣдѣнаго сотника уманскаго Гонта. На распросы мои объ этомъ мѣстный священникъ пояснилъ, что въ этомъ селѣ живетъ крестьянинъ Микола Коломіецъ, старикъ лѣтъ 80-ти, котораго считают потомкомъ того самаго Гонта. Я постарался свести знакомство съ старикомъ. Когда въ расросахъ я навелъ рѣчь на такое его родство, старикъ долго отмалчивался и отбивался и только впоследствии призвалъ приписываемое ему другими родство, пояснивъ, что не хотѣлъ сказать мнѣ объ этомъ, боясь, чтобы я не сообщилъ начальству.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній старикъ Коломіецъ, когда мы стояли съ нимъ на его дворѣ, указалъ мнѣ въ юго-западномъ углу деревни усадьбу на возгорѣ, при чемъ не то съ горестью, не то похвальбой сказалъ: «это наше батькивське добро, тамъ и жилъ Кеснофонтъ» (такъ онъ называлъ Гонта). По словамъ Коломіяна, Потоки съ окружающими селами принадлежали въ то время Потоцкимъ, и хотя у нихъ было много имѣній въ разныхъ другихъ мѣстахъ, но не рѣдко графъ съ женой жили здѣсь, а Гонта былъ атаманомъ козаковъ Потоцкаго. Къ сожалѣнію, старикъ не могъ назвать по именамъ ни графа, ни его жены, а также сообщить объ нихъ какія либо свѣдѣнія. Графъ, говорилъ онъ, часто и надолго отлучался, а графиня держала Гонта при себѣ и жила съ нимъ какъ съ мужемъ. Противъ двора графскаго стоялъ домикъ, тамъ-то и жили дѣти Потоцкой отъ Гонта; одинъ изъ сыновей звался Адамомъ; силенъ онъ былъ, какъ и батько его, но глушь, не въ отца пошелъ. На мѣстѣ этого дома и теперь усадьба Адамчуковъ.— Графъ, рассказывалъ еще старикъ, боялся Гонта. Правда и графиня не всегда ладила съ нимъ. Разсердился разъ Гонта, хватилъ кулакомъ любимую лошадь графини,—на повалъ убилъ, а самъ ушелъ. Собрали людей ловить Гонта. Окружили его подъ корчмой,

а онъ стоитъ съ лавой въ рукахъ и говоритъ: «берить». Взять не взявъ, упростили вернуться во дворъ.

Какъ поднялись гайдамаки на ляховъ и пошли на Умань, страшно стало за дѣтей Потоцкому,—они въ Умани тогда учились. Позвалъ Потоцкій Гонту и говоритъ: «пять сель даю тебѣ, Гонто, доставай дѣтей». Гонта обѣщала. А на Литинскомъ яру Желѣзнякъ таборомъ стоялъ и въ Гонтѣ гонца прислалъ, чтобъ былъ съ нимъ за одно. То мѣсто Литинскимъ яромъ уже потомъ прозвано, по имени пана; паходять и теперь тамъ оружіе въ землѣ; Литинскій яръ лежитъ между Потокомъ и м. Ворониловкой, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ пришелъ туда Гонта съ своими козаками. «Биться, или брататься намъ?»—спросилъ онъ Желѣзняка. Желѣзнякъ отозвалъ его въ сторону и показалъ царицѣ грамоту съ золотой печатью. Посмотрѣлъ Гонта, да и повернулъ съ своими козаками, разомъ съ гайдамаками, на Умань. Тамъ уже, какъ расправлялись съ гайдамаками, то и Гонту въ тюрьму посадили до конца жизни, хотъ и послался онъ на царицѣ грамоту.

Свои темные рассказы Коломіецъ закончилъ такъ: если, случалось, что нибудь не хорошее сдѣлаю, то батько всегда было говорить мнѣ: «вотъ и выйдешь такимъ гайдамакою, какъ Ксенофонтъ».

Трудно разобратъ въ этомъ темномъ преданіи и съ достаточною вѣроятностію приурочить его къ опредѣленному историческому лицу и времени. То, что есть существеннаго и наиболѣе опредѣленнаго въ немъ, не согласуется въ примѣненіи къ уманскому сотнику и народному возстанію 1768 г., извѣстному подъ именемъ Гайдамачины или Коливщины, съ точными историческими о нихъ свѣдѣніями. Атаманъ падворныхъ козаковъ Сазезія Потоцкаго, Гонта, носилъ имя Ивана, а не Ксенофонта, родился не въ Подоліи, а близъ Умани, въ с. Росонкахъ, которое потомъ получилъ въ даръ отъ своего патрона. Въ подольскихъ и червоно-русскихъ владѣніяхъ Потоцкаго Гонта, конечно, бывалъ съ своими козаками при дворѣ Потоцкаго, но самъ Потоцкій имѣлъ свою резиденцію въ Криштополь, въ нынѣшней Галиціи, а не въ Потокахъ. Далѣе еще большая несообразность. Соединеніе Гонты съ Желѣзнякомъ подъ Уманью, близъ с. Соколовки, удостовѣрено несомнѣнными свидѣтельствами современниковъ очевидцевъ, а между тѣмъ преданіе устами Коломіяца отводить для этого мѣсто въ Литинскомъ яру, между с. Потоками и

м. Ворошиловкою. Самый фактъ связи жены Потоцкаго съ Гонтою могъ-бы многое объяснить намъ въ положеніи Гонты, который, не смотря на свое простое происхожденіе, занималъ высокое положеніе среди окружавшей Потоцкаго родовой шляхты, внушалъ ей уваженіе и страхъ и пользовался непоколебимымъ довѣріемъ своего патрона, щедро награждаемый и заскаемый отъ него. Но чѣмъ и какъ можетъ быть удостовѣренъ этотъ фактъ относительно уманскаго Гонты? Подобные факты не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ въ то время случались; но для приуроченія указаннаго факта къ сотнику Гонтѣ мы не имѣемъ ничего, кромѣ преданія, спутаннаго въ другихъ частяхъ. Не самъ Микола Коломїецъ, а его отецъ могъ быть современникомъ Гонты; но дѣйствительно ли онъ былъ его родственникомъ, это остается вопросомъ. Почему же держится и на чемъ основано преданіе о родствѣ Микола Коломїйца съ Гонтою? Почему въ народѣ бранятся тамъ именемъ Гонты? Почему не сохранилось здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, преданіе о страшной казни Гонты, совершенной, какъ извѣстно въ Подолїи? Не былъ-ли въ Потокахъ, во время Кошівщины, другой предводитель гайдамакъ также съ фамиліею Гонты?

Желательно, чтобы кто нибудь на мѣстѣ вновь провѣрилъ записанное нами преданіе и по возможности разрѣшилъ поставленные вопросы. Въ основѣ народныхъ преданій лежатъ всегда реальные факты, но здѣсь они совершенно спутаны относительно мѣста и времени, а можетъ быть и самихъ лицъ.

Е. Маковскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

(Одна тыся и два разказа).

Минувшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ черниговщинѣ и полтавщинѣ и слышать много пѣсень и разказовъ, которыхъ всю прелесть чувствуешь тогда, когда выливаются они живымъ голосомъ, живую рѣчью въ жизненной обстановкѣ, какъ непосредственная принадлежность и проявленіе жизни.

Въ с. Жеведи (остерскаго уѣзда, черниговской губерніи) записаны мною 2 разказа, а въ селѣ Прохоровкѣ (полтавской гу-

беріи, золотонішскаго уѣзда) пѣсня. Дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

Пѣсня высоко художественна какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобной по содержанію пѣсни я еще до сихъ поръ въ печати не встрѣчалъ, несмотря на то, что имѣлъ подъ руками и перечиталъ большую часть нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсень.

Въ этой пѣснѣ изображается судьба несчастной молодой женщины—Настя. Въ семьѣ мужа ее встрѣтила «лхая свекруха», которая постоянно грызеть ее. Разъ, послѣ особенно-навязчиваго, злостнаго пристаиванья свекрухи, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, отправилась Настя «зъ малою дитиною» въ поле жито жать. Горькое, щемящее чувство пезаслуженной обиды, сознаніе невозможности поправить свою безповоротно испорченную жизнь, чувство физическаго и нравственнаго утомленія, все это вмѣстѣ подавляетъ въ ней материнскія чувства и она, вспомнивъ про ожидающія ее дома семейныя обязанности, вечеромъ уходитъ домой, забывъ въ полѣ ребенка.

Погруженная въ свои безутѣшныя мысли, безсознательно, чисто механически отправляетъ она эти обязанности—и такъ и не вспомнила сама о томъ, что оставила дитя въ полѣ. Напоминаетъ ей объ этомъ мужъ, и она въ смертельномъ страхѣ, съ потрясеннымъ чувствомъ материнской любви бѣжить въ поле, въ полѣ видитъ орла, и спрашиваетъ его объ участи дитяти.

Въ прекрасномъ поэтическомъ образѣ передаетъ пѣсня роковой отвѣтъ орла, которымъ замѣняется личное удостовѣреніе Настя. Настя въ отчаяніи устремляется домой и подъ тяжестію неодолимаго горя кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Вся эта картина страданій и гибели отъ злой «свекрухи» нарисована прекрасною художественною кистью, проникнута глубокимъ, сильнымъ чувствомъ. Типъ Настя начерченъ съ необыкновенною силою немногими яркими, смѣлыми штрихами. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ народныхъ пѣсень.

Что до записанныхъ мною 2-хъ рассказовъ, то первый изъ нихъ, по основному своему сюжету, не новъ, но онъ интересенъ по формѣ, въ которую вылился избитый сюжетъ, по примѣненію къ типическимъ лицамъ народной поэзіи, по народному чувству, симво-

му вездѣ въ этомъ разсказѣ, по своей анти-жидовской под-
лѣ. Въ такомъ видѣ я его встрѣчаю въ первый разъ.

Почти тоже можно сказать и о второмъ разсказѣ. Въ немъ
очень интересно изгладь народа на солдата-вора и его къ нему
отношеніе. Народу, видимо, симпатиченъ этотъ преступный солдатъ
проблескъ въ немъ человѣчности, за сочувствіе его невинно
дающему человѣку, за ловкость, за то, что онъ перехитрилъ
всѣхъ. — за все это народъ какъ-бы прощаетъ ему его проступокъ и
пытъ на темную сторону его дѣяній сквозь пальцы.

Пѣсни про Настю.

Уродилась Настя
Безъ доли, безъ щастя.
Да случилась Настя
Сверхуха лыхал.
Посылае Настю
У поле жито жати:
— Иди, иди, Насте.
Да и не озирайся.
Ой живи, Насте, жито
Да и не ругивайся.
Розигнулася Настя,
Уже и сонце низенько.
Да и погвбла Настя
Изъ поля до дому,
Да и убигла Настя
У пову свитлицю,
Да ухонила Настя
Дубову дойницю,
Подонла Настя
Сивий коровы:
Ой пивтае милый:
> Де Насте, дитина? <
— Ой, Боже мій милый,
Забудь на пивил!
Да и побигла Настя
Изъ дому на поле,
Да и зустріла Настя

Сизокрыла орла.
 —> Ой ты, сизый орле,
 Не бачивъ дитины? <
 —> Ой у поли, въ поли
 Стоить три тополи:
 Ще перва тополя
 Ямочку копае,
 А другая тополя
 Дитину ховае,
 А третя тополя
 Книжечку читае <
 Да й побигла Настя
 Изъ поля до дому,
 Да й убигла Настя
 У нову комору,
 Да ухопила Настя
 Да свой ¹⁾ полотенця ²⁾.
 Не попала Настя
 Ножемъ по полотенцю,
 Да й попала Настя
 По щирому серцю.

(С. Жаведь, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Р а з с к а з ы.

І.

Нанявъ жидъ чоловіка ѡхати у городъ. И везе винъ ёго зъ села на гору—оттакъ, якъ у насъ отто гора. Ажидъ—ніякъ на гору не встане; лигъ, вывернувся та й спить. А бидный чоловікъ бичувався, бичувався! Не вытягне ніякъ коняка нещасна, а жидъ лежить, вывернувся, не поворухиться, дума: якъ нанявся, то й вези. А винъ у жида просить: »встань, будь-ласка, бо коняка не вытягне. Я тобі верну гроши, тильки встань«. Той таки не слухае. Ажъ питъ на лоби выступивъ,—все лежить. Коняка не везе ніякъ, а чоловікъ сидить та й плаче. Другій тутъ ишовъ зъ горы: такий-же соби чоловікъ. Дивитьця, що бидный чоловікъ мучить коняку, жа дъ не встаеть,—якъ узявъ винъ дрючокъ та до того кучира: »а,

¹⁾ Свой—сувой, большой свертокъ.

²⁾ Уменьш. отъ слова полотно.

свѣій-такій! ты колись мого жида бивъ, якъ я ѡхавъ: ось я и твою буду бить, аже-жъ ты мого бивъ«. Той жидъ якъ схопитьца, якъ удравъ ёго винъ тою ломакою по плечахъ,—якъ побижить! Тоди всякая й вытягла, бо жидъ вставъ. А цей чоловікъ тоди: »спасыби тоби брате, що ты мого жида прогнавъ, а то й доси-бъ ще пропадавъ на тимъ місци. Спасыби тоби!«

II.

Жидъ на ярмарку минавъ гроши на столи. А салдаты смотрити що вони у ёго лежать, тай думаетъ, якъ бы ихъ соби узять. Жидъ заворотився, задивився, а салдаты за ти гроши, що були на столику, та за ошлагъ.

Чоловѣкъ прѣстный приходитъ: »розминяй мени, яврю, пять рубливъ грошей«. Жидъ кинувся: »Герште! де мои гроши?« Та на того чоловіка: »ты взявъ! Щуесь ты, верни мои гроши, мужицъы го́лове, швиняче рыло! Ты взявъ мои гроши«. Жидъ бере того чоловіка за лобъ и увесъ ярмарокъ жидивъ збигся на цюю кумедн дивитьца. Бьютъ ёго, вьажуть ёго, нехтують ёго. Той чоловікъ бо-жытьца, кленетьца: »не бравъ я твоихъ грошей, далеби не бравъ!« Жида, знаете, не вдаряютьца на прозьбу цюю, кричатъ: »ты взявъ, сто цоргивъ въ твою голову!« А салдаты той стоить, бачить биду того чоловіка, бачить: бьютъ ёго, нехтують. Ёму, звисно, зробилось жалко. Винъ пидходить и каже: »за што, каже, ты этого бѣдного мужика бьешь?«—»Какъ зе ёго не бить, коли воно оттутъ, при моихъ оцахъ, на столику десять ци сто карбованцивъ узяло«.—И врешъ ты, пархъ проклятой! Вѣдь ты напрасно мужика бьешь. Вѣдь твоихъ денегъ онъ не бралъ, а я ихъ взялъ«. »Герста! какъ вы узали мои гроши?«—»Какъ я взялъ твои деньги? Вотъ какъ: пришелъ я къ моему столику, смотрю, на столикѣ лежать. Гляжу, ты не смотришь. Я вотъ такъ шинелью подобралъ, отошелъ отъ столика, да все дальше, дальше... Да якъ влупить зъ грошима по ярмарку! Жида гвалтъ: »ловить! ловить!« А винъ по переду бижить и самъ кричить: »лови, лови!« Такъ и пропали жидови гроши.

А мужика салдаты вызволивъ, щобъ ёго дарма не били.

(С. Прохоровка, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи).

Сообщ. А. Т.

отъ пана дядка и отца брата ¹²⁷⁾). Священнику за молитву зъ палама-режъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Тесль Палашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. шинковыхъ денегъ; сего числа рощотъ и расплатка здѣлана зъ Федоромъ Яиченкомъ.

25. Чрезъ слѣдующіе святочныя дни розышлось на всякіе домо-вые и другіе расходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Топаль у графа ¹²⁸⁾) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніомъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикъ:

Кляча рижая привоуду съ Погару воровъ—именемъ одинъ Яковъ Гриценко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Левко Карповъ сынъ Харконенко, житель сотнѣ топальской, села Могилевца, да въ перегонского жителя Зенка Триносенца тогожъ привоуду имѣется кляча рижая, а привоудъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороненкомъ конику, якого онъ привоуду, исправится не почему.

1731 году Септев. 9. Зде выраженныя клячи рижіи и кониень вороній приняты въ дворѣ нашомъ въ Стародубъ.

1732 годъ. Мѣсяць Генварь.

1. По обѣднѣ поздравляли полковника новымъ годомъ.
2. Объявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.
3. Избирали кандидатовъ на асаулство полковое и на хору-жество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Подтаву зъ писмами до его сіятельства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и зъ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожня енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорскаго величества о наслѣдствіи и зъ формами

¹²⁷⁾ Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Черниг. Епархіи, V, 192.

¹²⁸⁾ Рагузинскаго.

присягъ, такожь и зъ унѣверсаломъ рейментарскимъ о вѣрованіи той присяги ¹⁰⁹).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинил полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовныя и мирскія.

5. Розышлося на розницу 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по отправленномъ водосвятіи, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топальская бѣглимъ огнемъ, которіи сегожь числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медь въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ сѣбра и полтину денегъ на зроблене табавери. Сговорилъ снѣцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Томужь снѣцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господинъ графи Гаврило и Мойсей Владиславичи ¹¹⁰) и Иванъ Ивановичъ пришли у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Чернца заграничнымъ дано 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Глуховъ, забѣраючи дорогу, прибылъ на ночь въ Борщевъ ¹¹¹). Бабѣ, которая приходила от пана Максимовича зъ родиннымъ хлѣбомъ о родившойся дочері его Татіанѣ (якая родилась зъ 7 противъ 8 числа), даны 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Приехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почтовой канцеляріи Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. п. Галецкій сотникъ полковый и меншой Леонтій. У шивкаря чаусовскаго Ноздринъ взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночь въ Витемле, где подданные пана сотника полкового дарили насъ рыбою и вюнами. Писаны зъ Перегону писма до пана тестя и до женоу да до пана сотника варвинского зъ отправленемъ вобилицъ и шапъ, всехъ 20 штукъ, а зъ тимъ велено отправить Грицка зъ конемъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса четвертку для лошадей.

¹⁰⁹) О принесеніи присяги.

¹¹⁰) Рагузинскіе.

¹¹¹) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежало Гамалѣямъ, роднымъ братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Ивану Кошцѣ. Ночью Витемль получено письмо одъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожь и до хоружого Данченка зъ хезовки подъ датою зъ Шатриць. Зъ Мехедовки по обѣдѣ приѣхъ Шатрици на почтъ.

14. Зъ Шатриць приѣхалъ въ Глуховъ по полдни въ часу, и сегодня нигде не были. Розышлося на розницу 17 к.

15. Рапо кланялись ясновельможному и обѣдали у столу гетмана своего. Положены въ карбону 60 в. Дано сръбра 16 золотп. ру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковника

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового¹¹²⁾, и тому родилась дочь Татіана, якої восприѣмниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясновельможная панѣ гетмана. Рапо кланялся полковнику господину Тургеневу и асаулеру пану Мануйловичу, въ вечерѣ—папамъ хоружому и бунчуковому енеральнымъ. И зъ рана кланялся полковнику и глуховскому комманданту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Ивановичу Лвову, зъ хлѣбомъ и зъ зверипою.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и комманданта господина Кишкина.

18. Одкланявшись ясновельможному, паничи отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника папа тестя и до жены. Розышлося на розницу 26 к.

19. Писано письмо до сотника повомлинского пана Иваншиевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и с соверучный вручимъ пану Федору Чуйкевичу¹¹³⁾ и письмо до т

¹¹²⁾ О. Мойсей Богаевскій былъ войсковымъ капеляномъ около 20-ти лѣтъ (1720—740); отъ него вошли теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черк. Коя., кн. 2-я, 70—72.

¹¹³⁾ Жолдаками называлась особая гетманская стража. Для поселенія этой стражи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, на которомъ вышло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

¹¹⁴⁾ Федоръ Чуйкевичъ бунчукъ тов., сынъ Александра Чуйкевича, полтавск. полковникъ при Сажайловичѣ. Женившись на дочери протопопа Демьяна Маковского, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое Грузскую подѣ Кролевцомъ, которую впоследствии передалъ также въ приданое, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Авиѣ

сотника пана хоружого епералного Горленка, и
дѣль. Взято у Мандзевка глуховскаго крени
за пушменту 5 золотнаковъ, за що доводится
давнихъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей д
Глуховъ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйко
платить денги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ
12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потреби, до купту
решту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ прислалъ; и
даль двойный червоний. Прибыль Игнатъ Данч
Заплатить за давніе стѣжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо
Андрея Горленка, просачи о корреспонденціи
данного ему моего меморіалу. Писано писмо до
рая ¹¹⁵) о одобранию клевѣкорда у пана Ивана Ку
Кулибки о выдачи оного клевѣкорда. Да писал
и карту мнѣ объ ономъ вручить. За ¹¹⁶) бѣлово

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Роз
кошѣвъ 9.

23. Онь-же полковникъ былъ у ашевель
зъ полчанами. Дать на росходъ 30 к., цилурни

24, 25, 26, 27. Розышлося на сѣно, овесъ

28. Праздновано рожденіе ея імператорск
пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибыль
Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій и Янушкевичъ
свій и Давидовичъ, товариць запчковый, одну
Черезъ пана Холодовича прислана грамота о
Івана Борозни судею епералнымъ, а пана Турковско
полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу

¹¹⁵) Федоръ Ширай былъ женатъ на дочери Петра
на ввучкѣ гетм. Апостола (Петръ Кулабна женатъ былъ
сродъ). Иванъ Кулабна, у котораго пушано было взят
братъ жени Федора Ширай. Впоследствии онь былъ пол
См. примѣч. 67.
¹¹⁶) С. Пороговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ
Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу въкарію николаскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розышлоь на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходительство, господинъ генераль и ордина Александра Невскаго кавалеръ, Семень Григоріевичъ Наринкинъ прибыль въ Глуховъ по полднѣ, котораго визитоваль и яспеваемозный на его квартерѣ. Розышлоь на сѣно 21 к.

31. Писаль писмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генераль Наринкинъ былъ у яспеваемознаго въ домѣ и вручилъ его яспеваемозности грамоту о опредѣленіи мастиности старшинѣ еперальной и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розышлоь 40 к. Одключилея яспеваемозному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розышлоь на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., вѣсхаль я зъ Глухова и прибыль на почъ въ Шатрици.

2. Прибыль на службу¹¹⁷⁾ въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибыль въ Чауси и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибыль ночью въ Стародубъ. За рыбу въ Камень 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебествоствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковниці гуляли зъ стрѣлбою-жь, а надъ вечери были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляя.

5. Былъ у полковниці и прощалься за позавчорашнюю при гулянь досаду. Одиравлена баба въ Погаръ, которой дано сунна на кунтушь темнозеленаго за 2 р. 63 к.

6. Розышлоь на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарци 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочес 8 к. Прибыль въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за медъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадскаго зъ посилюю кадрили, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловскаго, виданномъ зъ ново-млинскаго уряду.

¹¹⁷⁾ На обѣдню.

10. Дано лищицкимъ людямъ, которіи на дрань подрядились, мѣсто полцвертки муки 20 к., а полцвертки еще имъ наддано.

11. Сибѣцару, которій дѣлаеть шафу, дано 30 к.; на розницу шло 14 к. Гришки Соколова умернаго тѣла повѣшено за ребро.

12. За мясо заплачено и на проч. розышло 22 к. Василию 20 к.

13. Графиня¹¹⁹⁾ зъ полковниковою де-Фронбісовою обѣдала, полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночовали. Излилось на медь, мясо и проч. 36 к.

14 к. Послалъ чрезъ Бардовскаго до графа 30 р., да скомъ полотна паруснаго. Писала панѣ matka и я до пана Гамалія въ Москву чрезъ денщика графскаго, который полагалъ графа Мойсея Ивановича. Пошло на розницу 7 к. Пана Соколова зъ товарищи жестоко.

15. Послалъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для скотины одного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медь заплачено 15 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 10 к. Писалъ писмо къ діакону Протерію въ Лиличи, чтобъ позвать вину и брусомъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для котельни и выносу и людей велено одправить зъ Пятовска и другихъ де свободныхъ войсковыхъ. Розышло на розницу 20 к.

17. Василию дано 10 к., за медь заплачено 15 к.

18. Сибѣцару отданы остальные денги 70 к., да за доски 10 к. Сей день пробивали у графа въ Топалѣ, одколъ коло вечеренъ прибыли въ Стародубъ.

19. На рыбу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гостѣ, которіе послѣ поехали на пана Ивана Миклашевскаго.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р.

22. За лѣйци (возки) ременные пароконные 50 к. Посланы въ Глуховъ до его м. пана Скоропадскаго зъ термѣнами ука на калькуляціи денегъ.

23. Василию служѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., розницу 10 к., за осмачку овса Грипевичу 30 к.

¹¹⁹⁾ Авва Рагузинская, дочь бунч. товар. Ивана Борозды. Второе имя — Ив. Андр. Гамалія.

24. Покроено Алексію и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на шитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницу 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Ивану, що з Вори (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Звѣдцю хлопцю покроено вчера камзоль и епанчу; пошло на тоє парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлося на розницу 72 к.

27. Заплатилъ Мандзенку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медь и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Лицицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Малярю умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня воровострокатого.

29. За козла жовтого 40 к., на рыбу 64 к., на медь 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковница де-Фровби-сова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляши легонского, 2 простого полинкового. Дать кунтушь свой откросенный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитныя 30 к., за полпята локтя камліоту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покреены дитинѣ сукочки, до которыхъ на шовкѣ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ повомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до еперала де-Везбаха, до ксенза канеляна его, езуити, и до пана Тимоновича. За розныя багателѣ (мелочъ) кухенше 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ легонского и за чотири червоного полункового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ¹¹⁹⁾, которой дано луданъ фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертиць сосповыхъ 4 к., за хрѣнь 5 к., за два камень¹²⁰⁾ и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотва простого 26 локоть 36 к.

¹¹⁹⁾ Красльщицѣ.

¹²⁰⁾ Камень = 50 фунтовъ.

4. Подрядился гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчь-фаянсовъ и поставитъ въ хатѣ столовой, а въ синахъ коменъ, пѣчь-же коноплянную, а коменъ зъ сеной мурованый и за то все ему данъ ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Мадару, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплаты 80 к., Кутушу кравцо на шовкъ 4 к., за щуби и окувъ рублю 22 к.

5. За рашный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розышлося отъ розницы 37 к.

6. Розышлося на розницу 65 к.

7. Одравлено письмо до его м. папа Скоропадского о небезпечной рази распутици дороги, требуя повторного указу, и послано къ Понгородку; розышлося на розницу 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики зъ хоромнымъ строснѣемъ, въ тилу моего двора будущій, за 40 р. и въ задатокъ данъ 1 р., стелмаку 3 к., шевцо на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтро-лѣдатору (перензетчику) 10 к., на нитки кравцамъ 6 к., на розницу 14 к.

9. Расплата учинена зъ Инченкомъ и другимъ за сукно, ригѣ, широкъ, табу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медь 8 к., на нитки 5 к., за сокиру 8 к., фарбяницѣ 20 к., шевцо 18 к., слесарямъ 4 к., ковалямъ на крушъ 10 к., за широкъ и нитки Иванцо до куптуша 16 к., кравцо Карпоуху 38 к. Заплатилъ за Пузира пану Скороушѣ 20 р.

10. Шевцо за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцамъ за роботу 70 к., на нитки, гаилки и широкъ 7 к., Мавриѣ на серпанокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одравилъ Ивана Кошку, давши ему куптушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матѣ.

11. Вісхалъ зъ Стародуба, и при отездѣ врученъ на расходъ 5 р. денегъ. Заявлъ у Конопчука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и обѣдъ ему дель.

12. Прислала мѣнъ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, кошелокъ, ангеши и дѣтямъ стѣнжечки. Василью дана полтина на расплатку его за гоине (лѣченіе). Заплатено за медь и рыбу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Вісхаль съ Перегону, обѣдалъ въ Гремичомъ, почоваль въ Пушкарахъ ¹²¹⁾. Розышлося 8 в.

14. Прибыль на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шентавовского обѣдалъ. Одетель сѣхаль на Шентаки и прибыль на почъ самъ въ Новгородокъ, а возки почовали у млина дролевецкого.

15. Огдаль войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавиль.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Вісхаль зъ Новгородка, на почъ позно прибыли въ Локотки.

17. Пошасовали въ Собичевѣ, на почъ прибыли въ Глуховъ. Сего числа левелможная вісхала зъ Глухова до Сорочинецъ ¹²²⁾.

18. Весь день пробиваль въ дворѣ гетманскомъ. Получиль писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости ездоколевского.

19. Быль у его м. пана писаря и обозного епералиныхъ. Цирулику за голени 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медь 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розышлося на розицію 75 к.

22. Вісхаль зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, почоваль въ Слоутѣ ¹²³⁾.

23. Прибыль въ Новгородокъ ночью. Розышлося позавчера 30 в.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушаль службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно вісхавъ, прибыль на почъ въ Смячъ. Вчора послано удостоеніе для поднесу до асаула епер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василюва.

26. Прибыль въ Перегонъ и почоваль.

27. Прибыль ночью въ Стародубъ.

28. За пообмалюване колѣсъ до карети и поправку карети 60 в.

29. Розышлося на розицію 8 коп.

¹²¹⁾ Село новгородсверскаго уѣзда.

¹²²⁾ Село мвгородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

¹²³⁾ Село въ 12-ти верстахъ отъ Глухова.

30. Прислать Колчевскій 4 пуда рыбы. Писать письмо до пана Андрея Микланевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о мѣнѣ и проч., что въ продажу. Послано письмо и до пана Борковского.

31. Дать конь гнѣдй кулябовскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника $\frac{3}{4}$ колодной мѣры на пиво солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до бровара 2 возы дровъ, на крашенину докупить немому на юшку 8 к., на шнурокъ до дѣвичинского жуванпа, да на галиви до молодецкихъ 4 к. Розышлося на розницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Априль.

1. На крашенину и нитки до пани кунтуша штофового 12 в. Розышлося на розницю 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Ивану воревому кашаць крашеноый зеленыи и свиту бѣлую; шѣмому кашаць крашеноый-же. Дѣвичиѣ Улянѣ кунтушицѣ суконный. Шевцю даны дѣлатьшя цоботи жолтіе и смужъ на потреби дано 14 к.

2. Прислать універсаль и листъ зъ Глуховъ о Белявицѣ. Розышлося на розницю 14 к. Писаны письма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посылкою вишеѣ и росписки, ревизанцямъ отъ карповцевъ¹²⁴⁾ данной, и термѣицъ двоухъ, да листи графа Сави Квядиславича, другое до пана Юркевича, и о пересылцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотиѣ погребеского Иосифа Колмиченка. Получены указы о высылцѣ 30 тысячъ работниковъ на лѣнійную работу, въ томъ числѣ въ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ лишкомъ, мужиковъ 2038, тывожъ о постереганю, чтобъ люде не розходились.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлося 4 к.

5. Залатать Лаврїну за 10 фунтовъ галиви 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на яръ 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша пани 25 к.

6. За пугвицѣ Алексїю и Василю 20 к. За офарбоване крашеници 20 к., за полотно подъ хлопячїе жуванки 20^{1/2} к., огороднику 15 к. Розышлося 19 к.

¹²⁴⁾ Д. Ревна и с. Карповичи—повозыбковскаго уѣзда.

7. За три прищепки 30 к., свѣцару 20 к. Малесиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдался и причащался; розышлося на розницу 95 к.

9. Въ Новгородку панѣ Данило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по экспенциой умре¹²⁵⁾. Сего числа и вчора панѣ теща жестоко была болна.

10, 11, 12. Розышлося на разные експенсы 3^{1/2} р.

14. Маслосятіе отправилось пядь папеею тещею, и сего числа вѣехали я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонь. Дать панѣ Федорѣ Ширай 15 р. на покунку шпалеръ¹²⁶⁾ въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11^{1/2} аршина, а висотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣиъ сторговаль у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень гавишу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Поздри 6 р., въ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одѣ самого 3 р. и възъ тихъ велѣемъ панѣи отдать 2 р. Вѣехали зъ Перегону и прибылъ на ночь въ Каменскую Слободку¹²⁷⁾.

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ сотникови новгородскому отдаемъ должные 5 р. На ночь прибылъ въ Богдановку. Розышлося 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамалѣвцѣ¹²⁸⁾, обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у яебезвѣможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ таляръ битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ министерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покунку двоухъ купиць панѣ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донского при писемѣ хустку.

¹²⁵⁾ Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородстверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

¹²⁶⁾ Обои.

¹²⁷⁾ Теперь с. Каменка, новгородстверскаго уѣзда.

¹²⁸⁾ Гамалѣвскій женскій монастырь около с. Локотвоть, глуховскаго уѣзда, построень гетманшею Скоропадскою.

21. Поодбіраль преза у господь разныхъ, да и експедицію совѣсьмь отобривши, одклоуился яневелможному и прочімъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу полуночи, прибылъ на почту (станицю) товстодубовскую въ 10-мъ часу, одтолъ въ Сѣвекъ по полднѣ въ 4-мъ часу; за двѣ ось 6 к., на розницю 4 к., тому що подѣловаша оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 вереть за мостомъ зломалось колесо подъ возомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Раню прибылъ на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Одтолъ на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, тѣ Чаенцѣ попу дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомоѣ въ 3-мъ часу по полуднѣ, тамъ на перевозѣ дано 4 к. Прибылъ въ Карачевъ въ полдевитого часа, тутъ на діоготъ и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, одтолъ віехалъ зполтрети часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесяти часа пополудни; тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтрети часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що подѣловали двѣ ось 5 к., на розницю розышлоь 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1^{1/2} часа по полдни и претерѣвши веспоснѣ досады отъ дожча, бездорожя, темноты почной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіевича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 верету одъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рыбу на Окѣ подлѣ деревнѣ Манковихъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ почю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калужѣ на розницю розышлоь 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлоь на розницю 14 к.; одтолъ поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадей, прибылъ на почту до Черничного и тутъ почоваль.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тосей почты и на дорожѣ встрѣтившись зъ куріеромъ кievскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Цариградъ сего

апріля 22 д.; переѣхавъ лошадей и прибывъ на почту въ Шахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розышлося на розницу 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополуночи и сталъ квартирою на Мясницкой, въ домъ переводчика Иностранной Коллегии Лва Петровича Грузинца.

29. Целюрику за голене 10 к., на прочее розышлося харчевое 40 к. Ужиналъ и почивалъ у пана швагра Ивана Гамалии.

30. Обѣдалъ въ домъ и съ гостми. Розышлося на розницу коп. 10. Дана хустка едwabная¹²⁹⁾ У(рингу) подтячму.

М а й.

1. На двѣ осы до коляски 30 к. Алексею данъ 1 р., Николаю Евдокименковому возаку на его нужды данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панси Ломиковской за 5½ руб., которые вручены для отвозки пану Игнату Данченку.

2. Даны пану Игнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ тацы¹³⁰⁾ маліе зломаніе, полумисокъ одинъ старій, цѣнованіе¹³¹⁾, для обмѣна въ рѣдахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣнованую жъ, и съ доплатку, що надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заключено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдныя. Данъ 1 р. иноземцѣ Николаю Мануйловича Мотонія¹³²⁾ женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Вилимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за записавки¹³³⁾ по парѣ имъ здѣлать, да дочери-жъ ея маленькой Катеринѣ дано въ гостинець 20 к. На харчъ и иную розницу дано 30 к. Еще дано возаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Игнату Данченку, писанные до всевозможного, до пана Скоропадского съ отвѣтами одѣ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, съ подписомъ на пакетѣ до п. Юрєвича. Тому, що вѣхидилъ съ ямской пашпортъ, дано 20 к. Вѣхалъ съ Москви

¹²⁹⁾ Шелковая.

¹³⁰⁾ Блюдо.

¹³¹⁾ Оловяныя.

¹³²⁾ Грекъ Мотоній былъ редовначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей его, по женитьбѣ на Жураковской, получилъ богатія пѣвій округа Нѣжива (с. Ляновъ Рогъ и друг.).

¹³³⁾ Кошулка — рубашка, записавка — родъ фартушка.

3-мъ часу по полдни и прибылъ на почтовой станъ въ 4-мъ часу, а въ полночь, одтоль вѣхаль—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ Челюкъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешекъ прибылъ въ Клинь въ 2-мъ до полдни, и тутъ призываль мене къ себѣ и потчоваль во здравный Глѣбъ Прокофѣевичъ Радищевъ, до котораго я принесть и писмо отъ брата его Афанасія Прокофѣевича Радищевъ.

Клину вѣхаль въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ верстахъ Клину, въ емницкой слободѣ, зломались подъ коляскою дрогичника, и покамясть поддѣлали починку, пробавиль до 7 часовъ ждать плотникамъ и кузнецовъ 10 к., а въ 7-мъ часу вѣхавши былъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночь, одтоль в 3-мъ часу пополуночи вѣхавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тферь въ молодинадцата часа. Одтоль вѣхаль въ 2-мъ часу и переехавъ чрезъ Мѣнное, зъ перемѣною коней, прибылъ поздно въ Тожю.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видрунску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розышлося 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мащину з діогтемъ дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Заколочинъ, а одтуду цѣлую ночь ехавши, прибылъ—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтитися два геодезисти, в адмиралтейства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексѣевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Норовъ, которіе обявили, что на Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартерою въ Пунарской Морской, на адмиралтейской сторонѣ, подлѣ Шасвенской рѣчки. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и проч. 15 к. Зъ Крестца прибылъ до Заяцова и перевезши за деревню Краснымъ Станкомъ, до 5 верстѣ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ сѣтомъ въ Бронница.

8. Рано зъ Бронница судномъ цуствивши, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розышло хлѣбъ, медъ и укусь и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и тѣлая была погода, вѣхаль въ 1-мъ часу по полудни и съ 1-мъ

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утихлаась противная погода, то поспѣшнѣ ехали.

9. Рано прибылъ до Соснинской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи; одголь взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты въ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тюсни, одкуду ночью поехавши.

10. Пріехалъ рано до Іжори, и тутъ за рыбу дано 5 к., на прочее дорогою розышлося 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полдни и заехалъ на квартиру пана Андрея Полуботка¹²⁴⁾ въ Морской Пушкарской и тутъ почоваль. Сегожь числа ея и. величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и палено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова¹²⁵⁾ и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представлялъ оль же писма надлежащіе въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оныя отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербургскомъ Острову, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Ивановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ прибавилъ.

12. Представлялъ мене Петръ Василіевичъ графу Остерману, которому и писмо вручилъ; потомъ былъ въ коллегіи иностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего старод. Иваномъ Александровичомъ Дуровимъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба прислащые, вручилъ.

13. Рано перевезелься на Петербургскій Островъ въ квартиру Павла Апостола¹²⁶⁾. За перевезеніе бутирю, извощикамъ и перевозчикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-люксей Иванъ

¹²⁴⁾ Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

¹²⁵⁾ Совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Архивъ Сената, Баранова, II, № 2351.

¹²⁶⁾ Павелъ Апостоль—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына послѣднлаго—Иваша, отъ брата его съ Еленю Михайловною Корсакъ (см. прилѣч. 85). Онъ воспитывался въ Сиб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартирѣ. Тамъ дѣшъ въ домѣ обѣдали и весь дѣшъ въ домѣхъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домъ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцымъ Петра Василіевича Курбатова, которіе мене судномъ егояъ отвезли на квартиру, дано 20 к. Розышлося отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по се число на разный расходъ 1 $\frac{1}{2}$ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ къ моему дѣлу партикулярное къ нему отъ гетмана письмо и листъ гетманскій же принялъ онъ же подлежащій въ коллегіи иностранную, а удостоеніи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлося на перевозъ 13 к.

17. Рано былиśmy въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ по одиравленіи обѣдѣ, вручили ея-жъ высочеству письмо отъ гетмана, на которое изволила общать дать отвѣтъ. Дашъ 1 р. на покушку дрововъ и прочого, до наврavy коляски падобного, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ¹²⁷⁾, у его сіятельства графа Гаврилы Ивановича Головкина. Обѣдали у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлося на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы втайнѣ въ домѣ графа Головкина, отдаючи визиту его сіятелству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодшого графа Бѣропа, которій князю Меншикову по являть, и домъ его подлѣ зимнего государеваго дворца, что былъ прежде корабельного майстера Шклева. Былъ у отца Платона Малиновскаго архимандрита іпацкаго и въ егояъ домѣ кушали. Розышлося 4 к. Отданъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицина и преосвященнаго новгородскаго зъ паничемъ и писма поотдавалъ и меморіаль своихъ нуждъ преосвященному подаемъ, которы

¹²⁷⁾ Подъ паничемъ «панича» вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостоль, воеводскаго полка; узрѣвъ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Ковдратіемъ Битяговскимъ, а вторымъ — за действительнымъ статскомъ совѣтникомъ Матвѣемъ Кравчинымъ. Въ концѣ XVIII вѣка велъ большой процессъ съ Ризскимъ-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшееся отъ отца, Елещъ Корсакъ.

¹²⁸⁾ Подъ паничемъ «панича» вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостоль.

Отъ редакціи.

Журналъ «Ніевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго бѣда и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получеіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ чешко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполучеіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже получеіа или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣчныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Соборійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помярокъ, и непрерывно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

О ВЪЯВЛЕНІЕ.

СТОЛѢТІЕ СОБЕСѢДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Подъ этимъ названіемъ ко дню столѣтняго юбилея россійской академіи издана брошюра in folio съ хорошо исполненною гравюрою академика *В. А. Боброва*, на которой изображенъ facsimile, заглавный листъ «Собесѣдника», *Екатерины II, Дашковой и Державина*, а вверху Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ какъ столѣтіе журнала совпадаетъ со днями коронаціи. Текстъ обстоятельно составленъ *И. П. Божеряновымъ*. Изданіе отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ для любителей художественныхъ произведеній и библиографическихъ рѣдкостей и, конечно, не въ далекомъ будущемъ будетъ составлять, въ свою очередь, рѣдкость. Гг. иногородные исключительно должны обращаться на имя г. *Безьерянова*: Спб., Вас. Островъ, 13 линія, собств. домъ, № 42, прилагая 3 р. за экземпляръ.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“
1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, га-зету „ДВЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія состав-ляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Отдѣлъ 6

ДВУХМАСЕНАГО

№ 190
Томъ 949
Городъ

ВЪ СЕБѢ СОДЕРЖИТЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

І Ю Н Ъ
1884 г.

Кіевъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1884 г.

	СТР.
I. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Продолженіе</i>). Д. Зваринцаго	177
II. СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Г. Ѳ. КВИТКИ. Н. Ѳ. Сумцова.	201
III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТИНО СКАГО. Сообщ. Н. Береза.	210
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. (<i>Продолженіе</i>)	241
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (<i>Продолженіе</i>)). И. Левицаго	267
VI. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана.	286
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ И. Лучицаго.	306
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—В. А.—б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—И. Л.—в) Каменецъ-Подольская гимназія—В. И.—г) О строящемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.—А. К.	315
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго.—И. Н. Божерянова.—б) <u>О нитрополитѣ Іосифѣ Синашкѣ</u> . (<i>Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти</i>).—Протоіерея <u>Александра Мацкевича</u> .—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ. А. Андріевскимъ—г) Малозвѣстный историческій родъ.—П. Китицына.—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія.—А. К.—Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсвѣтъ ложные слухи.—Сообщ. П. Е—кз.—е) Нѣкоторые мелочи изъ народныхъ преданій.—И. Орлова.—ж) Еще пѣсня о попадѣ, не влюбившей бороды. Сообщ. Г. С. Лебединецъ.—Некрологъ.	327
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (<i>Приложеніе</i>)	49—64

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старини“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

У2 AUG 29

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ІХ.

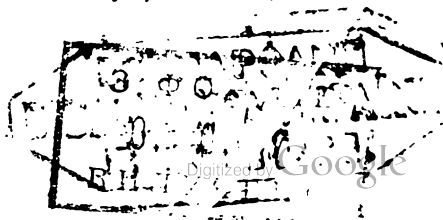
І Ю Н Ъ .

1884 Г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собствен. домъ.

З Ф О Н Д І В
В. Б. У.
В И Л У Ч Е Н О

Доволено цензурою. Кіевъ, 25-го мая 1884 года.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы рѣка. Борисеенъ, Данаприсъ, Узу¹⁾, Екси, Елексе, Елице, Ерексе, Ере-се, Лересе, Луосенъ, Змѣя-дѣвица, Змѣй-Горыничъ, Рѣка-Словута—юль болѣе или менѣе употребительныя названія этой знамени-той и прославленной рѣки.

Названіе ›Борисеенъ‹ мы встрѣчаемъ первѣе всего у греческаго историка Геродота: ›четвертая рѣка, Борисеенъ, по нашему мнѣнію, наибольшая и наибильнѣйшая не только изъ рѣкъ скиѣнскихъ, но и изъ всѣхъ другихъ, выключая египетскій Ниль, съ которыми нельзя сравнивать никакой другой. Изъ прочихъ-же Борисеенъ, конечно, есть наибильнѣйшій... Судоходенъ онъ до мѣста называемаго Герросъ, на четырнадцать дней плаванія, и знаемо, что течетъ съ сѣвера; выше-же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю скиѣновъ-земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія... Борисеенъ приближается къ морю, и съ нимъ соединяется Гипанисъ, изливаясь въ ту-же самую за-водь‹²⁾).

¹⁾ См. ›Кіевская Старина‹ 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

²⁾ Отсюда-же названія областей Іозы, Іозагъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго вся область, орошаемая Днѣпромъ, называется Ателькъ-Узу.

³⁾ Геродота Галикарпасскаго бытосказаній кн. 4., стр. 53.

Названіе *Boristhenes* имѣеть эллинскую фізіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива: *boreo stenos*.

Какъ и когда названіе ›Борисоенъ‹ замѣнилось названіемъ ›Данаприсъ‹—сказать нельзя; можно лишь думать, что это послѣднее слово образовалось изъ санскритскаго *duni* (русское *дѣн*) и окончанія *прис*, взятаго изъ Борис-оенъ (прис = порис = борисъ). *Duni* означаетъ вообще рѣку или текучія воды и служить корнемъ, кромѣ слова ›Днѣпръ‹, еще для словъ ›Донъ, Днѣстръ, Дунай‹; по крайней мѣрѣ въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ самая широта распространенія этого корня, такъ и слѣдующее выраженіе одной изъ малорусскихъ пѣсень:

Якъ пѣду я, якъ пѣду я по-надъ дунаями,

А тамъ стоитъ вода, вода стоянами¹⁾.

Также трудно опредѣлить, какіе изъ народовъ и когда именно дали Днѣпру названіе ›Узу или Озу‹ (›Большая рѣка‹); быть можетъ это имя сообщено ему тѣми узами или торками (еще иначе берендѣями), которые съ 914 г. по Р. Х. жили въ низовьяхъ Днѣпра по сосѣдству съ печенѣгами. Съ этимъ-же названіемъ Днѣпръ извѣстенъ и донинѣ турецко-татарскимъ народамъ.

Названія Днѣпра—Евси, Елексе, Елице, Ерексе, Ересе, Лересе, Луосень—сообщены ему венеціанцами и генуэзцами, имѣвшими съ XIII по XV вѣкъ въ низовьяхъ его свои колоніи; съ такими-же названіями извѣстенъ былъ Днѣпръ и итальянскимъ путешественникамъ разныхъ временъ, начиная съ XIV столѣтія и кончая XVI-мъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстные были: Піетро Висконти (1318), Иосафато Барбаро († 1434), Амброжіо Кантарини (1473), Граціозо Бенинказа (1480) и Синьорино Батисто (1505).

Наконецъ, что касается названій Днѣпра: ›Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горыничъ и Рѣка-Славута‹, то очевидно, что эти имена чисто славянскаго происхожденія и относясь собственно къ неопредѣленнымъ случайнымъ названіямъ, составляютъ въ поэтической рѣчи то, что называется украшающимъ эпитетомъ. Такъ Днѣпръ именовался въ сказкахъ и былинахъ, такъ величали его малороссійскіе и донскіе козаки.

¹⁾ Изъ пѣсень, записанныхъ мной въ с. Солнцева, харьковскаго уѣзда.

Какъ извѣстно, Днѣпръ беретъ свое начало у подошвы валдайской возвышенности; въ Черное море онъ впадаетъ такъ называемымъ лиманомъ. Все теченіе Днѣпра, слѣдуя по извилинамъ, опредѣляютъ въ тысячу восемьсотъ пятьдесятъ верстъ; изъ нихъ почти шестьсотъ верстъ приходилось на долю Запорожья, при чемъ въ предѣлахъ запорожскихъ Днѣпръ имѣлъ и наибольшую ширину, до 860 сажень, въ порожиистой его части ¹⁾, и наибольшую глубину, до 98 футовъ, ниже пороговъ, и наименьшую узкость, до 75 сажень, противъ теперешней колоніи Кичкасъ и наконецъ наибольшую быстроту теченія, отъ 100—150 сажень, на порогахъ. Своимъ теченіемъ Днѣпръ орошаетъ девять губерній: смоленскую, моголевскую, минскую, черниговскую, кievскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую. Общее направленіе теченія Днѣпра—съ сѣвера на югъ, но въ предѣлахъ Запорожья онъ течетъ сначала съ сѣвера на юго-востокъ, отъ г. Кременчуга до г. Екатеринослава или до лѣваго притока своего Самары; отсюда поворачиваетъ прямо на югъ и такъ течетъ до г. Александровска, екатеринославской губерніи, или до лѣваго притока Мокрой Московки; далѣе постепенно поворачиваетъ на западъ, до притока Базавлука съ правой стороны; здѣсь Днѣпръ течетъ свободно, потому нѣсколько тише и при средней величинѣ имѣетъ достаточную для судовъ глубину; отъ впаденія Базавлука до г. Берислава, херсонской губерніи, идетъ на юго-западъ и наконецъ отъ г. Берислава почти прямою линіей на западъ, до самаго Чернаго моря, съ которымъ соединяется при посредствѣ такъ называемаго лимана ²⁾, начинающагося на 15 верстъ ниже г. Херсона и имѣющаго 60 верстъ длины и отъ двухъ до десяти ширины. Особенность составляютъ Днѣпра на сѣверѣ запорожскихъ владѣній *пороги*, а на югѣ *плавни*. Днѣпровскіе пороги извѣстны были уже древнему писателю греческому императору Константину Багрянородному (905—959), затѣмъ послу нѣмецкаго императора Рудольфа II, Эриху Ляссотѣ, французскому инженеру де-Боплану и другимъ. Поро-

¹⁾ Если не брать во вниманіе ширину между Киябурномъ и Очаковымъ, которую опредѣляютъ десятью верстами.

²⁾ Царевна Анна Коппенъ Днѣпровскій лиманъ именуетъ Оло-лимна. Лиманъ, Ильмень, отъ греческаго λίμνη—озеро, прудъ.

гами называются гряды гранитныхъ камней, брошенныхъ поперекъ русла рѣки въ нѣсколько рядовъ, или *лазъ*, одинъ ниже другаго, на подобіе уступовъ или террасъ; причемъ одни изъ нихъ лежатъ подъ водою, другіе расположены въ уровень, третьи высятся надъ ней; по величинѣ пороги похожи на громадныя дома, а по своей скученности напоминаютъ естественныя плотины, запружающія рѣку. Вода имѣетъ здѣсь самое сильное, стремительное движеніе, что происходитъ отъ постоянного восхожденія ея на пороги и нисхожденія; отъ этого-же за каждымъ порогомъ образуется особенно глубокое и широкое мѣсто, называемое у мѣстныхъ жителей *плесомъ*. Въ весеннее время всѣ пороги покрываются водою, исключая одного Ненасытецкаго, который при всякомъ половодіи остается выше воды. Отъ пороговъ отличаютъ еще *заборы*; это тѣже дикіе гранитныя камни, но только занимающіе часть русла рѣки и, по преимуществу, отъ праваго берега ея; заборы очевидно, въ противоположность порогу, оставляютъ свободный проходъ по рѣкѣ. Днѣпръ уже въ началѣ своего теченія, отъ смоленской губерніи до границы кievской съ полтавскою, несвободенъ отъ различныхъ камней и заборъ; еще менѣе онъ свободенъ отъ границы кievской съ полтавскою и до екатеринославской губерніи; на этомъ прострaпствѣ Днѣпръ имѣетъ семь заборъ, большую скалу, вдающуюся въ рѣку двумя камнями, пять пороговъ, два острова съ каменистыми заборами, девять большихъ камней среди рѣки и нѣсколько мелей. Но настоящая порожистая часть Днѣпра находится тотчасъ за Екатеринославомъ. » Днѣпръ въ своихъ низовьяхъ долженъ пролагать путь чрезъ гранитную поверхность, идущую отъ Карпатскихъ горъ и исчезающую въ своемъ направленіи къ востоку, гдѣ камень не является болѣе массою, а образуетъ слои, кои, совершенно отвѣсно или полу-отвѣсно простираясь на югъ, теряются въ низкихъ мѣстахъ. Здѣсь находятся такъ называемыя Днѣпровскіе пороги. Этыхъ пороговъ нельзя назвать собственно водопадами, потому что здѣсь вода не низвергается съ высокихъ крутизнь, а стремится только чрезъ камни, преграждающіе ея путь. Эти пороги составляютъ твердые слои изъ гранитной поверхности; подобно комнатнымъ порогамъ они выходятъ изъ разнообразно-наклоненнаго русла рѣки и въ видѣ многихъ скалъ и утесовъ торчатъ то въ небольшой глубинѣ, то выдаются на поверхности воды, то подни-

маются высоко надъ оною, образуя болѣе или менѣе правильные ряды скалъ, между коими рѣка должна пробиваться. Одни изъ такихъ мѣстъ занимаютъ (по теченію рѣки) нѣсколько только шаговъ, а другіе версту и болѣе. Такіе-же ряды скалъ лежатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ всей рѣки; вотъ эти и называются по преимуществу порогами; другіе-же занимаютъ только часть русла, оставляя мѣсто для прохода, и въ этомъ случаѣ называются заборами. Пороги искони были важнымъ препятствіемъ для судоходства по Днѣпру. Суда, да и то небольшія, могли ходить внизъ по Днѣпру, а по нуждѣ и вверхъ, только въ весеннее время; но лѣтомъ и осенью, когда фарватеръ имѣлъ по большей мѣрѣ два фута, проводить чрезъ пороги, даже и порожнія, суда не было никакой возможности. По этой причинѣ, товары, идущіе въ Херсонъ или Кинбурнъ, выгружались у Старой Самары и перевезились 70 верстъ сухимъ путемъ до стоящей при устьѣ р. Московки вѣрности Александровской, гдѣ опять нагружались на суда и шли до устья Днѣпра, не встрѣчая нигдѣ препятствій^{*)}.

Хотя Днѣпръ зачастую любитъ мѣнять свое русло, заеывая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ; а на порогахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ не измѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждаетъ насъ и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня... Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водянаго сообщенія Днѣпромъ, и тогда-же послѣдовали попытки къ улучшенію пути чрезъ пороги. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытецѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооруженій, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хорошій, но очень узкій. Но фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1833 разрѣшено улучшение пути чрезъ

^{*)} Лербергъ. Исслѣдованія къ объясненію древней Россійской исторіи, стр. 265—276.

пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоющіе казнѣ, кажется, два милліона¹⁾).

Въ 1782 году русскому путешественнику Василию Зуеву удалось присутствовать при сооруженіи Фалѣевскихъ каналовъ, и вотъ какъ онъ описываетъ это дѣло: > Истребленіе такового по рѣкѣ неудобства (отъ пороговъ) въ разсужденіи плаванія было въ мысляхъ и у блаженный памяти Петра Великаго; но сей государь, будучи занятъ другими дѣлами и видя, что по тогдашнему времени еще нельзя Россіи надѣяться той пользы, какой-бы отъ толикаго труда ожидать надлежало, начатое чищеніе оставилъ. Нынѣ г. Фалѣевъ, видя важность такового прочищенія, взялъ на себя исправить оное своимъ иждивеніемъ и, справедливо, успѣлъ довольно, а можетъ быть и совершенно-бъ окончилъ, еслибъ твердое на то намѣреніе положено было. Онъ по всѣмъ опаснымъ порогамъ срываетъ верхи торчащихъ подъ водою каменьевъ, просверливая оныя и заряжая порохомъ посредствомъ нарочно здѣланныхъ изъ жести длинныхъ трубокъ. Труднѣйшая работа есть бурить камни подъ водою, и по тому не безъ ужасу смотрѣть должно, какъ салдаты и работники, по два человекъ на плотикѣ, зацѣпясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидятъ какъ чайки и долбятъ въ оной. Продолбивши на извѣстную глубину, становятъ жестяную съ порохомъ трубку, къ коей приложатъ фитиль отплывають. По прошествіи нѣкотораго времени разрываетъ камень подъ водою и оныя обломки работники послѣ подбирая должны вывозить на берегъ... Всѣ принадлежащія къ сей работѣ орудія заказываетъ онъ дѣлать въ Тулѣ, откуда выписываетъ и мастеровыхъ людей. Работниковъ, по разнымъ порогамъ разпредѣленныхъ, всѣхъ числомъ бываетъ отъ полутора ста до трехъ сотъ человекъ, смотря по времени и нуждѣ. Мнѣ сказывали, что всѣ издержки по порогамъ на жалованье, за работу, инструменты и прочія надобности становятся г. Фалѣеву въ рабочій мѣсяцъ до десяти тысячъ рублей; но работа производится токмо въ извѣстные мѣсяцы, когда самая малая вода бываетъ²⁾).

¹⁾ Афанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію. Спб., ч. I, стр. 77 и 82.

²⁾ Путешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 256—258.

По точному измѣренію все порожистое пространство Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ занимало шестьдесятъ пять верстъ и двѣсти семьдесятъ шесть съ половиною сажень; первый порогъ начинается на 50 географическихъ миль ниже Кіева, на семь верстъ ниже теперешняго г. Екатеринослава, противъ селенія Старыхъ-Кайдакъ, на правомъ берегу Днѣпра и нѣсколько ниже устья притока Днѣпра, Самары, на лѣвомъ берегу, а послѣдній кончается на восемь верстъ выше Александровска, екатеринославской губерніи, противъ хутора Маріентала, на правомъ берегу. Число всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ у различныхъ писателей показывается различно: у греческаго императора Константина Багрянороднаго насчитывается семь¹⁾, у Лерберга двѣнадцать, у Эриха Ляссоты, Боплана, въ древней російской гидрографіи, по связкѣ запорожскихъ черкасъ и въ книгѣ Большаго Чертежа—тринадцать (между порогами Лишнимъ и Вѣльнымъ вставленъ Таволжаннѣй), въ атласѣ Днѣпра 1784 г. одиннадцать²⁾, въ гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ девять; въ настоящее-же время всѣхъ пороговъ считаютъ девять и столько-же заборъ. Порядокъ ихъ слѣдующій. Порогъ *Кайдацкій* по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Койдацкій у Лерберга и въ атласѣ Днѣпра; Кадакъ въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ессуи, по славянски, у Константина Багрянороднаго. Онъ находится противъ села Старыхъ-Кайдакъ (екатеринославскаго уѣзда) съ правой стороны и противъ деревни Чаплей съ лѣвой. Кайдацкій порогъ падаетъ четырьмя лавами или уступами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мишиной, съ правой стороны на протяженіи 240 сажень, а съ лѣвой на протяженіи 255, имѣя слѣва-же искусственный каналъ. Средняя глубина Днѣпра передъ Кайдацкимъ порогомъ восемь сажень, а ниже, въ плесѣ 12, 5 сажень; паденіе воды 0,91 сажень. Кайдацкій порогъ считается самымъ большимъ послѣ Ненасытецкаго. *Сурскій* порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается за-

1) De administrando imperio, cap. IX. О Россахъ, которые изъ Россіи приходятъ на челнахъ въ Константинополь; изд. Бон., 74—77.

2) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876, стр. 132.

борой, находится между южнымъ концомъ острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, на семь верстъ ниже Кайдацкаго; падаетъ двумя лавами: Чугунной и Бондаревой; справа на протяженіи 48 сажень, а слѣва на протяженіи 34, имѣя слѣва же каналъ; паденіе воды на порогѣ 0,24. *Лоханскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Лоханной въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ульворси по русски, Островуни—прагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ противъ острова Лоханскаго, въ полуверстѣ отъ Сурскаго порога, немного выше села Волошкаго, съ правой стороны; падаетъ тремя лавами: Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; длина съ праваго берега 127 сажень, съ лѣваго 78, съ лѣваго-же берега каналъ; паденіе воды 0,77 сажени. *Звонецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра и по атласу; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга (поставленъ пятымъ по счету); Звонецъ въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кайдацкаго); Геландри по русски, Шумъ порога по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ между устьемъ Звонецкой балки и селомъ того-же имени, съ правой стороны, на пять верстъ ниже Лоханскаго; падаетъ четырьмя лавами: Плоской, Черной, Глухой, Кобылиной; длина справа 87 сажень, слѣва 102; у лѣваго же берега каналъ; паденіе воды 0,72 саж. *Ненасытецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Ненасытецъ въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Айфаръ по русски, Неасить по славянски, у Константина Багрянороднаго¹⁾; расположенъ между селомъ Николаевкой (Синельниково тожъ), съ правой стороны, и деревней Васильевкой, съ лѣвой, на шесть верстъ ниже Звонецкаго села; состоитъ изъ двѣнадцати лавъ съ особымъ названіемъ каждая: Рваная, Служба, Остренькая, Одинцовская, Рогожная, Буравленная, Булгарская или Богатырская, Долгополая, Казенцова, Мокрыя Клади и Рогатая. Длина порога съ правой стороны равняется 1150 сажень, а съ лѣ-

¹⁾ Τον τέταρτον φραγμόν τὸν μέγαν τὸν ἐπιλεγόμενον Ρωσίστι μὲν, Ἀιψάρ· Σκλαβινιστὶ δὲ, Νεασήτ. De admin. imperio, 7477.

вой 499 с., съ лѣвой-же стороны каналъ; наибольшая глубина, за исомъ Монастырькомъ, двадцать сажень; паденіе воды 2,78 сажень. Порогъ Ненасытецкій самый грозный и самый знаменитый изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ. »Здѣсь скалы и каменистыя илы, дикимъ образомъ перемѣшанныя между собою, занимаютъ почти цѣлую версту, и въ прежнія времена даже избыльнѣйшая водою весна не уменьшала опасности, которою онѣ и стремленіе волнъ угрожали судамъ¹⁾. »Не доѣзжая за версту или болѣе до Ненасытецаго порога, выходитъ съ правой стороны каменной мысъ, отъ котораго такаяже каменистая коса продолжается въ Днѣпръ почти до половины, а при концѣ оныя имѣются два острова, покрытые деревьями и соединенные между собою также переборомъ. Сколько воды перебирается по сей косѣ и между островами, больше того Днѣпръ устремляется за дальнѣйшій островъ къ лѣвому берегу, а какъ пониже онаго выходитъ также гребень камней отъ лѣваго берегу и простирается чрезъ всю рѣку, то стремленіе воды и направляется отъ лѣвой стороны къ правой почти поперегъ рѣки; а какъ правой беретъ состоитъ весь изъ камню, то остановившись у онаго, принуждена съ великимъ стремленіемъ и шумомъ перебираться по торчащимъ изъ подъ воды камнямъ и съ оныхъ сверхъ того еще ударяться въ выдавшійся въ рѣку нарочито далеко, ниже настоящаго порога, каменной мысъ, извѣстной здѣсь подъ именемъ Монастырки. Такимъ образомъ опасность на семъ порогѣ состоитъ въ большую воду (ибо въ малую и совсѣмъ проѣхать невозможно) сколько въ торчащихъ подъ водою большихъ и при томъ острыхъ камняхъ, здѣсь потому шипами и называемыхъ, нашедшее на ихъ судно раздирающихъ, столько и въ стремленіи воды, которая обыкновенно наноситъ на упомянутый пагубный мысъ Монастырку²⁾. Уже за нѣсколько верстъ даетъ знать о себѣ Ненасытецъ страшнымъ шумомъ, водяной пылью и бѣлой пѣной, расходящимися отъ него въ разныя стороны; здѣсь вода, какъ-бы заключенная въ тиски между громадными скалами, идущими дугообразно отъ одного берега къ другому, стремится вырваться изъ нихъ,

¹⁾ Лербергъ. Исслѣдованія къ объясненію древней россійской исторіи, 268—276.

²⁾ Зуевъ. Путешеств. зап. Спб. 1787 г. 254—255.

отчего сильно волнуется, ударяется въ разныя стороны и образуетъ водовороты или пучины, одна изъ коихъ носить страшное названіе *пекла*. По всему этому быстрота теченія здѣсь такъ велика, что суда все разстояніе Ненасытецкаго порога, отъ начала и до конца, что составляетъ до двухъ верстѣ длины, пробѣгаютъ всего лишь въ полторы минуты или даже и того меньше. Свое названіе *Неасыт* порогъ получилъ отъ птицы неасита или неасита (родъ пеликана), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ¹⁾; теперь Ненасытець въ просторѣчии называется »Дѣдомъ« и, какъ прежде, считается опаснѣйшимъ изъ пороговъ. »Страшный шумъ, зачастую слышимый еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытець, и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплѣски волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между камнями. Сверху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытець представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ камня. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду. У Ненасытеца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣлствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибрежью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса Монастырки, который перерѣзанъ Фалѣвскимъ каналомъ, существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія: одно, что сюда сходила императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы ѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли, какъ

¹⁾ Διότι φηλεούσιν οἱ πελεκάνοι εἰς τὰ λιθάκια τοῦ φραγμοῦ.

у ногъ ихъ било плоты о каменя*¹⁾. *Волнискій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Волницкй по атласу Днѣпра; Волный или Волнинскй у Лерберга; Волнѣгъ въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Варуфорось по русски, Вулнипрагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на тринадцать верстъ ниже Ненасытецкаго, противъ села Волнѣги, съ правой стороны, и на три съ половиной версты ниже острова Дубоваго; падаетъ четырьмя лавами: Близнюками, Плоской, Грозной и Помѣйницей; протяженіе у лѣваго берега 235 сажень, у праваго 270; паденіе воды 1,14 саж. Послѣ Ненасытецкаго это самый опасный порогъ; на языкѣ мѣстныхъ жителей носить названіе »Внука«. *Будилловскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскй въ атласѣ Днѣпра; Будильскй или Будинскй у Лерберга; Будило въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Леанти по русски, Веручи (»кипѣніе воды«) по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волнигскаго, нѣсколько выше острова Перуна, противъ хутора Надеждовки съ лѣвой стороны; падаетъ двумя лавами: Тыриной и Созоновой; протяженіе съ праваго берега 187 саж., съ лѣваго 102 сажня; паденіе воды 0,49 с. *Личинй* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Личной по атласу Днѣпра; Личный у Лерберга; Лычна въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Струвунъ по русски, Напрези по славянски (»что означаетъ маленькй порогъ«), у Константина Багрянороднаго; расположенъ на четырнадцать верстъ ниже Будилловскаго, противъ острова Кухарева, нѣсколько ниже села Игнатовки, съ правой стороны, и села Андреевскаго, съ лѣвой; падаетъ двумя лавами: Плоской и Швайчиной; длина съ праваго берега 220 саж., съ лѣваго 87; паденіе 0,21 с. *Вильный* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Вольной въ атласѣ Днѣпра, въ древней російской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Вольный у Лерберга; у Константина Багрянороднаго пропущенъ; у мѣстныхъ жителей Гадючй; находится въ пяти съ половиной верстахъ ниже

¹⁾ Аванасевъ-Чужбинскй. Поѣздка въ южную Россію. Спб. 1863, I, 100, 103 и 104.

Лишняго, противъ скалы Волчьяго Горла и хутора Маріентала и выше острововъ Прусова, Лантуховскаго и Гавина съ правой стороны; падаетъ шестью лавами: Сѣренькой, Похилой, Радовой, Переймой, Волчимъ Горломъ и Шинкаревой; длина съ праваго берега 464 саж., съ лѣваго 380; паденіе воды 1, 35 саж. Вотъ число и порядокъ Днѣпровскихъ пороговъ. Что касается днѣпровскихъ заборъ, то древніе изслѣдователи говорятъ лишь о четырехъ, тогда какъ новѣйшіе насчитываютъ ихъ до десяти, по крайней мѣрѣ изъ болѣе значительныхъ¹⁾. *Каменская* забора, у древнихъ писателей неизвѣстная, находится выше Кайдацкаго порога, ниже села Старыхъ Кайдакъ, съ правой стороны. *Волошинова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Волошина въ атласѣ Днѣпра; у Лерберга Волшина или Яцкая; у Боцлана порогъ; въ древней россійской гидрографіи Звонецъ; находится на двѣ съ половиной версты ниже Кайдацкаго порога, противъ с. Любимовки; мѣстное названіе Волошиновой заборы—Синельникова. *Стрѣльчья* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Стрѣльчатая въ атласѣ Днѣпра; Стрѣльчій порогъ (по счету пятый) въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Стрѣльчій порогъ у Лерберга (по счету четвертый; вторая забора у него Кривая, которую онъ помѣщаетъ въ 330 сажняхъ ниже Сурскаго порога); находится ниже Волошиной заборы у лѣваго берега рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Лоханскаго порога. *Тягинская* забора у новыхъ изслѣдователей; Технинскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Технинскій или Княгининъ порогъ у Лерберга; Княгининскій порогъ въ атласѣ Днѣпра; Княгининъ порогъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится въ пяти верстахъ ниже Звонецкаго порога, отъ праваго берега Днѣпра. *Бляева* забора у новыхъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится ниже Ненасытцакаго порога, отъ праваго берега рѣки. *Воронова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ атласѣ Днѣпра; порогъ Воронова забора въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится ниже с. Войсковой, съ пра-

¹⁾ Гуровъ считаетъ семь, но приводитъ больше. Къ геологій екатеринославской и харьковской губерній. Харьковъ 1882 г. стр. 11.

ваго берега Днѣпра, между порогами Ненасытедимъ и Волнигскимъ. *Таволжанская* гряда, въ древней російской гидрографіи Таволжанскій порогъ, въ атласѣ Днѣпра Таволжонскій порогъ-же, въ остальныхъ пропущенная; лежитъ ниже Волнигскаго порога, противъ деревни Языковой. *Кривая* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и у Лерберга; безъ имени въ атласѣ Днѣпра; находится противъ д. Свистуновой, ниже острова Песковатаго. *Скубова* или *Коростева* забора у новѣйшихъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится противъ острова Дубоваго, съ праваго берега рѣки. *Крячиная* забора у южнаго конца острова Дубоваго и *Просулна*, ниже Крячиной.

Такова особенность верхней или сѣверной части Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ. Что касается средней и нижней или южной части его, то здѣсь особенность его состоитъ въ такъ называемыхъ *плавняхъ*. Плавни—это низменные долины по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытыя сочной травой, высокимъ камышомъ и разнаго рода, по преимуществу мягкой породы, деревьями: особенно, вербой, шелковицей, ивой и рѣдко дубомъ; въ весеннее время и въ особенно дождливую осень плавни сплошь затопляются водой, лѣтомъ же онѣ почти сухія, исключая самыхъ низменныхъ мѣстъ, наполненныхъ водой и представляющихъ изъ себя рѣчки, озера и болота. Плавни образуются изъ песка, наносимаго теченіемъ самой рѣки, ила, земли и корней болотныхъ растений; онѣ придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и напоминаютъ собою столь-же живописные и величественные цвѣтники по многочисленнымъ рѣчкамъ и озерамъ около Мексики. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣетъ больше плавень, нежели правый; это происходитъ отъ различныхъ положеній того и другаго берега: правый берегъ высой, и потому поемныхъ мѣстъ здѣсь немного, только около Ново-Воронцовки и села Голой-Грушевки, екатеринославскаго уѣзда, онъ въ зелени: здѣсь вышли низменности; лѣвый берегъ отлогъ и потому плавни находятся здѣсь уже начиная отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска екатеринославской губерніи, и идутъ съ небольшимъ перерывомъ до впаденія Днѣпра въ Лиманъ. Число плавень на Днѣпрѣ ежегодно увеличивается, и это единственно оттого, что Днѣпръ своимъ теченіемъ постоянно рѣжетъ правый берегъ свой и обрушивающуюся землю выноситъ или на средину,

образуя тамъ разной величины песчаные острова, или-же, и всего чаще, на противоположный, лѣвый берегъ свой; отъ этого-то и получаютъ днѣпровскіе плавни. »Освободясь отъ гранитныхъ береговъ и миновавъ Александровскъ, Днѣпръ принимаетъ совершенно другой видъ: долина его расширяется на большое пространство, и самая рѣка течетъ между такъ называемыхъ плавней, придающихъ ей много живописности, а владѣльцамъ приносящихъ значительныя выгоды. Плавни эти были извѣстны и въ глубокой древности подъ именемъ Гилеи, что можно найти у Геродота. Плавни изобилуютъ лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоровымъ, но на нихъ произрастаетъ и лоза, въ большомъ количествѣ,—матеріалъ столь необходимый въ крестьянскомъ быту для огорожи. Плавни во время засухи доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей новороссійскаго хозяйства. Какая-бы ни была засуха, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ неощутительна; здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности, и на этихъ пышныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами, и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди, даже и въ то время, когда въ степи ихъ не бываетъ совершенно¹⁾. Самая обширная изъ днѣпровскихъ плавней—это такъ называемый Великій-лугъ, мѣсто воспѣтое и прославленное запорожцами: »Січъ—мати, и Великій-лугъ—батько« было на устахъ у каждаго запорожца, не вѣдаваго въ своей средѣ »ни неньки ридненькой, ни сестры жалибненькой, ни дружины вирненькой«. Знаменитый Великій-лугъ начинался, по теперешнему, непосредственно отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска, екатеринославской губерніи, и тянулся внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра черезъ деревню Николаевку, село Балабино-Петровское, сл. Кушугумовку, Малую-Катериновку, Царицынъ-Куть и Васильевку, станцію нынѣшней Лозово-Севастопольской желѣзной дороги; длина всей этой плавни опредѣлялась сорока верстами, ширина—отъ шести до двадцати: Великій-лугъ образуется притокомъ Днѣпра,

¹⁾ Аванасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію, ч. I, стр. 154.

Конкой, впадающей въ него впервые выше мѣстечка Никополя, потомъ выходящей изъ Днѣпра и затѣмъ снова сливающейся съ нимъ,—такъ до семи разъ.

Кромѣ плавень, пороговъ и заборъ Днѣпръ въ запорожскихъ предѣлахъ отличался еще *корчами* и *островами*. Корчи, или по мѣстному *хóлуи*, суть не что иное, какъ подводные пни, загромаждающіе дно Днѣпра и то совершенно скрывающіеся въ водѣ, то на нѣсколько футовъ возвышающіеся надъ ней. Онѣ наносятся въ рѣву весеннимъ разливомъ воды изъ днѣпровскихъ-же плавень: все дѣло въ томъ, что въ плавняхъ иногда по десяткамъ и сотнямъ лѣтъ, вслѣдствіе непроходимыхъ болотъ, остаются несрубленными вербы или осокори; такъ они вырастаютъ, старѣются и потомъ падаютъ на землю, затѣмъ захватываются весеннимъ разливомъ и выносятся въ Днѣпръ; въ Днѣпрѣ-же они ложатся или цѣлымъ деревомъ, или только вѣтвями, или-же одними пнями, во всякомъ видѣ называясь корчами или хóлуями. Холуи начинаются уже тотчасъ ниже Никополя, мѣстечка екатеринославскаго уѣзда, и попадаютъ до г. Берислава, херсонской губерніи, отсюда до Херсона встрѣчаются рѣже, а между Херсономъ и Лиманомъ уже совсѣмъ исчезаютъ. Что касается острововъ въ запорожскихъ предѣлахъ, то Эрихъ Ляссота, въ XVI столѣтіи, насчитываетъ ихъ до восемнадцати¹⁾, Бопланъ, въ XVII столѣтіи, опредѣляетъ число ихъ девятнадцатью²⁾, атласъ Днѣпра, въ XVIII столѣтіи, показываетъ девяносто девять³⁾, роспись 1697 года считаетъ ихъ тридцать семь⁴⁾, а г. Бухтѣвъ, въ наше время, находитъ ихъ девяносто четыре⁵⁾; въ дѣйствительности-же число острововъ въ запорожскихъ владѣніяхъ восходитъ далеко больше ста. Вотъ перечень болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. *Романовъ* островъ, извѣстный подъ этимъ именемъ уже Боплану, находится ниже теперешняго села Романова, выше г. Екатеринослава; имѣетъ въ длину три съ половиной версты, а въ ширину полтора шаговъ; въ весеннее время сплошь

¹⁾ Путевыя записки Эр. Ляссоты. Одесса. 1873 г., стр. 27—30; 52—53.

²⁾ Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., 17—30.

³⁾ Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ. 1876 г., стр. 131—134.

⁴⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. III, стр. 572—576.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 389—494.

затопляется водой. *Монастырскій*, иначе Потемкинъ, Прозоровскій, Бураковскій островъ, лежитъ у Екатеринослава, противъ сада Потемкина; длина острова—одна съ осьюмой, ширина—четверть версты, островъ крутой скалистый, возвышающійся съ южной стороны отъ 25 до 30 футовъ отъ уровня водъ и замѣчательный тѣмъ, что уже въ IX ст. его избрали мѣстомъ жительства греческіе монахи—аскеты, выходцы изъ Константинополя; красивое мѣстоположеніе и богатая природа острова понравились монахамъ и они избрали его мѣстомъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Въ 957 г. островъ Монастырскій посѣтила великая княгиня кievская Ольга; плывя въ Царьградъ, она долго проживала на этомъ островѣ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся жестокой бури и устраивая свою дружину-стражу для предотвращенія нападенія со стороны хищныхъ печенѣговъ. Въ 988 г. на островѣ Монастырскомъ останавливался великій князь кievскій Владиміръ, когда съ многочисленною дружиною своею плылъ по Днѣпру изъ Кіева въ Херсонъ или Корсунь, объявивъ войну грекамъ¹⁾. *Воронцовскій*, или въ старину Чортовъ островъ, непосредственно за Монастырскимъ; въ длину имѣетъ полъ-версты, въ ширину—одну осьмую; въ давнее время онъ составлялъ одно цѣлое съ Монастырскимъ островомъ. *Становой* островъ, противъ предмѣстья г. Екатеринослава Мандрыковки, имѣетъ длины три съ половиною версты, ширины одну съ осьюмой версты. *Сурскій* островъ, противъ порога Сурскаго и выше села Волошскаго, имѣетъ длины двѣ съ половиною версты, ширины полъ-версты. *Козловъ* и *Ткачевъ* острова, нѣсколько выше Ненасытцеваго порога; въ лѣвому берегу Днѣпра, расположены о боѣ одинъ возлѣ другаго; первый имѣетъ длины одну съ четвертью версты при одной пятой ширины, а второй три четверти длины при одной шестой ширины. *Перунъ* островъ и *Ревунъ*, оба ниже Будиловскаго порога, замѣчательны, особенно первый, возвышенностью и крутизной своихъ береговъ. *Дубовый - большой* островъ лежитъ противъ д. Свистуновой съ лѣвой стороны и с. Петровскаго съ правой, выше Волнигскаго порога; длина четыре версты, ширина его полъ-версты. *Таволжанскій* островъ, ниже порога Будиловскаго, противъ сл. Авгу-

¹⁾ Θεοδοσίη. Историческій обзоръ православной церкви въ предѣлахъ екатеринославской епархіи, Екатеринославъ. 1876 г., 17—19.

стиновки съ правой стороны и колоній Черевко, Тарана и Реуна съ лѣвой; длина острова—три версты, ширина—три четверти. *Бобротый* и *Аврамовъ* острова, ниже Таволжанскаго, небольшіе, но чрезвычайно живописные по своему мѣстоположенію. *Кухаревъ* островъ или Кашеварница, лежитъ ниже Липняго порога, противъ с. Андреевки, съ лѣвой стороны; длина—двѣ версты, ширина—одна съ пятой. *Гавинъ* островъ, ниже Кухарева; длина—полторы версты, ширина—одна пятая версты. *Лантуховскій* островъ, ниже Кухарева острова и выше Вильнаго порога; длина—двѣ съ четвертью версты, ширина—одна треть версты. *Дубовый-малый* островъ, лежитъ выше деревни Маркусовой съ лѣвой стороны; длина—одна пятая версты, ширина—одна седьмая. *Вербовый* островъ лежитъ ниже пороговъ; длина—одна верста, ширина—три пятыхъ версты. *Федоришинъ* островъ, противъ колоніи Кичкасъ, небольшой, песчаный. *Дубовый* островъ, противъ сѣвернаго угла острова Хортицы, скалистый и возвышенный; длина—полверсты, ширина—одна треть версты. *Хортицкій* островъ, противъ Вознесенска и г. Александровска, ниже колоніи Кичкасъ; самый большой и величественный изъ всѣхъ дѣпровскихъ острововъ; въ длину имѣетъ десять съ половиной верствъ, въ ширину отъ полуторы до трехъ, въ окружности двадцать четыре съ половиной версты. Вся площадь острова заключаетъ въ себѣ 2547 десятинъ и 325 сажень. Первыми свѣдѣніями о Хортицкомъ островѣ мы обязаны греческому императору, Константину Багрянородному, у котораго онъ называется островомъ св. Григорія. > Прошедъ это мѣсто (Крарійскую переправу или теперешній Кичкасъ), они (русскіе) пристають къ острову, который называется именемъ св. Григорія¹⁾. На этомъ островѣ приносятъ они свою жертву, потому что тамъ стоитъ отмѣнной величины дубъ. А приносятъ они въ жертву живыхъ пернатыхъ; также ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные (кладутъ) куски хлѣба и мяса, или что у кого есть и какъ то у нихъ водится. Также мечутъ жребій о пернатыхъ, убивать-ли ихъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ*. Въ русскихъ лѣтописяхъ Хортица именуется Варяжскимъ островомъ²⁾; въ книгѣ Большаго Чертежа—

¹⁾ μετὰ δὲ τὸ διαλθεῖν τοιοῦτον τόπον, τὴν νῆσον τὴν ἐπιλεγμένην ὁ ἅγιος Γρηγόριος καταλαμβάνουσιν. De admin. impreg., cap. XI, 74—77.

²⁾ Лѣтоп. по Ипатск. списку. Спб. 1871 г., стр. 495.

Хиртицей¹⁾, въ атласѣ Днѣпра 1784 года Хитрицкимъ островомъ²⁾, а въ лѣтописи Ригельмана—Хордецкимъ (I, 20). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Хортицкій островъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени сѣчь Хортицкая, основаніе которой намѣчено было уже въ 1556 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, но прочно утверждено въ 1618 году гетманомъ Петромъ Конашевичемъ—Сагайдачнымъ, который приказалъ своимъ казакамъ обвести островъ землянымъ окопомъ и деревяннымъ частоколомъ или *застюю*, отъ чего ужъ тогда это укрѣпленіе получило свое названіе *Сѣчи*. Хортицкую Сѣчь запорожскіе козаки два раза устраивали и два раза оставляли. Въ настоящее время на островѣ Хортицѣ отъ пребыванія козаковъ сохранились большія укрѣпленія и четыре кладбища, въ сѣверной части острова. Теперь островъ принадлежитъ нѣмцамъ-менонитамъ, выходцамъ изъ Данцига, поселившимся здѣсь ровно черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Сѣчи (1775—1789). *Канцерскій* островъ или, по Эриху Лассотѣ, Малая Хортица; лежитъ въ старомъ руслѣ Днѣпра, охватывающемъ Большую Хортицу съ западной стороны, нѣсколько ниже такъ называемой Царской пристани; островъ заключаетъ въ себѣ двѣнадцать десятинъ и тысячу двѣсти квадратныхъ сажень земли. На немъ, какъ и на Большой Хортицѣ, отъ козаковъ остались слѣды укрѣпленій еще отъ 1556 года. *Розтѣбинъ* островъ въ новомъ руслѣ Днѣпра, противъ с. Вознесенки; островъ низменный, песчаный; длина—полверсты, ширина—три версты³⁾. *Неналивачъ* островъ выше села Бѣленькаго; имѣетъ въ длину три версты, а въ ширину три пятыхъ. *Великій* островъ, длины, по Боплану, около двухъ миль, а ширины—полторы версты; находится противъ села Верхней-Тарасовки съ правой стороны, и противъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки съ лѣвой. Въ весеннее время затопляется весь, кромѣ одной средины. *Гійный*, *Круглый* и *Варавинъ* острова; всѣ, три противъ села Голой-Грушевки, изъ нихъ первый и третій имѣютъ по двѣ версты длины, при одной верстѣ ширины, а второй одну съ двумя

¹⁾ Книга, глагол. Больш. Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 100.

²⁾ Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

³⁾ Возлѣ Розтебина острова былъ еще островъ Дубовый, но онъ года три тому назадъ смытъ водой; на островѣ былъ большой дубовый лѣсъ, мельница, даже шивокъ, но все это не удержало островъ отъ размытія водой.

тремя версты длины при двух третяхъ ширины. *Красный* островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки; имѣетъ длины двѣ версты, ширины—двѣ пятахъ. *Томаковский*, Буцкій, Днѣпровскій, или по теперешнему Городище островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки, лежитъ въ днѣпровской низменности, на сѣверъ отъ русла самой рѣки; имѣетъ длины въ окружности шесть верстъ, въ поперечникѣ двѣ версты, а всей площади двѣсти девяносто пять десятинъ земли. Замѣчательнѣе тѣмъ, что на немъ была вторая по счету запорожская сѣчь, Томаковская, основанная или въ 1556 году, одновременно съ Хортицкой, или около 1568 года; отъ пребыванія здѣсь козаковъ сохранились и до сихъ поръ окопы, могилы и небольшое кладбище на южной и сѣверной окраинахъ острова. *Орловъ* островъ, лежитъ противъ мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, бывшаго у запорожцевъ Микитина; длина до полуторы версты, ширина до полуверсты. На полтора саженъ ниже острова Орлова, отъ праваго берега Днѣпра, выдавался въ старину большой мысъ, называвшійся у запорожцевъ Микитинъ Рогъ; на этомъ то Микитиномъ Рогѣ была третья по счету запорожская сѣчь, Микитинская, о которой теперь осталось едва слабое воспоминаніе, такъ какъ мысъ уже лѣтъ сорокъ тому назадъ смытъ водой и самое кладбище запорожское и небольшая каплица, бывшія на немъ, вмѣстѣ съ гробами пошли въ Днѣпръ. Микитинская сѣчь памятна пребываніемъ на ней въ одно время знаменитаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Здѣсь Хмельницкій нашелъ себѣ покровительство у запорожцевъ, когда бѣжалъ изъ старой Малороссіи отъ преслѣдованія польской власти; здѣсь онъ былъ покрытъ, по козацкому обычаю, шапками, то есть избранъ гетманомъ всей Украины; отсюда-же онъ началъ и свой славный походъ противъ поляковъ. *Холодный* или, по Боплану, Большой островъ; лежитъ противъ д. Капуливки и устья рѣки Чортомлыка, въ правому берегу Днѣпра; имѣетъ длины полуторы версты, ширины—одну пятаю; на немъ отъ козаковъ остались небольшие развалины отъ бывшихъ укрѣпленій. На сѣверъ отъ Холоднаго острова, гдѣ теперь деревня Капуливка при устьѣ рѣки Чортомлыка, на Рогѣ, была у запорожцевъ четвертая по счету сѣчь, Чортомлыцкая, называвшаяся иначе Старою сѣчью; она основана въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаємъ. Изъ рога или мыса,

на которомъ была сѣчь, образовался теперь небольшой островокъ, имѣющій въ возвышенной части 1050 квадратныхъ сажень, а въ низменной двѣ десятины и 1200 квадратныхъ сажень. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ осталось нѣсколько могилъ, изъ коихъ самая большая могила, съ памятникомъ, насыпана надъ прахомъ славнаго кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка, умершаго, какъ гласитъ самая надпись на памятникѣ, въ 1680 году, 4-го мая. *Андрушкинъ* островъ, ниже Холоднаго, между нижнимъ теченіемъ рѣки Павлюка и Чортомлыцкаго Днѣприща, притоковъ Днѣпра съ правой стороны; въ окружности имѣеть до восьми верстъ. *Царевъ* островъ противъ села Малой-Лепетихи; длина три съ третью версты, ширина полверсты. *Носоковскій* островъ, длина до двухъ миль, и *Космакскій* или, у Боплана, Каирь-Козмакъ островъ; длина до полу-мили, ниже Царева острова. *Каменскій* или, по теперешнему, Санжеревскій островъ, на одну версту ниже балки Каменки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, между деревнями Консуловкой или Разоровкой и Блажковкой, херсонскаго уѣзда; длина двѣ трети версты, ширина полверсты. Выше Каменскаго острова, при устьѣ балки Каменки и заливѣ Днѣпра, Казацкомъ Рѣчищѣ, была у запорожцевъ пятая по счету сѣчь, Каменская, основанная съ 1709 года, при наказномъ кошевомъ атаманѣ Якимѣ Богушѣ и просуществовавшая здѣсь съ перерывами, около двухъ лѣтъ. Въ настоящее время мѣсто Каменской сѣчи принадлежит землевладѣльцу М. Ѳ. Огарькову. Отъ пребыванія здѣсь козаковъ остались превосходно сохранившіяся ямы отъ куреней и нѣсколько могилъ, въ томъ числѣ могила надъ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, умершимъ въ 1733 году 4-го мая, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на большомъ каменномъ надмогильномъ крестѣ. Здѣсь-же осталась могила кошеваго атамана Василя Героѳеева, умершаго въ 1731 году, 23 мая, что также видно изъ надписи, высѣченной на каменномъ крестѣ. *Таванъ* островъ, по турецки Усу-свавъ; лежитъ нѣсколько ниже мѣстечка Каховки и прямо противъ теперешняго г. Берислава, херсонской губерніи, прежняго Кизикерменя, взятаго русскими въ 1695 году; длина, по Боплану, двѣ мили, ширина—одна треть мили. У турокъ на самомъ островѣ Таванѣ былъ городъ Таванъ, а въ устьѣ его городъ Осланъ: и отъ того Кизикерменя до Таванъ-городка, чрезъ Днѣпръ, бы-

вали цѣпи желѣзныя перетянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; такожь и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до Крымской стороны, а посреди оныхъ рѣкъ, оставливаны были ворота; и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто наѣдетъ, то турки все могутъ разбить¹⁾. *Бурганскій* (Боргунскій, Бургунскій) островъ, противъ рѣчки того-же имени; имѣеть длины около трехъ верстъ и ширины около полуторы версты. *Тягинскій* островъ, противъ теперешняго села Тягинки, херсонскаго уѣзда, имѣеть длины полторы версты, ширины одну треть. *Сомовъ* островъ, противъ устья рѣки Ингульца; длина двѣ съ половиной версты, ширина полъ версты. *Карантинный* островъ, между рѣкою Днѣпромъ и его притокомъ Кошевою; находится противъ г. Херсона, получилъ свое названіе отъ бывшаго на немъ когда-то карантинъ; длина шесть верстъ, ширина двѣ съ половиной. Противъ этого острова, съ лѣвой стороны, на материкѣ была у запорожцевъ шестая по счету сѣчь, Алешковская, тамъ, гдѣ теперь г. Алешки, таврической губерніи, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», существовавшая съ 1709 по 1734 годъ съ небольшимъ перерывомъ, когда она перемѣщалась снова на балку Каменку. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ вояковъ въ настоящее время ничего не осталось, кромѣ небольшого звѣздообразнаго укрѣпленія, находящагося прямо на востокъ отъ города, противъ рѣчки Лазни. *Потемкинъ* островъ, пять верстъ ниже Херсона; длина четыре версты, ширина двѣ съ половиной.

На всемъ пространствѣ запорожскихъ владѣній Днѣпръ имѣлъ десять переправъ²⁾. *Романовская* переправа, противъ острова Романова, немного ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава. «Здѣсь Днѣпръ течеть свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова³⁾. *Кайдацкая* переправа, противъ селенія Новыхъ-Кайдакъ, выше г. Екатерино-

¹⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., 11—13.

²⁾ Эр. Лассота насчитываетъ ихъ три (стр. 29, 30, 51); Болявъ семь, изъ коихъ одна въ татарскихъ предѣлахъ (стр. 17, 22, 29), атласъ Днѣпра одну, Мышецкій (стр. 21) четыре.

³⁾ Болявъ. Описаніе Украины, стр. 17.

слава; переправа очень удобная; до 1780 года через нее шли обозы, отправлявшіеся на Донъ за рыбой. *Будилово-Таволжанская* переправа, между Будиловымъ порогомъ и Таволжанской грядой или островомъ. »Въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли (слова Эр. Ляссоты) большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ кожей*. *Кичкасовская* переправа, противъ теперешней колоніи Кичкасъ (Эйнлаге). »Въ сихъ мѣстахъ (отъ острова Кашеварницы или Кухарева до Кичкасы) берега рѣки очень высоки; Днѣпръ течетъ свободно, не пересѣкаясь островами, узкая постель его еще болѣе суживается къ югу. Здѣсь, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его удобопрístupны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засад*¹⁾. »Въ четырехъ верстахъ отсюда (отъ о. Вербова) берега рѣки (Днѣпра) довольно скоро сходятся между собою на разстояніи 300 саженей. Въ этой ширинѣ Днѣпръ течетъ 1¹/₂ версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣснясь еще болѣе, поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучший переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его не круты и земля открыта*²⁾. *Кичкасовская* переправа извѣстна была уже Константину Багрянородному, который называетъ ее Крарійскимъ перевозомъ. »Они (русскіе) доходятъ до таеъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Руссіи и печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ шириной съ гипподроміонъ (т. е. 608 русскихъ футовъ, ²/₃ или ¹/₆ версты), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только что доступна глазомѣру и удару стрѣлы*³⁾. *Микитинская*

¹⁾ Боплавъ. Описаніе Украины, 24.

²⁾ Лербергъ. Ислѣдованія къ объясненію древней російской исторіи, 277 и 278. На Кичкасъ и теперь существуетъ переправа на двухъ паромахъ и нѣсколькихъ дубахъ.

³⁾ De administrando imperio, стр. 286.

переправа, противъ тепершняго м. Никополя; знаменитая у запорожцевъ и извѣстная татарамъ и полякамъ. Переправа получила свое названіе отъ имени казака Микиты, вышедшаго изъ старой Малороссіи и поселившагося здѣсь на Днѣпровскомъ мысѣ и впервые занявшагося перевозомъ проѣзжихъ людей черезъ Днѣпръ. Имя его впослѣдствіи передалось какъ мысу, такъ и самой переправѣ. *Каменно-Затонская* переправа, нѣсколько ниже Микитинской, противъ прежней вѣрѣности Каменнаго-Затона, построенной въ 1696 году, тепершняго села Каменки или Малой-Знаменки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. »Мы прошли мимо Каменнаго-Затона, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого Затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ«¹⁾. *Каменская* переправа, ниже села Горностаевки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда и противъ д. Консуловки или Разоровки, расположенной на Каменской балкѣ. Здѣсь переправа съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, по теченію рѣки, очень удобна; но съ лѣваго на правый, противъ теченія, довольно затруднительна и потому обозы, идущіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а идущіе снизу вверхъ— въ Кизикирменѣ. *Носокская* переправа, противъ о. Носковскаго и Космавскаго (Кайръ-Козмака), неудобная, потому что здѣсь Днѣпръ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому-же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокимъ камышомъ. *Таванская* или Кизикирменская переправа, противъ о. Тавана и прежняго г. Кизикирменя, тепершняго Берислава, самая лучшая переправа; здѣсь нужно было переходить сперва р. Конку, притокъ Днѣпра, а потомъ ужъ переплывать самый Днѣпръ. *Бурганская* переправа, противъ о. Бурганскаго и притока Днѣпра съ тѣмъ-же именемъ, мало удобная, потому что здѣсь нужно было переходить р. Конку и два раза р. Днѣпръ. Черезъ всѣ эти переправы хаживали изъ Малороссіи купцы и простые народы для продажи и покупки всякихъ товаровъ, такожь и за солью въ Крымъ; такожде и Татары хаживали

¹⁾ Г. Русовъ видитъ въ Каменно-Затонской переправѣ Никитинскую (Русск. тракты, 123), но стоитъ только обратиться къ Лясотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-Затонская и Никитинская переправа не одно и то же.

въ Малороссію для означенной добычи*¹⁾). Къ этимъ переправамъ на Днѣпрѣ можно прибавить еще двѣ на р. Бугѣ: переправа къ Мертвымъ-водамъ, гдѣ купцы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова, и переправа у запорожскаго города Гарда, стоявшаго на лѣвой сторонѣ Буга, къ которому вель знаменитый гардовый шляхъ, простиравшійся до 300 верстъ и отличавшійся замѣчательною примизною.

Способъ переправы у казаковъ практиковался такой-же, каковой практикуется и теперь: употреблялись лодки, плоты, паромы и проч., а у татаръ—мало извѣстный нашему времени*. Татары переплываютъ слѣдующимъ образомъ: на лодку, довольно плоскую, кладутъ поперекъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по ровному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади слѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно; хотя онѣ выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется, въ ясную и тихую погоду... Для переправы черезъ Днѣпръ татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пучка, длиною въ три фута, а толщиною отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту; кладетъ на такой плотъ сѣдло, а на немъ одежду, стрѣлы, саблю, и нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, непрерывно понуждаетъ копя плетью и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою попеременно, то правую, то лѣвою. Приблизясь къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выноситъ оный на берегъ*²⁾).

Таковъ былъ Днѣпръ самъ по себѣ въ запорожскихъ предѣлахъ. Изслѣдуемъ его притоки въ тѣхъ-же предѣлахъ.

Д. Зварницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Мышецкій. Исторія о каз. зап. Одесса, 1852 г., стр. 21.

²⁾ Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 30, 58—59.

СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО

ВЪ произведеніяхъ Г. Θ. Квитки.

Квитка-Основьяненко выступилъ на литературное поприще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ сложившимися и окрѣпшими убѣжденіями. Какъ человѣкъ крайне скромный, постоянно скептически относившійся къ своему литературному дарованію, Квитка, прежде чѣмъ стать въ ряды писателей, внимательно всматривался въ окружающую его общественную среду, изучалъ ее, опредѣлялъ существенныя стороны современной ему дѣйствительности, и правдиво, вѣрно съ любовью къ человѣку, съ уваженіемъ къ печатному слову и съ крѣпкой вѣрой въ его благотворное значеніе въ общественной жизни, излагалъ на родномъ ему малорусскомъ языкѣ въ художественныхъ повѣстахъ свои наблюденія надъ житьемъ-бытьемъ малорусскаго народа, дворянъ, мѣщанъ, въ особенности крестьянъ, какъ наиболѣе типичныхъ выразителей малорусской народности. Отъ его зоркаго глаза не ускользали тонкія житейскія отношенія. Онъ подмѣчалъ помыслы землевладѣльцевъ дворянъ, улавливалъ свѣтлыя и добрыя проявленія душевнаго настроенія заврѣпощеннаго крестьянина, усматривалъ тонкія черты горести обездоленнаго судьбою сельскаго горемыки, пытливымъ взоромъ проникалъ въ взволнованное первою любовью сердце дѣвушки. Вообще, Квитка хорошо зналъ всѣ слои стариннаго харьковскаго населенія, времени Александра Перваго. Квитку считаютъ знатомомъ жизни малорусскаго крестьянина, при чемъ вполне основательно выводъ этотъ основываютъ на его задушевныхъ малорусскихъ повѣстахъ. Но Квитка основательно изучилъ и бытъ дворянъ, что видно изъ его русскихъ

сочиненій, составляющихъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостнаго права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школы, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей болѣею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики-благотворители, напримѣръ Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти *Добрый панъ*, представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычныя въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ »*Преданіяхъ о Гаркушѣ*« выведенъ помѣщикъ скрага, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Иудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ »*Похожденіяхъ Столбикова*« помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію, »*мужикъ-хамово волѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ приобрететъ снова*«. Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ.

блескъ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находить для нихъ другаго названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ »Дворянскихъ выборахъ«
 управляетъ свои мускулы на крестьянскихъ фізіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросать, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошокъ, цыплятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ »Похожденіяхъ Столбикова«
 опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой друзей. Занявъ хорошо убранную гостиную, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другаго имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьютъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносить взятку, но непременно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находить въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамату считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы растривать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юпка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворянка, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ »ваше имѣніе«, до-

казывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ »Панѣ Халявскомъ« онъ постоянно сопоставляетъ прежнихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слова »теперешній« слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ; если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ нынѣшняго вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,—обыкновенно борщъ съ отормленной птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи »подвечерковали«, т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигиенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣрїями и предрасудками. Въ »Героѣ очаковскихъ временъ« Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся волдуновъ и вѣдьмъ, дурнаго глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онъ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали »уроки«.

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Θεодосію. Когда Петрусь Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, при чемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комватѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, череска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ російскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни, Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ сѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабуся для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподавалъ имъ правила, какъ они должны были держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знаеъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ пазпачить мудрое право-

судіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголь именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголь дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный,—учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ—!— »удивительный«, не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ шеола, прочитавъ письмо отца Халявкихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: »ну что-жъ?« »Сейчасъ« отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куса выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: »вписать ихъ въ синтаксисъ«. Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссима, поднявъ голову, сказалъ: »они могутъ быть въ пиитикѣ«. Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневою, терновкою и сливяною. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: »впрочемъ вписать ихъ въ риторику«.

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы—воспитатели русскаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ »Похожденіяхъ Столбикова«, m-me Тогшонъ въ »Украинскихъ дипломатахъ« и m-lle Ламбо въ »Харьковской Ганнусъ«. Филу обманываетъ родителей вѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ-Филу превращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усваиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ бесполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетусѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи,

всплывала уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца прошлаго столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ чело-вѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: »въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что чело-вѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...«, полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: »молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушю...«

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго образованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ прошлаго столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть текущаго столѣтія, воспитаніе и образованіе состояли въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себѣ въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ »доброе старое время« дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халаявская впервые надѣла корсетъ и юпку по истеченіи 14 лѣтъ. Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ, съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Степановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. »Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома«, заявляетъ Трушко Халаявскій; »если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать«. Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку—домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не

мѣшала любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченнаго кодекса нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, >весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ«. Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышень, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенья. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая >мужняя« жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. М-me Тогшон выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисьѣ Ивановнѣ Халевской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ >Панна Сотниковна«, >Божія дѣти« и >Украинскіе дипломаты« просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщицкой семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлала попытку представить въ литературѣ >развивателя«, въ повѣсти >Ложныя понятія«. Сынъ казака Омелянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ дворянство. Онъ имя Омелянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣннн, въ молодежи, что стариковъ

не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага чело­вѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурнаго мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣ­тельной природы; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки, т. е. пол­вѣка назадъ, далеко стояло отъ простаго народа, по языку, нра­вамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь стран­нымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана по­далѣе. Въ «Харьковской Ганнусѣ» добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожжахъ. «Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожжахъ?». Въ трогательной дра­мѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьян­ской дѣвушкѣ Галечкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она «нерівня». «Не одна­кови зирочки на небесахъ», поэтически объясняетъ она причину от­каза, «не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цви­сти яблунувымъ цвитомъ; не пріме березонька липового листочка; не позбере соловейко иншою пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усѣму свій законъ, а чоловікови ще найбільшъ того».

Н. О. Сумцовъ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ВУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПІ- СКОПА АНАТОЛІЯ МАРТИНОВСКАГО.

Съ личностью преосв. Анатолія постоянные читатели > Киевской Старины < знакомы. Въ майской книжкѣ 1882 г., помѣщены были его замѣтки о положеніи нашей церкви, подъ заглавіемъ: > Архіерейскія печали <, которое удачно придалъ имъ г. Береза, сообщившій редакціи эти замѣтки. Въ іюльской книжкѣ 1883 г. докторъ Пирожковъ посвятилъ памяти преосв. Анатолія нѣсколько самыхъ искреннихъ и теплыхъ воспоминаній. Но то и другое составляетъ лишь самую микроскопическую долю того, что осталось отъ почившаго архипастыря и что объ немъ можно и должно сказать. Преосв. Анатолій Мартиновскій, по своимъ воззрѣніямъ на церковно-религіозную и общественную жизнь, по своей проповѣднической и литературной дѣятельности, по своему наконецъ строгому образу жизни заслуживаетъ полного и внимательнаго изученія. Пока, разумеется, можетъ идти рѣчь только о матеріалахъ для полной его біографіи.

Для внѣшней, такъ сказать, ея стороны, какъ хронологической указатель главнѣйшихъ фактовъ въ жизни и службѣ преосв. Анатолія, сообщаемъ точныя біографическія данныя, которыя заимствуемъ изъ сообщеннаго намъ Л. С. Мацѣвичемъ послужнаго списка почившаго архипастыря, провѣреннаго имъ самимъ при жизни, именно въ послѣдній годъ его службы.

Августынь Мартиновскій, — вполнѣдствіи архіепископъ, съ именемъ Анатолія, — родился въ Подоліи, приблизительно въ 1797 г. Отецъ его Василій Мартиновскій былъ священникомъ въ м. Мясковѣ, что нынѣ ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи. Итакъ ему съ малыхъ лѣтъ пришлось быть свидѣтелемъ съ одной стороны новозаводимыхъ въ присоединенной II долии порядковъ церковныхъ, а съ другой — страшнаго гнета польскаго, съ особенною силою развившагося подъ скипетромъ російскимъ, главнымъ образомъ въ царствованіе Александра Благословеннаго. Въ то время въ Каменцѣ-Подольскомъ существовала уже духовная семинарія, въ которой онъ и получилъ первоначальное свое образованіе. Предметы, которые онъ

взучалъ здѣсь, въ формулярѣ перечисляются въ томъ порядкѣ и подъ тѣми наименованіями, которыя установились въ духовныхъ семинаріяхъ впоследствии, и только по малочной замѣткѣ подъ 1812 г. узнаемъ, что тамъ преподавалось тогда >рисовальное искусство< и что учителемъ онаго былъ назначенъ въ этомъ году Августинъ Мартиновскій, состоя еще слушателемъ богословскихъ наукъ. Съ 1813 по 1817 г. ему, окончившему уже полный семинарскій курсъ, поручались для преподаванія въ разныхъ классахъ и другіе предметы: арифметика, грамматика и польскій языкъ, но >рисовальное искусство< оставалось за нимъ во все это время, изъ чего должно заключить, что онъ былъ знатокомъ этого предмета, быть можетъ единственнымъ и незаменимымъ. Гдѣ и какъ онъ самъ выучился ему и какъ обучалъ другихъ,—остается неизвѣстнымъ. Въ концѣ 1817 г. Августинъ Мартиновскій поступилъ во священники въ м. Грановъ, гайсинскаго уѣзда; около двухъ лѣтъ спустя овдовѣлъ и поступилъ въ каменецъ-подольскій монастырь съ намереніемъ постричься въ монахи. Состоя два года на искусствѣ, въ сентябрѣ 1821 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ старшемъ классѣ каменецкаго духовнаго училища, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года переведенъ въ семинарію на польскій языкъ и вслѣдъ за симъ постриженъ въ монахи, съ именемъ Анатолія, при церкви архіерейскаго дома. Хотя спустя двѣ недѣли іеромонаху Анатолію предоставлена должность наставника каменецкаго монастыря, съ сохраненіемъ наставнической должности, а спустя четыре мѣсяца пожалована первая духовная награда—набреденникъ, но его тянуло къ высшему образованію, и въ октябрѣ слѣдующаго 1823 года онъ оставилъ Каменецъ и поступилъ въ старшій, богословскій курсъ кievской духовной академіи. Съ окончаніемъ въ ней курса, со степенью магистра, Анатолій въ декабрѣ 1825 г. оставленъ былъ бакалавромъ при академіи, при чемъ поручены ему для преподаванія два совершенно разнородные предмета: польскій языкъ и библиологія, или наука о священномъ писаніи. Спустя четыре года его назначаютъ ректоромъ курской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а въ 1832 году переводятъ на такую-же должность въ Новгородъ; тамъ и здѣсь онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ епархіальныхъ, по званію члена консисторіи, благочиннаго монастырей и цензора проповѣдей. Въ 1840 г. архимандритъ Анатолій возводится въ санъ архіерейскій, съ названіемъ епископа екатеринбургскаго, въ должности викарія першской епархіи, въ 1841 г. переводится на такую-же должность въ волынскую епархію, въ ближайшее сосѣдство къ родннѣ, а въ 1844 году назначается для самостоятельнаго управленія могилевскою епархіею. Здѣсь-то онъ, въ теченіи 15-ти съ лишнимъ лѣтъ, постепенно раскрываетъ свою глубокохристіанскую и патриотическую дѣятельность, далеко выступающую за предѣлы заботъ о вѣренной ему епархіи, обнаруживаетъ высокіе и свѣтлые идеалы, которымъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, проявляетъ тонкое пониманіе нуждъ и дѣлъ православія, горячее желаніе служить церкви и обществу, побороть или ослабить вѣками вкоренившееся въ нить зло, пишетъ массу смѣлыхъ и подъ часъ

крайне рѣзкихъ прозговъ, замѣтокъ и писемъ по разнымъ вопросамъ церкви, науки и жизни, встрѣчаетъ по большей части то равнодушіе къ своимъ заявленіямъ, то волокиту и медленность, то прямое противодѣйствіе, терпитъ неудачи и полный разочарованія, съ глубокимъ огорченіемъ, въ половинѣ 1860 года оставляетъ епархію и службу и удаляется на покой въ бессарабскій гербовецкій монастырь, унося съ собою почетныя званія и награды, бесполезныя, возбуждавшія одно грустное воспоминаніе. Живя здѣсь въ добровольномъ уединеніи, архіепископъ Анатолій скоро почувствовалъ всѣ невыгоды онаго, раскаивается въ безповоротномъ рѣшеніи своей судьбы, такъ сказать, горяча, сожалѣетъ, что оставилъ постъ, съ высоты котораго его голосъ все еще могъ слышаться и возбуждать къ дѣятельности другихъ, старается возвратитъ хотя отчасти свое прежнее положеніе, проситъ, безуспѣшно, мѣста цензора въ Петербургѣ, не ослабѣваетъ въ энергіи, пишетъ замѣтки, наброски про себя, по временамъ шлетъ полныя огня и ума письма и замѣтки къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, имѣющимъ лишь изрѣдка ходъ, и удрученный болѣзнями и старостію, умираетъ наконецъ въ 1872 году въ томъ-же гербовецкомъ монастырѣ, имѣя около 80 лѣтъ отъ рожденія.

Для характеристики внутренней жизни пр. Анатолія предлагаемъ здѣсь рядъ его замѣтокъ и записокъ по разнымъ вопросамъ. Всѣ они, за исключеніемъ наиболѣе пространнаго трактата о еврейскомъ вопросѣ, не представляютъ собою чего-нибудь цѣльнаго, полно обдуманнаго и законченнаго. Это больше наброски и даже обрывки, принадлежащія разнымъ временамъ и матеріямъ, соединенныя нами подъ одною общемою нумераціею, и тѣмъ не менѣе они кажутся намъ не однимъ историко-біографическимъ матеріаломъ, — въ нихъ слышится и живей публицистическій голосъ, въ особенности по вопросамъ польскому и еврейскому, получившимъ въ настоящую пору гораздо большее развитіе и занимающимъ теперь и правительственныя сферы, и общество, и печать. Первая замѣтка относится очевидно къ первой четверти нынѣшняго столѣтія и касается тогдашнихъ злоупотребленій въ епархіальномъ управленіи на его родинѣ; вторая, вѣсколько однородная, въ формѣ неполнаго письма его къ преосв. Антонію Лифитеатрову, писана въ позднѣйшіе годы, изъ гербовецкаго уединенія; остальные три имѣютъ опредѣленную дату и писаны не задолго до удаленія арх. Анатолія на покой. Дѣятельность латинно-польской пропаганды и бездѣятельность и зависимость нашей іерархіи составляли особенно наболѣвшее мѣсто въ душѣ апостольски-ревностнаго іерарха и онъ касается этихъ предметовъ во многихъ своихъ запискахъ и письмахъ, съ большою даже подробностію, силою и рѣзкостію, чѣмъ здѣсь. Соображенія по еврейскому вопросу мы встрѣчаемъ впервые и зато они являются здѣсь въ наиболѣе полномъ и законченномъ видѣ. Много въ нихъ любопытнаго и интереснаго и для нашего времени, но во многомъ проглядываетъ и неполное знаніе вопроса и наивная вѣра въ возможность превращенія прозелитовъ изъ евреевъ въ честныхъ и полезныхъ людей, съ помощію административныхъ и полицейскихъ мѣръ. Эта вѣра и вообще

мысль о миссіонерствѣ въ средѣ евреевъ отнюдь не вяжутся съ строго практическимъ и пронищательнымъ взглядомъ арх. Анатолія, который онъ обнаруживаетъ во многихъ другихъ вопросахъ, и объясняются господствовавшюю въ 50 годахъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ мыслью о такомъ миссіонерствѣ, явившеюся, какъ кажется, случайно, подъ влияніемъ ловко пущенныхъ широкихъ затѣй на этотъ счетъ упоминаемаго преосв. Анатоліемъ прозелита Темкина. Это былъ умный, широко образованный и рѣчистый раввинъ. Обстоятельства обращенія его намъ неизвѣстны. Долгое время онъ ютился при петербургской духовной академіи и морочилъ тамошнія духовныя сферы несбыточными мечтами объ обращеніи едва-ли не всѣхъ русеккихъ евреевъ въ христіанство, съ помощію сочиняемыхъ имъ брошюрочекъ, пока не былъ переданъ на попеченіе кievскаго митрополита Филарета и въ пріютъ кievской академіи и пока и здѣсь, какъ и тамъ, не обнаружились его пьянство, похотливость и тщета придумываемыхъ имъ грандіозныхъ прозектовъ. Мы знали лично Темкина, какъ и другаго, не менѣе снѣлаго прожектёра К. Говорскаго, котораго преосв. Анатолій считаетъ жертвою латвинопольской пропаганды. Въ судьбѣ обонхъ, даже въ нравственныхъ ихъ чертахъ, было нѣчто общее. Тотъ и другой прозелиты,—Темкинъ изъ евреевъ, Говорскій изъ униатовъ, но женатый на еврейкѣ; тотъ мечталъ объ обращеніи евреевъ, мыслью послѣдняго было едва-ли не обращеніе поляковъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края. Оба для достиженія проповѣдуемыхъ ими идей писали брошюры, послѣдній даже журналъ издавалъ; въ средствахъ однаково были веразборчивы. Оба смущали прежде сѣверъ, потому юго-западъ Россіи и оба переселялись потомъ на сѣверо-западъ; здѣсь, подъ покровительствомъ Муравьева, послѣдній устроился было даже совѣтъ не дурно. Въ концѣ концовъ оба ничего не достигли: Темкинъ спился, Говорскій кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Жертвою польской пропаганды онъ самъ себя выставлялъ всегда и вездѣ и этимъ ловко маскировалъ свои личные расчеты. Едва-ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ она одна, навлекла на Говорскаго преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ о латвино-польской пропагандѣ арх. Анатолій; виною въ этомъ случаѣ были доносы Говорскаго въ Петербургъ на это самое начальство, и если оно потомъ очернило его, то онъ далеко не остался предъ нимъ въ долгу. Удаленіе архіепископа Василія Лужинскаго отъ дѣлъ епархіи стояло въ связи съ доносами Говорскаго.

Эти предварительныя свѣдѣнія мы сочли не лишними какъ для ознакомленія читателей съ личностію автора предлагаемыхъ замѣтокъ и записокъ, такъ и для въкоторыя поясненія и поправки къ нимъ; въ остальномъ предоставляемъ оцѣнку самимъ читателямъ.

I.

Мои мысли и наблюденія нравовъ человѣческихъ (но не для всѣхъ).

Свѣтъ наполненъ неправдами и насиліями... При Божіей помощи я всѣми силами буду стараться быть добрымъ и истинно полезнымъ для людей, чтобы единицею уменьшилось число злыхъ.

Небомъ благословенный тотъ домъ, въ которомъ не былъ лѣкарь и счастливъ человѣкъ, который не испыталъ судебныхъ распръ: говоритъ польская пословица. Примѣры злодѣяства и ненасытимое корыстолюбіе даже въ власти духовной, ненаказанность сильныхъ за самыя величайшія преступленія—не одного изъ невинно гонимыхъ понудили прибѣгнуть къ законамъ, но законы молчали или по общей всего превратности довершали его гибель; оставалось взывать къ небу,—но грома спали: человѣческій голосъ не имѣетъ силы кондуктора притягивать ихъ на землю.

Многіе съ дарованіями и чрезвычайными способностями, отъ рабства, нуждою на нихъ налагаемаго, и отъ нищеты, ихъ снѣдающей, безъ поощренія, упали духомъ,—быстрый умъ ихъ, сокрушенный смутными мыслями, гибнетъ какъ дерево безъ вѣтвей, какъ безъ свѣта пламенникъ...

Итакъ надобно вооружиться стойческимъ терпѣніемъ; самому стараться быть добрымъ, а все окружающее добро и зло считать за одно, то есть быть ко всему равнодушнымъ: воображая, какъ-бы свѣтъ былъ театромъ, люди—актерами, ихъ страсти, злодѣянія и поступки вѣчно представляющимися сценами, непремѣнно нужными къ составленію драмы, отъ начала міра до сихъ поръ продолжаемой; ни о чемъ, раздражающемъ чувствительность нашего сердца, не думать, и ни мало не разсуждать о степени зла, насъ окружающаго... Часто одна мысль болѣе насъ беспокоитъ, нежели деспотизмъ можетъ причинить вреда; мысли наши тиранницы, онѣ рождаютъ душевныя болѣзни, которыя опаснѣе тѣлесныхъ. Свѣтъ, говорятъ, достигъ высочайшей степени своей испорченности: всякій говоритъ о добродѣтели и нравахъ человѣческихъ съ краснорѣчіемъ Сенеки; всѣ учились морали, или по крайней мѣрѣ читали въ семь родѣ книги. Чтожъ? для того чтобы въ самомъ дѣлѣ быть добрыми? Совсѣмъ нѣтъ: съ того времени, какъ люди все священное стали называть баснями или романами,—это послужило къ тому, чтобы

умѣть какъ можно лучше представить добродѣтельнаго, играть роль справедливаго, и заманивать такимъ образомъ въ свои сѣти неопытныхъ, довѣрчивыхъ и невинныхъ еще сердца.

Религія въ чрезвычайномъ разслабленіи и въ таковыхъ теперь несчастныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, которые тысячекратно превосходятъ претерпѣнные ею въ ея возрожденіи, когда она нечестивыми всюду гонима была, но яко кринъ сельный, между терніемъ при источникѣ прозябающій, орошаема мученическою кровію, въ новомъ блескѣ съ торжествомъ всегда возносила главу свою; тогдашнія ея страданія подобны были мудрымъ врача операціямъ, которыя, причиняя нестерпимую по видимому боль, даруютъ впоследствии здоровіе и цвѣтущее мужество,—это были раны, которыя ѣдкіе пластыри исцѣляли; теперешнія суть судорожныя мученія умирающаго. Дуракъ, не простирающій далѣе своихъ понятій надъ счисленіе своихъ пальцевъ, утверждаетъ важно, что религія нужна только для политическихъ видовъ. Каждый, добившись, по мнѣнію его, въ полубоги, за величайшую мудрость считаетъ преслѣдовать духовныхъ; всѣ вообще пустились новомоднымъ образомъ философствовать. Духовные,—не тѣ, которые на деревняхъ и которыхъ рокъ со дня на день сравниваетъ съ поселянами, а начальство ихъ,—не находятъ болѣе удовольствія быть нищими духомъ, вмѣсто защиты подвластнымъ преслѣдуютъ ихъ до гроба; все на откупъ, каждый степень начальства ихъ, даже духовныя овечки,—все продажное.

Защиты нигдѣ,—указы, законы, положенія премудры. Христосъ—глава церкви, состоящей изъ тѣхъ единицами считаемыхъ немногихъ, которые рѣшились, одиноки будучи, претерпѣвать все и быть несчастнѣйшими въ свѣтѣ; не назову ихъ,—ихъ называютъ дураками, суевѣрами и наконецъ, ежели ихъ существованіе чрезвычайно колетъ въ глаза, чтобы скорѣе ихъ сбыться, бунтовщиками. Сердце царя¹⁾),—какого не имѣли ни Титы, ни Аврелии. Но законы—на бумагѣ; Христосъ будетъ страшнымъ судьей въ послѣдній день; царь, говорятъ простолюдины, далеко; итакъ все это, ежели ничего не значить, по крайней мѣрѣ вовсе недѣйствительно;

¹⁾ Разумѣется императоръ Александръ Павловичъ.—К. Береза.

для доказательства возьмемъ одинъ духовный санъ. Почему такая-то и такая протопопія не имѣетъ протоіерея? Можетъ быть нѣтъ достойнаго? Совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ такого, который бы далъ за нее 200 червонцевъ или триста. Почему такой-то приходъ празденъ? Вамъ скажутъ: тамъ сироты или это славный приходъ, нѣту достойнаго человѣка; это въ истинномъ смыслѣ значить, что за таковой-то приходъ надобно дать, какъ положено въ тарифѣ или какъ можно выторговать: 50 или 80 или 100 червонцевъ, или уже на него данъ задатокъ въ такой-то и въ такой протопопіи или во всѣхъ. Даже въ консисторіи нѣтъ положенныхъ законами присутствующихъ и членовъ; а хотя и есть, но это только движущіяся машины. Почему это? Чтобы другіе къ своему защищенію не знали законовъ; чтобы, начиная отъ перваго, всѣ протоіереи ссали послѣднюю кровь несчастныхъ безъ свидѣтелей, или за деньги, въ глазахъ цѣлаго свѣта, низвергали въ пропасть гибели нищихъ и сиротъ—безъ малѣйшаго наказанія.

II.

Министерство государственныхъ имуществъ и государственные крестьяне.

Правительство, учреждая особое министерство государственныхъ имуществъ, имѣло въ виду высокую благодѣтельную цѣль; но лица, посредствомъ коихъ совершается управленіе государственными крестьянами моголевской губерніи, далеко не соотвѣтствуютъ благимъ намѣреніямъ попечительнаго правительства.

Экономическое имущество упраздненныхъ фольварковъ: строения, хлѣбъ, мѣдь, желѣзо и другіе матеріалы едвали принесли какую либо пользу казнѣ; большею частію оно осталось въ рукахъ старшинъ. По этому дѣлу были наряжаемы отъ палаты изслѣдованія; но люди допускались къ показаніямъ только тогда, когда были научены старшинами, что и какъ показывать чиновникамъ.

Люстрація земель производилась люстраторами, землемѣрами, окружными начальниками, ихъ помощниками и старшинами не только не безкорыстно, но очень недобросовѣстно, потому что многіе крестьяне лишились лучшихъ своихъ угодій, доставшихся людямъ зажиточнымъ и богатымъ; по этой причинѣ всѣ почти луч-

шія церковныя угодія подъ разными предлогами отторгнуты отъ церквей и замѣнены другими менѣе удобными, но надѣлъ и сихъ угодій по сію пору не привеленъ къ окончанію.

Всѣ запасныя земли пахатныя и сѣнокосныя не только не раздѣляются, какъ слѣдуетъ, на крестьянъ, но сдѣлались единственно достояніемъ старшинъ, кои по своему выбору пахутъ и косятъ ихъ казенными-же крестьянами въ свою пользу. Не можетъ статься, чтобы ближайшее начальство, окружныя и ихъ помощники всего этого не знали и не видѣли.

Деньги на общественныя повинности старшинами взыскиваются по произволу несравненно болѣе; но вписывается крестьянамъ въ книжки только то количество, сколько слѣдуетъ. На приходскія повинности взымается съ дома по 1 р. 50 к., что составитъ по количеству приходскихъ домовъ отъ 200 до 600 рублей серебромъ, тогда какъ расходы по этому предмету не превышаютъ въ каждомъ приходѣ 130 рублей серебромъ, а тамъ, гдѣ устроены помѣщенія, приходская повинность обходится вдвое менѣе. Гдѣ-же нѣтъ помѣщеній для церковнаго причта и нанимаются оныя у жителей, сельскія управленія денегъ за нихъ хозяевамъ не уплачиваютъ, оттого никто не желаетъ держать у себя причетниковъ на квартирѣ.

На развитіе между крестьянами земледѣлія не обращается должнаго вниманія. Крестьяне безъ крайней нужды увольняются въ отдаленныя губерніи, а болѣе въ Москву; для заработковъ ходятъ туда цѣлыми семействами,—оставляя свои дома и поля, послѣднія—въ пользу зажиточныхъ крестьянъ, отчего нѣкоторая часть крестьянъ несоразмѣрно богатѣетъ, а большая бѣднѣетъ. Что ожидаетъ сихъ свитальцевъ подъ старость, когда у нихъ не достанетъ силъ ходить на заработки и не будетъ средствъ къ пропитанію? Паспорты на отлучку крестьянамъ стоятъ очень дорого. Нужно заплатить старшинѣ и сельскому писарю, такъ что паспортъ обходится отъ 10-ти до 20-ти рублей серебромъ, а между тѣмъ выработанныя деньги, хотя и присылаются старшинамъ на повинности, въ записяхъ не показываются; въ книгахъ видна одна только недоимка, которая рязлагается на тѣхъ крестьянъ, кои на лицо состоятъ, и съ нихъ взыскивается строгими мѣрами.

Старшины наказываютъ крестьянъ жестоко подъ видомъ приговоровъ; тѣлесныя наказанія невыносимы, отчего крестьяне тре-

пещуть предъ старшинами и при малѣйшемъ ихъ требованіи, оставляя всѣ свои занятія, бѣгутъ къ нимъ на работу. Горецкій старшина Автономъ Андреевъ далъ розгами до 300 ударовъ крестьянину деревни Задорожья, брату старосты того-же управленія, за напоминаніе, что онъ—старшина удержалъ у себя 10 рублей, присужденныхъ ему на выставкѣ, что взялъ у него бесплатно новую избу и не платитъ одолженныхъ 25 рублей серебромъ.

Рекрутская повинность также не отрадна для бѣдныхъ крестьянъ. Сперва забираются и состоящіе и несостоящіе на очереди дѣти зажиточныхъ крестьянъ, кои, не бывъ допущены къ жеребью, откупаются родителями у помощниковъ и старшинъ дорогою цѣною, хотя въ слѣдующій наборъ тоже поспѣваютъ къ этой повинности. Взыскиваемая съ крестьянъ на отдачу рекрутъ деньги издерживаются по произволу помощниковъ и старшинъ, безъ отдачи потомъ обществу отчота въ расходахъ.

Окружные начальники и ихъ помощники, а также и старшины обращаются съ приходскими священниками дерзко, надменно, дѣлаютъ имъ всякаго рода притѣсненія, что видя крестьяне не оказываютъ должнаго уваженія и почтенія своимъ духовнымъ отцамъ, отчего отношенія и связи между тѣми и другими видимо слабѣютъ,—и такимъ образомъ процессъ нравственнаго и религіознаго образованія крестьянъ совершается медленно.

III.

Латинопольская пропаганда.

Въ могилевской и прилежащихъ ей областяхъ пропаганда латинизма скрытно, но настойчиво дѣйствуетъ ко вреду православія. Признаками такихъ ея дѣйствій должно почестъ: всемѣрное устраненіе ксендзовъ и вообще послѣдователей латинизма отъ общенія съ православными, особенно со священниками, что въ прежніе годы не такъ было примѣтно; общіе отказы ксендзовъ въ выдачѣ свидѣтельствъ желающимъ жениться на православныхъ о лѣтахъ ихъ для представленія православнымъ священникамъ; отказы помѣщиковъ въ удовлетвореніи прошеніямъ священниковъ по самымъ вопіющимъ нуждамъ и презрительное съ ними обращеніе; часто со-

вершаемыя ксендзами, стекающимися во множествѣ съ помѣщиками поочередно въ разные костелы, такъ называемыя сорокачасовыя богослуженія (czterydzieste godzinne), на которыхъ ксендзы произносятъ многія, какія имъ угодно, проповѣди; наконецъ вновь появляющіяся совращенія православныхъ. Противодѣйствіе такимъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, особенно обращеніе на путь истины совращенныхъ посредствомъ обыкновенныхъ сношеній съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и предписаній мѣстнымъ священникамъ вразумлять заблудшихъ, требованіемъ ихъ въ консисторію и т. п. не только бесполезно, но даже составляетъ торжество латинства: потому что въ губернскихъ правленіяхъ, въ уголовныхъ палатахъ и въ судахъ почти всѣ присутствующіе, члены и писцы латинскаго вѣроисповѣданія. Совратившіяся жертвы латинскаго фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже встрѣчи съ православными священниками, а увѣщанія совратившихся, чинимыя въ консисторіяхъ, вообще безплодны: потому что для доведенія совратившихся къ переменѣ превратнаго образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двоихъ или троихъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени вынуждены питаться и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счетъ, и посему считаютъ такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру.

Соображая дѣйствія латинской пропаганды съ мѣстными обстоятельствами, полагаю, что противодѣйствіемъ ей могло-бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ хранящихся въ губернскихъ архивахъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена въ здѣшнихъ областяхъ православія латинскимъ фанатизмомъ и уніятами, документовъ подобныхъ тѣмъ, какіе въ истекшемъ году были печатаемы въ прибавленіяхъ къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Такіе историческіе памятники, будучи драгоцѣнными открытіями для церковной и отечественной исторіи, могли-бы охлаждать жаръ фанатизма помѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и гонимыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія. Прибавленія къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ въ

этомъ отношеніи столь драгоцѣнны, что заслуживали-бы даже распространенія во всѣхъ западныхъ губерніяхъ. Ибо если теперь и въ Россіи и внѣ предѣловъ ея печатаются живые памфлеты и брошюры, составляются пасквили съ цѣлю очернить духовенство русской церкви: то изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь претерпѣла въ западныхъ губерніяхъ гоненій отъ людей давно сошедшихъ съ позорища міра,—не оскорбля современныхъ, доказывало-бы хотя косвенно, что и пасквили на счетъ отечественной церкви, издаваемые въ настоящее время, проистекають отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущихъ гибели отечества и православной церкви. Но, къ прискорбію, редактора Витебскихъ Вѣдомостей всѣми мѣрами преслѣдуютъ теперь ксендзы, фанатики помѣщики и даже собственное его начальство, которое, по дошедшимъ до меня слухамъ,—не смотря на то, что само въ истекшемъ году рекомендовало Говорскаго¹⁾, какъ чиновника вполне заслуживающаго награду, которую и получилъ онъ въ началѣ текущаго года,—чтобы не допустить Говорскаго къ должности архиваріуса центрального архива витебской и могилевской епархій, сочинило новый формулярный списокъ, въ которомъ очернило поведение Говорскаго самымъ язвительнымъ образомъ. Поэтому для всякаго теперь въ Витебскѣ очевидно, что враги отечественной церкви всѣми мѣрами гонятъ Говорскаго, всеусильно стараясь, чтобы, онъ ни въ какомъ вѣдомствѣ не получилъ мѣста, а особенно, чтобы онъ не могъ быть хранителемъ архива, заключающаго въ себѣ неисчерпаемый источникъ для исторіи Бѣлоруссіи, и нельзя не опасаться за цѣлость того архива, такъ какъ распаленные фанатизмомъ изувѣры готовы повредить, уничтожить самые важные документы, лишь-бы не осталось слѣдовъ ихъ происхожденія отъ предковъ православнаго вѣроисповѣданія.

Принимая, сверхъ того, во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и однодворцы, совратившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе-ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, буд-

¹⁾ К. Говорскій извѣстенъ, какъ редакторъ-издатель журнала, подъ названіемъ «Вѣстника юго-западной и западной Россіи» издававшася въ Кіевѣ въ шестидесятыя годагъ и продолжавшагося въ Вильнѣ, съ выброскою въ названіи слова: юго-западной.—К. Береза.

то они поляки, что современная польская литература въ историческихъ статьяхъ, въ журналахъ, газетахъ и національныхъ повѣствахъ, съ напряженнымъ усиленіемъ, то прямо, то косвенно, старается доказывать, провозглашать, внушать, будто западныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска, что помѣщики и образованнѣйшіе жители сихъ губерній съ фанатическимъ увлеченіемъ стали заниматься польскою литературою, что безъ всякой нужды исходатайствовали они преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ, что въ генварѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Могилевѣ во время дворянскихъ выборовъ ходила по рукамъ здѣшнихъ дворянъ прокламація извѣстнаго князя Чарторыйскаго, проживающаго за границей, убѣждающая помѣщиковъ дать крестьянамъ своимъ полную свободу, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ поляки—прикащики и ксендзы пользуются всякимъ случаемъ внушать крестьянамъ, будто они принадлежатъ Польшѣ, будто во время польскаго владычества поселяне блаженствовали: нельзя не видѣть, что поляки здѣшнихъ областей не оставляютъ завѣтной своей мечты о возстановленіи Польши и желанія при случаѣ вліяніемъ на народъ произвести гибельные перевороты. Въ противоположность такимъ затѣямъ крайне необходимо въ поселянскихъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе введено было-бы изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. Поэтому нѣтъ никакой надобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова-бы она ни была, лишь-бы краткая, хотя-бы такая, какаѣ еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кievской гимназіи, сочиненная учителемъ той гимназіи Берлинскимъ. Вопіющая потребность состоитъ въ томъ, чтобы глубоко насадить въ умъ и сердце поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ порабожденія сословіемъ людей, чуждыхъ православной церкви.

Мая 27 дня, 1859 г.

IV.

Еврейскій вопросъ.

Въ западныхъ областяхъ Россіи есть милліоны потомковъ древняго еврейскаго народа, упорно не признающаго исполненія данныхъ его родоначальникамъ обѣтованій Божіихъ о спасеніи чрезъ Іисуса Христа человѣческаго рода. Въ религіозномъ отношеніи умственное омраченіе евреевъ самыми нелѣпыми баснями талмудовъ и чудовищными вымыслами разныхъ писателей, поработаніе безчисленнымъ, мнимообрядовымъ предписаніямъ раввинизма, коими каждый еврей обремененъ будто тяжкими оковами до того, что не только употребленіе чувственныхъ орудій, но даже всѣ движенія его оледотворены, скованы,—не могутъ не возбуждать въ душѣ размышляющаго ревностнаго желанія привести ослѣпленный этотъ народъ ко свѣту вѣчной истины. Тѣмъ возделннѣе для христіанина обращеніе евреевъ къ Богу отцевъ ихъ, что евреи, напитанные изъ дѣтства изувѣрскими внушеніями талмудистовъ и по сему дыша скрытною непримиримою противъ христіанства ненавистію, всѣми мѣрами стараются постоянно дѣйствовать къ подрыву благосостоянія христіанъ всѣхъ сословій, особенно земледѣльческаго и мѣщанскаго состояній. Къ достиженію сей цѣли изъ дѣтства направлена и со всею напряженностію устремлена дѣятельность каждаго, по видимому празднаго еврея, а раввинскимъ ученіемъ не только разрѣшаются, но даже освящаются всѣ роды обмановъ, плутовства, влятвопреступленія, даже воровства и убійства, съ единственнымъ условіемъ, чтобы сіи беззаконія совершались во мракѣ глубочайшей скрытности, а слѣды вопіющихъ преступленій изглаживаемы были всѣми средствами.

Благодареніе Богу, съ нѣкотораго времени примѣтно въ еврейскихъ обществахъ броженіе мнѣній, по видимому благоприятныхъ для христіанства; кажегся даже, что, по предсказанію пророка, духъ умиленія повѣялъ на сердца ихъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ прежнія времена, начали евреи изъявлять желаніе просвѣтиться св. крещеніемъ. Но къ прискорбію, для озаренія ихъ свѣтомъ христіанскаго ученія, для убѣжденія въ истинахъ вѣры, къ обновленію духа и сердца ихъ евангельскими правилами для жизни, нѣтъ никакихъ пособій, приспособленныхъ къ понятію евреевъ, если принять въ

соображеніе, что они говорят искаженнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсю словъ областныхъ, русскихъ, литовскихъ, польскихъ, тогда какъ для сообщенія понятія о высочайшихъ таинствахъ христіанскаго ученія на всѣхъ языкахъ употребляются слововыраженія обдуманнаго, освященнаго для сей цѣли церковною властію. Отъ этого происходитъ, что въ собесѣдованіяхъ съ евреями о предметахъ вѣроученія христіанскаго всякое доказательство теряетъ свою силу, а принявшіе изъ евреевъ св. крещеніе остаются съ предзанятыми изъ дѣтства мнѣніями, не имѣютъ твердой нравственной опоры для христіанской дѣятельности, соврацаются на путь порока, становятся предметомъ презрѣнія и подвергають христіанское вѣроученіе порицанію прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Изъ сего видно, сколь необходимо изданіе катихизическихъ книжечекъ, въ которыхъ было бы изложено на общеупотребительномъ у евреевъ языкѣ ученіе объ истинахъ христіанской вѣры и дѣятельности, направленное къ опроверженію ихъ предубѣжденій, приблизительно къ понятію евреевъ. Книжечки такого содержанія не только бы ли-бы полезны къ убѣжденію въ истинѣ христіанскаго вѣроученія евреевъ, изъявляющихъ желаніе возродиться св. крещеніемъ; но много содѣйствовали-бы приведенію къ свѣту истины и тѣхъ евреевъ, которые теперь объ этомъ не думаютъ.

При составленіи книжечекъ такого рода требуется имѣть въ виду, что по религіознымъ понятіямъ евреи раздѣляются, какъ сами сознаются, преимущественно на двѣ секты: *мишнаимъ* и *хассидимъ*; что предубѣжденія противъ христіанства обѣихъ сихъ сектъ главнымъ образомъ основываются на басняхъ и превратныхъ толкованіяхъ св. писанія, внушаемыхъ изъ дѣтства евреямъ талмудическими и каббалистическими книгами. Евреи секты *мишнаимъ* слѣдуютъ преимущественно ученію *Мишны* и двоихъ *Талмудовъ*, а увлеченные въ злую секту *хассидимъ* погружены сверхъ того въ тонкости *Каббалы*. Есть еще между евреями родъ новой секты, проявившейся въ недавнія времена. Ее составляютъ образованнѣйшіе изъ секты *мишнаимъ*, которые, по торговымъ связямъ съ Германією, ознакомившись немного съ идеями германской философіи, имѣвъ случай читать творенія своего Мендельсона и другихъ подобныхъ писателей, пріобрѣли чистыя понятія естественнаго богопознанія и усумнились въ чистотѣ талмудическаго ученія; но впади въ другую

врайность: научились посредствомъ филологическихъ попытокъ германскихъ филологовъ навязывать священному тексту смыслъ произвольный, ссылатся на различныя чтенія однихъ и тѣхъ-же мѣстъ св. писанія и затмѣвать свѣтъ истины діалектическими тонкостями. Это дейсты и даже натуралисты, только по наружности, ради связей съ другими евреями, придерживающіеся талмудическихъ обрядовъ. Обращеніе такого рода евреевъ къ истинной вѣрѣ чрезвычайно трудно, почти безнадежно. Посему надобно ихъ оставить до времени. Но на массы евреевъ изъ секты *мишнаимъ* при пособіяхъ, коихъ необходимость усматривается изъ размышленія о довѣрїи ихъ къ древнимъ своимъ писателямъ, можно-бы, при содѣйствїи благодати Божїей, дѣйствовать съ успѣхомъ. Итакъ:

1. Имѣя въ виду, что всѣ классическія мѣста Ветхаго Завѣта, прилагаемыя по ученію христіанскихъ богослововъ къ Иисусу Христу, самими талмудистами и древними раввинами относятся къ Мессїи, необходима книжечка, составленная на удобопонятномъ для евреевъ языкѣ, съ изложеніемъ пророчествъ объ Иисусѣ Христѣ, коими пришествіе Его издревле было обѣщано, время пришествія Его предсказано, даже предъубазаны были признаки, по которымъ слѣдуетъ признать за Мессїю Иисуса Христа. Въ такой книжечкѣ требуется, чтобы за каждымъ такого содержанія текстомъ священнаго писанія слѣдовало согласное съ христіанскимъ ученіемъ изложеніе текста какимъ-нибудь раввинскимъ писателемъ о Мессїи, а въ заключеніе книжечки историческія доказательства, что всѣ такія пророчества исполнились на Иисусѣ Христѣ. Пособій къ составленію такой книжечки много у разныхъ христіанскихъ писателей. Такого рода указанія напримѣръ въ книгѣ: *Compendium dogmatum christiano-catholicorum systematicum; auctor T. W. Goldwizen*. И изъ крещеныхъ евреевъ многимъ извѣстны многія подобныя толкованія извѣстныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта. Посему собрать требуемыя толкованія и составить предполагаемую книжечку было-бы весьма удобно.

2. Евреи всю надежду свою на оправданіе предъ правосудїемъ Божїимъ полагаютъ въ исполненїи обрядовъ, частію предписанныхъ Моисеемъ, а большею частію возложенныхъ на ихъ легко-вѣрїе раввинскими писателями. Въ противоположность такому заблужденію требуется изданіе книжечки, въ которой были-бы изложены доказательства: а) что самъ Моисей (Втор. 27, 14—26) и другіе

священные писатели Ветхаго Заѣта (Псал. 23 и т. п.) выше всего ставили и почти исключительно внушали древнимъ израильтянамъ исполненіе нравственнаго закона; б) что пророки ничѣмъ считали обрядовый законъ безъ исполненія нравственнаго закона (Исаи 1, 11; Псал. 49, 8—15); с) что устами пророковъ Богъ обѣщаль даровать израильтянамъ Новый Заѣтъ, противоположный заѣту Моисееву (Иерем. 31, 31—34); д) что учрежденія обрядоваго Моисеева закона, какъ даннаго на время, заключаютъ въ себѣ предписанія гигиены и гражданскіе законы, приспособленные къ климату и мѣстности Палестины, неумѣстные въ другихъ климатахъ и странахъ свѣта (Левит. 11, 6. 7. Левит. 22, 1); е) что Моисей строжайше запретилъ дѣлать малѣйшія прибавленія къ своему закону (Втор. 4, 2; 12, 32) и что слѣдовательно раввинскія предписанія составляютъ бремя лишнее, бесполезное, противное волѣ Божіей.

Замѣчательно, что послѣднее доказательство весьма сильно дѣйствуетъ на убѣжденіе евреевъ. Они сознаются, что извѣстнаго рода птицъ и животныхъ, по закону Моисееву, можно было-бы имъ употреблять въ пищу, хотя-бы животныя были хромыя или имѣли какой-либо другой порокъ па тѣлѣ; что такихъ животныхъ запрещается только приносить въ жертву Господу; что предписанія талмудовъ, требующія, чтобы ни одинъ еврей не дерзалъ самъ собою закалать въ пищу ни птицъ, ни животныхъ, а приглашалъ для сего людей особеннаго класса, жрецовъ-мясниковъ, которые за свое искусство берутъ немомѣрную плату,—чрезвычайно отяготительны, особенно для бѣдныхъ.

Въ семь отношеніи брошюры извѣстнаго прозелита *Темкина* удивительно приспособлены къ духу еврейскаго народа; но къ сожалѣнію предосудительный образъ жизни Темкина отвращаетъ евреевъ отъ чтенія его сочиненій. Переведенный имъ сокращенный ватихизисъ съ молитвами принесъ-бы чрезвычайную пользу; но при напечатаніи его верались важныя ошибки, по которымъ запрещено самое изданіе. Вообще евреи говорятъ, что сочиненія *Темкина* могли-бы многихъ изъ нихъ поколебать въ вѣрѣ отеческой, т. е. обратить къ христіанской, если-бы въ заглавіи тѣхъ сочиненій не было выставлено имя и прозваніе *Темкина*, или-бы вмѣсто сего былъ поставленъ псевдонимъ.

3. Въ частности по отношенію къ евреямъ секты *хасидимъ*, погруженнымъ въ тонкости каббалы, полезно было-бы изданіе книжечки, содержащей въ себѣ: а) каббалистическіе выводы, благопріятствующіе христіанскому ученію, неизвѣстно кѣмъ, христіанами или евреями, придуманные. Таково напримѣръ изъясненіе текста: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю*,—изъясненіе, по которому въ самомъ словѣ *бара—сотворилъ* усматриваютъ начальныя еврейскія буквы трехъ лицъ Святой Троицы; б) собраніе еврейскихъ афоризмовъ подобнаго-же содержанія. Такой напримѣръ афоризмъ въ еврейскомъ лексиконѣ *Буксторфія*: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой—три во единомъ и единъ въ трехъ. в) Пишущему сіе доводилось слышать отъ евреевъ, будто каббала заключаетъ въ себѣ истины. Ветхаго Завѣта, изложенныя *a posteriori* подъ формою числительною, и будто въ заключеніи каббалы есть столь трудныя для разрѣшенія теоремы, что слящійся разрѣшить ихъ или съ ума спятить, или сдѣлается христіаниномъ, такъ какъ искомое по тѣмъ теоремамъ *x* будетъ неизбѣжное заключеніе, что безъ удовлетворенія вѣчному правосудію Божию мучительною смертію Богочеловѣка весь родъ человѣческій подверженъ вѣчному осужденію.

Если дѣйствительно въ каббалѣ есть такія теоремы: то весьма полезно было-бы изданіе ихъ совмѣстно съ ихъ рѣшеніемъ.

Дѣйствуя на убѣжденіе евреевъ просвѣщеніемъ ума и сердца ихъ, съ бѣльшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать къ освобожденію ихъ отъ пораженія безчисленными нелѣпыми предразсудкамъ, къ сближенію съ христіанами и обращенію ихъ въ полезныхъ гражданъ и *внѣшними средствами*.

1. Благодареніе Богу, къ достиженію столь благотворной цѣли правительствомъ начало положено. Постановленіе, заставляющее ихъ перемѣнить свой костюмъ мужескій и женскій, если-бы только приведено было въ исполненіе повсеместно, произвело-бы и производить уже и въ образѣ ихъ мыслей большую перемѣну, потому что прежнюю ихъ одежду можно назвать оковами суевѣрія, такъ какъ весь костюмъ евреевъ, отъ башмака до ермолки, предписанъ будто имъ раввинами.

2. Несравненно большее имѣло-бы на евреевъ нравственное вліяніе строжайшее запрещеніе всякихъ ярмарокъ и торговъ по воскресеньямъ и въ праздничные дни христіанскіе: потому что евре-

евъ, особенно религіозныхъ, преимущественно и почти исключительно соблазняетъ мысль, будто у христіанъ нѣтъ времени, посвященнаго Богу, а если и есть, то будто христіане ничѣмъ считаютъ столь священную обязанность и что слѣдовательно христіане нечестивые, безбожники.

3. Для склоненія евреевъ къ обращенію въ христіанство въ рукахъ правительства есть еще косвенное, но весьма сильное средство. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ западныхъ русскихъ губерніяхъ на еврейскихъ обществахъ накопились чрезвычайныя недоимки казенныхъ податей и другихъ разныхъ сборовъ, а на нѣкоторыхъ числятся и частныя долги. Присутственные мѣста загромождены безконечною, тягостнѣйшею перепискою о взысканіи тѣхъ недоимокъ и долговъ, между тѣмъ какъ евреи постоянно отказываются отъ платежа ихъ, выставя свою бѣдность и разорительное состояніе, въ ожиданіи Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, коими обыкновенно прощаются народу значительныя недоимочныя суммы.

Дѣйствительно, не смотря на то, что въ здѣшнихъ губерніяхъ всѣ торговые обороты, а потому и капиталы, состоятъ въ рукахъ еврейскихъ, бѣдность многихъ евреевъ ужасна до невѣроятности. Сія-то бѣдность, а частію общее слабосиліе ихъ тѣлосложенія и непривычка къ трудамъ заставляеть бѣднѣйшихъ евреевъ проводить жизнь праздную, бродячую, снискивать пропитаніе для себя и своихъ семействъ мелочною продажею по шинкамъ водки, жить плутовствомъ и обманомъ простолюдиновъ, побуждая сихъ послѣднихъ во всякаго рода преступленіямъ, отъ коихъ хотя бѣдные евреи извлекають нѣкоторую корысть, умѣя при судебномъ преслѣдованіи уклониться отъ обвиненія, при всемъ томъ, оставаясь въ бѣдности, такіе евреи рѣшительно не въ состояніи платить податей и становятся несносною тягостію для своихъ общинъ, а для гражданъ другихъ вѣроисповѣданій страшною нравственною язвою.

Къ прекращенію сего зла и облегченію присутственныхъ мѣстъ отъ бесплодной тягостной переписки полезно было-бы, приведа въ точную извѣстность, сколько на какой общинѣ евреевъ числится казенной недоимки и другихъ сборовъ, также частныхъ правильныхъ долговъ, велѣть тѣмъ общинамъ немедленно, въ опредѣленный срокъ, или уплатить недоимки и долги деньгами, или, считая рекрута по указной цѣнѣ, поставить соотвѣтственное причитающе-

муся на нихъ количеству недоимокъ и долговъ число рекрутовъ, предоставивъ въ семь случаѣ старшинамъ общинъ руководствоваться не очередью, а сдавать по собственному усмотрѣнію въ рекруты такихъ евреевъ, которыхъ общины признаютъ тягостными для себя по ихъ крайней несостоятельности, лишь-бы по правиламъ рекрутскаго приѣма оказывались годными нести военную службу.

Кромѣ уплаты казенныхъ недоимокъ и облегченія присутственныхъ мѣстъ отъ безуспѣшной по нимъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленія пагубнаго вліянія евреевъ на нравственность другихъ вѣроисповѣданій, такая мѣра безъ всякаго сомнѣнія принесла-бы и ту пользу, что многіе, совершенно праздные, и отъ того бѣдные евреи, бывъ стѣснены необходимостью уплатить недоимки или неизбѣжностью поступить въ военную службу, для избѣжанія сего принимали-бы св. крещеніе, а остальные вынуждены были-бы уплачивать государственныя подати въ положенные закономъ сроки.

При исполненіи этой мѣры полезно было-бы въ началѣ, для возбужденія въ евреяхъ охоты къ принятію св. крещенія, всякаго еврея, взятаго для сдачи въ рекруты, прежде введенія въ рекрутское присутствіе спрашивать, не желаетъ-ли онъ принять христіанское благочестіе, и изъявившихъ тотчасъ препровождать къ духовному начальству для изученія истинамъ христіанскаго вѣроученія и молитвамъ Господнимъ; а на мѣсто такого еврея, не считая его рекрутомъ, требовать другого.

Но истинная ревность объ озареніи евреевъ свѣтомъ истинной вѣры побуждаетъ предварительно обмыслить будущее пристанище крещаемыхъ, способы къ ихъ пропитанію и къ утверженію ихъ въ трудолюбіи, соотвѣтственномъ христіанской дѣятельности.

Къ прискорбію, до сего времени принявшіе св. крещеніе евреи, съ весьма рѣдкими исключеніями, ни мало не стараются исполнять обѣты, данныя ими при святомъ крещеніи, и большею частію провождаютъ жизнь растлѣнную, порочную. Но нельзя винить ихъ въ этомъ отношеніи, потому что такъ много преткновеній, совращающихъ ихъ на путь порока, что едва-ли-бы кто на ихъ мѣстѣ устоялъ противъ искушеній, которыя почти на всякомъ шагу встрѣчаютъ евреевъ послѣ св. крещенія. Обращаясь въ христіанство, евреи оставляютъ свои общины, свое племя, своихъ родныхъ; переходятъ въ общество совершенно имъ чуждое, въ которомъ, не надѣясь

найти родныхъ, не находятъ ни друзей, ни покровителей, потому что въ христіанахъ охладѣла любовь до того, что для воспріятія отъ св. купели еврея или еврейки чрезвычайно трудно упробить кого-либо принять на себя хотя одно названіе ихъ воспріемниковъ. Послѣ крещенія еврей естественно не безъ грусти видитъ, сознаетъ себя совершенно одинокимъ въ мірѣ и можетъ сравнить себя съ вѣтвію, отторгнутою отъ родного дерева, но едва привитою къ другому, безъ надзора, безъ попечительной руки, старающейся, чтобы прививокъ питался сокомъ дерева, къ которому привить. Безъ привычки къ трудамъ, едва умѣя чѣмъ-нибудь заниматься, побуждаемый голодомъ и другими нуждами, онъ обращается къ христіанамъ съ просьбою дать ему пріютъ ради пасущаго хлѣба, въ скорости теряетъ мѣсто новаго своего пристанища и проводитъ жизнь скитальческую, безпріютную. Этого только и ожидаютъ ревнующіе по своей вѣрѣ прежніе его единовѣрцы и, разставивъ сѣти своихъ козней, доводятъ новокрещеннаго до неизбежной пагубы: то подбросивъ ему краденныя вещи, то прямо увлекиши его въ беззаконіе, передаютъ его въ руки правосудія, или, обладая адскою тайною произвестъ въ комъ-бы-то ни было неисцѣльный запой ¹⁾), обращаютъ крестившагося еврея въ отъявленнаго пьяницу, передаютъ его всеобщему позору, указывая на его пороки и пьянство христіанамъ, а преимущественно своимъ дѣтямъ, какъ на слѣдствіе принятія имъ христіанства. Стократъ бѣдственнѣе еще участь принявшихъ христіанство евреекъ. Немоцныя по своему полу, слабосильныя по своей породѣ, не обученныя никакому рукодѣлію, кромѣ вязанія чулковъ, а по кухнѣ—стряпанью лапши, гугеля и цуки, горячія по своему темпераменту, онѣ въ самое непродолжительное время послѣ св. крещенія, почти всѣ безъ изыатія предаются, какъ единственному способу къ пропитанію, самому гнусному, безстыдному разврату ²⁾). Такимъ образомъ большая часть крестившихся евреевъ

1) Тайна или секретъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ старыхъ бочкахъ, въ которыхъ долго хранилось хлѣбное вино, заводятся на исподѣ неприжтныя для невооруженнаго микроскопомъ взгляда инфузорія. Если дать кому-либо выпить водки съ тѣми инфузоріями: то онѣ, постоянно требуя водки, какъ своей стпхи, будутъ производить во внутренности поглотившаго ихъ неутолимую жажду хлѣбнаго вина.

2) Пока еврейки пребываютъ въ еврействѣ, дотолѣ онѣ безопасны отъ разврата; впрочемъ отъ сего спасаетъ ихъ теперь не заповѣдь Божія, а вошедшее

становятся, по выраженію Спасителя, сынами геенны вдвое хуже, чѣмъ были до крещенія.

Достойно вниманія и замѣчаніе самихъ евреевъ на счетъ принимающихъ изъ числа ихъ св. крещеніе. »Вы«, говорятъ христіанамъ евреи, »крестите ихъ; но скажите: многихъ-ли изъ крещаемыхъ вами хороните? Покажите хотя одну могилу крещеннаго еврея!« Отвѣчать на подобный вопросъ искренно было-бы трудно. Есть извѣстные примѣры совращенія въ іудейство крестившихся евреевъ; могутъ быть многіе такіе примѣры неизвѣстными. Это предположеніе становится весьма вѣроятнымъ при соображеніи, что многіе изъ евреевъ, принявшихъ христіанство, получивъ определенное закономъ на первоначальное обзаведеніе количество денегъ, уходятъ съ мѣста прежняго своего жительства и неизвѣстно гдѣ скрываются. Даже носятя объ нихъ слухи, и кажется достовѣрные, что многіе изъ крестившихся, выдавая себя въ другихъ городахъ снова за евреевъ, просятъ въ другой и третій разъ крещенія единственно для полученія денежной награды.

Такія соображенія убѣждаютъ въ необходимости обдумать средства не только къ живому убѣжденію принимающихъ св. крещеніе евреевъ въ истинѣ христіанскаго вѣрученія, къ направленію ихъ дѣятельности сообразно съ правилами евангельскими, къ содѣланію ихъ полезными членами общества, но и къ обезпеченію ихъ содержанія и избранію постояннаго рода жизни. Въ послѣднемъ отношеніи требуемая средства, по мнрѣ способамъ, могутъ быть многоразличны. Ближайшими представляются слѣдующія:

1. Всѣхъ евреевъ, принявшихъ христіанство, выдавъ имъ изъ определенныхъ постановленіемъ высшаго начальства 10 рублей серебромъ на первоначальное обзаведеніе, немедленно отправлять во внутреннія губерніи Россіи. По малому еще количеству крещаемыхъ, они бы могли безъ отягощенія для правительства по одиночкѣ отправляться въ Россію съ почталіонами, препровождающими легкія почты. Если-же бы число крещаемыхъ увеличилось: то можно-бы

въ обычаи ихъ бдительное въ этомъ отношеніи наблюденіе однихъ за другими, которое весьма удобно при настоящемъ ихъ образѣ жизни, по которому въ такомъ домишкѣ, въ каковомъ даже бѣлорусскій крестьянинъ съ трудомъ помѣщается въ свои семействомъ, еврейскіе семействъ живетъ по нѣскольку.

ихъ отправлять подъ какимъ-либо попечительнымъ надзоромъ, подобно тому, какъ отправляются арестанты по этапамъ.

2. По прибытіи во внутренность Россіи немедленно требовать отъ новопросвѣщенныхъ евреевъ избранія рода жизни, и по объявленіи ими мѣстной полиціи объ избраніи рода жизни и пристанища, выдавать имъ остальные двадцать рублей на обзаведеніе.

3. Постановитъ правиломъ, чтобы избравшему такимъ образомъ родъ жизни и пристанище, принявшему христіанство еврею не выдавать годичныхъ плакатныхъ билетовъ, а выдавать на самое ограниченное время билеты или дозволеніе перейти въ другое определенное мѣсто для избранія рода жизни и пристанища подъ условіемъ, прописаннымъ въ самомъ билетѣ, по прибытіи на определенное мѣсто немедленно предъявить билетъ и избираемое имъ пристанище мѣстной полиціи.

4. Земскимъ и градскимъ полиціямъ повсемѣстно вестъ особенный имянной списокъ или вѣдомость всѣмъ принявшимъ христіанство евреямъ съ означеніемъ въ ней происхожденія, времени крещенія, переходовъ съ мѣста на мѣсто, поселенія ихъ въ подвѣдомомъ полиціи мѣстѣ, также избраннаго ими рода жизни, пристанища и примѣтъ каждаго. Съ сею-же цѣлю вмѣнить хозяевамъ временнаго ихъ пристанища въ непремѣнную обязанность немедленно послѣ выхода отъ нихъ или бѣгства крещенныхъ евреевъ, давать знать о томъ мѣстной полиціи, которой, учинивъ о томъ отмѣтку въ вышеозначенныхъ вѣдомостяхъ, въ тоже время принять мѣры къ отысканію бѣглеца.

5. Вмѣнить въ повсемѣстную обязанность полиціямъ составить именные вѣдомости всѣмъ принявшимъ доселѣ христіанство евреямъ и, повѣривъ оныя съ документами, а въ случаѣ надобности посредствомъ сношеній съ консисторіями тѣхъ губерній, въ коихъ тѣ евреи приняли христіанство, неослабно наблюдать въ отношеніи къ нимъ выше-предполагаемыя правила; а выписки изъ означенныхъ вѣдомостей сообщить мѣстнымъ приходскимъ священникамъ для неослабнаго наблюденія послѣдними за неуклоннымъ исповѣданіемъ христіанскаго вѣроученія принявшими оное евреями.

6. Изъ соображенія, что какъ вообще евреи, такъ и обращающіеся изъ нихъ въ христіанство, по физическому сложенію слабосильны, непривычны къ тягостнымъ трудамъ, рѣшительно неспо-

собны въ земледѣлію, и посему всѣ усилія къ обращенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ земледѣльцевъ всегда останутся тщетными, при избраніи рода жизни принявшими крещеніе евреями бесполезно настаивать, чтобы они избирали земледѣльческое состояніе. Но они одарены необыкновенною смышленостію, понятливостію, переимчивостію, легко изучаются всякаго рода руководѣліямъ; а привыкнувъ изъ дѣтства довольствоваться самою умѣренною пищею¹⁾, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь только по субботамъ, до того воздержны въ пищѣ, что содержаніе еврея стоитъ вдвое менѣе, нежели христіанина; изъ сего слѣдуетъ, что какъ вообще еврей, такъ и принявшіе христіанство съ пользою могли бы поступать на фабрики, на заводы, въ мастерскія различныхъ ремесленниковъ. Но имѣя въ виду природную евреевъ раздражительность, горячность и вообще въ высшей степени чувствительность, а отсюда памятозлобіе и мстительность, въ обращеніи съ крестившимися евреями требуется особенная осторожность, снисхожденіе въ проступкамъ, кроткое вразумленіе, сопровождаемое справедливостію и терпѣніемъ, ясное изложеніе или указаніе способа къ произведенію предмета, предлагаемаго имъ для изученія. Тѣлесныя же наказанія дѣлаютъ ихъ мстительными, памятозловивыми и доводятъ до окончательной нравственной пспорченности. Вообще если бы въ западныхъ губерніяхъ Россіи побудить или какими-либо средствами заставить евреевъ завести различныя фабрики, особенно, по обилію въ тѣхъ губерніяхъ пеньки и льна, фабрики полотняныя, устроить ихъ по образцу лучшихъ иностранныхъ фабрикъ, учредить на нихъ стройный порядокъ по нравственной и мануфактурной части: то гораздо вѣрнѣе можно было бы обратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ, нежели усиліями сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ. А между евреями есть такіе капиталисты, которые въ состояніи завести фабрики; по торговымъ связямъ съ единовѣрцами

1) Каждый еврей признаетъ себя дотолѣ не заслуживающимъ подкрѣпить себя пищею, доколѣ чего-либо не заработаетъ, т. е., пока кого-либо изъ христіанъ не обманетъ. Затѣмъ онъ качается на молитвѣ часъ и два, наконецъ принимается за пищу, которая ежедневно, кромѣ субботы, состоитъ осевою и зимой изъ луку съ небольшимъ ломтемъ хлѣба и какой-либо похлебки; весной-же и лѣтомъ, кромѣ луку, еврей лакомится еще рѣдккой.

другихъ странъ, они легко могли-бы открыть техническіе секреты, коими обладаютъ процвѣтающія иностранныя фабрики.

7. Опыты доказываютъ, что многіе изъ крестившихся евреевъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и внутри Россіи заводятъ питейные дома и занимаются продажею водки. Это только по имени христіане, принявшіе христіанство съ тѣмъ, чтобы подъ его прикрытіемъ заниматься плутовствомъ прежняго рода жизни. Съ умноженіемъ въ Россіи такихъ продавцевъ водки русскихъ крестьянъ постигнетъ также страшная нищета, слабосиліе, бессмысліе, какъ и бѣлорусскихъ: потому что крещенные, занимающіеся продажею водки, евреи изученнымъ ими искусствомъ заманивать въ шинки разовьютъ въ русскихъ крестьянахъ неисцѣльное пристрастіе къ пьянству. Въ предотвращеніе столь пагубныхъ послѣдствій необходимо всемѣрно не допускать вновь принимающихъ крещеніе евреевъ заниматься продажею водки.

Къ принятію такими евреями христіанства побуждаетъ единственно то, что послѣ крещенія они безпрепятственно могутъ заниматься продажею водки: такъ какъ этотъ родъ жизни обратился въ страсть, овладѣлъ сердцемъ и душою евреевъ. Изъ сего очевидно, что для перерожденія этого народа, для обращенія евреевъ въ полезныхъ гражданъ требуются законы, воспреещающіе имъ заниматься продажею водки, строгіе, не допускающіе въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія ни для кого, ни для какихъ самыхъ корыстныхъ видовъ, даже государственныхъ: потому что евреи малѣйшему въ семъ отношеніи послабленію законовъ тотчасъ даютъ такой оборотъ, что дозволяютъ себѣ торговать водкою во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ. Такъ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ дозволено евреямъ—откупщикамъ продавать водку и внѣ городовъ, по мѣстечкамъ и селамъ, съ тѣмъ, чтобы продажею водки занимались христіане. Что-же? Въ каждой корчмѣ живетъ для виду какой-нибудь шляхтичъ, будто занимающійся продажею водки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ продаетъ водку еврей, постоянно живущій въ той-же корчмѣ. Если проѣзжій спроситъ его: что ты здѣсь дѣлаешь? еврей отвѣчаетъ: такъ, заѣхалъ на минуту для расчета съ шляхтичемъ, продающимъ здѣсь водку.

Вотъ что!

V.

Письмо къ архіепископу Смоленскому Антонію.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Благомилостивѣйшій Архипастырѣ!

Да воздасть вамъ прошедшій небеса Пастыреначальникъ своими щедротами за любовь вашу, побужденіемъ коей ваше святительство начертали писаніе ко мнѣ 16 числа истекшаго ноября! По истинѣ, это писаніе усладило душу мою!

Дождавшись указа, окончательно отрѣшившаго меня отъ моголевской епархіи, я снѣшилъ скорѣе выѣхать изъ Могилева: потому что настала самая дурная погода. При всемъ томъ не могу выразить, сколько я перенесъ горя въ подольской губерніи, путешествуя по черноземной развѣсшей дорогѣ.

Но это въ сторону! Обращаюсь къ содержанію почтеннѣйшаго вашего писанія. Я съ болѣзнію сердца предчувствовалъ, услышавъ предъ выѣздомъ моимъ изъ Могилева, что въ Смоленскъ опредѣленъ кураторомъ, или приходскимъ патеромъ, ксендзъ графъ Лубянской, кажется, по прозванію, іезуитскій ученикъ, дышущій всею ненавистію противъ нашей церкви, видный собою, красивый, ловкій мущина. Его и ксендза графа Потоцкаго привозилъ съ собою въ Могилевъ латинскій митрополитъ Зѣливскій. Слѣдствіемъ нѣсколько—дневнаго ихъ пребыванія въ Могилевѣ было то, что три православнаго вѣроисповѣданія помѣщичьяго сословія дѣвицы, племянницы гр. Т. открыто обратились. Я писалъ къ нему объ этомъ и всеу! Другихъ-же мѣръ не предпринималъ противу этого, потому что, по всеѣмъ мѣстнымъ соображеніямъ, другія мѣры доставили-бы только большее торжество врагамъ нашей церкви. Теперь съ крайнимъ прискорбіемъ вижу, что мое предчувствіе по случаю опредѣленія въ Смоленскъ кураторомъ графа-іезуита оправдалось. Но все это только цвѣточки еще, надобно ожидать сверхъ того самыхъ горькихъ плодовъ, принявъ во вниманіе, что теперь повсемѣстно, гдѣ только есть латинисты, образовались тайныя общества пропаганды, дѣйствующей по сатанински обдуманному плану, съ упорнѣйшею настойчивостію! Эта пропаганда образовалась первоначально во Франціи ультрамонтанистами и развилась по всему міру. Кромѣ безчисленныхъ книгъ, она издала

для совращенія женщинъ и дѣвиць книгу, заключающую въ себѣ мнимыя видѣнія какой-то ясновидящей, которая будто-бы отъ напряженнаго размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа получила отпечатки язвъ Его на лѣвомъ боку, на головѣ, на ногахъ и рукахъ. Это въ родѣ видѣній или набожнаго бреда латинскихъ святыхъ Бригитты, Екатерины Сеннейской и проч. А книга написана самымъ обольстительнымъ слогомъ, обильно украшена всѣми цвѣтами поэзіи и фантазіи. Объ этомъ я провѣдалъ также предъ самымъ выѣздомъ изъ Могилева!

Такія дѣйствія пропаганды ультрамонтанистовъ въ Россіи, кажется, неотразимы: потому что одни изъ святителей нашей церкви и не думаютъ отражать нападенія, другіе связаны по рукамъ и ногамъ. Возьмите 1 часть XI тома свода законовъ Россійской имперіи, въ которой 1857 года напечатанъ уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, и ваше высокопреосвященство убѣдитесь, что духовенство латинской церкви поставлено выше всѣхъ, что дѣйствія духовныхъ патеровъ протестантскихъ, реформатскихъ, даже татарскихъ муллъ стократно свободнѣе, нежели ваши. Они всѣ дѣйствуютъ въ пользу своего вѣроисповѣданія съ полною свободою, какъ имъ угодно, по своему усмотрѣнію, никому не докладываясь. Ваше высокопреосвященство вынуждены напередъ обо всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ представлять св. синоду; гдѣ часто и не дадутъ хода вашему представленію, а если доложить объ немъ присутствію, то будутъ разсуждать безъ конца о вашихъ предположеніяхъ; покуситесь сдѣлать что-либо, выходящее изъ заведенной рутины, а узнаютъ объ этомъ въ Петербургѣ, такъ станутъ требовать столько объясненій, что вмѣстѣ съ ними опротивѣтъ вамъ Ваша ревность. Да каково самое опредѣленіе святителей нашей церкви на епархіи? Напишутъ указы Его Императорскаго Величества объ опредѣленіи такого-то архіерея на такую-то епархію и возношеніи имени на ектеніяхъ до указа о новомъ архіерей. Все указы да указы. Вашему напримѣръ преосвященству подала прошеніе какая-нибудь пономарша о томъ, что такой-то дьячекъ прибилъ ее. Вы сдаете прошеніе въ консисторію, консисторія пинетъ объ этомъ указъ Его Императорскаго Величества; какой-нибудь благочинный, представляя отчетъ о свѣчномъ доходѣ, ошибся (въ счету одной копѣйкой, консисторія требуетъ отъ него объясненія

указомъ Его Императорскаго Величества. Не профанируется-ли этимъ Высочайшее имя? Ахъ, больно слушать, какъ надъ такою формою насмѣхаются иновѣрцы, да и вообще либеральные свѣтскіе люди. Въ старину и въ нашей церкви.....¹⁾). Не очевидно-ли изъ всего этого, что дѣйствовать къ обращенію въ нѣдра церкви совратившихся тоже, что гоняться за вѣтромъ! Въ частности обыкновенныя наши средства къ вразумленію раскольниковъ безуспѣшны преимущественно потому, что епархіальныя начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это надо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства.

Но я восхищаюсь ревностною дѣятельностію вашего преосвященства; да укрѣпитъ Господь ваши силы и да сподобитъ васъ дѣйствовать во славу Своего имени еще хоть шестьдесятъ лѣтъ! Дѣйствовалъ и я когда-то; могу сказать съ Цицерономъ: *sedebamus in purri et clavem tenebamus!* Да только то горе, что руки вяжутъ. И мнѣ пришло было на мысль, что учрежденіе въ церквахъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій объ обращеніи ихъ въ нѣдра церкви послужило-бы къ утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Мысль эта возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссіонерамъ латинской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссіонерамъ правиломъ ежедневно совершать миссу съ интенціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣрныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Вслѣдствіе сего я написалъ къ б. ректору петербургской академіи пр. Макарію (впослѣдствіи митрополитъ м.), что полезно было-бы написать ектеніи и вообще составить молебеніе, похоже на то, какое было употребляемо во время холеры, для возглашенія моленій объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ. Пр. Макарій доложилъ объ этомъ пр. митрополиту петер. блаженной памяти Григорію и оба вполне одобрили мое предположеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я съ жаромъ принялся за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, такъ-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ перерывъ въ письмѣ: часть письма потеряна. — К. Береза.

же провимны и причастенъ, и все это представилъ св. синоду. Что же? Рукопись мою схватилъ, говорятъ, святѣйшій Сербиновичъ ¹⁾ и проглотилъ. Семь лѣтъ назадъ минскій преосвященный Михаилъ представилъ св. синоду, что полезно было-бы издать краткія молитвы во святымъ мѣстно-чтимымъ, по древнему обычаю, въ западныхъ губерніяхъ. Св. синодъ поручилъ мнѣ написать такія молитвы, я написалъ ихъ и представилъ. Но рукопись моя снова, кажется, уничтожена святѣйшимъ Сербиновичемъ! А сколько я представилъ проектовъ о преобразованіи семинарій, объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ, о просвѣщеніи евангельскимъ ученіемъ евреевъ, кромѣ проектовъ и предположеній по епархіальному управленію! И все напрасно: потому что въ св. синодѣ преобладаетъ сила міра сего. Но не болѣе ревнуютъ о благѣ св. церкви и наша братія архіереи. Нѣкоторые помѣщики православнаго вѣроисповѣданія со слезами жаловались предо мною, что такъ какъ у нихъ бываетъ прислуга латинскаго вѣроисповѣданія, то когда бываетъ приглашаемъ ксендзъ для совершенія какого-либо таинства или напутствія умирающаго, онъ сопровождаетъ свои дѣйствія такими наставленіями, что всѣхъ присутствующихъ приводитъ въ умиленіе. А приглашенный для той-же цѣли нашъ священникъ прійдетъ, поспѣшно прочтаетъ подъ носъ невразумительно какія-то молитвы и уйдетъ. Стараясь посему вывѣдать, какъ дѣйствуютъ ксендзы при совершеніи таинъ особенно въ домахъ, я узналъ, что въ ихъ требникахъ, именуемыхъ *agenda*, есть наставленія, которыя непременно долженъ произносить ксендзъ при совершеніи таинствъ, что кромѣ того есть у нихъ множество въ рукописи рѣченокъ на всѣ случаи, что тѣ наставленія и рѣченки ксендзы твердо заучиваютъ и щеголяютъ ими при случаѣ. Обратившись къ нашимъ требникамъ, я увидѣлъ, что только въ большихъ требникахъ есть наставленія по отношенію къ нѣкоторымъ таинствамъ, а въ малыхъ ихъ нѣтъ. Вотъ я и написалъ рѣченки и наставленія пріемлющимъ и присутствующимъ при совершеніи таинствъ, совершаемыхъ священникомъ; представилъ рукопись съ тѣми рѣченками въ петербургскую духов-

¹⁾ Воспитанникъ іезуитовъ, Сербиновичъ былъ всемогущимъ директоромъ канцеляріи оберъ прокурора святѣйшаго синода графа Протасова, тоже воспитанника іезуитовъ. — Б. Б е р е з а.

ную цензуру; цензура представила оную св. синоду; синодь поручилъ разсмотрѣть и дать объ ней мнѣніе б. п. пр. Елпидифору (епископъ каменецъ-под.); Елпидифоръ оплевалъ рукопись мою своею критикою, которую въ копіи прислалъ мнѣ св. синодь съ моею рукописью. Прочитавъ критику и убѣдившись, что она неосновательна и недобросовѣстна, я препроводилъ реченную рукопись съ означенною критикою къ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Нектарію съ просьбою, чтобы онъ или самъ составилъ или кому-либо поручилъ составить требуемыя рѣченки, обещающія выписать по изданіи тысячи; преосвященный Нектарій представилъ упомянутую рукопись съ критикою блаженной памяти митрополиту Григорію; Григорій взялся самъ разсмотрѣть рукопись, но вскорѣ отошелъ въ вѣчность; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ 1858 году издатель моихъ издѣлій священникъ Василь Гречулевичъ¹⁾ настойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе »Записокъ о Римской Церкви«. Съ этою цѣлію я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вкравшихся въ нихъ ошибокъ, подкрѣпилъ сужденія и событія, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками объ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ представилъ ихъ св. синоду; синодь поручилъ дать свое мнѣніе объ нихъ преосвященнѣйшему Димитрію; Димитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ записокъ нѣкоторыя главы, особенно главу объ избраніи папъ.....²⁾.

Сообщ. К. Береза.

¹⁾ Нынѣ пр. Виталій, епископъ моголевскій.

²⁾ На этомъ письмѣ обрывается: оно не было окончено и, вѣроятно, не было послано по адресу.—К. Береза.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

IX. Путешествіе по Германіи.

Въ Лейпцигъ пріѣхали мы въ самый разгаръ Остра-мессе, но нашли удобное помѣщеніе и пробыли тамъ два дня. Въ почтовой каретѣ отправились въ Альтенбургъ, гдѣ провели одинъ день. Этотъ маленькій городъ понравился мнѣ своими первобытными нравами; старинные костюмы тамошнихъ женщинъ обратили на себя въ особенности наше вниманіе; въ Байрейтѣ мы оставались только для обѣда и прибыли въ Нюренбергъ. Отдохнули тамъ два дня. Нюренбергъ заинтересовалъ насъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ; неправильныя узкія улицы, высокіе дома, остроконечныя крыши, поросшіе кустарниками и травой рвы—все это поражало своею оригинальностью; я срисовалъ карандашемъ съ натуры часть одной улицы съ аркой, перекинутой между домами.

Когда то вольный, богатый и многолюдный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, Нюренбергъ славился въ свое время произведеніями изъ папье-маше и дѣтскими игрушками. Народонаселеніе уменьшилось на

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., майск. кн., стр. 77—87.

половину. Марктплацъ съ великолѣпнѣйшимъ фонтаномъ, нѣсколько старинныхъ замѣчательныхъ своей архитектурой и живописью на стеклѣ церквей, Rathhaus, и небольшая картинная галерея, въ которой находится св. Екатерина съ младенцемъ Исусомъ Рубенса, — вотъ и всѣ достопримѣчательности Нюрнберга.

Въ Регенбургѣ мы пробыли одинъ день. Въ былыя времена также вольный и богатый городъ съ ратгаузомъ, въ которомъ съ 1633 по 1806 годъ собирався германскій сеймъ, и великолѣпнымъ готическимъ соборомъ во имя св. Петра, Регенбургъ произвелъ на насъ приятное впечатлѣнiе; ѣздили осматривать Валгаллу, выстроенную баварскимъ королемъ Людвигомъ I по плану имъ составленному и заключающую въ себѣ бюсты знаменитыхъ мужей и женщинъ Германiи, любовались величественнымъ видомъ на Регенбургъ, Дунай и Альпы, и выѣхали въ Мюнхенъ.

Столица Баварiи намъ очень понравилась и мы пробыли въ ней недѣлю, да мѣнѣе и нельзя было, что-бы познакомиться вполне съ художественными достопримѣчательностями Мюнхена. Нѣсколько разъ посѣтили Пинакотеку и Глиптотеку, осмотрѣли новыя церкви, зданiе университета и почты и королевскiй дворецъ, часто гуляли въ англiйскомъ саду и ѣздили въ окрестности, довольно красивыя; я срисовалъ двѣ изъ нихъ.

Однажды мы остановились предъ зданiемъ почты, вновь построенномъ въ греческомъ древнемъ стилѣ противъ дворца. Подходить къ намъ какой то некрасивый, пожилой, сухощавый господинъ въ изношенномъ пальто и помятой шляпѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Наниму, обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Какъ вамъ нравится зданiе почты?—Я ему отвѣтилъ, что нахожу зданiе очень оригинальнымъ, но не будучи знаткомъ въ дѣлѣ архитектуры, а только любителемъ всего изящнаго, не берусь судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой постройки.

— Что вы любитель изящнаго, я въ этомъ не сомнѣваюсь, плата данъ удивленiя красотѣ вашей дамы, но желалъ бы знать ваше мнѣнiе на счетъ почты.

— Признаюсь откровенно: оно мнѣ не нравится.

Пожилой господинъ бросилъ на меня взглядъ негодованія, сказалъ отрывисто: >видно, что вы дѣйствительно ничего не понимаете въ архитектурѣ», — и отошелъ отъ насъ быстрыми шагами. Я повернулся, чтобы посмотрѣть на этого чудака; вижу, что всѣ ему кланяются, а часовые отдають честь у входа въ дворецъ; спрашиваю одного изъ прохожихъ, кто этотъ господинъ и узнаю, что то былъ король Людвигъ. Какъ извѣстно, король украсилъ Мюнхенъ превосходными зданіями, достроилъ дворецъ, выстроилъ четыре церкви, университетъ, театръ, синагогу, двѣ Пинакотекы и Глиптотеку, наполнилъ ихъ замѣчательнѣйшими произведеніями живописи и ваянія, былъ истиннымъ меценатомъ въ дѣлѣ искусствъ, большимъ поклонникомъ красоты и классикомъ въ архитектурѣ. По его плану и чертежамъ выстроено архитекторомъ Кленце зданіе почты въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ 12 колоннами и 6-ю фресками Гильтенспергера на красномъ фонѣ. Король часто ходилъ любоваться своимъ произведеніемъ и имѣлъ привычку спрашивать путешественниковъ о впечатлѣніи, которое производила на нихъ архитектура почты. Мнѣ очень досадно было, что безъ умысла огорчилъ художника въ лицѣ короля.

Людвигу Мюнхенъ обязанъ своими сокровищами архитектуры, живописи и скульптуры. Въ дворцѣ, въ новой резиденціи особенно замѣчательны залы Нибелунговъ и тронная съ 20 коринтскими колоннами и 12 золочеными статуями баварскихъ электоровъ и королей, и комната съ портретами красавицъ. Въ Пинакотекѣ (тогда новая, только что начинала строиться), кромѣ извѣстныхъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ старыхъ школъ италіянскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ, находится множество новѣйшихъ произведеній живописи. Достаточно указать на имена: Каульбаха, Корнеліуса, Кауфмана, Циммермана, Овербека, Кирхнера, Гесса, Ротмана, Беккера, Клотца и другихъ. Въ Глиптотекѣ, кромѣ древнихъ статуй и бюстовъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Щадова, Эбергарда, Рауха, Тика, Буша, Даннеккера.

Чѣмъ болѣе узнавалъ я Наиму, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; вездѣ и постоянно мы были неразлучны. Чудный характеръ, доброе сердце, замѣчательный умъ, всегда веселое расположеніе духа,

простота въ обращеніи и образѣ жизни, снисходительность, кротость и глубокая любовь ко мнѣ дѣлали меня вполне счастливымъ.

Въ то время въ Мюнхенѣ было множество красивыхъ женщинъ, двухъ типовъ совершенно противоположныхъ. Баварки, чистой крови, отличались небольшимъ ростомъ, необыкновенною бѣлизною, свѣтлыми пепельнаго цвѣта или слегка рыжеватыми волосами, голубыми и сѣрыми глазами и довольно яркимъ румянцемъ; тирольки были высоки, стройны, черноволосы, по большей части блѣднолицы. И во множествѣ самыхъ красивыхъ женщинъ, конечно, нельзя было не замѣтить величественной красоты моей ошаривательной подруги.

Въ многолюдномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, красота Наимы представляла впрочемъ намъ искать уединенія и рѣдко показываться въ публикѣ. Когда мы были въ театрѣ, Наима обратила на себя общее вниманіе, бинокли постоянно обращались къ нашей ложѣ, а при выходѣ намъ сопровождала цѣлая толпа. Какъ ни льстило моему самолюбію поклоненіе красотѣ Наимы, признаюсь, оно иногда мнѣ было не совсѣмъ приятно.

Х. И т а л і я.

Изъ Мюнхена на Инспрукъ отправились мы въ Верону. Дорогой любовались чудными видами Тироля, отъ которыхъ нерѣдко приходили въ совершенный восторгъ. Приѣхали въ Верону раннимъ весеннимъ утромъ и остановились на обширной площади, украшенной двумя марморными фонтанами и превосходно вымощенной большими плитами. Покуда переносили наши вещи въ гостиницу, мы вышли погулять; рынокъ только что открылся, многолюдная оживленная толпа покупателей и продавцевъ наполнила площадь. Меня поразилъ необыкновенно большой размѣръ овощей, которыя очищались и мылись у фонтановъ торговками и крестьянками. По нимъ можно было уже судить о производительности италянскій почвы.

Осмотрѣвъ знаменитый циркъ и другія достопримѣчательности Вероны, мы проѣхали на другой день чрезъ Падую, остановились въ ней на два часа, чтобы пообѣдать и взглянуть на сафѣ Педрокки, а на третій день были въ Венеціи.

Въ Венецію пріѣхали утромъ; подвѣзжая, мы увидѣли издали большую гондолу, всю покрытую чернымъ сукномъ. На вопросъ мой: не похоронны-ли это? мнѣ отвѣтили, что въ Венеціи всѣ гондолы оббиваются всегда чернымъ сукномъ, по распоряженію правительства республики, сдѣланнаго давно для ограниченія роскоши, вкравшейся въ нравы венеціанцевъ, тратившихъ большія суммы на украшеніе своихъ гондолъ золотой рѣзбой, богатыми матеріями и парчой. Тутъ-же мнѣ сообщили, что въ прежнее время насчитывали въ Венеціи до 30,000 гондолъ а теперь нѣтъ и тысячи. Въ день нашего пріѣзда назначенъ былъ большой національный праздникъ, называемый регатою. Этотъ праздникъ, состоявшій въ гонкѣ гондолъ, былъ любимымъ развлеченіемъ венеціанцевъ; но въ теченіи многихъ лѣтъ австрійское правительство не позволяло устраивать регату, и разрѣшило въ первый разъ только въ 1843 году. Стеченіе народа было громадное, наѣхало столько итальянцевъ, желавшихъ принять въ немъ участіе, прибыло такъ много путешественниковъ и иностранцевъ, что всѣ гостиницы были переполнены. Мы долго блуждали по Венеціи, куда нашли помѣщеніе. Задолго до пріѣзда Наимы въ Дрезденъ, я заговорилъ однажды съ Липинскимъ о путешествіяхъ и о желаніи моемъ поѣхать со временемъ въ Италію; онъ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, въ числѣ ихъ былъ адресъ синьоры Грассо, содержательницы меблированныхъ комнатъ въ Венеціи, на каналѣ Вознесенія, недалеко отъ площади св. Марка. Не найдя ни одного свободнаго номера въ гостиницахъ, я вспомнилъ объ адресахъ Липинскаго, и у синьоры Грассо мы нашли порядочную квартиру. Намъ отвели двѣ очень прилично меблированныя комнаты, и когда я спросилъ о цѣнѣ, синьора отвѣтила: по два цванцигера за комнату въ день регаты, а если останетесь нѣсколько дней, заплатите по цванцигеру. На наши деньги цванцигеръ равнялся тогда 20 копѣйкамъ серебромъ. Дешевизна во всемъ была необыкновенная въ Италіи, въ особенности въ Венеціи.

Найма устала отъ дороги и чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; я хотѣлъ остаться съ нею цѣлое утро, но она упростила меня пойдти посмотреть регату и располагала уснуть тѣмъ временемъ.

Я направился къ большому каналу и получилъ мѣсто у палаццо Гримани. Весь каналъ былъ усыянъ безчисленнымъ множествомъ гон-

долъ, гондольеры въ національныхъ костюмахъ; по срединѣ у мѣста, съ котораго долженъ былъ начаться бѣгъ, стоялъ знаменитый буццаторъ, служившій во время республики для національныхъ празднествъ и для обрученія вновь избираемаго дожа съ моремъ. Онъ былъ разсвѣченъ флагами. Всѣ дворцы по большому каналу, начиная съ Ріальто, были украшены флагами, кусками матерій и коврами, висѣвшими изъ оконъ и балконовъ, наполненныхъ зрителями. Нѣсколько оркестровъ музыки помѣщалось въ отдѣльныхъ большихъ лодкахъ.

Регата продолжалась долго, восторженнымъ кликамъ и энтузіазму не было конца. Первая награда заключалась въ серебряномъ золоченомъ кубкѣ съ крылатымъ львомъ св. Марка на крышкѣ; вторая состояла изъ 300 гульденовъ, третья изъ 150 гульденовъ, а четвертая изъ чернаго поросенка въ красномъ ошейникѣ. Послѣ раздачи наградъ, я собирався уже отправиться домой, какъ услыхалъ подлѣ себя русскую рѣчь. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ соотечественниками. То были: О. В. Чижевъ, профессоръ математики с.-петербургскаго университета, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ г-жи Галаганъ въ качествѣ наставника ея сына, княгиня Трубецкая, помѣщица орловской губерніи съ племянникомъ Барщевскимъ, и баронесса Мантейфель. Съ Чижевымъ мы сошлись тотчасъ; онъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ, привѣтливостью и простотою въ обхожденіи; живалъ въ Малороссіи, и у насъ нашли общіе знакомые.

Княгиня Трубецкая пожилая дама, нервная, но довольно симпатичная; племянникъ ея блѣдный, худой Митрофанушка, путешествовавшій года три за границей и не выучившійся ни одному иностранному языку.

Баронесса Мантейфель, весьма милая и любезная дама, страдала потерей голоса, провела всю зиму въ Венеціи и стала съ весны говорить довольно громко.

Наиму я засталъ еще спящею. Сонъ возстановилъ ея силы и мы отправились обѣдать къ русскому повару, содержавшему тогда ресторанъ въ Венеціи. Мимоходомъ посѣтили площадь св. Марка и были въ восторгѣ отъ этой великолѣпной залы безъ потолка; стѣнами служила церковь св. Марка и зданія прокуративъ; въ верхнихъ этажахъ про-

куративъ помѣщались правительственныя учрежденія, а нижніе съ аркадами всё заняты были магазинами. Вечеръ провели мы на площади св. Марка, которая при освѣщеніи показалась намъ еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Безчисленное множество гулявшихъ, нѣсколько оркестровъ превосходной музыки, оживленное движеніе массъ, неумолкаемый говоръ напоминали старое счастливое время венеціанской республики, изрѣдка только взоръ былъ непріятно поражаемъ появленіемъ блага австрійскаго мундира и вслѣдъ за нимъ до слуха долетало энергическое: *Tedesco maledetto*. Женщины почти всё были въ черномъ, у большинства на головахъ черное кружевное покрывало. Позднимъ вечеромъ возвратились мы домой.

На другой день хозяйка предложила намъ еще комнату и мы помѣстились очень удобно. Венеція намъ такъ понравилась, что мы пробыли въ ней три недѣли, осмотрѣли въ подробности всё достопримѣчательности, какъ художественныя, такъ и историческія; бывали въ фениче, гдѣ шли весьма недурно итальянскія оперы; ежедневно разѣзжались въ гондолахъ при пѣніи гондольерами стансовъ Петрарки; вечера по большей части проводили или въ театрѣ или на площади св. Марка.

Въ каждомъ большомъ городѣ болѣе или менѣе видишь постройки новыхъ домовъ; въ Венеціи, напротивъ, старыя, необитаемыя быстро разрушаются; по количеству тогдашняго народонаселенія домовъ было слишкомъ много, и печальный видъ развалинъ представлялся часто въ отдаленныхъ частяхъ Венеціи. Старинныя знаменитыя фамиліи обѣднѣли и великолѣпныя ихъ дворцы опустѣли. Мраморныя и бронзовыя украшенія проданы и вывезены, преимущественно англичанами. Одними картинами венеціанцы дорожили и не смотря на соблазнительныя предложенія, рѣдко продавали ихъ. Лучшіе *palazzo* были заняты или почтамтомъ или полиціей и другими учрежденіями, а нѣкоторые обращены въ казармы. Ни въ одномъ изъ нихъ не осталось древняго богатого убранства, но паружность, по большей части мраморная разныхъ цвѣтовъ, поражала своею грандіозностью и оригинальностью неправильной, но изящной архитектуры. Дворцы большого канала: Фоскари, Пизани, Гримани, Мочениго, Вальморана, Пезаро, Вендраминъ, Кон-

рерь, Манфриръ и Каза-Доро представляли собою поразительное сочетание богатства, вкуса и искусства.

Дворецъ дожей, выходящій главнымъ фасадомъ на Пиацетту, верхъ зодческаго своеобразнаго таланта. Нигдѣ нѣтъ симметріи, вездѣ неправильности, а между тѣмъ общій видъ удовлетворяетъ вполне чувству изящнаго. Церковь св. Марка и другія заключаютъ въ себѣ сокровища живописи и ваянія. Прибавьте къ этому историческія воспоминанія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, полное величія, таинственности и романтизма прошедшее республики; загляните въ залу совѣта десяти, въ пьомбы и подземелья, пройдитесь по *ponte del sospirì*, взойдите на лѣстницу гигантовъ съ львиной пастью, куда бросали доносы, и воображенію вашему живо представлятся: Дондоло Зено, Марино-фальеро Фоскари, Мочениго и та поэтическая Венеція, о которой вы такъ много слышали, читали и мечтали. Было-ли это особеннымъ настроеніемъ души въ самые счастливые дни моей молодости, или дѣйствительно Венеція заключала въ себѣ чарующую прелесть прошлаго, было, дѣло въ томъ, что ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ прекрасная царица Адриатики.

Въ пятницу, по вечерамъ, когда Наима оставалась дома одна, я посѣщалъ моихъ соотечественниковъ и бывалъ чаще другихъ у Ѳ. В. Чицова; онъ готовился писать исторію искусствъ, начавъ съ живописи; изучалъ картины Тиціана и Поля Веронезе и ходилъ ежедневно въ бібліотеку дворца дожей читать сочиненія, касавшіяся живописи, дѣлалъ изъ нихъ выписки и приготовилъ уже довольно матеріала для своего труда. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ предъ отъѣздомъ изъ Венеціи я отправился къ княгинѣ Трубецкой, жившей на большомъ каналѣ подлѣ саза дого, нашелъ тамъ баронессу Мантейфель, Чицова, Эппингера, русскаго художника, и пѣвицу Фрецолини, начинавшую въ фениче свою блестящую артистическую карьеру. Послѣ довольно продолжительнаго и оживленнаго разговора о національностяхъ, въ которомъ я отождествлялъ велико и мало-русскую, вопреки мнѣнію Чицова, мы занялись музыкой. Фрецолини пѣла аріи изъ «*Лучи*» и «*Пуританъ*», а ей аккомпанировалъ, потомъ попросили меня импровизировать.

Чудная весенняя ночь, синее венеціанское небо, полная луна, освѣщавшая своимъ блѣднымъ сіяніемъ великолѣпные мраморные дворцы, отражавшіеся въ тихомъ невозмутимомъ каналѣ, изрѣдка плавно скользившія по гладкой поверхности водъ гондолы, освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, разлука, хотя и очень кратковременная, но вынужденная съ Наимой, невозможность познакомиться съ нею моихъ соотечественниковъ и ввести въ ихъ кругъ подѣ моимъ именемъ, и поэтично и грустно настроили меня; я сѣлъ за фортепьяно и въ звукахъ вылилось состояніе моего духа. Никогда не любилъ я такъ страстно, давно не игралъ я съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ: образъ Наимы одушевлялъ меня, глубокая взаимная привязанность неразрывно связывала насъ; но на этомъ счастливомъ, безмятежномъ горизонтѣ появлялись въ мысляхъ моихъ темныя тучи: врожденная совѣстливость постоянно тревожила меня и нерѣдко вызывала глубокое сожалѣніе о томъ, что я позволилъ себѣ воспользоваться увлеченіемъ Наимы и поставленъ въ необходимость скрывать отъ знакомыхъ наши отношенія, чистыя предъ небеснымъ Сердцевѣдцемъ, но преступныя предъ условіями общественной жизни. Поэтому въ импровизаціи моей къ нѣжному изліянію любви примѣшивалось и волновавшее, потрясавшее чувство неопредѣленной тревоги; вмѣстѣ съ мелодіями, дышавшими прелестью весенней итальянской ночи, звучали рѣзкіе диссонансы душевной невзгоды. Никогда не забуду этого вечера; онъ мнѣ памятенъ по музыкальному вдохновенію. Когда я кончилъ, Фрецолини подошла ко мнѣ и пожмая руки сказала, что не ожидала найти въ скромномъ любителѣ замѣчательнаго артиста; всѣ были въ восторгѣ отъ моей игры, я тоже остался совершенно доволенъ моею импровизаціей. Далеко за полночь мы разстались.

Высоко возшло солнце, когда я проснулся послѣ описаннаго вечера. Вхожу къ Наимѣ и застаю ее въ утреннемъ неглиже. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, и говорила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Я старался ее успокоить и отправился за докторомъ. Лучшій въ то время въ Венеціи докторъ Z. изъ Падуи, разспросивъ Наиму, объявилъ, что ничего особеннаго нѣтъ въ состояніи ея здоровья и что маленькіе припадки слабости происходятъ отъ весьма обыкновенной у молодыхъ дамъ причины.

Печалиться или радоваться? — въ этомъ состоялъ вопросъ. Сначала мнѣ взгрустнулось; но вскорѣ радостное чувство овладѣло мною, мысль, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ узы наши скрѣнятся еще болѣе залогомъ нашей любви, успокоивала меня; надежда, что сдѣлавшись матерью, Наима станетъ уступчивѣе въ религіозномъ отношеніи и дастъ возможность повести ее къ алтарю, лелѣяла, услаждала меня.

Съ большимъ сожалѣніемъ разстались мы съ Венеціей; чрезъ Падую отпавились въ Болонью, гдѣ пробыли день, оттуда во Флоренцію; тамъ прожили недѣлю, чтобы внимательно осмотрѣть произведенія искусствъ древней столицы Тосканы.

Флоренція съ перваго взгляда не представляетъ ничего особеннаго, но взгляните внимательно въ этотъ средневѣковой италіанскій городъ, и онъ васъ заинтересуетъ въ высшей степени. Осмотрите соборъ S-ta Maria del Fiore съ громадной башней колокольни, церковь св. Іоанна Крестителя съ бронзовыми вратами, о которыхъ Микель Анжело сказалъ, что онѣ достойны служить вратами рая, церковь св. креста, св. Маріи (Novella), названной Микелемъ Анжело невѣстой, старый дворецъ на площади Синьоріи, дворцы Риварди, преторіи, Uffizi, Питти съ безчисленными галереями, заключающими въ себѣ картины и статуи знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ, въ томъ числѣ Венеру Медичійскую, и въ памяти вашей воскреснутъ гвельфы и гибелины, Висконти, Медичи, Каппони, Строцци, а чувство изящнаго вполне будетъ удовлетворено созерцаніемъ лучшихъ произведеній архитектуры, живописи и скульптуры. По нимъ вы прослѣдите исторію развитія искусствъ; въ особенности съ благовѣніемъ остановите вниманіе ваше на геніальныхъ образцахъ живописи безсмертныхъ италіанскихъ художниковъ, начиная съ Чимабуэ и Жіото и кончая Рафаэлемъ, Леонардо да Винчи, Поль Веронезомъ, Тиціаномъ, Корреджіо.

Часто гуляли мы въ Кашине (Cascine), превосходномъ паркѣ Флоренціи, въ саду Боболи, посѣтили нѣсколько окрестныхъ видлъ, утопающихъ въ роскошной растительности; множество цвѣтовъ, до которыхъ Наима была большая охотница, акалеи, рододендры и камелии въ грунту, на открытомъ воздухѣ, доставляли намъ новыя и самыя пріятныя ощущенія.

Въ Флоренціи было нѣсколько русскихъ, но я избѣгалъ знакомства съ ними, чтобы не поставить себя въ затруднительное положеніе на счетъ Наимы. Познакомился съ извѣстнымъ въ Италіи С., акварельнымъ портретистомъ; онъ нарисовалъ портретъ Наимы, отличавшійся необыкновеннымъ сходствомъ и превосходной отдѣлкой, и мой—менѣе удачный. На замѣчаніе мое въ этомъ отношеніи, артистъ отвѣтилъ, что и въ дѣлѣ снятія портрета необходимо вдохновеніе и что портретъ синьоры вышелъ такъ хорошъ, благодаря чувству изящнаго, возбужденному въ немъ ея наружностью, которая служитъ вѣрнымъ выраженіемъ идеи прекраснаго.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Ливорно, и на другой день на пароходѣ въ Чивита-Веккію. Какъ ни неприятно было мнѣ воспоминаніе о путешествіи моремъ изъ Петербурга въ Любекъ, однакожъ я рѣшился на непродолжительное плаваніе по морю въ благопріятное время года. И дѣйствительно, плаваніе наше по Средиземному морю было вполне благополучно.

Изъ Чивита-Веккіа поѣхали въ Римъ съ ветурино. Этотъ способъ путешествія весьма пріятенъ; дѣлается съ ветуриномъ письменное условіе, въ которомъ опредѣляется время доставки по назначенію, плата за комнаты для ночлега, за завтракъ и обѣдъ и за мѣсто въ экипажѣ. Въ обеспеченіе исправнаго исполненія условія ветурино даетъ задатокъ и по большей части везетъ и продовольствуетъ весьма недурно. Совершая свои поѣздки постоянно по одному направленію, ветурино состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми трактирщиками, и доставляя имъ вѣрный заработокъ, получаетъ отъ нихъ за умѣренную цѣну для путешественниковъ и для себя удобное помѣщеніе и хорошій столъ. Иностранцамъ, не довѣрявшимъ этому способу путешествія и платившимъ ветурино только за мѣста въ экипажѣ, приходилось часто довольствоваться неудобными ночлегами и платить очень дорого за худшее продовольствіе. Ветурино обыкновенно останавливается днемъ часа на три, чтобы покормить лошадей и позавтракать, и на ночь съ 7 часовъ для обѣда и ночлега. Нѣчто въ родѣ нашего путешествія на долгихъ.

Мы наняли для себя трехмѣстную коляску и прибыли въ Римъ къ ночи, послѣ кратковременнаго, пріятнаго путешествія.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, раннимъ утромъ мы пошли осматривать вѣчный городъ; но вскорѣ убѣдились, что Риму нужно посвятить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы познакомиться вполне съ его достопримѣчательностями. Какъ Венеція вращается красотой своихъ зданій, напоминающихъ собой богатства торговой республики, какъ Флоренція интересуется средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ, въ размѣрахъ относительно довольно скромныхъ главнаго города Тосканы, такъ Римъ поражаетъ громадностью, величіемъ, строгостью стила и правильностью архитектуры, достойными столицы языческаго и христіанскаго міра. Все носитъ на себѣ печать владычества силы, богатства, искусства и ума.—Изъ міра языческаго достаточно указать на Пантеонъ и Колизей, въ которомъ помѣщается 100,000 зрителей; Пантеонъ и Колизей служатъ представителями временъ императоровъ; изъ міра христіанскаго—на церковь св. Петра и на Ватиканъ, памятники владычества и могущества папъ.—Нигдѣ искусство не проявило себя въ такой высокой степени совершенства, какъ въ Римѣ. Здѣсь сила художественнаго творчества достигла своего апогея. Съ каждымъ зданіемъ, съ каждою церковью связаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ и всѣ почти безъ исключенія принесли Риму лучшую, совершеннѣйшую дань своей геніальности. Браманте, Рафаэль, Микель Анжело, Лагорио, Фонтана, Мадерно были строителями; превосходные образцы древней скульптуры во множествѣ встрѣчаются въ галереяхъ Ватикана, въ числѣ ихъ Аполлонъ Бельведерскій; лучшія произведенія рѣзца Барнини, Росси, Кановы и Торвальдсена составляютъ принадлежность базилики св. Петра, украшенной великолѣпной мозаикой по рисункамъ знаменитыхъ художниковъ. Не говоря уже о ложахъ Рафаэля, его фрескахъ въ разныхъ церквахъ и дворцахъ, въ галереѣ Ватикана, заключающей въ себѣ немного картинъ, но замѣчательныхъ по ихъ достоинству, вы видите Рафаэля: Благовѣщеніе, поклоненіе Волхвовъ, Введеніе во храмъ, Вѣру, Надежду и Милосердіе, Преображеніе на Оаворѣ, Мадонну de Foligno, Вѣнчаніе св. Дѣвы; Перужино: св. Бенедикта, св. Флавію, Воскресеніе, св. Ночь, св. Дѣву

и святыхъ, Мурилло: поклоненіе Волхвовъ, Блуднаго сына, обрученіе св. Еватарини; Доминикино: св. Іеронима, Тиціана: св. Дѣву со святыми, Н. Пуссена: мученичество св. Эразма.

Въ палаццахъ Доріа, Колонны, въ виллѣ Фарнезини, Спады, въ Санта Маріа дела Паче и другихъ—сколько сокровищъ живописи и вазиія!

Однимъ словомъ, Римъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ высокихъ художественныхъ произведеній.

Бывали на Корсо, посѣтили студию нашего талантливаго художника Иванова, писавшаго тогда свою картину: проповѣдь св. Іоанна Крестителя въ пустынѣ; слушали обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Богослуженіе великолѣпное, но обстановка и идолопоклонничество папѣ показали мнѣ не соответствующими святости совершаемаго таинства и христіанскому смиренію. Церковная музыка превосходна, оркестръ безукоризненный, голоса замѣчательные по своей звучности, пѣвучести и чистотѣ; но, признаюсь, стройное величественное пѣніе нашей православной церкви, по моему убѣжденію, стоитъ несравненно выше лучшей католической музыки; оно проникаетъ глубже въ душу и вызываетъ въ ней болѣе религіознаго чувства. Видѣли большую церемонію съ папой, въ день *Congius Domini*. Несмѣтная толпа сопровождала ее; церемонія имѣла характеръ театральнаго представленія.

Въ Дрезденѣ оставилъ я мою віолончель; инструментъ былъ посредственный, и по объему своему могъ затруднять насъ въ путешествіи. Въ Римѣ, по случаю, за довольно сходную цѣну, я приобрѣлъ великолѣпнаго Гварнерія. Остановиваясь въ нѣкоторыхъ городахъ на короткое время, не всегда можно было имѣть фортепяно. Невозможность аккомпанировать Наниѣ и слышать ея пѣніе была для меня чувствительнымъ лишеніемъ въ жизни, полной счастья и самыхъ пріятныхъ развлеченій. Вновь приобрѣтенная віолончель пополнила этотъ недостатокъ.

Кто-то сказалъ, что жить—это путешествовать; и дѣйствительно путешествіе въ классической странѣ искусствъ, съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ, превосходнѣйшимъ воздухомъ, синимъ небомъ и богатою зеленою растительностью было въ высшей степени пріятно. По вечерамъ,

усталые от осмотра достопримѣчательностей Рима, мы занимались музыкой. Гварнерій мой вторилъ звучному серебрястому голосу Наимы, Наима мнѣ аккомпанировала на фортепьяно, когда пѣніе ее утомляло; часто разыгрывали мы съ нею разныя пьесы въ четыре руки, и въ томъ числѣ мою симфонію, въ которой Наимѣ особенно нравились: *Andante* и *Scherzo*.

Однажды мы отправились въ часть города, издавна населенную евреями. Наима щедрою рукою раздавала пособіе бѣднымъ; у одного дома, со двора. доносились до насъ звуки женскаго голоса, обратившіе наше вниманіе; мы вошли въ дворъ и увидѣли въ немъ старуху полулежавшую въ небольшой телѣжкѣ; старуха пѣла; унылый мотивъ ея пѣнія поразилъ меня своею оригинальностью, то была чисто еврейская мелодія темпа: *allegro*. Наима съ участіемъ спросила о ея болѣзни, старуха была разбита параличемъ; Наима надѣлила ее деньгами, а я попросилъ повторить мелодію. Возвратившись домой, я тотчасъ записалъ еврейскій мотивъ, подобралъ аккомпаниментъ, и въ тотъ-же вечеръ Наима исполнила его.

Изъ Рима мы поѣхали въ почтовой каретѣ въ Неаполь. Здѣсь испытывали впечатлѣнія другаго рода, но не менѣе пріятныя. Обращая менѣе вниманія на замѣчательныя богатства музея, осматривали въ высшей степени интересныя древности, отдавали должную дань восторга чудной природѣ и необыкновенно красивому мѣстоположенію Неаполя. Не даромъ сложилась италіянская поговорка: *Veder Napoli, e poi morir*. Мы остановились подлѣ *Villa reale* и въ первый разъ, что вышли на балконъ, были поражены великолѣпной картиной, представившейся нашимъ взорамъ. Представьте себѣ въ далекѣ дымящійся Везувій, отдѣленный отъ города лазурнымъ неаполитанскимъ заливомъ, усаженнымъ множествомъ кораблей, лодокъ и пароходовъ у берега, на которомъ дугообразными уступами амфитеатра возвышается Неаполь и утопаетъ съ своими бѣлыми зданіями въ зелени садовъ самой роскошной растительности; и строенія и сады отражаются въ зеркальной поверхности воды, принимающихъ синій цвѣтъ южнаго италіянскаго неба; прибавьте къ этому яркое освѣщеніе неаполитанскаго солнца, и не удивитесь, если я вамъ скажу, что болѣе двухъ часовъ любовались мы

этой восхитительной картиной. Никогда нигдѣ я не видывалъ ничего подобнаго.

Побывали мы въ Казертѣ, Позиллипо, Пуццолы, Байѣ, Сорренто, въ монастырѣ св. Мартина, откуда открывается превосходный видъ на Неаполь; всходили на Везувій, посѣтили Геркуланумъ и Помпею. Часто гуляли по многолюдной толедской улицѣ и на набережныхъ Неаполя, и очарованные этимъ городомъ и его окрестностями отправились на парходѣ въ Геную.

Съ моря Генуя представляетъ видъ величественный, поражаетъ красотою и громадностью своихъ зданій, построенныхъ амфитеатромъ. Университетъ, палаццо Андрео Доріа, королевскій дворецъ, палаццо Бриньола и другіе замѣчательны своей архитектурой, великолѣпными лѣстницами и входами. Но всмотрѣвшись ближе въ Геную, вы разочаруетесь; переходъ отъ возвышеннаго, идеально-прекраснаго къ грязной дѣйствительности слишкомъ рѣзокъ: узкія, темныя, зловонныя улицы, нечистота, превосходящая всякое вѣроятіе, и зараженный гнилью воздухъ произведутъ самое непріятное впечатлѣніе. Издали, снаружи, Генуя дѣйствительно заслуживаетъ названія: superbо, даннаго ей итальянцами; вблизи, въ подробностяхъ, какъ городъ, она ниже всякой посредственности. Это великолѣпная декорація, на которую нужно смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Генуѣ, мы стправились чрезъ Александрію въ Миланъ.

Въ Миланѣ больше всего обратилъ на себя вниманіе наше соборъ — чудо современнаго зодчества. Весь изъ бѣлаго мрамора, чисто готической архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ башенъ и шпилей, украшенныхъ тончайшею кружевной рѣзбой изъ мрамора, и съ пятью тысячами статуй, разставленныхъ снаружи у стѣнъ, на столбахъ, въ нишахъ и по крышѣ. Внутренность собора строгая и величественная; остроконечные своды поддерживаются гигантскими столбами въ четыре ряда вдоль всего зданія; но соборъ внутри не былъ еще вполне оконченъ, казался совершенно пустымъ и не соответствовалъ внѣшности. Площадь, окружающая соборъ, не велика и до того стѣснена домами, что нѣтъ возможности осмотрѣть соборъ со всѣхъ сто-

ронъ. Для такого зданія необходимо болѣе простора, но не думаю, чтобы австрійское правительство, или городское управленіе рѣшилось затратить большія суммы на увеличеніе площади посредствомъ ломки домовъ.

Каждый день на Корсо съ 6 до 8 часовъ вечера бывало гулянье; многочисленная пестрая толпа, музыка, множество экипажей, всадниковъ, пѣлеходовъ, нарядныхъ дамъ и кавалеровъ оживляли это любимое гулянье миланцевъ. Мы нѣсколько разъ туда ѣздили и издали любовались подвижной панорамой. Посѣтили два раза *la Scala*, самый большой театр въ Европѣ; составъ оперы былъ посредственный.

Изъ Милана мы наняли ветурино до Женевы, чтобы вдоволь насмотрѣться на прекрасные виды сѣверной Италіи и южной Швейцаріи. Поѣздка должна была совершиться въ девять дней. Останавливались въ Сесто Календе и Аронѣ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ превосходными видами. На Лаго Маджіоре мы пробыли почти цѣлый день и успѣли въ подробности осмотрѣть Борромейскіе острова. Подъѣзжая къ *Isola bella*, издали къ намъ долеталъ упонительный запахъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; весь островъ — великолѣпная вилла, принадлежащая фамиліи Борромеевъ. Превосходный палаццо съ большой террасой, отличный садъ съ разными растеніями и колоссальная бронзовая статуя святого Борромея — вотъ достопримѣчательности *Изола белла*. Онъ намъ такъ понравился, что мы пробыли на немъ очень долго. Посѣтили *Изола Мадре* и *Пескіера* и очарованные нашею прогулкой по озеру возвратились въ гостинницу. Далѣе *Домо д'Оссола*, небольшая деревушка, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Здѣсь нужно было проститься съ дорогой намъ Италіей; мнѣ крѣпко взгрустнулось. Въ продолженіи всего путешествія по Италіи мы встрѣчали вездѣ не только готовность къ услугамъ и рѣдкую добросовѣстность, но сердечное участіе, радушіе и дружеское расположеніе. Не говоря о лицахъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, съ которыми приходилось встрѣчаться, не могу пройти молчаніемъ содержателей и содержательницъ меблированныхъ комватъ, трактирщиковъ, прислуги, ветурино. Нигдѣ не было пререканій, излишнихъ требованій, неудовольствія. Въ Венеціи синьора *Грассо* ухаживала за На-

ной, какъ сестра, и когда я ей предложилъ денежное вознагражденіе, она обидѣлась и отвѣтила: »расположеніе и дружескія услуги не продаются«; едва, едва упросила ее Наима принять отъ нее подарокъ на память. Во Флоренціи, въ гостинницѣ мнѣ понадобилось однажды отдать слугѣ сюртукъ, чтобы пришли случайно оторванную пуговицу; въ карманѣ сюртука я забылъ бумажникъ съ 200 лирами. Черезъ полчаса лакей привнесъ сюртукъ и отдалъ бумажникъ съ деньгами, присовокупивъ, что не слѣдуетъ оставлять деньги въ карманахъ отдаваемого платья. Въ Неаполѣ я долго искалъ между монни вещами золотую съ жемчугомъ булавку и не найдя, считалъ потерянною; представьте мое удивленіе, когда прачка, принесшая бѣлье, вручила мнѣ булавку, объявивъ, что нашла воткнутою въ рубаху, и посовѣтовала быть внимательнѣе къ вещамъ извѣстной цѣнности.

Сколько счастливыхъ дней провели мы въ Италіи! Глубокая взаимная привязанность несомнѣнно дѣлаетъ насъ счастливыми; возбужденная чудной природой юга, высокими произведеніями искусствъ она переноситъ въ тотъ міръ блаженства, который рѣдко бываетъ доступенъ человѣку. Никогда не изгладится изъ памяти моей время, проведенное въ Италіи, всегда съ искренней признательностью буду вспоминать благодатную страну и поминать добромъ ея честныхъ, добродушныхъ и симпатичныхъ обитателей.

ХІ. Швейцарія.

Подъемъ на Семплонъ былъ продолжительный и утомительный. Къ парѣ, везшей насъ изъ Милана, пристегнули третью лошадь, и мы шагомъ взбирались на гору по дорогѣ, устроенной Наполеономъ во время войны съ Италіей. Стало очень холодно, мы нѣсколько разъ вставали изъ экипажа, чтобы согрѣться, слѣдуя за нимъ пѣшкомъ. Нависшія скалы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, дикая тощая растительность на склонахъ утесовъ, сѣрое покрытое густыми облаками небо вызвали въ насъ ощущенія не совсѣмъ пріятныя. Наконецъ мы прибыли въ hospice на вершинѣ Семплона; положеніе этого страннопріимнаго монастыря прекрасное; видъ дикій, угрюмый, но величественный на проходѣ про-

тивъ Берискихъ Альпъ и на Шенгорнъ. Зданіе монастыря огромное въ четыре этажа, основанное Наполеономъ 1 и оконченное С. Бернардинскими монахами августинскаго ордена. Семпловскій монастырь принимаетъ ежегодно отъ 10-ти до 12,000 путешественниковъ. Покуда лошади отдыхали и кормились, мы согрѣлись въ теплой комнатѣ у большого камина, и услужливые монахи угостили насъ горячимъ супомъ, говядиной, отличнымъ виномъ и превосходнымъ хлѣбомъ, въ родѣ нашего ржаного; уѣзжая мы положили въ монастырскую кружку плату за угощеніе; бѣдные получаютъ общій столъ даромъ.

Съ вершинъ Семплона стали спускаться довольно медленно и благополучно пріѣхали въ Мартиньи. Здѣсь природа оживилась; свѣтлая зелень долины, быстрые потоки съ горъ, яркое солнце и теплая температура воздуха позволили намъ вздохнуть свободнѣе. Гостепріимная и любезная хозяйка отвела намъ лучшее помѣщеніе своей гостиницы и угостила весьма недурно.

Отдохнувъ въ Мартиньи, мы отправились въ Шамуни. Эта чудная долина у подножья Монблана произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе; но взбираться на Монбланъ мы не заблагоразсудили и продолжали путешествіе до Женевы.

Въ Женевѣ случилось со мной происшествіе, не совсѣмъ пріятное. Разсчитавъ время моего прибытія въ этотъ городъ, я просилъ отца моего выслать деньги для дальнѣйшаго путешествія въ Женеву. Пріѣхавши, отправляюсь на почту: ни письма ни денегъ. Между тѣмъ нужно было заплатить ветурино; кромѣ задатка, имъ мнѣ даннаго, у меня не было денегъ. Пришлось просить ветурино подождать до завтра. На другой день тотъ-же отвѣтъ на почтѣ. Цѣнныхъ вещей со мной не было, къ капиталу Наимы я не хотѣлъ обращаться. Въ вечеру ветурино приходитъ за расчетомъ, объявивъ, что нашелъ путешественниковъ для обратной поѣздки въ Миланъ и ждать далѣе не можетъ. Нечего дѣлать, какъ ни совѣстно, нужно было объяснить Наимѣ мое затруднительное положеніе. » Какъ тебѣ не стыдно, сказала она, не предупредить меня объ этомъ раньше, я твоя, и все мое-твое«. — »Я не хотѣлъ, отвѣтилъ я, трогать твоего капитала«. — »Въ этомъ и надобности нѣтъ, возразила Наима. Лея при прощаньи подарила мнѣ на пу-

тешествіе и пополненіе моего гардероба десять тысяч талеровъ изъ своихъ средствъ. Вотъ открытое письмо на извѣстныхъ банкировъ; возьми его, получи деньги, рассчитайся съ ветурино и оставь у себя остальныхъ. — На глазахъ Наимы навернулись слезы; я пожалѣлъ, что огорчилъ ее излишнею деликатностью и не зналъ, какъ оправдаться. Ветурино конечно не остался въ накладѣ за отсрочку. На третій день нашего пребыванія въ Женевѣ, я получилъ ожидаемыя деньги и хотѣлъ возвратить взятая у Наимы, но при первомъ объ этомъ словѣ Наима зажала мнѣ ротъ своей прелестной ручкой и объявила, что никогда не вступить въ денежные расчеты со мною и что касса наша должна быть общою. Это было сказано такъ убѣдительно, что всякое возраженіе становилось невозможнымъ.

Видъ съ прибережной части города на женевское озеро очень хорошъ, но Женева вообще представляетъ мало интереса; довольно скучный и непривлекательный городъ. Ѣздили въ Ферней смотрѣть домъ Вольтера; ничего особенно замѣчательнаго. Въ одной изъ комнатъ стоитъ на пьедесталѣ урна, заключающая въ себѣ сердце фернейскаго философа, съ надписью: *Son coeur est ici, son esprit est partout*. Прошло много лѣтъ со времени этой надписи, и она сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ: Вольтеровскій духъ улетучился, и слава Богу, подумалъ я.

На пароходѣ, по озеру, отправились мы въ Лозанну, осмотрѣвъ на пути Шильонскій замокъ; изъ Лозанны въ дилижансѣ въ Бернъ чрезъ Фрибургъ. Всякій мостъ у этого города приводилъ путешественниковъ въ восторгъ и казался чудомъ мостовой архитектуры. Гербъ Берна—медвѣдь, и онъ воспроизведенъ вездѣ: на бассонахъ экипажей, на столбахъ, на вывѣскахъ. Въ городѣ устроена большая яма, обложенная гранитомъ, въ которой помѣщается пара медвѣдей съ медвѣжатами; особый сторожъ ухаживаетъ за ними. Какъ сторожъ, такъ и медвѣды получаютъ содержаніе изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго для этой цѣли какою-то старой дѣвой. У подошвы горы, на которой раскинутъ Бернъ, протекаетъ Ааръ, на островѣ этой рѣки устроены ванны; видъ великолѣпный.

Изъ Берна мы поѣхали осмотрѣть самыя замѣчательныя мѣстности Швейцаріи: Интерлакенъ, озеро четырехъ кантоновъ, Риги и Шафгаузенскій водопадъ. Дикая, но величественная природа, голые каменные утесы, снѣжныя вершины горъ съ ихъ ледниками, лѣса хвойныхъ деревьевъ, сохраняемыхъ въ первобытномъ состояніи для предохраненія жилищъ отъ обваловъ, безчисленное множество водопадовъ, зеленѣющія долины, оригинальные костюмы женщинъ, мѣняющіеся въ каждомъ кантонѣ, стада рогатого скота, рожковъ пастуха, извѣстный *ganz des vaches*, домики съ деревянною рѣзбою и камнями на крышѣ, построенные на скалахъ надъ обрывами и глубокими оврагами, превосходно обдѣланныя поля, виноградники, необыкновенный эффектъ восходящаго и заходящаго солнца, облака, несущіяся у вашихъ ногъ,—все это въ высшей степени оригинально, привлекательно, грандіозно и поразительно хорошо.

На Базель мы проѣхали въ Страсбургъ.

ХІІ. Ф р а н ц і я.

Въ Страсбургѣ отдохнули два дня послѣ довольно утомительнаго путешествія по Швейцаріи. Осмотрѣли соборъ съ знаменитой колокольной; я спускался въ склепъ, гдѣ показываютъ необыкновенно хорошо сохранившееся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій тѣло графа Саарбрюна; всходилъ на башню, чтобы полюбоваться видомъ на Страсбургъ. Послѣ Швейцаріи, гдѣ народонаселеніе некрасиво и не совсѣмъ любезно, въ Страсбургѣ мы поражены были учтивостью и миловидностью его жителей; особенно красивыми показались намъ молодыя дѣвушки, средняго класса, стройныя, довольно высокія съ выразительными глазами и темными роскошными волосами, обвивавшими подобно змѣямъ ихъ милыя головки длинными толстыми косами.

Изъ Страсбурга въ почтовомъ купе по превосходному шоссе отправились мы чрезъ Нанси въ Парижъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Парижемъ, не соответствовало той идеѣ, которую я составилъ объ этомъ городѣ. Наима бывала тамъ прежде и увѣряла, что Парижъ мнѣ понравится и полю-

бится. Мы остановилось въ мѣстности мало отдаленной отъ Лувра, въ старинной улицѣ Coquillière, въ отелѣ того-же имени. Отель этотъ имѣлъ то удобство, что не выходилъ на улицу, а находился во дворѣ; зданіе отеля старинное въ стилѣ время Генриха IV; наше помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ, съ коврами, бронзою и большими зеркалами; за это помѣщеніе мы платили 12 франковъ въ сутки. Table d'hôte, весьма удовлетворительный, съ виномъ обходился въ три франка съ персоны. Тотчасъ-же я прискалъ фортепьяно и заплатилъ съ настройкою и переноскою на прокатъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Упоминаю объ этомъ, чтобы дать понятіе о дешевизнѣ, существовавшей въ то время въ Парижѣ.

Въ Парижѣ мы пробыли шесть недѣль и провели время въ высшей степени пріятно. Утромъ осмотръ достопримѣчательностей, послѣ обѣда спектакль или прогулка за городъ. Обѣдывали часто въ Palais Royal у Вери и Вефури или Frères Provançaux, носѣщали большую и комическую оперы, Одеонъ, Français, Palais-Royal, Водевиль и другіе театры. Тогда M-lle Rachel, трагическая актриса, производила фуроръ и дѣйствительно обладала необыкновеннымъ талантомъ; высокая, до нельзя худая, смуглая, съ характеристическими чертами лица и непомѣрно длинными руками, она не могла нравиться своей наружностью; но когда священный огонь страсти и гений искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства, до натурального проявленія чувства, одушевляли ее въ разгарѣ трагедіи, тогда Рашель становилась типично красивою и вызывала въ зрителяхъ неописанный восторгъ. Часто заставляли ее, по окончаніи представленія, декламировать извѣстную Marseillaise съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ. И тутъ она производила потрясающее впечатлѣніе и такъ наэлектризовывала публику, что случись какой нибудь поводъ къ возстанію, вся толпа зрителей отправилась-бы немедленно на баррикады въ hôtel de Ville или бросилась-бы на министерства.

Не было во Франціи правительства болѣе либеральнаго и разумнаго, какъ правительство Луи-Филиппа. Этотъ буржуа—король зналъ хорошо французовъ и въ особенности парижанъ, и поэтому все, что могло быть имъ пріятнымъ, было дозволено. На шумныя проявленія въ

театрахъ, на сходки на улицахъ, на ораторства въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ смотрѣли снисходительно, и парижане были довольны, считая себя вполне свободными и счастливыми. И въ самомъ дѣлѣ благосостояніе Франціи достигло своего апогея во всѣхъ отношеніяхъ въ этотъ періодъ времени: никогда производительность и торговля этой богатой страны не давала такихъ блистательныхъ результатовъ, никогда промышленность большихъ городовъ не достигала такого развитія. Плодоносная почва Франціи производитъ лучшіе сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, самыя тонкія вина и водки, превосходные фрукты. Лучшаго качества дичь и рыба составляютъ принадлежность лѣсовъ и водъ Франціи, щедро надѣленной всѣми благами земными. Но и въ интеллектуальномъ отношеніи Франція превосходила другія европейскія государства. На поприщѣ наукъ и литературы подвизались тогда такія личности, какъ: Кузенъ, Вильменъ, Тьерри, Барантъ, Ройе—Колларъ, Амперъ, Кювье, Лапласъ, Шатобрианъ, Тьеръ, Гизо, Мишле, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфонсъ Карръ, Фридерикъ Сулье, Александръ Дюма, Беранже, Жюль Жавенъ, Жирарденъ.

Музыка также процвѣтала: оперы Мейербеера, Галеви Обера были писаны для парижской сцены и исполнялись превосходно. Парижская консерваторія была лучшею въ Европѣ, а оркестръ ея подъ управленіемъ Габенека не имѣлъ нигдѣ себѣ подобнаго. Исполненіе Бетховенскихъ симфоній было безукоризненно.

Въ какихъ-бы кружкахъ вы ни вращались, вездѣ находили людей образованныхъ; говорили о политикѣ, наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и изъ самаго обыденнаго разговора вы выносили идеи и понятія. Безспорно можно сказать, тогдашній Парижъ былъ центромъ умственной дѣятельности. Меня много занимали историческіе памятники Парижа и я осматрѣлъ ихъ въ подробности; на осмотръ Лувра съ галереями посвятилъ нѣсколько дней. Загородные дворцы также привлекли наше вниманіе и мы побывали въ Версали, Трианонѣ, Сенглу Мальмезонѣ и Фонтенебло. Чтобы познакомиться съ мѣстными нравами, обѣдалъ однажды у Франконо за 15 су (три блюда съ виномъ), посѣтилъ: Mabile, Chaumière, Chateau des fleurs.

Наима приобрѣла нѣсколько предметовъ для своего туалета, и пополнилъ свой гардеробъ у знаменитаго портного Human'a; все было превосходнаго качества и по цѣнамъ болѣе, чѣмъ умѣреннымъ. Сдѣлали также значительный запасъ книгъ; въ числѣ ихъ только что вышедшее сочиненіе Кюстина: *La Russie et les Russes*. Въ Парижѣ не имѣли времени читать и отложили книги для дальнѣйшаго путешествія. Наима была права. Парижъ меня очаровалъ и я увезъ о немъ самое пріятное воспоминаніе. Сколько позднихъ интимныхъ радостныхъ вечеровъ провели мы въ нашемъ отелѣ подѣ влияніемъ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи дня. Знакомыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, встрѣчались за *table de hôte*, у ресторановъ, на гуляньяхъ съ нѣкоторыми личностями, раскланивались, разговаривали и только. Да и надобности не было въ болѣе близкихъ знакомствахъ: мы были такъ счастливы, мы такъ любили другъ друга.

Изъ Парижа отправились въ Calais, Дувръ и Лондонъ; перѣздъ былъ довольно скорый и благополучный.

ХІІІ. Лондонъ, Голландія, Бельгія.

Лондонъ поразилъ насъ своею громадностью и необыкновенною дѣятельностію. Въ Парижѣ мы встрѣчали на бульварахъ толпы уличныхъ зѣвакъ; въ Лондонѣ всюду гораздо больше движенія, но движеніе другаго рода. Прогуливающихся немного, все дѣловые люди, бѣгущіе къ своимъ занятіямъ. Время—деньги у англичанъ, и они не тратятъ его даромъ. Парижъ смотритъ кокетливѣе, чопорнѣе Лондона; въ Лондонѣ всѣ почти зданія почернѣли отъ тумановъ и дыма. Но нигдѣ не видѣлъ я такой роскошной растительности, какъ здѣсь, густые яркіе газоны, великолѣпныя деревья; парки и скверы—верхъ совершенства.

Нигдѣ не встрѣчалъ я впрочемъ такого поразительнаго контраста между величайшею роскошью и необыкновенною бѣдностью. Нигдѣ не наталкивался на такія возмутительныя проявленія нищеты и растлѣнія нравовъ, какъ въ Лондонѣ.

Въ Лондонъ мы прѣхали въ разгаръ лѣтняго сезона, когда городъ бываетъ оживленъ болѣе обыкновеннаго. Часто посѣщали итальянскую оперу; составъ ея былъ лучшій изъ всѣхъ, которые мнѣ когда нибудь случалось слышать. Лаблашъ, Рубини, Тамбурины, Маріо Гризи, Персіани—вотъ имена, которые появлялись на афишахъ того времени. Мы слышали Норму, Пуританъ, Вильгельма Теля и Лучію. Артистическое исполненіе не оставляло ничего болѣе желать и приводило всѣхъ въ восторгъ.

Обозрѣвъ въ теченіи десяти дней все, что заслуживало особаго вниманія, мы на пароходѣ отправились въ Роттердамъ.

Плаваніе было удачное, и мы вскорѣ очутились въ оригинальной Голландіи.

Осушенные озера, безконечныя плотины, изъ нихъ нѣкоторыя поражающія своею вышиной и протяженіемъ; множество вѣтряныхъ мельницъ, плоскость почвы, однообразіе видовъ, безвкусіе построекъ, грубость и безобразіе жителей,—вотъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ Голландіей при первомъ съ нею знакомствѣ. Но познакомившись ближе съ этой страной, нельзя было не отдать полной справедливости предприимчивости, настойчивости и терпѣнію голландцевъ. Выйти побѣдителями изъ борьбы за существованіе съ грозной стихіей, удержать ее въ должныхъ границахъ, обратить въ плодотворную почву болота и озера, освободиться отъ ига испанцевъ и сдѣлаться независимой богатою морской державой,—вотъ результатъ стойкости и непреклонной воли голландцевъ.

Изъ Роттердама мы поѣхали въ Гаагу, изъ Гааги очень тихо по единственной тогда въ Голландіи желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ. Гигантское предпріятіе осушенія гарлемскаго озера уже было начато въ то время. Изъ Гарлема въ Амстердамъ и Утрехтъ. Гаага новый городъ и не представляетъ собою ничего особеннаго. Роттердамъ и Амстердамъ обратили наше вниманіе своими старинными постройками, каналами и муравьиною торговою дѣятельностью. Утрехтъ старинный, чисто средневѣковный городъ.

Страсть къ чистотѣ вездѣ въ Голландіи доходитъ до смѣшнаго. Мало того, что каждый день чистятъ и моютъ дворы и тротуары, не

рѣдко обмываютъ и обтираютъ швабрами дома снаружи. Чепчики и передники у женщинъ безукоризненной бѣлизны и всегда накрахмаленные, но покрываютъ такія формы и прелести, на которыя конечно не засмотришься. Подобнаго безобразія я нигдѣ не встрѣчалъ.

Изъ Голландіи поѣхали въ Вельгію, посѣтили Антверпенъ, Брюссель и Люттихъ; здѣсь типъ жителей совсѣмъ другой, и хотя бельгійцы и не очень красивы, но и не такъ уродливы, какъ голландцы. Въ Люттихѣ, въ отелѣ, за конторкой мы видѣли дѣвушку замѣчательно хорошенькую. Брюссель чисто французскій городъ, очень красивъ, представляетъ много удобствъ для путешественниковъ; изъ Люттиха мы проѣхали въ Кельнъ, провели тамъ сутки, осмотрѣли знаменитый соборъ и на пароходѣ сдѣлали очень пріятное путешествіе по Рейну мимо Бонна и Кобленца до Майнца. Изъ Майнца поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ. Большой и богатый Франкфуртъ былъ тогда еще свободнымъ городомъ. Изъ Франкфурта мы направились чрезъ Бибрахъ въ Висбаденъ. Въ Бибрахѣ останавливались, чтобы осмотрѣть великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго и превосходныя оранжереи. Въ Висбаденѣ пробыли дней десять и познакомились съ жизнію на водахъ.

XIV. Висбаденъ, переѣздъ чрезъ Францію.

Висбаденскій сезонъ 1843 г. былъ блестящій; множество иностранцевъ, въ особенности англичанъ, французовъ и русскихъ. Публичная игра въ рулетку и *trente et quarante*, весьма недурной французскій спектакль, балы въ курзалѣ, поѣздки за городъ, превосходныя гостинницы, отличный и обильный столъ за *table d'hôte* дѣлали пребываніе въ Висбаденѣ очень пріятнымъ.

Часто и подробно писалъ я моей дорогой матери, описывая мои путешествія и впечатлѣнія, производимыя на меня различными странами и художественными произведеніями, часто получалъ отъ нея умныя, проникнутыя искренней любовью письма, но не могъ рѣшиться извѣстить ее о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ Наимѣ. Писалъ впрочемъ изъ Дрездена еще, что мнѣ очень нравится дѣвица, соединяющая въ себѣ всѣ условія для того, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и что я поль-

зуюсь ея внимательностью; о національности и религіи Наимы я умолчалъ. Изъ Парижа написалъ, что счастливая случайность соединила насъ въ путешествіи. Мать моя отвѣтила, что изъ писемъ моихъ усматриваетъ необыкновенную восторженность и заключаетъ, что я все вижу въ розовомъ цвѣтѣ, благодаря сильному сердечному увлеченію, и совѣтуетъ сдерживать пылъ моей привязанности. Въ письмѣ изъ Брюсселя я откровенно сознался въ увлеченіи и въ полной взаимности. Описывая наружность Наимы, ея качества, я коснулся слегка ея состоянія и общественнаго положенія, сказавъ, что Наима принадлежитъ къ семейству почтенныхъ неогоціантовъ и представляютъ для меня хорошую партію во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Висбаденѣ получилъ отвѣтъ, дышавшій материнскою нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшій и требованіе не дѣлать предложенія любимой мной особѣ и не жениться безъ разрѣшенія моихъ родителей, такъ какъ о женитьбѣ мнѣ рано еще думать, и во всякомъ случаѣ разрѣшеніе можетъ быть дано не раньше, какъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Я успѣшилъ успокоить мать мою обѣщаніемъ не дѣлать послѣдняго шага безъ ея согласія и благословенія...

Въ Висбаденѣ я испытывалъ иногда свое счастье въ игрѣ: въ рулетку всегда проигрывалъ и пересталъ играть. Но *rouge et noir* была мнѣ благопріятнѣе: я постоянно выигрывалъ и въ концѣ концовъ увезъ изъ Висбадена выигранныхъ пятнадцать тысячъ франковъ. Между прочимъ я обязанъ случаю довольно крупнымъ выигрышемъ.

Въ числѣ лицъ игравшихъ я увидѣлъ даму, необыкновенно похожую на кузину К. Предполагая, что кузина въ Сибири, не вѣрилъ, что это она; но дама встаетъ, подходитъ ко мнѣ и беретъ меня въ сторону, чтобы поговорить. Моя ставка въ нѣсколько лудировъ стояла на *noir*, я объ ней совершенно забылъ и пока разговаривалъ съ кузиной, сдѣлано было нѣсколько игоръ, мои лудоры оставались все на *noir*, которая прошла нѣсколько разъ; возвратившись къ своему мѣсту, я нашелъ кучу золота и пять свертковъ съ червонцами. Разговоръ съ кузиной принесъ мнѣ восемь тысячъ франковъ.

Оказалось, что кузина ѣздила въ Тобольскъ, не застала тамъ своего мужа и отправилась по его слѣдамъ въ Томскъ. Здѣсь они съѣхались,

провели одинъ день вмѣстѣ, какъ голубки, на другой разсорились и разъѣхались навсегда. Мужъ продолжалъ свою поѣздку въ Сибири, кузина направилась въ обратный путь и проведя нѣсколько дней въ Москвѣ и потомъ у себя въ деревнѣ, поѣхала за границу.

Игра въ Висбаденѣ начинается обыкновенно въ 11 часовъ утра. Къ тому времени чиновникъ приноситъ карты, запечатанныя герцогскою печатью. Крупье ихъ распечатывали, тасовали при многочисленной публикѣ и давали снимать одному изъ желавшихъ участвовать въ игрѣ. Послѣ утренней прогулки, я обыкновенно провожалъ Нанну въ гостиницу не далеко отъ курзала, или въ читальню, и отправлялся играть часъ, другой. Крупье часто просили меня снимать тасованныя карты, увѣряя, что у меня легкая рука; я имъ всегда высказывалъ желаніе, чтобы легкая рука была не въ ихъ пользу, и игра начиналась. *Faites vos jeux, messieurs*, говорилъ главный крупье, повторяя эту фразу нѣсколько разъ, потомъ раздавалось громогласное: *le jeu est fait, rien ne va plus*, и за тѣмъ клались карты сначала для rouge, а потомъ для noir; разница между 30-ю и 40 составляла выигрышъ той или другой стороны. Нужно было видѣть, какъ ловко крупье загребали особеннаго устройства деревянными лопаточками проигранныя деньги и какъ отчетливо уплачивали двойную сумму выигравшей ставки.

Страсти къ игрѣ я никогда не имѣлъ, но въ Висбаденѣ она развлекала меня и быть можетъ увлекла-бы легкостью выигрыша, если-бы я не принадлежалъ вполнѣ чувству, соединявшему меня съ Нанной.

Въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Висбаденѣ, мы успѣли отдохнуть отъ непрерывныхъ путешествій и подышать чистымъ воздухомъ въ паркахъ и садахъ Висбадена и окружающихъ его красивыхъ по своему мѣстоположенію мѣстностяхъ. Лѣто было знойное и прогулки въ рощи и лѣса доставляли намъ большое удовольствіе.

Изъ Висбадена мы поѣхали на Страсбургъ, Безансонъ, Шалонъ на Саонѣ, въ Ліонъ и оттуда чрезъ Авиньонъ въ Марсель.

Ліонъ оживленный, многолюдный городъ; въ немъ мы пробыли всего два дня, и онъ не произвелъ на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія.

Марсель очень понравился и постройками и кипучей торговой дѣятельностью. Генеральныя консульства всѣхъ государствъ, представители всѣхъ націй, громадныя магазины съ произведеніями всѣхъ странъ указывали на значеніе этого города въ всемірной торговлѣ. Видъ на эморье, на гавань, устѣянную безчисленнымъ множествомъ судовъ, природа юга, зной, умѣряемый морскою влагою, южный провансальскій типъ жителей съ живыми черными глазами и черными какъ смоль волосами, не всегда красивыхъ, но въ высшей степени типичныхъ и подвижныхъ, были замѣчательными особенностями Марселя.

Пароходы два раза въ недѣлю отходили въ Малагу; случаи къ поѣздкѣ на парусныхъ судахъ представлялись ежедневно. Мы предпочли путешествіе на пароходѣ, и въ ожиданіи отхода парохода пробыли въ Марсели пять дней.

Собираясь ѣхать къ Леѣ въ Испанію, я сталъ еще въ Италіи изучать испанскій языкъ подъ руководствомъ Наимы, владѣвшей этимъ языкомъ превосходно, такъ какъ большую часть своей ранней молодости она провела у Леи между Малагой и Гренадой и нерѣдко сопутствовала сестрѣ въ ея путешествіяхъ по Испаніи. Въ теченіи нашей поѣздки отъ Италіи до Марсели я успѣлъ на столько усвоить себѣ испанскій языкъ, что читалъ свободно, понималъ хорошо прочтенное, выучилъ обыденныя фразы и могъ вести непродолжительный разговоръ. Знаніе латинскаго и италіанскаго языковъ помогло мнѣ въ этомъ, по сродству ихъ съ испанскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

III.

Въ то время, какъ Балабуха ѣздилъ «на розглядины» къ Олесѣ, да увивался около ней, по околотку прошелъ слухъ, что Онися Прокоповичевна обручена съ Харитономъ Моссаковскимъ. Мать Балабухи была на ярмаркѣ въ Богуславѣ и привезла эту вѣсть въ Хильки.

— Чи ты знаешь, сыну, за кого подавала рушники Ониська Прокоповичевна? спросила она своего академиста, пріѣхавъ съ ярмарка домой.

— А за кого, мамо? спросилъ сынъ.

— За Харитона Мосаковского, карапишаньского дяка, сказала мать.

— За Харитона Мосаковского! за того рудого дяка, за ту чехоню? крикнулъ сынъ.

— Не за дяка-бо! Винъ сѣгодня дякъ, а може завтра буде попомъ на батькивськи парафін, бо ёго вилшаницька громада выбрала соби священникомъ, сказала мать, желая ослабить негодованіе и досаду сына.

— Одкаснулась одъ мене, студента, академиста для того рудого дурня, що винъ навить въ граматыци не бувъ, не тильки що въ филозофій? кричалъ Балабуха, поднявъ руки вверхъ и какъ-бы грозя кому-то своими здоровенными кулачищами.

¹⁾ См. > Киевская Старина < 1884 г., майск. кн., стр. 88—116.

— Потрывай, сыну! успокоивала его мать. Не кричи и не сердься;—ничого тымъ не поможешь, а коли хочь, пойдь у Кыивъ, та выпроси соби въ митрополита Вилшаницю: парафія велика, поля багато, синокосы... и окомъ не скинути,—геть по-надъ Росью, ще й левада така здорова,—скильки то тамъ картопли та капуста збирать можно! Ей Богу, сыну, не гай часу, ѓдь до Кыива! Нехай тоди Ониська потанцюе зъ своєю чехонею цыганьскою халандры. Нехай старый Прокоповичъ дае Харитонови свои Чайки, що ихъ можна въ мишокъ забрать.

— Добре, мамо, радите! Поѓду справди до Кыива, до самого владыки. Та же въ ёго академистамъ парафіи на выбирь: яку хочь, выбирай! самодовольно произнесъ Балабуха и злобно захохотавъ, прибавилъ: О будуть тоби, Онисько, гарбузы! Дамъ я тоби гарбуза, що будешъ носитъся зъ нимъ до смерти.

Не долго думая, Балабуха на другой день отправился въ Кіевъ, явился митрополиту и подалъ прошеніе о предоставленіи ему ольшаницкаго прихода. Владыка не видѣлъ препятствій къ удовлетворенію его просьбы; одобреніе или выборъ прихожанъ отъ академистовъ не требовалось, не требовался и экзамень. Послѣ короткихъ справокъ о мѣстѣ и личности просителя и легкой кой-гдѣ смазки со стороны Балабухи, Ольшаница предоставлена ему резолюціею митрополита. Съ торжествующимъ видомъ выходилъ Балабуха отъ владыки, а на встрѣчу ему робко поднимались по лѣстницѣ ольшаницкій староста и двое стариковъ—прихожанъ съ Моссаковскимъ впереди. Увидѣвъ Балабуху, Моссаковский, встрѣчавшійся съ нимъ прежде, привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ; но Балабуха даже не взглянулъ на него. Тотъ не понялъ или не замѣтилъ этого и въ простотѣ души своей, съ особою привѣтливостію и почтительностію, промолвилъ:

— Чи парафіи шукаете, Марку Павловичу? Боже помози вамъ на все добре!

— Нехай уже вамъ Богъ помагае, а мени вже помигъ: я зайнявъ вашу Вилшаницю, гордо произнесъ Балабуха и не останавливаясь, прошелъ мимо изумленныхъ представителей ольшаницкой громады, медленно направляясь въ консисторію для выправки указа о своемъ назначеніи. Если-бы надъ головою Моссаковского и его спутниковъ раздался въ эту минуту ударъ грома, онъ не поразилъ-бы ихъ бо-

лѣе, чѣмъ слова Балабухи; они стояли и смотрѣли вслѣдъ Балабухѣ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Чи цей панычъ правду важе, чи жартуе, промолвилъ староста.

— Мабуть бреше на свою обыхидку, какъ-бы въ отвѣтъ ему сказалъ одинъ изъ стариковъ: а хто-жъ ёго выбиравъ въ Вилшаницю за священника?

Представители громады не допускали мысли о назначеніи священника безъ выбора громады.

— Та вже чи подався, чи не подався винъ на Вилшаницю, а мы таки ходимъ до владыки. Почуемо, що то намъ владыка скаже,—проговорилъ Моссаковскій.

И всѣ четверо стали подыматься вверхъ. Въ просительской, куда наконецъ они вошли, шелъ пріемъ и стоялъ владыка въ лиловой шелковой рясѣ, въ черной бархатной скуфейкѣ съ вышитымъ напередѣ крестомъ, не старый, но довольно дряхлый, съ красноватымъ лицомъ, съ жидкой, раздвоенной бородой, на половину сѣдой. Самолічно отбиралъ онъ просьбы, выслушивалъ просителей, объявлялъ имъ свои рѣшенія. Дошла очередь до ольшаницѣихъ: они поклонились до ногъ и затѣмъ Моссаковскій подалъ отъ себя прошеніе, а староста другое отъ имени громады. Владыка пробѣжалъ то и другое, что-то припомнилъ и дроботливо произнесъ:

— Опоздали, старики! Вашъ приходъ я отдалъ уже другому. Сейчасъ положилъ резолюцію.

Старики замигали глазами, одинъ вздохнулъ, двое другихъ переступили съ ноги на ногу и недоумѣло переглянулись между собою.

— А ты учился въ школахъ? спросилъ владыка, взглянувъ на Моссаковского.

— Ба ни, ваше високее преосвященство: я вчився дома въ батька, та въ карапишаньского дядка.

— Гм..., произнесъ владыка.—Чему-же ты учился, что знаешь?

— Вывчивъ граматку, часловець, псалтырь, твердо и увѣренно отвѣчалъ Моссаковскій; вмю читати апостола, евангелію, знаю добре уставъ, вмю спивати на гласы, на »Богъ-Господь«, »на подобень«.

— А катихизисъ изучилъ?

— Трошки не довчивъ.

— Ну, и грошку доучи; а коли тебя выбрала громада, то я дамъ тебѣ приходъ, но только поменьше; большіе приходы я отдаю академистамъ. Ну, Богъ васъ благословить! Идите съ Богомъ,—закончилъ митрополить и направился во внутренніе покои.

Несмѣлые, неповоротливые депутаты только разинули рты, чтобы изложить свою аргументацію, повторить свою просьбу; но владыка уже скрылся за дверью сосѣдней залы. Сконфуженные неудачей, съ поникшими главами, съ опущенными глазами, тяжело вздыхая, переступали они владычній порогъ, а Моссаковскій стоялъ, какъ оглушенный громомъ.

— Чи пиде теперь за мене Онися? неволью мельнуло въ его головѣ. Чи пиде вона за дяка? Боже мій! сокрушался онъ, втерявъ я парафію, втерявъ и Онисю.

Глаза его блуждали; лице покрылось мертвенною блѣдностью, руки и ноги околѣбли. Староста съ участіемъ взялъ его за руку и вывелъ на дворъ.

— А що будемо робити? спросилъ староста, обращаясь къ своимъ спутникамъ, когда всѣ они очутились на дворѣ.

— А те буде, що мы не пустимо того Балабухи на парафію, отъ що! сказали старики.

У Моссаковскаго немного на сердцѣ отлегло, точно пахнулъ на него свѣжій вѣтерокъ. Въ немъ проблеснула надежда возвратить себѣ отнятую парафію, не утратить и Ониси.

Воротившись въ Ольшаницу, депутаты объявили громадѣ волю владыки.

— Не буде такъ, якъ владыка каже! Не пустимо Балабухи на нашу парафію. Нехай буде въ насъ священникомъ Харитинъ, тай годи,—шумѣла громада, собравшись около церкви: пошлемо зновъ, вдруге, прошенія до владыки, а якъ не дозволить, пошлемо втретє, а таки нехай буде такъ, якъ громада хоче. Десь выдрався якійсь Балабуха, не явивъ очей въ Ольшаницу, не поговоривъ зъ громадою, а претяся до насъ на парафію. Не пустимо Балабухи!

Пока ольшаницкая громада шумѣла да собиралася съ духомъ послать вповь своихъ выборныхъ ко владыкѣ, счастливый Балабуха, возвратясь въ Хильки, дѣлился своею радостію съ родителями и рѣшительно приступалъ къ женитьбѣ.

— А що, сыну, зипхнувь Ониську зъ парафіи? первая, по прїѣздѣ Балабухи, заговорила мать.

— Зипхнувь мамо! Такъ и покотилась, ажъ курава пиднялась, отвѣчалъ Марко.

— Отъ теперъ нехай знае, якъ класти въ визъ, та въ кишени студентамъ гарбузы, сказала мать. А ты, сынку, не гай часу, та збирайся до Терлецькихъ, та ще й свативъ бери. Терлецьки сугупи, дарма що багати. Треба vybrати въ сваты доброго крутія, щобъ выкрутить сотню—другу карбованцивъ.

— Кого-жъ бы то попросити въ сваты? спросилъ Марко.

— Бери, сынку, дядьба отца Мелхиседека, ще й титку попроси. Титка цикава на языкъ, та й дядько добрый торохтій: вони таки щось выторохтять! Та нехай добре припруть Терлецького.

Спустя нѣсколько дней Балабуха студентъ, его дядько «торохтій» и тетка «цокотуха» вѣзжали на дворъ Терлецькихъ.

Терлецькіе, увидѣвъ, что Балабуха прїѣхалъ не одинъ, а съ дядей и теткой, сразу догадались, что онъ явился теперъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ свататься на ихъ дочери. Въ домѣ началась необычайная бѣготня. Бѣгала Терлецькая мать, бѣгала Олеся, бѣгалъ самъ Терлецькій, бѣгала Килина, даже бабы въ кухнѣ прониклись общею тревогою и вертѣлись совсѣмъ ужъ безъ нужды и дѣла. Послѣ первыхъ привѣтствій Балабуха поспѣшилъ объявить, что онъ занялъ ольшаницкій приходъ. Терлецькій поздравлялъ его, цѣловался съ нимъ по три раза въ три оборота, цѣловался съ сватомъ Мелхиседекомъ и даже съ его резонабельною женою. Олеся затянулась въ шнуровку такъ, что чуть дышала, нацѣпляла красныхъ и другихъ лентъ, гдѣ только можно было ихъ прицѣпить, и все вертѣлась и бѣгала по комнатѣ въ виду Балабухи. Она знала, что Балабуха не свободно объясняется, особливо въ присутствіи другихъ, и потому пригласила его въ садъ, гдѣ надѣялась услышать отъ него, въ поэтической при томъ обстановкѣ, предложеніе, такъ интересовавшее ее теперъ, когда ей минуло уже двадцать три съ половиною года.

— Чи бачили мои квитки? спросила она у Балабухи.

— Ни, не бачивъ, отвѣтилъ Балабуха.

— Ходимъ, я вамъ покажу, яки въ мене квитки! сказала съ живостью Олеся и чуть не потянула его за руку.

Балабуха съ великою натугою поднялся со стула и потянулся въ слѣдъ за Олесєю въ садъ.

Цвѣтникъ въ саду былъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ для неприхотливаго вкуса. Клумбы его съ избыткомъ заполнены были левкоями, астрами, резедою, кой-гдѣ торчали кусты георгинъ, но отъ недосмотра заросли отчасти бурьяномъ.

— Дивитесь, яки чудови левкои, сказала Олеся, нагнувшись надъ грядками и срывая левкои.

— А справдѣ гарни, та пахучи, сказали Балабуха, въ свою очередь наклоняясь къ грядкѣ.

Олеся сорвала нѣсколько цвѣтковъ и не разгибаясь нюхала ихъ. Балабуха также запустилъ руку въ густо поросшіе цвѣты, но заглядѣвшись на полную талію Олеси, вмѣсто цвѣтовъ сорвалъ бурьяну и не замѣтивъ этого, сталъ усердно нюхать.

— Вы нюхаете щиріцу! крикнула Олеся, вырывая изъ его рукъ бурьянъ и хохоча на весь садъ.

— Ось потривайте, я вамъ нарву букетъ.

Она нарвала самыхъ лучшихъ астровъ и подала Балабухѣ. Балабуха, не раглядѣвъ, нюхалъ и астры, хотя они совсѣмъ не имѣли запаха.

Олеся вновь захохотала.

— Ходимъ, побачите нашъ садъ, съвозъ смѣхъ прозвенѣла Олеся и побѣжала по дорожкамъ сада къ Роси.

Балабуха принялся было и самъ бѣжать, но скоро почувствовалъ, что его ноги способны только ходить, а не бѣгать, и шагая изо всѣхъ силъ, едва успѣлъ догнать Олесю.

— А вы куштовали, яки на смакъ левкои? спросила, смѣясь, Олеся: а нате покуштуйте!

Балабуха глядѣлъ на раскраснѣвшуюся, полногрудую Олесю, какъ-бы опьянѣлый и ничего не соображая; онъ машинально взялъ левкой, положилъ въ ротъ и сталъ жевать, но почувствовалъ горечь, скривился и не зналъ, выбросить-ли изо рта цвѣтокъ или, ничто-же сумняся, скушать на доброе здоровье.

Олеся всѣмъ тѣломъ дрожала отъ смѣха.

— А що смачни?—спросила она.

— Де тамъ, гиркій, якъ полынь, — отвѣчалъ Балабуха и тутъ только рѣшился избавиться отъ непригоднаго кушанья, не чувствуя впрочемъ всей глупости своего положенія.

Олеся продолжала хохотать и, граціозно изгибаясь во все стороны, продолжала быстро идти по дорожкѣ. Балабуха едва поспѣвалъ. Они пришли къ самому берегу Роси и остановились здѣсь на пригоркѣ. Внизу шумѣла вода, переливаясь по камнямъ. По ту сторону Роси, прямо предъ ихъ глазами, гордо высилась отвѣсная, какъ стѣна, скала, вся облитая солнцемъ; за нею по горамъ зеленѣлъ дивный лѣсъ, а вверхъ по теченію Роси виднѣлся Богуславъ, раскинутый по высокимъ ея берегамъ, залитый яркимъ свѣтомъ.

— Теперь далій намъ немає куда йти, хйба въ воду, або на скели, сказала Олеся, наводя Балабуху на отвѣчавшую ихъ положенію мысль.

— А справди нема куды, хйба въ воду, або на скели, проговорилъ задумчиво Балабуха.

— А вы ползли-бъ на скели? кокетливо спросила Олеся.

— Ни, не выдерусь, бо дуже круто, искренно отвѣчалъ онъ.

— А ягъ-бы я васъ попросила, то ползли-бъ? — какъ-бы поддразнивая, вновь спросила Олеся.

— Ползъ-бы, рѣшительно и твердо сказалъ Балабуха, глянувъ прямо въ очи Олеся.

Глаза Олеся блестяли, какъ яркая заря; ихъ блеска не ослаблялъ даже яркій свѣтъ солнца. Ея горящее лицо пылало, какъ огонь.

А Балабуха все таки молчалъ.

— Правда, у насъ у Хохитви гарно? Краще, якъ у вашій Вильшаници?

— Краще, якъ у Вильшаници, але... але, якъ бы вы були зо мною въ Вильшаници, то вона-бъ менн здалась кращою отъ Хохитвы, — едва вымолвилъ Балабуха и покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Насилу! слава тобі Господи! Отъ-отъ скаже, — подумала Олеся.

— Якъ же-бъ я була? Чи поїхала-бъ зъ вами, чи що? спросила Олеся.

— Ни, якъ бы вы за мене пішли замижъ, бо я...я.... бо той... Купидонъ пронизавъ наскризь мое сердце стрилою. Амуръ не любивъ такъ Психей, якъ я люблю васъ, съ большою натугою сказала Балабуха.

Олеся читала альманахи, стихи, кой-какіе романы, понимала, что значить Купидонъ и что Амуръ, и сказанное Балабухою, помимо содержанія, ей очень понравилось. Романтизмъ носился тогда въ воздухѣ, проникалъ даже въ сельскія захолустья; имъ заражена была и Олеся, начитавшаяся отчасти старинныхъ въ русскомъ переводѣ нѣмецкихъ романтическихъ повѣстей. Но все таки ей хотѣлось Амура нѣсколько лучше Балабухи: не такимъ она рисовала себѣ своего Амура, да гдѣ его лучшаго взять. Олеся, перемонно опустивъ глаза внизъ, тихо промолвила: якъ батько, та мати скажуть; я згожуюсь.

Балабуха какъ то нерѣшительно поцѣловалъ руку Олеси и ничего больше не могъ уже сказать. Олеся въ свою очередь замолкла. Молча повернули они назадъ, медленными шагами направляясь къ дому.

Въ то время, какъ молодые гуляли по саду, отецъ Мелхиседекъ и его жена, недолго думая, принялись за Терлецкаго и его паню и начали трактовать о приданомъ.

— А що, отче Петре, сказати правду, приехали сватати вашу дочку Олесю, сказалъ отецъ Мелхиседекъ: чи оддасте, чи нехай, якъ важуть, пидросте?

— Мы зъ жинкою согласни. Не знаю, що дочка скаже, коротко отвѣчалъ Терлецкій.

— Коли вже, дякувати вамъ, така ваша воля, то треба й дарити дитей. Выбачайте, спитаю, що вы думаете дати за дочкою? съ подходцемъ спросила матушка сваха, Мелхиседекова жена, Марѳа Тарасьевна.

Терлецкій взглянулъ на жену и сказалъ: а щожъ? дамо сто карбованцивъ.

— Сто карбованцивъ гроши, то правда, зачистилъ отецъ Мелхиседекъ; але, сказати правду, не велики.

— А вже-жъ не велики, подхватила Мелхиседекова жена: гроши гришми, але треба й до грошей: треба й воливъ, треба й коривъ, треба й возивъ, треба коней, треба и до коней; треба й мыски й ложки, треба чогось и до ложки. Уже, Господи, що й казати! Вы сами здоровеньки, знаете, чого треба на господарстві, та ще й новому.

Терлецкая сердито взглянула на простую въ *намиткѣ* сваху, которая затараторила, какъ старая цыганка.

— Та вже, свахо, Олеся наша дочка; то таки мабуть не выпхнемо ии босу зъ хаты, не безъ ироніи замѣтила Терлецкая.

— Борони Боже! Я й сама мати и маю дочокъ: хвалити Бога, я вже надбала повни сьрныи всякого добра для своихъ дочокъ. Въ мене готова имъ и одежа, й плахта, й запаски, й намитки, й скатерти. Я вже презначила имъ коровы й тельци, и кабаны й ліохи, й гусы и индыки.... Де вже! що й казати! Певне и вы придбали для Олеси всякого добра. Чи багато коривъ та воливъ думаете дати? спросила сваха.

— Дви пары воливъ и корову, сказалъ Терлецкій.

— Мало, сказалъ Мелхиседекъ.

— Ей Богу, сердце, мало! подхватила сваха. Двома парами не потягнешь плуга въ поле. Третья пара не зашкодить. Та зъ одной коровы не наберешь ни сыру, ни масла. Треба, свахо, дви коровы, доконче дви, бо вы сами, здоровеньки, знаете, що зъ одной коровы не найстись масла та сыра. Воно-бъ добре було масла та сыру на-ѣстись, ще й на ярмарокъ выслати на продажъ. Що й казати. А скатертивъ багато думаете дати? смѣло спросила сваха.

— И прынись нечистый оцю цыганку! Вона забере въ мене вси коровы, гусы и индыки, подумала Терлецкая.

— Та що тамъ, жинко, скатертѣ! За гроши можна всього накупити. Я все, бачите, за гроши. Отче Петре! Ей Богу мало сотни карбованцивъ. Що теперъ сто карбованцивъ? То колись було можна за сотню трохи не село купити. Треба дви або й три сотни, та й ще трохи, сказалъ Мелхиседекъ.

— Подумаемо, подумаемо. Въ пасъ не одна дочка; сами знаете, сказалъ Терлецкій.

— Та й панщанихъ вашихъ дайте, сказала сваха. У васъ таки багатенько людей. Дайте хочъ одну симью!

— Де ти люде въ мене! Геть уси порозбигались, неначе ихъ якій нечистый кьемъ порозганявъ! Тильки й зосталась сама калѣчь: одна баба та горбата Килина, сказалъ Терлецкій.

— Съ теѣ горботой работы, якъ зъ малои дитины, сказала сваха: вона тильки хлибъ дурно ѣстиме. Дайте таки здоровенькихъ та мицненькихъ, щобъ догодни були до работы.

— Але все таки Килина гядитиме дитей, буде за няньку, сказала Терлецкая: Килину дамо, а бильше не дамо.

— И за Килину спасыби! Але приевьте ще хочъ бабу. Баба не багато заважить, а все таки буде помичъ въ господарстви: хочъ гусей пастиме. Добра баба въ хати, якъ добра квочка: вона й дитей догляне, и курчата добре высидитъ и ихъ добре вѣводитъ,— тараторила сваха.

Мелхиседекъ сердито посмотрѣлъ на жену; она догадалась, что наговорила много лишняго и прикусила языкъ.

— Якъ же воно буде, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, чи на словахъ умовимось, чи напишемо на папери?

— На папери, серденько, на папери лучше буде, забарабанила опять сваха; бо сказано, якъ напишешъ перомъ, то не вывезешъ и воломъ. На папери, на папери! Такъ и Богъ казавъ.

— Сваты гвоздили, пока не выгвоздили еще сотню рублей, еще одну корову и третью пару воловъ, да еще и Килину, хотя Килины не спрашивали, захочетъ ли она разстаться съ отцемъ и матерью и ѣхать въ чужое село. Сваха все поглядывала искоса въ окна, много-ли на дворѣ куръ, гусей, индюковъ и прочей птицы. Она очень любила гусей, любила мягкія пуховыя подушки и все приставала къ Терлецкимъ, чтобы дали Олесѣ побольше гусей.

— Гуска, моя свашко, въ господарстви, то свята птица, все одно, що вивця, або свиня, выбачайте въ цѣмъ словѣ: зъ неи мясце, зъ неи смалець, зъ неи пирья, зъ неи й пухъ, зъ неи яйця, зъ неи сыръ, зъ неи й масло, зъ неи вовна, зъ неи молоко, зъ неи ковбас...

Тутъ запнулась сваха и замолкла; она сама почувствовала, что завралась до невозможнаго.

Терлецкая улыбулась, но отъ смѣха удержалась. Отецъ Мелхиседекъ опять грозно взглянулъ на жену.

Пока старики уговаривались, въ свѣтлицу вошли молодые. Балабуха былъ красный, точно у огня долго постоялъ. Олеся смотрѣла такъ спокойно, какъ-бы ничего съ нею не случилось, точно она прошла по саду и посмотрѣла свои любимыя цвѣты.

— Чи скипчили вы свое дило? спросила сваха, обращаясь къ молодымъ.

Олеся засмѣялась, повернулась сюда-туда по свѣтлицѣ и съ размаху опустила на стулъ.

— Скинчили слава Богу! отвѣтилъ за себя и за нее Балабуха.

— Поздоровляю васъ! Даруй жо вамъ, Боже, щастя та здоровья, крикнула сваха.

— Роди вамъ, Боже, жито й пшеницю, а въ запичку дитей копицю, сказалъ нецеремонно отецъ Мелхиседекъ, цѣлуясь съ Балабухою.

Всѣ стали поздравлять и цѣловать свѣже помолвленныхъ.

— Коли вы скинчили, то й мы екинчили, закончила сваха: теперь, свате, можно й на папери нашу розмову написать, прибавила она, лукаво поглядывая на ново-пріобрѣтеннаго свата.

Терлецкій потоптался, повертѣлся и добылъ гдѣ-то бумаги. Хватился пера, пера не оказалось; досталъ чернильницу, а тамъ чернило высохло, осталась лишь черная масса, на подобіе ваксы. Принесли воды, развели чернило. Килина побѣжала на дворъ, поймала гуся, выдернула изъ его крыла два пера и принесла въ комнаты. Батюшки долго очинивали перья, обсасывали и слюнили ихъ, писали: »проба пера и чернила, какъ оно пишетъ« и наконецъ невысокимъ слогомъ положили на бумагу свою »розмову«. Первымъ подписался Терлецкій, а за нимъ свать не твердою рукою начерталъ: »іерей Мелхиседекъ, рабъ Божій, за себе и за свою нестямущу письма жинку рабу Божу Марту руку приложивъ«.

— А що, отче Петре! теперь можна и до заручинъ приступити, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— А вже-жъ треба, якъ слидь, по закону зробити, отвѣчалъ Терлецкій и мигнулъ женѣ, чтобы приготовила, что слѣдуетъ по закону. Терлецкая вышла изъ свѣтлицы и скоро вернулась, неся въ рукѣ восковыя свѣчи. Свѣчи зажгли и погрѣвъ ихъ концами дружка о дружку, прилѣпили къ угольному столику, зажгли и лампадку передъ образомъ. Килина съ бабой принесли домашней работы коверъ и разостлали въ углу передъ столикомъ. Обручаемые вступили на коверъ, положили по три поклона, поцѣловали образъ, обмѣнялись кольцами, кланялись до земли сперва отцу, потомъ матери невѣсты, прося благословенія.—Балабуха былъ серъезенъ, задумчивъ, легкая грусть будто пробѣгала по его лицу; Олеся разкраснѣлась отъ поклоновъ; казалось, вся кровь ея полного тѣла прилила къ головѣ. Терлецкій съ важностію своего сана и положенія сталъ благословлять, вспомнилъ долго жившій въ традиціи

фактъ, какъ знаменитый кievскій проповѣдникъ, протопопъ Леванда говорилъ рѣчь на собственной свадьбѣ, и счелъ умѣстнымъ привѣтствовать рѣчью Балабуху и Олесю; но, не обладая даромъ импровизаціи, запутался на первыхъ-же словахъ и замолкъ. Терлецкаго выручила болѣе счастливая въ дарѣ импровизаціи сваха Марта. »Щасти вамъ, Боже,—засыпала она, какъ горохомъ, обращаясь къ обрученнымъ,—на все добре, на весь видъ, на весь ридъ, на вашихъ днтей, на вашихъ внукивъ и правнукивъ! Даруй, Боже, щобъ жили вы зъ собою, якъ рыба зъ водою, щобъ любились, якъ голубки, а плодились, пробачайте, якъ свинки«...

— Та годи тобі, стара, прервалъ свою ораторшу Мелхиседекъ, замѣтивъ, что при послѣднемъ ея словѣ молодые сильно сконфузились, а сваты даже нахмурились.

Сваха замолкла. Благословляла мать. Поздравляли другъ друга сваты, не скупясь на благожеланія. Наконецъ, перецѣловавшись по нѣсколько разъ, всѣ усѣлись, точно устали отъ трудной работы.

Отецъ Мелхиседекъ поглядывалъ, не вынесутъ-ли хоть теперь выпить да закусить, но Терлецкая и не думала, кажется, о томъ, что на взглядъ свата и даже жениха было теперь едино на потребу. Отецъ Мелхиседекъ не вытерпѣлъ наконецъ и по просту сказалъ:

— А що, паниматко свашко! годилось бы може й брызнути на молодыхъ.

»Паниматка« догадалась и вскорѣ на столѣ явился знакомый уже Балабухѣ маленькій графинчикъ и столь-же маленькая рюмочка. Отецъ Мелхиседекъ и его жена сердито взглянули на такіе »злыдни« и переглянулись между собою.

Выпили по рюмкѣ, при чемъ о. Мелхиседека даже передернуло отъ досады на скардность сватовъ. Подали за тѣмъ самоваръ и Терлецкая стала поить гостей чаемъ. Какъ вдругъ двери открылись и въ свѣтлицу влетѣлъ мѣстный кавалеръ, хохотанскій эконокъ Сигизмундъ Баньковскій. То былъ молодой, выхоленный блондинъ, съ здоровенными усами, съ роскошными русыми кудрями на головѣ, съ свѣтло-сѣрыми глазами и полными розовыми губами. Его здоровыя круглыя щеки загорѣли, но лобъ обозначалъ бѣлизну кожи, а отъ всей его фигуры такъ и отдавало здоровьемъ. Возвращаясь съ поля и увидавъ въ дворѣ Терлецкаго двѣ брички, онъ догадался, что у него гости. Зналъ онъ, что у Терлецкихъ священ-

ники не бывають, но только сосѣди—панки, и предполагая, что тутъ гостять знакомыя и ему «паніенки», завернулъ на часочекъ, рассчитывая весело поболтать да потанцевать. Баньковскій, вертлявый и необычайно живой, буквально вбѣжалъ въ комнату, на лету поздоровался съ хозяиномъ, поцѣловалъ хозяйку въ руку, повернулся на одной ногѣ, стукнулъ каблукомъ, подлетѣлъ къ Олесѣ, цмокнулъ ее въ руку и съ легкостію падающаго мячика опустился рядомъ съ ней на стулъ. Ему и въ голову не приходило, что тутъ только что кончилась помолвка Олеси съ Балабухою, и онъ началъ весело болтать да сыпать обрученной комплименты. Говорили они все по польски.

— Якъ же здоровіе панны? Якъ сіе панна ма? Якъ сіе спало? Яки сіе снили кваты? защебеталъ развеселый панъ.

— Спалось добре и ничего не снилось, отвѣтила Олеся, кокетливо вскидывая глаза на Баньковского.

— И до правды не снили сіе кваты? игриво допрашивалъ Баньковскій.

— Мени квитки не сняться, а такъ хйба часомъ *кручени паньчи*... сказала Олеся.

— А я завше видзе квитки, а часами паненятки зъ карыми очьми, лепеталъ Баньковскій.

— Баньковскій и Олеся вели игривую бесѣду, шутили, смѣялись, подзадоривали другъ друга, какъ будто въ комнатѣ не было никого. Мелхиседеъ только посматривалъ на свою Марту, Марта на Мелхиседека.

— Цо то за «намитка» кѣло самовару? тихонько спросилъ Олесю Баньковскій.

— То сваха; приехала мене сватати, шопотомъ отвѣтила Олеся.

— И то панна пуйде за те «намитке?» прошепталъ Баньковскій и расхохотался на всю комнату.

Олеся съ трудомъ удержалась отъ смѣха, прикусивши губы. Гости переглянулись, разговоривая за чаемъ. Балабуха сидѣлъ, надувшись.

Хочете подивитьця на мои квитки? спросила Баньковского Олеся, поднявшись со стула.

— Овшемъ! Квитки гарни, панны гарни—то мое круезство, вполголоса сказалъ Баньковскій, выходя вслѣдъ за Олесей въ сѣни.

Балабуха вспомнилъ, что Олеся такъ недавно и тѣми-же словами вызывала его на ровное объясненіе и пришелъ къ мысли, не думаетъ-ли Олеся повести такое-же объясненіе съ ненавистнымъ ему лашкомъ. Онъ всталъ, взялъ картузь и вышелъ вслѣдъ за Олесею и Баньковскимъ.

Олеся проворно бѣжала, направляясь къ цвѣтамъ и на бѣгу, какъ птичка, щебетала. Баньковскій не отставалъ, весело подпрыгивая и постукивая каблуклами. Мѣшковатый, на галушкахъ вскормленный, Балабуха настигъ ихъ лишь у грядокъ съ фіалками и астрами.

— Гляньте, пане Баньковскій, яки чудови мои квичочки, сказала Олеся, нагибаясь надъ грядкой. Баньковскій также нагнулся рядомъ съ Олесей: ихъ руки и плечи соприкасались. Балабуху это передернуло. Олеся сорвала фіалку и подала Баньковскому; тотъ жадно нюхалъ.

— Дае нюхати, якъ и мени давала. А ну, чи загадае вона и ёму ѣсти квички, якъ мени загадувала? подумалъ Балабуха.

Но Олеся не повторила прежней шутки; она лишь ловко подразнила Баньковскаго, который хотѣлъ у ней взять цвѣтокъ, и кокетливо поигравъ имъ предъ носомъ панка, быстро повернулась и побѣжала по дорожкѣ сада, напѣвая веселую пѣсенку. Баньковскій въ припрыжку устремился за Олесей, а Балабуха угрюмо пошелся, не спуская ихъ съ глазъ.

— Ей Богу веде панка туды, куды й мене водила, думалъ про себя Балабуха. А ну, чи загадае вона ёму лѣзти на скали? Якъ що тильки загадае, то мабуть вона вдруге стане на заручины зъ цимъ панкомъ.

Олеся добѣжала до конца сада, взглянула на Рось, на скалы, вертѣлась, топала ножкой, точно танцовать хотѣла, но не предложила Баньковскому лѣзть ни въ воду, ни на скалу. Балабухѣ стало легче на душѣ. Онъ любовался тѣмъ, какъ Олеся бѣгала, кружилась, притопывала и тихо напѣвала то польскія, то свои родныя пѣсеньки. Баньковскій безъ умолку болталъ и не далъ Балабухѣ промолвить слова къ Олесѣ.

— Це мій женихъ, шепнула Олеся Баньковскому: я йду за ёго замижъ.

— О, Матка Бозска! тихо промолвилъ Баньковскій, трагически приложивъ руку къ сердцу и поднявъ глаза къ небу.

— Чого вы такъ поднимаете очи до неба? прошептала Олеся.

— Чого, чого.... Ой вы, панны! Ой вы вкаты! вы не знаціе tego..., нашептывалъ Баньковскій, отнимая руку отъ груди и указывая пальцемъ на сердце.—На правде я скоче зъ тей скалы въ воде.

— А ну скакайте, я подивлюсь! Я зроду не бачила, якъ паньчи скачуть зъ скель у воду, сказала Олеся, усмѣхаясь.

— Ой вы, панна! охъ! со вздохомъ произнесъ Баньковскій и мгновенно замолекъ, увидѣвъ приближающагося къ нимъ Балабуху.

Балабухѣ хотѣлось пихнуть панка съ скалы въ воду. Ему рѣшительно думалось, что панюкъ хочетъ отбить у него Олесю. Олеся замѣтила, что Балабуха надулся, и сообразила, что пора перестать заигрывать съ Баньковскимъ. Она умоляла, силилась быть серьезной, но въ томъ не успѣла.

Баньковскій сыпалъ комплиментами, заигрывалъ, подшучивалъ; Олеся не выдержала и стала заливаться громкимъ смѣхомъ, перекидываясь съ Баньковскимъ бойкими, подъ часъ ничего не значущими словами. Это была ея сфера; въ ней она выросла, съ ней сроднилась; она такъ подходила къ ея живому, пылкому темпераменту. Чтобы сдержать себя въ эту минуту, она подала Балабухѣ руку, и они тихо пошли по направленію къ дому.

Тамъ между тѣмъ шла иная бесѣда — серьезная, дѣловая: толковали о днѣ свадьбы.

— Весилля одкладати на довгій часъ зовсимъ не годиться,—говорила сваха Марта. Черезъ тиждень, або черезъ два распочинайте весилля. Въ субботу коровай та шишки, а въ неділю й до винчанья, а то ще Харитинъ одниме парафію.

— Яки шишки? Мы й не думаемо пекти шишки, сказала Терлецкая съ видомъ пренебреженія; це дуже простый звичай.

— А якъ же воно буде, мое серденько? почти вскрикнула Марта: це-жъ буде не по людському и не по Божому. Дежъ таки справляти весилля безъ шишокъ! Въ субботу мы надѣждемо пидъ часъ короваю та шишокъ, поможемо замисити и спекти, та й заспиваемо и потанцюємо по старому звичаю, абы музики були,—допоминалась сваха.

Терлецкая только рукой махнула. Марта стиснула зубы и надулась.

— А Баньковскій, не обращая вниманія на сватовъ, точилъ по прежнему »баласы«, выдѣлывалъ »выкрутасы«, то подсаживаясь къ Олесѣ, то вертясь передъ нею, то подпрыгивая и кружась, какъ въ »обертасѣ¹⁾«. Сваты искоса поглядывали то на Баньковскаго, то на Олесю и переглядывались между собою. Марта не на шутку разобидѣлась по поводу корова и пишевъ и стала прощаться. Балабуха не хотя вставалъ со стула, но лишь видъ давалъ, что собирается уѣзжать: ему крайне не хотѣлось оставлять Олесю съ Баньковскимъ. Тѣмъ не менѣе гости поговорили, потолковали, стоя на ногахъ, опредѣлили день свадьбы и распрощались.

— Алезъ ты, Марто, велика брехуха! вже дуже розпускаешъ свого языка, сказаль Мелхиседекъ своей женѣ на выѣздѣ изъ села: дежъ таки плести таке, що зъ гуски сыръ, и молоко, й вовна, ще й ковбасы.

— Хочъ я й брехуха, а все таки выбрехала небожеви двисти карбованцивъ, три пары воливъ, дви коровы, два десятки гусей, ще й Килину зъ бабою на придачу.

Когда наконецъ женихъ и сваты пріѣхали въ Хильки, сваха на ухо рассказала матери жениха, что продѣлывала съ Баньковскимъ ея нареченная невѣстка. Мать повачала только головой и передала все сыну.

• Между тѣмъ отецъ Павелъ саморучно наточилъ изъ баклажки свѣже принесенной изъ подвала водки, а его госпожинею, зная уже отъ сына, каково угощеніе у Терлецкихъ, припасла къ ужину всякой всячины: поставила лапшу; потомъ бараньи *шумки* въ листахъ свѣжей капусты, жаренаго гуся съ сливами и большую »салитеру« варениковъ. Мелхиседекъ съ Мартою да и самъ женихъ такъ накинулись на ѣду, точно изъ Почаева сейчасъ пришли.

— Чудни ваши сваты, говорилъ о. Мелхиседекъ, выпивая »на потуху«. Горилки не пьютъ, хлиба жалуютъ: чимъ вони живутъ?

— Скупи таки; Господи, яки скупи! вторила ему Марта.

— Та вже коли заручили нашего Марка зъ ихъ Олесею, то мусимо мати ихъ за свативъ, сказаль о. Павелъ.

— То правда, не безъ горечи замѣтила Балабуха-мать и обращаясь къ сыну, прибавила: уже-жъ, якъ Богъ тобі поможе одру-

¹⁾ Польскій простонародный танецъ.

житися зъ Олесею, то нехай вона забуде свое панство, та щобъ навчилась гостей витати, якъ Господь приказавъ, а не пускати ихъ противъ ночи голодными.

Вѣсть о предстоящей свадьбѣ Балабухи и Олеси скоро разнеслась въ околоткѣ, но никого особенно не поинтересовала и не порадовала, ибо всѣ понимали, что не придется никому изъ нихъ на этой свадьбѣ гулять. Когда Балабуха, по старому обычаю, поѣхалъ приглашать родныхъ, тѣ благодарили, но отговаривались, кто какъ могъ и умѣлъ. Даже Мелхиседекъ и Марта,—не *дядина*, но тетка родная, и тѣ не вдругъ согласились присутствовать на свадьбѣ.

— Чого я туды поїду, що я тамъ побачу? отвѣчала тетка на приглашеніе племянника. Бо хто тамъ буде?—Мабуть тильки ты, небоже, та твій батько, а решта все Баньковськи та Горшковськи, Копыцинськи та Стожиньски. Свашокъ, свитилокъ, дружокъ тамъ не буде; короваю не забгають, шишоеъ не спечуть, писень нїякихъ не почувешъ, не буде до кого й слова промовить... Чого я поїду? Такъ хибѣ на вытришки...

— Та що-жъ, коли вони живуть по панськи, сказаль Балабуха.

Про мене нехай соби живуть и по свинськи, але сватамъ повинни честь отдать, та по людськи ихъ приймать. Вже-жъ я, слава Богу, не перший разъ за сваху.

И тѣмъ не менѣе быть на свадьбѣ сваха согласилась. Невозможность отказа она и сама вполне понимала; но ей хотѣлось излить всю свою досаду на скупыхъ и >запанѣлыхъ< сватовъ.

Спустя недѣлю Терлецькіе праздновали свадьбу своей дочери съ Балабухою. На свадьбѣ со стороны родныхъ и сосѣдей жениха только и было, что его родители и дядя съ женою, да еще одинъ сосѣдъ священникъ, остальная свадебная компанія состояла изъ мелкой польской шляхты, да такихъ-же чиновниковъ изъ сосѣдняго Богуслава.

Олеся была въ бѣломъ сатенюровомъ платьѣ, съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ на головѣ; весь вечеръ танцевала она съ мѣстными и прїѣзжими панками да богуславскими чиновниками. Смуглый, загорѣлый Балабуха въ бѣломъ жилетѣ, съ повязаннымъ на шеѣ бѣлымъ шолковымъ платкомъ, рѣзко выдѣлялся и своею наружностію и своими манерами въ этой все таки полированной средѣ. Участвія въ танцахъ онъ и не могъ принять: танцевали трамблямъ

краковяка, позже мазурку, а онъ могъ-бы пройтись развѣ *козака да метелицы*. Балабуха занимался созерцаніемъ сновавшихъ предъ его глазами нимфъ и сиренъ; лишь изрѣдка приходилъ ему на память иной стихъ изъ древнихъ поэтовъ. Матушки сидѣли молча и отъ времени до времени потрогивали одна другую локтями. Положеніе батюшекъ было все таки сноснѣе: съ пріѣзжими экономами они вели кое-какой разговоръ; напимѣръ о томъ, какъ родится рѣпакъ, когда и въ какую землю его сѣять и какую выгоду онъ даетъ, а равно о только начинавшемся тогда сахарномъ производствѣ. Долго Богуславскіе жидки играли, долго паничи и панны танцевали. Батюшки и матушки не только соскучились, но и порядкомъ проголодались, а имъ вмѣсто привычной и ничѣмъ для нихъ незамѣнимой горилочки подавали чай, потомъ разныя сладкія печенья, богуславскую *бакалію*—фиги, рожки и родзынны и изъ собственнаго сада разную овощь. Такое угощеніе мало ихъ занимало и развлекало; они до него совсѣмъ почти и не дотрогивались. Чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ болѣе одолѣвали ихъ скука и голодъ.

Сваха Марта стала даже дремать и чуть совсѣмъ не заснула. Сестра ея, мать жениха, замѣтивъ это, слегка тронула ее за руку и онѣ вмѣстѣ принялись выражать свою досаду на Терлецкихъ.

— Це не весилля, а якась дитяча забавка, сказала мать Балабухи.

— Ни короваю, поддержала ее сестра, ни шишокъ, ни весильныхъ писень. А колибъ ты знала, якъ я ѳсти хочу.

— Та хоть-бы по чарци дали, еще тише высказалась сестра: мене ажъ за печинки тягне.

Въ это время лихо несся на нихъ Баньковскій въ мазурѣ съ Олесею, гулко выбивая каблуками.

— Дивись, сестро, замѣтила Марта, якъ стрибае, ажъ усы трусяться. Бый ёго сила Божа, неначе скаженный.

За полночь поданный ужинъ столь-же мало удовлетворилъ ихъ, какъ и предъидущее угощеніе. На столахъ было больше посуды, чѣмъ кушаньевъ. Нивакой тутъ настойки, ни наливки не было, поставили много тарелокъ, много стакановъ, стояло нѣсколько бутылокъ сантуринскаго, тенерафу и мушкетелю да хорошаго, правда, меду—*мипцу*, что сосѣдъ посесоръ въ свадьбѣ подарилъ; но и то все безцеремонно панни потребили. А что всего хуже,— не было ни припросу, ни доуки.

— Чомъ ты, сестро, не ѣси? спрашивала Марта Балабуху-мать.

— А якъ же ёго ѣсти, отвѣчала она, коли никто не припроше.

Такъ и встали изъ-за стола наши сваты и свахи голодными и ужъ нимало не пьяными, какъ слѣдовало по старому обычаю.

— Буду довго памятати сынове весилля! говорила послѣ ужина мать Балабухи, обращаясь къ своему мужу. Нехай же вони до насъ придуть, то я имъ покажу, якъ-то свативъ витати: вже-жъ я ихъ не выпущу голодными та тверезыми.

— Цуръ ёму, цѣму весиллю! вторилъ ей мужъ; ѣдмо до дому.

— Колибъ лишень Терлецкій не обдаривъ и сына такимъ приданымъ, якъ насъ оцією вечерюю.

Ни о какихъ дальнѣйшихъ, привычныхъ въ старомъ быту церемоніяхъ и сопровождающемъ ихъ бражничаньи не могло быть и рѣчи. Сваты и свашки ясно это видѣли и потому единогласно рѣшили отправляться ко дворамъ. Терлецкіе не очень упрашивали ихъ остаться; но за то эти съ полнымъ радушіемъ и искренностію просили Терлецкихъ о томъ, что такъ сказать слѣдовало само собой, т. е. привезти къ нимъ «молодыхъ» и закончить у нихъ свадебное праздненство.

Скоро послѣ свадьбы Марко Павловичъ отправился въ Кіевъ и получилъ посвященіе. Съ грамотою и указомъ онъ явился къ благочинному и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Ольшаницу, чтобы войти въ свой приходъ. Благочинный позвалъ старосту и велѣлъ отпереть домъ священника, который, за отъѣздомъ Харитона къ одному изъ братьевъ, оказался запертымъ, равно оповѣститъ громаду, что на слѣдующій-же день (а это приходилось воскресенью) молодой батюшка будетъ совершать первое служеніе.

— Ключи въ мене, скромно началъ староста, але я не маю права одмыкати, бо то хата не громадська, а повійного батюшки, а теперь Харитона.

— А дежъ буде жити вашъ новый священникъ? спросилъ благочинный.

— Де схотять, тамъ и житимуть, отвѣчалъ, попуρο глядя, староста.

— То нехай громада дасть ему квартиру, сказалъ благочинный.

— Не мы выбирали соби священника, не мы будемо й квартиру ему давати, спокойно, но твердо говорилъ староста. Громада вы-

брала за священника сына покойного панотца, Харитина, и хоче, щобъ винъ бувъ у Вильшаныци священникомъ.

— Та це-жь самъ владыка приславъ вамъ сѣго священника, возразилъ благочинный.

— А коли владыка ёго приславъ, то нехай владыка и квартиру ёму дае, также спокойно отвѣчалъ староста.

Балабуха испытывалъ большую неловкость и смущеніе. Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ отпорѣ со стороны громады, который ясно обозначился въ отвѣтахъ старосты.

— Уже, старосто, язь громада схоче, а нового священника нехай прыймае, продолжалъ благочинный.

— Ба не прыймемо. Не мы его выбирали, не намъ его й прыймати, сказала наотрѣзъ староста.

— А все-жь таки новый священникъ буде въ вашій церкви службу Божу правити, прибавилъ на другой ладъ благочинный.

— Нехай правлять: то Боже дило, а громада кватыри не дасть, замѣтилъ на это староста.

Благочинный не желалъ болѣе тратить по напрасну словъ: ввелъ Балабуху въ церковь, передалъ ему предъявленное старостою имущество и ключи, а за тѣмъ, отслуживъ вечерню въ пустой церкви, оба отправились на ночлегъ къ дьячку. На утро Балабуха, въ присутствіи благочиннаго, служилъ обѣдню и чтобы расположить въ себѣ прихожанъ, прочелъ два-три акаѣиста предъ обѣдней, самую обѣдню тянулъ долго, а въ концѣ сказалъ длинную-предлинную проповѣдь, нарочито имъ на этотъ случай написанную. Годосомъ, фигурою, манерою служенія Балабуха приходилъ по вкусу громадѣ; но медленность службы и проповѣдь, пропитанная насквозь схоластикою и пересыпанная текстами славянскими и словами польскими и даже латинскими, рѣшительно не располагали прихожанъ къ новому батюшкѣ.

— Тай довго-жь держитъ цей пипъ у церкви. Уже, мабуть, и обидь простоявъ,— жужжали хозяйки, выходя изъ церкви.

— Що то винъ читавъ? чи яки указы, чи що? спрашивали другъ у друга хозяева.

— Ать! верзе щось таке, що й купы не держитъся, отвѣчалъ одинъ представительный старикъ. Богъ зъ нимъ, зъ цимъ непроханымъ попомъ!

По данному отъ старосты наказу, громада собралась около церкви. Вышелъ благочинный и сталъ убѣждать ее принять новаго батюшку и дать ему квартиру, или-же купить для него домъ прежняго священника.

— Не хочемо, отче! И кватыри не дамо, и не сплатимо грунту покойнаго батюшки, загудѣла громада: мы таки будемо домагаться у владыки, щобъ Харитинъ бувъ у насъ священникомъ.

— Якъ хочете, а я не маю права зминьти, що постановивъ владыка, сказалъ благочинный: новый священникъ зостанеця у васъ на парафіи.

— Воля ваша! Нехай зостанеця, але мы не будемо давати ему помочи.

Благочинный долго на всѣ лады уговаривалъ громаду, но ничего не могъ сдѣлать. Балабуха остался на нѣкоторое время въ хатѣ дьячка, но скоро увидѣлъ, что ему приходится дорого расплачиваться за свое недавнее торжество надъ Онисею. Онъ служилъ, но въ церкви мало видѣлъ прихожанъ, а нѣтъ людей, нѣтъ и приносу. Онъ крестилъ, погребалъ и вѣнчалъ, а люди или вовсе не платили ему, или платили очень мало, а за акаеистами, молебнами и другими подобными требами обращались къ сосѣднимъ священникамъ; громада еще разъ нарядила посланцевъ къ владыкѣ просить о Харитонѣ Моссаковскомъ.

Балабуха попробовалъ показать своимъ нарафіянамъ молодую ихъ матушку, но этимъ еще болѣе повредилъ себѣ. Олеся нарядилась и пошла въ церковь, но имѣла неосторожность стать впереди всѣхъ предъ иконостасомъ, а не въ «бабинцѣ», гдѣ обыкновенно становились прежнія матушки и ихъ дочери. Громада загудѣла:

— Що воно таке за пани! Пришла простоволоса (не покрытая платкомъ), распустила свои спидныци, тай выперлась на самый передъ, мабуть, щобъ на неи пипъ дивився, а вона на его. Господа звеважае, громады не шануе.

Какъ ни изворачивался Балабуха, но ничего не могъ подѣлать. Старался онъ задобрить старосту и стариковъ, увѣщевалъ въ церкви и по домамъ,—ничто не помогло. Громада стала противъ него, какъ одинъ человекъ; перестали подходить къ нему подъ благословеніе, обходили на улицѣ, отказывали въ какой-бы ни было услугѣ, а самое главное не давали ему ни доходу, ни приносу. Олеся пожила

съ недѣлю въ дьяковой хатѣ и уѣхала къ отцу. Балабуха не могъ не видѣть всей безвыходности своего положенія: въ его рукахъ была церковь, и ризы, и кропило, и кадило, а дохода никакого и жить совсѣмъ стало нечѣмъ. Оставалось или голодать, или просить другаго прихода.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА.¹⁾

(Южно-русская религиозная драма конца XVII ст.).

Рукопись, по которой мы воспроизводимъ текстъ этой драмы, сообщена редакціи изъ купянскаго уѣзда, харьковской губерніи, куда она попала, конечно, совершенно случайно. Подлинное заглавіе драмы слѣд.: *Розмова во кратцѣ о души грѣшной, судъ принявшій отъ судии справедливого Христа Спасителя*. Ни самая драма, ни имя ея автора въ нашей исторической литературѣ совсѣмъ не извѣстны. По формѣ и приѣмамъ построенія она подходитъ къ драмамъ св. Димитрія Ростовскаго, по языку едвали-не предшествуетъ имъ. Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ первыхъ памятниковъ этого рода, доселѣ совершенно неизвѣстный.

По внѣшнему виду, рукопись представляетъ восемь листовъ in 4° бѣлой, совсѣмъ потемнѣвшей бумаги, которые, какъ замѣтно, были когда-то сшиты, но не имѣютъ никакой нумераціи и отъ начала до конца заполнены текстомъ драмы. Рукопись сохранилась довольно хорошо, хотя и представляетъ въ послѣднихъ четырехъ листахъ небольшой дефектъ: въ нѣсколькихъ стихахъ оторваны крайнія буквы, которыя впрочемъ восполняются легко.

Изъ помарокъ и поправокъ, имѣющихся въ рукописи, можно догадываться, что это черновая авторская рукопись, окончательно имъ выправленная.

Судя по письму и бумагѣ, памятникъ этотъ надо отнести къ концу XVII ст. и самое позднее къ первымъ годамъ XVIII ст. Вся

¹⁾ За сообщеніе этого цѣннаго памятника приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Петру Васильевичу Иванову.—Р е д.

рукопись писана однимъ почеркомъ съ массою сокращеній и надстрочныхъ приписныхъ буквъ, безъ всякихъ слѣдовъ вліянія русскаго петровскаго письма.

О начертаніи буквъ можно замѣтить слѣдующее. Буква *o* имѣетъ два начертанія, встрѣчающіяся въ актахъ XVII в.; позднѣйшая форма, состоящая изъ двухъ вертикальныхъ линій, соединенныхъ чертами вверху и внизу, въ рукописи отсутствуетъ. Твердый и мягкій знаки употребляются въ двухъ разныхъ начертаніяхъ: обыкновенномъ и въ видѣ надстрочныхъ знаковъ, особливо въ предлогахъ, а при сокращеніяхъ сливаются съ начертаніями надписанныхъ вверху рядомъ съ ними буквъ. Звукъ *o* выражается или латинскою буквою этой формы, или-же двумя буквами *ko*, напримѣръ *кди*, *сродоe* и т. п. Буква *Ф* только разъ употребляется въ теперешнемъ ея видѣ, какъ прописная въ словѣ »Филипъ«, въ остальныхъ-же случаяхъ употребляется знакъ латинскій, напр. *обфите*. Буква *o* только въ предлогѣ *отъ* имѣетъ видъ омеги, причеъ *t* всегда бываетъ приписнымъ. Буква *я* имѣетъ всегда видъ іотированнаго съ переди *a* и въ позднѣйшемъ своемъ начертаніи ни разу не встрѣчается. Іотированное долгое *и* (судии) имѣетъ надъ собою точку и сверхъ нея горизонтальную черту. Наше полугласное *й* изображается или двумя вертикальными надстрочными черточками, или съ помощью краткаго знака, напр. *своѣ* = своей, *надражайшая* = найдражайшая.

Относительно языка »Розмовы«, оставляя научную его оцѣнку специалистамъ, можемъ только замѣтить, что въ основаніи какъ формъ, такъ и лексическаго матеріала лежитъ языкъ малорусскій съ небольшою примѣсью церковно-славянскихъ словъ и формъ и съ солиднымъ наслоеніемъ полонизмовъ.

Форма »Розмовы« стихотворная, хотя и опредѣленная, почти вездѣ однообразная, но невыдержанная и неправильная. Основной стихосложной схемой служить силлабическое двустипіе съ рифмой; каждый стихъ имѣетъ 13 слоговъ съ цезурою послѣ седмого слога, напр.:

Все еси то, незная, || ногами здоптала,

Гди роскоши свѣтовой || назбитъ голдовала.

Весьма часто встрѣчаются сокращенія до 12 и 11 слоговъ. Случайно, повидимому, между эти стихи попало въ реплику »Души« шесть двустипій девятисложнаго силлаба, какъ напр.:

О годино ахъ страшливая!

Где я дѣмся несчастливая?

Такія двустипшія писаны въ рукописи въ одну строку, но стихи отдѣлены одинъ отъ другого чертой. Обѣ эти формы стиха преобладаютъ въ произведеніяхъ польскихъ классиковъ XVI и XVII ст., особенно въ драматическихъ, и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ очень часто употребляются и малорусскими писателями.

Въ основѣ »Розмовы« лежить религіозно-нравственная сентенція о нелицепріятіи суда Божія. »Розмова« очевидно направлена противъ людей, излишне надѣющихся на милосердіе Божіе. Конечная ея цѣль—дать высшій идеалъ справедливаго суда человѣческаго. Основная идея развита въ этомъ случаѣ въ одноактную драму, изображающую судъ Божій надъ душой грѣшника. Драмѣ предшествуетъ краткій прологъ, сущность котораго въ слѣд. словахъ: не такъ происходитъ судъ Божій, какъ мы обыкновенно представляемъ. Картина суда представлена въ шести явленіяхъ (видокахъ). Въ первомъ явленіи Архангелъ Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы въ качествѣ публики присутствовали на судѣ и были свидѣтелями, что правосудіе Божіе не творится подъ вліяніемъ »ярости и гнѣва«, а руководствуется лишь »справедливостью«. Во второмъ явленіи Судія приказываетъ Архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ; на нее набрасывается діаволь, но ангелъ хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы подсудимой до произнесенія вердикта. Судія изрекаетъ обвиненіе, согласно предъявленному діаволомъ »списку« злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и проситъ о помилованіи. Ангелъ хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ ея дѣлъ и проситъ принять ихъ во вниманіе; Судія назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злыя дѣла перевѣсили добрыя и ангелъ хранитель отступаетъ отъ души. Въ четвертомъ явленіи душа желаетъ оправдаться въ послѣднемъ словѣ, но совѣсть и діаволь побѣждаютъ ее. На этомъ оканчивается слѣдствіе и состязательный процессъ, и въ 5-мъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности, требуетъ отъ 12 апостоловъ ихъ мнѣнія (сентенціи). Одинадцать апостоловъ высказываются за обвине-

ніе, одинъ только Іоаннъ подвергаетъ участь души на усмотрѣніе Судіи, прося о милосердіи. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признають душу достойной наказанія, »выдаетъ декретъ, абы по дѣломъ отнесла заплату«.

Таковъ сюжетъ »Розмовы«. Насъ невольно останавливаетъ высокое для того времени представленіе о безпристрастномъ судѣ. Такіе гуманые принципы, какъ гласность, защита, оцѣнка доказательствъ, отбирание мнѣнія двѣнадцати судей—вѣдь они только недавно проникли въ наши судебные органы. Выказанный въ »Розмовѣ« ангеломъ хранителемъ дезидератъ: »нехъ едно идетъ ко суду свободне« и до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ, остается только дезидератомъ; во все время нашего предварительнаго слѣдствія обвиняемый не можетъ »свободне« распорядиться средствами защиты.

Составляетъ-ли »Розмова« переводъ или заимствованіе изъ западнаго образца, выросла-ли она на мѣстной почвѣ,—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ она служитъ цѣнной иллюстраціей тогдашняго умственнаго и нравственнаго развитія. Авторъ »Розмовы« (лице, по всей вѣроятности, духовное) не могъ отрѣшиться отъ теоріи устрашенія наказаніемъ, но онъ-же представляетъ здѣсь апостоловъ разрѣшающими вопросъ о виновности, а Судію только примѣняющимъ наказаніе и объясняетъ это тѣмъ, что Судія не желаетъ показаться въ своемъ судѣ суровымъ.

Въ транскрипціи нашей мы старались быть буквально вѣрны съ подлинникомъ и ограничились только раскрытіемъ сокращеній и надстрочныхъ знаковъ, а также установкою пунктуаци, для удобства чтенія. Не имѣя для передачи іотированнаго и соответствующаго типографскаго знака, мы отмѣчаемъ оное курсивомъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судѣ принявшой отъ Судии справедливаго Христа Спасителя.

Не такъ судѣ той, якъ звнѣли описоватъ люде,
въ остатний день предѣ Сыномъ Бога Отца буде.
Но зъ сей розмови о томъ хгѣмо памятати,
якъ барзѣй предѣ страшнѣйшимъ судомъ мѣемъ стати.
Кгда Сынъ Божий зъ дѣлъ нашихъ будетъ насъ судити,
о горе зло творящимъ, кой страхъ будутъ мѣти!

В И Д О К Ъ 1.

Архангелъ Михаилъ.

Слишѣте, лежащии во гробной яскинѣ ¹⁾,
котріе презъ смерть въ темной зостаеи сѣни!
Абисте ся правому суду присмотрѣли,
повстанте, любяи есте южъ въ прахъ премѣнили,
А признайте изъ мертвихъ воскресшему Богу,
же хочъ мѣетъ образу ²⁾ отъ грѣшника многу,
Лечъ ³⁾ не въ ярости своей, ни въ гнѣвѣ караетъ,
но справедливымъ судомъ зъ ними поступаеи.
Щедръ и милостивъ Господь долготерпеливий;
встантежъ отъ гробъ, а зрѣте, якъ естъ справедливий.

Еденъ мертвий востаеи.

Давцо всѣмъ смерти, давцо и живота!
ото я естем рукъ твоихъ работа.
На гласъ Ангелский зъ мертвихъ ұставаю,
а поклонъ тебѣ низкий отъдаваю.

Вторий мертвий востаеи.

На твой единый палець, Воже мой, скинення ⁴⁾
все тебѣ послушное стается створеня.

¹⁾ Яскиня (jaskinia)—пещера.

²⁾ Образа (obrazu)—оскорбленіе.

³⁾ Лечъ (lecz)—но.

⁴⁾ Скинення (skinienie)—мановеніе.

Якъ смерти-сь былъ розказалъ животь нашъ забрати,
такъ на вказъ твой муѣла намъ его вертати.

Третій востаеъ отъ гроба.

Тебѣ весь сонмъ Ангеловъ, Творче мой и Пане,
отдаеъ честь и поклонъ вездѣ безпрестанне;
И ми, вставши отъ гроба зъ тварію гнилою,
впадаемъ до стопъ твоихъ труни предъ тобою.

4. востаеъ отъ гроба.

Кгди на судѣ нинѣ Судіе сѣдаешъ,
чи и повторежъ насъ судити маешъ?
Гди въ остатній день всѣхъ отъ гроба возбудишъ
и кождаго зъ дѣлъ истинно осудишъ,
Въ тотъ часъ и днесъ будь милосерднимъ, Пане,
хтожъ предъ тебе правъ а безъгрѣшенъ стане.

В И Д О К Ъ 2.

Судія до зъ мертвихъ восталихъ мовитъ.

Не бойтеся, не на судъ то казано вамъ встати,
но угодно мнѣ естъ за свѣдковъ васъ мати.
Грѣшникъ сконалъ, тожъ душу нехай на судъ ставитъ,
нехай за его дѣла вразъ ¹⁾ ся исправитьъ.
Зле жилъ, здопталъ ногами мое приказа(н)я,
нехай же южъ срогое ²⁾ одержитъ караня.
Михаиле, всѣхъ полковъ небеснихъ гетмане!
заволай, вехъ грѣшника душа на судъ стане.

М и х а и л ъ.

Душо незная ³⁾, душо человека грѣшнаго,
на справу предъ Судію предстани страшнаго!

¹⁾ Вразъ (wraz)—готчасъ.

²⁾ Срогое (srogie)—грознае, жестокое.

³⁾ Незная (nieznaj)—негодная.

Д у ш а .

О несчастливая новина,
 О несчастливая година!
 Несчастливая моя доля!
 Въ що мя впровадила своеволя?
 Якъ я на тотъ судъ могу стати,
 Якожь ся буду оправдати?

М и х а и л ъ .

Иди, брідкая душе, иди по неволѣ,
 а дай справу предъ судомъ зъ своей своеволѣ.

Д у ш а .

О годино ахъ страшливая!
 Где я дѣмся несчастливая?
 Заразь мя въ пекло воверзѣте,
 А предъ Судію не ведѣте.
 О горе мнѣ на судѣ стати!
 Штож я тамъ буду отвѣшчати?

Д и я в о л ъ .

Ай бо не такто тебе на судѣ, душе, треба,
 поневажъ ¹⁾ не мѣла есь стараня до неба.
 То ти змовишь, же чортъ то справивъ тобѣ тое,
 жесте зъ тѣломъ у свѣтѣ справовали злое.
 Нехай же судѣ уважитъ, если моя вина,
 жесь здоптала своего приказаня пана.
 Пойди, пойди ко суду и я изъ тобою;
 тожь изъ суду озму тя до пекла зъ собою.

Ангелъ охранитель.

Пречъ, враже! прежде время чешъ душу турбуешъ?
 можешъ ся омилити, што ей обещаешъ.
 Жила зле, а часомъ тежъ жила и побожне,
 узримъ: нехъ едно идетъ ко суду свободне.

¹⁾ Поневажъ (ropiewaŹ) = такъ какъ.

Судія.

А тись то естъ нензная, штось жила сваволне,
 тись то въ свѣтѣ згордѣла мною доброволне,
 Творцась своего ногами стерла приказаня;
 самажъ узнай, если есь негодна кара.
 Точилась войну зъ Творцемъ своимъ въ свѣтѣ смѣло,
 догаждающе тѣлу, чого едно хтѣло,
 А о вѣчное добро бынамиѣи¹⁾ не дбала,
 но грѣхи, аки воду, безпечнесь пивала;
 Въ тебе писмо святое грашками²⁾ бывало,
 пьянство, обжирство толко тебѣ смаковало:
 Овожъ³⁾, душе нензная, отвѣшчай же нинѣ,
 кгдаь заслужила быти въ пекелной яскинѣ.
 Дайте книги, где дѣла той души висанни,
 нехай сама уважить, якъ годна нагани:
 Отъ пса брідкаго горѣи жита справовала,
 доброволне о пекло сама ся старала.

Дияволъ (показуетъ списку).

Ото, Судіе страшный, Судіе правдивый,
 я исписавъ весь животъ тутъ еи строптивий.

Судія.

О, нешчасливое рукъ моихъ створеня,
 достойно есь вѣчного стало потоплена!
 А на тоежъ я тебе во свѣтѣ зъ нѣчого
 на образъ свой человека сотворилъ живого,
 На тоежъ я тебѣ давъ разумъ совершенный
 и волю: абы еси вѣкъ свой замѣренный,
 Въ свѣтѣ живущче, стратилъ безъ жадной боязни,
 отъ Творца своего ждущче страшливой казни.

¹⁾ Бынамиѣи (bupaјmniej)—совсемъ не.

²⁾ Грашка (graszka)—пустякъ.

³⁾ Овожъ (owoż)—стѣдовательно.

А на тоещъ я въ свѣтѣ поносивемъ ¹⁾ рани,
 на томъ же я нещадно бувъ и скатований,
 Далъ тѣло и животъ за житіе твоё,
 абымъ ты въ небо воведъ, сотворена мое.
 Въ чтожъ святныхъ сакраментовъ ²⁾ отъ мене подана,
 въ щожъ крови моеи сталося обгите ³⁾ проляня?
 Все еси то, незная, ногами здоптала,
 гди роскоши свѣтовой набить ⁴⁾ голдовала ⁵⁾.
 А въ штожъ ся южъ днесъ ласки мои премѣнили,
 которіе для тебе во свѣтѣ служили,
 Аби есь небеснихъ добръ могла достигнати,
 а во вѣчной роскоши со святыми жити?
 А ти тимъ всѣмъ, незная, въ цѣлѣ погордѣла,
 а ко дияволу ся сердцемъ обратила,
 Волѣла еси врагу въ свѣтѣ голдовати,
 нѣжъ зъ Творцемъ своимъ въ небѣ вѣчно царствовати.
 Комужъ еси служила, тотъ ти и заплатитъ,
 тотъ ты въ свое жилище запровадитъ.
 Милшии тебѣ дияволъ билъ надъ Творца твоего,
 зъ нимъ же теперь заживай и роскошей его.
 А поки естъ вѣчности, тамъ будеша жити,
 весполь ⁶⁾ въ некальномъ огнѣ изъ тѣломъ горѣти.

Д у ш а .

Тамже мене, Творче мой, южъ то отсилаешъ;
 ахъ, чи вжежъ то отъ себе мене отдѣляешъ?

С у д і я .

Ти сама ся, незная душе, отдѣлила,
 ти сама доброволне мною погордѣла.

¹⁾ Повосивемъ (ponosiem) = претерпѣвалъ.

²⁾ Сакраментовъ (sakramentów) = таинствъ.

³⁾ обгите (obfite) = обильное.

⁴⁾ Набить (nazbyt) = слишкомъ.

⁵⁾ Голдовала (hołdowała) = поклонялась.

⁶⁾ Веспол (wespół) = видѣть.

Д у ш а .

Тя еси сердовидецъ, Творче мой и Пане,
зрижъ якъ жалѣеть сердце мое безъпрестане,
Жемъ заповѣдей твоихъ въ свѣтѣ не сполнила,
жечь ты своего Творца зѣло образила.

С у д і я .

Не въ часъ еси взбудила сердце до жалости,
бо южъ моеи наступилъ часъ справедливости.

Д у ш а .

Со слезами молю тя, змѣни запалчивость,
якъ Творецъ надъ створенямъ, сотвори мнѣ ми(лость)¹⁾;
Вшакъ²⁾ же не токмо естесь, Пане, справедливый,
лечъ биваешъ и къ грѣшнимъ часто милостивый.

С у д і я .

Такъ есть; чемъжесь, гди въ свѣтѣ зъ тѣломъ оставала,
о милосердіе ся мое не старала?
А теперь южъ часъ минулъ моего злѣтованя³⁾,
южъ справедливаго часъ наступилъ караня.
Гди ты южъ обвинену зрю на судѣ нинѣ,
идижъ отъ лица моего къ печелной яскинѣ!
По дѣломъ твоимъ декретъ такый выдаваю,
во огонь ты печелный вѣчне посилаю;
Зъ дияволи мешканя тамъ будешъ имѣти,
вѣчне зъ ними во огнѣ печелномъ горѣти.

Д у ш а .

Вшакъ кровію твоею естемъ оздоблена⁴⁾,
чи зо мноужъ твоя кровь будетъ потоплена?
Якъ святіе принимала, Пане, сакраменти,
мѣламъ вѣру, же могли грѣхи моя стерти.

¹⁾ Оторванныя мѣста въ рукописи возстановлены въ скобкахъ.

²⁾ Вшакъ (wszak) = вѣдь.

³⁾ Злѣтованя (zlitowanie) = сожаленіе.

⁴⁾ Оздоблена (ozdobiona) = украшена.

С у д і я.

Незбожне есь, неизная, въ свѣтѣ zostавала,
 негодне сакраменти святіесь приймала;
 Чулась, же безъ дѣлъ вѣра всегда поглашченна:
 чемужь есь въ злихъ учинкахъ была занурена ¹⁾?
 Овожь и крови моей обгите струменя ²⁾
 на большое нехъ тебѣ будетъ потопленя.
 Берѣте сію душу, дияволи, въ руки,
 а провадте, якъ свое на вѣчніе муки.

Д у ш а.

Погибламъ, ахъ погибла во вѣчніе вѣки,
 жемъ зле жила во свѣтѣ межи человекѣи.
 Ахъ мнѣ южемъ зъ опеки Бозкой вивержена,
 отъ роскошей небеснихъ естемъ отсуждена.
 О страшная заплата моей своеволѣ,
 ахъ мешканя горкое в пекелной неволѣ!
 О множество рознихъ мукъ, и несказаное,
 а такъ на мя неизнужо много собраное!
 Проклята, проклята есмь, ахъ нинѣмъ познала,
 вгдимъ ся южь дияволамъ до пекла достала.

С п ѣ в а н я.

Тутъ смертелніе записавъ всѣ еи закал(и)
 и што болвекъ ³⁾ изъ тѣломъ у свѣтѣ дѣя(ли),
 Не слушаючи, пане, твоего приказаня,
 я тежь вождое писавъ той души скаля(ня).

Ангелъ Хранитель.

Пане милосердный и судіе правдивый,
 вибачъ, а не зри на ей животъ нецнотливый!
 Вшакъ же предъ ся што болвекъ и добре чинила,
 а подъ часъ, якъ уломный человекъ, поблудила.

¹⁾ Занурена (zanurzona)=окупутая.

²⁾ Струменя (strumienie)=потокѣи, ручьи.

³⁾ Штокодвекъ (sokolwiek)=чтобы-то ни было.

Правда, же грѣхъ усегда долженъ есть карана,
 а цютѣ всегда въ тебе есть пошанована;
 Многожь и добрихъ было ей дѣлъ въ свѣтѣ, Пано,
 котріе ото маю въ себе исписанне.

Судія.

Азь по дѣломъ заплату усѣмъ отдаваю,
 добрихъ милую, а злихъ жестоко карая:
 Зважтежь добріе дѣла и злие на шалѣ ¹⁾,
 же бысте позору ²⁾ на судъ мой не мали,
 Ту тутъ ся покаже, чогу душа тая годна:
 чили будетъ карана, чили тежь свободна.

В И Д О К Ъ 3.

(Ангель охранитель присматривается вазѣ, але злие дѣла добрихъ преважяють, и по спѣваню инихъ персовъ)

Ангель мовитъ.

(Не могу ты болей, душо, вимовляти,
 (но) придетъся и минѣ за тебе встидати.
 (Ша)ля легка есть изъ добромн дѣли;
 якъ злие дѣла збитъ добрихъ превишили!
 (Чу)лась, гдѣмъ мовилъ о добромъ до тебе,
 (нинѣ)жь душо, отвѣщай южь сама за себе.

В И Д О К Ъ 4.

(Душа хочеть ся оправдати, але сумленя и дияволь оную звяжяють).

Згрѣшилаамъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,
 же шали добрихъ дѣлъ злимъ подаетъся снадне ³⁾.
 Ахъ сумленя! чемъ жесь миѣ не оповѣдало,
 чемъ жесь мя отъ сей казни не остерѣгало?
 Чемъ миѣ жиучой зъ тѣломъ не чинилось смутку,
 абимъ била въ покутѣ доказала скутку.

¹⁾ Шаля (szala)=вѣсы.

²⁾ Позору (pozoru)=подозрѣнія.

³⁾ Снадне (snadnie)=легко.

Згрѣшила мѣ, але и чортъ зводивъ мя на тое,
 абимъ всегда во свѣтѣ починала злое.
 Его то сѣти, его справи мя вловили,
 а такъ въ сродіе муки мене утопили.

Дияволъ.

Неправду говоришь, внакѣмъ не чинивъ ти сили;
 штось стало, Божіе очи тое зрѣли.
 Не тягнувемъ тя къ грѣху за лобъ усиловне: ¹⁾
 штось хтѣла, тось творила въ свѣтѣ доброволне.
 Малимъ нѣчимъ отъ Ангель быласъ умаленна,
 чемъ же въ зліе учинки биласъ зануренна?
 Отъ телесности мѣласъ злое нанушченя,
 а теперъ мене клеплешъ и свое сумленя.

Сумленя мовить.

Ахъ душо, чемже мене такъ, свое сумленя,
 во вѣчное тягнути смѣшешъ потопленя?
 Чи разъ же я на тебе сердечне водало
 предъ тимъ, нѣжъ што еше злое ся ставало:
 Ей, для Бога, грѣхъ то есть! Богъ будетъ карати;
 ей, бойся, душе, вѣчнихъ добръ въ небѣ втеряти;
 А любо то ся ти здаеть зъ твоимъ утѣшенямъ,
 але певне заплатишь вѣчнымъ потопленямъ!
 А тись на мои слова нѣчого не дбала,
 мовлячи: ей, грѣхъ той есть, рѣчь то барзе мала!
 Штожъ зъ того, любъ ся я днесъ допушчу до злого?
 внакѣ исповѣдь святую мѣю я для того.
 Яжъ и по исповѣди въ сердце-мѣ ты торкало:
 ей, не мовъ же то Богу! проступаешъ мало,
 Же на святую сповѣдь безпечне дуфашъ ²⁾,
 а безъ жаднаго встиду въ грѣхъ всегда впадаешъ.

¹⁾ Усиловне (usiłownie)—насяльно.

²⁾ Дуфашъ (dufasz)—надѣшешся.

Ахъ, не разъ мое сердце зъ жалю омиѣвало,
 видяще, што ти за то потомъ быти мало!
 Зналамъ, же ты судъ Божий скараеть за тое,
 же есь, псу встидъ продавши, починала злое.
 А теперь мя, сумленя свое, оскаржаешъ,
 невинне злости свои на мене складаешъ.
 Тись мене не слухала,— твоя есть причина,
 же днесъ на тебе пришла срогая руна.

Душа можить.

Згрѣшилаамъ, ахъ згрѣшила! знаю то до себе,
 лечь не престану, враже, жаловать на тебе;
 Бо тись то, дѣволе, добръ людзкихъ зазорца,
 тись мя звиювъ на тое, же я своего Творца
 Такъ назбитъ великими грѣхми образила,
 презъ тебе я караня того заслужила.
 Тись мяѣ роскошь марнаго засладилъ былъ свѣта,
 тись мя звиювъ, жемъ твоего слухала совѣта.

Дияволъ.

Южъ себѣ не поможешъ, любь ты я изводиль,
 бо-мъ тебе ко грѣху гвалтомъ не приводиль.
 Мѣла еси отъ Бога свободную волю,
 чемжесь такъ збитъ кохала въ свѣтѣ своеволю?
 Чи разъ же казнодѣе¹⁾ на тебе волали,
 чи разъ ти духовніе до уха шептали:
 Ей, душе! не дай тѣлу спросной²⁾ своеволь,
 бо обое будете въ некежной неволѣ?
 А тись на тіе слова нѣчого не дбала,
 казаня и исповѣдъ за жартъ себѣ мала.
 Отожъ я днесъ конечно говорити мушу
 на запамяталую добръ небеснихъ душу.
 Прошу тебе покорне, Судіе справедливий,
 выдай на сію душу декретъ справедливий!

¹⁾ Казнодѣе (kaznodzieje)—проповѣдники.

²⁾ Спросной (sprošnej)—негодной, безнравственной.

Д у ш а.

Уви мнѣ, окаяной! о горе мнѣ стало!
 жемъ не памятала, же жити въ свѣтѣ мало!
 За житіе сладкое а краткое въ свѣтѣ
 ахъ пришовъ часъ безъ конца болѣзни терпѣти!
 Ахъ мнѣ, жемъ зле творила, жиюще по волѣ!
 отожд избитной моей плата своеволь!

В И Д О К Ъ 5.

(Судія питаетъ Апостоловъ о сентенцію и мовить тіе слова).

Якъ ся вамъ здаеть о той душѣ своевольной,
 всѣхъ мерастей грѣховныхъ избытне полною?
 Жебимъ ся въ суду моемъ не издавъ суровий,
 вашихъ словъ до слуханя я естемъ готовий.

Апостолъ Петръ.

Тая нензная душа не хтѣла до неба,
 то южъ предъ нею небо замкнуги потреба.
 Зѣло на своеволю была роспушчена,
 тожъ годна, аби была неба отсуждена.

П а в е л ъ.

Я учитель народу, тое мѣю зданя,
 же годна душа тая вѣчнаго караня,
 Бо она казанями усегда гордѣла:
 слушнаяжъ рѣчь, бы въ пеклѣ во вѣки горѣла:

А н д р е й.

Крестъ у тоеи души бивавъ въ посмѣваню,
 а жити незбожне то въ ей било коханю.
 Овожъ, же ся святого креста отрѣкала,
 годна, аби въ пекелнихъ мукахъ оставала.

Іаковъ Братъ Божий.

Я Іаковъ, а братъ твой, Судіе и Пане,
 прошу, нехай зъ декретовъ такъ ся нашихъ стане:

Же твою дщерею не хотѣла быти,
нехъ же не будетъ годна лица твоего зрѣти.

И о а н з.

Ты створитель, ти Богъ нашъ и судия правій,
лечь знаемъ, же и къ грѣшнымъ бываешь ласкавїй:
Одъпустижъ грѣхъ души сей, хочъ била сваволна,
если милосердія твоего есть год(на).

М а в е й.

Не годна, бо святіе скарби зле виѣняла,
сакраменти Божіе за нѣзачо мала,
Въ ней найдражайшая кровь и Христово тѣло
простижъ виномъ и хлѣбомъ въ мысли часто (было).

М а р к о.

На исповѣдехъ всегда она обещала,
же ся отъ злихъ учинковъ повстягнути ¹⁾ мала;
А потомъ ся вертала, якъ цесъ къ бліватинню,
доброволне сама йшла въ пекелну яскиню.

Л у к а.

Заслужила вѣчное та душа прокляство ²⁾,
бо гдижъ служби Божіе и все набоженство
За простіе вимисли въ сердцу своемъ мѣла,
нѣбы не хрестіянка спросне въ свѣтѣ жила.

Варѣоломей.

Годна есть вѣчной смерти, бо не памятала,
же зъ тѣломъ разлучившись, на судѣ стати мала.
Не хотѣла о смерти згола ³⁾ памятати,
не хтѣла приказаній церковныхъ слишпати.

¹⁾ Повстягнутися (powzsiągnąć się) = воздержаться.

²⁾ Прокляство (przeklęstwo) = проклятіе; слово это рифмовано съ »набоженство, а потому надо полагать, что гласная »я« произносилась въ немъ какъ польское »е«.

³⁾ Згола (zgoła) = совсѣмъ.

Ф и л и п п ъ.

(Н)е годна въ небѣ жити, бо святіе пости
 въ тоей души бивали нѣби вымисль простиѣ;
 (Хочъ) для людзкой обмови любо и постила,
 еднакъ же всѣми злостми назбитъ ся кормила.

С и м о н ъ.

(Г)одна есть тая душа пропасти безденной,
 бо въ злой запалчивости мешкала штоденной.
 Якъ песь стеклий на всѣхъ ся злостю поривала,
 а бинамнѣи печелнихъ мукъ ся не бояла.

Т о м а.

Гнѣвъ, ненависти, обжирство и всѣ ей обмови,
 пьянство, не встидливіе всѣ еи розмови,
 Всѣ справи вшетечніе, ¹⁾ котріе чинила,
 годна, би зъ ними вѣчне во огнѣ горѣла.

С у д і я.

Чи такое усѣхъ васъ о той души здаия?

Всѣ мовлятъ.

Такъ, бо годна есть, Пане, вѣчного караня.

В И Д О К Ъ 6.

(Судія на душу грѣшную выдаетъ декретъ, аби по дѣломъ отнесла заплату).

¹⁾ Вшетечніе (wszetczne) = безнравственныя.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛО-РОССИИ ВЪ 1687 ГОДУ.

Изложение гетмана Самойловича, сосланнаго потомъ въ Ситирь, и выборы новаго гетмана, Ивана Мазепы, въ 1687 году, вызвали, какъ извѣстно, весьма сильное и значительное движеніе въ народной массѣ, движеніе, имѣвшее повидимому чисто социальный характеръ. Рядъ измѣненій, внесенныхъ въ земельный и общественный строй жизни гетманами и старшиною, управлявшими Малороссіей послѣ возстанія при Богданѣ Хмельницкомъ: захваты земель и цѣлыхъ сель, о которыхъ рассказываетъ Самовидецъ (Лѣт., стр. 169), образованіе крупныхъ владѣльческихъ хуторовъ, привлащенія посольства и козаковъ, перемѣны въ системѣ выборовъ сотенной и полковой старшины, все большее и большее вторженіе оной въ народныя права и стремленіе возстановить, что было недавно «скасано козацкою шаблею»,—все это не могло не вызвать броженія въ массѣ, еще недавно побѣдившей поляковъ и свергнувшей съ себя иго польскаго владѣльчества. Броженіе это и разразилось въ бунтѣ 1687 года.

Объ этомъ бунтѣ мы имѣемъ лишь самыя общія свѣдѣнія; даютъ ихъ намъ лишь одни лѣтописи и хроники: Величко, Самовидецъ и нѣкоторые другіе. Полнѣе всего исторія бунта рассказана у Велички (т. III, стр. 53—4). »По изложеніи гетмана Самойловича съ гетманства, рассказываетъ онъ въ своей лѣтописи, »разъ зо всѣхъ полковъ городовихъ войска козацкаго многіе своеволцы, не дожидаячися новаго гетмана, отъехали самоволно зъ

обозу въ дома свои, и якъ въ дорогѣ, такъ и въ домахъ, и полкахъ своихъ, учинивши крамолу и бунтъ и другихъ, въ домахъ оставшихъ, легкомысленныхъ людей зъ собою до тоей же своеволи захотивши, *не только арендаровъ, але и иншихъ можнихъ людей и крамаревъ* невинныхъ безумнѣ брали *и имъне ихъ между себе розшарповали*, а нѣкоторыхъ и самихъ въ смерть забивали и разне убитыи и мордерства надъ ними выполняли*. Самовидецъ кратко говорить, что *»почалися бунти у войску на старшихъ«*, что затѣмъ *»многіе двори пограбовали«*, *»арендаровъ и инихъ людей знатнихъ* и пріятелей гетмана бувшого (Лѣтопись, стр. 169). Еще короче говорить другая краткая лѣтопись ¹⁾. Составитель ея рассказываетъ, что *»чернь (козаки и мужики) пановъ своихъ, а паче арендаровъ грабили«*. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ можно было заключать лишь о характерѣ и направленіи движенія; но гдѣ и въ какихъ мѣстностяхъ проявилось народное движеніе, — оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Ни Величко, ни другіе хроникеры ничего не сообщили намъ на этотъ счетъ. Не знаемъ мы также ничего опредѣленнаго и о дѣйствительныхъ размѣрахъ движенія и о степени энергіи, съ какою проявилось оно. Извѣстно лишь, да и то въ самихъ общихъ чертахъ, какъ закончился народный бунтъ. Вступленіе къ управленію дѣлами Мазепы, энергическія мѣры, принятія до него и имъ самимъ, положили вскорѣ конецъ возстанію. »Заразъ, говорить Самовидецъ о возстаніи, тое Москва усвдомила«, а краткая лѣтопись сообщаетъ, что бунтъ продолжался, *»поколь бунтовщиковъ смирено«* (ib.). Лишь одинъ Величко нѣсколько болѣе распространяется на счетъ исхода бунта. Вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ и подававшихся *»обидимыми«*, тотчасъ-же были назначены спеціальныя судныя комиссіи и *»своевольники«* были живо смирены. »Заразъ, рассказываетъ Величко, всѣхъ тѣхъ своевольниковъ по городахъ и селахъ велѣно старшинамъ зискать, ловити и до крѣпкого вязена отдавати; потомъ розыски чинити, по которыхъ розискахъ однимъ,

¹⁾ Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствій и случаевъ описаніе«, изд. г. Бѣлозерскимъ, въ его Сборникѣ южно-русскихъ лѣтописей. Кіевъ. 1856 г., стр. 85.

важнѣйшимъ, руки и ноги поломано, другимъ головы неистовые оттинано, третихъ на шибеницахъ вѣшано, четвертыхъ на худобахъ карано, зъ пятыхъ глупство кіями вигоняно«. Всѣ эти энергическія мѣры привели къ тому, что, какъ говорить тотъ-же Величко, »станула въ мірѣ тишина и безбоязненное людямъ тамошнимъ мешкане«.

Таковы извѣстныя доселѣ данныя о бунтѣ 1687 г. Всѣ они характеризуютъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не давая вовсе свѣдѣній о ходѣ его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія этого послѣдняго рода даютъ намъ три документа, найденные нами въ числѣ разнаго рода актовъ, приложенныхъ въ копіяхъ къ Румянцовской описи Малороссіи 1766—68 г.¹⁾ въ подтвержденіе правъ на владѣніе землями въ селѣ Скопцахъ Ивана Сулимы, сотника воронковскаго, и мѣстечкѣ Домонтовѣ, Стефана Томары, полковника переяславскаго. Это, во первыхъ, выпись изъ судебного разбирательства, учиненнаго переяславскимъ судомъ въ 1688 году по дѣлу о бунтѣ, во вторыхъ, двѣ купчихы крѣпости: одна, 1689 года, выданная Сулимѣ козакомъ с. Скопцевъ (переяславскаго уѣзда) Петромъ Романенкомъ, и другая, данная жителемъ мѣстечка Домонтова (золотоношскаго уѣзда) Савою Наливайченко, въ 1689 г. 22 іюля, Стефану Томарѣ, въ то время сотнику домонтовскому.

Два первые документа касаются возстанія въ сотенномъ городкѣ переяславскаго полка, Воронковѣ. По свидѣтельству ихъ, старшина воронковская и крамари (торговцы) очутились, благодаря бунту, въ крайнемъ »небезпеченствѣ«. Лица, зависимаыя отъ нихъ, ихъ слуги, бросали ихъ беззащитными и бѣжали, и всѣ власти въ м. Воронковѣ, вся старшина и можные и богатые люди были предоставлены собственной участи. А опасность была для нихъ тѣмъ большею, что не однѣ только отдѣльныя лица, а вся воронковская громада приняла участіе въ погромѣ, направленномъ противъ »старшихъ«. Главнымъ руководителемъ движенія былъ, по видимому, козакъ изъ с. Скопцевъ, Петръ Романенко, »клавшій«

¹⁾ Документы эти находятся въ связкахъ описи переяславскаго полка, и именно сотенъ: перво-полковой и домонтовской, связкахъ, хранящихся въ бібліотекѣ университета св. Владиміра.

вездѣ, какъ выражалась на судѣ громада, »початокъ дѣлу«, не упуская случая разграбить старшинское добро. Масса не отставала отъ своего руководителя. По выписи изъ судебного дѣла ¹⁾ нападениемъ подверглись: сотникъ Иванъ Сулима (все движимое имущество его забралъ къ себѣ въ с. Скопцы козакъ Романенко, остатки разграбила громада), Максимовичъ, у котораго разорена винокурня, вмѣстѣ съ откармливавшимися при ней свиньями, и крамарь Константиновичъ, лавка котораго была разбита и разнесена. Мѣстная старшина успѣла однако скоро оправиться и сама принялась за усмиреніе бунта, лишь только увидѣла, что новый гетманъ—свой человекъ и человекъ энергическій. Въ усмиреніи взбунтовавшейся воронковской громады дѣятельную и характерную для того времени роль игралъ нѣкто Думитрашко (быть можетъ, сынъ или родственникъ полковника переяславскаго Думитрашка-Раича). Вся воронковская громада была обложена крупнымъ по тому времени штрафомъ въ 500 талерей въ пользу потерпѣвшихъ. Случилось однако такъ, что деньги были взяты, а потерпѣвшіе ничего не получили,—деньги оказались если не цѣлкомъ, то въ большей части въ карманѣ возстановителя порядка Думитрашка. Когда въ слѣдующемъ 1688 году, по указу царей Петра и Іоанна и черевны Софьи, и распоряженію гетмана Мазепы, начался и въ Воронковѣ судъ надъ грабителями, то на судѣ явилась продѣлка Думитрашка: громада жаловалась, что съ нея взыскано болѣе 500 талерей »въ награду того грабовку«, а потерпѣвшіе отъ погрома, извѣстныя уже три лица заявили, что изъ этой награды они ничего не получили. Дѣло было ясное и очевидное. Судъ призналъ за тремя потерпѣвшими право на вознагражденіе и присудилъ Ивану Сулимѣ слѣдующую ему сумму взыскать съ Романенка и Думитрашка, а Константиновичу и Максимовичу съ одного послѣдняго; жалоба громады м. Воронкова оставлена безъ удовлетворенія. Выполнилъ-ли Думитрашко по рѣшенію суда, остается неизвѣстнымъ. На судъ онъ лично не явился; не прислалъ даже уполномоченнаго отъ себя, не смотря на »килкокротніе самого

¹⁾ Выпись, къ сожалѣнію очень краткая, касается лишь нѣсколькихъ лицъ; полного дѣла и описи нѣтъ; оно хранится, по всей вѣроятности, въ дѣлахъ малороссійской коллегіи.

гетмана, ясне велможного, его милости, пана, листовіе указы«, и былъ осужденъ заочно. Другой подсудимый, козаць Романенко, понесъ тяжелую кару въ своей ›худобѣ«. Долго ему удавалось уклоняться отъ выполненія судебного приговора и только около десяти лѣтъ спустя, послѣ новаго иска Сулимы, Романенко повинился и ›безъ жадного примусу и насилія, доброволне« отдалъ Сулимѣ, взазмѣнъ денегъ, которыхъ онъ не имѣлъ, свои земли въ с. Скопцахъ: островъ, лѣсъ, два сѣнокоса—луговой и степной, одѣненные въ суммѣ 230 золотыхъ. Мимоходомъ отмѣтимъ, что Сулима около этого времени приобрѣлъ осѣдлость въ Скопцахъ, и это, въ связи съ купчей, выданной Романенкомъ, дало Сулимѣ возможность въ 1721 году добиться отъ гетмана Скоропадскаго универсала, по которому *все* село Скопцы (кромѣ козаковъ и ихъ грунтовъ) было отдано ему въ собственность.

Послѣдній изъ найденныхъ нами трехъ документовъ,—запись козакомъ Наливайченкомъ части своего лѣса сотнику Томарѣ даетъ прямое указаніе на то, что бунтъ 1687 г. имѣлъ мѣсто и въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, ибо сынъ козака Наливайки отдаетъ свою землю (часть лѣса) за проступокъ отца, который, какъ говорится въ документѣ, ›невиповѣдимо, подчасъ *того злого рабунку*, такъ въ записяхъ, яко и въ рухомихъ вещахъ викрочилъ его милости пану Стефану Томарѣ«.

Приводимъ самые документы, имѣющіе, кромѣ историческаго, и историко-юридическій характеръ и значеніе.

И. Лучицкій.

I.

Выпись зъ книгъ енералного суду войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого. Року тисеча шесть сотъ осѣмъ десять осмого, мѣсяца декеврія осмого на десять дня.

По повеленію присвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государицѣ, благовѣрной царевны и великой княгини Софіи Алексѣевны, всея великія, и малія, и бѣлія Росіи самодержцевъ, ихъ царского пресвѣтлого величества.

Предъ нами отъ боку самого ясне велможного, его милосты, пана Иоанна Мазеши, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого, до Переяславля на разсужденіе вшелякихъ справъ въ прошломъ року подъ розрухъ сталихъ, зосланныи Михайломъ Вуякевичемъ, судею еeneralнимъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого Иваномъ Ломѣбовскимъ, Андреемъ Василевичомъ, писаремъ судовымъ, и при битности пана Іакима Головченка, полковника переясловского, Івана Гулака, обозного полкового, і Маексима Хоменка, атамана городового, на справки ниже описаніе засѣлими, ставши у суду нашему Иванъ Сулима, бывшій сотникъ воронкувскій, при жалосной суплѣде своей, прикладаль на реестрѣ шкоди свои отъ Романенка Петра ему сталине: же того часу онъ, прихавши до Воронкова, *всѣ добра ею* (яко реестру рорборуетъ) *рухомые забралъ*, до которыхъ добръ Петро Романенко и самъ знался, же побралъ, толко не згожался зъ реестромъ, лечъ доводилъ тую своего шкодовани челадникомъ Петра Максимовича ¹⁾, меновите Матвѣемъ, которой подъ сумленемъ своимъ свѣдчиль, ижъ тогди утѣбаючи отъ пана своего, *въ небезпеченствѣ будучою*, въ селѣ Скопцяхъ ²⁾, где мешкаль Петро Романенко, видѣль, яко зъ возовъ складали много добръ Івана Сулими, привезенихъ зъ Воронкова ³⁾).

По записаню сей справки, ставши обоего чину люде *воронкувскіе* подали суплѣбу отъ всей своей *вромади*, жалѣючися на Дмитрашка, же за тотъ *проступокъ*, которій *учинилисмо Ивану Сулимъ за початкомъ Петра Романенка и остатокъ* посла него добра его разгробовали, взялъ у насъ вини болше пяти сотъ таларей, обѣцуючися тую суму въ нагороду того грабовку ему, Ивану Сулимъ, дати, и не далъ. Судъ прихлнимъ будучи до такого свѣдоцтва, и такъ Романенка, яко и Дмитрашка обвинивши, жебы укривжоному за шкоди его обадва нагородили и заплатили, наказуемъ.

До тоей-жъ суми пяти сотъ таларей Юско Константиновичъ з Воронкова подалъ суплѣбу на того-жъ Дмитрашка, ускаржаючися, же за шкоди сталие отъ Петра Романенка, то есть за порабовани комори зъ краемомъ, зъ тоей-жъ суми мѣлъ заплатити и не заплатилъ. Которому то укривжоному жалобнику повиненъ будетъ заплатити, судомъ наказуемъ.

¹⁾ Сотника бубновскаго.

²⁾ Переяславскаго уѣзда полтавской сотни. Въ то время село перво-полковой сотни переяславскаго полка.

³⁾ Мѣстечко того-же уѣзда. Въ то время сотенный городъ воронковской сотни, переяславскаго полка.

Того-же термину и до тоей-жъ суми избраное презъ Дмитрашко болше пяти сотъ таларей, Дмитро Максимовичъ подалъ на реестръ и свои шкоди, *ускаржаючися на вороноквоцвоъ, которне, мовить, въ мѣскомъ воронкувскомъ дворѣ три кубы горьлки розирабили и попили, и четвертую кубу у дворѣ передъ мѣскомъ, борошна вилочною молотою сорокъ осмачокъ мѣри воронкувской, и увесъ посудокъ виничный, и шесть десять свиней.*

Аже Дмитрашко, за вилекротнимъ самого ясне велможного его милости пана гетмана листовимъ указомъ и нашимъ судовимъ пзвѣщеніемъ, на скаргу вишь менованихъ обжалована на термену не сталъ и умоцованого своего для отповѣди (подобно зъ умислу всѣ справи и скарги на него занесеніе зволѣкаючи) не прислалъ, теда и въ небытности его зъ заводовъ и документовъ правнихъ уваживши, жебы всаеіе шкоди Дмитровѣ Максимовичови, Ивану Сулимѣ и Юску Константиновичю Дмитрашко зъ тоежъ избраное на воронкувцахъ суми безъ жадной пзволенки нагородилъ, наказуемъ.

Которие справи, якося точили и декретомъ судовимъ скончили, такъ, за потребованіемъ сторонъ, до книгъ актовихъ переясловскихъ про память записани, зъ которихъ и сей вписъ подъ судовою печатю и за подписомъ руки писарской естъ виданъ. Писанъ въ Переясловѣ.

(на подлѣнномъ):

Андрей Васплевскій, писаръ судовій
войскової енералній.

(Румянцевская опись, переяславскій полкъ, документы перво-полковой сотни, т. I, подъ 1688 г.).

II.

Вписъ зъ книгъ мѣскихъ переяславскихъ права майдибургского его милости пану Ивану Сулимѣ, товаришу значному войсковому, на грунта отъ Петра Романенка за худобу въ бунти пограбованную, въ суммѣ золотихъ двѣстѣ и тридцати пущенне. Року 169 февраля 15.

За вѣдомостю его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского переяславского передъ обополнимъ урядомъ полковимъ и майстраговимъ въ ратушѣ переясловской, передъ нами, Леонтьемъ Потаповичомъ, обознимъ полковимъ, Іоаномъ Гулакомъ, сотникомъ полковимъ, Михайломъ Иванови-

чемъ, атаманомъ городовимъ, Иваномъ Соколскимъ, войтомъ переясловскимъ, Корнѣемъ Еремѣвичемъ, буймистромъ, Стефаномъ Ивановичемъ, райцею старшимъ, Николаемъ Лукяновичомъ, Яковомъ Федоровичомъ, райцами и ними райцами и лавниками, становши очевисте его милость, панъ Иванъ Сулима, товарищъ знатный войсковій, покладаль жалобу на Петра Романенка, козака и жителя скопецкого, которій подчасъ бунтовъ грабоваль у Воронковъ худобу его, за що судомъ енералнимъ сужений и декретъ видано, наказуючи сурово ему, Петру Романенку, починенные шкоди его милости пану Ивану Сулимѣ нагородити и во всемъ, яко налечь, погодити. А онъ презъ килканадесять лѣтъ декрету суду енералного задосить чинити замедлѣвъ, вимогаючися Петро Романенку, ижъ для того до тихъ часъ починенныхъ шкодъ не поцолниль, же его милость панъ Іанъ Сулима не впоминался. До которого декрету суду енералного стосуючися, ми обополній урядъ наказалисмо Петру Романенку, безъ жадной отмови и продолженя часу, нагородити починенные шкоди. Аже не мѣвъ готовой суми, просивъ его милости пана Яна Сулиму, жеби грунта на Скопцяхъ или где уподобаетъ собѣ шацункомъ принявъ, обѣцуючи всѣ грунта свои ему отказати. На якое прилѣжное прошеніе призволевся его милость панъ Янъ Сулима и грунтами приимати, и на томъ угода стала. По волку днѣхъ становши очевисте Петро Романенку предъ нами, вишь менованимъ обополнимъ уридомъ, въ ратуши переясловской, визналь явне, ясне, доброволне, безъ жадного примусу и насилы до записаня въ книги тие слова: маючи я *сеножатъ* отъ Скопцовъ къ Илтицѣ, почавши отъ дѣдовой могили по Исаншинъ грунтъ до ющенковаго окопу, по ющенкову ниву, котора до Илтицѣ притягла, отческую и дѣвизную, *островъ* ющенковскій зъ *садкомъ* и *березами* и *лозами* по сеножатъ Хомину Носенкову; *сеножатъ* и *березу* по окупъ, границя по могилу Бѣлоусову, и *въ степу сеножатъ*, тожь отческая и дѣвизная, нѣкому нѣвчомъ не пенная и не заведенная; пустилемъ его милости пану Яну Сулимѣ и панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ вѣчными часи въ посессію за шкodu и бунти починени, въ сумѣ золотихъ двѣстѣ тридцать; мѣбеть тижъ его милость панъ Янъ Сулима, панѣ малжонка его и потомкове ихъ власть зуполную вѣчными часи тими грунтами, сѣножатми, садомъ, березами, лозами, островомъ, яко хотѣти, владѣти и пожитковати, волю имъ, кому хотѣти, дати, продати, даровати, замѣняти, яко ко найлѣпшому пожиткови своему примножити и приспособляти, а я, Петро Романенку, анѣ жона моя, анѣ дѣти мои, анѣ кривніе, близкіе и далекіе, не мѣбемъ власти вѣчными часи до тихъ грунтовъ озиватися и свовити, и овшемъ, ежели-би хто колвекъ зъ кривнихъ моихъ, близкихъ и далекихъ, мѣль до тихъ грунтовъ озватися и важился его милость пана

Яна Сулиму, або пототковъ его турбовати, теда я винне достою у каждо суду и права, становши своимъ коштомъ, ихъ заступати и боронити, а на того турбатора покладаемъ вини до шкатули войскової тисячу золотихъ. Которое добровольное зезнане ми, обополній урядъ, вислухавши, позволилисмо до книгъ мѣскихъ переясловскихъ вписати, а зъ книгъ вписавши и печатми судовою и майстратовою ствердивши, росказалисмо видати его милости пану Яну, товарищу знатному войсковому, панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ на защиту и оборону въ потомніи часы, за подписомъ рукъ нашихъ.

(На подлинномъ):

Леонтій Потаповичъ, обозній полковій переясловскій, рукою. Иванъ Сокалскій, войтъ переясловскій зъ майстратомъ. (Тамъ-же).

III.

1689 року, іюня 22 дня.

Я, Сава Наливайченко, житель домонтовскій, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому того будетъ потреба, ижъ за власній проступокъ небозвичая отца моего, которій невиповѣдно, подчасъ того злою *рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ, вигрочилъ его милости, пану Стефану Томарѣ, сотниковѣ домонтовскому, аже *правне обечимоватиши* мене за отцевскій проступокъ, не мѣлимъ чимъ-би моглъ погодити пана сотника нашего, теда во вечность два гайки, подъ Матвѣвкою ¹⁾ стоячие, которіе мѣлемъ сполне изъ Иваскомъ Горлачемъ, свои половины власние и никому не пенние, его милости пану Стефану Томарѣ, сотнику нашему домантовскому, вручаю. До которихъ отнюдь нѣ хто не повинецъ такъ изъ далекихъ, яко и близкихъ нашихъ приятелей втручатися. Для чего даю сее мое добровольное писание при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, жителей домонтовськихъ, тута подписанныхъ, напродъ:

Дмитро Володко, атаманъ городовій, Василь Брашно, Матвѣй Симоненко, братъ старшина (?), Васко Похожай, ктиторъ храму Рождества пресвятыи Богородици домонтовского, Васко Горлачъ, Романъ Демба, Иванъ Черномазенко, Гаврило Дриваль, Касянъ Шулженко, Илляшъ Дорошко, Ілляшъ Исаенко, войтъ домонтовскій. Дѣялося у Домонтови року и дня вишписанного.

(Рум. Опись, документы, относящіеся до селеній домонтовской сотни, т. I, № 8).

¹⁾ Деревня домотовской сотни, нынѣ золотовошскаго уѣзда.

Библіографія.

Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.

Среди многочисленныхъ трудовъ извѣстнаго своею ученостью, трудолюбіемъ и высокимъ художественнымъ талантомъ нашего историка, несомнѣнно монографія о Богданѣ Хмельницкомъ занимаетъ первое мѣсто. Монографія эта появилась первый разъ въ печати 25 лѣтъ тому назадъ и съ того времени авторъ не переставалъ изучать избраннаго имъ предмета, внимательно слѣдилъ за всѣми, вновь появившимися въ печати, матеріалами и трудами, относящимися къ сюжету его изслѣдованія, многіе новые матеріалы отырывалъ самъ въ архивахъ и отъ времени до времени, пользуясь новыми научными приобрѣтеніями, исправлялъ и дополнял первоначальную работу и выпускалъ новыя изданія. Каждое изъ этихъ изданій встрѣчалось просвѣщенною публикою съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ и расходилось весьма быстро, чѣмъ до нѣкоторой степени и облегчалась возможность новаго изданія.

Послѣднее, четвертое изданіе, сохраняя всѣ научныя и художественныя качества предъидущихъ, представляетъ значительныя усовершенствованія и поправки, вслѣдствіе которыхъ трудъ маститаго историка приобретаетъ еще большую научную цѣну. Мы постараемся указать важнѣйшія мѣста, въ которыхъ мы замѣтили измѣненія сравнительно съ послѣднимъ, третьимъ изданіемъ.

Въ новомъ изданіи Богдана Хмельницкаго авторъ, по обыкновенію, предпосылаетъ перечень источниковъ и монографій, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда; сличая этотъ перечень съ тѣмъ, который былъ помѣщенъ въ началѣ 3-го изданія, мы находимъ 19 но-

выхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ важнѣйшіе какъ по указаніямъ самаго автора, такъ и по количеству приведенныхъ ссылокъ, слѣд.: Записки Николая Яemelовскаго, Дневникъ Станислава Освѣцима, Историческіе очерки Кубалп, X томъ актовъ южной и западной Россіи и т. д.

Затѣмъ исторіи Богдана Хмельницкаго предшествуетъ обширное введеніе, занимающее первую половину перваго тома. Введеніе это представляетъ полный очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества отъ его возникновенія до 1648 года, т. е. до появленія во главѣ козацкаго движенія Богдана Хмельницкаго. Это несомнѣнно понынѣ лучшей систематической очеркъ исторіи козачества въ указанный періодъ его существованія. Н. И. Костомаровъ пополнилъ въ настоящемъ изданіи эту часть своего труда разказами о возстаніяхъ Косинскаго и Наливайка, которые въ предшествующемъ изданіи были выдѣлены и составили отдѣльныя статьи, вошедшія, какъ особыя монографіи, въ полное изданіе его сочиненій. Нѣкоторыя второстепенныя положенія въ вступительномъ очеркѣ измѣнены или исправлены и дополнены. Такъ Н. И. устранилъ предположеніе о томъ, что народныя преданія о Саввѣ Чаломъ могутъ быть приурочены ко времени Павлюка, убѣдившись, что личность эта относится къ половинѣ XVIII ст.; такъ онъ прибавилъ интересныя подробности, заимствованныя изъ исторіи Турціи Гаммера фонъ Пургшталя, о козацкихъ морскихъ походахъ 1638—1639 г. и т. п. Признавая вполне достоинства этой вступительной главы, мы особенно благодарны почтенному автору за то, что онъ очистилъ первоначальную исторію козачества отъ тѣхъ фантастическихъ наростовъ, которыми она была испещрена, благодаря вымысламъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и особенно анонимнаго составителя исторіи Руссовъ, повторявшимся потомъ въ сочиненіяхъ первыхъ историковъ Малороссіи и затемнившимъ въ видѣ непрогляднаго тумана первоначальную исторію козачества. Намъ вѣжется только, что самый вопросъ о происхожденіи и первоначальномъ бытѣ козачества авторомъ оставленъ нѣсколько незаконченнымъ; указавъ на появленіе козачества подъ управленіемъ литовскихъ старостъ, авторъ переходитъ къ очерку отношеній южно-русскихъ мѣщанъ къ правительству, затѣмъ приводитъ свѣдѣнія о первоначальномъ возникновеніи Запорожья, упоминаетъ только о реформѣ короля Стефана и прямо переходитъ къ возстанію Косинскаго; такимъ образомъ съ одной стороны исторической бытъ козачества XVI в. является какъ-бы не законченнымъ, съ другой для читателя невольно первоначальное козачество сливается и съ давно существовавшимъ мѣщанствомъ приднѣпровскихъ городовъ и съ позжѣ возникшимъ Запорожьемъ. Отбросивъ всѣ вымыслы и навязанныя коза-

честву, но не имѣвшія съ нимъ органической связи случайныя событія, Н. И. дѣлаетъ исключеніе въ пользу небольшой серіи предполагаемыхъ гетмановъ; онъ признаетъ въ этомъ достоинствѣ Федора Богдана, »его преемника Яна Подкову« и Шаха (Томъ I, стр. 20—21). Исключеніе это заставляетъ насъ предполагать, что многоуважаемый авторъ нашелъ вѣскія основанія для того, чтобы выдѣлить названныя личности изъ ряда мнѣнческихъ гетмановъ XVI столѣтія и признать ихъ дѣйствительными козацкими гетманами; но такъ какъ ссылки на источники указываютъ въ данномъ случаѣ только на свидѣтельство позднѣйшихъ козацкихъ лѣтописцевъ, то мы находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи и не вполне можемъ избавиться отъ скептицизма, въ силу котораго склонны признать Федора Богдана лицомъ врядъ-ли существовавшимъ (вѣдь Федоръ и Богданъ это переводъ одного и того же имени), а въ Подковѣ привыкли видѣть не настоящаго гетмана всего поднѣпровскаго козачества, а политическаго ноземнаго авантюриста, пытавшагося залучить въ пользу своего предпріятія часть козаковъ, жившихъ въ Брацлавщинѣ.

Въ изложеніи событій случившихся при Хмельницкомъ мы встрѣчаемъ въ новомъ изданіи нѣсколько поправокъ и по временамъ значительныя дополненія. Къ числу болѣе существенныхъ поправокъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, устраненіе во второй главѣ названія гайдамаковъ, которымъ въ прежнихъ изданіяхъ авторъ характеризовалъ возставшихъ крестьянъ; конечно имя это онъ примѣнилъ только по аналогіи данныхъ событій съ историческими явленіями болѣе поздняго времени; въ настоящемъ-же изданіи, желая избѣжать недоразумѣній отказался отъ термина, характеристическаго, но могущаго подать поводъ къ анахронистическому представленію.

Болѣе всего расширены и дополнены въ новомъ изданіи тѣ главы, которыя относятся къ исторіи 1651 года, памятнаго злосчастною Берестецкою битвою и еще болѣе печальнымъ Бѣлоцерковскимъ договоромъ; большинство новыхъ источниковъ, которыми авторъ пользовался, сосредоточены на исторіи этого года (Дневникъ Освѣдима, Кубала) и потому доставило ему обильный новый матеріалъ для характеристики того времени. Центральнымъ фактомъ, около котораго группируются событія 1651 года, естественно является Берестецкое сраженіе и потому Н. И. посвящаетъ описанію его цѣлую главу; впрочемъ въ разсказѣ какъ о самой битвѣ, такъ и о приготовленіи къ ней и объ ея послѣдствіяхъ, авторъ сохраняетъ собственный пріемъ въ изложеніи фактовъ: онъ рисуетъ рядъ блестящихъ картинъ и останавливаетъ вниманіе преимущественно на отдѣльныхъ эффектныхъ эпизодахъ, оставляя въ сторонѣ описаніе плана стратегическихъ движеній обѣихъ армій какъ до битвы,

такъ и во время самаго сраженія и послѣ него. Подробности эти разработаны весьма тщательно въ очеркахъ Кубали и Освѣцимъ даетъ въ этомъ отношеніи весьма основательныя данныя, но Н. И. не захотѣлъ вѣроятно портить общаго художественнаго впечатлѣнія картины сраженія и потому отказался отъ ихъ воспроизведенія.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ особенно интересныя прибавленія мы встрѣтили въ описаніи осады Буши, равно и весьма характеристическія подробности о попыткахъ возстаній польскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова и Познани; свѣдѣнія эти заимствованы изъ записокъ Темеловскаго, дневника Освѣцима и изъ труда Кубали.

Въ заключеніи труда мы встрѣчаемъ четыре приложенія: 1) отчетъ о запискахъ еврейскаго раввина современника—Ганновера, 2) замѣтку о статьѣ г. Дитятина: »Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII столѣтія«, 3) сборникъ народныхъ думъ, пѣсней и современныхъ виршей, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго и 4) алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

Свѣдѣнія изъ записокъ Ганновера не вошли въ самый текстъ сочиненія, потому что авторъ не могъ своевременно получить русскаго изданія этихъ записокъ, вышедшаго въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, т.е. въ то время, когда новое изданіе уже находилось въ печати; впрочемъ есть другой русскій переводъ этого сочиненія: оно было издано въ переводѣ изъ французскаго изданія Данила Леви (Temesen 1855) редакціею кievскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1858 году, подъ заглавіемъ: »Четыре года войны поляковъ съ русскими и татарами (1648—1652) или преслѣдованіе польскихъ израильтянъ«. Конечно не удивительно, что Н. И.-чу не могло прійти въ голову искать источника для исторіи XVII столѣтія въ столь скромномъ и мало распространенномъ изданіи.

Сборникъ пѣсень, относящихся ко времени Хмельницкаго, былъ помѣщенъ уже въ третьемъ изданіи (40 пѣсень), въ настоящемъ онъ значительно расширенъ (52) и пополненъ присоединеніемъ пѣсень и ихъ вариантовъ, напечатанныхъ въ промежуткѣ между выходомъ двухъ изданій. Указатель собственныхъ именъ составляетъ приложеніе совершенно новое, и конечно весьма полезное и необходимое при каждомъ обширномъ и капитальномъ историческомъ трудѣ, къ которому приходится всякому занимающемуся данною эпохою, прибѣгать не однократно для справокъ и удостовѣренія отдѣльныхъ фактовъ.

Относительно именъ собственныхъ мы впрочемъ позволимъ себѣ выразить нѣкоторое сожалѣніе; въ трудѣ столь капитальномъ и занимающемъ несомнѣнно положеніе весьма авторитетное въ исторіографіи южно-русскаго края, не вездѣ обращено было тщательное вниманіе на

географію края и географическія названія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подверглись болѣе или менѣе значительному искаженію. Иногда-же авторъ, довѣрившись излишне источнику, не повѣрилъ его данныхъ по картѣ или воспроизвелъ картину мѣстности, гдѣ происходило описываемое имъ событіе, не вполне согласно съ дѣйствительностью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Нѣкоторыя искаженія географическихъ именъ произошли очевидно вслѣдствіе нечеткости почерка рукописей, которыми пользовался какъ самъ авторъ, такъ и издатели матеріаловъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ; такъ мы встрѣчаемъ мѣстности: *Ильменцы* (III, 188) и *Берладъ* (III 188, 196), которыя потомъ занесены и въ указатель, какъ отдѣльные мѣстечка; между тѣмъ эти населенныя мѣстности возникли только вслѣдствіе искаженія именъ: Илинцы (иначе Линцы—мѣстечко липовецкаго у.) и Бершада (м. ольгопольскаго у.), въ чемъ весьма легко убѣдиться, провѣривъ по картѣ тѣ эпизоды разсказа, въ которыхъ онѣ упоминаются. Нѣсколько чаще встрѣчаются искаженія мѣстныхъ названій, происшедшія отъ того, что авторъ, пользуясь иноземнымъ источникомъ, оставлялъ эти имена, не измѣняя транскрипціи источника, согласно мѣстному народному произношенію, какъ это принято дѣлать въ русской литературѣ для собственныхъ именъ всѣхъ народовъ и странъ. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ текстѣ и указатель названія: Пятокъ (I, 25), Смѣлое (I, 290), Базилія (III, 303), Вилгорія, Горія (III, 301) и т. д., вмѣсто вариантовъ, извѣстныхъ по народному произношенію: Пятка, Смила, Базалія, Вилгорай, Горай и т. д. Наконецъ иногда, слѣдуя тексту источника, авторъ даетъ описаніе мѣстности не точное и иногда не вполне понятное; такъ въ разсказѣ о жванецкой осадѣ (III, 102) мѣстоположеніе королевскаго лагеря описано такъ: › съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта (т. е. съ востока?) укрѣпленный замокъ, а съ запада овраги и лѣса ‹. Не говоря уже о томъ, что рѣка Жванецъ, подобно всѣмъ притокамъ Днѣстра, течетъ среди обрывистыхъ скалъ и не имѣетъ болотистой долины и что съ востока къ Жванцу прилежитъ открытая возвышенная равнина, которая тянется къ селу Брагѣ, довольно трудно представить себѣ ориентировку описанной мѣстности, зная, что Жванецъ впадаетъ въ Днѣстръ у мѣстечка того-же имени и что замокъ лежитъ на самомъ обрывистомъ берегу рѣки Жванца.

Вотъ еще одинъ примѣръ: послѣ охматовскаго сраженія › поляки продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристьянополь, Устье, Берлады, Каменица, Кириевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берестки, Дмитрашевка (III, 196) ‹. Довольно трудно

дать себѣ отчетъ, въ какой мѣстности въ то время свирѣпствовали поляки: большинства перечисленныхъ мѣстностей мы напрасно стали-бы искать на картѣ; имена нѣкоторыхъ, правда, можно возстановить, но онѣ являются разбросанными на слишкомъ большомъ пространствѣ для того, чтобы можно ихъ приурочить къ одной компаніи. Такъ Бершава (Берлады) и Каменка (Каменница) лежатъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи, Кристинополь въ жолковскомъ округѣ Галиціи въ 300 верстахъ отъ нихъ къ сѣверо западу, а Лещинъ (Лещиновка?) въ житомирскомъ уѣздѣ, волынской губ., въ 240 верстахъ къ сѣверу.

Если мы позволяемъ себѣ указывать на эти, конечно ничтожныя, погрѣшности, то дѣлаемъ это не изъ желанія во что-бы то ни стало отыскать, такъ связать, пятна и на солнцѣ, а потому только, что, дорожа въ высшей степени трудами многоуважаемаго ученаго, желаемъ указаніемъ на мелочи, ускользнувшія отъ его вниманія, доставить посильный, хотя крошечный матеріалъ для будущаго новаго изданія Богдана Хмельницкаго, потребность въ которомъ, какъ мы искренно увѣрены, будетъ еще очень долго чувствоваться въ широкомъ кругу нынѣшнихъ и будущихъ почитателей маститаго историка.

В. А.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г. 294 стр. Ц. 3 р.

Одесское общество исторіи и древностей—одно изъ старѣйшихъ историческихъ и другихъ ученыхъ нашихъ обществъ. Сорокъ четыре уже года оно ведетъ свою серьезную научную дѣятельность, обогащая нашу юную историческую науку цѣнными матеріалами и учеными трудами. Теперь предъ нами XIII т. его «Записокъ». Записки эти имѣютъ вполне мѣстный характеръ: частію они относятся ко временамъ весьма отдаленнымъ, частію касаются позднѣйшей исторіи края, преимущественно XVIII вѣка. Вошедшіе въ этотъ томъ матеріалы и статьи распределены по обычнымъ отдѣламъ: *археологій, исторіи и географіи* Новороссійскаго края. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщено собственно три историческіе памятника, изъ которыхъ первые два представляютъ древне-греческія *надписи*, найденныя въ Херсонисѣ и сел. Чобручи; послѣдняя принадлежитъ древнему городу Тирѣ. Обѣ надписи имѣютъ значеніе для исторіи политическаго быта означенныхъ городовъ во II вѣкѣ по Р. Х. Объясненія къ нимъ сдѣ-

ланы проф. В. Н. Юргевичемъ. Матеріалы эти послужили также предметомъ реферата въ обществѣ Нестора лѣтописца ¹⁾). Третій документъ—бѣлорусская грамота княжны Наст. Мих. Мстиславской о размѣнѣ сель съ ея родственниками 1561, напечатана по подлиннику, хранящемуся въ Музеѣ того-же общества, и имѣетъ значеніе для генеалогіи князей Мстиславскихъ, а имѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ Бѣлоруссіи.

Въ отдѣлѣ *исторіи* помѣщено ›житіе преподобнаго Іоанна, епископа Готѣи (VIII вѣка). Текстъ его заимствованъ изъ Bollandi, Acta Sanctorum, а примѣчанія къ нему изъ статьи В. Василевскаго: ›Русско-византійскіе отрывки‹ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 1). При этомъ помѣщенъ и русскій переводъ житія.

Въ отдѣлѣ географіи вошли окончаніе перевода путешествія Палласа въ Крымъ и на островъ Тамань въ 1793 и 1794 гг., а также его записка къ князю Потемкину объ изслѣдованіи береговъ Каспійскаго моря (1781 г.). Отдѣлъ ›матеріаловъ‹ весь заключаетъ въ себѣ документы и статьи, относящіяся къ исторіи Новороссіи въ царствованіе Екатерины II, а именно: письма господаря Гики къ фельдмаршалу Румянцеву и Потемкину (1777—83); выѣздъ послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея изъ Россіи въ Турцію въ 1787 г., письма барона Антуана къ гр. Сегюру о пользѣ учрежденія морской торговли Марсели съ Херсономъ; историко-статистическій очеркъ торговли города Херсона (1784—1803 г.); свѣдѣнія о постройкахъ въ г. Николаевѣ и заведеніи флота на Черномъ морѣ, 1791 г.; выписка о службѣ Потемкина по синоду. Въ отдѣлѣ *смѣси* напечатаны: лѣтопись общества за 1881—83 гг.; столѣтіе церковной жизни Крыма (1783—1783); некрологи нѣкоторыхъ членовъ общества (гр. С. Р. Строганова, митр. Макарія, И. И. Фундуклея и пр.) и письма архіеп. Иннокентія къ проф. Бодянскому (рѣчь идетъ объ изданіяхъ Бодянскаго). Въ концѣ тома помѣщенъ указатель всѣхъ статей; помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества за все время его существованія 1844—84 г. и отдѣльныхъ изданій общества.

Наиболѣе интересенъ отдѣлъ послѣдній. Не можемъ не отмѣтить въ немъ прекраснаго, живого очерка исторіи послѣдняго столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи, составленнаго по архивнымъ источникамъ членомъ общества, одесскимъ кафедральнымъ протоіереемъ А. Г. Лебединцевымъ. Большую услугу для общества и исторіи могъ-бы

¹⁾ Въ этотъ-же отдѣлъ слѣдовало-бы отнести и отрывокъ греческой надписи, найденной въ Ольвіи, такого-же характера, но помѣщенный въ особомъ отдѣлѣ—›матеріаловъ‹.

оказать этотъ въ своемъ родѣ севастопольскій ветеранъ, еслибы представилъ въ Запискахъ Общества свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя, которую онъ выдержалъ отъ перваго до послѣдняго дня, при громѣ орудій, среди потоковъ крови, принося безкровную жертву въ пронизанной пулями и ядрами церкви, посѣщая ежедневно самыя опасныя мѣста на бастіонахъ, проживая въ блиндажахъ и оставивъ Севастополь лишь наканунѣ роковаго дня, съ потерей всего своего имущества, взорваннаго непріятельскимъ ядромъ. Изъ числа некрологовъ особый интересъ представляетъ краткій некрологъ И. И. Фундуклея, бывшаго когда-то кievскимъ губернаторомъ и оставившаго Кіеву, кромѣ женской гимназій его имени, три цѣнныя изданія: 1) Обзорніе Кіева и кievской губерніи въ отношеніи къ древностямъ, 2) Обзорніе могилъ, валовъ и городищъ кievской губерніи и 3) Статистическое описаніе кievской губерніи.

Запоздалый некрологъ Фундуклея, какъ и многое другое въ этомъ отдѣлѣ, принадлежитъ перу покойнаго предсѣдателя общества Н. Мурзакевича. Извѣстно колоссальное состояніе обрусѣлаго сына мелкаго константинопольскаго торговца, равно и его относительная щедрость. Составитель его некролога, говоря о послѣднихъ годахъ службы Фундуклея, проведенныхъ имъ въ Варшавѣ, въ разгаръ послѣдняго возстанія, въ похвалу его замѣчаетъ, что въ то время, какъ другіе изъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ подвергались опасности жизни или падали отъ руки убійць, Фундуклей жилъ вполне спокойно и его не коснулась рука вражія. На это можемъ замѣтить, что, по ходившимъ тогда въ Варшавѣ разсказамъ, рука вражья коснулась однажды только не его, а его толстаго кармана. Фундуклей не былъ женатъ; громадныя его богатства, земельныя и иныя, стоимостію приблизительно около 30 милліоновъ, перешли къ божовымъ наслѣдникамъ.

Характеренъ, какъ матеріалъ, коротенькій запросъ генерала М. Я Коховскаго къ секретарю Потемкина В. С. Попову. Суть его въ томъ, что путешествовавшій въ Крымъ съ Екатериною подъ именемъ графа Фалькенштейна Юсифъ II далъ поручику Пяроли 300 червонныхъ на покупку для него одной черкесской красавицы. Коховскій такъ озабоченъ былъ исполненіемъ этой коммисіи, что отправилъ курьера для доклада Потемкину и испрошенія его ордера о прибавкѣ суммы, о томъ, куда и какъ отправить оную красавицу и не купить ли, вмѣсто одной, двѣ или три.

И. Л.

Каменецъ-Подольская гимназія.

Историческая записка о 50-лѣтнемъ ея существованіи (1883—83). Составилъ И. Михалевичъ. К. Подольскъ, 1883. 180+105+134, съ планами.

Въ то время, какъ университетъ св. Владиміра собирается праздновать свое 50-лѣтіе, появленіе историческихъ записокъ о гимназіяхъ кievскаго округа, подлежавшихъ нѣкогда его вѣдѣнію, какъ нельзя болѣе кстати. Есть слухъ, что составляется подобная же записка и о кievской 2-й гимназіи. Созданныя почти одновременно съ кievскимъ университетомъ, онѣ призваны были служить одной и той-же цѣли.

Въ исторической запискѣ о каменецъ-подольской гимназіи авторъ дѣлаетъ сначала общій обзоръ образованія въ юго-западномъ краѣ до 30-хъ годовъ и говоритъ сперва о школахъ въ Каменцѣ и Винницѣ; а за тѣмъ излагаетъ исторію Каменецъ-Подольской гимназіи по періодамъ: до 1849 г., до 1864 г., и съ 1865 до послѣдняго времени. Въ этихъ очеркахъ представлена дѣятельность попечителей, директоровъ и преподавателей въ отношеніи къ гимназіи, матеріальное положеніе гимназіи, нравственное состояніе и жизнь учащихся. Во второй части описаны учебно-вспомогательныя средства и пособія гимназіи, равно сдѣланъ обзоръ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ дирекціи училищъ подольской губерніи (дворянскія, приходскія училища, казенныя еврейскія училища, землемѣро-таксаторскіе классы, частныя учебныя заведенія, состояніе народнаго образованія, воскресныя школы). Наконецъ въ приложеніяхъ помѣщены: свѣдѣнія о пожертвованныхъ суммахъ (фондуши), списокъ служащихъ въ гимназіи съ 1833—83 г.; списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіи съ 1833 г.; статистическія свѣдѣнія о количествѣ учащихся, поступившихъ и выбывшихъ и распредѣленіе ихъ по сословіямъ и вѣровсповѣданіямъ за все время существованіе гимназіи.

В. И.

О строящемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.

Года два уже назадъ тому мы слышали, что г. Беретти намѣревается обнародовать имѣющійся у него »богатый« матеріаль относительно постройки въ Кіевѣ собора св. Владиміра, которая тянется около 25 лѣтъ, безъ надежды скорого окончанія, и приводитъ въ недоумѣніе

не только жителей г. Кіева, но и прибувающихъ сюда ежегодно посѣтителей со всѣхъ концовъ Россіи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы встрѣтили вышедшую теперь брошюру г. Беретти, надѣясь найти въ ней не только разрѣшеніе вызываемыхъ этою постройкою недоумѣній, но и полную правдивую исторію оной. Авторъ брошюры—отставной профессоръ архитектуры въ университетѣ св. Владиміра, нѣсколько лѣтъ руководилъ работами по постройкѣ владимірскаго собора и теперь состоитъ членомъ Комитета, доканчивающаго постройку, слѣд. ему доступны самыя подробныя и точныя о ней свѣдѣнія. Съ другой стороны строящійся соборъ имѣетъ значеніе не для одного Кіева; по мысли митрополита кіевскаго Филарета, положившаго начало его постройкѣ, это памятникъ, который должна была воздвигнуть вся православная Россія своему великому просвѣтителю. Поэтому, принимаясь за брошюру, мы полагали, что она можетъ имѣть историческій и для нашихъ читателей интересъ. Вышло нѣсколько иначе, и вотъ почему.

Въ строящемся соборѣ, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ оказались серьезныя поврежденія; онъ едва не развалился, какъ только выведены были стѣны и купола, и это затянуло окончаніе онаго на безконечное время. Но именно въ ту пору работами руководилъ г. Беретти. Итакъ, это его исповѣдь, самооправданіе, подумали мы. И дѣйствительно онъ такъ пачинаетъ свою брошюру; > такъ какъ о постройкѣ собора во имя св. Владиміра въ г. Кіевѣ ходятъ разные слухи, вредящія моей репутаціи, какъ строителя, то я считаю нужнымъ объяснить какъ исторію самой постройки этого собора, такъ равно причины оказавшихся въ немъ поврежденій«. Можно было-бы, конечно, и оправдывая себя, изложить полную исторію этой любопытной постройки и въ своемъ мѣстѣ объяснить причины поврежденій; но г. Беретти облюбовалъ одни только поврежденія. Это, очевидно, его больное мѣсто, въ поврежденіяхъ онъ видитъ всю суть исторіи постройки. Весь первый ея періодъ 1853—1862 г., т. е. до начатія работъ и оказавшихся немедленно поврежденій, авторъ брошюры проходитъ молчаніемъ, хотя этотъ періодъ не менѣе любопытенъ, какъ и послѣдующіе и объясненіе онаго было-бы въ интересахъ самозащиты г. Беретти. Періодъ съ 1869 г. по 1876 г., когда г. Беретти былъ устранивъ отъ главнаго завѣдыванія работами и самыя работы были приостановлены, оставленъ имъ также безъ вниманія, хотя и тутъ не мало интереснаго, и только послѣдующія, не безъ его участія производившіяся работы по отдѣлкѣ собора онъ описываетъ

балѣе или менѣе подробно, свѣтуя на то, что его преемникъ вознагражденъ больше его, что въ работахъ иное сдѣлано не такъ, что слѣдовало бы сдѣлать иначе, и т. под.

Такимъ образомъ это не исторія постройки собора, которую обѣщаль намъ рассказать одинъ изъ строителей его, но исторія поврежденій за время завѣдыванія имъ работами, поясняющая и самое устраненіе его отъ работъ. Всего дѣла постройки г. Беретти не разъясняетъ, а какъ-бы еще болѣе запутываетъ, — даже и самую исторію поврежденій и ихъ поправокъ. Оправдывая себя, онъ валитъ все на другихъ, а дѣло все таки не объясняетъ и даже самъ себя опровергаетъ. На страницахъ напр. 3—4 главную причину всѣхъ поврежденій г. Беретти видитъ въ произведенномъ имъ-же уменьшеніи (точнѣе утоньшеніи) главныхъ столбовъ и паружныхъ стѣнъ и винить Главное (техническое) Управленіе въ томъ, что оно просмотрѣло такой явный и бросающійся въ глаза промахъ, а на стр. 9, 11, 23 и другихъ, говоря о дальнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ поврежденіяхъ, всю вину ихъ сваливаетъ на подрядчика и усматриваетъ ее въ томъ, что подрядчикъ, *по своему невѣжеству*, когда рѣшено было понизить и потому разобрать купола, вмѣсто того, чтобы разобрать прежде большой куполъ, разобралъ малые и разобранный кирпичъ положилъ не на коренныхъ лѣсахъ, а на стелажахъ въ пролетахъ большаго купола, отъ чего будто и осѣли главныя арки и произошли отклоненія столбовъ и стѣнъ и трещины, дѣйствительно поражающія приводимыми авторомъ размѣрами.

Не желая утомлять читателей, мы не будемъ слѣдить за подробностями самооправданія и полемики автора съ его оппонентами и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ брошюры общими замѣчаніями о ея содержаніи, тонѣ и характерѣ. Полемическая сторона преобладаетъ въ ней надъ фактической; есть данныя для исторіи постройки, но далеко не полныя; относятся они исключительно почти въ одному среднему, не большому ея періоду, поставлены подъ извѣстнымъ освѣщеніемъ и раскрываются лишь настолько, насколько это нужно для цѣлей автора. Къ тому же полемика автора довольно страстная и скучная: онъ вдается въ мелочи, входитъ въ рѣзкую откровенность относительно своихъ противниковъ, часто повторяется и даже самъ себя противорѣчить, рѣдко ясенъ въ техническихъ подробностяхъ, которыя, при добромъ желаніи, не трудно было-бы изложить гораздо проще и понятнѣе, а ин-

шетъ такимъ неправильнымъ языкомъ, что совѣстно становится за почтеннаго профессора.

Тѣмъ не менѣ нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ самой попыткѣ почтеннаго автора объяснить это темное, такъ долго, въ укоръ Кіеву, дѣлю, и мы съ благодарностію воспользуемся данными его брошюры для того, что-бы, дополнивъ ихъ нѣкоторыми доступными намъ свѣдѣніями, ознакомить особо нашихъ читателей съ любопытною и поучительною исторіею одного изъ кіевскихъ сооруженій послѣдняго времени.

А. Н.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ БІОГРАФІИ ХУДОЖНИКА В. Л. БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины», за настоящій годъ, помѣщена статья г. Горленка, сообщающая нѣкоторыя данныя къ біографіи Боровиковскаго, къ которымъ мы съ своей стороны въ настоящей замѣткѣ сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній и исправленій, причемъ считаемъ долгомъ выразить почтенной редакціи глубокую благодарность за добрый починъ собранія матеріала для жизнеописанія высокоталантливаго живописца, принадлежащаго по своему происхожденію южной Россіи, и смѣемъ думать, что родной, такъ сказать, органъ сослужитъ добрую службу для сородича, имя котораго занимаетъ во всякомъ случаѣ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской школы живописи.

Прежде всего мы начнемъ съ указанія на рассказъ Гр. Данилевскаго: «Екатерина Великая на Днѣпрѣ (Библіотека для Чтенія за 1858 г. Т. 151, Смѣсь, стр. 45), гдѣ говорится о Боровиковскомъ, что онъ былъ наемщикомъ въ рекруты, отчего избавилъ его казакъ Грицько, бывший въ полтавскомъ боѣ и передававшій свои воспоминанія о немъ Екатеринѣ. Послѣдняя спросила старика:

— Ну, дѣдушка, скажи-же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что скажешь, исполню! Говори! Не робѣй...

Провожая императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался.

— Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить, вотъ что я попрошу! Дайте мнѣ грошей, денегъ: двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня внучатый племянникъ—полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ея не отдалъ. За тѣмъ, что бѣдный онъ! ну, онъ и проданъ въ рекруты, нанялся, выходить, за мѣщанина одного за 20 рублей—ну, и гуляетъ теперь! такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была.... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совѣмъ вышелъ маляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Совѣмъ грамотный!

— Гдѣ-же твой племянникъ? спросила Екатерина; я думаю, ему уже лобъ забрили теперь.

— Ни, мамо! Срокъ еще до завтра; онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярмаркѣ, съ своимъ наемщикомъ гуляетъ.

Императрица обратилась къ графу Безбородку, поручила ему судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на свадьбу послѣдняго, а первому постоянное содержаніе по смерти и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ.

Далѣ Данилевскій говоритъ, что »полтавское дворянство въ самомъ городѣ выстроило домъ для встрѣчи императрицы. Маршалу его кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Койдакъ и о любопытной судьбѣ племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Призванный Боровиковскій написалъ картины, сюжеты которыхъ названы тѣ-же самые, что и у г. Горленка, ранѣе того, замѣтимъ кстати, описанные въ біографіи В. Л. въ »Энциклопедическомъ Словарѣ«, изданія Плюшара.

Привода эту выписку, мы конечно не думаемъ придавать фактамъ сообщеннымъ въ ней какое либо значеніе, но нельзя не предположить, что нѣчто послужившее фабулѣ разсказа заимствовано изъ народнаго преданія и будущій біографъ—ислѣдователь Боровиковскаго долженъ имѣть его въ виду.

Достовѣрныя-же свѣдѣнія о Боровиковскомъ имѣются въ »Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ« (изданнаго въ 3 т., въ 1864, 65 и 66 гг.) слѣдующія: »Декабря 4-го (1794) академическимъ совѣтомъ на письмо г. почетнаго вольнаго общника Лампіа, которымъ представляетъ онъ о удостоеніи господина поручика Владиміра Боровиковскаго званіемъ абадемика, положено отвѣствовать, что въ сіе достоинство въ силу устава производятся въ академики по заданнымъ программамъ по большинству балловъ, въ публичномъ собраніи, почему оный г. Боровиковскій нынѣ избранъ назначеннымъ, въ чемъ и дать ему надлежащее свидѣтельство« (Т. I., стр. 336). Отсюда очевидно, что въ судьбѣ Боровиковскаго принималъ прямое и непосредственное участіе Лампи, который самъ въ почетные общники академіи былъ избранъ въ томъ-же 1794 г., а сынъ его сдѣланъ назначеннымъ въ академики 28 сентября 1795 г., одновременно съ удостоеніемъ Боровиковскаго академикомъ »по двумъ портретамъ писаннымъ съ натуры« (стр. 341). Что-же касается того обстоятельства, былъ-ли Боровиковскій ученикомъ Лампи или Левицкаго, то намъ кажется вѣрнѣе считать его воспитанникомъ и того и другого, такъ какъ Левицкій какъ разъ въ 1788 г. былъ уволенъ отъ должности профессора изъ академіи съ пенсіономъ въ 200 р. (стр. 227), поэтому очень вѣроятно, что, оставшись безъ занятій, Левицкій охотно принялъ къ себѣ привезеннаго въ Петербургъ Боровиковскаго, а съ пріѣздомъ профессора вѣнской академіи Лампи, Боровиковскій перешелъ къ нему.

Въ 1797 г., въ собраніи академіи, бывшемъ 28 февраля, значится, что изъ содержанія президента академіи художествъ, графа Мусина-Пушкина, оставленнаго имъ въ пользу художниковъ, по его предложенію, въ числѣ другихъ лицъ, Боровиковскій получилъ 200 р. за портретъ графа и графини Бутурлиныхъ (стр. 358).

Въ томъ-же году, октября 26, въ собраніи совѣта разсматривались представленныя художниками эскизы портретовъ лицъ императорской фамиліи, заказанные для Департамента Удѣловъ; большинству художниковъ велѣно было дѣлать другіе эскизы, за исключеніемъ Угрюмова, Жданова и Боровиковскаго, которыхъ эскизы, именно портрета княжны Елены Павловны, были оставлены. Но въ 1798

Боровиковскому снова приказано было сдѣлать другой эскизъ, какового однако портрета—не сказано (стр. 364 и 371).

Въ 1802 г., декабря 11, Боровиковскій по большинству балловъ, вмѣстѣ съ Алексѣевыми и Щукинымъ, удостоенъ былъ званія совѣтника портретной живописи (стр. 434). Какъ говоритъ Андреевъ («Живопись и живописцы»), Боровиковскій императоромъ Павломъ Петровичемъ былъ употребленъ для украшенія строившагося дворца, нынѣ Михайловскаго замка, и ему было поручено написать портреты со всѣхъ членовъ императорской фамиліи; за нихъ, можно думать, онъ и былъ пожалованъ званіемъ совѣтника.

Въ 1811 году за работы для Казанскаго собора Боровиковскій пожалованъ былъ брилліантовымъ перстнемъ отъ Государя Императора (Т. II, стр. 15).

Наконецъ въ собраніи академіи, 16 сентября 1825 г., упомянуто, что академія въ числѣ умершихъ членовъ лишилась В. Д. Боровиковскаго (стр. 203, Т. II); но такъ какъ академическій годъ считается съ сентября мѣсяца, то необходимо опредѣлить день смерти Боровиковскаго, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ имѣются даже различныя показанія года. Такъ а) въ эрмитажномъ каталогѣ (Т. III, стр. 84, изданія 1871 г.) годъ смерти означенъ 1826, 4 апр.; въ «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ» Березина (Т. IV, стр. 177) также 1826; но б) въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара, равно какъ въ Мѣсяцословѣ на 1840 г., гдѣ въ алфавитномъ спискѣ русскихъ художниковъ приведены біографическія свѣдѣнія о Боровиковскомъ, показанъ 1825 годъ. Послѣднюю дату съ числомъ 4 апрѣля и надо считать вѣрною; она подтверждается и современнымъ «Журналомъ Изыщныхъ Искусствъ», издававшимся Вас. Ив. Григоровичемъ, секретаремъ общества поощренія художниковъ, бывшимъ впоследствии конференцъ-секретаремъ академіи. Въ № 2 своего изданія, вышедшемъ въ апрѣлѣ 1825 г., на стр. 75, онъ сообщалъ: «въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный художникъ по части портретной и исторической, г. совѣтникъ И. А. Х. В. Л. Боровиковскій. Собравъ свѣденія о его жизни и произведеніяхъ, я не оставляю сообщить оныя читателямъ». Однако этому благому намѣренію не суждено было исполниться, такъ какъ вскорѣ Журналъ Изыщныхъ Искусствъ превратился своимъ изданіемъ.

Затѣмъ, обращаясь въ списку работъ Боровиковскаго, скажемъ, что въ ›Указателѣ выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, бывшей въ залахъ Имп. Академіи Художествъ, въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ‹ 1851 года, показаны: изъ собранія Л. Л. Львова—двѣ головки писанныя на желѣзѣ, изъ собр. художника Бугаевскаго-Благодарнаго—портретъ г. Демидова и изъ собранія Ѡ. И. Прянишникова тѣ произведенія, которыя г. Горленко перечислилъ въ спискѣ картинъ, принадлежащихъ Московскому Румянцевскому музею, подъ №№ 1, 2, 5 и 6, а въ перечнѣ картинъ галлерей Прянишникова, напечатанномъ въ изданіи Вольфа ›Картины Европы‹ (Т. I, стр. 184) названъ портретъ еще неизвѣстнаго священника.

Кромѣ того въ ›Указателѣ Русскаго музея‹, учрежденнаго собраніемъ СПб. художниковъ на всероссійской мануфактурной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, были: изъ собранія г. Петровскаго—четыре евангелиста, изъ собр. И. Д. Быкова—портретъ эзарха грузинъ Антонія, сына царя Георгія и портретъ неизвѣстнаго священника.

Въ настоящее время, за смертію И. Д. Быкова, собраніе его картинъ распродается и въ немъ являюся слѣдующія произведенія кисти Боровиковскаго:

- 1) Портретъ в. кн. Константина Павловича.
- 2) Портретъ Суворова (?)
- 3) Императрицы Екатерины II.
- 4) Портретъ дѣвушки въ бѣломъ платьѣ.

Относительно портретовъ ›исторической портретной выставки‹ замѣтимъ, что изображеніе Екатерины II въ царскосельскомъ саду, показанное въ каталогѣ г. Петрова, подъ № 351, принадлежащимъ г. П. И. Кузнецову, по словамъ Д. А. Ровинскаго, въ изданномъ только что изслѣдованіи о жизни и произведеніяхъ Н. И. Уткина, есть копія съ оригинала Боровиковскаго, находящагося у князя Воронцова (Wasiltschikoff. Catalogue, I, 188), а мы предложимъ еще вопросъ касательно происхожденія этого портрета, т. е. какимъ образомъ попалъ онъ къ Воронцову, ибо Ник. Рамазановъ въ книгѣ своей ›Матеріалы къ исторіи художествъ въ Россіи‹ (стр. 235) говоритъ, что портретъ Екатерины II, награвированный Уткинымъ, находится въ Москвѣ у А. М. Муромцева.

Въ спискѣ г. Горленка (№ 8) названъ портретъ в. в. Александра Павловича, что невѣрно, такъ какъ подъ указаннымъ имъ № 644 каталога Петрова значится портретъ княжны Александры Павловны, равно какъ и предъидущій подъ № 643 ея-же, но только поясной. У г. Горленка онъ пропущенъ, а № 699—Торсуевой—принадлежитъ не Академіи Художествъ, а князю Волконскому.

Изъ гравюръ, произведеній Боровиковскаго, кромѣ названныхъ г. Горленкомъ, укажемъ еще ›Благовѣщеніе‹; находится на царскихъ вратахъ въ Казанскомъ соборѣ, работы на стали англійскаго гравера Робинзона, приложено къ книгѣ Н. Д. Кукольнича ›Картины Русской живописи‹, изданія 1846 года. Кромѣ того въ ›Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ‹ Д. Ровинскаго (СПБ. 1872 г.) перечислены слѣдующіе портреты:

- а) Великой кн. Александры Павловны работы Селиванова и съ него-же Березникова.
- б) Графа Алексѣя Ив. Васильева—Ухтомскій.
- г) Голубовой—онъ-же.
- д) Державина—4 листа гравированныхъ Гейзеромъ, Утеинымъ, Пожалостиннымъ и Тейхель.
- е) Великаго кн. Константина Павловича—Березниковъ.
- ж) Кн. П. В. Лоухина—Валкеръ.
- з) Кн. А. Б. Куракина—три листа Вендрамини, Клаубера, Тассартъ и Утеина.
- и) В. К. Маріи Павловны—Селивановъ.

И. Н. Божемяновъ.

19 МИТРОПОЛИТЪ ІОСИФЪ СИМАШКЪ.

(Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).

Въ нынѣшнемъ только году появились ›Записки Іосифа, митрополита литовскаго‹, изданныя, по завѣщанію автора, Академіею наукъ въ 3-хъ большихъ томахъ и оконченныя печатаніемъ еще въ концѣ прошлаго года. Мы не успѣли еще дать отчета объ этомъ капитальномъ изданіи, изъ котораго такъ много интересныхъ и поучительныхъ выдержекъ сдѣлано разными газетами. Пока бу-

детъ готовъ нашъ отчетъ, даемъ мѣсто письму, которое содержитъ въ себѣ любопытныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ знаменитомъ архипастырѣ, какихъ нѣтъ въ самой его автобіографіи. Письмо писано б. протоіереемъ липовецкаго уѣзда, кievской губерніи, Александромъ Мацкевичемъ, въ вѣдѣніи коего находился приходъ Павловка, родина Симашки, спустя 7 мѣсяцевъ послѣ смерти сего послѣдняго,—писано въ отвѣтъ на запросъ кievскаго кафедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева, который, редактируя еще въ то время Кievскіе Епархіальныя Вѣдомости, интересовался собрать, по свѣжей памяти, уцѣлѣвшія на родинѣ почившаго іерарха письменныя и устныя свѣдѣнія о немъ и его родѣ; оно осталось осталось ненапечатаннымъ и теперь передано намъ. Опускаемъ начало и конецъ письма, излагающія поводъ и результатъ поисковъ, и приводимъ существенную и самую большую его часть. Собранныя о Мацкевичемъ свѣдѣнія изложены въ порядкѣ обращенныхъ къ нему вопросовъ, а потому его сообщеніе не имѣетъ связнаго изложенія и отдѣлки.

Дѣдъ митрополита Іосифа, во время бывшей въ здѣшнемъ краѣ уніи, поступилъ униатскимъ священникомъ въ село Павловку; но православнымъ не былъ. Какъ рассказываетъ того села житель, крестьянинъ Алексій Сидорукъ, имѣющій 72 года отъ роду и помнящій его, онъ долженъ былъ оставить свой приходъ вслѣдствіе того, что не хотѣлъ принять православія (благочестія) и на его мѣсто тогда-же былъ назначенъ православный священникъ Михаилъ Чарпинскій. Было это во время присоединенія югозападнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ и возвращенія къ православію отпавшаго въ унію его населенія. По справкѣ въ клировой вѣдомости прихода Павловки за 1834 годъ значится: «Священникъ Михаилъ Андреевъ Чарпинскій рукоположенъ во священника преосвященнымъ архіепископомъ Викторомъ 1795 года, марта 6; отъ роду ему 81 годъ». Сколько мнѣ извѣстно по рассказамъ моего родителя, оставшимся тогда въ уніи священникамъ, за устраненіемъ ихъ отъ приходовъ, назначаемо было отъ казны на содержаніе по 100 рубл. асс. въ годъ. Полагать можно, что и дѣдъ Симашки пользовался тѣмъ же содержаніемъ. По рассказамъ того-же крестьянина-старика, Тимоѳея Симашко продолжалъ и въ это время жить въ своемъ домѣ въ с. Павловкѣ, но для совершенія богослуженія ѣздилъ въ мѣстечко

Илинцы, гдѣ была уніятская каплица, построенная въ видѣ обыкновеннаго дома, противъ нынѣшней становой квартиры, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ иностранца Уха. При немъ жили и внукъ его Іосифъ, впослѣдствіи митрополитъ, и отецъ послѣдняго, не бывшій еще тогда священникомъ; но внукъ не слѣдовалъ примѣру своего дѣда и отца и вмѣстѣ съ матерью своею ходилъ къ богослуженіямъ въ православную церковь села Павловки, обращенную изъ уніятской, въ которой служилъ упомянутый выше православный священникъ Михаилъ Чарпинскій.

Въ № 15 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1868 г. въ замѣткѣ о митр. Іосифѣ, между прочимъ, сказано, что онъ, на восьмомъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ братьями Іоанномъ и Николаемъ, отданъ былъ для домашняго обученія нѣкоему Бучковскому. Кто этотъ Бучковскій? Въ метрической книгѣ церкви села Павловки значится, что съ 1803 года Трофимъ Бочковскій былъ дьячкомъ этой церкви; а, извѣстно, что какъ въ то время, такъ и въ позднѣйшіе годы дьячки, носившіе почетное названіе >бакаляровъ<, были спеціальными педагогами и обучали не только крестьянскихъ, но и священническихъ дѣтей. Выходитъ, что первоначальное обученіе митрополитъ Іосифъ получилъ у православнаго дьячка и конечно это обстоятельство имѣло весьма важное на него вліяніе, парализируя дѣйствіе не православнаго элемента его семьи. Какъ ученикъ православнаго дьячка, вмѣстѣ съ нимъ онъ ходилъ въ православную церковь, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, особенно читалъ: *Благословлю Господа*. Вѣнцемъ тогдашняго ученія, мечтою родителей учащагося дитяти было именно умѣнье громко и протяжно прочесть этотъ псаломъ, во время раздачи антидора. Въ особенности занимало это дѣтей. Бывало, погонить будущій митрополитъ въ поле воловъ на пастьбу, около него соберется гурьба такихъ же крестьянскихъ подростковъ и просятъ его прочесть: *Благословлю Господа*, какъ въ церкви онъ читалъ, >голосно, съ протягомъ, съ роздохомъ<, а въ замѣнъ того онъ просилъ ихъ пѣть пѣсни и выучить его какой либо новой, неизвѣстной. Пѣсни, конечно, были малороссійскія и будущій святитель страстно ихъ любилъ. Лѣтъ за семь предъ симъ (1869 г.) умеръ въ Павловкѣ нѣкто Базько (Василій) Цинскій, бившій до самой смерти сторожемъ церковнымъ, за времени уніи

и потомъ въ православiи. Церковный сторожъ служилъ обыкновенно священнику вмѣсто кучера въ поѣздкахъ болѣе далекихъ и Базько возилъ >Иосипка—панича<, впоследствии митрополита, въ >школы<, сперва въ Немировъ, а потомъ въ Вильну. По сохранившимся въ свѣжей памяти его рассказамъ, *паничъ* ничего такъ не любилъ, какъ останавливаться въ дорогѣ на ночлегъ въ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Любуясь прелестями лѣтнихъ ночей, онъ долго, не смыкая глазъ, пѣлъ малороссійскiя пѣсни, преимущественно >чумацкiя<, прося Базька, чтобы и онъ подпѣвалъ ему, и за это давалъ ему въ дорогѣ особую порцію водки. Наиболѣе любимую его пѣсню была: >Ой, мати, мати, та не гай мене; въ далеку дорогу вырай мене<... Невольно при этихъ словахъ намъ представляется тотъ далекий жизненный путь, которымъ впоследствии прошелъ знаменитый iерархъ церкви.—Будучи въ санѣ архiерейскомъ, высокопреосвященнѣйшiй Иосифъ относился къ >Базьку<, какъ къ своему другу, когда тотъ прiѣзжалъ къ нему въ Вильну, и радушно его угощалъ и дарилъ. Кромѣ >Базька<, уже умершаго, въ Павловкѣ остается въ живыхъ однодворецъ Янъ Душинскiй, бывшiй по найму въ службѣ у отца митр. Иосифа: случалось и ему возить >панича< въ школы въ Немировъ, и его рассказы совпадаютъ съ рассказами Базька. Такимъ образомъ душа великаго iерарха воспиталась на звукахъ родной пѣсни и думы. Могъ-ли онъ забыть когда либо эти глубокiе, нѣжные звуки, въ которыхъ вылилась многострадательная жизнь народная, и не они-ли были важнѣйшимъ, не поддающимся анализу сознанiя стимуломъ въ томъ поворотѣ, какой совершился потомъ въ душѣ Симашки и доставилъ ему славное имя въ исторiи народной?

Съ какого времени дѣдъ митр. Симашки сталъ священствовать въ с. Павловкѣ, объ этомъ письменныхъ данныхъ не нашлось. Довскиваться послужнаго его списка у илинецкаго ксендза я не нашелъ возможнымъ, зная его направленiе, а униатскiя дѣла липовецкаго духовнаго правленiя, въ числѣ коихъ могъ онъ находиться, въ сороковыхъ годахъ вытребованы въ кiевскую консисторiю. На памятникѣ, указывающимъ время священствованiя въ Павловкѣ Тимоея Сѣмашки, служить надпись на потирѣ, пожертвованномъ имъ въ здѣшнюю церковь. Надпись эта, которую и я видѣлъ, случайно открыта теперешнимъ священникомъ о. Порфирiемъ Молча-

новскимъ, при развинчиваніи потира для чистки, и заключается въ слѣд. знакахъ: 1768. T. S. P. P. Разгадка не трудная: цифры показываютъ годъ, а начальныя буквы скрываютъ подъ собою слѣд. слова: *Thimotheusz Siemaszko, Puroch Pawłowski*. По словамъ старика Сидорука и другихъ, потиръ этотъ сдѣланъ Тимофеемъ Симашкомъ на третьемъ году его священствованія изъ серебра, которое удалось ему спасти во время *Колѣшщины* отъ гайдамакъ, и сдѣланъ, какъ жертва благодаренія Богу за сохраненіе жизни и имущества. Итакъ начало священствованія Тимофея Симашки въ селѣ Павловкѣ приблизительно можно относить къ 1765 году. Тотъ-же старикъ помнитъ время смерти Тимофея Симашки (ему самому было тогда 10 лѣтъ) и какъ его погребали въ селѣ Павловкѣ, возлѣ церкви, на мѣстѣ, гдѣ впоследствии устроенъ придѣлъ.

Отецъ митрополита Іосифа былъ женатъ на дочери уніатскаго священника Сѣроцинскаго; сынъ его Іосифъ родился въ то время, когда отецъ его еще не былъ священникомъ. Въ метрической книгѣ прихода Павловки, годъ 1808, мѣсяць октябрь, записана статья о рожденіи и крещеніи сына того села стихарнаго дьяка Павла Барановскаго, а въ ней значится, что восприемникомъ при крещеніи былъ «тамошній уныятинъ Іосифъ Сомашко» (sic); священникомъ онъ здѣсь не названъ, значитъ и не былъ таковымъ въ то время. Проживая при отцѣ, родитель великаго іерарха занимался вообще хозяйствомъ, а преимущественно покупкою и продажею воловъ и свинныхъ салъ, самолично «чумаковалъ» — ѣздилъ въ Крымъ за солью; оставаясь дома, исполнялъ всѣ полевыя работы; собственными руками косилъ, ораль и ралилъ, только не жалъ; вмѣстѣ съ нимъ работали и его сыновья, въ томъ числѣ и будущій митрополитъ. Когда крестьяне говорили отцу: зачѣмъ онъ къ такимъ труднымъ работамъ употребляетъ «панычивъ», онъ отвѣчалъ: пусть прежде научатся работать, а «пановать» будутъ послѣ. Одному изъ своихъ сыновей, именно Іосифу, отецъ преимущественно предъ другими, поручалъ пасти воловъ и стеречь ихъ въ почное время, и вотъ въ этой-то пастыбѣ и ночной стражѣ участвовалъ съ нимъ и старикъ Сидорукъ, рассказами котораго мы пользуемся, и получалъ отъ него по куску сала за хорошую пѣсню, или если стерегъ за него воловъ, когда ему хотѣлось заснуть. Старику этому я показывалъ портретъ митрополита Іосифа, приложенный къ апрѣльской

книжкѣ »Странника« за настоящей 1869 годъ, и онъ узналъ его, найдя въ немъ черты, знакомыя ему съ дѣтства.

Въ 1813 году Іосифъ Сѣмашко (отецъ) рукоположенъ былъ уніатскимъ епископомъ въ санъ священника въ м. Илинцы, но служилъ онъ не въ уніатской илинецкой церкви, которая имѣла особаго священника, а въ тамошнемъ костелѣ. Тамъ, говорятъ, устроены были два боковые олтари для уніатскихъ священниковъ, и на одномъ изъ нихъ во имя святителя Николая, священнодѣйствовалъ Сѣмашко, а на другомъ тоже уніатскій священникъ Духовскій. Въ некрологѣ митр. Іосифа, помѣщенномъ въ »Иркут. Еп. Вѣдомостяхъ«, архимандритъ Модестъ говоритъ даже, будто въ первомъ изъ этихъ придѣловъ Сѣмашкомъ (отцемъ) устроены иконостасы. Намъ кажется и то и другое невѣрнымъ: въ католическихъ костелахъ всегда есть боковые олтари, а священники уніатскіе также служили въ костелахъ, какъ всендзы въ церквахъ уніатскихъ, устройство-же иконостаса въ костелѣ немыслимо уже потому, что этого не допустили-бы всендзы и прихожане. Обветшалыя иконы, писанныя на холстѣ, въ томъ числѣ икона святителя Николая и другихъ патроновъ фамиліи Сѣманковъ, есть и теперь въ колокольнѣ, при церкви с. Павловки, и по рассказамъ, они принадлежали уніатскому священнику Іосифу Сѣмашкѣ; но были-ли онѣ когда либо въ илинецкомъ костелѣ, того никто не знаетъ; вѣрнѣе они составляли обычное украшеніе въ домѣ тогдашняго священника, хотя-бы и уніатскаго. Раньше того было въ обычаѣ у православныхъ и уніатовъ рукополагаться »на вакансѣ«, въ надеждѣ пріисканія прихода; очень можетъ быть, что и отецъ Сѣмашки рукоположился въ такомъ-же расчетѣ, но приходъ уніатскій найти тогда было уже трудно и, за неимѣніемъ его, онъ служилъ въ костелѣ. Принимая къ себѣ уніатскихъ священниковъ, польскіе всендзы рассчитывали, конечно, воспользоваться остатками погибавшей уніи; но потому ли, что обманулись въ своихъ расчетахъ, или потому, что послѣдовало какое либо на этотъ счетъ запрещеніе, скоро стали згонять ихъ изъ своихъ костеловъ,—изгнанъ былъ при этомъ и Сѣмашко изъ илинецкаго костела. Тогда, подаривъ выстроенный имъ вблизи костела домъ сыну своему Николаю, бывшему въ Илинцахъ вольнопрактикующимъ врачомъ, онъ купилъ для себя другой vis-à-vis, и здѣсь изъ кухни, которая составляла

помѣщеніе отдѣльное отъ дома, устроилъ молельню; тутъ-то и были иконы, о которыхъ мы предъ симъ упоминали. Въ этой молельнѣ въ январѣ 1840 года старики Симашки устроили по униатскому обряду бракъ ихъ дочери Елены, любимой сестры православнаго уже тогда преосвященнаго Іосифа. Женихомъ былъ Викторъ Гомлицкій, нынѣшній виленскій кафедральный протоіерей, а бракъ совершенъ униатскимъ священникомъ Ѳедоромъ Кудрицкимъ, проживавшимъ въ то время въ предмѣстьѣ города Липовца Гайсинѣ, и нарочито для этого сюда вызваннымъ. При совершеніи этого брака вѣнчавшіеся, какъ передають очевидцы, по униатскому обычаю, стояли на колѣнахъ.

Принявъ православіе, преосвященный Іосифъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ писалъ не разъ отцу своему въ Илинцы, убѣждая и съ сыновнею покорностію упрашивая послѣдовать его примѣру. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приходилось и мнѣ читать; писаны они были всегда по русски, оборотная-же сторона листа всегда оставляема была не писанною. По окончаніи письма слѣдовала приписка къ брату Николаю (лѣкарю) и его женѣ на польскомъ языкѣ, начинавшаяся словами: »райstwu Mikołajowstwu «... При одномъ изъ писемъ прислана была для отца богатая ряса и подрясникъ; но никакія убѣжденія почтительнаго и вѣжнаго сына не дѣйствовали на престарѣлыхъ родителей. Наконецъ осенью 1846 года высокопреосвященный Іосифъ прибылъ лично въ Илинцы къ своимъ родителямъ, имѣя отрощенныя на годовѣ волосы и бороду, но и это не повліяло на отца относительно перемѣны вѣры; онъ только сказалъ, что ему лѣнь брить бороду, но волосы стригъ и не оставлялъ надѣвать свой »габитъ«, совершенно чуждаясь рясы и подрясника. Во время пребыванія архіепископа Іосифа у родителей, его просили посѣтить православныя церкви въ Илинцахъ и Павловкѣ, но онъ отъ этого отказался, избѣгая архіерейскихъ встрѣчъ, и сказалъ, что пріѣхалъ секретно. Въ слѣдующемъ загѣмъ году отецъ и мать высокопр. Іосифа уѣхали къ нему въ Вильну, продавъ домъ свой, который перешелъ во владѣніе помѣщика гр. Плятера и занять потомъ подъ станovou квартиру, при чемъ молельня получила прежнее свое назначеніе, будучи снова обращена въ кухню. Домъ этотъ впоследствии подаренъ Плятеромъ иностранцу Вуху и въ настоящее время совершенно перестроенъ.

О. архимандритъ Модестъ въ упомянутомъ некрологѣ митрополита Иосифа говоритъ между прочимъ, будто родитель его вполне сочувствовалъ мыслямъ его о воссоединенiи униатовъ и когда послѣдовалъ актъ воссоединенiя, охотно принялъ православiе. Зная его лично, и притомъ близко, могу утверждать лишь противное; лишь переѣхавъ въ Литву, гдѣ дано было ему священническое мѣсто въ селѣ Дзѣкушкахъ, онъ сталъ православнымъ, но и то болѣе по имени. Фанатизмъ и ненависть къ православию особенно сильно выразились въ сынѣ его священникѣ Иоаннѣ Симашкѣ, который и умеръ внѣ православной вѣры, и о родномъ братѣ своемъ митрополитѣ Иосифѣ всегда отзывался такъ: *przeklety! i sam siebie potępił i naród zgubił*. Въ бытность его у меня въ Липовцѣхъ, я показалъ ему портретъ его знаменитаго брата; онъ съ бѣшенствомъ бросилъ портретъ на полъ и, при звукахъ разбитаго стекла, тотъ часъ-же убѣжалъ. Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его при илинецкомъ костелѣ, и ксендзы уже принялись было за исполненiе его воли; но православные священники отобрали его у ксендзовъ и погребли при православной илинецкой воскресенской церкви, чѣмъ остался доволенъ братъ умершаго, митрополитъ Иосифъ и священникамъ погребавшимъ прислалъ денежное вознагражденiе. Жена Иоанна Симашки, дочь униатскаго священника Гречины, совсѣмъ перешла въ латинство, о чемъ велась бесплодная переписка въ липовецкомъ духовномъ правленiи; по смерти она погребена на римско-папастическомъ кладбищѣ ксендзовъ. На евангелии, присланномъ митрополитомъ Иосифомъ въ церковь села Павловки, слѣдующая надпись: »Азъ смиренный Иосифъ митрополитъ литовскiй и виленскiй сiю книгу святаго евангелiя положилъ навсегда въ церковь приходскую въ селѣ Павловкѣ, вiевской губернiи, липовецкаго уѣзда, гдѣ дѣдъ мой Тимофей Сѣмашко добрѣ пастырствовалъ, гдѣ у самой паперти покоится прахъ моей бабы Марiи, а также трехъ братьевъ и сестры, усопшихъ во младенчествѣ, гдѣ и я молился изъ дѣтства до юношескаго возраста. Приношенiе сiе (sic) въ январѣ мѣсяцѣ 1853 года, на пятьдесятъ пятомъ году моей жизни. Помяни Господи меня недостойнаго и всѣхъ присныхъ моихъ! Удивительно, что митрополитъ Иосифъ въ приведенной надписи, говоря о погребенныхъ при церкви села Павловки ближайшихъ его родныхъ: бабѣ, братьяхъ и сестрѣ, не упомянулъ о своемъ дѣдѣ, который, по сви-

дѣтельству очевидца, погребенъ при этой-же церкви, да и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и не могъ быть погребенъ, находясь до самой смерти своей въ томъ селѣ*.

Протоіерей Александръ Мацневичъ.

ПИСЬМО КЪ ТРЕМЪ ДІАВОЛАМЪ ¹⁾.

Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ 1751 года, въ «маетностяхъ» гетмана Разумовскаго, въ быковской волости. Приходскій священникъ села Петровецъ Іоаннъ Григоріевъ и житель того-же села Иванъ Мирочникъ пришли въ «экономическую его ясневельможности канцелярію» и предъявили въ ней «саморучное писаніе» старобыковскаго жителя Михайла Гладкого, 21 года, которымъ этотъ послѣдній отдавалъ себя діаволамъ «вѣчно зъ душею и тѣломъ». О Михайлѣ Гладкомъ производилось въ это время дознаніе по подозрѣнію въ кражѣ имъ у капитана Флицеля 316 рублей, но самъ онъ находился на свободѣ. Мѣстный сотникъ Петръ Карповичъ арестовалъ Гладкого и, допросивъ его «безъ пристрастія», допросы рѣчи его, вмѣстѣ съ письмомъ, а также донесшаго о семъ Ивана Мирочника отправилъ къ бунчуковому товарищу, «всѣхъ малороссійскихъ его ясневельможности маетностей главному эконому, Павлу Ломѣковскому», который съ своей стороны препроводилъ все дѣло въ войск. генер. канцелярію. Въ производившемся по этому случаю дѣлѣ сохранилась засвидѣтельствованная копія съ письма Гладкого къ діаволамъ; она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

«Пріятели мои добрии Гуцмерю, полуденъ и вырокъ.

Цураюсь я Бога и матери его, и всѣхъ святыхъ, и отца своего и матери, и отдаюсь вамъ зъ душею и тѣломъ во вечное ваше владѣніе, а вы мнѣ издѣляйте, чтобъ я бувъ у Быковѣ паномъ, и принесли бъ вы мнѣ грошей, сколько я захочу, такоужъ капитану, моему неприятелю, и сотнику и Сандулу издѣляйте, чтобъ воны побѣсились и щобъ воны мене боялись; только васъ пропу— дайте мнѣ вѣкъ свой изжить, а по смерти моей возьмете мене во вѣчность зъ душею и тѣломъ.

Вашъ моихъ добрихъ пріятелей вѣчный слуга
Михайло Гладкий».

¹⁾ Изъ «дѣла» войск. генер. канцеляріи 1751 г.

Въ основѣ всего дѣла лежитъ глубокая вѣра въ дѣйствительность непосредственныхъ сношеній человѣка съ нечистою силою и возможность съ помощію оной выйти изъ стѣсненнаго положенія, сдѣлаться паномъ и даже отмстить своимъ врагамъ. Гладкій предварительно распрашивалъ у разныхъ лицъ о томъ, какъ бы ему повидаться съ дьяволами: просилъ онъ жителя веприцкаго Павла Шепеля указать ему человѣка, который знался-бы съ дьяволами, а тотъ направилъ его къ двумъ жителямъ вороньковскимъ. Поѣхалъ Гладкій къ нѣкому Савкѣ Мирочнику и просилъ показать ему діавола »персонально«; тотъ посовѣтовалъ ему пойти въ какіе нибудь пустые »хоромы« и выеликать діаволовъ: »они и явятся, увѣренно говорилъ Савка, если не будешь »лякаться«. Но Михайло этого не сдѣлалъ, а, по совѣту Василя Котляра, обратился къ жителю Петровецъ, зятю рыбака, Ивану Мирочнику, который взялся показать ему діавола »персонально«. Три раза пріѣзжалъ Махайло къ Ивану Мирочнику и наконецъ, по совѣту его, »напившись пьяный въ ночь глупую на распутѣ выходилъ и діавола Гуцмера кликалъ трижды, токмо діаволь не явился«. Тогда Иванъ Мирочникъ сказалъ, что можно и безъ »персональнаго« свиданія записаться діаволамъ и тогда де Михайло будетъ »паномъ, но только душу свою погубить«.

И вотъ 1-го мая на ярмаркѣ быковской Михайло, встрѣтившись съ Иваномъ Мирочникомъ, по его совѣту, и написалъ это письмо »до діаволовъ троухъ—Гуцмера, полудена и вырака« и передалъ Мирочнику. Мирочникъ, вмѣсто отправки письма по адресу, показалъ оное прежде всего священнику, а съ нимъ уже отправился къ сотнику и управителю волости быковской—Петру Карповичу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся, по повелѣнію гетмана, войсковою генеральною канцелярію указъ Павлу Ломѣковскому объ отсылкѣ какъ самого Михайла Гладкого, такъ и произведеннаго о немъ слѣдствія въ переясловскую духовную консисторію »къ надлежащему тамъ объ немъ разсмотренію и опредѣленію«.

Рѣшенія консисторіи въ дѣлѣ нѣтъ, но сущность его отгадать не трудно: въ такихъ случаяхъ виновные отсылались обычно-

венно года на два или на три въ какой-либо монастырь до совершеннаго раскаянія и заглаженія вины молитвою и постомъ.

Дикія и странныя на современный взгляд дѣла этого рода являлись нерѣдко въ производствѣ судебныхъ и административныхъ мѣстъ прошлаго вѣка и въ архивахъ того времени встрѣчаются довольно часто; но записи души діаволу писались обыкновенно подъ общимъ этого послѣдняго именемъ. Здѣсь-же ясно различаются три опредѣленныя какъ-бы лица съ особымъ для каждаго именемъ. Одно изъ нихъ—*полуденъ* заимствовано, очевидно, изъ книгъ церковныхъ и означаетъ бѣса >полуденнаго<, который дѣйствуетъ преимущественно въ полдень, что же означаютъ два другія, объяснить затрудняемся. Не будутъ-ли эти названія новостью въ нашей народной демонологіи?

Собщ. А. Андріевскій.

МАЛОИЗВѢСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ РОДЪ.

На лѣвомъ берегу р. Ворсклы, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Полтавы, раскинуто живописное село Крутые Берега. Существуетъ предположеніе, что оно подало мысль украинскому поэту И. П. Котляревскому написать извѣстную его оперу >Наталку-Полтавку< ¹⁾. Мы имѣли случай, въ 1875 г., побывать у владѣльца этого села, маіора А. Ѳ. Дублянскаго, умершаго въ 1876 году. Помѣщаемъ краткую замѣтку объ этомъ дворянскомъ родѣ и его >маестности< на основаніи переданныхъ намъ Дублянскимъ свѣдѣній.

С. Крутые Берега было пожаловано Петромъ I предку А. Ѳ. Дублянскаго по матери, гадячскому полковнику И. Чарнышу, а до того принадлежало полтавскому полковнику П. Герцику, приверженцу Мазепы. Прадѣдъ Андрея Ѳедоровича, Александръ Дублянский, служилъ въ малороссійскомъ полтавскомъ полку бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Апостолѣ; въ 1731 г. находился въ составѣ отряда возаковъ подъ командою кіевскаго полковника А. Танскаго, при устрой-

¹⁾ См. >И. П. Котляревскаго, изд. С. П. Катрановымъ. Кіевъ 1875 года, стр. II.

ствѣ украинской линіи на р. Орели, т. е. землянаго вала съ башнями отъ р. Днѣпра до Донца.

Сынъ Александра, дѣйствит. стат. совѣтникъ Павелъ Дублянскій, служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ 1787 г., при проѣздѣ императрицы Екатерины II въ Крымъ, онъ занималъ, въ г. Екатеринославѣ, должность прокурора и получилъ рѣдкую въ то время награду, орденъ св. Владиміра 4 ст. У Андрея Ѳедоровича сохранилась и жалованная на этотъ орденъ грамота, а также письмо по этому случаю къ Павлу Дублянскому отъ князя Потемкина—таврическаго. Отецъ Андрея, Ѳедоръ Дублянскій, служилъ въ малороссійскихъ козакахъ и въ 1814 г., въ чинѣ полковника, съ козаками участвовалъ при взятіи русскими войсками Парижа. Маіоръ А. Дублянскій служилъ въ гусарахъ, участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г., по выходѣ въ отставку, былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ полтавскаго уѣзда, при губернскомъ предводителѣ А. Поповѣ, а въ послѣднее время жилъ въ с. Крутыхъ Берегахъ. Онъ передавалъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ И. Чарнышѣ, испытавшемъ всѣ превратности судьбы. Еще въ званіи значковаго товарища Ив. Чарнышъ былъ посланъ Петромъ I въ 1709 году къ крымскому хану и къ запорожцамъ, съ извѣстіемъ о выборѣ гетманомъ страодубовскаго полковника Ив. Скоропадскаго. Чарнышъ изъ Крыма захватилъ въ Кошѣ, атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и передалъ шведамъ. Потомъ Чарнышъ выданъ, вмѣстѣ съ прочими плѣнными, князю Меншикову, когда ему сдались шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, подъ м. Переволочной, близъ Днѣпра. Въ послѣдствіи И. Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судьей и, вмѣстѣ съ П. Полуботкомъ и прочими старшинами, заключенъ 10 ноября 1723 г. въ Петропавловскую крѣпость; затѣмъ водворенъ на жительство въ Москвѣ, откуда отпущенъ на родину въ ноябрѣ 1727 года.

Андрей Ѳедоровичъ показывалъ мнѣ слѣдующія рѣдкости: 1) набалдашникъ мѣдный, вызолоченный отъ гетманской булавы; 2) кубокъ, или братину мѣдную, 1712 года, шестигранную, украшенную рѣзбою; въ ней ставили вино на радахъ, при выборѣ старшинъ; 3) винтовку нарѣзную, шестигранную, украшенную серебромъ, привезенную предкомъ его изъ Запорожья; 4) шведскій карабинъ, мѣдный, гладкоствольный, съ расширеннымъ на концѣ стволомъ; 5) шведскую пушку, отбитую въ полтавской битвѣ;

6) турецкую саблю и 7) особый приборъ, въ формѣ ножа, который запорожцы втыкали въ землю, когда приходилось стрѣлять въ лежащемъ положеніи, причѣмъ на верхній, раздвоенный конецъ ножа клали дуло ружья. Кромѣ того у А. Дублянскаго было много рѣдкихъ книгъ, географическихъ атласовъ XVIII вѣка и портретовъ.

П. КИТИЦЫНЪ.

СУДЬБА ОДНОГО КІЕВСКАГО СООРУЖЕНІЯ.

Исторія разнаго рода сооруженій въ г. Кіевѣ въ высшей степени любопытна и поучительна. Самымъ древнимъ, конечно, доселѣ неоконченнымъ сооруженіемъ матери градовъ русскихъ надо считать кіевскую крѣпость. Основаніе ей положено, какъ извѣстно, въ 1703 г. еще Петромъ В. Разбита первоначально крѣпость на земляхъ, принадлежавшихъ лаврѣ и частнымъ лицамъ, преимущественно бѣдному люду, всегда селящемуся на окраинахъ города. По тогдашнему суровому времени, какъ читаемъ въ одной неизданной лѣтописи, >хаты поуруйновано, виноградни сады и огороды поплюндровано, людемъ земли не дано, а сказано: идѣте собѣ, где хочте... И бысть тогда плачь многъ и рыданіе великое«. Спустя около 40 лѣтъ Минихъ вкругъ города (Стараго) сыпалъ валы высокіе и много также >поплюндровалъ и попустошилъ < частныхъ строеній и усадьбъ. Гораздо позже, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, для расширенія эспланадной линіи крѣпости снесены четыре прихода: вознесенскій, спасскій, ѳеодосіевскій и владимірскій, жители откочевали на далекое разстояніе, церкви трехъ первыхъ приходовъ заключены въ крѣпостныхъ валахъ, а четвертая съ приходомъ отнесена на пески къ Лыбеди, гдѣ и теперь сваливаютъ около нея навозъ. Въ 40-хъ годахъ придумана новая линія оборонительныхъ верковъ, для которой уничтожена лучшая часть Печерска, отъ никольскихъ воротъ до царскаго сада, снесены Кловъ и Кресты, разобрано зданіе присутственныхъ мѣстъ, служившее первоначально помѣщеніемъ для университета, когда-же окончены были эти миллионныя сооруженія, то нашъ русскій Мольтке, умудренный севастопольскими уроками, изрекъ надъ ними суровый приговоръ: осмотрѣвъ ихъ въ 1869 г., онъ призналъ, что ихъ совсѣмъ не стоило возводить, тагъ какъ нѣсколько дальнобойныхъ орудій, поставлен-

ныхъ на Байковыхъ высотахъ, въ теченіи не многихъ часовъ не оставятъ въ нихъ камня на камнѣ. И опять начерчена новая экспланадная линія, отъ которой не свободны и самыя отдаленныя части Кіева, гдѣ въ недавнее время паслись стада.

Подобна отчасти исторія знаменитаго цѣпнаго моста и вызванныхъ его постройкою двухъ другихъ сооружений: подъема въ крѣпость и заруды Чартороя. Прежде чѣмъ оконченъ былъ мостъ, ему грозила опасность остаться на мели съ лѣвой стороны Днѣпра, вслѣдствіе напора воды въ правой. Придумали дѣлать заруду на Днѣпрѣ выше Кіева, гдѣ рѣка стала дѣлать крутой поворотъ вправо, отклоняясь отъ стараго своего русла, которое потому лишь мелкимъ желобкомъ доходило до лѣвой стороны моста. Мостъ стоилъ 3 милліона, позже, говорятъ, прибавленъ еще одинъ, а подъемъ около полутора милліона. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и постройкой новаго моста ниже лавры и крѣпости, мостъ цѣпной остался едва не для пѣшеходовъ, а подъемъ въ крѣпость овазался и совсѣмъ не нужнымъ, что-же до заруды, то она изъ году въ годъ продолжается и доселѣ: что положить инженеры въ рѣбу лѣтомъ и осенью, то весной она вынесетъ, гдѣ она вынесетъ, тамъ они опять наложатъ камней и фашинь, а она опять ихъ вынесетъ, и т. д., и т. д. На манеръ заруды шло долгіе годы сооруженіе набережной у Подола, а несравненно долѣе, съ милліонными затратами, производились устройство александровскаго спуска и обдѣлка михайловской горы. Начатыя еще при Александрѣ I, они длились чрезъ все почти царствованіе Николая I и хотя подъ конецъ онаго былъ поставленъ на верху горы гранитный столбъ съ надписью: *Обдѣлка горы окончена въ 1849 г.*, но время сокрушило и самый этотъ столбъ, какъ бы въ доказательство того, что строители поторопились съ своимъ заявленіемъ.

Около 15 лѣтъ тянется дѣло сооруженія памятника Богдану Хмельницкому, и никакъ не можетъ прийти къ концу.

Но изъ всѣхъ кіевскихъ сооружений давняго и позднѣйшаго времени едва-ли не наиболѣе любопытна постройка въ Кіевѣ владимірскаго собора. Въ отдѣлѣ Библиографіи мы дали отчетъ о брошюрѣ, посвященной этой постройкѣ, и обѣщали сказать объ этой послѣдней особю, что и исполняемъ здѣсь, пользуясь нѣкоторыми данными брошюры г. Береттл.

Мысль о постройкѣ въ Кіевѣ храма въ честь святаго равноапостольнаго князя Владиміра, — храма достойнаго имени великаго просвѣтителя Россіи, явилась такъ сказать случайно. Обдѣлывали, какъ мы выше упоминали, михайловскую гору и обдѣлавши, задумали, не извѣстно по чьей мысли, украсить ее литымъ изваяніемъ св. Владиміра. Освятить это изваяніе выпадало на долю извѣстнаго своимъ благочестіемъ и строгостію религиозныхъ воззрѣній тогдашняго митрополита кіевскаго Филарета Амфитеатрова. Благочестивый старецъ, строго различавшій тончайшіе изгибы нѣжнаго христіанскаго чувства, на отрѣзъ отказался. »Какъ? говорилъ онъ; святой благовѣрный равноапостольный и великій князь Владиміръ съ этихъ высотъ низвергалъ истукановъ, а теперь его истуканъ тамъ-же ставятъ. Въ честь святыхъ угодниковъ Господнихъ св. матеръ наша церковь обыкла воздвигать только священные храмы ихъ имени, а не свойственныя однимъ язычникамъ изваянія«. . . Ему возразили, что вѣдь нѣтъ въ Кіевѣ храма Владиміра, достойнаго его имени. »Ему вся православная Россія должна воздвигнуть здѣсь такой храмъ«, отвѣчалъ святитель Филаретъ и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки по всей Россіи на сооруженіе такого храма. Пока шла подписка, неизвѣстному еще тогда петербургскому архитектору Штрому заказанъ былъ планъ. Подписка дала 100 т. р., планъ оказался замѣчательно художественнымъ и доставилъ его автору званіе академика. Храмъ по плану имѣлъ форму продолговатаго креста, а стоимость всей постройки определена г. Штромомъ приблизительно до полумилліона рублей. Это послѣднее обстоятельство крайне смутило и огорчило митр. Филарета. »Я старъ, повторялъ онъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ; гдѣ намъ собрать столько денегъ?« и обратился къ епархіальному своему архитектору г. Спарро съ вопросомъ, нельзя-ли удешевить постройку. »Можно«, отвѣчалъ извѣстный уже и тогда неудачными своими постройками г. Спарро, и не думая много надъ проэктомъ Штрома, обрѣзалъ бока на его планѣ и укоротилъ отчасти длину; будетъ-де не крестъ, а корабль, хотя и не такъ длинный.

Въ такомъ видѣ проэктъ постройки храма св. Владиміра, за нослѣдовавшею въ концѣ 1857 г. смертію митрополита Филарета, попалъ, какъ говорится, въ длинный ящикъ. Вновь назначенный

изъ ѣззарховъ Грузіи митрополитъ Исидоръ (нынѣ петербургскій) прибылъ въ Кіевъ весьма не скоро. Въ недолгое его управленіе поднять былъ вопросъ лишь о мѣстѣ для постройки и уже самый выборъ мѣста показывалъ, какъ ослабѣлъ тогда интересъ къ этому дѣлу. вмѣсто монументальнаго памятника св. Владиміру отъ лица просвѣщенной имъ Россіи на собранныя деньги рѣшались построить теплую церковь его имени на погостѣ софійскаго собора, рядомъ съ храмомъ Ярослава. Планъ г. Спарро Высочайше утвержденъ лишь 5 апр. 1859. г.

Въ концѣ 1860 г. митр. Исидоръ переимѣненъ былъ въ Петербургъ, а на его мѣсто назначенъ митр. Арсеній. Переимѣна митрополита не подвинула-бы, кажется, дѣла постройки собора, если-бы не явился совершенно неожиданный, но рѣшительный толчекъ. Дѣло въ томъ, что около этого времени возникла мысль о постройкѣ храма во имя равно-апостольнаго Владиміра на мѣстѣ его собственнаго крещенія въ древнемъ Херсонесѣ. Энергическій настоятель херсонесскаго монастыря, извѣстный архимандритъ Евгений, изыскивая средства на постройку этого храма и заручившись весьма высокою поддержкою, выступилъ съ ходатайствомъ объ обращеніи на это дѣло денегъ, собранныхъ по мысли митр. Филарета. Митрополиту Арсенію данъ былъ соответственный запросъ, а это побудило его рѣшительно взяться за дѣло, прежде посланки какого либо отвѣта. Добыли проэктъ Спарро, избрали мѣсто на пустыряхъ, рядомъ съ зданіемъ 2-й гимназіи и противъ ботаническаго сада, объявили торги. Положеніе дѣла оказалось критическимъ. Одна черновая постройка исчислена была въ 158 т., притомъ выходилъ не соборъ, а только модель собора, какъ выразился тогда намѣстникъ лавры, архимандритъ Іоаннъ, нынѣ полтавскій архіепископъ. Торги дали ничтожную уступку; приходилось отказаться отъ постройки. Но тутъ лавра печерская дала безмездно милліонъ кирпича, а купецъ Ховалкинъ, желая, какъ говорилъ онъ, послужить Богу, скинулъ 33,6 процента со смѣтной суммы и обязался выстроить соборъ вчернѣ за наличную сумму 100,000 р. Наскоро разбили мѣсто, и 15 іюля 1862 г. митрополитъ Арсеній, совершивъ давно забытый и имъ вновь возстановленный крестный ходъ къ источнику Владиміра на мѣстѣ крещенія его сыновей, равно впервые окропивъ освященною водою поставленное на михайловской горѣ изваяніе

Равноапостольнаго, съ тѣмъ-же крестнымъ ходомъ произвелъ закладку собора и тогда донесъ, что закладка уже сдѣлана, а слѣд. и деньги, по подпискѣ собранныя, не могутъ быть переданы въ Херсонесъ.

Приступая рѣшительно къ работамъ, въ талантахъ исправителя штрмовскаго проэкта г. Спарро усумнились. Въмѣсто него, по указанію тогдашняго кievскаго генераль-губернатора кн. Васильчикова, къ руководству работами приглашенъ былъ г. Беретти, докончившій, послѣ отца своего, зданіе университета св. Владимира, извѣстный постройкою и другихъ кievскихъ зданій: 1-й гимназіи, что прежде былъ кадетскій корпусъ, анатомическаго театра, училища гр. Левашовой и пр. »Разсматривая смѣту«, пишетъ онъ въ своей брошюрѣ *о вновь строящемся соборѣ*, »я, признаться, не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было составить, а тѣмъ болѣе утвердить ее съ такими очевидными и огромными излишествами и явными несообразностями«. Къ сожалѣнію, ни этихъ излишествъ, ни несообразностей онъ не объясняетъ, говоритъ только, что »на утвержденномъ уже масштабѣ сдѣлалъ красными линиями новый масштабъ, взявъ за сжень съ прежняго масштаба $2\frac{1}{2}$ аршина (?), проектировалъ какія-то пристройки, хоры, три престола вмѣсто одного, подвальный этажъ, съ помѣщеніемъ для калориферовъ и причетниковъ, а главное—достигъ увеличенія помѣщенія для молящихся въ $2\frac{1}{2}$ раза, именно съ 51 кв. сажени до $127\frac{1}{2}$, не считая хоръ, при томъ увеличилъ купола, и не только не возвысилъ суммы первоначальной смѣты, но понизилъ ее съ 158 т. на 141 т. безъ нѣсколькихъ десятковъ рублей. Но, говоритъ самъ-же г. Беретти, »желая увеличить помѣщеніе для боковыхъ олтарей, я уменьшилъ главные столбы и соотвѣтственно этому пришлось уменьшить и наружныя стѣны, отъ чего главныя поперечныя арки и не имѣли надлежащаго противораспора въ наружныхъ стѣнахъ, что и было главною причиною всѣмъ поврежденіямъ«. На этомъ оканчивается первый періодъ постройки собора св. Владимира въ Кіевѣ.

Второй періодъ обнимаетъ собою черновую постройку собора, т. е. возведеніе фундаментовъ, стѣнъ и куполовъ, постепенно открывавшіяся поврежденія, ихъ свидѣтельствованіе и мѣры, предпринимавшіяся для ихъ исправленія. »Въ октябрѣ 1864 г., говоритъ г. Беретти, »когда большой и малый купола были доведены до окон-

ныхъ пролетовъ и были уже окончены верхніе своды, кромѣ трехъ сводовъ въ средней западной части собора, обнаружались вертикальныя трещинки на нижнихъ частяхъ облицовки западныхъ столбовъ, со стороны малыхъ арокъ, и надъ этими столбами, по линіи главныхъ поперечныхъ арокъ, и на малыхъ аркахъ, и на соприкасающихся къ нимъ парусахъ малыхъ куполовъ; къ тому-же лопнули обѣ верхнія связи въ главныхъ поперечныхъ аркахъ. Произошло это, по спеціальному на сей разъ объясненію г. Беретти, отъ вращательнаго движенія арокъ, а по прежнему его-же объясненію отъ утоньшенія главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и недостатка въ послѣднихъ противораспора для арокъ. Поврежденія эти, по признанію г. Беретти, были ничтожны и такими-же, по его словамъ, они признаны командированными изъ Петербурга архитекторами Кузьминымъ и Маевскимъ, исправленіе-же ихъ обошлось всего въ 265 р. Тѣмъ не менѣе въ главномъ техническомъ Комитетѣ найдено необходимымъ понизить купола, хотя ихъ было не 13, какъ проектировалъ первоначально Штромъ, а только 5. 20 августа 1865 г. эти и другія измѣненія (въ наружныхъ украшеніяхъ) были Высочайше утверждены. Г. Беретти продолжалъ работы и къ зимѣ того-же года окончилъ всѣ верхніе своды, а 25 января 1866 г., въ его отсутствіе, работы свидѣтельствовали два генерала, фамилій которыхъ онъ не называетъ, и нашли, что прежнія незначительныя поврежденія нисколько не увеличились и что вообще трещинъ нигдѣ нѣтъ. Г. Беретти уѣзжалъ тогда въ Петербургъ, гдѣ на его работы смотрѣли иначе, и пробылъ тамъ довольно долго, а въ его отсутствіе, по его-же словамъ, «техническіе члены Комитета» разрѣшили подрядчику сломку куполовъ, не давъ себѣ труда присмотрѣть за тѣмъ, какъ подрядчикъ будетъ производить эту сломку. Подрядчикъ прежде большаго разобралъ малые купола и сложилъ кирпичъ на стелажахъ въ оконныхъ пролетахъ большаго купола; отъ этого, говоритъ г. Беретти, осѣли главныя арки, произошли и всѣ дальнѣйшія поврежденія. А поврежденія оказались очень и очень серьезныя: въ главныхъ поперечныхъ аркахъ вновь лопнули связи и разошлись гораздо болѣе, чѣмъ прежде, самыя эти арки такъ осѣли, что между ими и сдѣланнымъ сверху кольцомъ образовались промежутки, оба западные столбы отклонились на $3\frac{1}{2}$ вершка, восточные на $2\frac{1}{2}$, стѣны противъ западныхъ столбовъ на

4^{1/2}, а противъ восточныхъ на 2^{1/2} вершка отошли наружу; отъ осѣвшихъ арокъ образовались трещины и на лежащихъ на нихъ парусныхъ сводахъ, на смежныхъ съ главными арками малыхъ аркахъ, вмѣсто едва замѣтныхъ ссѣдинъ, образовались видимыя трещины, а простѣнки, выведенные подъ верхними малыми арками, отдѣлились отъ наружныхъ отклонившихся стѣнъ, причемъ противъ этихъ мѣстъ и на парусахъ малыхъ куполовъ образовались поврежденія*.

Когда свѣдѣнія о такихъ поврежденіяхъ дошли до Петербурга, оттуда командированъ былъ для осмотра постройки самъ составитель первоначальнаго ея проекта г. Штромъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствовавшимъ ее прежде г. Маевскимъ. Составленный ими актъ констатировалъ указанныя выше поврежденія, а причинами оныхъ, насколько можно судить по сдѣланному изъ акта въ брошюрѣ г. Беретти выпискамъ, призналъ: »не равномерность осадки стѣнъ и столбовъ, при чемъ основаніе столбовъ заложено выше, чѣмъ основаніе стѣнъ, гдѣ устроены подвальные этажи, отсутствіе распорныхъ арокъ между стѣнами и столбами и то, что основанія столбовъ сдѣланы безъ уширенія*. Найдено также, что »пять всѣхъ сводовъ, какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ подняты очень высоко относительно пять арокъ между столбами и положено по одной связи между столбами сваренныхъ не надлежащимъ образомъ, а уцѣлѣвшія сильно натянулись*. »Своды, въ поясненіе къ этому говорить г. Беретти, мною сдѣланы парусные и дѣйствительно весьма плоски; но за то резонансъ въ церкви оказался отличнѣйшимъ, и своды эти служатъ украшеніемъ собора, на которыхъ я положилъ на синемъ полѣ разкинуть золоченныя звѣзды*. Резонанса этого нѣтъ, конечно, не слыхалъ и звѣздъ никто не видѣлъ, а собору грозило полное разрушеніе. Укрѣпили его кой-какъ и пошли писать. Въ перепискѣ прошли, кажется, 1867, 1868 и начало 1869 г. Переписка вызвала командировку архитектора Бернгардта. »Исслѣдованіе грунта, пишетъ г. Беретти, способа кладки фундамента, пилоновъ и другихъ частей зданія, а также употребленнаго матеріала привели г. Бернгарта къ заключенію, что причину произшедшихъ поврежденій слѣдуетъ искать не въ качествахъ мѣстнаго грунта и строительнаго матеріала, не въ исполненіи работъ, такъ какъ всѣ они удовлетворяютъ требованіямъ техники, а въ больномъ мѣстѣ всѣхъ строящихся на Руси

храмовъ—въ несоотвѣтствіи между собою конструктивныхъ частей: зданія». Собору отъ этого не стало легче, архитекторамъ также, а г. Беретти съ 1869 г. былъ устраненъ отъ завѣдыванія работами и самыя работы прекратились на весьма долгое время, на цѣлыхъ почти семь лѣтъ.

Подпертый, съ трещинами, обставленный лѣсами стоялъ все-россійскій памятникъ равноапостольному просвѣтителю Россіи и никто не чаялъ видѣть его когда либо оконченнымъ. Собранныя по подпискѣ деньги давно было израсходованы, новыхъ ресурсовъ не было никакихъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло принимать продолженія и окончанія работъ на счетъ казны.

Но какъ г-ну Беретти, по его объясненію, повредило не допущеніе имъ, наравнѣ съ другими техниками разныхъ промаховъ въ конструктаціи собора, а то мелочное обстоятельство, что, будучи съ г. Бернгардтомъ на концертѣ Рубинштейна, онъ отъ духоты впалъ въ обморокъ; такъ собору помогло, хотя не столь мелкое, но также связи съ нимъ не имѣвшее проведеніе отъ Кіева двухъ желѣзныхъ дорогъ, сперва кіево-балтской, а потомъ курско-кіевской. Съ устройствомъ вокзала близъ кадетскаго корпуса путь отъ него въ Кіевъ направился по библиковскому бульвару, мимо самаго собора. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ покойный императоръ Александръ II, проѣзжая мимо, обратилъ вниманіе на эту видную постройку и, освѣдомившись отъ ѣхавшаго съ нимъ генераль-губернатора кн. Дундукова-Корсакова о положеніи и обстоятельствахъ постройки, выразилъ желаніе, чтобы соборъ былъ доконченъ. Но послѣ тѣхъ перипетій, чрезъ которыя проходило это дѣло, интересъ къ нему у кіевскихъ властей ослабѣлъ въ такой степени, что понадобилось новое напоминаніе государя въ слѣдующій пріѣздъ и категорическое приказаніе возобновить дѣло объ окончаніи постройки, съ принятіемъ расходовъ на суммы государственнаго казначейства. Пошла вновь переписка на цѣлые годы; работы по отстройкѣ собора возобновлены лишь съ 1876 г. Завѣдываніе ими, по указанію Бернгардта, поручено мѣстному молодому архитектору Николаеву, подъ наблюденіемъ, какъ и прежде, особаго многочисленнаго Комитета. Устроили контрфорсы, дали собору боковыя пристройки, которыхъ онъ лишился отъ руки Спарра, а за тѣмъ принялись за наружную и внутреннюю отдѣлку. Работы велись и продолжаются

съ такою медленностію, какая только и возможна въ казенныхъ постройкахъ, потому быть можетъ, что у казны *капшукъ* самый длинный... Въ этомъ году сдѣлають на примѣръ верхніе, въ слѣдующемъ нижніе карнизы, чрезъ годъ отдѣлають щиты, потомъ раздѣлають купола, и т. д., и т. д. Но какъ всему бываетъ конецъ, то и этой постройкѣ приходилъ, повидимому, конецъ и освященія собора можно было ожидать если не въ прошломъ, то въ нынѣшнемъ году.

Случилась однако новая неожиданность. Одному ученому профессору, живущему по сосѣдству съ соборомъ, по поводу выхода въ свѣтъ исторіи русской церкви Голубинскаго, гдѣ такъ обстоятельно раскрыто, что у насъ, какъ и теперь на востокѣ, были иконостасы въ формѣ невысокой преграды, отдѣляющей, но не закрывающей оltарь, пришла весьма почтенная мысль, что въ соборѣ во имя Владиміра надлежало-бы устроить иконостасъ и всю оltарную обстановку такъ, чтобы они переносили собою молящихся во временахъ Владиміра. Мысль эта проведена была сперва въ одной мѣстной газетѣ, а потомъ заявлена официально. Пошла новая переписка. Проектъ профессора былъ переданъ на обсужденіе церковно-археологическаго общества при кievской академіи; оно согласилось съ нимъ и поручило одному изъ членовъ своихъ, профессору А. В. Прахову, занимающемуся возобновленіемъ фресокъ въ кievо-кирилловской церкви, составить соответственные чертежи. Общество между тѣмъ не удовлетворилось чертежами г. Прахова и поручило архитектору Николаеву составить новыя. Тѣ и другіе были посланы въ Петербургъ въ концѣ прошлаго года, разсматривались во многихъ инстанціяхъ и наконецъ лишь въ послѣднее время утверждены рисунки проф. Прахова съ тѣми измѣненіями, какія указаны для нихъ императорскимъ археологическимъ обществомъ. Предстоятъ заказы иконъ, стѣнной оltарной живописи, преграды и многого другаго. Пройдетъ не одинъ еще годъ, утечетъ не мало въ Днѣпрѣ воды, пока будетъ совершенно оконченъ и освященъ этотъ давно ожидаемый молитвенный памятникъ, который, по мысли святителя Филарета, должна была создать вся православная Россія своему равноапостольному просвѣтителю.

Штукатурная и лѣпная работы, по видимому, совершенно окончены; на куполахъ съ прошлой осени водружены кресты; го-

товится позолота куполовъ на средства мѣстнаго капиталиста Н. Терещенка; зданіе, особливо издали, кажется весьма виднымъ и красивымъ, хотя лишеннымъ цѣльности и полнаго изящества. Г. Беретти, указывая въ выполненіи слѣдовавшихъ послѣ него работъ разныя мелкія несовершенства, въ новомъ строителѣ усматриваетъ одинъ тотъ недостатокъ, что онъ >не отецъ собора, а только его отчимъ<. Отца, скажемъ мы въ заключеніе, и трудно тутъ доискаться; случайно и на время привасавшіеся въ этому дѣтищу строители являются какъ-бы въ видѣ нянекъ и, по странной игрѣ случая, въ числѣ семи, а извѣстно, что при семи нянькахъ съ дитятей и не то еще бываетъ. Мы же, блюдушіе за всѣмъ и затрачивающіе деньги, держимся стариннаго правила, что географію обязанъ знать лишь извощикъ...

А. Н.

СТАРИННЫЕ СПОСОБЫ ВОЗВРАТИТЬ ЯЗЫКЪ НѢ- МОМУ И РАЗСВЯТЬ ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

Старое время поражаетъ насъ суровостію приемовъ въ обращеніи съ виновными или только подозрѣваемыми въ какой либо винѣ. Платили дань времени и такіе мудрые и гуманные правители, какимъ считается для Малороссіи графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ той части архива Малороссійской коллегіи, которая нынѣ находится при харьковскомъ университетѣ, мы нашли два его предложенія этой коллегіи, которыя приводятъ къ такому заключенію.

Гдѣ-то, въ Малороссіи, взятъ былъ подъ стражу неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій при себѣ какіе-то травы и нѣкоторые инструменты; свидѣтельствовавшій его докторъ высказалъ предположеніе, что пойманный притворяется нѣмымъ. Румянцевъ указываетъ коллегіи средства заставить этого нѣмого заговорить. Другой случай—распространеніе въ 1769 году въ Малороссіи слуховъ на счетъ плохаго состоянія россійской арміи, которою командовалъ Румянцевъ, приводитъ его къ тому средству, которое, вѣроятно, по традиціи, практиковалъ впослѣдствіи кievскій генераль-губернаторъ Бибииковъ¹⁾ Знакомыя съ тѣми и другимъ средствами предложенія графа Румянцева, которыя приводимъ здѣсь въ подлинникахъ.

¹⁾ См. >Кіевск. Старин.< на 1882 г., кн. VII, стр. 71 и 72.

1.

Содержащійся въ оной коллегіи колодникъ нѣмой, который по освидѣтельствванію докторскому признанъ притворяющимся въ своей нѣмотѣ, а найденные у него травы и инструменты, употребляемые къ земляной и деревянной работѣ, наводятъ на него подозрѣніе, для чего бы онъ сіи вещи при себѣ носилъ; поелику и за увѣщаніемъ священническимъ ничего о себѣ не проговорилъ, сложеніе-же его тѣла во всемъ здоровое, какъ и вышесказанные причины дѣлають сомнительство, не ханжить-ли онъ? и какъ не отвѣтствуетъ на вопросы ему предложенные, заслуживаетъ наказаніе; то Малороссійская коллегія имѣетъ, соблюдая послѣднее средство помилованія, посадить его подъ крѣпкой караулъ на два дни и не дать ни питья, ни пищи, но оставить все сіе время проводить ему съ священникомъ, который-бы усугубилъ свои увѣщанія, представляя, что упорство подвергаетъ его дальшему жестокому истязанію. На остатокъ, ежели и по прошествіи сихъ дней онъ однакожъ казать непременно себя будетъ безъ рѣчи, то по сомнительству изъ его обстоятельствъ останется распросить его батожемъ въ присутствіи членовъ, извѣдывая собственнаго признанія отъ него, какой онъ человекъ? чтобъ иногда снисходительствомъ къ его притворному и ложному виду не дать въ немъ примѣру подражанія другимъ преступникамъ, во избѣжаніе наказаній ими заслуженныхъ. Іюля 18, 1768 года.

2.

Къ сожалѣнію доходятъ мнѣ извѣстія, что нѣкоторые невоздержные расказчики къ смятенію народному въ Малой Россіи и въ самомъ Глуховѣ оглашаютъ пустыне враки о состояніи арміи мнѣ ввѣренной. Какъ не должно попускать сей вредной лжѣ распространиться до обшихъ мнѣній и съ тѣмъ сопряженныхъ послѣдованій, то я и рекомендую Малороссійской коллегіи взять пристойное примѣчаніе, чтобъ всякого, кто къ смущенію общему покусится что либо разглашать про обстоятельства арміи, присылать ко мнѣ, дабы здѣсь удостовѣрить его о противномъ и по испытаніи знать, какъ говорить о военныхъ дѣлахъ. Іюня 18, 1769 года. Изъ главной квартиры Самбура.

Сообщ. П. Е—но.

НѢКОТОРЫЯ МЕЛОЧИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Въ январской книжкѣ ›Кіевской Старины‹ за нынѣшній годъ были помѣщены нѣкоторыя изъ разсказовъ, записанныхъ нами на Воляни отъ старика Добротвора, съ которымъ мы бесѣдовали не разъ о минувшихъ временахъ. Изъ его характерныхъ разсказовъ намъ припомнились и еще нѣкоторыя подробности, и мы сообщаемъ ихъ для печати, дабы не затерялась ни одна изъ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ потомъ историкъ создаетъ цѣльную картину народной жизни въ данную эпоху.

О Добротворѣ мы замѣтили прежде, что любимую темою его разсказовъ была *панщина*, особливо въ первое время по присоединеніи края къ Россіи. Извѣстно, что тогда былъ полный просторъ власти пановъ въ отношеніи къ ихъ ›подданнымъ‹, не только ничѣмъ не стѣсняемый, но напротивъ какъ-бы поддерживаемый всею силою русскаго управленія. Это была самая тяжелая пора для православнаго населенія присоединеннаго края и она глубоко напечатлѣлась въ памяти народной. Народъ сознавалъ тягость, бывшую послѣдствіемъ перемѣны режима, помнить это и теперь.

— Якъ були мы пидъ Полщею, разсказывалъ Добротворъ, то паны насъ боялись, бо кожний зъ насъ мавъ ножа зъ боку; а якъ пидвернулись пидъ Россію, то паны зробили такъ, щобъ на три двори бувъ едень вижъ, а на десять дворивъ одна сокира.

— Вже-жъ и муки мы набрались за ихъ панування, говорилъ старикъ, обращаясь къ частностямъ; а найгирше ти жинки. Де по якихъ дворахъ, тамъ, де людей били, були покопани не величкы ямки; то, бачте, для того, що якъ треба часомъ простягти жинцину временну (беременную), та въ такую ямку клали їи животомъ, щобъ не зашкودити їи. Бьють було, духу послухаючи. А коли забѣе було панъ якого чоловика, то заразъ пише до ассесора, це-бъ то станового; а якъ приде ассесоръ, то панъ и не креться, а просто каже: *забилемъ чловька*. Ассесоръ заразъ пише до попа, що вмеръ той чоловикъ своєю наглою смертыю и що треба ёго поховати. Тоди вже на возы кладуть годованихъ кабанивъ, гусей, индыковъ, килька гарцивъ пшеници, вивса и везуть до пана ассесора. А найгирше було, що ще й згнуцаюця надъ нами: было,

каже, пся кровь; такъ невррно лаялись. Надивились на наши муки оти коробейники—кацапы, що въ коробкахъ крѣмъ усякій носятъ, та й питають було насъ: какѧ, каже, въ тебе, хохоль, душа? Коли каменна, то перебѣтсѧ; коли ременна, то перерветсѧ; коли мочальна, то перетретсѧ. Должно быть, каже, въ тебе, хохоль, душа кремѣнна!

Извѣстно, что преданія о событіяхъ временъ Хмельницкаго совѣмъ затерялись. Въ разсказахъ Добротвора намъ удалось подмѣтити нѣкоторые ихъ обрывки. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они записаны, безъ сличенія съ фактами историческими.

— Въ Шумському замку, що надъ ставомъ, сидивъ давно колись князь Радивиль. Отъ якъ воювали козаки зъ ляхами, то козаки добули зъ того замку Радивиля, вивели его за Шумскъ и тамъ пидъ Брыковомъ замордували.

Въ основѣ этого краткаго преданія лежить дѣйствительный историческій фактъ, изъ времени войнъ Хмельницкаго.

— А якъ гнали козакивъ ляхи зъ-пидъ Берестечка, говорилъ еще старикъ Добротворъ, то козаки, втикаючи, кидали гроши въ криници, въ ставы, въ безодни; де яки отдавали мужикамъ повни саквы червинцивъ та дукативъ.

— А якъ зибрались зновъ козаки, то зустріли ляхивъ пидъ Старымъ Костянтиновымъ, на гори Ганчарыси и mocno бились... бились тамъ три дни й три ночи, а потимъ розійшлись: ляхи въ свою сторону, а козаки въ свою.

— Кажуть, заключилъ Добротворъ, при кияци свита зновъ буде велике страженя на тій гори Ганчарыси—будуть битися ляхи зъ москалями..., а потимъ уже и кинецъ свита.

И. Орловъ.

ЕЩЕ ПѢСНЯ О ПОПАДѢВЪ, НЕ ВЗЛЮВИВШЕЙ БОРОДЫ.

Въ январской книжкѣ »Кіевской Старины« за пастоящій годъ была помѣщена пѣсня, подъ заглавіемъ: »Отголосокъ давно минувшей уніи«.

Въ бытность мою въ Кутаисѣ, въ одномъ имеретинскомъ семействѣ я видѣлъ толстую, пожелтѣвшую тетрадь, въ которой, среди различныхъ старинныхъ романсовъ, помѣщено много малороссійскихъ народныхъ пѣсень. Въ ряду послѣднихъ есть близкій, но краткій вариантъ той-же пѣсни.

На тетради значится 1850 г. и слѣдующее посвященіе съ подписью:

»Сію вамъ книжку я теперь дарю
 Съ любовію въ знакъ памяти своей;
 Я ей за пѣсню васъ благодарю
 Пропѣтую въ усладъ души моей.
 Давайте всѣмъ ее святымъ монашкамъ,
 Когда пойдутъ онѣ въ свой монастырь,
 И тѣмъ, кто о любви страдаетъ тяжело,
 Во благо служить пусть сія псалтирь».

»Не просвѣтившій исповѣдью гордыхъ монашекъ печальный іерей Алексѣй Архангельскій».

Оставляя въ сторонѣ названный уже мною вариантъ, сообщаю другую пѣсню, которая, кажется, составляетъ въ свою очередь вариантъ напечатанной пѣсни о попадѣ, но совсѣмъ далеко отъ нея отступившій.

Ой попада молоденька,
 Чернобрива и гарненька,
 И товстенька, и кругленька,
 И роточокъ, и носочокъ,
 И зубоньки, и губоньки,
 И очыци, и бровыци:
 Кругомъ, кругомъ, кругомъ гарна,
 И ще ѣ зовуть іи Ганна.
 Попа вона не злюбила,
 Трохи ёго не згубила;
 Зъ москалями обизналась,
 На колина имъ сажалась.
 Вони-жъ іи обнимали,
 Обнимавши цилували
 И въ губоньки, и въ зубоньки,
 И въ очыци, и въ бровыци.
 Якъ пипъ заставъ, то ѣ посвиставъ,
 И такъ іи казати ставъ:
 »Ой, попаде, що хочъ, роби,
 Тильки мене попа люби,
 Мене попа зъ бородою,
 Та ѣ не будешъ изъ бидою.

Бо якъ не будешь любити,
 То не будешь довго й жити.
 Якъ почну я шанувати.
 Тоди будешь мене знати
 И бороду почитати.

Г. С. Лебединець.

НЕКРОЛОГЪ.

23 мая, около 8 часовъ вечера, смерть неждано сразила одного изъ лучшихъ людей и ученыхъ г. Кіева, *Филиппа Алексѣевича Тарновскаго*. Неразрѣзанный во время нарывъ во рту произвелъ отравленіе крови; болѣзнь длилась всего три дня.

Покойный Филиппъ Алексѣевичъ много лѣтъ состоялъ преподавателемъ кіевского университета и академіи и пользовался всегда глубокимъ уваженіемъ и расположеніемъ своихъ слушателей. Воспитанникъ московской академіи, онъ, по окончаніи, въ ней курса въ 1862 г., поступилъ бакалавромъ кіевской академіи и оставилъ оную послѣ 20 лѣтъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, по обстоятельствамъ извѣстнымъ изъ газетныхъ сообщеній. Въ академіи читалъ русскую исторію, въ университетѣ общую церковную. Въ теченіи долгой службы этотъ рѣдкій труженикъ не устанно работалъ въ широкой области избранныхъ имъ предметовъ и обогатилъ науку многими весьма цѣнными и оригинальными изслѣдованіями, изъ которыхъ изслѣдованіе по исторіи византійской церкви, стало для него роковымъ. Сотрудничая въ *Трудахъ кіевской духовной академіи*, *Кіевской Старинѣ*, *Новомъ Времени* и другихъ изданіяхъ, онъ написалъ не мало прекрасныхъ статей по разнымъ отраслямъ званія. Виѣсть съ тѣмъ это былъ глубоко набожный человекъ, истинный христіанинъ. Трудно также было встрѣтить человека болѣе его прямого, искренняго, сердечнаго, кроткаго, незлобиваго и виѣсть съ тѣмъ спокойно твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Веселое настроеніе духа не оставляло его въ самыя трудныя минуты. Годъ тому назадъ онъ похоронилъ жену, а теперь оставляя 4-хъ малолѣтнихъ, круглыхъ спроть безъ всякихъ средствъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ минутъ тотъ-же свѣтлый и спокойный взглядъ на жизнь и смерть. Ему готовилась иная, строго научная сфера дѣятельности, но смерть увлекла его въ обитель не вечерняго свѣта и вѣчнаго мира. И будетъ о немъ долгая и самая свѣтлая память.—Ред.

Поправка. На стр. 320 напечатано: *сорокъ четыре уже года;*
 надо читать: *сорокъ уже лѣтъ.*

насъ своею баржою даже до квартиры отослалъ. Сего числа писано отъ мене письмо до ясневелможного подъ вчорашнею датою съ объявленіемъ о пріездѣ моемъ въ С. П. Бурхъ, чрезъ рейтара кіевскаго. За мите платя и на мило дано 13 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаского и подалъ письмо гетманское. Службы слушалъ въ церквѣ Ісаакія. Розышлося на розницу 12 к. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ея і. величество воспріять маршъ водою до Ладожскаго канала, и въ 3-мъ часу изволила прибыть въ Невскій монастырь, гдѣ палено на салве зъ пушекъ, и когда изволила ея і. величество всестъ въ судно Торнпкоть, на которомъ и імператорскій штандартъ былъ, при дворцѣ въ С.-П Бурхъ, то дважды зъ суденъ, такожъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости выпалено по одиножди зъ пушекъ, въ адмиралтействѣ зъ 77, а въ крѣпости зъ 77, а зъ суденъ дважды по 17 пушокъ, и того за двома разами выпалено въ обохъ крѣпостяхъ и зъ суденъ зъ 188 пушокъ. По полдни былъ въ нашей квартирѣ панъ Андрей Полуботокъ, которому и карти новіе подарилемъ. Розышлося сегодня 11 бутылокъ вина и поланкера, за которій дано 2 р. 25 к.

22. Ездили на Васи́левскій островъ къ Петру Васи́левичу, тобмо оного не застали въ домѣ. Сегожь числа по полдни былъ у насъ на квартирѣ камеръ люкай ея і. высочества Иванъ Федоровичъ Котляревскій и позабавилъся годинъ зъ 4.

23. Нигуда зъ квартиры не бывали ради великой чрезъ весь день непогоды. За направу туфлювъ дано 6 к.

24. Ея і. величество изволила возвратится зъ походу, не доехавъ ладожскаго канала за великою противною погодою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время пришествія въ С. П. Бурхъ также палено зъ пушекъ 188. Были у Петра Васи́левича на Васи́левскомъ острову. *Fungi ibidem relicti*¹²⁸⁾. На перевозъ 5 к. себѣ, за двѣ бутелки 4 к., на перевозъ Алексію 2 к. Алексію на его нужди 10 к. Вечеромъ були у отцевъ архимандритовъ іпатскаго и донскаго.

25. Писма писанные въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадскаго, до господина Пасека и до пана Юркевича подъ

¹²⁸⁾ Тамъ оставлены грибы.

вчерашною датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашего, до пана Андрея Миклашевского и до пана Скоруппы и до Стефана въ Перегонъ подь нинешнимъ числомъ, вручены въ коллегіи іностранной для отправки до Глухова на почтѣ. Сегожъ числа и виписку въ коллегіи читаль, учиненную по челобитю Корсакову ¹³⁹⁾ и по нашихъ спорныхъ челобитныхъ. Яхта імператорская пришла зъ походу и палено на приходъ зъ пушекъ. Сегожъ числа князю Шаховскому подалъ писма въ моемъ дѣлѣ, писанные отъ гетмана, генерала де-Вейзбаха и пана Скоропадского, такожъ и мое прошеніе зъ копією челобитной спорной противъ Корсака. На перевозъ пошло 10 к.

26. Былъ въ коллегіи и подалъ письмо, за мною отъ гетмана къ Василю Василювичу Степанову ¹⁴⁰⁾ тайному совѣтнику писанное. На перевозъ пошло 4 к. Купилъ двѣ бутылки фронтиніаку, дано 60 к., сира аглинского 18 фунтовъ, фунтъ по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и палено зъ пушекъ.

27. Былъ въ кварталѣ нашей Василь Федоровичъ Яворскій, камеръ юнкеръ ея высочества государыни царевни, е. і. зъ езовымъ сержантомъ, и обѣдали тутъ, а послѣ были мы у графа Сави Владиславича, который насъ своею верейкою отослалъ ажъ до квартери, дано гребцамъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сдѣланномъ.

28. Обѣдню слушали у церквѣ Троицкой, а по полдни ездили графскою шлюпкою на Василевскій островъ и были у Петра Василювича Курбатова, у Василя Василювича Степанова и у переводчика Бялошицеого. Розышлось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церквѣ было молебствіе о состоявшемся трактатѣ зъ Персією, да для тоей же оказии поставлены были полки 3 гвардіи и нѣсколко пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ палатъ, и перве палено зъ пушекъ на трехъ судахъ, на Невѣ стоячихъ, потомъ зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

¹³⁹⁾ Максима Михайловича Корсака.

¹⁴⁰⁾ Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и дѣлецъ своего времени. См. Архивъ Сената, Баранова, № № 1639, 2728 и друг.

да знову зъ пушокъ передъ дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ трижды. Tandem былъ банкетъ въ дворцѣ. Панъ Горленко ¹⁴¹⁾ былъ у ручки государини и у принцессы. Розышло 5 к. Тамъ же въ дворцѣ подалъ я листъ отъ ясневелможного графу Левенволду, оберъ гофъ-маршалу, и поручику Ергольскому отъ Богдана Ивановича Пасека. Подъ симъ числомъ помѣченъ листъ гетманскій рукою Петра Василевича Курбатова, въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, зъ удостоеніемъ мнѣ на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ подписанный.

30. Были въ домѣ государини царевни Екатерины Іоанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ былъ въ коллегіи, и зъ рейстратури вѣйшолъ листъ гетманскій по записцѣ. На перевозъ и проч. пошло 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновского полку Івана Ивановича Косогова на Василевскомъ острову, а одтоль былъ я у князя Алексія Ивановича въ домѣ и о своемъ дѣлѣ просилъ. Потомъ были зъ паномъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны, у духовника отца Костантія, и тутъ довго позабавились зъ компанією, въ которой была и фрелина ея высочества Марія Михайловна Нарішкина, господина генерала Семена Григоріевича Нарішкина родная племянница, да гофъ-юнкеръ Алексій Григоріевичъ Жеребцовъ, такожь сынъ одного отца духовника Алексій, которій на Украину отправляется; и тамъ позабавились ажъ до полуночи.

31. Дано Алексію на желѣзо и проч. потребное до споряженя коляски 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ея величество водою воспріяла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано были у графа Андрея Ивановича

¹⁴¹⁾ Андрей Андреевичъ Горленко, внукъ гетмана Апостола и братъ Іоасафа, епископа бѣлгородскаго, впоследствии полковникъ полтавскій съ 1744 года до 1774. См. о немъ Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и письма въ моемъ дѣлѣ отъ ясневелможного и отъ господина генерала графа фонъ-Вейсбаха вручилъ. Сегожь числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Послѣ полдня былъ въ кварталѣ нашей Петръ Васиіевичъ Курбатовъ, зъ которымъ и зъ другими довольно попили, и былъ я гораздо пьянъ.

2. Весь день пробивши въ домѣ, а въ вечеру былъ Новоторжцовъ и привезъ паничу кормовые денги 45 р. на іюнь мѣсяць.

3. Розышлося на розницу 15 к., въ томъ числѣ на лекарство козаку 10 к., цилюригу 2 к.

4. Были въ дворцѣ лѣтнемъ, где церкви во имя святаго Троицы было посвященіе; послѣ въ огородѣ гуляли и по службѣ были въ салѣ прихожей въ новопостроенныхъ будинкахъ, въ которой преизрядные видѣли шпалери и прочее зѣло велелѣпное уборство. Обѣдали въ домѣ и рано передъ службою были и у графа Головкина, которому я и письма, за мною отъ гетмана и отъ генерала де-Вейсбаха писанные въ моемъ дѣлѣ, вручилъ. Розышлося на разный расходъ 48 к.

5. За ключикъ до сигарка 18 к., за книжечку латинского и нѣмецкого букваря 35 к., на гвоздики до чоботъ нѣмецкихъ 2 к. Одправлены письма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясневелможному, зъ включеніемъ и письма отъ государини цесаревны и отъ генерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадскаго, подъ датою іюня 1; до жены подъ датою іюня 3, зъ включеніемъ и одъ полковничого сына письма; до пана тестя подъ нинешнимъ числомъ, да объ отправленіи оныхъ писемъ писалъ въ Москву къ подканцеляристу іностранныхъ дѣлъ коллегіи Уриілу Ларіоновичу Иванову. Былъ сегожь числа у Новоторжцова и Леонтіева, послѣ и у господина Бялошицкаго—переводчика, а одтоль идучи на перевозъ, повредилъ себѣ ногу, отчего занемогъ на ногу не помалу. На перевозъ пошло 11 к.

6. За болѣзнію ножною никуда зъ избы не выходилъ. Поддачему Федору Афанасіевичу Инихову данъ 1 р. и барилко воды. Розышлося на розницу 23 к. *Nac die abductus in fortalitium Petrus Mirovitz sub aresto in secretam cancellariam* ¹⁴²⁾ Писано письмо до его

¹⁴²⁾ » Сегодня отведенъ въ крѣпость Петръ Мировичъ подъ арестомъ въ тайную канцелярію «. Ср. Зап. Марковича I, 391. Мы не знаемъ, въ какомъ родствѣ

м. пана Скоропадского о Алексіѣ Константинову Яблонскомъ, муншенку.

7. Послалъ канцеляристу Леонтеву цигу (губарь, волчокъ) и бутель вина красного, и сей день пробавиль въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Былъ въ коллегіи и писалъ письмо къ Уріилу въ Москву, чтобъ отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ солдатамъ, отсея одправленнымъ, которіе зъ Петромъ Мирвичемъ пріездили, одинъ преображенского полку Никита Шипиловъ, другій гварнізону глуховского. Обѣдалъ и въ лазнѣ (банѣ) мылся у отца Малиновского, которій и отправиль мене на квартиру каретою. Пѣвчому малому государини цесаревны Івашкѣ Павлову данъ 1 р. и хустка едwabная (шелковая). Былъ у насъ же и бандористъ слѣпій Григорій Михайловъ ¹¹⁸). За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе коляски 30 к., за переправку червонныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на цитваровое насѣне 5 к. Вчера написанное письмо до Уріила вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сегожъ числа писалъ писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского и до секретаря сенатского Івана Івановича Топілского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Шираю и до жены—тамъ же поклонъ выразиль п. п. Миклашевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ шваграмъ и пану Скоруппѣ, и отослалъ оныя къ тимъ же солдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посолъ китайскій, которій зъ свитою своею ездилъ до Пітергофа и до Кронштату, возвратился оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаврами играли, и для проходу оной яхты

былъ Петръ Мирвичъ съ переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мирвичемъ (1696—1706), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Вина Петра Мирвичя, за которую онъ сосланъ былъ въ Сибирь (см. ниже 16 июля), остается неизвѣстною. Преосвященный Филаретъ Гумилевскій догадывается, что онъ былъ одною изъ жертвъ «Бирона».

¹¹⁸) Григорій Михайловичъ Любистокъ бандуристъ—слѣпецъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ слѣдующемъ году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники (Марк. II, 182, 191). Въ 1749 г.

мость на Невѣ розвоженъ. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даны 5 к. По полдни ездилъ шлюбною графскою на островъ его жъ графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 5. Цилюрику 4 к.

11. Получилъ письмо отъ ясновельможного первое по отъездѣ зъ Глухова. Пришла вѣдомость отъ пана Юркевича зъ Глухова, что жена пана Федора Ширая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященного новгородского на Карповцѣ и тутъ изъ самымъ преосвященнымъ ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-жъ преосвященство приказалъ всѣхъ насъ отвезть своею баржою.

12. Писалъ письма до ясновельможного и до п. Скоропадского да до п. Юркевича подъ вчорашнею, а до п. тестя и жены и до судебного писаря Стефана Косача подъ нынешнею датою, зъ вираженіемъ поклону п. п. Гамалиямъ и п. п. Корецкимъ, которіе одправлены на почтѣ. За хлѣбъ французскій 8 к., на перевозъ и за пиво 20 к., за мите плата 10 к., за поланьерка бѣлаго вина 2 р. 50 к., за бутелку мушкетелю 30 к., за фунтъ чаю 1 р. 50 к.

13. Принеслъ салдаты глуховскаго гварнезону письма въ пакетахъ одъ п. Юркевича, въ которихъ изъ дому были письма; тому салдату дано 10 к. Сего-жъ числа ездилъ въ невскій монастырь, где по вѣдому службы Божой позваны въ келію архимандричюю и тутъ по полднѣ въ 3-мъ часу перве кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, таже въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбною графскою. Были-же въ той компаніи преосвященные архіепископи крутицкій и нижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александроневскій и другіе зъ мирскихъ и духовныхъ знатные, которыхъ всѣхъ трагтовалъ ради отъезду своего въ свою-жъ епархію до Казани преосвященный архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Былъ у его сіятелства князя Алексія Ивановича Шаховскаго и докладовалъ о письмахъ присланныхъ зъ Стародуба стороны

Любистокъ купилъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича († 1714) дѣдовскія ихъ имѣнія, село Хорошки и д. Пулинцы и отцовскія—село Ходолѣвку и степь Строкачи (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуица¹⁴⁴⁾, потомъ былъ въ коллегіи да у отца Іосифа Федоровича, священника воскресенскаго, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ послать письмо къ брату его пану Ходорацкому въ Погарь. На перевозъ и проч. пошло 9 к., за ленточки нитчаныя 4 к., извозчику за отвезене до кузнеца коляски 4 к., на нитки 1 к.

15. Писалъ письма до п. тестя въ Ригу и вручилъ для отсылки графу Мойсею Ивановичу, да до жены и до Стефана Косача, писара суду полков. старод. и посланы оныя до п. Юревича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розышло 9 к. По полдни были у Петра Василювича, а послѣ у архимандрита іпацкаго отца Малиновскаго зъ паничемъ, а ездили графскою шлюпкою.

16. Писалъ до ясневелможнаго стороны дѣль, что не могутъ быть рѣшены вскорѣ за немощію графскою, и о газетахъ французскихъ, да до судіи и писара енеральныхъ¹⁴⁵⁾ стороны дворовъ ихъ, и отданы тіе письма отъ коллегіи індстранныхъ дѣль для отсылки. По полдни въ 4-мъ часу спущенъ въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, названный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску онога изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству пріехать изволила, то во всѣхъ тихъ мѣстахъ изъ пушекъ палено. За оковане коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ той-же коляски 6 к. На перевозъ и на проч. розышло 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Меншикова, а послѣ были у Петра Василювича.

17. За подролене до коляски дронговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22¹⁾ к. Въ вечеру былъ у сына полковника нашего корабельнаго подмастера Івана Александровича Дурова, котораго жена Катерина Андріевна зъ Кошеліовыхъ была болна и причащалась; а рано и въ 9-мъ часу по полудни былъ у князя Шаховскаго, который сего-жъ дня ездилъ въ невскій монастырь и уже позно возвратился.

18. По вислуханю обѣднѣ въ церкви Троецкой, где служилъ архіерей вологодскій, преосвященный Афанасій, былъ въ крѣпости

¹⁴⁴⁾ Село Волуецъ стародубскаго уѣзда.

¹⁴⁵⁾ Судья—Михаилъ Забѣла, а писарь—Турковскій.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь одтолѣ засталъ въ своей квартирѣ Василя Маркелова Леонтева канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабавился. За редку, бѣлий хлѣбъ и на медь 20 к.

19. Писаны писма въ Москву къ швагру Ивану Гамаліи подѣ вчерашнимъ, и до Уріяла Ларіоновича Иванова подканцеляриста іностр. коллегіи подѣ нынешнимъ числомъ и отправлены на почтѣ. Сего-жѣ дня зрапа былъ въ квартирѣ нашей отецъ Адамъ зѣ лекаремъ домовымъ преосвященнаго новгородскаго, а по обѣдѣ былъ камеръ люкай Иванъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ въ Москву. Розышлося на перевозъ, хлѣбъ бѣлий и пр. 16^{1/2} к. Рано былъ я у преосвященнаго новгородскаго за своимъ дѣломъ, токмо ничего не получилъ.

20. Былъ въ коллегіи рано, а послѣ обѣда ездилъ къ Новоторжцову и Леонтеву, да не получилъ Новоторжцова, а отъ нихъ заехалъ къ Инихову и одтолѣ пришовши, ночью захоровалъ жестоко на горячку. Розышлося на розницу 24 к.

21. Весь день былъ боленъ и послѣ обѣда принималъ прошокъ лубенскій *contra lumbricos* (противъ глистовъ). За хлѣбъ французскій 7 к.

22. Принималъ прошокъ одинъ, данный отъ лекаря дому преосвященнаго новгородскаго, послѣ котораго вышло глисти болше двохъ аршинъ; потомъ обѣдалъ зѣ сняткою и спинкою борщъ, отъ чего мнѣ повредило горше. Розышлося на розницу 26 к.

23. По полдни жестокій былъ пароксизмъ, зперва зимно, а послѣ горячей фебри, и тривалъ (продолжался) болше десяти часовъ неотпустно, бо окончался ажъ въ 7-мъ часу по полночи на завтрее.

24. Лекаръ дому преосвященнаго новгородскаго давалъ прескрипцію, по которой посылалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, якое и куплено за 50 к., и употреблялъ отъ жару. Розышлося на розницу 16 к.

25. Зѣ полночи въ 11-мъ часу пунцалъ мнѣ кровь зѣ правой руки тотъ-же лекаръ и выпустилъ на двѣ талѣрки, якая жестоко была худая. Посѣщалъ мене Иниховъ зѣ женою. Армашенку послана флашка водки. На хлѣбъ бѣлий 8 к.

26. Присланъ листь отъ преосвященнаго новгородскаго до графа Головкина, за мною въ моемъ-же дѣлѣ писанный. По обѣдѣ бывшему у мене помянутому лекарю архіерейскому дадемъ за труды 1 червонный золотій. Розышлося 4 к.

27. Посѣщали мене перве Новоторжцовъ и Леонтиевъ, которому вчора дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранной коллегіи Петръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ бѣлий и за два лимона и проч. 8^{1/2} к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, и въ дворцѣ были всѣ кавалеры святаго апостола Андрея Первозваннаго въ своемъ церемоніалномъ одѣяніи, которіи шли до церкви и зъ церкви по пари, а именно графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ зъ графомъ оберъ гофъ-маршаломъ Левенвольдомъ, графъ фонъ-Биронъ оберъ-камергеръ зъ генераломъ фелдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, князь Черкаскаго зъ посломъ цесарскимъ графомъ Вратиславомъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ зъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, за ними одинъ ишолъ государственный великій канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, а потомъ ея императорское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ бѣлыми серебряными и несребренными матеріями. Колифры (воротники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колифры на цѣпяхъ (то есть ланцугахъ) золотыхъ у всякаго висѣла на шиі кавалерія; шляпы зъ плюмажами бѣлыми. Бачмаки бархатные черные. Плате: кафтанъ золотій, камзолъ срѣбренный, штаны золотіе парчевые. По обѣдни кушать изволила государыня публично въ салѣ за однимъ столомъ зъ теми-жъ кавалерами, которіе у столу сидѣли въ шляпахъ и развѣ тогда толко поднимали шляпы, егда государыня пить изволила. До столу играла музыка зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ, у другого стола кушала государыня принцесса зъ дамами и кавалерами, у третяго генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе персоны. Послѣ обѣда приведенъ въ дворецъ посолъ витайскій съ своею свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ пушекъ довольно въ крѣпости и на судахъ, передъ дворцомъ на Невѣ стоящихъ.

30. Далъ п. Косачу для переписки челобитную и универсалы. Вчора имениннику Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Были у его сіятелства господина вице-канцлера графа Остермана, потомъ я былъ въ коллегіи и видѣлъ виписку на бѣло переписуючюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутылку меду 4 к. Былъ у мене Федоръ Інеховъ зъ тестемъ своимъ Иваномъ Ивановымъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Василіевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, которій велѣлъ переждать сей тиждень, для того что пословъ имѣють отправляти. Сего-жъ числа подалъ челобитную въ коллегіи о мельницахъ до Перегона надлежавшихъ, что на рѣчцѣ Ворѣ, которыми нынѣ Корсакъ владѣеть. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-нѣмецкую, дано 2 р. 27 к. зъ переплютомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ письмо Алексію Требенскому для одсылки въ Ригу на почтѣ до пана тестя въ писмалъ одъ графа Савы Владиславича, а оное письмо написано подъ датою сего іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у насъ ученикъ и переводчикъ академическій Василій Евдокимовичъ Адауровъ, очень изрядный молодець. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Інехова и у Егора Тимофіевича поддачихъ ін. коллегіи и женѣ Інеховой, ради именинъ ея, данъ 1 р.

6. На яхтѣ, одъ его сіятелства графа Головкина данной, поехали до Кронъштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронъштатъ въ 7-мъ часу по полудни. Передъ вѣздомъ дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ командоръ Ісаакъ Андріевичъ Брантъ прислалъ своего адютанта Іллина зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали перве въ военную гавань, и тутъ были у капитана караульного Бориса Козмича Лебедникова, а одтоль попроводилъ насъ, и третую взявши шлюпку, капитанъ-лейтенантъ Александръ Артеміевичъ Возницынъ, которій былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Ангуть въ 96 пушокъ, потомъ въ Кронштатъ, и на корабль Петръ Первый и Второй въ 110 пушокъ, которій

стоялъ на якоряхъ между Кронштадомъ и купеческою гаваню, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на корабль все, что видѣть было и знать надобно, показывано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государевыхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ линіи зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показывано.

8. Были рано въ мельницѣ, которою зъ канала, якій каменемъ выкладывается, вѣтромъ витягаютъ воду. Дано за 3 хрустальныхъ стаканы 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ вѣхали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до вѣйствія (выхода) способной погоды не было, теди вышепомянутый капитанъ-коммандоръ господинъ Брантъ прислалъ свою десяти-веселную шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ и далеко на море буксировала. Послѣ, одпустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Аранибомъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церквѣ были и по огороду ходили; тутъ огородникъ поднесъ паничу полумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полудни поехали зъ Аранибома и прибыли до Питергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменныхъ палатахъ болшихъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣтажъ, где столъ на гирахъ и талѣрки подіймаются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, названные Момплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спальняхъ государевыхъ были и все преславное уборство видѣли, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородникъ поднесъ намъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять въ гроту большому и тутъ показывано намъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, толко на болшіе фонтаны воды не пуцано за оскудѣніемъ оной. Сего числа одехалъ князь Шаховскій въ Ригу. По полдни въ 3 часу вѣхали зъ Питергофа и не доехавши до Невы, за противною погодою, стали въ морѣ на якорѣ и тутъ ночовали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ внесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

бовое мѣсто, чего ради поехалъ графскій человѣкъ Иванъ Семеновичъ, которій зъ нами и въ Кронштатѣ и въ другихъ былъ вышепомянутыхъ мѣстахъ, до Питербурха и за объявленіемъ о томъ его графскому сіятелству, приприводилъ къ намъ до яхти шлюбку графскую и на другомъ шерботѣ люди для провоженія яхти, но понеже за противною погодою яхти вести было ни завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, оставивши оную въ томъ-же мѣстѣ, на узмору, сами поехали на шлюбцѣ до С.-Питербурха и прибыли въ квартиру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартирѣ засталъ я письмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ присланное зъ дому графа Савы Владиславича, одъ которого (сказивано) дважды зовучи на обѣдъ присилано въ субботу и въ недѣлю, тако-жъ карту засталъ одъ Василя Леонтіева, въ которой просилъ кушать къ себѣ на прошлую недѣлю.

11. Писаны и посланы писма чрезъ райтара кіевскаго Андрея Мейковскаго до ясновельможнаго, до п. Скоропадскаго и до п. Юркевича и до жены. За рѣкою былъ у п. Полуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мило до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Максимовича, сержанта семеновскаго полку гренадерской роты, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и. величества отправлена въ сенатъ для слѣдствія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобранныхъ и владѣмыхъ разными персонами ¹⁴⁶).—Розышлося на перевозъ 15 к., на бѣлій хлѣбъ 9 к. Данъ парикъ чорный п. Іосифу Грифскому и емужъ два галстухи и чоботи новіе нѣмецкіе, и отъ него взялъ платокъ пестрій едвабный.

13. Писаны писма въ Глуховъ до пана Скоропадскаго, въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевскаго, до пана обозно-

¹⁴⁶) Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ—сынъ генеральнаго есаула, который за измѣну (1708 г.) сосланъ былъ въ Архангельскъ. Старшіе его два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены были въ гвардейскіе полки, Федоръ—въ семеновскій, а Иванъ—въ измайловскій. Послѣдній былъ убитъ въ турецкую войну при Аннѣ Ивановнѣ, а Федоръ въ 1741 г. назначень > за раны < стародубскимъ полковникомъ; въ этомъ рангѣ онъ и умеръ въ 1756 году.

го полкового Есимонтовскаго¹⁴⁸⁾, до п. Григорія Гамалии, до писара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонь, которые одправлены на почтѣ зъ иностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полудни посель китайскій зъ свитою своею былъ у его сіятельства графа Головина государственного канцлера и при одобранию грамоты въ богдыхану своему пожегналь (простился) его сіятельства.— По полдни въ 2-мъ часу кушали у насъ транслятори иностранной коллегіи господа Яковъ Стефановичъ Сенявинъ и Александръ Михайловичъ Болошицкій, и у мене на горѣ были. Коло вечерень былъ я у пѣвчихъ государини цесаревны и у духовника отца Констанція, одъ которого возвратился въ 8 часу по полудни. Пошло на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ пакетѣ, которій прислалъ черезъ своего денщика его сіятельство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гваріѣзону глуховскаго, сего числа приехавшій одтоль. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за полфунта тебу 65 к.

15. Рано ходилъ до его сіятельства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора писанное до пана тестя, для пересылки въ Рягу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу пополудни изволила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причины покойный государь Петръ I началъ заводить флотъ россійскій, и когда оный ботикъ зъ крѣпости припроваженъ былъ къ дворцу, то на судахъ, противъ дворца стоячихъ, спущены флаки и палено зъ пушекъ, отдаючи ему честь, яко автору флота россійскаго. Послѣ знову оный ботикъ отпровадилъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посель китайскій віехалъ изъ С. П. Бурха. За поланкера меду дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, послѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ професоръ математическихъ наукъ и календариста и секретарь абадеміи господинъ Георгій Крафтъ да Василій Евдокимовичъ Адодуровъ ученикъ академическій и забавились до 7-го часа пополудни.—Пополудни въ 2-мъ часу изволила ея і. величество отехать

¹⁴⁷⁾ Афанасій Ивановичъ Есимонтовскій сынъ мглинскаго сотника и самъ тамошній-же сотникъ, потомъ обозный полковой. Былъ жепать на дочери стародубскаго полковника Федора Молчана, убитаго подъ Чигирножь при Самойловцѣ.

изъ С. П. Бурха до Питергофа и при вїездѣ ея величества такъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣпости и въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано прислалъ салдата зъ крѣпости Петро Міровичъ, объявляючи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому посланъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

17. Писаны писма до п. Юркевича, до сотника воронежского п. Холодовича и до жены въ пакетѣ на імя писара судового Косача подписанномъ. Розышлося на перевозъ 17 к.

18. Сего числа помѣчены рукою Петра Василювича Курбатова челобитная моя о мельницахъ, что на Ворѣ Корсакъ владѣеть, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Леонтіеву. На перевозъ и за напругу чоботъ 8 к.

19. Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишніювки, 1 водки, послѣ—у Егора Тимофіева, рейстратуру держащого. Розышлося 8 к.

20. Вручилъ рано письмо отъ преосвященнаго новгородского ево сіателству графу Головкину інстанціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его жъ сіателства просилъ.—Панъ Андрей Полуботокъ былъ у насъ.—Были зъ панычемъ у графа Савы Владиславича, токмо оного не застали; такожь были и у постъ-дїректора Аша за газетами французскими.

21. Писаны писма подъ датою 17 сегожь мѣсяца, до ясневельможного противъ полученного писма и до п. Скоропадского и купно зъ протчими одправлены чрезъ рейтара кїевского Семена Лисицина, зъ комиссіи іностранной въ Царградъ отправленного. Пошло на перевозъ 11¹/₂ к. Одъ полковниченка нашего принесено письмо къ отцу писанное. Даны пану Никитѣ Косачу жолтые чоботы.

22. Ихъ высочества государини цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гофъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявшій на караулѣ семеновского полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Іванъ Івановичъ Косоговъ принималъ у себе и по огородахъ зъ нимъ же ходили. Выписку моего дѣла взялъ къ себѣ Петръ Василювичъ Курбатовъ. Въ кварталѣ нашей безъ насъ былъ Василій В. Степановъ, тайный совѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожъ домовою церквѣ службы Божой слушали. Послѣ обѣдни былъ у мене пѣвчихъ господарини цесаревны реентъ Иванъ Петровичъ зъ другими двумя, потомъ былъ у мене копистъ Инеховъ, которому за выписку еще данъ 1 р.

24. Рано былъ у Петра Василевича, tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Адодурова. По обѣдѣ посѣщаль насъ на квартирѣ его преподобіе отецъ Платонъ Малиновскій, архимандритъ іпатскій, зъ отцемъ Евникіаномъ. На заплату за мите кошуль (рубахъ) и прочого 11 к., на бѣлій хлѣбъ 2 к.—Никита Косачъ началъ сего числа учиться въ академіи наукъ, котораго учить декляровано математики, логики и французского языка.

25. За вѣдомости дано 4 к. По обѣдѣ былъ въ квартирѣ нашей тотъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и зъ нимъ поехали мы въ его домъ, где былъ въ лазнѣ (банѣ), потомъ приѣхавши до квартиры на егожъ архимандрита колясѣ, застали тутъ принесенные писма зъ Глухова, которые принеслъ отъ Петра Вас. Курбатова человекъ его. Розыплось на розницу 6 к.

26. Рано были у Петра Василевича, но не заставши его въ домѣ, жодили до графа Остермана и одель зъ нимъ пришли въ коллегію, где вручилъ я емужъ подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералное, 3) о мирномъ трактатѣ, 4) о нѣкоторомъ колоднику. Позычилъ отцу архимандриту Платону Малиновскому книжки *de officiis hominis*, а у его вчора взялъ для прочитаня *Sulpitii Severi hystoriam sacram*. Пану Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ объявленіемъ, что присланъ до ея і. величества листъ отвѣтный отъ ясневелможного о великорослыхъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственною рукою чрезъ капитана пруского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ числомъ, да до Стародуба подъ нынешнимъ до полковника нашего, до п. матки, до жены, до п. Скорупи, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонѣ. Были рано у графа Остермана, толко оного не

застали въ дому, отехалъ на свой островъ для отдохивку.—Куплена книжка латинская Cornelius Nepos, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и отдалъ листъ писанный до ея і. величества отъ ясновельможного стороны великоросльхъ людей, за которыми прускій капитанъ посланъ, тогожь графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Купилъ книжку названную de poenis haereticorum cum Stephano Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховского гварнезону Герасиму Логвинову вручены вышевамѣченные писма и емужь на дорогу даны 10 к.—Пополдни въ 5-мъ часу были у профессора Крааа и у него до пол. 8-го часа забавились разными дискурсами о математическихъ и прочіихъ сціенціяхъ.

29. Дано Николаю козаку на его потребности 12., на перевозъ пошло 3 к. Знову былъ въ домѣ графа Остермана и тутъ просилъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдню слушали. По обѣдни былъ въ квартири нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ на водѣѣ.

31. Принималъ прошокъ ad expellendos lumbricos, данный отъ лекаря преосвященного новгородского. Писма, которые были отданы салдату глуховского гварнізону, отобравши у оногo, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллегіи иностранной для пересылки одголь до Глухова.

Августъ.

1. Отъ троецкой церкви на Неву до пристани, по отправленной службѣ Божой, была процессія и водосвятіе на здѣланномъ тутъ при пристанѣ на суднѣ для священія воды мѣстѣ, а служилъ и освящалъ воду преосвященный архіепископъ сарской и подонскій Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовского Колеты¹⁴⁹), іпатского Малиновского и другихъ.

2. Получилъ писмо зъ Риги отъ пана тестя. Розышлоь на перевозъ и пр. 24 к.

¹⁴⁹) Ливерій Колетій, греческій священникъ, былъ воспитателемъ дѣтей князя Кантемира. О немъ см. примѣчаніе преосв. Филарета Гумилевскаго въ напечатанномъ отрывкѣ Дневника, Черниг. Епарх. Изв. 1865 года; также въ книгѣ г. Чиствича *Феофанъ Прокоповичъ*.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получеііе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполучеііе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже получеііа или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о переиѣтѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За переиѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при переиѣтѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, объявляются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особнхъ помарокъ, и неизмѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеііямъ и исправлеііямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Вышелъ № 5 >Извѣстій Слб. славянскаго благотворительнаго Общества <. Въ немъ, кромѣ извѣстій о дѣйствіяхъ этого и другихъ славянскихъ обществъ, помѣщены: 1) Нѣсколько словъ на тему >о національномъ самоотречеііи <, проф. М. Н. Бережкова, 2) Голосъ чеха въ отвѣтъ на рѣчь проф. Ламанскаго о западно-славянскихъ вопросахъ, И. Шумавана, съ примѣчаніемъ отъ редакціи, 3) Заиѣчанія на ст. г. Шумавана и 4) О музыкѣ славянскихъ пѣсень Д. И. Никольскаю; кромѣ того слѣд. библиографическія извѣстія: а) Чешскій Славянскій Сборникъ, И. А. Кулаковскаю, б) Miklosich und die magyazische Sprachwissenschaft, von Dr. I. Wagner, Ѳ. М. Истомина, с) Чешская книга о романтической поэзіи, Ю. С. Анненкова и д) Новое нѣмецкое изслѣдованіе о Гусѣ и Веклефѣ, Лозерта; рец. В. А. Кракау.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи; преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, но той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особія приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и на четвертямъ.

Редакторъ-издатель В. Г. Лебединцевъ.

училища.

Отдѣль 6

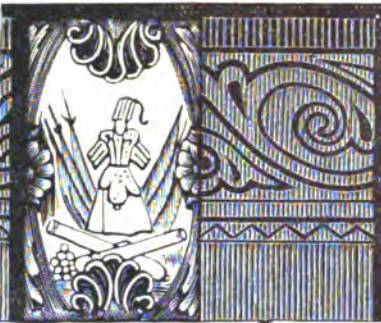
ОЛОНОВИЧУ

Званіє 190

Томъ 9/9

о л в н о в о л

НЕ N
ВЛІО
ASTO
TE DEN

ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

І Ю Л Ъ.
1884 г.

Кієвъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1884 г.

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛИИ. (<i>Продолженіе</i>). К. М	359
II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Окончаніе</i>). Д. И. Эварницкаго	392
III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПИОНА. (1804—18024 г)	423
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КAVKAZЪ. И. С—р—а	467
V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРИЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. (<i>Продолженіе</i>)	485
VI. БИЕЛОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печеньги, торки и половцы до нашествия татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—В. А.—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Комисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. 11. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—О. Л.—в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г.—А. К.—г) Андриевскій Ал.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—Ц. Н.	505
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Неймана.—б) Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира и правила поступленія въ оный.—Графа Милорадовича.—в) Еще о Боровниковскожь.—В. Горленка.—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. Ал. Лашкевичъ.—д) Изъ временъ нашествия шведовъ на Россію.—А. Катрухина.—е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. П. Л—въ.—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. А. Маркевичъ.—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. А. Маркевичъ.—і) Къ портрету Анны Ярославны	525
VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

4/13/77
Y2 AUG 83

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ, ТРЕТІЙ.

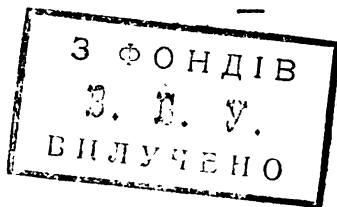
ТОМЪ ІХ.

І Ю Л Ъ .

1884 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицнаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 27-го іюня 1884 года.

11. 27 FEB 1984 10:30

АННА ЯРОСЛАВНА

Королева французская родилась в 1701
стала царицей России в 1740.

Gravé par G. B. de ...

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІА.

(Продолженіе).

IV.

Жванецъ.—Дорога изъ Каменца.—Должовъ.—Гавриловцы.—Възды въ Жванецъ.—Армянскій костель и кладбище.—Ограда и валы.—Рынокъ положеніе мѣстечка.—Пристань.—Видъ съ пристани.—Оконы и галицкая граница.—Атланъ.—Хотиня и Брага.—Исторія Жванца и его замка.

Самой живописной частью Подністровья, по крайней мѣрѣ въ русскихъ предѣлахъ, считаются берега Днѣстра отъ Жванца до Ямполья; мѣстность эту называютъ Подольскою Швейцаріею. Отсюда Днѣстръ теряетъ уже характеръ горной рѣки, берега его значительно понижаются и онъ принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ, отъ которыхъ отличается только быстротою теченія.

Мы рѣшили осмотрѣть берега Днѣстра отъ Жванца до пороговъ и наняли въ Каменцѣ еврейскаго балагулу съ бричкой, который доставилъ насъ въ Жванецъ часа черезъ три. Ничего не можетъ быть ужаснѣе и утомительнѣе ѣзды на еврейской подводѣ: бричка, разумѣется, всегда разѣзженная, тряская, неподмазанная, но хуже всего то, что балагула, вѣроятно изъ хозяйственныхъ соображеній, приучаетъ лошадей къ особому аллюру, какимъ отличаются только еврейскіе извозчики. Лошади идутъ мелкой рысью, которая еще болѣе усиливаетъ тряску стараго экипажа и совершенно разстраиваетъ непривычнаго къ такой ѣздѣ. Мнѣ кажется, что цѣлыя сутки ѣзды даже бессарабскою почтою, гдѣ ямщикъ несется какъ бѣшеный, не обращая вниманія на горы, овраги и другія препятствія, гдѣ путникъ поминутно рискуетъ вылетѣть изъ повозки и сломать себѣ шею, меньше растрясутъ человѣка, чѣмъ два часа ѣзды на еврейской подводѣ. Поэтому оба мы чрезвычайно обрадо-

¹⁾ См. »Кіевская Старина«, 1884 г., майск. кв., стр. 1—32.

вались, когда показалось вдали мѣстечко, бывшее цѣлью нашей поѣздки.

Мѣстечко Жванецъ расположено въ 18 верстахъ на югозападъ отъ Каменца; къ нему ведетъ почтовая дорога, проходящая изъ Каменца въ Хотинъ. Отправляясь сюда изъ Каменца, всякій живущій въ центрѣ города проѣзжаетъ черезъ турецкій мостъ, минуетъ старинную польскую крѣпость, въ которой уцѣлѣли три башни и колодець, построенные турками, обращенную теперь въ казармы для арестантскихъ ротъ и примыкающіе къ ней земляные валы и бастіоны николаевского времени, выложенные камнемъ и сверху покрытые дерномъ. Далѣе дорога проходитъ черезъ Подзамче,—западное предмѣстье Каменца, расположенное на возвышенной равнинѣ. Это русское предмѣстье, состоящее изъ широкой улицы, не вымощенной, не смотря на чрезвычайное обиліе камня, такъ какъ весь городъ построенъ на скалѣ; по обѣимъ сторонамъ улицы рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ весьма однообразной архитектуры, окруженныхъ цвѣтниками и огромными фруктовыми садами; изъ нихъ нѣкоторые обнесены каменными или деревянными заборами, другіе плетнями и живою изгородью, иные просто окошаны банавкой, вообще предмѣстье имѣетъ очень патриархальный видъ. Къ концу Ползамча равнина, на которой оно расположено, а вмѣстѣ съ ней и дорога спускается въ довольно глубокую балку, наполняющуюся иногда водою, на что указываетъ небольшой мостикъ, расположенный по срединѣ. За мостомъ, на другомъ склонѣ балки начинается село Должокъ, утопающее въ садахъ, особенно изобилующихъ сливами и черешнями. Крестьянскія хаты, очень чистенькія и нарядныя, скорѣе напоминающія мѣщанскія жилища, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя своимъ внѣшнимъ видомъ объ извѣстной степени зажиточности населенія. Во время польско-турецкихъ войнъ XVII вѣка въ Должкѣ находилась таможня и здѣсь должны были проживать какъ польскіе, такъ и турецкіе послы, являвшіеся съ порученіями къ каменецкимъ властямъ. Въ то время иностраннымъ посламъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Каменецъ, чтобы лишить ихъ возможности осматривать укрѣпленія этого города. Въ эюстраціи г. Каменца 1665 г. значится: *с. Должокъ обязывается нынѣ, какъ и прежде, пословъ, идущихъ къ намъ изъ Орды и нашихъ въ Орду содержать на

своемъ продовольствіи и давать имъ подводы. Въ этомъ селѣ имѣется три дворянскихъ дома для пословъ и два козака для рассылки бумагъ. Если не ошибаюсь, въ Должкѣ существуетъ волостное двухклассное училище; помните, что мы видѣли такую вывѣску, проѣзжая черезъ село.

Непосредственно за Должкомъ тянется вдоль почтовой дороги другое село Жабинцы, составляющее какъ-бы продолженіе перваго. По внѣшнему виду Жабинцы ничѣмъ не отличаются отъ Должка; тѣже чистенькія хаты »на двѣ половины«, съ большими, прямыми окнами¹⁾, окруженныя хорошими и довольно обширными хозяйственными постройками, и все это окаймляется большими фруктовыми садами и огородами. Только село это меньше предъидущаго и не имѣетъ церкви. Оба села расположены на взгорьѣ и дорога, начиная отъ Должка, постепенно подымается вверхъ на весьма значительную плоскую возвышенность, поросшую лѣсомъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на окрестности. Оборачиваетесь назадъ и передъ вами, на скалистомъ островѣ, окруженномъ вѣнцомъ высокихъ горъ, обрисовывается весь Каменецъ съ его мостами, старинными башнями и остатками старинной стѣны, идущей въ нѣсколько рядовъ по уступамъ острова, со множествомъ церквей, которыхъ кресты и куполы горятъ на солнцѣ. На вершинѣ главнаго католическаго собора, обращеннаго въ мечеть, во время турецкаго господства въ Каменцѣ, очень рельефно обрисовывается бронзовая статуя Богородицы, съ сіяніемъ изъ звѣздъ, стоящая на полумѣсяцѣ; эту статую поставили католики послѣ возвращенія Подолья польскому правительству. Вокругъ города блестящей змѣей вьется Смотричъ между высокими, скалистыми берегами, представляющими самыя причудливыя очертанія: въ иныхъ мѣстахъ скалы отвѣсны, какъ стѣна, въ другихъ они нависли надъ берегомъ и подъ этими навѣсами, прилѣпившись къ скалѣ прямо надъ рѣчкой, гнѣздятся

¹⁾ Въ подольскихъ селахъ очень рѣдко попадаются хаты »на одну половину«, такъ часто встрѣчающіяся въ молдавскихъ селахъ и хуторахъ, гдѣ подобная хата едва освѣщается однимъ-двумя маленькими подслѣповатыми окошечками изъ одного куска стекла, за частую криво вмазаннаго. Какъ наружность хатъ, такъ и большее количество всякихъ хлѣбовъ, повитокъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ указываютъ на значительную зажиточность подольскаго населенія, сравнительно съ нашими.

маленькіе, легкіе домики каменецкихъ мѣщанъ. Влѣво отъ дороги, на краю горизонта вы видите высокую гряду бѣловатыхъ известковыхъ скалъ, очень живописно перемѣшанныхъ съ группами зелени, у подножія которыхъ извивается таже рѣчка. Ближе къ дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся обширныя пустыя лѣса, окруженныя рвомъ и валомъ. Въ лѣсу и вдоль дороги встрѣчаются довольно часто курганы, понынѣ еще не изслѣдованныя археологами. Дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена старыми дуплистыми деревьями, между которыми очень часто попадаются огромной величины черешни. Въ одномъ мѣстѣ почтовая дорога перерѣзываетъ длинную аллею изъ тополей, которая идетъ въ право и въ лѣво, на сколько глазъ захватить; это путь въ усадьбу мѣстнаго помѣщика, пролегающій по его владѣніямъ. Затѣмъ дорога начинаетъ спускаться въ долину, которая постепенно понижается въ направленіи къ Днѣстру; здѣсь уже лѣсъ перемежается съ хлѣбными полями и нивами, придающими большее разнообразіе пейзажу. Въ старину эта мѣстность называлась »жванецкими гаями«.

Трудно передать то нетерпѣніе, какое овладѣваетъ путникомъ, никогда не видѣвшимъ Днѣстра и много слышавшимъ о красотахъ этой рѣки, когда наконецъ вдали показывается темною полоскою надднѣстрянскія горы, слегка покрытыя туманомъ. Вправо отъ дороги показывается большое село Гавриловцы съ прекрасной каменной церковью. При въѣздѣ въ село стоитъ красивый каменный памятникъ съ крестомъ и длинною надписью. Зная, что мѣстность эта, бывшая театромъ многочисленныхъ войнъ, изобилуетъ историческими воспоминаніями, мы тотчасъ останавливаемся и читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ крестъ поставленъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ мѣстнымъ крестьяниномъ и его женою изъ благочестивыхъ цѣлей. Отсюда путникъ уже различаетъ расположенный на высокомъ луговомъ берегу Днѣстра городъ Хотинъ. Мало по малу на склонѣ горы ниже города замѣчается какая-то огромная сѣрая масса, которая съ каждой минутой увеличивается и становится лѣнѣе; наконецъ передъ вами во всемъ своемъ грозномъ величій встаетъ старая хотинская крѣпость, производящая на зрителя подаглагоющее впечатлѣніе своей громадностью. Почти въ то же время замѣчаются вправо отъ дороги остатки жванецкаго замка, но они совершенно ступшеваются передъ хотинскою крѣ-

постью по своей ничтожности. Видъ этой крѣпости поглощаетъ все вниманіе и, стараясь рассмотреть ее во всѣхъ подробностяхъ, мы незамѣтно приближались къ м. Жванцу, расположенному всего въ разстояніи 2—3 верстъ отъ Гавриловецъ.

Недалеко отъ вѣзда въ мѣстечко, въ небольшой балкѣ, вправо отъ дороги, виднѣется старое кладбище съ каменными крестами и плитами, теперь оставленное; кладбище обнесено высокой каменной стѣной, но ворота настежь открыты и на могилахъ безпрепятственно пасутся коровы. Между кладбищемъ и дорогою стоятъ большой каменный памятникъ, сложенный изъ мѣстнаго известняка въ видѣ четырехгранной колонны. По рассказамъ мѣстныхъ жителей этотъ памятникъ остался отъ времени турецкаго господства въ краѣ. Минувъ кладбище, мы вѣзжаемъ наконецъ въ предмѣстье Жванца, состоящее изъ прямой улицы, которую образуютъ ряды прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, выходящихъ на улицу рядами и окруженныхъ густыми садами. Но вотъ кончаются хаты и начинаются еврейскія жилища, представляющія весьма рѣзкій контрастъ съ крестьянскими. Грязные, ободранные дома стоятъ безъ всякаго порядка просто на улицѣ, безъ всякой огорожи; при домѣ совсѣмъ нѣтъ двора и ни малѣйшаго слѣда какихъ нибудь сараевъ, коморъ, или помѣщеній для домашнихъ животныхъ,—вообще никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Все это помѣщается въ самомъ домѣ. Въ этомъ мѣстѣ, на выѣзжей улицѣ находится старыи турецкій колодець, дѣйствующій и до настоящаго времени. Колодець имѣетъ видъ небольшого круглаго холма меньше аршина въ вышину и около сажени въ діаметрѣ, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ плитъ, повышающихся къ срединѣ колодца въ видѣ ступенекъ. Внутри онъ выложенъ камнемъ; сверху круглое отверстіе, въ которое опускаютъ ведро. (Впрочемъ нужно замѣтить, что ведра встрѣчаются сравнительно рѣдко даже въ мѣстечкахъ и городахъ; въ Подольи воду носятъ въ особой деревянной посудѣ >коновка<, сдѣланной изъ клѣпокъ въ видѣ кувшина или кружки, суживающейся кверху, съ 2—3 обручами и ручкой, которую надѣваютъ на коромысло). Такіе колодцы встрѣчаются въ южной Подольи весьма часто; иногда возлѣ нихъ находится крестъ или выдолбленное изъ камня корыто, но это уже позднѣйшія прибавки, а самые колодцы представляютъ одинъ изъ немногихъ остатковъ турецкаго господства въ краѣ. Къ числу та-

нихъ остатковъ принадлежатъ кое-какія постройки въ нѣкоторыхъ городахъ и прекрасныя старыя сады. Извѣстна и понынѣ любовь турокъ къ садоводству и къ усовершенствованію ирригаціи; слѣды ихъ работъ и понынѣ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, когда-либо подчинявшихся турецкому господству. Слѣдуя дальше по вѣзжей улицѣ, встрѣчаемъ по лѣвую сторону старинный каменный костель, окруженный высокой стѣной, въ которой пристроены нѣсколько еврейскихъ домовъ. Минуя ихъ, мы вѣзжаемъ на рынокъ, т. е. въ самый центръ мѣстечка. Тутъ нужно сказать нѣсколько словъ о наружности подольскаго мѣстечка и объ архитектурѣ еврейскихъ домовъ, такъ какъ это совсѣмъ неизвѣстныя вещи для жителя напри-мѣръ лѣвобережной Украйны.

Всякое мѣстечко или бывшій владѣльческій городъ начинается съ предмѣстья, состоящаго изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ хатъ съ садами, огородами и другими признаками осѣдлости; смотря по величинѣ мѣстечка они идутъ одной или нѣсколькими улицами. Затѣмъ слѣдуютъ еврейскіе дома, построенные на довольно близкомъ разстояніи. Самый центръ мѣстечка составляетъ такъ называемый рынокъ—большая четырехъугольная площадь, застроенная по краямъ однимъ или двумя рядами еврейскихъ домовъ или *зальцовъ*. На площади находится нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными продуктами, необходимыми для обывателей; тутъ-же передъ столиками сидятъ нѣсколько торговцевъ—евреевъ, продающихъ хлѣбъ, яйца, фрукты и другіе съѣстные припасы. Но главная торговля происходитъ въ домахъ, окружающихъ площадь.

Всѣ эти дома выстроены по одному и тому-же архитектурному типу и различаются между собою только величиной и большей или меньшей опрятностью, смотря по зажиточности хозяина. Еврейскій домъ, въ большинствѣ случаевъ каменный, представляетъ продолговатый четырехугольникъ; одна изъ узкихъ сторонъ, обращенная на рынокъ, служитъ фасадомъ. По срединѣ дома находятся ворота и крытый вѣздъ, раздѣляющій жилище на двѣ половины: въ одной находится рядъ комнатъ, иногда сообщающихся между собою, иногда представляющихъ отдѣльные номера, изъ которыхъ одинъ выходитъ на улицу, въ остальные ходъ черезъ внутренній корридоръ, а ихъ окна выходятъ на стѣну сосѣдняго дома, отстоя-

щаго всего на 1 $\frac{1}{2}$ —2 аршина. Въ худшихъ комнатахъ живутъ сами хозяева,—лучшія предназначаются для проѣзжающихъ. По другую сторону корридора, подъ тою-же крышею, помѣщается пивнокъ, винарня, или лавка со всевозможными товарами; на улицу продѣлано широкое квадратное отверстіе въ родѣ окна безъ рамы, запирающееся ставней, которая, опускаясь горизонтально, служить прилавкомъ. Подобная лавка находится безъ исключенія при каждомъ еврейскомъ домѣ—вездѣ чѣмъ нибудь торгуютъ. Все это занимаетъ половину дома, иногда меньшую; остальную занимаетъ такъ называемая стодола, нѣчто въ родѣ сарая, примыкающаго къ дому, съ воротами на концѣ, какъ разъ противъ въѣздныхъ воротъ. Здѣсь лежатъ дрова, стоятъ повозки и экипажи проѣзжающихъ; вдоль стѣнъ устроены ясли для скота, возлѣ которыхъ проводятъ время и лошади принадлежащія постояльцамъ, и хозяйскій скотъ, и домашняя птица. Сюда-же выбрасываются всевозможные помои и кухонные остатки, потому что на улицу дальше выносить. Среди толстаго мягкаго слоя навозу и разнаго рода нечистотъ, составляющихъ почву стодола, копошится нѣсколько штукъ свиней, которыя хотя принадлежатъ христіанскому населенію мѣстечка, но промышляютъ себѣ кормъ главнымъ образомъ на улицахъ и въ еврейскихъ домахъ. Разведеніе свиней составляетъ одинъ изъ весьма доходныхъ промысловъ для жителей подольскихъ мѣстечекъ. Эти животныя дошли до такого нахальства, что зачастую являются даже въ комнаты, и если въ такихъ случаяхъ хозяйка заѣзда спѣшитъ водворить порядокъ, то никогда не препятствуетъ имъ проводить дни и ночи въ стодолѣ, которой не нужно даже выметать послѣ такого посѣщенія. Такимъ образомъ свиньи являются здѣсь единственными исполнителями санитарныхъ требованій, и нужно отдать имъ справедливость, они гораздо лучше соблюдаютъ интересы жителей, нежели многіе представители нашей санитарной комиссіи.

Таковъ характеръ еврейскаго заѣзда. Для дополненія картины можно прибавить, что съ улицы вдоль всего дома тянется »призба«, на которой цѣлый день сидятъ хозяева и постояльцы, ожидая новыхъ проѣзжающихъ и созерцая все, что дѣлается на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ. Надъ »призбою« выступаетъ широкій навѣсъ, позволяющій продолжать это мирное занятіе и въ дурную погоду. Старые каменные дома, изъ которыхъ многіе отно-

сятся еще къ прошлому столѣтію, какъ напримѣръ въ Могилевѣ, Каменцѣ и др., имѣютъ еще мезонинъ съ балкономъ и высокой острой крышей, но въ настоящее время въ нихъ вѣроятно не чувствуется надобности, потому что этихъ прибавокъ нѣтъ уже въ новѣйшихъ постройкахъ. При вѣздѣ на рынокъ васъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа евреевъ, — каждый приглашаетъ остановиться въ его заѣздѣ, обѣщая всевозможныя удобства. Нашъ балагула молча проѣхалъ сквозь кричащую толпу и остановился передъ заѣздомъ своего знакомаго, гдѣ мы и расположились — нельзя сказать, чтобы очень удобно. До вечера оставалось еще нѣсколько часовъ и мы, воспользовавшись этимъ временемъ, отправились осматривать достоимѣтельности мѣстечка.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры, по лѣвой сторонѣ вѣзжей улицы, привлекаетъ вниманіе старыи армянскій костелъ, — каменное зданіе старинной архитектуры, окруженное высокой, массивной каменной стѣной, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды фортификацій, въ видѣ бойницъ и ковтрфорсовъ. Мѣстами верхъ стѣны начинаетъ осыпаться и, конечно, остается безъ починки. Внутренность костела не представляетъ ничего замѣчательнаго и ничѣмъ не разнится отъ обыкновенныхъ католическихъ костеловъ средней руки. Зданіе довольно обширно и достигаетъ значительной вышины, особенно колокольня съ бойницами, утратившими свое значеніе, такъ что въ настоящее время въ одной изъ нихъ помѣщаются часы, составляющіе гордость мѣстечка. Въ оградѣ костела расположено старое армянское кладбище, отъ котораго сохранилось нѣсколько памятниковъ, большею частью обвалившихся и разрушенныхъ, и много надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями, почти совсѣмъ вросшихъ въ землю и покрытыхъ мхомъ. — Въ настоящее время, за неимѣніемъ армянъ въ Жванцѣ, костелъ обращенъ въ католическій; не смотря на довольно значительную древность костела, въ немъ, кажется, не сохранилось никакихъ документовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ польскихъ метрическихъ книгъ. По крайней мѣрѣ такой отвѣтъ далъ при насъ всѣмъ туристу, пожелавшему осмотрѣть архивъ.

Костелъ окруженъ еврейскими домами, при чемъ нѣкоторые прямо пристроены къ оградѣ. Непосредственно за оградой, къ югу, по направленію къ Днѣстру тянутся остатки стариннаго земляного

вала, частью застроеннаго домами, частью заросшаго дерномъ и сорными травами, гдѣ пасутся различныя животныя. Валъ этотъ обрывается въ самомъ мѣстечкѣ, не доходя до берега, и мы нигдѣ не могли найти его продолженія; вѣроятно онъ скрытъ былъ при постройкахъ.

Больше въ ту сторону уже нечего было смотрѣть и мы возвратились въ рынокъ. Какъ уже сказано было выше, это большая продолговатая площадь, окруженная еврейскими домами; между ними, по правую сторону площади, находится рядъ каменныхъ лавовъ, въ томъ числѣ одна кондитерская съ громкой вывѣской, объявляющей, что здѣсь приготовляются мороженое, шеколадъ и другія заманчивыя вещи, а между тѣмъ на окнахъ выставлены засушенные старыя пирожныя самаго отталкивающаго вида; вѣроятно спросъ на эти произведенія не особенно великъ. По другую сторону цѣлый рядъ домовъ занимаютъ »винарни« (винныя погреба, гдѣ производится торговля распивочно и на выносъ), идущія и дальше въ улицу, которая ведетъ къ рѣкѣ и составляетъ продолженіе въѣзжей. Эти заведенія имѣютъ несравненно болѣе веселый видъ, чѣмъ несчастная кондитерская; между ними одно обращаетъ вниманіе своей новой вывѣской и особенно опрятной наружностью. Для посѣтителей, сверхъ обыкновенія, отведены двѣ комнаты, убранныя на подобіе ресторана, съ диванами и креслами, и увѣшанныя, вмѣсто символическихъ еврейскихъ картинъ, портретами и картинами воинственнаго содержанія. Очевидно это мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются жванецкіе нотабли. Здѣсь мы нашли прекрасное бессарабское вино разныхъ сортовъ, далеко превосходящее тѣ фабрикованныя вина, какія у насъ продаются подъ именемъ крымскихъ и французскихъ.

На рынокъ выходятъ нѣсколько улицъ, которыя прямыми или ломанными линіями продолжаютъ до окраинъ мѣстечка. Прямо отъ нашей квартиры шла улица, составлявшая продолженіе въѣзжей; это неширокая грязная улица,—по обѣимъ сторонамъ тянутся еврейскіе дома, не огороженные, безъ дворовъ, расположенные на разстояніи 2—3 аршинъ другъ отъ друга; здѣсь живутъ различные промышленники; надъ дверью каждаго дома № и надпись, означающая, что домъ принадлежитъ купцу такому-то. Вдругъ, совершенно неожиданно между такими домами показывается очень красивый двухэтажный домъ, съ легкими балконами, весь украшенный рѣзь-

бой, не то въ русскомъ, не то въ швейцарскомъ вкусѣ, окруженный рѣшежкой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Домъ этотъ принадлежитъ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; наружность улицы несколько не выигрываетъ отъ этого изящнаго жилища, такъ какъ оно представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ окружающими постройками, которыя показываются еще неряшливѣе отъ такого сосѣдства.

Послѣ двухъ-трѣхъ поворотовъ улица обрывается на высокомъ, скалистомъ берегу Днѣстра; отсюда ведетъ внизъ небольшая извилистая тропинка, пролегающая по уступамъ скаль, напоминающимъ крутую лѣстницу. У подножія скаль тянется узкая низменная береговая полоса, покрытая пескомъ и небольшими, закругленными камешками, выброшенными водой. По склону горы лѣплятся нѣсколько маленькихъ домиковъ, а на вершинѣ, на самомъ удобномъ мѣстѣ для наблюденія, откуда открывается прекрасный видъ далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ, находится квартира становаго, которому отсюда очень удобно наблюдать движеніе по рѣкѣ. Самое мѣстечко расположено при впаденіи р. Жванчика въ Днѣстръ, на высокомъ полуостровѣ, образованномъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ. Обѣ онѣ прорыли себѣ очень глубокія, узкія долины съ почти отвѣсными скалистыми берегами, на которыхъ обнажаются мѣстныя каменные породы.

Въ юго-западной сторонѣ мѣстечка, при устьѣ Жванчика, находится единственный сколько нибудь пологій спускъ къ рѣкѣ, годный для проѣзда экипажей. Здѣсь проложена улица, по которой происходитъ главное торговое движеніе между рынкомъ и берегомъ. Отъ устья Жванчика Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ мѣстѣ находится обширная, весьма удобная пристань; здѣсь сортируется и распиливается получаемый по рѣкѣ изъ Галичины лѣсъ, связывается въ плоты, которые сплавляются внизъ по Днѣстру большею частью нагруженные какими нибудь товарами. Не смотря на большую разговорчивость мѣстныхъ жителей, которая подчасъ сильно надобѣдаетъ, намъ почти ничего не удалось узнать о торговлѣ мѣстечка; на всѣ распросы вамъ отвѣчаютъ, что каждый изъ обывателей ведетъ торговлю лѣсомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, что на плотяхъ или галерахъ иногда сплавляются разные товары, между прочимъ съ недавняго времени отправляются

въ Австрію большіе транспорты фосфоритовъ, которые скупаются въ разныхъ мѣстахъ Подолья австрійскими агентами.

Тотчасъ за лѣсной пристанью, внизъ по теченію находится перевозъ изъ нѣсколькихъ плохихъ паромовъ; еврей за переправу беретъ съ разныхъ лицъ различно, смотря по пассажиру, хотя, разумѣется, «своего не подаритъ»; прислуга на паромахъ вся соетонитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—украинцевъ и молдованъ. На берегу у перевоза—маленькая лавочка и вмѣстѣ шинокъ, въ которомъ торгуетъ еврей. Осмотрѣвши пристань, подымаетесь тропинкой на гору, откуда открывается прекрасный видъ на окрестности: на право, вверхъ по рѣкѣ, берега Днѣстра сначала нѣсколько понижаются, дальше на горизонтѣ обрисовываются нѣсколько вершинъ; между ними замѣчается группа деревьевъ—это галицкая граница; здѣсь расположено пограничное галицкое село Окопы св. Троицы. Прямо противъ Жванца на бессарабскомъ берегу, который въ этомъ мѣстѣ значительно ниже подольскаго и весьма полого спускается къ рѣкѣ, расположено большое село Атаки, съ красивыми бѣлыми хатами, утопающими въ зелени, и церковью по срединѣ села. На лѣво, внизъ по Днѣстру, на подольскомъ берегу среди садовъ виднѣется село Брага, а противъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ повышается бессарабскій берегъ и его возвышенность ближе подходит къ водѣ,—городъ Хотинъ со своей грандіозной крѣпостью, которая привлекаетъ все вниманіе зрителя. Глядя на эту громаду, созданную человѣческими руками и производящую и теперь еще подавляющее впечатлѣніе, вспоминается историческая судьба крѣпости и вмѣстѣ съ ней исторія цѣлаго края, для котораго та служила оплотомъ. Только тяжелое чувство могутъ вызвать историческія воспоминанія, соединенныя съ хотинской крѣпостью, и какимъ ничтожнымъ кажется жванецкій замокъ передъ этимъ великаномъ, который пережилъ свою славу и теперь стоитъ, всѣми оставленный и забытый, и долго еще, даже въ развалинахъ, будетъ разсказывать позднѣйшимъ поколѣніямъ о той борьбѣ различныхъ культуръ, которой онъ былъ центромъ, и на долго еще останется весьма замѣчательнымъ памятникомъ строительнаго искусства.—Наступившія сумерки, освѣтившія на минуту яркими красками громадную стѣну и рядъ красивыхъ скалъ съ широкой извилистой рѣкой у ихъ подножья, вскорѣ скрыли отъ насъ прелестную картину. Надъ рѣкой поднялся

туманъ, кое гдѣ на плотяхъ показались огоньки, отражаясь въ водѣ, и напомнили намъ, что пора уже подумать объ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ предстоявшей на завтра экскурсіи.

Слѣдующій день мы хотѣли начать съ осмотра жванецкаго замка и пещеры и затѣмъ сдѣлать прогулку въ Хотинъ и Брагу.

Замокъ находится въ западной части мѣстечка и путь къ нему лежитъ чрезъ рынокъ, день случился базарный и вся площадь, буквально запруженная народомъ такъ, что протолкнуться было трудно, представляла очень оживленное и оригинальное зрѣлище. Выбравшись наконецъ изъ толпы, мы направились къ р. Жванчику и, пройдя 2—3 кривыхъ узкихъ переулка, вышли на пустырь, гдѣ и возвышаются развалины замка. Укрѣпленіе это расположено на высокомъ, скалистомъ, почти отвѣсномъ берегу р. Жванчика; оно имѣетъ видъ пятиугольника, обведеннаго со стороны мѣстечка довольно глубокимъ рвомъ, который заросъ крапивою и другими сорными травами, такъ-же какъ и внутренность крѣпости, представляющая довольно жалкій видъ. Стѣны изнутри укрѣплены валами, подъ которыми находятся обширные погреба и склады, частью уже обрушившіеся; одинъ изъ такихъ обваловъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, образовалъ весьма значительное котловидное углубленіе внутри крѣпостнаго двора. Круговая стѣна, построенная на вершинѣ насыпнаго вала, сложена изъ тесаннаго камня, скрѣпленнаго цементомъ; верхняя ея часть постоянно осыпается,—вообще постройка не носитъ того характера прочности и внушительности, какой мы привыкли видѣть въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ. На каждомъ углу стояла башня и только въ этихъ мѣстахъ стѣна достигаетъ двухъ аршинъ въ толщину. Въ замокъ съ разныхъ сторонъ ведутъ нѣсколько воротъ. Въ передней части замка, въ стѣнѣ надъ главными воротами, сохранились слѣды какой-то пристройки, вѣроятно двухъ-этажнаго жилого помѣщенія. Въ настоящее время уцѣлѣли три башни съ бойницами и зубчатымъ верхомъ, двое вѣзжихъ воротъ и почти вся круговая стѣна, хотя верхушка ея во многихъ мѣстахъ разрушена и только мѣстами сохранились остатки бойницъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Больше всего пострадала восточная сторона: тутъ стѣна почти совершенно разрушена, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно пройти въ замокъ сквозь образовавшееся отверстіе. Вообще нужно замѣтить, что жванецкій замокъ

не поражаетъ зрителя ни размѣрами, ни прочностью укрѣпленій и, при сравненіи съ хотинской крѣпостью, производитъ чрезвычайно ничтожное впечатлѣніе—совершенно какъ будто игрушечный домикъ, поставленный рядомъ съ настоящимъ. Можно только удивляться чрезмѣрному патріотизму польскихъ писателей, которые поощаляли Жванецъ, при чемъ разумѣется не могли не видѣть Хотина, и которые съ большимъ апломбомъ изображаютъ неприступнымъ жванецкій замокъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія тотъ фактъ, что даже турки, въ періодъ наибольшаго своего могущества, не пытались никогда овладѣть этимъ замкомъ, а вмѣсто того старались укрѣпиться въ болѣе отдаленныхъ центрахъ, какъ Палевцы, Каменецъ и др. Миѣ кажется, что безпристрастный наблюдатель не можетъ признать это мнѣніе справедливымъ: при одномъ взглядѣ на обѣ крѣпости, расположенныя почти другъ противъ друга, всего на разстояніи 3—4 версты, становится очевиднымъ, что, находясь съ большими силами въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, хотинскій паша, если не по праву, то на дѣлѣ, могъ распоряжаться въ Жванцѣ по своему усмотрѣнію и если турки не пытались овладѣть этимъ замкомъ, то вовсе не потому, чтобы это представляло большія затрудненія, а вѣрнѣе потому, что въ томъ не было никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что при приближеніи турокъ гарнизонъ обыкновенно, не ожидая враговъ, самъ очищаль замокъ. При томъ-же самая удобная переправа черезъ рѣку находится не у Жванца, а у Браги противъ Хотина. Въ случаѣ необходимости, турки могли просто перейти на подольскій берегъ и безъ всякаго опасенія оставить въ сторонѣ замокъ, никогда не обладавшій большими гарнизонами. Наконецъ извѣстно, что во время 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи Жванецъ принадлежалъ имъ на равнѣ съ прочими крѣпостями и замками. Нѣсколько ниже замковой стѣны, подъ одной изъ башенъ, въ отвѣсномъ высокомъ берегу р. Жванчица, виднѣется четырехъугольное отверстіе, вырубленное въ скалѣ. Это и есть извѣстная жванецкая пещера, весьма древняя; въ настоящее время входъ въ нее со стороны рѣки оказывается совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе вертикальныхъ обваловъ скалы. На сколько можно разсмотрѣть издали, стѣны и потолокъ пещеры имѣютъ видъ корридора, вытесаннаго въ скалѣ; повидимому она подновлена поляками и сообщалась съ внутренностью замка посредствомъ подзем-

ныхъ ходовъ. У подножія скалы, въ которой находится пещера, при впаденіи въ Жванчикъ маленькой рѣчки Вильшанки, устроена большая каменная мельница, возлѣ нея на горѣ—огромные склады; мельница принадлежитъ евреямъ, а работаютъ на ней крестьяне. Возлѣ мельницы чрезъ Жванчикъ перекинутъ легкій деревянный мостикъ, вѣрнѣе «кладка», отъ котораго идетъ дорога къ пограничному селу Исаковцы на Днѣстрѣ. По ту сторону Жванчика идетъ цѣлая улица изъ прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ садами, составляющая какъ-бы продолженіе мѣстечка. За нею тянется низменный песчаный мысъ, вдающійся клиномъ между двухъ рѣчекъ, поросшій лозою и болотными растеніями; дно здѣсь чрезвычайно мелко, черезъ рѣчку переложено нѣсколько камней, по которымъ можно перейти на другой берегъ, не замочивши ногъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ мѣстечкомъ, остается сказать нѣсколько словъ о его исторіи, представляющей много весьма интересныхъ и подчасъ трагическихъ эпизодовъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени первоначальнаго заселенія Жванца,—имя это встрѣчается первый разъ въ документахъ, относящихся къ первой половинѣ XV в. Король Ягайло, занявшійся съ большимъ усердіемъ раздачей русскихъ земель польскому дворянству на ленномъ правѣ, грамотой 1431 г. отдалъ въ собственность рыцарю Свичеѣ изъ Ленчины пространство земли по берегу Днѣстра, приблизительно отъ Збруча до р. Жванчика. Въ документѣ не указано, была-ли эта мѣстность заселенная или пустопорожная, но уже упоминается она подъ именемъ Жванца. Къ концу XV в. закончилась колонизація этого уголка и вокругъ Жванца группировалось еще 6—7 сель, такъ что цѣлое помѣстье, такъ называемая «добра жванецкія», заняло нѣсколько десятковъ кв. верстъ. Въ теченіи четырехъ столѣтій, 1431—1830 гг., оно составляло нераздѣльную собственность одного владѣльца и только съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія раздробилось между нѣсколькими владѣльцами. За это время добра жванецкія нѣсколько разъ переходили въ собственность того или другаго знатнаго рода, при чемъ нѣкоторые изъ владѣльцевъ особенно заботились объ устройствѣ имѣнія. Благодаря ихъ стараніямъ, Жванецъ уже въ половинѣ XVI в. считается весьма значительнымъ населеннымъ пунктомъ. Около этого времени онъ переходитъ въ собственность рода Калиновскихъ, одного изъ

богатѣйшихъ дворянскихъ родовъ юго-западнаго края, котораго представители очень быстро успѣли обогатиться путемъ выпрашиванія у короля жалованныхъ грамотъ на огромные участки малозаселенныхъ земель въ русскихъ областяхъ.

Въ царствованіе Сигизмунда III въ началѣ XVII в. Валентій Калиновскій, генералъ подольскій, въ силу общепринятаго тогда обычая, укрѣпилъ Жванецъ замкомъ, развалины котораго сохранились и понынѣ на высокомъ берегу Жванчика. Трудно сказать, что имѣлось въ виду при постройкѣ укрѣпленія: было-ли оно воздвигнуто съ цѣлю обороны пограничнаго мѣстечка, или-же просто потому, что знатному дворянину нельзя было жить иначе, какъ въ замкѣ. Кажется послѣднее вѣрнѣе, потому что расположенный вблизи грозной хотинской крѣпости, обладавшей весьма сильнымъ турецкимъ гарнизономъ, скромный жванецкій замокъ не могъ служить серьезнымъ оплотомъ противъ турокъ, какъ-то пытаются доказать мѣстные польскіе ученые. Какъ-бы тамъ ни было, но благодаря укрѣпленію, гарантировавшему жителей отъ внутреннихъ неурядицъ и тревогъ въ краѣ, населеніе Жванца съ этого времени начинаетъ быстро увеличиваться и возвышается торговое значеніе мѣстечка, благодаря его выгодному положенію вблизи границы и при одной изъ лучшихъ пристаней на Днѣстрѣ.

Вскорѣ Жванецъ, въ силу семейныхъ счетовъ, перешелъ въ родъ Ланцкоронскихъ и тогда постигло его первое общественное бѣдствіе—онъ подвергся полному разоренію со стороны польскихъ войскъ, никогда не отличавшихся порядкомъ и дисциплиной. Въ августѣ 1621 г., во время извѣстной хотинской войны, въ которой козацкое войско принимало участіе въ качествѣ союзниковъ польскаго правительства, союзныя войска остановились у Жванца, считывая здѣсь переправиться черезъ Днѣстръ. Предводительствовалъ козаками гетманъ Сагайдачный; польское войско, по обычаю, шло подъ начальствомъ обоихъ гетмановъ, великаго и польнаго. Въ то время, какъ Сагайдачный съ козаками занятъ былъ устройствомъ переправы у с. Браги, гдѣ строился временный мостъ подъ руководствомъ русскаго крестьянина, польское войско, состоявшее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, скучало бездѣйствіемъ, съ завистью поглядывая на богатое мѣстечко, недавно лишившееся своего законнаго защитника за смертью Калиновскаго. По окончаніи

моста, едва только успѣли перейти на тотъ берегъ козаки, а за ними передовые польскіе отряды и все начальство, какъ какой-то охотникъ до чужого имущества, пользуясь удобнымъ случаемъ, распустили въ остальномъ войскѣ слухъ, будто гетманы приказали снести мѣстечко. Недленно всѣ обозные слуги, пѣхота и всевозможный сбродъ, наполнившій ряды польскаго войска, всѣ эти элементы, жадные на легкую добычу, съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью бросились исполнять мнимый приказъ, что въ самое короткое время Жванецъ былъ дочиста разграбленъ и нѣсколько окрестныхъ сель снесены до основанія. Для усмиренія разбоя и грабежа явился польный гетманъ Любомирскій съ прочими начальниками и хотя, послѣ разслѣдованія дѣла, нѣсколько зачинщиковъ были казнены, чѣмъ восстановленъ порядокъ въ войскѣ, но для облегченія участи мѣстечка ничего не было сдѣлано. Вскорѣ послѣ погрома Жванецъ перешолъ во владѣніе Ланцкоронскихъ, и новый владѣлецъ начинаетъ заботиться о благосостояніи мѣстечка, восстанавливаетъ замокъ и исправляетъ поврежденія, причиненныя грабежомъ. Король Владиславъ IV, видѣвшій лично бѣдственное положеніе мѣстечка и понимавшій его пограничное значеніе, восстановилъ грамоту, въ силу которой Жванецъ получаетъ магдебургское право, право торговъ и ярмарокъ въ установленные дни и сверхъ того гербъ и магистратскую печать.

Не успѣлъ Жванецъ оправиться отъ перваго погрома, какъ черезъ семь лѣтъ онъ снова становится центромъ вооруженнаго столкновенія. Послѣ извѣстной битвы подъ Батогомъ, въ которой польская армія съ гетманомъ Калиновскимъ была совершенно разбита и уничтожена козаками, король Янъ Казиміръ съ 30,000 войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ наемныхъ венгерскихъ и волошскихъ полковъ, остановился у Жванца, желая отрѣзать Хмельницкому возможность сношеній съ Молдавией. Самъ король съ старшинами и частью войска, составляющей стражу, поселился въ замкѣ; остальное войско расположилось на высокой равнинѣ надъ с. Брагой, противъ Хотина, и здѣсь укрѣпило свой лагерь земляными валами. Въ настоящее время это мѣсто занято пахатнымъ полемъ валы почти совершенно разпаханы и отъ прежняго укрѣпленія едва сохранились самые ничтожные слѣды. Польское войско бездѣйствовало подъ Жванцемъ въ то время, какъ союзники Хмельницкаго

Татары протянулись линіей по всей Подоліи, Польшѣ и Галичинѣ до Львова, чтобы отрѣзать королю обратный путь, и грабили занятія ими области. Между тѣмъ подошелъ ноябрь, наступили холода, а вмѣстѣ съ ними и недостатокъ жизненныхъ припасовъ. Войско роптало на недостатокъ въ пищѣ и неуплату жалованья и хотя король рѣшился расплачиваться собственной казною, но продовольствія и за деньги нельзя было достать; люди и лошади начали умирать отъ голода и холода. Въ то же время начались въ польскомъ лагерѣ повальныя болѣзни, которыя послужили сигналомъ къ бѣгству: не смотря ни на какія увѣщанія и строгія мѣры противъ дезертировъ, польскіе солдаты цѣлыми массами оставляютъ лагерь; ихъ примѣру слѣдуютъ венгры и волохи, такъ что еще до первой встрѣчи съ непріателемъ, король съ остатками войска очутился въ самомъ грустномъ положеніи. Приходилось жить чуть не подаяніемъ, довольствуясь тѣми припасами, какіе по временамъ присылались молдавскимъ логофетомъ и хотинскимъ пашею изъ любезности. Узнавши о приближеніи крымскаго хана съ ордой, король совсѣмъ потерялъ голову,—начинаются непрерывные военные совѣты, однѣ рѣшенія быстро смѣнялись другими: о сопротивленіи никто и не думалъ и почти всѣ проекты сводились къ одному, что нужно подкупить татаръ и заручившись поддержкой съ ихъ стороны, кончить дѣло договоромъ съ козаками. Самъ король до того растерялся, что пытался тайкомъ бѣжать изъ лагеря съ немногими приближенными, но остальные узнали объ этомъ и не пустили его.

Наконецъ подошелъ Хмельницкій съ татарами, рассчитывая путемъ продолжительной осады принудить короля къ сдачѣ. При вѣсти о его приближеніи страшная паника произошла въ лагерѣ; бѣгство польскихъ солдатъ достигло ужасающихъ размѣровъ, такъ что у короля едва осталось около 11,000 человекъ. Большая часть бѣглецовъ была захвачена татарами на пути въ Каменецъ. Наконецъ Жванецъ былъ осажденъ, голодъ и смертность въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Король вошелъ въ переговоры съ ханомъ, заплатилъ татарамъ огромную контрибуцію 100,000 червонныхъ и сверхъ того обязался платить имъ ежегодную дань и позволялъ имъ брать ясырь въ польскихъ областяхъ, но исключительно изъ русскихъ жителей. Послѣ того, 15 декабря 1653 г.,

заклученъ съ козаками жванецкій договоръ, подтверждавшій всѣ зборовскія статьи.

На другой-же день король уѣхалъ во Львовъ, не думая объ исполненіи договора; остатки его арміи составили нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые должны были преградить татарамъ путь въ Польшу и въ Каменецъ, но не смотря на это, татары разсыпались по всему Подолію и совершенно разграбили нѣсколько сель и мѣстечекъ, жители которыхъ были уведены въ Крымъ.

Послѣ того наступилъ для Жванца новый промежутокъ спокойствія, хотя и продолжительнѣе перваго, но недостаточно длинный для того, чтобы дать возможность мѣстечку оправиться и возвратить прежнее благосостояніе. Въ 1672 г. султанъ Магометъ IV съ огромнымъ войскомъ предпринялъ походъ съ цѣлю овладѣть Каменцемъ, а за нимъ и цѣлымъ Подольемъ. Отправляясь подъ Каменецъ, султанъ у Жванца переправился на подольскій берегъ и едва только окружилъ мѣстечко, какъ польскій гарнизонъ безъ одного выстрѣла сдалъ замокъ, въ которомъ султанъ поставилъ сильный турецкій гарнизонъ. Не смотря однако на этотъ фактъ, занесенный даже въ польскіе источники, историки польскіе настойчиво утверждаютъ, что турки никогда не осмѣливались завладѣть сильнымъ жванецкимъ замкомъ. У Жванца турецкая армія соединилась съ поджидавшимъ ее здѣсь козацкимъ войскомъ Дорошенка, помогавшимъ ей въ занятіи Каменца, и затѣмъ разсыпалась по всей Подоліи, овладѣвая всѣми укрѣпленными мѣстами и оставляя въ нихъ свои гарнизоны. Съ этого времени Жванецъ остается въ рукахъ турокъ во все время, пока продолжалось ихъ владычество въ Подоліи, не смотря на многочисленныя попытки поляковъ овладѣть этимъ пограничнымъ пунктомъ, въ которомъ находилась одна изъ наиболѣе удобныхъ переправъ черезъ Днѣстръ.

Въ слѣдующемъ году, во время хотинской битвы Яна Собѣскаго, жванецкій замокъ служить мѣстомъ заключенія каменецкихъ мѣщанъ, арестованныхъ турецкимъ пашею.

Съ этого времени до начала XVIII ст. Жванецъ принадлежалъ туркамъ, но большинство жителей разбѣжалось и все его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейскихъ семействъ, производившихъ торговлю лѣсомъ, и небольшого количества крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ. Послѣ столькихъ военныхъ погромовъ

и замокъ, и мѣстечко лежали въ развалинахъ и представляли чрезвычайно жалкій видъ.

Въ 1690 г., въ силу карловицкаго трактата, турки очистили Подолье. Съ этого времени прекращается ихъ господство и въ Жванцѣ, который начинаетъ заново населяться; кромѣ прежнихъ жителей, мѣщанъ и крестьянъ, возвратившихся въ мѣстечко, является масса новыхъ колонистовъ изъ Червоной Руси. Благодаря выгодному положенію на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, здѣсь поселяются въ большомъ количествѣ греки и армяне, занявшіеся торговлей подъ гарантіей магдебургскаго права; они быстро подняли торговлю и промышленность до весьма значительнаго уровня. Явились и прежніе владѣльцы Ланцкоронскіе, занявшіеся обновленіемъ замка, лежавшаго въ развалинахъ.

Періодъ благосостоянія Жванца продолжается приблизительно до 1768 г. Армяне и греки ведутъ обширную торговлю венгерскими винами, красными товарами, солью, сушеной рыбой, хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Жванцѣ, въ 1699 г., армяне выстроили большой каменный костель, существующій и понынѣ; теперь онъ перешелъ въ руки поляковъ. Около половины XVIII в. съ большими усиліями удалось и полякамъ построить себѣ деревянный костель, но онъ просуществовалъ не долго.

Въ 1768 г. Жванецъ снова становится театромъ военныхъ столкновеній и подвергается новому разоренію. Зимой этого года нѣкоторые изъ предводителей барской конфедераціи, успѣвшіе спастись послѣ взятія Бара русскими войсками, разсѣялись со своими отрядами по границамъ Подолья и Молдавіи, всюду захватывая въ свои руки укрѣпленные замки. Основавши главную квартиру въ Хотинѣ, подъ защитой хотинскаго паши, два отряда подъ начальствомъ братьевъ Пулавскихъ заняли Окопы св. Троицы и Жванецъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ селами, съ цѣлью организовать здѣсь серьезную защиту.

Однако, при вервомъ столкновеніи съ русскими войсками, конфедераты, вытѣспенные изъ жванецкихъ окоповъ, заперлись въ замкѣ, при чемъ для своей безопасности нашли нужнымъ съечь ближайшіе къ замку дома, въ томъ числѣ и польскій костель. Такимъ образомъ уничтожена значительная часть мѣстечка, но эта мѣра нисколько не облегчила защиты: послѣ нѣсколькихъ дней осады,

храбрые конфедераты, въ количествѣ 400 человекъ кавалеріи и около 40 янычаръ, явившихся съ разрѣшенія хотинскаго паша, ночью вышли изъ замка со стороны р. Жванчика, спустились съ крутого, почти отвѣснаго берега, считавшагося неприступнымъ и потому не занятаго русской стражей, перешли по льду на правый берегъ Днѣстра и разсѣялись въ Бессарабіи.

Въ маѣ слѣдующаго года, Жванецъ испыталъ новое бѣдствіе: на него напали турки съ татарами, разграбили и опустошили какъ беззащитное мѣстечко, такъ и окрестныя села; множество жителей погибло, въ томъ числѣ и настоятель польскаго костѣла, остальные спаслись бѣгствомъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

Ко всѣмъ этимъ несчастьямъ прибавилось еще одно, общее для всего подольскаго края: чума, занесенная изъ Турціи и памятная цѣлому Подолью, истребила огромное большинство жителей Жванца, такъ что послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій мѣстечко представляло чрезвычайно жалкій видъ. Кладбище, на которомъ похоронены зачумленные, лежитъ на берегу Днѣстра, при устьи Жванчика, откуда начинается дорога въ Исаковцы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лѣсная пристань. До недавняго времени православные жители мѣстечка въ Троицынъ день являлись сюда съ процессіей молиться объ умершихъ, но теперь этотъ обычай оставленъ.

О крайнемъ разореніи мѣстечка свидѣтельствуетъ сеймовое постановленіе 1775 г., въ силу котораго дается жителямъ на 12 лѣтъ льгота отъ всевозможныхъ повинностей и уплатъ въ пользу казны, для того чтобы поднять изъ развалинъ мѣстечко, оживить торговлю и возвратить прежнее благосостояніе. Но эта мѣра оказалась безсильною: большая часть грековъ и армянъ переселились въ другія мѣста, остальные смѣшались съ мѣстнымъ шляхетскимъ элементомъ и, усвоивши его бытъ, оставили свои прежнія занятія.

Въ военно-административномъ отношеніи, какъ укрѣпленный пунктъ, Жванецъ обыкновенно, т. е. въ то время когда имъ владѣли поляки, находился въ вѣдѣніи региментаря подольскаго. Въ концѣ 1777 г. онъ поступаетъ подъ непосредственное начальство коменданта каменецкаго и получаетъ значеніе пограничнаго форпоста съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи въ качествѣ гарнизона, подъ начальствомъ хорунжаго. Этотъ послѣдній игралъ скорѣе наблюдательную роль: его главной обязанностью было извѣщать выспія

власти о движеніяхъ турецкихъ войскъ въ Хотинѣ, о появленіи повальныхъ болѣзней на берегахъ Днѣстра и т. д. Сверхъ того въ обязанности хорунжаго входило: 1) поддерживать мирныя сосѣдскія отношенія съ хотинскимъ пашею и 2) наблюдать за другими польскими отрядами, расквартированными вдоль по теченію Днѣстра и охранять всѣ броды и перевозки черезъ рѣчку отъ Жванца до Могилева.

Какъ пограничный пунктъ, Жванецъ былъ мѣстомъ, гдѣ публиковались съ большою торжественностью всѣ важнѣйшія перемѣны, происшедшія въ краѣ и доводившіяся до свѣдѣнія сосѣдней державы. Такъ напримѣръ здѣсь объявляли объ избраніи новаго короля, при чемъ хотинскій паша приносилъ поздравленія коменданту; въ свою очередь и поляки платили такую-же любезностью при восшествіи на престолъ новаго султана и т. д. Такъ какъ существованіе жванецкаго замка всецѣло зависѣло отъ поддержанія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, то польскія власти старались устранить всѣ малѣйшіе поводы къ столкновенію; такъ напримѣръ, если хорунжій не могъ поладить съ хотинскимъ пашею, или почему нибудь не нравился ему, то немедленно замѣнялся другимъ. Главной обязанностью хорунжаго было именно поддержаніе сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ губернаторомъ. Въ документахъ сохранилось много примѣровъ взаимной любезности между сосѣдами. Такъ напримѣръ, поляки, желая доказать свою справедливость передъ невѣрными, всѣ приговоры надъ подолянами за преступленія, совершенныя ими на молдавской территоріи, приводили въ исполненіе на высокомъ берегу Днѣстра въ виду Хотина. D-г Antoni J. приводитъ весьма характерный примѣръ подобной любезности—казнь одного шляхтича за убійство турка, сопровождавшуюся цѣлымъ ритуаломъ, за исполненіемъ котораго турки слѣдили съ другого берега. Вѣроятно и паша, съ своей стороны платилъ такую-же учтивостью.—Вообще исторія Жванца, исполненная трагизма, представляетъ въ тоже время много весьма оригинальныхъ эпизодовъ, которые очень живо переносятъ насъ въ эпоху польскаго владычества, отличавшагося характеромъ крайняго своеволія и самодурства, не лишеннаго по временамъ и комическихъ выходовъ.—Такъ напримѣръ, въ то время, какъ въ Жванцѣ уже существовала православная церковь и армянскій

костель, не было польскаго костела, не было и средствъ для его сооружеія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ епископъ каменецкій, Сигизмундъ Чижевскій, возъмѣлъ блестящую мысль—обязать къ постройкѣ костѣла еврейскую общину въ Жванцѣ. Предлогомъ къ тому послужила торжественная процессія, устроенная будто мѣстными евреями съ большимъ парадомъ; шествіе открывалъ старшій еврей, несшій подъ балдахномъ какое-то священное изображение; за нимъ слѣдовала огромная масса народа съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Въ такомъ видѣ процессія прошла черезъ рынокъ, украшенный свѣжими деревьями и усѣянный цвѣтами и душистыми травами.—Религіозное чувство благочестиваго епископа было возмущено подобнымъ фактомъ и, въ наказаніе за дерзость, епископскій судъ (22 апрѣля 1663 г.) приговорилъ старѣйшихъ изъ евреевъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, всѣхъ-же остальныхъ—къ штрафу въ 16,100 злотыхъ, которые должны быть употреблены на постройку костела. Къ счастью для евреевъ, набожный епископъ вскорѣ умеръ, не дождавшись исполненія приговора. Изъ того-же приговора узнаемъ еще одну интересную подробность, а именно: въ данное время Жванецъ, составлявшій собственность Ланцкоронскаго, находился въ арендѣ у еврея Емануэля.

Съ теченіемъ времени Жванецъ все больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе торговаго пограничнаго пункта и приобретаетъ общій характеръ подольскаго мѣстечка—характеръ промышленнаго, культурнаго и административнаго центра для весьма небольшого района. Хотя послѣ присоединенія Подолья къ Россіи въ Жванцѣ были устроены таможня и карантинъ, но эти учрежденія ни мало не способствовали процвѣтанію промышленности и, послѣ присоединенія Бессарабіи, были упразднены въ 1812 г., просуществовавши всего 17 лѣтъ. Мѣстечко все больше и больше приходитъ въ упадокъ; въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія оно составляетъ собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ; въ 1842 оно было приобретено казною для проектируемой постройки цѣлой системы пограничныхъ укрѣпленій, но проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Жванецъ остался въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ. До начала работъ многіе изъ жителей были разселены въ

сосѣднія села, преимущественно въ Гавриловцы, что еще больше способствовало уменьшенію населенія.

Въ настоящее время въ Жванцѣ считается до 3,000 жителей; большинство составляютъ евреи, меньшинство—православные малороссы и незначительную часть—католики. Евреи торгуютъ хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д., держатъ перевозъ на Днѣстрѣ и занимаются самыми доходными промыслами. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ремеслами.

Наибольше выгодъ доставляетъ лѣсная торговля, которою занято почти все еврейское населеніе Жванца. Евреи закупаютъ лѣсъ, сплавляемый сюда изъ Галичины,—большею частью дубъ, сосну и букъ, сортируютъ его, вяжутъ въ плоты или тутъ-же на пристани распиливаютъ въ доски, изъ которыхъ строятъ лодки и «галары»—особыя плоскодонныя суда въ видѣ четырехъ угольныхъ ящичковъ, на подобіе парома съ высокими бортами, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи Днѣстра до моря; суда эти отличаются большою ёмкостью. Плоты и галары представляютъ единственное средство передвиженія на Днѣстрѣ, вслѣдствіе мелководія этой рѣки; они нагружаются хлѣбомъ, лѣсомъ и другими товарами, которые доставляются такимъ путемъ во всѣ днѣстровскія пристани до самыхъ Маякъ. Торговля находится въ рукахъ евреевъ, но рабочими на пристани и на судахъ служатъ мѣстные крестьяне.

Въ лѣтнее время населеніе увеличивается еще купальщиками, которые стекаются сюда въ значительномъ количествѣ по совѣту врачей, такъ какъ воды Днѣстра, проложившаго себѣ русло въ порогахъ известковыхъ скалъ, считаются цѣлебными. Съ наступленіемъ лѣтнаго сезона оживляется какъ торговая, такъ и общественная жизнь мѣстечка; является усиленный спросъ на продукты, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости въ жизни культурныхъ классовъ. Сверхъ того является потребность и въ развлеченіяхъ. Во время нашего пребыванія въ Жванцѣ давались спектакли заѣзжей еврейской труппой; афишъ разумѣется не было; за отсутствіемъ театра, представленія давались въ одномъ изъ заѣздовъ. Намъ не удалось посѣтить этотъ импровизированный театръ, но, судя по рассказамъ, представленія шли на русскомъ языкѣ и зала была переполнена публикой, состоявшей какъ изъ представителей еврейскаго населенія, такъ и изъ скучающихъ купальщиковъ.

V.

Окопы св. Троицы, исторія села.—Дорога въ Брагу.—Берегъ Днѣстра.—Брага.—Историческія свѣдѣнія.—Перевозъ.—Промыслы жителей.—Хотинь.—Видъ города; крѣпость, базаръ, русскій городъ.

Изъ окрестностей Жванца больше всего привлекаетъ вниманіе зрителя съ южной стороны старая хотинская крѣпость и расположенное противъ нея на подольскомъ берегу Днѣстра с. Брага; затѣмъ прямо противъ Жванца, на низкомъ песчаномъ мысѣ, лежитъ село Атаки ¹⁾ и наконецъ въ разстояніи 3—4 верстъ вверхъ по Днѣстру, на юго-западъ отъ Жванца, среди горъ бѣлѣютъ нѣсколько хатъ, окруженныхъ уступами деревьевъ; это—небольшое село Окопы св. Троицы, лежащее уже на территории нынѣшней Галиціи. Село расположено на склонѣ высокаго длиннаго мыса, который образуется теченіемъ рѣкъ Днѣстра и Збруча, впадающаго въ этотъ мѣстѣ въ Днѣстръ.

Окопы св. Троицы, входившіе прежде въ составъ Подолія, возникли позже другихъ подольскихъ поселеній. Мѣстность, на берегу судоходнаго Днѣстра, на самой границѣ польскихъ владѣній съ турецкими и румынскими, привлекла вниманіе Станислава Яблоновскаго, великаго короннаго гетмана, какъ удобный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Во время турецкаго господства, король Янъ Казиміръ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ очистить край отъ турокъ, размѣстилъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ небольшіе гарнизоны, которые должны были прекратить подвозъ припасовъ въ Каменецъ и прервать возможность сношеній непріятеля съ заграницей. Въ это время было построено нѣсколько новыхъ замковъ въ мѣстахъ, за которыми признавалось извѣстное стратегическое значеніе, въ томъ числѣ и въ углу при впаденіи р. Збруча, въ самомъ крайнемъ пограничномъ пунктѣ Рѣчи Посполитой. Въ теченіи шести недѣль отрядъ польскаго войска высыпалъ здѣсь валы и шанцы, укрѣпленные каменной стѣной, при чемъ распорядился работами самъ коронный гетманъ.

¹⁾ Поселенія съ такимъ именемъ довольно часто встрѣчаются на бессарабскомъ берегу; онѣ всегда расположены какъ разъ напротивъ подольскаго города или мѣстечка.

Небольшое укрѣпленіе, наскоро сооруженное, получило громкое названіе: »*Окопы горы св. Троицы—блокада Каменца Подольскаго*«; въ настоящее время оно называется въ народѣ просто Окопами. Станиславъ Яблоновскій былъ прилично вознагражденъ правительствомъ Рѣчи Посполитой за оказанную имъ услугу; но замокъ не выполнилъ, кажется, своего назначенія—служить для блокады Каменца.—Мы не знаемъ, когда именно возникло здѣсь поселеніе: были-ли Окопы св. Троицы заселеннымъ пунктомъ раньше постройки замка, или жители начали селиться подъ защитой укрѣпленій, но въ концѣ XVII столѣтія мы уже встрѣчаемъ извѣстія о существовавшемъ здѣсь поселеніи. Въ 1700 г. укрѣпленіе превращено въ мѣстечко привилегіей короля Августа II, надѣлившаго его магдебургскимъ правомъ, съ извѣстнымъ числомъ торговъ и ярмарокъ и т. д.; сверхъ того мѣщане освобождались въ теченіи десяти лѣтъ отъ всевозможныхъ податей и повинностей, какъ земскихъ, такъ и военныхъ. Военная служба, т. е. охрана границы, отбывалась особымъ гарнизономъ, принадлежавшимъ правительству. Но всѣ эти мѣры немного повліяли на развитіе благосостоянія мѣстечка. Вообще Окопы св. Троицы не имѣли большаго значенія ни въ смыслѣ промышленнаго, или торговаго центра, ни въ смыслѣ укрѣпленнаго замка, не смотря на выгодное, повидимому, положеніе при самой границѣ, на берегу судоходной рѣки; гарнизонъ вскорѣ былъ выведенъ изъ замка, мѣстечко оставалось безжизненнымъ; укрѣпленія мало по малу приходили въ упадокъ и правительство нисколько не старалось вызвать поселеніе къ жизни. Разъ только, въ 1764 г., сеймъ ассигновалъ небольшую сумму на возстановленіе замка и валовъ и съ того времени совершенно оставилъ всякую заботу объ Окопахъ. Вѣроятно и послѣ ассигновки укрѣпленіе не было возстановлено, потому что въ 1770 г., когда Жванецъ, Паневцы и другіе пограничные замки заняты были барскими конфедератами, въ Окопахъ св. Троицы на короткое время расположился небольшой отрядъ Казимира Пулавскаго, заставшій здѣсь однѣ развалины и заустѣніе. Пулавскій нѣсколько реставрировалъ замокъ, въ которомъ пробылъ около 12 недѣль, и наконецъ былъ вытѣсненъ при первомъ штурмѣ русскимъ отрядомъ, одновременно съ конфедератами, занявшими жванецкій замокъ.

Послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, въ 1773 г. Окопы св. Троицы вошли въ составъ нынѣшней Галиціи, послѣ чего большая часть укрѣпленій была скрыта австрійскими властями, устроившими въ мѣстечкѣ таможеню и карантинъ. Въ настоящее время уцѣлѣла часть валовъ и стѣнъ, которые мало по малу разрушаются и временемъ, и жителями.

Въ двухъ верстахъ къ югу отъ Жванца, на берегу Днѣстра виднѣется небольшое село Брага, расположенное прямо противъ Хотина на подольской сторонѣ. Дорога въ Брагу идетъ по самому берегу Днѣстра, занимающему вдоль рѣки очень низкую и узкую полосу, всего нѣсколько сажень ширины; берегъ покрытъ толстымъ пластомъ разноцвѣтныхъ закругленныхъ камешковъ, выброшенныхъ рѣкою во время разливовъ; большинство этихъ галекъ состоитъ изъ кремней всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, снесенныхъ сюда водой изъ разныхъ мѣстъ, такъ какъ горы Подоля, состоящія большею частью изъ различныхъ известковыхъ и глинистыхъ породъ, чрезвычайно богаты кремнемъ. Низменная береговая полоса окаймлена съ правой стороны Днѣстромъ, съ лѣвой—возвышается сплошной стѣной каменная гора, около 40 сажень вышиною, служащая подпочвой для плоскогорной приднѣстровской равнины. Верхняя половина горы представляетъ рядъ отвѣсныхъ скалъ, изрѣдка поросшихъ тощей растительностью и напоминающихъ стѣны крѣпости или замка; ближе къ подножію, обрывъ становится болѣе пологимъ, благодаря осыпямъ камней и земли сверху. Во многихъ мѣстахъ высокій берегъ изрѣзанъ глубокими поперечными оврагами, вырытыми дождевой водой. По нимъ только и можно взбираться на гору, при чемъ подъ ногами осыпается постоянно земля и камни, такъ что приходится по два и три раза взбираться на одну и ту-же скалу. Дно овраговъ, также какъ и самый берегъ, усыяно огромнымъ количествомъ кремневыхъ осколковъ; изъ которыхъ многіе напоминаютъ первобытныя орудія простѣйшей формы; между ними попадаются изрѣдка полированные каменные топорики, хотя намъ не посчастливилось найти ни одного.

Весь берегъ Днѣстра изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими заливами, отчего дорога вдоль берега чрезвычайно извилиста. При самомъ началѣ села Браги, дорога идетъ по цѣльной скалѣ, которая въ этомъ мѣстѣ образуетъ почву и, постепенно понижаясь,

переходить на дно рѣки и представляетъ очень удобное мѣсто для купанья.

Село, расположенное на южномъ склонѣ высокаго берега, состоитъ всего изъ двухъ рядовъ хатъ, которыя какъ-бы сбѣгають съ горы къ Днѣстру. Посреди села небольшая церковь; садовъ мало, также какъ и въ Жванцѣ; причиной тому отчасти, можетъ быть каменистый грунтъ, въ которомъ трудно укорениться дереву, или, можетъ быть, и нелюбовь жителей къ занятію садоводствомъ, потому что на противоположномъ бессарабскомъ берегу такая-же каменистая почва и однако на ней растутъ и садовыя, и лѣсныя деревья; вся зелень въ селѣ состоитъ изъ однихъ огородныхъ растений. На возвышенной равнинѣ, господствующей надъ селомъ, видны слѣды земляныхъ укрѣпленій, насыпанныхъ поляками во время войнъ XVI и XVII в., когда Брага на равнѣ съ Жванцемъ, Окопами и др. имѣла значеніе пограничнаго сторожевого пункта. Теперь городище почти совсѣмъ распахано, отъ него сохранились едва замѣтные остатки валовъ, окруженные ровнымъ полемъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ почтовой дорогѣ, синѣетъ темная полоса лѣса — остатокъ бывшихъ *»жванецкихъ гаиозъ«*.

Въ первый разъ съ своимъ настоящимъ именемъ Брага упоминается въ документахъ подъ 1595 г., какъ село, въ которомъ останавливался лагерьмъ Замойскій, провожая господаря Іеремію Могилу на валашскій престолъ, и въ которомъ нѣсколько лѣтъ спустя собирались польскіе и валашскіе послы для заключенія договора, послѣ того, какъ сынъ Іереміи, не сумѣвшій удержаться на тронѣ, обратился къ покровительству Польши. Гетманъ Жолкевскій съ отрядомъ занялъ окопы на высотахъ надъ селомъ, а комиссары обоихъ державъ собирались на совѣщаніе вблизи укрѣпленій подъ его прикрытіемъ. Въ теченіи восьми дней, пока продолжались переговоры, въ Брагу ежедневно переправлялся изъ Хотина турецкій отрядъ, становившійся въ виду комиссаровъ, при чемъ поляки съ своей стороны выставляли такой-же отрядъ, а начальники ихъ щедро угощали турокъ водками и винами вопреки закону Магомета. Наконецъ договоръ былъ заключенъ; одна изъ его статей, относившихся къ Брагѣ, состояла въ томъ, что перевозъ у села, по давнимъ обычаямъ, остается въ общемъ пользованіи;

отсюда видно, что до того времени право перевоза одинаково принадлежало всѣмъ пограничнымъ народамъ, т. е. полякамъ, туркамъ и румынамъ.

Въ теченіи всего XVII в. Брага сохраняетъ значеніе такого пограничнаго пункта, куда съѣзжаются для переговоровъ послы изъ Подоліи и Румынскихъ господарствъ.

Во время хотинской кампаніи 1621 г., Брага получаетъ важное стратегическое значеніе, какъ ближайшій къ Хотину пунктъ на подольской территоріи. Воспользовавшись весьма удобной переправой черезъ Днѣстръ, гетманъ Сагайдачный устроилъ здѣсь мостъ и перевозъ черезъ рѣку для польско-козацкой арміи, которая пользовалась имъ во все время войны.

Въ продолженіи 27 лѣтнаго господства турокъ въ Подоліи, село совершенно опустѣло, даже переправа почти перестала существовать, но послѣ удаленія турокъ, Брага, подобно другимъ оставленнымъ селамъ, весьма быстро колонизируется малорусскими поселенцами; жителей привлекала сюда близость Молдавіи, гдѣ не было крѣпостнаго права и куда легко было спастись въ случаѣ притѣсненія отъ жванецкаго старосты, которому принадлежала Брага вмѣстѣ со многими другими селами.—Мы уже говорили выше, что здѣсь, на самомъ видномъ мѣстѣ противъ Хотина, происходилъ со стороны поляковъ обмѣнъ сосѣдскихъ любезностей съ турками въ видѣ казней преступниковъ, нанесшихъ вредъ туркамъ.

Съ 1769 по 1792 г. Брага получаетъ значеніе русскаго почтоваго пункта; здѣсь стоялъ небольшой козацкій гарнизонъ, на обязанности котораго лежало пересылать корреспонденціи между Петербургомъ и Константинополемъ; тутъ-же останавливались русскіе послы, отправлявшіеся въ Турцію.

Въ настоящее время, также какъ и въ старину, въ Брагѣ существуетъ переправа черезъ Днѣстръ, состоящая изъ двухъ плоскихъ паромовъ, которые здѣсь, какъ и въ Жванцѣ, да и повсемѣстно въ Подоліи, содержатся евреями, между тѣмъ какъ рабочими на нихъ являются крестьяне. Переправляясь изъ Браги въ Хотинъ, мы каждый разъ находили на берегу группы крестьянъ съ возами, въ ожиданіи парома, который не спѣшили подавать на ихъ зовъ. Изъ разговоровъ съ ними мы узнали, что жители Браги большею частью получили надѣлы на бессарабскомъ берегу, куда

отправляются на полевые работы и откуда по нѣсколько разъ въ день возятъ снопы домой, при чемъ каждый разъ принуждены платить за переправу. Такой налогъ долженъ тяжело ложиться на крестьянское хозяйство. Здѣсь кстати отмѣтимъ одну особенность въ сельскихъ промыслахъ. По всему Подолью до береговъ Днѣстра крестьяне сѣютъ главнымъ образомъ различные сорта зерноваго хлѣба, горохъ и чечевицу, при чемъ пшеница идетъ въ продажу, а жито, гречка и др. потребляются на мѣстѣ. Но начиная отъ Жванца, по всему Днѣстровскому побережью сѣется преимущественно кукуруза, которая составляетъ главную пищу мѣстныхъ крестьянъ. Исключеніе представляютъ большія помѣщичьи имѣнія, гдѣ разводятся различные сорта хлѣба; но все это закупается евреями и сплавляется на плотахъ и галерахъ въ Одессу, или потребляется на мѣстныхъ винокурняхъ.—Изъ кукурузной муки больше всего готовятъ мамалыгу—особое молдованское кушанье, которое служитъ главной и постоянной пищей какъ бессарабскаго, такъ и подольскаго крестьянина. Кромѣ мамалыги, изъ кукурузы готовится особый сортъ хлѣба, такъ называемый »молай«, различные лепешки и т. п. При каждой хатѣ находится одно или нѣсколько помѣщеній для склада кукурузы, сплетенныхъ изъ хвороста въ формѣ высокихъ цилиндрическихъ корзинъ (3—4 аршина вышиною), нѣсколько расширяющихся къ верху и закрывающихся остроконечной крышкой. Корзины эти очень удобно переносятся съ мѣста на мѣсто; въ каждой помѣщается около 10 возовъ кукурузы. По словамъ крестьянъ, 10—15 возовъ достаточно на прокормленіе небольшой семьи въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ эта пища чрезвычайно сытная. Излишекъ зерна закупается евреями.

Хотя цѣлью нашей поѣздки было знакомство собственно съ Подольемъ, но разъ очутившись въ виду Хотина, нельзя было упустить случай осмотрѣть этотъ интересный бессарабскій городъ, первый, какой встрѣтился намъ на пути. Нужно замѣтить, что начиная отъ с. Атакъ (противъ Жванца), бессарабскій берегъ довольно быстро повышается, такъ что Хотинъ, отстоящій всего на разстояніи двухъ верстъ, расположенъ уже на довольно высокой горѣ, которая возвышается сплошною стѣной вдоль низменной и узкой береговой полосы.

Переправившись из Браги на другой берегъ, мы очутились у подножія старинной хотинской крѣпости, расположенной въ глубинѣ довольно значительнаго залива, какіе встрѣчаются постоянно по причинѣ частыхъ извилинъ рѣки. Въ крѣпость ведетъ узкая извилистая тропинка, круто поднимающаяся по скаламъ и вся покрытая густымъ слоемъ щебня, который осыпается изъ развалинъ. Цитадель стоитъ на крутой возвышенности, которая со всѣхъ почти сторонъ отрѣзана отъ города чрезвычайно глубокимъ оврагомъ, едвали не достигающимъ уровня Днѣстра и, повидимому, прорытымъ искусственно. Крѣпость, выстроенная генуэзцами, которые имѣли здѣсь факторію, и впослѣдствіи захваченная и значительно увеличенная турками, поражаетъ своею грандіозностью и необыкновенной прочностью постройки; до настоящаго времени сохранились почти цѣликомъ всѣ наружныя стѣны и башни, только внутреннія жилия постройки большею частью разрушены. Цитадель имѣетъ видъ четырехъугольника съ круглыми башнями по угламъ, со множествомъ бойницъ и амбразуръ въ стѣнахъ; внутри двора—старый турецкій колодець, доходящій до уровня воды въ Днѣстрѣ, сохранившійся въ цѣлости и до настоящаго времени, хотя теперь имъ никто не пользуется,—множество погребовъ, подземныхъ ходовъ и другихъ построекъ, которыя лежатъ впускъ. Съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны рѣки, крѣпость имѣетъ весьма внушительный видъ,—кажется, что стѣны и башни въ этомъ мѣстѣ были въ свое время реставрированы турками; но трудно представить себѣ что нибудь грандіознѣе противоположной части, которая выходитъ на оврагъ: громадная, выстроенная полукругомъ, стѣна спускается совершенно отвѣсно до самаго дна оврага, и на вѣскольکو сажень превосходитъ своею высотой вышины сосѣдней горы. Стѣны сложены изъ желтаго кирпича необыкновенной прочности, съ украшениями изъ краснаго кирпича въ видѣ полосъ вдоль всей стѣны до самаго верху; надъ главными вѣздными воротами на стѣнѣ выложенъ рельефный орнаментъ въ видѣ двухъ розетокъ, между которыми фигура пѣтуха, кажется, обращенная на востокъ. Толщина стѣнъ хотинской крѣпости превосходитъ всякое вѣроятіе: онѣ достигаютъ въ своей нижней части отъ двухъ до трехъ сажень въ толщину, во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ устроены небольшія камеры и потайныя ходы, углубляющіеся въ землю и совершенно

темные, куда путешественникъ не рѣшается проникнуть. Въ настоящее время крѣпость совершенно заброшена и мало по малу разрушается временемъ и непогодой. Только изрѣдка посѣщаетъ ее заѣзжий туристъ и, преклоняясь передъ ея подавляющимъ величіемъ, удивляется той высокой культурѣ, которая могла создать и поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій такую неприступную твердыню.—Цитадель укрѣплена съ единственной доступной стороны, т. е. съ юга, рядомъ земляныхъ фортификацій, свозъ которыя ведетъ въ городъ прекрасное шоссе, вымощенное еще турками. Среди валовъ уцѣлѣла часть мечети съ минаретомъ, служившая до недавняго еще времени казармою; тутъ-же находится нѣсколько казармъ, складовъ и другихъ военныхъ построекъ николаевского времени, которыя теперь тоже оставлены и уже приходятъ въ полное разрушеніе, не смотря на свой недолгій вѣкъ, между тѣмъ какъ старая хотинская крѣпость простоить еще долгое время и будетъ поражать еще много поколѣній необыкновенной прочностью постройки.

Объ исторіи Хотина существуетъ цѣлая литература, такъ что о ней нужно сказать или слишкомъ много или ничего; поэтому я ограничусь только внѣшнимъ очеркомъ крѣпости и города.

Въ разстояніи около версты отъ крѣпости, на склонѣ горы начинается городъ, который тянется къ западу отъ Днѣстра по высокой равнинѣ. Сперва идетъ старый городъ, представляющій настоящій лабиринтъ кривыхъ, узкихъ и непроходимо грязныхъ улицъ, застроенныхъ большею частью еврейскими домами; въ каждомъ производится какая нибудь торговля или промыселъ. На главной улицѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые слѣды мостовой—остатки турецкаго шоссе, облегчавшаго сообщеніе между городомъ и крѣпостью или берегомъ Днѣстра. Вдоль улицы тянутся въ два ряда лавки, шинки, табачныя фабрики и т. п. Вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, при чемъ по внѣшнему виду лавки нельзя опредѣлить, какой здѣсь главный продуктъ,—специализации въ торговлѣ совсѣмъ нѣтъ. Въ небольшихъ лавкахъ или рундучкахъ, гдѣ развѣшаны и нагромождены всевозможные товары болѣе низкаго достоинства (все лучшее и болѣе цѣнное прячется подъ прилавкомъ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ при лавкѣ), торгуютъ однѣ еврейки и наперерывъ другъ передъ другомъ зазываютъ всякаго, проходящаго по улицѣ. Евреи собираются группами на улицѣ и

возлѣ лавокъ, съ большимъ оживленіемъ толкуютъ о своихъ гешефтахъ, но не занимаются мелкой продажей.

Въ разныя стороны отъ главной улицы расходятся переулки, болѣе или менѣе правильные, также застроенные еврейскими домами, подѣ часть старинной архитектуры, со множествомъ пристроекъ, кладовыхъ, погребовъ и т. д.; повидимому, это жилища болѣе зажиточныхъ купцевъ. Дальше, на склонахъ горъ, лѣплятся бѣлыя чистенькія хаты хотинскихъ мѣщанъ, окруженныя садами и огородами, въ которыхъ преобладающимъ растеніемъ является кукуруза. На одной изъ горъ, ниже вѣрности, выглядываетъ среди зелени красивая каменная церковь, но, повидимому, безъ всякихъ остатковъ старины.

Миновавъ старый городъ, начинается новый, все-таки еврейскій городъ, который тянется подѣ гору и дальше на высокой песчаной равнинѣ. Широкая главная улица, вымощенная еще во время турецкаго господства и служащая теперь главнымъ торговымъ центромъ, окаймлена съ двухъ сторонъ длинными корпусами каменныхъ лавокъ. Между ними весьма часто попадаются вывѣски, на которыхъ изображено крупнымъ шрифтомъ: *Кондиторская* и внизу мелкимъ шрифтомъ добавлено: *съ продажей питья распивочно и на выносъ*. Незнакомый съ мѣстной стилистикой пріѣзжій напрасно сталъ-бы искать внутри этихъ заведеній чего нибудь напоминающаго кондитерскую; онъ найдетъ только бочку воды и другія принадлежности обыкновеннаго шинка.

Съ концемъ базара оканчивается еврейская часть города и начинается новый русскій городъ, отдѣляющійся отъ перваго довольно обширной площадью. Посреди площади, вправо отъ главной улицы, возвышается очень красивое зданіе турецкой архитектуры, сложенное изъ разноцвѣтнаго узорчатаго кирпича. Одноэтажное квадратное зданіе, очень высокое, окружаетъ со всѣхъ сторонъ широкая, крытая галерея, состоящая изъ ряда арокъ; посреди дома возвышается изящная, ажурная башенка съ полумѣсяцемъ на верху. Въ настоящее время это зданіе передѣлывается подѣ лавки; намъ ничего не удалось узнать объ немъ отъ мѣстныхъ жителей, но кажется, судя по внѣшнему виду, что и въ турецкое время здѣсь долженъ былъ помѣщаться караванъ—сарай или какое нибудь общественное учрежденіе.

Въ концѣ площади начинается рядъ чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ шаблонной архитектуры, въ пять или семь оконъ, съ подъѣздами, палисадниками и т. д., однимъ словомъ тоже самое, что мы привыкли видѣть на главной улицѣ зауряднаго уѣзнаго городка. Здѣсь живутъ представители мѣстной администраціи и интеллигенціи, здѣсь-же помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія: полиція, острогъ, камера мирового судьи, уѣздное училище и т. п., нѣсколько магазиновъ, два-три ресторана и настоящая кондитерская.

По другую сторону улицы тянется довольно обширный скверъ, очевидно недавно еще разведенный, но уже довольно тѣнистый, съ традиціонными аллеями изъ акацій, съ усыпанными желтымъ пескомъ дорожками, съ зелеными скамейками и эстрадой для музыки посреди сада. Возлѣ сквера находится другая православная церковь, новенькая, чистенькая; на дверяхъ красуется длинное печатное поученіе противъ пьянства; вѣроятно православные жители Хотина особенно отличаются этимъ качествомъ.

Дальнѣйшій осмотръ города не представлялъ ничего интереснаго; время шло къ вечеру и пора было думать о возвращеніи въ Жванецъ.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Окончаніе)¹⁾.

Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья болѣе значительные и извѣстные были слѣдующіе: *съ правой стороны*: Цыбульничъ, Сухой Омельничъ, Большой Омельничъ, Самогвань, Домогвань, Сура, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Бѣлая, Червонная, Ребелинка, Тармань, Ненажора, Олешина, Тарасовка, Грушевка, Томаковка²⁾, Каменка, Лапинка, Подпольная (Пидпильня), Рѣчище, Чортомлыкъ³⁾, Шарай, Осетровка, Скарбная, Павлюкъ, Днѣприще, Сельчинъ, Шебалина, Днѣприще Чортомлыцкое, Базавлузь, Березовка, Грушевка, Большая Тереневка, Сухая Тереневка⁴⁾, Осоковровка, Золотая, Переставка, Дурная⁵⁾, Сухая Наносоковка⁶⁾, Мокрая Наносоковка⁷⁾, Вереvчина, Мѣловая, Гирлы, Коловоротъ, Вятлинскій-Переваль, Хресна, Каменка, Дримайловка⁸⁾, Косматій, Идеромля, Бурганка, Тягинка, Малый Ингуль, Бѣлозерка и наконецъ Бугъ; *съ лѣвой стороны*: Орель⁹⁾, Протовчанка,

¹⁾ См. > Киевская Старина < 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

²⁾ Турецко-татарское слово > тумакъ <, по русски значить шапка.

³⁾ Vox hybrida, славянское слово съ турецкимъ окончаніемъ.

⁴⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁵⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁶⁾ Теперь Яремнинская.

⁷⁾ Теперь Дудчанская.

⁸⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁹⁾ Вытекающая изъ харьковской губерніи, она составляетъ границу между нею, полтавскою и екатеринославскою губерніями. Думаютъ, что названіе этой рѣкѣ

Самара, Осокоровка, Татарка, Мокрая и Сухая Каменка, Старуха, Вороная, Волнянка, Московка Сухая, Московка Мокрая (Великая), Рѣчище, Конка, Святая, Маячка, Бристана, Бабина, Аталыкова, Татарка, Басанка, Царева, Бѣло-зерка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Чаплыва, Лопатиха, Русинова-балка, Сухая-Широкая Каирь, Мечетная Каирь, Западная Каирь, Крутая Каирь, Турецкая Каирь и Веливела *).

Изъ всѣхъ названныхъ притоковъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Базавлукъ, Подпольная, Малый Ингулецъ, Бугъ съ правой стороны, Самара и Конка съ лѣвой.

Базавлукъ, *Базудукъ*, *Бузовлукъ* или, по Книгѣ Большаго Чертежа, *Безовлукъ*, извѣстенъ былъ подъ именемъ Герроса еще отцу исторіи Геродоту. На турецкомъ языкѣ Базавлукъ звучитъ >базар-лукъ <, что значитъ >торговля < *). Онъ начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи и, протекиши 120 версть съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ рѣчку Скарбную изъ Подпольной, около Красаго Кута, выселка Грушевки, херсонскаго уѣзда, въ ста сорока верстахъ выше самаго Херсона, служа границей между херсонской и екатеринославской губерніей. Сама >рѣчка Скарбная, принявши Базавлукъ, раздѣляется на два притока, изъ которыхъ одинъ называется р. Омельнихою, другой — р. Колотовскою. Колотовская всорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ Переваломъ, который перехватываетъ Омельниху и потомъ дѣлится опять на три притока, именуемые жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія Воды, родъ болота или озера, весьма обширнаго, соединяются наконецъ съ Днѣпромъ посредствомъ многихъ гирлъ при деревнѣ Фирсовѣ *).

Рѣчка *Подпольная* начиналась въ старину противъ Микитина, теперешняго м. Никополя, екатеринославскаго уѣзда, на Орловомъ

дано узамн или торками и произошло отъ одного корня со словомъ >Ураль <. Никифоровъ. Очерки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, ч. I, стр. 23.

*) Мышецкіи. Ист. о каз. зап. Одесса, 1852, 59—73.—Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 г., стр. 23.

*) Знаніемъ этого и другихъ словъ мы обязаны профессору харьковскаго университета В. И. Шерцлю.

*) Надеждинъ. Геродотова Скиѣія. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 54.

лугу, съ правой стороны, и получила свое названіе, по однимъ,—потому что проходила *подъ полями*, а по другимъ,—потому что своимъ теченіемъ подрѣзывала или *подпиривала* свои берега. Она замѣчательна тѣмъ, что нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то отдѣляется отъ него, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ носить и разныя названія. »Подпольная у г. Берислава принимаетъ названіе р. Касмахи, и отъ деревни Казацкой—рѣки Казацкой, гдѣ уже течетъ значительнымъ рукавомъ болѣе 100 сажень шириною, и вливается въ Днѣпръ у д. Ольговки (Дядьковки) подъ названіемъ рѣки Конки. Съ приближеніемъ къ рѣкѣ Ингульцу, снова отдѣляется рукавъ вдоль праваго берега, подъ названіемъ Ингульца, и снова вливается въ Днѣпръ, а отъ Херсона, опять отдѣлившись, называется р. Кошевою. Къ сѣверу отъ Днѣпра, возлѣ самыхъ устьевъ, течетъ Прогной, называющійся опять р. Подпольной^{*)}). Кромѣ этого рѣка Подпольная замѣчательна еще тѣмъ, что на ней была послѣдняя по счету, въ предѣлахъ русскаго государства, Запорожская Сѣчь, называемая Новою Сѣчью, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ и существовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда. Сѣчь находилась на большомъ полуостровѣ, заключенномъ между лѣвымъ берегомъ р. Базавлука и правымъ р. Днѣпра вмѣстѣ съ отдѣлившеюся отъ него рѣчкою Подпольною, что подало поводъ Э. Ляссотѣ сказать о Новой Сѣчи, что она расположена на островѣ Базавлукѣ^{*)}). Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ остались укрѣпленія; нѣсколько намогильныхъ крестовъ, между прочимъ крестъ надъ могилою кошеваго атамана Стефана Гладкаго, умершаго въ 1747 г., какъ гласитъ надпись; иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви, хранящійся на хорахъ теперешней церкви, болѣе двадцати церковныхъ книгъ, нѣсколько иконъ съ интересными подписями, тамъ-же, четыре сволока, оставшихся отъ запорожскихъ хатъ съ характерными надписями и даже цѣлая хата, построенная въ 1747 году, августа 13-го и находящаяся во дворѣ крестьянина Митрофана Чернаго или, по уличному, Папуши.

Рѣка *Ингулецъ*, или по Книгѣ Большаго Чертежа Ангулецъ, также известна была уже Геродоту, подъ именемъ р. Гипакириса; на ту-

^{*)} Шиндтъ. Матеріалы для исторіи и статистики. Сиб., ч. I, стр. 177.

^{*)} Путевыя Записки Э. Ляссоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

рецькомъ языкѣ Ингуль или Ингулецъ звучить «иен-кул», что значить «обширное озеро». Она беретъ свое начало въ такъ называемой Висунской степи, херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, въ 7^{1/2} верстахъ отъ с. Елисаветградки, и впадаетъ въ двадцати верстахъ выше г. Херсона, при селеніи Даріевкѣ; всего теченія Ингульца, по прямому направленію, 217^{1/2} версть, а слѣдуя по извилинамъ—523 версты.

Рѣка *Бугъ*, извѣстная Геродоту подъ именемъ Гипаниса. Впрочемъ, есть мнѣніе, что у Геродота Днѣпръ и Бугъ считались за одну рѣку и именовались однимъ общимъ именемъ Борисоена: «нынѣшній Бугъ для Геродота былъ ни что иное, какъ самый Борисоень... Днѣпръ и Бугъ считались имъ (Геродотомъ) за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисоенеса. Впрочемъ главнымъ, настоящимъ Борисоенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него (Геродота) нынѣшній Днѣпръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Почему-же Геродотъ, исчисляя Ингуль, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по крайней мѣрѣ съ той точки, гдѣ онъ и въ его время былъ уже отдѣльною, самобытною рѣкою, то есть съ соединенія его съ Чичивлеей? Причина тому безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичивлеи запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьѣ, какъ и самый Днѣпръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть, по причинѣ пороговъ, доступенъ судоходству съ моря (προς πλωτός ἀπό θαλάσσης), а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать¹⁾ Бугъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Бовгъ, по козацки и польски Богъ или Бохъ, по турецки Ав-су—»бѣлая вода«, выходить изъ болотъ южной части волынской губерніи, на Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, старо-константиновскаго уѣзда; протекаетъ черезъ волынскую, подольскую и херсонскую губерніи, съ сѣвера на юго-востокъ, на протяженіи 716 версть, заключая во всей своей рѣчной области 1,034 кв. миль и впадая въ Днѣпръ бугскимъ лиманомъ. Запорожцамъ принадлежалъ Бугъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него р. Синюхи, съ лѣвой стороны, при теперешнемъ г. Ольвіополѣ, и до самаго

¹⁾ Надеждинъ. Геродотова Скенія. Зап. одес. общ. ист. и древ., I, стр. 41, 44, 55.

устья, что составляет 180 верстъ, по прямому направленію. Отличительное свойство этой части Буга то, что дно его уже въ началѣ, отъ Ольвіополя до сл. Александровки, бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, на 15 верстъ выше г. Вознесенска, загромождено каменными глыбами, на пространствѣ 70—80 верстъ, называемыми здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, порогами и одинаковаго съ днѣпровскими-же происхожденія. Они начинаются еще у Брацлава, подольской губерніи, но тамъ они не такъ скучены да и самое число ихъ не велико; здѣсь-же отъ Ольвіополя до Александровска они составляютъ большую помѣху для судоходства по Бугу: число этихъ пороговъ насчитываютъ до восемнадцати; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: мигійскіе, числомъ два, при с. Мигіѣ, одинъ въ 350 с. длины, а другой въ 500; богдановскій, противъ дер. Богдановки, въ 600 с. длины; константиновскій, противъ с. Константиновки, въ 400 саж. длины; проточинскій, 80 с. длины, и александровскій, противъ с. Александровки. »Руслó Буга, прорѣзавшись въ каменистой гранитной грядѣ, отрогѣ Карпатскихъ горъ, сквозь скалистые обрывы, сжимающіе его берега, пересѣвается въ самомъ руслѣ своемъ множествомъ отдѣльныхъ гранитныхъ массъ и булыгъ, мѣстами выходящихъ надъ поверхностью воды на двѣ сажени, въ видѣ цѣлыхъ острововъ, покрытыхъ иногда деревьями и живописно разбросанными садами, что, вмѣстѣ съ окружающею мѣстностью, также довольно живописною, составляетъ превосходную и рѣдкую въ херсонской губерніи картину. Эти гранитные острова и подводные камни составляютъ только верхнюю надводную часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою и которыя образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ*¹⁾). Ниже села Александровки гранитные берега Буга смѣняются известковыми утесами, а потомъ мало-по-малу превращаются въ широкіе луга, такъ до г. Вознесенска; отсюда до впаденія р. Чичиклеи въ Бугъ, неподалеку отъ гор. Ананьева, переходятъ въ низменные топи; еще ниже отъ впаденія р. Ингула, выше гор. Николаева, въ песчано-глиноватую низменность, по которой Бугъ и изливается въ Днѣпръ своимъ лиманомъ.

¹⁾ Шмидтъ. Матеріалы для географіи и статистики. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 190.

номъ, имѣющимъ 46 верстъ длины и отъ 800 сажень до 7 верстъ ширины.

Самара, или въ географіи южной Россіи 1698 года *Малая Самара*, у казанскихъ татаръ *Сакмаръ*, въ книгѣ *Большаго Чертежа Самаръ*, у запорожскихъ казаковъ *Самаръ*. Имя *Самаръ*, *Самара*, *Самарчужъ* распространено у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ именемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, *Самарию*, Иудею и Перею. По сказанію житій *Сорока двухъ мучениковъ*, *Павла Аеонскаго* и другихъ, былъ г. *Самара*, на рѣкѣ *Ефратѣ*, принадлежавшій сарацинамъ: въ Сибири былъ остояцкій князь по имени *Самара*, извѣстный своимъ неудачнымъ сраженіемъ съ русскимъ покорителемъ Сибири, *Ермакомъ Тимофеевымъ*; на горѣ *Аеонъ* есть и теперь утесъ *Самары*; за *Волгой* есть гор. *Самара*, на рѣкѣ *Самарѣ-же*; въ *Крыму* была рѣчка *Самарчужъ*¹⁾; наконецъ слово *Самара* встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово²⁾, но ближе всего, кажется, подходит переводъ съ киргизскаго языка, на которомъ *самара* значитъ *круглое озеро*. У *роксоланъ*, *антовъ* и *запорожскихъ козаковъ*. *Самара*, кромѣ собственнаго названія именовалась еще *священною* или *святою рѣкой*. *Самара* вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близъ села *Самарскіе Пруды*; длина ея въ запорожскихъ предѣлахъ простиралась до 200 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 100 сажень и болѣе. *Самара* замѣчательна въ исторіи запорожскаго козачества тѣмъ, что на ней у запорожцовъ былъ монастырь, въ томъ именно мѣстѣ рѣки, гдѣ она раздѣляется на два рукава, собственно *Самару* и *Самарчужъ*, въ двухъ верстахъ выше теперешняго г. *Ново-Московска*, запорожской *Новоселицы*.

¹⁾ Надхинъ. Память о Запорожьѣ. Москва, 1877, стр. 46 и 47.

²⁾ Авторъ *Историч. обозр. церкви екатеринославской епархіи* производитъ *Самару* отъ сарматовъ или сауроматовъ: *Сарматы* построили себѣ гор. *Савромару*, въ просторѣчій называвшуюся *Самарою*, при рѣкѣ того-же имени (*argh Sauromaris, vulgo vocatur Samaris cum ejus modum nominis flumine*). Стр. 12.

Рѣка *Конка*, Конскія воды или по татарски Эльки-су, беретъ начало въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ десяти верстахъ отъ с. Конскихъ-Раздоръ и течетъ на протяженіи 180 верстъ. Она замѣчательна тѣмъ, что семь разъ соединяется съ Днѣпромъ и столько-же разъ отдѣляется отъ него. Такъ, взявшись изъ-подъ Конскихъ-Раздоръ, Конка имѣетъ сначала сѣверо-западное, прямо встрѣчное Днѣпру направленіе. Но по мѣрѣ приближенія къ г. Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она вслѣдъ за нимъ поворачиваетъ туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это сліяніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится; именно близъ селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки и подъ г. Алешками. Невозвратно исчезаетъ она уже въ Днѣпрѣ возлѣ Лимана, при такъ называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго, или лучше, перепутаннаго теченія доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ сліяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ него особою синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно-днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской наибольшую часть острововъ и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго лѣса^{*)}.

Кромѣ Днѣпра и его притоковъ, можно указать еще многія другія рѣки въ запорожскихъ предѣлахъ. Такъ на сѣверо-западномъ его слонѣ находятся *Кильчень*^{*)}, впадающая въ Протовчанку, *Солоная*, впадающая въ Базавлукъ, подъ селомъ Шо-

^{*)} Андреевскій. Путев. зап. при объѣздѣ днѣпров. и мелит. у. Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838 г., № 5, 294.

^{*)} Кильчень по турецки - Кылыджъ - сабля, мечъ.

лоховымъ екатеринославскаго уѣзда, *Саксагань* ¹⁾ и *Висунь*, впадающія въ Ингулецъ ²⁾, *Добрая*, впадающая въ Висунь, *Инуль*, у Геродота Пантикапесь ³⁾, впадающій въ Бугъ, *Гнилой Еланецъ* ⁴⁾, *Мертвые Воды* и *Корабельная*, впадающія въ Бугъ, *Синюха*, впадающая въ Бугъ и отдѣлявшая на западъ запорожскія границы отъ границъ брацлавскаго воеводства, и наконецъ *Черный Ташлыкъ* изливающейся въ Синюху и *Каменка*—въ Ингуль; на юго-восточномъ склонѣ: *Верхняя Терса*, впадающая въ Волчью, выше сл. Николаевки, александровскаго уѣзда ⁵⁾, *Нижняя Терса* впадающая въ Волчью, *Средняя* или *Степная Терса*, впадающая въ Нижнюю Терсу, подъ с. Берберовкой, александровскаго уѣзда, *Ганчуль*, впадающій въ Волчью подъ деревней Богодаромъ ⁶⁾, *Янчуль*, впадающій въ Ганчуль ⁷⁾, *Волчья*, впадающая въ Самару ⁸⁾, *Торонецъ*, впадающій въ сѣверный Донецъ, *Березняковатая*—въ Калміусъ, *Калміусъ* ⁹⁾, впадающій въ Азовское море и служившій у запорожцевъ пограничною рѣкою съ востока, отъ Славяно-Серби и Земли войска донскаго, *Кальчикъ* ¹⁰⁾, впадающій въ Калміусъ, *Берда*, впадающая въ Азовское море ¹¹⁾, *Янчикракъ* и *Карачикракъ*, впадающія въ Конку ¹²⁾, *Жеребець*, впадающій въ Конку и отдѣлявшій

¹⁾ Саксагань, по турецки >сыксык<, легкій, быстрый.

²⁾ Всего теченія Висуни 97 версть.

³⁾ По турецки >иен-куль<—обширное озеро; находится между Бугомъ и Дяѣстромъ; беретъ начало въ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, вблизи любомірскаго лѣса, возлѣ деревни Бровковскаго; длина рѣки—190 версть, ширина отъ 5 до 90 сажень; впадаетъ въ Бугъ возлѣ г. Николаева

⁴⁾ По турецки >аланъ<—лужайка, поляна

⁵⁾ По турецки >тересъ<—соръ, навозъ.

⁶⁾ Въ нижніи землевладѣльца Ф. И. Михеева.

⁷⁾ По турецки Ганчуль и Янчуль звучатъ одинаково: >иен-чол<, обширное пространство, степь.

⁸⁾ Волчья беретъ начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, не вдалекѣ отъ села Покровскаго; длина 220 версть, ширина отъ 15 до 25 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ.

⁹⁾ Беретъ начало изъ высотъ бахмутскаго уѣзда, впадаетъ въ Азовское море, близъ г. Мариуполя; длина 150 версть, ширина до 30 сажень, глубина отъ 6 футовъ до 3½ сажень.

¹⁰⁾ Кальчикъ, Калка, по турецки >калкан<—щитъ, навѣсъ.

¹¹⁾ Длина 100 версть, ширина отъ 6 до 20 сажень.

¹²⁾ Карачикракъ названіе турецкое: кара—черный, чикранъ названіе птицы; Янчикракъ значить Новый Чикракъ.

земли запорожскія отъ земель джедишкульской и джамбуйлуцкой ордъ.

Такова гидрографія запорожскаго края. Къ этому нужно прибавить нѣсколько словъ объ озерахъ и болотахъ.

Озеръ въ запорожскихъ владѣніяхъ, болѣе значительныхъ, считалось до пятисотъ, изъ нихъ до двухъ сотъ находилось въ теперешней екатеринославской губерніи и до трехъ сотъ въ теперешней херсонской губерніи. Болѣе замѣчательныя изъ озеръ слѣдующія: Соломчино, Осокорово, Прогной, Головковское, Лахново, Ровное, Священное, Сотниково, Жаданово, Домаха, Тарасово, Васюрчино, Темерницкое, Федьковское, Федорово, Золотянское, Шатное, Царевское и др.

Изъ болотъ въ предѣлахъ запорожскихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія: болота днѣпровскія, по нѣкоторымъ долинамъ и балкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, особенно съ правой стороны; орельскія болота, въ разныхъ мѣстахъ праваго берега р. Орели; самарскія болота, по обоимъ берегамъ р. Самары, особенно на среднемъ и нижнемъ теченіи ея; донскія на низменной мѣстности р. Дона, прилегавшей къ запорожскимъ владѣніямъ; калміусскія, при устьѣ р. Калміуса; наконецъ можно указать еще на болота по долинамъ рр. Базавлука, Ингульца, Ингула, Буга, по верховьямъ Ингула, Ингульца и другихъ рѣчекъ, въ нихъ или въ Днѣпръ вливающихся.

Послѣ всего сказаннаго о Днѣпрѣ, легко повѣрить тѣмъ историкамъ и путешественникамъ, которые говорятъ объ удивительномъ плодородіи долины Днѣпра и смежныхъ съ ней окрестностей. Уже Геродотъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: »Земля (скиѳовъ) вся изъ плоскихъ равнинъ; она изобилуетъ травою и водами; рѣкъ, протекающихъ по ней не меньше числомъ, какъ въ Египтѣ каналовъ... Рѣка Борисѳенъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, наибольшая и наибильѣйшая. Онъ доставляетъ своту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ, а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль въ чрезвычайномъ изобиліи садится сама собой¹⁾ » Рѣка эта (Борисѳенъ), замѣчаетъ другой писатель древняго міра, полезнѣе всѣхъ прочихъ по изобилію и величинѣ рыбъ, по количеству зем-

¹⁾ Геродота Галикарнасскаго бытосказаній книга четв., стихъ 53.

ныхъ плодовъ, которые она доставляетъ, и по пастбищамъ для скотскаго корма¹⁾. »Въ 1581 году... мы осмотрѣли значительную часть этой земли (при-днѣпровскихъ степей) и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спиць и препятствуетъ свободному ихъ движению. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дивимъ виноградомъ²⁾«. »Въ городѣ Екатеринославѣ и во всемъ уѣздѣ онаго воздухъ благотворенный, вода въ рѣвахъ и устроенныхъ колодцахъ сладка и здорова; земля плодородна, но не совсѣмъ еще обработана. Сельскіе жители упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ; въ рѣвахъ и озерахъ рыбы довольно, а особливо весной на Днѣпрѣ, въ порогахъ ловятся осетры, стерляди и сазаны, въ немаломъ количествѣ. Лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ и другихъ мѣстахъ небольшими буераками и кустарниками имѣется, но нынѣ разсадкою и посѣвомъ въ разведеніи по селеніямъ довольно успѣхи видны³⁾. »Обширное пространство плодovitыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилѣжно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ, рожь, пшеницу, ямень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ огородныхъ овощей: арбузы отменно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, *Капусты?* чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиныя, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Ското-

¹⁾ Скимва Хюсскаго отрывки. Зап. одесск. общ. истор. и древн., т. III, стр. 137.

²⁾ Записки Миллера, издан. въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одесск. общества истор. и древн., I, 604.

³⁾ Описаніе городовъ и уѣзд. азовской губерніи. Зап. одесск. общ. ист. и древн. III, 290—291.

водство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скоть, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ ссыкивать пастьбу... въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и въ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и рассадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. > Дикія птицы < въ большомъ количествѣ ¹⁾.

> По нашій стороны скривъ були такі травы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилізешъ. Стари люди розсказують, шо тутъ було якъ идешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же свидай съ себе штаны, а то якъ хлющи будуть; а скинувъ штаны, пидбйрай ще й сорочку, а то й ця зопріе. Отъ що було! А шо цегò звіру, птыци, такъ звисно, видимо й невидимо: такъ по степу й ходять. Отъ тутъ у Наковальни—слобидка така—бувъ одинъ дидь, призвищемъ Залізнякъ; ёму було, якъ винъ умеръ, годъ сто двадцять,—не брешу. Такъ той Залізнякъ було розсказуе про те, шо воно тутъ у старовину робилось. Приехали, каже, мы съ своею панею у ци мисця, де теперъ Наковальня—вони, бачъ, одійшли йй по наслидству—ну й приехали; дивимось, ажъ тутъ ни хатины, ни куреня нема. Шо тутъ казати? А шо? рубай очереть та копай дернину, каже мени паня. Нарубавъ я очерету, накопавъ дернины; поставивъ той очереть, обсыпавъ землю,—оце, бачъ, хижка й е; шо жъ теперъ їсти? Та їсти, шо хочъ: е й птица, е й звірь стеновый. Шо птица? шо тамъ звірь? Ти пойдъ та піймай мени дике порося, каже мени паня. Ну, шо жъ порося й порося! Сйдаю я на коня, беру малахай (длинный кнутъ) та й їду до риччи, де бували бирла (логовища) дивихъ свиней. Та то прииду та й жду, ажъ поки свини пидуть пастись у степъ, а поросята зостанутця сами; выдвлюсь було, та заразъ туды; ухоплю порося та навтикача; та все бижу, та все бижу, шо есть духу, а воно кричить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаеете? Якъ почувють гаспидови свини, такъ бижать за мною ажъ до куриня, та якъ бы не малахай, то й розирвали бь: такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневи. Отъ що було, кажуть, у старовину. Совсимъ не такъ якъ теперъ. Отъ хочъ бы и

¹⁾ Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 302.

урожай: хіба такий винъ бувъ, каже Зализнякъ, якъ теперъ? У нашої пани, каже, було сімейства сімъ чоловіка, а вона більшъ двадцяти сажень ніколи було не сіяла пшеници; оце було заволоче прямо проти курина, посіе та й жде. Якъ уроде було, такъ стебла того й невидко: одинъ колосъ наче, та товстий такий якъ веретено. Отъ таки-то були хліба, а трави такъ ще лучче. За травною и землі не видко було: якъ рядно, або кожухъ лежить поверхъ землі. Тоди, бачъ, мало хто косивъ їи, такъ вона підніметця, та впять и пада,— видъ того и лежить якъ рядно. А вишня! хіба така була якъ теперъ?! Чоловіка верхи на кони не видко було! Отъ які трави були¹⁾. »Тоди трави теи було, шо й не пролизешъ. Тирса, комышъ, бурунчукъ, орошокъ, ковыль—якъ дерева стоять. Якъ загопишъ було у траву овець, такъ ихъ и не видко; уже хіба у вечери уздрішъ, якъ понайдятця та сами повиходють изъ трави, тоди тилько и вздришъ; та якъ понабьетця було вивцямъ теи тирсы, такъ днівъ два або три оббираешъ. Трави дуже високи були; теперъ такихъ и не вбачишъ, скільки не їздъ и не ходи. И деревá велики були; була тутъ груша, берестъ, вишня, дуля, а тернина така товста, шо изъ неи робили оси на брички; туполи були: стоять було стина стиною та ривеньки якъ стрілочки; плавни такі, шо й не продерешся по-міжъ ними; тамъ велика лоза росла; заблудишъ було, якъ припизнися, або задивишся. Тоди урожай на все були: сіяли трошки, а родило багато²⁾. »Трава така була якъ лисъ; та все пиріи, а не то що щиріца, або лобода. Теперъ такихъ травъ и близько нема, а тоди, Боже правий, скільки ихъ було! Бачъ, зими тоди теплі були,—це вже теперъ до насъ кацапы понесли холода, а тоди зими теи не дуже чутно було, такъ того вона и трава велика росла. Вона оце підніметця, виросте та впять и пада на землю,—такъ и лежить якъ той войлокъ; ніхто їи, бачъ, тоди не косивъ: сама собі росте сама й пада, видъ того и звалася вона нежиръ-трава; якъ весна, то їи заразъ палють було, щобъ да-

¹⁾ Розказъ, записаний мной отъ крестьянина александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи, Евдокима Косяка.

²⁾ Записано мной отъ крестьянина-старика Ѡ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

вала съ-пидъ себе молоду траву; та якъ запалють, такъ вона горить недиль дви, або й три. Дуже багато було их¹⁾.

Всего вдоволь было у запорожцевъ:

Вдоволь было у нихъ и лѣсу дремучаго,
И звѣря прыскачаго,
И птицы летучія,
И рыбы плувучія;
Вдоволь у нихъ и травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку.

»Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною. Многія озера столь обильны рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Сіи мѣста называются Замоканъ (т. е. Самотканъ)... Выше Замокана протекаетъ рѣчка Домотканъ, въ которой видится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною... Самара весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Койдакѣ. Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть, за счастливое богатство ея²⁾. Пользуясь всѣми выгодами прекраснаго климата, напоенная животворною влагою, защищенная густымъ дубовымъ лѣсомъ, самарская область носила названіе у запорожцевъ святой Палестины, рая Божьяго на землѣ. Городокъ Самарь, со всѣмъ его округомъ, по естественнымъ своимъ произведеніямъ, всегда былъ всѣмъ богатъ, плодороденъ и обилень; рыбы и дичи, меду и воску, всякаго рода хлѣба и строеваго лѣса, всего было въ немъ много и изобильно: »се була земля добре гарная, кветнучая и изобилуючая«, — такъ всегда и вездѣ до 1770 годовъ выражались казаки-запорожцы о Самарѣ и о Самарской паланкѣ³⁾«. Не меньшимъ богатствомъ,

¹⁾ Разсказъ, записанный мной отъ столѣтняго старика села Чернышевкы, екатеринославскаго уѣзда, И. И. Россолоды.

²⁾ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб., 1832 г., стр. 16—19.

³⁾ Феодосій. Сам. пуст.-никол. мон., екатер. губ., 1873 г., 4 и 5.

въ отношеніи рыбы отличался и самый Днѣпръ. >Рыбныя ловли у запорожцевъ были чрезвычайныя въ Днѣпрѣ, по озерамъ, особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурнской косѣ и на Тендерѣ; здѣсь такое множество было у нихъ лова, что не только вся Украина запорожская ею обогащалась, но и вся Польша, гетманщина и прочіе окрестные жители ею пользовались *)«. Количество рыбы, ловимой въ Днѣпрѣ, было такъ велико, что запорожцы и потребляли ее сами, и продавали другимъ, употребляя полученные деньги на покупку оружія и платья:

Днипровый, Днистровый, обидва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Изъ рыбъ, которыхъ запорожцы ловили въ Днѣпрѣ, его притокахъ и озерахъ, были: осетры, сомы, севрюги, сазаны, лини, стерлядь, щука, тарань, подлещики, лещи (чабаки), семга, окуни, плотва, судаки (сула), язи, сельди, чилики, ерши, марена, сабля, бѣлуга, длиною иногда до трехъ сажень, шириною до сажня **).

Еще больше того было звѣрей и птицъ: >Въ великомъ лугѣ были страшныя гущи, озера, лиманы, охваченные камышами, ситнягомъ; тамъ, по нетрямъ и дряговинамъ, звѣри кипѣли *)«. >Ну й звіру жъ тутъ плодилось: дики вozy, кабаны, вовки, лисици—такъ по плавнямъ и шныряють, гладки таки та дики! Свиню було якъ побачишь дику, такъ скорійшъ лизъ на дерево, а то заразъ хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре... За тежъ и гадючця тутъ було; зъ гадюкою такъ и пьешъ, и їси и спишь: пидлизе було пидъ чоловика, звернетця въ клубокъ та й спить зъ нимъ: бачъ, холодно їй проклятій самій. Чорни гадюки, ци не страшни, а жовтобрюхи, такъ видъ тихъ Боже храни! Страшни скажени: сажень по два, по три довжины; такъ и випать, та свистять якъ чабанъ на вивци. Ця дуже страшна гадюка: якъ укусе, то ото вже й смерть,—ей же Богу. Оце було якъ косити

*) Устн. повѣствов. Никиты Коржа, стр. 39.

**) Мышецкій. Ист. о каз. запор. Одесса, 1852 г., стр. 77. Бопланъ. Описаніе Украины. Спб. 1832 г., стр. 17 и 19. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. III, стр. 302.

*) Устн. повѣств. Ник. Коржа, изд. Стороженка, стр. 151.

траву на острови (Томаковеѣ), то перше всёго косари берутъ коляки та выбиваютъ жовтобрюхивъ, а тоди вже берутця за коси. Отъ що було! А птыци? ии було, такъ у-ю-ю! Тоди стрильцивъ цихъ, связать вамъ, мало було,—це вже теперь стало такъ, шо вынешъ палицю на собаку, а въ стрильця попадешъ, а тоди ихъ не густо було; видъ того и птыци плодилось багато. У сорокъ пятому годи (въ 1845) була тутъ велика вода, скривъ позатопляло, тилько шо островъ и бувъ сухой, такъ сюды птыци всякои якъ поналитало,—такъ сказати вамъ,—и гилля не видко було на деревьяхъ: самый воняхъ висе ¹⁾«. »По озерамъ та по степамъ—рыбы, звіру, птыци видимо й невидимо. Плодились вовки, лисици, зайци, свини—и по плавнямъ и по свелямъ; рыба та сердешна такъ ажъ затхнетця, а ракивъ штанами ловили. А шо птыци? Стрепеты, огари ²⁾, лебеди, такъ и ходють. Травы таки, шо ажъ по груди хватають, а то ще й бильшь; а роса по трави, якъ вода; якъ хочешъ ити по степу, то першь усего скинь штаны, а то й недотягнешъ, якъ намокнуть. Грушья, калины, винограду дикого—не пролизешъ. Ничью страшно було й ходити ³⁾«. »Тутъ були всяки дерева: овація, вильха, калина, бруслина, береза, дубъ, а звірно такъ, шо й скотыни не можно було пройти; зъ вивцями такъ не опизнайсь. Дики возы, кабаны, барсуки, виднихи такъ и бигають по степу, особливо виднихи. Це дорогій звірь; винъ скидаецця на лисицю, тилько шо живе въ води; шерсть на нему така, шо ажъ лоцитця, а якъ погладишь, такъ наче-бъ то искры сыплютця. По нашому це виднихи, а по руському выдра. Птыци страсть Божа: гусей дивихъ видирали изъ гниздъ сотнями, а качоць, такъ, Господи спаси, скилько: волокомъ ловили. Теперь того нема: людно стало. Всёго було вдовилъ: и звіра, и рыбы, и травы. Комыши таки були, шо й не проберешься за ними, а калданивъ, буркунивъ, такъ, Боже мій, скилько! ⁴⁾«. »У запорожцивъ велике було привиля, теперь таково

¹⁾ Рассказъ, записанный мною отъ старика Ф. С. Заброды, села Чернышевы, екатеринославскаго уѣзда.

²⁾ Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся; научное название ея: *anas rutila*.

³⁾ Записано мною отъ старика С. Герасименка, деревни Блажковки, херсонскаго уѣзда.

⁴⁾ Рассказъ, записанный мною отъ старика Ф. А. Горбатенка, г. Алешевъ таврической губерніи.

нема. Бжолы тїи, такъ батечки мои! Тоди усяки цвїты цвїли, травы велыки були, бо ціи пїдгани—ховрашкивъ та гусеныци, шо теперъ плодитця, тоди не чути було; такъ древа, травы, звирья и не пройдешь. Медъ и по пасикамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ: скылько хочешъ, стылько й бери; а звирю ще былыа сила: вовкывъ, лисиць, чокалкывъ (той же вовкъ, тылько злїйшїй надъ вовка), такъ ціа беда; дикї конї цілыми табунами ходили... Було й птыци вдовиль: качокъ, лебедывъ, охитви ¹⁾, дрохвивъ,—такъ хо-хо-хо! Стрепетывъ сыльцями ловили, а лебеди було якъ заведутця бытьця, та якъ пиднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стреляти ихъ изъ пистоля, щобъ прозгонить... За тежъ и конї водились тутъ, вивць, такъ на диво; та все воно по воли й паслось, хїба тылько коло отаръ и були чабаньци... ²⁾».

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ видѣть, на сколько плодородна и богата была земля запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, уже на пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ, можно было найти и дикїй чай, и шалфей, и ковыль, и цикорїй, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣпку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнь, и ромашку и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весенняго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитїя, а при обильныхъ дождяхъ и подѣ влиянїемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, земля запорожскихъ козаковъ съ успѣхомъ производила и всякаго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Выѣстѣ съ появленїемъ растительности, появлялись и животныя, прилетали и птыцы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикїя вozy, кабаны, барсуки, выдры ³⁾, сугаки, волки, лисицы, зайцы, медвѣди, лани, байбаки, лоси, дикїя кошки, буйволы; были также

¹⁾ Охитва, хохитва, стрепеть, свистокраль, трясушка, степная кура—разныя названїя для одной и той-же птыцы изъ породы дрохвы (*otis tetrah*). См. Даль. Толков. словарь, Москва, 1866 г., ч IV, стр. 514 и 309.

²⁾ Разсказъ, записанный мною отъ столѣтняго старика Россолоды, жителя села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

³⁾ Иначе виднїа, каборга; изъ кожи каборги запорожцы видѣлывали себѣ шапки:

дикія лошади. >Онѣ ходили, говоритъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу¹⁾. >Тутъ водились дикіе кони. Ще ѣ я та ѣ то зазнаю ихъ: вони на масть мишасті, невеличкі, та гладкі, та крипкі таки. Мій батько таки ловивъ ихъ, такъ що-жь? Вони або повтывають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ бигати, такъ це такъ. Оце було ѣде чоловікъ кобылою по шляху, а дикі коні пасутця у бальци. Отъ жеребець заразъ выскоче на могилу та ѣ нюха, чи кобылою, чи конемъ ѣде той чоловікъ. Якъ почуе, шо кобыла, заразъ-же ѣ бижить до неї. Тоди вже, шо тамъ чоловікъ той не роби и якъ не одбороняйся, а жеребець одибье кобылу. Видъ того по шляху багацько було валяетця колись, обиддя, оглобель та драбинъ зъ возивъ: то все дикі жеребці замають у произжаючихъ людей возы, якъ одбивають кобыль²⁾. Такъ богато было Запорожье разными животными. Не меньше того оно богато было и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикіе гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы—птицы, цапли, журавли, аисты, ястреба, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, колпицы, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарскаго побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту >Палестину<, тотъ >обѣтованный рай<, который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго козака; это Самарь и по-Самарь съ ея священнымъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ:

Славно жьть на кошу:

Я земли не пашу,

1) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, Спб., стр. 93. Также Аевасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ Южн. Россію, т. I, стр. 379.

2) Разсказъ, записанный мною отъ крестьянина Евсевія Головурнаго, деревни Богодара, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи.

Я травы не кошу,
 А парчу все ношу,
 Сыплю золотомъ...
 На войнѣ не тужу,
 А на смерть колочу,
 Безъ войны я вучу,
 Да вучу, какъ хочу,
 Въ свою голову!..

Но тоже Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. >Рассказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздились козачество. Становится понятнымъ, почему, она оставалась >дикими полями<, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемая саранчею, удаленныя отъ поселеній на столько, что чело-вѣкъ рисковалъ умереть голодною смертію во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только чело-вѣкъ съ желѣзною натурою. Что-бы войско могло стоять въ этой пустыни кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая еѣ древесною золою вмѣсто соли... *Козакъ сиромаха*—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда—эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украинѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козакъ, душа правдива,
 Сорочки не мае, и т. д. ¹⁾ <.

Характеромъ безплодія отличалось по преимуществу такъ называемое >Дикое поле<, теперь >Чисто-поле, Пусто-поле<. Хотя у

¹⁾ Кулишъ. Подольск. колон. юго-западной Руси, Вѣст. Евр., 1874 года, т. IV, стр. 530.

поляковъ именемъ Дикаго поля называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это была только часть запорожскихъ владѣній, по преимуществу съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ р.р. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиной, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской¹⁾). Это была дикая, мало-плодная пустыня; въ ней не было ни деревушки, ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ козацкихъ жилищъ—бурдюговъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни, какъ объ этомъ поется въ превосходной думѣ »О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова«.

.... Отъ меньшій братъ на Савурь-могилу лягае,
 Головку склоняе,
 Тамъ соби безпечно девятого дня спочинокъ мае,
 Девятого дня изъ неба воды-погоды выжидаетъ;
 Мало-не много спочивавъ,
 Къ ёму вовки сироманьци набигали
 И орлы сизопери налитали,
 Въ головкахъ сидали,
 Вони смерти дожидали.

.... Тоди меньшій братъ на Савурь-могилу захожае,
 Головку свою козацьку склоняе,
 Батькову-матчину молитву споминае,
 И Богу душу отдавае.
 Отъ руками не визьме,
 Ногами не пійде
 И ясно очима на небо не згляне....
 На небо зриае,
 Тяжко въздыхае:
 Голово моя козацькая!
 Бували ми у земляхъ турецькихъ,

¹⁾ См. планъ Россіи съ 1770 г. »Планы и карты« Устрялова; также Путевыя записки. Э. Лясыты, стр. 53 и 54.

У вирахъ бусурменськихъ;
 А теперъ припало на безвидди, на безхлибы погибати.
 Девятый день хлеба въ устахъ не маю,
 На безвидди, на безхлибы погибаю!
 Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
 Не буйни витри винули,
 Якъ душа козацька молодецька зъ тиломъ розлучалась.
 Тоди сиви зозули налитали,
 У головкахъ сидали, жалибно кували
 И такъ якъ ридни сестры оплакали,
 Тоди вовки—сироманьци набигали,
 И орлы-чорнокрыльци налитали,
 Въ головкахъ сидали,
 Зъ лоба чѣрни очи выдирали,
 Биле тило одъ жовтой кости одривали,
 Жовту кистъ по-пидъ зелеными яворами разношали
 И комышами укрывали,
 И жалибненько квилили—проквляли:
 То-жъ вони козацькіи похороны одправляли¹⁾ с.

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей крайнѣ запорожской, а голодные и оттого дико-свирѣпые волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ котораго всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ, > крылатыхъ шпилекъ запорожскихъ омутовъ <. > Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являються большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самыя мучительныя и самыя несносныя комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не за-

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малорусск. нар. Кіевъ, 1874 года, т. I, стр. 106—133.

хочешь имѣть распухаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогнать ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь¹⁾. Но что все это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесныя, но даже пожирала самую одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Въ Украинѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по два, по четыре и даже по шесть лѣтъ подъ рядъ. Въ 1690, въ 1745 и 1746 годахъ саранчи на Украинѣ особенно много было. »Тогда многіе принялись было за набоженство и церковныя заклинанія и выходили многія парафіи съ процессіей церковною на встрѣчу летящей сараны; когда увидѣли, что сарана садилась на хоругви церковныя и на ризы священническія и грызла крашеную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію²⁾. Въ 1748 и въ 1749 годахъ для истребленія саранчи были введены такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. »Бывшіе малороссійскіе поля всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось«. Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ »Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ«, предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи и Запорожья³⁾. »Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украинѣ напоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Еги-

¹⁾ Боплавъ. Описаніе Украины, Спб., 1832 г., стр. 84.

²⁾ Конисскій. Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 187.

³⁾ Замѣчан. до Малой Россіи, Москва, 1848, стр. 44 и 45.

петь при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украину въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украину почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингрелліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или останутся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, рассыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она садеть, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнися отъ удивленія. Гадины вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Дома, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незваную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ онѣ кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту-же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неопытныхъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы

судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлеги ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, даваемая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ непрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксуомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отбѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время песенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною-же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расплозается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того-же времени отходить не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украинѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украинѣ о семъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ¹⁾. Почти въ такихъ-же краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе земель ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и запорожскихъ, подвергаемыхъ опустошенію со стороны той-же саранчи, и баронъ де-Тоттъ, авторъ »Записокъ о туркахъ и татарахъ«. »Сии насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянные просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается зем-

¹⁾ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб., 1832 г., стр. 85—89.

ледѣльцамъ—ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія. Бичъ сей вѣроятно не пощадилъ-бы плодородныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если-бы Черное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сію естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго понта близъ Босфора Фракійскаго покрытыми иссохшею саранчей, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидалъ случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго невозможно было къ нимъ приблизиться¹⁾.

Но и саранчею не оканчивались бѣдствія, постигавшія запорожскій край. Много приходилось козакамъ терпѣть еще отъ заразныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ чумы, моровой язвы или наглої смерти. И это бѣдствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожьѣ. Въ 1680 году въ Кизикерменѣ, въ турецкомъ городѣ надъ Днпромъ, повѣтре моровое значне грасовало, и бея кизикерменскаго со всѣмъ домою его вигубило. Потомъ и въ Сѣчи запорожской, подъ осѣнь (осень), тое-жъ повѣтре значную въ войску запорожскомъ учинило шкodu²⁾. Въ 1738 году »свирѣпствовавшая моровая язва въ Яссахъ и Букарестѣ распространилась не только въ Каменцѣ-Подольскомъ, Барѣ, Могилевѣ и въ другихъ польскихъ городахъ, но даже перешла въ Украину³⁾. Тогда страшная смерть поглотила многихъ изъ запорожскихъ козаковъ, polegшихъ благородными костью на кладбищѣ Новой Сѣчи и своими могилами увеличившихъ эту мерт-

¹⁾ Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.

²⁾ Лѣтопись Сам. Величка. Кіевъ, 1851 г., стр. 500.

³⁾ Бавтышъ-Каменскій. Истор. Мал. Рос., Москва, 1842 г., стр. 171.

вую обитель. Въ 1760 году появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой панической страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердца и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычные занятія свои и всецѣло предалися молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитинѣ (застава) іеромонахъ-начальникъ внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умиленное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каятѣся во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; съчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, *возвысилъ къ дѣткамъ-запорожцамъ голосъ свой яко трубу*, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же... Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новые-Кайдаки на поклоненіе иконѣ Божіей Матери и въ Самарскій монастырь на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ *нагой смерти*, святителя Христова Николая.

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ козаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холодъ, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давалъ о себѣ знать. Основываясь на градусной широтѣ, можно полагать, что наши степи наслаждаются благораствореннымъ климатомъ южной Европы, но какъ много изотермическая линія разнствуется отъ широты! Средняя годовая температура Одессы выражается только $+8^{\circ}$, а температура лѣта отъ зимы разнится весьма много: лѣтній жаръ доходитъ иногда въ тѣни до $+30^{\circ}$; зимою термометръ понижается, хотя и весьма

рѣдко, до 23°. Годовое количество выпадающаго дождя доходить среднимъ числомъ лишь до 13 фр. дюймовъ. Съ сею разностию между жаркимъ лѣтомъ и суровою, нерѣдко безснѣжною зимою, и съ этимъ ограниченнымъ количествомъ дождя, сопряжены непрестанные вѣтры, лѣтомъ палашіе почву, зимою усиливающіе холодъ, продолжительныя лѣтнія засухи при безоблачномъ, раскаленномъ небѣ и совершенномъ отсутствіи ночныхъ росъ, слабость электричества въ атмосферѣ, быстрое испареніе воды и наконецъ переменчивость погоды. Таково состояніе атмосферы въ большей части херсонской губерніи ¹⁾, а, стало бытъ, скажемъ отъ себя, и запорожскаго края.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ былъ въ зимнее время холодъ. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описаніе. «Хотя Украина, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожь стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливы еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зараждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь-же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украинѣ гибельна не менѣе огня. Вереды сначала бывають въ горошину, но чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается...»

»Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзають двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умирають во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или

¹⁾ Кирьяковъ. Взглядъ на лѣсов. и садов. въ херсонской губерніи: Лѣсной журналъ, 1836 г., ч. II, кн. I, стр. 103—105.

въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытѣе, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,—жизнь ваша спасена... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа прониваетъ въ почки и обхватываетъ поясицу; всадники отмораживаютъ подъ бровею животъ, особенно кишкы и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодь. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности раздраются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ будто-бы склеившимися. Это убѣждало ихъ, что подобныя болѣзни неизцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьей шубой; лице же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ... Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебкы или горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода¹⁾.

¹⁾ Боплавъ. Описаніе Украины, стр. 95--99.

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много-же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался гостепримнымъ для всякаго путешественника. Грозень и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодые для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обиліе его заливовъ, гирлъ, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его острововъ, корчей, заборъ и пороговъ. »Днѣпръ, говоритъ Діонъ Хризостомъ, подъ конецъ своего теченія (τό δε λοιπόν) бросается многими устьями въ лиманъ и образуетъ многочисленные острова, покрытые зеленью и камышомъ (δάσεια χαλάμο καὶ δένδροις)«¹⁾. По сказанію Боплана, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непрогляднымъ камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. »Однажды, говоритъ Бопланъ, преслѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья«²⁾. Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать черезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обладаетъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ,—узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается

¹⁾ Dio Chrysost., cap. II, oratio XXXVI, стр. 75.

²⁾ Бопланъ. Описаніе Украины, стр. 26.

вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ-бы все пожрать своимъ теченіемъ, за все какъ-бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходитъ, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая >полоса<. >Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновение его<, сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ и это-же можно примѣнить къ днѣпровскимъ. Изъ періодическихъ вѣтровъ, съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигая наибольшей силы около двухъ часовъ дня. >Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ вѣркой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь¹⁾<. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно непродолжительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ разражается страшная буря, дико завоевъ свирѣпый вѣтеръ и въ мигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплаго дня воздухъ вдругъ холодѣетъ и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сначала сѣрымъ, а потомъ совершенно темнымъ; оно какъ-бы наливается тяжелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающихъ размѣровъ гадinou, готовою всякаго пожрать въ своей невмѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходятъ до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленькій стрижь (птица) большущимъ орломъ.

¹⁾ Аванасьевъ-Чужбинскій. Повѣдка въ южн. Рос. ч. I, стр. 87.

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, ворчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ острововъ, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ чловѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала »низовыхъ молодцевъ«, запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ »поляхъ«, въ безводныхъ и дивихъ степяхъ,—здѣсь-то удалцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лоно. »Сичь—мати, а великій лугъ—батько«!.. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть короннаго гетмана, ни даже распоряженія самаго короля Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-же »молодцы« не боялись ни набѣговъ татаръ, ни наѣздовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе ¹⁾).

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
 Повѣваетъ,
 Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
 И качаетъ,
 Гей, хлопцы, живо, живо!
 Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
 Будемъ отдыхать,

¹⁾ Куляшъ. Польско-козацкая война. Отеч. Зап., 1864 г., стр. 54, примѣчаніе 2.

Дружно въ весла! чайкой чайку

Обгоняйте!

Про Подкову, Наливайка

Запѣвайте.

Гей, хлопцы, пойте пѣсни,

Словно птицы въ поднебесьи

Вольныя поють.

Д. И. Эварницкій.

Харьковъ. 1883 г., декабря 6 дня.

Хроника кievской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона¹⁾.

(1804—1824 г.)

Человѣкъ, по своему положенію поставленный въ необходимость принимать участіе въ наиболѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни, не можетъ, при всемъ желаніи, отдѣлить свою частную, личную жизнь отъ жизни общества. Какъ-бы ни былъ ограниченъ его кругозоръ, въ какихъ-бы узкихъ рамкахъ онъ ни велъ свои поденныя записи, какъ-бы эгоистично ни было его само-наблюденіе,—волей-неволей въ его дневникѣ найдетъ себѣ мѣсто и нѣчто годное для исторіи и характеристики общественной жизни. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ дневныя записки м. Серапіона. Среди скучнаго, утомительно-однообразнаго и вялаго перечня градусовъ тепла, просителей и посѣтителей, богослуженій и объѣденныхъ кувертовъ,—нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнутъ въ нихъ нѣсколько строкъ, характерныхъ для исторіи кievской общественной жизни.

Общественная жизнь Кіева важнѣе и любопытнѣе, чѣмъ личное житіе владыки, разнообразившееся почти исключительно почестями и болѣзнями, а тотъ періодъ, который обнимаютъ записки Серапіона, не смотря на свою близость къ намъ, все-таки довольно малоизвѣстенъ.

О древней кievской жизни мы знаемъ изъ лѣтописей, о новѣйшей изъ газетъ. Но между эпохою лѣтописей и эпохою газетъ есть длинный, глухой и темный промежутокъ, слегка и прерывисто освѣ-

¹⁾ Изъ посмертныхъ бумагъ проф. Ф. А. Терновскаго.

щаемый для насъ случайными извѣстіями мемуаристовъ и кіевскихъ поклонниковъ. Поэтому-то для насъ легче представить непрерывный ходъ кіевской жизни въ XI и XII столѣтіи, чѣмъ въ XVIII и началѣ XIX. Для подтвержденія этого нужно заглянуть хоть въ хронику кіевскую при *Описаніи Кіева* Закревскаго. Благодаря запискамъ м. Серапіона, открывается возможность отчасти пополнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ годамъ 1804—1824. Почтенный архипастырь отмѣчалъ иногда, *не мудрствуя лукаво*, или лучше сказать—безъ всякихъ размышленій, факты общественной жизни, отмѣчалъ сухо, кратко и вяло, и тѣмъ не менѣе оставилъ намъ далеко не безынтересныя, хотя отрывочныя и одностороннія свѣдѣнія о кіевской жизни того времени. Постараемся по возможности сгруппировать ихъ подъ общими нѣкоторыми заглавіями, а гдѣ можно и связать между собою, по единству содержанія, отдѣльныя выдержки изъ дневника Серапіона, опуская замѣтки совсѣмъ не значущія, а подъ часъ сокращая и измѣняя многословную и слишкомъ однообразную ихъ форму.

Посѣщеніе Кіева митр. моск. Платономъ.

Митр. московскій Платонъ *Левшинъ* провелъ въ Кіевѣ недѣлю (отъ 2 по 8 іюня). Посѣщеніе это было для м. Серапіона и почетно, и пріятно, ибо на первыхъ порахъ поднимало его авторитетъ, но конечно требовались и нѣкоторыя хлопоты, чтобы принимать знаменитаго гостя.

1 іюня м. Серапіонъ получилъ увѣдомленіе о выѣздѣ м. Платона изъ Чернигова въ Кіевъ и отправилъ за Днѣпръ въ *трактиръ*, стоящій на восточномъ берегу Днѣпра, архимандрита никольскаго монастыря Иринаея Фальковскаго, владимірскаго протоіопа Кринитскаго (брата царскаго духовника) и лаврскихъ казначея, эконома и типографа, для встрѣчи московскаго митрополита. Московскій владыка подѣхалъ къ *трактиру* около 2-хъ часовъ ночи, гдѣ и встрѣченъ у кареты прибывшими, и благословивъ ихъ, отпустилъ ѣхать шлюпкою, для него приготовленною, а самъ поѣхалъ паромомъ. Въ Лавру прибылъ въ 4 часа утра въ *Вознесеніе* 2 іюня, и встрѣченъ въ сѣняхъ (архимандричьихъ покоевъ) митрополитомъ Серапіономъ и соборными старцами. Въ 6 часу, яко до-

рожный, трактованъ чаемъ. Въ 9 часовъ ходилъ въ великую церковь и слушалъ тутъ обѣдню, стоя у стѣны противъ праваго клироса. Послѣ проповѣди взшелъ въ олтарь и любопытно осматривалъ все, и вышедъ изъ олтаря, осматривалъ внутренность церкви. Возвратившись въ архимандричьи покои, митрополитъ Платонъ принималъ поздравленіе съ прїѣздомъ отъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ, отъ коменданта и отъ другихъ чиновниковъ. По отбытіи свѣтскихъ, поздравляли московскаго владыку братія лаврская и соборяне софійскіе, при чемъ протоіерей Леванда произнесъ рѣчь.

3 іюня митрополитъ Платонъ въ сопровожденіи митрополита хозяина осматривалъ Печерскъ, былъ въ Никольскомъ монастырѣ, въ церкви на Оскольдовой могилѣ и въ арсеналѣ. Ходилъ большею частью пѣшкомъ.

4 іюня гость служилъ раннюю обѣдню въ ближнихъ пещерахъ; потомъ ѣздилъ съ хозяиномъ въ Софійскій соборъ, гдѣ особливо и двоератно входилъ въ придѣлъ видѣть гробъ Ярослава, основателя собора сего; также обратилъ большое вниманіе на одинъ, въ верхнемъ (срѣтенскомъ) придѣлѣ, иконостасъ рѣзной, «представляющій отъ кореня Авраамова происхожденіе». Потомъ смотрѣлъ соборную, а послѣ и архіерейскую ризницу; сію послѣднюю призналъ нескудною панагіями и саккосами. Предъ обѣдомъ принимали у митрополита Платона благословеніе священство подольское и консистористы. Обѣдалъ у митрополита-хозяина съ викаріемъ, архимандритами и присутствующими (въ дикастеріи) на 13 кувертовъ. Послѣ обѣда гость посѣщалъ старокіевскія церкви и осматривалъ съ крыльца Андреевскаго собора Подоль. Съ Андреевской горы оба митрополита пѣшкомъ шли до низу ея; заѣзжали сперва въ монастырь Фроловскій, потомъ въ греческій; оттолѣ были въ Академіи ¹⁾. Наконецъ заѣзжали въ Михайловскій монастырь; гость былъ въ церкви и въ покояхъ у викарія Теофана (Шіанова).

5 іюня воскресенье. Гость служилъ въ великой церкви съ своимъ архимандритомъ (андроньевскимъ) и протопопомъ и пр. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 26 кувертовъ: гость, хозяинъ, викарій, военный губернаторъ и гражданскій вице-губернаторъ, артиллеріи генералъ Миллеръ, генералъ-маіоръ Свѣчинъ и Толь,

¹⁾ См. объ этомъ *Труды кіевск. дух. ак.*, 1882 г. № 9, стр. 230.

генераль-поручикъ Шардонъ, войтъ и Балабуха. Послѣ обѣда въ 7 часу митрополиты ѣздили въ Выдубецкій монастырь, гдѣ ходили по церквамъ; и во время сіе дождь шелъ.

6 іюня *понедѣльникъ*. Утромъ м. Платонъ былъ въ Шулявщинѣ и въ Китаевской пустыни, ходилъ въ лаврскую типографію, потомъ въ Преображенскую приходскую церковь, что близъ вратъ экономскихъ (т. е. Спаса на Берестовѣ); оттолѣ заходилъ въ намѣстничьи кельи и въ другихъ братскихъ кельяхъ былъ. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 12 кувертовъ. Послѣ обѣда отдыхалъ гость, а предъ вечеромъ сталъ собираться въ путь. Предъ вечеромъ были ему поднесены отъ братіи книги, числомъ до 20, и два погребца, одинъ съ водкою старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бутылокъ венгерскаго и бархату малиноваго 16 арш. Братію отпустивъ, два митрополита ходили вечеръ по саду, потомъ взошедши въ покои до 11 часа разговаривали и простились.

8 іюня *въ среду* въ 5 часу утра митрополитъ Платонъ отпустилъ карету о 8 лошадяхъ и воляску о 5 лошадяхъ и кибитку о 5 лошадяхъ (ибо только и было экипажу), а самъ, искушавъ чаю и потомъ рюмку водки съ закускою, въ 20 минутъ 7 часа въ простомъ одѣяніи отправился изъ лавры въ путь. На дорогу ему поднесены были образа въ окладахъ серебряныхъ позлащенныхъ, — отъ Софійскаго собора Софіи премудрости Божіей, а отъ лавры Успенія Божія Матере и Антонія и Феодосія. Старцы соборные провожали митрополита Платона до вратъ экономскихъ, а митрополитъ и викарій кіевскіе въ каретѣ до пристани. Здѣсь ожидалъ митрополита Платона полицмейстеръ, вмѣстѣ съ которымъ владыка московскій сѣлъ въ большую лодку, называемую по здѣшнему *дубъ*, и перевезенъ на другой берегъ Днѣпра, а въ 9 часовъ совсѣмъ отправился гость нашъ отъ днѣпровскихъ береговъ въ путь свой.

Отъѣздъ изъ Кіева архимандрита Констанція, вполнѣдствіи патріарха константинопольскаго.

7 іюля былъ у меня (записано въ дневникѣ Серапіона) предъ вечеромъ бывшій архимандритъ здѣшняго греческаго монастыря *Константій* для истребованія благословенія отправиться въ путь въ Синайскую гору, котораго благословилъ на путь книгою подѣ

заглавіемъ: *Каноны съ акаоистами*, первой по моему благословенію въ кіево-лаврской типографіи печатанною, и сулкою (?) по бѣлому газету шитымъ и поручами тавими-же.

Принцъ Карлъ въ Кіевѣ.

22 и 23 августа былъ въ Кіевѣ 22-лѣтній принцъ мекленбургскій Карлъ, братъ родной супруга покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился въ магистратскомъ трактирѣ. Митрополитъ былъ у принца съ визитомъ и поднесъ ему икону, планъ лавры на тафтѣ и книгу. Принцъ былъ въ лаврѣ, въ ризницѣ и на пещерахъ, отдалъ визитъ митрополиту и былъ лично водимъ имъ по Софійскому собору, гдѣ съ любопытствомъ смотрѣлъ старинное украшеніе, *миссію* (мусію, мозаикою) называемое, и гробъ Ярослава.

Бриллианты графини Потоцкой.

30 августа въ числѣ другихъ лицъ, посѣщавшихъ митрополита, была графиня Потоцкая, которая бриллианты на себѣ имѣла, какъ сказывалъ ювелиръ ея, на миллионъ рублей. О суета!... Тотъ-же ювелиръ цѣнилъ пѣнаги здѣшніе казенные, и лучшую и первую оцѣнилъ въ 4,800 р. с.—Это суета, уже значительно меньшаго размѣра!

Н и щ і й э м и г р а н т ь.

1 сентября былъ у митрополита эмигрантъ французскій, полковникъ, баронъ, акибы ограбленный между Житомиромъ и Кіевомъ на сумму до 17,000 руб.; просилъ милостыни, и дано ему 25 руб.

Цезаревичъ близъ Кіева.

Въ семь году въ началѣ октября былъ вблизи Кіева цезаревичъ Константинъ Павловичъ; осматривалъ поля въ Махновкѣ. И ѣздили туда изъ Кіева генераль-губернаторъ Тормасовъ и протопопъ Снигиревичъ, а митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить оду de adventu M. Ducis Const P.

П о ж а р ь н а К у д р я в ц ь.

9 декабря былъ пожаръ на Кудрявцѣ, который у митрополита описывается такъ: »въ исходѣ 9 часа вечера усмотрѣлъ я нечаянно близъ одной главы собора Софійскаго малый свѣтъ на подобіе луны

красной, и потомъ вскорѣ освѣтился весь соборъ и домъ. И это былъ пожаръ на Кудрявцахъ; и горѣлъ домъ нашъ митрополитанскій бывший, отданный года за два предъ симъ для гродской госпитали. И часа въ два весь сгорѣлъ большой его корпусъ съ церковію; но большыя всё спасены. Пожаръ учинился аки бы отъ разсѣяныя трубы подъ крышею. Богъ вѣсть, правда-ли?—Дней чрезъ пять владыка ѣздилъ на пожарище. Огонь еще тлѣлся. Вѣрно въ землѣ горѣли перекладыны. Мѣсто прекрасное, но пусто стало. Посидѣлъ владыка на горѣ, съ которой Подоль видѣнъ, какъ на ладони, и поѣхалъ во свояси.—И теперь тамъ никакого жилья, одинъ огородъ, а мѣсто все также прекрасно, и видѣнъ Подоль.

1805 годъ.

Слухъ о выходцѣ съ того свѣта.

28 февраля былъ у меня,—писать митрополитъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборищѣ, бывшемъ въ недѣлю православія на кладбищѣ, по случаю или по слуху такому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли духовныя въ недѣлю православія открыть его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!

З в о н ъ п о д у ш ѣ.

16 апреля умерла мать ректора академіи Іоакима Логановскаго 77 лѣтъ; и по здѣшнему обыкновенію былъ звонъ наемный по представившейся во всѣхъ церквахъ подольскихъ около $\frac{1}{2}$ часа. По просьбѣ сына митрополитъ разрѣшилъ похоронить почившую въ Китаевской пустынѣ.

Какъ отразилась въ Кіевѣ война 1805 г.?

Въ 1805 г. Россія въ коалиціи съ Австріею воевала противъ Наполеона. Въ Кіевѣ это событіе внѣшней политики, если судить по дневнику митрополита Сераціона, отразилось едва замѣтно. То иные знакомые брали у митрополита благословеніе на опасный путь за границу, то владыка случайно замѣчалъ движеніе войскъ; 30 іюня наприимѣръ владыка увидѣлъ проходящій мимо вратъ дому митрополитанскаго московскій полкъ солдатъ во Львовскіе врата, человекъ тысячъ, кажется, до 2-хъ. И шли около $\frac{1}{4}$ часа. И вышедъ изъ города, играли въ трубы и били въ барабаны.—Куда и за чѣмъ

шли эти веселые люди,—размышлений на эту тему у владыки не записано.

Въ началѣ августа кievскій генераль-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командовать 13 полками или, по счету митрополита, 26,000; вмѣсто Тормасова правленіе кievскою губерніею временно поручено было предсѣдателю гражданской палаты д. с. с. Моршковскому. Впрочемъ Тормасовъ скоро отпросился назадъ за болѣзнію, и на его мѣсто былъ назначенъ генераль отъ кавалеріи баронъ Казивитъ Мейендорфъ, который 31 октября проѣздомъ былъ въ Кіевѣ и у владыки.

Въ связи съ войною стала дороговизна. Казначей лавры докладываетъ владыкѣ о покупке ржи тысячи четвертей для братіи; по 4 р. 50 к. просятъ, отмѣчаетъ владыка, и то у одного только; по *причинѣ проходу мимо здѣшнихъ мѣстъ полковъ*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около нашихъ губерній была саранча, а потому и неурожай*.

Кампанія 1805 г., какъ извѣстно, была неудачна. Русскіе и австрійцы жестоко были разбиты подъ Аустерлицемъ. Но въ Кіевѣ ходили слухи совершенно противоположнаго свойства: »докторъ Бунге (отецъ нынѣшняго министра финансовъ) 15 декабря сказывалъ владыкѣ, акибы наши русскіе войска разбили французовъ и взяли ихъ въ полонъ до 20,000 и Мурье фельдмаршала ихъ убили и проч.«—Все это, конечно, скоро оказалось патріотическою иллюзіею.

Закладка присутственныхъ мѣсть.

13 іюня, около 10 часовъ утра, митрополитъ прибылъ къ мѣсту закладки и совершилъ водоосвященіе съ тремя архимандритами никольскимъ, братскимъ и греческимъ, прот. Левандою и соборанами. Во время водосвятія прибылъ военный генераль-губернаторъ Тормасовъ. Митрополитъ прочелъ молитву освященія дома, и затѣмъ положена была оловянная доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа закладки, титула государя императора и кievскихъ военнаго и гражданского губернаторовъ. Три камня положилъ митрополитъ, одинъ—генераль-губернаторъ и одинъ—архитекторъ. На остальныхъ трехъ углахъ зданія вышепоименованныя лица клали также по камню. Потомъ митрополитъ окропилъ всѣ рвы, приготовленные для фундамента. Отпускъ, многолѣтіе и закуска въ шатрѣ близъ

мѣста закладки.—Конечно закладывались не нынѣшнія присутственныя мѣста, существующія на софійской площади, но зданіе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера и сломанное въ 1855 г.

Проектъ сліянія академіи съ будущимъ университетомъ.

15 іюля въ 9 часу вечера явился предъ митрополитомъ нечаянный гость: г. министръ просвѣщенія графъ Петръ Василевичъ Завадовскій и просидѣлъ часа два, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Между прочимъ предложилъ объ академіи, чтобы ее соединить съ университетомъ, который предполагается открыть въ Кіевѣ, и говорилъ это *акбы по волю Государя Императора**. Митрополитъ, какъ консерваторъ, по лѣтамъ, по характеру и по званію, отвѣчалъ, что «многія неудобности и затрудненія изъ сего всегда могутъ быть; а лучше-бы особо учредить университетъ, а академію нашу оставить по прежнему духовною». Если-бы министръ былъ суевѣренъ, то еще ѣдучи къ митрополиту, онъ убѣдился-бы, что изъ его предложенія пути не будетъ, ибо когда онъ ѣхалъ къ владыкѣ, замѣчаетъ послѣдній, то лошади по причинѣ испортившейся отъ дождя дороги не вывели его на гору. Министръ пробылъ въ Кіевѣ съ небольшимъ сутки, (15—16 іюля), останавливался въ контрактномъ домѣ, посѣтилъ лавру, гдѣ отслужилъ панихиду по гр. П. А. Румянцевѣ и далъ братіи 100 р. с.; былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи, и выѣхалъ въ Харьковъ (кажется для открытія университета).

И. В. Лопухинъ въ Кіевѣ.

Извѣстный мистикъ и филантропъ, сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, немного пострадавшій вмѣстѣ съ Новиковымъ во время екатерининскаго гоненія на масоновъ, является въ Кіевѣ отъ 23 по 27 августа. Митрополитъ принялъ гостя любезно: вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Софійскимъ соборомъ и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митрополита Рафаила Заборовскаго. *Mira res!* замѣтилъ владыка,—ибо 58 лѣтъ, какъ скончался.

Дворянскіе выборы.

Въ первыхъ числахъ сентября происходили въ Кіевѣ дворянскіе выборы. Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ

3 сентября; а католики тогда-же принимали присягу въ своемъ костелѣ. Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но въ знатности и богатствѣ. Православныхъ владыка называетъ мелочинными, а изъ католиковъ отмѣчаетъ губернскаго маршала, тайнаго совѣтника Козловскаго, и чловѣкъ пять съ кавалеріями польскими св. Станислава.

1806 годъ.

Дороговизна въ Кіевѣ.

Прошлогодняя дороговизна, бывшая слѣдствіемъ военныхъ обстоятельствъ, продолжалась и въ 1806 г. 30 апрѣля митрополитъ записалъ: »Цѣна овсу съ сего дня уменьшилась. Былъ покупаемъ по 7 р. 50 к. четверть; а въ сей день по 5 р. покупали. А мука ржаная все еще по 90 к. пудъ у привозныхъ, а въ лавѣ по рублю пудъ. Неслыханная здѣсь цѣна!« И причина дороговизны повидимому была на лицо. 6 мая былъ у владыки присланный изъ Кесаріи (Австрія) комисаръ для полученія въ трехъ губерніяхъ подольской, кіевской и черниговской: 1) муки ржаной 29,000 четв., 2) разныхъ крупъ 35,000 ч., 3) жита 15,000 ч., 4) овса 8,000 ч., 5) воловъ 10,000, аки бы вмѣсто издержанныхъ сихъ вещей отъ цесарцовъ для нашихъ войскъ въ Германіи бывшихъ«. Отмѣтивъ дороговизну, опять лишь по поводу покупки хлѣба для лавры, митрополитъ записываетъ сообщенный ему полицмейстеромъ слухъ о томъ, будто въ Кіевѣ будутъ два короля, французскій Людовикъ XVIII и неапольскій, а затѣмъ отмѣчаетъ разновременно два пожара отъ грома: одинъ близъ лавры, другой въ церкви Нисеолая Набережнаго, и постановку въ великой лаврской церкви мраморнаго монумента графу Румянцеву-Задубайскому.

Освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній.

21 октября въ 12 часу дня, въ воскресенье происходило освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Владыка отмѣчаетъ встрѣчу его »губернаторомъ и магистратскими« и порядою освященія. »Примѣчанія, говоритъ онъ далѣе, достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными. Завтракъ былъ приготовленъ въ столовомъ богадѣленномъ покоѣ, но на обѣдъ богатый похоже было вушанье и потчиванье

винами. Потомъ ходили всѣ въ монастырь Кирилловскій и были въ церкви, гдѣ назначилъ я, по просьбѣ губернатора, быть теплой церкви въ углу за правымъ клиросомъ. Потомъ ходили въ покои, гдѣ тутъ живутъ инвалиды: въ первыхъ двухъ покояхъ далъ по 10 руб. на покой, и послѣ въ другихъ трехъ по 5 р. ассигн. на покой. Тѣмъ кончился осмотръ древнѣйшаго кіевскаго монастыря, въ богадѣльню обращеннаго, по мысли Потемкина.

Съ 10 по 17 ноября отмѣчаются: визитъ митрополита новому военному губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову, рожденіе у государя дщери Елизаветы, молебствіе, пальба изъ поставленныхъ на валу софійскомъ пушекъ, обѣдъ у военнаго губернатора съ такою-же въ теченіе онаго пальбою, вечерняя иллюминація, пушечная пальба на Подолѣ и балъ отъ магистрата для всего дворянства по тому-же случаю. А въ это время академія трудилась надъ сочиненіемъ одъ на сей-же случай и митрополитъ особо отмѣчаетъ отдачу ихъ для печати лаврскому типографу.

Великія кавалеріи Кутузова.

Ноябрь по дневнику заканчивается двумя кавалерскими праздниками съ митрополичьимъ служеніемъ: 26 числа въ Софійской церкви для кавалеровъ георгіевскихъ, и 30 въ Андреевской церкви, при чемъ одинъ Кутузовъ только и былъ кавалеръ андреевскій. Мимоходомъ здѣсь митрополитъ отмѣчаетъ посѣщеніе имъ Десятинной церкви, т. е. части оной, обновленной митр. Петромъ Могилою, и то, что за два дни предъ симъ она была >черезъ влезаніе въ окошко, обворована».

Нѣсколько чиселъ декабря заполнены отмѣтками объ объявленіи войны съ французами, чтеніи манифеста, служеніи литургій и молебновъ, учрежденіи временной милиціи и призывѣ къ пожертвованіямъ.

1807 годъ.

5 января. Архимандритъ николевскій (Иринея) пожертвовалъ отъ себя и братіи 500 р. на милицію.

14 января. Молебенъ въ соборѣ о побѣдѣ надъ французами.

11 февраля. Благодарный молебенъ о побѣдѣ, надъ самимъ Бонапартиемъ одержанной 26 и 27 января. Говорили, что фран-

цузовъ до 1200 побито и 1000 взято въ плѣнъ и 12 знаменъ, а нашихъ до 7000 побито. На молебнѣ народу великое множество и простаго. При многолѣтнй пушечная пальба и цѣлдневный звонъ.

Новый викарій—Иринея Фальковскій.

15 февраля. Указъ св. синода отъ 25 генваря о назначеніи викарія кievскаго Теофана Шіанова на епархію полтавскую, а на его мѣсто викаріемъ николаевскаго архимандрита Иринея (Фальковскаго).

23 февраля. Нареченіе въ крестовой церкви о. Иринея во епископы чигиринскіе, викаріи кievской митрополіи.

24 февраля. Въ сей день, приходившійся въ прощальное воскресенье, совершенно было посвященіе о. Иринея во епископы. Благовѣсть въ Софійскомъ соборѣ начался въ половинѣ 9 часа, но новонареченный епископъ пріѣхалъ не скоро, такъ что митрополитъ долженъ былъ идти въ соборъ уже въ 10 часовъ. По окончаніи часовъ, когда митрополитъ въ облаченіи сосѣдалъ съ епископомъ Теофаномъ, новонареченный епископъ прочелъ присягу по обычаю; за тѣмъ въ свое время совершенно было въ алтарѣ посвященіе по чиноположенію. По окончаніи литургіи, митрополитъ вручилъ новопроизведенному епископу на облачательномъ амвонѣ посохъ, и оный епископъ, съ протопопомъ кафедральнымъ Левандою и митрополичьимъ протодіакономъ, прямо изъ собору препровождался въ свой кафедральный михайловскій монастырь. Въ 3 часа у новаго епископа въ михайловскомъ монастырѣ была трапеза, на которой присутствовалъ и Кутузовъ. Черезъ три дня новый епископъ былъ у митрополита съ благодарностію за посвященіе, говорилъ рѣчь русскую и поднесъ ему 6 бутылокъ шампанскаго и 14 аршинъ разноцвѣтной матеріи на рясу.

6 марта. Для Благовѣщенской, что въ дальнихъ пещерахъ церкви, устроень былъ новый мѣдный позлащенный иконостасъ 16 п. 22 ф. вѣсомъ, съ уплатою мастеру по 10 р. съ фунта.

9 Апрелья. Получень указъ изъ синода о произвожденіи на духовные училища вдвое противъ прежняго жалованья.

Воздушный шаръ.

21 апрѣля. Митрополитъ съ бывшими у него гостями на перходахъ ожидалъ, по предварительному обѣщанію, спуску

шару изъ саду дворцоваго; но однако шаръ пушень не былъ, якобы за разрывомъ его во многихъ мѣстахъ. Впрочемъ ровно черезъ мѣсяць (21 мая) опытъ повторень былъ удачнѣе въ Шулявщинской, принадлежавшей митрополичьему дому рошѣ. Шаръ пушаль цесарецъ. Кромѣ митрополита съ духовными властями присутствовалъ ген. Кутузовъ и множество дамъ и другихъ людей. При посѣтителяхъ шаръ былъ наполняемъ горячею матеріею, а болѣе дымомъ. И наполненъ будучи, поднялся довольно скоро и поднялся выше березъ и пролетѣлъ влѣво къ дорогѣ и близъ роши опустился. Выпиною взлетѣлъ, какъ другимъ показалось, саженой на сто, и летѣлъ не болѣе, какъ минутъ 10.

Андреевскій колодезь.

8 мая. Крестный ходъ по случаю праздника Преполовенія къ колодцу андреевскому, что близъ самой андреевской церкви.— Колодезь этотъ на уступѣ андреевской горы, существовалъ до 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ закрытъ.

Миръ и дешевизна.

7 іюля. Послѣ литургии читанъ былъ соборнымъ діакономъ высочайшій рескриптъ къ г.-губернатору Кутузову о заключеніи мира между Россіею и Франціею; потомъ тотчасъ сказано было сочиненное на сей случай краткое слово лаврскимъ іером. Феодосіемъ. Потомъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлдневнымъ звономъ. Наконецъ обѣдъ у генер.-губернатора Кутузова и пушечная пальба.—Миръ, должно быть, повліялъ на дешевизну. Подъ 19 авг. владыка отмѣтилъ извѣстіе, что «мука ржаная уже по 35 коп. пудъ продается, вмѣсто того, что предъ тѣмъ за мѣсяць продавалась по 70 к. Черезъ день и муку ржаную продавали уже 32 к. пудъ, а грѣшневую 20 к. пудъ. Благодать Господня!».

Гроза, комета и жидовскій гвалтъ.

Подъ 15 сентября отмѣтивъ бывшую въ тотъ день грозу съ молніею и громомъ, а подъ 7 ноября появленіе «звѣзды съ сіяніемъ на подобіе метлы хвостомъ кверху», митрополитъ 13 числа отмѣчаетъ особое происшествіе, оставшееся, къ сожалѣнію, не разгаданнымъ. Освящалась въ этотъ день церковь Николая Доброга, на По-

долѣ; было митрополичье служеніе, а потомъ трапеза у церковнаго етиторы, именитаго купца Назаря Сухоты. »Примѣчательно!«—ставить авторъ дневника. Въ обѣднѣ при самомъ окончаніи чтенія Апостола вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви у западныхъ дверей. И крикъ сей учинили жида челоувѣкъ 30, якобы для послѣдняго дня празднованія кущей ходять они по улицамъ и поють. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жида являлись къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка.

Молдавскій господарь на житьѣ въ Кіевѣ.

17 ноября. Дѣлалъ митрополиту визитъ господарь молдавскій Ипсилантій, прибывшій въ Кіевъ на житье съ своимъ семействомъ и сановниками (со свитою не менѣе 30 челоувѣкъ). Ипсилантій говорилъ по французски, а переводчикомъ между нимъ и владыкою былъ на этотъ разъ зять Кутузова, Толстой. При послѣдующихъ визитахъ митрополитъ и господарь объяснялись по латыни.

1808 годъ.

Отъѣздъ Кутузова.

12 марта. »Кутузовъ сказывалъ митрополиту, что повелѣніе получено двумъ его дивизіямъ идти въ Молдавію и ему туда же отправляться. И, какъ можно было примѣчать, симъ препорученіемъ Кутузовъ былъ доволенъ, и былъ веселъ [противъ прежняго гораздо]«.

Дороговизна тогдашняя сахара.

20 марта. »Казначей купилъ для митрополита сахару по 40 р. за пудъ. И говорятъ, будетъ-де еще дороже.«

Даръ Императрицы.

1 апрѣля. Присланъ былъ отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны въ кіевопечерскую лавру неожиданный даръ,—ризница богатая, особенно архіерейская, а савкосъ матеріи превосходнѣйшей. Въ день пасхи 5 апр. митрополитъ освящалъ въ лаврѣ по требнику Петра Могилы всю царскую утварь, разосланную на разныхъ столахъ и наложьхъ и кропилъ св. водою каждую вещь, коихъ было до 50. Потомъ въ новомъ облаченіи соборне былъ отправленъ мо-

лебень о здравіи высочайшей вкладчицы и всей августѣйшей фамиліи. 15 апр. митрополитъ отправилъ императрицѣ, а равно и оберъ-прокурору, благодарственныя письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иконы.

Наводненіе.

1 мая. Вода въ Днѣпрѣ была на зарѣ 7 $\frac{1}{2}$ вершк. выше обыкновеннаго уровня и покрыла всѣ острова и потопила на Подолѣ 180 домовъ.

Фокусъ-Покусъ.

6 мая вечеромъ въ прихожей митрополита совершалось оригинальное представленіе, которое конечно повторялось и въ другихъ знатнѣйшихъ домахъ Кіева, а можетъ быть и публично. Въ присутствіи владыки, ректора и префекта академіи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ прибылъ иностранецъ съ ученою лошадкою и со штукаами фокусъ-покуса и представлялъ штуки въ прихожемъ покоѣ. Лошадка взшла на лѣстницу скоро и свободно, на вопросы отвѣчала качаніемъ головы и топаньемъ ногою; не безъ курьезности всему научена! Изъ фокусовъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе предъ глазами зрителей, фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе живыя птички акибы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена порохомъ и былъ видъ акибы фейерверка. Фокусникъ получилъ огъ митрополита 50 рублей.

Отмѣтивъ подь 11 мая градъ и грозу, подь 18—прибытіе въ лавру на жительство преосв. Теофилакта, бывшаго вологодскаго, митрополитъ, послѣ другихъ еще менѣе значущихъ произшествій, отмѣчаетъ:

Основаніе рождественской церкви на Подолѣ.

27 іюня. Начали рыи рыть для фундамента рождественской церкви, на мѣстѣ, которое назначилъ и благословилъ владыка. А самая закладка торжественно была совершена 18 августа, причемъ были: митрополитъ, три архимандрита, два лаврскихъ старца, трое софійскихъ соборянъ, подольскихъ 5 протопоповъ и 10 священниковъ. При рытіи фундамента головъ и костей человѣческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою. Митрополитъ пригасалъ закопать кости и отпѣть панихиду.

Гости въ лаврскому празднику.

9 августа. Приѣхала графиня Анна Радѣоновна Чернышева и остановилась въ маломъ домикѣ близъ пещеръ у госпожи богомольной Олениной. Лаврскій намѣстникъ и казначей являлись къ графинѣ отъ имени митрополита и хлѣбъ поднесли. Посѣтивъ владыку, графиня дала людямъ и монахамъ, провожавшимъ ее до кареты 75 р.—14 августа прибылъ министр юстиціи, свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Были также на праздникѣ графъ Самойловъ и графъ И. Я. Безбородко. 16 августа графиня Чернышева угощала лаврскую братію, при чемъ дала на трапезу 135 р. 29 августа таже графиня устроила при митрополичьемъ служеніи панихиду по графѣ Захаріи, за что и прислала митрополиту 500 р., которые онъ тогда-же росписалъ служащимъ и домовымъ чинамъ.

Дворянскіе выборы.

11 сентября. Приведеніе дворянъ къ присягѣ на 3-лѣтній выборъ чиновниковъ. Дворянъ со всей губерніи съѣхалось очень не мало; и въ кавалеріяхъ польскихъ было до 10. А 19 сентября были приводимы къ присягѣ новоизбранные чиновники. Изъ собора всѣ и избиратели и избранные пришли въ покои митрополита человекъ до ста съ новымъ губернскимъ маршаломъ графомъ Ржеуцкимъ. И были потчиваны въ залѣ водкою и закускою на большой столовой штукѣ. Но закуски не стало: *яко онъ всю ее помизалъ*. Впредь при такихъ случаяхъ готовить надобно на двухъ столахъ. Потому все сіе собраніе, какъ состоящее все изъ католиковъ, отправилось въ костель для учиненія тойже присяги.

Пожаръ на Подолѣ.

21 ноября. Въ началѣ 9 часа учинился пожаръ на Подолѣ въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, который и продолжался до 3 часа за полдень. Церковь Успенская кровлею и окошками,—также и колокольня,—сгорѣла, такъ что жалостно смотрѣть на оголѣлость, но иконостасъ остался цѣль, а образа и ризница вынесены. И до 300 лавочекъ разныхъ сгорѣло.

Запись 1808 г. ованчивается замѣткою объ обиліи свѣга въ томъ году.

Подъ 31 декабря м. Серапіонъ записалъ: »Смотрѣлъ привезенную изъ Заспы ловитву велию рыбъ, въ двухъ возахъ состоящую. И въ двѣ только тони вытащили окуней крупныхъ до ста, линей большихъ до 60, щукъ большихъ самыхъ до 10, а малыхъ до ста. И сія велия ловитва отъ того, что велие количество снѣгу было вездѣ, и рыба дохла съ отъ того.«

1809 годъ.

Начинается не оправдавшимися слухами о прїѣздѣ двора и великой распутицѣ—послѣдствіи велико-снѣжной зимы, а за тѣмъ хроникеръ отмѣчаетъ обвалъ купола въ кіево-подольской успенской церкви, послѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ пожара,—устройство новой дороги къ Днѣпру отъ никольскаго монастыря, отъ которой теперь и слѣда не осталось, покупку икры для лаврской братіи по 16 р. за пудъ, какъ признакъ удешевленія цѣпъ, и проч. Послѣ того начинаются отмѣтки сравнительно болѣе крупныя и болѣе подробныя.

8 апрѣля. Освященіе домовою митрополитанскою въ лаврѣ церкви во имя Серапіона, арх. новгородскаго. На другой день обѣдъ въ лаврѣ, при чемъ митрополитъ пилъ за здоровье: 1) намѣстника, церковь оную 1805 г. сент. 15 закладывавшаго, 2) казначея, планъ первый церкви сочинявшаго, 3) эконома, доставлявшаго матеріалы и съ казначеемъ все распорядившаго, 4) экклесіарха, приготовлявшаго все къ церковной утвари принадлежащее, и за всѣхъ другихъ, послужившихъ устроенію церкви. За первыхъ четверныхъ тосты были провозглашены особо, а за прочихъ вообще.

Печальныя вѣсти съ театра войны.

1 мая. Губернаторъ Панкратьевъ читалъ митрополиту письмо, присланное изъ арміи отъ сына, что нашихъ турки подъ крѣпостію Браиловымъ разбили, троихъ генераловъ ранили, офицеровъ болѣе ста ранили и убили. А всего потеряли мы тутъ до 5,000 убитыми. Велие несчастье и Божіе наказаніе!

Перестройка Зачатейской церкви, засуха и мѣры противъ нея.

17 мая. Разобрана Зачатейская церковь, старая, каменная, на дальнихъ пещерахъ, а крыша и съ главою оставлена на подпорахъ.

А закладка обновляемой зачатейской церкви произведена 30 мая.

30 мая. Въ день закладки обновляемой зачатейской церкви, совершенъ крестный ходъ на кладезь св. Антонія, и было зѣло знойно. Митрополитъ освятилъ воду въ колодець съ прочтеніемъ на послѣдокъ молитвы о ниспосланіи дожда съ кольцопреклоненіемъ. Кушанье въ этотъ день въ лаврѣ было все постное, а рыбнаго не было для моленія о дождѣ. Въ 9 часу вечера дѣйствительно шелъ дождь. *Чудо новое!* записалъ м. Серапіонъ; *видно молитва какогo-либо праведника услышана.* Несмотря на то, 6 іюня снова было митрополичье молебствіе, по причинѣ бездождія и засухи, на Подолѣ, подъ кладеземъ Фелиціаномъ. И послѣ полночи былъ дождь не малый и смочилъ землю. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня снова было молебствіе о дождѣ. Ходили къ андреевскому колодезю со всѣмъ старокіевскимъ духовенствомъ, гдѣ митрополитъ освящаль воду съ моленіемъ о ниспосланіи дожда. Засуха бо продолжается отъ 15 мая до сего дня.

Устроеніе новой церкви на Оскольдовой могилѣ.

15 іюня. Митрополитъ ѣздилъ на Оскольдову могилу и, осмотрѣвъ старую деревянную церковь, согласился дать дозволеніе воронѣжскому купцу Самуилу Никитину Мещерякову, по его прозвѣбѣ и на его коштъ, построить тутъ, вмѣсто деревянной, каменную церковь. На другой день Мещеряковъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гавріиломъ Лоскутинымъ былъ у митрополита для принятія благословенія отправиться и далъ на устроеніе церкви на Оскольдовой могилѣ 6,000 р., въ дополненіе къ прежде даннымъ на сей же предметъ 2,000 р., да въ лавру владу 500 р. Закладка была 1 сентября. 27 сентября митрополитъ осматриваль уже строящуюся на Оскольдовой могилѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь съ 24 склепами внизу въ стѣнѣ, съ 28 склепами въ срединѣ и съ 24 склепами на верху между колоннами,—величиною для поставки одного гроба.

Закладка новаго гостиннаго двора на Подолѣ.

5 октября. Служеніе въ Успенскомъ подольскомъ соборѣ, по случаю обновленія храма послѣ пожара и закладки гостиннаго двора. Послѣ литургіи, митрополитъ съ врестнымъ ходомъ и съ

образами ходилъ на мѣсто, приготовленное для закладки гостиннаго дома, т. е. къ четыремъ рвамъ, изъ коихъ два были по 57 сажень и два по 30 $\frac{1}{2}$ сажень. Въ углу положена была доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа и именъ бывшихъ при томъ митрополита, губернатора (П. П. Панкратьева) и войта (Юрія Ивановича Рыбальскаго). Предъ положеніемъ доски, была прочитана митрополитомъ молитва и совершена закладка, по обычаю, на 4 углахъ наружныхъ и 4 углахъ срединныхъ. Во время закладки шелъ дождь, а послѣ закладки была въ магистратѣ трапеза.

Освященіе дома для присутственныхъ мѣстъ.

14 октября. Было освященіе вновь построеннаго трехъ-этажнаго дома для присутственныхъ мѣстъ. Средній этажъ окроплялъ св. водою митрополитъ, а нижній—ректоръ академіи Іоакимъ. По окропленіи дома было собраніе въ залѣ. Судьи и всѣ чиновники заняли мѣсто предъ портретомъ императорскимъ и митрополитъ говорилъ имъ рѣчь краткую, за тѣмъ губернаторъ читалъ имъ по бумажкѣ привѣтствіе, пѣвчіе воспѣли: *Тебе Бога хвалимъ*. Отпустъ и многолѣтіе. Обѣдъ былъ у губернатора человекъ на 40; за столомъ пѣли митрополичы пѣвчіе, что было еще впервые. Вечеромъ митрополитъ проѣхалъ мимо новоосвященнаго дома, который былъ иллюминированъ очень хорошо. И такъ какъ въ каждомъ окнѣ стояло по двѣ свѣчи, то отчетливо обозначался этимъ планъ всего дома.

Панкратьевская табаерка.

4 ноября. Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратевъ, отправляясь въ уѣзды для набору рекрутъ, и между прочимъ показывалъ табаерку, отъ дворянства киевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ брилліантовыми словами: *за добродѣтели и труды отъ шляхты киевской!* А 9 ноября скончалась супруга сего губернатора, и была препровождаема чрезъ Подоль въ кирку лютеранскую для погребенія.

Напрасная смерть студента.

Въ тотъ же день префектъ репортовалъ митрополиту, что студентъ Савченко, изъ крестьянъ, упалъ съ лаврской колокольни и убится до смерти.

Кавалерія игуменъи.

27 ноября. Митрополитъ возложилъ на флоровскую игуменью Пульхерію, бывшую вняжну Шаховскую, орденъ св. Екатерины, присланный ей вмѣстѣ съ рескриптомъ отъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1810 годъ.

Денежный курсъ въ Кіевѣ.

Генваря 12 лаврскій казначей и еkkлесіархъ промѣняли 2,000 р. серебряныхъ на 5,000 р. ассигнаціями (т. е. за рубль серебряный взяли по 2 р. 50 к. асс.); а 13 февраля экономя академіи мѣняли деньги нѣсколько выгоднѣе, именно за рубль сер. бралъ 2 р. 55 к. асс. 27 окт. полковница Костогорова просила митрополита о дачѣ ей мѣдныхъ денегъ на промѣнъ ассигнацій, сказывая, что промѣнять нигдѣ не могла, ибо-де за ассигнаціи 5 рублей надо заплатить 2½ рубля промѣну. Очевидно, полковница хотѣла вопреки курсу уровнять для себя рубль ассигнаціонный съ металлическимъ. Въ 1816 г. курсъ уже былъ иной; промѣнивали 4 р. 30 к. ассигн. за рубль серебр.

Черногорскій архимандритъ въ Кіевѣ.

14 февраля явился къ митрополиту архимандритъ черногорскій съ крестомъ и кавалерією св. Анны 2 класса брилліантовою. Это извѣстный Дометіанъ Влодевичъ, ведшій жестокую борьбу съ митр. Герофеемъ, съ позоромъ изгнанный изъ лавры и впоследствии съ торжествомъ въ нее возвратившійся (Исторія Дометіана по документамъ синод. архива рассказана въ 1 томѣ *Чтеній въ общество Нестора*. См. также ниже подъ 30 генв. 1813 г.).

Похороны губернатора Панкратьева.

13 марта въ 8 часу вечера скончался гр. губ. Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла, и по входѣ въ домъ вскорѣ облачился. Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь председателемъ гражданскаго суда Проскурою. Послѣ литіи, тѣло было поднято чиновниками и совершались проводы до самаго монастыря кириллов-

скаго отъ мѣста версть 5 и болѣе. Шествіе продолжалось 2 $\frac{1}{2}$ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ, накрытыхъ покрывами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату. Обѣдно служилъ митрополитъ. Онъ-же и отпѣвалъ тѣло со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь краткую говорилъ прот. Леванда. Тѣло предано землѣ на горѣ въ одномъ склепѣ съ женою губернатора, мѣсяца за 4 предъ симъ скончавшейся. Послѣ похоронъ было небольшое угощеніе въ сиротскомъ кирил. домѣ.

Болѣзнь и кончина протоіерея Сулимы.

6 апрѣля. Прот. Сулима, вдовецъ, членъ дикастеріи (отецъ Димитрія Сулимы, впослѣдствіи архіепископа кишиневскаго) ходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ 7 часу вечера въ покои, гдѣ пѣвчіе живутъ. И возвращаясь оттолѣ, при сходѣ съ верхнихъ покоевъ, съ лѣстницы, съ рундука оступившись, упалъ чрезъ три ступени на полъ лицомъ и раздробилъ лѣвую ногу. И насилу пять человекъ внесли его въ его келью. Митрополитъ послалъ больному камфоры, но повидимому безъ пользы. Болѣзнь тянулась мѣсяца 2 $\frac{1}{2}$ до роковаго исхода. 20 іюня были у больнаго докторъ Бунге и штаб-лекаръ, братъ преосв. Феофилакта. Первый сказалъ, что можно еще отлѣчить, а послѣдній объявилъ, что опасность близка и скоро будетъ антоновъ огонь, ибо опухоль пошла вверхъ по ногѣ къ колѣну. Въ тотъ-же день митрополитъ посѣтилъ больнаго. 21 іюня Бунге вмѣстѣ съ Гординскимъ былъ у больнаго, и донесъ владыкѣ, что примѣтно-де, что уже сдѣлалась гангрена и дня-де три больной можетъ прожить еще, если не уврачуется болѣзнь. Митрополитъ опять посѣтилъ прот. Сулиму и смотрѣлъ ногу его большую, распухлую, якъ бревно, съ разными то синими, то красными, то блѣдными пятнами. 24 іюня, въ исходѣ 6 часа вечера митрополитъ въ послѣдній разъ посѣтилъ прот. Сулиму. »И засталъ его (пишетъ м. Серапіонъ) издыхающаго. Благословилъ и простился съ симъ честнымъ, трудолюбивымъ и вѣрнымъ мнѣ по дикастеріи помощникомъ. А чрезъ $\frac{1}{2}$ часа донесено мнѣ, что онъ и скончался. Да будетъ ему вѣчная память!» 25 іюня вечеромъ соборяне и члены дикастеріи вынесли изъ кельи тѣло покойнаго Сулимы въ трапезную церковь, отпѣли его и похоронили на Кудравцѣ близъ алтара.

29 мая. Прибыль новый военный губернаторъ кievскій, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Пожаръ въ Межигорьѣ.

14 июня. Въ 3-мъ часу за полночь въ бывомъ межигорскомъ монастырѣ фiансовая фабрика сгорѣла вся; а церкви тамошней каменной сгорѣли только куполы и крыша, а иконостасъ и утварь всѣ цѣлы. Жалко, что чрезъ сіе и Кіевъ лишился великихъ доходовъ, ибо посуда съ сей фабрики во многіе города въ великомъ количествѣ была покупаема и безъ всякаго при томъ брака. 6 октября того-же года митрополитъ былъ въ Межигорьѣ и нашель, что церковь отъ пожара повредилась только снаружи, а внутри все неповрежденно и благолѣпно; нашель также, что послѣ пожара вновь заведены станки фiансовой фабрики, на коихъ уже работаютъ. Въ ту-же поѣздку митрополитъ ходилъ на имѣющійся предъ Вышгородомъ холмъ, на подобіе великой могилы, гдѣ на самой срединѣ водруженъ дикаго мрамора камень, вышиною болѣе аршина, плоскій, толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш. Замѣтка, быть можетъ, не лишняя для археологовъ.

24 июня. Закладка крѣпости на Звѣринцѣ и митрополичье служеніе въ Предтеченской на Подолѣ церкви, нынѣ не существующей.

5 июля. Закладка больницы Прозоровской.

Военныя экзерциціи Ермолова.

12 июля. Вечеромъ была воинская экзерциція въ роцѣ митрополичьяго загороднаго подворья, называемаго Шулявщина, и внѣ роци къ протоку рѣчки Лыбеди; и было примѣрное сраженіе, продолжавшееся около двухъ часовъ. Послѣ (часовъ въ 10) былъ фейерверкъ въ лагерѣ близъ Панковщины. И народу была тьма. Объ этомъ примѣрномъ сраженіи, въ которомъ участвовало до 8,000 человекъ, предупредилъ митрополита начальникъ отряда генерал-маіоръ Ермоловъ. »Ничего сего«, записалъ митрополитъ, »очи мои не видѣли, но уши весь шумъ и громъ слышали, сѣдая мнѣ въ верхнихъ моихъ покояхъ«.

18 июля. Опять была около большой гребли экзерциція военная, тысячъ изъ осми состоящая; при пушечной пальбѣ, ави бы атаку дѣлали. И народу всякаго была тьма.

3 августа. Старокіевскія вѣрвостныя ворота (?) были разбираемы; посему митрополитъ вѣхалъ въ лавру чрезъ нѣмецкое кладбище (?).

9 августа. Прибылъ новый гражд. губернаторъ Ланской.

30 августа. По случаю царскихъ именинъ, былъ у военнаго губернатора М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ, продолжавшійся болѣе $\frac{1}{2}$ часа, съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи. И былъ у губернатора балъ и угощеніе велее всѣмъ.

Освященіе церкви на Оскольдовой могилѣ.

1 сентября. Было освященіе новой на Оскольдовой могилѣ церкви, заложенной ровно за годъ предъ симъ (см. выше подъ 15 іюня 1809 г.). Освященіе совершено митрополитомъ съ двумя архимандритами, никольскимъ Кипріаномъ и братскимъ Іоакимомъ, и съ четырьмя старцами, при собраніи вельможъ и всѣхъ первыхъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни, всѣ приглашенные накаунѣ отправились къ настоятелю никольскаго монастыря на обѣдъ, человекъ до 40; въ томъ числѣ М. А. Милорадовичъ и Д. П. Троцинскій.

15 октября. Генераль-губернаторъ Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губернатора Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя.

18 октября. Являлся къ митрополиту кіево-владимірскій протопопъ Арсеній Кринитскій, возвратившійся изъ Петербурга и получившій тамъ орденъ св. Анны 2 класса ходатайствомъ брата своего, духовника императорскаго. (Впослѣдствіи о. Криницкій постригся въ монахи съ именемъ Варлаама и былъ архимандритомъ никольскаго монастыря).

1811 годъ.

Румянцевская панихида.

16 января. Митрополичья панихида въ лаврѣ по графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ. При панихидѣ были генераль-маіоры Полетаевъ и Бернадосъ и два полковника, получающіе отъ графа по 1000 р. пенсіи, чтобы имъ только быть при отпраздненіи панихиды сей.—Мы знаемъ, что эта панихида съ тысячными пансіонерами совершалась и въ другіе годы, и должно

быть митрополитъ имѣлъ какое нибудь вліяніе на назначеніе пенсіи, потому что генераль Полетаевъ просилъ у владыки его по этому предмету содѣйствія. Но не знаемъ, когда эта пенсія прекратилась;— вѣроятно по смерти раздателя ея графа Н. П. Румянцева. (См. ниже подъ 27 сент. 1814 г. и 8 генв. 1818 г.).

Кіевскіе откупщики.

6 февраля. Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Киселевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ виннымъ и взяли на себя лично за 379,000 руб., да за пиво и медъ 23,000 руб. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая!

Пожаръ въ Выдубецкомъ.

18 марта. Во 2 часу ночи загорѣлись братскіе покои въ Выдубецкомъ монастырѣ и сгорѣли всѣ кельи,—деревянный корпусъ на каменномъ фундаментѣ на 25 сажень длины и на 5 ширины.

Ссылный митрополитъ Паисій.

23 марта проѣзжалъ чрезъ Кіевъ, высланный изъ Яссы въ Суздаль митрополитъ греческій Паисій съ провожатымъ надворнымъ совѣтникомъ и просилъ у Серапіона на бѣдность, и дано ему, яко посланному нечаянно, ut in exilium, вспомошествованія 50 рублей.

Отказъ Иринея Фальковскаго отъ кавалеріи.

29 апрѣля. Митрополитъ чрезъ секретаря консисторіи послалъ при своемъ письмѣ къ викарію епископу Иринею высочайшій рескриптъ и знаки ордена св. Анны I класса, полученные наканунѣ. Возвратясь, секретарь донесъ, что Ириней отрекается принять орденъ и не принялъ конверта и не распечаталъ его. Вечеромъ митрополитъ самъ поѣхалъ къ викарію Иринею, отрекающемуся принять орденъ, съ увѣщаніемъ оставить упорство свое. Но Ириней остался при своемъ мнѣніи. И митрополитъ, искушавъ у него чашку чаю, отѣхалъ во свояси. Чрезъ день митрополитъ опять ѣздилъ къ викарію для посѣщенія его, яко больнаго, и говорилъ ему о принятіи кавалеріи. 10 мая въ царскій день рожденія великой княгини Екаторины Павловны молебствіе отправилъ епископъ Ириней безъ возложенія недавно пожалованной ему кавалеріи.

Пожары на Подолѣ.

Въ ночь на 10 мая на Подолѣ, въ приходѣ притиско-никольскомъ сгорѣлъ одинъ домъ отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица 45-лѣтняя сгорѣла.

28 мая былъ пожаръ на Подолѣ у Введенія, и дворовъ до 15 сгорѣло небольшихъ.

Хлѣбный жукъ.

2 іюня, осматривая сельское хозяйство въ Теремкахъ, митрополитъ нашелъ, что рожь низка и рѣдка выпшла; и на каждомъ почти стеблѣ жучки сидѣли и объѣдали цвѣтъ въ колосьяхъ.— Похоже на то, что знаменитый впоследствии *жука существовалъ и въ 1811 году.*

Великіе пожары и смущеніе киевлянъ.

Іюнь ознаменованъ многими пожарами въ Кіевѣ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ великій пожаръ на Подолѣ 9 іюня, когда сгорѣло 1,240 домовъ, монастыри братскій и фроловскій и болѣе десяти церквей. Къ сожалѣнію списокъ съ записью отъ 9 по 15 іюня утраченъ изъ дневника м. Серапіона, и по дальнѣйшимъ записямъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о впечатлѣніи ужаса, какимъ были поражены киевляне.

14 іюня, въ 11 часу вечера «паки былъ пожаръ на Печерскѣ, противъ самой почти владимірской церкви. Сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ, и вывозили въ поле».—Какъ будто читаешь выдержку изъ новгородской лѣтописи: «по вся дни загорашея невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живящу». И мы, прибавляетъ митрополитъ, всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подваль-же вынесли.

25 іюня была пальба изъ всѣхъ пушекъ, на крѣпости лаврской стоящихъ, для пробы-де ихъ; что весь городъ весьма востревожило, ибо не знали, для чего была пальба.

28 іюля, въ исходѣ 1 часа за полночь былъ пожаръ во дворцѣ у военнаго губернатора, аки-бы отъ зажогу, и сгорѣлъ правый со вѣзду корпусъ.

30 июля митрополитъ ѣздилъ въ Выдубецкій монастырь осматривать покои для помѣщенія погорѣлыхъ фроловскихъ монахинь.

4 августа протопопъ Кринитскій сказывалъ митрополиту о письмѣ, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что на Подолѣ; о сгорѣннн и остальныхъ подольскихъ домовъ.

7 августа митрополитъ прогуливался по обгорѣлому саду на Кудрявцѣ и замѣтилъ, что между прочимъ двѣ груши сгорѣли отъ мѣнной величины и высоты.

16 августа, вечеромъ горѣлъ домъ зятя коменданта Масси Корда близъ дому генерала Бухгольца. На другой день въ томъ-же домѣ паки горѣлъ другой флигель, и муки сгорѣло до 900 кулей.

17 августа, въ началѣ 2-го часа за полдня открылся пожаръ противъ дворца у графа Самойлова, и у аптеки сгорѣли флигеля и сарай у брата Бунге, лекаря. И пожаръ былъ сильный въ виду дому нашего софійскаго, яко на горѣ, но тихо было, Богу благодареніе! И часа чрезъ два все потушили. А всѣмъ страху много причинено; и у митрополита бареты на конюшнѣ вытаскивали.

19 августа. Весь городъ наполненъ былъ чрезъ весь день горячимъ дымомъ, такъ что и дышать было трудно, и вдали мало что было видно. Не знали, чему приписать. И въ смущеніи многіе бѣгали на Подоль посмотреть, не горитъ-ли гдѣ?

22 августа. Митрополитъ слышалъ отъ прот. Сигиревича, акибы отселѣ прислано въ С.-Петербургъ 8 человекъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а шесть содержатся здѣсь.

Посвященіе епископа Аѳанасія въ Кіевѣ.

2 сентября въ крестовой церкви было нареченіе, а 5 сентября въ лаврѣ посвященіе черниговскаго елецкаго архимандрита Аѳанасія Корчанова въ епископы пензенскіе. Посвященіе совершали м. Серапіонъ съ викаріемъ Принеемъ и съ жившимъ въ лаврѣ на покой епископомъ Теофилактомъ (Слонѣцкимъ), бывымъ вологодскимъ.

Комета.

10 сентября. Въ 10 часу очень ясно видна была звѣзда комета, отъ лѣтнаго запада къ сѣверу идущая, и лучи или сіяніе—казалось на сажень—перпендикулярно простирались къ созвѣздію ursae majoris. И до полночи видно было сіе явленіе очень необычно-

венное. 15 сентября сіяніе отъ кометы было косвеннѣе или наклоннѣе къ востоку и было слабое и короткое, такъ какъ на аршинѣ уже только.

Городокъ Китай.

25 сентября митрополитъ съ гостями духовными и свѣтскими обѣдали въ Китаевской пустыни, а послѣ обѣда ходили на виноградникъ, а оттолѣ на гору зѣло высокую, гдѣ былъ городокъ Китай, гдѣ видны и до днесь окопы и валы.

26 сентября прибылъ въ Кіевъ сенаторъ Илья Петровичъ Аршеневскій для обозрѣнія фабрики фіансовой.

Перемѣщеніе монашествующихъ послѣ пожара.

4 октября. Никольскій архим. Кипріанъ донесъ владыкѣ, что онъ съ своею братіею уже перебрался въ лавру, а фроловская игуменья просила благословенія совсѣмъ перебраться въ монастырь никольскій и показывала рескриптъ, ей присланный отъ импер. Маріи Ѳеодоровны и 1,000 руб. при письмѣ об. прок. кн. Голицына.

8 октября. Въ лаврѣ было приведеніе дворянства къ присягѣ на 3-хъ лѣтніе выборы.

16 октября. Приѣхалъ изъ С.-Петербурга сербскій архим. Мелетій, коему, по имянному указу, велѣно выдать изъ лавры два круга церковныхъ книгъ.

Надгробіе Долгорукимъ въ Лаврѣ.

21 октября. Былъ у митрополита титулярный совѣтникъ, отъ владимірскаго губернатора князя Долгорукова присланный, съ доскою мѣдною вызолоченною для постановленія ея при входѣ въ великую печерскую церковь въ стѣнѣ противъ чугунныхъ плитъ, положенныхъ надъ гробами его родственниковъ, славныхъ по обстоятельствамъ того времени.

15 ноября. Митрополитъ сдалъ эконому академіи, пр. Россовскому, 1,000 р., присланныхъ отъ гр. А. Р. Чернышевой для раздачи погорѣлымъ священникамъ кіевскимъ.

9 декабря. Освященіе вновь сооруженной церкви Зачатія св. Анны на дальнихъ пещерахъ.

12 декабря. Въ 7 часовъ утра военный губернаторъ прислалъ митрополиту письмо, увѣдомляя о полученіи имъ изъ молдавской

арміи отъ главнокомандующаго Кутузова извѣстія, что турокъ у Рущука взято въ плѣнъ 12,000 и 56 пушекъ съ трехбунчужнымъ шапкою и 3 другими начальниками.

25 декабря. Былъ у владыки совѣтникъ правленія Катериничъ, человекъ благочестивый и нѣчто жертвовалъ для благоуукрашенія лавры и объявилъ, что онъ сдѣланъ кievскимъ вице-губернаторомъ.

1812 годъ.

Кончина епископа Теофана Шіанова.

24 января. Скончался послѣ паралича полтавско-перемышлянскій епископъ Теофанъ Шіановъ, бывшій викарій кievскій и родной дядя извѣстнаго кievскаго домовладѣльца Н. С. Шіанова. Параличь поразилъ преосвященнаго 15 января, и электрическая машина, написанная изъ Кіева отъ протопопа Манковскаго, какъ видно, не спасла умирающаго. Переяславская консисторія репортовала митрополиту о кончинѣ Теофана, требуя распоряженія о его погребеніи на основаніи синодальнаго указа отъ 30 ноября 1783 года. Посему митрополитъ и поручилъ ѣхать въ Переяславль для погребенія пр. Теофана викарію Иринею.

Торжество открытія кievской гимназіи.

30 января. По просьбѣ визитатора тайнаго совѣтника Чапскаго (т. е. Чацкаго), митрополитъ совершалъ литургію въ лаврѣ. Императорскій уставъ, данный гимназіи, былъ внесенъ въ великую лаврскую церковь съ торжественною процессією. Проповѣдь говорилъ катихизаторъ гимназіи, успенскаго собора священникъ Иванишевъ. Послѣ молебствія и многолѣтія, уставъ тотъ въ бархатномъ футлярѣ и на бархатной подушкѣ понесенъ былъ въ гимназію. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе. Предъ гимназією стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры. У лѣстницы встрѣтилъ митрополита т. с. Чапскій съ директоромъ гимназіи Мышковскимъ и учителями, и провелъ въ залу, гдѣ послѣ водоосвященія и многолѣтія, митрополитъ благословилъ новое учебное заведеніе иконою и библиєю. Затѣмъ говорены были рѣчи польскія. Первую рѣчь говорилъ болѣе получаса г. Чапскій, дѣлая обращенія къ г. губернатору Милорадовичу, графу Ржевутскому, губернскому маршалу Потоцкому и къ митрополиту. Вторую рѣчь

также съ комплиментами и еще длиннѣ говорилъ графъ Ржевутскій; третью—повороче говорилъ, вмѣсто маршала губернскаго, маршалъ повѣтовый. Наконецъ въ заключеніе говорилъ благодарную рѣчь директоръ Мышковскій, уже на російскомъ языкѣ. Потомъ военный губернаторъ взялъ уставъ, лежавшій на бархатной подушкѣ, и вручилъ директору. Въ 7 часу, уже зажженнымъ свѣчамъ, сѣли за столъ богатый; и было обѣдающихъ болѣе ста. Когда пили за здоровье государя, былъ 101 пушечный выстрѣлъ.—Вѣроятно въ теченіе своей многолѣтней жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскіе графа.—Послѣ обѣда митрополитъ былъ провожденъ до кареты г. Чапскимъ, директоромъ и учителями; даже г. Чапскимъ въ карету посаженъ, по учтивости крайней польской.

Возобновленіе фроловскаго монастыря.

21 февраля. Почтмейстеръ принесъ къ митрополиту письмо отъ государя императора, присланное по естафетѣ, о скорѣйшемъ возобновленіи фроловскаго монастыря. Это порученіе митрополитъ спѣшилъ возложить на никольскаго архимандрита Кипріана и самъ часто сталъ ѣздить въ погорѣлый фроловскій монастырь. 23 марта заключенъ былъ контрактъ съ подрядчикомъ Сѣриковымъ, который взялся за 45,000 р. построить четыре корпуса келій на 56 саженьяхъ. А 5 мая митрополитъ послѣ литургіи во фроловскомъ уже отправлялъ благодарный молебень, что Богъ помогъ въ погорѣломъ монастырѣ устроить четыре корпуса келій и въ нихъ поселить монахинь, а монахини со слезами благодарили митрополита за трудъ его въ устроеніи семъ многій положенный.

Отъѣздъ викарія Иринея.

12 марта. Викарій Иринея, пожалованный епископомъ смоленскимъ, въ первый разъ воздѣлъ на себя аннинскую кавалерію по просьбѣ митрополита.

1 апрѣля вечеромъ Иринея выѣхалъ въ Смоленскъ и былъ провожаемъ братією до р. Днѣпра съ колокольнымъ звономъ, продолжавшимся болѣе часу.

2 апрѣля митрополитъ въ михайловскомъ монастырѣ отпѣвалъ госпожу Ханенкову.

Безполезныя саперныя работы надъ пещерами.

8 апрѣля. На Печерскѣ военные люди начали размѣрять мѣстность и назначили рвы для баттарей надъ самыми пещерами. Это митрополиту, какъ видно, очень не нравилось, и подъ 29 мая онъ записалъ отзывъ какого-то офицера, пріѣхавшаго изъ Брянска съ артиллерійскими лошадьми, что инженерная работа на пещерахъ предосудженію подвержена особливо потому, что пещеры оставлены безъ защиты. Часъ отъ часу было не легче. 31 мая начальникъ дальнихъ пещеръ доносилъ митрополиту, что инженерный генералъ Глуховъ хочетъ приступать къ тому, чтобы на пещерахъ ломать переходы. Но митрополитъ не имѣлъ никакой власти надъ инженерами, и ему оставалось только похаживать надъ пещерами, да посматривать, что дѣлаютъ инженеры. Пробовалъ жаловаться военному губернатору Милорадовичу, но тотъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, что инженерами завѣдуетъ какой-то генералъ Опшерманъ. Митрополитъ жаловался, должно быть, кому нибудь и повыше. Какъ-бы то ни было, 17 іюня митрополитъ получилъ письмо отъ графа Аракчеева, и въ немъ именной указъ инженерному генералу Глухову, предписывающій ему имѣть всякое попеченіе о невредимости пещеръ. Въ тотъ-же вечеръ владыка поѣхалъ къ пещерамъ, гдѣ Глуховъ подѣлалъ рвы и валы, осмотрѣлъ инженерныя работы и съ торжествомъ вручилъ Глухову высочайшій указъ.

14 апрѣля. Благодарственное молебствіе по случаю пожалованія государемъ императоромъ 34,200 р. погорѣвшему кievскому духовенству.

Какъ отражались въ Кіевѣ событія 1812 года?

24 апрѣля. Была у митрополита философка Турчанинова и рассказывала исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго.

24 іюня митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ.

27 іюня философка Турчанинова первая прислала копію съ приказа арміямъ о нападеніи французозъ на наши войска при Ковнѣ.

30 іюня митрополитъ, возвращаясь изъ лавры въ 10 часу вечера, нашель, что крѣпость была уже заперта, и ходили на главную гофъ-вахту докладываться о пропускѣ.

3 июля принесено къ митрополиту письмо отъ Турчаниновой, коимъ увѣдомляетъ, что сей-де часть прибылъ изъ арміи курьеръ; связываютъ-де, что было три сраженія, всё выгодно для россіянъ. А 5 июля вице-губернаторъ показывалъ митрополиту и самое письмо Багратиона о трехъ побѣдахъ небольшихъ, 27 и 28 іюня и 2 июля бывшихъ.

11 июля военный губернаторъ Милорадовичъ объяснилъ митрополиту, что государь назначилъ его, Милорадовича, главнокомандующимъ надъ арміею, изготовляемою между Калугою, Волоколамскомъ и Мосевою, и давалъ читать только что полученный имъ Высочайшій о семъ рескриптъ. Пока митрополитъ былъ у Милорадовича, пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что миръ съ турками ратификованъ султаномъ.

13 июля. Явился къ митрополиту архимандритъ Лазарь, который имѣлъ монастырь свой въ Пинскѣ, и мѣсто-де сіе, такъ какъ и Минскъ, занято французами; и архіепископъ-де минскій Серафимъ выѣхалъ въ Смоленскъ.

14 июля философа Турчанинова доставила владыкѣ копію съ письма о побѣдѣ 1-ю арміею непріятельской арміи, состоявшей изъ 100,000, изъ коихъ 60,000 убито и взято въ плѣнъ, а 40,000 разсѣяно безъ вѣсти; въ числѣ плѣнныхъ маршалъ Макдональдъ, а Понятовскій или раненъ, или убитъ.

Съ половины іюля въ Кіевъ стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у митрополита позволеніе въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 человекъ, да вслѣдъ за симъ будутъ до 400.

20 июля. Предъ литургіею былъ прочитанъ манифестъ о всеобщемъ вооруженіи и отправленъ соборомъ молебенъ о побѣдѣ на супостатовъ. Послѣ литургіи прочитано письмо генерала Торماسова о побѣдѣ надъ саксонцами при Кобринѣ и отправлено благодарственное молебствіе.

22 июля. Предъ обѣднею молебенъ о побѣдѣ, одержанной надъ французами генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ.

30 июля. Была сильная пальба въ лагерѣ, что у Златыхъ вратъ, для ученія.

2 августа. Митрополитъ повѣрялъ въ соф. соборѣ доску, выгродированную со гроба князя Ярослава.

3 августа. Извѣстіе о двухъ побѣдахъ подъ Полоцкомъ.

6 августа. Были у митрополита вице-губернаторъ Катериничъ, С. С. Шіяновъ и почтмейстеръ Ассонъ Савичъ и сказывали, что казну, состоящую въ золотѣ и серебрѣ, изъ Кіева велено вывезти въ Москву (?!), и вывезена-де. Да и депо провіантское и комиссаріатское вывозять-де отселѣ въ Москву,—и что то-де послѣдуетъ чрезъ 4 дня, ожидать надобно.

7 августа. Были у митрополита лаврскіе намѣстникъ и казначей по дѣлу о сохраненіи сокровищъ лаврскихъ. Митрополитъ ѣздилъ къ губернатору и говорилъ съ нимъ объ угрожающихъ обстоятельствахъ, но, какъ видно, ни къ какому рѣшенію не пришли. Впрочемъ *16 августа* митрополитъ послалъ въ Черниговъ къ генералъ-губернатору Лобанову письмо относительно сохраненія сокровищъ церковныхъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.—Кажется, все ограничилось тѣмъ, что лаврскія драгоценности были положены въ сундуки для случая.

15 августа. Былъ крестный ходъ съ иконою Богоматери кругомъ всей лавры.

16 августа. Митрополитъ ходилъ съ братіею въ верхній сваребецъ, гдѣ отбирали серебро, безъ употребленія лежащее, для пожертвованія отечеству. Въ тотъ-же день митрополитъ получилъ отъ Шіянова неприятое извѣщеніе, что Смоленскъ занятъ французами 7 августа. Но за то *2 сентября* Шіяновъ пришелъ въ владыкѣ съ извѣстіемъ, аки-бы одержана нашимъ войскомъ побѣда подъ Можайскомъ, и взято будто-бы отъ 70 до 100 пушекъ, и до 70,000 побито и ранено, и взять акибы въ полонъ король неапольскій, зять Наполеоновъ Іоакимъ Муратъ. *15 сентября* дошелъ до кіевскаго владыки слухъ о московскомъ пожарѣ. *Inter rumores varios hoc a multis audivi, quasi Mosquam adivit Napoleon et multa ibi igne consumsit. O avertat Deus hoc summum malum!*

20 сентября вице-губернаторъ сообщилъ митрополиту, что Москва точно французами занята 2 сентября и много-де предмѣстій выжжено; а наканунѣ комендантъ сказывалъ митрополиту, со словъ проѣзжавшаго курьера, акибы съ Австріею у насъ миръ объявленъ и посланникъ-де нашъ поѣхалъ въ Вѣну,—также и съ саксонцами. *29 сентября*, лекаръ Бунге сказывалъ митрополиту, акибы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ *3 октября* ми-

митрополиту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ. Кіевскій воздвиженскій священникъ, ѣздившій въ С.-Петербургъ, не могъ уже возвратиться чрезъ Москву, а проѣхалъ чрезъ родину митрополита, Александровъ и привезъ письмо отъ митрополичьяго племянника Симона Ив., священника александровскаго дѣвичьяго монастыря. Племянникъ писалъ, что они находятся въ великомъ страхѣ, ожидая ежечасно нашествія непріятельскаго, что московскій митрополитъ въ махрицкомъ монастырѣ, а викарій его во Владимірѣ, а синодальная-де и лаврская ризницы вывезены въ Вологду, а мощи-де преп. Сергія сокрыты подъ спудъ. »О великій гнѣвъ Божій!« замѣтилъ митрополитъ, и при первой возможности послалъ въ Александровъ 500 р. 23-мъ бѣднымъ родственникамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы.

20 сентября въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, изъ чего разныя дѣлали заключенія.

1 октября прибылъ въ Кіевъ генералъ отъ кавалеріи А. М. Тормасовъ проѣздомъ изъ арміи западной въ армію подмосковную, а выѣхалъ изъ Кіева 4 октября.

20 октября. Молебень о побѣдѣ надъ королемъ неаполитанскимъ, одержанной 6 октября генераломъ Бенигсеномъ подъ Вороновымъ.

26 октября. Митрополитъ читалъ письмо генерала Милорадовича къ кіевскому гражд. губернатору, коимъ увѣдомляетъ, что «Москва нами занята сего октября 11 числа, и взошелъ генералъ Еловайскій первый въ городъ, а непріятель ретируется по разнымъ дорогамъ». И затѣмъ послѣдовали все уже пріятныя извѣстія.

3 ноября митрополиту сообщено о побѣдѣ, 27 и 28 октября въ 40 верстахъ отъ Смоленска одержанной, гдѣ взято нашими 63 пушки и 3,500 плѣнныхъ, а болѣе того побито.

18 ноября митрополитъ узналъ, что гдѣ-то русскіе взяли въ плѣнъ 17,000, 8 генераловъ, 200 пушекъ и страшный обозъ.

22 ноября получено было письмо отъ фельдмаршала князя Кутузова о совершенной безопасности кіевской крѣпости, объ открытіи всѣхъ мѣстъ присутственныхъ и о возвращеніи госпиталя изъ Черяслава.

24 ноября. Подписка въ пользу разоренныхъ отъ французовъ. Митрополитъ подписалъ отъ лавры 5,000 р., да отъ себя лично

1,500 р. с., губернаторъ 500 р., вице-губернаторъ 300 р. и т. д. Всего-же отправлено было лаврскимъ казначеемъ оберъ-прокурору св. синода на разоренныхъ отъ французовъ 13,575 р.

Панихида по м. Платонѣ.

19 декабря. Торжественная панихида по московскомъ митр. Платонѣ въ софійскомъ соборѣ, а *21 декабря* въ лаврѣ. Митрополитъ Серапіонъ при семъ роздалъ на свой счетъ 390 пятикопѣчныхъ булокъ лаврской братіи и оставилъ на соровоустіе 50 р.

1813 годъ.

Крестный ходъ въ лаврѣ.

1 января былъ крестный ходъ кругомъ лавры съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Предварительно митрополитъ говорилъ съ амвона рѣчь, въ коей изъяснилъ причины хода. Впослѣдствіи г-жа философка Турчанинова составила описаніе сего хода, въ коемъ участвовало все кіевское духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое. А *26 января* былъ благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ врага, при чемъ читаны были, по силѣ указа св. синода, два высочайшіе манифеста.

Погребеніе войта Рыбальскаго.

24 января умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и любимый, и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, предъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ наилучшемъ уборѣ, на наилучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ. Похоронили войта Рыбальскаго *29 января* на Щекавицѣ, гдѣ его стараніемъ сооружена каменная церковь.

30 января явился къ митрополиту черногорскій архимандритъ Дометіанъ Влодевичъ, коему дозволено пребываніе въ лаврѣ, съ письмомъ отъ министра полиціи и отъ посланника изъ Вѣны князя Куракина.

1 марта. Московскій купецъ Ждановъ поднесъ м. Серапіону книжку, имъ сочиненную, о его бѣгствѣ изъ Москвы отъ французовъ.

23—25 марта, пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Екатерины Павловны, которая пожертвовала въ чудотворной лаврской иконѣ звѣзду брилліантовую съ превеликимъ аметистомъ по срединѣ, а сама получила изъ лавры до 10 частицъ мощей здѣшнихъ преподобныхъ.

11 апрѣля. Привезенъ въ Кіевъ и погребенъ въ Выдубецкомъ монастырѣ трупъ полковника Василицкаго, убитаго подъ Бородинымъ.

Покража въ лаврѣ.

10 августа украдены въ лаврѣ кружечныя деньги до 14,000 р.; а 17-ноября обокрали въ лаврѣ уставщика Гавріила: взято 4 мѣшка мѣдныхъ денегъ и до 600 р. ассигнаціями и шуба; впрочемъ въ тотъ-же день и воръ, и украденное найдены.

30—31 августа былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ свою епархію моголевскій епископъ Даніиль (Мирданскій) и подарилъ митрополиту 12 бут. венгерскаго и 32 арш. матеріи.—Это приношеніе по видимому нѣсколько удивило митрополита.

Посвященіе въ Кіевѣ двухъ епископовъ.

13 сентября было нареченіе, а *14 сентября* посвященіе каменецъ-подольскаго архимандрита Стефана во епископы житомирскіе; что было учинено митрополитомъ съ коадьюторомъ Иринеємъ и Теофилактомъ, бывымъ вологодскимъ.

13 октября было нареченіе, а *14 октября* посвященіе курскаго архимандрита Аполлоса во епископы харьковскіе. Дѣйствующіе въ обрядѣ архіереи были тѣже. На мѣсто новопосвященнаго епископа опредѣленъ въ Курскъ архимандритомъ ректоръ академіи Іоакимъ.

1814 годъ.

15 января. Былъ благодарный молебенъ по высочайшему манифесту, что наши побѣдоносныя знамена развѣваются уже на берегахъ р. Рейна.

25 января. Снѣгъ съ пургою, и великое множество его выпало.

12 апрѣля. Торжественное молебствіе по случаю вступленія Государя Императора въ Парижъ. Народу и господъ было очень много, а особливо господъ никогда почти столько не бывало. Послѣ молебна господа всѣ съ чиновниками заходили къ митрополиту, челоуѣкъ почти до ста. И тутъ предложено ознаменовать сіе чрезмѣрно радостное происшествіе подпискою на инвалидовъ денежною. Митрополитъ первый подписалъ 200 р., остальные тутъ же въ залѣ сотъ до семи.

27 іюня. Отпѣваніе протоіерея Леванды, скончавшагося 25 іюня¹⁾).

28 іюня. Торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлдневнымъ звономъ, по случаю высочайшаго манифеста о заключеніи мира съ Франціею. 101 пушечный выстрѣлъ. Вечеромъ иллюминація. >И были для торжества иллюминированы софійская и лаврская колокольни. На первой было сто плошекъ, а на второй 200, къ великому удовольствію гражданъ*.

Приношенія въ лавру гр. Н. П. Румянцева.

27 сентября. Былъ въ Кіевѣ государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, а на другой день прислалъ въ лавру, гдѣ погребенъ его родитель, панагію брилліантовую всебогатую для митрополита, вѣтвь масличную и жезлъ фельдмаршалской золоты, брилліантами украшенные.—Послѣднія двѣ вещи и теперь хранятся въ лаврской ризницѣ.

1 октября. Прибылъ въ Кіевъ графъ М. А. Милорадовичъ, герой, орденами обвѣшанный, и будучи 4 октября у митрополита на обѣдѣ, казалъ златую шпагу, брилліантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость пожалованную ему Государемъ Императоромъ.

1815 годъ.

23 января. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита графъ Витгенштейнъ, герой видный, росту высокаго, орденами обвѣшанъ.

26 января. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита лейбъ-кучеръ Государя Императора, изъ Вѣны пріѣхавшій на богомолье въ Кіевъ,

¹⁾ Обстоятельство это подробно описано въ книгѣ Ф. А. Терновскаго: *Протоіерей Іоаннъ Леванда*. Кіевъ. 1879 года.—Р е д.

съ бородою черною и съ усами раскольниковскими(!), въ кафтанѣ купеческомъ, кушакомъ подпоясанномъ. Митрополитъ благословлялъ кучера книгами и просфорою, что онъ принялъ, павъ на колѣни, съ душевнымъ восторгомъ.

26 апрѣля. Скончалась старушка Анна Александровна Турчанинова, супруга полковника и перваго камердинера императора Петра III, и погребена торжественно *28 апрѣля* въ Выдубецкомъ монастырѣ.

20 юня. Манифестъ по случаю начатія войны съ Франціею.

14 юля. Выпускной экзаменъ въ кievской гимназiи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ и шпаги.

27 юля. Получено было высочайшее повелѣніе срыть на пещерахъ валы и привести все въ первобытное состояніе и все сдѣлать на государственнй счетъ. Митрополитъ и лаврскіе старцы возрадовались и благодарили Божию Матерь, и прочитано было оное высочайшее повелѣніе намѣстникомъ въ присутствіи митрополита въ средѣ старцевъ.

26 декабря. Молебенъ по случаю полученія радостнаго извѣстія, что всеобщій миръ уполномоченными подписанъ 8 ноября въ Парижѣ.

1816 годъ.

29 мая. Присланы отъ государя императора золотые сосуды для Софійскаго собора при рескриптѣ къ митрополиту.

30 мая—3 юня. Пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Николая Павловича.

27 юня. Господарь молдавскій Ипсилантій, жившій въ Кіевѣ, скоропостижно скончался въ 8 часу утра, на 56 году отъ роду. Мѣсто для погребенія было назначено въ Георгіевской церквѣ, въ углу за правымъ клиросомъ, гдѣ и въ настоящее время возвышается мраморный монументъ. Могила была вырыта съ трудностію по причинѣ оказавшихся подъ поломъ каменныхъ стѣнъ и большаго дикаго камня. Погребеніе было совершено 30 юня. Тѣло вынесли изъ дому господарскаго противъ столбовой никольской церкви (т. е. никольскаго монастыря, именовавшагося *Слунъ*), при величайшемъ стеченіи господъ и народа: 15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами. Литургія и

отпѣваніе были въ Софійскомъ соборѣ. Вдовица-княгиня была въ сильнѣйшей скорби.

8 августа. Былъ у митрополита князь Голицынъ, зять покойнаго князя Прозоровскаго, съ просьбою о переносѣ тѣла покойнаго изъ лавры въ церковь, отъ нихъ при больницѣ устроенную (въ Прозоровскую башню).

Пребываніе Императора въ Кіевѣ.

30 августа. Получено формальное увѣдомленіе, что Государь Императоръ въ Кіевъ прибудетъ къ 7 сентября и пробудетъ до 12.

7 сентября. Четвергъ. Въ половинѣ 7 часа вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ лавру, гдѣ во св. вратахъ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ братією въ полномъ облаченіи и привѣтствованъ рѣчью. Потомъ провожденъ, при пѣтїи братією и пѣвчими стиха: *Днесъ благодать св. Духа*, до церкви. По вшествїи въ оную, запѣли пѣвчіе: *Достойно есть*, въ которое время изволилъ прикладываться къ мощамъ при препровожденїи митрополита. Потомъ эктенїя и многолѣтіе. И отбылъ изъ лавры; и зажжена была иллюминація на колокольнѣ. И иллюминována была и колокольня софійская.

8 сентября. Пятница. Праздникъ Рождества Богоматери. Въ 11 часу изволилъ прибыть къ собору Государь Императоръ и встрѣченъ у св. воротъ митрополитомъ съ духовенствомъ, причемъ митрополитъ говорилъ краткое привѣтствїе. По вшествїи въ соборъ, Государь изволилъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ. Потомъ началась обѣдня, которую совершалъ митрополитъ съ тремя архимандритами и четырьмя соборными. Проповѣди не было. Послѣ литургїи, Государь изволилъ входить въ новую ризницу, осмотрѣлъ мозаику и гробъ Ярославовъ. Послѣ посѣтилъ митрополичьи покои, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канале, предстоящимъ генераламъ, и графинѣ Браницкой, и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчиванъ сперва кофеемъ съ чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего поль-рюмки вкушалъ за здоровье митрополита, и немного откушалъ вырезуба и пирожка частицу. И отбыть изволилъ благополучно и радостно для всѣхъ съ шумомъ ура у собора.

9 сентября. Суббота. Во 2-мъ часу дня митрополитъ ѣздилъ къ Государю съ духовенствомъ, и подносили были иконы: отъ лавры образъ Успенія въ окладѣ, и хлѣбъ, и книги; отъ собора образъ Софіи, премудрости Божіей, отъ фроловскаго монастыря образъ Вознесенія и хлѣбъ, а отъ академіи ода. И принято было благоволительно. Пригласивъ митрополита во внутренніе покои, Государь бесѣдовалъ съ нимъ милостиво и обѣщался завтра слушать въ лаврѣ обѣдню, поемую лаврскими старцами.

10 сентября. Воскресенье. Прибытіе государя въ лавру послѣдовало въ исходѣ 11 часа; и былъ встрѣченъ у вратъ святыхъ экономомъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитомъ съ крестомъ. И по вшествіи, изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушалъ литургію, совершаемую митрополитомъ, спѣваемую братією и продолжавшуюся два часа. Послѣ литургіи, Государю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащіе къ рукѣ. Затѣмъ Государь прошенъ былъ въ архимандричьи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, разоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарилъ Государя за посѣщеніе и подчивалъ его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и Государь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ потчиванъ рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ былъ на обѣдѣ у Государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митрополитъ, графъ Сакенъ и графъ Ржевутскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человекъ, и всѣ почти генералы. Въ 5 часу встали изъ за стола и Государь, поговоривъ немного, откланялся. Кушанье для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше.

11 сентября. Понедѣльникъ. Полученіе митрополитомъ брилліантовыхъ знаковъ ордена Андрея Первозваннаго, а лаврскимъ намѣстникомъ брилліантоваго креста. Посѣщеніе Государемъ академіи.

12 сентября. Вторникъ. Государь изволилъ слушать обѣдню, отправляемую однимъ намѣстникомъ въ церкви преп. Антонія. Послѣ обѣдни митрополитъ представилъ Государю схимника во всемъ схимническомъ одѣяніи, который и благодарилъ за пожалованный ему брилліантовый крестъ. Изъ церкви Государь прошенъ былъ въ кельи начальничи, гдѣ, мало наливъ вина, выпилъ за

здоровье митрополита, и много разглагольствоваль о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди 15,000-ной арміи въ 7 церквахъ. Потомъ Государь зашелъ въ лаврскую великую церковь, гдѣ приложился въ образу Божіей матери. При выходѣ митрополитъ поднесъ Государю образъ прендобныхъ и сказалъ краткую благодарную рѣчь. »И тако«, заключаетъ митрополитъ свое сказаніе о пребываніи Государя въ Кіевѣ,— »въ исходѣ 10 часа за полночь отбылъ Государь, сѣвъ въ коляску у вратъ святыхъ, въ дальнѣйшій путь. И симъ все совершилось благополучно. Проводивъ, взошли въ церковь и отгѣли благодарный молебень за вся благая, намъ ниспосланная чрезъ царя благочестивѣйшаго«.

Освященіе церкви въ инвалидномъ домѣ кн. Прозоровскаго.

21 сентября. Литургію совершалъ митрополитъ. Послѣ тутъ и обѣдали. За столомъ было до 30 человекъ, все почти генералы, да дамъ до 5: кн. Прозоровская, генеральша Раевская, кн. Голицына хозяйка, да генеральша Давыдова. Обѣдъ былъ богатый.

27 октября. Митрополиту была доставлена чрезъ г. Шанова ода, сочиненная полковникомъ Морозовымъ на прибытіе въ Кіевъ Государя Императора.

31 октября. Былъ у митрополита сенаторъ Болотниковъ съ объявленіемъ о назначаемомъ имъ мѣстѣ для католицкой церкви, гдѣ аптека, близъ дворца.

1817 годъ.

9—12 января. Пребываніе въ Кіевѣ преосв. Михаила черниговскаго, впослѣдствіи м. петербургскаго.

13 апрѣля. Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому Государю, аки бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена.

24 апрѣля. Присланъ отъ Государя Императора въ Михайловскій монастырь образъ архангела Михаила, въ златой ризѣ, брилліантами и другими драгими каменьями украшенный.

23 мая. Митрополитъ осматриваль въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 г. хранились деньги серебромъ 10,000 и золотомъ червонцевъ тысяча.

О лаврскомъ скарбцѣ упоминается въ дневникѣ владыки еще разъ, именно подѣ 15 февраля 1805 г., именно, что митрополитъ и старцы ходили въ скарбець, что въ великой церевѣ, и положили остатковъ отъ прошлаго 1804 года, за расходами разною монетою 20,000 р. къ имѣемымъ отъ прежнихъ годовъ 55,000 р. Кромѣ 12,000 златыхъ, qui sub pavimento absconditae тутже. О похищеніи изъ лаврскаго скарбца см. подѣ 4 марта 1821 года. Существуетъ-ли въ настоящее время лаврскій скарбець, не знаемъ.

Открытие кіевскаго отдѣленія російскаго библейскаго общества.

11 августа. Въ лаврской церкви былъ отслуженъ молебень съ прошеніемъ Божія благословенія на начатіе благаго дѣла сего, при чемъ были генералы Раевскій, Капцевичъ, комендантъ Массы, губернаторъ Назимовъ и прочее дворянство и купечество. Изъ церкви всѣ пошли въ митрополичьи покои и заняли мѣста въ большой залѣ. Митрополитъ произнесъ рѣчь (которую случайно бывший при семъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ запискахъ не похвалилъ и назвалъ рутинною). Затѣмъ читаны были правила библейскаго общества, была подписка приношеній (при чемъ митрополитъ подписалъ 1,000 руб. единовременно и 300 р. ежегодно) и выборъ членовъ комитета. Собраніе началось пѣніемъ духовныхъ стиховъ: *Днесъ благодать св. Духа насъ собра,* и *Благословенъ еси Христе Боже нашъ,* и закончилось пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ.* 25 августа было новое собраніе, на коемъ въ добавку къ прежнимъ выбраны новые директора, въ томъ числѣ пасторъ лютеранскій.—Изъ этого видно, что библейское общество имѣло не вѣроисповѣднй, а общехристіанскій характеръ.—Въ слѣд. 1818 г., апрѣля 4, у митрополита были англійскій пасторъ и раздаватель библии и новаго завѣта евреямъ и другой миссіонеръ англичанинъ (Гендерсонъ и Патерсонъ) и много разговаривали объ обращеніи евреевъ въ вѣру христіанскую.

30 августа. Закладка востела ватолицкаго близъ театра на горѣ.

Священникъ—авторъ.

14 сентября. Митрополитъ произвелъ въ протоіереи черныбыльскаго священника Іоанна Рубановича, 70-лѣтняго, автора исто-

рической книги на польскомъ языкѣ: »О началѣ церкви христіанской до послѣднихъ временъ съ возраженіями о заблужденіяхъ римской церкви«.

5 декабря. Увѣдомленіе оберъ-прокурора св. синода кн. Голицина о томъ, чтогосударь приказалъ отдать кіево-печерской лаврѣ рыбныя ловли въ черниговской губерніи.

18 декабря. Княгиня Ипсиланти просила митрополита о дозволеніи совершать для ней богослуженіе греч. іеромонаху съ острова Патмоса.

1818 годъ.

8 января. Панихида въ лаврѣ по графѣ Румянцевъ, на которой былъ сынъ его, графъ Семенъ Петровичъ, и ассистентами были шесть кавалеровъ, получающихъ тысячную пенсію, и солдатъ два батальона подъ командою генераль-майора Орлова. За панихиду графъ далъ братіи 500 р., а воинамъ 4000 рублей.

12 марта. Раздача кіевскимъ іереямъ бронзовыхъ крестовъ на владимірской лентѣ въ память войны 1812 года.

22 октября. Подполковница Марья Степановна Высоцкая лично просила митрополита объ устроеніи въ Выдубецкомъ женскаго монастыря (вѣроятно на ея счетъ). О томъ же просила она и св. синодъ. Просьба, какъ видно, осталась безъ послѣдствій.

19 ноября. Устроены вновь въ церкви преп. Варлаама, на ближнихъ пещерахъ, иконостасъ мѣдный, позлащенный очень блистательно чрезъ огонь, на что 239 червонцевъ пошло.

20 ноября. Лаврскій намѣстникъ со встревоженнымъ духомъ заявилъ митрополиту затрудненіе намѣстнической должности, болѣе жалуясь на типографа о постановленіи ангела близъ нужнаго мѣста.

30 декабря. Погребеніе на Оскольдовой могилѣ полковника Будьянскаго, скончавшагося отъ прорванія пупка. Послѣ похоронъ полицмейстеръ, провожая митрополита, положилъ ему въ карету 800 р., чѣмъ владыка былъ удивленъ.

1819 годъ.

8 февраля. Панихида по королевѣ виртембергской Еватеринѣ Павловнѣ, скончавшейся на 32 году.

23 мая—3 июня. Двѣнадцать дней гостилъ въ Кіевѣ Антоній, архіепископъ подольскій.

20 августа. Молебень о рожденіи в. кн. Марьи Николаевны, а 31 августа о крещеніи ея.

13—14 сентября. Былъ въ Кіевѣ военный министръ Петръ Петровичъ Коновницынъ.

28 сентября. Открытіе кіевской академіи по новому уставу (См. Труды к. д. ак. 1883 № 2).

1820 годъ.

11 апреля. Генеральное собраніе библейскаго общества въ лаврѣ.

1821 годъ.

Похищеніе изъ лаврскаго скарбца.

4 марта. Похищено неизвѣстно кѣмъ изъ лаврскаго скарбца церковнаго казенныхъ денегъ 18.897 р. Подозрѣвался какой-то іером. Ѳеодоръ. Найдено какое-то орудіе, подкинутое за иконостасомъ. Наконецъ воръ былъ отысканъ въ Бердичевѣ совѣтникомъ Саксомъ, слѣдователемъ дѣла, и представленъ митрополиту. По описанію владыки, въ его залѣ, 7 мая въ 12 часовъ дня, разыгралась слѣдующая сцена. Полицмейстеромъ и совѣтникомъ Саксомъ воръ былъ привезенъ и введенъ въ залу. Воръ просилъ, чтобы чиновники оные тутъ не были, а были бы духовные, архимандритъ, или протопопъ, или іеромонахъ. Митрополитъ приказалъ взойти въ залу своему эконому игумену Никандру и духовнику, при коихъ воръ былъ спрашиваемъ и признавался въ похищеніи въ лаврѣ въ соборѣ денегъ и много говорилъ о своихъ беззаконіяхъ и преступленіяхъ великихъ, коимъ онъ не надѣется здѣсь получить отпущенія и разрѣшенія, но понесетъ на тотъ свѣтъ великое бремя своихъ грѣховъ и будетъ съ Богомъ говорить. Митрополитъ всячески утѣшалъ грѣшника, но тщетно. За тѣмъ воръ много жаловался на духовныхъ, которые ему ни хлѣба куска, ни кваса просящему не давали. А отходя совсѣмъ, сказалъ: *я васъ въ другой разъ не увижу.*—Воръ по имени не называется, но очевидно это былъ кто-то изъ лаврской братіи. Въ тотъ же день вечеромъ, намѣстникъ доложилъ владыкѣ, что преступникъ былъ въ лаврѣ у схимника, и отбѣжавъ

отъ него съ полицмейстеромъ, преступниѣ вельѣль, проѣхавъ домъ Ахордовъ, остановиться и у конюшни въ навозѣ порыть. Найдень былъ боченочекъ такой, въ какихъ сельди продаются, закупоренный. Въ боченочкѣ оказалось 345 полуимперіаловъ и 1600 руб. ассигн.

14 мая. Опущеніе въ склепъ (въ придѣлѣ архидакона Стефана) привезеннаго въ лавру тѣла генераль-фельдмаршала Ив. Вас. Гудовича. Митрополитъ совершалъ надъ гробомъ панихиду со всѣмъ кievскимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, за что сынъ Гудовича доставилъ владыкѣ 2,000 р.

15 мая. Бракосочетаніе генераль-маіора Мих. Θεод. Орлова (впослѣдствіи декабриста) съ дочерью генерала Н. М. Раевского, Екатериною въ церкви Спаса на Берестовѣ. Пѣли митрополичьи пѣвчіе, и дано имъ отъ жениха сто руб. ассигн.

7—10 августа. Былъ въ Кіевѣ Досиѣей, еп. бывшій орловскій.

16 августа. Пожаръ въ фроловскомъ монастырѣ небольшой.

25 августа. Пожаръ іорданской церкви на Подолѣ.

Отголоски греческаго возстанія.

3 сентября. Былъ у митрополита архимандритъ (Паисій, грекъ), который тѣло убиеннаго Григорія, патриарха константинопольскаго, привезъ въ Одессу. Около того же времени сказывалъ митрополиту генераль Раевскій, что въ Одессѣ такая бѣдность у грековъ изгнанниковъ, что продаютъ собственныхъ дѣтей. А г-жа Турчанинова рассказывала владыкѣ, что Ипсиланти, сынъ господаря, умершаго въ Кіевѣ, собираетъ въ Молдавіи добровольцевъ.

7—10 октября былъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ, епископъ бывшій владимірскій, пожалованный архіепископомъ каменецъ-подольскимъ, проѣздомъ на свою епархію.

27 октября. Скончался архим. Гавріилъ на 87 году, жившій въ лаврѣ на обѣщаніи почти 20 лѣтъ.

За 1822 годъ дневника не сохранилось.

1823 годъ.

Кончина епископа Иринея.

29 апрѣля. Въ 10 часу утра Ириней епископъ, викарій кievскій, не болѣвъ, скончался скоропостижно.

9—12 *юля*. Былъ въ Кіевѣ М. М. Сперанскій. 11—16. Былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ Петербургъ Димитрій Сулима, архіепископъ вишиневскій. 21—24. Былъ въ Кіевѣ и у м. Серапіона графъ А. А. Аракчеевъ.

1824 годъ.

Кончина протоіерея Снигиревича.

11 *января*. Утромъ скончался протоіерей софійскаго собора Димитрій Снигиревичъ. »Вѣчная ему память!« записалъ м. Серапіонъ, »а о дѣлахъ его Богу судить, и въ причиненныхъ имъ мнѣ оскорбленіяхъ Богъ его да проститъ!«

17 *февраля*. Пожаръ на Печерскѣ, гдѣ всѣ близъ владимірской церкви деревянныя лавки въ два часа сгорѣли.

Археологическая находка.

24 *юля*. Учитель гимназіи г. Берлинскій приносилъ м. Серапіону вещи, найденныя мѣщаниномъ кіевскимъ подъ горою противъ церкви трехъ-святительской, какъ то: панагія золотая, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, и двѣ серебрянныя большія серьги, съ изображеніемъ на нихъ животныхъ во вкусъ того времени, и двѣ штучки золотыхъ съ жемчугомъ (надобно думать, были онѣ у евангелія на корнѣ).

Вотъ все, что мы могли выбрать сколько-нибудь цѣннаго для характеристики кіевской общественной жизни изъ дневника митр. Серапіона! Не велика наша находка! И на это двѣ причины: тихо бился пульсъ кіевской общественной жизни, и близорукъ былъ старческій взглядъ м. Серапіона, только скользившій по поверхности явленій. Но что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КАВКАЗЪ ¹⁾.

Въ концѣ 1775 года назначенъ былъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Такъ какъ въ составъ астраханской губерніи входилъ еще сѣверный Кавказъ,—насколько онъ принадлежалъ намъ,—то къ обязанности Потемкина относилось также веденіе дѣлъ кавказскихъ. Положеніе этихъ дѣлъ было такого рода, что побудило Потемкина, между прочими мѣрами, приступить къ колонизаціи громаднаго раіона незаселенныхъ земель, тянувшихся отъ Моздока до Азова, на протяженіи пятисотъ верстъ ²⁾. Впрочемъ, еще до Потемкина правительство сознавало необходимость распространенія какъ можно болѣе «россійскихъ селеній» у Кавказа, вверхъ по Тереку. Въ сенатскомъ указѣ 20 сентября, 1762 г. было высказано мнѣніе, что съ помощью лишь такихъ селеній возможно будетъ скорое и дѣйствительно прочное покореніе «варваровъ» (кавказскихъ горцевъ). Поэтому Потемкину предстояло только осуществить указанную сенатомъ мѣру, и надо отдать ему справедливость: онъ первый положилъ основаніе широкой колонизаціи дотолѣ пустыннаго края. Такъ, послѣ устройства по моздовско-азовской линіи ряда военныхъ укрѣпленій, объявлено было о раз-

¹⁾ Существенный матеріалъ для этой статьи взятъ изъ «Сентенціи отъ 5 мая 1855 года военно-судной комиссіи, учрежденной при ставропольскомъ уѣздномъ судѣ надъ зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущенія маслокутскихъ крестьянъ въ 1853 году (современная копія).

²⁾ Полное Собр. Зак., т. XX, №№ 14,464 и 14,607.

дачѣ подѣ поселеніе на этой линіи земель однодворцамъ и всѣмъ другимъ, безъ различія рода и званія¹⁾, т. е. открытъ былъ свободный притокъ гражданскому населенію. Затѣмъ, со дня образованія кавказской области, указомъ 9 мая 1785 г. на имя генераль-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (двоюроднаго брата князя Потемкина), предоставлялось кавказскому генераль-губернатору право раздавать земли, остающіяся отъ надѣла переселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ *населить ихъ и завести хозяйства*²⁾. Этотъ указъ открылъ путь частному землевладѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостной колонизаціи. Но насколько легко было помѣщикамъ получить землю, настолько трудно и убыточно показалось имъ заселять ее собственными крѣпостными людьми. Переводить ихъ изъ Россіи—значило обезсилить уже усгроенныя хозяйства; помимо того, заводить хозяйства на одинъ свой страхъ здѣсь, на новомъ мѣстѣ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, представлялось дѣломъ рискованнымъ: сплошь и рядомъ бывали примѣры, что однимъ набѣгомъ горцевъ въ какой нибудь часъ истреблялось то, что стоило долгаго труда и не малыхъ денежныхъ затратъ³⁾. Въ виду этого, собственно крѣпостная колонизація достигла на сѣверномъ Кавказѣ самыхъ незначительныхъ результатовъ⁴⁾, и земли многихъ частныхъ владѣльцевъ могли-бы остаться вовсе ненаселенными, если-бы на подмогу не явились колонисты—бѣглецы.

Извѣстно, что въ послѣдней четверти XVIII в. положеніе нашего крестьянства значительно ухудшилось. Если указами 70-хъ годовъ помѣщикамъ дано было право ссылать крѣпостныхъ за дерзости въ каторжную работу и въ Сибирь на поселеніе, а у крестьянъ отнято право заносить на господъ челобитье за всякія беззаконія и притѣсненія⁵⁾, то жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. предоставила помѣщикамъ такія права, больше которыхъ

¹⁾ Ibid., т. XXI, № 15,619; т. XXII, № 16,401.

²⁾ Ibid., т. XXII, № 16,194.

³⁾ Примѣры см. у Буткова: > Матеріалы для новой истор. Кавказа <, издан. 1869 года, или у Дубровина: > Братья Потемкины на Кавказѣ <—Русскій Вѣстникъ <, 1878 г., кн. 12, стр. 545.

⁴⁾ > Хозяйствен. описаніе астрах. и кавказской губерніи <, изданіе 1809,— > Статистическіе труды П. Штукевберга <, т. 1, изданіе 1857 года.

⁵⁾ П. С. З., т. XVII и XVIII, № 12,511, 12,556, 12,557 и 12,966.

уже и давать было нечего: крестьянинъ сдѣлался полною частною собственностью помѣщика, собственностью, на которую онъ имѣлъ такое-же вещное право, какъ на прочее недвижимое имѣніе¹⁾). Хорошо, если помѣщикъ былъ »добрымъ экономомъ« и по совѣту неизвѣстнаго автора записки, поданной въ 1791 г. въ »Вольное Экон. Общество« заботился о крестьянахъ, какъ о домашней скотинѣ, имѣя въ виду размноженіе рабочаго племени,—тогда по крайней мѣрѣ возможно было жить; но такіе »экономы« случались въ рѣдкость; на оборотъ: »многіе помѣщики, по свидѣтельству современника, были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ«²⁾). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, юридическое право протеста противъ рабовладѣльческаго гнета у крестьянъ было отнято, послѣдствія же протеста открытаго, фактическаго еще свѣжи были въ памяти; оставался, слѣдовательно, одинъ способъ облегчить свою судьбу,—бѣгство.—На Кавказѣ не употреблялось пока стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ, поэтому цѣлыя массы ихъ дѣйствительно направлялись сюда³⁾). Здѣсь они или смѣшивались съ легальными переселенцами, или селились отдѣльно отъ нихъ, не на тѣхъ даже мѣстахъ, заселеніе которыхъ входило въ планы правительства, или-же привлекались на земли частныхъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переселенцамъ представлялось не мало выгодъ, хотя въ то-же время они поступали въ обязательныя отношенія къ помѣщику, со временемъ переходившія въ крѣпостную зависимость. Землевладѣльцы оказывали поселявшимся на ихъ земляхъ колонистамъ матеріальныя пособія, что для людей, ничего немущихъ, какими, безъ сомнѣнія, были бѣглые насельники, имѣло громадное значеніе; владѣльцы-же болѣе вліятельные обезпечивали свои имѣнія отъ безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ при помощи размѣщенія или вблизи имѣній, или даже въ самыхъ имѣніяхъ той или другой воинской части. Такимъ образомъ и для помѣщиковъ и для

1) П. С. З., т. XXII, № 16,187; т. XXIII, № 17,076.

2) »Вѣстн. Евр.«, 1866 года, т. I, стр. 371.

3) П. С. З., т. XXII, №№ 16,471 и 16,715.

бѣглыхъ выходила обоюдная выгода. Помѣщики выигрывали въ томъ отношеніи, что избавлялись отъ необходимости переселять крѣпостныхъ своихъ изъ Россіи и, хотя расходовались, но надѣялись расходы свои возмѣстить, что и бывало конечно. Бѣгле-же сразу могли осѣсться и заняться хозяйствомъ, а это былъ единственный исходъ, чтобы не голодать, такъ какъ въ краѣ, гдѣ экономическая и гражданская жизнь только зарождалась, другихъ источниковъ прокормленія не было. Но изъ этихъ обоюдныхъ выгодъ могло выйти въ концѣ концовъ нѣчто несообразное. Дѣло въ томъ, что обязательныя экономическія отношенія, въ которыя становились къ помѣщикамъ бѣгле, съ теченіемъ времени и, быть можетъ, незамѣтно для самихъ крестьянъ переходили въ крѣпостную зависимость—это съ одной стороны; съ другой, мѣстное начальство не считало своею обязанностію входить въ разборъ правъ колонистовъ частныхъ земель, и они оставались нигуда не приписанными и не зачисленными. Поэтому выходило, что такіе колонисты будто подлежали вѣдѣнію одного землевладѣльца. Понятно, что подобный порядокъ въ свою очередь велъ къ закрѣпощенію. По прошествіи десяти-двухъ лѣтъ, когда многіе изъ первыхъ насельниковъ умерли-бы, а оставшіеся въ живыхъ, за давностію, свыклись-бы съ своимъ положеніемъ, новое поколѣніе очутилось-бы въ полномъ владѣніи помѣщика. Результатъ этотъ ничего невѣроятнаго не представляетъ: въ данномъ случаѣ Кавказъ только повторилъ-бы то, съ чѣмъ знакомить насъ исторія «крестьянъ на Руси».

Вотъ такъ именно поставлено было дѣло въ имѣніи князя П. С. Потемкина. Урочище Масловъ-Кутъ, на р. Кумѣ (нынѣ ставропольской губ.), отведено Потемкину въ 1785 году. Въ имѣніи этомъ считалось до 30,000 десят. богатой, хлѣбородной земли¹⁾. При отводѣ никакого поселенія здѣсь не было; но управляющій, капитанъ Ковалевскій, энергично принявшись за дѣло, счумѣлъ скоро привлечь цѣлыя сотни поселенцевъ, общая имъ всевозможныя льготы и пособія. По свѣдѣніямъ кавказскаго губернатора Жукова, уже въ 1786 г. въ Масловомъ-Кутѣ считалось 426 душъ одного муже-

¹⁾ «Ставропольскія Губернскія Вѣдомости», 1876 года, № 34-й, стр. 5; № 41-й.

скаго пола¹⁾. Въ »Сентенціи« жё военно-судной комисіи прямо сказано, что Ковалевскій заселялъ имѣніе »людьми, показывающими себя выходцами изъ заграницы, а въ сущности бѣглыми крестьянами разныхъ губерній и частью польскими выходцами«). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ той-же »сентенціи«, оказывается, что главный контингентъ колонистовъ составляли выходцы изъ малороссійскихъ губерній²⁾, и всѣ они были бѣгле; между тѣмъ сенатскимъ указомъ 27 января 1789 года разрѣшалось бѣглыхъ разнаго званія людей, въ кавказскую губернію зашедшихъ, зачислить въ казенное вѣдомство, не различая, кто они и откуда бѣжали; »впредь-же подь жестокимъ наказаніемъ« запрещалось, »чтобы нигдѣ на порозжихъ земляхъ ничьи... и никакіе бѣгле не селились, и того строго наблюдать³⁾)... По полученіи этого указа, начальству пришлось сдѣлать разборку населенію, такъ какъ сразу объявилось много бѣглыхъ, требовавшихъ зачисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло дошло и до частныхъ имѣній, и крестьяне Маслова-Кута, всѣ безъ исключенія, поступили въ вѣдѣніе казенной палаты и занесены были въ окладныя книги.

Такимъ образомъ, указъ 1789 г. спасъ маслукутцевъ отъ крѣпостной зависимости, но не надолго. Въ 1793 г., послѣ смерти князя Потемкина, имѣніе по наслѣдству перешло во владѣніе генераль-маіора Высоцкаго, который черезъ годъ продалъ его камердинеру Екатерины II, камеръ-фурьеру Зотову, по купчей крѣпости, совершенной 20 марта 1794 года. въ с.-петербургскомъ верхнемъ надворномъ судѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ этомъ же году Зотовъ подалъ государынѣ прошеніе, гдѣ жаловался, что купленную имъ землю съ населенными на ней людьми отъ него будто бы отбираютъ. Хотя произведеннымъ дознаніемъ констатировано было, что Зотову продана одна только земля безъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе Екатерина подарила своему камердинеру маслукутцевъ въ полное владѣніе и бѣгле колонисты были закрѣпощены за помѣ-

¹⁾ Вѣдомость Жукова составлена была 20 апрѣля 1786 г. Ibid. № 34-й.

²⁾ Бѣгство малороссіянъ на Кавказъ и въ смѣжную ему астраханску губ. («Списки населен. мѣстъ Россійской Имперіи», т. II, стр. IX дал.) составляетъ вообще очень замѣтный фактъ въ исторіи Малороссіи XVIII в.

³⁾ П. С. З., т. XXIII, № 15743.

щикомъ окончательно, навсегда. Не смотря на то, крестьяне не считали объявленный имъ объ этомъ указъ дѣйствительнымъ и полагали, что закрѣпощеніе ихъ сдѣлано помимо высочайшей воли, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ указомъ, на основаніи котораго они зачислены въ крестьяне государственные. Какъ ни пытались они примирить въ своемъ умѣ такое противорѣчіе, но не могли свыкнуться съ мыслию о «крѣпости». Отъ словъ и разговоровъ вопросъ свелся къ дѣлу: крестьяне отказались повиноваться помѣщику и въ концѣ 1798 г. отправили прошеніе на имя государя, въ которомъ доказывали незаконность отдачи ихъ помѣщику, и въ то же время жаловались на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ, Колпакова. Однако, просьба эта не принесла пользы маслукутцамъ, наоборотъ мѣстные власти открыли въ Масловомъ-Кутѣ бунтъ и призвали на помощь войска. Военною силою заставили крестьянъ покориться помѣщику, а подстрекателей и главныхъ виновниковъ (въ числѣ 38 человекъ), кромѣ того, подвергли наказанію: семь человекъ были прогнаны «своязь строй», а объ остальныхъ георгиевскій уѣздный судъ постановилъ: первыхъ зачинщиковъ и неодобренныхъ на «повальномъ обыскѣ», наказавъ на мѣстѣ преступленія кнутомъ и вырѣзавъ поздри, а также поставивъ указные знаки, сослать на вѣчныя времена въ Нерчинскъ, для употребленія на крѣпостныя работы; одобренныхъ-же наказавъ нещадно плетми и отдать крестьянамъ Маслова же Кута на поруки. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 22 сентября 1799 года. «Съ этого времени до 1825 года въ семь имѣніи никакого замѣчательнаго событія не случилось». А событіе 1825 года заключалось вотъ въ чемъ. Крестьяне развѣдали, что Зотовъ (сынъ) намѣренъ продать имѣніе Ивану и Степану Калантаровымъ, армянскимъ дворянамъ, почему немедленно-же отправили государю съ особыми ходоками прошеніе о взятіи ихъ въ казну, а Зотову обѣщали выплатить въ теченіи 8 лѣтъ 40,000 р. ассигн. выкупа.

Между тѣмъ, пока крестьяне хлопотали въ Петербургѣ, Зотовъ успѣлъ продать имѣніе. Но при введѣніи во владѣніе Калантаровыхъ 8 августа 1825 г. крестьяне заявили, что продажа эта совершена неправильно, такъ какъ владѣлецъ не дождался рѣшенія по ихъ прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ они не дали подписки въ выслушаніи указа о переходѣ къ новымъ помѣщикамъ, отказались вы-

полнять повинности и наконецъ произвели явное возмущеніе. Тогда же крестьяне вновь отправили государю жалобу на неправильность продажи ихъ, людей не крѣпостныхъ, а государственныхъ, жаловались также на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ и т. п. 3-го января 1826 г. крестьяне были усмирены съ помощью войска, зачинщика-же и главнаго виновника возмущенія Илью Остапенка сослали въ Сибирь, предварительно наказавъ его »нещадно«.

Какъ первая, такъ и вторая просьбы крестьянъ разсматривались въ комитетѣ министровъ. Вопросъ объ ихъ поселеніи и случайномъ заврѣпощеніи оставленъ безъ всякаго вниманія; собирались свѣдѣнія о томъ лишь, имѣютъ-ли право Калантаровы владѣть крѣпостными. Оказалось, что Калантаровы признаны герольдіею и сенатомъ дворянами, слѣдовательно были вполнѣ, такъ сказать, правоспособными къ рабовладѣльчеству, а потому комитетъ положилъ: прошенія крестьянъ с. Маслова-Кута оставить безъ разсмотрѣнія.

Но мысль объ освобожденіи тѣми или иными средствами изъ крѣпостной зависимости и послѣ того не оставляла маслокутцевъ. Заручившись удостовѣреніями общества ближайшихъ государственныхъ селеній о своей принадлежности къ этимъ селеніямъ, маслокутцы продолжали свой исвъ противъ незаконной ихъ продажи и порабощенія. Въ свою очередь Калантаровы настаивали у властей разслѣдовать выдачу такихъ удостовѣреній, подтвердить маслокутцамъ о состоявшемся рѣшеніи комитета министровъ и внушить имъ, чтобы »изъ повиновенія помѣщикамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выходили«. Дворянскій засѣдатель, которому поручено было это дѣло, донесъ, что крестьяне въ выслушаніи распоряженія »о бытности ихъ въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ подписи дать не согласились«.

Съ этого времени возникало еще нѣсколько дѣлъ по жалобамъ крестьянъ Маслова-Кута на ихъ помѣщиковъ-армянъ и обратно. Однѣ изъ такихъ жалобъ рѣшены на мѣстѣ; другія-же были на разсмотрѣніи сената, при чемъ крестьяне почти всегда жестоко платились: такъ по нѣкоторымъ жалобамъ главные подстрекатели были наказаны и сосланы въ Сибирь, по другимъ только наказаны и оставлены на мѣстѣ; были и такіе виновные, которымъ вина прощена по высочайшей волѣ.

Но всѣ жалобы имѣли за собою основаніе и вызывались прежде всего варварскимъ управленіемъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ на это обстоятельство обратили вниманіе и мѣстныя власти. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ прекратить преслѣдованія крестьянъ за подачу жалобъ, а имѣніе велѣлъ взять въ опеку. Мѣра эта употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, и будь Калантаровы дѣйствительно «добрыми экономами», она не была-бы примѣнена къ нимъ. Надо однако сказать, что намѣреніе Паскевича облегчить участь крестьянъ не достигло своей цѣли, ибо фактическими управителями Маслова-Кута остались тѣже владѣльцы-армяне. Пошли вновь просьбы и жалобы, и все съ тѣми же, безплодными и печальными послѣдствіями. Маслокутцы, потерявъ всякую надежду на свободу, обратились наконецъ къ послѣднему средству—къ побѣгамъ; но и здѣсь не было имъ удачи: бѣглецовъ перехватывали и водворяли на мѣстѣ; въ имѣніи поставлена была даже воинская команда, наблюдавшая за бѣглецами. Съ своей стороны и помѣщики не остались въ долгу и еще больше тѣснили вѣрнопостныхъ, еще шире пользовались своею властью въ отношеніи не повинующихся.

Въ 1837 г., во время проѣзда имп. Николая I чрезъ кавказскую область въ Тифлисъ, маслокутцы подали государю жалобу на помѣщиковъ. Какъ и прежде, она рассмотрѣна была въ комитетѣ министровъ. Справки въ дѣлахъ и доставленныя мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣнія показали, что какъ жалоба крестьянъ, такъ и обвиненіе ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ были уже на рассмотрѣніи комитета и по нимъ объявлено уже его рѣшеніе, а потому комитетъ положилъ на сей разъ «считать ихъ оконченными». Не добившись этимъ путемъ удовлетворенія, маслокутцы, спустя пять лѣтъ, именно въ 1842 г., обратились съ жалобою къ начальству области на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и доказывали свои права на свободу. Не помогло и это; объ ихъ домогательствахъ у мѣстныхъ властей установилось опредѣленное мнѣніе, и генералъ Граббе приказалъ лишь подтвердить жалобщикамъ, чтобы они «не вовлекались въ такое домогательство, котораго неосновательность и вредныя послѣдствія имъ вполне извѣстны». Жалобщики измѣнили лишь путь для заявленія своихъ домогательствъ; но отъ самой мысли о нихъ и не думали отказываться: въ 1844 г.

они отправляютъ въ Петербургъ съ прошеніемъ двухъ ходаковъ: Васильченка и Шульева; прошеніе оставлено безъ разсмотрѣнія, а ходаки заплатились..... Казалось, всякая надежда оставить маслукутцевъ, упорству и терпѣнію ихъ настанетъ конецъ; но они ловили каждый случай для подачи жалобъ и въ 1845 г., въ проѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, прибѣгли къ нему съ своею всегдашнею жалобою на помѣщиковъ и просьбою о зачисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Воронцовъ лично разъяснилъ имъ, что сдѣлать послѣдняго нельзя. Годъ спустя, до него стороной дошли свѣдѣнія о крайне жестокомъ обращеніи Калантаровыхъ съ крестьянами. Пошли запросы, справки; помѣщики спохватились и постарались замѣть дѣло: они заявили, что, напротивъ, крестьяне ими теперь довольны, > особенныхъ признаковъ отыскиванія свободы въ настоящее время не обнаруживаютъ и остаются въ должномъ повиновеніи«. А между тѣмъ, при помощи мѣстнаго земскаго за-сѣдателя, лично продолжали расправляться съ подстрекателями и ослушниками, то и дѣло устраивая въ имѣніи экзекуціи розгами и налками. Такимъ образомъ дѣло шло до 1853 года. Въ это время первыхъ владѣльцевъ уже не было въ живыхъ, имѣніе-же перешло къ дѣтямъ Степана Калантарова: Акиму, Гаврилу и Герасиму и находилось въ управленіи Герасима Калантарова, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра.

Такимъ образомъ мысль о свободѣ не покидала случайно закабаленныхъ жителей Маслова-Кута въ теченіи цѣлаго полстолѣтія. За это время успѣли уже народиться новыя поколѣнія; но онѣ, очевидно, воспитались на этой мысли и продолжали дѣло дѣдовъ и отцевъ. Въ свою очередь преимственность обратнаго характера видна и въ семьѣ помѣщиковъ: то, что дѣлали отецъ и дядя, продолжали дѣлать дѣти и племянники, нисколько не измѣняя фамиліагнаго гнета, безпредѣльно царившаго надъ крѣпостными. Мало того, Герасимъ Калантаровъ довелъ этотъ гнетъ до послѣдней степени, ибо при немъ только крестьянское >искательство свободы« завершилось наконецъ поголовнымъ возстаніемъ маслукутцевъ. Случилось это въ началѣ 1853 года.

Утромъ 2 января, на берегу р. Кумы, близъ кузницъ собралась толпа крестьянъ изъ малороссійскаго кута и подъ руководствомъ Василя Кикоти вела о чемъ-то оживленный разговоръ. По

распоряженію старосты, крестьянина Заиченко, на рѣкѣ производилась въ это время ломка льда и перевозка его въ помѣщичьи ледники. Но дѣло какъ-то не спорилось. По многимъ мужицкимъ спинамъ прошлась палка старосты, который выбивался изъ силъ, подгоняя рабочихъ; крестьяне въ концѣ концовъ, одинъ за другимъ, побросали работу, воловъ и проч. и ушли въ толпу; понемногу прибывали сюда-же крестьяне изъ села. Часа черезъ два сходбище возросло человекъ до ста. Затѣмъ толпа двинулась къ селу. Проходя по улицамъ, она призывала присоединиться къ ней всѣхъ, кто желаетъ «искать свободу». Изъ конторы выслали отрядъ съ цѣлью разогнать сходбище; но посланные были избиты. Тогда къ возмущившимся вышелъ староста и просилъ ихъ объяснить, чего они хотятъ; но тѣ отказались вести разговоръ съ конторскимъ начальствомъ и продолжали свой путь по селу, захватывая все большую и большую массу людей. На дорогѣ толпа встрѣтила мѣстнаго священника о. Никанора Руденка. «Благословить, отче, на общественное дѣло», почтительно просила она его. О. Руденко, не зная, въ чемъ дѣло, сталъ благословлять; но замѣтивъ въ толпѣ палки, на лицахъ изступленіе, въ словахъ ожесточеніе, поспѣшилъ въ свой домъ и тутъ уже, чувствуя себя въ безопасности, произнесъ: «на не доброе дѣло нѣтъ моего благословенія».

У священническаго двора толпа стояла въ недоумѣніи. Противъ нея вторично выслали отрядъ въ 50 человекъ изъ той части села, которая населена была великороссіянами. Произошла свалка; хохлы смяли кацаповъ; послѣдніе частью бѣжали, частью присоединились къ бунтовщикамъ. Къ вечеру сходбище перевалило въ малороссійскій кутъ и тамъ размѣстилось на ночлегъ въ трехъ дворахъ. На слѣдующій день утромъ возмущившіеся выступили на площадь, къ церковной оградѣ и здѣсь приступили, такъ сказать, къ организаціи возстанія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ ихъ были исключительно почти малороссіяне, по этому главными заправками были избраны малороссы-же: атаманомъ упомянутый уже Кикотя, его помощникомъ Рудаменко, а для представительства велико-русской половины избранъ крестьянинъ Ковинъ. Избрали кромѣ того особый совѣтъ изъ 20 стариковъ; для письменной части учредили канцелярію. Четыре писаря, подъ руководствомъ главнаго изъ нихъ—Григорія Бабенкова, «отбирали отъ крестьянъ руки»

въ томъ, что никто не измѣнитъ общему дѣлу и скорѣе всѣ, какъ одинъ, погибнуть, но помѣщику, проклятому армянину, который такъ угнетаетъ ихъ, повиноваться не стануть». Давшій клятву не долженъ былъ нарушать ее подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и даже смерти.

Между тѣмъ о волненіи крестьянъ контора дала знать полиціи и помѣщику, котораго въ имѣніи въ то время не было. 4-го января прибыли въ Масловъ-Кутъ исправникъ, засѣдатель и уѣздный стряпчій, составивъ такимъ образомъ на мѣстѣ временное отдѣленіе земскаго суда. На распросы отдѣленія, крестьяне объяснили, что они не могутъ выносить чрезвычайно обременительныхъ работъ и безчисленныхъ сборовъ въ пользу помѣщика, что помѣщикъ и управляющіе его подвергаютъ ихъ тяжкимъ побоямъ и взысканіямъ, не рѣдко безъ вины, по одному капризу, и что желая освободиться изъ крѣпостной зависимости, они просятъ передать о томъ высшему начальству, сами же не уйдутъ съ площади до тѣхъ поръ, пока не получаютъ воли. Не долго думая, отдѣленіе рѣшило снестись съ ближайшими воинскими начальниками о высылкѣ командъ для усмиренія неповинующихся крестьянъ. Изготовивъ нужныя для этого бумаги, отдѣленіе приказало нарядить подводу для отправки ихъ съ нарочнымъ; но атаманъ Кивотя потребовалъ отъ исправника объясненія, куда именно и кого нужно везти, при чемъ заявилъ, что если отдѣленію нужно отправить куда либо бумаги, то этимъ будетъ завѣдывать онъ, Кивотя. При такихъ условіяхъ отдѣленіе не нашло возможнымъ оставаться въ Масловомъ-Кутѣ и на слѣдующій день выѣхало въ ближайшее село. Въ это время, т. е. 5-го января, всѣ маслокутцы (до 4-хъ тысячъ об. пола) применили уже къ первоначальной группѣ возставшихъ. Въ ожиданіи воинскихъ командъ, они дѣятельно укрѣпляли занятую ими на площади позицію. Въ работѣ помогали жены, дѣти, старики и старухи. Огородились возами и бочками съ водою, точь въ точь, какъ въ былое время таборъ козацкій на войнѣ; изъ замкнутаго круга никто уже не выходилъ. Когда все было готово для сопротивленія на случай боя, крестьяне попросили священника освятить ихъ дѣло—отслужить молебенъ; но о. Руденко, конечно, не уважилъ ихъ просьбы, за исполненіе которой ему самому пришлось-бы поплатиться.

7-го января отдѣленіе земскаго суда вновь появилось въ Масловомъ-Кутѣ, но теперь подъ прикрытіемъ вооруженной команды до 700 человекъ. Однако прежде, чѣмъ приступить къ серьезнымъ дѣйствіямъ, оно послало на площадь двухъ священниковъ, для вразумленія бунтующихъ.

Въ полномъ облаченіи, со крестами и евангеліями въ рукахъ, приблизились священники къ табору крестьянскому. Первымъ говорилъ къ взбунтовавшимся благочинный Замятинъ. *»Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется«*, началъ онъ, и этимъ опредѣлялись характеръ и содержаніе его рѣчи. Нѣсколько времени на площади царилъ тишина; крестьяне со вниманіемъ слушали батюшку; но вдругъ кто-то изъ толпы крикнулъ: *»вы, отцы, не христіанъ увѣщевать, а проклятаго вышли защищать!«* Громада заколыхалась, зашумѣла, стала натирать на передніе ряды. Тогда атаманъ попросилъ священниковъ уйти. Тѣмъ и кончилось дѣло. На слѣдующій день увѣщанія, однако, возобновились. Теперь рѣчь началъ отецъ Руденко; но крестьяне не дали ему говорить, а вынеся *»слѣдованную псалтырь«*, попросили его прочитать вслухъ начальную статью о перстосложеніи. Когда батюшка дошелъ до словъ: *»проклятіи-же аріане«*,—крестьяне просили его объяснить имъ, какимъ образомъ армянинъ можетъ владѣть православными, если въ священной книгѣ онъ названъ проклятымъ. Объясненіемъ о Руденка крестьяне остались недовольны.

Утромъ 9-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ пятигорскій уѣздный воинскій начальникъ, генераль-маіоръ Принцъ и съ нимъ команды: рота кавказскаго линейнаго № 5-й баталіона въ 230 человекъ при двухъ офицерахъ, подвижнаго запаснаго парка 19-й артиллерійской бригады 122 человекъ при двухъ офицерахъ, казаковъ 250 человекъ, четыре артиллерійскія орудія и проч., всего свыше 800 человекъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Генераль-маіоръ Принцъ приказалъ войскамъ оцѣпить лагерь бунтовщиковъ и не пускать къ нимъ дѣтей и женщинъ, носившихъ горячую пищу; но задержанныя казаками бабы подняли крикъ, и бунтовщики бросились на казаковъ. Въ одинъ мигъ могла возгорѣться кровопролитная, но преждевременная стычка. Принцъ послѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе и попробовалъ подѣйствовать на крестьянъ другими средствами: онъ выслалъ къ ихъ становищу

привезеннаго имъ изъ г. Георгіевска священника о. Попова, поручивъ ему произнести предъ непокорными слово вразумленія. Крестьяне приняли о. Попова ласково, объявивъ, что охотно выслушаютъ все, что имѣетъ онъ сказать.

— »Маслокутцы!« возвысивъ голосъ, заговорилъ о. Поповъ. »Все время, какъ я знаю васъ, я убѣжденъ былъ, что вы православные христіане, усердно чтите Бога, почитаете святой законъ Его, слушаетесь пастырей церкви, любите царя и повинуетесь властямъ. Въ настоящее время я не могу думать, чтобы въ добрыхъ сердцахъ вашихъ произошла какая-либо перемѣна. Не можетъ быть, чтобы такое многолюдное собраніе имѣло въ предметъ то, что противно Богу, царю и его законамъ. Вы, думаю я, собрались для того, чтобы прилично принять начальниковъ вашихъ и высказать имъ свое горе. Господинъ-ли васъ утѣсняетъ, нужду-ли какую имѣете, все вы можете высказать начальникамъ, и я ручаюсь вамъ пастырскою моею совѣстью, что все будетъ выслушано ими, разобрано и сдѣлано по истинѣ. Правда, передъ вами стоятъ вооруженные воины, но эго не должно приводить васъ въ сомнѣніе, будто-бы начальники ваши предпринимаютъ противъ васъ что-либо непріятное; воины присланы сюда потому, что начальству было донесено, будто вы, отъ стараго до малаго, не исключая и женъ вашихъ, вооружены колями и дубинами и не хотите, какъ дѣти отцамъ, высказать нужды свои начальникамъ, а скрываете въ мысляхъ дурное предпріятіе. Не видя васъ вооруженными, я думаю противное«.

— »Благодаримъ васъ, батюшка, что вы не потеряли о насъ добраго мнѣнія,—отвѣчали крестьяне. Дѣйствительно, всѣ мы для того собрались сюда, чтобы здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, начальство выслушало насъ и рѣшило дѣло между нами и помѣщикомъ. Мы вѣдь давно страдаемъ подъ гнетомъ его; терпѣнье наше истощилось. Да и кто нами владычествуетъ: армянинъ, проклятый еретикъ!«

— »Но, возражалъ о. Поповъ, жаловаться вы иначе могли-бы: написали-бы просьбу«.

— »Просьбу!... закричали крестьяне: да кто-же рѣшиться подать ее? Тюрьмы Ставрополя и Пятигорска намъ давно знакомы. Просьбы мы подавали,—счету имъ не знаемъ, да податели никогда не возвращались съ пріятными отвѣтами; самихъ-же либо въ тюрьму сажали, либо въ Сибирь ссылали. У помѣщика золота много—за-

кроетъ имъ, кому надо, глаза, да такъ, что и жалобы то нашей не станутъ видно«.

Пока велись мирныя бесѣды въ этомъ родѣ, надъ головами масловутцевъ собиралась страшная гроза.

12-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ ставропольскій гражданскій губернаторъ, генераль-маіоръ Волоцкой. Крестьяне встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и на распросы Волоцкаго повторили то же, что въ началѣ говорили отдѣленію земскаго суда. Губернаторъ пробовалъ было подѣйствовать на крестьянъ угрозами, но угрозы встрѣчались крикомъ: »хотимъ воли! Видя неудачу, Волоцкой предложилъ самому Калантарову вступить въ переговоры съ возмущившимися его-же крестьянами, успокоить и уговорить ихъ разойтись. Калантаровъ завертѣлся на мѣстѣ: сначала онъ не рѣшался идти, опасаясь нападенія; потомъ выступилъ впередъ на нѣсколько шаговъ, но сказать что-нибудь все-таки побоялся и поспѣшилъ удалиться со словами: »пусть стоятъ, негодяи, я свое возьму! И онъ дѣйствительно взялъ свое. Прошло еще нѣсколько времени въ переговорахъ, все также безплодныхъ и ни къ чему не приводившихъ; наконецъ, генераль Волоцкой, потерявъ всякую надежду образумить неповинующихся мѣрами кротости и отѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ стрѣлять. Первыми двумя выстрѣлами повалило двухъ главныхъ бунтовщиковъ, ранило смертельно атамана. Толпа даже не шевельнулась. Махая вверхъ палками, атакуемые кричали: »ура, воля, ура! Послѣдующіе два выстрѣла также не имѣли никакого вліянія. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генераль подѣзжалъ къ толпѣ и требовалъ разойтись. Отвѣтомъ были крики: »хотимъ воли! Послѣ четырнадцатаго картечнаго выстрѣла, на баррикаду направили кавалерію. Толпа была смята, скомкана и обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ: убитыхъ м. п. 92 человекъ, ж. п. 35, раненыхъ м. п. 107, изъ коихъ впоследствии умерло 27 человекъ, ж. п. 34, изъ нихъ умерло 6; всего убитыхъ и раненыхъ 268 человекъ. Въ тотъ-же день были схвачены оставшіеся въ живыхъ главные зачинщики возстанія.

Началось слѣдствіе. По обычаю того времени тянулось оно долго, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Добытыя имъ данныя относятся главнымъ образомъ ко времени управленія имѣніемъ Герасима Калантарова и группируются около той неподлежащей

сомнѣнію истины, что помѣщикъ этотъ, далекій отъ мысли неизвѣстнаго автора 1791 года, нещадно сдиралъ съ крѣпостныхъ по нѣскольку шкуръ, угнеталъ ихъ и матеріально, и нравственно, распоряжался имуществомъ крестьянъ и даже самою жизнію ихъ, по своему господскому усмотрѣнію.

Вотъ что показали крестьяне:

1) Тѣ изъ нихъ, которые платили оброкъ помѣщику, самъ по себѣ непомерно великій, отъ господскихъ работъ все-таки освобождается не были.

2) Находившіеся на безсмѣнной господской работѣ хотя имѣли право на льготы въ домѣ, но льготами не пользовались, отчего такія семьи не успѣвали припасать себѣ хлѣба и должны были голодать. Иванъ Москаленко попытался было просить о льготѣ, но помѣщикъ приказалъ наказать его немилосердно.

3) Имѣвшіе избытокъ хлѣба не могли продавать его безъ вѣдома помѣщика; если-же онъ узнавалъ о такой продажѣ, то деньги отбиралъ въ экономію, а ослушника наказывалъ розгами нещадно. Кто-же желалъ продать хлѣбъ, тотъ обязанъ былъ ссыпать его въ магазины помѣщика и получалъ плату по назначенію послѣдняго. Молоть зерно не на помѣщичьихъ мельницахъ строго воспрещалось.

4) Помѣщикъ производилъ выдѣлку вина на собственныхъ виноградныхъ плантаціяхъ, для продажи. Если не все вино распродалось, то остающіяся бочки сваливались крестьянамъ и ихъ заставляли платить цѣну, какую назначалъ помѣщикъ. Но если случалась надобность въ винѣ, по случаю хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, то онъ приказывалъ отбирать его у крестьянъ, денегъ-же не платилъ.

5) За освобожденіе отъ рекрутчины платилось отъ 300 до 2000 руб.; но освободившіеся не пользовались льготами въ отбываніи тягловой повинности. Выкупъ брался не съ общества, а съ семьи и даже съ тѣхъ крестьянъ, которые желали идти въ солдаты. Выбиваясь изъ силъ, чтобы уплатить помѣщику выкупъ, такія семьи окончателно и на много лѣтъ разорялись.

6) Занимаясь поставкою въ интендантство провіанта и проч., помѣщикъ употреблялъ крестьянъ съ ихъ волами для перевозки по назначенію муки, сухарей и т. п. По цѣлымъ годамъ приходилось

быть на господскомъ извозѣ и если на этой работѣ падала скотина, помѣщикъ не вознаграждалъ за нее хозяевъ. Григорій Шевченко показалъ, что ему возвратили одно только ярмо и колесо, а Сивоза, что ему отдали съ павшихъ воловъ шкуры, когда-же онъ заявилъ просьбу объ уплатѣ денегъ за воловъ, приказано было наказать его розгами.

7) Помѣщичья земля не давалась крестьянамъ подъ посѣвы хлѣба, а для этого отводились участки на казенной землѣ, которую содержалъ помѣщикъ въ оброкѣ, въ 70 или 80 верстахъ отъ села. За всякую распаханную десятину съ крестьянъ взималось *два р. с.*, а въ описываемое время цѣна не могла быть выше *15-ти коп.*

8) За впускъ скота въ луговые помѣщичьи мѣста виновныхъ подвергали несоразмѣрному штрафу: ихъ или заставляли возить помѣщичій хлѣбъ съ полей, или наряжали на перевозку въ отдаленныя мѣста по подрядамъ господскимъ.

9) Подати взыскивались всегда въ Петровъ день; а такъ какъ въ это время была самая горячая работа и крестьяне денегъ не имѣли, то должны были занимать ихъ у помѣщика подъ хлѣбъ и доставлять его по указанію Калантарова и при томъ по цѣнамъ, имъ-же назначеннымъ.

10) Всю экономическую контору крестьяне содержали на свой счетъ, платя барину въ годъ свыше 3000 руб. Помимо такихъ крупныхъ сборовъ, собирались и мелкія дани, въ видѣ мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей: брались полсти, холсты, веревки, доски, колеса и т. п.

Злой по характеру, помѣщикъ какъ-бы нарочито подбиралъ такихъ-же приязчиковъ и старость и требовалъ отъ нихъ самаго суроваго личнаго отношенія къ крестьянамъ. Въ размѣрахъ и орудіяхъ наказанія самъ помѣщикъ не стѣснялся: наказывалъ розгами, плетями, палками и кнутомъ; тоже дѣлали и конторскія власти. Невыносимо тяжело читать всё показанія объ этомъ. Такой-то былъ битъ нещадно плетями, проболѣлъ затѣмъ годъ, не вставая съ кровати, и умеръ; такая-то, послѣ немилосерднаго наказанія волонимъ кнутомъ, болѣла мѣсяць и теперь чувствуетъ нестерпимую боль въ боку; наказана-же за то, что не пошла на ночь къ конторщику Сукачеву; такую-то помѣщикъ своеручно наказалъ кнутомъ такъ, что она >залилась кровью< и съ нею сдѣлался обморокъ, а

послѣ того была въ безпамятствѣ трое сутокъ. А вина ея: не успѣла выдти коровъ, когда на скотный дворъ изволилъ зайти баринъ. Приказчикъ Заика перещеголялъ даже самого барина: Лукерью Васильченкову онъ наказанъ такъ жестоко, что на другой день она Богу душу отдала. Также наказалъ Степанъ Лемешко, по призыву барина, крестьянку Робченко за то, что безъ спросу мочила въ рѣкѣ Кумѣ коноплю. Вообще били старыхъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, беременныхъ и роженицъ; отъ побоевъ никто не былъ застрахованъ. Особеннымъ рвеніемъ по этой части отличался Заика, пьяница, грязный развратникъ, но »хорошій хозяйскій глазъ«. Помѣщикъ дорожилъ имъ, какъ субъектомъ, который исполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ, и потому Заика чувствовалъ себя вторымъ послѣ барина. Большой любитель женской стыдливости, онъ не пропускалъ ни одной крестьянки, имѣвшей несчастье пригласиться ему; если же какая противилась и давала отпоръ негодяю, онъ связывалъ ее, мазалъ дегтемъ половое мѣсто и билъ по немъ кнутомъ. На слѣдствіи Калантаровъ оригинально защищалъ Заика. »Я, говорилъ помѣщикъ, убѣжденъ въ невозможности Заикѣ гоняться быстро за дѣвками по тучности его и потому еще, что онъ всегда бывалъ съ женою; жалобы-же подобныя (т. е. о прелюбодѣяннн Заики) могутъ доказывать только безнравственность моихъ крестьянъ«.

Всѣ болѣе или менѣе тяжкія показанія, падавшія на помѣщика и конторскихъ властей, слѣдователями были признаны мало-доказательными; къ открытію-же истины они не нашли средствъ (!), ибо давшіе эти показанія прежде никому не жаловались въ отдѣльности, а при слѣдствіи представили такихъ свидѣтелей, которые прикосновенны къ бунту. Тѣмъ не менѣе о дѣйствіяхъ помѣщика Калантарова нашли нужнымъ провзвести особое дознаніе, которое и было представлено, согласно существовавшему порядку, на высочайшее усмотрѣніе. Мы однако не слышали, чтобы Калантарова подвергали какой-либо отвѣтственности. Что-же касается крестьянъ, то осудили изъ нихъ только лицъ, наиболѣе виновныхъ, именно: зачинщиковъ и руководителей бунта, собравшихъ сходбище 2 января 1853 г. и организовавшихъ возстаніе на площади. За смертію убитыхъ и раненыхъ, такихъ обвиненныхъ все таки оказалось 60 человекъ. Изъ женщинъ ни одна не была осуждена. »Хотя изъ

дѣла видно, говорится въ »сентенціи«, что женщины принимали участіе въ бунтѣ, но какъ не обнаружено, какія именно, такъ какъ никто не показываетъ, а тѣ, которыя были за ранами въ госпиталѣ, объявили, что зашли въ толпу съ пищею къ мужьямъ и отцамъ, то..... онѣ не подлежатъ никакому взысканію.

Всѣ обвиненные крестьяне приговорены частью къ ссылкѣ въ рудники, частью въ Сибирь или въ тюрьму съ предварительнымъ наказаніемъ съвозъ строй шпигрутенами и т. п., но вслѣдствіе манифеста 27 марта 1855 года были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и благодаря этому манифесту, а также 26 августа 1856 г., судьба ихъ вообще значительно была облегчена.

Дознаніемъ, между прочимъ, открыто участіе въ дѣлѣ маслукутцевъ мѣстнаго сельскаго дьячка Суходольскаго. Оказалось, что онъ сочинялъ въ послѣднее время прошенія отъ имени маслукутцевъ и первый указалъ крестьянамъ на мѣсто въ слѣдованной псалтыри о »проклятыхъ аріанахъ«... Конечно, крестьяне сами не могли напасть на такую мысль, а познанія Суходольскаго въ сравнительномъ богословіи не помогли ему отличить арианъ отъ армянъ. Въ виду всего этого, была признана наличность вины дьячка, и дѣло о немъ поступило къ епархіальному начальству. Чѣмъ оно кончилось,—не знаемъ.

Прошло восемь лѣтъ послѣ описаннаго здѣсь событія, и

Порвалась цѣпь велика,

Порвалась, раскачалася:

Однимъ концомъ по барину,

Другимъ по мужику!....

Сильно пришибла она и Калантаровыхъ. Послѣдующіе наследники и владѣльцы Маслова-Кута »оскудѣли«.... Два или три года тому назадъ мы встрѣтили въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія Калантаровыхъ за долги, кажется, ставропольскому городскому банку....

И. С—р—ъ.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

XV. Испанія.

Мы причалили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красно-золотистые лучи погасившаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрытыя изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминаціей. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага издали представилась мнѣ громадной погребальной часовней (*chapelle ardente*) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Леи. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью пестрой и оживленной толпы, повсюду звуки гитары, пѣсни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Нанна сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

¹⁾ См. „Киевская Старина“, 1884 г., июньск. кн., стр. 239—266.

водятъ время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ не выходятъ изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Леи. Лея проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и переезжала въ Малагу въ началѣ сентября; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Леи въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеда. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несмѣтная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевыя мантиліи и неразлучныя вѣеры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддающаяся веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденныя испанцамъ, — и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домѣ Леи не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерняго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, но довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающія Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ — вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

пускной торговли, здѣсь дѣлаются большіе обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рисковъ значительные капиталы.

Мужъ Леи былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ не-гоціантовъ Малаги; онъ велъ постоянно оптовую торговлю виномъ, которое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходуется по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ десертнымъ; здѣшняя почва даетъ превосходныя столовыя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ натуральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не выносить перевоза, какъ и всѣ вина южной Испаніи.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какогонибудь *caballero*; женщину совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дому, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѣхать въ дилижансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли погулять. Наима хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женщинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой городъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живыя изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимонныя и апельсинныя деревья, виноградники, плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей дороги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одинокія венты. Задолго до пріѣзда въ Гренаду представилась взорамъ нашимъ величественная Сіерра Невада съ своей бѣло-снѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстьяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ несноснаго жара въ ущели-

яхъ горь, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышенномъ, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшейся предо мною картины, и нѣтъ словъ передать ея чарующую прелесть: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долиинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарнаго тростника, винограда, рису и тутовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Леи. Насъ не ждали; приѣмъ былъ самый дружескій. Мужа Леи, Натана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы сговорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Леи, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположеніе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго уиѣряется въ Гренадѣ обиліемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенномъ и содержимомъ садѣ. Ежедневныя прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наимѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Наиму рано или поздно моею супругой, чему общала содѣйствовать Лея,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно веселъ и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы рассказывали Леѣ наши путевныя впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразилъ меня своею красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Леи; потому мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейскаго города: узкія, извилистыя улицы, полуразрушенныя мавританскія постройки, кѣвне дома, не представляющіе ничего особеннаго, церкви ничѣмъ не замѣчательныя, исключая большого собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цвѣтными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенной древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточнаго характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обиліемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непременно произведетъ на васъ впечатлѣніе обаятельное; она васъ очаруетъ. Ея большая площадь Вива-рамбла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альамбры, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрами, шумнымъ, пѣнистымъ Хенилемъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматическій воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинѣ Сіерры Невады, тѣмъ обильнѣе льются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьютъ фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіяся на каждомъ шагу; историческія воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романическія, почти сказочныя похождения, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, нужно было думать объ отъѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отсрочки и тогда только согласился ѣхать въ Малагу, когда Натанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: *cuesta de las lagunas*, съ котораго, рыдая, Воабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянулъ на Гренаду. Скала эта называется: *el ultimo sospiro del mogo*, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хенералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполне оцѣнить и навсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, гениальное произведеніе арабскаго искусства. Оно васъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами лѣнной работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груды развалинъ.

Я очень полюбилъ Натана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный негоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Права онъ былъ кроткаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троюмъ; Натанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ захожденіемъ солнца всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ немъ. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человекъ маркизъ В., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Леи. Маркизъ каждый вечеръ подходилъ къ Наимѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбуждалъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Наиму, бросалъ на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наимѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ затѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встрѣчались. Тѣмъ не менѣе я такъ ненавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, но все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы остальную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ *patio*, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсаженъ обыкновенно лучшими растеніями и цвѣтами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, мраморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ *patio*, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ *patio* на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ *patio* всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостинной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отделки и мебелировки.

Лея ухаживала за Наимой, какъ нѣжная мать. Наима чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Осталось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Наима, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Натана отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкальнаго самозабвенія необыкновеннымъ движеніемъ въ домъ; вбѣгаетъ ко мнѣ Натанъ блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимъ очень дурно. Опрометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ вѣстно, мужчины помѣщаются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившія за нею женщины попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались мучительныя боли и къ вечеру Наима скончалась, разрѣшившись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханнаго трупна Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ея смертнаго ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденнаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимъ. Лея отвѣтила, что усыновляетъ моего сына.

Что было потомъ со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденномъ, горячечномъ состояніи. Припоминаю впрочемъ, что, не протаясь, бѣжалъ изъ Малаги и усакавалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни растительностью. Заслуживаетъ вниманія громаднй соборъ, уступающій размѣрами одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готическаго стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеіе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣчательная башня Хиральда служить колокольной. Алькасаръ, мавританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alameda del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течетъ за городомъ; вокругъ пустыня, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

Но кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудетъ чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанію, о которой мечтали въ годы молодости, читая Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себя въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженнаго воображенія, возвращаетесь въ міръ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемены въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливала на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посѣщенія, грустный убитый горею, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я мгновенно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣлъ на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлеченіи особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремленіемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственный возбужденіе, своего рода опьяненіе, послѣдняя вспышка потухавшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севилянки высшихъ слоевъ общества и разсматриваютъ товары, предлагаемыя услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ tomar fresco. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцевальный напѣвъ, стукъ кастаньетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобренія привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицѣ цѣнятся въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ нервическое дрожаніе бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Наступила ночь, на балконахъ появляются севилянки, у каждаго балкона кавалеръ съ гитарой. Это *poivó*; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, *relaг la rava*, какъ выражаются испанцы. Почти нигдѣ не видно европейскаго платья; вездѣ богатыя андалузскіе костюмы *тајо*, темный плащъ, андалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкій и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черныя тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелесть, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цвѣтка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускло горящемъ фонарѣ васъ обдаетъ, какъ молніей, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгаетъ по жиламъ, васъ влечетъ какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной—здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы *estranjero*, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка—чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣтъ изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главные ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершенно не похожій на принятыя условія европейской красоты. Женщины Севильи не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ башмачекъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженные до плечъ; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудныя формы шеи и груди, просвѣчивающіяся сквозь кружево черной мантили, накинутаго сверхъ чернаго платья. Это миниатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неподражаемой, врожденной граціею, не имѣющею ничего общаго съ выдержкою и выправкою европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки необыкновенно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣеромъ, блескъ глазъ, увѣренная походка и гибкость талии придаютъ имъ совершенно особенную фізіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движеній и остроумія женщины: *dona Salada* (соленая женщина). Здѣсь говорятъ женщинамъ: »какъ вы *солонки*«, и нѣтъ выше этого комплимента. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица неправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и нисколько не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большіе, продолговатые, черные, бархатистые глаза, освѣщенные длинными рѣсницами, пурпуровый, какъ гранатовый цвѣтокъ, маленькій, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышатъ здоровьемъ.

Самыя красивыя принадлежатъ къ числу Могепас, отличающихся темнымъ, оливковымъ цвѣтомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпуроваго ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность фizioноміи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дня и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризирующій, сверкающій молніей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголь: ojeag (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросанье взгляда заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливаешь васъ своимъ взглядомъ и опускаетъ рѣсницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ—не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fé, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотой, которая дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался-бы и долѣе, еслибы совершенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильѣ. У низенькаго балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забренчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не зная почему и для чего мнѣ непремѣнно захотѣлось увидѣть лицо кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулъ назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащомъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣренно или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніи вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ рукѣ его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоруженъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда и гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я васъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождая свою руку; между нами старые счеты, и оскорбленіе, которое вы нанесли мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Прийдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немного, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натанъ. Я бросился въ его объятія, распрашивалъ о Леѣ. Натанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго не могъ онъ объяснить моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроеномъ моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отправился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я рассказалъ Натану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посылаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы пріискать секунданта.

Натанъ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ и несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натанъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натанъ, ты не знаешь нравовъ и обычаевъ Испаніи: въ дуэли дворянина съ сыномъ графа и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть *hidalgo* по меньшей мѣрѣ. Маркизь знаетъ, что я негоціантъ: купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ *hidalgo*; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ *saballero*: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, но одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?

— Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершенно предашь себя въ ихъ руки.

— Знаешь что, Натанъ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполне можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. Novio, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножомъ или стилетомъ; *hidalgo*, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.

— Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.

— Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убьютъ измѣннически?

— Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

силъ-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь-ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говоритъ русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не принцу секунданта, на котораго вполне можно было-бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Натанъ ушелъ. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одиннадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большаго роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неудобно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза Б.?

— Графъ П., секундантъ маркиза Б., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особа графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчитъ принятымъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себя въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Натанъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицомъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянулъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ молодымъ человѣкомъ. Натану хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шпагахъ. Натану это крѣпко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шпагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ни старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которыми я владѣлъ слишкомъ хорошо, Натанъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ беспокоиться, когда я сказалъ, что и шпагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наимѣ. Натанъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наимы съ маркизомъ. Натанъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неприличнымъ. Наима-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполне принадлежала мнѣ. Маркизь дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наимѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гуляньяхъ до отъѣзда Наимы въ Берлинъ. По мнѣнію Натана, маркизь былъ пустой, но честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полного уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтраго. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совѣстно драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормальнаго, возбужденнаго состоянія духа; но размышленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Леѣ и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Леѣ. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я пожалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагаю-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, нанесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизь и я изъявили на это согласіе. Маркизь владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпарировалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, моя шпага, вмѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и остріе его шпаги вонзилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпарированы; на четвертомъ шпага моя проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизь упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко взволнованъ; мысль, что нанесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

нѣмъ, съ глубокимъ раскаянiемъ взоръ мой остановился на покрытой мертвенною блѣдностью лицъ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатiе руки маркиза и взглядъ, полный примиренiя, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили носилки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествiе направилось къ его квартирѣ; я просилъ позволенiя сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изслѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насквозь, шпага разрѣзала и десну. Обмывъ запекущую кровь, докторъ сшилъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтитъ меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращенiи домой, я засталъ Натана въ большомъ безпокойствѣ; долгое мое отсутствiе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастiе. Когда я ему рассказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состоянiи произошелъ сильный переломъ: возбужденiе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣтъ словъ описать мое тогдашнее положенiе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наими, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщинѣ, жертвы, принесенныя ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Леа, отвращенiе къ сыну, безумная, непрерывная оргiя Севильи, ничѣмъ неоправдываемая ссора съ маркизомъ, убiйство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ просвѣтлѣлъ, и я прозрѣлъ и сталъ ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натанъ, замѣтивъ перемиѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроеніе:

Ogni oggetto ch' altrui piace
 Per me licito più non è:
 Но perduta la mia pace,
 Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли не было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я навѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли огласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натанъ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ П. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Онъ возвратилъ мнѣ письмо, назначенное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Леєю навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О снѣгѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщаль писать изъ Марселя, куда Натанъ долженъ былъ отправить мои вещи. Болѣе всего я дорожилъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходъ отправился я изъ Севильи въ Бадисъ, и въ день моего туда прїѣзда отплылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сонливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясеній, собраться съ мыслями, окрѣпить духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиографія.

*Голубовскій.—Печенги, торки и половцы до нашествія татаръ.
Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Киевъ. 1884 г.*

Книга г. Голубовскаго по самому сюжету своего изслѣдованія представляетъ высокій интересъ для средневѣковой русской исторіи; выбранный имъ предметъ несомнѣнно одинъ изъ болѣе трудныхъ и автору приходилось бороться съ весьма существенными препятствіями при выполнении своей задачи: съ одной стороны, онъ могъ пользоваться только разрозненнымъ и весьма неполнымъ историческимъ матеріаломъ, который онъ собралъ весьма тщательно въ историческихъ памятникахъ: русскихъ, византійскихъ, венгерскихъ, польскихъ и арабскихъ (поскольку послѣдніе могли быть доступны автору въ переводѣ на русской или другіе европейскіе языки); съ другой стороны, при невозможности пользоваться подлиннымъ текстомъ восточныхъ писателей и сличеніемъ между собою турецкихъ языковъ, авторъ невольно долженъ былъ ограничить въ этомъ отношеніи свои выводы и отказаться отъ цѣлаго ряда историческихъ указаній.

Не смотря однако на указанныя трудности, г. Голубовскому удалось свести довольно полную картину исторіи южно-русскихъ степей до XIII ст. Собравъ все, что возможно было собрать въ извѣстныхъ источникахъ, авторъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія съ большою осторожностью и съ большимъ критическимъ тактомъ; не смотря на то, что ежеминутно онъ встрѣчалъ широкое поле для догадокъ, онъ пользовался этою возможностью очень умѣренно и въ рѣдкихъ только случаяхъ поставилъ весьма правдоподобныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма осторожныя гипотезы. Къ числу почтенныхъ качествъ, которыми отличается сочиненіе г. Голубовскаго, принадлежитъ высказанное имъ въ

предисловіи и строго выдержанное въ самой книгѣ положеніе, вслѣдствіе котораго авторъ отказывается отъ полемическаго приѣма въ изложеніи избраннаго имъ вопроса. »Мы не излагаемъ, говоритъ г. Голубовскій, всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу, и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этиамъ самимъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ«. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что избранный имъ приѣмъ проще, скромнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣе для самостоятельной разработки предмета, чѣмъ приѣмъ полемическій, при которомъ авторъ можетъ высказать и свое остроуміе, и свою эрудицію, но который невольно отвлекаетъ его на каждомъ шагѣ отъ прямой цѣли его изслѣдованія и очень часто замѣняетъ эту цѣль второстепенными вопросами, дающими поводъ къ спору, и отодвигаетъ ее невольно на задній планъ сочиненія. Другой критическій приѣмъ, несомнѣнно весьма цѣнный въ историческомъ изслѣдованіи, высказанъ авторомъ также въ его предисловіи: »Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки... Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки на основаніи источниковъ первой руки. Ими-же и только ими одними мы будемъ защищать свои положенія«. Послѣдній приѣмъ авторъ старался дѣйствительно примѣнить, по мѣрѣ возможности, въ своей книгѣ, но, къ несчастію, скудный матеріалъ источниковъ первой руки не всегда дозволилъ ему строго слѣдовать по указанному пути; по временамъ онъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ наведеніямъ изъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя соображенія долженъ былъ заимствовать изъ источниковъ далеко не первой руки. Впрочемъ нельзя не признать, что подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ книгѣ г. Голубовскаго относительно рѣдко и весьма добросовѣстно имъ-же отмѣчены.

Сочиненіе г. Голубовскаго раздѣлено по содержанію на 6 главъ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной: »Степи до появленія печенѣговъ (т. е. до IX ст.), авторъ старается представить картину южно-русскихъ степей въ ту отдаленную эпоху; онъ пришелъ къ заключенію, по собраннымъ имъ свидѣтельствамъ, что степи въ то время были далеко не такъ пустыни, какъ въ послѣдствіи; значительная часть ихъ была покрыта лѣсомъ, другая пересѣкалась лѣсными грядями; лѣса давали возможность селиться осѣдлому населенію и составляли естественное препятствіе для вторженій первыхъ кочевниковъ. Славянское населеніе занимало всю степную полосу до моря; авторъ особенно тщательно со-

бралъ доказательства въ пользу того положенія, что славянское населеніе существовало въ то время въ бассейнѣ Дона и простиралось сплошными поселеніями къ юго-востоку до Тмутаракани.—Вторая глава посвящена исторіи печенѣговъ, торковъ и половцевъ до пришествія татаръ; авторъ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о кочевьяхъ этихъ народовъ въ средней Азіи и въ юго-восточной Европѣ, устанавливаетъ ихъ общее происхожденіе и, указавъ на принадлежность ихъ къ тюркскому племени, наравнѣ съ турками сельджуками и османами, ставитъ гипотезу, что всѣ названные народы правдоподобно выдѣлились изъ одного племени ›гузовъ‹, кочевавшаго въ IX—X столѣтіяхъ въ арахо-каспійскихъ степяхъ.

Самая подробная и обстоятельная глава труда ›Русь и кочевники‹ рассматриваетъ отношенія поочередно смѣнявшихся степныхъ ордь къ славянскому населенію степей и порубежныхъ съ степью мѣстностей. Авторъ въ этой главѣ, не ограничиваясь изложеніемъ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ, характеризуетъ весьма типично политику разныхъ вѣтвей русскаго княжескаго рода по отношенію къ кочевникамъ и весьма подробно устанавливаетъ границы и боевыя линіи со стороны степи, выдвинутыя князьями рязанскими, сѣверскими, переяславскими и кіевскими.

Указавъ на постепенныя смѣны одной орды другою, онъ обращаетъ вниманіе на поселеніе остатковъ вытѣсненныхъ ордь въ предѣлахъ Руси и даетъ весьма конкретный и живой очеркъ Черныхъ Клобуковъ и того положенія, какое они занимали на югѣ Россіи.

Четвертая глава озаглавлена: ›Судьбы окраиннаго славянскаго населенія‹; г. Голубовскій собралъ въ ней свѣдѣнія, сохранившіяся о томъ славянскомъ населеніи, которое заселяло южно-русскія степи до прихода печенѣговъ и которое, по его мнѣнію, въ значительной мѣрѣ уцѣлѣло въ южныхъ степяхъ отъ Дона до Прута, не смотря на завоеваніе этихъ степей кочевниками. Это излѣдованіе г. Голубовскаго отличается совершенною самостоятельностью и возбуждаетъ весьма живой интересъ. Онъ указываетъ, какъ на остатки славянскаго населенія, на Тмутаракань, затѣмъ въ степяхъ у Дона онъ видитъ его остатки въ упоминаемыхъ лѣтописью городахъ: Тарукани, Сугровѣ, Балинѣ, Чешлюевѣ; онъ указываетъ на то, что славянское населеніе придонскихъ степей и береговъ Азовскаго моря извѣстно было нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ *бродниковъ*, затѣмъ онъ переходитъ къ очерку такихъ-же славянскихъ поселеній въ степяхъ, занятыхъ кочевниками, на западной степной территоріи, указываетъ на существовавшіе въ этой территоріи въ удѣльно-вѣчевое время города: Олешье, Бѣлгородъ, Черный городъ (Очаговъ),

Малый Галичъ, Берладъ, Текучій и устанавливаетъ названіе »берладники«, какъ имя, подъ которымъ современникамъ извѣстно было славянское населеніе юго-западныхъ степей. Главу эту г. Голубовскій заключаетъ гипотезою, поставленною впрочемъ весьма осторожно, о томъ, что въ берладникахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть первоначальное козачество. Гипотеза эта несомнѣнно очень остроумна, но, какъ намъ кажется, не можетъ быть обставлена сколько нибудь удовлетворительно научными данными, вслѣдствіе совершеннаго ихъ отсутствія. Желая поддержать ее сколько нибудь всѣми соображеніями, г. Голубовскій поставленъ былъ въ необходимость отступить отъ своего обычнаго приема—основывать свои выводы исключительно на источникахъ первой руки и потому вовлеченъ былъ въ ошибку: съ одной стороны онъ долженъ былъ допустить, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ, что Запорожье дало начало осѣдлому козачеству, а не на оборотъ, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшихъ современныхъ свѣдѣній о началѣ козачества; съ другой стороны, въ поддержаніе своей гипотезы авторъ принялъ въ основаніе грамоту, данную будтобы запорожцамъ королемъ Стефаномъ въ 1576 г., заимствовавъ ее не изъ источника первой руки, а изъ позднѣйшаго, несомнѣнно апокрифическаго пересказа.

Въ пятой главѣ: »Кочевники у себя« авторъ собралъ всѣ дошедшія до насъ данныя о внутреннемъ бытѣ кочевниковъ. Онъ указываетъ на дѣленіе ихъ на колѣна и роды, на значеніе власти князей, на состояніе у нихъ военнаго дѣла, ихъ бытъ, вооруженіе, привычки, одежду и наружный видъ; указываетъ также и на постепенно развивавшееся среди кочевниковъ культурное вліяніе Руси и на попытки мисіонерской среди нихъ дѣятельности.

Наконецъ шестая глава рассказываетъ исторію изгнанія изъ степей половцевъ татарами; авторъ прослѣдилъ судьбу половецкаго народа до его исчезновенія въ исторіи и указалъ выселеніе ихъ частью въ предѣлы Руси, частью на Балканскій полуостровъ, въ Венгрію и даже въ Египеть.

Вообще книга г. Голубовскаго представляетъ весьма серьезное изслѣдованіе по предмету, мало понинѣ разработанному, изъ древнерусской исторіи и содержитъ очень обстоятельный очеркъ отношеній южо-русскаго населенія къ сосѣдямъ, составлявшимъ въ теченіи трехъ столѣтій постоянную грозу, висѣвшую надъ этимъ населеніемъ и въ значительной мѣрѣ задержавшую развитіе его культуры и гражданственности.

В. А.

Указатель къ изданіямъ *Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ
ктовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. Составилъ
И. П. Новицкій.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кіевская Археографическая Коммисіи
приняла составленіе отдѣльныхъ указателей къ своимъ изданіямъ,
вышедшимъ въ свѣтъ въ теченіе 34-хъ-лѣтняго существованія ея (съ
1845 по 1877 г.) и составившимъ 27 отдѣльныхъ томовъ. По плану
Коммисіи, это изданіе должно составить три отдѣла: 1) указатель лич-
ныхъ именъ, 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Въ 1878 г.
вышелъ въ свѣтъ I томъ этого изданія, составленный также г. Новицкимъ;
теперь-же предъ нами находится II томъ того-же изданія, представляю-
щій, подобно I-му, очень увѣсистую книгу, въ объемѣ болѣе 60-ти пе-
чатныхъ листовъ.

По своему характеру, Указатель г. Новицкаго значительно отсту-
паетъ отъ общепринятаго типа указателей: это не есть только простой
сводъ упоминаемыхъ въ источникахъ географическихъ именъ со ссылками
на страницы; въ немъ составитель старается приурочить каждое
имя къ *предмету*, къ той или иной по возможности точно опредѣлен-
ной мѣстности, съ точнымъ обозначеніемъ ея географическаго положе-
нія, современнаго названія и административной принадлежности—въ прош-
ломъ и въ настоящемъ. Мало того, при весьма многихъ географическихъ
именахъ приведены указанія на такіе предметы, которые собственно вы-
ходятъ за предѣлы географическаго указателя, или относятся къ другимъ его
отдѣламъ. Напримѣръ, подъ названіемъ г. *Кіева* мы встрѣчаемъ не однѣ
только ссылки на источники, въ которыхъ упоминается этотъ городъ,
но сверхъ того имѣемъ слѣдующія частныя указанія, расположенныя въ
алфавитномъ порядкѣ: *Академія* кіевская, при чемъ перечислены всѣ
упоминаемые въ источникахъ ректоры ея, префекты и профессора; всѣ
урочища г. Кіева, о какихъ только упоминается въ источникахъ, *улицы*,
дворы, даже *дома*; всѣ *церкви*, *монастыри*, *костелы*, съ перечнемъ свя-
щенниковъ, игуменовъ, церковныхъ имѣній; *замокъ* съ именами город-
ничихъ; всѣ кіевскія учрежденія: *митрополія* съ именами митрополитовъ,
губернія съ именами губернаторовъ, *козацкій полкъ* съ именами полков-
никовъ и пр. и пр., наконецъ—случившіяся въ г. Кіевѣ историческія
и другія *событія*—войны, сеймики, пожары и т. под. Такимъ образомъ можно
сказать, что каждое почти географическое имя представляетъ въ Указа-
телѣ г. Новицкаго готовый *сводъ* данныхъ, на основаніи которыхъ легко
можетъ быть составлена полная (на сколько позволяютъ источники) исто-
рія данной мѣстности, и въ этомъ смыслѣ г. Новицкій вполнѣ основа-

тельно назвалъ свой трудъ *» Матеріалами для исторической географіи Южной и Западной Россіи «*.

Кто пользовался изданными историческими матеріалами въ ихъ, такъ сказать, сыромъ, необработанномъ видѣ, тотъ легко пойметъ тѣ громадныя трудности, какія, безъ сомнѣнія, пришлось преодолевать составителю подобнаго систематическаго Указателя при опредѣленіи, напр., мѣстностей съ одинаковыми названіями, или мѣстностей, подвергавшихся неоднократнымъ переименованіямъ и даже исчезнувшимъ безслѣдно съ лица земли, или, наконецъ, мѣстностей, названія которыхъ въ источникахъ иногда бывають испорчены до неузнаваемости и т. под. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователю приходится подвергать тщательному многобратному анализу всѣ мѣста въ источникахъ, въ конхъ упоминается данная мѣстность, и прибѣгать къ цѣлому ряду различныхъ сопоставленій, соображеній и домысловъ. Безъ сомнѣнія, такую-же чисто критическую работу приходилось г. Новицкому совершать почти на каждомъ шагѣ при составленіи его настоящаго труда. Къ сожалѣнію, онъ скрылъ отъ насъ тѣ критическіе приемы, какими онъ пользовался при этомъ, и потому намъ не всегда ясны основанія его выводовъ. Напримѣръ ему пришлось встрѣтить въ источникахъ цѣлый рядъ мѣстностей съ именемъ *Каменки* въ значеніи поселеній, рѣвъ и урочищъ. Для пользующагося Указателемъ г. Новицкаго остается неизвѣстнымъ, почему въ такихъ-то мѣстахъ источниковъ Каменка означаетъ *деревню* херсонскаго уѣзда, а въ такихъ-то *слободу* того-же херсонскаго уѣзда, или въ такихъ-то мѣстахъ Каменка есть лѣвый притокъ р. Роси, впадающій въ *васильковское уѣздъ*, а въ такихъ-то тоже лѣвый притокъ Роси, но впадающій въ *каневское уѣздъ*, или еще: почему упоминаемое въ актахъ XVI в. поселеніе *Новгородичи* есть именно теперешняя деревня острожскаго уѣзда *Новорочинцы*. Вѣроятно, составитель имѣлъ достаточныя основанія для подобныхъ утверженій; но онъ, повторяемъ, не посвятилъ лицъ, имѣющихъ пользоваться его Указателемъ, въ тайну своихъ соображеній и тѣмъ поставилъ ихъ въ необходимость или слѣпо вѣрить его опредѣленіямъ, или-же по поводу каждаго, подобнаго вышеуказаннымъ имени самимъ производить ту критическую работу, какую пришлось произвести ему самому при составленіи настоящаго труда. Очевидно, что книга г. Новицкаго весьма нуждается въ особомъ предисловіи, въ которомъ были бы предложены читателю тѣ необходимыя объясненія, о которыхъ мы намекаемъ. Если такое предисловіе почему-то не было приложено къ самой книгѣ, то, намъ кажется, оно могло-бы быть и отдѣльно напечатано.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ поселенія, лежащія въ нынѣшней Галиціи, опредѣляются въ Указателѣ г. Новицкаго не по административной

ихъ принадлежности къ округамъ или повѣтамъ, а по *деканатамъ*. Это опредѣленіе настолько-же удобно при пользованіи его Указателемъ, какъ еслибы кто вздумалъ опредѣлять поселенія, лежація въ Россіи, не по губерніямъ и уѣздамъ, а по духовнымъ *Блаочиніямъ*...

Ограничиваемся этими замѣчаніями, минуя мелочные ведомостры, неизбѣжные при столь капитальномъ и объемистомъ изданіи, и скажемъ въ заключеніе, что Указатель г. Новикова во всякомъ случаѣ составляетъ настолько драгоцѣнную справочную книгу, что навѣрное всякій, кто будетъ ею пользоваться, не разъ скажетъ составителю ея большое ›спасибо‹.

О. Л.

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академією наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in q—to. Спб. 1883 г. Ц. 12 р.

23 ноября 1868 г. скончался величайшій изъ іерарховъ нашей церкви, литовскій митрополитъ Іосифъ Симашко. На всемъ протяженіи ея исторіи трудно найти имя, равное ему по исключительности его положенія, великости совершеннаго имъ дѣла, по уму, энергіи и глубокому пониманію судебъ русскаго народа, нуждъ церкви и государства. На ряду съ нимъ можетъ быть поставлено имя дѣйствовавшего при другихъ обстоятельствахъ знаменитаго кievскаго митрополита Петра Могилы. Съ именемъ митр. Іосифа Симашки неразрывно связано одно изъ самыхъ крупныхъ событій нынѣшняго и другихъ столѣтій — возвращеніе къ православію полутора милліона русскихъ обитателей Бѣлоруссіи и Литвы, приобщеніе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ русской народности, возстановленіе тамъ вѣками попораннаго православія, пробужденіе угасавшаго народнаго сознанія, подъемъ русской власти и силы и закрѣпленіе за Россією всего сѣверо-западнаго края. Дѣло воссоединенія униатовъ во всемъ сѣверо-западномъ и даже юго-западномъ краѣ принадлежитъ м. Іосифу Симашкѣ всецѣло и безраздѣльно, и исторія этого дѣла, равно утвержденія воссоединенныхъ въ православіи, тянувшаяся десятии лѣтъ, есть только исторія тяжелой борьбы этого великаго дѣятеля съ колебаніями самаго правительства нашего и тѣми препятствіями, какія ставились ему не только противною партією, но не рѣдко русскими властями.

Изданныя теперь Записки митр. Іосифа Симашки представляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ какъ для исторіи воссоединенія униатовъ въ 1839 г., такъ и въ частности для біографіи глав-

наго виновника онаго. Собственно Записки, писанныя собственноручно митр. Іосифомъ, занимають немного меньше половины I-го тома, около 300 стр., остальные свыше 450 стр. этого тома, равно весь II и III томы наполнены официальными и частными разнаго рода документами, касающимися веденнаго авторомъ Записокъ дѣла воссоединенія. Записки представляютъ собою связанное и послѣдовательное изложеніе того, что дается массою предложенныхъ документовъ, на которые авторъ въ соотвѣтственныхъ мѣсахъ дѣлаетъ ссылки и указанія. Онѣ писаны разновремененно, обнимають собою различные періоды описываемаго событія и подраздѣляются на пять частей, къ каждой изъ которыхъ приурочена особая группа документовъ, въ ней объясняемыхъ. Часть *первая*, писанная въ октябрѣ 1850 г., обнимаетъ собою дѣтство и воспитаніе автора Записокъ, переходъ его изъ Вильны Петербургъ, въ первые годы его службы и выступленіе съ первымъ прозетомъ мѣръ къ возвращенію униатовъ къ православію. Часть *вторая* писана въ мартѣ 1861 г.; она очерчиваетъ положеніе униатовъ до 1828 г., выдѣленіе ихъ изъ общей съ римско-католиками юрисдикціи и цѣлый рядъ принятыхъ по прозету Іосифа Симашки мѣръ къ радикальному измѣненію управленія и состоянія униатской церкви съ цѣлю приближенія ея къ православной греко-россійской церкви, вообще событія 1828—1836 г. Часть *третья*, написанная въ апрѣлѣ того-же года, излагаетъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ униатскаго вопроса, начавшійся съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ св. синода гр. Протасова, подписаніе униатскою іерархіею акта воссоединенія и постепенное осуществленіе этого дѣла съ надлежащею постановкою дѣла православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ періодъ времени 1837—1844 г. Часть *четвертая*, написанная въ октябрѣ 1861 г., обнимая время 1844—1851 г., рисуеть тягостный застой въ дѣлѣ воссоединенныхъ и не менѣе тягостное положеніе самаго виновника этого дѣла, приводившее его къ мысли удалиться на покой. *Пятая* часть, написанная въ ноябрѣ того-же 1861 г. и касающаяся событій въ судьбѣ воссоединенныхъ 1852—1860 г., даетъ общій очеркъ всего дѣла обращенія униатовъ, съ характеристикою главныхъ гражданскихъ дѣятелей и самаго митрополита Іосифа.

Понимая, какъ никто можетъ быть другой, громадное значеніе совершеннаго имъ дѣла для церкви и государства, митр. Іосифъ не желалъ, чтобы память объ этомъ дѣлѣ и о немъ лично, перешла въ потомство съ тѣми превратными сужденіями и толками, какіе разсѣивались о нихъ всюду враждебною латино-польскою партіею, и зная всю цѣну принадлежавшихъ ему лично документовъ, не рѣшался отдать на долю случая ихъ цѣлость и обнародованіе, но подобравъ ихъ за жизни въ

извѣстномъ порядкѣ, связавъ и пополнивъ во многомъ ему одному доступными объясненіями, подъ общимъ заглавіемъ своихъ бумагъ, хранилъ эти драгоценныя рукописи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ особомъ сундукѣ, завѣщавъ передать ихъ послѣ его смерти въ академію наукъ, избравшувъ его своимъ почетнымъ членомъ, съ просьбою вскрыть и издать эти бумаги, по ея усмотрѣнію, на особую, имъ-же назначенную, сумму пять тысячъ рублей, въ видѣ непрерывнаго доходнаго билета его имени.

Академія наукъ издала Записки м. Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, безъ всякихъ опущеній и перемѣнъ, снабдивъ ихъ указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Запискахъ, что само собою вызывалось обширностію изданія и научнымъ его назначеніемъ; къ изданію приложены три портрета автора Записокъ: къ первому тому портретъ его въ санѣ уніатскаго епископа, ко второму—въ санѣ православнаго архіерея и къ третьему—въ санѣ митрополита, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Трудно, совсѣмъ почти не возможно въ короткой журнальной заміткѣ объ этомъ изданіи ознакомить читателей съ богатѣйшимъ его содержаніемъ. И самыя Записки м. Іосифа, и приложенія полны таковаго высокаго интереса, что положительно не знаешь, чему отдать въ нихъ преимущество. Если все это обширное изданіе посвящено безраздѣльно дѣлу воссоединенія уніатовъ 1839 г. и даетъ неоцѣнимый матеріалъ для ознакомленія съ этимъ дѣломъ и творцемъ онаго м. Іосифомъ, то въ обстоятельствахъ, подготовлявшихъ это дѣло, сопровождавшихъ осуществленіе онаго и послѣдовавшихъ за нимъ, какъ нельзя болѣе отражаются съ одной стороны могущество и сила латино-польской партіи на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи и Литвы, крайнее унищаніе и приниженіе уніатской церкви, съ другой—бесиліе русской власти и русскаго элемента въ русскихъ областяхъ и колебательная политика нашихъ высшихъ сферъ въ правленіе даже такого твердаго государя, какимъ былъ императоръ Николай I-й. Газеты наши, какъ только появилось это изданіе въ нынѣшнемъ году, отдавъ ему заслуженную цѣну, извлекли изъ него то, что такъ сказать бьетъ въ глаза,—отдѣльные нѣкоторые эпизоды, въ особенности прямодушныя и не всегда лестныя отзывы м. Іосифа о тогдашнихъ гражданскихъ дѣятеляхъ, прикасавшихся къ уніатскому вопросу, каковы Д. Н. Блудовъ, гр. Н. А. Протасовъ и виленскіе генералъ-губернаторы: кн. Долгоруковъ, Ѳ. Я. Мирковичъ, И. Г. Бибиковъ и Вл. И. Назимовъ. Намъ интересуетъ сущность самаго дѣла воссоединенія, его ходъ и система, а также характеристическія черты м. Іосифа и его положеніе между двумя противными сторонами: православно-рус-

скую и латинско-польскую. Представимъ ихъ хотя въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Возсоединеніе униатовъ Бѣлоруссїи и Литвы съ православною церковью привлекло въ свое время вниманіе православнаго и католическаго міра и въ послѣднемъ вызвало ожесточенныя нападки на наше правительство и личность Симашки; стоустая молва, съ помощію заграничной печати, распространяла самыя невѣроятныя толки и извѣстія, сводившіяся къ тому, что возсоединеніе было актомъ варварскаго насилія съ одной, честолюбія и продажности съ другой стороны. Такіе толки и извѣстія долго бродили въ нашемъ не только польско-католическомъ, но отчасти и православномъ обществѣ; отголоски ихъ остались кой-гдѣ и теперь. Между тѣмъ, прочитавъ записки митр. Іосифа, самый предубѣжденный человекъ не можетъ не признать, что тутъ по самому существу дѣла и личнымъ качествамъ Симашки не могло быть ничего подобнаго тому, что съ такою увѣренностію въ свое время утверждали враги православія. Въ изданныхъ теперь Запискахъ дѣло возсоединенія раскрывается во всей его современности и полнотѣ, со всѣмъ его ходомъ и системой, отъ первой мысли о возсоединеніи до послѣднихъ дѣйствій относительно утверженія возстановленнаго православія. Записки даютъ намъ слѣдующія несомнѣнныя, документально подтверждаемыя данныя. Во 1-хъ мысль о возсоединеніи униатовъ зародилась самостоятельно и совершенно независимо отъ какихъ либо постороннихъ вліяній въ душѣ Іосифа Симашки, зародилась подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и при исключительныхъ условіяхъ его домашняго воспитанія, развивалась при дальнѣйшемъ образованіи и ознакомленіи съ исторіею римской и униатской церкви и укрѣпилась при ближайшемъ знакомствѣ Симашки съ печальнымъ положеніемъ униатской церкви, когда онъ сталъ сначала членомъ луцкой униатской консисторіи, а потомъ членомъ римско-католической коллегіи по департаменту униатскихъ дѣлъ, окончательно же выражена имъ въ формѣ стройнаго проекта въ запискѣ совершенно частнаго характера, написанной имъ въ ноябрѣ 1827 г. по поводу случайнаго разговора съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскимъ, который, безъ вѣдома и согласія автора, передалъ ее министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишкову, а этотъ представилъ государю Николаю Павловичу; во 2-хъ мысль эта, по тогдашнимъ нашимъ взглядамъ на присоединенныя отъ Польши провинціи и совершенному незнакомству съ ихъ исторіею и современнымъ составомъ и положеніемъ, не могла возникнуть въ правительственныхъ сферахъ и совершенно чужда была нашей недавней относительно ихъ политикѣ, по которой мы великодушно рѣшались возвратить ихъ нами-же воспита-

новляемой Польшѣ, а потому въ своемъ развитіи и осуществленіи встрѣчала массу недоумѣній, колебаній и препятствій и если доведена до окончанія, то, какъ свидѣтельствуесть авторъ Записокъ, единственно твердою волею имп. Николая, принявшаго ее съ сердечнымъ удовольствіемъ и, прибавимъ отъ себя, видѣвшаго вообще гораздо далѣе своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политиковъ; въ 3-хъ, къ тому времени уніа совершила свой недолгій историческій путь и уже подъ русскимъ владычествомъ приблизилась къ окончательному сліянію съ польско-католическою церковію, потому самою жизнію выдвигался теперь вопросъ о томъ, отдать-ли уніатовъ на жертву латинству и колонизму, или-же возвратить ихъ къ тому, чѣмъ они были прежде, а о выборѣ между тѣмъ и другимъ и вопроса быть не могло; въ 4-хъ подготовительныя дѣйствія къ возвращенію уніатовъ въ нѣдра прав. церкви (о сохраненіи самой уніи, обнаружившей полную свою историческую несостоятельность, не могло быть и рѣчи), по проекту Симашки, были столь-же естественны, какъ и справедливы, и состояли въ отдѣленіи уніатовъ отъ общей римско-католической юрисдикціи, установленіи отдѣльнаго управленія уніатскою церковію, обновленіи состава высшей уніатской іерархіи свѣжими и надежными силами, въ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ болѣе важныхъ латинскихъ примѣсей, а уніатскаго клира отъ ярыхъ папистовъ, восстановленіи въ уніатскомъ духовенствѣ сильно упавшей дисциплины, освобожденіи уніатскихъ школъ отъ надзора и гнета монаховъ-базиліанъ, постепенномъ перевоспитаніи въ духѣ намѣченной реформы и конечной ея цѣли какъ наличнаго священства, такъ и будущихъ пастырей церкви и наконецъ въ негласномъ, личномъ соглашеніи на дѣло воссоединенія выдающихся въ уніатскомъ клирѣ лицъ, съ отбравіемъ отъ нихъ письменныхъ въ этомъ росписокъ; въ 5-хъ самое воссоединеніе подраздѣлилось на два отдѣльные акта: воссоединеніе *de jure* и воссоединеніе *de facto*, изъ которыхъ первое состояло въ подписаніи представителями уніатской церкви соборнаго о семъ постановленія, утвержденія онаго св. синодомъ и государемъ, но безъ оглашенія его и тѣмъ болѣе какихъ либо церемоній и обрядовъ, а второе совершалось постепенно, въ теченіи долгаго времени, и состояло въ подчиненіи воссоединившихся епископовъ и ихъ епархій вѣдѣнію и управленію св. синода, въ устроеніи уніатскихъ церквей и всей обрядности уніатской по чину православной церкви и постепенной замѣнѣ уніатскими епископами и священниками ихъ костюма и внѣшняго вида общимъ всему православному русскому духовенству. Собственно народъ, въ видѣ массы крестьянскаго уніатскаго населенія Бѣлоруссіи и Литвы, ничего не зналъ о задуманной и совершенной перемѣнѣ, пока не уви-

дѣлъ ее въ очію въ формѣ измѣненной обрядности, богослуженія и наружнаго вида своихъ пастырей и лишь самымъ дѣломъ вошелъ въ общеніе съ прав. церковью. Это вполне совпадало и съ тогдашнимъ совершенно безправнымъ положеніемъ нашего крестьянства, и съ особымъ возрѣніемъ униатско-католической церкви и самаго Симашки, что въ дѣлѣ вѣры паства должна слѣдовать за своими пастырями.

Таковы существенныя данныя относительно памятнаго воссоединенія 1839 г., представляемыя разсматриваемымъ нами изданіемъ. — Почти половина Записокъ и приложенийъ къ нимъ заключаютъ не менѣе драгоценный матеріалъ для исторіи утвержденія православія въ сѣверо-западномъ краѣ и возведенія его по внутреннему и наружному положенію на ту высоту, которая отвѣчала бы ему, какъ исповѣданію господствующему. Къ сожалѣнію, славная дѣятельность въ семь отношеніи митр. Іосифа и его долгая неутомимая борьба съ препятствіями, лежавшими на этомъ пути, не обнимаются Записками во всей полнотѣ, такъ какъ самыя Записки доведены лишь до 1861 г., а смерть митр. Іосифа послѣдовала въ концѣ 1868 г. Перо автора Записокъ не коснулось послѣдняго 8-ми лѣтняго періода въ его жизни, когда ему пришлось переживать примирительную политику нашу предъ возстаніемъ 1863 г., быть свидѣтелемъ пламени возстанія, грозившаго истребить все дѣло рукъ его, порадоваться на короткое время пробужденію духа народнаго, торжеству надъ усиліями противниковъ, возстановленію въ самой резиденціи митрополита—Вильнѣ многихъ памятниковъ православія и закрыть глаза на вѣчки при видѣ начинавшейся шутовской игры въ дружбу въ управленіе Потапова.

Впрочемъ и того, что даютъ намъ о жизни и дѣятельности митр. Іосифа изданныя теперь его Записки и приложения, слишкомъ достаточно, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ великомъ дѣятелѣ недавняго времени и опредѣлить его характеристическія черты. Сынъ >униатина<, жителя с. Павловки, кievской губерніи, липовецкаго уѣзда, ставшаго впоследствии униатскимъ священникомъ въ м. Илинцахъ, Іосифъ Симашко происходилъ изъ древней бѣлорусской дворянской фамиліи. Неизвѣстно, когда предки его перешли въ Украину; но уже дѣдъ его былъ священникомъ въ Павловкѣ,—въ такой степени униатскимъ, что носилъ бороду и длинные волосы, а за приверженность къ русскимъ едва случайно избавился отъ польской висѣлицы. Мать Симашки и въ старости не знала польскаго языка, а отецъ его, занимавшійся до принятія священства въ 1811 г. чумачествомъ, не польскою, конечно, рѣчью пробавлялся, когда ходилъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой; въ домѣ ихъ не слышалась польская рѣчь и языкомъ семьи былъ при-

родный малорусскій языкъ. »Родина моя, пишетъ митр. Іосифъ, была поприщемъ двухъ-вѣковой борьбы между малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями—полявами. Я слушалъ рассказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ его стонамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. О страстной его любви къ народнымъ пѣснямъ мы знаемъ изъ рассказовъ свидѣтелей его дѣтства¹⁾ и самъ онъ говоритъ: »насъ дѣтей отецъ заставлялъ въ праздничное послѣобѣднее время пѣть малороссійскія пѣсни, подъ игру не безъискусную его скрипки. » Но самое пламенное удовольствіе моего дѣтства, замѣчаетъ онъ далѣе, было слушать сказки. Я просиживалъ до полуночи, вставалъ съ первымъ пѣтухомъ, если кто изъ служителей потѣшитъ бывало меня сказкой. Самъ отецъ былъ мастеръ рассказывать и часто въ длинные зимніе вечера дѣлалъ намъ дѣтямъ это удовольствіе. Но удивительный рассказчикъ былъ безногій Оедько, который часто портняжилъ въ домѣ моихъ родителей. Этого я готовъ былъ слушать день и ночь, и когда впослѣдствіи читалъ о восточныхъ рассказчикахъ, то всегда представлялъ себѣ старика Оедьку—его сказки хотъ-бы вписать въ тысячу и одну ночь. Съ другой стороны унія, въ которую по крещенію былъ записанъ будущій ея искоренитель, совсѣмъ не коснулась его въ дѣтствѣ. Симашко родился въ 1798 г., т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ съ присоединеніемъ края къ Россіи народъ самъ оставилъ ненавистную унію. Мать Симашки водила его въ православную церковь, отецъ самъ посѣщалъ эту церковь, пока не сталъ уніатскимъ священникомъ. Учителемъ Іосифа былъ православный дьячекъ Бочковскій и если обучилъ его польскому чтенію, то лишь потому, что безъ этого нельзя было въ школы поступить. Въ домѣ отца были кое-какія книги. » Я перечитывалъ ихъ съ жадностію, пишетъ авторъ Записокъ; біблію прочелъ три раза, римскую и англійскую исторію зналъ почти наизусть. Къ гимназіи 12-лѣтній Іосифъ Симашко оказался настолько подготовленнымъ, что хотя поступилъ въ первый классъ, но нерѣдко былъ призываемъ во второй отвѣчать за лучшихъ учениковъ. Прилежаніе и пѣмять его были необыкновенны; во всѣхъ классахъ онъ шелъ первымъ. Но въ гимназіи царилъ nepотизмъ, взяточничество; большинство учащихся были дѣти зажиточной польской шляхты, богатыхъ пановъ, квартировали у учителей; платившіе больше занимали первыя въ классѣ скамьи, уніаты-поповичи мѣстились на *Заторожь*. Вдругъ распоря-

¹⁾ См. юньск. кн. »Кіевск. Стар.« на 1884 г., стр. 334 и 335.

женіе изъ виленскаго университета, которому подчинены были гимназіи, — разсадить учениковъ по успѣхамъ, и уніаты-поповичи, числомъ семь, заняли первую скамью, а первымъ въ ряду ихъ сѣлъ Симашко. Съ годами и развитіемъ ослабѣла въ немъ память, но развилась способность и страсть къ математикѣ. Первымъ онъ оканчиваетъ курсъ гимназіи въ 1816 г. и переходитъ въ виленскій университетъ на богословскій факультетъ. Для воспитанниковъ этого факультета, католиковъ и уніатовъ, было особое помѣщеніе и учрежденіе, подъ названіемъ *Главной Семинаріи*. Здѣсь читались имъ уроки профессорами университета, здѣсь, въ этомъ общежитіи, на казенный счетъ, по особой системѣ велось ихъ воспитаніе и вся подготовка къ специальному служенію. Весь строй и духъ заведенія былъ ультра польско-католическій; но > думаю, — замѣчаетъ авторъ Записокъ, — ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ тамъ; противъ православной церкви намъ ничего не говорили, вѣроятно боялись... и безъ предубѣжденія противъ сей послѣдней выѣхалъ я изъ Вильны, напротивъ съ важными предубѣжденіями противъ римской. Духъ воспитателей и совоспитанниковъ былъ явно враждебный Россіи; русскихъ книгъ нигдѣ нельзя было достать, и когда товарищъ Симашки Антоній Зубко добылъ гдѣ-то № стариннаго журнала *Улей* и оба они нагнулись на него въ классѣ, въ виду товарищей, послѣдніе подняли шумъ: > развѣ такіе намъ нужны священники, которые забываютъ мать Польшу... сочувствуютъ Россіи?! <... Но былъ старикъ Чернявскій, профессоръ русской словесности. > Это, говоритъ авторъ Записокъ, была настоящая ходячая бібліотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи; анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душою рассказывалъ онъ вмѣсто урока все, что приходило ему на мысль о Россіи, ея исторіи, герояхъ, ея бытѣ народномъ. Много-бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него... Онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи <.

Таковы были сѣмена, посѣянные въ душѣ Симашки семьєю и школою! Могли-ли они заглухнуть, могли-ли иной плодъ принести, чѣмъ какой принесли?

Окончивъ курсъ университета со степенью магистра богословія, Симашко, убѣжденный настоятельными совѣтами луцкаго епископа Іакова Мартусевича, рѣшился безженнымъ вступить въ уніатскій клиръ и принять службу въ луцкой уніатской консисторіи. > Я былъ днѣмъ для свѣта, пишеть онъ въ своихъ Запискахъ, чуждъ всякихъ свѣтскихъ связей и равнодушенъ къ женитьбѣ... Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приду, если придуть семейныя заботы, что станется съ моими кни-

гами, куда обратится моя любовь къ чтенію и познаніямъ?« Быстро прошелъ онъ первыя священныя и служебныя степени, далеко раньше всякихъ сроковъ сталъ священникомъ и членомъ консисторіи; но тутъ же онъ увидѣлъ бѣдну, на краю которой стояла унія: требовалось не много времени, чтобы она поглощена была латинствомъ. Заговорили природныя инстинкты, послышалось вліяніе дѣтства, поднялись соображенія яснаго, положительнаго ума. » Пусть ненавидятъ насъ православные русскіе, — они враги; за что-же обижаютъ друзья?« Зародившаяся душевная борьба усилилась въ Симашкѣ, по поводу переѣзда его въ Петербургъ на должность члена коллегіи, вѣдавшей католиковъ и униатовъ. Повсюду въ Вѣлоруссіи и Литвѣ видѣлъ онъ до невѣроятія бѣдныя, на сарая и амбары походившіе униатскіе храмы, а за Великими Луками, въ долину Ловати, насчиталъ 13-ть каменныхъ, чисто обѣленныхъ, подъ желѣзными крышами православныхъ церквей. Приѣхалъ въ Петербургъ, тутъ храмы великолѣпныя, богослуженіе прекрасное, пѣніе отличное..., тутъ же богатый латинскій костелъ, а для богослуженія униатскаго, митрополическаго » скудная бесѣда «... А въ коллегіи, въ обонхъ департаментахъ, было полное господство латинства и полонизма, ловко опутывавшихъ своими сѣтями самое правительство русское; въ дѣлахъ царяли полная несправедливость, пристрастіе, взяточничество. Самъ митр. Булгакъ былъ на сторонѣ римлянъ; въ коллегіи то и дѣло возникали проэскты, гибельныя для униатовъ. Совращенія униатовъ шли десятками тысячъ. Твердость и смѣлость помогали Симашкѣ иное остановить, иное пзмѣнить, но удержать потокъ всеожирающей лавы было выше его силъ. Между тѣмъ, еще съ перваго приѣзда своего въ Петербургъ онъ принялся изучать его; перебивалъ всюду, все пересмотрѣлъ, проникъ въ публичную бібліотеку, у одного Глазунова въ одинъ первый годъ перечиталъ болѣе 400 книгъ, а ежегодно тратилъ на покупку ихъ по 100 р. Такъ прошло семь лѣтъ. Съ 1822 г. Симашко былъ протоіереемъ, съ 1823 каноникомъ, съ 1825 прелатомъ; предъ нимъ былъ архіерейскій санъ. Но въ душѣ его происходила невыносимая борьба. » Я давно уже, пишетъ онъ, убѣдился въ православіи восточной церкви, а между тѣмъ принадлежалъ къ западной. Я былъ членомъ, и не маловажнымъ, церкви русской, хотя и униатской, а между тѣмъ долженъ былъ служить орудіемъ окончательнаго ижненія оной въ латинскую. Я преданъ былъ Россіи сердцемъ и душой, а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежавшимъ неуріазненной для нея Польшѣ «... Борьба разрѣшилась рѣшительнымъ намѣреніемъ его принять православіе и монашество въ александровской лаврѣ. Симашко сталъ писать сочиненіе о православіи восточной церкви, довелъ до половины, какъ вдругъ случайная бесѣда съ Карташевскимъ и данная ему записка о

положеніи уніи, о которыхъ мы выше упоминали, — и дальнѣйшая судьба Симашки измѣняется неожиданно и безповоротно.

Такъ совершился въ душѣ Симашки внутренній переворотъ, повлекшій за собою переворотъ всего уніатства, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и первымъ годамъ жизни и службы.

Нуженъ былъ необычайно тонкій и проницательный, обширный и глубокій умъ, чтобы объять судьбы уніи на всемъ историческомъ ея теченіи, сообразить силы противниковъ, изъ-за нея боровшихся, взвѣсить данныя прежняго и того времени и безъ предубѣжденія и пристрастія рѣшить, при какомъ исходѣ борьбы положеніе исповѣдниковъ уніи можетъ быть естественнѣе и счастливѣе; нужна была быстрая сообразительность, находчивость и прагматичность, что-бы въ одну ночь написать такой проектъ возвращенія уніатовъ къ православію, отъ котораго правительство не отступило ни на шагъ до самой развязки всего дѣла. Требовались съ другой стороны необычайная сила воли, крѣпость убѣжденій, увѣренность въ своихъ силахъ и правотѣ дѣла, полное наконецъ самоотреченіе, чтобы бросить вѣрное, почетное и обещающее положеніе и пуститься на неизвѣстный, скользкій и опасный путь, способный привести къ полной неудачѣ и разочарованію. И таковы именно были умъ и характеръ Симашки. Чѣмъ далѣе шло, усложнялось и запутывалось дѣло воссоединенія, тѣмъ болѣе раскрывались его зоркость и проницательность, энергія, смѣлость и настойчивость и та особая гибкость, которая отличаетъ людей, стоящихъ между двухъ партій. Ему одновременно приходилось бороться съ коварствомъ и интригами уніатовъ и поляковъ, равнодушіемъ и недоувѣріемъ православныхъ, иногда-жъ и съ ихъ не умѣlostію и незнаніемъ дѣла. Въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ крайнимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Смѣлость и прямота его были такъ велики, что одна записка его вызвала замѣчаніе имп. Николая Блудову: >это обвинительный актъ противъ тебя и меня.> Въ 1833 году, уже въ санѣ епископа и когда дѣло о воссоединеніи было въ ходу, но затормозилось отъ нерѣшительности Блудова, Симашко явился въ синодъ съ прошеніемъ о присоединеніи его лично къ православію, что равносильно было отреченію отъ дѣла, и хотя не подалъ прошенія, потому что не могъ дождаться оберъ-прокурора, который ввелъ-бы его въ присутствіе, но этимъ шагомъ рѣшительно подвинулъ дѣло впередъ. Тотъ же приемъ и съ такимъ-же успѣхомъ онъ повторилъ въ 1836 г. и подвинулъ дѣло къ рѣшительной развязкѣ. Отказъ въ средствахъ для устройства воссоединенныхъ епархій и поднятій православія съ виѣшней стороны на подобающую ему въ центрѣ католицизма высоту, а также въ удовлетвореніи другихъ пред-

ставленій Симашки заставлялъ его выступать съ прошеніемъ объ отставкѣ, какъ было въ 1842, 46 и 51 г., и каждый разъ онъ выходилъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Лично для себя онъ ничего не просилъ и ничего, кромѣ обычныхъ наградъ и пенсіи въ 6,000 р., не получалъ, отказавшись на отрѣзъ отъ возвышенія ея до 10,000 р. Но онъ былъ ревнивъ къ судьбѣ созданнаго имъ дѣла и отстаивалъ и поддерживалъ его цѣлостъ и зоркимъ наблюденіемъ за дѣйствіями противной партіи, и искусною политикою съ мѣстными и высшими властями, письмами, записками и изрѣдка печатными статьями. Положеніе его въ завоеванной имъ Вильнѣ и край было всегда въ высшей степени напряженное и трудное и требовало особаго такта, умѣнья, хладнокровія и терпѣнія. Побѣжденные имъ противники не могли простить ему своего посрамленія и громаднаго урона, распускали о немъ небылицы, подкапывались подъ него со всѣхъ сторонъ. Въ то-же время русскіе администраторы играли не рѣдко въ руку польской партіи, по недомыслію и другимъ причинамъ, а ихъ чиповники, закупленные панамы, и прямо дѣйствовали во вредъ ему. Съ другой стороны въ средѣ чиновныхъ русскихъ, особливо военныхъ, было не мало такихъ, которые и къ православію архіепископа и митрополита относились съ недовѣріемъ. Нашелся генераль, который въ глаза ему назвалъ его служеніе неправославнымъ. Оказалось, что генераль не зналъ архіерейскаго служенія и считалъ уніатствомъ все, что не сходствовало съ литургією его полковаго священника. Высшее православное духовенство относилось къ Симашкѣ по временамъ неискренно, церемонно, почти недоброжелательно, опасаясь его новаго возвышенія и преобладанія. Особой мудрости и проницательности Симашки надо приписать то, что онъ предупредительно отклонилъ дважды готовившея ему возвышеніе въ званіе первоприсутствующаго синода, въ видахъ преобразованія церковнаго управленія. Хотя онъ несомнѣнно могъ бы ввести новую струю въ эту сферу, всегда требовавшую нѣкотораго освѣженія; но въ складѣ его мыслей и церковно-практическихъ воззрѣній, въ самомъ образѣ его жизни было нѣчто такое, что могло возбудить противъ него и соархиастырей и самую паству его. Въ 1851 г. просясь въ отставку и опасаясь перемѣщенія, Симашко писалъ государю Николаю Павловичу: »Я не привыкъ къ обычаямъ, нравамъ и самымъ постанамъ; не привыкъ къ заученымъ фразамъ и движеніямъ, которыя приобрутаются только изъ дѣтства, и по необходимости покажусь страннымъ среди древне-православнаго населенія, а тѣмъ болѣе среди иноковъ«. Въ нашемъ церковномъ управленіи онъ всегда видѣлъ больше формы; нежели дѣла; сложившійся подъ многоразличными вліяніями образъ его жизни вовсе не походилъ на традиціонную жизнь нашихъ

ієрарховъ. Митр. Іосифъ въ своихъ Запискахъ съ подробностію очерчиваетъ привычки и особенности своей жизни. Въ молодые годы, въ санѣ каноника и прелата онъ бывалъ въ театрѣ и отдѣлялъ на это 100 р. въ годъ, читалъ самыя разнообразныя книги, не пропускалъ и Вольтера, игралъ въ карты, хотя рѣдко на деньги; уже въ санѣ архіерея униатскаго и православнаго, живя въ Жировицахъ, собиралъ у себя по вечерамъ служащихъ съ семействами, допускалъ при томъ музыку и танцы, >развлекался землевѣдѣніемъ, статистическими и политическими соображеніями, а также путями сообщеній и астрономическими наблюденіями и вычисленіями, любилъ произведенія свѣтской живописи и украшалъ ими свои комнаты въ Вильнѣ и Тринопольской дачѣ, до конца жизни дважды въ недѣлю дѣлился часами досуга съ семьею сестры своей Елены, жены кафедральнаго протоіерея Гомолицкаго, допуская невинное развлеченіе музыкою и пѣніемъ, а на дачѣ игрою и прогулками съ дѣтьми и страпаньемъ общими силами ужина въ оврагѣ, надъ прудомъ. Привычку къ польскому языку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней, но употреблялъ оный лишь съ самыми близкими людьми. Съ переходомъ Симашки въ Вильну, отношеніе его къ постороннимъ было, по его словамъ, >нѣсколько офіціальное, этикетальное, а въ такомъ положеніи, пребываетъ онъ, освѣжительнаго развлечения не найдешь <. >На артистическія произведенія издержалъ я по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. Меня, кажется, обвиняли за это, а я не могъ понять, какъ другіе могутъ довольствоваться образами, и то еще безобразными. Вы, господа, обращаетесь съ живымъ міромъ, говорилъ я имъ; не удивляйтесь, что я люблюсь имъ хотя въ картинахъ <. Достоинно замѣчанія, что достигши высшихъ почестей и удобствъ жизни, митр. Іосифъ, какъ истый украинець, идеаломъ счастья поставлялъ для себя уединенный домикъ, садикъ, прудъ и комнату съ книгами.

Говоря объ авторѣ разсматриваемыхъ Записокъ, не можемъ не сдѣлать въ заключеніе одного историческаго сопоставленія, которое напрашивается, такъ сказать, само собою. За три четверти вѣка предъ возсоединеніемъ бѣло-руско-литовскихъ униатовъ бѣлорусецъ Георгій Ковдисскій, архієпископъ моголевскій, своимъ ораторскимъ талантомъ и энергическимъ ходатайствомъ въ Варшавѣ и Петербургѣ поддержалъ Украину въ борьбѣ ея съ униєю и католичествомъ; теперь Украина дала Бѣлорусси и Литвѣ дѣятеля, который помогъ имъ снять съ себя тѣже вѣковыя оковы и возвратиться къ единой вѣрѣ отцевъ.

Собственно объ изданіи говорить нечего; оно безъукоризненно: по цѣна его, 12 р. за 3, хотя и большіе, тома, непомерно высокая. Матеріальная стоимость изданія, безъ сомнѣнія, не вынуждала къ назначе-

нію такой цѣны академію наукъ, получившую на это изданіе, по завѣщанію автора, пятитысячный непрерывно доходный билетъ съ процентами—вѣроятно съ 1862 г., т. е. составленія завѣщанія и опредѣленія этой суммы.

А. К.

Андріевскій А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года. 225 стр. Цѣна 50 коп.

Изданіе г. Андріевскаго, шестой выпускъ котораго теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ, но кропотливыхъ работъ, которыя, не производя въ обществѣ шума и не дѣлая громкой славы издателю, тѣмъ не менѣе приносятъ несомнѣнную и весьма важную пользу для науки. Отряхнувъ отъ тлѣющихъ архивныхъ хартій пыль и грязь, извлечь и спасти изъ груды канцелярскихъ переписокъ все, что можетъ намъ освѣтить общественную и бытовую обстановку нашего прошлаго и тѣмъ восполнить пробѣлъ въ нашей исторіографіи,—это трудъ не легкій, не видный, мало благодарный, но тѣмъ не менѣе полезный и важный. Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ каждый выпускъ изданія г. Андріевскаго и отъ души желаетъ ему успѣха на этой почвѣ.

Читатели >Кіевской Старинны< знакомы съ характеромъ изданія по рецензіямъ на прежніе выпуски, а потому я ограничусь только указаніемъ на содержаніе шестого выпуска. Онъ посвященъ главнымъ образомъ г. Кіеву и отчасти его окрестностямъ.

Изъ двѣнадцати отдѣловъ разнообразныхъ матеріаловъ большую половину выпуска занимаютъ послѣдніе два, относящіеся къ питейному вопросу. Въ первомъ изъ нихъ: >Казенные кабаки и корчемство< изложены *in extenso* нѣсколько дѣлъ, возбужденныхъ въ 1738—1754 г.г. о кражѣ денегъ въ казенныхъ кабакахъ и о корчемствѣ отставныхъ солдатъ. Во второмъ (12-омъ) отдѣлѣ: >борьба кіевскаго магистрата съ >неуказнымъ на подступѣ мѣсту шинкованіемъ< изложены девятнадцать дѣлъ 1743—1757 годовъ, возникшихъ по поводу нарушеній козаками, проживавшими въ Кіевѣ, и кіевскими монастырями привиллегій, по которой предоставлялось кіевскому магистрату исключительное право продажи хлѣбнаго вина распивочно и на выносъ въ особыхъ шинковыхъ домахъ въ >нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ<. Дѣла эти возникали или вслѣдствіе ходатайствъ магистрата о закрытіи постороннихъ шинковъ, или же по жалобамъ монастырей и козаковъ на магистратскихъ >потыжниковъ< и др. урядниковъ за учиненные ими >гвалты, бои и пр.<

Въ остальныхъ десяти отдѣлахъ матеріалъ довольно разнообразный. Для исторіи землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи и для топографіи немалый интересъ представляютъ дѣла по взаимнымъ спорамъ изъ за раз-

ныхъ грунтовъ между монастырями и между этими послѣдними и магистратомъ. Мирныя обитатели, по общему унаслѣдованному отъ прежнихъ временъ обычаю, прибѣгали иногда къ >гвалтовному< занятію спорныхъ участковъ, какъ это напр. случилось въ 1725 г. въ спорѣ о правѣ на островъ Муромецъ между Днѣпромъ Черторыемъ, когда игуменъ троицкаго монастыря, прогнавъ чиновника, посланнаго отъ ген. губ. канцеляріи, >самовольно и насильно сѣна до щенту восемь скиртъ заграбилъ и перевозилъ на свой берегъ подъ село Троечину<.

Далѣе не лишены интереса для исторіи промышленности свѣдѣнія о кожевенномъ промыслѣ въ г. Кіевѣ и раскольничьихъ слободахъ въ 1766 г. По именному указу его императорскаго величества были потребованы отъ кіевскаго генераль-губернатора Воейкова справки о выдѣлываемыхъ кожахъ, ихъ цѣнности и сбытѣ. Изъ репортовъ оказалось, что >какъ въ самомъ здѣшнемъ городѣ Подолѣ, такъ и въ присутственномъ къ оному подгородѣ Преорѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ кожевныхъ фабрикъ никогда не было и нынѣ не состоятъ<, но нашлись >партикулярныя мѣщанскіе 22 дома, въ которыхъ сырыя кожи выдѣлываются<. Кромѣ кожъ мѣстнаго убоя, кожемаки скупали еще въ Малороссіи, но выдѣланныя кожи въ отпускную торговлю не шли, а потреблялись на мѣстѣ.

Весьма любопытенъ представленный въ 1747 г. въ кіевскую генераль-губернаторскую канцелярію кіевскимъ полицмейстеромъ Авиномъ Литвиновымъ проеѣктъ организаціи въ Кіевѣ полицейскаго надзора. Надзоръ этотъ касался только >великороссійскаго народа людей<, такъ какъ по указу отъ 9 апрѣля 1734 г. >до нижняго города Кіева, прозываемаго Подола, гдѣ только малороссійскаго народа люди особенное жительство имѣютъ, дѣйствительно подъ гетманскимъ regimentомъ, и вѣдомы они въ кіевскомъ магистратѣ, кіев. полицмейстерской конторѣ интересоваться не велѣно<. Въ проеѣктѣ играетъ главную роль вопросъ о безпаспортныхъ людяхъ. Въ утѣшеніе нынѣшнихъ кіевскихъ домовладѣльцевъ, платящихся часто за несвоевременную прописку видовъ, можемъ привести слѣдующую выдержку изъ проеѣкта: >когда-жъ кто къ себѣ жить пуститъ, оныхъ объявлять подъ опасеніемъ за необъявленія съ обывателей взятія штрафа 50 рублей въ годъ<.

Въ 1738 г. по указамъ изъ кабинета его императорскаго величества о сысканіи въ кіево-мѣжпгорскомъ монастырѣ янтаря, дѣлались сначала подъ наблюденіемъ капитана Веревкина, а затѣмъ присланнаго изъ генераль-бергъ директоріи саксонца Питера Пикарта въ продолженіи цѣлаго лѣта раскопки >янтарной руды<. Янтарь дѣйствительно былъ найденъ, но въ весьма маломъ количествѣ и въ мелкихъ кускахъ, а потому >штенгеръ< Пикартъ былъ отозванъ, причѣмъ велѣно ему привезти найденный янтаръ и >также, въ которыхъ мѣстахъ оной янтаръ лежалъ, изъ нихъ взять по нѣкоторой части для признаку каждаго слоя земли съ яснымъ описаніемъ<.

Ц. Н.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖИЦА КОНЦА XVIII СТ.

Разнообразный и обширный составъ южно-русской библиографіи прежнихъ временъ далеко еще не опредѣленъ даже простымъ перечневымъ порядкомъ и едва ли скоро будетъ исчерпанъ. Интересующемуся южно-русскими изданіями прежняго времени приходится нерѣдко встрѣчаться съ новинками, о которыхъ онъ не мечталъ. Въ частныхъ бібліотекахъ и архивахъ, на чердакахъ деревенской глуши попадаются остатки разнообразныхъ изданій, потерявшихъ нынѣ всякое практическое значеніе для своихъ владѣльцевъ, но бросающіе все новые лучи свѣта на наше прошлое въ его культурныхъ и бытовыхъ проявленіяхъ.

Къ числу такихъ остатковъ относится и книжца, съ которою желаю познакомить читателя. Это сборникъ разныхъ секретовъ и лечебныхъ средствъ, необходимыхъ въ «господствѣ». Принадлежитъ онъ теперь проф. В. Б. Антоновичу; печатанъ въ 16-ю долю листа; переплетъ недавній, но истрепанный, свидѣтельствуетъ о долгомъ употребленіи книги; заглавнаго листа нѣтъ и потому ни мѣсто, ни годъ изданія, ни имя автора неизвѣстны. По шрифту, бумагѣ и предисловію можно заключить, что книжка напечатана во второй половинѣ XVIII ст., въ одной изъ типографій правобережной Украины; въ предисловіи неизвѣстный авторъ прямо говоритъ, что она напечатана для «посольства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ». Кромѣ заглавнаго листа

въ книжкѣ не достаетъ еще нѣсколькихъ страницъ: послѣ 96-ой слѣдуютъ стр. 103—108, но и изъ нихъ видно, что книга безъ конца.

Предисловіе на польскомъ языкѣ и занимаетъ 6 страницъ, а затѣмъ слѣдующее малорусское заглавіе, печатанное славянскимъ шрифтомъ:

» Книжиця для господарства, указующая, якъ ратовати въ хоробахъ всякую скотину, то есть, конь, воли, овци, козы, свинь, якъ бѣлити полотно, якъ боронити пашню отъ саранчи, якъ ратоватися отъ джумы, якъ губити гуселницю отъ канусты, якъ ловити рыбу, якъ губити мыши и щурь, якъ ратовати скаженіи собаки, якъ ратовати людей, которыхъ собаки скаженіи покусали, якъ ратовати челоука, который не въ давномъ времени зъ ума зыйдетъ.

Все содержаніе книги состоитъ изъ наставленій на всѣ показанные случаи. Наставленія изложены по малорусски; напечатаны славянскимъ шрифтомъ; на послѣднихъ шести страничкахъ помѣщены нѣкоторые изъ тѣхъ же наставленій шрифтомъ польскимъ.

Приведемъ въ русскомъ переводѣ польское предисловіе; оно ознакомитъ насъ съ цѣлю изданія книжки, ея значеніемъ и назначеніемъ.

» До сихъ поръ издаваемы были книги разныхъ лекарствъ языкомъ и шрифтомъ польскимъ. Можно безошибочно утверждать, что чтеніе и разноска такихъ книгъ въ нашемъ русскомъ краѣ не приносили никакой или весьма малую пользу: книги попадали всегда въ руки землевладѣльцевъ поляковъ, въ руки пановъ, а они прочитавъ однажды ради любопытства или желанія развлечься отъ праздности, болѣе не имѣли побужденія въ нихъ заглядывать, будучи заняты свойственными ихъ состоянію забавами, которыя не оставляли времени для испытанія на дѣлѣ совѣтовъ, какъ подавать помощь больнымъ животнымъ.—Вслѣдствіе этого печатаемъ Книжечку лекарствъ для скота, лошадей, овецъ и пр., переведенную изъ польскихъ и другихъ авторовъ на языкъ русскій, обыкновенно употребляемый и понимаемый польскимъ простонародіемъ въ воеводствахъ волинскомъ, кievскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Мы употребили даже шрифтъ славянскій, т. е. русскій, какъ знакомый большей части простого народа и такой, которому народъ легче можетъ обучиться«. — » По этому,

мы можемъ разсчитывать, что польскіе подданные, занятые преимущественно земледѣліемъ, зная, что ихъ рабочій скотъ: вола и лошади и часть ихъ имущества, состоящая изъ коровъ, овецъ и свиней, необходимы для ихъ работъ и жизненныхъ потребностей, будутъ со вниманіемъ читать такую книжечку и тѣмъ охотнѣе будутъ ей слѣдовать, что она обѣщаетъ имъ пользу и отвѣчаетъ ихъ требованіямъ «.

» Каждое село въ нашемъ краѣ нуждается въ достаточномъ количествѣ лошадей и воловъ, однако въ сотомъ развѣ селеніи можно розыскать человѣка, который, въ случаѣ заболѣванія лошади или вола, сумѣлъ-бы подать помощь.—Поэтому кстати будетъ предложить всѣмъ владѣльцамъ городовъ и сель, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о подаваніи помощи больнымъ животнымъ. При этомъ условіи, можно надѣяться, мы имѣли-бы въ скоромъ времени отличныхъ хозяевъ, опытныхъ въ уходѣ за разнымъ скотомъ, отличныхъ коноваловъ, полезныхъ слугъ и конюховъ при стадахъ и конюшняхъ, а отъ сего быстро развилась-бы торговля и благосостояніе края «.

» Но чтобы молодежь простонародія дошла до того, что сумѣла-бы читать и исполнять предписанія и совѣты, въ священники обряда греческаго (Ritus Graeci) и всѣ настоятели изъ любви къ ближнему и въ вѣренной вашему управленію паствѣ, предпишете своимъ церковнымъ дедамъ, чтобы въ приходскихъ школахъ дѣтямъ, набраннымъ для обученія чтенію книгъ, печатанныхъ на славянскомъ языкѣ, и эту также книжечку для упражненія давали.—Вѣдь и вы почтенные (заспі) настоятели греческаго обряда должны стараться о преуспѣяніи блага отечества.—Хотя эта книжечка и не содержитъ въ себѣ ничего возвышеннаго, однако проникнута она надеждой на общественную пользу, преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы бѣдные люди, которыхъ судьба не надѣлила состояніемъ, достаточнымъ для содержанія ихъ и ихъ дѣтей, будучи опытными въ леченіи домашнихъ животныхъ, могли найти средства къ жизни «.

» Въ этой книжкѣ приложены и нѣкоторые хозяйственные секреты, полезные какъ для народнаго здравія, такъ и для удобства; они полезны не менѣе первыхъ, а именно: о ловлѣ рѣчныхъ

рыбъ, о выбѣлкѣ полотна, о предосторожности отъ змѣй, заразы, саранчи; о посадкѣ и прищепкѣ плодовыхъ деревьевъ, о посѣвѣ лѣсныхъ деревъ и о поданіи помощи на случай пожара въ городахъ и селахъ. Все, заключающееся въ этомъ маломъ сборникѣ, можетъ показаться кому либо недостаточнымъ; но желающимъ открывається поле для просвѣщенія простого и бѣднаго люда въ ихъ нуждахъ съ помощію подобнаго изданія правилъ на разные случаи; къ этому по всей вѣроятности можетъ побуждать не одного изъ польскихъ соотечественниковъ стремленіе быть полезнымъ въ этой или другой мѣрѣ своему народу.

Какъ видимъ, авторъ предназначалъ свою книжицу для простого народа во имя просвѣщенія во имя блага народа и отечества. Предлагаемые имъ совѣты и наставленія извлечены изъ польскихъ и другихъ авторовъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала указываются лекарства противъ болѣзней лошадей, потомъ воловъ, далѣе овецъ и свиней; за тѣмъ слѣдуютъ разные хозяйственные секреты и домашнія средства противъ болѣзней людей, а въ концѣ помѣщено нѣсколько статей, посвященныхъ садоводству.

Въ ряду совѣтовъ и средствъ, изложенныхъ въ книгѣ, много такихъ, которые теперь уже покажутся несостоятельными и даже наивными, но въ большей части они основаны на разумныхъ соображеніяхъ или же на опытѣ и чужды суевѣрія и предрасудковъ, которыми руководствуется знахорство, нѣкоторые же совѣты, особенно въ отдѣлѣ о лошадяхъ, о прививкѣ деревьевъ и пр., до сихъ поръ съ успѣхомъ могли-бы быть примѣняемы.

Изъ числа рецептовъ наивныхъ и курьезныхъ, приведемъ слѣдующіе четыре:

1) *На слиногуръ.* Слиногуръ значитса болячка въ горлѣ конскомъ, отчого и языкъ пухне, на тое треба лѣтной воды и положивши коня, треба ляти на языкъ и въ губу, щобъ загрѣвся языкъ и губа, а заразы воловою жовчею натерти языкъ и губу, а при томъ не давати нѣчого иншого їсти, тилко ячмѣнь перевѣаній и отовчаній з салѣтхроу пѣвтора лута (ст. 44).

2) *Якз тиі робаки губити, которіи на древь въ садахъ листы и цвѣты обгьдають?* Рыбу якуколвявъ росплатай въ штуки, покрай

и помочи въ водѣ, нехай мовне чрезъ день единъ, накривши, и тою водою кропи всѣ древа що дня, зробивши кропило зъ соломы (ст. 88).

3) *Коли зуби болять, якъ ратоватися.* Лучину смолную вари з оцтомъ, и тимъ губу часто полощи, а хрѣну утерши на тертцѣ, приложи на руку до локтя с противной стороны, з которой зубы не болятъ (ст. 86).

4) *Якъ ратовати челоуѣка, которій недавно з ума зыде?* Тому челоуѣкови треба пустити з ноги одной кровь рано, з другой ноги въ вечеръ, а заразъ хустку въ зимную воду умочивши, на каркъ ему прикладати уставичне чрезъ день и ночь, а на ночь давати ему салѣтри в водѣ наперстокъ, тожъ и на рано (ст. 84).

Въ языкѣ книжки обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе вліянія языка церковно-славянскаго; это простая малорусская рѣчь, испещренная по мѣстамъ полонизмами и то главнымъ образомъ въ техническихъ словахъ. Употребленіе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени всегда съ твердымъ окончаніемъ, напр. роблять, болятъ, даетъ поводъ думать, что авторъ былъ подъ вліаніемъ подольскаго говора.

Интересно было бы разрѣшить вопросъ о національности автора. Польскій языкъ въ предисловіи самъ по себѣ не даетъ еще основанія считать автора непременно полякомъ; по польски говорили и писали тогда и малороссіяне; но на польское происхожденіе автора указываютъ: тонъ предисловія, названіе: *pospólstwo polskie* и эти заботы его о благѣ народа польскаго, отечества польскаго, очень напоминающія настроеніе лучшей части польскаго общества во времена упадка Рѣчи Посполитой, настроеніе, выразившееся въ Коллонтаевскомъ движеніи и конституціи 3-го мая, проникнутыхъ надеждой на спасеніе съ помощію поднятія уровня нравственнаго и матеріальнаго положенія народа.

Ц. Г. Нейманъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОТКРЫТІЮ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА И ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ОНЪЙ.

Жизнь отодвинула насъ отъ этого сравнительно недавняго событія. Много-ли въ живыхъ осталось свидѣтелей этого торжества, которые могли-бы разсказать намъ, какъ оно происходило, какія

думы, чувства, надежды будило,—не въ тѣхъ, что устроили праздненство и распорядились имъ,—они исполняли лишь свой служебный долгъ, и не въ тѣхъ, что призывались къ участию въ немъ,—едвали оно было имъ по сердцу, но въ томъ коренномъ населеніи и Кіева и края, которое удалено было цѣлымъ ходомъ исторіи отъ участія въ этомъ торжествѣ, которому не было на немъ мѣста и предъ которымъ долго еще закрыты были двери открывавшагося тогда святилища наукъ?

Существовали, и уже давно, университеты въ Москвѣ и Петербургѣ; былъ университетъ въ Харьковѣ, даже въ Вильнѣ; еще въ прошломъ столѣтіи проектировалось не разъ учрежденіе университета въ Глуховѣ и Батуричѣ, а въ началѣ нынѣшняго даже въ Новгородъ-Сѣверскѣ. О Кіевѣ, какъ мѣстѣ для университета, упоминалось подъ конецъ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра I, но самаго университета дождался онъ въ тотъ годъ, когда отмѣнены были для его чиновниковъ польскіе мундиры, прекращено дѣйствіе магдебургскаго права и замазаны въ великой церкви кіево-печерской лавры портреты великихъ кіевскихъ князей и гетмановъ малороссійскихъ. Но такова была историческая судьба столицы равно-апостольнаго Владиміра, колыбели просвѣщенія, матери городовъ русскихъ, что даже на открытіи здѣсь первой гимназіи, въ памятный 1812 годъ, митрополитъ, генералъ-губернаторъ и прочія русскія власти угощены были подъ рядъ тремя польскими рѣчами и только четвертую, послѣднюю, сказалъ директоръ Мышковскій на русскій языкъ уже діалектъ¹⁾.

Скоро университетъ св. Владиміра празднуетъ 50-лѣтній юбилей своей жизни. Открытіе университета происходило 15 іюля 1834 г., начало ученія 15 августа того-же года, въ промежуткѣ шелъ приемъ студентовъ, юбилейное-же торжество совершится 8 сентября сего года. Но если воображеніе способно будетъ перенести участниковъ сего послѣдняго торжества за 50 лѣтъ, то не встрѣтитъ оно затрудненія перенести ихъ и еще за нѣсколько дней назадъ, ибо на то у него есть крылья.

Въ газетахъ появляются уже воспоминанія о прежней жизни университета св. Владиміра, печатаются приглашенія во дню юбилей-

¹⁾ См. въ этой же книгѣ стр. 449.

наго торжества. Умѣстно будетъ ознакомить читающую публику съ приглашеніемъ къ открытію самаго университета и правилами поступленія въ оный, какъ они опубликованы были въ печатныхъ экземплярахъ 50 лѣтъ назадъ, въ 1834 г. Эти два письменные памятника того времени, въ такой степени мало значительные, что получавшіе ихъ тогда же употребляли ихъ на обертку салныхъ свѣчей и на другія надобности, говорятъ кое-что объ этомъ-же времени, отъ нихъ вѣсть также исторію. Приглашается къ торжеству открытія университета св. Владиміра, въ день посвященный его памяти, *почтеннѣйшее Сословіе Дворянства* нынѣшнихъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, а поступающіе въ университетъ обязываются представлять свидѣтельство о *свободномъ* состояніи. Изъ кого-же состояло, какой національности принадлежало это ›почтеннѣйшее сословіе‹, въ качествѣ любителя отечественнаго просвѣщенія, приглашавшееся ›быть *свидѣтелями* столь важнаго для края событія‹, и кто эти *свободные* состояніемъ, для которыхъ однихъ открытъ былъ доступъ въ храмъ наукъ? Пояснять это едва-ли есть надобность;—слишкомъ извѣстны тогдашній составъ дворянства юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (мы не понимаемъ только, какъ въ число ихъ попала губернія черниговская) и напѣ тогдашній государственно-общественный строй. Скажемъ развѣ, что мѣстное русское купечество въ то время почти не существовало, а и существовавшее сторонилось даже отъ гимназіи, держась правила, что не книга кормитъ брюхо; что-же касается дѣтей священно и церковно-служителей, то для поступленія какъ въ гимназію, такъ и въ университетъ они должны были увольняться изъ духовнаго званія, приписываться въ мѣщане или крестьяне и за тѣмъ брать удостовѣренія отъ ихъ обществъ, что они будутъ платить за нихъ подать и пр. и не препятствуютъ учиться. Если въ университетъ св. Владиміра допускались тогда, въ качествѣ студентовъ, чиновники, служащіе и отставные, то опять сказать надо, что чиновниковъ русскихъ въ обоихъ краяхъ въ то время можно было по пальцамъ счесть. Какъ особенность программы вступительныхъ экзаменовъ можно отмѣтить требованіе, чтобы поступающій въ университетъ ›излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ, безъ грамматическихъ ошибокъ‹.

Приводимъ текстъ и приглашенія и правилъ по печатному экземпляру 1834 г.

Объявленіе о торжественномъ открытіи императорскаго университета св. Владимира.

Его императорское величество, всемиловѣйшій государь нашъ въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народовъ, провидѣніемъ Ему ввѣренныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одно упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣлю развитіе высшаго образованія, основаннаго на благихъ началахъ, правительствомъ предписанныхъ.

Основанія сего учрежденія подробно изложены въ обнародованныхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ: здѣсь излагается вкратцѣ ихъ содержаніе.

Учреждаемый въ сѣмъ краю университетъ, преобразованный изъ Волинскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образованія губерній: кievской, волинской и подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Кіевъ, столица святаго равноапостольнаго князя Владимира, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предзнаменуетъ сіе избраніе успѣхи новаго разсадника просвѣщенія, въ духѣ благочестія и нравственности!

Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владимира, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подъ особое покровительство его императорскаго величества.

Университету св. Владимира дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями кievской, волинской и подольской губерній для волинскаго лицея и кievской гимназій; по недостатку же снхъ средствъ, всемиловѣйше повелѣно увеличить оныя значитель-

ными пособиями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета.

Вмѣстѣ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лица въ г. Оршѣ, по неизмѣннѣ въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составъ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университетѣ св. Владиміра; на каковой конецъ суммы, на построеніе лица въ г. Оршѣ назначенныя, обращены на возведеніе зданій университета св. Владиміра.

Таковы благодѣтельныя мѣры правительства! Благотворныя намѣренія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семь краю. Да увѣнчаются попеченія Николая I-го о благѣ тысячи народовъ, промысловъ ему вѣренныхъ, полнымъ успѣхомъ!

Основаніе университета въ семь краю сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ. Попеченія господина министра народнаго просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи г. кievскаго военнаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, много содѣйствовали къ преодолѣнію сихъ препятствій, — и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ университета св. Владиміра уже составленъ и удостоился высочайшаго утвержденія; возникающему заведенію доставлены всѣ пособия, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія; важнѣйшія каедрны ево замѣщены; совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и университетскіе курсы будутъ начаты 15 августа сего года.

Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владиміра, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, симъ честь имѣетъ извѣстить почтеннѣйшее сословіе дворянства губерній: кievской, волынской, подольской, черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ бѣлорусскому учебному округу: витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области, что торжественное открытіе университета св. Владиміра послѣдуетъ 15 іюля сего года, въ день, посвященный памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Объявляя о семъ, совѣтъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественнаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользамъ онаго, — пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія.

При семъ прилагаются: высочайше утвержденное постановленіе о расиредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ и правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1834 года. Г. Кіевъ.

Высочайше утвержденное постановленіе о расиредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ.

Университетъ св. Владимира составленъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Философскій раздѣляется на два отдѣленія.

Въ составъ философскаго факультета входятъ слѣдующія каедры:

I-е отдѣленіе.

- 1) Философія.
- 2) Греческая словесность и древности.
- 3) Римская словесность и древности.
- 4) Россійская словесность.
- 5) Всеобщая и руссійская исторія и статистика.

II-е отдѣленіе.

- 1) Чистая и прикладная математика.
- 2) Астрономія.
- 3) Физика и физическая географія.
- 4) Химія.
- 5) Минералогія и геогнозія.
- 6) Ботаника.
- 7) Зоологія.
- 8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ юридическомъ преподаются:

- 1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣденія, или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія российской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ.

3) Россійскіе гражданскіе законы какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, кои дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ токмо губерніяхъ.

4) Россійскіе уголовные законы.

5) Законы благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

7) Римское законодательство въ соединеніи съ исторіею его какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Сверхъ того, для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковнаго права, опредѣляются двѣ особы не принадлежащія къ факультетамъ каѳедры: одна для студентовъ греко-россійскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Въ университетѣ будутъ преподаваться языки:

1) Французскій.

2) Нѣмецкій.

3) Италіянскій.

4) Польскій.

С в о б о д н ы я и с к у с с т в а :

1) Рисованіе.

2) Фехтованіе и волтижированіе.

3) Музыка.

4) Танцованіе и

5) Верховая ѣзда.

Правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1. Всѣ желающіе поступить въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе, при чемъ одобрительныя свидѣтельства гимназій принимаются въ особое уваженіе и даютъ право предстать на экзамень немедленно и прежде прочихъ.

2. Предметами испытанія будутъ науки, входящія въ составъ гимназическаго курса, а именно:

а) Законъ Божій, священная и церковная исторія.

б) Русская грамматика, словесность и логика.

в) Языкъ латинскій. Отъ испытываемаго требуемо будетъ, чтобы онъ могъ переводить и объяснять изъ прозаиковъ Саллустія, Ливія и Цицерона, изъ поэтовъ Виргилія и лучшихъ оды Горация, равно излагать-бы мысли свои на латинскомъ языкѣ безъ грамматическихъ ошибокъ.

г) Языкъ нѣмецкій. Желающій поступить въ университетъ долженъ понимать и разбирать лучшихъ писателей на семъ языкѣ, какъ прозаиковъ, такъ и стихотворцевъ, и излагать мысли свои на нѣмецкомъ языкѣ, подобно какъ и на латинскомъ, безъ грамматическихъ ошибокъ.

д) Въ таковой-же степени требуется отъ испытываемаго знаніе языка французскаго.

е) Ариметика, алгебра до уравненій 2-й степени влючительно, геометрія и плоская тригонометрія.

ж) Исторія всеобщая и руссійская.

з) Географія и въ краткомъ обзорѣніи статистика.

и) Физика общая и частная.

3. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, перемѣнивъ мѣсто жительства, можетъ окончить оныя въ университетѣ св. Владиміра, и обратно, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ изъ сихъ заведеній въ число лѣтъ, определенныхъ для окончанія полнаго курса, если причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если, по предварительномъ испытаніи, представитъ вполнѣ одобрительный отъ того университета аттестатъ. Впрочемъ таковой зачетъ времени въ университетѣ св. Владиміра можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда откроются всѣ четыре курса, въ наступающемъ же академическомъ году открытъ будетъ одинъ первый; слѣдующіе будутъ вводимы постепенно, всякій годъ по одному.

4. Дабы предоставить способы къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію права на ученая степени или чины, къ слушанію университетскихъ курсовъ допускаются, съ дозволенія

попечителя, кромѣ студентовъ, также и чиновники служащіе и отставные; они должны для сего выдержать испытаніе, подобно желающимъ вступить въ число студентовъ университета, а служащіе имѣютъ представить сверхъ того позволеніе на то отъ своего начальства.

5. Государю императору благоугодно было при семъ университетѣ опредѣлять комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ изъ 50 человекъ; въ томъ числѣ 26 предназначаются въ учительское званіе, и 24 въ гражданскіе чиновники.

6. Для каждаго изъ сихъ званій ежегодно будетъ принимаемо только по 6 человекъ, всего 12; они избираемы будутъ изъ учениковъ гимназій, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами.

7. Казенные студенты, по окончаніи 4-хъ годичнаго въ университетѣ курса, поступаютъ по распредѣленію начальства въ учителя заведеній кievскаго учебнаго округа, или въ гражданскіе чиновники въ губерніяхъ: кievской, волынской и подольской, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которое опредѣлены будутъ.

8. Сверхъ предполагаемаго комплекта казеннокоштныхъ студентовъ, будутъ принимаемы въ университетъ и пансіонеры, съ платою за полное свое содержаніе 800 рублей ассигнаціями въ годъ, на правахъ, для благороднаго пансіона при кievской гимназій постановленныхъ.

9. Время приѣма въ университетъ назначается отъ 1 іюля до 15 августа. Вступающіе должны имѣть слѣдующіе документы:

а) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи.

б) Свидѣтельство о происхожденіи и свободномъ состояніи.

в) Аттестатъ или одобрительное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ изъ гимназій, ежели въ оныхъ обучались.

г) Тѣ, кои желаютъ поступить въ число казенныхъ студентовъ или пансіонеровъ, должны представить также докторское свидѣтельство о бывшей на нихъ натуральной или прививной оспѣ.

Графъ Милорадовичъ.

ЕЩЕ О БОРОВИКОВСКОМЪ.

Дополненія и поправки г. Божерянова къ замѣткѣ моей о Боровиковскомъ, помѣщенные въ предыдущей книгѣ «Кіевской Старины», нуждаются въ оговоркахъ. Эти оговорки пригодятся, быть можетъ, будущему біографу Боровиковскаго, если наши замѣтки,—моя и г. Божерянова,—попадутся ему на глаза.

Прежде всего о случаѣ изъ юности художника, сохраненномъ въ разсказѣ г. Данилевскаго «Екатерина II на Днѣпрѣ». По этому разсказу, Боровиковскій освобожденъ былъ отъ солдатчины по просьбѣ дѣда своего, козака Грицька, участника полтавскаго боя, и впослѣдствіи обратилъ на себя талантомъ вниманіе царицы, росписавъ стѣны одного изъ домовъ, выстроенныхъ для ея оставовокъ.

Кавихъ лѣтъ могъ быть козакъ Грицько, просившій Екатерину за своего внука? Полтавская битва была въ 1709 году. Екатерина ѣздила въ Крымъ въ 1787. Козаку, слѣдовательно, было лѣтъ сто и болѣе. Былая долговѣчность допускаетъ конечно такой возрастъ, но противъ розсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго. Онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить изъ двухъ одно: или онъ овдовѣлъ сейчасъ послѣ женитьбы и до отъѣзда въ Петербургъ или, что вѣрнѣе, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, росписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина, путешествуя въ Крымъ. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ приѣмномъ залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись. Но живопись эта груба, не носитъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что сюжеты фресокъ совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Гдѣ былъ тотъ домъ—въ подлинности неизвѣстно, и самъ г. Данилевскій конечно не считаетъ живописи полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданномъ имъ впослѣдствіи описаніи «достопримѣчательностей» Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Наконецъ послѣднее. Въ официальныхъ бумагахъ

первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Боровиковскій называется поручикомъ. Съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу и его не могли дать ему ни академія, ни Левицкій, ни Лампи. Когда-же могъ онъ его достичь? Не въ короткій-ли промежутокъ между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъѣздомъ въ Петербургъ? Хотя въ эту эпоху бывали примѣры особенно быстрого движенія по чиновной лѣстницѣ, но на такое движеніе давали права таланты иного свойства, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Боровиковскій.

Къ официальнымъ даннымъ о Боровиковскомъ, заимствованнымъ г. Божемяновымъ изъ «Сборника матеріаловъ для исторіи императорской академіи художествъ», могутъ быть прибавлены свѣдѣнія, сообщенныя П. Н. Петровымъ въ «Художественномъ Сборникѣ». Мы оставили ихъ въ сторвнѣ, считая служебныя подробности дѣломъ наименѣе важнымъ въ характеристикѣ художника. Но въ біографіи онѣ будутъ необходимы. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала Боровиковскому въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью устава академіи, дѣйствовавшего до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое, но на конкурсѣ, о которомъ упоминаетъ и г. Божемяновъ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получилъ все таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искусствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Буаля и г-жу Виже-Лебрёнъ, гостившую тогда въ Россіи, но подчасъ и самого Лампи.

Къ одному изъ этихъ портретовъ относится указанная г. Божемяновымъ погрѣшность въ составленномъ мною списокѣ работъ Боровиковскаго, гдѣ портретъ великой княгини Александры Павловны названъ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Ошибка произошла отъ сокращенія въ рукописи, въ чемъ ссылаюсь на уважаемаго редактора «Кіевской Старины»¹⁾. Свидѣтельство

¹⁾ Дѣйствительно, такъ. — Ред.

его привожу въ тѣхъ видахъ, что мало почтеннымъ приѣмомъ сваливанья своихъ грѣховъ на плечи часто неповиннаго наборщика злоупотребляли слишкомъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Что касается ›Портрета неизвѣстнаго священника‹, бывшаго прежде въ галлерей Прянишникова, а нынѣ находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, то относительно него я правъ. Какъ доказано нынѣ, этотъ портретъ писанъ Левицкимъ и изображаетъ отца художника. Писаннаго-же Боровиковскимъ священника, извѣстнаго или неизвѣстнаго, въ Румянцевскомъ музеѣ нѣтъ.

Сводя разнорѣчивыя цифры печатныхъ замѣтокъ о Боровиковскомъ, г. Божеряновъ хочетъ установить нѣчто въ родѣ *средняго числа* для опредѣленія въ точности дня его смерти. На этотъ счетъ есть свѣдѣніе вполне достовѣрное. Это надпись на могилѣ Боровиковскаго, гдѣ ошибки быть не можетъ. Надпись эта, теперь полуистертая, гласитъ слѣдующее: ›На семь мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника академіи Владиміра Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, *въ 6-й день апрѣля 1825 г.*

Смоленское кладбище, гдѣ покоится прахъ художника, лежитъ на одной изъ дальнихъ окраинъ Васильевскаго острова въ Петербургѣ. Близость моря даетъ себя чувствовать неустойчивостью и влажностью почвы. Вновь вырытыя могилы,—а ихъ ежедневно требуетъ сѣверная столица,—тотчасъ наполняются водою. Печальныя и тощія березки осѣняютъ это жилище смерти.

Въ сторонѣ отъ средней дороги стоитъ церковь святой Троицы. Здѣсь, близъ самой церкви на право, маленькій, почернѣлый, гранитный саркофагъ украшенъ надписью, приведенною выше.

Въ этой церкви два престола. Иконостасъ верхняго, во имя Михаила Архангела,—работы Боровиковскаго. Есть слухъ, что онъ писанъ во время предсмертной болѣзни художника. Фигуры иконъ далеко не закончены, а мѣстами только едва начерчены. Къ счастью ничья чужая рука не коснулась этихъ, полныхъ скорбнаго чувства, набросковъ. Царскія врата изображаютъ все ту-же отрадную минуту Благой Вѣсти. На мѣстныхъ иконахъ Христосъ и Богоматерь, окруженные ангелами, во всей своей славѣ. Но въ выборѣ остальныхъ сюжетовъ отразилось страдающее настроеніе художника. Вотъ исцѣленіе Товіа, вотъ Архангелъ Михаилъ, поражающій Змія, и наконецъ вотъ шестой образъ,—странный и таинствен-

ный: полуденный пейзажъ, съ караваномъ вдали, а прямо, противъ зрителя, ангель уноситъ на небо пожилого человѣка. Лицо очень обыкновеннаго лица, но на немъ печать такого просвѣтленія и блаженства, какія грезилась вѣрно художнику во время предсмертныхъ молитвъ. Не смотря на свою незаконченность, это лучшая изъ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго. Здѣсь всего ярче передалъ онъ свой внутренній міръ, свою вѣру, здѣсь остался лучший слѣдъ этой, глянувшей въ вѣчность, нѣжной души, стремившейся къ высшей правдѣ и красотѣ.

В. Горленко.

КІЕВСКІЙ ПЕЩЕРНИКЪ XVIII СТ.

Традиціонная форма отшельничества,—пещерное житіе, ведущая свое происхожденіе отъ начальнива русскаго иноческаго житія, пр. Антонія печерскаго, удерживаясь въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на множество перемѣнъ во внѣшней и внутренней жизни русскаго народа, доходитъ до нынѣшняго даже столѣтія. Пещерничество, отъ котораго, по внѣшней обстановкѣ и условіямъ жизни, мало чѣмъ разнится суровая жизнь нашего крестьянства, въ болѣе близкое къ намъ время находило своихъ приверженцевъ преимущественно въ этой послѣдней средѣ. Строгіе указы Петра В. и его преемниковъ о непринятіи въ монастыри людей бѣглыхъ и не свободныхъ могли только поддерживать именно этотъ видъ иночества, который освобождалъ отшельника отъ узъ общественнаго рабства и навсегда укрывалъ его отъ взоровъ міра и полицейскихъ. Только десятки годовъ суроваго анахоретства привлекали снова къ спасающемуся такимъ образомъ вниманіе міра, но уже полное благоговѣйнаго уваженія.

Извѣстіе объ одномъ такомъ кіевскомъ пещерникѣ нашлось въ массѣ разнородныхъ фамильныхъ бумагъ малорусскаго рода Лашкевичей. Записано оно неизвѣстно кѣмъ на полулистѣ синей бумаги, почеркомъ конца прошлаго столѣтія. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

„Кіево-печерскія Лавры рясофорный монахъ, старецъ Досноей родомъ былъ великороссіянинъ, крестьянинъ нѣкоего изъ великихъ россій-

сихъ бояръ: имѣя непремѣнное желаніе быть монахомъ, когда не могъ исполненія своему желанію получить въ великой Россіи, яко не уволенный рабъ, то удалился въ малую Россію, во градъ Кіевъ, какже и въ кіевскихъ обителяхъ не могъ получить желанію исполненія, рѣшился жить при пустыни китаевской, въ горѣ называемой Китай, при вершинѣ ея, врывши въ ней небольшую пещерку, гдѣ и пожилъ немалое время въ великомъ воздержаніи. 1744 года, посѣщая Кіевъ, блаженная памяти благочестивѣйшая императрица Елисаветъ Петровна, услышавши о живущихъ богоугоднѣ въ пустыни китаевской монашествующихъ и о семъ пещерникѣ Досіоеи, благоизволила не оставить убогаго мѣста сего августѣйшимъ своимъ посѣщеніемъ, куда съ многими духовными и свѣтскими чиновными персонами прибывши, изволила пѣшо шествовать на гору Китай по здѣланнымъ на тотъ случай невеликолѣпнымъ, притимъ къ земли изъ деревяшекъ степенкамъ. Пришедши къ пещеркѣ Досіоеевой, повелѣтъ изволила вызвать его и за вопрошеніемъ увѣдомившись, что за рабство онъ не постриженъ, изволила повелѣтъ на другой день постричь, и постриженъ въ рясофоръ и долгое время послѣ постриженія въ тойже пещерѣ прожилъ. Когда указъ послѣдовалъ, чтобъ отшелникамъ не быть нигдѣ, по причинѣ послѣдовавшихъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; то и Досіоею отъ лаврскихъ властей велено преселится въ лавру, и жилъ на дальней пещерѣ и невозбранно служилъ уединенно затворникомъ, получая по желанію пищу отъ лавры, которую ему послушникъ опредѣленный приносилъ тогда, когда подвижникъ сей считалъ нужною къ употребленію. На пещерѣ прожилъ онъ по 74 й годъ, а сего года, по совѣту митрополита кіевского, Гавріила Кременецкаго, архимандритомъ Зосимю Валкевичемъ удаленъ въ пустынь китаевскую и жилъ въ келіикѣ уединенной, при прудкѣ, всегда съ обычнымъ воздержаніемъ; по годъ отъ сего скончался, имѣя отъ рожденія близъ ста лѣтъ, съ коихъ три части проживъ въ великомъ воздержаніи. Изъ сего можно заключить о его дивной жизни, что во все въ горизонтахъ кіевскихъ время пребыванія его никогда не согрѣвалъ себя вещественнымъ огнемъ и никогда не возгнѣщалъ огня въ келіи до кончины жизни своея“.

Имѣеть ли Лавра печерская свѣдѣнія объ этомъ подвижникѣ своемъ? Имѣеть ли она другія подобныя свѣдѣнія за время позд-

нѣйшее? Тамъ писались нѣкогда лѣтописи, патерики, житїя, сказанїя. Пишется ли и хранится ли теперь что-либо, кромѣ бумагъ официальныхъ, о подвижникахъ этой древнѣйшей обители въ ближайшее къ намъ время?—Извѣстїя, въ родѣ сообщаемого теперь, съ какой-бы кто стороны ни разсматривалъ ихъ, имѣютъ значенїе не для одной монастырской, но и вообще бытовой нашей жизни.

Сообщ. Ал. Лашевичъ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА РОССІЮ.

Установилось мнѣніе, подтверждаемое массою несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что измѣна Мазепы не встрѣтила никакого сочувствїя въ малорусскомъ народѣ и что на сторону Мазепы, кромѣ запорожцевъ, стали лишь весьма немногіе изъ козачей старшины дорого потомъ поплатившіеся за свое сочувствїе къ измѣннику.

Намъ довелось услышать преданїе, совершенно противоположное такому мнѣнію и свидѣтельствующее о сочувствїи къ Мазепѣ и его союзникамъ шведамъ не отдѣльныхъ, при томъ служивыхъ лицъ, но цѣлой и притомъ довольно численной общины.

Какъ преданїю, въ которомъ не выяснены ни мотивы, ни ближайшія обстоятельства передаваемого имъ факта, мы отнюдь не думаемъ придавать значенїя историческаго свидѣтельства, подрывающаго установившееся въ исторической наукѣ мнѣніе. Сохраненный имъ случай все-таки единичный и могъ быть плодомъ частнаго внушенїя или недоразумѣнїя. Народъ, чуткій къ общимъ переменамъ въ своей судьбѣ, плохо понимаетъ тонкости политики случайной, каковъ былъ союзъ Мазепы съ Карломъ, составлявшій секретъ для самаго Петра; обыкновенно онъ становится на сторону того, кто заступаетъ или видъ показываетъ, что заступаетъ за него; по части же забиранїя фуража и провіанта въ то военное время русскїя войска конечно не уступали шведамъ. Однако, какъ преданїе весьма определенное, приуроченное къ извѣстной мѣстности, мы считаемъ совсѣмъ не лишнимъ привести въ извѣстность: въ крайнемъ случаѣ передаваемый имъ фактъ можетъ служить образчикомъ великодушїя побѣдителя Карла XII, на которое онъ былъ способенъ и въ минуты самаго сильнаго гнѣва.—Вотъ въ чемъ дѣло.

На границѣ харьковской губерніи существуетъ уѣздный городъ курской губерніи Грайворонъ или по мѣстному Гайворонъ. Грайворонъ въ степень уѣзднаго города возведенъ только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, до этого-же времени былъ селомъ хотмыжскаго уѣзда. Основаніе села Гайворонки относятъ къ очень далекимъ временамъ и основателемъ называютъ нѣкоего козака *Жеребила*, потомки котораго, а также и потомки другаго, дѣйствующаго въ преданіи лица, *Гетепана*, живутъ и по настоящее время въ Грайворонѣ; первые теперь носятъ фамилію *Жеребиловыхъ*, а вторые не измѣнили таковой и остались Гетепанами.

Преданіе говоритъ, что во время движенія Карла XII подъ Полтаву, а за нимъ по пятамъ Петра I, Грайворонъ или въ то время село Гайворонка находилась на пути. Жители села, по совѣту своего старшины Жеребила, а можетъ быть и по собственному соображенію, охотно дѣлились всѣми возможными съѣстными припасами съ шведскими войсками. Узнавъ-же о приближеніи русскихъ войскъ, весь провіантъ попрятали и по прибытіи Петра I не переставали тайкомъ доставлять въ шведскія войска, отказывая по немѣннѣю русскимъ. Петръ I, узнавъ о такомъ отношеніи своихъ подданныхъ къ врагу, страшно разсердился и порѣшилъ наказать все село полнымъ уничтоженіемъ,—такъ сказать, стереть его съ лица земли. Для исполненія этой казни было привязано обложить село кругомъ соломой и никого не выпускать оттуда, а дабы предупредить всякое поползновеніе къ бѣгству, обставить село пушками и въ бѣглецовъ стрѣлять. При исполненіи-же казни зажечь одновременно со всѣхъ концовъ солому и палить въ село изъ пушекъ. Казнь должна была быть совершена въ присутствіи самого Императора. Гайворонцы, видя свою неминуемую гибель и не ожидая пощады, собрали раду и обратились къ тому-же Жеребилу, который, посовѣтовавъ подчиниться своей горькой участи, предложилъ однако испробовать послѣднее средство, заключавшееся въ томъ, чтобы въ день казни собрать всѣхъ могущихъ только ходить дѣтей и выслать ихъ за село на дорогу, по которой будетъ ѣхать Государь. Совѣтъ радою былъ принятъ и дѣти, какъ говоритъ преданіе, въ числѣ болѣе ста душъ, были высланы по назначенію. Государь, увидя столькихъ плачущихъ дѣтей, былъ крайне озадаченъ и остановившись, спросилъ разясненія. Въ это время подѣхалъ случив-

иійся здѣсь уроженецъ Гайворонки, возачій старшина Гетепанъ, находившійся въ войскахъ русскихъ и обратился съ слѣдующими словами къ Императору: »Ваше Императорское Величество, это невинныя дѣти тѣхъ виновныхъ отцовъ и матерей, которые сегодня должны погибнуть. Дѣти эти могли-бы быть вѣрными и полезными слугами Вашего Величества, но со смертью своихъ родителей и ихъ ожидаетъ гибель. Пощадите ихъ!«. Государь, ничего не сказавши, махнулъ рукой и возвратился, приказавъ оставить въ покоѣ Гайворонку.

А. Натрухянъ.

Александрія.
Херсонской губерніи.

МНОГОЛѢТІЕ, ВОЗГЛАШЕННОЕ ВЪ КІЕВѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII В.

Помѣщаемое здѣсь многолѣтіе сохранилось въ современной записи, на особомъ листѣ сдѣланной, по всей вѣроятности, для возглашавшаго его діакона. Оно знакомитъ насъ съ составомъ высшаго духовенства въ г. Кіевѣ и съ цѣлой корпораціей служившихъ въ кіевской академіи въ началѣ XVIII вѣка. Не трудно догадаться, что это особое многолѣтствованіе составлено по случаю какого-либо академическаго праздника. Странно одно: въ немъ нѣтъ имени кіевскаго архиастыря, между тѣмъ какъ не забыть кіевскій войтъ. Отсюда можно заключить, что многолѣтіе относится къ 1718—1722 г., когда по смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, 4 года митрополичья кафедра въ Кіевѣ оставалась вакантною.

Всечестнымъ игуменомъ кіевскимъ *Христофору* ¹⁾, обители пустынно-нікольскія, *Іоанникію* ²⁾ обители святаго архистратига Михаила златоверхія, *Теодфану* ³⁾ обители Богоявленскія, братскія, ректору и богословія учителю, *Евстратію* ⁴⁾ обители свято-троицкія

¹⁾ Чарнуцкому—(1706—1709 ректоръ кіевск. академіи).

²⁾ Сенютовичу—1715 года; съ 1715 по 1729 года архимандритъ печерской лавры.

³⁾ Прокоповичу—1711 года, съ 1718 года епископъ псковскій, архіепископъ новгородскій.

⁴⁾ Самборовичу—1713 года.

кирилскія, *Лаверентію* ¹⁾ архангелова чудова выдубицкаго, *Іосифу* свято-петропавловскому и всѣмъ всечестнымъ игуменомъ и строителемъ многая лѣта.

Мысленнаго винограда дѣлательмъ трудолюбивымъ *Сильвестру* ²⁾, учителеви философіи и префекту училищъ кievскихъ, *Теодосію* ³⁾ реторцкому, *Симону* ⁴⁾ поэтицкому, *Аванасію* ⁵⁾ синтаксискому, *Іосифу* ⁶⁾ грамматицкому, *Епифанію* ⁷⁾ инфимисскому, *Геннадію* ⁸⁾ аналогитскому въ православномъ собраніи кievскомъ учителемъ и всѣмъ во словѣ ученія и наставленія труждающимся, честнымъ православнымъ протопресвитеромъ и пресвитеромъ и всему церковному причту многая лѣта.

Его царскаго пресвѣтлаго величества державной отчизны Богоспаемаго града Кіева упревѣлюванному войту, благочестивому *Димитрію* ⁹⁾ со всѣмъ майстратомъ и со всѣми гражданами и всѣмъ повсюду во благовѣрїи и благочестїи сіяющимъ православнымъ христіаномъ благодать, милость, миръ, тишина, здравіе и изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта.

Сообщ. П. Л—въ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КОНОКРАДСТВА.

Конокрадство—величайшій бичъ нашего времени, преимущественно южныхъ мѣстностей Россіи. Изъ всего, что придумано было противъ этого зла на нашихъ глазахъ, въ нашей памяти наиболѣе вѣззалось то, что когда были учреждены спеціальныя чиновники для пресѣченія конокрадства, народъ безъ всякаго умысла, а просто для удобства произношенія назвалъ ихъ конокрадами. У нашихъ предковъ было, какъ кажется, средство подѣйствительнѣе нашихъ.

¹⁾ Горкѣ—1713—1719 г.

²⁾ Пимовскому—1716 г.—1721 г.

³⁾ Глѣнскому.

⁴⁾ Козановскому.

⁵⁾ Хмарному.

⁶⁾ Волчанѣцкому.

⁷⁾ Тихарскому, съ 1722 г. епископъ бѣлгородскій.

⁸⁾ Шпаковскому.

⁹⁾ Поладкому—1700—1729 г.

щей порѣ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Кіева; это пленецъ изъ гнѣзда знаменитого Иннокентія, это старѣйшій профессоръ кіевскаго университета, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ его отерпятія и всей его полувѣковой жизни, не дожившій лишь около полутора мѣсяца до 50-ти лѣтняго его юбилея. Орестъ Марковичъ пережилъ своихъ братьевъ, массу знакомыхъ, родныхъ, сослуживцевъ и многихъ, весьма многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Грустную картину представлялъ собою гробъ его, вокругъ котораго стояли лишь не многіе его ученики и одинъ товарищъ по первымъ годамъ университетской службы. Это зрѣлище смерти среди потухающей жизни, точно листья пожелтѣвшіе, чуть-чуть держащіеся на изсохшихъ стебелькахъ, а предъ ними упавшій съ дерева, совсѣмъ засохшій листь...

Покойный Орестъ Марковичъ былъ уроженецъ Волыни и происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, но уже отецъ и дѣдъ его были священниками, что въ ту пору было дѣломъ обыкновеннымъ. Волынско-шляхетское его происхожденіе сказалось въ немъ отсутствіемъ той простоты и угловатости, которыя нерѣдко выдають духовнаго воспитанника въ самыхъ высшихъ чинахъ и должностяхъ. Чувство порядочности, нѣкотораго даже изящества и лоска было приуще ему, какъ и двумъ старшимъ его братьямъ, изъ которыхъ Нарбисъ Марковичъ скончался въ званіи жиитомирскаго кафедральнаго протоіерея, а Теофилъ Марковичъ, б. варшавскій кафедральный протоіерей, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя Паскевича и близостью къ нему, извѣстенъ своею трагическою судьбою: въ первое польское возстаніе онъ былъ объявленъ народовымъ жондомъ внѣ законовъ и всякій поймавшій его, какъ гласили афиши на фонарныхъ столбахъ, могъ убить его, какъ собаку, а предъ началомъ втораго возстанія, по странному недоразумѣнію, былъ высланъ изъ Варшавы въ 24 часа, съ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ должностей, и умеръ въ Кіевѣ въ 1864 г.

Первоначальное образованіе Орестъ Марковичъ получилъ въ догѣ отца, который для своего времени и круга былъ довольно образованнымъ и начитаннымъ человекомъ. За тѣмъ онъ учился въ острожскомъ духовномъ училищѣ, волынской духовной семинаріи, помѣщавшейся тогда въ м. Аннополь, и наконецъ въ кіевской духовной академіи, въ со-

ставъ воспитанниковъ V ея курса, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ со степенью магистра. Полагать надо, что только не имѣніе свободныхъ наставническихъ вакансій въ академіи помѣшало академическому начальству оставить этого даровитѣйшаго воспитанника при академіи; но, какъ предназначенный къ ней, онъ получаетъ мѣсто въ ближайшей къ Кіеву переяславской семинаріи, а спустя менѣе двухъ лѣтъ мы видимъ его въ должности бакалавра кіевской академіи — сперва на кафедрѣ польскаго языка, а потомъ философіи. Первое мѣсто службы Ореста Марковича было совсѣмъ не по его натурѣ. Переяславская семинарія и въ болѣе позднее время отличалась отъ всѣхъ другихъ такою крайнею патріархальностію нравовъ и такими наклонностями и привычками ея профессоровъ и учениковъ, которыя много напоминаютъ собою послѣдніе годы Сѣчи Запорожской. Въ самостоятельной, иначе направленной натурѣ Ореста Марковича перелаславская атмосфера не оставила никакихъ слѣдовъ, но и въ послѣднее время своей жизни онъ не могъ безъ особой улыбки вспоминать о своей службѣ въ Переяславѣ.

Перемѣщеніе въ академію подѣйствовало на него освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. Во главѣ ея стоялъ *Иннокентій*, извѣстный и тогда уже своими талантами и обширными познаніями; онъ не давалъ никому заснуть, часто посѣщаль лекціи профессоровъ, указывалъ каждому повѣйшія и лучшія изслѣдованія по его предмету въ иностранной литературѣ, всѣхъ и cadaго располагалъ и возбуждалъ къ дружной научной работѣ. Много ученыхъ тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ могъ только располагать къ научному труду. Вліяніе обонхъ сказалось на молодомъ бакалаврѣ; первые шаги его на академическомъ поприщѣ вполне оправдали возлагаемыя на него надежды. Скоро пришлось ему раздѣлить свой трудъ между двумя заведеніями. Въ іюль 1834 г. открывался въ Кіевѣ университетъ св. Владимира; по рекомендаціи Иннокентія, Новицкій приглашенъ былъ, въ званіи адъюкта, къ чтенію лекцій по философіи студентамъ перваго университетскаго курса. Съ открытіемъ втораго курса въ слѣдующемъ году и увеличеніемъ занятій, онъ оставилъ академію съ званіемъ экстраординарнаго профессора и остался

на кафедрѣ университетской, гдѣ спустя два года получилъ званіе ординарнаго профессора. Можно безъ преувеличенія сказать, что это былъ лучший и даровитѣйшій профессоръ того и послѣдующаго времени; равнаго ему по совокупности всѣхъ качествъ блестящаго профессора мы не можемъ указать за все 50-лѣтнее существованіе университета. Широкое, разностороннее образованіе, основательное знаніе своего предмета, подновляемое неустанною работою философствующаго ума и чтеніемъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области философіи, стройное сочетаніе и развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, систематическое развитіе мысли и тонкій анализъ, ясное представленіе излагаемаго въ цѣломъ и частяхъ и необычайно ясное и простое изложеніе—таковы преподавательскіе таланты, отличавшіе О. М. Новицкаго. Прибавьте къ этому свободную, плавную и изящную рѣчь, чистую, явственную дикцію, мягкій, дышащій спокойствіемъ и добродушіемъ голосъ, при самой счастливой и представительной наружности, и вы будете имѣть наглядное представленіе о томъ блестящемъ лекторѣ, который очаровывалъ, увлекалъ не только своихъ постоянныхъ слушателей, но всѣхъ, кому приходилось быть на его лекціяхъ. Высокій, стройный, красавецъ и въ возрастѣ болѣе, чѣмъ зрѣломъ, съ высокимъ открытымъ челомъ, съ благородной, исполненной достоинства осанкой и умнымъ, то сосредоточеннымъ, то улыбающимся выраженіемъ лица, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ, кто видѣлъ его хоть на короткое время. Не даромъ студенты боготворили его, не даромъ начальство университетское съ увѣренностію препровождало на его лекціи высокихъ посѣтителей въ понятномъ желаніи выставить университетъ съ лучшей стороны. Вѣримъ вполне восторженнымъ отзывамъ слушавшихъ его лекціи, вѣримъ и тому, что онъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ нихъ не просто идеальнаго философствованія,—оно было тогда въ ходу у насъ и за границей, но строгаго, отчетливаго мышленія, а это имѣло неоцѣнимое значеніе и въ научныхъ занятіяхъ студентовъ и въ самой ихъ жизни. Въ этихъ отзывахъ вся карьера умершаго профессора, весь его формуляръ и мы не много прибавили-бы къ нимъ, если-бы сказали о служебныхъ его отличіяхъ и неоднократно проходеніи имъ съ полнымъ достоинствомъ должности декана, въ которую онъ былъ избираемъ своими сослужив-

цами. Карьера стоящая многихъ отличій, почестей и самыхъ громкихъ дѣлъ!

Къ сожалѣнію, Оресту Марковичу пришлось оставить ее едва не на половинѣ обычнаго ея срока, въ полномъ разцвѣтѣ ума и знанія. Въ 1850 г. по политическимъ соображеніямъ закрыты въ Россіи философскія кафедры при всѣхъ университетахъ. Университетъ св. Владимира понесъ двойную утрату: кромѣ первостепенной важности предмета, онъ лишился въ лицѣ Новицкаго даровитѣйшаго и самаго вліятельнаго своего дѣятеля. Съ полнымъ стоицизмомъ, руководясь соображеніями, которыя вызывала необезпеченность довольно численной семьи, онъ принялъ должность цензора, отнюдь не требовавшую ни его таланта, ни знанія, и на ней окончилъ такъ блестяще начатую и продолженную службу.

Печатные труды Ореста Марковича дополняютъ его репутацію, какъ человѣка разносторонне образованнаго и замѣчательнаго мыслителя, самостоятельно относившагося къ разнымъ философскимъ системамъ и направленіямъ и въ самой доступной формѣ знакомившаго своихъ слушателей съ результатами научныхъ работъ въ области философіи. Первымъ печатнымъ его трудомъ было историко-критическое изслѣдованіе о сектѣ Духоборцевъ, написанное покойнымъ еще на студенческой скамьѣ и доставившее ему степень магистра богословія. Напечатанное въ 1832 г. на счетъ академіи, оно привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и въ особенности самихъ духоборцевъ. Въ немъ впервые являлись въ печати новыя, недоступныя дотолѣ свѣдѣнія о зарожденіи и распространеніи у насъ этой секты, и ея ученіе приведено въ связь съ рационалистическими сектами западной и древней восточной церкви. Систематическій умъ молодаго автора сказался тутъ какъ нельзя ярче; разнообразныя, не ясныя вѣрованія сектантовъ, какъ они представлены въ слѣдственныхъ ихъ показаніяхъ, приведены здѣсь въ стройную систему и изложены въ опредѣленной научно-богословской формѣ. Духоборцы увидѣли въ первой части сочиненія Новицкаго какъ бы нарочито для нихъ составленный катихизисъ и дорого, десятками, сотнями рублей, скупили эту небольшую книжечку въ 146 страницъ. Изданіе разошлось быстро и ставъ не доступною библиографическою рѣдкостью, возбудило

неосновательные толки о томъ, будто оно подверглось запрещенію. Къ академическимъ трудамъ Ореста Марковича относится и его изслѣдованіе ›О первоначальномъ переводѣ св. писанія на славянскій языкъ‹, написанное по предложенію митр. Евгенія и вошедшее въ составъ трудовъ воспитанниковъ кievской академіи 1839 г. Слѣдующія за тѣмъ три неравныя по объему сочиненія: 1) *Объ упрекахъ дѣлаемыхъ философіи*, въ формѣ рѣчи для университетскаго акта 1837 г., 2) *Руководство къ опытной психологіи* 1840 г. и 3) *Постепенное развитіе философскихъ ученій въ связи съ религіозными вѣрованіями*, въ 4-хъ томахъ, 1860 г., составляютъ плодъ специальныхъ его занятій философіею. Главное отличительное достоинство этихъ сочиненій состояло также въ необычайной ясности изложенія, а чтобы опредѣлить значеніе этого качества, припомнимъ, что говорилъ о философіи другой, столь-же ясный и положительный русскій умъ. ›До сихъ поръ думаю‹, писалъ въ своихъ Запискахъ въ 1850 г. (т. I, стр. 20) митрополитъ Іосифъ Симашко, что главный недостатокъ философіи состоитъ въ томъ, что для нея нѣмцы выдумали особый языкъ, котораго многіе изъ нихъ самихъ не понимаютъ, и что они любятъ болтать на цѣлыя томы о томъ, что на обыкновенномъ языкѣ можно изложить на нѣсколькихъ страницахъ.

Столь малое число философскихъ работъ не отвѣчаетъ дарованіямъ и трудолюбію покойнаго профессора, но это не должно удивлять насъ. Въ составъ философіи входили тогда слѣд. науки; логика, психологія, умозрительная философія или метафизика, философія нравственная или этика и наконецъ исторія философіи. Въ то время, какъ въ академіи для преподаванія философіи въ этомъ-же составѣ назначались четыре профессора, въ университетѣ оно лежало на одномъ—Новицкомъ, а читать ему приходилось не однимъ студентамъ философскаго отдѣленія, но также математикамъ и юристамъ. При такомъ громадномъ, не сильномъ для другого трудѣ, ему некогда было думать объ обработкѣ всѣхъ своихъ изустныхъ чтеній для печатанія, которое, правду сказать, было тогда и не въ модѣ, когда-жъ Орестъ Марковичъ послѣ многолѣтнихъ напряженныхъ трудовъ овладѣлъ вполнѣ столь сложнымъ предметомъ, изученіе философіи надолго было прервано и печатать было не

для кого. Пока прошло время запрета, радикально измѣнилось направленіе философіи, ея приемы и самая основа; въ самомъ обществѣ нашемъ зародились новыя стремленія, отнюдь не гармонировавшія съ прежнимъ идеальнымъ философствованіемъ. Философствовать печатно приходилось въ убытокъ, что отчасти показалось на послѣднемъ изъ упомянутыхъ выше философскомъ трудѣ Ореста Марковича Новицкаго. Лучше другихъ это видно было ему самому и потому, продолжая до послѣднихъ дней жить въ области науки, онъ не возвратился къ изданію какого либо новаго философскаго труда, а принялся за свой первый историко-критическій этюдъ, переработалъ его на ново, пополнилъ данными за цѣлыя 50 лѣтъ и издалъ въ 1882 г. Послѣднею литературною его работой была обширная его автобіографія, написанная, по приглашенію университета для предстоящаго юбилейнаго торжества и готовящагося къ тому времени историческаго сборника. Съ этими интересными мемуарами мы надѣемся въ свое время ознакомить нашихъ читателей, а пока закончимъ нашу характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля высшей науки указаніемъ на выдающіяся нравственныя его черты.

Спокойствіе и твердость, глубокая честность и благородство, прямота и искренность, привѣтливость и добродушіе—таковы отличительныя свойства характера и жизни Ореста Марковича. Ни предъ кѣмъ онъ не преклонялся, ни въ комъ не заискивалъ, ничего не искалъ, ни къ какой партіи никогда не примыкалъ; свое мнѣніе и положеніе охранялъ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, но сторонился отъ всякихъ ухищреній, шумной полемики, ссоры и разлада. Въ кружкахъ академическомъ и университетскомъ, въ кругу знакомыхъ и родныхъ это былъ любимѣйшій собесѣдникъ, остроумный и веселый; для дѣтей это былъ нѣжнѣйшій отецъ, для внучатъ любящій, попечительный дѣдушка. Съ стоическимъ спокойствіемъ и покорностію судьбѣ онъ переносилъ нерѣдкіе ея удары, какъ неожиданный свой выходъ изъ университета, смерть старшаго сына, блестяще окончившаго курсъ училища Правовѣднія, катастрофу съ братомъ, равносильную смерти болѣзнь старшей дочери, неожиданную смерть второй и смерть жены, скончавшейся за мѣсяць предъ нимъ. Съ такимъ же настроеніемъ онъ оставилъ жизнь, спокойно отдавшій въ объятія смерти.

Университетъ св. Владиміра, готовясь къ юбилейному своему торжеству, избралъ Ореста Марковича почетнымъ своимъ членомъ, и это была высшая награда его честной и славной дѣятельности на поприщѣ науки и просвѣщенія. Смерть не дала ему дожидаться ни торжественнаго провозглашенія этой награды, ни той высшей послѣдней радости, какую доставило бы ему участіе въ самомъ торжествѣ и которую онъ могъ-бы воспринять всѣми нервами своей старческой души.

Да будетъ ему вѣчная память!

ЗАГАДОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Свите, свите, ясенъ мѣсяць,
 Ще и вечерняя зоря;
 Пише, пише кроль французскій
 Ажъ до бѣлого царя:
 Та отдай намъ нашу Польшу
 Бѣлый, русскій Царь,
 Бо не втерплю я вже больше,
 Буду битись, якъ лицарь.
 Якъ не вернешь нашої Польщи,
 То мы тебе розоб'ємъ;
 По твоихъ деревняхъ, по новихъ заводахъ
 Конюшеньки становлѣмъ*.
 Зажурився Олександръ царь,
 У сенати сидючи;
 Схиливъ, склонивъ головоньку,
 Перо въ пальцяхъ держучи.
 Обизвався славный графъ Пашкевичъ:
 »Не журися, бѣлый царь,
 Наберемо вѣско—крѣпкого запасу,
 То и мы ёго розоб'ємъ,
 По ёго свитлицяхъ, по ёго скамницяхъ
 Конюшеньки становлѣмъ*.
 Дурна, дурна французська голова,
 Що стала битися—воеваться
 Та противъ бѣлого царя!

Сообщ. А. Марковичъ.

Записано въ Кіевѣ въ 1864 г. 13 декабря, отъ 12-лѣтняго деревенскаго хлопца Павла Стременецкаго, родомъ изъ Волыни.

КЪ ПОРТРЕТУ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ.

Лице, изображеніе котораго мы предлагаемъ, даже занимающимся русскою исторіею едва извѣстно по имени. Оно принадлежитъ такому отдаленному времени что самое появленіе его изображенія способно возбудить во многихъ недоумѣніе, не есть-ли оно плодъ фантазіи художника позднѣйшаго времени. Настоитъ поэтому необходимость говорить объ исторической дѣйствительности лица и подлинности его изображенія и отъ перваго идти къ послѣднему.

Анна Ярославна, одна изъ дочерей великаго кіевскаго князя Ярослава Мудраго, состояла въ замужествѣ съ Генрихомъ I, королемъ французскимъ и по признанію многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ была одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какія когда либо появлялись на тронѣ Франціи. Кіеву и Россіи она принадлежитъ лишь по рожденію и первымъ годамъ юности; съ выходомъ отъ насъ она становится для насъ иностранкой и напрасно мы стали-бы искать каенхъ либо свѣдѣній о ней въ нашихъ лѣтописяхъ. Иностранкой тѣмъ болѣе была она для Франціи и нѣтъ ничего удивительнаго, что и тамъ занимались ею менѣе, чѣмъ заслужила она по своимъ прекраснымъ качествамъ, что тамъ нѣтъ доселѣ посвященной ей монографіи, что являлись писатели, которые, подъ вліяніемъ духа династическихъ партій, отвергали ея русское происхожденіе и производили ее изъ французскаго дома *Roisu*, отрасли дома Гуго Капета.

Намъ русскимъ пріятно было-бы, хотя и по французскимъ источникамъ, узнать, какова была судьба и жизнь нашей кіевской княжны по переселеніи ея отъ насъ, что принесла и дала она отъ себя новому своему отечеству, оставила ли тамъ слѣды своего пребыванія, сохранила ли свои національныя вѣроисповѣдныя черты, какъ долго жила, когда и гдѣ умерла и гдѣ погребена. Чтобы отвѣчать на эти вопросы, что-бы представить болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ, по разнорѣчію позднѣйшихъ французскихъ сказаній объ ней, необходимо обратиться къ источникамъ первоначальнымъ, къ актамъ и документамъ того далекаго времени, которыхъ, по справкамъ, не оказывается въ лучшихъ нашихъ бібліотекахъ и даже въ бібліотекѣ императорской публичной. Работа длинная, уто-

нительная: отлагая ее на дальнѣйшее время, ограничимся на сей разъ указаніемъ лишь главнѣйшихъ, болѣе достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ о жизни Анны Ярославны, опускаая критику доступныхъ теперь намъ источниковъ, а также представимъ тѣ данныя о ея портретѣ, какими располагаемъ въ настоящее время,

Время рожденія Анны Ярославны, не отмѣченное въ нашихъ лѣтописяхъ, по сопоставленію французскихъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Генриха I и возрастѣ, въ какомъ она осталась вдовою, можно приблизительно относить къ 1034 году. Первое предложеніе о помолвкѣ Анны Ярославны съ Генрихомъ I, французскимъ королемъ, принятіе и объявленіе этой помолвки, по свидѣтельству болѣе достовѣрныхъ французскихъ источниковъ, падаетъ на 1044 годъ. Съ тѣхъ поръ Анна считалась невѣстою Генриха и хотя ей могло быть въ ту пору 10—11 лѣтъ, но по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ это не можетъ казаться страннымъ. Сватовство Генриха произведено заочно, посредствомъ особаго посольства, пріѣзжавшаго изъ Франціи въ Кіевъ ко двору Ярослава, и хотя брачная сдѣлка могла считаться и тогда уже дѣйствительною, тѣмъ не менѣе переговоры по поводу оной продолжались и въ послѣдующіе годы, а въ 1049 г. прибыло въ Кіевъ новое посольство. Въ составѣ его были, кромѣ свѣтскихъ сановниковъ, епископы мельденскій Вальтерій и епископъ каталонскій Рогерій; отъ послѣдняго сохранилось извѣстіе о томъ, что великій князь Ярославъ показывалъ ему главу Климента, папы римскаго, привезенную прежде въ Кіевъ. Посольство прибыло осенью 1049 г. и пробыло въ Кіевѣ до лѣта 1050 г., задержанное, какъ думать можно, не затрудненіями въ окончательномъ соглашеніи, а трудностію переѣзда въ зимнюю пору. Но въ апрѣлѣ 1050 г. случилась смерть княгини Ирины, жены Ярослава, матери Анны и бракъ состоялся въ Парижѣ лишь въ 1051 г., съ чѣмъ согласуется и опредѣленно извѣстный (1052) годъ рожденія у Генриха и Анны перваго сына Филиппа.

2) Собирая свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославлѣ и ея портретѣ, мы совершенно неожиданно получили изъ Переяслава отъ Степана Даниловича Карпенка извѣстіе о томъ, что, обучаясь въ 30-хъ годахъ въ кіевской гимназіи, онъ у товарища своего Кириченка, сына кіево-подольскаго гражданина, видѣлъ

Кромѣ Филиппа были у нихъ еще два сына: Робертъ и Гуго, а также дочь, имя которой остается неизвѣстнымъ.

Бракъ Анны съ Генрихомъ былъ счастливый, но продолжался всего около десяти лѣтъ. Въ 1060 г. Генрихъ умеръ; Аннѣ было тогда едва 25 лѣтъ, старшему сыну Филиппу исполнилось лишь 8 лѣтъ. Еще при жизни отца, въ 1059 г. онъ былъ коронованъ и помазанъ на царство; опекуномъ его Генрихъ самъ назначилъ мужа сестры своей Аделаиды, графа фландрскаго Балдуина. Такое назначеніе произвело разладъ въ королевской семьѣ; образовались партіи, произошло смятеніе, грозившее государству переворотомъ: являлись попытки освободить отрока-короля отъ опеки Балдуина, котораго подозревали въ честолюбивыхъ и коварныхъ замыслахъ, и возстановить права королевы-матери. Положеніе Анны было не только не удобно, но крайне затруднительно. Чтобы обезопасить себя отъ случайностей въ борьбѣ партій, Анна, дождавшись чрезъ годъ окончанія траура, вышла за мужъ за могущественнѣйшаго изъ вельможъ графа Рудольфа Крепи. Онъ удалилъ для этого отъ себя вторую свою жену Элеонору, но кромѣ того между имъ и умершимъ королемъ по тогдашнимъ понятіямъ находили родство, такъ какъ оба они были Капеты. Бракъ Анны съ Рудольфомъ хотя объявленъ платоническимъ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное волненіе при дворѣ и въ народѣ. Негодовалъ Римъ и успокоился, лишь когда узналъ объ истинной цѣли брака. Рудольфъ скончался въ 1074 г., Анна имѣла на него самое благотворное влияніе. Не смотря на этотъ бракъ, между матерію и сыномъ-королемъ существовали самыя добрыя отношенія, которыя сохранялись какъ при жизни, такъ и по смерти втораго мужа и остались такими до смерти самаго Филиппа въ 1108 г. По отсутствію положительныхъ свидѣтельствъ, мы не можемъ установить, какъ, когда и въ силу какого государственнаго акта Анна

и читалъ пергаменную рукопись, написанную по церковно-славянски и заключающую въ себѣ подробное описаніе пріѣзжавшаго въ Кіевъ для сватанья дочери Ярослава Анны посольства отъ французскаго короля Генриха I, съ поименованіемъ бывшихъ въ посольствѣ лицъ и рассказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, времяпрепровожденіи, угощеніяхъ и пр. Если-бы это было такъ и если-бы нашлась самая рукопись или списокъ съ нея, на что мы не теряемъ надежды, то въ нашей исторіи явился-бы новый интересный листокъ изъ ея древняго періода.—Ред.

стала соправительницею своего сына; но на это указываютъ удѣльншія грамоты и другіе акты того времени, на которыхъ послѣ подписи короля слѣдуетъ подпись королевы-матери въ такихъ словахъ: *Agna Dei gratia francorum Regina* (Анна Божією милостію королева французская). Первый изъ такихъ актовъ относится, если не ошибаемся, къ 1060 году, но подобныя же подписи находимъ въ актахъ послѣдующихъ годовъ, до 1075 г. и далѣе.

По смерти Генриха, Анна Ярославна избрала своимъ мѣсто-бываніемъ старый замокъ въ Санли, недалеко отъ Парижа. Здѣсь она еще при жизни мужа выстроила великолѣпную церковь во имя св. Викентія, а потомъ учредила при ней аббатство. Въ этой церкви на стѣнѣ былъ написанъ ея портретъ, съ котораго точный снимокъ изданъ въ концѣ XVII в. ученымъ Мезерэ въ его жизнеописаніяхъ французскихъ королевъ.

Годъ смерти Анны Ярославны не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно, но мѣсто погребенія ея въ точности извѣстно. Въ 1682 г. ученый іезуитъ Менестріе нашелъ въ Вилье, въ тамошнемъ систерціанскомъ аббатствѣ, надгробную плиту, на которой было изображеніе этой королевы съ короной на головѣ, въ родѣ вѣнца, даваемого курфирстамъ, и начинавшуюся такими словами надгробную надпись: *Hic jacet Domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis...* Раньше этого времени другой ученый—Парадэнъ открылъ ея гербъ съ лиліями, древнею эмблемою Франціи, на одной половинѣ, — крѣпостными открытыми воротами на другой и короной на верху, сходной съ короной на прилагаемомъ портретѣ. Не ввлючила-ли Анна Ярославна въ свой гербъ дорогія ея сердцу кievскія *Златыя врата*, родныя, отчія?..

Древніе французскіе писатели, у которыхъ находимъ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ, отзываются о ней съ благоговѣніемъ, какъ о женщинѣ, которая *plus de futuris, quam de praesentibus cogitavit*. По ихъ свѣдѣніямъ, съ высокимъ уваженіемъ и похвалою ея добродѣтелямъ отзывались папы Николай I и Григорій VII, первый въ письмѣ къ ней 1059 г., а второй въ письмѣ 1083 г. Въ духѣ благочестія воспитывала ее мать ея Иррина, за что похвалялъ эту послѣднюю митрополитъ кievскій Иларіонъ. Независимо отъ того можно думать, что Анна Ярославна получила въ домѣ своихъ родителей об-

разованіе, соотвѣтственное готовившейся ей высокой роли. Достаточно времени давало для этого долго длившееся сватанье и достаточно средствъ образованность семьи Ярослава; самъ онъ, по свидѣтельству пріѣзжавшаго въ посольствѣ епископа Рогерія, велъ съ нимъ разговоры на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ сыновей его, Всеволодъ, какъ извѣстно, объяснялся на пяти языкахъ. Такимъ образомъ Анна Ярославна, прибывъ въ Парижъ для бракосочетанія, не могла показаться тамъ дикаркой и простушкой, но съ разу пріобрѣла то уваженіе, которымъ, какъ видно, пользовалась до самой смерти.

Удержала-ли она во Франціи свои вѣроисповѣдныя и національныя особенности, судить объ этомъ трудно. Вопросъ о переходѣ ея въ латинство въ смыслѣ нынѣшнемъ не могъ тогда имѣть мѣста, такъ какъ Анна прибыла во Францію двумя годами раньше раздѣленія церквей; но безъ сомнѣнія она свыклась впоследствии съ особенностями тамошняго богослуженія и его языкомъ, который она знала, какъ показываютъ ея подписи, а равно усвоила языкъ, обычаи и нравы новаго своего отечества. Есть впрочемъ данныя, заставляющія полагать, что на первыхъ порахъ она имѣла своего священника, вывезеннаго изъ Кіева, свои иконы, богослуженныя и молитвенныя книги. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и знаменитое реймское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли, и другія книги и рукописи, которыя ученые Сорбонны показывали Петру I-му, остались отъ временъ Анны Ярославны. По ея, конечно, желанію, ея первенцу, будущему королю въ первый разъ дается имя христіанскаго святаго, а духъ ея благочестія отразился въ послѣдующихъ поколѣніяхъ королевскаго дома Франціи.

Что касается прилагаемаго здѣсь портрета Анны Ярославны, то гравюра его обязательно сообщена намъ полковникомъ Д. М. Резвымъ, а имъ получена отъ академика Бассена, къ которому перешла въ составѣ богатой и рѣдкой коллекціи отъ отца его, б. профессора живописи въ императорской академіи художествъ. Отъ кого и когда получена этимъ послѣднимъ, свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Гравюра, какъ показываетъ подпись подъ ней, сдѣлана въ Венеціи, а русская надпись на ней: *Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Кіевѣ, скончалась близъ Парижа* указываетъ на то, что она сдѣлана по заказу кого

либо изъ русскихъ, жившихъ за границей. Почеркъ русской надписи начала нынѣшняго, если не конца прошлаго столѣтія. Имѣемъ свидѣнія, что въ 1825 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языкѣ біографія Анны Ярославны съ относящимися къ ней документами. Былъ-ли при ней портретъ, не знаемъ, да и самаго изданія этого нигдѣ розыскать не могли. Что настоящая гравюра сдѣлана съ какого либо древняго портрета, на это указываетъ корона — несомнѣнная принадлежность XI в. Не есть-ли это снимокъ съ изданія Мезера, которое, какъ снятое съ современнаго оригинала, имѣетъ все условія автентичности? Прическа указываетъ по видимому на вѣкъ Людовика XIII и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что она подновлена на портретахъ того времени. Девизъ на дугѣ герба королевы Анны свидѣтельствуетъ также о древности изображенія, послужившаго основою для гравюры. Смыслъ его: *оплакиваю мою жизнь и его смерть* эмблематически выраженъ въ видѣ горлицы, уныло сидящей на землѣ: предъ ней безплодное, увядающее дерево, назади кустъ лиліи, символъ чистоты. Горлица—это древнѣйшій, излюбленный въ нашихъ думахъ и пѣсняхъ символъ скорби и грусти; какъ нельзя болѣе онъ идетъ къ положенію вдовы-королевы, отвѣчаетъ ея думамъ и чувствамъ. Вдали отъ родины, забытая своими, чуждая всѣмъ и всему окружающему, лишившись друга жизни, ради котораго пожертвовала всѣмъ дорогимъ, Анна Ярославна хотя и соединяетъ свое имя съ именемъ новаго друга, покоряясь политической необходимости, но не принадлежитъ ему ни тѣломъ, ни душой, всѣмъ существомъ своимъ живетъ въ прошедшемъ, оплакиваетъ свою надломленную жизнь, когда-то широко распутившуюся, льетъ слезы о безвременной смерти своего подружія, какъ горлица-голубка воркуетъ и въ этомъ воркованьи вся ея жизнь, приближающая и ее къ неизбѣнному предѣлу. При взглядѣ на этотъ образъ нашей кievской княжны, невольно приходятъ на память слова кievской-же пѣсни, правда школьной, но симпатично и полно досказывающей смыслъ неяснаго въ подробностяхъ образа.

Горлица, какъ друга лишится,
 Во вѣки зъ другимъ не спарится,
 Гдѣ древо зелено,
 Вѣтми украшено,
 Не сядетъ...

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Собійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ поमारокъ, и непременно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки «Кіевской Старины» предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,”

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб.; на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, га-зету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія состав-ляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1884 г.

	СТР.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго.	561
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.	580
III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (Продолженіе).	609
IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. О. И. Левицкаго.	627
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 ть годовъ XIX ст. (Продолженіе).	655
VI. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаявочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—Д. Базалля.—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—В. А.—г) Темні мѣстца въ «Словѣ о Поляку Игоревѣ». Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—П. Голубовскаю.	681
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. П. Л.—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—К. Ц.—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. В. Ястребовъ.—г) Загадочные портреты.—Д. Сапожничкова.—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива.—К. Ц.—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).—Сообщ. графъ Милорадовичъ	715
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазиревскаго. (Приложеніе)	65—80
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ІХ.

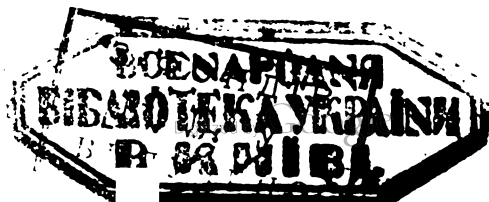
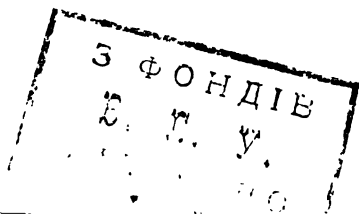
АВГУСТЪ.

1884 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 26-го іюля 1884 года.

Y2 AUG 29

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ІХ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. у., соб. домъ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе)¹⁾.

ГЛАВА 3-я.

Татарская эпоха лѣтописнаго періода²⁾.

Въ XIII ст. произошли историческія событія, рельефно отразившіяся на этнографической судьбѣ южнаго славяно-русскаго населенія; это были: *вторженіе* въ предѣлы южно-русской страны *монголовъ*, поселившихся потомъ въ южно-русскихъ степяхъ, и *занятіе нѣмцами польско-русскаго побережья Балтійскаго моря*. Последнее имѣло то значеніе, что нѣмцы, отгѣснивъ поляковъ и литовцевъ отъ моря и въ силу борьбы поднявъ послѣднихъ до государственной жизни, бросили эти двѣ народности на ослабленную всѣми предыдущими обстоятельствами южно-русскую страну. Нѣсколько иной смыслъ имѣло монгольское вторженіе.

Такъ называемое »монгольское нашествіе« не представляетъ въ своихъ общихъ типическихъ чертахъ чего нибудь особеннаго: это, какъ мы уже и говорили выше, было послѣднее звено въ той

¹⁾ См. »Кіевск. Стар.«, 1883 года, Т. VI, майск. кн., стр. 1—30, июльск. кн., стр. 399—453.

²⁾ Татарская эпоха обнимаетъ около вѣка (съ конца первой четверти XIII столѣтія до начала второй четверти XIV в.) и относится къ лѣтописному періоду южно-русской исторіи, такъ какъ для воспроизведенія этнографической картины страны служить, между незначительными другими источниками, главнымъ образомъ по прежнему лѣтопись.

цѣпи движенія азіатскихъ кочевниковъ, крайними звеньями котораго представляются намъ съ одной стороны скифы, а съ другой монголы, и слѣдовательно оно однородно съ движеніемъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ. Сравнительно съ послѣдними, монголы имѣютъ двѣ особенности, именно: они явились въ южную Русь, какъ представители довольно стройно организованной центральной власти и потому не остановились въ степныхъ пространствахъ съ момента появленія, а проникли сразу въ *глубь страны* и сдѣлались полными властителями надъ ея обитателями по всему пространству. Но чтобы достигнуть болѣе правдоподобной оцѣнки значенія въ жизни южно-русскихъ обитателей бурнаго натиска монголовъ, безусловно необходимо обратить вниманіе на три обстоятельства: 1) на *топографическія особенности южно-русской страны*, 2) на *систему разселенія въ ней обитателей въ XIII ст.* и 3) на *обычный ходъ движенія кочевыхъ монгольскихъ ордъ*.

Изъ 12,359,53 кв. м. (или 597,459 кв. в.) общаго пространства теперешней южной Россіи въ началѣ XIII в. осѣдлыя поселенія разбросаны были приблизительно на 6,738 кв. м. ¹⁾ (322,045 кв. в.), что составляетъ около 55% всей территоріи. Область южной Россіи въ указанныхъ предѣлахъ, разрѣзываемая въ ширину (съ сѣвера на югъ) приблизительно параллельными теченіями главныхъ рѣкъ (Днѣпра и Днѣстра) и передѣляемая по всей длинѣ отпрысками Карпатъ (съ запада на востокъ), подраздѣляется на двѣ полосы: на южную и сѣверную. Южная—это возвышенная равнина съ поднятіемъ поверхности надъ уровнемъ моря на 1,000 ф. на волыно-подольскомъ и на 900 на галиційскомъ плато; здѣсь значительныя рѣки, параллельно почти текуція съ сѣвера на югъ, имѣютъ рѣзкія береговыя очертанія, а общія условія почвы благопріятствуютъ проживанію земледѣльческаго населенія. Напротивъ, сѣверная полоса представляетъ собою плоскую болотистую низменную равнину, съ высотой

¹⁾ Мы считаемъ не занятыми осѣдыми поселеніями въ XIII в. приблизительно слѣдующія пространства: новороссійскій край, включая сюда и аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, губернію воронежскую, Землю Войска Дояскаго, харьковскую губернію и прилегающія части курской, а также константиноградскій уѣздъ полтавской губерніи, именно около 5,621 кв. м. (или 275, 414 кв. версть).

надъ уровнемъ моря въ 435,85 ф. (уровень Пины у г. Пинска)')—это по преимуществу *область лѣсовъ*. Въ наше время на пространствахъ разсматриваемыхъ нами 322,045 кв. в. южной Россіи лѣсомъ занято приблизительно около 82,000²⁾ кв. в. или 25³⁾%. Изъ этого числа незначительная часть лѣсовъ, именно около 8,562 кв. в. представляетъ отдѣльныя лѣсныя заросли по рѣчнымъ бережьямъ южной полосы; остальные лѣса связаны въ двѣ неравныя группы: 60,975 кв. в. лѣса занимаютъ почти безъ промежутковъ сѣверную границу южной Россіи, отъ восточной до западной ея оконечности, представляя т. наз. *Польсье*, а 13,463 кв. в. лѣса покрываютъ срединныя Карпатскія горы, входяція въ южную Россію на ея зап. границѣ. Бескиды или лѣсистыя Карпаты, занятые южно-русскими поселеніями, въ рѣдкихъ мѣстахъ достигаютъ высоты за 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, и въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, спускающимися до самой почти подошвы; среди сплошной массы густаго краснолѣся изрѣдка торчатъ одинокія свалистыя вершины (Илемскій Горгань, Гропа, Яловая и др.), или же свѣтятся, какъ плѣши среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища («полонины»); для хлѣбопашества удобны лишь скаты горъ, и только по надрѣчнымъ долинамъ поселился народъ и, расчитивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многочленныхъ селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ³⁾. Переходъ черезъ Карпаты удобенъ

1) *Докучаевъ*. > По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Польсья <. — Отеч. Зап. 1875 г. № 9, стр. 81.

2) Въ волынской губерніи 26,499 кв. в., кievской 10,750, подольской 5,544, полтавской 2,697, черниговской 8,061, въ малорусскихъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой 3,690, восточной Галиціи 11,522, Буковинѣ 1,941, гродненской 2,976, минской 8,082, въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи 321 кв. в. Свѣдѣнія взяты для Буковины у Головацкаго > Карпатская Русь. Географич.-стат. и историко-этногр. очерки Галичяны, сѣверо-восточной Угріи и Буковины < (Славянскій Сборникъ 1877 г. т. II, стр. 56—57), для восточной Галиціи изъ *Wiadomości statystyczne* < Pr. Pilata, 1881 г., стр. 135—137, а относительно остальныхъ приблизительноя вычисленія сдѣланы по Де-Ливрану (стр. 76—77 и стат. табл., стр. 27—28). Въ количествѣ лѣса точности быть не можетъ; на наши выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительное отношеніе лѣсныхъ пространствъ къ остальной области.

3) *Головацкій*, > Карпатская Русь <. Слав. Сборникъ, т. I, стр. 3—4.

лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ, текущихъ въ противоположныя стороны, близки другъ къ другу и гдѣ потому и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой¹⁾. Аналогичными свойствами, хотя и совершенно другого типа, обладаетъ южно-русское Полѣсье. Центральнымъ мѣстомъ этой области лѣсовъ является такъ называемое минско-кѣевское или бѣлорусское Полѣсье,—это пространство въ 8 милліоновъ десятиныхъ, приближающееся по формѣ къ треугольнику, представляетъ собою плоскую, болотистую, поросшую дремучими лѣсами страну по обѣ стороны рѣки Припечи²⁾. На востокѣ за границу Полѣсья принимаютъ Днѣпръ, а на западѣ верхнее теченіе р. Буга³⁾. Но отъ этого центрального Полѣсья болотисто-лѣсистыя мѣстности продолжаютъ какъ на западъ, вдоль Буга, Нарева, Вислы, Вепржа и т. д. (Полѣсье волыно-подляское), такъ и на востокъ отъ Днѣпра до г. Брянска (Полѣсье чернигово-сѣверское)⁴⁾, такъ что опушка непроходимыхъ лѣсовъ, составляющихъ главный характеръ мѣстности, простирается на сѣверѣ до черты, проведенной отъ Бреста-Литовскаго до Могилева, а на югѣ отъ Влодавы до Кіева⁵⁾ и далѣе черезъ Днѣпръ на востокъ мимо г. Чернигова. На югѣ границу Полѣсья, имѣющею реальное значеніе, представляется волыно-подольское и галиційское плато. Внутри Полѣсье представляетъ болотистую мѣстность, покрытую лѣсомъ и изборозженную по всѣмъ направленіямъ безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и протоковъ то соединяющихся, то снова раздѣляющихся, то пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ: словомъ, это лабиринтъ водъ, гдѣ даже трудно услѣдить одну и ту-же рѣку, опредѣлить ея направленіе. Въ половодье рѣки выступаютъ во многихъ мѣстахъ изъ своихъ береговъ, затопляютъ окрестныя мѣста, сливаются, представляя такимъ образомъ водныя пространства на 10—15 верстъ ширины, а зимою многія воды Полѣсья, благодаря бю-

¹⁾ Головацкій, » Карпатская Русь «. Слав. Сборн., т. I, стр. 19.

²⁾ *Макшеевъ*, » Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи «, 1867 года, стр. 61.

³⁾ *Докучаевъ*, » Отеч. Зап. « 1875 г. № 9, стр. 79. —

⁴⁾ *Макшеевъ*, стр. 61.

⁵⁾ Ibid.

щимъ изъ грунта ключамъ, совершенно не замерзають ¹⁾, такъ что полѣсскія пространства и въ наше время во многихъ мѣстахъ являются непроходимыми ²⁾. Обитаемыя пространства составляютъ высокія сухія мѣста по берегамъ рѣкъ и отдѣльные песчаные бугры, или «острова» по мѣстному. Аналогичными свойствами обладаютъ какъ западныя, такъ и восточныя окраины Полѣсья, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ, типичныхъ формахъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ Полѣсьемъ въ наше время, приводятъ къ выводу, что оно находится въ регрессивномъ состояніи: Полѣсье постепенно высыхаетъ (Эйхвальдъ), открытыя болота, хотя и медленно, но въ огромныхъ размѣрахъ постоянно превращаются въ торфяники, а эти послѣдніе въ черноземныя пахатныя земли (Зеленскій), а г. Кантреме на основаніи документовъ и инвентарей приходитъ къ выводу, что съ давняго времени въ Полѣсьѣ пространства земли, покрытыя водою, съ каждымъ годомъ уменьшаются ³⁾. Наблюденія о регрессивномъ ходѣ Полѣсья въ связи съ изслѣдованіями орографическими и геологическими, а также нѣкоторыми историческими указаніями (Геродотъ) послужили къ созданію весьма вѣроятной гипотезы (Н. П. Барботъ де Морни, Эйхвальдъ, Мурчисонъ), что въ Полѣсьѣ уже въ историческія времена (при Геродотѣ) существовало огромное озеро (внутреннее море); въ послѣдствіи оно могло обмелѣть, раздѣлиться на отдѣльныя озера и открытыя болота и явиться намъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ Полѣсье теперь ⁴⁾. Можетъ быть въ непосредственной связи съ регрессомъ Полѣсья, какъ главнаго, внутренняго воднаго резервуара, находится наблюдаемое уменьшеніе дождевой влаги и воды въ рѣкахъ, упадокъ вообще флоры и въ частности лѣсной растительности. Вѣкъ назадъ страдающія отъ засухъ южно-

¹⁾ Докучаевъ.

²⁾ «По случаю низменной ночи Полѣсья, говорить г. Эрмишь, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва-ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько-же на лодкѣ и около того же пройти пѣшкомъ» (Вѣстн. Зап. Россіи, 1877 г., № 11, стр. 101. Очерки бѣлорусск. Полѣсья).

³⁾ Докучаевъ, стр. 20.

⁴⁾ Докучаевъ, стр. 84.

русскія степи покрыты были еще обильною и роскошною травянистою растительностью, напоминающею тропическую, и нѣсколько десятковъ лѣтъ не больше назадъ громадныя лѣса тянулись по побережью рр. Ворсклы (отъ ея устья до г. Полтавы), Орели, Псла, Сулы и пр. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время текутъ мелководныя рѣки южной Руси, напр. Альта, Трубежь, Псель, Ворскла и пр., нѣсколько столѣтій назадъ были судоходныя рѣки; даже въ херсонскихъ степяхъ напр. въ болѣе или менѣе отдаленное время были рѣки тамъ, гдѣ теперь находятся однѣ огромныя сухія балки. Подобныя указанія, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, послѣдовательно приводятъ къ выводу, что семь-восемь вѣковъ тому назадъ южную Русь необходимо представлять и болѣе лѣсистою страной и болѣе обильною водою вообще, и въ частности, что Полѣсье и въ XIII ст. не только сохраняло свои лѣсисто-болотистыя оригинальности, но что граница Полѣсья спускалась гораздо южнѣе тогда, чѣмъ въ наше время. Судя по прогрессивно увеличивающимся болотамъ можно думать, что ранѣе въ Полѣсьѣ было болѣе текучихъ водъ и такъ какъ спускъ водъ былъ свободнѣе, то и больше было сухихъ пространствъ, пригодныхъ для обитанія.

Намъ приходилось уже касаться вопроса о разселеніи южно-русскихъ обитателей въ предшествовавшіе періоды (см. «Кіевск. Стар.» 1883 г., июль, стр. 407—411), и мы тогда признали, что южные славяно-русы, занимаясь не только земледѣіемъ, но и скотоводствомъ, и особенно охотою за рыбой, птицами, звѣрями, *обитали по бережьямъ рѣкъ, ручьевъ и водныхъ болотъ, въ мѣстахъ близкихъ для промысла среди болотъ и лѣсовъ*, почему у нихъ преобладалъ, можно думать, видъ отдѣльныхъ хуторскихъ поселеній. Такъ продолжали расселяться южно-русы въ XIII в. и позже. Управляли здѣсь разселеніемъ не столько соціально-политическія условія, — большая безопасность отъ нападенія людей, сколько промышленно-экономическія. Въ ту эпоху, какъ и до конца разсматриваемаго періода, земледѣіе давало только необходимый продуктъ внутренняго потребленія, предметами-же торговли внѣшней служили исключительно продукты промысловъ: шкуры, медъ, воскъ и т. д. Отсюда мѣстности съ обиліемъ водъ, болотъ и лѣсовъ были гораздо цѣннѣе, чѣмъ области тучнаго чернозема, дававшія исклю-

чительно хлѣбъ, и потому населеніе, въ силу уже хозяйственно-экономическихъ побужденій, стремилось удержаться ближе къ лѣсамъ и болотамъ, чѣмъ къ открытымъ степнымъ пространствамъ. Въ XIV—XVI вв., отъ которыхъ до насъ дошли документальные матеріалы, продолжаетъ преобладать въ южно-русскомъ населеніи тотъ-же взглядъ при оцѣнкѣ угодій: мѣстности лѣсисто-болотныя »съ бортьми«, »бобровыми гонами«, со звѣрями и дичью и съ лѣсными матеріалами предпочитаютъ всякимъ другимъ. Отсюда произошло то явленіе, что напр. въ повѣтахъ мозырскомъ, овручскомъ, черныбыльскомъ и въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго, вообще въ лѣсной полосѣ—земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано¹⁾, тогда какъ въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго »земяне или вовсе не берутъ »службъ« и »выслугъ«, или берутъ ихъ весьма неохотно²⁾«. На то же указываютъ и тѣ подраздѣленія населенія по занятіямъ, какое мы находимъ въ литовскій періодъ; напр. между крестьянами преобладали »колесники«, »бондари«, »плотники«, »рыболовы«, »осочники« и »бортники«, »подлазники« или »полозники«, »бобровники«³⁾. Аналогія съ расселеніемъ южныхъ славяно-руссовъ въ лѣтописный періодъ и потомъ въ XIV—XVI в. в. даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ XIII в. лѣсистыя области древлянъ, дреговичей, сѣверныхъ волянъ, верхнихъ сѣверянъ, вятичей и радимичей были гуще заселены, чѣмъ прочія области южной Россіи, а такія заселенныя области были: Подлясье, сѣв. Волинь, минско-кіевское и чернигово-сѣверское Полѣсье. Отсутствіе большихъ городовъ въ этой полосѣ въ то время можетъ быть объяснено тѣмъ, что защитою для населенія въ случаѣ нападенія непріятелей, вмѣсто городовъ, служили лѣса и болота (»paludes silvaque« Юрнанда), а сбытъ продуктовъ промысла удовлетворялъ города южной полосы, расположенные на лѣсныхъ опушкахъ при рѣкахъ, какъ Черниговъ, Кіевъ, Луцкъ и пр. Въ южной, болѣе

¹⁾ Антоновичъ. »Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV в. по XVI ст.« (»Кіевск. Стар.«, 1883 г. янв., стр. 30).

²⁾ Антоновичъ, *ibid.*

³⁾ Писцовая книга бывшаго пинскаго староства, Вильво. Ч. I, стр. III.

степной полосѣ Руси та славяно-русская масса, которая не находила себѣ мѣста и удобствъ жизни въ городахъ, не отличавшихся тогда современными размѣрами и занятыхъ княжескими и боярскими дворами, духовенствомъ и иноземцами, была разбросана мелкими поселками, сообразно съ удобствами какъ земледѣлія, такъ и ловли рыбы, охоты за звѣрями и пр.

Въ южную Русь, въ страну на половину почти покрытую лѣсами и обильную водами, явились въ 1237 г. монголы. Какъ кочевой народъ, они двигаются въ предѣлахъ степей всею массою: съ семьями, со стадами, съ кибитками, встрѣчая же на пути области, не приспособленныя природою для кочевой жизни, они посылаютъ въ нихъ временно болѣе или менѣе большіе конные отряды. Эта черта общая у монголовъ съ половцами, печенѣгами и проч. Но есть у нихъ и свои важныя особенности: монголы прикочевали въ предѣламъ южной Руси въ такой періодъ своего бытового устройства, когда у нихъ организовалась уже своя центральная регулирующая власть, представители которой были довольно многочисленны, пользовались силою и имѣли опредѣленное постоянное мѣстопробываніе въ средней Азій¹⁾). Движеніе монголовъ не отличается исключительно стихійнымъ характеромъ: въ задачу его входитъ не только расширеніе предѣловъ своихъ кочевьевъ, но и увеличеніе вообще подвластной территоріи, умноженіе подвластнаго населенія въ видахъ какъ увеличенія жизненныхъ средствъ, такъ и обогащенія правящихъ классовъ. Такимъ образомъ монголамъ не чужда была идея завоевателей—сохранять населеніе для извлеченія болѣе продолжительныхъ выгодъ, въ видѣ разнаго типа даней. Проходя по странѣ уже заселенной, они истребляютъ лишь населеніе сопротивляющееся; тутъ у кочевниковъ разгораются дикія свойства и они являются беспощадными; населеніе-же мирно-подавленное они не только не истребляютъ, но даже оберегаютъ: такъ Батый «приде къ Володимерю, и взя и копьемъ и изби и не пада, такожь и градъ Галичь»²⁾), тогда какъ мирно подавшуюся землю болоховскую

¹⁾ Плато-Карпини. «Любопытнѣйшее путешествіе монаха францисканскаго ордена Жана дю Платъ-Карпина». Москва, 1800 г., стр. 19—21.

²⁾ Ипатск. лѣт. 1245 г., стр. 528, 1250 г., стр. 536.

³⁾ Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 523.

»оставили.... татарове, да имъ орють пшеницю и просо«¹⁾). На сколько можно возстановить по лѣтописи, завоеваніе монголовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1237 г. кочевья орды монголовъ достигли области половцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и отсюда стали посылать конные отряды въ лѣвобережныя земли южно-руссковъ²⁾); сопротивляющіеся города Переяславль, Черниговъ были взяты и разрушены, такая же участь постигла, можно думать, г. Глуховъ³⁾ и др. сѣверскіе города. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ монголы оставались на лѣвомъ берегу, не переставая, вѣроятно, опустошать сѣверную область до предѣловъ лѣсовъ, куда проникнуть мѣшала сама природа. Въ 1240 г. перешедши очевидно въ пунктѣ постоянного перехода всѣхъ предшествовавшихъ кочевниковъ, ниже впаденія Десны въ Днѣпръ⁴⁾), монголы подошли къ Киеву со всѣми своими кочевыми обозами⁵⁾), взяли и разрушили сопротивлявшійся городъ, заочевали въ степяхъ на правой сторонѣ Днѣпра, а конныя военныя силы пошли во внутрь страны⁶⁾ и проникли даже за карпатскій хребетъ въ Венгрію: при этомъ одни города со всѣмъ населеніемъ были взяты и истреблены, какъ Колодяжный, Каменецъ, Володимерь, Галичъ⁷⁾), другіе устояли подъ напоромъ монголовъ, напр. Кременецъ, Холмъ, нѣкоторые были сохранены, какъ болоховскіе города: Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божьскій, Дядьковъ⁸⁾), наконецъ нѣкоторыхъ и не коснулось нашествіе, напр. Бакоты, Дрогичина, Пинска, и пр.⁹⁾). Черезъ два года

¹⁾ Ibid., 1241 г., стр. 526.

²⁾ »Батыевя-же вземши Козлескъ, и понде въ землю Половецкую. Оттуда же поча посылать на грады Руськые с. Ипатск. лѣт., 1237 г., стр. 520.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ См. глава 2-я »Смѣна народностей«, »Кіевская Старина« 1883 года, № 6-ой, стр. 415—416.

⁵⁾ »И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдаху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанья телѣгъ его, множества ревеня вельблудъ его и ржанья отъ гласа стадъ конь его. Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 522.

⁶⁾ У насъ нѣтъ фактическихъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ, что монголы вездѣ двигались цѣлою массою, всюю ордою со стадами и имуществомъ. *Даш-жесичъ*, »Бн. Дан. Галицк.«, стр. 84, *Антоновичъ*, »Кіевск. Стар.«, стр. 511.

⁷⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

⁸⁾ Ипатск. лѣт., 1241 г., стр. 526.

⁹⁾ Ibid., 1240 г., стр. 524, 525.

(въ 1243 г.) на возвратномъ пути изъ Угровъ татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше¹⁾, и всѣдъ за этимъ они en masse очевидно исчезаютъ въ степи въ своихъ кочевьяхъ, а Батый, завоевавшій южную Русь, удаляется въ свою ставку на Ахтубу, чѣмъ и заканчивается собственно завоеваніе южной Руси монголами, такъ какъ дальнѣйшіе набѣги татаръ (1255, 1259, 1260 и т. д.) имѣютъ, какъ увидимъ, совершенно другое значеніе. Города Руси, изъ которыхъ правили страню до этого времени князья, подчинились монголамъ, а черезъ это подчинилась имъ и вся страна. Умолчаніе лѣтописи, въ связи съ послѣдующими историческими событіями, и указанная нами выше топографическія условія Карпатскихъ горъ и Полѣсья, гдѣ природа ставитъ на каждомъ шагу непреодолимые препятствія не только для движенія кочевыхъ массъ, но даже и кочевыхъ отрядовъ, — заставляютъ думать, что такъ называемое ›нашествіе монголовъ‹ не коснулось непосредственнаго населенія этихъ областей²⁾, нѣтъ также данныхъ, показывающихъ, что монголы проникали за Днѣстръ, въ такъ называемое Подгорье (округи коломыйскій, станиславовскій, стрыйскій и отчасти самборскій); потому, какъ уже и говорили мы, сохранилось населеніе воыно-подольскихъ областей, принадлежавшихъ болоховскимъ городамъ. Въ остальныхъ областяхъ южной Россіи пострадали прежде всего и болѣе всего города и ихъ обитатели, а также то вблизи живущее населеніе, которое искало спасенія въ стѣнахъ города. Расположеніе городовъ обуславливало главнымъ образомъ направленіе пути для движенія кочевниковъ; остальные поселенія едва-ли служили цѣлью нападеній, а захватывались развѣ по пути. Къ городамъ болѣе всего и относится извѣстіе Плато-Карпини, что большая часть руссовъ была побита и уведена въ плѣнъ татарами³⁾. Истребленіе сопротивлявшагося городского населенія и ихъ имущества, а равно и встрѣчен-

¹⁾ Ibid., 1243 г., стр. 528.

²⁾ Мнѣніе, что Шейбанъ, братъ Батыя, и Кайданъ, полководецъ его, раззорили въ 1240 г. Пинскъ, Новогрудокъ и др. города и села Полѣсья... но были разбиты около Мозыря литовскимъ княземъ Эрдвиломъ (Николай архимандритъ, ›Историко-Статистическое описаніе минской епархіи‹. Спб. 1864 г., стр. 12) мало вѣроятно, особенно въ опредѣленіи времени.

³⁾ Максимовичъ, ›Собраніе сочиненій‹, т. I, стр. 133.

наго видѣ городскаго поселенія, было страшное ¹⁾, а много жителей было захвачено въ плѣнъ и частію увлечено въ качествѣ войска завоевателей ²⁾, частію выведено въ степи ³⁾, за предѣлы южной Россіи. Однако нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ, хотя и неясныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, которыя говорятъ намъ, что часть населенія бѣжала, по выраженію Воскресенской лѣтописи, »въ дальнія страны« ⁴⁾, какими были прежде всего Венгрія, Польша, а также Литва и сѣверо-восточная Русь. Удалялись изъ страны, конечно, особенно князья, бояре и высшее духовенство—классы, обладавшіе средствами для быстрого и далекаго передвиженія ⁵⁾. Можно думать, что выселилось изъ южной Руси все иноземное населеніе: какъ торгово-промышленники, иноземцы обладали средствами для передвиженія, не связаны были органически со страной на столько, чтобы жертвовать собой въ защиту ея, а если часть иностранцевъ не успѣла удалиться, то, проживая главнымъ образомъ въ большихъ

¹⁾ Вотъ какую картину рисуетъ лѣтописецъ: »Данилови-же со братомъ пришедшу къ Берестью, и не возмогша ити въ поле стради ради множества избіенныхъ, не бѣ бо на Володимерѣ остался живой, церкви святой Богородицы исполнена быша трущя и тѣлесъ мертвыхъ«.—Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 526.-- О томъ-же говорить и замѣтка Плато-Карпинн, что, проѣзжая скоро послѣ нашествія монголовъ, онъ видѣлъ въ степи множество череповъ и костей человѣческихъ. Дашкевичъ, стр. 84.

²⁾ Въ войскѣ, осаждавшемъ замки въ Венгріи и Польшѣ, находились плѣнные руссы, половцы и угры.—Илов. т. II, стр. 392.

³⁾ Посолъ французскаго короля Людовика IX (въ 1253 г.) и его товарищи слышали, что русскіе пасли стада въ кочевьяхъ монголовъ (Илов., 402). То же посольство, на пути отъ Дона до Сарая, было въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ, ибо многіе бѣдники переселенные татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Алавіи, соединялись по 20—30 человѣкъ и по почамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго (Ibid., стр. 403).

⁴⁾ *Житецкій*. »Очеркъ звуковой исторіи«, стр. 283; *Дашкевичъ*, стр. 84—85.

⁵⁾ Михаилъ, князь черниговскій, при появленіи татаръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, бѣжалъ въ Угрію, а »потомъ до ляговъ (Ипатск. лѣт. 1238 г., стр. 521) со своей семьей, людьми и товаромъ« (522). Въ 1241 г. князь Даниль на пути изъ Венгріи въ Польшу на р. Полцѣ встрѣтилъ свою »родицу« (брата, дѣтей, княгиню), »яко вышли суть изъ русское землѣ въ лязы предъ безбожными татарами« (Ипатск. лѣт. 1240 г., 524). Около того-же времени переселились, вѣроятно, черниговскіе бояре (ibid., 525 и пр.).

городахъ, которые подверглись разоренію, она была истреблена. Однако и рядовое славяно-русское населеніе, какъ городское, такъ и вѣ живущее, не только въ сѣверной, но и въ южной полосѣ, сохранилось въ значительномъ количествѣ: оно если не могло удалиться, за нѣкоторыми исключеніями, за предѣлы страны, то спѣшило укрыться въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, пещерахъ¹⁾ и т. п. недоступныхъ для кочевниковъ мѣстахъ. Даніилъ въ синеводскомъ монастырѣ, въ Карпатскихъ горахъ, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ«²⁾; часть удалившихся изъ Кіева монаховъ укрылась въ волынскихъ лѣсахъ и основала тамъ почаевскую лавру³⁾; много населенія спасли лѣса и болота Полѣсья (Чернигово-Сѣверскъ, Кіево-Минскъ и пр.), а равно и недоступныя для воеводъ мѣста въ самой южной полосѣ. Дѣло въ томъ, что южно-руссы привыкли уже укрываться отъ набѣговъ кочевниковъ: хозарь, печенѣговъ, половцевъ и т. д.; самое появленіе монголовъ не было внезапное: предварительно были истреблены военныя силы южно-руссовъ на Калкѣ, разорена и опустошена сѣверо-восточная Русь; наконецъ переходъ за Днѣпръ совершился лишь на третьемъ году послѣ появленія монголовъ въ области южной Руси; за это время сдѣлалась извѣстна какъ сила монголовъ, такъ и ихъ умѣнье брать города, и потому, если скоплялось населеніе въ такъ хорошо защищаемыхъ городахъ, какъ Кіевъ, Кременчугъ и др., то несчастный опытъ Сѣверщины, города которой были разрушены, долженъ былъ послужить урокомъ, чтобы предпочитать городу болота и лѣса; наконецъ въ города и не могло сбѣжаться все населеніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ поступало сельское населеніе въ болѣе доступное по свѣдѣніямъ время: въ случаѣ нападенія часть населенія бѣжала въ городъ, другая часть, по выраженію г. Шараневича, »утѣкала въ лѣсы, яскинѣ и въ подземніи дыры«, въ недоступныя мѣста »межи багна и мочары« и скрывалась тамъ съ родиною и остаткомъ добытву⁴⁾, какъ передъ та-

1) *Иловайскій*, 387, *Костомаровъ*, »Монографія«, т. I, стр. 218.

2) *Ипатск. лѣт.*, 1240 г., стр. 523.

3) *Дашкевичъ*, стр. 88.

4) *Шараневичъ*, »Исторія Галицко-Владимірской Руси, стр. 356, 399.

тарами, такъ и передъ поляками и литовцами¹⁾, а по отходѣ враговъ возвращалась изъ убѣжищъ на старыя жилища²⁾. Но лучшимъ основаніемъ для вывода, что значительная часть населенія осталась и во время погрома монгольскаго внутри³⁾ страны, служить сравнительная быстрота появленія населенія въ раззоренномъ краѣ. Въ областяхъ Галиціи, сѣверной половины Волыни, на Подлясѣ, въ предѣлахъ пинскаго и туровскаго княжества, непосредственно за удаленіемъ монголовъ жизнь политическая забила полнымъ ключемъ⁴⁾ (княженіе Данила Галицкаго); но не остались пустыней Кіевщина, Черниговщина и Подолія—области наиболѣе пострадавшія. Явились въ Кіевъ, а также и въ Черниговъ⁵⁾ князья, а также и люди, еже бѣху разбѣглися на чужей землѣ, придоша на свою землю⁶⁾. Около 1245 г. Плато-Карпини нашель Кіевъ бѣднымъ городомъ, но въ немъ былъ и тысяцкій, и бояре кіевскіе, и около 200 дворовъ жителей⁷⁾; съ 1243 г. и почти до конца XIII ст. въ немъ проживаютъ безъ перерыва князья⁸⁾; продолжаютъ существовать главные кіевскіе монастыри и церкви: кіево-печерская лавра, выдубецкій монастырь, софійскій соборъ и пр.⁹⁾; населеніе было и

¹⁾ Ibid., стр. 356, 399, 400, 420, 425 и пр.

²⁾ Г. Самоковасовъ говоритъ: > какъ до татаръ народъ искалъ спасенія въ совѣстной общинной жизни, въ стѣнахъ городовъ, такъ послѣ татаръ сталъ искать его въ разрозненности—въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ до татаръ, въ случаѣ опасности народъ бѣжалъ въ стѣны города, такъ послѣ татаръ въ подобныхъ случаяхъ онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсахъ и болотахъ (162). Но есть и другое мнѣніе, что уже въ первое нашествіе татаръ 1241 г. < жители оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронились за багнами и мочарами <. Шараневичъ, стр. 88.

³⁾ Не слѣдуетъ забывать словъ, которыя говорилъ Дмитрій, тысяцкій кіевскій Батыю, раззорившему Сѣверщину, Кіевщину, Волынь и пр. > Не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже понти, аще ли умешкаешь, земля ти есть сыльна; соберутся на тя и не пустятъ тебѣ въ землю свою <. — Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

⁴⁾ Антоновичъ, > Кіевъ < и проч., стр. 4; Дашкевичъ, стр. 87.

⁵⁾ Житецкій, стр. 283.

⁶⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

⁷⁾ Максимовичъ, т. I, стр. 133; Иловайскій, стр. 394.

⁸⁾ Антоновичъ, > Кіевъ < и проч., стр. 4—5.

⁹⁾ Ипатск. лѣт., 1250 г., стр. 535; Максимовичъ, стр. 133, Антоновичъ, > Кіевъ < и проч., стр. 5.

виѣ Кіева, въ селахъ¹⁾). На значительную населенность кievской области въ XIII ст. указываетъ фактъ перехода въ XIV ст. 1700 князятъ и дѣтей боярскихъ въ московскимъ князьямъ²⁾). Присутствіе южно-русскаго населенія непосредственно послѣ перваго нашествія татаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра видно изъ факта возвращенія Ростислава въ Черниговъ въ 1240 г.³⁾, а также изъ извѣстной поѣздки Михаила въ Сарай за полученіемъ ярлыка на черниговское княженіе⁴⁾). Хотя скоро чернигово-сѣверская земля теряетъ политическую самостоятельность, но сѣверныя ея части, очевидно заселенныя тогда, применили въ возвысившемся въ то время Брянску⁵⁾; видно, сѣверское населеніе, оставшееся послѣ нашествія монголовъ, подвинулось на сѣверъ, въ лѣсную область и продолжало держаться тамъ, такъ какъ на югѣ, въ нижнемъ Подесеньѣ и Посемьѣ населенію мѣшали близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ край естественныхъ средствъ защиты⁶⁾). Что касается Подолія (или Понизья), то хотя этотъ край дѣйствительно пострадалъ и здѣсь не осталось ни одного города ни деревомъ рубленаго, ни каменными стѣнами укрѣпленнаго⁷⁾, но есть основаніе предполагать и здѣсь остатки славяно-русскаго населенія: непосредственно за первымъ нашествіемъ въ Подолію является оригинальное татарское устройство съ атаманами⁸⁾ и пр., и потомъ поселившіеся здѣсь

¹⁾ Въ 1246 г. Плато-Карпиня отъ первой татарской заставы на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремса, ѣхалъ до Кіева шесть дней. На этомъ разстояніи и ниже селенія Канавы (Канева) были подобныя-же селенія (vilae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественниковъ до татарской заставы. Это очевидно было на пространствѣ между рѣками Росью и Тясьминою, на которомъ были уже города и селенія русскіе, въ томъ числѣ и Боровой, вполн. Боровица.—Максимовичъ, стр. 135.

²⁾ Ibid., 136.

³⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

⁴⁾ Ibid., 1245, стр. 528.

⁵⁾ Багалъя, 307—309.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Шараневичъ, стр. 88.

⁸⁾ У Daniłowicz'a по поводу пораженія княземъ Ольгердомъ татаръ при Снягѣ Водахъ говорится: сіи три брата татарскіе князья отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани, а баскаки, приезжаячи отъ нихъ, у атамановъ имывали изъ Подольской земли дань.—Daniłowicz, Latopisiec Litwy

татары оказываются обрусѣвшими¹⁾. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, южная Русь при первомъ нашествіи монголовъ не обезлюдѣла, а сохранила въ значительной степени коренное славяно-русское населеніе, хотя и не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. Густота населенія понижалась по направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: южная черноземная полоса потеряла больше, чѣмъ сѣверная лѣсная, и далѣе восточная половина южной полосы болѣе, чѣмъ западная. Изъ всѣхъ областей южной Россіи черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ: менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе г. Костомарова, что > въ Руси едва-ли осталась десятая часть прежняго населенія <. Затѣмъ чувствительныя потери населенія понесены были южною половиною кіевской области и подольской. Послѣднія области продолжали терять свое осѣдлое населеніе и послѣ перваго нашествія монголовъ, благодаря тому обстоятельству, что онѣ примыкали непосредственно къ кочевьямъ татарскихъ ордъ, расположившихся въ степяхъ на всей южной и восточной границѣ Руси отъ Днѣстра и далѣе на востокъ за Волгу. Близость кочевыхъ ордъ, отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты, конечно, все это не способствовало развитію благосостоянія въ такихъ странахъ, какъ Подолье, южная часть Кіевщины (Поросье), Посемье и нижнее Подесенье, гдѣ населеніе должно было постоянно бѣгать въ лѣса, а потому послѣднее постепенно выселяется изъ этихъ мѣстъ: колонизація южно-русская во второй половинѣ XIII ст. направляется *на западъ*—въ области галицко-волинскія и далѣе за Карпаты, *на сѣверъ*—въ Полѣсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождающейся московской Руси. Галицко-волинскія области, какъ самыя безопасныя среди прочихъ южно-русскихъ областей, несомнѣнно привлекали славяно-русское

i kronika Ruska, стр. 50, по Новицкому > Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ <. Кіевъ. 1876 г., стр. 31.

¹⁾ Антоновичъ, > Исторія Великаго Вяжества Литовскаго <, стр. 147 и 149.

населеніе изъ другихъ районовъ, какъ въ видѣ князей¹⁾, бояръ²⁾, такъ и изъ среды рядового населенія. Извѣстенъ фактъ, что къ Данилу бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе падать при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ³⁾. Были въ галицко-волинской землѣ и насильно переселенные южно-русссы изъ другихъ областей: по взятіи и разрушеніи Дзвятля, Даниль *»юде изведе* и вдасть я на надѣль ово брату, ово же Львови, другія Шварнови⁴⁾. Благодаря переселенію славяно-русскаго населенія въ предѣлы галицко-володимірской территоріи, эта область со временъ монгольскаго нашествія удерживаетъ за собою преимущественное названіе *»Руси* *», Русской земли* *«*.

Другимъ пунктомъ, куда направилась тогда же колонизація южныхъ славяно-русссовъ, были области литовскихъ поселеній⁵⁾. Славяно-русссы *»утисни*, по выраженію г. Шараневича, подъ ярмомъ татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои отцѣвства и переходили въ великомъ множествѣ въ сосѣдственную Литву, строили себѣ жилища и православныя церкви и распространяли свои поселенія далеко за правый берегъ Вилии въ самую глубь Жмуди⁶⁾.

Чѣмъ далѣе къ XIV в., тѣмъ наплывъ русскаго населенія возрасталъ, особенно въ ятвяго-русской области⁷⁾, нынѣшней малорусской части Гродненской губерніи.

¹⁾ *»* Князь зъ роду Ольговичей, черниговскій, Василій и Мстиславъ Глѣбовичи бѣжали передъ татарами въ Галицко-Володимірскую Русь и вступили въ службу Данила. Мы срѣтили ихъ яко вождей и хорообрыхъ борцей въ ополченіи Данила передъ Ярославлемъ *«*. Шараневичъ, стр. 92.

²⁾ Галицкіе бояре *»* вошли съ черниговскими боярами въ porozumѣnye, призвали ихъ въ Галичъ и пороздавали *боярамъ* и *хлопамъ* княжескіе города и области *«*. Шараневичъ, стр. 84.

³⁾ Дашкевичъ, стр. 93.

⁴⁾ Ипатск. лѣт. 1258 г., стр. 556.

⁵⁾ Ibid., 1259 г., стр. 558.

⁶⁾ *»* Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края *«*, XXVI.

⁷⁾ Акты, изданные комиссіей въ Вильнѣ, т. I, стр. 2—Шараневичъ, стр. 118.—Кукольникъ, *»* Историческія замѣтки о Литвѣ *«*. Вильна. 1864 года, стр. 10.

⁸⁾ Кукольникъ, стр. 37. *»* Историческія замѣтки о Литвѣ *«*.

Менѣе интенсивно переходило южно-русское население въ сѣверо-восточную Русь, которая тогда еще сама страдала отъ татарскихъ и другихъ бѣдъ и не могла представить прочной гарантіи въ безопасности населенія. Главнымъ образомъ въ сѣверо-восточную Русь перешло то южно-русское население чернигово-сѣверской области, которое не успѣло укрыться за Днѣпръ¹⁾; изъ другихъ частей южной Россіи переселялось туда главнымъ образомъ высшее духовенство, князья и бояре. Въ 1299 г. татары творили великое насиліе въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не могъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ клиросомъ своимъ и со всею службою своею отоишолъ черезъ Брянскъ и Суздаль во Владимиръ Клязменскій²⁾. Въ началѣ XIV в. вызванъ былъ московскимъ княземъ на службу кіевскій вельможа Родіонъ Несторовичъ, вышедшій съ 1700 княжатъ и дѣтей боярскихъ³⁾. Къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины заустѣли и нѣтъ признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ курской губерніи⁴⁾, въ степномъ районѣ черниговской и полтавской по Сулѣ, Сейму и нижней Деснѣ⁵⁾; почти въ такомъ-же состояніи оказались и степныя области кіевской, волынской и подольской губерній. Въ выше лежащихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ населеніе пополнялось притокомъ новой колонизаціи, но оно постоянно и систематически въ свою очередь разрѣжалось⁶⁾ спорадическими набѣгами татарскихъ ордъ⁷⁾, которыя похищали, рѣзали, палили, раззоряли⁸⁾.

Кромѣ измѣненія направленія южно-русской колонизаціи, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, а чрезъ это насильственнаго задержанія славяно-руссовъ въ томъ районѣ ихъ

¹⁾ Шараневичъ, стр. 120 и 124.

²⁾ Максимовичъ, т. I, стр. 136.

³⁾ Багалъй, стр. 308.

⁴⁾ Германовъ, стр. 2; Багалъй, Ibid.

⁵⁾ Въ 1283 г. по отшествію Телебузинѣ и Ногаевѣ Левъ князь соче, колко погубло во его землѣ людей, што поизано, избито и што ихъ Бюжню волю измерло полѣтретинадесять тысячъ с. Ипатск. лѣт., стр. 589.

⁶⁾ Въ 1253, 1258, 1259, 1260, 1261, 1277, 1281, 1283 годахъ и т. д.

⁷⁾ Шараневичъ, стр. 88.

территоріи, изъ котораго они постоянно стремились расселиться внизъ по теченію пересѣкающихъ ихъ страну рѣкъ,—монгольская эпоха оказала и другія вліянія на этнографическія судьбы кореннаго населенія. Прежде всего въ это время докончилось то этнографическое объединеніе южно-русовъ, процессъ котораго отмѣтили уже мы въ періодъ княжескихъ междоусобій. Политическіе областные центры или исчезли совершенно, или же ослабѣли до неузнаваемости (Черниговъ, Кіевъ, Каменецъ и пр.), княжескіе роды, подерживавшіе традицію удѣловъ и областей, ступевались передъ могуществомъ сарайскаго правителя Руси и силою волино-галицкаго рода, наконецъ перемѣщеніе населенія, обитаніе его на сравнительно меньшей территоріи, слѣдовательно подъ менѣе разнообразнымъ вліяніемъ разъединяющихъ географическихъ условій, и единеніе въ виду общаго врага—монголовъ—все это неизбежно служило въ теченіи почти столѣтія монгольской эпохи къ стиранію областныхъ особенностей въ южныхъ славяно-руссахъ. Тогда-же заложено было и основаніе той оригинальности въ сословномъ организмѣ южно-русовъ, съ какою они существуютъ и въ наше время—это отсутствіе національнаго городского сословія. Какъ мы уже и говорили, при нашествіи монголовъ главнымъ образомъ пострадали города и городское населеніе, такъ что XIII в. можетъ быть обозначенъ, какъ періодъ упадка южно-русскихъ городовъ по преимуществу, ибо возникавшіе въ волино-галицкой землѣ и достигшіе цвѣтущаго состоянія города не имѣли, какъ увидимъ, этнографическихъ чертъ кореннаго населенія. Въ разрушенныхъ и обезсиленныхъ городахъ погибло нарождавшееся ремесленно-торговое населеніе, исчезли дружины княжескія и ослабѣло мѣстное духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены или устремились на другія цѣли¹⁾; задержано было матеріальное и умственное процвѣтаніе въ южной Руси и само собою пріостановилось широкое развитіе русскаго слова²⁾. Наконецъ занявшіе своими кочевьями нижнее теченіе главныхъ рѣкъ южной Россіи: Днѣпра, Буга и Днѣстра монголы прекратили живыя и разнообразныя сношенія южно-русскаго населенія

¹⁾ *Житєцкій*, стр. 49.

²⁾ *Ibid.*, стр. 276.

съ греческимъ византійскимъ міромъ, а черезъ это увеличилось сношеніе и взаимодѣйствіе славяно-русовъ между германо-романскимъ міромъ, нивелируемымъ тогда особенно римскимъ католичествомъ. Древняя Русь (что мы уже видѣли) вообще не чуждалась запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія, но особенно часты были сношенія, конечно, въ пограничныхъ съ нимъ Галиціи и Волыни. Съ сосредоточеніемъ политической жизни южной Руси въ этихъ областяхъ и съ прекращеніемъ уравнивающимъ значенія въ торговлѣ и въ политическихъ связяхъ и сношеніяхъ Византіи, западъ приобретаетъ особенную силу. Къ тому же западная Европа въ это время для населенія южно-русскаго не только стала просвѣтительнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ, но представляла изъ себя и ту политическую силу, на которую только и можно было разчитывать, какъ на опору противъ нападенія монголовъ: на послѣднее особенно указываетъ извѣстная исторія сношеній Данила Галицкаго съ папою ¹⁾. Если въ XIII в. и не видно еще особенныхъ результатовъ этого западно-европейскаго вліянія на южную Русь, то во всякомъ случаѣ въ это время создались тѣ условія, которыми впоследствии воспользовались западно-европейскіе элементы для своего воздѣйствія на южно-русское населеніе: культура края начала съ этого момента развиваться подъ западнымъ вліяніемъ ²⁾ и въ ростѣ ея культурномъ и сословномъ нельзя не замѣтить параллелизма съ западной Европой.

Таковы общіе результаты вліянія монгольскаго нашествія на этнографическія судьбы южной Руси; что-же касается до этнологическаго взаимодѣйствія татаръ и южно-русовъ, то объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

¹⁾ *Дашкевичъ*, стр. 95, 99, 102.

²⁾ *Ibid.*, стр. 94.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Не возможно излагать исторію запорожскаго козачества, не касаясь исторіи южно-русскаго козачества вообще. Запорожское козачество составляет только частный фактъ въ явленіи южно-русской козачины; обособилось оно въ отдѣльный типъ только послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ этой послѣдней.

Поэтому, прежде чѣмъ станемъ изслѣдовать причины и условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилось запорожское козачество, намѣтимъ въ общемъ главнѣйшія черты, характеризующія все южно-русское козачество.

Козачество—явленіе общерусское. Съ XV вѣка встрѣчается оно на территоріи какъ московской, такъ и литовской Руси. Слово »козакъ«, перешедшее отъ татаръ и обозначающее у нихъ нижній классъ свободнаго военнаго сословія, не вездѣ въ русско-славянскомъ мірѣ выражало одно и тоже понятіе. Можно установить два различныхъ значенія этого слова. Оно обозначало челоуѣка свободнаго, исполняющаго обязанности военной пограничной службы: таковы были козаки, упоминаемые въ лѣтописи въ началѣ XV вѣка въ рязанской землѣ¹⁾; такое-же значеніе имѣли извѣстные съ послѣдней четверти XVI столѣтія донскіе козаки²⁾. Но было и другое значеніе слова »козакъ«: оно обозначало еще свободнаго мелкаго земельнаго собственника. Такъ, изъ дову-

¹⁾ Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 192, годъ 1444.

²⁾ Kronika Bielskiego, Kraków, 1597 г. 719 стр.

ментовъ, относящихся въ 1530-мъ годамъ, видно, что въ смоленской области были козаки—свободные хлѣбопашцы, бѣжавшіе изъ московскаго государства, изъ подъ Торопца, въ Литву¹⁾. Число козаковъ въ смоленской области было значительно. Во время войны Польши съ московскимъ государствомъ въ 1580 году Филонъ Кмита, бывшій въ то время воеводой смоленскимъ, дѣйствовалъ противъ московскихъ войскъ, имѣя у себя до 2,000 козаковъ, набранныхъ въ смоленской области²⁾. Такіе свободные мелкіе землевладельцы, по недостаточности земельныхъ участковъ, нерѣдко занимались различными торговыми промыслами, а главнымъ образомъ извозомъ соли. Иногда они брались и за другія занятія. Такъ, въ XVI вѣкѣ козаками назывались свободные рабочіе на волжскихъ судахъ³⁾. Упоминаются также въ XVI вѣкѣ полоцкіе козаки: эти, какъ и тѣ, что находились въ смоленской области, были правдоподобно мелкими земельными собственниками, отправлявшими въ случаѣ надобности военную службу. Козаки полоцкіе въ 1579 г. овладѣли небольшимъ московскимъ укрѣпленіемъ Нещердою⁴⁾. Такимъ образомъ, какъ въ московской, такъ и въ литовской Руси, въ областяхъ порубежныхъ, принадлежавшихъ съ XV вѣка то тому, то другому изъ этихъ центровъ русскихъ земель, были козаки не несшіе постоянной военной службы и представлявшіе собою малоземельное свободное сословіе.

Съ достовѣрностію можно полагать, что въ названныхъ русскихъ областяхъ козачество не имѣло исконнаго, въ татарскомъ смыслѣ наѣздническаго характера въ силу условій мѣста. Здѣсь русско-литовскія области примыкали къ русскимъ-же московскимъ областямъ; народъ осѣдлый былъ въ сосѣдствѣ съ народомъ осѣдымъ-же; вооруженныя столкновенія между великими княжествами московскимъ и литовскимъ происходили не часто. Такимъ образомъ козаки здѣсь были обставлены совершенно другими условіями, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были въ сосѣдствѣ съ кочующими татарами. Въ этихъ послѣднихъ земляхъ татары могли явиться для грабежа и опусто-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I-я, № 105.

²⁾ Kronika Bielskiego, 775.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. IX, изд. 1870 г.

⁴⁾ Kronika Bielskiego, 768 стр.

шеній во всякое время; поэтому тамъ необходимы были козаки—воины. И козачество въ такихъ земляхъ дѣйствительно являлось козачествомъ въ подлинномъ, татарскомъ смыслѣ этого слова. Козаки здѣсь всегда должны были быть на готовѣ отражать татарскія вторженія; при томъ же они, отплачивая татарамъ тѣмъ же, естественно могли предпринимать наѣзды и на татарскія земли¹⁾.

Такимъ образомъ татарское слово ›козаць‹, перенесенное на русскую почву для обозначенія факта, по всей вѣроятности аналогичнаго съ тѣмъ, какой обозначался этимъ словомъ у татаръ, съ теченіемъ времени въ русскихъ земляхъ двоятся въ своемъ значеніи. Козаки въ земляхъ, открытых для нападенія татаръ, составляютъ особое военное сословіе; въ другихъ-же земляхъ пограничныхъ, гдѣ наличныя условія не требовали ни защиты, ни нападеній, козаками назывались просто свободные мелкіе собственники, случайно принимавшіе участіе въ войнѣ. Слово ›козаць‹ теряетъ здѣсь свой первоначальный смыслъ; подлинное козачество, если и было когда-нибудь въ этихъ земляхъ, къ концу XVI вѣка отошло въ область преданія; реальныя условія жизни обратили козакъ въ обыкновенныхъ свободныхъ поселянъ, которые помимо указанныхъ уже занятій являлись иногда въ литовской Руси въ качествѣ иррегулярныхъ отрядовъ при войскѣ. Такъ, въ 1581 году, при движеніи войска Рѣчи-Посполитой подъ Ржевъ, козаки вмѣстѣ съ татарами, расположившись по обѣ стороны главной арміи, одни по одной сторонѣ, другіе по другой, опустошали непріятельскую землю²⁾. Кромѣ того, козаки въ литовской Руси состояли иногда на службѣ у частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми выступали и въ походы. Такъ Бѣльскій, перечисляя военныя силы Рѣчи-Посполитой, участвовавшія въ походѣ подъ Данцигъ, упоминаетъ о козакахъ Струсовыхъ, Темрюковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ³⁾.

Что-же касается характера южно-русскаго козачества, уже существующаго въ концѣ XV в. въ южныхъ порубежныхъ земляхъ литовской Руси, то козачество это принадлежало къ первому типу

¹⁾ Kronika Bielskiego, 719 стр.

²⁾ Тамъ-же, стр. 783.

³⁾ Тамъ-же, стр. 746.

козачины въ русско-славянскихъ земляхъ. Южныя украинныя земли литовской Руси, граничившія съ татарами, подвергались постояннымъ вторженіямъ этихъ послѣднихъ, и потому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ русско-славянскаго міра, гдѣ нужно было вести борьбу съ татарами, должно было возникнуть козачество. Но помимо вліянія этой главной причины, южно-русское козачество складывалось и развивалось еще подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ факторовъ, сообщившихъ ему особую фізіономію. Особенности мѣста его распространенія, особенности внутреннихъ распорядковъ великаго княжества литовскаго, въ предѣлахъ котораго оно возникло, и наконецъ этнографическія особенности югозападныхъ русскихъ славянъ обусловили собою особый бытъ и особый внутренній строй южно-русскаго козачества. Благодаря именно этимъ частнымъ условіямъ, оно со ступени незначительнаго сословія, жившаго промыслами и войной съ татарами, поднялось на высокую ступень цѣлаго народа, ознаменовавшаго себя многими знаменитыми дѣяніями и имѣвшаго свою славную исторію.

Плодородныя южныя окраины литовской Руси, обезлюженныя татарскими нашествіями, въ XV вѣкѣ представляли степную полосу и лежали почти пустопорожними. Въ это время очень немногія мѣста степной полосы были заселены. Значеніе прежнихъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь городовъ пало; населеніе внѣ городовъ не существовало вовсе. Все населеніе края въ эту пору сосредоточивалось только въ немногихъ городахъ—острогахъ. Такими городскими укрѣпленіями въ концѣ XV в. были Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Хмельникъ, Баръ, Винница и Брацлавъ; только въ половинѣ XVI в. возстановлены еще два: Звенигородъ и Переяславъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были довольно оригинальнаго происхожденія. Такъ городъ Черкасы построенъ при Витовтѣ^{*)}, который осадилъ здѣсь пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ съ крайняго юговостока Европы^{*)}. Каневъ же около этого времени заняли выходцы изъ нынѣшней Полтавщины, совершенно беззащитной въ

*) Въ описаніи каневского замка неточно сказано при Гедиминѣ.

*) Описаніе каневского замка; рукопись литовской метрики; Антоновичъ, Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, стр. 62—63.

то время противъ татарскихъ вторженій¹⁾). Къ каждому изъ городовъ, находящихся въ степной полосѣ, были приписаны громадныя пространства земли, которыя въ началѣ XVI в. оставались совершенно пусты. Немногочисленное населеніе этихъ городовъ, большею частію мѣщане, занималось промыслами и торговлею; только въ лѣтнее время расходилось оно по этимъ землямъ на промыслы звѣринные, рыбные и бобровые. Между тѣмъ плодородная степная полоса литовской Руси не могла остаться безъ насельниковъ: населеніе, оставившее прежде этотъ край вслѣдствіе грозныхъ татарскихъ нашествій, въ лицѣ своихъ потомковъ такъ или иначе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ближайшихъ причинъ, должно было снова занять его. Въ дѣлѣ вліянія мѣста распространенія южно-русскаго козачества на его отличительныя черты важное значеніе имѣло то обстоятельство, что за такъ называемой Украиной, т. е. за староствами черкасскимъ, каневскимъ, бѣлоцерковскимъ, хмельнискимъ, барскимъ, винницкимъ, брацлавскимъ, звенигородскимъ и переяславскимъ, въ сторону юга, лежали обширныя степи, совершенно дикія, безъ малѣйшихъ признаковъ осѣдлаго существованія обитателей. Этотъ обширный край, протянувшійся отъ Орели, Тясмина и Синюхи до самаго Чернаго моря, былъ обладаемъ татарами, если только обладателями можно считать полудикія татарскія орды, непрерывно мѣняющія свои кочевья и главнымъ образомъ занимавшія южный, примыкающій къ Черному морю край этого степного пространства. Природныя богатства степей и то обстоятельство, что онѣ неустойчиво были занимаемы татарами, издавна привлекали сюда энергичныхъ насельниковъ Украины. Какъ можно заключать изъ документальныхъ данныхъ, движеніе украиннаго населенія направилось сюда задолго до 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія²⁾). Обширность этого края, близость татаръ и относительная немногочисленность являющихся сюда поселенцевъ обусловили собою своеобразный полуоочевой характеръ колонизаціи, нашедшей здѣсь примѣненіе. Южныя украинныя земли литовской Руси начали вновь заселяться съ XV вѣка. Главнѣйшей причиной, вызывавшей это заселеніе, было то, что въ русскихъ

¹⁾ Описаніе каневского замка. Рукопись литовской метрики.

²⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 195.

областяхъ великаго княжества литовскаго, еще со времени правленія Витовта постепенно происходитъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Тотъ принципъ земельного владѣнія, который въ продолженіе вѣковъ существовалъ въ западно-русскихъ земляхъ, началъ колебаться подъ вліяніемъ литовскаго государственнаго принципа. Центральная власть великаго княжества литовскаго не считаетъ земли собственностію общины, какъ это было въ русскихъ земляхъ прежде, а смотритъ на землю, какъ на достояніе государства и раздаетъ ее тѣмъ, которые несутъ военную службу. Естественно, что при феодальномъ распорядкѣ, правоспособными нести военную службу скоро оказались только высшій и средній классы и поземельныя отношенія, регулируемыя литовскимъ феодальнымъ государственнымъ принципомъ, должны были вызвать стѣсненіе крестьянскаго сословія въ правѣ пользованія землею, повлекшее за собою постепенное обезземеленіе онаго. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ развитію козачества на южномъ рубежѣ этого княжества. Крестьяне, теряя земельныя права внутри государства, могли свободно пользоваться ими на южныхъ окраинахъ этого-же государства. Дѣло въ томъ, что западно-русскія земли мирнымъ путемъ соединились съ собственною Литвой подъ властію князей литовскаго корня и вытекавшій изъ литовскихъ юридическихъ понятій феодализмъ реформировалъ только поземельныя отношенія, вовсе не касаясь сословныхъ; вслѣдствіе этого крестьяне въ западно-русскихъ областяхъ, теряя прежнее право на землю, не теряли личной свободы и безпрепятственно на первыхъ порахъ могли переходить съ мѣста на мѣсто. Если крестьяне оставляли мѣста прежняго жительства, то въ этомъ случаѣ съ государственной точки зрѣнія не страдали ничьи интересы, и у правительства великаго княжества литовскаго не было побудительныхъ причинъ препятствовать крестьянскимъ передвиженіямъ. Напротивъ, для государства могло казаться выгоднымъ, чтобы безлюдная степная полоса, граничившая съ татарами, заселялась. Государство нуждалось въ защитникахъ страны отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ. Военныя силы великаго княжества литовскаго, по тогдашнимъ условіямъ военной организаціи, не были исполнѣ пригодны для этого дѣла. Въ

великомъ княжествѣ литовскомъ въ XV вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, а вооруженные контингенты поставлялись лицами, несущими обязанности военной службы, всякій разъ по особому распоряженію центральной власти. Если взять въ соображеніе, что такіе военные контингенты не могли быть выставлены вдругъ, а татарскіе набѣги совершались внезапно, то ясно, что для обороны страны отъ татарскихъ вторженій нужны были иные защитники.

Еще одинъ фактъ внутреннихъ распоряжовъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ способствовалъ тому, чтобы крестьяне, уходившіе изъ центральныхъ западно-русскихъ областей въ степную Украину, взяли на себя дѣло защиты страны отъ татарскихъ вторженій. Мы имѣемъ въ виду особенность экономического строя въ этомъ княжествѣ, продолжавшуюся до люблинской уніи (1569 г.). Особенность эта заключалась въ томъ, что земледѣіе здѣсь составляло второстепенную вѣтвь хозяйства, державшагося главнымъ образомъ на лѣсномъ промыслѣ. Поэтому украинныя черноземныя, пригодныя наибольше для пахоти земли въ данное время цѣнились весьма низко, и лица привилегированныхъ сословій, имѣющія права на владѣніе землей, старались получать себѣ земельные участки преимущественно въ центральныхъ областяхъ великаго княжества литовскаго, гдѣ характеръ мѣстности былъ лѣсной или болотистый¹⁾. Такъ какъ лица привилегированныхъ сословій избѣгали брать земельные участки въ Украинѣ, а между тѣмъ военныя силы здѣсь вслѣдствіе близости татаръ были необходимы, то правительство великаго княжества литовскаго на украинныхъ поселенцевъ возлагаетъ всѣ виды военной службы. Всѣ насельники украинныхъ городовъ отбываютъ то нѣкоторые, то всѣ существующія въ краѣ повинности воинскія. Они поставляютъ сторожу › замковую ‹, › городовую ‹, › польную ‹, они обязаны преслѣдовать уходящихъ съ добычею татаръ и предпринимать вмѣстѣ съ старостами или ихъ помощниками походы въ татарскія земли²⁾.

Чтоже касается особенностей этнографическихъ элементовъ, оказавшихъ вліяніе на складъ южно-русскаго козачества, то нужно

¹⁾ Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, стр. 2.

²⁾ Описанія украинныхъ замковъ; рукопись литовской метрики.

сказать, что элементы эти коренились глубоко въ жизни юго-западныхъ русскихъ славянъ, восходили къ отдаленнымъ преданіямъ кievской Руси съ ея общиннымъ началомъ, вѣчемъ и другими основами прежняго общественнаго устройства. Западно-русскія и южно-русскія земли, примкнувшія при Гедиминѣ и Витовтѣ къ литовскому центру, не могли, какъ мы уже отчасти видѣли на фактѣ переустройства земельныхъ отношеній, не подвергнуться чуждому вліянію господствующаго государственнаго племени. Козачество южно-русское и въ лицѣ тѣхъ выходцевъ изъ центральныхъ западно-русскихъ земель въ степную Украину, которые имѣли къ козачеству лишь косвенное отношеніе, въ смыслѣ подготовительнаго матеріала, и въ лицѣ уже прямо относящихся къ нему козаковъ украинныхъ, которые козаковали «на полѣ» за промыслами и на «низу» въ татарскихъ поселеніяхъ, было протестомъ противъ распоряжковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Какъ протестующій элементъ, козачество естественно стремилось найти новые устои для общественной жизни и очутившись на пустопорожнихъ земляхъ, внѣ сильнаго давленія государственнаго строя и основанныхъ на немъ распоряжковъ, могло оживить померкшіе идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправленія, общественнаго устройства.

Полки въ Украинѣ, курени въ Запорожьи, рады войсковыя—это такія формы общественныхъ отношеній, которыя могли возникнуть въ южно-русскомъ козачествѣ именно путемъ возвращенія къ преданіямъ вѣчевой и общинной древней Руси,—путемъ обнаруженія и осуществленія таившихся въ душѣ народа его завѣтныхъ идеаловъ.

Такимъ образомъ съ XV вѣка часть степной полосы великаго княжества литовскаго, воеводство брацлавское и южная часть воеводства кievскаго, заселяется поселенцами—воинами, послужившими основой для имѣющаго здѣсь развиться и разцвѣсти козачества южно-русскаго. Земли, прежде опустошенныя грозой татарскихъ нашествій, вновь принимаютъ насельниковъ. Западно-русская и южнорусская народности, реагируя на татарскія вторженія, примѣняясь къ условіямъ своего быта, выдѣляютъ каждая свои элементы для козачества.

Козаки украинные, как видно из документовъ, относящихся къ самому началу второй половины XVI в. ¹⁾, составляютъ въ украинскихъ старостахъ особое сословіе, отличное отъ сословія такъ называемыхъ бояръ и мѣщанъ. Первоначальные украинные козаки представляли въ степной полосѣ бродячій элементъ, не имѣющій постоянной осѣдности. Время отъ времени они появлялись въ украинскихъ городахъ въ качествѣ временныхъ посѣтителей. Въ описаніи черкаскаго замка, 1552 года, читаемъ: »окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бывають у нихъ (т. е. у черкасцевъ) прихожые козаки; сее зимы было ихъ разомъ о поль-третяста«. Точно также въ описаніи каневского замка, относящемся къ тому же времени, значится: »а кромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козакоевъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ не равно завжды, але яко которыхъ часоевъ«. Въ описаніяхъ украинскихъ замковъ мы встрѣчаемъ указанія и на родъ занятій козакоевъ. Тамъ говорится, что если черкасцы, или каневцы, или козаки добудутъ въ землѣ непріятельской такъ называемые »бутынки«, т. е. добычу, то обязаны давать старостѣ по его выбору одно что-нибудь лучшее изъ плѣнниковъ (»языковъ«), коней или другихъ какихъ-нибудь предметовъ. Есть и другое указаніе на занятія козакоевъ. Въ описаніи каневского замка въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о городскихъ уходахъ (владѣніяхъ) на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ теперешней Полтавщинѣ, прибавляется еще слѣдующее: »переказа уходомъ онимъ сѣверскимъ тыхъ часоевъ не только отъ татаръ, а большъ отъ своихъ козакоевъ, которые уставичне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетоевъ (?) и сытять тамъ себе медъ, яко дома«. Сверхъ того не будетъ, кажется, натажкой относить въ козакамъ и слѣдующее мѣсто изъ указаннаго уже описанія черкаскаго замка: »указаль (составлявшимъ описаніе) тежъ староста служебниковъ своихъ ездо зъ броней 50 молодцевъ приездчихъ, а тутошнихъ черкасцевъ и каневцевъ, которые ему съ дѣтку служатъ—11«... Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о »почетѣ служебниковъ старостинныхъ«, т. е. о числѣ лицъ, которые состоятъ на службѣ у старосты въ качествѣ добровольцевъ. Мы видѣли уже, что были козаки Струसेвы, Темрюковы и т. д. По довольно точной анало-

¹⁾ Тамже.

гн можно считать и этихъ служебниковъ старостинныхъ козаками. Въ пользу такого пониманія черкасскихъ »служебниковъ старостинныхъ« можно указать еще на то, что эти служебники выдѣлены въ описаніи отъ городскихъ служебниковъ вообще, имѣющихъ названіе драбовъ, которыхъ въ Черкасахъ было 100, и съ которыми ротмистръ Петръ Розбискій »ново тамъ присягнулъ«. Выдѣлены старостины служебники изъ »почета служебниковъ« въ особый »почетъ«, правдоподобно не потому только, что тѣ были пѣшіе, а эти конные, но и потому, что тѣ были обычнымъ войскомъ, дисциплина котораго была точно опредѣлена, а эти были охочимъ, »пріѣзжимъ« войскомъ, которое—хотѣло—служило, хотѣло—нѣтъ, т. е. было именно такимъ, какимъ козачество являлось всюду и всегда.

Первоначальное козачество, какъ особое сословіе въ украинскихъ старостахъ, характеризуется въ »Описаніи украинскихъ замковъ« еще слѣдующими важными указаніями. Въ описаніи черкаскаго замка говорится, что городу принадлежатъ нѣкоторыя озера, и затѣмъ прибавляется: »А ходять озеръ тыхъ волочити козаки съ Черкасъ«. Въ томъ-же описаніи говорится: »козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и тые дають старосте колядки (подать, взимаемая передъ Рождествомъ) по 6 грошей и сена косять ему по два дни толоками за его стравку и за медомъ. А которые козаки, не уходячи у козацтво на поле, а ни рекою у низъ, служатъ въ местахъ бояромъ або мешчаномъ, тыи колядки давати, або сена косити не повинни«. Изъ описанія-же каневскаго замка видно, что городскими уходами козаки пользовались на правахъ половинниковъ, т. е. имъ доставалась только половина того (рыбъ, бобровъ, меду), что они пріобрѣтали въ этихъ уходахъ; остальная-же половина отдавалась старостѣ.

Такимъ образомъ первоначальные украинные козаки характеризуются слѣдующими чертами: они, не имѣя осѣдлости, передвигаются съ мѣста на мѣсто и ютятся главнымъ образомъ или въ степи, гдѣ они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, занимаются пчеловодствомъ, или на низовьяхъ Днѣпра, гдѣ они сверхъ этого еще грабятъ татаръ; кромѣ того козаки — самый маломощный въ имущественномъ отношеніи классъ свободныхъ людей: они обязаны отбывать городскія повинности (колядка и толока), подѣ-

часть являются въ услуженіи у городскихъ бояръ и мѣщанъ, иногда ловятъ рыбу на старосту въ принадлежащихъ городу озерахъ или въ качествѣ половинниковъ пользуются городскими уходами.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ козачество становится фактомъ все болѣе и болѣе крупнымъ, явленіемъ все больше и больше замѣтнымъ. На пути къ козачеству, въ силу условій мѣста, находилось не мало лицъ и изъ украинскихъ бояръ и мѣщанъ. Неся повинности сторожевой службы, выдерживая частыя нападенія татаръ, постоянно воюя съ ними и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ войны, какъ-то: плѣну, потерѣ семьи и имущества, украинное боярство и мѣщанство въ свою очередь изъ среды себя выдѣляло людей, для которыхъ война являлась привычкою и какъ-бы потребностію жизни и которые становились козаками, т. е. людьми не имѣющими опредѣленной осѣдлости, а, какъ уже сказано, промышленяющими то ›въ полѣ‹, то на низовьяхъ Днѣпра.

Украинное козачество въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ сторонъ значительно видоизмѣнилось. Имѣя недостаточно ясную начальную исторію, которую мы посильно прослѣдили, козачество украинное обособилось потомъ въ два опредѣленные типа: козачество собственно украинное, такъ называемое городовое, и козачество низовое, въ собственномъ смыслѣ запорожское.

Что касается времени возникновенія запорожскаго козачества, какъ особаго типа, то оно явилось въ концѣ XVI столѣтія. До этого времени запорожскаго козачества въ собственномъ смыслѣ не было, было только украинное козачество вообще. Отдѣльныя лица или группы изъ этого козачества, то каневскіе, то черкасскіе, то бѣлоцерковскіе и т. д. козаки, а иногда и мѣщане съ боярами украинскихъ городовъ, время отъ времени для промысловъ и для вторженій въ татарскія и турецкія земли отправлялись на низовья Днѣпра, за пороги. Но эти козаки только временно козаковали на Запорожьѣ, устойчивая-же запорожская община возникла послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ украинскаго козачества,—она явилась только тогда, когда нѣкоторые эле-

менты силою обстоятельствъ должны были оторваться отъ осталнаго козачества.

Какъ и вслѣдствіе чего проявились въ украинномъ козачествѣ элементы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для возникновенія особаго запорожскаго товариства, можно видѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ начальной поры украиннаго козачества. Такъ, съ конца XV в. можно прослѣдить, хотя на первыхъ порахъ и нѣсколько не ясно, двоякое движеніе украиннаго козачества въ сторону Запорожья,—военное и промысловое. Въ 1489 году Янъ Ольбрахтъ, сынъ Казимира IV, впослѣдствіи король польскій, преслѣдовалъ ворвавшихся въ Подолію татаръ; его войску передъ вели козаки, какъ хорошо знающіе мѣстность, по которой приходилось преслѣдовать татаръ. Преслѣдованіе совершалось до Савраны, притока Буга ¹⁾).

О промысловомъ движеніи въ сторону Запорожья украиннаго козачества можно заключать уже изъ грамоты великаго князя литовскаго Александра, выданной въ 1499 году Кіеву съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ этой грамотѣ говорится между прочимъ, что если козаки привезутъ рыбу съ низу, то брать съ нихъ пошлину ²⁾).

Затѣмъ съ 1508 г. начинается цѣлый рядъ походовъ, предпринимаемыхъ съ участіемъ козаковъ противъ татаръ, иногда во главѣ украинскихъ старостъ и ихъ помощниковъ, а иногда и подъ предводительствомъ просто отважныхъ лицъ, выступавшихъ въ походъ по личной инициативѣ. Такъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, староста брацлавскій и виленскій, замѣчательный полководецъ своего времени, почти всю жизнь отражалъ съ козаками набѣги татаръ. Въ 1508 году ³⁾) этотъ Острожскій разбилъ на голову загонъ татаръ, громившихъ пограничныя области литовской Руси, а другой загонъ разбилъ Полюсъ Русакъ, славный козакъ, какъ говорить о немъ Бѣльскій. Затѣмъ 1512 г. Прецлавъ Ланцкоронскій, каменецкій староста, собравши людей служебныхъ и иныхъ, уничтожилъ загонъ татаръ, ворвавшихся въ южныя пре-

¹⁾ Kronika Polska Bielskiego, стр. 476.

²⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 1.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 512.

дѣлы великаго княжества литовскаго. Эта орда была разбита совокупными усиліями козаковъ съ украинными насельниками, надъ которыми начальствовалъ все тотъ-же Острожскій, и отрядомъ польскаго войска. Первыми ударили на враговъ козаки, при чемъ Острожскому не малаго труда стоило убѣдить поляковъ, что сраженіе должны начинать козаки, хотя и »менѣе збройные«, но умѣющіе сражаться съ татарами, что въ сраженіи съ послѣдними должно стоять на первомъ планѣ¹⁾. Съ 1516 г., когда, по замѣчанію Бѣльскаго, при украинныхъ замкахъ служебныхъ людей стало больше²⁾, что онъ считаетъ за начало козаковъ, начинаются козацкіе походы въ татарскія и турецкія земли. Къ этому-же 1516 году относится походъ во главѣ Ланцкоронскаго, каменецкаго старосты, подъ Бѣлгородъ, откуда было принесено много татарской и турецкой добычи³⁾.

Затѣмъ въ 1528 году былъ предпринятъ подъ Очаковъ генеральный походъ во главѣ большинства украинныхъ старостъ: Ланцкоронскаго, въ это время старосты хмельникскаго, Остафія Дашковича, старосты черкаскаго, а также старость винницкаго и брацлавскаго. Въ этотъ походъ татары были трижды разбиты; 30,000 головъ скота и 500 коней досталось козакамъ въ добычу⁴⁾.

Съ 1541 г. героемъ козацкихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли становится Бернатъ Претфиць, староста барскій, по замѣчанію Бѣльскаго, достойный памяти всѣхъ поляковъ. Въ этомъ году онъ съ козаками и черемисами (?) преслѣдовалъ татаръ до самаго Очакова, и такъ-какъ захваченные въ русскихъ предѣлахъ въ оковахъ уже были отправлены моремъ изъ Очакова въ Кафу, то онъ отомстилъ »знаменито« татарамъ и съ половомъ возвратился назадъ. Такой походъ предпринималъ онъ и на слѣдующій годъ⁵⁾.

¹⁾ Kronika Polska Bielskiego стр. 519.

²⁾ Тамъ-же, стр. 534.

³⁾ Тамъ-же, стр. 534.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 560.

⁵⁾ Тамъ-же, 582 стр.

Къ 50-мъ годамъ XVI столѣтїя относится возакованье князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. Дѣятельность его отърывается съ 1556 года. Въ это время Вишневецкій, будучи предводителемъ возаковъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и чрезъ возачьяго атамана Михаила Есковича билъ челомъ царю Ивану Грозному, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Царь прислалъ Вишневецкому »опасную« грамату и жалованье¹⁾. Вишневецкій скоро послѣ этого, чрезъ того-же Михаила Есковича, названнаго на этотъ разъ Миской, искалъ протекціи у Сигизмунда Августа, короля польскаго и великаго князя литовскаго. Король, какъ видно изъ его граматы, отправленной Вишневецкому въ 1557 году²⁾, хвалилъ его за военные подвиги, мужественную оборону вновь устроеннаго хортицкаго замка отъ хана перекопскаго, приказывалъ не нападать на владѣнія турокъ и татаръ, такъ какъ съ ними заключены мирные договоры, и особенно на пословъ крымскихъ, посылалъ Вишневецкому и жалованье, желая привлечь его на свою сторону; но этотъ послѣдній предпочелъ на сей разъ служить Ивану Грозному. Въ 1558 г. Вишневецкій оставилъ хортицкое укрѣпленіе, такъ какъ крымскій ханъ съ турками и волохами собирался вторично штурмовать оное, у негожъ, какъ писалъ онъ царю московскому, корму не стало и возаки его разошлись. Вишневецкій выступилъ изъ-за пороговъ и занялъ Черкасы и Каневъ; но Иванъ Грозный, вслѣдствіе мира съ великимъ княжествомъ литовскимъ, велѣлъ ему отступить отъ этихъ городовъ и далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ³⁾. Недолго однако пробылъ Вишневецкій и въ Бѣлевѣ. Въ 1561 г., по ходатайству брата его, Михаила Вишневецкаго, старосты черкаскаго и каневскаго, Сигизмундъ Августъ посылалъ Дмитрію Вишневецкому два »глейтовныхъ листа«, дающихъ амністію за самовольную отлучку изъ государства; при этомъ милость королевская мотивируется тѣмъ, что Дмитрій Вишневецкій поддавался московскому царю не для чего иного, какъ только для того, чтобы, узнавши »справы неприятели«, онъ могъ съ возможно большей пользой служить Рѣчи Посполитой⁴⁾. Король

¹⁾ Максимовичъ, 1-й т., 284 стр.

²⁾ Акты южной и западной Россіи. т. II, № 130.

³⁾ Максимовичъ, т. I, стр. 289.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, №№ 142, 143.

объясняет Вишневецкому свою милость и всё вольности и свободы, которыми пользуются «иные князата и пана»). Въ 1562 г. Вишневецкій, поддавшійся сперва татарамъ, а потомъ московскому царю, прибылъ въ отечество и былъ торжественно встрѣчаемъ громадными толпами людей¹⁾. Печальный конецъ постигъ Вишневецкаго въ 1563 г. Въ этомъ году онъ съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ пошелъ добывать обѣщанной ему короны молдавской, тамъ предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томашу и переданный отъ него туркамъ, былъ замученъ въ Константинополѣ²⁾. Важнѣйшимъ дѣяніемъ козачества подъ властію Вишневецкаго было взятіе города Исламъ Кермена (1556 г.), изъ котораго были вывезены пушки во вновь устроенное хортицкое укрѣпленіе³⁾.

Къ 1556 году относится также походъ днѣпровскихъ козаковъ подъ Очаковъ, предпринятый ими вмѣстѣ съ московскимъ дьякомъ Ржевскимъ; атаманами днѣпровскихъ козаковъ въ этотъ походъ были нѣкто Млинскій и Михайло Есковичъ, тотъ самый, который, приставъ потомъ къ Вишневецкому, былъ самымъ довѣреннымъ его лицомъ и отправлялся, какъ уже сказано, отъ его имени съ челобитьемъ къ Ивану Грозному и листами къ Сигизмунду Августу⁴⁾.

Въ ряду наиболѣе крупныхъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли одиноко стоитъ козачьій походъ въ Крымъ, за Перекопъ, 1575 года. Въ этомъ году воевода кievскій, узнавъ, что татары переправляются черезъ Днѣпръ съ цѣлю вторгнуться въ ближайшія южно-русскія земли, послалъ противъ нихъ кievскихъ, черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Козаки, спустившись внизъ по Днѣпру на чайкахъ, близъ Чорнаго лѣса (при впаденіи Тясмени въ Днѣпръ), неожиданно напали на татарскую стражу въ нѣсколь-ко сотъ человекъ и всю ее перебили. Татары показали видъ, что возвращаются назадъ въ свои земли, между тѣмъ громадной ордой переправившись чрезъ Днѣпръ, начали страшно опустошать всю прилегающую къ Синявѣ мѣстность и, по словамъ Бѣльскаго, захватили въ полонъ около 50 тысячъ человекъ; тогда козаки съ вож-

¹⁾ Тамъ-же, № 144.

²⁾ Kronika Bielskiego, стр. 612.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 614.

⁴⁾ Максимовичъ, I т., 289 стр.

⁵⁾ Тамъ-же.

демъ своимъ Богданкомъ ворвались въ Крымъ, проникли за Перекопъ и въ свою очередь безпощадно опустошили многіе татарскіе улусы ¹⁾.

Эти самые крупныя козацкія походы въ татарскіе и турецкіе предѣлы, занесенныя въ хронику Бѣльскаго, не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ походовъ, которые предпринимались козаками въ земли татаръ и турокъ. Были, безъ сомнѣнія, и другія, не извѣстныя для исторіи попытки проникнуть въ татарскіе и турецкіе предѣлы, предпринимаемыя по инициативѣ не должностныхъ лицъ, каковыми были украинныя старосты, а лицъ частныхъ, увлекаемыхъ желаніемъ добычи, жаждой найти удовлетвореніе личной удали, или наконецъ местию. Эти походы не только расширяли ряды козаковъ, но и служили для нихъ настоящей школой, гдѣ они входили во вкусъ своеобразнаго, чисто козацкаго, способа вести войну,—военнаго ремесла и выработывались въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ ²⁾.

Но сколько ни предпринималось подобныхъ походовъ противъ татаръ, эти послѣдніе все-таки были грозой для значительной части пограничныхъ польско-русскихъ земель. Правительство Польши и Великаго Княжества Литовскаго постоянно было озабочено пріисканіемъ радикальнаго средства противъ татарскихъ вторженій, такъ какъ практиковавшіяся для этого средства не защищали страны. Въ городахъ и замкахъ иные вовсе уклонялись, другіе, по особо уважительнымъ причинамъ, самимъ королемъ освобождались отъ обязанности ходить въ погоню за татарами ³⁾. Самая эта повинность, лежавшая на южныхъ порубежныхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, помимо ея обремененительности, не приводила къ желаемой цѣли.

Въ 1533 году староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашковичъ, весьма опытный воинъ, побывавшій въ плѣну у татаръ и бѣжавшій изъ этого плѣна (1523 г.) ⁴⁾, мужественно обо-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 721 и 722.

²⁾ Надхень. Памятники о Запорожьѣ, стр. 9.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 111.

⁴⁾ Миллеръ. Историческія сочиненія о Малой Россіи, стр. 3—4.

ронявшій черкасскій замокъ отъ осады крымскаго хана Сайдета (1531)¹⁾, на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ проектъ защиты противъ татарскихъ вторженій, состоявшій въ томъ, чтобы на низовьяхъ Днѣпра находилась постоянная стража, тысячи въ двѣ человекъ, которые бы, разъѣзжая на чайкахъ, препятствовали татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ двумъ тысячамъ Дакшевичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человекъ, которые-бы добывали въ окрестностяхъ (> obmyslali <) необходимые припасы, на мало доступныхъ днѣпровскихъ островахъ (вѣроятно за порогами: до пороговъ острововъ на Днѣпрѣ очень мало) построить замки и завести поселенія. Предложеніе всѣмъ понравилось, но, какъ замѣчаетъ Бѣльскій, ничто изъ предложеннаго не было сдѣлано²⁾.

Въ 1534 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подолиі, Кіевщины и Брацлавщины, куда татары найчаще предпринимали набѣги, отправлялись замки и окружались валами городскія поселенія. Работы производились подъ руководствомъ великаго гетмана Яна Тарновскаго, который находился съ частью своего войска въ Хмельницкѣ; замокъ и городъ этого имени онъ особенно укрѣпил³⁾. Конечно, и это была мѣра въ ряду другихъ мѣръ; но какъ мало Польша и Великое Княжество Литовское были защищены противъ татарскихъ вторженій, видно изъ королевскаго листа 1546 г. къ литовскимъ раднымъ панамъ. Король пишетъ въ очень минорномъ тонѣ, печалуется на чрезмѣрную требовательность, высокомеріе и гордость крымскаго хана; предлагаетъ раднымъ панамъ рѣшить, давать-ли требуемые > упоминки < крымскому хану, или > Бога на помощь взяв-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Kronika Bielskiego, стр. 568.

³⁾ Тамъ-же, стр. 571.

⁴⁾ Не есть ли этотъ Янъ Тарновскій, гетманъ короны польской, двойникъ того мнимаго гетмана козаковъ, а по другимъ (Миллеръ) предводителя низовцевъ, имя котораго нѣкоторыя польскія лѣтописи, а за ними и козацкія ставятъ подъ 1534 годомъ, именно Венжва Хмельнипаго? Вопросъ напрашивается, такъ сказать, самъ собою: первая часть имени этого загадочнаго лица, *Венжикъ*, не есть собственно имя, а прозваніе: *Венжикъ* уменьшительное отъ *wojz*—ужъ и относится къ внутренней характеристикѣ лица, которое такъ прозвано. Вторая часть имени, *Хмельницкій*, до нѣкоторой степени основательно можетъ сближаться съ названіемъ замка *Хмельникъ*. Яна Тарновскаго съ Хмельникомъ сближаетъ не то

ши; воевать*; просить радныхъ пановъ отнестись серьезно къ рѣшенію этого вопроса и результатъ своей рады сообщить ему¹⁾).

Между тѣмъ само собою, народною жизнью, выдвигалось болѣе вѣрное средство для защиты края отъ татарскихъ вторженій въ увеличивавшемся все больше и больше числѣ мѣщанъ и бояръ въ украинныхъ поселеніяхъ на южномъ рубежѣ государства. Заселеніе Украины было въ интересахъ государства, поэтому украинные насельники естественно должны были найти поддержку центральной власти государства. Обязанные постоянно быть наготовѣ, чтобы встрѣчать вторженія татаръ, прежде всѣхъ и больше всѣхъ терявшіе въ имущественномъ отношеніи отъ этихъ вторженій, они должны были стать въ особое отношеніе къ государству; въ свою очередь правительство Рѣчи Посполитой своими мѣропріятіями становилось пособникомъ выроставаго въ Украинѣ козачьяго сословія. Съ начала второй половины XVI вѣка можно прослѣдить цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ, фактически выдѣлявшихъ низшій классъ населенія въ Украинѣ отъ этого-же класса въ остальномъ государствѣ. Такъ въ 1558 году окружною грамотою польскій король Сигизмундъ-Августъ освобождаетъ мѣщанъ города Канева, какъ людей украинныхъ, отъ платежа за живность по всему великому княжеству литовскому. Льгота²⁾), данная каневцамъ, не была единственною; одновременно съ нею и послѣ нея подобныя и еще болѣе важныя льготы получаютъ мѣщане и другихъ украинныхъ городовъ. Къ тому-же 1558 году относится окружная грамота того-же короля, освобождающая мѣщанъ города Винницы отъ платежа »мыта« по великому княжеству литовскому, по случаю перенесенія ихъ поселенія подъ новый винницкій замокъ, и такая-

только, что онъ строилъ Хмельникъ и нѣкоторое время проживалъ въ немъ, а еще слѣдующее совпаденіе лѣтописныхъ сказаній: Бѣльскій, говоря о столкновеніи съ татарами подъ Заславлемъ, называетъ предводителя польскаго войска Яна Тарновскаго; авторъ-же лѣтописи Самовидца, говоря объ этомъ-же самомъ столкновеніи, называетъ предводителя на польской сторонѣ Венжика Хмельницкаго. Правдоподобно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Кроника Bielskiego, стр. 571; Лѣтопись Самовидца, стр. 2.

1) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 108.

2) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 131.

же грамота въ пользу бояръ и мѣщанъ города Черкасѣ, предоставлявшая имъ, > какъ людямъ украиннымъ <, право безоплатнаго провоза тѣхъ товаровъ, которые они имѣли при себѣ въ поѣздахъ для покупки живности¹⁾. Въ 1559 году изданъ королевскій универсалъ²⁾ въ пользу брацлавскихъ мѣщанъ, а въ 1571 г. жалованная грамота³⁾ жителямъ Бѣлой-Церкви. Мѣщанамъ этихъ послѣднихъ городовъ давались еще болѣе крупныя льготы; въ виду того, что татары > въ маестностяхъ ихъ великія шкоды чинятъ и не мало братья ихъ въ полонъ ведутъ <. Изъ жалованной грамоты жителямъ Бѣлой-Церкви видно, чѣмъ вызывались эти льготы и какія обязанности бѣлоцерковцы должны были исполнять за дарованныя имъ права: они должны были при постройкѣ бѣлоцерковскаго замка взять на себя надзоръ надъ рабочими и рабочимъ скотомъ, сверхъ того содержать караулы на поляхъ и шляхахъ и наконецъ, въ случаѣ приближенія непріятели, давать знать и въ бѣлоцерковскій замокъ, и королю. Такими актами обозначались заботы польскаго правительства о заселеніи степной украинной полосы. Въ 1571 г. вопросъ объ этомъ заселеніи подготовлялся для обсужденія его > вальнымъ < сеймомъ варшавскимъ⁴⁾, а давая новымъ насельникамъ Украйны различныя льготы, простирая оныя и на тѣхъ, которые > придутъ и осядутъ < около того или инаго замка, заботясь о томъ, дабы люди > осѣдали и множились <, правительство польское прежде и болѣе всего имѣло въ виду отпоръ татарскимъ вторженіямъ.

Но не одними льготами украиннымъ насельникамъ правительство помогало образованію украинскаго козачества; къ тому-же проводили отрицательныя его мѣры. Такъ, поддерживая сначала украинныхъ мѣщанъ и бояръ, а впоследствии насильственно подчинивъ ихъ юрисдикціи пановъ, оно вытолкнуло этихъ бояръ и мѣщанъ на путь вольныхъ, по собственному признанію, людей, козаковъ. Тоже можно видѣть и въ отношеніи правительства къ тѣмъ козакамъ, которые самовольно удалялись за пороги и нападая на татаръ и турокъ, навлекали гнѣвъ ихъ на Рѣчь Посполитую. Въ

1) Тамъ-же, № 133.

2) Тамъ-же, № 136.

3) Акты южной и западной Россіи, т. I-в, № 160.

4) Акты южной и западной Россіи, т. II, стр. 174.

1540 г. такимъ послушникамъ изъ каневскихъ и червасскихъ козаковъ Сигизмундъ-Августъ посылалъ >глейтовный листъ<, которымъ гарантировалъ имъ безнаказанное возвращеніе къ оставленнымъ замкамъ.

Козачество росло, усиливалось и давало чувствовать свою силу и значеніе какъ сосѣдямъ врагамъ, такъ и собственному правительству. Запретительныя мѣры противъ козацкихъ поисковъ надъ не-пріателемъ показываютъ только, какъ трудно было положеніе въ этомъ дѣлѣ правительства польскаго. Въ грамотѣ 1541-го года на имя маршалка князя Андрея Каширскаго король Сигизмундъ I, строго воспрещая козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы¹⁾, не-менѣе строго выговариваетъ украиннымъ властямъ за то, что они, не смотря на многократныя королевскія приказанія, не удерживаютъ украинскихъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія земли, а напротивъ того дозволяютъ такіе набѣги >для пожитковъ своихъ, добытки козаковъ дѣля на помы съ ними<. Извѣщая украинныхъ урядниковъ, что ханъ крымскій строжайше требуетъ прекращенія вторженій въ татарскія земли и всякихъ другихъ >шведъ< татарамъ отъ козаковъ, въ противномъ-же случаѣ угрожаетъ >своею головою< идти въ предѣлы Рѣчи Посполитой и надъ украинными замками выместить татарскія потери,—король исчисляетъ вины козаковъ,—какъ около этого времени они произвели нападеніе на татаръ, идущихъ за добычею въ московскую землю, 20 человекъ изъ нихъ убили и захватили при этомъ 250 коней, какъ погромили крымскихъ гонцевъ въ Польшу при переправѣ черезъ Днѣпръ и >статки< ихъ побрали, какъ ограбили гонцевъ казанскаго хана и какъ на-падая много разъ на кочевья сосѣднихъ татарскихъ ордъ, людей убивали, скотъ захватывали въ добычу и пр. Тщетно впрочемъ Сигизмундъ въ той-же своей грамотѣ грозитъ украиннымъ урядникамъ, что онъ не будетъ впредь принимать ихъ оправданій, будто козаки тайно отъ нихъ предпринимаютъ вторженія въ татарскія земли, напрасно велитъ этимъ урядникамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, какіе козаки идутъ на низъ для рыбнаго и другаго промысла, а при возвращеніи козаковъ съ низовьевъ Днѣпра осматривать >добытки< ихъ, что-бы такимъ образомъ знать, кто изъ нихъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 105.

ходилъ только для промысла, а кто и для грабежа въ татарскихъ земляхъ, тщетно навонецъ приказываетъ маршалку Каширскому уговаривать козаковъ записаться въ реестръ и исполнять королевскую волю, а ослушниковъ »за горло имать и карать«. Великія центральной власти безсилны были задержать козацкое теченіе между насельниками Украйны, обусловленное сложными причинами внутреннихъ отношеній въ государствѣ и постоянно поддерживаемое стремленіемъ къ отпору одной народности противъ напора другой. Безсиліе власти сказалось уже въ 1545 году. Въ этомъ году подѣ Очаковомъ козаки ограбили турецкихъ купцовъ; для разслѣдованія дѣла, по жалобѣ турецкаго правительства, королю пришлось послать комиссаровъ и изъ »своего скарбу« залатить убытки¹⁾.

Движеніе населенія украинскихъ земель на »низъ«, противъ татаръ, продолжается изъ года въ годъ; нападенія козаковъ вызываютъ набѣги татаръ, и наоборотъ. Въ 1560 г. Андчакъ, предводитель татаръ бѣлгородскихъ, опустошившій предѣ тѣмъ поселенія возлѣ бѣлоцерковскаго замка, писалъ Сигизмунду II, что онъ это сдѣлалъ въ отместку за то, что козаки кіевскіе, бѣлоцерковскіе, брацлавскіе, винницкіе, каневскіе и черкасскіе подданнымъ турецкаго султана »великіе шкёды дѣють«. При взаимныхъ столкновеніяхъ крымскаго ханства и Рѣчи Посполитой, эта послѣдняя должна была уступать первому, покровительствуемому въ то время могущественнымъ турецкимъ султаномъ. По этому Сигизмундъ тогда-же писалъ воеводѣ кіевскому вн. Острожскому и всѣмъ украиннымъ старостамъ, приказывая не посылать въ поле козаковъ даже для сторожи, чтобы они тамъ на своей волѣ не причиняли турецкимъ и крымскимъ подданнымъ обидъ²⁾; но въ тоже самое время, зная, что набѣги татаръ не прекратятся, онъ велитъ держать козаковъ наготовѣ, чтобы въ случаѣ татарскаго нападенія было кому преслѣдовать уходящихъ татаръ и отбивать полонъ. Столкновенія козаковъ съ татарами происходили нерѣдко между самими небольшими группами мирныхъ людей съ той и другой стороны и были такъ связаны будничнымъ явленіемъ. Кочующіе татары въ обшир-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 586.

²⁾ Азты южной и западной Россіи, т. II, № 137.

номъ размѣрѣ занимались скотоводствомъ; при приближеніи ихъ стада козацкіе пастухи нерѣдко отбивали и угоняли скотъ въ украинныя поселенія. «Не для чѣго большая шкода (отъ татаръ) въ цанствахъ нашихъ дѣется, пишеть король Сигизмундъ кн. К. Острожскому, »одно за таковыми чабанники, которые за убезпеченьемъ Украины быдло берутъ, а неприятель приходячы и надъ подданными нашими помсту чынить«¹⁾.

Не въ силахъ будучи справиться съ зародившимся и постоянно усиливавшимся козачествомъ, правительство Рѣчи Посполитой относительно его долго не могло придумать опредѣленнаго плана, но, сознавая одинаково и пользу и вредъ его для государства, поступало въ отношеніи къ нему по усмотрѣнію и теченію обстоятельствъ, то воспрещая козацки наѣзды на татарскія и турецкія земли, то поощряя оныя, какъ необходимыя и цѣлесообразныя, то отвлекая козацки силы въ другую сторону, то предоставляя своимъ агентамъ вѣдаться съ ними согласно видамъ внѣшней политики. Около 1561 года козаки опустошали очаковскія окрестности. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ писалъ старостѣ черкасскому и каневскому Михаилу Вишневецкому, что если въ его районъ возвратятся тѣ козаки, которые «Очаковъ збурыли», то чтобы онъ уговаривалъ ихъ не оставаться долго въ украинскихъ замкахъ, а идти черезъ Могилевъ и Полоцкъ въ Эстляндію, при чемъ имъ будетъ даваться датокъ (жалованье) и живность. Одновременно почти тотъ-же Сигизмундъ Августъ, отправляя охранный листъ для находящихся «на низу» козаковъ воеводѣ кievскому, велить переслать этотъ листъ козакамъ только въ томъ случаѣ, если это, по его (воеводы) зрѣлому обсужденію, не повлечетъ опасности со стороны Турціи и Крыма²⁾. Гораздо позже, именно въ 1568 г., онъ же, примѣтивъ, что украинное козачество продолжаетъ стремиться на низовья Днѣпра, особымъ универсаломъ приказываетъ козакамъ, оставившимъ украинныя города и замки и собравшимся въ разныхъ мѣстахъ «на низу»,—разойтись, причемъ предлагаетъ желающимъ службу при (украинныхъ) замкахъ и обѣщаетъ давать имъ жалованье, если они перестанутъ грабить татаръ³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 143.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, № 3.

Увеличившееся въ числѣ, оврѣпшее въ силахъ, освоившееся съ своею профессією, украинное козачество не имѣло какой либо опредѣленной организаціи. Выступая за пороги, пробираясь къ татарскимъ и турецкимъ землямъ, оно избирало своихъ старшихъ подъ названіемъ атамановъ и гетмановъ, но, возвращаясь на свои жилища, поступало въ завѣдываніе украинскихъ старостъ и воеводъ. Козаковъ привлекали къ отбыванію замковъ и другихъ повинностей, что не могло быть по вкусу имъ, вкусившимъ свободы. Отсюда взаимныя неудовольствія и жалобы: воеводы и старосты обвиняли козаковъ въ своевольствѣ и непослушаніи, козаки жаловались на притѣсненія старостъ и воеводъ. Около 1572 года коронному гетману Юрію Язловецкому удалось привлечь подъ свою юрисдикцію козаковъ ходившихъ на низовья Днѣпра. Предлогомъ избрана защита ихъ отъ притѣсненій со стороны украинскихъ воеводъ и старостъ, а приманкой послужила выдача жалованья изъ королевскаго скарбу. Расположивъ къ себѣ козаковъ, Язловецкій ходатайствовалъ предъ королемъ о назначеніи для нихъ ближайшаго начальника и такимъ назначенъ былъ королевскою грамотою 1572 г. шляхтичъ Бадовскій. Этотъ старшій долженъ былъ давать судъ и управу по дѣламъ, касающимся низовыхъ козаковъ (*окромъ гвалту и рѣчей кровавыхъ*) въ то время, когда эти послѣдніе возвращались съ низу въ украинныя поселенія. Резиденція Бадовскаго была въ Бѣлой-Церкви¹⁾.—Такимъ образомъ часть населенія украинскихъ старостъ, которую привилегированная грамота Бадовскому называетъ низовыми козаками, не только получила право свободно ходить въ низовья Днѣпра, на промыслы, но была изъята изъ-подъ юрисдикціи украинскихъ воеводъ и старостъ. Низовые козаки поставлены были въ непосредственную зависимость отъ короннаго гетмана; намѣстникомъ этого послѣдняго при козакахъ былъ особый старшій, на этотъ разъ Бадовскій.

Принятая теперь правительственная мѣра, продолженіемъ которой была реформа Баторія, еще не выдѣляла украинскихъ козаковъ въ особое сословіе съ строго опредѣленными правами и обязанностями: то была уступка центральной власти развившемуся, главнымъ образомъ, въ ея вѣдѣніи, помимо ея воли и желанія

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 149.

явленію въ народной жизни,—уступка вызванная извѣстною силою этого явленія, но уступка первая и потому неполная.

Событія 1572 года были таковы, что могли побудить Сигизмунда-Августа искать службы козаковъ: онъ протезировалъ Богдану, сыну прежде бывшаго господара молдавскаго Александра, получить молдавскую корону и съ этою цѣлію сперва посылалъ специальное посольство въ турецкому султану, а потомъ, съ появленіемъ новаго претендента на молдавское господарство, въ лицѣ Ивоня, поддерживаемаго 20 т. турецкаго войска, долженъ былъ оказать своему кандидату вооруженную помощь. Эта-то поддержка кандидатуры Богдана на молдавскій престолъ и могла побудить короля дать или давать нѣкоторое время жалованье козакамъ: возаки были нужны Сигизмунду-Августу, чтобы съ помощію ихъ утвердить на молдавскомъ престолѣ Богдана; они могли быть необходимы для правительства Рѣчи Посполитой и въ томъ случаѣ, еслибы Турція за молдавскія дѣла объявила ему войну. Давая жалованье козакамъ, Сигизмундъ-Августъ рассчитывалъ по своей волѣ распоряжаться ими въ случаѣ надобности; съ другой стороны жалованье это могло обязывать козаковъ не производить опустошеній въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ и не нарушать такимъ образомъ мира съ этими неугомонными и опасными сосѣдами.

Признанное въ своемъ существованіи и нѣкоторыхъ правахъ, украинное козачество, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается и, встрѣчая благоприятныя условія, начинаетъ играть видную роль и внѣ своей страны. Въ 1574 г. украинскихъ насельниковъ, въ числѣ которыхъ были и козаки, призвалъ на помощь упомянутый выше Ивоня, молдавскій господарь, одолѣвшій своего соперника Богдана. Турецкій султанъ потребовалъ съ него за право управлять Молдавіей такую плату, какую предложилъ ему вновь явившійся искатель молдавской короны, нѣкто Петрило, братъ мультанскаго воеводы; въ противномъ случаѣ Ивоня долженъ былъ оставить молдавскій престолъ. Получивъ такое требованіе, Ивоня послѣ предварительнаго совѣта съ представителями своего государства объявилъ Турціи войну. Тщетно обращаясь за помощію къ польскому королю, Ивоня въ концѣ концовъ обратился къ нѣкоторымъ изъ украинскихъ жителей, которыхъ зналъ, какъ «мужей вольныхъ и храбрыхъ». На зовъ Ивоня явилось въ Молдавію изъ Украйны 1200

человѣкъ. Они были подъ начальствомъ семи предводителей, изъ которыхъ главнѣйшихъ было два: Свирчовскій и Бастанъ¹⁾. Въ командѣ каждаго предводителя было по двѣсти и по сто человѣкъ; 200 человѣкъ брацлавянъ, правдоподобно въ собственномъ смыслѣ козаковъ, составляли особую команду. Съ почетомъ встрѣтилъ Ивоня военные отряды изъ Украйны. При пушечной пальбѣ угощались они въ палаткахъ господаря,—шляхетныя лица особо, простыя особо. Снабдивши эти отряды виномъ и золотомъ, Ивоня выступилъ противъ непріятеля. Три раза были разбиты турки, три раза обогащались украинскіе выходцы и добычею непріятеля, и наградами благодарнаго Ивони. Въ концѣ концовъ Ивоня вслѣдствіе измѣны одного изъ своихъ приближенныхъ, былъ разбитъ турками; но и разбитый, онъ мужественно защищался, окопавшись съ украинскими выходцами на пожарищѣ одной деревни. Турки предложили Ивонѣ сдаться; онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ онъ живымъ былъ отданъ въ руки султана и чтобы выходцы изъ Украйны были отпущены здоровыми и невредимыми. Условія Ивони были приняты; но когда онъ, простившись съ своими украинскими друзьями и въ послѣдній разъ щедро наградивши ихъ, подѣхалъ къ турецкому войску, турки вѣроломно убили его. Украинскіе выходцы хотѣли было занять свой прежній окопъ, но его уже заняли турки. Окруженная со всѣхъ сторонъ непріятелями, украинская дружина мужественно отбивалась, многіе изъ украинскихъ выходцевъ пали въ этой неравной борьбѣ и только 12 человѣкъ изъ ихъ ополченія было взято турками въ плѣнъ²⁾.

Къ этому именно времени относится первое обстоятельное извѣстіе современнаго польскаго писателя³⁾ о козакахъ украинскихъ. Вотъ по возможности близкій переводъ избранныхъ мѣстъ этого классическаго для исторіи начальнаго украиннаго козачества свидѣтельства.

»Козаки — посполитые люди на низу, т. е. на низовьяхъ Днѣпра; занимаются они тамъ ловлею рыбы, которую тамъ-же и

¹⁾ Имена остальныхъ предводителей, какъ передаетъ ихъ Бѣльскій, слѣдующія: Козловскій, Стуженскій, Ячи и Соколовскій.

²⁾ Kronika Bielskiego, стр. 791—717.

³⁾ Бѣльскаго-отца (Мартына) или, можетъ быть, и сына (Якима).

сушатъ на солнцѣ; живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму-же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ секретномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ «на куренѣ», какъ они говорятъ, на стражѣ (przy strzelbie). Есть у нихъ также и свои пушки, которыя они частію захватили въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частію отняли у татаръ. Прежде козаковъ не было такъ много, но теперь ихъ собирается по нѣсколько тысячъ; особенно число ихъ увеличилось въ послѣднее время. Козаки часто большую бѣду причиняютъ татарамъ и туркамъ и уже много разъ нападали на Очаковъ, Тегиню (Бендеры), Бѣлгородъ и другія укрѣпленія; въ поляхъ также они захватываютъ не мало добычи, такъ что теперь ни турки, ни татары не отваживаются пасти овецъ или скота такъ далеко отъ своихъ укрѣпленій, какъ прежде они пасли; также не пасутъ скота нигдѣ (и) по той сторонѣ Днѣпра на протяженіи 10 миль (отъ днѣпровскаго берега). Козаки насъ наибольше и ссорятъ съ турками да и татары говорятъ, что если-бы не козаки, то у насъ съ ними (татарами) никогда не было бы вражды. Но татарамъ не нужно вѣрить; хорошо, чтобы были козаки; но нужно, чтобы они подчинены были уряду и получали жалованье; пусть-бы они тамъ постоянно находились, на днѣпровскихъ островахъ, изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если-бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то и самое большое войско ничего-бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ Коханья; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, длиною въ нѣсколько миль (?). Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не съ такимъ удобствомъ переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ временчущій и кучманскій броды, которыми оно обыкновенно переправлялось. Недалеко отъ этого острова есть другой, Хортица,—тотъ самый, на которомъ нѣсколько прежде пребывалъ Вишневецкій. Пока Вишневецкій былъ тамъ, то татары не осмѣливались такъ часто вторгаться къ намъ, потому что присутствіе его служило имъ большой помѣхой. Есть и третій островъ—Томаковва, на которомъ больше всего проживаетъ низовыхъ козаковъ, такъ что онъ служитъ имъ главною твердынею (zamek).

Есть много и другихъ меньшихъ острововъ, и еслибы на нихъ построить замки и осадить поселенія, то не отваживались-бы татары такъ часто врываться въ намъ. Но мы въ Самборѣ (?) предпочитаемъ отъ нихъ защищаться. Со стороны рѣки также никто не могъ-бы никакого вреда причинить въ тѣхъ мѣстахъ, потому что со стороны моря никакія галеры, ни баты не могутъ подниматься по Днѣпру по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Богъ опредѣлилъ быть тамъ, и еслибы не они, то тѣ края давно-бы навѣстили турки. Козаки-же такъ изловчились, что тѣ пороги переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ, называемыхъ у нихъ чайками,—переплываютъ, при помощи веревокъ спускаясь внизъ и такъ-же по веревкамъ поднимаясь въ гору. Въ такихъ-же самыхъ лодкахъ прежде Русь воевала съ греческими императорами, нападая иногда на самый Константинополь. И теперь козаки едва-ли не сдѣлали-бы тогоже, если-бы ихъ было такъ много. Потому-то турки и хотятъ, чтобъ этотъ край былъ пустъ и людей тамъ не умножалось, чтобы имъ безопаснѣе было въ Константинополѣ. Былъ тоже тамъ въ прежніе годы большой портъ, именно въ Бѣлгородѣ, изъ котораго въ Кипръ пшеницу изъ Подоліи возили. Теперь только черезъ тотъ городъ и черезъ Очаковъ караваны въ Москву ходятъ. Изъ Бѣлгорода въ Очаковъ идетъ широкая дорога, на которой козаки разбиваютъ часто турецкихъ купцовъ, и если желаютъ добыть языка, то достаютъ его тамъ всего скорѣе...

Въ заключеніе Бѣльскій высказываетъ свой планъ, по которому можно бы привести въ порядокъ козаковъ; говоритъ онъ въ этомъ случаѣ со словъ своего дяди Орнишевскаго, который бывалъ гетманомъ у козаковъ, т. е. предводителемъ козачьихъ отрядовъ. Планъ состоитъ въ томъ, чтобы не только по Днѣпру, но и по его притокамъ были построены замки и осажены поселенія¹⁾,

Въ этой до нѣкоторой степени обстоятельной характеристикѣ начальнаго козачьяго быта существенно важно свѣдѣніе о томъ, что козаки, возвращаясь на зиму въ свои украинныя поселенія, оставляли «на зиму» стражу изъ нѣсколька сотъ человекъ.

Является вопросъ, не есть-ли эта стража признакъ уже организовавшагося козачества запорожскаго, обособившагося отъ ос-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 718—719.

тальнаго украиннаго?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Отсутствіе запорожскаго вожачества въ собственномъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова можно прослѣдить, начиная съ 30-хъ годовъ XVI ст. и вончая 1574 годомъ, въ которому относится замѣтка Бѣльскаго о сторожѣ на низу. Въ 1533 году Остафій Дашковичъ на піотревскомъ сеймѣ вносилъ извѣстное уже намъ предложеніе о защитѣ противъ татаръ на низовьяхъ Днѣпра,—ясно, что этой защиты тогда не было, а слѣд. не было и вожачества запорожскаго. Не существовало это вожачество и въ 50-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Хотя въ эту пору на низовьяхъ Днѣпра и появляется хортицкое укрѣпленіе, но укрѣпленіе это, построенное по инициативѣ Дмитрія Вишневецкаго, не было постояннымъ жилищемъ вожачевъ, а только временнымъ лагеремъ для вожачьихъ милицій, куда вводился гарнизонъ лишь въ случаѣ надобности, большею частію на время лѣта, на зиму же таковой гарнизонъ удалялся домой ¹⁾. Вишневецкій оставилъ это укрѣпленіе въ 1558 году въ виду предстоящаго приступа татаръ, и нужно полагать, что оно было вскорѣ разрушено татарами, такъ какъ въ слѣдующемъ году на польской сторонѣ Днѣпра, »между Хортицею и Черкасами«, московскій царь хотѣлъ строить другое укрѣпленіе, которое могло-бы замѣнить прежде существовавшее хортицкое ²⁾.

Припомнимъ указанная раньше королевскія грамоты, изъ которыхъ видно, что вожачи, побывавъ на Запорожьѣ, вновь ищутъ возвращенія въ Украину и что главными утѣснителями татаръ являются »чабанники«, угоняющіе татарскій скотъ въ украиннѣя поселенія; сопоставимъ съ ними два королевскія листа 1561 г.: одинъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому о пропускѣ татарскаго посла, другой къ жителямъ городовъ Черкасъ и Канева съ приказомъ не нападать на имѣющія пройти мимо Черкасъ и Канева татарскія войска. Какъ грамоты, такъ и листы равно указываютъ, что въ то время было только одно украинное вожачество, въ противномъ случаѣ король послалъ-бы и на Запорожьѣ таковаго же содержанія листы, и это значилось-бы въ листахъ къ Ви-

¹⁾ Костомаровъ, »Богданъ Хмельницкій«, изд. 1870 г., т. I, стр. XXIII.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 134.

иневецкому и жителямъ Черкасъ и Канева, чего въ данномъ случаѣ не видимъ.

Тоже утверждаетъ призваніе Ивонкою на помощь себѣ ополченій изъ Украйны. Будь въ 1574 г. отдѣльное запорожское козачество, Ивоня обратился бы къ нему, какъ къ своему ближайшему сосѣду, и въ такомъ случаѣ не пришло-бы въ Молдавію ополченіе изъ Украйны во главѣ семи предводителей, изъ которыхъ главныхъ было два, не выдѣлялись бы въ этомъ случаѣ и тѣ 200 брацлавлянъ, которые составляли особый отрядъ съ отдѣльнымъ (не названнымъ) предводителемъ. Запорожскіе козаки явились бы къ Ивонѣ, подчиненные одному лицу, кошевому атаману. Свирчовскій, раздѣлявшій, по словамъ Бѣльскаго, съ Барсаномъ главное предводительство надъ украинскими ополченіями, былъ въ этомъ случаѣ такой же гетманъ, какимъ былъ въ свое время дядя Ржевскій, когда къ нему пристали для похода въ Крымъ низовые козаки съ атаманомъ Млинскимъ и Михайломъ Есковичемъ¹⁾, какимъ былъ въ пору своего козакovanja Дмитрій Вишневецкій, какимъ бывалъ, по Бѣльскому, и дядя его Орнишевскій.

Принявъ все это въ расчетъ, можно сказать, что стража, которая оставалась на низовьяхъ Днѣпра, при козачьихъ лодкахъ и оружіи, не служитъ признакомъ существованія организованнаго запорожскаго козачества, не представляетъ еще собою запорожской общины; она все таки состояла изъ украинскихъ козаковъ и пополнялась ими. Если и возможно установить какое либо отношеніе этой стражи къ имѣвшей сложиться запорожской общинѣ, то это была одна изъ ступеней въ процессѣ развитія украиннаго козачества, за которой слѣдовало выдѣленіе изъ него въ собственномъ смыслѣ запорожскаго козачества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Максимовичъ т. I-й, 289.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

XVI. Обратное путешествіе на родину.

Заграничный мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставить ей мой пріѣздъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшался.

Узнавъ, что изъ Марсели недѣли чрезъ двѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компаніей морскихъ путешественій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиной года; плата за каюту перваго класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлеченіемъ; я спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были мѣста стоянки и вре-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюльск. кн., стр. 239—266.

мя посѣщенія новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ переездамъ моремъ.

Съ вещами присланными Натаномъ, между которыми находился и драгоценный для меня портретъ Наимы, получилъ я письмо Лей. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лей поняла, что пріѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаще.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убійцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго событія, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получилъ письмо отъ матушки. Оно было отвѣтомъ на увѣдомленіе о кончинѣ Наимы, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня священна; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданьи съ матушкой я ожилъ, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отъѣздомъ изъ Марсели поблагодарилъ я письменно графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Лей, извѣстивъ ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наимы, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоценный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При переѣздѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутреннее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ; ѣхали тихо, какъ ѣздить въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теплая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ дышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня беспокоить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напротивъ какой-то старикъ нѣмецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія открыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просятъ не отворять: у дамы болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ обладателямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ какой-то толстый краснощеій бюргеръ, противъ него рыжій англичанинъ. Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбіона отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ и самъ желалъ опускать стекло, но нѣмецъ не дозволилъ; я обратился къ бюргеру и получилъ отвѣтъ, что какъ онъ сидитъ у окна, то можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и открыть не дозволить. Какъ ни старался я его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путешественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался непреклоненъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенній воздухъ оживилъ меня. Бюргеръ былъ внѣ себя отъ негодованія, началъ кричать, остановилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка, и онъ благодарилъ меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ *hôtel de Saxe*, въ томъ самомъ номерѣ, изъ котораго уѣхалъ съ Наимой. Хотѣлъ остаться день, другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохарканьемъ свалила меня съ ногъ; нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ; онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфстенгель постоянно сидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу, прилежно ею занимался, развлекалъ меня своими разсказами и ухаживалъ за мною, какъ родной. Я просилъ снять копію съ портрета Наимы, онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Лей.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился я: и болѣзнь, и душевныя страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

дню терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ...

Однажды я легъ спать позже обыкновеннаго и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: благодарю, не забудь ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Бессонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К., покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глазами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что сдѣлалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтилъ: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свелъ въ могилу ея отца. Будь.....

— Не проклинай меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, что-бы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бъ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всё будутъ умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будетъ у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновенье, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, не справедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣнье. То былъ сѣдой, какъ лунъ старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучитъ сомнѣнье на счетъ твоего здоровья, сказалъ онъ мнѣ. Не унывай: тяжкая потеря надолго оставитъ глубокіе слѣды въ душѣ твоей; но тѣлесныя силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нѣтъ жизни въ сердцѣ? Существовать, прозябать, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говоришь ты?

— Ты любопытенъ, значить, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтешняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твое лице мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, если-бы слова мои, сказанныя тебѣ въ Кіевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Кіевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавая особеннаго значенія его предсказанью, я впрочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рожденія. Въ ящикѣ оставалось пятьдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣнье тревожило меня. Я просилъ Ганфстенгеля справиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Ганфстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ НAIMЫ скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моей слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ НAIMѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣнье предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, дни счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ. .

Молодость вскорѣ ослабила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дней въ Дрезденѣ, совершалъ отдаленныя прогулки по совѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, прїѣхавшій въ Дрезденъ изъ Петербурга съ Вальзакомъ. Черезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани рассказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государя Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три дня, остановился въ Европейской гостинницѣ. Вечеромъ, накануне моего отъѣзда, слышу въ сосѣднемъ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанскаго танца: *ола*. Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесть. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицмейстеру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесть тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Листѣ, о Берлинѣ; Лола рассказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи.. Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, доходившее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ-лювельсовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурны собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Утомленный ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я нанялъ еврея, у котораго былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочъ-кареता. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ моимъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ больного дремалъ постоянно, начиналъ жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, верстахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскочилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи на-*цкій* дало ему поводъ принять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня *кешскій* и что дальше я ѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ визированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объявляетъ, что становой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которыя не представляли никакого сомнѣнія въ моей національности; упомянулъ и о Бибииковѣ. Объясненія мои такъ подѣйствовали на станового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное вліяніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извозчика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становаго. Попутчикъ мой сталъ обращаться со мною съ большимъ подобострастіемъ, услышавъ, что я знакомъ съ Бибииковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отдѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиціи.

Безъ всякихъ приключеній, благополучно прибылъ я въ Кіевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекціи. Я имѣлъ возможность оказать ему позже нѣкоторыя услуги.

Въ Кіевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наимомъ; дядя, извѣщая о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Кіевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ за сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наимомъ въ первое время моего съ нею сближенія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей перениски не послѣдовало. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнію и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давалъ дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезобразенный до нельзя оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, но имѣлъ громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околоткѣ извѣстнымъ почетомъ. Домъ въ Кіевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣлъ къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и расчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надъ совѣстью моею тяготѣлъ долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Леѣ десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминалъ объ этомъ Леѣ въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требованіе совѣсти возлагало на меня обязанность рассчитаться съ Леей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обезпеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Кіевѣ я поѣхалъ къ Дмитрію Гавриловичу Вибинову. Былъ принятъ очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Распрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой Кюстина *la Kupie et les Kupes*;

остался очень доволенъ моими разсказами. При прощаньи спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѣду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибииковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Кіевъ — милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую пережвну къ лучшему. Болѣе другихъ любилъ я сестру Софію Димитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образной, въ спальнѣ моей матери, я разсказалъ матушкѣ мои отношенія къ Наимъ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и печальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хозяйствомъ и дѣлами по должности; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утрешнему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ и замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ вполне откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепьяно въ четыре руки; я дирижировалъ, потомъ матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежитъ на большой почтовой дорогѣ на Кіевъ, не проходило дня, что-бы кто нибудь не посѣтилъ насъ; посѣщенія эти мнѣ вѣрнѣе надоедали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; рассказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположеніе духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигетъ, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣе съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастью посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ поѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились въ тотъ же день, я провель тамъ нѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репнины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинъ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявшій въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репниныхъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и потомъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе милліона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего вошелъ въ значительные долги. Общано было уплатить изъ казны издержанные Репнинымъ деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанные Репнинымъ, не были

возвращены. Въ царствованіе государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генераль-губернатора, на имѣніе его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣній князя продано съ публичнаго торга (Почепъ, купленный Клейнмихелемъ), въ концѣ концовъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позанимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцати тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгини, князь былъ-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знававшій меня еще ребенкомъ, посѣщая часто нашъ домъ по пути изъ Повисовъ въ Яготинъ, принималъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этомъ отношеніи была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлерей. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ. превосходная копія Доу, достался моему отцу, особенно преданному памяти Бла гословеннаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣйшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, но добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту.

Изъ постороннихъ въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, брѣвнякаго и здороваго тѣлосложенія, рабой, съ мутными карими, неглухими глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчательнъ чистотою малороссійскаго языка, плавнымъ, мѣрнымъ стихомъ, звучными строфами, задушевымъ чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священнаго огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но *de mortuis aut bene, aut nihil*, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репниними, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Разказы Фишера были очень интересны; онъ ѣздилъ въ Египеть, на мысъ Доброй Надежды и знакомилъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кievской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія каковаго нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демію художествъ, и живѣнись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генералъ заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціями. Портретъ, нарисованный Шевченкою, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вывѣску цирюльника. Генералъ, проѣзжая однажды мимо цирюльни, увидѣлъ себя на вывѣскѣ и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагая двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ нѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя неминуемую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерею портрета Жуковского, написаннаго по этому случаю Брюловымъ; нѣтъ надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была черства душа челоуѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *тѣмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступилъ Шевченко въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько разъ игралъ я на фортепьяно въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, польскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языкѣ либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борьбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героическаго и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ цѣлу спора у меня сорвалось слово: *измѣнникъ*, и мы чуть-чуть изъ за этого не разошлись. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ языкѣ, я былъ противоположнаго мнѣнія и увѣрялъ, что Шевченко владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьезную и на языкѣ обще-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятинъ, съ закругленною рѣвкой, представлялъ удобное и вполне барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Кіевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерскѣ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кіевскій комендантъ и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Кіевъ въ Турцію, и проситъ позволенія назначить въ домъ Разумовскаго временный постоя, наравнѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, но потомъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно послали въ Кіевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригинальный способъ избавиться отъ постоя? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Вѣдиль я потомъ въ Дехтари, помѣстье Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ К., сестрѣ мужа моея кузины, о которой упоминалъ выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старыи, но болѣзненный человекъ, типъ богатаго малороссійскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была прімилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтари однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Капельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первая

скрипка: крѣпостной Артемъ, прожившій три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурны. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюръ. Краузе хвалилъ мои произведенія, но какъ опытный капельмейстеръ посоветовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохіе, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслить въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Въздилъ именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Насмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антипатіей къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Галаганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ, жила открыто и издерживала всѣ свои доходы, довольно значительныя—на приемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Доморощенный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большіе праздники всегда бывало много гостей въ Мосевкѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только ближайшіе сосѣди, но изъ дальнихъ мѣстностей всѣ ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили дня три, четыре у гостепріимной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троциной.

Григорій Степановичъ человекъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ мѣщанина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, брилліантовые запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнога туалета. Высокопарная рѣчь, по большей части бессмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, пріобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими пожертвованіями, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посягательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общезвѣстныхъ и избытыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшіеся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скупость, доходившая до скряжничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическія черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ пополнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они приняли въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисеѣвну Троцину. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество брилліантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисеѣвнѣ. Анна Елисеѣвна была не хороша собою, но слыла не глухой, скромной и доброй дѣвушкой, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисеѣвна превосходная партія и что не мѣшало-бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисеѣвной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на мои нервы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ очень вѣжливъ и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Мосевкѣ, куда отправились мы всѣ вмѣстѣ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковалъ ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, посѣтивъ Галагана, не пріѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіанской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій понесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кружокъ собравшійся около насъ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считая себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкой, гостившимъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и гениальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ много недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и нѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляетъ что-то непослѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отправлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперъ, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно пишутъ музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя“.

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но считъ своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушкѣ. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадрили Анну Елисеѣвну, не смотря на сильную къ ней антипатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Москвѣ, и приѣма гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отправился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ-бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части слѣдуетъ).

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. ¹⁾

Религіозная жизнь извѣстнаго народа не можетъ развиваться иными путями, отличными отъ тѣхъ, какими совершается развитіе остальныхъ сторонъ его исторической жизни. Поэтому идеи и направленія, руководящія въ данное время жизнью общественною и политическою, непремѣнно отражаются въ событіяхъ жизни церковной. Это положеніе, примѣнимое къ исторіи каждаго народа, находитъ особенно яркое подтвержденіе въ примѣненіи къ прошлой жизни южно-русскаго племени, для котораго вѣра долгое время служила знаменемъ народности. Судьба южно-русской церкви была всегда неразрывно связана съ судьбою его народныхъ началъ, и потому эпохи торжества послѣднихъ были въ тоже время эпохами торжества первой, и наоборотъ. Аналогія эта не ограничивается лишь единствомъ ихъ вѣшной судьбы: она можетъ быть распространена и на внутренній строй жизни церковной и общественной. Какъ извѣстно, основными чертами народнаго южно-русскаго общественнаго строя были всегда стремленіе къ равноправности и къ самоуправленію и выборное начало. Я хочу показать, что тѣ-же черты были основными и для внутренняго церковнаго строя въ южной или, точнѣе, юго-западной Руси и что борьба за сохраненіе ихъ составляетъ главное содержаніе исторіи западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. Само собою разумѣется, что, во вниманіе къ условіямъ мѣста и вре-

¹⁾ Читано въ годичномъ собраніи Общества преподобнаго-Нестора Лѣтописца, 11-го марта 1884 г.

мени, я буду избѣгать подробностей въ раскрытіи моей мысли и постараюсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ избраннаго для настоящей бесѣды предмета.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси въ время XIII и первой половины XIV в.в., трудно сказать что-нибудь опредѣленное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но группируя отрывочныя свѣдѣнія слѣдующей за тѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организациі церковныхъ отношеній не было здѣсь прервано татарскимъ и затѣмъ литовскимъ завоеваніемъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ-же началъ, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII в.в. замѣчаемъ, что избраніе епископовъ, совершавшееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по созволенію великаго князя, постепенно становится дѣломъ мірянъ, представителей мѣстныхъ паствъ. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избраніе епископовъ принадлежало народному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что, по смерти или удаленіи епископа, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посылалъ къ киевскому митрополиту для посвященія. Впослѣдствіи въ московской Руси обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избраніе епископовъ совершалось по прежнему обычаю, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего «людства» той епархіи, для которой избирался архипастырь. Когда здѣсь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ-же порядкомъ совершалось обыкновенно избраніе и киевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ составъ избирателей входили князья, бояре и «людство» не одной какой-либо епархіи, а всей митрополіи. Таже система избранія примѣнялась къ замѣщенію и другихъ степеней церковныхъ до низшихъ клириковъ включительно. Имѣются документальныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ XVI в. архимандритовъ киево-печерской и другихъ обителей избирали не одни старцы монастырскіе, но также князья, земляне и

бояре кievской земли; а виленскіе мѣщане до временъ уніи сами избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей. То же встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западной Руси.

Избирательная система обыкновенно сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную нравственную связь; такъ было и въ данномъ случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды мірянъ, западно-русское духовенство XV—XVI в.в. жило одною жизнью съ своими пасомыми, принимало видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устранило мірянъ отъ такого-же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ церковнаго вѣдѣнія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльные княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ «радъ» или совѣтовъ; въ XVI в. мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ, а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 г. можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества литовскаго. Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нѣчто такое, что должно подлежать вѣдѣнію всѣхъ и cadaго изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Оказывая церкви покровительство и щедрія благодѣянія, свѣтскіе люди того вѣка считали своимъ правомъ блюсти за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, что-бы представители церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и отношеній: напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство мірянъ въ такія дѣла, которыя и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Сохранились документальныя свидѣтельства о томъ, что міряне входили въ составъ *духовныхъ судовъ* не только епископскихъ, но даже митрополичьихъ, и принимали участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся собственно церковнаго управленія. Наконецъ міряне участвовали въ *церков-*

ншихъ соборахъ, которые обыкновенно были созываемы для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV в. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы митрополита, то великій литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ одними епископами, но, слѣдуя очевидно мѣстному обычаю, събра все князи литовскихъ и русскихъ земель, и бояръ, и вельможъ, архимандриты-же и игумены, и благоговѣйныя иноки и попы, и сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ: былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отдѣленіи кievской митрополіи и объ избраніи въ митрополиты Григорія Симвлака. Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, не измѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI в. на нихъ появляются, кромѣ князей, землянъ и другихъ »зацныхъ свѣтскихъ становъ«, еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ.

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западно-русской церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI в. нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви, такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ воззрѣній южно-русскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самими благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система по самой природѣ своей не могла не служить наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ избранію обыкновенно предшествовало »взысканіе многое« достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управления и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное участіе къ интересамъ церкви. При этихъ

условіяхъ церковь оставалась живымъ національнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ устройствѣ княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направленіи и въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, прямо содѣйствовавшія его разрушенію. Опасность заключалась не въ томъ лишь одномъ, что со времени Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры. Сознавая, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключеніемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, не только постоянно относились къ православной церкви съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Но въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, злоупотребленіе которымъ въ послѣдствіи принесло страшное зло для западно-русской церкви и привело ее къ крайнему разстройству; то было знаменитое ихъ право «подаванья столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», т. е. право жалованья архіерейскихъ кафедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ инвеститурой нѣмецкихъ императоровъ, всецѣло вытекало изъ феодальнаго литовско-государственнаго строя, по которому великій князь признавался верховнымъ государемъ всѣхъ земель на территоріи княжества, а слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которыя принадлежали епископскимъ кафедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ кафедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каковое утвержденіе и называлось «подаваньемъ». Такимъ образомъ «подаванье» не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными

имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались »подавцами хлѣбовъ духовныхъ«. Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху уніи, когда польскіе короли многократнымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія¹⁾. По мѣрѣ безпрестаннаго жалованья литовскими государами служилымъ людямъ— князьямъ, землянамъ и боярамъ—земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходило и право »подаванья« по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право приобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступить это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право »подаванья«, первоначально принадлежавшее одному лишь верховному государю, раздробилось въ послѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ кафедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не розданныхъ въ частныя руки. Нерѣдко король жаловалъ право »подаванья« церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

Нечего и говорить о томъ, что право »подаванья« рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое

¹⁾ Авторъ знаменитаго *Апокрисиса* (изд. въ 1597—1599 г.), нисколько не отрицая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: »Иная есть речъ урядъ (духовный), а иная—добра до уряду для доброго его отправованья прилучоны. Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, добра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бывають« (Русская Историч. Библіотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

время и сами литовскіе князья, и частныя лица, умѣренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковнообщественныя отношенія было почти не замѣтно. Долѣ всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и епископы до начала ХVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ ¹⁾, господарское-же право «подаванья» при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что во-первыхъ безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право «подаванья» въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земляне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удѣльныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множество понятій и чертъ, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и свято чтли «стародавніе звычай» своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ «шпитали» для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права «подаванья». Часто случалось, что они выпрашивали у короли ту или другую церковь или монастырь, находившіеся въ его подаванья, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей «опекѣ и оборонѣ» и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобнымъ патронамъ, что они «не мають отъ своихъ церквей пожит-

¹⁾ Авторъ *Апокрисиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ ХVI в., православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыя королевскія грамоты, подтверждающія ихъ право избирать себѣ духовныхъ властей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

ковъ некоторыхъ собѣ мети, но сами мають церкви Божіи всякими речми надавати и направляти и ихъ въ opiekъ своей и оборонѣ мети«¹⁾. Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и стариннымъ, древне-русскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, но утверждалъ основатель или князь²⁾. Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваньи, какъ наприм. кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни именно этотъ порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и мѣстными обывателями, а королю принадлежало лишь право утвержденія избраннаго³⁾; другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частнымъ лицамъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены челоувѣка >годного, хто будетъ любъ брати, старцомъ того монастыря«⁴⁾. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ⁵⁾. Можно думать, что и право подаванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является впоследствии. Во времена, предшествовавшія люблинской уніи, когда не существовало еще вполне обязательныхъ отношений между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ — землянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разбѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли конечно брать подъ свое особое попеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и матеріально обеспеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужите-

¹⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 124.

²⁾ Исторія р. церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

³⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

⁴⁾ Акты запад. Россіи, т. II, № 117.

⁵⁾ Валенскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

лей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. названіе »поповъ посполитыхъ«. Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (копныя суды), также имѣли свои церкви и сами свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священно-служителей для такихъ церквей вполнѣ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ немъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избраніе и утвержденіе новозбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Наиболѣе раннее указаніе о злоупотребленіи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. »Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірскаго славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каедры и принимаютъ эти каедрны *безъ совѣта и согласія митрополита и епископовъ и безъ осмотра и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*«. Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходсахъ. Съ другой стороны соборъ жаловался, что нѣкоторые православныя князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея; другіе по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобныя злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки

святительскихъ кафедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ »верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшнаго злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: »никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ли, или игуменъ, или священникъ, или мірянинъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и государь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ государю и объявить недостойнство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать такому посвященіе«. А если кто-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана «¹⁾.

Государь, вмѣшательства котораго въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ и гонителемъ православія, напротивъ это былъ умный и вполне вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а живя почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполне усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ извѣстно, избирательное начало было всегда чуждо римскокатолической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластія. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разныя виды симоніи, подкуповъ и искательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ и бенефицій. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что

¹⁾ Дѣянія Виленскаго Собора.—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде шли римскому двору отъ лицъ, искавшихъ церковныхъ должностей. Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ-же широко понимать и принадлежавшее ему право подаванья по отношенію къ православной западно-русской церкви; отсюда и происходили справедливыя опасенія отцевъ виленскаго собора. Тѣ «подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священниками», о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явленіе: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такіе преждевременные кандидаты назывались *номинатами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искательства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ не энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ извѣстно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмундѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Коптя, котораго онъ посылалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татаръ. Исполнивъ порученіе, Коптя издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его — и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василю Евлашкевичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру — луцкую или владимірскую (обѣ самыя богатяя по имѣніямъ), какая прежде станеть праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Копти и за понесенныя имъ на службѣ издержки даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и общается » тое епископуши никому иному не

отдавати «, кромѣ отца его ¹⁾). А въ 1524 г. нѣкто Андрей Дятле-
вичъ изъ Кіева повѣдалъ королю, что имѣеть намѣреніе сдѣлаться
священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть
уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ
просилъ, взаменъ этой платы, дать ему въ Кіевѣ три церкви коро-
левскаго подаванья: межигорскую, іорданскую и рождественскую. И ко-
роль охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дятлевичу три
названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же хо-
датайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій ²⁾). Очевидно,
что, поступаая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался
желаніемъ намѣренно вредить православію, да едва-ли онъ и со-
знавалъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корнѣ главную силу
церковной іерархіи и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же
точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католической
церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего ревниво оберегалъ,
какъ ему казалось, прерогативы своей верховной и заботился объ умно-
женіи королевскихъ доходовъ. Онъ впрочемъ допускалъ и существо-
ваніе прежнихъ выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но
ввелъ новый обычай, клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно:
бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежные приношенія,
такъ называемыя «чолобитья», каждый разъ, когда утверждалъ
избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандричьи
мѣста ³⁾; значить, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ
церковную должность, и отъ тѣхъ, кому «подавалъ» іерарховъ.
При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ вѣротерпи-
мостью своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церков-
ныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ
изъ употребленія и замѣняется искательствомъ и подкупами у короля и
его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ
награду выслужившимся предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вни-

¹⁾ Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 105.

²⁾ Ibidem, № 110.

³⁾ Акты южн. и зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. церкви,
митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

манія на нравственныя ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизациіи было положено въ самое по видимому благоприятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими попытками къ введенію уніи, когда объ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ въ правленіе лучшихъ и наиболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государя своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означенной дезорганизациіи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей уніи, какъ то обыкновенно утверждаютъ наши историки уніи, по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба эти короля совершенно такъ-же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?— Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зрѣвшаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны оно чутко прислушивалось къ ходу событій въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католическаго міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и

свободно распространялись ихъ ученія. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ вилонскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка нѣкогда православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Примѣръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилій, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣлалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человекъ былъ вполне отъ него свободенъ¹⁾. Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религіознымъ броженіемъ, исподоволь совершался еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полного господства въ немъ польскаго вліянія. Люблинская унія справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, знаменующимъ начало кореннаго измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію древне-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободного землевладѣнія, уничтожила древнее разнообразіе сословныхъ группъ, до того времени чуждыхъ строгаго разграниченія и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественныя категоріи: шляхтичей и людей посполитыхъ. Завязываніе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ, и усвоеніе привычекъ и формъ шляхетскаго общежитія. Подъ вліяніемъ этого въ русско-шляхетскомъ обществѣ становятся господствующими такіе пороки, какъ стремленіе къ роскоши и тщеславію и отсюда всеобщая погоня за наживой и неразборчивость въ средствахъ къ ея достиженію, сословное высокомеріе и чрезмѣрная ревность къ охранѣ своего приви-

¹⁾ Kuzaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helwekiego w Litwie.

легированного положенія; отсюда презрительное отношеніе къ людямъ низшихъ сословій и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ бывшихъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новыя сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затмѣвали въ нихъ сознаніе національной ихъ индивидуальности: въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противопоставленіе »Руси« и »ляховъ«: ихъ племенное различіе какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: »шляхта и рыцарство закону греческого и римского«. Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ прежнюю силу: съ одной стороны тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности-же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой »русской« вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую, а съ другой то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь поголовно все западно-русское дворянство, то все же значительно расширявало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религиозный индеферентизмъ.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ съ эти послѣдствія общественнаго перелома, связаннаго въ исторіи юго-западной Руси съ эпохою люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской церкви. Прежде всего сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и мірянъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества и парализовала ихъ совмѣстное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія вмѣстѣ съ немногими представителями блага духовенства образовала изъ себя *шляхту духовного стану* и скоро совершенно слилась во всемъ съ »панами *шляхтою станомъ свѣтскихъ*«, а низшее духовенство зачислено было въ ряды »*постолитого стану*« и вмѣстѣ съ нимъ обречено на жертву само-

властию со стороны «становъ шляхетскихъ». Получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, священники привыкли подчиняться имъ даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы собственно подданическихъ отношеній и касались прямо ихъ пастырскихъ обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье подаванье, тому и послушаніе поповъ. На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники и арендаторы третировали священниковъ, какъ своихъ подданныхъ, сами и судили ихъ, сажали въ свои тюрьмы, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ быта сельскаго духовенства, самое званіе православнаго священника пало такъ низко, что, по свидѣтельству современниковъ, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только одно «сметье людское, голодные и неукы тиснулись» въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, «ужъ трудно было розознати, где былъ частіи пресвитеръ: въ корчмѣ, чи въ церквѣ». Совершенно обратнo измѣнилось теперь положеніе высшаго духовенства, въ ряды котораго стали стремиться одни шляхтичи, часто представители именитыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Польшѣ, гдѣ высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельможъ и государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, высшія сословія которой переживали тогда экономическій кризисъ. Вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и старались отыскать новые. Такъ какъ православныя епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, то отсюда становится понятной охватывшая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за «духовнымъ хлѣбомъ», т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ королю и на-

перерывъ другъ предъ другомъ выпрашивали у него жалованья грамоты на духовныя должности—кто за военную службу, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство прямо за деньги. Принявъ посвященіе, шляхтичи, нимало не измѣняли прежняго образа жизни и прежнихъ привычекъ и нравовъ и на каждомъ шагу попирали самымъ дерзкимъ образомъ церковныя правила и предписанія. Многіе вступали въ управленіе епархіями или монастырями, имѣя живыхъ женъ и, посвятившись, продолжали вести прежнюю семейную жизнь. Эти непризванные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ: все вниманіе и всё ихъ помыслы были поглощены одной заботой—о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили »крылошанъ«, т. е. соборныхъ священниковъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. п. Не довольствуясь этимъ, владыки произвольно налагали поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви. Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквами, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями. Въ своей частной жизни владыки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ шляхтичей и съ излишествомъ предавались всѣмъ порокамъ, какіе распространены были среди тогдашняго русско-шляхетскаго общества.

Таковы были послѣдствія новой системы отношеній въ западно-русской церкви. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты ея древняго, соборнаго строя, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало-по-малу уступилъ мѣсто королевскому и частному »подаванью«, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, духъ жизни сталъ угасать въ живомъ до того времени и дѣятельномъ организмѣ церковномъ и не

прошло полувѣка, какъ въ немъ обнаружались печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами, которыя можно было купить за деньги; на архіерейскихъ кафедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковныя обычаи; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица опозоренныя тягчайшими преступленіями спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ порочныхъ пастырей, предавались пьянству и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ сами пасомые, лишеныя духовнаго руководства и потерявшіе всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отцевской вѣрѣ и толпами уходили въ чужія вѣры и секты, другіе-же стали склоняться къ мысли объ униі. При созерцаніи всего этого становится совершенно понятнымъ отчаяніе современниковъ, о которомъ въ 1591 г. львовскіе братчики увѣдомляли константинопольскаго патріарха, что многіе изъ православныхъ смущаются недоумѣніемъ: не настоятъ-ли время гибели православной церкви?

Западно-русская церковь однакожь не погибла и была обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ея соборныя преданія не были окончательно забыты западно-русскимъ обществомъ и сохранились въ чистотѣ среди низшихъ классовъ населенія. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, мысль о реформѣ церковной находила все большее число сторонниковъ; не доставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началъ должна быть предпринята эта реформа. Православные патроны, даже столь могущественные, какъ князь К. Острожскій, оказались безсильными не только предпринять такую реформу, но и указать путь и средства къ ней. Несравненно способнѣе и пригоднѣе къ этому дѣлу оказались западно-русскіе мѣщане, преимущественно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались само-

управленіемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества многихъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой уніи удержали право завѣдыванія своими церквями и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ и энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же архипастырей. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому роду торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою достаточно развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городами и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ болѣе крупныхъ городовъ, напр. Львова, Вильны и другихъ нерѣдко встрѣчались лица, обладавшіе настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западно-русское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и не смотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствию протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцевской вѣры. Мы готовы даже допустить, что проповѣдь реформаціи нѣкоторыми ея сторонами, напр. отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрующихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под., скорѣе могла оказывать полезное вліяніе на западнорусскихъ мѣщанъ, развивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соотвѣтственныя начала православнаго ученія, столь же противоположныя началамъ католическимъ, и приучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ собственныхъ своихъ іерарховъ. Какъ-бы то ни было, но нельзя не признать, что западнорусское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ реформы церковной, тѣмъ болѣе, что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, которыя могли стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковныя братства.

Извѣстно, что братскіе мѣщанскіе союзы существовали въ нѣкоторыхъ западно-и южно-русскихъ городахъ еще съ половины XV в., но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ:

отчасти религиозныхъ и отчасти цеховыхъ корпорацій. Но съ наступленіемъ послѣдней четверти XVI в. церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какія нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Въ это же время обнаружилась недостаточность одного попеченія о матеріальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, что составляло доселѣ задачу братствъ, и мѣщане стали убѣждаться въ необходимости такихъ учреждений, которыя имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквямъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости реформировать ихъ внутренней строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Такая реформа и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ. Воспользовавшись пріѣздомъ во Львовъ антиохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для южно-русскихъ братствъ. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религиозно-благотворительныя цѣли, но является общецерковнымъ учрежденіемъ, задача котораго во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства, во первыхъ, теряютъ прежній, полuceховой характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могли вступать и мѣщане, и знатные шляхтичи, и посполитые, и вообще люди «всякого стану», и притомъ не одни мужчины, но и женщины; во вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, т. е. помощи церквямъ, »шпиталямъ« и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, братства считаютъ теперь главнѣйшимъ своимъ дѣломъ: открытіе училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ; и въ третьихъ, въ видахъ достиженія единства и солидарности

своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью. Патріархъ видѣлъ, что въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная сила, могущая реформировать западно-русскую церковь, и потому не только утвердилъ новый братскій уставъ, но и съ своей стороны даровалъ имъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, братства являлись законными органами высшей церковной власти. Такъ имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе, наблюдать за жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ стороннихъ, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, и не исправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію; наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право надзора за дѣйствіями и поступками самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ оуправлялъ своей паствой не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть >противиться ему, какъ врагу истины«. Пользуясь этими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержку православныхъ дворянъ, которые стали охотно вписывать свои имена въ братскіе реестры, братства настойчиво стараются простирать свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами западно-русской церкви и обуздать своевольное и безнравственное духовенство: они ставятъ архіереямъ на видъ всѣ безобразія, творившіяся тогда въ іерархической средѣ, побуждаютъ ихъ созывать ежегодно соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленные къ коренной церковной реформѣ и къ возстановленію древняго ея благоустройства. Такъ, напр., въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ братскіе >послы« или депутаты внесли между прочимъ слѣдующія важныя предложенія: объ измѣненіи существовавшихъ порядковъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти должности путемъ избранія, а равно объ учрежденіи въ юго-западной Руси постоянного мѣстопробыванія патріаршаго экзарха или намѣстника въ видахъ усиленія надзора за жизнью и дѣятельностью высшей іерархіи.

Наконецъ, потерявъ надежду на добровольное исправленіе своихъ владыкъ, братства стали побуждать константинопольскаго патріарха къ созыву чрезвычайнаго собора для суда надъ ними.

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ стали тогда многіе изъ архіереевъ, уже достаточно усвоившіе шляхетско-католическую теорію о непререкаемости авторитета власти епископской и невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ отъ патріарховъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ архіереевъ поднялся вопль о томъ, что патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ: шевцамъ, сѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопья-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣливаются вмѣшиваться въ церковное управленіе и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что-нибудь «о себѣ промышляти». Это «промышленіе» о себѣ западно-русскихъ архіереевъ выразилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уніи и въ число главныхъ условій этого договора внесли требованіе, чтобы выданныя братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ. Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уніи, а о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ одинъ изъ современниковъ выразился, что онъ, тожимый со стороны львовскаго братства, былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самаго дьявола, а не то что римлянъ. Архіерейское вѣроотступничество нимало не остановило начавшагося на Руси своего рода реформаціоннаго движенія: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви со стороны владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія, и такимъ образомъ архіереи сами подали поводъ къ еще болѣе рѣшительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Заволновались церковныя братства, къ нимъ присоединились мѣщане и большинство православныхъ дворянъ, и всѣ въ одинъ голосъ протестовали противъ уніи и заявляли именемъ всего русскаго народа, что не признаютъ бо-

лѣе измѣнниковъ-архіереевъ своими пастырями. Напрасно король старался успокоить эти волненія, угрожая мѣщанамъ и убѣждая дворянъ, что они, люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архипастырями, но должны безпрѣкословно слѣдовать за ними, не испытывая, чему учать тѣ, которыхъ Духъ св. далъ имъ въ вожди до конца жизни. Этому, чисто католическому принципу православные противопоставляли свой, соборный принципъ и утверждали, что безъ совѣшаній соборныхъ и безъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи. Вскорѣ былъ открытъ знаменитый брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ «колей» или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся однако вмѣстѣ, и разсуждавшихъ сообща. Коло свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго; въ его составъ входили депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также отъ церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, прибывшіе на соборъ съ инструкціями отъ своихъ избирателей, сходными въ двухъ главныхъ требованіяхъ: а) чтобы митрополитъ и владыки, самовольно подчинившіеся папѣ, были низложены и лишены духовнаго сана, и б) чтобы затѣянная ими унія была отвергнута. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клерикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ не согласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику—латинству; разсчитывая при его помощи достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ, оно въ свою очередь старается, въ видахъ самосохраненія, оживить и яснѣе сформировать свое основное начало. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ борьбы между уніей и православіемъ, открывшейся тотчасъ послѣ брестскаго собора.

Унія стала теперь вѣдшимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархическаго полновластія въ церковныхъ отношеніяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры и самоуправленіе въ дѣлахъ церкви, какъ религіозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, не смотря на первоначальную малочисленность открытыхъ ея приверженцевъ и вообще негодованіе, съ какимы встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появленіе, не поглыбла преждевременною смертію, но съ теченіемъ времени стала пріобрѣтать сочувствіе и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ недавно еще клялась на брестскомъ соборѣ оказывать ей всевозможное противодѣйствіе. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборнаго строя, основаннаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому бессловесно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ южной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавшіе за него свое достоинствіе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ православной церкви, нежели въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа, въ лицѣ его представителей—козаковъ.

Чтобы иллюстрировать наши положенія, обратимъ вниманіе на полемическую литературу того вѣка, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣже основныя принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе-же то были принципы? Если исключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ обра-

зою къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ въ первомъ пемическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту уніи, проводятся слѣдующія воззрѣнія: соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса; право разсуждать объ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не мірянамъ, которые обязаны слѣпо вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями своихъ пастырей, даже и тогда, когда бы они заблуждались, ибо и въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловнаго повиновенія имъ. Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ »Апокрисисѣ«, искусно опровергаются эти папистическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ, соборныя понятія православной церкви. Съ особенною смѣлостью авторъ »Апокрисиса« развиваетъ и защищаетъ тезисъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ усволяетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о догматахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ объ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ Апокрисиса называетъ *жидовскимъ* ученіемъ, говоря, что »такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ рабиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество нелѣпныхъ выдумокъ, приказали жидамъ вѣрить всему этому подъ угрозой проклятій«; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать, согласно-ли съ словомъ Божиимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вразумлять послѣднихъ, когда они заблуждаются или поступаютъ незаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложенію; »ибо, говоритъ онъ, кто имѣетъ право избирать духовныхъ, тотъ можетъ и низвергать ихъ«. Уніатскіе писатели объявили автора »Апокрисиса« еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣже воззрѣнія были повторяемы и другими, несомнѣнно православными по-

лемистами. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія простого южно-русскаго монаха, Іоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ то время въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и оттуда приславшаго въ Малую Русь свои истиннѣ «соборныя» посланія. Вишенскій не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и безъ сомнѣнія вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго общества. Въ своихъ посланіяхъ онъ проводитъ тѣ же воззрѣнія, что и авторъ «Апокрисиса», но формулируетъ ихъ съ большею еще смѣлостью и рѣзкостью. «Да будутъ прокляты, восклицаетъ онъ, владыки, архимандриты и игумены, которіе на мѣстахъ святыхъ лежучи, гроши збирають, жены украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты зиждуть, роскошь свою поганскую исполняютъ». Онъ прямо провозглашаетъ, что «хлопы, кожемяки, сѣдельники, шевцы», вообще міряне и престолюдины—это и есть самое тѣло церкви, имѣющее, по гласу Христову, власть «скверно-начальника (архіерея) извергнуть, осудить и даже подвергнуть отлученію». Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣждаетъ православныхъ: «всякого такого, который на священнической санѣ не по правиламъ восходитъ, але похоти плотскія ради, мнѣнія и панства самъ насакуеть, не пріймайте, и отъ короля даного, безъ вашего избранія, изжденѣте и прокленѣте. Лѣпше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкви ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, у церкви быти и съ тои ся ругати. Не попы бо насъ спасуть, или владыки, или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненіемъ заповѣдей Божиихъ—тое насъ спасти маеть».

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсъ клерикальнымъ тенденціямъ латино-уніатской партіи. Правду сказать, никогда еще соборный принципъ православной церкви не формировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ нами полемистовъ, особенно же у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Мы упомянули, что латино-уніатскіе писатели признавали ихъ мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; къ этому прибавимъ, что такими-же

отчасти признаются нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными богословами. Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Скажемъ лишь, что голосомъ всей западно-русской церкви подобныя мнѣнія признавались тогда вполне православными, а если кто изъ православныхъ начиналъ смущаться ихъ церковно-республиканскимъ характеромъ, тотъ неминуемо оканчивалъ тѣмъ, что измѣнялъ православію и оказывался въ рядахъ униі. Это именно и случилось съ однимъ изъ талантливейшихъ слугъ и защитникомъ православія, извѣстнымъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершенныхъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, неожиданно сталъ соблазняться тѣмъ, что въ южно-русской церкви »не духовные въ справахъ духовныхъ радятъ, але свѣтскіе, а дѣховные (какъ онъ выражался) только рго фогта«, и это сознаніе произвело столь рѣзкій переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свою прежнюю дѣятельность, признавъ ее насажденіемъ на Руси »лютерской и кальвинской ересей«, и перешелъ въ унию. Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрявшіе такое участіе. И когда въ 1620 г., въ южной Руси была снова восстановлена высшая православная іерархія и вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ-же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., приняла себѣ въ руководство слѣдующее постановленіе: »Не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не смѣетъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Поэтому не гнѣваться на младшихъ или низшихъ степенью, если-бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научиться. Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были немалыя головы, не смотря на то предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые люди, дерзали обличать ихъ безбоязненно. Тоже подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ«.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца существованія самостоятельной кievской митрополіи, всѣ церковныя должности въ Малороссіи отъ митрополита до приходскаго священника были избирательныя и общеніе между духовнымъ и мірскими сословіями было такъ тѣсно, что нерѣдко на высшія духовныя достоинства были избираемы заслуженные козаки, и наоборотъ—лица духовныя при случаѣ выбирались въ войсковыя должности. Такъ еще въ 1692 г. въ архимандриты кievо-печерской лавры былъ выбранъ единогласно значный войска запорожскаго товаришъ, войсковый генеральный судья Михаилъ Вуяхевичъ, а подъ 1715 г. малороссійскія лѣтописи передають, что какой-то протопопъ Лисовскій »того року сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверномъ учинень». Что-же касается сельскаго малороссійскаго духовенства, то и въ настоящую пору живо еще поколѣніе, которое хорошо помнитъ тѣ времена, когда сельскія »громады» на Украинѣ вольными голосами выбирали къ своимъ »парахвіямъ» священниковъ и заключали предварительный договоръ относительно ихъ обезпеченія и вообще взаимныхъ отношеній. И кто знаетъ, не въ этой-ли свободѣ отношеній между пастырями и пасомыми кроется объясненіе того, почему у насъ въ старину и духовенство было дѣятельнѣе, и школы и шпитали существовали почти при каждой церкви, и общество иначе относилось къ церкви и къ духовенству, и не было слышно тѣхъ нареваній на него, какими столь богато наше время.

О. И. Левицкій.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

IV.

Вѣсть о томъ, что Балабуха отбилъ ольшаницеую парафію у Моссаковского, пришла скоро въ Чайки. Какой-то дячекъ, бывъ въ Ольшаницѣ, заѣхалъ въ Чайки и передалъ эту вѣсть матушкѣ Прокоповичѣ. Отецъ Степанъ на ту пору отдыхалъ въ пасѣѣ. Лишь только гость за порогъ, матушка опрометью бросилась въ пасѣку и чуть не опрокинувъ улья на пути, влетѣла въ «катрагу». О. Степанъ сладко почивалъ, лежа на спинѣ и вольно раскидавъ руки и ноги. Матушка дернула его изо всей силы и крикнула на всю пасѣку.

— Чи ты знаешъ, що сталося? Чи ты знаешъ, що діється?

— Га, що, де? Пожежа! крикнулъ въ свою очередь панъ-отець; схватившись съ своего ложа и усѣвшись на лавѣ.

— Чи ты знаешъ, що сталося? крикнула еще громче пани-матеа и толкнула своего «господинѣа» въ бокъ.

— Що? церква горить? Дзвони на гвалтъ! лизь на дзвиницю! кричалъ въ просонкахъ Прокоповичъ.

— Лизь уже ты на дзвиницю, та дзвони. Пропала Вильшаниця, та вже й не вернется.

— А, злодін! Хтось укравъ Вильшаницю? Запрягай кони та доганяй,—молоть совсѣмъ еще сонный панъ-отець.

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1884 г., іюньск. кн., стр. 267—288.

— Та перехрестись, та прочумайся! вразумляла его пави-матка. Яки тамъ злодія! Ось Балабуха одбивъ Вильшаницю у нашего Харитона. Тильки що бувъ дякъ, забула вже звидкиль, вступивъ до господы, та й розказавъ оце.

— Та чортъ ёго бери, коли одбивъ. Про мене, нехай соби носа одибъе. Тильки мене перелякала. Я думавъ, що може де нибудь пожежа, сказаль Прокоповичъ, занятый только сномъ и опасеніемъ пожара.

— Отъ тоби й на! Це гарный батько! А що жъ теперъ робитеме наша Онися? спросила Прокоповичка.

— Про мене, нехай соби й за Балабуху йде! пробормоталь Прокоповичъ, ничего уже не соображавшій;—на него налегъ сонъ и онъ, какъ снопъ, свалился на лавку.

— Та вставай, та давай намъ пораду! крикнула матушка и дернула мужа такъ, что тотъ чуть не полѣтъль подъ лавку и со страха уцѣпился обѣими руками за жену.

— Одчепись, бо якъ дамъ, то й перекиннешся! закричаль онъ еердито, снова сѣвъ на лавку: дай мени доспати, а потимъ...

И о. Степанъ сидя дремалъ, свѣсивъ голову и упершись руками въ колѣни.

— Вставай. Онъ архіерей прыхавъ! крикнула ему жена, замѣтивъ, что онъ дремлетъ.

— А вже-жъ! Пиддурить, якъ разъ, не откывая глазъ, проговориъ о. Степанъ и опрокинувшись на лавку лицомъ къ стѣнѣ, мгновенно захрапѣлъ. Жена плюнула съ досады и пошла въ комнаты на совѣтъ къ Онисѣ.

Онися ходила по свѣтлицѣ и спокойно забавлялась сѣмачками, точно ничего неприятнаго не произошло. Мать замѣтила ея равнодушный видъ, и ее разбирала невольная досада на равнодушіе къ случившемуся со стороны мужа и дочери и что ей одной приходилось мучиться за всѣхъ.

— Похожай доню, та насинячю лузай! проговорила она язвительнымъ тономъ, обращаясь къ дочери.

— А що-жъ маю робити! отвѣчала дочь. Хиба сяду, та буду слѣзы лити?

— Ато-жъ нема чого плакати? съ сердцемъ вскрикнула мать.

— Я, мамо, не зъ тихъ, що плачуть, спокійно сказала Онися и по прежнему ходила и грызла сѣмячки.

— Якъ не зъ тихъ, то про мене, йди замижъ за карапишанського дяка, бо вже попадею не будешъ.

— То й пиду! Оце велике лихо! Хиба дякъ не чоловікъ.

— Якій винъ чоловікъ! будешъ лито й зиму боса ходити та горщицею воду носити.

— Абы не дрявий горщикъ, та й носитиму, сказала Онися, глядя въ окно и не переставая грызть сѣмячки.

— Хиба-жъ ты думаешъ за ёго йти замижъ? крикнула матъ.

— А бо що?

— А те, що винъ попомъ у Вильшаници не буде. А якажъ друга громада выбере такого дурня за попа?

— Харитонъ не дурень. Я ёго люблю и за ёго замижъ пиду, хочъ-бы я на вики зосталась дачихою, сказала Онися, снова заглядывая въ окно.

Если-бы Онися не глядѣла въ окно, а взглянула на матъ, послѣдняя, быть можетъ, стала бы мягче и покойнѣе: равнодушіе дочери раздражало ее.

— То ты пидешъ за того дяка, за ту чехоню? Ба не пидешъ! крикнула матъ.

— Ба пиду й за чехоню, тихо сказала Онися, сдерживая гнѣвъ.

— Ба не пидешъ, бо мы тебе не отдамо!

— Я й сама пиду. Хиба я маленька, щобъ вы мене отдавали.

— Та мы тоби ничего не дамо! Пидешъ до ёго хиба пипки въ Карапиши.

— То й пипки пиду. Це мени не заважить.

— Пфу на того дурного дяка. Та вишь-же отъ хлибъ святой обминавъ, а до тебе й слова не промовивъ. Ото знайшла розумъ.

— Тимъ винъ мени й сподобався. Вмію я й сама говорити. Якъ бы въ ёго бувъ языкъ довгій, ябъ ёму наклала повенъ визъ гарбузивъ, ябъ вашому академистови.

— Якъ ты ёму не накладешь гарбузивъ, то я ёму накладу не то въ визъ, а въ ёго голову, бо въ ёго голова така розумна, ябъ гарбузь.

— И, вже ваше минуло. Не часъ вамъ гарбузувати. А я Харитона люблю и бильшъ ни за кого замаяъ не пиду, окримъ ёго, хочъ-бы тутъ двадцять академистивъ було.

Тяжело вздохнула мать, хлопнула дверью и пошла къ мужу. Отець Степанъ хропѣлъ такъ, что лавка подъ нимъ дрожала. Матушка поглядѣла, потопталась и не рѣшилась прерывать крѣпкій сонъ своего мужа, между тѣмъ пройдясь по саду, немного остыла, успокоилась и побрела въ комнаты. Онися ходила по свѣтлицѣ и грызла сѣмячки.

— Кто ёго зна, що це за люди, заговорила какъ-бы про себя мать, переступая порогъ: той хропе въ катрази, а ця насиннячко луза. Немае имъ дила ни до чого. Сама за всихъ влопочись, та й годи.

— За мене, мамо, не влопочись. Я сама за себе поклопочусь, сказала Онися.

Только что Онися произнесла эти слова, какъ на дворѣ залаяли собаки и раздался глухой трескъ вѣзжавшаго воза. Онися, не взглянувъ даже въ окно, догадалась о томъ, кто вѣзжалъ во дворъ. Догадывалась и мать и тѣмъ не менѣе спросила:

— А хто то прыхавъ?

— Вгадайте! отозвалась Онися, не обращаясь къ матери.

— Певне карапишанська чехоня, сказала со злостью мать, удаляясь въ комнату, и прибавила: крутись-же зъ нимъ, бо я не буду коло ёго панькатись.

Спустя нѣсколько минутъ отворилась дверь въ свѣтлицу и на порогѣ показался Моссаковскій въ черномъ длинномъ жупанѣ, въ сапогахъ на подборахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ рубахи, застегнутой на этотъ разъ голубой лентой. Лице его сияло, синія очи блестѣли тихимъ радостнымъ свѣтомъ. Русыя кудри свѣтлымъ пламенемъ охватывали кругомъ его голову. Подъ мышкой у него бѣлѣла паляница. Прокоповичка вскинула на Моссаковского черезъ порогъ не ласковыми очами, приотворила дверь и стала за ней. Моссаковскій взглянулъ на Онисю и на его матово-блѣдномъ лицѣ появился легкій румянецъ. Онися почувала въ себѣ непонятный страхъ при видѣ этого совсѣмъ смирнаго человѣка. Она чувствовала, какъ забилось въ груди ея сердце, какъ стыли ея руки и ноги.

— Добры-день вамъ! зъ недилею будьте здорови! тихо сказалъ Моссаковскій и поцѣловаль Онисю въ руку.

Онися поцѣловала его въ щеку и мгновенно почувствовала, что кровь хлынула ей въ лице, а руки и ноги совсѣмъ онѣмѣли.

— Доброго здоровьячка! спасыби вамъ! едва слышно отвѣтила Онися. Моссаковскій положилъ пальяницу на столъ, остановился и опустилъ руки. Онися попросила его сѣсть, Моссаковскій робко опустился на стулъ.

Настало молчаніе, Моссаковскій и Онися не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза. Мать стояла за дверью и все прислушивалась.

— Правда чехоня! подумала она послѣ нѣкотораго ожиданія, не вмѣ навить зъ дивкою поговорити й пожартувати. Мій отецъ Степанъ не такъ поводитися зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ.

Долго молодые сидѣли и молчали. Онися знала, что Моссаковскій готовъ до вечера молчать да смотрѣть на нее; но ей самой становилось неловко, и она наконецъ прямо заговорила о томъ, что у нихъ обоихъ было на мысли.

— Вы, Харитоне Петровичу, може думаете, що я одкинусь одъ васъ черезъ те, що вы втерали вильшаницьку парафію? Не думайте сѣго...

— Ни, я... ничего не думаю... на силу отозвался Моссаковскій и сказалъ правду: въ ту минуту онъ дѣйствительно ни объ чемъ не думалъ, но только глядѣлъ на Онисю и любовался ею.

— Я не одкинусь одъ васъ, я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы вы zostались дякомъ въ Карапишахъ, смѣло сказала Онися.

— Спасыби вамъ, Онисіе Степановно! Яки вы добри.

Мать за дверью такъ мотнула головой, что наметка на ея плечахъ приподнялась чуть не выше головы.

Моссаковскаго лице горѣло, глаза блестя отъ радости; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Ониси, но даже глазами не шевельнулъ.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы мій батько та мати не пристали на те, опять сказала Онися и съ этими словами схватилась съ мѣста и сѣла рядомъ съ Моссаковскимъ. Моссаковскій не выдержалъ, схватилъ ея руку и поцѣловаль. Онися цмокнула его въ щеку.

Мать, слышавъ цѣлованье, дернула дверью и вскочила въ свѣтлицу. Молодые сидѣли, потупивъ глаза. Лице Прокоповички было блѣдно, глаза горѣли, какъ угли.

— Оце гарно,—начала она, ей Богу гарно! Де весилля, а вони вже цмокаються.

— Ей Богу я ни въ чому не виненъ, тихо промолвилъ Моссаковскій, схватившись со стула и цѣлуя Прокоповичку въ руку.

Прокоповичка не знала, что дѣлать, что больше сказать; метнулась сюда-туда по свѣтлицѣ, такъ что намитка на ней заволоклась, и молча вышла въ садъ.

— Ваша паниматка на мене чогось сердаться, сказали Моссаковскій: вони не отдадутъ васъ за мене.

— Якъ не отдадутъ, то я сама пиду, сказала Онися, сердито глянувъ въ слѣдъ удалившейся матери.

А мать межъ тѣмъ бѣгомъ устремилась въ пасѣнку и, найдя мужа уже проснувшимся, накрыла его, какъ говорится, мовримвъ рядномъ:

— Иди вже до хаты, та говори зъ тимъ дякомъ. Вже прихавъ мабутъ по мою дупу!

— Отъ и добре, що прихавъ: буде зъ кимъ по чарци выпити.

— Тоби тильки по чарци. Готовый свою дитину пропити. Спать соби, а я одна клопочусь та бигаю.

— Вже правда, що розбигалась, якъ курка зъ яйцемъ; не дала й выспатись. И чого пакъ ты прибігала въ пасику гвалтувати? Що тамъ трапилось: чи пожежа, чи?...

— Пожежа! Добра пожежа! Балабуха одбивъ Вильшаницю одъ Моссаковського. Виддавай теперь дочку за дяка.

— А дочка що каже?

— А дочка здурила. Иди ще ты поговори зъ нею: цилуется зъ тымъ дурнымъ дякомъ, нема стыда й сорома.

— Гм... Гм... Це вже не до ладу... Треба щось робити... закончилъ Прокоповичъ, направляясь съ женой къ дому.

Тѣмъ временемъ Моссаковскій сообщилъ Онисѣ, что ольшаницкая громада выжила Балабуху и что владыка таби предоставилъ ему этотъ приходъ, какъ того желала громада. Онися сообразила, что въ такомъ разѣ ей и думать не объ чемъ и что родителямъ ея никакой нѣтъ нужды мѣнять свое слово. Одно то ея ждало, что, благодаря робости и молчаливости ея жениха, дѣло не вдругъ объяснится; но и это болѣе забавляло, чѣмъ безпокою ея.

Скоро появились панъ-отецъ и пани-матка. Моссаковскій привѣтствовалъ ихъ низкимъ поклономъ. Онися съ любопытствомъ поглядывала то на отца, то на мать. Мать съла на канапкѣ, надулась, глядѣла на стѣну и молчала. Отецъ смотрѣлъ покойнѣе и ласковѣе; не желая раздражать жены, онъ обратился къ Онисѣ и велѣлъ ей принести водки и закуски. Онися поспѣшно выходила; мать въ догонку говорила:

— Та нарижь, Онисю, теи паляницы, що лежить тамъ зъ самого верху!

Онися усмѣхнулась: съ самага верху лежала черствая паляница. Онися нарѣзала самой свѣжей и вынесла вмѣстѣ съ водкой въ свѣтлицу.

Выпили по рюмкѣ. Моссаковскій молчалъ, не имѣя привычки много говорить. Прокоповичка молчала съ досады и все глядѣла на стѣну. Прокоповичъ пробовалъ завести разговоръ, но, не вполне очнувшись еще отъ сна, только зѣвалъ во весь ротъ. Молчаніе и надутый видъ жены ему не нравились и онъ, желая развеселить ее, обратился къ ней съ шутливымъ вопросомъ:

— Чого це ты, паниматко, такъ пильно дивишся на стину? Чи мухъ личишь, чи що?

Прокоповичка бросила на мужа гнѣвный взглядъ и стала смотрѣть на печку такъ пристально, будто тамъ была очень искусно написанная картина.

Въ свѣтлицѣ опять стало тихо. Прокоповичъ еще разъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Всѣ молчали, Прокоповичъ вновь началъ поддразнивать жену.

— Отъ же ты, паниматко, захохалась въ груби. Дивися тай дивися на неи и очей не зводишь, сказалъ онъ.

— Говори вже ты; мени нема чого говорити, сердито отвѣтила Прокоповичка, не сводя глазъ съ печки.

Онися внутренно смѣялась. Моссаковскій глядѣлъ въ землю.

— Выпиймо ще по чарци! Може зъ чарки добудемо розмовы, сказалъ Прокоповичъ, наливая по второй.

Выпили по второй; языки въ самомъ дѣлѣ развязались. Прокоповичъ сталъ спрашивать Моссаковского про Ольшаницу, но издалека.

— Якъ же вы, Харитоне, думаете теперъ распорядитись собою? спросилъ онъ Моссаковского.

— Мени треба скоріше женитись, щобъ часомъ зновъ хтось не отбивъ у мене Вильшаныци, отвѣтилъ Моссаковскій. Прокоповичка перевела глаза съ печи на дверь.

— Яѣз же такъ! А Балабуха де дився? спросилъ Прокоповичъ.

— Балабуха мусивъ выхати зъ Вильшаныци, бо ёго громада не схотила держати на парафіи. Владыка оддавъ мени Вильшаныцю, сказаль Моссаковскій.

Прокоповичка перевела глаза съ дверей на Моссаковского и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Такъ оддавъ вамъ парафію? вскрикнула она, схватившись съ мѣста.

— Оддавъ, совершенно спокойно отвѣчалъ Моссаковскій. Громада настояла на своемъ. Теперъ мени треба поспішати, щобъ парафія зновъ не втикла зъ рукъ.

— Голубчику, Харитоне! Поздоровляю васъ одъ щирого сердца! воскликнулъ Прокоповичъ и бросилъ обнимать Моссаковского. Прокоповичка въ свою очередь начала обнимать и цѣловать его. Всѣ развеселились, всѣ говорили, никто никого не слушалъ. Прокоповичка засуетилась, завертѣлась, выскочила въ спальню и снова въ свѣтлицу вбѣжала. Она хохотала, закрывшись рукавомъ.

— А що, паниматько, коли поличила вси мухи, то ставъ могоричъ. Выносъ наливки, настойки, запиванки! Давай на стиль пироги, калачи, всяки ласощи, яви маещъ! Давай разомъ полудень и вечерю, выерикиваль Прокоповичъ.

Прокоповичка бросилась въ кладовую, въ кухню, подняла на ноги всю прислугу. Въ кухнѣ затопили въ печи. Закричали куры подъ ножемъ, завизжалъ поросенокъ, котораго влекли на закланіе. Въ свѣтлицу какъ будто на крыльяхъ влетѣли фляшки съ наливками и настойками. Откуда взялись пироги въ сметанѣ, бублики на яйцахъ, маковники, всякіе > пундики*. Пошла чарка за чаркой, полилась веселая бесѣда. На всѣхъ сіяла радость. Моссаковскій разговорился, раскраснѣлся, повеселѣлъ. Прокоповичка любовно глядѣла на его нѣжное съ румянцемъ лице и только теперь убѣдилась, что онъ похожъ отнюдь не на чехоню, а на какого нибудь панка.

— Теперъ хочъ и пидъ винецъ! не выдержала и поспѣшила высказаться Прокоповичка, выпивъ чарку запиванки: нема намъ чого

гаяться. Въ поли, хвалити Господа, зовсимъ обробились, дома роботы не гуртъ,—можно й погуляти.

— Про мене, хочъ и заразы, сказалъ Моссаковскій; бо справди нема чого гаяти часъ.

— Шкода, що вы не приехали зъ братомъ: мы-бъ оце поговорили зъ нимъ, якъ зъ сватомъ, говорила Прокоповичка, ласково глядя Моссаковскому въ глаза. Про те мы своей дочки не обидимо: е въ насъ, хвалити Бога, и худоба, й кони, й возы, й плуги.

— И спасибо вамъ, паниматко! Хто-жъ не знае про вашу добристь? Про це нема чого й говорити, съ довѣриемъ произнесъ Моссаковскій.

— Одна дочка, одна дитина: для кого-жъ мы дбали? прибавилъ Прокоповичъ, и тѣмъ кончились переговоры о приданомъ.

Пошла чарка опять изъ рукъ въ руки. И гость и хозяйка, перекидываясь веселыми шуткамъ и иприбауткамъ, принялись за полдникъ и не переставали выпивать и закусывать, пока не настало время «вечери». Прокоповичка, снимая со стола закуски и очищая мѣсто для ужина, со вздохомъ произнесла:

— Оце-жъ я наварила й напекла, та не буде кому вечеряти: колибъ Господь принисъ якихъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, пани-матко, отозвался Прокоповичъ: якбы Господь пославъ гостей, то все-бъ таки бильше зылось и выпылось въ кумпаніи.

Какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, неожиданно для всѣхъ въ свѣтлицу вошелъ старшій братъ Харитона, завернувшій мимо-ѣздомъ.

— Десь Господь послухавъ мои молитвы и принисъ васъ, неначе на крылахъ! радостно вскричалъ Прокоповичъ и бросился обнимать и цѣловать гостя.

Прокоповичка отъ радости и съ хмѣлю чуть не поцѣпилась гостю на шею. Онися цѣловала его руки, а Харитонъ въ увлеченіи общимъ восторгомъ такъ прижималъ и цѣловалъ брата, будто не видѣлся съ нимъ много лѣтъ. Настало новое оживленіе, пошла опять круговая, разошлись въ бесѣдѣ, зашумѣли.

— Теперь моя вечеря не пропаде! сказала Прокоповичка и побѣжала въ кухню.

Въ непродолжительномъ времени столъ былъ готовъ къ ужину: по срединѣ его, какъ на громадскомъ обѣдѣ, возвышалась цѣлая гора свѣже-нарѣзанной паланицы, по краямъ протянуты были полотенца, въ замѣнъ салфетокъ. Добавлено было разныхъ настоевъ и наливокъ, долито было и широкое *пуэдро* (родъ графина) съ водкой. Усѣлись за столъ, выпили со всѣми причитаньями по первой и принялись за лапшу съ курицей такъ усердно, какъ бы дотолѣ во рту съ утра ничего не держали. Выпили по второй, и отъ большущаго поросенка скоро остались однѣ только кости. Справились съ большимъ полумискомъ жареныхъ куръ и закончили варениками, выпивая *до и по*, и наконецъ на потуху.

Прокоповичъ давно уже чувствовалъ, что у него шумить въ головѣ и потому спѣшилъ закончить дѣломъ.

— Ну, господине, началъ онъ, обращаясь къ нареченному своему зятю, пока ще наши языки повертаются въ ротѣ, поговоримо по Божому, коли то намъ те веселя справляти.

— Воля ваша, отецъ Степанъ, сказалъ Моссаковский; мени здаеця, що нема чого одкладати.

— А вже-жъ нема чого одкладати, подхватила Прокоповичка, пуще всего боявшася, чтобы кто нибудь опять не отнялъ прихода у Харитона. По предложенію о. Степана, согласились всѣ праздновать свадьбу чрезъ недѣлю.

— Въ субботу спечемо коравай та шишки, а въ неділю й до винця, заключила Прокоповичка, поправляя на головѣ >очипокъ и намитку <.

Встали изъ за стола, помолились и вновь присѣли. Въ свѣтлицѣ стояла духота. О. Степанъ раскрылъ окна; въ комнату полилась свѣжая прохлада сухой, теплой осени. Надъ садомъ по темному небу блестяли звѣзды; но пресыщеннымъ гостямъ и хозяевамъ не приходило въ голову любоваться звѣздной ночью; они сидѣли и пыхтѣли, обтирая потъ. Бесѣда не клеилась, всѣхъ клонило ко сну. Немилосердно зѣвнулъ о. Степанъ, за нимъ пани-матка, потомъ старшій гость. Только Онися, забившись въ уголъ съ Харитономъ, тихо щебетала, какъ пріѣзжалъ свататься Балабуха и какъ надавала она ему >гарбузовъ <, а Харитонъ съ дѣтскимъ смѣхомъ слушалъ ея рассказы, жадно слѣдя за движеніемъ ея кро-

печныхъ губъ, изъ подъ которыхъ блестяли, какъ жемчугъ, ровные красивые зубки.

— Теперь хочъ и до дому, сказалъ наконецъ братъ Харитона, назѣвавшись до слезъ.

— Та zostaвайтесь ночувати, просилъ Прокоповичъ, не твердо державшійся на стулѣ: ничъ темна: треба переправлятися черезъ Рось. Борони Боже яко напасти!

— И хто таки въ глуду ничъ ѣде? приговаривала Прокоповичка. Zоставайтесь! Постелемо отутъ покотомъ; выпитесь добре, та тоди й пойдете.

Но и сама она чувствовала, и гости понимали, что это такъ ради »звычайо«
говорится.

Когда гости стали прощаться, хозяева стали выполнять другой »звычай«.

— Выпиймо-жь на дорогу, щобъ колеса не торохтили, произнесъ Прокоповичъ, наливая по чаркѣ.

Выпили, »щобъ колеса не торохтили«, и вышли на крыльцо.

— Выпъемо по другій, щобъ конямъ веселише було бигти, сказала опять Прокоповичъ.

Выпили, »щобъ конямъ веселише було бигти«. Гости совсѣмъ стали прощаться.

— А ще-жь, щобъ дорога стлалась скатертю, примолвила Прокоповичка, и изъ своихъ рукъ поднесла.

Казалось, все уже исполнено, всѣ обычаи соблюдены, оставалось уѣзжать гостямъ; но о. Степанъ вспомнилъ о погоничахъ и сталъ потчивать ихъ, а какъ на нихъ закончить казалось не ловкимъ, то пришлось хозяевамъ и гостямъ еще разъ выпить на прощанье.

Была полночь, когда гости тронулись со двора. По затихшему, будто мертвому селу громко застучали ихъ повозки и дребезжащій ихъ стугъ скоро замеръ гдѣ-то глубоко внизу надъ Россью.

— А що, мамо, чи буду я соломою топити, та горшкомъ воду носити? подшучивала надъ матерью Онися.

— Теперь-же, пани-матво, вже не бигай, якъ курка зъ яйцемъ, та не буди мене, якъ буду спочивати въ катрази, поддалъ о. Степанъ. Прокоповичка не нашлась возразить дочери и мужу и лишь указывала на предстоящія ей хлопоты:

— Смійтесь, смійтесь зъ матери; набигаеться мати, пока ще ѿ весилля настане.

Черезъ недѣлю, въ субботу, въ пекарнѣ о. Степана, послѣ ранняго обѣда, собравшіяся изъ села «молодицы» и пріѣхавшія родственницы невѣсты начали готовить коровай и шишки. Онѣ поставили среди пекарни два стола, помыли руки, засучили рукава и выкинули изъ большой дежи тѣсто въ ночвы, а потомъ на столъ. Старостиха завела тоненькимъ голоскомъ:

Свѣти, Боже, зъ раю
 До нашего короваю,
 Щобъ було виднесенью
 Краяти дрибнесенью!

Дружно подхватили молодицы и матушки. Завигѣла работа подъ звуки грустно-веселыхъ, нескончаемыхъ пѣсень: завертѣлись десятки рукъ вокругъ стола, зашевелились голые локти, дрожь, вертяться и цѣпляя другъ друга. Громадная глыба тѣста раздроблена на большіе и меньшіе куски; привычныя, быстро вертѣвшіяся руки давали имъ то ту, то другую форму: однѣ выдѣлывали сердцевину коровай, другія поясокъ къ нему, третія поперечники, четвертыя вѣнецъ; тѣ выдѣлывали шишки, эти голубковъ, и т. д., и т. д. Изъ частей слагалось цѣлое; соорудили коровай, вокругъ его расположили массу шишекъ, голубковъ и пр., и все это двинули съ причитаньями да съ припѣвами въ большущую широкую печь. Молодицы помыли опять руки и застлали столы скатертями. Въ пекарню вошли Прокоповичка и Онися, неся водку и закуски. Началось полдничанье. Онися благодарила мѣсившихъ, кланялась каждой въ поясъ, потчивала изъ своихъ рукъ. Вотъ молодицы поставили дѣжу на столъ, закрыли ее вѣкомъ, зажгли и прилѣпили вокругъ восковыя свѣчки, стали въ кружокъ, подняли дѣжу въ верхъ и держа ее на рукахъ, съ притопываньемъ, съ припѣвомъ трижды обошли вокругъ стола и трижды стукнули ею въ потолокъ, каждый разъ, какъ оканчивали кругъ. Запѣло все, что было въ кухнѣ, зацѣли старыя бабы, вспомя свои молодые годы, когда и для нихъ готовили коровай... Море звуковъ залило пекарню, отдалось въ свѣтлицѣ и комнатѣ и сквозь растворенныя окна разливалось далеко по селу.

Пока выпекался коровай въ печи, молодицы и матушки выпивали и закусывали, перекидывались шутками и прибаутками, на этотъ случай издавна придуманными, и отъ времени до времени затягивали пѣсни, одна другой лучше. Уже подъ вечеръ вынули изъ печи коровай и пишки; коровай удался какъ нельзя лучше. Еще разъ запѣли молодицы и разошлись по домамъ, неся въ рукахъ свадебныя пишки на гостинецъ дѣтямъ.

Въ то время, когда съ такими церемоніями готовился коровай, о. Степанъ хлопоталъ приготовить помѣщеніе для гостей, которыхъ ждали много въ лицѣ званыхъ и незваныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, нарочитыхъ и проѣзжихъ. Такимъ помѣщеніемъ избиралась обыкновенно клуня, гдѣ молотять хлѣбъ, а по сторонамъ складываютъ снопы, припасаемые для молотбы. Еще наканунѣ было утрамбовано долбешками гумно, слито водой и смазано глиной, а боковыя части, »засторонки«, освобождены отъ сноповъ, тщательно вычищены и выметены. Теперь заняты были убранствомъ свадебнаго помѣщенія: въ почетныхъ углахъ стѣны завѣшены были коврами, въ другихъ мѣстахъ простынями, рядами, кусками небѣленаго полотна. Въ одномъ изъ »засторонковъ« поставили столы и ослоны для музыкантовъ, въ другомъ для гостей. На двухъ столбахъ, подпиравшихъ крышу, повѣшены были фонари для освѣщенія сцены, т. е. мѣста танцевъ; столы предположено освѣщать свѣчками и каганцами.

На дворѣ рѣзали и потрошили птицу и поросятъ, на огородѣ смалили кабана. Къ вечеру Прокоповичъ самолично привезъ изъ Богуслава большую бочку водки; Прокоповичка вытачивала и разливала наливки и настойки, варила варенуху. Вездѣ кипѣла работа, шевелились и бѣгали люди. Въ кухнѣ то и дѣло мѣсили тѣсто, пекли кныши, паляницы, пироги, варили ноги воловьи, свиныя и поросячьи на холодецъ, жарили куръ, утокъ, гусей, индюковъ, мыли посуду, прибирали, выметали. Далеко за полночь, утомленные работой хозяева и помогавшіе имъ улеглись спать, гдѣ кого сонъ свалилъ.

На утро Онися схватилась раньше всѣхъ; ей не спалось уже, хотя на дворѣ только занималась заря. Онися навинула вадавейку и вышла въ садъ. Въ домѣ всѣ спали; вездѣ было тихо. На селѣ гдѣ-то далеко пѣли пугухи, слышался ревъ коровы. Синее небо

широкимъ шатромъ покрывало спящую землю. Внизу дремала Рось и чуть замѣтно лоснилась ея поверхность, отражая слабый свѣтъ утренней зари. Раскинувшійся по горѣ садъ, высокіе берега Роси, покрытые лѣсами, будто думу думали, глядя за Рось, на густой спящій лѣсъ, на небо, зардѣвшееся надъ лѣсомъ. Густая осенняя роса гнула къ низу еще совсѣмъ здоровый листъ на деревѣ. Въ воздухѣ стояло какъ-бы лѣто и только пожелтѣвшіе кой гдѣ листья напоминали о наступившей осени.

Онися окинула глазами садъ, оба берега Роси, густые лѣса, взглянула на засыхавшія гряды чернобриуцевъ да гвоздиковъ. вспомнила, что она сегодня вѣнчается, что это послѣдній для нея здѣсь день и почувяла въ сердцѣ тихую боль. Ей стало жаль и садка, и густыхъ лѣсовъ, и Роси, и роднаго гнѣзда. Онися кинула глазами на широкія поля и луки за Росью, гдѣ чуть замѣтно темными чертами обозначались ольшаницкія хаты, вербы и груши, и почувствовала, что ея сердце облилось неспытанною радостію.

— Тамъ я буду господинею, матиму свое господарство, свою худобу... Тамъ мое царство ѿ панство! подумала Онися и душа ея, какъ выпорхающая впервые изъ гнѣзда птичка, заиграла и задрожала. Она гордо подняла голову, еще разъ окинула взоромъ широкую роскошную картину за Росью и не примѣтила совсѣмъ, какъ изъ-за густаго лѣса выкатилось пыльное солнце, облитое короткимъ огненнымъ пламенемъ и пронизало золотистыми стрѣлами курчавые верхи дубовъ.

— Тамъ мое царство ѿ панство! Тамъ я буду господинею! подумала Онися и спокойная, гордая вернулась домой.

— А що дочко! Чась тобі убиратись до винця. Швидко задзвонять до церкви, сказала мать, встрѣтивъ Онисю на крылечкѣ.

Не успѣла Онися умыться, какъ къ ней влетѣли разрядившіяся по свадебному, разукрашенныя цвѣтами и лентами *дружки*. дочери лучшихъ хозяевъ въ селѣ. Дивчата живо расчесали и заплели Онисѣ косу, увиди ея густыми рядами лентъ, убрали голову цвѣтами. Онися надѣла дорогую плахту, затканную желтымъ и бѣлымъ шелкомъ, одѣлась въ ясно-синюю юбку съ серебряными цвѣтками, обулась въ красные сафьянные башмаки и взяла въ руку вышитый >рушникъ<. Ударили въ колоколъ и Онися пошла съ дружками въ церковь.

Немного спустя пріѣхалъ Моссаковскій съ боярами, а за нимъ стали сѣзжаться его близкіе родичи. Молодые причастились за обѣдней и, по давнему обычаю, не выходя изъ церкви, тутъ-же обвѣнчались. Когда они направились домой, за ними повалило слѣдомъ все, что было въ церкви, а для такого случая собралось чуть не все село: въ тѣ поры праздникъ священника былъ праздникомъ всего прихода. Около каждаго двора на воротахъ стояли покрытые скатертями столы, а на столѣ лежали хлѣбъ и соль. Каждый хозяинъ съ приближеніемъ молодыхъ привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Прокоповичка встрѣтила молодыхъ на крыльцѣ; она благословила ихъ хлѣбомъ-солью, а одна близкая родственница обсыпала новобрачныхъ овсомъ и пшеницею пополамъ съ мѣдными и серебряными деньгами. Налѣтѣвшія со всего села дѣти бросились подбирать деньги и немилосердно толкали, пихали, опрокидывали другъ друга, чуть не дрались. Поднялся шумъ и гвалтъ. Масса народа облегла крыльцо, наполняла весь дворъ; яркое солнце сіяло на живописныхъ уборахъ дѣвчатъ и молодыхъ, переливаясь въ тысячахъ цвѣтовъ; черныя свиты и головы мужчинъ мелькали, шевелились всюду по двору и у крыльца. Молодые вошли въ домъ и усѣлись обѣдать въ небольшомъ кружкѣ родныхъ. Обѣдъ былъ непродолжительный; это была какъ-бы прелюдія къ свадебному пиру.

Скоро послѣ обѣда начали сѣзжаться гости: собралось много родныхъ и сосѣдей, не мало и совсѣмъ непрошенныхъ; пріѣхали и Мелхиседекъ съ Мартою. По срединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ; на столѣ красовалось сосновое *шце*, подъ сѣнью его *коровай*, убранный листовымъ золотомъ, вокругъ большія и малыя *шишки*. Дружки разцвѣтили *шце* калиною и мелкими букетиками изъ колосевъ ржи и овса. Онисю усадили на *посади*, а за столомъ усѣлись дружки,—дочери священниковъ и подруги-крестьянки изъ села. Дружки запѣли; водворилась тишина, все замерло, все обратилось въ слухъ. Онися сидѣла задумчивая, сосредоточенная; подруги пѣли, понимая всю важность и торжественность минуты. Чувствовалось, будто совершается священнодѣйствіе, идетъ новое вѣнчанье, не по чину церкви, а по обряду міра съ его широкою жизнью. Пѣсни смѣнялись пѣснями: радостныя, веселыя—грустными, заунывными. Въ нихъ выливалось все, что могло волновать душу въ эти торжественныя минуты, и сильнымъ ключемъ била жизнь

съ ея думами, мечтами, надеждами, тайнымъ предчувствіемъ Матушки вздыхали, Прокоповичка стояла подперши голову рукой, Онися не разъ подносила хусточку къ глазамъ...

Переписали наконецъ все, что положено на этотъ разъ; Онисю подняли «зъ посаду», и она, поблагодаривъ подругъ, въ сопровожденіи ихъ отправилась въ клуню, чтобы тамъ начать танцы. Тамъ ждали «музыки въ засторонкѣ», а противъ нихъ длинными рядами вокругъ столовъ расположилась вся компанія гостей; столы уставлены были всякими закусками и напитками. Съ появленіемъ Ониси, богуславскіе жидки заиграли на своихъ органахъ; открылись танцы на «току». Для начала Онися «перекрутилась» по разу съ каждой изъ подругъ, и затѣмъ пошелъ нескончаемый *козакъ* въ одиночку, по парамъ и гуртомъ, мѣняемый на десятки ладовъ. У обѣихъ широкихъ дверей толпились большія массы народу, собравшагося со всего села. Батюшки и господа изъ села съ своими женами угощались за столами. Матушки смѣшались съ простыми парафіанками и только лучше выбѣленные и болѣе тонкія наметки, да болѣе толстыя наместа съ золотыми дукачами да парчевыми жупанами отличали однихъ отъ другихъ.

Солнце зашло. Въ клунѣ зажгли фонари и свѣчи; «музыки» все играли, а дѣвчата съ паничами и парубками продолжали танцовать. Стали наконецъ подавать «вечерю», точнѣе мѣнять и подбавлять кушанья и напитки, которыя на минуту не сходили со столовъ. Это послужило поводомъ къ новой усиленной выпивкѣ. Нѣкоторые изъ гостей, нагружившіеся раньше, не выдержали и подъ общій шумъ и гоготанье побрели спать, заваливаясь, гдѣ только можно было найти какое либо прикрытіе. Вообще всѣ держались чинно и даже записные гуляки не очень напивались: ихъ день былъ въ понедѣльникъ. Лишь въ полночь все затихло. Батюшки, вообще мужчины расположились спать кто тутъ-же въ клунѣ, кто въ другихъ постройкахъ, на бричкахъ и возахъ, не заботясь о постели. Матушекъ разобрали прихожанки по своимъ хатамъ.

Въ понедѣльникъ рано проснулись гости, оставшіеся на ночь въ клунѣ, и калякали, лежа на сѣнѣ.

— А що, отецъ Мелхиседекъ, чи шумить въ голови після вчорашнього? спросилъ Прокоповичъ, толкая локтемъ своего сосѣда.

— Въ мене така голова, що зъ одного дня не зашумить, отвѣчалъ Мелхиседекъ, потягиваясь подъ кожухомъ: може зашумить ажъ сегодня ввечери. А въ тебе, отецъ Степанъ, шумить?

— Шумить, але мабуть одъ музыкъ. Сказати правду, нема писля чого й похмелятись. Але часъ уже молодыхъ скривати! А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та пидемо до коморы выводить молодыхъ, бо вже по чарци хочеться, крикнулъ Прокоповичъ на спавшихъ »повотомъ« гостей.

Гости зашевелились, зѣвали, потягивались, но никто не слѣшилъ вставать. День былъ тихій, но холодный: каждому хотѣлось еще полежать на мягкомъ снѣнѣ, подъ теплой покрывкой.

— Тай ледачи зъ васъ люди! крикнулъ отецъ Мелхиседекъ; нема на васъ моеи жинки. Вона-бъ дала вамъ доброй прочуханки. А дѣки вы будете отуть вывертаться на вси боки! Онъ вскочилъ на ноги и пошелъ стаскивать съ гостей одежду. Охваченные холодомъ собраты поневолѣ вскакивали и принимались за свой не хитрый туалетъ: разыскивали свои кафтаны, облачались и шли умываться къ колодцу, который былъ тутъ-же на дворѣ, а освѣжившись холодною водою, расплетались и заплетались, а равно причесывались съ помощью лишь собственныхъ пальцевъ и потомъ расходились въ одиночку, чтобы »переговорить *Отче нашъ* и *Помилуй мя Боже*«.

Скоро потянулись къ дому батюшки и другіе гости со всѣмъ концевъ двора, гдѣ кого ночь застигла.

Собрались у крыльца, а на искосокъ отъ него была *комора*, гдѣ почивали молодые. У коморы расположились »музыки« въ ожиданіи выхода молодыхъ. Раньше проникнули туда свашки: они подняли Онисю, помогли ей одѣться, повязали голову платкомъ и вывели молодыхъ изъ опочивальни. Лишь только растворились двери, жидки заиграли какой-то маршъ, подъ звуки котораго молодые съ конфузливимъ видомъ прослѣдовали въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ ихъ повели въ церковь. »Музыки« шли за ними и играли, пока они не вступили въ колокольню. Въ церкви имъ прочли молитву на снятіе вѣнцевъ и затѣмъ вся компанія возвратилась домой: »музыки« на пути играли, а свашки подплясывали. Онисѣ надѣли *очкинокъ*, потомъ *намитку* и повели въ клуню. Тамъ уже накрыты были столы и поставлены яства и питья. Подъ звуки музыки на-

чалось всеобщее снѣданье. Къ тому времени со всего села ко двору батюшки шли на поклонъ молодымъ хозяева и хозяйки, и шли не съ пустыми руками: кто несъ курицу, утыканную калиною, кто гуся, кто утку или поросенка, кто тащилъ овцу, кто бычва либо телку. Иныя изъ хозяекъ несли свои полотна, пряжу, ленъ, пеньку. Когда окончился завтракъ, молодые стали потчивать каждого изъ гостей поочередно. Харитонъ держалъ поднось. Онися наливала и приправивала. Выпившіе вручали или объявляли свои подарки. Молодые кланялись и обязательно съ каждымъ цѣловались. Раскошелялись батюшки и матушки: кто выкладывалъ деньги, кто заявлялъ, что дарить коня или лошенка, корову или теленка, улей или два пчель, кругъ колесъ и пр. и пр. Посыпались подарки отъ прихожанъ: дарили, что принесли и вновь обѣщали, кто мѣшокъ или мѣрку пшеницы, кто жита, проса, ячменя или овса. Всѣ прибавляли: »на нове хазайство«, и выражали свои пожеланія, кто какъ могъ. Молодые въ короткое время завелись чуть не цѣлымъ хозяйствомъ. Счастливые, довольные и въ тоже время крѣпко уставшіе, они усѣлись на свое почетное мѣсто »внзя и княгини«.

Заиграли »музыки«; *приданки*, сдавъ съ рукъ подарки, пустились въ плясь. Число танцующихъ росло съ каждой минутой; танцовали всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силу шевелить ногами. Своро вся *клубя* превратилась въ всенародное гульбище: перемѣшались мужчины съ женщинами, старые съ молодыми, міряне съ духовными. Танцовали на *току* и въ *засторонкахъ*, въ *клубѣ* и за *клубней*. Забыли крепаки свое горе и нужду, нескончаемую работу и панскіе нагаи и отдирали не хуже, чѣмъ ихъ предки на Хортицѣ. Уставшіе отъ танцевъ присаживались къ пировавшимъ за столами, выпивали и закусывали и вели шумную бесѣду, въ которой исчезало различіе между пастырями и пасомыми. Вдругъ среди общаго шума, стука, гоготанья, въ клубю вошли двѣ жидовки и одинъ жидъ. Одна жидовка тащила полную корзину куръ, другая на одной рукѣ несла кошелку съ яйцами, а другой держала пару утокъ за ноги. У жида въ обѣихъ рукахъ висѣли внизъ головами по два пѣтуха, а еще два пѣтуха, связанные ногами, были перекинута черезъ плечо. Жиды направились къ тому столу, гдѣ сидѣли молодые, сами хозяева и о. Мелхиседекъ. У жидовокъ были парчевые наушники, обшитые бисеромъ и стеклярусомъ. Изъ подъ нихъ ви-

двѣлись черные начосы изъ шелковой матеріи, закрывавшіе ихъ обритыя головы. Одѣты они были въ старыя капоты; лица имѣли грязныя, выпачканныя. Жидовки приступили къ Мелхиседеку.

— Добрыдень, панотченьку! поздоровляю васъ зъ весиллячкомъ, вашоу дочки. Дай Боже вамъ и вашій дочки счастья й здоровья!

— Що це за мара? Звидкиля вы взялись? спросилъ Мелхиседекъ.

— Мы йдемо на ярмарокъ въ Богуславъ, та почувли, що въ васъ весилля, ну й зашли до васъ. Чи не треба вамъ курей? Въ мене кури гладки, якъ печи. Ожъ нате покоштуйте, яки добри! говорила старшая жидовка и съ этими словами она вытащила изъ корзины одну курицу, перевернула ее вверхъ ногами и приблизясь къ Мелхиседеку, ткнула ему чуть не въ бороду.

— Чи не сказалась жидивка! Тыче мени живу курку въ зубы! Понеси своему Лейби, нехай покоштуе.

— Якъ не хочете цеси, ну, то визьмить оцю; це ще гладша. Я оцю курку цилый мисаць сама годувала кукурузоу, продолжала жидовка и опять ткнула курицею Мелхиседеку чуть не подь самий носъ.

— Одчепись къ нечистому! Мени не треба курей.

— Якъ-же не треба? Я знаю, що треба. Выдаєте таку доню, таку гарну, якъ сонце, а курей не треба. Де вже не треба. Я выдала недавно свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. А може визьмете пивнивъ?

Тутъ жидъ съ пейсами, въ панчохахъ и патынкахъ подступилъ къ Мелхиседеку и хвостомъ пѣтуха ткнулъ ему въ руки.

— Иди къ нечистому! Не знаешъ, котрымъ бокомъ показувати курей.

— Може визьмете ячокъ! приговаривала другая жидовка: я знаю, що вамъ треба гугеля на весилля, бо я сама недавно оженила свого Мошка...

— Якого це чорта вы напали на мене зъ курми! Я не господарь! отмахивался Мелхиседекъ.

Жидъ подступилъ къ Прокоповичу и сталъ переворачивать предъ нимъ пѣтуховъ на всѣ бока. Жидовка показывала куръ Онисѣ, ея матери, мужу. Одна, что постарше, вновь пристала къ Мелхи-

седеку, совала ему въ лице курицей, а дальше начала нецеремонно дергать его за рясу. Мелхиседекъ разсердился.

— А ты проклятуца! Якъ ты сміешь смывать мене за рясу? Геть пишла къ нечистому! Иди соби зъ курми до своего Лейбы.

— На що мени ити до Лейбы, коли я васъ, Господи, якъ люблю; хай вамъ Богъ дастъ здоровья. На що мени ити до Лейбы, коли я й теперъ коло своего Лейбы, сказала жидовка и кинулась обвинять Мелхиседека.

Мелхиседекъ схватился съ мѣста и прыснулъ, точно понюхалъ вѣзкаго табаку. Вокругъ раздался хохоть. Жидовки не вытерпѣли и также расхохотались.

— Чи це ты мене не признавъ? а хйба-жъ я тебе не люблю?

Мелхиседекъ вытаращилъ глаза. Онъ только теперь по голосу узналъ жену свою Марту. Предъ нимъ стояла истая жидовка въ наушникахъ, съ шелковыми начосами, въ старенькомъ капотѣ со спущеннымъ однимъ рукавомъ, въ старыхъ патинкахъ.

Марта однако такъ измѣнила голосъ, такъ искусно въ разговорѣ поддѣлалась подъ говоръ и всѣ приемы жидовокъ, что ее никакъ нельзя было узнать. Наушники, начосы, капоть, патинки—все это взято было у жидовъ въ корчмѣ; въ добавокъ къ этому Марта выпачкала сажею лице, разрисовала брови, понатерла калиной и яичнымъ желткомъ щеки такъ, что сдавалась пожилою и длинноликою. Жидомъ нарядился одинъ академистъ, роль второй жидовки исполняла одна пріѣзжая дьячиха.

Въ клунѣ поднялся смѣхъ и говоръ. Жидовъ узнали, но роль ихъ еще не была окончена. Жидъ крикнулъ «музыкамъ», чтобъ играли жидовскій танецъ. Переодѣтые комедіанты пошли танцовать по жидовски, держа въ рукахъ куръ и утокъ. Жидовки выступали одна противъ другой тихо, плавно, поводя граціозно станомъ и руками. Жидъ мѣрно переходилъ отъ одной къ другой, выдѣлывая граціозные пируэты, страстно глядя въ очи, осматривая сзади. Музыканты заиграли быстро, жидки подхватили полы и пошли стольже быстро выкидывать ногами; пейсы, полы тряслись, куры, корзаны болтались; всѣ помывали со смѣху. Въ концѣ всего танцовали, повернувшись спинами другъ къ другу: стали подсказывать на обѣихъ ногахъ, но не разомъ, а одинъ за другимъ, какъ ступы въ мельницѣ, толкая другъ друга спинами. Картина была такъ за-

бавна и смѣшна, что въ клунѣ поднялся не смѣхъ, а просто гвалтъ. На шумъ со всего двора и кухни сбѣжались парубки и дѣвчата, погоничи, наймиты и наймички смотрѣть «кумедію». Натѣпивши компанію, жидъ бережно взялъ своихъ дамъ одну по другой подъ мышку и снесъ ихъ на стулья. Жидовки взяли въ руки по курицѣ и будто вѣрамы обмахивали свои разгорѣвшіяся лица. Пошли шутки, приставаыя; но актеръ и актеры, исполнивъ свою роль, шибко убѣжали.

Завтракъ все тянулся: подбавлялись закуски и питья, гости выпивали, ѣли и весело шумѣли. Въ полдень Прокоповичка велѣла подавать обѣдъ. За обѣдомъ шло непрерывное потчиванье; выпита была масса водки и наливоекъ, но пьяныхъ не было. Потчивали попеременно хозяева, молодые, кто либо изъ родныхъ. Шли нескончаемыя причитанья, пожеланья, припрашиванья и отнѣживанья: пока рюмка переходила отъ одного конца до другого и возвращалась на старое мѣсто, у выпившаго хмѣль вылеталъ изъ головы. Съ такими-же передышками, облегченіями шло потребление обѣда; съѣдена была неимоверная масса вареного и печеного: порѣшили кабана, съѣли полъ быка, несчетное число куръ, гусей, утокъ, индюковъ, а гости не уставали ѣсть. Подали сладкое, мучное: хрусть, маковники, разные коржики. Хозяинъ обратился къ женѣ:

— А що, папиматко! чи не ма въ тебе чога мицнищого одъ цеи гирькои. Щось наша горилка не дуже бѣе въ голову. Тягнемъ, тягнемъ, а въ голови не шумить. Тыбъ зварила намъ варенухи, або що.

— Я вже й зварила, безъ твого приказу, сказала Прокоповичка и послала въ пекарню молодиць за варенухой.

Молодицы принесли два горшка варенухи. По клунѣ разносился запахъ вареной водки, меду, гвоздики, перцу и всякаго коренья. Охотники до варенухи даже облизывались. Прокоповичка наливала варенуху въ разнокалиберныя чашки, стаканы и большія рюмки. Сильный запахъ перцу съ медомъ дошелъ до другого конца клуны, гдѣ сидѣли жидки музыканты. Жидки загерготали и зацмокали языками. Батюшки дразнили ихъ черезъ «токъ», показывая имъ чашки зъ варенухой.

— Ну, отецъ Мелхиседекъ! теперъ начувайся. Писля цеи варенухи идешъ и ты въ танецъ, смѣялся о. Степанъ.

— А ну попробую, чи пиду въ танецъ, чи останусь на мисти и нигъ не пидведу, сказалъ Мелхиседевь.

Пока гости смаковали и хвалили варенуху, въ дворъ вошли цыгане и направлялись къ клунѣ. За ними гналась цѣлая стая собакъ. Впереди шли двѣ «плащуватя» цыганки, закутанныя съ головы до ногъ въ разноцвѣтное тряпье. У одной за спиной торчало въ мѣшкѣ дитя, грязное, закопѣлое, почти голое. Цыганки обвѣшаны были щетками и пучками веретенъ. Рослый, черный, косматый цыганъ едва выглядывалъ изъ кучи решеть, ситъ и подситовъ, которыми былъ обвѣшанъ спереди и сзади. Цыганки вошли въ клуню и направились къ гостямъ, показывая имъ щетки и веретена, цыганъ совалъ матушкамъ решета и сита, выхваляя свой товаръ. Одна изъ цыгановъ подошла къ Онисѣ, взяла ее за руку и стала ворожить.

— И поздоровъ тебе, Боже! Дай тоби викъ довгій! Отъ дай свою билу рученьку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслива и вродлива, довго будешъ жить; будешъ мати двадцатеро дитей, кучерявихъ, гарнихъ та чорнявихъ, якъ свята земля. Поклади-жъ мени на руку золотого, я тоби ще иншу правдоньку скажу.

Онися положила на руку цыганкѣ злотый.

— Спасибѣ тоби, молодая пани! Богъ тебе благословить. Будешъ мати тридцатеро сандушкивъ, будешъ жити зо сто рокивъ та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодити надъ панами, надъ жидами. Твои сандушки будутъ кучеряви та чорняви, якъ въ комини сажа. А будешъ богата, якъ свята земля и николи не вмрешъ...

Гости размѣялись. Послѣ разыгранной жидами «кумедіи» трудно уже было кого-либо ввести въ заблужденіе. Въ новыхъ комедіантахъ всѣ узнали двухъ дьячихъ и чорнаго пучеглазаго богуславскаго дьяка. «Музыки» заиграли. Цыганъ повелъ цыганокъ въ танецъ, и онѣ начали настоящій дикій цыганскій танецъ: поднявъ свои лохмотья, они изумительно быстро въ тактъ музыки неслись по току, щелкая языками, всплескивая приподнятыми руками, откидывая головы назадъ, кружась на одномъ мѣстѣ, страстно вздрагивая бедрами, играми, всѣмъ станомъ. Цыганъ выдѣлывалъ «халяндру», немилосердо колотя себя пятами, при чемъ сита и решета, колотаясь другъ о друга, вторили музыкѣ. Послѣ

танцевъ цыгане безъ церемоніи попросили себѣ варенухи, сѣли за столами между гостями и долго еще плели всякую небылицу и ворожили батюшкамъ и матушкамъ.

Перевалило за полдень, обѣдъ все еще тянулся. Приданки заплѣли:

А все тутa не по нашему,
 А все тутa не по вашему.
 А снѣданья до обѣданья,
 А обѣданья ажъ до полудня,
 А полудень ажъ до вечера,
 А вечера ажъ о пивѣ ночи!

Варенуха развеселила гостей, но не споила ихъ. Матушки и молодицы разохотились пѣть, а потомъ пустились танцовать. Танцовали и пѣли до вечера, пока не настала пора для ужина. Опять молодицы потащили на столы всякую живность: ставились опять холодныя ноги, жареныя куры, гуси, поросята, вареники въ сметанѣ, мнишники, всякіе пундики. Неустанная чарка обходила столы.

Гости собирались уже вставать, какъ вдругъ подѣ однимъ столомъ что-то сильно заворчало и заревло. Гости подумали, что подѣ столѣ залѣзла собака и не обратили вниманія; но спустя минуту послышалось новое, еще болѣе сильное рычаніе, и что-то схватило Мелхиседека за ногу. Мелхиседекъ почувствовалъ, что въ его ногу вцѣпились зубы, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ. Всѣ умоляли. Въ эту минуту изъ подѣ стола вынырнула какая-то страшная, черная и съ рогами голова и легла мордой на столѣ. Рога, какъ у вола, морда черная, какъ сажа, зубы бѣлыя, какъ снѣгъ, глаза налиты кровью. Голова зарычала. Всѣ вскрикнули. Въ одно мгновенье изъ подѣ стола выпрыгнулъ огромный звѣрь и вскочивъ на столѣ, сталъ на четырехъ лапахъ. Фигура звѣря походила на медвѣдя, вокругъ висѣла длинная шерсть. На головѣ однако торчали волыныя рога; вокругъ шеи повисли длинныя черныя космы, точно грива у льва. Звѣрь сердито водилъ глазами вокругъ, оскаливалъ зубы и издавалъ ревъ на подобіе медвѣжьяго. Всѣ шарахнулись отъ него и разбѣжались; поднялся крикъ и визгъ. Жиды перестали играть. Звѣрь повернулся два раза на столѣ, заревѣлъ, прыгнулъ со стола и бросился черезъ токъ въ жидамъ. Жи-

ды побросали инструменты, подняли гвалтъ и пустились удирать на другой конецъ влунн, гдѣ столпились гости. Медвѣдь погнался за жидами, поймалъ одного изъ нихъ, повалилъ на земь лапой и сталъ рвать зубами. Ой вей! Гвултъ! Ратуйте! кричалъ безъ памяти жидокъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы въ сторону жидовъ. Раздалось неистовое: гвултъ! Медвѣдь повернулся къ обмершему жидку и поднялъ его передними лапами вверхъ. Жидокъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Настала мертвая тишина: изрѣдка слышалось: ой вей миръ! Гости сбились въ одну кучу и глядѣли въ недоумѣніи; у болѣе трусливыхъ мигомъ вышелъ хмѣль изъ головы...

Мгновенно звѣрь принялъ позу человѣка, сорвалъ рога и покрывку съ головы, сбросилъ вывернутый шерстью тулубъ: предъ глазами зрителей очутился исполинскій дьякъ. Хохоту, удивленію нѣ было конца. Дьячекъ пошелъ обмывать лице, а жидки еще не скоро пришли въ себя, чтобы быть въ состояніи опять играть.

Удовлетворенные искуснымъ представленіемъ гости принялись доканчивать варенуху.

Запѣли вновь молодицы, къ нимъ примѣнули матушки, а потомъ на долго загудѣло все священство и почтенное дяковство. Пѣли сперва церковныя и просто набожныя пѣсни: *Съ небесныхъ круговъ, Преукрашенная, Дивное имя Твое, Стань Давиде зъ цулями* и пр. и пр., при чемъ матушки и бабки то вздыхали, то набожно крестились; но потомъ пошли свѣтовыя пѣсни, козацкія, чумацкія и просто народныя: *А вже козакъ та й докозакувався, Козакъ душа правдива, А я чумакъ несчастливый, Ой на гори та женици жнуть, Ой за гаемъ, гаемъ* и пр. под. Пѣли хоровыя, пѣли въ одиночку: *Ходить юминъ по диврови, Ой оре Семенъ* и пр. Не смотря на то, что поющіе были подпивши, въ общемъ выходило удивительно мелодичное пѣніе, глубоко дѣйствовавшее на всѣхъ; то пѣла простая, безхитростная жизнь, веселящаяся во всю свою широту. При хоровомъ пѣніи жидки подлаживались своими инструментами и вторили поющимъ. Выходило восхитительно. До полночи вся влуня пѣла и играла. Пѣли, казалось, ворота, пѣли сохи и присошки, кроквы и латы, даже самые снопы на покрывкѣ. Только въ полночь изнуренные цѣлодневнымъ весельемъ гости разбѣлись по угламъ и уснули, гдѣ кому пришлось.

Во вторникъ утромъ, проснувшись свадебная компанія чувствовала уже потребность опохмелиться. Опять снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечера, а вечеряли до полночи, и уже въ среду предъ вечеромъ *перезва*, состоявшая изъ болѣе близкихъ лицъ, поѣхала въ Ольшаницу къ молодому.

Ольшаницкія молодицы еще предъ свадьбою привели въ порядокъ домъ и дворъ Моссаковского: выбѣлили внутри, тщательно обмазали и побѣлили снаружи, помыли окна, вычистили дворъ, почистили и подмели дорожки въ саду. Родички Моссаковского, уѣхавъ раньше со свадьбы, наготовили всего и ждали гостей. Пока *перезва* доѣхала до Ольшаницы, на дворѣ совсѣмъ смерклося. Люди со всего села сбѣгались посмотрѣть на молодыхъ, на *перезву* и лезъ >смалитимуть молоду<. На всей широкой улицѣ, которая вела чрезъ плотину ко двору Моссаковского, господаи порастворяли ворота и на воротахъ поставили столы съ хлѣбомъ и солью. По всей улицѣ у каждаго двора лежали кучи соломы и обмолоченныхъ сноповъ. *Перезва* въѣхала въ село. Соломенные костры загорались одинъ за другимъ и скоро вся улица была залита огнемъ. Огонь освѣтилъ бѣлыя хаты, застланные столы, освѣтилъ группы людей около каждаго двора. Моссаковскій и Онися останавливались у воротъ и слѣзали съ повозки. Господаи кланялись и поздравляли, молодые цѣловались съ поздравителями, оставляя по нѣскольбу грошей на столѣ. *Перезва* медленно двигалась по улицѣ и уже поздененько доѣхала до плотины. Тутъ по всей плотинѣ надъ водою стояли горящіе вуги соломы. Хлопцы разложили костры вездѣ: по надъ прудомъ, въ саду у берега, вокругъ церкви и по обѣ стороны воротъ у Моссаковского двора. Пламя освѣтило прудъ; вода блестяла огнемъ. Церковь, домъ, садъ были видны, какъ среди дня. У двора и на дворѣ стояла масса народа и ждала молодыхъ. Еще разъ остановили лошадей подлѣ церкви, гдѣ за столомъ стояли староста съ старостихой, привѣтствуя молодыхъ хлѣбомъ-солью. Между двухъ горящихъ островъ *перезва* въѣхала во дворъ. У крыльца выстроились молодицы >приданки<. Они встрѣтили молодыхъ свадебною пѣснью и съ пѣснью провели ихъ въ покои. >Приданки<, тутъ-же при себѣ держали дары, которыхъ молодые такъ много уже набрали въ Чайкахъ. >Музыки< заиграли на крыльцѣ и веселыя >приданки<, едва успѣвъ отдать дары, живо пустились

танцовать. Половина двора разомъ заплясала. Дѣвчата и молодицы стали въ большой кругъ и парами пустились въ метелицу. Костры пылали и обливали дворъ яркимъ свѣтомъ. Звонкіе голоса поющихъ перемѣшивались съ звуками музыки. Парубки и хлопцы то и дѣло подбрасывали солому въ костры. Огненный свѣтъ среди темной ночи, ярко освѣщенная кроваваго цвѣту вода, изстуженные танцы, массы молодицъ, музыка и пѣсни давали картинѣ видъ чего-то дивнаго, миѳическаго, вакханальнаго.

Весь свадебный поѣздъ вышелъ на крыльце и долго любовался необычайной картиной, пока не потухли костры, пока не истомились молодицы въ непрерывныхъ танцахъ. Музыка и гости вошли въ комнаты, а за ними и »приданки«. Въ просторной свѣтлицѣ вновь начались танцы, но танцовали уже молодья матушки, дьяконицы и дьячихи.

На накрытыхъ нѣсколькихъ столахъ поставлены были закуски и напитки. Онася потчивала »приданокъ«, а Моссаковскій gospodarей. До поздней ночи выпивали и танцовали, пока совсѣмъ не изморились и хозяева и гости.

Еще два дня тѣже и новые гости здѣсь, какъ и въ Чайкахъ, свѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, поддичали до вечера. Только въ субботу разѣхались по домамъ и то потому, что священникамъ надо было служить вечерню.

Въ воскресенье послѣ обѣдни собрались почетнѣйшіе хозяева, сдѣлали складку на постригъ Моссаковскому и проводили его въ Кіевъ. Староста припрегъ свою лошадь и отправился съ Моссаковскимъ въ путь. И родня Моссаковского и будущіе его духовныя и словесныя чада проводили Харитона за село; тамъ за цариною, подъ грушею усѣлись на травѣ, выпили, закусили и распрощались. Харитонъ поѣхалъ въ Кіевъ, а Онася съ отцемъ и матерью вернулись въ Чайки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бібліографія.

(Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883.¹) (Литва и Бѣлоруссія—
соч. Киркора).

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едва-ли не единственное популярное историческое изданіе въ Россіи: разнообразіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта заставляютъ желать весьма не многого. Точно также и со стороны содержания она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки историко-статистическаго и этнографическаго матеріала. Но къ сожалѣнію въ ней помѣщено нѣсколько очерковъ, составленныхъ и иллюстрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: *народности литовскаго польска, историческія судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ и наконецъ названіе в. Вильны.*

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго отчета, для кого собственно и съ какою цѣлью они составлены и внесены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предназначаются для русскихъ; но судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Можетъ быть еще третье предположеніе, но неблагоприятное: они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ.

¹) Заимствуемъ эту весьма любопытную бібліографическую замѣтку съ нѣкоторыми сокращеніями изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ недавно полученномъ нами № 13 газеты «Русь» помѣщена какъ самая эта замѣтка, такъ еще болѣе любопытная статья проф. Кояловича, разъясняющая происхожденіе и характеръ изданія: *Живописная Россія.* Оказывается, что еще въ 50-хъ годахъ

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чему-то ограничился только польскими источниками; на русскіе-же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія. Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія виленской археографической комиссіи, Археографической сборникъ виленскаго учебнаго округа, Акты кievской комиссіи, Акты витебскіе, спеціальныя сочиненія по исторіи церкви митрополита Макарія, по исторіи уніи профессора Кояловича, Памятникъ з.-русской старины П. Н. Батюшкова, Историческій очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многія другія. Исключеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ пѣсенъ гг. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного акта с. п. археографической комиссіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-н-о, и нѣкоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорированіе массы трудовъ и изслѣдованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтъ въ наши дни. Съ такимъ-же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрнѣе этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соотвѣтственные имъ дѣятели стороны русской.

М. О. Вольфомъ, о которомъ извѣстно, что это былъ выкрещенный польскій еврей, задумано было сообщая съ польскими писателями издать *Живописную Польшу* въ старыхъ ея предѣлахъ, со включеніемъ Бѣлоруссіи, Литвы, Украины, Волыни, Подолія и Галиціи съ цѣлю удержать въ памяти поляковъ образъ ихъ ойчизны. Предпріятіе это тогда не состоялось, а послѣ возстанія 1863 г. стало совсѣмъ неудобнымъ. Въ 1878 г. тотъ-же Вольфъ придумалъ достигнуть той-же цѣли изданіемъ *Живописной Россіи*, которое начато съ описанія указанныхъ, вѣкогда польскихъ провинцій, причемъ рѣшено было поручить эту работу польскимъ патриотамъ, а по выходѣ оной въ русскомъ текстѣ перевести и издать въ текстѣ польскомъ, чтобы за одно просвѣтить и русскихъ и поляковъ относительно польскаго характера тѣхъ провинцій. Для отвода глазъ къ описанію коренныхъ частей Россіи приглашены русскіе писатели и художники, а главная редакція поручена выдающемуся дѣятелю русской науки, предсѣдателю русскаго географическаго общества П. П. Семенову. Не думай планъ и поистинѣ великая русская простота! Начало этой удивительной польской затѣи положено именно этимъ III томомъ *Живописной Россіи*, но за смертію Вольфа въ 1883 г. дальнѣйшая работа пріостановилась. — Р е д .

Мы съ большимъ интересомъ разсматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; разсматривали католическія процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ процессій другихъ вѣроисповѣданій; разсматривали высокоумѣнную фигуру знаменитаго іезуитскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (ен. Острожскаго, Льва Сапѣги, Воловичей, Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плеяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Кояловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ на поприщѣ западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блистало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ Музеѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забылъ однакоже помѣстить на стр. 108. Уже-ли авторъ, вносящій въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлопа, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиловать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? *Est modus in rebus...*

I.

Но перейдемъ къ частностямъ. Къ литовскому Полѣсью авторъ очерковъ относитъ цѣлыхъ три губерніи: ковенскую, виленскую и гродненскую; но тутъ-же оговаривается, что литва живетъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи и одномъ уѣздѣ гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же литвѣ отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и рациональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упрекнуть по этому поводу Географическаго Общества, которое часто посылаетъ ученыхъ экспедиціи на дальній востокъ и мало обращаетъ вни-

манія на близкій западъ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы провѣрили ее по очерку > Живописной Россіи < и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностію. Мы позволяемъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстнаго народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта литовскихъ населеній въ вилейскомъ уѣздѣ, съ востока на западъ до станціи Евье (тропцаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошныя литовскія поселенія; въ дѣйствительности-же это далеко не вѣрно. Отъ станціи Евье на сѣверъ и югъ встрѣчается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкѣ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать настоящей этнографической границей между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія-же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-русы врѣзались въ средину литовцевъ подъ ударами татаръ, то ему можно противопоставить другое, совершенно равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ средину бѣлорусовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскія лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ литва платила ему дань лыжами и вѣнниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикаго и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опирается эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилій и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничныя поселенія, *на крайнемъ западѣ*, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣтъ

даже въ публичной библіотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій географическаго общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершенно измѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго Полѣся включить только губернію ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ свенцянскаго, троцкаго и виленскаго. Тѣже литовскія поселенія, которыя встрѣчаются въ уѣздахъ: лидскомъ, опшмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ, считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ староствѣ пинскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской: но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаго*, или другаго вельможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и онѣ не могутъ приниматься въ расчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ пограничный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ: этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ троцкомъ и виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое, духовенство, ни крещеная въ католичество литва, а только исконное бѣлорусское племя этихъ уѣздовъ: а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ *кореннымъ жителямъ* Литовскаго Полѣся авторъ очерка причисляетъ и *поляковъ*. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многіе бѣлоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе“.

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слышали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Никто, конечно, не можетъ запретить извѣстнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чуждую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обычаи, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, къ кому они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или извѣстнаго племени считать

такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такіе люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотятъ считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотятъ оставаться среди ея, то должны считаться „*тубыльцами*“, отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаются *коренными чужеземцами* нивагъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше..

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: всѣ ли бѣлоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацію, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими *поляками*, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами *родичами*, хотя-бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними извѣстный *modus vivendi*, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ томъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ насиловать политическія убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія Рѣчи-Посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простомъ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) нивогда не считали себя поляками, хотя многие изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится-ли коронное войско въ какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; заберетъ ли корона изъ литовскаго скарба деньги—протестъ; получилъ-ли какой-либо > короняжъ < на Литвѣ должность или имѣніе, хотя-бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной > *ad male narrata* <; нарушится ли очередное собраніе сейма—протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія Рѣчи-Посполитой, почти наканунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничнаго съ Короной брестскаго воеводства чрезъ

своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая коммиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыя были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу Рѣчи-Посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что нарушало бы права в. княжества литовско-русскаго, полученныя имъ на основаніи унів и 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было по ровну распредѣлено между Короной и Литвой¹⁾. Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіяся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію въ Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латинско-польскаго правительства—подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже разбиты и надломаны. Съ какого времени нѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Между народностями Литовскаго Полѣсья авторъ очерка находитъ и *черноруссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лядскаго уѣзда. Считаемо долгомъ замѣтить, что такого названія мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ виленскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченнаго minimum'a въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ виленской, гродненской и во всей губерніи минской; учебникъ географіи 1770 г., изданный въ Варшавѣ для школъ, указываетъ на Черную Русь въ новгородскомъ воеводствѣ (*ostatnie to wojewodstwo (новгородское) nazywa się powolicie Rusią Czarną*, стр. 257, *Geographia powszechna, Warszawa, 1770 г.*); а *Энциклопедія Powszechna* 1866 г. находитъ эту Русь и въ московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козачинѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ (Ст. Бартошевича). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводитъ ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскія же привилегіи и акты, а изъ Кіева. Должно быть, это были дѣти еврей-

¹⁾ Акты Вид. Арх. ком., т. IV и др.

ских миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваетъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные историческіе матерьялы и спеціальныя изслѣдованія. Таковы, напр., V т. Актовъ виленской археографической комиссіи, акты, изданные проф. Бершадскимъ, его же спеціальное изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ евреевъ и другіе, кромѣ изслѣдованій польскихъ.

Намеки на сеймъ 1788 года, когда Рѣчь-Посполитая проектировала даровать евреямъ полныя права гражданства, слишкомъ неумѣстны. Мало-ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ *Volumina Legum* и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки и векселя деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупиничествомъ, запрещено было даже носить обыкновенныя шапки, кромѣ жолтыхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограниченій!? Единственное, что разрѣшила и узаконила для евреевъ Рѣчь Посполитая — это *казалъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные протесты со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоитъ теперь предъ христіанскимъ міромъ во всеоружіи *еврейскаго всемірнаго союза*. Съ этой точки зрѣнія Рѣчь-Посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальные племена края, положившія неизмѣримое количество своего труда и своихъ костей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои душевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, намъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели рассказъ объ отношеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянскаго труда и капитала? Въ серьезномъ историческомъ очеркѣ такіе рассказы отзываются балагурствомъ добраго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія оволицы и приводитъ подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные нравы и обычаи; но при этомъ

забываетъ пояснить, что эти озаглавленныя въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обложки древняго путнаго и панцырнаго боярства, частію превращеннаго въ хлопвъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между таковой шляхтой на Полѣсьи есть цѣлыя селенія, ни слова не горячія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной комисіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на мѣста ихъ были созданы такія-же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ, »Просвѣщеніе и народное творчество«, на 101 стр. читаемъ: »мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическія). *По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православнохъ соборѣ и друиыхъ церквахъ* (а въ дѣйствительности могли, пожалуй, и не существовать?).

Можно-ли въразиться по поводу этого важнаго предмета злѣе и насмѣшливѣе? Вѣдь самъ-же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), »что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ«. Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секретари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языкѣ русскомъ во всѣхъ предѣлахъ л. р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическихъ? И вы, достойные представители и поборники западно русскаго просвѣщенія, скажите намъ, для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или *»коренныхъ чужеземцевъ«*? Мы обезпечили могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность

ихъ чисто-русская, патриотическая, подвергается не только сомнѣнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и Volumina Legum, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что *онъ властвуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстію*. Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, *по жалобѣ р.-католическаго епископа*, строго предписываетъ запретить диссидентамъ скупать дома и плацы для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подѣ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 копѣ литовскихъ грошей пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подѣ маской доброжелательства: *»собирая миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus ')*.

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казимира виленскимъ перепечатчикамъ, выданная по ходатайству *виленскаго р.-католическаго епископа*. Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить, *»чтобы никто изъ диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильнѣ никакихъ книгъ, а также не открывалъ библиотекъ*, въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность перепечатчикамъ по выморочному отъ короля праву *»)*.

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная коммисія, состоявшая изъ 35 *ксендзовъ* (для литовскаго полѣсья), на которую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библиотекахъ-книжныхъ складахъ, если онѣ заключали въ себѣ *ядъ противъ обычаевъ и римско-католической вѣры* *»)*.

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще

¹⁾ Акты Вилен. Арх. ком., т. VIII.

²⁾ Акты Вилен. Арх. ком., т. X.

³⁾ Акты Вилен. Арх. ком., т. X.

значительное количество для истребленія и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностію въ этомъ родѣ бывшей Рѣчи Посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель виленскаго учеб. округа, наконецъ основатель Ламберова отеля и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамилію онъ развивалъ въ своемъ же помѣстьи Пулавахъ. По выраженію одного современнаго польскаго писателя Козьяна, >Пулавы сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разрушеніи большой Троя, основалъ Трою малую«. Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проэктировать уставъ для виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Фаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора виленской академіи Стройковскаго, второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣдительной польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закипѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. >Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. вмѣстѣ съ тѣмъ *организация публичной инструкторіи въ выборъ способныхъ соотечественниковъ на мѣсто учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ такомъ случаѣ*. Но если учительскія мѣста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ пѣлп Императора таковы¹⁾, что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было >правительство«. Но каково было ихъ разочарованіе, когда

¹⁾ Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I, видно, что Государь соглашался образовать изъ литовско-русскаго княжества—литовское герцогство съ мѣстной администраціей на польскомъ языкѣ. Русск. Архивъ, 1874 г.

Стройковскій долженъ былъ допустить въ своемъ уставѣ (составленномъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на ученую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась буря. »Виленскій университетъ, писалъ по этому-же дѣлу Дмоховскій Колонтаю, наполняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воснитать себѣ преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. *Гдѣ мы закладывали мѣда польскаго языка и польской литературы, тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансценденталистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ*«. Колонтай по этому-же поводу писалъ Свидецкому: »въ своемъ прозектѣ онъ (Стройновскій) призналъ необходимымъ обратитися къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся виленскихъ ученыхъ?«. Но крутыя мѣры были несогласны съ политикою кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польскаго направленія гораздо успѣшнѣе, нежели какъ опасались рьяные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить юго-западные губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ университета кievскаго. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкого съ слѣдующимъ представленіемъ: »открывать новый университетъ въ Киевѣ чрезвычайно неудобно во 1-хъ потому, что Киевъ стоитъ въ сторонѣ отъ с. з. края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Киева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкѣ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Киевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—не здѣшнью, а право цер-

новное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большаго значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета«. Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. »Какъ полякъ, писалъ по этому поводу Колонгай Снядецеому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія«. По-русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытія кіевского университета и округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего колонизаторскаго вліянія нѣсколькихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости границъ в. княжества литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось Рѣчи Посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество литовско-русское сдѣлалось прищемъ для развитія въ немъ политки національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигенціи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена Рѣчи Посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры с.-западной и юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ происвамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движеній. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки и архіеп. Атонія, примирившихъ уніатовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣнены. И ихъ то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успѣшно велись дѣла ополченія молодежи въ школахъ виленскаго учебнаго округа, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ комисіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно западно-русской исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще *нужно* было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже *добровольно*

обрекали себя на жертву отечеству, а въ 1824 году во имя Польши совершали уже уголовно-политическія преступленія.

Самымъ довѣреннымъ лицомъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей былъ Контримъ. >Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ объ немъ Новосильцовъ цесаревичу Константину Павловичу, > котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытый человекъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну <

При содѣйствіи этого человека и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ, Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зоранъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитацій Ходзько, Новосильцевъ доносилъ цесаревичу, что >этотъ дворянинъ былъ посылаемъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями <.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчики—политиканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертію сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой: воеводъ, старостъ, чашихъ, хоружихъ и т. д.

Вотъ откуда пошло къ западной Руси новое племя >коренныхъ поляковъ <. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и національномъ сознаніи нѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ именемъ *романтизма*. Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось прасудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этою цѣлью составленъ былъ даже спеціальныи верховный комитетъ—изъ графа

Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто виѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора по средствамъ удвоеннаго количества инспекціи. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имѣемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого предмета, потому что это виѣ нашей задачи¹⁾. А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкоторой частью западно-русской интеллигенціи обязана преимущественно школамъ кн. Чарторыйскаго. Слѣдовавшіе за тѣмъ мятежи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, допущеніе польскаго языка въ школы, нѣкоторыя періодическія изданія и мѣстную литературу — не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но, что всего печальнѣе, на долгое время сбили съ толку народныя массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собою твердую почву до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основанія, по которымъ авторъ очерковъ старается сохранить орфографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слишкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Вильнюя* и происходитъ отъ древняго русскаго названія рѣки *Вилии* или *Велии*; ибо литовское названіе этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Вигандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: › *civitas Ruthenica* ‹.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильня. Такихъ названій мы видѣли по мѣньшей мѣрѣ тысячъ 60. Свою же орфографію авторъ очерковъ основываетъ главнымъ образомъ на одномъ актѣ изданія с.-петербургской археографической комисіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую орфографію: Вильна называется Вилн-о; Ковно — *Ковень*; Гродно — *Городень*; Новогрудокъ — *Новгородокъ*; Брестъ — *Берестье*; Минскъ — *Монескъ* и др.; эти послѣднія названія, кромѣ Вильны, встрѣчаются и въ актахъ

¹⁾ Лицъ, желающихъ ознакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., гдѣ была напечатана нами статья объ этомъ-же предметѣ.

позднѣйшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ названіе Вильны съ окончаніемъ *a* и *я* встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Принимая во вниманіе, что единичные случаи правописанія какаго либо слова должны считаться не правиломъ, а исключеніемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться съ окончаніемъ *a*, или *я*, но отнюдь не съ окончаніемъ *o*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ названіями городовъ Гнѣзно, Лѣшно, Сѣнно, не имѣющими впрочемъ никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны названіе по вышеприведенному документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ названій и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія названія западно-русскихъ городовъ, измѣненныя польской орфографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе не обязательной. Если поляки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ *получить*, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ *можно слѣдовать*.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣнь подозрѣнія на виленискихъ мучениковъ, происхождение которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и св. синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что жизнеописаніе виленискихъ мучениковъ помѣщено въ *Четкахъ Минимъ* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патриаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе, нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православною русскою церковью? Согласіе св. синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святныя мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхождение мучениковъ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освятившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіанства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденіяхъ автора часто встрѣчаются явныя натяжки, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что признавая за безспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францискановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, нежели двусмысленно, говоря: » въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностію ». Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францискановъ во времена этого-же Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не историческая критика, а тенденціозно-польская, для которой только то истинно, что соответствуетъ ея интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся преимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотре- бимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытіи въ Вильнѣ музея древностей. » Не всѣмъ еще доступно, говорено было одинцъ изъ выдающихся членовъ археологическаго общества, что археологія чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скоп- ля въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ ми- нувшемъ, предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ про- износить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будутъ же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій слова апостола Павла: Павелъ ли, или Апполосъ, или Кифа, или миръ, или жизнь или смерть, или настоящее или буду- щее, все наше: мы же Христовы, а Христось Божій «¹⁾ (I Кор. III, 22—23.

Но не прошло 5—6 лѣтъ, Виленскій Музей представилъ собой са- мое блистательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ-то въ витринѣ даже Литовскій Статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскія старинныя русскія рукописи—въ нишѣ за шкапами были обречены на гніеніе.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторые мѣста X очерка, носящаго названіе » *Народный трудъ* «.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ

¹⁾ Записки Вилен. Арх. ком., ч. I. 1856 г., стр. 38—39.

изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безправственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и конокрадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ поучительны, что мы считаемъ необходимыми привести ихъ въ подлинникѣ:

» Трудно, говорятъ авторъ, съ увѣренностію сказать, улучшается-ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ виленской-же и гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, *большую частію по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе своего долга и высокою призванія. Народъ не доверяетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родъ пристава, или окружнаго начальника.* Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія < (стр. 215).

Мы не имѣемъ подъ рукою необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки даетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ значенія условій мѣстной жизни, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснять *преимущественною* ролью земли въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Разсмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля были очень сильнымъ ключемъ въ средѣ кореннаго литовскаго и бѣлорускаго племени: здѣсь были купцы—христіане, торговцы—христіане, ремесленники—христіане, пришлые, а туземные; они имѣли свои братскіе уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностію, распространявшеюся на многія мѣста великаго княжества литовско-русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ «витинахъ»; но противъ

нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ *острило* противъ нихъ ограничительный законъ, извѣстный въ Volumina'хъ Legum подъ названіемъ *lex sumptuaria*, снизу—кагалное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этогоже дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкуренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими *однимъ за всѣхъ и всѣ за одною*. Что-же имъ остается, кромѣ земли? Ничего! Но это вовсе не значить, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственныя цѣли, сколько исключительныя, направленныя къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-каатолическаго духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить *водку пивомъ*, какъ это и теперь еще практикуется нѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пѣть разныя кантычки, отличавшіяся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по нѣкоторымъ причинамъ признаемъ это неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма присорбны, какъ и всякія злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурнаго вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ *Живописной Россіи*, принадлежащемъ П. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ краѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возрасло до 32%. Кто знаекомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значить 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплуатаціи.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, или-же отсутствію обществъ трезвости, или же ослабленію вліянія римско-каатолическаго духовенства... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни докумен-

тами, такъ что читатель по неволѣ долженъ терпѣться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчемные и кабачные притоны. Эти темныя гнѣзда всевозможныхъ преступленій всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра и такое-же легкое укрывательство и подстрекательство къ занятіямъ подобнаго рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, каковаго-бы то ни было поколѣнія—старога или молодого. Съ другой-же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатлѣвались на спиѣхъ преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступленій должно казаться значительно больше. Закройте корчемные притоны—и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды—и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строки, выписанныя нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католическаго духовенства, отличаются крайней двусмысленностію, хотя и обставлены нѣкоторыми громозвонами, въ родѣ >мѣстности < и >православнаго духовенства <.

Смыслъ этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ-же виленской и гродненской, гдѣ вѣронсповѣданіе или смѣшанное, или-же по преимуществу православное, нравственными добродѣтели народа изсякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народныя добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей силы впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтимъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жуликовъ, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ, о конокрадствѣ-же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, толкуетъ дальше авторъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшались административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видитъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры виленской и гродненской губерніи роковымъ образомъ повліяло не только на народную нравственность, но и на личные добродѣтели самаго духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственныхъ чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше-ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католическаго духовенства, хотя и знаемъ, что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ, что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлеченій: для этого нужны факты, которыхъ мы не имѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностранныхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особенныхъ давленій нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помѣщены о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С..... Въ этихъ органахъ онъ провозглашенъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ специальныхъ наставниковъ и была внѣ сферы его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ >нужно знать, какъ вещи есть«, а онѣ очень незамысловаты: этотъ человѣкъ совершалъ по-русски римско-католическое дополнительное богослуженіе!... >Васнѣ эту можно-бы и болѣе пояснить«, но она не касается прямо >Живописной Россіи« и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляя самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Сборникъ судебныхъ рѣшеній, составительныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Составилъ В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.

Передъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украйны. Въ прошломъ году въ Харьковѣ-же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ «Кіевской Старины» появилась объемистая монографія г. Шмакова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украйны. Такое обиліе трудовъ объясняется прежде всего практическою важною даннаго вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевскаго и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались опредѣлить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ козаковъ, нынѣшнихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на старозаимочные процессы. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами матеріальнаго права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевскаго мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говоритъ: «... эти спорныя положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онѣ выдвигаютъ на сцену не одни только чисто спеціальныя юридическіе вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрагиваютъ собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ лежали права, которыя первоначально пріобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ — крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятыя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей слободской Украйны (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ занятія дикихъ, никому не принадлежащихъ земель... вслѣдствіе этого» волею не волею пришлось поближе ознакомиться какъ съ общею исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ

подъ названіемъ слободской Украйны, такъ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполне обстоятельныхъ изслѣдованій по указаннымъ вопросамъ, побудило тяжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительнаго количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени. И дѣйствительно въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гуровъ очень часто обращается къ исторіи слободской Украйны вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію «Сборника» г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи. Сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2-й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе включаетъ въ себя много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньше; а теперь перейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, дополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія; какъ видно изъ этихъ рѣшеній, судъ призналъ, что червасы, колонизовавшіе слободскую Украйну, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не огра-

ничиваєсь одними положительними рѣшеніями, г. Гуровъ приводитъ въ приложеніи и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слободскихъ полковъ; всѣ онѣ, (кромѣ одной, какъ видно изъ прилѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 1716 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣетъ никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанию своему вполне подходить къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше. Такова напр. грамота, выданная харьковскимъ черкаскамъ 23 сентября 1659 г.; она вполне идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполне соответствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ наиболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію козацкихъ занмокъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссійскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатые данныя для характеристики колонизаціи слободской Украины. Остальные пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 іюня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не включаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи слободской Украины вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) освобождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы,

бортъ и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похваляетъ за вѣрность во время измѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ неисправно или по вѣнѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строчкѣ сверху 459 страницы напечатано: > и по святой Господней евангельской заповѣди <, а нужно читать: > и Его святыхъ Господнихъ евангельскихъ заповѣдей <, такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строчкѣ снизу на той-же страницѣ вмѣсто > оное лично < нужно читать > одно лично <; въ 1-й строчкѣ снизу на той страницѣ вмѣсто > сыску < нужно читать > сылки <.

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

За тѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ граней полевыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онѣ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и бесполезныхъ подробностей о граняхъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыя данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящіеся къ старозаимочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное; здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тажбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилициемъ, или указъ государственной военной коллегіи гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полевой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и козаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ комиссарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны комиссарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по

всѣмъ селамъ харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управленія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельныя вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это нѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствомъ о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правленію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административнаго воздѣйствія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшій непорядокъ*, состоящій въ томъ, что «казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати», и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кромѣ общественной пользы казенныхъ обывателей, *зависитъ сохраненіе самаго казеннаго интереса*. «Вслѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурора здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставило сдѣлать со стороны своей *строжайшія предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскимъ и земскимъ полиціямъ общесъ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣздныя стряпчіе удостовѣрились, во всѣхъ ли трехъ поляхъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ уравнительно, а буде въ которой волости еще такового уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше понудить къ тому волостныхъ начальниковъ*, вмѣстѣ неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано непремѣнно въ самой скорости,—и что въ важной волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія...» Независимо отъ всего выше изъясненнаго, предлагаетъ казенной палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно *поспѣшнѣе строжайше предписать* отъ себя всѣмъ волостнымъ правлені-

амъ о непремѣнномъ уравненіи волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ <.

Въ данномъ случаѣ радѣтели казеннаго интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага опекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти-же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенной, а не ихъ собственностью...

Подведемъ теперь итога.

Рѣшается-ли > Сборникъ < г. Гурова окончательно старозаимочный вопросъ? Во всей широтѣ его нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть расчлененъ на три другіе: 1) происхожденіе старозаимочныхъ земель, 2) сущность и внутренняя организація землевладѣнія и земледѣлія въ старозаимочныхъ земляхъ и 3) судьба старозаимочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣдняго времени.

Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрогиваютъ; впрочемъ и относительно перваго вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было-бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая заимка простыхъ козаковъ къ крупной заимкѣ туземной старшины и пришлаго дворянства, — считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было-бы знать, чѣмъ отличалась заимка слободскихъ козаковъ отъ заимки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ однодворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ старозаимочныхъ дачъ въ концѣ прошлаго столѣтія (по комиссарскихъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главнѣйшая и весьма цѣнная услуга > Сборника < г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ документальныхъ свѣдѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность старозаимочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи > Сборникъ < г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на *судьбу* старозаимочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ ови подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ *оставилъ совершенно открытымъ*. Г. Шимановъ отождествляетъ старозаимочное землевладѣніе съ наследственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣйствія, то этимъ все-таки не рѣшается вопросъ о *первоначальной* формѣ земле-

владѣнія у слободскихъ козаковъ; положительныя доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участкового землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполне убѣдительны.

Такимъ образомъ старозаямочный вопросъ требуетъ еще новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго ›Сборника‹ г. Гурова и отложимъ дальнѣйшія подробности для изслѣдованія о старозаямочномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Д. Багалій.

*Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.
16°. 96 стр.*

Львовское Общество ›Просвѣта‹, продолжая свою полезнаую издательскую дѣятельность серьезныхъ популярныя книгъ для народнаго чтенія, издало новую книжку ›Исторія Руся‹. О предъидущихъ издавнїяхъ этой серіи мы въ свое время дали отчетъ въ библиографическомъ отдѣлѣ ›Кіевской Старинны‹. Новый выпускъ, составленный г. Александромъ Барвѣнскимъ, не только не уступаетъ прежнимъ по достоинствамъ содержанія и изложенія, но еще болѣе доказываетъ неоспоримый талантъ автора къ популяризаціи серьезнаго знанія въ средѣ своего народа.

Пятый выпускъ ›Исторія Руся‹ посвященъ исключительно очерку внутренняго быта западной Руси отъ времени династическаго соединенія Литвы съ Польшею (въ концѣ XIV столѣтія) до слиянія обонхъ государствъ въ одно политическое тѣло, т. е. до люблинскаго сейма 1569 года. Несомнѣнно, что очеркъ такой труднѣе всего составитъ для публики мало привыкшей къ серьезному чтенію. Не смотря на живой интересъ фактовъ внутренняго быта, на ихъ рѣшительное значеніе для судьбы всякаго народа, уразумѣніе ихъ требуетъ нѣкоторой привычки къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ и историко-философскимъ выводамъ; авторъ рѣдко только можетъ иллюстрировать всѣ положенія рѣдкими примѣрами и драматическими эпизодами и потому лишень возможности пользоваться возбужденіемъ чувства и воображенія у своего читателя, т. е. лишень самаго цѣннаго орудія для всякой популяризаціи знанія. Не смотря на эти трудности, г. Барвѣнскій исполнялъ прекрасно свою задачу, благодаря своему методу: онъ строго логически обдумалъ сюжетъ, развилъ каждую его часть ясно, логично и просто, особенно-же умѣлъ устранить все второстепенное, не важное и сосредоточилъ вниманіе читателя исключительно на существенныхъ чертахъ изо-

ображенной имъ картины; онъ не затемнилъ ни разу главныхъ чертъ исторической картины и передалъ ихъ на столько рельефно и наглядно, на сколько ясно и отчетливо понять ихъ самъ, извлеки положенія свои изъ весьма численной и разнообразной исторической литературы, которою пользовался при составленіи своей книги.

Общій планъ сочиненія г. Барвѣнскаго построенъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсматриваетъ вначалѣ вліяніе польскаго государства на тѣ области Руси, которыя раньше были покорены Польшею, т. е. на Русь Галицкую, Белзскую, Холмскую и Подольскую, и затѣмъ переходитъ къ очерку внутреннего быта Руси литовской. Въ каждой изъ этихъ двухъ областей западной Руси онъ разсматриваетъ бытъ отдѣльныхъ сословій: рыцарскаго, городскаго и сельскаго и затѣмъ состояніе православной церкви. Онъ съ полнымъ безпристрастіемъ констатируетъ на всѣхъ пунктахъ стремленіе со стороны польскаго правительства и общества къ подавленію русской народности, то удаленіемъ русиновъ отъ пользованія гражданскими правами, то льготами, которыя расточались исключительно только для католиковъ, то просто мѣрами весьма рѣзкаго и ничѣмъ не вызваннаго насилія.

Въ рельефномъ очеркѣ г. Барвѣнскаго мы наглядно можемъ наблюдать патологическій фактъ государства, которое упускаетъ совершенно изъ виду существенныя цѣли и обязанности всякаго государственнаго организма: удовлетвореніе законнымъ стремленіямъ своихъ жителей къ возможному матеріальному и моральному благоденствію и къ лучшему и всестороннему развитію своихъ силъ и вмѣсто того поставляетъ своею цѣлью неосуществимую въ антропологическомъ и культурномъ отношеніяхъ задачу—передѣлать національное начало части своихъ гражданъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать ихъ вѣчно пассивными слугами другой половины обывателей того-же государства. Помимо нелѣпости и безнравственности такой задачи, весьма рельефно, хотя вполне безстрастно и объективно, представленной г. Барвѣнскимъ; всякій читатель, знакомый съ общими историческими законами чувствуетъ, что многовѣковая историческая неправда неминуемо должна вызвать историческую Немезиду, которая покараетъ тотъ политическій организмъ, который вмѣсто цѣлей благосостоянія и прогресса преслѣдовалъ въ теченіи трехъ столѣтій лишь несбыточные затѣи самодурства и фанатизма. Въ минуту предшествовавшую первому появленію этой исторической Немезиды, послѣднимъ актомъ польской политической нетерпимости, т. е. люблинскимъ сеймомъ 1569 года и его ближайшими результатами заканчивается 5-й выпускъ «Исторіи Руси».—Не трудно отгадать, что слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ козацкимъ возстаніямъ, и содержанія этого мы

ждемъ не только вслѣдствіе хронологической послѣдовательности, но и потому, что авторъ въ 5-мъ выпускѣ возбудилъ въ насъ сильное желаніе увидѣть картину восстановленія права и правды, померившихся столь долго и настойчиво и взывавшихъ столь долго и напрасно о справедливости.

Искренно желаемъ продолженія полезнаго труда г. Барвійскаго и глубоко убѣждены, что подобныя его сочиненію популярныя книги не только сообщаютъ своимъ читателямъ фактическія свѣдѣнія, но имѣютъ для нихъ серьезное нравственно-воспитательное культурное значеніе.

В. А.

Темный мстца въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«. Поясненіе Ом. Пармыцкій. Часть первая. У Львовъ. 1883 г.

Достаточно просмотрѣть »Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ«, г. Барсова, или »Литературу Слова« со времени открытія его до 1876 г., чтобы убѣдиться, на сколько сильно интересовало и до сихъ поръ интересуется русскихъ ученыхъ это замѣчательное произведеніе русской письменности до-татарской эпохи. Да и какъ не интересоваться имъ? Изъ того отдаленнаго времени дошло до насъ весьма мало литературныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ лѣтописи, но онѣ искажены въ своемъ языкѣ поддѣйшими переписчиками; притомъ всякій, занимавшійся ихъ изученіемъ, согласится, что онѣ рисуютъ намъ одну внѣшнюю жизнь и что въ нихъ выражаются взгляды, стремленія, умственное богатство людей, которыхъ было немного на Руси въ то время, людей книжныхъ, большею частью монаховъ. Даже въ тѣхъ, иногда довольно большихъ отрывкахъ лѣтописей, которые видимо писаны рукою мірянина, излагаются факты внѣшней жизни: усобицы князей, ихъ счеты за столы, борьба съ сосѣдями и пр. Бытовныя извѣстія приходится собирать, какъ крупинки. Сохранившіеся въ весьма незначительномъ количествѣ юридическіе памятники не даютъ намъ также никакого матерьяла для характеристики современнаго имъ русскаго человѣка. Слова и поученія рисуютъ современное общество со стороны религіозной и нравственной, рѣдко общественно-бытовой. Въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«, независимо красотъ поэзіи, рисуется жизнь тогдашняго общества, даются меткія характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей, выступаютъ ясно временныя отношенія ихъ, выражаются взгляды на ходъ политическихъ событій того времени и политическіе идеалы княжескихъ дружинниковъ. Кромѣ указаннаго, въ авторѣ этого

художественнаго произведенія ясно связывается человѣкъ по тогдашнему образованный: типъ дружинника съ его воззрѣніями на проходящую передъ нимъ жизнь, съ его вѣрованіями и предрасудками, съ его уда-лю и вѣрою, съ любовью къ родной землѣ и народной старицѣ, къ ея вѣрованьямъ и поэзіи.

» Слово о Полку Игоревѣ « имѣетъ обще-русскій интересъ, какъ единственный памятникъ поэзіи до-татарскаго періода; въ частности на немъ лежатъ слѣды южно-русской жизни. Этимъ памятникомъ одинако интересуются и историки, и пслѣдователи литературы, и лингвисты.

Но не смотря на общія усилія, въ этомъ памятникѣ остается еще много темныхъ, трудно объяснимыхъ мѣстъ. Являются постоянно новыя коньектуры. Трудъ, заглавіе котораго мы выставили, также посвященъ всецѣло разбору темныхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Нѣкоторыя догадки автора весьма остроумны, но нельзя сказать, чтобы онѣ не были всегда натянутыми. Ограниченные размѣромъ краткой замѣтки, мы приведемъ только два мѣста, отличающіяся, по нашему разумѣнію, особой натяжкой. » Се бо Готскія красныя дѣвы, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ, вѣспѣша на брезѣ синему морю; звона Русскимъ златомъ, поють время Гусово.... Готскія красныя дѣвы, говоритъ авторъ, что имѣютъ лебединыя крылья и тѣшатся »златомъ« не-пріятельской земли,—то извѣстныя въ мнѳологіи германскихъ народовъ Валькиріи, также дѣвицы-воиницы (Schlachtjungfrauen), или дѣвицы-лебедки (Schwanenjungfrauen) и т. д. (28—29). Дива авторъ считаетъ нужнымъ искать также въ скандинавской мнѳологіи (стр. 36). Авторъ не допускаетъ возможности, чтобы готы сохранили свою народность до XII в.; онъ даже сомнѣвается, осталась-ли хоть часть ихъ въ южной Руси послѣ общаго выселенія въ V в. полъ напоромъ гунновъ. Между тѣмъ готы сохранили свой языкъ и позже. Буздекъ, посланный въ 1565 г. римскимъ императоромъ въ Константинополь, передалъ исторіи списки готскихъ словъ. Въ IX в. богослуженіе совершалось у готовъ на родномъ языкѣ, и только въ XVIII ст. оно стало совершаться на татарскомъ. Русскіе поселенцы въ Крыму разсказываютъ о кладбищѣ при селеніи Біа-Салы: » нѣтъ, это не греческое кладбище. Старики наши сказывали, что слышали отъ грековъ, будто это готвейское кладбище; сказываютъ, готва какая то еще прежде грека тутъ находилась «. Такъ долго держалось воспоминаніе о готахъ на Крымскомъ полуостровѣ. Оставшаяся часть готовъ занимала также Таманскій полуостровъ, и, по остроумной догадкѣ г. Васильевскаго, имя города Тматоравани имѣетъ связь съ названіемъ тетрокситовъ, какъ именовались здѣшніе готы. Все, что получали половцы путемъ грабежа въ Руси, вымѣнивалось ими на пред-

меты роскоши въ черноморскихъ торговыхъ городахъ. Туда шло и русское награбленное золото, переходило въ руки торговцевъ, въ числѣ которыхъ были несомнѣнно и готы. И вотъ готскія дѣвы радуются русскому золоту, полученному ими отъ ихъ отцовъ и братьевъ. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ оживленнѣе торговля, тѣмъ больше прибыли черноморскимъ торговцамъ, тѣмъ больше радости готскимъ дѣвамъ. — Вотъ, по нашему мнѣнію, простой смыслъ этого мѣста Слова.

»Въ Словѣ о полку Игоревѣ«, говоритъ авторъ, »замѣтны три религіозныя стихіи: боги готовъ (Дѣвы, Готскія дѣвы, Стрибогъ, Бусь) стоятъ на сторонѣ половцевъ; боги славянскіе (Дажбогъ, Хорсъ) выступаютъ больше нейтрально, пассивно...« и т. д. Почему именно готскіе боги стоятъ на сторонѣ половцевъ? Пѣвецъ Игоря хотѣлъ искусственнымъ образомъ увеличить поэтичность своего произведенія? Онъ уже не могъ помнить скандинавской мѣологии, ибо никакихъ слѣдовъ скандинавизма не осталось на Русѣ въ XII в., какъ исчезъ онъ уже и въ X ст. Достаточно толковали о норманскомъ происхожденіи Велеса, Перуна, и пора-бы перестать отнимать природныхъ боговъ у славянъ.

Но г. Партыцкій идетъ еще далѣе. Онъ видитъ нормановъ—бояръ даже въ XII в. Князь Святославъ Всеволодовичъ рассказываетъ свой извѣстный сонъ боярамъ. Г. Партыцкій, объясняя это мѣсто »Слова«, говоритъ слѣдующее: »Князь говоритъ и думаетъ по русски, у него »моутень« значить неясный; а бояре въ этомъ »моутень« слышатъ скандинавское выраженіе: »muot-енъ—отъ muot-а—походячій, Божій. Въ сѣверной мѣологии Muot означало тоже, что Воданъ (61). Князь говоритъ: »въ Киевѣ«, а боярамъ чудится въ Skialf'ѣ, т. е. Wala-skialf'ѣ, палатѣ Водана«. Словомъ выходитъ, будто кievскіе и черниговскіе бояре XII в. плохо понимали русскій языкъ и были пропитаны скандинавскими вѣрованіями и преданіями. Съ такими объясненіями никто, конечно, не согласится.

Впрочемъ нѣкоторыя толкованія автора, на нашъ взглядъ, кажутся очень интересными. Напр. слово »папорзи« г. Партыцкій объясняетъ словомъ »папоротникъ«, какъ талисманъ противъ непріятельскихъ ударовъ (13—15). »Длго ночь меркнетъ; заря свѣтъ запала; мѣгла поля покрыла«. »Запала«, по автору, есть аористъ отъ глагола »запалати«, а »заря« есть родительный падежъ единственнаго числа. Все это мѣсто передается такъ: долго ночь меркнетъ: свѣтъ зари заблесталъ, мгла степи покрыла. Нельзя не согласиться съ г. Партыцкимъ, что пѣвецъ мастерски выясняетъ понятіе »меркнетъ« двумя послѣдующими предложеніями. Прекрасно, по нашему мнѣнію, у г. Партыцкаго и объясненіе другого мѣста въ Словѣ: »присноу море полоунощи: вдоуть сѣморчи мѣглами«. Авторъ соединяетъ его

съ молитвой Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и Солнцу. Такая же образность выраженія есть у Шевченка въ его »Гамаліи«. Днѣпръ неустрашимо пронесъ слезы Ярославны къ морю. Море, замѣтивши слезы княгини, сейчасъ зашевелилось; изъ него поднялись безчисленные туманы, которыхъ оно посылаетъ въ помощь Игорю. Вѣтеръ понесъ ихъ на поля половецкія и покрылъ ими землю. Солнце уже не свѣтитъ такъ ярко: его лучи скрываются за туманами.

Въ концѣ своего труда г. Партыцкій проводитъ мысль, что пѣвецъ былъ родомъ галичанинъ, перешедшій въ число бояръ князя Новгорода-Сѣверскаго вмѣстѣ съ женой послѣдняго, дочерью галицкаго князя Ярослава. Мы не можемъ сказать, какъ сильны филологическія доказательства автора, но историческія не имѣютъ никакого значенія. Если пѣвецъ знаетъ Пльсенскъ и Исканскую дуброву, находящіяся, по словамъ автора, въ Галиціи, то онъ также хорошо знакомъ и съ другими мѣстностями земли русской. Попытки, сдѣланныя г. Партыцкимъ (хотя мы и не можемъ согласиться съ многими изъ нихъ) для разъясненія темныхъ мѣстъ этого замѣчательнаго памятника литературы древней Руси во всякомъ случаѣ весьма интересны и явились плодомъ долгаго обдумыванія и тщательной работы. Трудъ г. Партыцкаго стоитъ того, чтобы на него было обращено вниманіе нашихъ филологовъ и историковъ.

По общности предмета не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу статьи г. Гонсіоровскаго, напечатанной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: *Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ*. Главный интересъ этой статьи въ попыткѣ разрѣшить вопросъ о языкѣ этого памятника. По мнѣнію г. Гонсіоровскаго, языкъ Слова о полку Игоревѣ представляетъ смѣсь древнаго великорусскаго съ языкомъ вятиче-польскимъ. Чтобы дойти до этого положенія, авторъ долженъ былъ представить много изысканій и соображеній относительно развѣтвленія древне-русскаго языка и выдѣленія изъ него нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, при чемъ первое изъ нихъ онъ считаетъ прямымъ потомкомъ того языка, а въ вятичахъ и радимичахъ видитъ слѣды польскаго типа и происхожденія. Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ соображеній г. Гонсіоровскаго основательнымъ и правдоподобнымъ можно считать лишь то, что образованія малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій нельзя объяснять позднѣйшимъ вліяніемъ на языкъ южно-русскихъ славянъ языка польскаго и что начало образованія этихъ нарѣчій надо искать въ эпохѣ до-татарской. Затѣмъ польское происхожденіе вятичей и радимичей есть не болѣе, какъ лѣтописная легенда, и фактъ переселенія этихъ племенъ изъ Польши къ берегамъ Днѣпра ничѣмъ не можетъ быть полтвержденъ;

съ другой стороны, считать великорусскій языкъ *прямымъ* потомкомъ древне-русскаго значило бы противорѣчить всей исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Руси славянскими племенами, претворенія ими аборигеновъ финскаго племени и образованія изъ этой смѣси особаго типа населенія и его языка. Поэтому и самая попытка г. Гонсіоровскаго разрѣшить вопросъ о языкѣ Слова о полку Игоревѣ, какъ построенная на столь шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ, не выдерживаетъ критики и лишена серьезнаго научнаго значенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

РАЗСКАЗЫ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ О СТАРЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

Въ теченіи долгой моей службы, нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви кievской губерніи.

Не смотря на свое скромное названіе и положеніе, Бѣлая-Церковь имѣетъ свою исторію, при томъ очень древнюю. Существуетъ мнѣніе, хотя и мало доказанное, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Юрьевъ на Руси и каедрa поросскихъ или юрьевскихъ епископовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи пр. Нестора. Какъ населенное мѣсто, освобожденное въ концѣ XIV в., при великомъ князѣ литовскомъ Олгердѣ отъ власти татаръ, Бѣлая-Церковь упоминается въ хроникѣ Стрыйковскаго. Болѣе опредѣленная ея исторія начинается съ половины XVI в., со времени постройки здѣсь замка воеводою кievскимъ, княземъ Семеномъ Глѣбовичемъ Проискимъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь, съ именемъ города, играетъ видную роль въ исторіи Польши и козачества, какъ важной стратегической укрѣпленный пунктъ и какъ административный пунктъ одного изъ богатѣйшихъ староствъ, или такихъ имѣній, доходы съ которыхъ, по усмотрѣнію польскихъ королей, давались знатнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ—русскимъ и польскимъ. Бѣлоцерковскіе мѣщане владѣли обширными земельными пространствами и угодьями, пользовались магдебургскимъ правомъ, т. е. имѣли

свой собственный судъ и управленіе. Какъ укрѣпленный замокъ съ гарнизономъ, Бѣлая-Церковь составляла предметъ постоянныхъ споровъ и захватовъ со стороны польскаго правительства и козаковъ и переходила изъ рукъ въ руки, въ особенности при Хмельницкомъ и Палиѣ, пока прутскимъ договоромъ не былъ положенъ конецъ правобережному козачеству и сегобочная Украина не стала достояніемъ Польши до возвращенія ея снова къ Россіи въ 1794 г. Когда вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши, именно въ 1774 г. Станиславъ Цонатовскій раздаривалъ польскимъ магнатамъ представленныя сеймомъ въ личную его собственность украинскія староства, Бѣлая-Церковь съ ея обширѣйшимъ округомъ, при населеніи свыше 100,000 душъ, досталась участнику дебошей короля, толерантному во времена расправы съ гайдамаками региментарю польскихъ войскъ, нынѣ коронному гетману, Ксаверію Браницкому, а Екатерина, чтобы еще болѣе склонить этого послѣдняго на сторону Россіи, женила его на одной изъ пяти племянницъ князя Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, по смерти дяди своего увеличившей бѣлоцерковское староство полученными по наслѣдству обширными имѣніями въ черкасскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ. Польскіе магнаты, вторя какъ-бы объявленному Екатериною въ 1783 г. закрѣпощенію лѣвобережной Украины, закрѣпостили въ правобережной Украинѣ всѣхъ вольныхъ людей, отбросивъ въ сторону грамоты королей и великихъ князей литовскихъ раньше, чѣмъ наступило окончательное распаденіе Польши и Украина возвращена Россіи. Такъ и Бѣлая-Церковь пришла подъ скипетръ Россійскій не свободною, а рабскою и новый скипетръ только закрѣпилъ и усилилъ ея рабство. Съ тѣхъ поръ Бѣлая-Церковь стала извѣстна какъ резиденція богатѣйшихъ польскихъ пановъ въ Россіи, владѣвшихъ болѣе нежели 300,000 душъ и не рѣдко осчастливливаемыхъ высочайшими по сѣщеніями. Устроенный здѣсь Браницами, съ громадными затратами, великолѣпный садъ, подъ именемъ Александріи, придавъ Бѣлой-Церкви новую извѣстность въ глазахъ туристовъ.

Въ такомъ видѣ нашель я Бѣлую-Церковь въ 50-хъ годахъ. и странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему челоуѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ.

какъ польско-жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви красовался пансіей палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки вадовъ и рововъ. Графиня А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменные церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и пр. и пр., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картины довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой повосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой-Церкви простиралось тогда до 20,000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство.

Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена золотой вольности, едва начинавшейся панцины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялись надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ они сами вызывались на рассказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ съ вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда и на мѣстѣ записывалъ ихъ рассказы слово въ слово. Тому минуло 30 лѣтъ; рассказчики давно въ могилѣ, отъ ихъ словъ вѣтъ замогильной давностью. Тутъ своя исторія, не связанная, не полная, не точная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи.

Подаю эти рассказы въ печать, раздѣливъ ихъ по именамъ повѣствователей, отчасти самому содержанію. Начну съ рассказа Бучинскаго, которому въ 1854 г. было уже 70 лѣтъ. Онъ служилъ въ русской арміи при Александрѣ Благословенномъ и Нико-

лаѣ I и дослужился чина прапорщика, а выйдя въ отставку, возвратился на родину и доживалъ свой вѣкъ на отцовскомъ пенсiи. У него хранился реестръ правъ и привилегій, данныхъ мѣщанамъ Бѣлой-Церкви польскими королями; у него-же была какая-то тетрадка съ записью объ основаніи Бѣлой-Церкви и замка. Тетрадку эту, по его словамъ, онъ получилъ отъ стараго польскаго жолѣбра, который, не имѣя нигдѣ пристанища, жилъ въ развалинахъ Палиевой церкви и питался подаиіемъ. Изъ этой-то тетрадки и почерпнуты имъ переданныя мнѣ свѣдѣнія.

1) Разсказъ прапорщика Бучинскаго.

Основаніе Бѣлой Церкви. Прибѣгъ воинъ, изъ бояръ, и сталъ на скалѣ, гдѣ теперь костель, а мѣсто вокругъ было пусто, не заселено. Со скалы увидалъ онъ дымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Шваровка, а тамъ въ яру жила вдова *Била*, жена Матвія Бѣлаго, атамана разбойничьяго; она держала сотъ до семи разбойниковъ, б. товарищей своего мужа и хранила у себя ихъ добычу. Воинъ съ своей дружиной своевалъ бабу *Билу*, захватилъ въ полонъ всю ватагу и все добро ея и заставилъ плѣнныхъ разбойниковъ строить крѣпость, а на счетъ добытой казны соорудить здѣсь церковь, которую называли *церковью билюю*, *Бѣлою Церковью*.

Основаніе бѣлоцерковскаго замка. Когда начинали строить бѣлоцерковскій замокъ, изъ ольхъ, росшихъ на берегу р. Роси, выбѣжала, неизвѣстно чья, лошадь; лошадь поймали и живую закопали на сѣверо-западномъ углу крѣпости. На сѣверо-восточномъ углу закопали живаго пѣтуха. На юго-восточномъ углу закопали живую дѣвку; она несла воду ведрами, ее схватили и закопали. На юго-западномъ углу закопали какое-то животное—кошку или собаку. Ровъ крѣпостной шелъ отъ р. Роси, начинаясь между усадьбою доктора Познанскаго и Барановой, огибалъ графскія конюшни и церковную площадь и спускался къ рѣкѣ Роси за мясными лавками. По рву стоялъ палисадъ изъ огромнаго дубоваго частокола. Изъ палисада вели двое воротъ, однѣ были къ востоку отъ Палѣвой-Церкви, гдѣ смолу продаютъ на поворотѣ дороги, у горба, на которомъ стояла Андреевская церковь, а другими воротами, стоявшими близъ двора Осмоловскаго, выѣзжали на бердичевскую улицу.

На берегу, у нынѣшней мельницы была хатка, въ которой помѣщалась стража для надзора за проѣзжающими. Лавки дрянныя находились на мѣстѣ нынѣшней становой квартиры. Въ самую крѣпость или замокъ вѣзжались подземными воротами, устроенными въ валу, на дворѣ нынѣшняго мельника—нѣмца, а подлѣ нихъ была маленькая церковь. Къ берегу рѣки изъ замка былъ подземный ходъ, а въ замокъ изъ города вела крутая лѣстница, которая сначала шла прямо, а потомъ поворачивала на право. На сѣверо-западномъ углу крѣпости стояла большая пушка, которая упала въ воду и тамъ осталась; ее было видать мальчишки, ныряя въ воду при купаньѣ. Изъ замка чрезъ рѣву шла каменная плотина, которая въ засуху выступала наружу.

2) Разсказъ Андрея Мосципана.

Була волисъ *Коліноцима*, десь воно взялось зъ Чигиринщины; въ Жаботинѣ, въ монастыри акійсь то прійшовъ ажъ зъ Запорожья, а другій зъ Басарабіи. Були вони и коло Билои-Церкви, тутъ ихъ розигнали. Вони стали якъ разъ, де теперъ коминотрусы, на горбочку; але якъ выпалили зъ пушки зъ замку, то такъ и убили самого старшого межъ ними предводителя, що бувъ таки зъ Билои-Церкви. Тоди вони утікать, геть туды къ Сквирѣ потянулись, а въ руди покинули цилу бочву серебра на побережини, у Троцькѣ, де и теперъ Троцькѣ сидять. Такъ розказуе було батько, а ёму въ очаковську зиму було 18 литъ. Дидъ звався Сербинъ Иванъ, а батько Мусій Масципанъ.

Я ще памятаю, якъ Суворовъ сей край забиравъ. Прійшли москали—цилый полкъ, та и стали на выгони. Тутъ де Навроцькій сидить, була полкова церква. Насъ послали на ничъ за синомъ; вернулись зъ синомъ, ажъ нема ни москаливъ, ни церкви. Ажъ на другій день якъ показала уже вся сила на Шкаровски гори, та стали зъ пушокъ стрелять холостыми, то за тимъ ввишли въ мисто, та польске тутешне висько и розпустили—такъ возаки (на дворни) и розійшлись по домамъ господаровать. Отже Степура, Шитковскій и Навроцькій, батьки нынѣшнихъ, служили въ тимъ виську.

Старый Браницькій захавъ до Билои-Церкви въ саму очаковську зиму. Поля тоди були пе миряни; уже въ три годы по

смерти Браицького помирили—за комисара Липомана; отъ ще за Бурковського не миряни були: де хто хотівъ, тамъ и оравъ.

Церковь стару (каменну), кажуть, збудувавъ Семенъ Палій; винъ бувъ лицарь, алежъ чиномъ меньшій одъ Мазепы; Мазепа зиславъ ёго кудысь.

Въ очаковську зиму (1788 г.) на Ивана Купала обвалилась гора, що одъ Шкаровка (сосѣдняго села). Тоди саме й я родився. Троицькою церкви пишъ, отецъ Петро не схотивъ хрестить мене дома; сказавъ—пидемо съ процессією на криницю, що явилась на гори, то тамъ и охрещу ёго; тамъ мене и хрестили коло криници. Обвалилась гора такъ: хлопци пасли скотъ на Шкаровській гори, бо тамъ бувъ чагаръ. Отъ прійшовъ до ихъ явійсь старичокъ, тай каже: хлопци, втикайте! Тильки що одійшли, а вона и обвалилась, а тамъ въ провалы проявилась криниця. Вода їи була така помична, тяжко помична, якъ хто на очи слабїе; але-жъ провляти нечисти (черти) и вбрались туды купатьця, тай спаскудили воду.

3) Разказъ Ависентія Голая.

О татарскихъ набѣгахъ. Худе время було волись; гирко було народови. Було, кажуть, стережись въ господи, стережись и на поли. Татаринъ було наниже на дрючокъ народу, сырицею позавязуе, та и жене. Отъ за магазиномъ ¹⁾, въ Александрїи ²⁾ есть могила Стрижовка (сторожевая); на тїй могили було чоловікъ стоить зъ вихою, та и выгляда татаръ. То отъ куды виха похилилась, туды и народъ втикае. Або ось влизе було чоловікъ въ купину по шню, голову накладе грязью, та и выгляда звидтилъ на татаръ. На колинцяхъ було и дитей годують. А добро де хто мае, то було ховають то въ лиси, то въ яру, що и теперъ зовеца ›Добролеживкою‹. Закопае було добро въ ямы, та хащемъ прикидае, та и втика въ лись, а въ ту пору коло Таращи ³⁾ лиса були таки не проходими. А волись, розказували то ще стари люди, що чули отъ батькивъ, 40 литъ пусто було въ Билій-Церкви, народъ порозбигався. Ще про

¹⁾ Хлѣбный складъ гр. Браицькихъ.

²⁾ Садъ гр. Браицькихъ.

³⁾ Уѣздный городъ кїевской губерніи въ 40 верстахъ отъ Бїлой-Церкви.

дида сихъ Ярмоливъ було розказують. Пришли два татарина, та и застали ёго, що топивъ пичъ. Отъ же одинъ каже: побигу ще до другой хаты, та и побигъ, а ты, каже, бери цёго. Ось заразъ, каже Ярмола татарини,—загорну тилки пичъ; та нибы загортать, сунувся до печи, та якъ ухватить зъ печи горшокъ зъ окропомъ, та въ татарина, татаринъ такъ и впавъ, якъ пороса опарене, ажъ очи ёму вылизли. Тоди Ярема ухвативъ татарина, одволивъ ёго зъ синей въ комору, въ заснѣ и вкинувъ, тай давай уригать. Прибигъ зъ другой хаты татарюга, ажъ нема татарина, нема и Ярмолы. То уже не швидко до господы довидався, ажъ той татаринъ за-смердився, що и до коморы не наверхнутьця, ледви выкидали зъ коморы те татарське падло.

4) Разсказъ Романа Валентого.

О гайдамакахъ. Було колись рѣзкійство—гайдамащина така, нибъ то зъ Чигиринщины вона взялась. Пришли гайдамаки пидъ Билу Церкву, та и стали тутъ за броваромъ, за цегельнею, коло могилы. Тамъ бувъ пидварокъ (фольваръ),—вони ёго спалили. Та отъ спаливши пидварокъ, взяли човенъ, насыпали сребромъ, та и завопали тамъ коло могилы. Отъ же и доси никто не потра-пить, де те сребро лежить; це вже шукали де яки, та не найдуть. Найстаршій межъ гайдамаками бувъ Швачва, чибъ то ни—Бонда-ренко, отакъ здаеця. Та кажуть, що бувъ межъ гайдамаками якійсь и генераль, тильки убрався чумакомъ. Вони тильки постояли за мистомъ, ихъ одигнали. Звидтилъ пишли вони въ Фастовъ, та тамъ ихъ и заарештовали. Людямъ вони ничего не робили, тилько ри-зали панивъ, та жидивъ, та грабили. Ось розказують було сали-вонци: ¹⁾ Ёхавъ разъ ляшокъ зъ Кіева, по мужицькыи убранный; зо-стрили ёго гайдамаки и стали роспитувать, чи не ляхъ. Довго го-воривъ, не пизнають, таки не пизнають; зусимъ уже бувъ выкру-тився, тильки сказавъ явось: »допиро« (теперь), по цёму одному слову гайдамаки и пизнали, що ляхъ, заразъ и вбили ёго на тимъ мисти.

О возвращеніи Украины отъ Польши къ Россіи. Суворовъ прыйшовъ пидъ Билу Церкву въ саму Петрівку. Москали такъ

¹⁾ Саливонки—предмѣстье Бѣлой-Церкви.

скритно підійшли Добролеживкою; нічого не було, а то зараз на Заричьї стало війська, такъ якъ хмары. А самъ Суворовъ вийшовъ зъ козаками. Підійшли до замку, до брамы; отступи, кричить польске військо, та и штыки понаставляли. >Штыки видай<, закривавъ Суворовъ; тоди наше військо побидало все, та и пропустили Суворова съ козаками. А не було въ Билій Церквї польского війська бильшъ якъ одинъ шкадронъ, бо була змина. Тоди якъ стали москали підходити, та бьють въ таки велики барабаны, та музыки грають; оттаке, що весь свить гуде, такъ весь выгонъ и заняли. Суворовъ чоловікъ соби не величкѣй бувъ, сухенькѣй, та жвавий; було ходити до Успенія въ церковь на службу, та и самъ на крыласи спивавъ, якъ розказуе було покійный Владиміръ, що дякувавъ. Владиміръ хотивъ и попомъ бути, та спизнився, уже не можна було. А першъ, за уніи то и зъ мужыбивъ були попы, дасть 100 рублей, та и пишъ.

О Бьлой-Церкви. Людей въ Билій Церквѣ було дуже мало, якъ зазнаю. И не знаю, на щожъ було 7 церковъ на таке мале мисто; мабутъ давнише ще було бильшъ народу въ Билій Церквѣ. Тильки и мисця було, що коло старої церкви мурованої. А де Жулчинскій сидить, була церковь Петра и Павла, а де смолу теперъ продають жида, тамъ була сама столична брама, въ неи було и грапъ (Браницкѣй) ѓде. А за брамою була церква съ трѣма верхами, здаєця, звана Андрея Первозваннаго. Де крамныци теперъ, то тамъ мы воли пасли. Бувъ ще старый будинокъ тамъ, де теперъ скарбець, а цей уже за графини (А. В. Браницкої) построили; кухни то ще за Мнишка, стародавни.

По Суворови було ще симъ пятакивъ подушного, а изъ трѣхъ хать одинъ ходивъ на панцину на шість днівъ, та ще и 6 гривень дають ему на смолу, по гривни за день, а пишому за два дни плата—золотый.—Потимъ заѓхавъ до насъ грапъ, ѓхавъ отъ зъ Гребинокъ; старый уже бувъ чоловікъ, а вона молоденька. Та ще и за грапа не робили панцины. Першъ грапъ завивъ контрагенты заводами, та ставками. Потимъ якъ стали принужать людеѣ до роботы, тоди нашлись три чоловіки: Бучинскѣй, Самко и Августиновичъ; поѓхали вони до Варшавы, та тамъ сидили пѣтора рокя, а звидсиль громадою все гроши имъ высылали, щобъ старались. Отъ и вѣходили вони тамъ право таке, що мы вольни.

Колижъ якъ дочувся графъ, запригъ кони, та за ними. Колижъ розминувся, а винъ бы ихъ тамъ и на смерть позабывавъ. Поки винъ ихъ шувавъ по сторонахъ, а вони въ Житомири те право и облятували (занесли въ книги апелляціоннаго суда). Тоди вернувся графъ, зъихали и судови, приказують: давайте права, а вони бояця подавать. Та вже Бучиньскій на вколишкахъ лизъ, та на шалци подавъ ¹⁾. Тоди графъ, ничого робить, сказавъ: ›Нехай уже тилки селяне роблять панщину‹, и давъ таку бумагу, що написавъ золотыми літерами: ›Оддаю мисце подобровольне‹. Отже якъ потимъ взяли молодого Бучиньского въ рекруты, баба—жинка старого Бучиньского—за папиры, та до Кіева, думала, що по тымъ папирамъ вызволятъ сына. Де тамъ? Бумагу ту, що золотыми літерами, взявъ губернаторъ, та и заславъ до графа: тамъ вона и счезла. Баба и сына не вызволила и право запропастила. А то те само право, ще и теперъ есть у Бучиньского прапорщика.

Ще до Липпомана (управляющаго) не робили панщины въ Билій Церкви. Хотъ робили було що, то ото въ субботу по реестрамъ и выплачуютъ всимъ. А то уже стало за Липпомана: робили мы тыждень, не ма платы,—другій, третій, четвертый и пятый, не ма платы. Въ неділю по пятимъ тыжни приходимо до комисара, писарь каже: ›заждить, пишовъ панъ до восціола‹. Коли ось прійшовъ зъ восціола; тоди писарь забликавъ насъ въ хату, та и каже: ›ото добри люди, на паньскій земли вы сидите, робить же панщину, а платы бильшь уже не мае‹. Тоди взявъ, та и порвавъ передъ нами ти реестры, що пять неділь робили на плату. Отоди вже началась панщина.

Александрій ще не було, якъ графъ зайхавъ. Мали садъ заводить за старымъ блихомъ и ямы уже покопали; ото тилки липа одна въ дворку за чугуннымъ заводомъ осталась съ того саду.

¹⁾ Отець упомянутого прапорщика Бучиньского, исплотавшій въ Варшавѣ урядовую выпись правъ и привиллегій, бѣлоцерковскихъ мѣщанъ. Опираясь на эти привиллегія, онъ съ двумя другими уполномоченными добивался свободы отъ барщины, подобно жителямъ Черкасъ, Тарашчи и Звенигородки; но трудно было имъ отстоять это право, хотя Бѣлая-Церковь была дана Браицкому не на крѣпостномъ, а на старостинскомъ правѣ—*salvis juridibus*, которыми пользовались мѣщане.

Бувъ у насъ колись то давно, важуть, священникъ чи протопопъ Ковтунъ, Ковтуновскій: то то, де Александрія, бувъ ёго хуторъ колись.

Унія и благочестіе. Якъ графъ зайхавъ, то була ще унія. Графиня благочестива була, и не ходила въ Успенську церкву до уніата. Скоро потимъ настало благочестіе, Успенська церква на самый передъ стала благочестивою.

Памятаю, якъ приехали до насъ базиліане, чоловікъ шість, а въ Успенскій церквѣ зробили три престола, такъ якъ въ костіоли; то кожний день було три службы мають и казань важуть— народъ научають и держать въ церквѣ до дванадцятаго часу. Ото, зайхавши, базиліане взяли бумагу таку, якъ рядно, та й пошли съ процессією по мисту, та й приказують: ›посылайте дитей до церквѣ учиться!‹ То оце було сходимось вечеромъ до церквѣ, то три учать дитей виры, а три учать спивать песни. Якъ скоро котора дитина выучить, то було дають образки тому чи Варвары, чи Спасителя. То оце приходить до дому, та и хвалиться: ›ось мыни стилки и стилки образивъ дали‹. Окромѣ учили хлопчичивъ, окромѣ дивчатокъ. Оце було пытаеця: ›хлопци, скільки у васъ богивъ?‹ то хто скаже *одинъ*, а хто *три*, та зновъ за Тройцю пытае, та научае. Ото такъ чотыри недѣли учили насъ и службу отправовали. Ти сами песни и теперъ знаю; я бувъ хлопецъ спрытнѣй, було и образивъ съ пять принесу отъ базиліанъ. Народъ зъ силъ до церквѣ зганяли, та говорили, та привазували: ›кайтесь люди, бо земля трясеця одъ вашихъ грихивъ! Богу молиться учили насъ поповичи и дяки. Було дякъ не дасть квитка передъ сповидью, поки Богу не помолишься.

Петро Вошкунъ бувъ старѣй священникъ у Покровы. Высвятившись десь, не приставъ на унію; отъ же не правивъ, на бурку сидивъ у Покровы, ажъ пови зновъ не настало благочестіе. Було говорить: слава Тоби, Господи! що я виры своеи, якъ други, не поломавъ и дождавъ сёго часу, що зновъ благочестіе настало. Але жъ недовго и правивъ потимъ, скоро вмеръ, бо дуже старѣй бувъ. И попада ёго старенька, низького росту, була. Вона було говорить до насъ: ›жиночки, голубоньки мои, ходите до мене, выкачайте мою намитоньку! такъ мыни Богъ прививъ, а я колись

шестирикомъ ѳздила. То мы було и покои повымазуемо и намитку выкачаемъ. А намитка у ней була гарна, заднипрянська, била, та тонка и очиповъ золотый; бо тоди вси попади въ намиткахъ ходили и Духнѣвичка въ намитци ходила. Сообщ. П. Л—въ.

ДВИЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Жизнь творить исторію, каждый прошедшій ея моментъ—достояніе исторіи. Выдающіеся моменты недавней жизни не мѣшаетъ отмѣчать изданію историческому; въ массѣ текущихъ газетныхъ извѣстій они быстро забываются и не скоро потомъ извлекаются изъ пыли архивной.

Эти нѣсколько словъ мы сочли нужнымъ предпослать сообщаемой замѣткѣ въ предъупрежденіе недоумѣнія читателя, привыкшаго видѣть на страницахъ историческаго журнала «дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой».

Въ послѣднее время вниманіе печати и общества привлекло къ себѣ школьное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, благодаря обнаруженнымъ тамъ политическимъ тенденціямъ польской партіи. Раскрыто до очевидности, что оно не отвѣчаетъ нашему политическому положенію и задачамъ, равно какъ и потребностямъ населенія: обнаруженъ застой, скудное приращеніе въ числѣ училищъ, уменьшеніе числа учащихся и другіе недостатки. Личные счета корреспондентовъ, писавшихъ объ этомъ дѣлѣ, съ мѣстной учебною администраціею долгое время держали положеніе этого дѣла въ запутанномъ видѣ, пока даровитый и опытный корреспондентъ «Нов. Времени» г. Молчановъ не снялъ не заслуженныхъ упрековъ съ представителя тамошней учебной власти и не выставилъ съ полною рельефностію, что предъ нашею школою въ сѣверо-западномъ краѣ стоитъ во всеоружіи недоступныхъ намъ средствъ грозная сила противной партіи, съ которою мы тщетно боремся цѣлые вѣка, благодаря нашему-же непостоянству.

Но когда такая случайная и скорбная извѣстность выпала на долю школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, школа юго-западнаго края остается въ неизвѣстности и лишь изрѣдка обращаетъ на себя вниманіе мѣстной только печати и мѣстнаго общества. Въ

этомъ отношеніи мы остановились на прежде сложившемся мнѣніи, что и тутъ дѣло затормозилось, застыло и не имѣетъ движенія, со- отвѣтственно пространству и населенію края. Но оно не застыло, оно движется,—вотъ что мы хотимъ сказать и подтвердить настоя- щей замѣткою.

Предъ нами официальная вѣдомость объ открытіи народныхъ училищъ за послѣдніе три года въ юго-западномъ краѣ, т. е. гу- берніяхъ кievской, подольской и волынской. По этой вѣдомости вновь открытыхъ за это время училищъ значится 125. По губер- ніямъ это число распредѣляется не равно: на долю кievской при- ходится лишь 24, волынской 31 и подольской 70. Общая сумма по содержанію этихъ училищъ составляетъ 72,751 р. 75 к., или 582 р. на каждое изъ нихъ. Самую большую часть этой суммы, именно 45,059 р. 75 к. даютъ крестьянскія общества, 27,322 р. отпускается изъ казны, 150 р. идетъ изъ фундушевыхъ записей и 250 р. отъ частныхъ лицъ. Жалованье учителя колеблется между 300 и 400 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ опускаясь ниже 300; жалованье зако- ноучителя между 50 и 150 р., средняя-жь норма его 100 р. Если принять въ расчетъ, что ученіе въ сельской школѣ идетъ 4—5 мѣсяцевъ, а уроковъ Закона Божія бываетъ обыкновенно въ недѣлю два и не свыше 8 въ мѣсяцъ, то плата за каждый такой урокъ можетъ простираться отъ полутора до трехъ и нѣсколько болѣе рублей. Такимъ образомъ и содержаніе учителей можно считать обезпеченнымъ и вознагражденіе законоучителей достаточнымъ даже и для большаго числа уроковъ, гдѣ таковое могло бы случиться.

Но не объ устройствѣ и положеніи школъ наша главная рѣчь; мы хотимъ сказать, что дѣло школьное въ юго-западномъ краѣ движется и число новыхъ школъ увеличивается съ значитель- нымъ успѣхомъ. Кому цифра 125 для трехъ губерній съ свыше 5-ти миліоннымъ населеніемъ, покажется недостаточною, тому мы вспомнимъ, что тѣже препятствія, которыя служатъ главнымъ тор- мозомъ школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣютъ отчасти мѣсто и здѣсь, и что сверхъ того здѣсь сохраняютъ всю свою силу другія причины, которыя не имѣютъ мѣста тамъ. Школы у насъ были, начиная съ временъ Владиміра и Ярослава, существовали при всѣхъ превратностяхъ въ политической судьбѣ края, существовали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ большемъ, чѣмъ

теперь числѣ и закрылись на нашихъ глазахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Съ наступленіемъ освобожденія крестьянъ, духовенство первое принялось за учрежденіе вновь школъ и мы можемъ указать здѣсь мѣста и лица, гдѣ первыя школы были открыты, именно священниками по собственному ихъ почину. Но что доступно было однимъ, оказывалось не по силамъ многимъ другимъ, а между тѣмъ епархіальная власть, увлекшись первымъ легкимъ успѣхомъ и общею мыслью, что главная обязанность священника *учить*, сдѣлала учрежденіе школъ въ приходахъ обязательнымъ для всѣхъ священниковъ и поддерживала свое требованіе весьма энергично и настойчиво. Таеъ было въ кievской епархіи, ей старались подражать епархіальныя власти Подоліи и Волыни. Почти въ каждомъ приходѣ явились школы: явились энергическіе и умные пастыри, которые обставили школу хорошо и повели дѣло ученя умѣло и съ жаромъ, но большинство не имѣло ни того, ни другаго, дѣйствовало по подражанію и что еще хуже по приказу. Самое-же главное—никто почти не подумалъ о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи школы: священники и прихожане, дѣйствуя съ горяча, вели дѣло на вѣру, на словахъ, кто сколько дастъ; потомъ охладѣвали либо одна, либо другая сторона, подчасъ и давать стало нечего. Громадное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ; возвѣяли вѣтры и оно стало разрушаться. Таеъ школьная горячка охватила въ слѣдъ за духовенствомъ учебныя кружки и долгое время дремавшее наше общество. Отъ школъ воскресныхъ, блеснувшихъ метеоромъ, перешли въ Кіевѣ къ школамъ постояннымъ, смастерили на скоро временныя педагогическіе курсы, съ горяча, между людьми дѣльными, напустили туда всякаго хламу, кромѣ самаго дѣла, напичкали новыхъ педагоговъ разнымъ вздоромъ и пустили ихъ учить и благовѣстить... Но свободныхъ мѣстъ для новыхъ школъ почти уже не было. Свѣже испеченнымъ педагогамъ приходилось входить въ готовыя уже, духовенствомъ заведенныя школы; но тутъ обнаружилась разность взглядовъ, направлений и приемовъ учредителей и новыхъ руководителей школъ. Шли состязанія, словопренія, выступалъ вопросъ о правѣ, преимуществѣ и пр. Отъ учрежденія не многихъ, не приходскихъ школъ перешли къ мысли обезпечить и перестроить кой-гдѣ плохія приходскія школы. Завязалось соперничество, препирательство двухъ

вѣдомствъ—епархіального и учебнаго, изъ которыхъ на сторонѣ одного были *jus primi*, на сторонѣ другаго денежные средства. Соглашенія не послѣдовало; загорѣлась борьба. Въ науськиваніяхъ, подстрекательствахъ недостатка не оказалось. Педагоги корили духовенство незнаціемъ «новѣйшихъ методовъ», духовенство упрекало ихъ въ пустозвонствѣ, верхоглядствѣ. Тамъ и здѣсь была своя доля правды, которой не признавали однако стороны враждующія. Споръ перешелъ въ новый фазисъ, когда на сторону учебнаго вѣдомства стала гражданская администрація. Борьба кипѣла: разѣзжались чиновники, допрашивавшіе крестьянъ, желаютъ-ли они имѣть школу *министерскую*, или *церковно-приходскую*. Обѣ стороны въ запальчивости и раздраженіи не рѣдко скандализировали себя и профанировали школу въ глазахъ ничего не вѣдавшаго народа. Дѣло само собою затормозилось; споръ перешелъ въ высшія сферы и Высочайшею властію разрѣшенъ былъ въ смыслѣ *status quo*, иначе говоря: школы, учрежденныя духовенствомъ, должны были остаться въ его завѣдываніи, а школы, устроенныя учебнымъ вѣдомствомъ, подлежатъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, какъ *modus vivendi*, установлено было, что вѣдомство учебное съ одной стороны даетъ изъ собственныхъ суммъ пособія церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣніи ихъ успѣховъ и нуждъ, а для сего послѣдняго получаетъ право осмотра ихъ, съ другой, при учрежденіи вновь школы его вѣдѣнія, въ такомъ пунктѣ, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, испрашиваетъ согласія епархіальной власти.

Хотя такимъ образомъ положеніе двухъ стоящихъ другъ противъ друга вѣдомствъ и выяснилось, но нельзя сказать, что-бы оно точно опредѣлилось и не оставляло мѣста недоразумѣніямъ и соблазну для низшихъ ихъ органовъ при случаѣ подставить другъ другу ножку. Послѣ всего происходившаго оба вѣдомства не могутъ не считать себя двумя противными, по меньшей-же мѣрѣ отдѣльными лагерями. Горячая когда-то схватка ихъ, ожесточенная полемика, продолжавшаяся свыше десяти лѣтъ, не могла не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Примиреніе не уничтожило охлажденія ихъ какъ между собою, такъ отчасти и къ самому дѣлу; охладѣло къ дѣлу и само населеніе, извѣрившись въ тѣхъ и другихъ руководителяхъ своего образованія. А время шло; пора об-

щаго увлеченія школою давно миновала. Каждое общественное дѣло имѣетъ такую пору: когда оно ново, когда оно предметъ впервые сознанной потребности, вопросъ дня, просто моды,—на него набрасываются разомъ всѣ, другъ друга возбуждаютъ, другъ другу помогаютъ; тогда многое можно сдѣлать. Кто пропустилъ эту пору, тому наперстывать послѣ бываетъ очень трудно. Такъ случилось и съ школьнымъ здѣсь дѣломъ: послѣ длинной пертурбаціи и общей реакціи оно совсѣмъ пришло было въ застой. Не помогло и учрежденіе инспекціи. Прибавилась одна лишняя ко многимъ другимъ инстанція въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе сельской школы. Между тѣмъ народъ не терпитъ волокиты и иногда совсѣмъ отказывается отъ дѣла, когда увидитъ, что оно затянулось, а тутъ оно невольно затягивается вслѣдствіе самой процедуры, установленной закономъ.

Если строго и безпристрастно взвѣсить всѣ условія, въ какихъ стояло и стоитъ школьное дѣло въ юго-западномъ краѣ, то приведенную выше цифру 125 школъ, учрежденныхъ за послѣднее трехлѣтіе, нельзя не признать весьма почтенною. Когда въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ ничего возбуждающаго и воспособляющаго, напротивъ есть много препятствующаго, объясненія успѣха дѣла надо искать въ личныхъ качествахъ руководителей онаго. Что и здѣсь, какъ говорится, дѣло мастера боится, на это прямо указываетъ число школъ, открытыхъ въ послѣдніе три года въ подольской губерніи, болѣе чѣмъ вдвое превышающее число школъ, открытыхъ за тотъ-же срокъ въ губерніяхъ кievской и волынской. Сельскія общества, какъ извѣстно, не обладаютъ собственною инициативою: въ дѣлѣ учрежденія школы, какъ и во всемъ другомъ, онѣ требуютъ внѣшняго толчка, напоминанія, возбужденія и еще болѣе соглашенія. Недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ: у сельскихъ обществъ много, даже слишкомъ много пестуновъ, руководителей и охранителей въ лицѣ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей; но что начинаетъ одинъ, тому рѣдко помогаетъ, но чаще препятствуетъ другой. Положеніе инспектора народныхъ школъ, не имѣющаго и тѣни какой-либо власти и значенія въ средѣ названныхъ дѣятелей и въ виду ничѣмъ не связанныхъ съ нимъ сельскихъ обществъ, по истинѣ трудное. Требуется много ума,

также, энергіи, терпѣнія, миролюбія, иногда очень осторожнаго и искуснаго обращенія, чтобы согласить всѣхъ и все, не задѣть ни чьего самолюбія, расположить, захотить и въ концѣ концовъ создать, хорошо обставить и поставить на ноги такое простое и миньютурное учрежденіе, какъ сельская школа. Но тотъ же трудъ, тѣ-же качества, въ той-же, если не въ большей степени должны быть присущи центральному управленію народнымъ образованіемъ въ краѣ, ибо своими верхушками достигаютъ его тѣ-же разнородные элементы, среди которыхъ находятся его посредствующіе органы, и ему приходится дѣйствовать и сверху и снизу, чтобы поддерживать ихъ самихъ и создаваемое ими по частямъ дѣло, поддерживать то соглашеніе, котораго тѣ успѣваютъ достигнуть, охранять устроенное ими отъ весьма частыхъ попытокъ пошатнуть и повернуть въ ту или другую сторону, направлять и руководить дѣло начальнаго образованія, которое въ массѣ дѣлъ средняго и высшаго образованія, составляетъ слишкомъ тяжелый и ощутительный придатокъ. Говоримъ такъ потому, что напр. въ привислинскомъ краѣ съ середины, а въ сѣверо-западномъ съ конца 70-хъ годовъ существуютъ дирекціи училищъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ находятся начальныя училища, и что въ послѣднемъ существуетъ кромѣ того изрядное число инспекторовъ народныхъ школъ, а въ первомъ учреждается, какъ сообщено не давно въ газетахъ, должность помощниковъ начальниковъ учебныхъ дирекцій; въ юго-западномъ-же краѣ дѣло управленія народными школами, при незначительномъ числѣ однихъ лишь инспекторовъ, лежитъ всею почти тяжестью на учебномъ округѣ. Если за всѣмъ тѣмъ число начальныхъ школъ, какъ мы уже видѣли, растетъ здѣсь съ несомнѣннымъ успѣхомъ, то нельзя не считать этого особую заслугою администраціи учебнаго округа и не приписать ея опытности, энергіи и особому умѣнью соглашать самыя разнородныя элементы и теченія и обходить тысячи препятствій. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не радоваться такому успѣху школьнаго дѣла: если гдѣ, то именно здѣсь, по сравненію съ окраинами, въ слѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, мы сильно поотстали, и благо, что хотя теперь наверстываемъ. Надѣяться можно, что съ учрежденіемъ для юго-западнаго края дирекцій народныхъ училищъ, которое можетъ наступить въ концу нынѣшняго даже года, дѣло народнаго здѣсь образованія

относительно рабочихъ силъ придетъ въ равновѣсіе съ другими мѣстностями и не только число школъ будетъ возрастать, но и самое обученіе въ нихъ развиваться, совершенствоваться и давать желаемый плодъ. Ожидать значительнаго увеличенія церковно-приходскихъ школъ едва-ли возможно, такъ какъ, не смотря на обнародованныя не давно новыя объ нихъ правила, ихъ учрежденіе и содержаніе, организація и завѣдываніе остались въ прежнемъ положеніи. Разсуждавшая болѣе года объ устройствѣ ихъ комиссія, не придумала ничего болѣе, кромѣ предоставленія духовенству права открывать эти школы, т. е. того права, котораго никто у него не оспаривалъ и которымъ оно пользовалось болѣе 20 лѣтъ. Облагаемое въ этомъ отношеніи духовенство наше сдѣлало уже, что могло, въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ школьное дѣло доступно по дарованіямъ и призванію, личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ и по многому другому; но никому не доказать, что это слово исключительно педагогическое, а тѣмъ болѣе сдѣлать его такимъ. Что въ правѣ и обязанностяхъ, когда для осуществленія ихъ не изыскано никакихъ средствъ? *Ex nihilo nihil fit*. Что до духовенства юго-западнаго и мѣстнаго учебнаго округа, они лишились теперь и тѣхъ средствъ, какими доселѣ располагали: расходовавшіяся доселѣ *тридцать* тысячъ рублей на пособія лучшимъ церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства, перечислены теперь въ общій фондъ для церковно-приходскихъ школъ всей Россіи.

Н. Ц.

ОЧАКОВСКАЯ ЗИМА ПО СОВРЕМЕННОМУ ОПИСАНІЮ.

Очаковская зима, т. е. та, въ которую взять Очаковъ (1788), памятна народу до сихъ поръ своей необыкновенной жестокостью. Намъ удалось получить въ копіи описаніе этой зимы, принадлежащее современнику ея, Семену Кушчинскому, жителю Новоархангельска—нынѣ елисаветградскаго, а тогда новомиргородскаго уѣзда херсонской губерніи. Описаніе сдѣлано на первомъ листѣ библіи, теперь составляющей собственность крестьянина с. Типшовки елисаветград-

сваго уѣзда Мурашевина, и доставлено намъ сыномъ его, обучающимся въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Елисаветграда. Оно интересно, какъ показаніе современника.

Жительствовавшему мнѣ новомиргородскаго уѣзда селенія архангельскаго (т. е. Новоархангельска), аѳѣи (1788) года бысть допущеніемъ Божиимъ грѣхъ нашихъ ради на насъ зима. Октября гѣ (13) дня, ѣхавъ я въ Елисаветъ (Елисаветградъ), выпавъ снѣгъ таковъ великъ, что въ силу возомъ до дому вернувся, а ноября з̄ (7) впавъ снѣгъ и лягла настоящая зима. Сего-же года Очаковъ бралъ девабръ з̄ (6) Потемкинъ о зимномъ Николаи: и начали вѣтры превеличайшія замети крѣпкіе и нарочито замитало, когда дней к̄ (2) или г̄ (3), а зачальне была метель недѣль б̄ или и болѣе. Продолжалась лютость до самаго свѣтлаго воскресенія и тако помалу роставало, что по балкамъ былъ снѣгъ, которій выпавъ прежде фелиповаго поста. Можно было безъ нужды взискать снѣгъ по балкамъ мая сг̄ (16) дня; еще-жь и се помяну, что замѣтами снѣгъ лѣси обыкновенно поломавъ, сади, дерево родючее, тоже и лѣсъ немилостиво повимерзавъ и посохъ, вижнѣ (вишни) и сливи въ пень порубили, а заземки отростати стали въ петровъ постъ. Предъ Онуфріемъ *) морозъ былъ великъ, что мѣстами хвасоля, огурци, дыни, пшеничка вовсе померзла, жито солома весма хороша, а зерна ничего нема, ярина весма хороша.

Сообщ. В. Ястребовъ.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ черниговской губерніи, стародубскомъ уѣздѣ, близъ села Сытия-Буды и мѣстечка Ропска, на берегу рѣки Сновы находится каменскій, нѣкогда мужескій, теперь женскій монастырь съ церковью во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Этотъ монастырь, окруженный и до нынѣ лѣсомъ, расположенъ на горѣ и получилъ названіе каменскаго отъ того, что вся площадь, имъ занимаемая, представляетъ сплошной камень, красный песчаникъ, а за оградю

) Празднуется 12 іюня.

обители торчатъ тамъ и здѣсь дикія скалы, разорванныя провалами. Каменскій монастырь основанъ старцемъ Іоною Болховскимъ (или Полховскимъ), который и былъ потомъ игуменомъ этой обители, бывшей первоначально общежитною. На столбахъ западнаго входа въ начальный храмъ обители была подпись: »Бога Отца изволеніемъ, Бога Сына благословеніемъ, Бога Духа Святаго поспѣшествомъ Пресвятой Богородицы Успенія храмъ сооруженъ 1687 г. 1)« Въ этомъ-же году памятный Малороссіи Иванъ Степановичъ Мазепа, въ благодарность Богу за свое избраніе въ гетманы, »для устроенія и содержанія каменской обители, утвердилъ универсаломъ за нею земли на рѣкѣ Сновѣ отъ рѣки Рясни по рѣчку Трубежъ съ сушаковскою отчиною 2), »а въ 1694 г. дозволилъ этому монастырю въ кутку бучковскомъ, подлѣ рѣчки Трубежа и подлѣ урочища Городища, осадить слободку тридцатью хатами. Преимникъ его Скоропадскій, въ 1713 г., »не только утвердилъ прива каменскаго монастыря на село Шумиловку, слободку и половину села Бровничъ, но еще придалъ ей и мельницу на рѣкѣ Ревнѣ«. Кромѣ этихъ лицъ, въ числѣ благодѣтелей каменскаго монастыря былъ и Павелъ Полуботокъ, черниговскій полковникъ, нѣкоторое время наказный гетманъ, извѣстный своею неудачною попыткою отстоять прежнія права Малороссіи. Свѣдѣнія о фундаторахъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря имѣютъ непосредственную связь съ тѣмъ произшествіемъ, о которомъ хотимъ рассказать.

Спустя полстолѣтія отъ основанія каменской обители, мирная ея жизнь нарушена была такимъ казуснымъ дѣломъ, котораго никто не могъ предполагать, которое привело въ трепеть всѣхъ живущихъ въ ней и оставило по себѣ скорбныя воспоминанія.

Въ 1737 г., въ началѣ іюля, изъ черниговской каедры каедральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Иракліемъ Комаровскимъ былъ посланъ для сбора штрафныхъ денегъ съ тѣхъ, кто на исповѣди не бывалъ, священникъ села Сытыхъ-Будъ Иванъ Ромацкевичъ; вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ и дьячекъ того-же села Ефимъ Фодоряченко. Порученіе, данное Ромацкевичу, было не изъ лестныхъ; это былъ

1) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи (Архіепископъ черниговскій Филаретъ), кн. 4 стр. 55.

2) Тамъ-же, стр. 56—66.

родъ подводной, или постоянной повинности. Взвѣдѣть на свой счетъ, подвергаться всѣмъ трудностямъ пути, развозить указы о правожѣ денегъ, добиваться денегъ, когда ихъ нѣтъ, или дать не хотять, провѣрять наличность по вѣдомостямъ каедръ, вести счетъ получкамъ и недоплатамъ, беречь деньги и отчетываться предъ каедрою было и хлопотно, и убыточно, тяжело и досадно. Ромацкевичъ прежде сего судился за какое-то дѣло въ консисторіи и едва ли не въ наказаніе дано было ему столь тягостное порученіе, отрывавшее его отъ хозяйства въ самую горячую пору уборки хлѣба. Ромацкевичъ былъ кромѣ того человѣкъ неспокойный и, по обычаю всѣхъ людей того времени, любилъ выпить. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ каедральному писарю,—неизвѣстно.

Среднихъ чиселъ іюля, Ромацкевичъ и Ѳеодораченко прибыли въ каменскій монастырь и остановились въ немъ. Игумена въ ту пору въ монастырѣ не было: игуменомъ считался самъ кафедральный писарь Ираклій Комаровскій, но жилъ въ Черниговѣ при консисторіи. Пока Ромацкевичъ трагтовалъ съ монастырскими властями и съ дороги поддѣржлялся, дьячекъ Ефимъ, въ сопровожденіи монастырскаго пономаря монаха Тита, пошелъ посмотрѣть монастырскую церковь, которой никогда прежде не видалъ. Титъ показывалъ Ефиму достопримѣчательности церкви, а первое мѣсто между ними имѣла икона Успенія Пресвятыя Богородицы,—не столько самое «существо» иконы, сколько «намулеванная на ней персоны». Монахъ Титъ говорилъ дьячку Ефиму:

— Гляди! вотъ свше того образа намулеваны четыре персоны: первая царь Петръ I, вторая Петръ II, третья гетмана Мазепы, а четвертая полковника Полуботка.

Дьячекъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, а придя въ комнату, гдѣ помѣщался Ромацкевичъ, сообщилъ ему о видѣнномъ. Подстрекаемый любопытствомъ, Ромацкевичъ отправился и самъ посмотрѣть необычную икону. Тотъ-же монахъ Титъ пояснилъ и ему, что за персоны нарисованы на томъ образѣ, когда-же Ромацкевичъ спросилъ его, зачѣмъ тѣ персоны на образѣ и выразилъ не одобреніе образу, старый чернецъ безцеремонно отвѣтилъ ему:

— Жаль, что тебя не было въ ту пору, когда писался образъ и ты не указалъ, какъ малевать здѣсь иконы; а впрочемъ нѣтъ тебѣ до того и дѣла.

Сконфуженный Ромацкевичъ не нашелся, что отвѣтить пономарю, вышелъ изъ церкви и отправился домой. Оставаясь въ монастырѣ, Ромацкевичъ успѣлъ повздорить съ монахами и одного изъ нихъ, іеромонаха Самуила Грудницкаго, монастырскаго писаря, жестоко избилъ. Полагать надо, что досталось при этомъ отъ братїи и самому Ромацкевичу, а іеромонахъ Самуиль подалъ на него жалобу архіерею.

Продолжая исполнять свою не легкую комиссію, Ромацкевичъ перекочевалъ въ Стародубъ, гдѣ была полковая канцелярія. Тутъ пришло ему на мысль воспользоваться видѣннымъ имъ образомъ съ намулеванными на немъ персонами, чтобы разомъ насолить и монахамъ, намявшимъ ему бока, и самому катедральному писарю, давшему столь тягостное и убыточное порученіе. Не долго думая, Ромацкевичъ, подаетъ донесеніе въ стародубовскую полковую канцелярію, что въ каменскомъ монастырѣ на храмовомъ образѣ Успенія Божіей Матери написаны, въ числѣ другихъ, портреты измѣнника Мазепы и Полуботка. И Ромацкевичъ и его спутникъ дьячекъ Ефимъ тутъ-же были допрошены и отпущены домой.

Началось страшное политическое дѣло: кто, съ какимъ злымъ умысломъ, для каковыхъ причинъ и пр.? Это было время бирюшщины, полное политическихъ доносовъ, конфискацій, ссылокъ, казней и пр. Ромацкевичъ продолжалъ свою экспедицію, злобно радуясь, что затѣялъ такое дѣло, которое приведетъ въ трепетъ и всѣхъ чернцовъ каменскихъ и самую катедру. Вдругъ, когда онъ возвратился уже домой и не спѣша съ отчетомъ, отдыхалъ отъ трудовъ, схватываютъ его самого, отбираютъ у него позитки, заковываютъ въ кандалы, отправляютъ въ Черниговъ и сажаютъ въ тюрьму при катедрѣ. До катедры дошло уже извѣстіе о сдѣланномъ Ромацкевичемъ въ полковую канцелярію донесенїи и какъ онъ косвенно хотѣлъ упечь каменскую братію и катедру, такъ теперь катебра косвенно донимала его. На вопросъ Ромацкевича, почему берутъ его подъ караулъ и заключаютъ въ тюрьму, ему отвѣчаютъ: за то, что изъ катедрѣ указы не скоро розвозилъ. Но этимъ не ограничилось дониманье Ромацкевича: въ тюрьмѣ даютъ ему пятьсотъ розогъ, а когда онъ спросилъ: за что? отвѣчаютъ уже съ большею откровенностью: »а чтобы, будучи въ чужихъ церквахъ,

всего не разсматриваль*. Ромацкевича продержали въ архіерейской тюрьмѣ съ 9 августа до 24 сентября.

Изъ найденнаго нами въ архивѣ министерства юстиціи краткаго >экстракта < этого дѣла, по которому воспроизводится настоящій рассказъ, мы не видимъ, какой первоначальный ходъ возымѣло извѣстное уже донесеніе Ромацкевича. Полагать надо, что оно на первыхъ порахъ было замято, такъ какъ на взглядъ мѣстныхъ властей содержаніе въ церкви каменскаго монастыря иконы Успенія Божіей Матери съ портретами на ней царей и правителей не представляло не только ничего преступнаго, но даже выходящаго изъ круга обыкновеннаго. Въ Малороссіи всегда было въ обычаѣ не только имѣть въ церкви на стѣнахъ отдѣльные портреты основателей и благодѣтелей монастырей и церквей, но и писать ихъ изображенія на иконахъ. Въ Переяславѣ въ успенской церкви и теперь хранится икона Успенія Божіей Матери, на которой изображены Петръ I, его жена и двѣ дочери, а также нѣсколько придворныхъ, въ томъ числѣ и гетманъ, всего вѣроятнѣе Скоропадскій. Но Ромацкевичъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ и получивъ нѣсколько сотъ розогъ, не унимался и если въ экстрактѣ сего дѣла мы находимъ указаніе на сдѣланный имъ въ св. синодѣ доносъ, то нельзя не предположить, что онъ слалъ доносы и другимъ свѣтскимъ командамъ. Объ иконѣ съ намулеванными персонами узнали въ синодѣ, въ сенатѣ и въ канцеляріи министерскаго правленія. Въ Петербургѣ иначе, конечно, смотрѣли на дѣло столь обыкновенное въ Малороссіи; достаточно было тамъ одного имени Мазепы, чтобы придать дѣлу характеръ чрезвычайнаго, политическаго. Для разслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ по сенатскому указу лейбъ-гвардіи маіоръ Шиповъ; слѣдствіе сосредоточено было въ >канцеляріи министерскаго правленія <. Къ дѣлу привлечены, кромѣ доносчика попа Ромацкевича, дьячка Ефима Ѳедоряченка и пономаря Тита, всѣ безъ исключенія монахи каменскаго монастыря, въ томъ числѣ и бывшій короткое время игуменомъ этого монастыря, каедральный писарь, теперь уже архимандритъ троице-ильинскаго черниговскаго монастыря Ираклій Комаровскій и жена давно умершаго Полуботка, а въ качествѣ экспертовъ и свидѣтелей генеральная старшина. Суть всего разслѣдованія сосредоточивалась на томъ, были-ль на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, которые въ вопро-

сахъ и отвѣтахъ не разъ обзываются измѣнниками. Ясно, что слѣдствіе доискивалось въ написаніи ихъ портретовъ политическаго замысла и намѣренія, а для разъясненія этого ставились добавочные вопросы о томъ, кѣмъ, когда, по чьему желанію и заказу и на чей счетъ написана икона и на ней портреты четырехъ персонъ. Большинство привлеченныхъ къ допросу давали уклончивыя показанія, или отговаривались невѣдѣніемъ, въ слѣдствіе-ли дѣйствительнаго незнанія обстоятельствъ дѣла, или подъ вліяніемъ весьма понятнаго страха и не желанія навлечь на монастырь или на кого нибудь бѣду. Лишь не многіе выяснили въ своихъ показаніяхъ происхожденіе иконы, заказчиковъ оной, писавшаго ее и время написанія; но вопросъ о »намулеваннхъ персонахъ« и была-ли въ числѣ ихъ картина измѣнника Мазепы остался затертымъ; никто не отважился сказать, что таковъ былъ обычай въ странѣ, что въ особенности портреты фундаторовъ монастырей и церквей можно было найти почти повсюду (въ гамалѣвскомъ гетмана Скоропадскаго, въ максаконскомъ воеводы Киселя и т. д. и т. д.) и что гетманъ Мазепа былъ фундаторомъ именно этого каменскаго монастыря, а Скоропадскій и Полуботокъ его благодѣтелями. Передадимъ сущность показаній каждаго изъ допрошенныхъ.

Попъ Ромацкевичъ и дьячекъ Ефимъ Федоряченко ничего къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили и ничего въ нихъ не измѣнили. Бывшій въ началѣ дѣла игуменомъ каменскаго монастыря Ираклій Комаровскій заявилъ, что онъ хотя и числился игуменомъ, но оставался въ Черниговѣ при дѣлахъ, посѣтилъ лишь однажды свой монастырь и будучи въ церкви, того образа и написанныхъ на немъ персонъ совсѣмъ не замѣтилъ и ни отъ кого объ нихъ дотолѣ не слыхалъ, что-же касается попа Ромацкевича, то плетью его за то, что-бы онъ, будучи въ чужихъ церквахъ, ничего не смотрѣлъ, не наказывалъ и пожитковъ его не бралъ, а все это дѣлалось по волѣ архіепископа, за *непостоянство* Ромацкевича, за *побой*, учиненный имъ каменскаго монастыря іеромонаху Грудницкому, и многое другое.

Пономарь Титъ призналъ, что сперва дьячку Федоряченку, а потомъ попу Ромацкевичу показывалъ »намулеванныя на иконѣ Успенія Божіей Матери четыре персоны«, поясняя, что первыя двѣ означаютъ царей Петра Великаго и Петра Алексѣевича, что относи-

тельно третьей, «представляет-ли она гетмана Мазепу или Скоропадскаго, подлинно сказать не можетъ, ибо *писать* не умѣетъ, а подъ картинами подписей нѣтъ, что на четвертой несомнѣнно изображенъ полковникъ Полуботокъ и что какъ самая икона, такъ и всѣ эти четыре персоны мулеваны въ городѣ Черниговѣ, черниговскимъ мѣщаниномъ, тогда уже умершимъ, Якимомъ, а въ какомъ году, не припомнить».

Назначенный въ генварѣ 1738 г. игуменомъ каменскаго монастыря, іеромонахъ Патрикій Лисянскій передалъ лишь то, что успѣлъ узнать при приемѣ монастыря, а именно, что на обратной сторонѣ образа Успенія Богородицы значится 1716 г., т. е. годъ написанія иконы, что, по показаніямъ монаховъ того монастыря, образъ писанъ черниговскимъ мѣщаниномъ, маляромъ Якимомъ, а чьимъ тѣщаниномъ, неизвѣстно, и что нарисованныя на томъ образѣ двѣ персоны означаютъ покойнаго гетмана Скоропадскаго да полковника Полуботка, а другіе чьи, безъ подписи знать не можетъ.

Намѣстникъ іеромонахъ Савва Любичъ показалъ, что самъ онъ находится при каменскомъ монастырѣ съ 1728 года, что образъ Успенія Богородицы писанъ въ 1716 году, что «писалъ тотъ образъ черниговскій маляръ Якимъ, по заказу монастыря и деньги ему за то плочены монастырскіе и что намулеваны тамъ кругомъ Успенія, по признанію старыхъ людей,—Петръ Великій, покойникъ гетманъ Скоропадскій и полковникъ Полуботокъ, а четвертая персона кого именно выражаетъ, того онъ, Савва, не знаетъ, но пзмѣнника Мазепы персоны на томъ образѣ не написано».

Іеромонахъ Іоакимъ Хоминскій говорилъ, что монахомъ онъ въ каменскомъ монастырѣ живетъ съ 1712 года и что образъ Успенія Богородицы рисовалъ черниговскій маляръ Якимъ при бытности его, по заказу игумена Гедеона, который умеръ въ 1724 году, но «чьи именно персоны на томъ образѣ написаны, не знаетъ, а подлинно знаетъ, что измѣнника Мазепы на томъ образѣ не писано и игумень Гедеонъ, подражая маляра Якима писать тотъ образъ, приказывалъ ему изобразить лишь одно *существо* Успенія Богородицы, писать-же притомъ какія персоны не повелѣвалъ, и написалъ ихъ тотъ маляръ самъ собою, безъ всякаго повелѣнія, ради украшенія, а съ прежняго-ли какаго образа, или отъ себя издалъ, того онъ Хоминскій не знаетъ».

Допрошенные порознь іеромонахи: казначей Тихонъ Козелецкій, уставщикъ Инокентій Червинскій, писарь Самуиль Грудницкій, іеродіаконъ: Дмитрій Глизовый, Трифілій Козельскій и монахи: Матѳей Березовскій, Ѳоофилъ Бѣляевъ, Тихонъ Могилевецъ и Аванасій Мелецкій, поступившіе въ каменскій монастырь разновременно между 1720 и 1732 г., въ одинъ голосъ отозвались въ большей части невѣдѣніемъ относительно происхожденія образа и написанныхъ на немъ персонъ, передавая лишь какъ слухъ, полученный ими отъ другихъ, что образъ написанъ при игуменѣ Гедеонѣ черниговскимъ маляромъ Якимомъ. Существенно въ ихъ, какъ и во всѣхъ другихъ показаніяхъ то, что говоря объ изображенныхъ персонахъ, они особо утверждаютъ свое невѣдѣніе въ томъ, находятся-ли на иконѣ изображенія Мазепы и Полуботка. Лишь монахи Трифілій Стародубецъ и Титъ Шкурчевскій, проживавшіе въ каменскомъ монастырѣ съ 1713 года, прибавили нѣчто новое къ прежнимъ показаніямъ: первый слышалъ отъ самаго игумена Гедеона, а второй отъ другихъ, что «къ написанію того образа тѣпаніе имѣла и деньги за работу Якому маляру платила жена умершаго полковника Полуботка», но какъ первый, такъ и второй отозвались невѣдѣніемъ ни имени ея, ни того, были-ли на иконѣ изображенія «Полуботка измѣнника и измѣнника Мазепы».

Прошло много свидѣтелей, потрудились не мало слѣдователи; но то, чего доискивались послѣдніе, именно—есть-ли на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, никакъ не давалось. А иконы и портреты были на лице. Оставалось допросить людей, которые лично и притомъ близко знали и Мазепу и Скоропадскаго и Полуботка, не признаютъ-ли они ихъ въ «намулеваннхъ персонахъ». Призваны были: генералъ подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный войсковой судья Забѣла и генеральный эсаулъ Ѳеодоръ Лысенко съ тѣмъ, чтобы дали вѣрныя показанія, дѣйствительно-ли при томъ образѣ Успенія Богородицы нарисованы Мазепа, Скоропадскій и Полуботокъ; но и они объявили, «что при этомъ образѣ никто изъ написанныхъ персонъ на гетмановъ Скоропадскаго и измѣнника Мазепу и полковника Полуботка нимало не похожи, ибо де гетманъ Скоропадскій былъ сухъ, а измѣнникъ Мазепа волосомъ рудявъ, долголикъ и съ бороною, а полковникъ Полуботокъ былъ дородень и волосомъ русявъ». Вѣрность своихъ показаній генеральная стар-

шина подтверждала своими подписями, заявляя, что показываетъ по чистой совѣсти.

Была послѣдняя надежда у слѣдователей—допросить жену Полуботка, на которую столь прямую ссылку сдѣлали послѣдніе два свидѣтеля. Она находилась въ живыхъ; но, будучи привлечена къ допросу, заявила, что никакого отношенія къ рисованію образа Успенія Богородицы не имѣла. Провѣряя ея показанія, навели справку въ генеральной канцеляріи и узнали, что Полуботокъ былъ женатъ два раза, что первую его жену звали >Ефимьей, а какой она фамиліи и въ какомъ году умерла, неизвѣстно <, и что оставшаяся въ живыхъ вторая его жена Анна Романовна, вышла за него замужъ лишь въ 1719 году, между тѣмъ образъ съ четырьмя персонами, какъ доселѣ несомнѣнно выяснилось, былъ писанъ въ 1716 году.

Принялись въ третій разъ допрашивать пономаря монаха Тита: надо было узнать, откуда онъ получилъ тѣ свѣдѣнія о названіяхъ >намулеванныхъ персонъ, < изъ-за которыхъ возникло все дѣло, но которыя не подтверждались теперь никѣмъ почти изъ свидѣтелей. Монахъ Титъ, чтобы окончательно выгородить себя изъ столь опаснаго дѣла и отстранить отъ себя всякія ссылки на него другихъ свидѣтелей, рѣшительно заявилъ, что >съ игуменомъ Патрикіемъ и ни съ кѣмъ изъ монаховъ о томъ образѣ и написанныхъ на немъ персонахъ никогда ничего не говорилъ и по чьему приказу онъ писанъ, ни съ кѣмъ въ разговорѣ о томъ не упоминалъ <, священнику-жъ Ромацкевичу передалъ то, что слышалъ отъ другихъ, ибо, находясь издавна при той церкви, много разъ видѣлъ, какъ >при томъ образѣ Успенія Б. Матери всякіе проѣзжающіе малороссіане останавливались, а нѣкоторые изъ тѣхъ, смотря на тотъ образъ, между собою разговаривали: на семь-де образѣ имѣются персоны ихъ императорскихъ величествъ Петра I и Петра II, гетмана Мазепы или Скоропадскаго (а котораго именно, онъ Титъ прислушать не могъ), да полковника Полуботка; но кто именно изъ проѣзжающихъ и когда такъ разговаривали, онъ Титъ за давностью не помнитъ <.

Тѣмъ кончилось слѣдствіе на мѣстѣ; какія затѣмъ инстанціи проходило это дѣло, было-ли переслѣдованіе, новые допросы, дополнительные показанія и свѣдѣнія, изъ имѣющагося у насъ экстракта не видно. Слѣдствіе кончено въ іюль 1738 г. и болѣе, нежели черезъ годъ, именно 12 сентября 1739 г., на имя слѣдователя по сему

дѣлу лейбъ-гвардіи майора Шипова данъ изъ правительствующаго сената указъ, которымъ давалось ему знать, что его слѣдственное донесеніе и приложенный къ нему экстрактъ изъ дѣла »по доносу попа Ивана Ромацкевича на чернеца Тита и архимандрита каменскаго монастыря объ усмотренномъ имъ въ томъ монастырѣ образѣ Успенія Богородицы, вмѣстѣ съ *копіею* съ того образа, на которомъ написаны персоны государей Петра Великаго, Петра Втораго, да измѣнника Мазепы и полковника Полуботка, постановлено отослать для разсмотрѣнія и подлежащаго рѣшенія въ святѣйшій правительствующій синодъ, понеже оно подлежитъ до разсмотрѣнія того святѣйшаго синода ¹⁾«.

Изъ приведеннаго указа и рѣшенія сената очевидно, что, во 1-хъ, по совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, а быть можетъ и съ помощію новыхъ какихъ-либо данныхъ, сенатъ призналъ, что на иконѣ между другими изображеніями былъ портретъ Мазепы, во 2-хъ, что за смертію соорудившихъ икону съ портретами, именно: маляра Якима, игумена Гедеона и первой жены Полуботка, политическая сторона дѣла оставалась безъ вниманія и въ 3-хъ, что сенатъ ставилъ вопросъ лишь объ умѣстности храненія въ монастырской церкви иконы съ портретомъ между прочимъ измѣнника Мазепы, но самый вопросъ считалъ подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, куда и передалъ все дѣло. Какъ разрѣшилъ это дѣло святѣйшій Синодъ и изыалъ-ли онъ изъ употребленія икону, бывшую причиною столькихъ тревогъ,—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ лицъ близкихъ къ синодальному архиву наведетъ въ немъ справку и откроетъ любопытный конецъ этого дѣла.

Возвращаясь къ самому дѣлу, не можемъ не замѣтить, что въ добытыхъ нами изъ его экстракта свѣдѣніяхъ многого еще не достаеъ для разрѣшенія вопроса о бывшихъ на иконѣ Успенія Божіей Матери въ каменскомъ монастырѣ портретахъ, что многое въ этомъ дѣлѣ кажется намъ то не полнымъ, то не точнымъ, то просто загадочнымъ. Такъ въ выпискѣ изъ сенатскаго указа значится, что при дѣлѣ находилась и въ синодъ препровождена *копія* образа, а не самый образъ. Трудно согласить это съ обычаями того, да и

¹⁾ Моск. арх. министерства юстиціи. Дѣла сената по синоду, кн. 28—790, стр. 1001.

нашего времени; но если-бы и такъ, то подлинная икона должна была остаться въ монастырѣ, и не находится-ли она тамъ и теперь, или копія его въ синодальныхъ складахъ? Въ той-же выпискѣ въ числѣ портретовъ на иконѣ значится портретъ императора Петра II, а между тѣмъ въ 1716 г., когда писалась икона, ему могло быть лишь нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія. Генеральная старшина: Марковичъ, Забѣла и Лысенко даютъ показанія о внѣшнемъ видѣ Своропадскаго, Мазепы и Полуботка не сходныя во многомъ съ извѣстными доселѣ ихъ портретами. Одно изъ двухъ: или показанія ихъ не вѣрны, или мы не имѣемъ вѣрныхъ портретовъ названныхъ лицъ, особливо Мазепы. Наконецъ игумена Гедсона не находимъ ни въ какихъ общихъ и частныхъ спискахъ настоятелей монастырей.

Тѣмъ не менѣе, сводя всѣ свѣдѣнія, даваемыя экстрактомъ сего дѣла, мы готовы признать, что жена ли Полуботка, или игумень Гедсонъ, или та и другой вмѣстѣ могли для увѣковѣченія памяти объ основателяхъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря, по обычаю того времени, изобразить на храмовой иконѣ портреты гетмана Мазепы, Своропадскаго и полковника Полуботка, а къ нимъ прибавить и портретъ царствовавшего тогда государя Петра I.

Д. Саложниковъ.

ПАНСКАЯ ВЛАЖЬ, ХЛОПСКАЯ НАПАСТЬ, А ЧИНОВНИЧЬЯ ПОЖИВА.

Что паны чудили, это всякому извѣстно; но такъ чудить, какъ нашъ панъ Винцентій, едва-ли и въ голову кому либо приходило, да и повѣрить тому было-бы трудно, если-бы происшествіе, о которомъ хотимъ тутъ рассказать, не совершилось на нашей памяти и такъ сказать на нашихъ глазахъ.

Когда палъ начнеть было чудить, хлопу неминуемая напасть,—отъ пана-ли самого или отъ кого другаго, все равно. Паны-магнаты расплачивались щедро и совершенно добровольно за свои причуды; съ пановъ средней руки взимали приличную дань блюстители порядка, даже и въ то время, когда они вовсе того не желали и не предполагали. Между этими послѣдними выдавались люди съ удивительно тонкимъ чутьемъ на счетъ того,

гдѣ и чѣмъ можно было поживиться. Любимымъ конькомъ ихъ въ послѣдніе годы крѣпостнаго права было тоже, что и у самихъ пановъ — неповиновеніе и бунты крестьянъ, и они открывали это зло даже тамъ, гдѣ его не могли заподозрѣть самые паны. Выигрывали въ такихъ случаяхъ или паны, или полицейскія власти и суды, проигрывали одни лишь крестьяне, расплачиваясь имуществомъ и спинами, или-же отдѣлываясь страхомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Нашъ панъ Винцентій былъ помѣщикъ хотя средней руки, но все-же очень богатый и жилъ не вдалекѣ отъ славнаго города Бердичева. Любилъ онъ поддерживать свой древній шляхетскій родъ, жилъ въ пышной и богатой обстановкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ необычайно набоженъ и велъ строго-дѣломудренную жизнь. Въ 50-хъ годахъ, къ которымъ относится нашъ рассказъ, пану Винцентію было около тридцати лѣтъ, и не смотря на всю роскошь панскую, на богатство, на частые соблазны, онъ былъ строгій дѣвственникъ, избѣгалъ и даже боялся женскаго общества; каждое воскресенье посѣщалъ бѣлопольскій костель, почти ежемѣсячно говѣлъ и исповѣдывался у бѣлопольскаго пробоща, ежедневно часа по три, по четыре выстаивалъ въ своей домашней каплицѣ на молитвѣ, часто ударяя себя въ грудь и преклоняя колѣна. Когда наступала жатва, онъ ежедневно отправлялся съ любимымъ лакеемъ на свои поля, собственноручно нажиналъ по двадцати сноповъ пшеницы и нажатое дарилъ бѣднымъ; съ крестьянами своими обращался ласково, человѣколюбиво и милостиво; будучи добрымъ католикомъ и полякомъ, онъ помогалъ православному священнику и даже подарилъ ему нѣсколько морговъ земли. Любилъ нашъ панъ Винцентій посѣщать по временамъ бердичевскій кляшторъ, гдѣ ксендзы-монахи съ особеннымъ торжествомъ совершали богослуженіе и произносили весьма трогаящія польскую душу казанья; въ кляшторѣ притомъ былъ отличный органъ, превосходные музыканты и хорошіе пѣвцы и пѣвицы. Въ Бердичевъ привлекала по временамъ пана Винцентія и славная во всемъ краѣ онуфріевская ярмарка, на которой совершались всевозможныя хозяйственныя и коммерческія сдѣлки и на которую еще въ пятидесятыхъ годахъ съѣзжалось все окружное польское панство, какъ на нѣкоторое торжество, стараясь превзойти другъ друга блескомъ,

и роскошью поѣзда и нарядовъ. Вотъ на одну изъ этихъ ярмарокъ отправился однажды и нашъ панъ Винцентій: ѣдетъ онъ цугомъ въ каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, за нимъ слѣдуетъ также на четверкѣ, но уже не въ каретѣ, а въ рессорной бричкѣ управляющій, а тамъ парой на бричкѣ экономъ, а далѣе на простой подводѣ, но четверкой ѣдутъ гуменный и поваръ съ запасами для кухни и овсомъ для лошадей, да еще сверхъ этого идутъ двѣ подводы съ сѣномъ, а за ними гонятъ батраки лошадей, быковъ, коровъ и воловъ для продажи или въ обмѣнъ на другихъ. Заѣзжій жидовскій дворъ напередъ договоренъ на время ярмарки, и огромный поѣздъ съ гикомъ и шумомъ вваливается туда и располагается на двухнедѣльное житье. Панъ Винцентій тщательно окуриваетъ комнаты, чтобъ истребить жидовскій духъ, вынимаетъ изъ шкатулки Распятіе и ставитъ его въ углу, падаетъ предъ нимъ на колѣни и возноситъ благодарственную молитву Богу за благополучное прибытіе въ г. Бердичевъ.

На утро онъ устремляется въ кляшторъ и старается пробраться въ одинъ изъ угловъ вблизи престола, чтобы, ничѣмъ не развлекаясь, предаться молитвѣ; но костель уже полонъ, протиснуться впередъ нельзя, да и назадъ податься трудно, и онъ волей-неволей остановился. Спереди и сзади его стояла масса молящихся; онъ машинально повелъ глазами вокругъ, чтобы опредѣлить свою позицію, и видитъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ паненка необычайной красоты. Взглянулъ панъ Винцентій еще разъ и пришелъ въ неописанное смущеніе, но уже не могъ глазъ оторвать отъ прекрасной паненки. Кровь жгла ему лице, бушевала во всемъ тѣлѣ; онъ пробовалъ молиться, но глаза его не поднимались къ алтарю. Наконецъ сила воли взяла свое и панъ Винцентій пустился опрометью изъ костела. Приѣзжаетъ домой, распростирается крестомъ предъ Распятіемъ, исповѣдуетъ свой грѣхъ; но угрызенія совѣсти растутъ съ каждымъ часомъ: ничто ему не мило, ничто не интересуется и онъ, предоставивъ своему жондцѣ вести всѣ дѣла на ярмаркѣ, самъ отдается молитвѣ. Но еще съ большей силой преслѣдуютъ его тѣже угрызенія совѣсти; онъ молится, но видитъ, что никакой молитвой не искупить ему своего грѣха. Вспомнилъ панъ Винцентій, какъ бичевали себя многіе святые и грѣшные монахи, изнуряя плоть свою, и рѣшился самъ подвергнуть себя

такому же истязанію: зоветь лакеевъ и велить дать себѣ 50 розогъ. »Змилуйся, панъ, надъ самимъ собою!« говорили лакеи; но онъ слушать не хотѣлъ и грозилъ каждому отпустить по 50 нагаекъ. »Отъ же здуривъ панъ!« перешептывались между собою слуги, но наконецъ рѣшились произвести надъ нимъ требуемую экзекуцію. Не пожалѣли, правда, рувъ, и панъ Винцентій остался вполнѣ доволенъ, благодарилъ всѣхъ, далъ каждому по червонцу и совершенно успокоился. Объ одномъ онъ просилъ своихъ слугъ и строго имъ наказывалъ—не болтать и никому о случившемся не рассказывать. Но какъ умолчать о такомъ необыкновенномъ дѣлѣ? Пана Винцентія его простые хлопы и прежде считали »придурковатымъ«, а теперь и просто признали »божевильнымъ« и не считали нужнымъ молчать о томъ. Пошло отъ одного къ другому; къ вечеру о панской секціи знали чуть не всѣ на ярмаркѣ. Отъ лакеевъ пана Винцентія узнали лакеи сосѣдей-пановъ, отъ нихъ самые паны. Пошли толпы по всему Бердичеву и дошли до помощника исправника П. Тотъ сначала посмѣялся, но потомъ задумался...

Въ то время онъ приторговалъ для себя домъ въ Бердичевѣ, очень выгодный и довольно дешево, но ему не хватало тысячи рублей серебромъ для покупки. П. занятъ былъ думою, гдѣ и какъ раздобыть эту недостающую тысячу, а тутъ какъ разъ вѣсть о секціи, произведенной надъ паномъ Винцентіемъ его собственной прислугой... Дѣльце подходящее, подумалъ про себя П. и мгновенно летитъ къ своему пріятелю уѣздному врачу, сообщаетъ ему свой планъ, увлекаетъ его съ собою, беретъ пристава, разсылныхъ, помятыхъ и катитъ въ резиденцію пана Винцентія учинить дознаніе о бунтѣ и насиліи, произведенномъ его дворовыми людьми.

— У васъ, я слышалъ, бунтъ, заговорилъ П., явившись съ цѣлой комиссіей предъ очами изумленнаго пана. Ваши дворовые вышли изъ повиновенія вамъ, учинили надъ вами...

— Никакого бунта, отвѣчалъ смѣшавшись панъ; то добрые, спокойные люди.

— Да; но дошло до моего свѣдѣнія, получено секретное донесеніе... Необходимо дознать, начальству донести.

— Мой паніе! началъ было панъ Винцентій; но П. не далъ ему говорить и мгновенно потребовалъ всю дворню.

— Какъ! накинулся онъ съ яростію на входящихъ лавеевъ и другихъ дворовыхъ. Такъ вы бунтъ затѣяли? Пана своего убить, замучить хотѣли! Неблагодарные, изверги. Законной власти не покоряетесь? Я васъ...

И дворовые и панъ рѣшительно растерялись. П. шумѣлъ, кричалъ, топталъ ногами.

— Сознавайтесь, подлецы, сѣкли пана? закричалъ онъ вновь, глядя въ упоръ стоявшимъ впереди дворовымъ.

— Та вжежъ выбили, коли... заикнулся было одинъ; но П. тотъ часъ перебилъ его:

— Коли?! Такъ вы еще колоть думаете? Вы это все свою Колівщину вспоминаете... Бунтовщики, разбойники! Взять ихъ, забрать всѣхъ въ тюрьму! Тамъ допросимъ всѣхъ и каждого по косточкамъ переберемъ.

— Змилуйтесь, пане! кричали дворовые; но караульные и понятые бросились забирать и выводить ихъ.

— Змилуй-сіе, паніе! вопилъ въ свою очередь панъ Винцентій; по П. вновь огорошилъ его:

— Какъ! и вы за бунтовщиковъ? Укрывательство... потавательство! Хотите общій бунтъ въ краѣ произвести? Мало этихъ бунтовъ? Нѣтъ; я этого не допущу. Протоколь, актъ! въ тюрьму ихъ, на кобылу ихъ! А васъ, ясновельможный, попрошу раздѣться, показать знаки насилія. Вотъ докторъ; надо освидѣтельствованіе произвести, протоколь дополнить, чтобы все въ порядкѣ было.

— Змилуй-сіе, паніе! только и можетъ говорить растерявшійся панъ. Не хочется ему раздѣваться; но П. не отстаеетъ, требуетъ, грозитъ, а письмоводитель скрипитъ перомъ, протоколь доканчиваетъ.

— Да надо, я думаю, говорить П., обращаясь къ доктору, упомянуть, сколько ударовъ дано, какимъ орудіемъ, по какой части тѣла и какіе слѣды отъ ударовъ остались.

— Непремѣнно, непремѣнно! произнесъ докторъ. — Но надо все видѣть. Панъ позволить? обратился онъ къ пану Винцентію.

Тотъ не выдержалъ и метнулся на минуту въ спальню. Врачъ и П. многозначительно переглянулись. Выбѣгаетъ панъ Винцентій и съ словами: мой паніе! суетъ П. въ руку свертокъ бумажекъ. Тотъ взялъ, измѣрилъ пачку своимъ опытнымъ глазомъ и безъ обвиня-

ковъ сказалъ: мало, панъ! Панъ Винцентій полѣзъ опять въ шка-тулку и когда вынулъ и вручилъ П. другой подобный первому свертокъ, то перестали и актъ писать, и спину пана свидѣтель-ствовать, и дворовыхъ въ тюрьму вести.

Наскоро и безъ особой неловкости распрощался П. съ па-номъ Винцентіемъ, сдѣлалъ на выходѣ должное внушеніе его дво-ровымъ и укатилъ съ своею импровизированною комиссіею. Въ карманѣ у него оказалось ровно столько, сколько не доставало для покупки дома. Дворовые только перекрестились и въ недоумѣніи вздохнули; а панъ Винцентій съ этой поры сталъ считать себя совершенно очищеннымъ отъ своего грѣха и на другой день очень рано поѣхалъ въ кляшторъ благодарить Бога за избавленіе отъ искупленія.

Н. Ц.

ГРАМОТА ПЕТРА І ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПИ-СКОПУ ІОАННУ МАКСИМОВИЧУ ¹⁾.

(Объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).

Поспѣшествующею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣй-шій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, наше царское величество, объявляемъ богомольцу нашему, пресвященному Іоанну Максимовичу, архіепископу черниговскому и новгородскому: извѣ-стно намъ великому государю учинилося, что гетманъ Мазепа за-былъ страхъ Божій и свое крестное и намъ великому государю цѣлованіе, и измѣнилъ, и переѣхалъ въ непріятелю нашему королю

¹⁾ Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы застигло Петра въ располѣхъ въ лагерѣ надъ Десной въ виду приближающагося непріятеля. Петръ былъ въ большой тревогѣ и при первой вѣсти отправилъ въ Кіевъ князя Б. Ѳ. Куракина доставить къ нему въ лагерь кіевского митрополита и знатнѣйшее духовенство. Очевидно, въ ту же пору писана настоящая грамота и вѣроятно такая-же грамота послана была съ Куракиннмъ кіевскому митрополиту. Пожѣщаемую грамоту мы нашли въ ризницѣ архіерейскаго дома при черниговскомъ ильинскомъ монастырѣ и приводимъ здѣсь отъ слова до слова.—Гр. М.

шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ шведа выбраннымъ на королевство польское, дабы съ общаго согласія съ ними Малороссійскую землю поработить по прежнему во владѣніе польское, и церкви Божіи и святыя монастыри отдать во унію, и понеже намъ, яко государю и оборонителю малороссійскаго края, належить отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малой Россіи, такожь и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать, того ради повелѣваемъ: вамъ богомольцу нашему, и всей генеральной старшинѣ, и полковникамъ, и прочимъ чинамъ войска запорожскаго, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякаго зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана, вы богомольецъ нашъ и вся старшина генеральная и полковая сбѣжались немедленно въ обозъ нашъ къ Деснѣ, для *обраня* по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. Данъ сей нашъ царскаго величества указъ въ обозѣ при Деснѣ, за приписаніемъ власныя нашея руки и припечатаніемъ печати. Октября въ 28 день 1708 году. *Петръ.*

Сообщ. графъ Милорадовичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встречающихся въ IX томѣ «Кіевской Старины»¹⁾.

А.

- Абрамовичъ, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ времянь кн. Паскевича, 614.
- Аджамка, р, 43.
- Александра Павловна, в. кн., 533.
- Александра Ѳеодоровна, имп-ца, 621.
- Александрія, г., 53.
- Александровскъ, г. екат. губ., 52, 179, 181, 183, 189—190.
- Александръ, в. кн. лит., 591, 696.
- Александръ I Павловичъ, имп.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816 г., 459—461; упом., 215, 450, 691.
- Александръ II Николаевичъ, имп., 351.
- Алексій Михайловичъ, царь и в. кн., 151.
- Алешки, г., 40, 46—47, 197.
- Альта, р., 566.
- Анатолій, (Мартыновскій) архіеп. моголевскій; его посмертныя бумаги, 210—240.
- Англія въ описаніи П. Д. Селецкого, 261—262.
- Андріевскій, А., сообщ. «письмо къ 3 діаволамъ», 340—342; разб. 6 выпуска издаваемыхъ имъ «историч. матеріаловъ», 523—524.
- Андріевскій, М. А.; разборъ его книги: «козацкая дума о 3 азовскихъ братьяхъ», 130—138.
- Анна Ярославна, дочь в. кн. Ярослава М., жена Генриха I, франц. короля; ея портретъ съ поясненіемъ, 555—560.
- Автоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензіи на книги: а) «Богданъ Хмельницкій», Н. Костомарова, 315—320, б) «Печенѣги, Торки» и пр., В. Голубовскаго, 505—508, с) «Исторію Руси», А. Барвѣвнскаго, 708—710; упом., 525.
- Антоній (Амфітеатровъ), архіеп. смол., 234.
- Антоній (Зубко), архісп. моголевскій, 518, 643.
- Антоній, архіеп. подольскій, 464.
- Аполлосъ, еп. харьковскій, 456.
- Аракчеевъ, графъ А. А., 451, 466, 694—695.
- Арсеній (Москвинъ), митр. кіев., 347—348.
- Аршеневскій, И. П., сен., 448.
- Атаки, г. бес. губ., 369, 382, 387.
- Аталакова, р., 393.
- Аванасій (Корчановъ), еп. пензенскій, 447.

Б.

- Бабина, р., 393.
- Багалъій, Д. И., доц. харьк. у-та, авт. разб. книги гг. Гурова и Бродскаго:

¹⁾ Цифры означаютъ стр. тома.

- «Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.
- Баловскій, старшій козацкій, (1572 г.) 602.
- Базавлукъ, р., 45, 179, 392—395, 398, 400, 410.
- Балабино - Петровское, с. ал - дров. у., 52.
- Барабашъ, Демьянъ, атаманъ кош., 40.
- Барвѣнскій, А.; разборъ его «Исторія Руси», 708—710.
- Барсанъ, козацкій предв. (1574 г.), 606, 608.
- Баръ, г. 583.
- Басанка, р., 393.
- Бахмутъ, р., 42—44.
- Безбородко, графъ, гос. канцлеръ, 327.
— графъ И. Я., 437.
- Бельгія 40-хъ гг. наст. ст. въ описанія П. Д. Селецкаго, 263.
- Берда, р., 41, 45, 399.
- Бердянскъ, г., 42—43.
- Береза, К.; сообщ. посмертныя бумаги архіеу. Анатолія (Мартыновскаго), 210—240.
- Березняговатая, р., 399.
- Березовка, р., 43, 392.
- Беретти, строитель соб. св. Влад. въ Кіевѣ, 323—326, 344—353.
- Бернгардтъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад., 350—351.
- Бешка, р., 43.
- Бибиковъ, Д. Г., кiev. ген.-губ., 353, 615—617.
- Богодаръ, с. ал-дров. у., 52.
- Божемяновъ, авт. статья о В. А. Боровниковскомъ, 327—332, 538—541.
- Боксетъ-де, полк., составитель ланд-карты Запорожья, 42.
- Бонякъ, половецкій ханъ, 14.
- Бопланъ, франц. инж., авт. изв. «Описанія Украйны», 49—50, 179, 191, 417—418.
- Боровиковскій, В. Л., рус художникъ XVIII ст.; замѣтка о немъ Божемянова, 327—332, 538—541.
- Брага, с. под. губ.; его описаніе и исторія, 384—387; упом. 319, 369—371, 373.
- Браницкая, Ал-ра В., жена гр. Кс. Браницкаго, 20, 717, 724.
- Браницкій, графъ Ксаверій, 716, 719—720, 723—724.
- Брасенъ, Луи, академикъ, 559.
- Брацлавъ, г., 583.
- Бристана, р., 393.
- Бродскій, Е К; разборъ его книги «Судебныя рѣшенія» и пр., 702—708.
- Брунъ, соврем. историкъ, 57—58.
- Брюловъ, изв. рус. художникъ, 621.
- Бугъ-Западный, р., 564.
- Бугъ-Южный, р., 37, 39—45, 50, 392, 395—397, 399, 400, 410, 579.
- Бурганка, р., 392.
- Быстрый-Переваль, р., 393.
- Бѣлая, р., 392.
- Бѣлая-Церковь, ж.; рассказы о ней, 715—725; упом. 583, 598.
- Бѣлицкій, Алексій, кошевой атаманъ, 416.
- Бѣлорежскій, Мартынъ, католич. епископъ каменецкій, 20.
- Бѣлозерка, р., 392.
- Бѣлозерскій, Н. М., авт. «добавокъ и поправокъ читателя Кіев. Старинъ», 146—151.
- Бѣлоруссія, см. Литва.
- Бѣльскій, пол. хроникеръ XVI ст., 582, 591, 592, 594—595, 604—607.

В.

- Вагнеръ, Рихардъ, изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 78—79.
- Валкелвичъ, Зосима, архим. К.-печ. лавры, 542.
- Вамбери, венгерскій ученый, 59—60.
- Василько Романовичъ, кн., 18.
- Васильковка, с. ал-дров. у., 52.
- Веливела, р., 393.
- Величко, Самуилъ, малорос. лѣтописецъ. 306—308.
- Вепржъ, р., 564.
- Веревчина, р., 392.
- Веселовскій, П., акад., 60, 61.
- Вилія, р., 576.
- Вильна, г., 681, 695—696.
- Вильшавка, р., 372.
- Винница, г., 583.
- Висла, р., 564.
- Висунь, р., 40, 41, 44, 399.

Виталий (Гречулевичъ), еписк. могилевскій, 238.
 Витовтъ, в. кн. литов., 10, 30, 583, 585.
 Вишневскій, Іоаннъ, южно-рус. уч. XVII ст., 652.
 Вишневецкій, кн. Д. И., 194, 593—594, 605, 607, 608.
 Вишневецкій, кн. Іеремія, польскій магнатъ и полководецъ XVII ст., 147.
 —, кн. М. И., староста черкас. и канев., 593, 601, 607—608.
 Владиславъ IV, кор. пол., 374.
 Воеводская см. Полковничья.
 Волянъ-де, инженеръ, регулировалъ Днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181.
 Волыянка, р., 393.
 Волчи-Воды, р., 44, 45, 52, 132, 399.
 Вороная, р., 393.
 Воронково, м., 308—309, 311.
 Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 475.
 Ворскла, р., 566.
 Вуяхевичъ, Михаилъ, генер. судья, 311, 654.
 Высь, р., 53.
 Вятлинскій переваль, р., 392.

Г.

Гавриловцы, с. под. губ., 362—363.
 Гайворонка, с. хотмыж. у., нынѣ Грайворонъ, г. курской губ., 544, 545.
 Галаганъ, Петръ Григ., 622—623, 625.
 Ганчуль, р., 52, 399.
 Гарбузинка, р., 41, 44.
 Гарда, р., 45.
 Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій, 648.
 Генрихъ I, кор. франц., супругъ княжны Анны Ярославны, 555—557.
 Германія 40-хъ гг. наст. ст., въ описаніи П. Д. Селецкаго, 77—88, 239—242.
 Геродотъ, изв. греч. ист., 45—49, 56—76, 177, 393, 400.
 Герикъ, И., полк. полтавскій, 342.
 Гика, господарь молдавскій, 321.
 Гиры, р., 392.
 Глинка, М. Н., изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 625—626.

Говорскій, К., изд. журнала: «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 213, 220.
 Гоголь, Н. В., его рукописный журналъ «Метеоръ», 143—146.
 Голицынъ, кн., об.-прок. св. синода, 448.
 Голландія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 262—263.
 Головченко, Іоакимъ, полк. переяслав., 311.
 Голубовскій, П. В., его рецензія на книгу О. Партыцкаго: «Темня мѣстия въ Словѣ о Пльку Игоревѣ», 710—714.
 Гонта, Ив., изв. коз. предв., 170—172.
 Горголи, сенаторъ, 706.
 Гордѣенко, Конст., кошевой атаманъ, 41, 343.
 Горленко, В. П., авт. зам. о В. Л. Боровиковскомъ, 538, 541; упом. 327—328, 331—332.
 Грайворонъ см. Гайворонка.
 Григорій, митр. С.-Пет., 236, 238.
 Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секретарь акад. художествъ, 330.
 Грошокля, р., 41, 44, 45, 50, 52.
 Грушевка, р., 392.
 Грушевка, с. херсонск. у., 52.
 Гудовичъ, Ив. Вас., фельдм., 465.
 Гуровъ; разб. его книги «Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.

Д.

Данилевскій, Григ. Петр., изв. пис.: 327—328, 532.
 Даниль (Мирдановъ), еп. могилев., 456.
 Даниль Романовичъ, кор. Галицкій, 17—18, 579.
 Дашкевичъ, запорож. атаманъ, 37.
 Дашковичъ, Остафій, староста черкасскій, 592, 595, 596, 607.
 Десна, р., 569, 577.
 Дмитрій (Муретовъ), архіеп. херсон., 238.
 Дмитрій (Сулима), архіеп. кышинев., 466.
 Дюховскій, Францъ, 691—692.
 Днѣприще, р., 392
 Днѣприще Чортотмыцкое, р., 392.

Двѣпръ, р.; острова, застави на немъ, пороги и рукава, 37—54, 171—200, 392—422, 564, 569, 571, 572, 578, 601.

Двѣстръ, р., 45, 53, 368, 391, 570, 578.

Добрая, р., 399.

Должокъ, с. под. губ., 360—361.

Домонтово, м. золотонош. у., 308.

Домоткань, р., 392, 404.

Дондуковъ-Корсаковъ, кiev. ген.-губ., 351.

Донецъ Ств., р., 37, 42, 399.

Довь, р., 39, 571.

Дорошенко, гетманъ, 376.

Дотцауэръ, изв. виолончелистъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81.

Дрезденъ 40 гъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкого, 78—87.

Дримайловка, р., 392.

Дублянскіе, двор. родъ, 342—344.

Дурная, р., 392.

Ж.

Екатерина II, имп-ца, 181, 186, 321—322, 327—329, 342, 471—472, 538, 716.

— Павловна, в. княжна, 456, 463.

Екатеринославъ, г., 52, 179—180, 183.

Елавецъ, р. 44.

Елавецъ Гнилой, р., 399.

Еланчикъ, р., 45.

Елизавета Петровна, имп-ца, 542.

Елисаветы св. крѣпость (Елисаветградъ), 43, 53.

Елпидифоръ, еписк. кам.-под., 238.

Есковичъ, Михайлъ, атаманъ козацій, 593, 594, 608.

Ефименко, П. С., авт. зам.: а) «Присяга духовенства», 151—153, и б) «Способы возвращать нѣмому языкъ», 353—354.

ЖВ.

Жабинцы, с. под. губ., 361.

Жванецъ, м. той-же губ.; его исторія и описаніе, 365—388; упом., 319, 359—360, 363.

Жванчикъ, р., 368—372, 378.

Ждановъ, художникъ XVIII ст., 329.

Жеребець, р., 399.

Жеребило, старшина с. Гайворонки, (1709 г.), 544.

Жытецкий, И., авт. ст. «Слѣна народъ въ южн. Руси», 561—579.

Жолкевскій, гетманъ, 385.

Жуковский, В. А., изв. поэтъ, 621.

З.

Забѣлло, генер. судья, 739.

Заваловскій, графъ П. В., мин. нар. просв., 430, 692.

Замойскій, Янъ, коронный канцлеръ, 385.

Запорожье; топографическій его очеркъ Д. И. Эварницкого, 33—54, 177—200, 392—422; происх. запорож. козачества, 590—608.

Збручъ, р., 382.

Золотая, р., 392.

Зотовъ, Никита, моск. дьякъ, путеш. по Украинѣ, 50.

Зыгровичъ, Янъ, уч. XVI ст., 25—26.

Зелинскій, митр. римско-кат. церквей въ Россіи, 234.

И.

Ивановъ, П. В.; сообщ. драму XVII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 289—305.

Ивоня, господ. молдав., 603, 604, 608.

Идеромья, р., 392.

Иконниковъ, В. С., проф. у-та св. Влад.; его рецензія на кн. Михалевича: «кам.-подольская гимназія», 323.

Иларіонъ, митр. кievскій, 558.

Иловайскій, Д. И., изв. историкъ, 47, 58, 61.

Ингуль Большой и Малый, рр., 40, 41, 43—45, 52—59, 392, 394—395, 399—410.

Иннокентій, архіеп. херсонскій, 321, 548—549.

Ипатій Поцѣй, еп. владиміро-волинскій, пропагаторъ униі, 153.

Испиланти, Конст., господарь молдав., 438, 458—459.

Ирина, кн., супруга в. кн. Ярослава Мудраго, 558.

Ириней, (Фальковский) коадьюторъ кiev. митрополіи, 423, 432—433, 443, 449—450, 457, 465.

Исаковцы, с. под. губ., 372, 378.
Испанія 40-хъ г. наст. ст. въ опи-
саніи П. Д. Селецкого, 485—504.
Италія 40-хъ г. наст. ст. въ описа-
ніи П. Д. Селецкого, 249—255.

И.

Иерофей, митр. кiev., 441.
Іоаннъ IV, царь и в. кн., 593—594.
Іосифъ II, имп. австрійскій, 322.
Іосифъ (Синашко), митр. литовскій;
«матеріалы для его біографіи»,
332—340; рецензія на его «За-
писки», 511—523; упом. 552, 693.

Ис.

Кавказъ; малорус. колонисты на Кав-
казѣ, 467—484.

Кагарлыкь, р., 43.
Казявиль-Мейндорфъ, генераль, 429.
Казимиръ Ягайловичъ, в. кн. лит., 10.
Каиръ, а) Сухая-Широкая, б) Мечет-
ная, с) Западная, д) Крутая, е).
Турецкая, рр., 393.

Кайдаки Старые и Новые, с., 41.
Калиновскіе, двор. родъ, 372—373.
Калиновскій, Валентій, ген. подольскій,
373—374.
Калміусь, р., 42—45, 132, 133,
399—400.

Кальчикъ, р., 45, 399.
Каменецъ-Подольскій, г., 17—19, 22,
359—361.
Каменка, р., 40, 44—45, 50, 146,
312, 399.
Каменка Мокрая, р., 393.
— Сухая, р., 393.

Каневъ, г., 583, 593, 597, 607.
Кантемиръ, мурза буджацкій, 31.
Капнисть, полковникъ, сост. ландкарты
Запорожья, 42.

Капулявка, с. екат. у., 52, 695.
Карачикракъ, р., 399.
Касшаха, р., 390.
Карачковцы, с., 11, 14—19.
Карлъ XII, кор. швед., 41, 543—544.
Карпенко, С. Д., пис., 556—557.
Карташевскій, дир. деп. иностр. исповѣ-
даній, (1827 г.) 514, 519.
Катериничъ, кiev. вице-губ. наст. ст.,
453.

Катеринивка (Малая), с. ал-дров. у., 52.

Катрухинъ, А., авт. зам. «Изъ времени
нашествія шведовъ на Россію».

Качорскіе, двор. родъ, 30.
Каширскій, кн. Андрей, маршалокъ, 599.
Квитка-Основьяненко, Г. Ѳ., изв. пис.;
статья о немъ Н. Ѳ. Сумцова,
201—209.

Кизкирмень, г., (нынѣ Бериславль)
40, 41, 44, 50, 179, 196, 199,
415.

Кильчень, р., 398.
Кинбуртъ, г., 181.
Кипертъ, уч. ист., 57—58.
Киркоръ, авт. III тома «Живописной
Россіи»; разборъ этой книги, 681—
701.

Кисель, Адамъ, воевода кiev., 737.
Китаевская близъ Кіева пустынь, 542.
Китицинь, П.; сообщ. зам. «Малозв.
историч. родъ», 342—344.
Кіевскій соборъ св. Влад.; исторія его
сооруженія, 323—326, 344—353.
— у-тъ св. Влад.; приглашеніе къ
его открытію и правила его, 529—
537; упом., 549—551.

Козацкая, р., 394.
Козловскій, скульпторъ XVIII ст., 539.
Коловоротъ, р., 392.
Колонтай, Гуго, 692, 693.
Колотовская, р., 393.

Кольбергъ, Оскаръ; разборъ II тома
его «Покутья», 126—130.
Коновницынъ, графъ П. И., военный
мин., 464.

Ковка, р., 37, 40—46, 50, 52, 194,
197, 199, 393—394, 398—399.
Константиъ Багрянородный, имп. Виз.,
хроникеръ, 179, 183, 184, 193.
Ковстантъ Павловичъ, цесаревичъ,
427, 694.

Корабельня, р., 45, 399.
Коріятовичи, князья подольскіе, пле-
мянники Ольгерда.

Косинскій, гетманъ, 316.
Костомаровъ, Н. И., изв. ист.; раз-
боръ 4 изд. его «Богдана Хмельнъ»,
315—320; упом., 131.

Котляревскій, И. П., малорос. пис.,
342.

Кочъ-Мегметъ, турец. паша, постанов.
межевую запись 1705 г., 40.

Кошевал, р., 197, 394.

Кременецкій, Гавріялъ, митр. кiev., 542.
 Кременчугъ, г., 179.
 Кринитскій, Арсеній, протопопъ кievо-
 владимірскій, 444, 447.
 Крутые Берега, с. полтав. у., 342.
 Крыловъ, г., 53.
 Крымка или Кринка, р., 132, 133.
 Ксенофонтъ, архіеп. под., 465.
 Кулишъ, П. А., пис., 143—144.
 Куммеръ, віолончелистъ, 78—79, 81.
 Куракинъ, кн. Б. Ѳ., 747.
 — кн., рус. посланникъ въ Вѣнѣ
 (1813 г.), 455.
 Кутузовъ-Голенищевъ - Смоленскій, кн.
 М. И., 432, 435, 455.
 Кушумъ, р., 52.

Л.

Ладожскій каналъ; донесеніе о работахъ
 на немъ козаковъ, 117—122.
 Лазаревскій, А. М., ист., 149—150.
 Лазня, р., 197.
 Лашпи, президентъ акад. художествъ, 329.
 Ланской, кiev. гражд. губ., 444.
 Лапинка, р., 392.
 Ласси, фельдмаршалъ, 4.
 Лашкевичи, двор. родъ, 541.
 Лашкевичъ, А.; сообщ. зам. «Кievскій
 пещерникъ XVIII ст.», 541—543.
 Лебединець, Г. С.; сообщ. пѣсню о
 попадѣ, 356—358.
 Лебединцевъ, А. Г., одес. кае. протоіе-
 рей, 321—322.
 — П. Г., кiev. кае. протоіерей;
 сообщ. зам. «Многолѣтіе въ Кievѣ
 нач. XVIII ст.»; письмо къ нему
 протоіерея Мацкевича, 545—548,
 332—340.
 Леванда, проповѣдн., кiev. кае. прот.,
 425, 429, 433, 442, 447.
 Левицкій, портретистъ прошлаго в.,
 539—540.
 — И. С., авт. повѣсти: «Старосвѣт.
 Батюшки и Матушки», 88—116,
 267—285, 655—680.
 — О. П., авт. статья: «Основныя
 черты внутр. строя зап.-рус. церкви
 XVI и XVII ст.», 627—654;
 рецензія его на «Указатель» И. П.
 Новицкаго, 509—511.
 Лелевель, изв. ист., проф. виленскаго
 у-та, 694.

Ленорманъ, соврем. француз. ист.,
 68—69.
 Леонтьевъ, бригадиръ, завѣд. работами
 на Ладож. каналѣ, 119—121.
 — Семень, сост. снимка запорож.
 земель, 43.
 Липинскій, скрипачъ 40-хъ гг. наст.
 ст., 78—79, 81, 623.
 Лисенко, Н. В., соврем. композ., 154.
 Литва и Бѣлоруссія; разборъ моно-
 графіи о ней Киркора, 681—701.
 Лобановъ-Ростовскій, кн.—біографъ
 королевы Анны Ярославны, 560.
 Логановскій, Іоакимъ, ректоръ к. дух.
 академіи (1805 г.), 428, 440.
 Лозановскій, прот., наст. кievо-андреев-
 ской церкви (1805 г.), 428.
 Лопатиха, р., 393.
 Лопухинъ, Ив. Влад., сенаторъ, 430.
 — Ив. Влад., мин. юстиціи нач. нын.
 ст., 437.
 Лугавъ, р., 44.
 Луцицкій, Ив. В., проф. у-та св. Влад.;
 сообщ. 3 документа къ исторіи бунта
 1687 г., 306—314.
 Лысенко, Ѳеодоръ, ген. есауль, 739.
 Любомирскій, кн., гетманъ, 374.
 Лянцкоронскіе, двор. родъ, 373—374.
 — Предславъ, гетманъ запорожскій,
 38—39, 591—592.
 Ляссота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II,
 179, 191.

М.

Магницкій, 451.
 Мазепа, Ив. Степ., гетманъ, 306, 309,
 543—544, 720, 733—742, 747—
 748.
 Макарій (Булгаковъ), митр. московскій,
 236—237.
 Маковскій, Е.; сообщ. зам. «Загадочное
 преданіе», 170—172.
 Максимовичъ, Іоанъ, архіеп. черниг.;
 грамота къ нему имп. Петра I,
 747—748.
 Максимъ, митр. кievскій (1299 г.), 577.
 Мамай-Сурка, р., 54, 393.
 Марія Ѳеодоровна, имп.-ца, супруга имп.
 Павла, 448.
 Маркевичъ, А., авт. зам. «Средство
 противъ ковокрадства», 546—547
 и «Загадочная пѣсня», 554.

Марковичъ, Андрей, генер. подскарбій, 739.
 — Яковъ, авт. «Днев. записокъ», 146—147.
 Мартусевичъ, Іаковъ, еписк. луцкій нач. XIX ст., 518.
 Мартыновъ, нейзажисть конца XVIII ст., 539.
 Масловъ-Кутъ, урочище на р. Курбъ; исторія его заселенія, 470—484.
 Масси, кiev. комендантъ, 462.
 Мацкевичъ, Ал-дръ, протоіерей; письмо его о м. Іосифѣ Симашкѣ, 332—340.
 Мезеръ, франц. уч. XVII ст., 558, 560.
 Мендельсонъ, композиторъ; отзывъ о немъ П. Д. Селецкого, 77—78, 83.
 Менестрїз, уч. іезуитъ XVII ст., 558.
 Меншиковъ, кн. А. Д., фаворитъ Петра I, 117, 119, 122.
 Мертвыя воды, р., 40—45, 200, 399.
 Миллеръ, кievскій вице-губ., (1804 г.), 425.
 Милорадовичъ, графъ Г. А.; сообщ. «Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира», 529—537, и грамоту Петра В. объ измѣнѣ Мазелы, 747—48.
 — графъ М. А., воен. кiev. губ., впослѣдствїи СІПБ. ген. губ., 443—444, 446, 449—453, 455, 457, 460.
 Мвинихъ, фельдмаршалъ, 41—344.
 Михалевичъ; рецензія на его соч. «Камеенець-под. гимназія», 323.
 Михайлъ, еп. минскій, 237.
 — (Рагоза), митр. кievскій, 648, 653.
 — митр. спб., 461.
 Мищенко, Ѳ. Г., авт. ст. о царскихъ скнавахъ, 55—76.
 Млинскій, козацій атаманъ, 594.
 Могіа, Іеремя, господарь молдавскій, 385.
 — двор. родъ, 30.
 Мокрая Маковка, р., 41.
 Монтесъ, Лола, изв. танцовщица, 614.
 Московка, р., 45, 179, 181.
 Московка Сухая, р., 393.
 — Мокрая, р., 393.

Муравьевъ, графъ М. Н., вилен. ген.-губ., 213.
 Мусянъ-Пушкинъ, графъ, президентъ академіи художествъ, 329.
 Мышковскій, первый дир. кiev. гимназіи (1812 г.), 449.
 Мюлленгоферъ, академикъ, соврем. герм. ученый, 57—58, 69.
 Мюллеръ, Францъ, соврем. этнографъ, 59.

И.

Назимовъ, кievскій губернаторъ, 462.
 Наносоковка Мокрая и Сухая, рр., 392.
 Наревъ, р., 564.
 Нейманъ, Карлъ, соврем. нѣм. ист., 58—60, 66.
 — Ц. Г., авторъ слѣд. рецензій: а) на II томъ «Покутъя», О. Кольберга, 126—130; б) на «Козацкую думу о 3 братьяхъ», М. А. Андріевского, 130—138 и в) «Историч. матеріалы», А. А. Андріевского, 523—524; его-же зам.: а) «Малорус. пѣсенникъ XVIII ст.», 153—158, б) Предисловіе къ драмѣ XVIII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 288—292, и в) «Любопытная книжица XVIII ст.», 525—529.
 Ненажора, р., 392.
 Николаевъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад. въ Кіевѣ, 351—352.
 Николай I, имп., 458, 474, 514, 515, 520, 521, 619.
 Никополь, ж. екатер. у., 191, 199.
 Новицкій, И. П.; разборъ его «Указателя къ взд. кiev. археограф. комисіи», 509—511.
 — Наркисъ Марк., житом. каедр. протоіерей, 548.
 — Орестъ М., проф. у—та св. Влад.; некрологъ о немъ, 547—554.
 — Теофія М., варш. каедр. протоіерей, 548.
 Ново-Архангельскъ, г., 53.
 Новомыгородъ, г., 53.
 Новосильцевъ, сенаторъ, 693—695.
 Нѣгичъ, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 20—23.

О.

- Овечьи воды, р., 50.
 Огнискій, графъ, 691.
 Окопы св. Троицы, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 382—384; упом., 369, 377.
 Олешина, р., 392.
 Ольгердъ, в. кн. лит., 10, 696—697, 715.
 Омельникъ, р., 132.
 Омельникъ Большой и Сухой, рр., 392.
 Омельница, р., 393.
 Опалинскій, польск. пис., 34.
 Орель, р., 37, 39, 42, 45, 50, 392, 404, 566, 584.
 Орловъ, И., авторъ зам. «Мелочи изъ нар. преданій», 355—356.
 Освъцимъ, авторъ изв. дневника, 316—318.
 Островка, р. 392.
 Османъ, султанъ турецкій; осада Паневецъ, 27.
 Осокоровка, р., 392—393.
 Острожскій, кн. Кост. Ив., 591, 592, 600, 601, 638, 644.
 Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію, 731—732.

П.

- Павель Петровичъ, нип., 330.
 Павловка, с. липов. у., родина митр. Иосифа Сьвѣшанки, 516.
 Павлюкъ, р., 196, 392.
 Палій, Семенъ, изв. коз. предв., 716, 720.
 Паневцы, с. под. губ.; его исторія и опис., 24—29; упом., 383.
 Панкратьевъ, кiev. гражд. губ., 438, 440—442, 454, 458.
 Парадзъ, франц. уч. XVII ст., 558.
 Партыцкій, О.; разборъ его книги: «Темни мѣстця въ Словѣ о плъку Игоревѣ», 710—714.
 Паскевичъ, кн., намѣст. Царства Польскаго, 614.
 Переставка, р., 392.
 Петровъ, Н. И., проф. кiev. дух. академіи, 147.
 Петръ I Алексѣевичъ, нип., его грамота архіеп. черниг. Іоанну Максимовичу, 747—748; зам. о его пор-

- третѣ, 736—742; упом., 41, 151, 182, 309, 310, 342—343, 543, 545, 559, 621.
 Петръ II Алексѣевичъ, нип., 734, 737, 740—742.
 Пина, р., 563.
 Платонъ, (Левшинъ), митроп. москов.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1804 г., 424—426.
 Подзамчье, предмѣстье Каменца Под., 360.
 Подолье (Путевые очерки), 1—32, 359—391.
 Подпольная, р., 45, 392—394.
 Покровское, с. скат. у., 52.
 Покутье; разборъ соч. о немъ О. Кольберга, 126—130.
 Полковничья, д. херсон. у., 52.
 Полуботокъ, Павелъ, полк. черниг., 343, 733—742.
 Пономаревъ, С. И.; его замѣтка о журналь Н. В. Гоголя, 143—146.
 Потехня, А. А., академикъ, 134, 136.
 Потенкинъ, кн. Григ. Ал.—дровичъ, 321, 322, 343, 467, 468, 716, 732.
 — Пав. Серг., ген.-поручикъ, 468, 470.
 Потоцкій, графъ, маршалокъ кievскій, (1812 г.), 449.
 — Николай, генеральъ подольскій (1589 г.), 25.
 — Янъ, воев. брацлавскій, 25—26.
 — Стан., (Реверча) его племянникъ, 27—28.
 Претфиць, Бернать, полк., староста, 592.
 Припеть, р., 564.
 Прогной, р., 394.
 Пронскій, кн. Сем. Глѣб., воев. кievскій, 715.
 Протасовъ, графъ, обер-прок. св. синода, 237.
 Проточанка, р., 392, 398.
 Псезь, р., 566.
 Пулавскій, Казиміръ, конфедерать, 383.

Р.

- Радзивиллъ, Николаѣ, воев. виленскій, 640.
 Раздоровка, с. херсон. у., 52, 196, 199.

Разумовскій, графъ Клар. Григ., гетманъ, 340—341, 622.
 Ребелинка, р., 392.
 Ревня, р., 753.
 Резвой, Д. М.; сообщ. портретъ кн. Анны Ярославны (портретъ при томѣ).
 Ревнинъ, кн. Вас. Ник., 618.
 — кн. Ник. Григ., малорос. ген.-губ., 618—619.
 Ржевусскій, графъ, кіевскій дворян. маршалъ (1808 г.), 437, 449—450, 460.
 Рогачикъ, р., 393.
 Родіонъ Несторовичъ, вельможа кіевскій XIV ст., 577.
 Розенъ, баронъ, либреттистъ «Жизни за царя», 625.
 Ролле, І. І., истор. польск. пис., 379.
 Рось, р., 718—719.
 Румянцевъ, графъ П. А., 148, 321, 353—354
 — графъ Н. П., гос. канцлеръ, 457.
 — графъ С. П., 463.
 Русинова балка, р., 393.
 Рыбальскій, Ю. И., кіевскій войтъ (1809 г.), 440, 455.
 Рѣчище, р., 392.
 Рясня, р., 733.

О.

Савченко, И., авт. разсказа «Дѣдушкинъ вексалъ», 158—168.
 Сагайдачный-Конашевичъ, Петръ, гетманъ, 194, 373, 386.
 Саксагань, р., 45, 399, 410.
 Самара, р., 37, 41, 43—45, 49—54, 132—134, 138, 179, 181, 393, 397, 399—401, 404.
 Самойловичъ, гетманъ, 306.
 Самоткань, р., 49, 392.
 Саложниковъ, Д. И., авт. ст. «Загадочные портреты», 732—742.
 Свиричскій, предв. шляет. вольницы (1574 г.), 606, 608.
 Свѣчннъ, ген.-майоръ, 425.
 Святая, р., 393.
 Селецкій, П. Д.; его записки, 77—87, 239—266, 485—504, 609—626.
 Сельчинъ, р., 392.
 Семь (Сеймъ), р., 577.

Семеновъ, П. П., през. имп. геогр. общ., 699.
 Серапионъ (Александровскій), митр. кіев.; хроника кіевской жизни по его дневнику, 423—466.
 Сигизмундъ I, кор. польскій, 10, 11, 37, 38, 629, 636—638.
 — II, кор. польскій, 38, 383, 593, 594, 597—603, 607, 638, 640, 649.
 Синюха, р., 39, 42, 43, 45, 53, 395, 399, 410, 584.
 Скарбная, р., 392, 393.
 Скопцы, с., 308, 309, 311, 313.
 Скоропадскій, Ив., гетманъ, 310, 343, 736—742.
 Слуть, р., 45.
 Смотрицкій, Мелетій, архіеп. полоцк. XVII ст., 653.
 Смотричъ, р., 8—30, 361.
 — м.; его исторія и опис., 10—13.
 Снигиревичъ, прот. кіево-соф. собора, 427, 447, 466.
 Снова, р., 732—733.
 Снядецкій, польск. писатель, 693.
 Сокиль-гора, (Соколя), ея описаніе, 13, 19.
 Солона, р., 44, 398.
 Софья Алексѣевна, царевна, 309, 310.
 Спарро, кіев. архитекторъ, 346—347.
 Сперанскій, графъ М. М., 451, 466.
 Станиславъ (Понятовскій), кор. польскій, 716.
 Старжинскіе, двор. родъ, 28—29.
 Старуха, р., 393.
 Стефанъ Баторій, кор. польскій, 20, 39—40, 690.
 —, еп. житомирскій, 456.
 Страбонъ, древ. географъ, 57, 61—70.
 Строгановъ, графъ А. Г., 619.
 Стройковскій, ректоръ виленск. академіи (1808 г.), 691, 692.
 Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. Италійскій, 719, 721—722.
 Сугакля-Камеволатая, р., 43.
 Сула, р., 566, 577.
 Сулима, Иванъ, воронковскій сотникъ, 308—314.
 Сущовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт. ст. «Слоб. украин. дворянство въ провъз. Квитки», 201—209.
 Сура, р., 392.

Сура Мокрая, р., 410.
 Сытья-Буды, с., 732—733.
 Сърко, Ив. Дм., кошевой атаманъ, 196.

Т.

Тавскій, полк. кіевскій, 342.
 Тарасовка, р., 392.
 Тарманъ, р., 392.
 Тарновскій, Григ. Ст., помѣщикъ полт. губ., 623—626.
 —, Явъ, гетманъ, 596, 597.
 Татарка, р., 393.
 Ташлыкъ Черный, р., 40, 41, 44, 399.
 Тереневка Большая и Сузая, рр., 392.
 Терехтеміровъ, 39, 40.
 Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Влад.; его ст. «Хроника кіев. общ. жизни», 423—466; разб. «Слав. Ежегодника», 123—126; некрологъ о Ф. А. Терновскомъ, 358.
 Терса, Верхняя, Сред. и Нижняя, р., 399.
 Томаковка, р., 392.
 Тошара, Стефанъ, полк. переяславскій, 308—310, 314.
 Торепъ, р., 399.
 Тормасовъ, кіев. ген.-губ., 427, 429, 455.
 Тотлебенъ, графъ Э. И., вилен. ген.-губ., 344, 345.
 Тоттъ, баронъ, авт. записокъ объ Украинѣ, 47.
 Трощинскій, Д. П., мнв. юстиціи, 444, 622.
 Трубежъ, р., 566, 733.
 Турчанинова, А. А., 451, 452, 458.
 Туръ, р., 43.
 Тягинька, р., 392.
 Тяпкинь, Вас., путешеств. по Украинѣ, 50.
 Тясьминъ, р., 42, 45, 53, 584, 599.

У.

Угрюмовъ, художникъ XVIII ст., 329.
 Устье, с. п од. губ., 24, 29—32.
 Украинцевъ, Ем., рус. посоль (1705 г.), 40.

Фалѣевъ, инженеръ, регулировавшій двѣ пров. пороги при Екатеринѣ II, 181—182.

Филаретъ (Амфитеатровъ), митр. кіевскій, 213, 324, 346.
 Франція 40 гъ. г. въ описаніи П. Д. Селецкого, 263—266.
 Фундуклей, И. И., кіев. губ., 322.

Х.

Хвольсонъ, проф. пет. у-та, 60—62.
 Херсонъ, г., 179, 181.
 Хмелецкій, Стефанъ, сенаторъ и воевода, 31.
 Хмельнякъ, г., 583, 596, 597.
 Хмельницкій, Богданъ, гетманъ, 27, 40, 195, 306, 315—320, 374, 376, 716.
 Хованскій, км., бѣлорус. губ., 695.
 Хортица, Верхняя, Средняя и Нижняя, рр., 392.
 Хотинъ, г., 360, 362, 369, 376—377, 385—391.
 Хресна, р., 392.

Ц.

Царева, р., 393.
 Царицынъ-Куть, с. ал-дров. у., 52.
 Цыбульнякъ, р., 392.

Ч.

Чайка, р., 41.
 Чаплыва, р., 393.
 Чарнышъ, И., полков. гадяцкій, 342—343.
 Чартормыйскій, кн. Адамъ, 221, 691—694.
 Чацкій, Фаддей, его сотрудникъ, 691—692.
 Червонная, р., 392.
 Черкассы, г., 40, 583, 589, 593, 598, 607.
 Чернышевка, с., 52, 194.
 Чернявскій, проф. вилен. у-та, 518.
 —, Вас., пмс. XVIII ст., 50, 51.
 Чернякъ, полковникъ, 117—122.
 Черче, м. под. губ., 20.
 Чигиринъ, г., 39, 40.
 Чижевскій, Сигизмундъ, еписк. камен., 380.
 Чичиклея, р., 395—396.
 Чобручи, с., 320.
 Чортотмыль, р., 45, 52, 195, 392.

Ш.

Шагинъ Гирей, послѣд. крым. ханъ, 321.

- Шарай, р., 392.
 Швейцарія 40 хъ гг. въ описаніи
 П. Д. Селецкого, 255—261.
 Шебакина, р., 392.
 Шевченко, Т. Г. въ воспом. П. Д.
 Селецкого, 620—622.
 Шишковъ, А. С., мин. нар. просв.,
 514, 695.
 Штромъ, архитекторъ, 346.
 Шубертъ, композиторъ, 78 79.

Э.

- Эварницкій, Д. И., доц. харьк. у-та;
 его статья: «Топографич. очеркъ
 Запорожья», 33—54, 177—200,
 392—422.

Я.

- Яблоновскій, кн. Стан., гетманъ коро-
 нный, 382—383.
 Ягайло, в. кн. лит., 63, 372, 682.
 Язловецкій, Юрій, гетманъ коронный,
 602.
 Янчикракъ, р., 399.
 Янчулъ, р., 399.
 Янъ-Казиміръ, кор. польскій, 374—
 376, 382, 690.
 Янъ Собѣскій, кор. польскій, 147.
 Яромірка, р., 10.
 Ярославъ Мудрый, в. кн. кievскій,
 555—559, 684.
 Ястребовъ, В.; сообщ. зам.: «Очаков-
 ская зима 1788 г. по соврем. опи-
 савію», 731—732.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ КІЕВА
продаются слѣдующіе учебники

ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ:

Иллюстрированная Хрестоматія, составленная *изъ сочиненій лучшихъ писателей, съ 25 портрет.*, 3-е изданіе Павленкова, сост. А. Тарнавскій, ц. 1 руб. Допущена въ употребленію въ городскихъ училищахъ юго-западнаго края.

Практическая грамматика. Небольшія статьи.—Примѣры.—Правила.—Объясненія ихъ.—Образцы систематической диктовки. 3-е изданіе Южно-русскаго книжнаго магазина, составилъ Ал. Тарнавскій, ц. 50 в.

— 1-е изд. допущено въ бібліотеки, городск. и сельск. учил. юго-западнаго края, новороссійскаго и привислянскаго.

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпатского Платона Малиновского, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Коношевичемъ проповѣдникомъ, зъ коллегума московскаго прибывшими, видѣлися, зъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ іркутскую епархію, а отецъ Коношевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ письмо отъ п. тестя зъ Риги, чрезъ нѣкоторо маіора іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечерними пришедши, ночоваль у отца Василія, священника тамошняго.

5. Послѣ утренѣ исповѣдался у духовника отца Герасима и причащался на службѣ Божой въ деревянной церквѣ; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кириловича Трѣдіаковскаго. Tandem побувавши у отца Василія священника, отехалъ на коляскахъ, отъ отца намѣстника и економа данныхъ. Отцу духовнику данъ 1 р. Розышлося на розницю 26 к. Ея императорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечерень, и на пріездъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а паничъ былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалерією Андрея Первозваннаго и офѣцери всѣ преображенскаго полку званы къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло $37\frac{1}{2}$ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Саву Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновскаго, токмо оногъ въ домъ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказвалъ просить совѣтниковъ, чтобъ зъ нимъ обще пріехали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, денги кормовіи паничу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ уставщикъ цесаревниъ Иванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи иностранной, что братъ его двоюродный Иванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, представился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа¹⁴⁹).

12. Писаны письма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевскаго Александра Бершова. За чолки и носки полотняные 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ: 1) о невзиманіи лишнихъ рацій и порцій сверхъ опредѣленнаго, 2) о мекленбурцахъ¹⁵⁰), 3) о селѣтанныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу опредѣленномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене письма отъ ясневелможного, отъ сотника воронежскаго п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подаль листы гетманскіе въ коллегію и вручилъ онни Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божой слушали въ Троицы. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтолъ былъ я у Ивана Александровича Дурова, сына полковника нашего, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ письмо отъ сотника голтвянскаго пана Федора Остроградскаго¹⁵¹). Былъ у Павла Ивановича Апостола люкай дворцовый Артемъ Ивановичъ надъ вечераи.

¹⁴⁹) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. пошелъ за Мазею (виѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазеи назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

¹⁵⁰) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

¹⁵¹) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впоследствии, съ 1752 г., полковникомъ киргородскимъ. Онъ былъ прадѣдомъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградскаго.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано письмо отъ ясневелможного благодарственное за прибавку паничевъ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузировскій, смолянинъ, а рано панъ Андрей Полуботокъ. Розышлося на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балтазаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ кварталѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея императорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на приездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ муштровалать рота семеновского полку гренадерская, которая партиами палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше години дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея императорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на шлюбокѣ въ дворець свой лѣтній, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музыка камерная играла. Хлопцу Андрійцу імениннику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фропциеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мизы, называемой Ропша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: *Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis*.

21. Писалъ письмо въ отвѣтъ до сотника голтыянского пана Остроградского въ Москву и послано оное письмо къ подканцеляристу Урилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., *Cluverii introductio in univerzam geographiam*—12, 2., *Cellarii Geographia antiqua et nova*—12, 3., *Matthiae theatrum Histor.*—4, 4., *Cluverii epitome historiae totius mundi*—4, 5., *Puffendorphi introductio ad histor. Europ.*—8, 6., *Buddei Historia eccl. V. T.*—4., 7., *Veysmani Histor. eccl. N. T.*—4, 8., *Pistorii Florus Polonicus* 12, 9., *Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccl.* 4, 10., *Sulpitii Severi hist. sacra* 8, 11., *Nic. Bergius de statu eccl.*

religionis Moschoviticae, 12., Orthodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695. — 8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4, 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ письмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Безерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ея і. величество воспріять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при вїездѣ ея величества изъ С.-Пітербурха выпалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а отдолъ возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасинка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медь 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карты даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василювичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустинно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, которій назначенъ на епископію могилевскую. Розышлося на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Васат. Князь Шаховскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и протчихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленіи. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ея і. величества зъ многихъ палено пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Паничъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ поданныхъ панскихъ, отъ понурничанъ¹⁵²⁾ дѣючихся. Послѣ обѣда

¹⁵²⁾ Мѣстечко Поворница, крелевецкаго уѣзда, принадлежало въ личную собственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились пѣвнія гетмана Апостола—Шабалтасовка, Хлопянки и Лузники.

были въ квартирѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову данъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробицею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлося на медь, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣяне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновскаго полку Федора Максимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясновельможнаго вчора принесенный о служителяхъ. Видѣлся зъ Гудовичемъ¹⁵³⁾ коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховскаго, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховскаго и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невскаго праздникомъ. Вручилъ я и писмо отъ Богаевского зъ Опошняго до его сіятельства писанное, на которое вцепилъ мнѣ одписать. Потомъ былъ въ домѣ графа Савы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату¹⁵⁴⁾, мемориаль о нуждахъ моихъ для объявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пущекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

¹⁵³⁾ Вѣроятно говорится объ Андрѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланскомъ, который потомъ сдѣлался почепскимъ > комендантомъ < Меншикова и однимъ изъ ревностнѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостоль вызвалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: > лучше кланяются мнѣ въ сапогъ, нежели въ *постоль* <. Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

¹⁵⁴⁾ Три брата Славуя, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малоросію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ > былъ воеводою у венеціанъ у Кошелновомъ < и что > во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцованіи съ потераніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего <. За эту службу Славуя сдѣланъ былъ ирклѣвскимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуя женился на вдовѣ лукомскаго сотника Василя Пиковца (Еленѣ Лизогубѣ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть имѣностями ихъ отца (Лащовка, Мозолѣвка и Матѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Шко-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалерією ордина святого Александра Невского генераль полицмейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Ивановичъ Пузиревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартиру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и страпчій графа Г. І. Головкина Евфимъ Василюевичъ. За напаву чоботъ дано 8 в.

31. Писанные письма подѣ датою сего августа 29 дня одправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юревича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, одправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а оними полками комендировали генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, генераль-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ госсенъ-гамбургскій Людовикъ и генераль-маіоръ и подполковникъ конной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 в. За вино 20 в. Сего-жъ числа былъ у Василя Федоровича Яворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ разговоръ зъ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полдень былъ день весьма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта московского коллегіума, законоспасского, Інокентія Нероновича, таже у

вещъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣнія обратно. По этому случаю Алексій Требинскій и отправился въ Сиб. хлопотать о надѣленіи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что > за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго такового потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ доволствѣ содержать <, почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскимъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. ж. Оржицу и с. Плеховъ (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника лантъ-милицейхъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французскій бѣлий пошло 11 в.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая виписка зъ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣль присланныхъ, о требованіи лишнихъ порцій и рацій и о мекленбургцахъ послалъ къ нему-жь чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 в. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мизи (Ропши).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтниківъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жь протопопъ петропавловскій Петръ Григоріевичъ и трактваны ради именинъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водцѣ толео былъ оберсекретарь Иванъ Юревичъ. Рано были у графа и въ его домовоі церкви слушали службы Божой. *Subebrii fuimus cum hospitibus per totam diem potati.*

4. Послѣ полдня былъ на Василевскомъ острову у господина Бялошицаго, а потомъ былъ у бандориста дворцового Ермолая Санкевича, у котораго и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16^{1/4} в.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ ездили къ государини цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія, въ Троици архіереемъ вологодскимъ Афанасіемъ Кондоиди отправленного, палено зъ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 випалено. Подаль письмо его превосходительству, господину генералу Андрею Ивановичу Ушакову отъ сотника голтвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ тому-жь сотнику писалъ, включивъ письмо до Уріла. Розышлося на разницы 4^{1/2} в.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 в., на перевозъ 3 в. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевецъ и Павелъ Войничъ, бурмистры кievскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлся рано на Василевскомъ острову зъ оними прибывшими и писма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 в. Тіе жъ бурмистры и у насъ были. За книжку латинскую, называемую *Hugo Grotius de veritate religionis Christianae*, дано 64 в.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у меня рано Григорій Кременецкій и принесъ письмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. енер., былъ же и п. Полуботокъ на водеѣ. За хлѣбъ французскій бѣлый 4 в. Сегожь числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ефимомъ Василювымъ и розговоръ имѣлъ стороны порученного ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ +. Корабль с. Александръ на Неву канатами стянули, который, когда спущано въ адмиралтействѣ сего септевр. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано письмо графское на почтѣ о поездѣ ясновельможного въ Сорочинци.

10. Слушалъ обѣдни на Василювскомъ, где имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ; потомъ былъ въ квартирѣ бурмистровъ кievскихъ Войнича и Кричевца и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященнаго новгородскаго. Розышлося на перевозки 9^{1/4} в.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василювскомъ острову корабль, недавно спущенный. Я рано былъ въ коллегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревнинныхъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлося на перевозъ 9 в., за хлѣбъ бѣлый французскій 4 в.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кievскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященнаго новгородскаго, подалъ чрезъ келейника Ілю Борисова письма отъ ігумена глуховскаго, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василювскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлося на перевозъ и проч. 23 в.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову письмо отъ себе стороны дѣлъ моихъ, въ вечеру емужь поданы письма чрезъ Григорія Кременецкаго гетманское и отъ п. Забѣлы судіи енер. и листъ гетманскій же въ коллегію надлежащій, стороны (относительно) того жъ пана судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ¹⁸⁵).

14. Кременецкій подалъ графу Головкину письмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

¹⁸⁵) Село Райгородокъ и деревня Царовка, кролевецкаго уѣзда, принадлежали >на войсковую артиллерию<. Забѣла должно быть хлопоталъ получать ихъ >на урядъ<.

15. Сездились въ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господъ Степановъ и Курбатовъ, куда являлись и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Въ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопились, много отъ всюду бревенъ рознесло и иныхъ шкюдъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., котораго посылалъ въ Якимовичу и въ Іліи Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибывала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтретя аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что и переездить было весьма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому объявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи иностранной имѣющіеся.

17. Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племянникъ, прислалъ водки анверокъ. Сегожь числа Гротъ, лѣваръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водеу, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясновельможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юревича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, такожь до Косача писара судового и въ одинъ пакетъ влюченные; подписанный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юревича, а въ небытность его, кто зъ канцеляристъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ влюченъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а ночовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламаръ и песочницу 25 к. На перевозъ розышло 11 $\frac{1}{2}$ к. Рано былъ у Петра Василича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція; потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, преизрядно въ новое плате убранной и на изрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтнаго дворца, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Инехову дано водки. Графу Мойсею Ивановичу вчера благодарилъ въ коллегіи за обсылку водки. Помѣнялся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пuzдeрвa (фляшки для водки).

20. Получилъ письма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартиру графъ Мойсей Ивановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Родостамову дано водки. Писалъ письма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе письма чрезъ куріера, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ я чтобъ отобралъ два дзыгарки у Анны Ивановны, съ роспискою пана полковника миргородского ¹⁸⁶⁾, заплатя 6 р. данныхъ за направу, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Уріла Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на перевозъ 11 к. Армашенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ внязя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который *de legibus nostris discurrebat, quasi* въ нихъ написано о выдачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розышлось на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ ¹⁸⁷⁾, потомъ Іскусь и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по подлѣ были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

¹⁸⁶⁾ Анна Ивановна Апостоль, сестра «панича» Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостоль, ея дядя.

¹⁸⁷⁾ См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ, Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впоследствии былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгали отъ одной стороны на другую. На медь пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василювичу и еще говорить обѣщались. Обѣдалъ я у отца префекта Инновентія Нероновича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ ночовалъ. На перевозъ пошло 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Иванъ Ивановичъ Косаговъ, капитанъ семеновскаго полку гвардіи ¹⁵⁸).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтолѣ чрезъ крѣпость ишоль и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженнаго памяти Петра I. императора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званые отъ Николая Ивановича Пузыривскаго были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкотораго дворцоваго келлеймейстера Михайла Дмитриевича Колошина великаго дворца и тамъ въ обихѣ мѣстахъ очинь много трагованы разными винами, и жестоко былъ пьянъ, чего для и ночовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревнинныхъ; тутъ же съ нами былъ и нѣкоторый Иванъ Федоровичъ Маменсъ муншенъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подячему вол. иное. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечерялъ у насъ Иванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ котораго и книжку разговоровъ Паткуля съ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошло 9 к., за голову цукру 53 к., шевцу 2 к. Алексію за чолки вовняніе 11 к. Кирилу імениннику 30 к. Ввѣрашнаго числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

¹⁵⁸) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Бороховича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ей часть мужнинаго имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генералъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ письма до жены и до служителя Степана и оныя отправлены чрезъ Гудовича. Сегожь числа писано письмо въ ясневелможному и въ ономъ включенъ паветъ отъ капитана поручика гвардіи семеновскаго полку Івана Івановича Косогова. Къ томужь господину Косогову поехавши, званный ради тезоименитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда капавши на мене адютантъ семеновскаго полку Іванъ, съ братьями своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ събѣрковый разодрали, и табакерка сѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ имениннику молитовникъ печерскій въ паргаминѣ бѣломъ подъ маринесами позолочеными. Розышлося на перевозъ 10 к.

Октоврѣй.

1. Рано принесенъ пакетъ съ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ съ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію иностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому письма. Весь же день сей пролежалъ въ дому боленъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Славуевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датю 30-го септеврѣя одправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посланному до Кричевца, на перевозъ 2 к. Съ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Василювича, просячи совѣту, токмо оногъ въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ помянутыя 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкаго до рукъ Козмы Іахимовича, чтобъ подаль въ коллегію иностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ съ челобитною моею до Петра Василювича, которую совѣтовалъ объявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государиня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко съ челобитною моею ездилъ первой до князя Шаховскаго, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ онижъ были и у Стефана Федоровича Апраксина, который просилъ съ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ приехали ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сини Воейковы просить прощенья, а потомъ былъ у мене жъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ съ женою о томъ же просячи. За мите плата портмои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуевъ братъ да бурмистры кievскіе Кричевецъ и Войничъ, но только одинъ приходивъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собрались ради куртава. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ избидившей стороны нѣкто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро отголь пріехали, то господинъ Косоговъ прислалъ сержанта семеновского полку зъ прошеніемъ, чтобъ челобитя не производили. Господинъ Новоторжцовъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предъ симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день прійдучій понеделковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и поздно уже одголь прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирился я зъ ними на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушь нагородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простился, на которомъ примиреніи были Иванъ Ивановичъ Косоговъ, капитанъ поруччикъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Ивановичъ Пузировскій, бурмистры два кievскіе, да наши домовіе. Поплю на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Апраксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ объявленіемъ, что помирились.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ ясновелможному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонъ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скоруппы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до дитинного платя 2 в.

12. Оныя писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ милься и кровь банками пуцаль зашкурную. На перевозъ и проч. розышло 24 в.

13. Посилаль Каленика до господина Косогова, упоминаючись о награжденіе шкоды, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровь пуцаль, 25 в. На перевозъ и проч. 5 в.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василювича и подаль письмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василювичъ подать себѣ меморіаль. На перевозъ пошло 4 в. Бабѣ за мите кунтуша 4 в.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 в.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продають. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подаль меморіаль о дѣлахъ, на которые надобна въ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 в. Послѣ обѣда былъ у мене Василий Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоручичь и привезъ сръбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сувени братамъ имѣлъ говорить.

18. Писаль писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посылкою писемъ отъ Нивиты Косача до матери и дяди его, а въ Москву до Урила подванцеляриста, прося о пересилку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано письмо отъ преосвященнаго Інокентія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гапки (врючки) до юпки 2 в.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оныя, такожъ вчора писанныя, одправлены на почтѣ зъ коллегіи иностранной. За полтора ведра меду 37 ¹/₂ в. На тафту до шлафрочка дитячого 28 к., за пуговки и на шовкъ 22 в.

20. Куплены 3 книги латинскія: Virgilio omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи иностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартиру. Писано письмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кievского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталь-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Ивановича Шувалова и забавились въ ночь до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ¹/₂ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о опредѣленіи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартиру жалованя; за переписку оногo доношенія и протчегo писцу дани 10 к., на перевозъ 2 к. Ночоваль у бурмистровъ кievскихъ на Василевскомъ острову и выигралъ въ карты 39 ¹/₂ к.

24. Рано былъ у Петра Василевича и просилъ такъ стороны мельницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащихъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу объявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французскій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ письмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи иностранной имѣющихся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкѣ до плафрока дитячого 9 к. Въ ночь посланъ въ ссилгу Петръ Мировичъ.¹⁸⁹⁾

26. Весь день пробавилъ въ квартирѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ данного, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Иванову, справлены копіи къ дѣлу¹⁹⁰⁾. На перевозъ пошло 7 к.

¹⁸⁹⁾ См. примѣч. 142.

¹⁹⁰⁾ Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь мастьность > на рангъ < своего судейства и дозавъ, что одиъ изъ его предѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами > на рангъ <, т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 732 г.

28. За шите у шафрочка Василковаго петель даны 5 к., за футро до тогожь шафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховскаго, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ письмо въ Москву до сотника голтвянскаго, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государини цесаревны Екатерины Ивановны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея императорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государини царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Вышовши зъ коллегіи иностранной, былъ у преосвященнаго іркутскаго и у полковника Вишневаго. На перевозъ пошло 9 к. Письмо до сотника голтвянскаго въ писмѣ до подванцеляриста Уріла одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшита сапоги и емуъ задату дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Інихову даны черныя шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноєврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іахимовича Кричевца, бурмистра кіевскаго, ради тезоименитства егѡ и у нихъ же ночовалъ, factus senebrgiatus.

2. Зъ Василевскаго острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него, зъ часть и болшь просидѣвъ, пришло до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москвы отъ Уріла, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жаловаѣ на кормъ и на квартиру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василевичъ о сыну Стефана Корсуна, которій въ Гданску учится¹⁶²⁾.

5. Были рано у графа и тутъ обѣднѣ слушали. За хлѣбъ бѣлый французкій 4 к. Отослано письмо къ сержанту Максимовичу

¹⁶⁰⁾ Степанъ Корсунъ—сначала сотникъ севецкій (мѣстечко Сенча, ляхвицкаго уѣзда), а потомъ—лубельскій полковой хоружій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣчныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помярокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки «Кіевской Старины» предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 8-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подписѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ газету „ДВЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія состав-ляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель *Ө. Г. Лебединцевъ.*

JAN 26 1938

